

UNIVERSITÀ
DEGLI STUDI
DI PADOVA

Università degli Studi di Padova
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari

Corso di Dottorato di Ricerca in
Scienze Linguistiche, Filologiche e Letterarie
Ciclo XXIX

**Г. И. Чулков: проблемы научной биографии писателя
с 1879 г. до Октябрьской революции
(на материале неизданной семейной переписки 1901-1938 гг.)**

Coordinatore: Ch.ma Prof.ssa Annalisa Oboe

Supervisore: Ch.ma Prof.ssa Claudia Criveller

Dottoranda: Chiara Rampazzo

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	1
Раздел первый. Теоретическая часть	4
1.1 Научная биография писателя как исследовательский предмет	4
1.2 Научная биография Г. И. Чулкова: проблемы, истоки, композиция	26
1.2.1 Актуальные проблемы построения жанра научной биографии	26
1.2.2 Особенности научного биографирования Г. И. Чулкова	31
1.3 Источниковедение научной биографии Г. И. Чулкова	36
Раздел второй. Г. И. Чулков: Жизнь и творчество с 1879 г. до Октябрьской революции	52
2.1 Детство и юность писателя (1879-1890 гг.)	52
2.2 Гимназия (1890-1898 гг.)	60
2.3 Университет и общественно-политическое увлечение (1898-1902 гг.)	66
2.4 Сибирская ссылка (1902 г.)	80
2.5 Под гласным надзором. Нижний Новгород (1903 г.)	91
2.6 Годы «учения» 1904-1905 гг.: журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни»	103
2.6.1 Переезд в Петербург и работа в «Новом пути» (1904 г.)	105
2.6.2 Закрытие «Нового пути», возникновение «Вопросов жизни» (1905 г.)	112
2.6.3 О концепции нового современного театра	124
2.6.4 Революция 1905 года – восприятие бывшего революционера	139
2.7 Годы «учения» 1906-1909 гг.: альманахи «Факелы» и «мистический анархизм»	141
2.7.1 Альманахи «Факелы» и участие в других периодических изданиях	145
2.7.2 Отдельные публикации произведений. Обстоятельства 1909 г.	183
2.7.3 Мистический анархизм Г. И. Чулкова	194
2.7.4 История отношений Г. И. Чулкова с Андреем Белым	203
2.7.5 Любовь Дмитриевна Блок-Менделеева в жизни Г. И. Чулкова	210
2.8 Годы странствий 1910-1916 гг.: Европа, Россия и Первая мировая война	216
2.8.1 Странствия по Европе: 1910 и 1911 гг.	230
2.8.2 Анна Ахматова в жизни Г. И. Чулкова	242
2.8.3 «Возвращение на родину»: 1912–середина 1914 гг.	250
2.8.4 Швейцария и начало Первой мировой войны	260
2.8.5 Служба на фронте: 1-й передовой сибирский отряд Союза Городов	275
Список использованной литературы	292
Приложения	341
Автобиографические документы	341
Переписка Г. И. Чулкова – Н. Г. Чулковой 1901-1938 гг.	373
Иллюстрации	815
Abstract	826

Введение

«[...] биографа интересуют не литературные реминисценции и влияния, а сама жизнь, которая внушила поэту эту вольную и, как он сам думал, романтическую трагедию. За видимой объективностью в изложении событий и в характеристике действующих лиц таилась страстная душа автора, готовая, как эхо, откликаться на все впечатления бытия»¹.

Георгий Иванович Чулков (1879-1939) – прозаик, поэт, драматург, журналист, редактор журналов и альманахов, переводчик, теоретик литературы, театральный критик, биограф, мемуарист, иными словами, один из активнейших участников русской литературной жизни XX века. Не будучи одарен первостепенным художественным талантом, Чулков был отмечен трудолюбием в литературной деятельности и тонким чувством времени и общества, что позволило ему занять важное место в российском литературном процессе. Однако, начиная со второй половины XX века, его имя несправедливо ушло в забвение. Только в последние десятилетия прошлого столетия творчество писателя стало объектом внимания многочисленных научных публикаций. Достаточно здесь упомянуть исследовательские труды М. В. Михайловой, посвятившей художественному наследию Чулкова десятки крупных статей и очерков (см., например, первую публикацию повести «Вредитель» и пьесы «Душенька», или переиздание таких основных работ, как книга мемуаров писателя «Годы странствий» или биографическое исследование «Жизнь Пушкина»²). Недавно было впервые опубликовано одно из самых значительных литературоведческих трудов Чулкова, которое ему так и не удалось опубликовать при жизни, его второе крупное биографическое исследование, посвященное Ф. М. Достоевскому и озаглавленное «Жизнь Достоевского»³.

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что до сих пор отсутствует полное научное биографическое исследование, посвященное жизни и творчеству Г. И. Чулкова. Существуют справочные заметки, энциклопедические и словарные статьи, но научная биография писателя еще не была написана. Между тем особая значимость его биографии

¹ Г. И. Чулков, *Жизнь Пушкина*, М., 1938, стр. 149.

² М. В. Михайловой принадлежит заслуга возвращения имени Чулкова читательской аудитории. Она не только посвятила творчеству писателя десятки крупных статей и очерков, вновь издала отдельные его книги («Годы странствий», М., 1999; «Жизнь Пушкина», М., 1999), но также и опубликовала ранее неизданные произведения, возвращая его имя из небытия. Среди них можно отметить в качестве примера повесть «Вредитель» (Г. И. Чулков, «Вредитель» [пред. и первая публ. повести М. В. Михайловой] // «Знамя», 1992, № 1, стр. 127-154), стихотворения поздних лет, собранные в книге «Тайная свобода: стихотворения из неизданных книг (1920-1938)», пьесу «Душенька» (Г. И. Чулков Он же, «Душенька» [пред. и публ. пьесы М. В. Михайловой] // «Современная драматургия», 2010, № 3, стр. 210-232). С полным списком публикаций М. В. Михайловой, посвященных личности Чулкова, можно ознакомиться в конце диссертации.

³ Г. И. Чулков, *Жизнь Достоевского* [сост. подг. текста, коммент. и вступит. статья О. А. Богдановой], М., 2015.

заключается в том, что она документально подтверждается его воспоминаниями, изданными и неизданными, а также обширным эпистолярным наследием, которое становится незаменимым источником сведений не только о его личной жизни, но и об истории современной ему эпохи. Целью работы является создание научной биографии Чулкова с 1879 до Октябрьской революции. Обозначенные хронологические рамки определяются тем, что период жизни писателя, начинающийся со второй половины 1917 года и вплоть до его кончины, произошедшей в начале 1939 года, нуждается в подготовке специальной документальной базы, в дополнительных архивных разысканиях (связанных с тем, например, что Чулков стал членом Государственной Академии Художественных Наук) и в поиске еще не открытых биографических материалов.

Данная работа состоит из трех частей. В первой представлено теоретическое обоснование основополагающих аспектов жанра научной биографии писателя, а во второй – биография Чулкова с 1879 до Октябрьской революции. В третью часть включены публикующиеся впервые источники, которые послужили ключевым материалом для создания научной биографии писателя: семейная переписка Чулковых (1901-1938 гг.) и различные авто-биографические документы (автобиографии, биографии, curriculum vitae, воспоминания). Перед нами была поставлена задача воссоздания целостного образа писателя-человека в полном соответствии с его личной и творческой эволюцией. В ходе написания научной биографии Чулкова мы придерживались принципа неотделимости индивидуальной личности писателя от творческой работы, отводя большое место анализу его художественной деятельности в непрерывной связи с его внутреннем становлением. В теоретической части мы проанализировали, в первую очередь, степень изученности и разработанности в научных исследованиях проблемы определения жанра научной биографии, уделяя прежде всего внимание русской академической среде. Центральными в этом отношении стали работы А. Л. Валевского («Основание биографики», «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла») Г. О. Винокура («Биография и культура»), А. А. Демченко («Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков: Н. Г. Чернышевский»), В. М. Жирмунского («Введение в литературоведение»), В. Я. Лакшина («А. Н. Островский. Проблемы научной биографии»), И. Я. Лосиевского («Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии»), Ю. М. Лотмана («Биография – живое лицо», «Литературная биография в историко-культурном контексте», «Сотворение Карамзина»), Е. Г. Местергази («Теоретические аспекты изучения биографии писателя»), Б. В. Томашевского («Литература и биография»), А. А. Холикова («Биография писателя как жанр»). Мы предложили методологический обзор руководящих принципов построения научной биографии писателя (подготовка документальной базы,

всестороннее изучение фактов, их отбор и т.п.) и вслед за этим объяснили концепцию построения предложенной нами биографии Чулкова. Теоретическая часть завершается подробным изложением проделанной для создания научной биографии Чулкова источниковедческой работы. Представлены результаты подготовки документальной базы, к которой были отнесены все материалы, использованные для практической части работы. Это, прежде всего, архивные первоисточники (автобиографии, биографии, воспоминания, эпистолярное наследие), а также уже опубликованные мемуарные и эпистолярные материалы.

Большой интерес представляет до сих пор неизданная семейная переписка Чулковых. Этот источник, состоящий из более тысячи четырехсот автографов (около восьмисот писем), был нами извлечен из фондов государственного архива РГАЛИ, полностью перепечатан и снабжен краткой текстологической преамбулой. Переписка является документальным материалом большого значения, поскольку она позволяет детально исследовать оставшиеся до сих пор неизученными биографические эпизоды (например, служба писателя на фронте во время Первой мировой войны). Были также рассмотрены другие неизданные эпистолярные источники (около трехсот писем Чулкова к Л. М. Лебедевой, переписка Чулкова с Вяч. Ивановым) и сохранившиеся в архивных фондах авто-биографические материалы.

Во второй части работы мы создали научную биографию Чулкова. Личность писателя нас интересовала на бытовом и сверхбытовом уровне, т.е. в ее взаимосвязи с литературным творчеством. Особое внимание мы уделили рассмотрению малоизученных аспектов жизни и творчества писателя, такие как политическая ангажированность и революционная деятельность, приведшие его к четырем годам ссылки в Якутскую область, переосмысление теории «мистического анархизма» и выдвижение концепции «реалистического символизма». Повествование следует хронологическому порядку, однако в определенных случаях, – т.е. при рассмотрении ключевых вопросов, связанных с эволюцией миропонимания, с истоками художественных произведений, с развитием личных отношений и т.д. – был избран другой, синхронический подход. Согласно принципам написания научной биографии, все биографические сведения сопровождаются точными ссылками на источники, указывается дополнительная литература по уже изученным темам (например, о «мистическом анархизме»), соблюдается «режим» объективности, т.е. не допускается авторский вымысел без подтверждения фактов на основе первоисточников.

В приложениях представлена в полном объеме семейная переписка Чулковых, избранные автобиографические документы и иллюстрации.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Глава 1.1

Научная биография писателя как исследовательский предмет

В данной главе основной целью является теоретическое осмысление жанра научной биографии, т.е. как она конкретизировалась, как предмет научных исследований, в академической среде, с учетом особенностей теоретических знаний, сформировавшегося в русском академическом обществе. Возродившийся на рубеже XX и XXI столетий, термин «биографика» определяет самостоятельную, сравнительно молодую научную дисциплину, стремящуюся к совокупности «философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции»¹.

На самом деле, биография, как историко-литературное явление, обладает едва ли не тысячелетней традицией, и своими корнями уходит в далекое прошлое, в историю культур еще дохристианской эпохи: появление первобытных надгробных надписей, в качестве отличительного знака, например, в египетской ритуальной практике, можно назвать как одно из первых конкретных свидетельств биографического жанра в сущности². Памятники биографического жанра появились и в античной эпохе, в древней эллинской и римской классике – достаточно упомянуть такие произведения, как «Параллельные жизнеописания» Плутарха, или «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, или сочинения Диогена Лаэртца, Тацита, и т.д. С. С. Аверинцев относит предысторию биографического жанра к IV веку до н.э., т.е. когда созрел: «интерес к жизни индивида, как принадлежащей этому индивиду и от его личных и частных свойств обретающей связность и цельность своего сюжета»³. По мнению Аверинцева, в основе биографий христианской эпохи лежит именно та линия биографического повествования, воплощающаяся в греческой и латинской традиции жизнеописания литераторов, ученых, художников или монархов и властителей государств и

¹ И. Л. Беленький, «Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции» // *История через личность* [под ред. Л. П. Репиной], М., 2005, стр. 37-54; здесь стр. 38.

² Ср., например: Н. Рыбников, *Биографии и их изучение*, М., 1920, стр. 3; Я. Кумок, «Биография и биограф» // «Вопросы литературы», 1973, № 10, стр. 18-32; здесь стр. 29.

³ С. С. Аверинцев, «Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии» // *Плутарх, Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1.*, М., 1994, стр. 638. Наряду с этим популярным изданием, необходимо сослаться на книгу Аверинцева *Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*. М., 1973.

городов. Также М. М. Бахтин, проведя краткий обзор античных автобиографических и биографических форм, выделяет тип биографического повествования, имевшего огромное влияние на развитие европейской литературы, и, в частности, европейского романа⁴. В основе этих форм лежит «новый тип *биографического времени* и новый специфический построенный образ человека, проходящего свой *жизненный путь*»⁵. По мнению критика, античная биография построена по примеру «энкомион», гражданской надгробной и поминальной речи, хотя она не являлась оконченной формой литературно-книжного характера – это были гражданско-политические акты, направленные на прославление или публичное декламирование событий, касающихся реальных людей. Развитие биографического письма продолжалось и в последующих эпохах. В Средневековье уже появляется новый тип жизнеописания – житие святых, благодаря которым возникает новая область агиографической литературы. В России, биографическая традиция начала развиваться именно с появлением, на культурной сцене страны, жанра житийного повествования. Основным на этом этапе развития жанра становится стремление отразить, наряду с историографическими данными, особенности биографируемой личности, что позволяет говорить о внесении аспектов психологического изучения в биографическую практику. В эпохе Возрождения произведения, подобно тем, которые реализовал Джорджо Вазари, расширяют ракурс биографического анализа, поскольку переносят внимание на социальные качества человека и на его общественное восприятие. Начиная с XVIII века интерес к литературным произведениям биографического характера в значительной мере вырос, а, вместе с ним, возросло и внимание, уделяемое их авторам. По мнению Ю. М. Лотмана, с этого времени «проблема писательской биографии встала, естественно, с особенной остротой»⁶.

В XVIII веке появляются первые опыты создания произведений, посвященных биографиям писателей: в России, например, в 1772 году был опубликован «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий», созданный Николаем Новиковым⁷, в котором были собраны краткие биографические справки о писателях; в 1801 году вышла первая часть

⁴ М. М. Бахтин, «Античная биография и автобиография» // Он же, *Эпос и роман*. СПб., 2000, стр. 58-74.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Ю. М. Лотман, «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» // *Труды по русской и славянской филологии. Литература и публицистика: проблемы взаимодействия* (Ученые записки Тартуского государственного университета), 1986, вып. 683, стр. 106-121; здесь стр. 112. Данная работа Лотмана продолжает развивать дискуссию относительно ранее поднятого Борисом Томашевским (см.: Б. В. Томашевский, «Литература и биография» // «Книга и революция», 1923, № 4 (28), стр. 6-9) вопроса о писателях «с биографией» и писателях «без биографии».

⁷ Н. И. Новиков, *Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собран Николай Новиков, М., 1772, 128 с.*

книги «Пантеон российских авторов», подготовленная Н. М. Карамзиным⁸; в 1805-1807 годах Е. А. Волховитинов ежемесячно публикует, в журнале «Друг просвещения», серии «Новый опыт исторического словаря о российских писателях», затем, в 1818 году, ставший уже Киевским митрополитом Евгением, издает «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви»; в 1845 году, уже после смерти митрополита, вышел в двух частях «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России». В этот период появляются также первые работы, затрагивающие теоретические вопросы, связанные с жанровым определением биографии⁹. В середине XIX века отмечается, например, появление первой персональной монографии, посвященной биографии писателя – книга «Фонвизин», составленная князем П. А. Вяземским и опубликованная в 1848 году. Изучение биографии писателей было также включено в школьные образовательные программы, предусматривая для уроков такого вида большую воспитательную функцию. Во второй половине XIX века выходили серия «Материалы к биографии», многотомные издания «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)»¹⁰ и «Русский биографический словарь», состоящий из 25 томов¹¹. В первом десятилетии XX века, под редакцией историка литературы и библиографа С. А. Венгерова, выходило многотомное издание «Русская литература XX века. 1890-1910», содержащее серии биографий и автобиографий выдающихся деятелей русской культуры¹². Все это свидетельствовало о том, что к началу XX века биографические труды и, в том числе, биографии писателей, занимали одно из центральных мест на общественно-культурной сцене страны¹³.

Теоретические вопросы построения биографии, как научно-исследовательский предмет, начали получать методологическое изложение, начиная с первых десятилетий XX века. Впервые заговорил о биографических исследованиях в научном обороте психолог Н. А.

⁸ *Пантеон российский авторов: часть первая.*, М., 1801-1802, 104 с.

⁹ Ср., например: «*Биография* или жизнеописание есть повествование о судьбе, поступках и свойствах какой-нибудь знаменитой особой» // А. Ф. Мерзляков, *Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических*, М. [4-е изд.], 1828, стр. 74.

¹⁰ Издание осталось незавершенным; вышло всего 6 томов с 1889 по 1904 гг., под руководством С. А. Венгерова.

¹¹ «Русский биографический словарь» был издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова, с 1896 по 1913 гг.

¹² В книгу включены автобиографические и биографические очерки русских писателей эпохи «переоценка ценностей» (напр. Л. Андреева, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Белого, В. Брюсова, З. Гиппиус, Б. Зайцев, М. Горького, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, Ф. Сологуб). См.: *Русская литература XX века. 1890-1910* [под ред. С. А. Венгерова], вып. 1-8, М., 1914-1916.

¹³ В конце XIX века началось издание серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве Ф. Ф. Павленкова, продолжавшей до 1915 года (до 1924 года с переизданиями) и выпускавшей около 200 биографий. Серия была возобновлена в 30-ые годы XX века по инициативе Максима Горького, сначала в журнально-газетном объединении, а потом уже в издательстве «Молодая Гвардия». Подробнее см.: Г. Е. Померанцева, *Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии*, М., 1987, 336 с.

Рыбников, опубликовавший, в 1918 году, работу, озаглавленную «Биографический институт». В брошюре автор утверждал, что «*систематическое, всестороннее научное изучение возможно большего числа биографий* – вот задача, которую выдвигает современность в качестве очередной проблемы»¹⁴. Для выполнения этой задачи Рыбников предлагал (с этим же проектом он выступил еще в 1916 году в ряде других статей) создание особой организации, так называемого «Биографического института», «который бы взял на себя собирание и изучение всевозможных документов, относящихся к жизни деятелей на различных поприщах (как прошлого, так и настоящего)»¹⁵. В следующей теоретической статье «Биографии и их изучение», изданной им в 1920 году, Рыбников уже открыто говорил о научном подходе к изучению биографического материала, который он характеризует, как «биографический метод»¹⁶. Рыбников считает, что научное изучение биографии представляет собой интерес не исключительно для исторической науки, а «со стороны формы биография начинает подчиняться требованиям, выдвигаемым научными методами. Она уже не ограничивается простым перечислением фактов в жизни описываемого лица, она должна создавать целый образ данной личности, его внутренней духовной стороны. Поскольку же биография имеет дело с человеческой личностью – она может представлять научный интерес и со стороны содержания, т.е. стать объектом исследования для наук, с той или иной стороны изучающих эту личность»¹⁷. Хотя Рыбников считал биографический метод применяемым ко всем отраслям гуманитарной науки, на самом деле основное значение он сыграл именно для психологической и педагогической наук. С точки зрения литературоведческого анализа,

¹⁴ Н. А. Рыбников, *Биографический институт*, М., 1918, стр. 8.

¹⁵ Там же, стр. 15. В конце концов, создание «Биографического института» не осуществлялось. Несмотря на то, что первый проект создания института был подан в Наркомпрос очень рано (еще в 1918 году), после двухлетних размышлений, Рыбакову было сообщено, что «организация Биографического института, как отдельного учреждения, является несвоевременной за отсутствием денежных средств». Цит. по: А. Эткинд, «Биографический институт: Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова» // «Лица: Биографический альманах», 1996, № 7, стр. 419-426; здесь стр. 424.

¹⁶ О необходимости использования «биографического метода» в литературоведческой практике теоретизировал еще в XIX веке Шарль Огюстен Сент-Бев (1804-1869). Сам автор дал повод определить свой критический метод, как биографический, т.к. он неоднократно указал на важность изучения биографии творца для выявления особенностей его индивидуальности, которые, в конце концов, непосредственно отражаются в его литературных творениях: «Литература, литературное творение неотличимы или, по крайней мере, неотделимы для меня от всего остального в человеке, от его природы [...] познать и познать как можно основательней каждого нового человека, в особенности если человек этот – яркая и прославленная личность, – вот насущное дело, которым отнюдь не следует пренебрегать» // Ш.-О. Сент-Бев, «Из работ разных лет» // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе* [сост. и общ. ред. Г. К. Косикова], М., 1987, стр. 39-53; здесь стр. 40-41. Сент-Бев отметил некоторые пункты, фундаментальные для восстановления живого облика писателя: 1) рассмотрение писателя на его родной почве, собирание как можно больше сведений об его единокровных родственниках; 2) образование и воспитание; 3) определение первого круга общения, первых групп людей и современников, с которыми автор оказался на одном уровне; 4) изучение творческой деятельности полностью, т.е. в соответствии с окружающими обстановками; 5) наряду с этим, необходимо учесть и так называемый момент «падения», когда человек начинает увядать и его качество тускнеют. Подобная широта требований необходима для постижения целостного образа изучаемой личности.

¹⁷ Н. А. Рыбников, *Биографии и их изучение*, М., 1920, стр. 3.

попытка Рыбникова оказалась весьма узконаправленной. Стоит отметить, что, наряду с исследовательской и издательской деятельностью, в «Биографическом институте» Рыбникова проводились также занятия и семинары по биографиям, цель которых была ознакомить исследователей «с методами изучения биографического материала»¹⁸.

В двадцатые годы XX столетия были почти одновременно опубликованы две работы, формулировки которых являются центральными в процессе определения жанра биографии. Первая – статья Б. В. Томашевского «Литература и биография», появившаяся на страницах журнала «Книга и революция» в 1923 году¹⁹. В этой небольшой по объему статье Томашевский рассматривал вопрос о соотношении биографии и творчества писателя, формулируя его в терминах «нужна ли нам биография поэта для понимания его творчества или не нужна»²⁰. При этом ученый ограничивает свой анализ сферой «литературных функций» биографии, т.е. в контексте, когда биография понимается исключительно как «спутница» художественного произведения. По мнению ученого, начиная с XVIII века, история литературы избавилась от усвоенного ей до того времени безбиографизма и, постепенно, писатели начали строить, наряду со своими произведениями, общественную биографию («искусственную биографию-легенду»), неотделимую от литературного наследия. По мысли Томашевского «историку литературы чрезвычайно важно заняться реставрацией этих легенд, очищением их от позднейших наслоений и приведением к чистому “каноническому” виду»²¹. К середине XIX века появились, по мнению ученого, писатели без биографии, чей пройденный жизненный путь ничуть не раскрыл смысл их произведений. Это биография частного лица, интересная для историка культуры, но не для историка литературы. Интерес к личности автора снова вырос в начале XX века, когда на смену писателям без биографии явились писатели, с новыми требованиями относительно их личной жизни: возникают интимные, лирические биографии, вплоть до монументально-декларированных, как в случае с футуристами. В конце своей работы Томашевский приходит к выводу, что решение этого вопроса не однозначно: учет жизненных фактов для писателей с биографией является неотъемлемым условием для

¹⁸ Н. А. Рыбников, *Изучение биографии: (Темы семинария, указатель литературы)*, М., 1922, стр. 3. Семинары были посвящены разным темам: «Биография как объект научного изучения», «Психологический метод изучения биографий», «Психоанализ и биографии», «Биографический метод в изучении психологии творчества», «Автобиографии, методы их изучения, их достоверность», «Жития святых как биографический материал», «Биографический метод в изучении форм литературного произведения», «Генеалогия как биографический материал», «Биографии и история», «Типы биографов и влияние предвзятых теорий», «Биографы классической древности», «Плутарх как биограф», «С. А. Венгеров и его предшественники, работа их, как биографов русских писателей», «Гершензон и его биографические работы», «Русские биографические словари», «Этапы человеческой жизни по данным биографий», «Биография и иконография», «Письма как биографический материал», «Семейные архивы как биографический материал», «Мемуары как биографический материал», «Дневник как биографический материал» // Там же, стр. 3-14.

¹⁹ Б. В. Томашевский, «Литература и биография» // «Книга и революция», 1923, № 4(28), стр. 6-9.

²⁰ Там же, стр. 6.

²¹ Там же, стр. 8.

историка литературы (ученый подразумевает здесь биографию-легенду), в то время как документальные биографии он классифицирует, как, хотя и необходимый, но справочный, подсобный материал, который можно перенести в область истории культуры.

Более основательный опыт методического изложения принципов построения произведений биографического жанра был выдвинут во второй работе, появившейся в середине XX века. Автор работы – лингвист и литературовед Г. О. Винокур. Первоначальное осмысление вопросов биографии было синтезировано в тезисах доклада «Биография как научная проблема», прочитанного в Москве 13 октября 1924 года: здесь исследователь утверждал, что: «биография, поскольку она претендует на значение самостоятельной научной дисциплины, должна обладать собственным и специфическим предметом, одновременно эмансипируясь от смежных и посторонних областей знания. Биография, в противовес обычному пониманию, есть проблема не психологическая, а культурно-историческая, и имеет своим предметом историю индивидуальной жизни личности, включая в поле своего изучения все признаки (интеллектуальные, психические, психофизические и т. п.), с которыми личность вообще дана в истории культуры»²². Предметом биографии он называл научное описание различных форм истории личной жизни, примыкающее, ввиду своей натуры, к филологической области, причем на границе с исторической наукой: «овладение источниками биографии возможно лишь путем интерпретации исторических памятников»²³. На заявленный год раньше Томашевским вопрос о применении биографических исследований к литературоведческой работе Винокур решает отрицательно: «Вопрос об обратном соотношении между наукой о литературе и биографией, т. е. о литературном памятнике как источнике биографии, – должен быть решен отрицательно, поскольку литература понимается нами не только как исторический документ, но и как предмет искусства, эстетический, обладающий в силу этого бытием фиктивным и условным, а потому и не могущий служить материалом исторических исследований»²⁴.

В расширенной версии работы «Биография и культура», опубликованной в 1927 году, «Биография и культура», Винокур определяет природу биографических исследований как чисто историческую: «Личная жизнь как предмет науки и изучающая ее биография находятся, следовательно, в рамках истории и исторической науки»²⁵. Исследователь отметил, что объектом изучения становится то «единство, неразрывное и всегда присутствующее, в каком вся эта мешанина наблюдений, фактов и догадок, вместе со всеми иными возможными, дана

²² Г. О. Винокур, *Биография и культура. Русское сценическое произношение*, М., 1997, стр. 11.

²³ Там же, стр. 11.

²⁴ Там же, стр. 13.

²⁵ Г. О. Винокур, *Биография и культура*, М., 2007, стр. 19.

нам в истории»²⁶. Биография, с точки зрения ученого, соотносит свой контекст с социальной действительностью – это и составляет тот «внешний» материал, из которого строится биография, а личность в ее развитии становится той формой, к которой этот материал относится. Критерием отбора биографического материала служит, в понимании Винокура, то условие «переживания», через которое все исторические факты должны были пройти, для того, чтобы стать фактом биографическим: «*Переживание* и есть та новая форма, в которую отливается анализируемое нами отношение между историей и личностью: становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл»²⁷. Ученый полагает, что переживание является «внутренней» формой биографической структуры.

Позднее, в статье, вышедшей в свет в 1937 году, Винокур отметил существующие отличия между биографией и биографической работой²⁸, заключающиеся в уровне полноты изображаемого героя, в степени целостности описываемой личности: «Существенная особенность настоящей биографии заключается в том, что она является законченным изображением жизненного пути своего героя [...] Биографическое исследование может отличаться большой содержательностью и глубиной, оно может представлять выдающийся научный интерес – и все же оно не будет биографией в подлинном смысле этого термина, если читатель не найдет в нем законченного образа героя во всей полноте его жизненной судьбы»²⁹. В заключение ученый признавал, что биография – это особенный вид литературного искусства и, следовательно, талант биографа – особый художественный талант.

В 20-е и последующие годы начала приобретать большое распространение также социалистическая и марксистская критика, внимание которой было обращено на изучение классовой и социальной направленности искусства. Перенос точки зрения на другой объект исследования (от индивидуальности автора к реализации самого произведения) привело к значительному ослаблению интереса в литературоведческой практике по отношению к роли автора и его собственной биографии. Например, В. Ф. Переверзев, в работе 1929 года «Проблемы марксистского литературоведения», указал, что: «Для научного осмысления литературных явлений бесполезно копаться в личной биографии писателя, потому что не в личности писателя кроется тайна стиля. Также бесполезно копаться в так называемом “окружении”, в тех явлениях, событиях, лицах, которые служили “натурой”, “прототипом”, “моделью для художника”»³⁰. Этот подход к изучению личности автора отразился и в воспитательном процессе, поскольку биографии были исключены из образовательных

²⁶ Там же, стр. 18-19.

²⁷ Там же, стр. 37.

²⁸ Г. О. Винокур, «Ранние биографии Пушкина» // «Книжные новости», 1937, № 1, стр. 16-19.

²⁹ Там же, стр. 16.

³⁰ В. Ф. Переверзев, «Проблемы марксистского литературоведения» // «Литература и марксизм», 1929, II, стр. 21.

программ. Не все приверженцы социалистических теорий были, однако, согласны с таким категоричным суждением: позиция П. Н. Сакулина, например, отличалась от основных тенденций, в ней ученый подчеркивает важность связи между индивидуальной личностью автора и общественной средой, отмечая: «При всей зависимости от “среды”, у поэта есть своя, творческая личность. Историк литературы не может игнорировать этого. Наоборот, он должен глубже входить во внутреннюю жизнь писателя [...] Таким путем мы не только получаем материал, нужный для литературно-социологических построений, но и правильнее поймем весь ход творческой работы: перед нами раскроются все этапы внутренней эволюции писателя»³¹.

В 30-е годы, когда тезис о несущественности авторской личности в изучении произведений литературы встречал еще большую поддержку среди критиков, защитником противоположного мнения, т.е. сторонником изучения биографии писателя выступал Д. Д. Благой. В статье 1934 года «Проблемы построения научной биографии Пушкина», ученый утверждал, что изгнание изучения биографии писателя из области литературоведения являлось неразумным результатом неправильного подхода к анализу проблемы и, к тому же, высказал один из главнейших принципов построения научной биографии писателя: «Игнорировать в биографии поэта творческую сторону его жизни – значит игнорировать главное»³².

В декабре 1945 года в Институте русской литературы (Пушкинский дом) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь и творчество Лермонтова. Детство и отрочество» В. А. Мануйлов. Эта была первая диссертация, посвящена теме научной биографии писателя³³. В 1965 году научная биография уже определилась, как «назревшая задача истории литературы»³⁴. В. Ф. Бельчиков до той поры перечислил немногочисленные написанные научные биографии писателей³⁵, выделяя следующие отличительные признаки создания биографии научного типа: «Все эти научные биографии созданы в результате долголетних трудов. Основанные на обширных материалах, почерпнутых из работ предшественников и обнаруженных самими исследователями в итоге поисков и разысканий в архивах, забытых

³¹ П. Н. Сакулин, *Социологический метод в литературоведении*, М., 1925, стр. 137.

³² Д. Д. Благой, «Принципы построения научной биографии Пушкина» // *Литературное наследство*. Т. 16-18, М., 1934, стр. 247-270; здесь стр. 269.

³³ Данные взяты из работы М. В. Скороходова «Сергей Есенин: Истоки творчества» // М. В. Скороходов, *Сергей Есенин: Истоки творчества*, М., 2014, стр. 87. Согласно автору, спустя несколько лет вышло второе исследование, центральной темой которого являлось изучение биографии одного из крупнейших представителей русской литературы XIX века, В. Г. Белинского. См.: В. С. Нечаева, В. Г. Белинский. *Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1801-1830*, М., 1949.

³⁴ В. Ф. Бельчиков, *Пути и навыки литературоведческого труда*, М., 1965, стр. 277.

³⁵ Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов. *Биография 1814-1832, т. 1*, М., 1945; С. А. Макашин, *Салтыков-Щедрин. Биография, т. 1*, М., 1949.

журналах, публикациях, они признаны ценными исследованиями. В них читатель находит освещение многих важных проблем, переоценку устаревших положений и взглядов, касающихся биографии и произведений писателя, проведенных на основании достоверных литературно-документальных источников»³⁶.

Вопросу об изучении биографии писателя уделял большое внимание также В. М. Жирмунский. Определив биографию писателя как один из «вспомогательных моментов»³⁷ в истории литературы, филолог выделяет три основных аспекта изучения биографии: «1) личная биография писателя, его переживания и отношение к творчеству; 2) социальная биография писателя; 3) литературная биография, то, что имеет отношение к литературной жизни писателя»³⁸. С его точки зрения, изучение биографии писателя – способ наблюдения за действительностью, способ познания его внешнего и внутреннего мира, одновременно биографический материал – сырой материал, который должен служить источником не только для прояснения литературного произведения («нецелесообразный подход»), но и для расширения представлений о личности писателя и о причинах его действий и поступков. Предостерегая от резких заключений, выдвинутых критикой марксистско-социалистического направления, Жирмунский, со своей точки зрения, вовсе не отрицает влияние общественной среды на развитие личности автора, однако считает, что необходимо воздерживаться от преувеличения значения классовой принадлежности писателя. Согласно его мнению, литературный аспект биографии важен для того, чтобы понять окружающий мир писателя, процесс формирования его мировоззрения: среди литературных документов фигурируют такие личные источники, как, например, дневники, автобиографии, переписки. Рядом с ними присутствуют документы общественного характера, как декларации, манифесты, брошюры, высказывания и т.д.: биографическая документация – пишет Жирмунский – «хотя и подлинная, хотя и восходящая к тому времени, когда жил писатель, всегда требует от нас исторической критики. Как всякий исторический документ, так и документ литературный требует к себе критического отношения»³⁹.

Обсуждение проблем биографического жанра продолжалось с новым подъемом в 60-е и 70-е годы: в 1959 году, например, была основана книжная серия «Научно-биографическая литература» (до 1991 года озаглавленная «Научно-биографическая серия») при издательстве Академии Наук СССР (с 1963 года преобразованном в издательство «Наука»), в рамках которой были выпущены, за 50 лет, более 500 изданий биографий выдающихся ученых. В

³⁶ В. Ф. Бельчиков, *Пути и навыки литературоведческого труда*, ук. соч., стр. 278.

³⁷ В. М. Жирмунский, *Введение в литературоведение: Курс лекций*, СПб., 1996, стр. 100.

³⁸ Там же, стр. 124.

³⁹ Там же, стр. 119.

1973-1976 гг., дискуссия распространилась на страницы журналов «Вопросы литературы»⁴⁰, «История СССР»⁴¹, «Детская литература»⁴² и газеты «Литературная газета»⁴³. Среди других рассматривался вопрос отличий между работами биографического типа (художественная/научно-художественная биография). Против создания в биографии писателя исключительно художественного образа выступал И. Л. Андроников, отмечавший, в статье «Ступени человеческого опыта»: «Автор строго научной биографии не только не ставит перед собой цели создать художественный образ, а, наоборот, старательно *избегает* этого»⁴⁴. Подобного мнения придерживалась Е. Муза: в научной биографии «нет места художественному вымыслу. Это вовсе не значит, что научная биография оперирует только неопровержимыми фактами: в ней присутствуют и свое, авторское, осмысление этих фактов, и любые предположения, догадки, гипотетические концепции, не говоря уже о главном – своем толковании личности героя»⁴⁵. Также В. В. Жданов подчеркивал преимущества научного исследования биографии: «Ее сила в документальности, в строгой достоверности фактов, которой не может быть там, где преобладает вымысел, хотя бы и правдоподобный, то есть родившийся на основе вполне реальных источников»⁴⁶.

О значении биографии в истории науки высказывался, в 1971 году, в рамках «XIII международного конгресса по истории науки», Фридрих Гернек, автор биографии Эйнштейна 1966 года, в прочитанном им докладе «Принципиальные соображения относительно научной биографии»⁴⁷. По мысли Гернека, задача научной биографии состоит в признании достоинства тех людей, которые своими поступками боролись за правильное решение тех или иных проблем. Ученый не ограничивает толкование термина биографии, как исключительно описание биографических данных, а соотносит его к раскрытию духовного мира биографируемого – что, в его понимании, связано с изучением внутренних психологических

⁴⁰ См., в качестве примера, выпуск № 10, 1973 г., «Вопросы литературы», раздел «Жизнь и деятельность: нерешенные проблемы биографического жанра» [Я. Кумок и др.], стр. 16-93; выпуск № 9, 1980 г., раздел «Книги о русских писателях в ЖЗЛ» [В. Сахаров и др.], стр. 179-251.

⁴¹ Итоги круглого стола «Биография как историческое исследование», состоявшегося в редакции журнала, были опубликованы в № 4 журнала 1970 г. См.: *Биография как историческое исследование [По материалам обсуждения в ред. журн. «История СССР»]* // «История СССР», 1970, № 4, стр. 231-242.

⁴² В майском выпуске журнала 1977 года были опубликованы материалы по обсуждению темы «Биографическая книга: проблемы и трудности жанра». См.: [Ю. Алянский и др.], *Библиографическая книга: проблемы и трудности жанра: [дискуссия о библиографическом жанре]* // «Детская литература», 1977, № 5, стр. 6-15.

⁴³ См. статьи, появившиеся в рубриках «Биографическая литература: были и небылицы» (1975-1976 гг.) или «Биографическая проза: границы вымысла» (1986 г.).

⁴⁴ И. Л. Андроников, «Ступени человеческого опыта» // «Вопросы литературы», 1973, №10, стр. 54-62; здесь стр. 57.

⁴⁵ Е. Муза, «Не занимательности ради» // «Литературная газета», 1975, № 37 (10 сентября), стр. 4. Исследователь определил жанр научной биографии, как «наиболее перспективный вид жизнеописания, располагающий большими и еще далеко не реализованными возможностями».

⁴⁶ В. В. Жданов, «Стихи, друзья мои, стихи!» // «Вопросы литературы», 1973, № 10, стр. 33-46; здесь стр. 37.

⁴⁷ Ф. Гернек, «Принципиальные соображения относительно научной биографии», М., 1971, 14 с.

особенностей персонажа. В докладе Гернек обращается к трем основным проблемам, касающимся изучения биографических исследований научного типа: 1) тип источников и их оценка – личные документы, во главе которых стоят письма, затем дневники и другие записи, архивные материалы, статьи и книги; 2) комплекс психологических факторов, эмоциональных акцентов, на фоне которых необходимо рассматривать жизненный путь героя; 3) цель научного исследования: ученый называет, наряду с вспомогательной и педагогической функциями, также «служение истине», которое должно «дать правдивое или, по крайней мере, близкое к действительности изображение определенной личности и таким образом способствовать более глубокому пониманию истории развития той или иной области науки»⁴⁸. Гернек также подчеркивает еще одно условие для работ биографического характера, т.е. стиль написания. По мнению исследователя, биограф должен уметь увлекательно представить результаты проведенной им работы «грамотным литературным языком».

В 1981 году в Саратовском университете А. А. Демченко защитил докторскую диссертацию «Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков: Н. Г. Чернышевский»⁴⁹. Еще до завершения данной работы, автор посвятил многолетние опыты изучению биографического и творческого наследия русского литератора, результатом которого стал ряд исследовательских работ⁵⁰. Одним из первых Демченко пытался сформулировать конкретное определение термина «научной биографии», мотивируя до сих пор узкое распространение жанра среди литературоведов и, в общем, исследователей, тем, что жанр не располагает достаточной систематичностью в разработанности ее методологии и терминологии⁵¹. Второй причиной непопулярности научной биографии ученый называет трудоемкость работы данного типа, требующей долгого исследования и изыска. В последней по времени работе, Демченко классифицирует научную биографию, как «обобщающее литературоведческое исследование жизни творца, построенное на документальной основе, осуществляемое посредством критического анализа источников и определяющее своеобразие личности художника в ее единстве с эпохой, общественной средой

⁴⁸ Там же, стр. 10.

⁴⁹ А. А. Демченко, *Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков: Н. Г. Чернышевский* [диссертация на соискание научной степени доктора филологических наук], Саратов, 1981, 340 с.

⁵⁰ Еще в 1978 году Демченко начал опубликовать, при издательстве Саратовского университета, научную биографию Чернышевского, состоящую из 4 частей, см.: А. А. Демченко, *Н. Г. Чернышевский: Научная биография: в 4 частей* [под ред. Е. И. Покусаева], Саратов, 1978-1994.

⁵¹ В «Краткой литературной энциклопедии», например, разновидности биографий только перечисляются: «Виды биографий разнообразны: она может быть научной, художественной, академической, популярной и т. д.» [А. Ю. Наркевич, «Биография» // *Краткая литературная энциклопедия. Т. 1: Аарне – Гаврилов*. М., 1962, стб. 620-621]; также в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» жанры биографии разделяются по степени «интерпретации событий жизни, их логического анализа, нравственной оценки и эмоционального освоения» в «художественной биографии (в ней субъективность автора, пристрастная трактовка выступает необходимой чертой стиля), научной, популярной и академической» // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* [гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин], М., 2001, стб. 91.

и творческим самовыражением»⁵². Кроме того Демченко подчеркивает, что биография писателя научного типа не является конечной точкой всех исследований о биографируемом авторе: «Никакое исследование не может принять на себя подобной задачи. В сложном процессе историко-литературного познания научная биография как монографический труд представляет один из перспективных способов исследования, стимулирующий более глубокое изучение жизни и творческого пути писателя»⁵³.

В том же 1981 году В. Я. Лакшин защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам научной биографии А. Н. Островского⁵⁴. Лакшин определил исследование такого типа, как «основанное на фактах, подвергнутых критическому изучению и документальной проверке, хронологическое исследование жизни автора в свете основного пафоса его творчества и идейно-художественной эволюции»⁵⁵. По мнению критика, основные жанровые характеристики, отделяющие научную биографию от остальных видов жизнеописания, наблюдаются в следующих аспектах: 1) личная жизнь автора и его творчество рассматриваются, как единое целое; 2) несомненное влияние окружающей среды на развитие индивидуальности биографируемого персонажа; 3) отсутствие художественного вымысла для выяснения неизвестных или недостаточно выясненных биографических эпизодов – реконструкция жизни персонажа должна быть всегда обоснована на максимальной полной документальной базе.

Таким образом, в конце XX века вопрос, связанный с определением жанра биографии, был еще весьма актуален. На протяжении нескольких десятилетий ученые сосредоточились над разными аспектами этой проблемы, посвятив целые «круглые столы»: биографические работы истолковывались и относились то к филологической, то к исторической наукам, их составление намечалось то психологическими, то социологическими методами. В середине 80-х годов тема заинтересовала Ю. М. Лотмана. В 1985 году, на страницах «Нового мира», ученый опубликовал статью «Биография – живое лицо», в которой рассуждал как, учитывая неотделимость жизни личности от ее творческого пути, все-таки необходимо соблюдать жанровые границы между биографией – под которой подразумевается жизнь личности, освещенную его творчеством – и монографией о творчестве, которую биография не может заменить, ввиду ее внутрижанровых особенностей⁵⁶. Лотман отличает сущность научной биографии от популяризованной путем сопоставления по принципу «жизненности

⁵² А. А. Демченко, *Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828-1858)*, М.-СПб., 2015, стр. 11.

⁵³ Там же.

⁵⁴ В. Я. Лакшин, *А. Н. Островский. Проблемы научной биографии*, М., 1981, 401.

⁵⁵ В. Я. Лакшин, *А. Н. Островский. Проблемы научной биографии* [Автореферат диссертации на соискание научной степени доктора филологических наук], М., 1981, стр. 3.

⁵⁶ Ю. М. Лотман, «Биография – живое лицо» // «Новый мир», 1985, № 2, стр. 228-236.

центрального образа»: «Биографическая монография научного типа может ограничиться документом [...] Автор научной монографии может ограничиться указанием, что о жизни Крылова на протяжении ряда лет нам практически ничего не известно. Автор беллетризованной биографии вынужден заполнить этот пробел»⁵⁷. Биограф, согласно заявлению ученого, должен уметь складывать все подобранные им документально-исторические сведения, создавая образ одной единой и живой человеческой жизни: его важнейшее средство – «владение инструментом психологического анализа», которое, однако, еще не вошло в научную литературоведческую практику. Рецензируя книгу А. Гартева «Леонардо да Винчи» Лотман указывает на прием, использованный автором книги, для построения облика гения – сфумато – как на успешное решение вопроса о воспроизведении образа персонажа в биографии.

В 1986 году была опубликована другая статья Лотмана, «Литературная биография в историко-культурном контексте»⁵⁸. В ней ученый как бы вернулся к начатой Томашевским полвека раньше дискуссии о «писателях с биографией» и «писателях без биографии» (это по терминологии Томашевского – Лотман пишет о «людях с биографией» и «людях без биографии»). Лотман вводит в эту тему понятие «право на биографию», которым далеко не каждый человек обладает и которое определяется, по мысли ученого, типологией культуры, вырабатываемой в определенной эпохе. Человек «с биографией» выделяется тем, что перед ним ставится выбор иного поступка, где, по нормативным кодам культуры, место для выбора нет: «там, где для человека рутинной нормой нет выбора и, следовательно, нет поступка, для “человека с биографией” возникает выбор, требующий действия, поступка [...] именно это выделяет человека и делает его “носителем биографии”»⁵⁹. Ученый отмечает, что возникновение литературных биографий относится, в русской литературе, к концу XVIII – началу XIX века. Именно в это время писатели начинают целенаправленно строить себе биографию; Лотман приводит пример Пушкина, для которого создание биографии имело столь же важное значение, как реализация художественного творчества. Сформировавшаяся концепция писательской биографии, по определению ученого, отличалась от понятия «биографической маски» тем, что она обладает «внутренней историей»: «биография – акт постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление. Только “искание истины” дает общественно-культурное полномочие создавать произведения, которые в контексте данной культуры могут восприниматься как ее тексты»⁶⁰.

⁵⁷ Там же, стр. 229.

⁵⁸ Ю. М. Лотман, «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)», ук. соч.

⁵⁹ Там же, стр. 108.

⁶⁰ Там же, стр. 116.

Спустя год Лотман опубликовал книгу, посвященную биографии Н. М. Карамзина. В предисловии он дал определение жанра биографической работы, создаваемой им – роман-реконструкции – выделяя характеристики, отличающие работу исследователя-реконструктора и исследователя-романиста, т.е. того, кому принадлежат права на создание биографического романа: «Но рано или поздно приходит биограф. Он тщательно собирает источники: листы книг, писем, дневников, листы воспоминаний современников. Но это не жизнь, а лишь ее отпечатки. Их еще предстоит оживить. И биограф становится реконструктором. Он встает на трудный и опасный путь воссоздания утраченного целого, реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущим в себе субъективную позицию своего создателя [...] Исследователь, вооруженный привычными навыками анализа документа, все время должен помнить о синтезе, соединять свои наблюдения в единое живое и целое. И методы работы у него синтетические – весь круг “наук о человеке” не должен быть ему чужд. Но и романист в необычном положении. Он не имеет права создавать – он должен воссоздавать [...] роман-реконструкция – особый жанр. Сюжет его создается жизнью и только жизнью. Домысел в нем не может иметь места, а вымысел должен быть строго обоснован научно истолкованным документом [...] у него есть одно существенное преимущество – стремление максимально приблизиться к реконструируемой реальности, к подлинной личности того, на ком он сосредоточил свое внимание»⁶¹. Согласно Лотману, биография получит положенное ей место в истории культуры, как только исследования исторического процесса и описания жизни индивидуальной личности будут восприняты, как равные, лишенные возможности существовать друг без друга.

В 2007 году была издана монография Е. Г. Местергази «Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин)». В первой части исследователь ведет подробное рассмотрение постановки проблемы писательской биографии сквозь работы ведущих ученых XX века⁶². Наряду с анализом трудов Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского и Г. О. Винокура, написанных в 20-е годы⁶³, большое внимание уделяется именно научным

⁶¹ Ю. М. Лотман, *Сотворение Карамзина*, М., 1987, стр. 12-13. Необходимо также упомянуть изданную в 1981 году работу Лотмана, посвященную биографии Пушкина и ставшую, на сегодняшний день, классикой жанра биографических исследований: Ю. М. Лотман, *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя*, Л., 1981, 255 с.

⁶² Е. Г. Местергази, *Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин)*, М., 2007, 160 с.

⁶³ Местергази выделяет присутствие некоей двусмысленности в терминологической формулировке Тыняновым понятия «литературной личности», которое может быть одновременно истолковано или как «личность литератора», или как «образ автора», исходящий из художественного произведения. По мысли исследователя, тыняновская идея «литературная личность» максимально приближается к понятию «образа автора». Несмотря на то, что в концепциях Тынянова и Томашевского существуют, по мнению автора, некоторые сходства (см. определение категорий «писатели без биографии», «биографический лиризм»), это не отменяет главного отличия между ними, т.е. то, что Томашевский рассматривает проблему литературной биографии в ином плане, как историко-культурный феномен. Понятия «литературная личность» у Тынянова и «литературная биография» у Томашевского вовсе не тождественны, поскольку Томашевский подразумевает под термином «литературной

изысканиям Ю. М. Лотмана. Местергази показывает, как концепции Лотмана о литературной биографии непременно сводятся к «поэтике бытового поведения», посредством которой ученый стремится выдвигать «идею особой, активной роли искусства в “моделировании” действительности»⁶⁴ и, в частности, в формировании биографии.

Особенно приметным в работе Местергази, как отметил А. А. Холиков, является личный вклад автора в классификацию типов «писателей с биографией», представляющий собой альтернативу системе предложенной Томашевским в 20-е годы. Исследователь выделяет три новых типа «писателей с биографией»: 1) литератор *ad litteram*, т.е. тот, чья биография, несмотря на все, не способна превышать значение художественного творчества этого писателя; к этой группе относятся такие писатели, как, например, Гете, Руссо, Байрон, Пушкин, Достоевский, Толстой, Солженицын и т.д.; 2) писатель, по отношению к которому слово «писатель» потеряло свою смысловую нагрузку, т.е. его произведения редко принадлежат к традиционным жанрам художественной литературы – чаще всего такие писатели плодovито предпочитали сочинить так называемую документальную литературу (дневники, письма, мемуары и т.п.). В качестве примера Местергази приводит имена Чаадаева, Станкевича, Печерина и др.; 3) писатель, вошедший в код памяти культуры лишь благодаря его собственной биографии. Это тип крайне редок, потому, что к нему относятся именно те писатели, чье творческое наследие оказалось, так или иначе, второстепенным, и в количественном, и в качественном отношении: их «усилия почти целиком сосредоточились на построении собственной биографии, на личной жизни, “превращенной в поэму”. Таких личностей было немало, особенно в эпохи романтизма и символизма»⁶⁵. Называются имена Петровской, графа Хвостова, князя Шаликова, поэта Баркова, хозяйки литературных салонов Софии Дмитриевны Пономаревой и Зинаиды Александровны Волконской⁶⁶.

В 90-е годы вопросы, связанные с изучением биографического жанра продолжали вызывать большой интерес среди теоретиков. В 1993 году было опубликовано исследование А. Л. Валевского «Основание биографики» и, вслед за этим, в 1995 году, появилась продолжающая и развивающая сформулированные раньше в книге положения статья

биографии» самостоятельное явление культуры, реализующееся «не только в художественном тексте, но и вне его» (стр. 18). Подобная трактовка понятия «биография» сходится с формулировкой, выдвинутой Винокуром, о биографии, как «личная жизнь в истории, истории личной жизни» (Г. О. Винонук, *Биография и культура*, укр. соч., стр. 22)

⁶⁴ Е. Г. Местергази, *Теоретические аспекты изучения биографии писателя*, укр. соч., стр. 26.

⁶⁵ Там же, стр. 38.

⁶⁶ Принадлежность к той или иной группе оказывается, все-таки, условие весьма неопределенное, ввиду «переходности» индивидуальных характеристик некоторых личностей (для примера цитируются фигуры Брюсова и Шкловского).

«Биографика как дисциплина гуманитарного цикла»⁶⁷. Характеризуя биографию, как «особый тип гуманитарного знания», Валевский впервые постулирует понятие биографики, как «дисциплины гуманитарного цикла», служащей «для обозначения теоретических и методологических особенностей практики биографического письма»⁶⁸. Согласно ученому, ключевым определением в теории биографии является понятие «индивидуальность»: возникшая в рамках европейского индивидуализма, наука о биографии стремится к реконструкции истории личностной индивидуальности. Под словом биографии, Валевский понимает «текстуальная представленность на языке данной культуры феномена личностной индивидуальности»⁶⁹. Ученый выделяет три важных составных науки: исследование фундаментальной структуры биографического знания; исследование основных понятий и процедур биографической реконструкции; определение ситуаций, составляющих биографический опыт. Неотъемлемые гуманитарные соответствия биографического знания Валевский идентифицирует в: а) текстуальность: жизнь становится предметом биографического повествования только после того, как она, в первую очередь, приобрела свою индивидуальную очерченность, а затем перевоплотилась в форму текста – свидетельства, воспоминания, архивные материалы и т.д.; б) идентичность: процесс самосознания личности, постоянно изменяющийся и реализующийся в зависимости от окружающих обстоятельств; в) предпосылание вопроса: вопросная стратегия биографа, состоявшая из правил для правильной интерпретации текстов, реконструкции их смысла и значения, обращения к экзистенциальным вопросам; г) игра: творческая индивидуальность представляет собой совокупность ролей и масок, позволяющую ей сохранить свой облик в разных контекстах. К тому же, биограф является соучастником игрового мира индивидуальности, поскольку биографическая интерпретация и есть также игровое действие.

Рассматривая жанровую классификацию биографических работ, Валевский фиксирует несколько видов биографий: энциклопедическая, историческая, портретная, художественная. Здесь ученый затрагивает важный для нашего обозрения аспект о научности биографии, задавая риторический вопрос «биография – это наука или искусство?»: «Приверженцами

⁶⁷ А. Л. Валевский, *Основание биографики*, Киев, 1993, 109 с.; Он же, «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла» // «Лица: Биографический альманах», 1995, вып. 6, стр. 32-68.

⁶⁸ А. Л. Валевский, «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла», укр. соч., стр. 32. В монографии И. Ф. Петровской, исследователь определяет биографику, как «науку о постижении жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности [...] биографика как специальная историческая наука включает в себя не только разработку теоретических проблем самой науки и закономерностей человеческой жизни, но и собственно биографическое знание: составление биографий и других видов биографических сведений (биографических текстов) и совокупность результатов этой деятельности». И. Ф. Петровская, *Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов*, СПб., 2003, стр. 12.

⁶⁹ А. Л. Валевский, *Основание биографики*, укр. соч., стр. 10.

концепции *биографии как науки* являются прежде всего историки, в том числе историки науки, литературы, философии. Научная биография [...] характеризуется следующими требованиями к биографическому повествованию: *во-первых*, ориентацией на строгую объективность изложения и объяснения биографического материала; *во-вторых*, основное исследовательское усилие биографа направлено на процедуру обобщения, типизации персонажа. Для научной биографии непререкаемой аксиомой является “чистота” интерпретации, в тексте должны отсутствовать какие-либо оценочные суждения со стороны биографа»⁷⁰. Исследователь указывает на эту двуликую сущность биографического знания, как на ту причину, отвечающую за туманность современных представлений о биографии: научная биография не может обойтись без средств художественной прозы так же, как и художественная биография должна соблюдать достижения современных гуманитарных дисциплин – выход из подобного порочного тупика показывает смещение смыслового центра высказывания от «биографии – наука *или* искусство» к «биографии – наука *и* искусство». Валеvский делает вывод: «Биографическое знание существует в особом мыслительном пространстве, которое далеко не исчерпывается тем набором измерений, который традиционно предлагает оппозиция “научности” и “художественности”. Автор биографической книги одновременно выступает и в роли ученого, и в роли писателя, но прежде всего он *биограф*, т.е. его замысел реализуется в том случае, если автор сумеет использовать возможности и особенности своего положения как биографа»⁷¹.

В 1998 году И. Я. Лосиевский опубликовал книгу «Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии», являющуюся одной из немногочисленных монографических книг, в названии которых уже четко обозначается проблема о современном представлении жанра научной биографии⁷². Лосиевский, как и Валеvский, использует понятие биографика, определив, что «как теория, методология и история этой особенной, документально-портретной литературы – сравнительно молодая наука, еще находящаяся в стадии своего формирования»⁷³, – по этой причине биографический текст интересует исследователя, прежде всего, как источник, а не как самостоятельное произведение, имеющее свою многовековую традицию и творческую историю. Позиция ученых сходится еще в одном положении: междисциплинарный характер биографического текста, т.е. утверждение о том, что биография есть смешанная форма научного и художественного изображения. Однако,

⁷⁰ А. Л. Валеvский, «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла», ук. соч., стр. 46.

⁷¹ Там же, стр. 49.

⁷² И. Я. Лосиевский, *Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии*, Харьков, 1998, 424 с. К числу книг, обращающих внимание на тему научной биографии можно также отнести недавно вышедшую монографию М. В. Скороходова «Сергей Есенин: истоки творчества», изданную в 2014 году.

⁷³ И. Я. Лосиевский, *Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии*, ук. соч., стр. 6.

Лосиевский уточняет позицию Валевского, конкретизируя его высказывания в формулировке: «учитывая, что речь идет о тексте, о литературном явлении: *биография – это произведение научно-художественной литературы*. А, значит, оно может стать предметом литературоведческого анализа»⁷⁴. По мнению ученого, научное творчество биографа имеет междисциплинарный характер, преобладание одного или другого направления всецело зависит от объекта исследования⁷⁵. Лосиевский отказывается называть биографию жанром, и предпочитает использовать словосочетание «биографическое письмо», поскольку, по его мысли, «нет возможности выделить объединяющее, собственно жанровые признаки таких разнородных литературных явлений, как академическая и научно-художественная биография, летопись жизни и творчества, не говоря уже о “биографической” повести или романе, которые нередко также относят к этому “жанру”»⁷⁶. В подтверждение собственных заключений, он ссылается на авторитетную формулировку С. С. Аверинцева, понимающего биографию, как «поздний и слабо конституированный “жанр”»⁷⁷.

Основной частью, «энергетическим ядром» биографического исследования автор считает творчество, литературное наследие писателя: факты жизни и творчество сливаются в одно единое целое, они дают биографу тот идеологический материал, позволяющий ему реконструировать биографию писателя. Лосиевский утверждает, что художественный мир писателя (художника, скульптора, музыканта и т.п.), как биографический материал, был несправедливо недооценен, хотя, на самом деле, он и есть та ценностная доминанта, которую необходимо учитывать при воссоздании личностной индивидуальности, наряду с жизненными событиями, духовными и душевными переживаниями, ее характеризующими. Если в жизни ученого можно более четко наметить грани между личной жизнью и научной работой, то в жизни писателя эта грань очерчена слабее, поскольку она «двоимирна»: «жизненный и творческий его миры не разобщены и не только соприкасаются и связаны

⁷⁴ Там же, стр. 16.

⁷⁵ О междисциплинарности биографического знания говорил также И. Л. Беленький, как о «намечающейся и еще не получившей должного концептуального обоснования тенденции [...] изучение стадияльно сменяющихся типов *биографического письма* и *биографического сознания* обязательно предполагает рассмотрение их в контексте проблем отечественной социокультурной динамики, временной диалектики индивидуально-личностного бытия и форм их знакового (символического выражения); исследование же этих проблем – предмет исторической культурологии, исторической, правовой и политической антропологии» // И. Л. Беленький, «Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции» // *История через личность. Историческая биография сегодня* [под ред. Л. Н. Репиной], М., 2005, стр. 37-54; здесь стр. 45.

⁷⁶ Там же, стр. 10.

⁷⁷ С. С. Аверинцев, *Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*, ук. соч., стр. 21. Лосиевский отказывается также согласиться с предложенным Валевским определением биографии, как типа гуманитарного знания. По его мнению, наиболее существенным является следующее уточнение: «биографическое письмо – это переданное средствами языка данной культуры и зафиксированное в текстовой форме цельное научно-образное представление о феномене личностной индивидуальности». И. Я. Лосиевский, *Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии*, ук. соч., стр. 17.

между собой (как бывает в жизни ученого), но активно взаимодействуют, пересекаются, сливаются, презрев границы между собой»⁷⁸. По мнению ученого, данное рассуждение свидетельствует о том, что вопрос о научной биографии писателя может по праву быть истолкован, как литературоведческая проблема – в его понятии, биограф должен выступать одновременно ученым и литературоведом, дабы исключить ложное, чисто биографическое прочтение творческого материала писателя, и выявить в нем, по терминологии Бахтина, «активную индивидуальность видения и оформления»⁷⁹, проявление личности в письменной форме, воссоздание его творческой индивидуальности.

Лосиевский также не согласен с жанровой категоризацией биографической литературы, выдвинутой Валевским в своих работах. Выделенный им жанр портретной биографии, например, кажется, по мысли ученого, необоснованным, поскольку любой биографический текст может быть так или иначе соотнесен к портретному изображению. Лосиевский также не согласен с выделением особого места художественной биографии, которую, именно ввиду своих жанровых особенностей (напр., присутствие авторского вымысла), лучше было бы не смешивать с биографической прозой. Ученый вырабатывает свою собственную типологическую классификацию биографической литературы, разделяя научную биографию на типы, основные виды и подвиды. Поскольку «научно-познавательные задания биографа всегда преобладают над эстетическими»⁸⁰, Лосиевский выделяет два основных типа научных биографий: 1) научный тип, в котором преобладают методы и приемы научного анализа и обобщения, и 2) научно-художественный тип, характеризующийся синтезом научного подхода и художественного сознания. Ученый выделяет две группы видового распознавания биографических текстов: по принципу использования документальной базы и задачам биографа, видов научной биографии, являются, в основном, три: концептуальный, фактографический и смешанный вид; с другой стороны, видов научно-художественной биографии – только два: концептуальный и смешанный (концептуально-фактографический); подвиды одинаковы для обеих групп: жизнетворческий и творческий, в зависимости от степени рассмотрения творчества писателя. Если виды распределяются по принципу соответствия с предназначением текста, тогда выделяются, для научной биографии, монография, очерк, энциклопедическая/словарная статья и летопись, а для научно-художественной биографии – научно-художественное повествование и эссе. Наиболее удачными и гармоническими формами биографического письма Лосиевский называет

⁷⁸ И. Я. Лосиевский, *Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии*, ук. соч., стр. 30.

⁷⁹ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, М., 1986, стр. 190. Бахтин указывает суть научной формы биографии в том, что «автор должен быть прежде всего понят из события произведения как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя» (там же).

⁸⁰ Там же, стр. 77.

смешанные виды научной и научно-художественной биографий и, прежде всего, концептуально-фактографический вид. Ученый признает, что «концептуально-фактографические жизнеописания, где “внешние” исторические реалии и факты творческой биографии, реконструированные моменты внутреннего мира поэта образуют органическое единство биографического текста»⁸¹.

С начала XXI века современный интерес к биографическому жанру находит свое выражение в докладах, обсуждаемых в рамках ежегодных биографических чтений памяти В. В. Иофе «Право на имя», которые проводятся в Санкт-Петербурге с 2003 года. Открывая первые чтения, состоявшиеся 18-19 апреля 2003 года, организаторы и участники надеялись на то, что, на этих междисциплинарных семинарах «смогут быть выработаны общие методологические подходы – как в составлении биографических текстов различных форматов, так и в дальнейших исследованиях. Главным же в совместной работе виделась возможность непосредственного изложения позиций, взглядов, подходов, их обоснование и стремление развернуть дискуссию по принципиальным, ключевым проблемам»⁸². Особенно интересными представляются выступления А. И. Рейтבלата⁸³, определяющего, со своей стороны, биографию, как «текстуальную конструкцию (прежде всего – письменную) создаваемую биографом»⁸⁴.

Актуальность изучения писательских биографий и, в частности, научной биографии, в последние годы доказывают исследования А. А. Холикова. Возрастающий спрос на биографическую литературу ученый объясняет потребностью «переосмыслить роль выдающихся писателей в судьбе России, и желание познакомиться с некогда запрещенными авторами, и поиск героя, увы, не нашего времени»⁸⁵. Монографическая работа Холикова, посвященная именно биографическому жанру, дает обобщающее представление о различных вопросах, поставленных самой онтологией биографии (под биографией Холиков понимает

⁸¹ Там же, стр. 81.

⁸² *Право на имя: Биография XX века. Чтения Вениамина Иофе: Избранное 2003-2012* [отв. ред. Т. Б. Притыкина], СПб., 2013, стр. 10.

⁸³ А. Б. Рейтблат, «Биографируемый и его биограф» // *Чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя: Биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках*, СПб., 2004, стр. 53-62; Он же, «Нравственные мотивации биографа» // *Вторые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса*, СПб., 2005, стр. 3-8; Он же, «Некролог как биографический жанр» // *Третьи чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биография вне шаблона*, СПб., 2006, стр. 3-10; Он же, «Что не попадает в биографию?» // *Пятое чтение памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания*, СПб., 2008, стр. 3-11; Он же, «Этапы и источники построения биографического нарратива (на материалах биографий Ф. В. Булгарина)» // *Восьмые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биографика 20 века*, СПб., 2011, стр. 3-14.

⁸⁴ А. Б. Рейтблат, «Биографируемый и его биограф» // Он же, *Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы*, М., 2014, стр. 181.

⁸⁵ А. А. Холиков, «Писательская биография: жанр без правил» // «Вопросы литературы», 2008, № 6, стр. 41-62; здесь стр. 52.

«один из способов познания и реконструкции творческой личности в ее становлении и развитии»⁸⁶). Ученый уделяет внимание, в первую очередь, терминологической проблеме жанрового определения, заключая, что возникшее среди исследователей разногласие можно свести к отсутствию жанрового канона биографии – однако, по его мнению, биография «несмотря на слабую конституированность, имеет устойчивые признаки наряду с ведущей особенностью – стремлением третьего лица [...] воссоздать словесными средствами целостный процесс становления, развития и деятельности исторической личности»⁸⁷.

Существенным является рассуждение о границах научной биографии (в отличие от художественной). Холиков отмечает, что, хотя перед биографом-ученым и перед биографом-создателем художественных биографий встают одни и те же задачи («поиск, отбор и обработка материала; построение композиции; выбор языка повествования; реконструкция “белых пятен”; включение творческого наследия героя в канву повествования; интерпретация»⁸⁸), научный подход к решению этих задач отличается некоторыми соображениями: 1) требование на объективность – биограф должен стремиться к максимальной тщательности в выборе и подаче материала. Тем не менее это не означает, что в результате научная биография должна преобразаться в наиболее полное описание всех биографических фактов. Эта потребность наоборот принадлежит академической биографии, и лишь доказывает, что первичной целью научной биографии является воссоздание целостного образа: «первейшая задача ученого-биографа – получение целостного знания творческой личности, а не исследование отдельных этапов ее развития изолированно от остальных». Таким образом, биография творческой личности должна выглядеть линейно и упорядочено; 2) формулировка необходимой для научной биографии общей концепции, диктующей основные концептуальные стратегии, предпринятые биографом-ученым для построения биографии героя; 3) включение в канву повествования творческого наследия писателя, которое используется не как иллюстрация к фактам биографическим, а как проекция самой жизни писателя в текстовой форме; 4) присутствие «творческого домысла», т.е. интуиции, биографа-ученого, проявляющегося «на каждом этапе работы. В большей степени – в композиции, языке, интерпретации. В меньшей (или совсем отсутствует) – при реконструкции “белых пятен”, поиске, отборе и обработке материала»⁸⁹. Холиков завершает свой анализ тем, что «ученый-биограф не должен ограничиваться реконструкцией фактов, непосредственно влиявших на творчество. Жизнь

⁸⁶ А. А. Холиков, *Биография писателя как жанр*, М., 2014, стр. 77.

⁸⁷ Там же, стр. 23.

⁸⁸ Там же, стр. 41.

⁸⁹ Там же, стр. 47.

писателя самоценна во всех проявлениях, равно как жизнь любого иного жившего (или живущего) человека»⁹⁰.

Фундаментальной в рассмотрении проблемы писательской биографии для Холикова является понятие «творческой личности» – только уже завершившаяся жизнь личности может представить себя, в глазах биографа, как законченное целое и заслуживает биографию. Ученый полагает три уровня познания личности писателя: бытовой, сверхбытовой и сущностный. Если бытовой и сверхбытовой уровни касаются изучения биографических фактов в соотношении с творчеством, то на сущностном уровне жизнь представляется в ее неразрывном единстве с ним, проявляющимся на уровне «стиля». Познание «творческой личности» значит, таким образом, получить достоверное историческое и целостное представление о ней, а затем оформить это представление в зависимости от внутренних критериев, отличающих разновидности писательской биографии.

⁹⁰ Там же, стр. 48.

Глава 1.2

Научная биография Г. И. Чулкова: проблемы, истоки, композиция

1.2.1 Актуальные проблемы построения жанра научной биографии

Поставив перед собой цель написания научной биографии, ученый-биограф стремится, в первую очередь, воссоздать целостный образ биографируемого им лица и для этого он сознательно выбирает научный подход, который М. Г. Ярошевский характеризует, как метод, отличающийся «способом добывания и анализа фактов, способом доказательства и проверки, а не силой воображения исследователя»¹. В связи с этим, можно отметить некоторые фундаментальные предпосылки, рассмотрение которых со стороны исследователя необходимо: «глубокое и всестороннее исследование наследия писателя, выявление источников и изучение творческой истории его произведений, характеристика прототипов героев. Необходимо также рассмотрение творчества автора в широком историко-литературном и культурном контексте эпохи, в которую он жил и творил. Этот контекст подразумевает выявление, систематизацию и анализ критических откликов на творчество рассматриваемого автора»². Другие ученые склонны считать, что правомерно также включить, в содержание научной биографии, изучение психики человека во всех ее проявлениях, поскольку она раскрывает процессы внутреннего становления и развития, лежащие в основе формирования творческой индивидуальности.

Подробное изложение характеристик жанра научной биографии выявлено в уже указанной научной работе В. Я. Лакшина. Ученый отмечает, что отличительными ее чертами являются следующие:

- 1) Научная биография писателя рассматривает личность автора и его творчество в их неразрывном единстве. Биография не должна подменить, разумеется, монографический анализ творчества, с исчерпывающей полнотой раскрывающей взаимосвязи формы и содержания: мир образов, структуру произведения, стиль, композицию и т.д. Произведение интересует исследователя-биографа в той мере, в какой оно представляет весомый факт в прижизненной судьбе творца и литературы *его* времени, а также постольку, поскольку оно отражает *его личность*.
- 2) Научная биография ставит своей целью показать развитие творческой личности не как имманентный процесс, а в теснейшей связи с эпохой, общественными движениями и “веяниями” времени, литературными спорами и влияниями, идейно-художественной близостью литераторов, выражающейся в создании направлений, школ и “кружков”.
- 3) Научная биография, стремясь к максимальной полноте и вместе с тем не располагая всей суммой фактов, может прибегнуть к реконструкции отдельных моментов судьбы художника. Однако в отличие от “романизированных” или беллетризованных биографий, всякая гипотеза психологического или фактологического характера в научной биографии должна быть основана на достаточном массиве

¹ М. Г. Ярошевский, «Биография ученого как науковедческая проблема» // *Человек науки*, М., 1974, стр. 19-57; здесь стр. 24.

² М. В. Скорыходов, *Сергей Есенин: Истоки творчества*, М., 2014, стр. 17.

косвенных свидетельств и материалов, а также строго оговорена гипотетичность всякого реконструируемого эпизода³.

Процесс создания писательской биографии научного типа И. Я. Лосиевский, со своей стороны, характеризует, как постоянное взаимодействие первоавтора – т.е., используя его терминологию, биографического «прототипа», «реально существовавшей личности, продолжающей свое бытие в аутентичных авторских и опосредованных формах документального материала»⁴, – и биографа, который, в свою очередь, имеет прямой доступ к этим материалам и пользуется ими для воссоздания биографического образа писателя. По мнению ученого, «характерна повышенная активность первоавтора, что обусловлено мощным влиянием его текстового поля: голос писателя постоянно звучит в цитируемых биографом художественных произведениях, письмах, строчках из дневника»⁵. Этот особенный пласт и есть тот документальный материал, необходимый для биографа, чтобы в его сознании формировался биографический образ персонажа, и определил, таким образом, его исследовательскую работу, как научно-познавательный процесс. Лосиевский разделяет этот документальный материал на текстовые и нетекстовые источники: текстовые – это свидетельства изложенные в письменном виде, который биограф приобретает не только от писателя, но и от его современников, в формах личных или художественных документов; нетекстовые источники – материалы, не сохранившиеся в письменной форме. Сюда входят все документы, как иконографии, фото- и киноизображения, устные воспоминания. В связи с этим рассуждением, ученый поднимает важный вопрос, а именно проблему аутентичности используемых источников, их исторической правдоподобности, выявления и отбора. Этот аспект встает с различной остротой перед, например, биографом писателя или биографом художника. Ученый отмечает: «Познавательная ценность работы биографа связана с полнотой учета всех этих материалов и глубиной осмысления многообразных жизнетворческих связей, с преодолением – в наибольшей мере – генетической предрасположенности биографического письма к отождествлению событий авторской художественно-текстовой реальности с жизненными коллизиями внетекстовой сферы»⁶. Биограф, заключает Лосиевский, склонен идеализировать документальность и полноту таких источников, как автобиографий,

³ В. Я. Лакшин, *А. Н. Островский. Проблемы научной биографии* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук], М., 1981, стр. 4-5. Под научной биографии Лакшин понимает биографический текст: «основанное на фактах, подвергнутое критическому изучению и документальной проверке, хронологическое исследование жизни автора в свете основного пафоса его творчества и идейно-художественной эволюции» [там же, стр. 3].

⁴ И. Я. Лосиевский, *Научная биография писателя: Проблемы интерпретации и типологий*, Харьков, 1998, стр. 35.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 48.

дневников писателей, книг мемуаров или воспоминаний, позабыв двойственную природу таких документов, которая, на самом деле, характеризует, в том числе, и любое жизнеописание, относящееся к документально-художественному жанру.

А. А. Демченко относит к проблеме методологии построения научной биографии вопрос о выявлении и отбора фактических данных. Исследователь называет необходимыми условиями для создания биографии два принципа: 1) всесторонний учет фактов и 2) отбор данных. На первое место он ставит необходимость «привлечения к исследованию всего наличного биографического материала. Подобная опора на источники предупредит увлечение всякого рода схемами и предвзятыми, субъективными выводами. Истина заключена в источниках, а не в наших представлениях, какими бы привлекательными и правдоподобными они не казались»⁷. К тому же, ученый подчеркивает, что всесторонний учет фактов вовсе не значит, что в биографический текст необходимо внести всю собранную и доступную биографу информацию: от автора требуется широкое и комплексное изучение всего материала в целом, проведение параллелей между обнаруженными источниками и первоисточниками, с целью формирования целостного образа, избавленного от всяких неточностей и логических переменных. Это положение приводит ко второму названному Демченко принципу отбора фактов, который, между тем, он считает свойственным не только исследованиям научно-биографического типа, а также художественным биографиям. По мнению ученого, учитывая то, что научное биографическое исследование отличается полнотой исследуемых фактов, их всесторонним изучением, желанием воспроизвести целостность образа биографируемого лица, перед научно-биографическим изучением жизни писателя встают две основные задачи: «последовательно-хронологическое изложение жизни писателя в разнообразных и прежде всего творческих ее проявлениях, выявление основного, доминирующего в писательской деятельности и судьбе признака, обусловившего определенное место писателя в истории литературы и общественного движения», а также «обобщающее исследование, которое может возникнуть только на достаточно высоком уровне науки о данном писателе»⁸.

И. Ф. Петровская, в книге «Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов», также относит к задачам научной биографии воссоздание целостного образа человека и его жизненный путь: «нужно знать не только этапы пути, но и все условия жизни, включая бытовой уклад, формы проведения досуга и т.д. Изучение деталей частной жизни это не “мелочные” исследования, если стоит названная задача. Интересны все жизненные обстоятельства. Только выяснение

⁷ А. А. Демченко, «Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования» // «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика», 2014, Т. 14, вып. 4, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 59.

максимума их позволит понять течение жизни [...] всегда действует комплекс взаимовлияющих обстоятельств, соединение которых может придать решающее значение какому-то из них»⁹.

Таким образом, теоретическое осмысление основных руководящих принципов построения научной биографии приводит к обсуждению второго важного компонента: связь с источниковедением. В классификацию письменных источников биографии принято внести: - автобиографии, биографии, мемуары, дневники, воспоминания объекта исследования; - его литературные, научные и другие труды; - исторические документы (удостоверения, справки, протоколы, приказы и т.д.); - эпистолярное наследие, к которому можно отнести письма, адресованные данному лицу разными людьми и организациями, и письма, отправленные им частным лицам и учреждениям; - мемуары, дневники, воспоминания, письма современников, в которых включены разные сведения о нем; - рецензии на его труды и всякие отзывы о нем, появившиеся на страницах современной ему печати; - служебные материалы, указывающие на его публичную деятельность; - разные документы (вырезки из газет, дарственные надписи, карточки, коллекции), раскрывающие круг его интересов; - книги, составляющие его персональную библиотеку; официальные государственные документы (например, имущественные и медицинские справки) и т.п.

В литературоведении встречаются разные категоризации источников научной биографии. Одна из них принадлежит Б. М. Кедрову¹⁰. Согласно ученому, источники для составления биографии можно разделить: 1) по времени возникновения источника – т.е. в зависимости от того, если источник был создан непосредственно во время самого исторического процесса (или сразу после него) или определенное время спустя, как, допустим, бывает с написанием воспоминаний; 2) по авторству источника – если автор исследуемых источников является и объектом биографического исследования, как, например, в случае автобиографических документов, или если анализируемые материалы были написанные другим лицом, имеющим прямое или косвенное отношение к биографируемому лицу; 3) по виду источника – письменный или устный текст. Кедров считает, что среди всех видов источников главенствуют те, которые принадлежат перу самого автора, непосредственно относятся к той поре, когда произошло событие, и уже приобрели письменную форму. Все эти материалы, утверждает автор, были написаны тогда, когда воздействие времени еще искажало ход исторических событий в памяти человека. Наименьшей достоверностью обладают, с

⁹ И. Ф. Петровская, *Биографика: Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 году*, СПб., 2010, стр. 33.

¹⁰ Б. М. Кедров, «Достоверное и недостоверное, вероятное и невероятное в биографиях ученых» // *Человек науки*. М., 1975, стр. 58-67.

другой стороны, источники, созданные далеко во времени или носящие устный характер, поскольку воспроизведенная реальность может уже не соответствовать действительности. Именно подобного рода источники, к которым можно отчасти отнести мемуары и воспоминания, требуют от биографа особенно тщательной проверки, поскольку написаны много времени спустя и в них могут встречаться ошибки, пропущенные места, неточности и, в особенности, личное восприятие действительности.

Сюжетное построение образа человека и образа действительности (Л. Гинзбург) – фундаментальные характеристики документальной литературы мемуарной и автобиографической природы, «тогда как письма или дневники закрепляют еще не предпрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой. Динамика поступательная сменяется динамикой ретроспективной. Мемуарные жанры сближаются таким образом с романом, с ним не отождествляясь»¹¹.

Познавательная функция мемуарной литературы несомненна, незаменима особенно в плане культурной памяти; на ее страницах находит зеркальное отражение целая эпоха, целый мир персонажей, сюжеты, истории, политические и социальные изменения, события, факты, потрясения, формирующие данную эпоху и являющиеся ее ценным свидетельством. В отличие от автобиографии и дневников, приобретающих композиционную форму вокруг личности самого автора, в мемуарах главная роль сыграна историческими фактами, событиями и воспоминаниями о людях, переданных словами самого автора (см., например, «Былое и Думы» А. Герцена или «Исповедь» Ж. Руссо), пользующегося возможностью рассказать немного о времени, о встречах, о людях и о себе.

А. Л. Валевский определяет процесс биографической реконструкции, как постоянное «предпосылание вопросов», связанных с интерпретацией различных архивных источников, документов, свидетельств и т.д.; в то же время, твердит ученый, дело биографа состоит в постоянном «вопрошании, сомнении и поиске критерия достоверности интерпретации»¹². О правилах интерпретации частных документов Валевский придерживается мнения, что: «необходимо отличать, например, описание события в документе от оценки того же события автором документа; учитывать степень и характер авторской заинтересованности в момент составления документа; принимать во внимание характер той информации, который

¹¹ «Характер в мемуарах, в автобиографии может быть фактом такого же художественного значения, как в романе, потому что он также является своего рода творческим построением, и эстетическая деятельность, его порождающая, уходит еще дальше, в глубь того житейского самопознания и познания окружающих и встречных, которое является и всегда явилось неперменным условием общения между людьми» // Л. Гинзбург, *О психологической прозе*, Л., 1977, стр. 12.

¹² А. Л. Валевский, *Основание биографики*, Киев, 1993, стр. 24.

располагает автор свидетельств, и облик предлагаемой аудитории, который предназначался документ, и т.д.»¹³.

1.2.2 Особенности научного биографирования Г. И. Чулкова

Не лишен стремления к самовыражению и самореализации в историческом потоке культурной памяти и Георгий Иванович Чулков. Будущим его биографам он оставил чрезвычайно богатое и уникальное по документальности состава наследие, представляющее собой не только источник информации о себе, о творческом процессе, о формировании собственных планов и взглядов, но также свод литературных и культурных воспоминаний о прошлом и о современности такой потрясающей эпохи, как начало XX века.

Приступая к работе над созданием научной биографии Чулкова, мы придерживались вышеизложенных принципов. Сложившееся на протяжении почти полувека мнение о Чулкове, как о писателе второстепенного рода, не обладавшего особым художественным талантом, порой даже склонного преувеличивать собственные заслуги на литературном поприще, несправедливо привело к небрежному отношению к его личности и к постепенному забвению его творчества, не столько среди литературоведов, которые все-таки объективно признают роль, сыгранную им на историко-культурной сцене, сколько среди читателей и любителей словесности¹⁴, которые о нем слышали только мимоходом или преимущественно связывают его имя с «мистическим анархизмом», теоретиком которого он выступал в первое десятилетие XX века. Создавая его научную биографию, нашей целью являлось возобновление, преимущественно, литературного «имиджа» этого писателя, прослеживание его становления и развития, снятие с него старых схем (например, образ мистического анархиста, «ужасного» революционера, неудачника), воссоздание его индивидуальности, как единого целого.

Существуют некоторые теоретические предпосылки, которые необходимо учесть для создания научной биографии Чулкова. В первую очередь, до сих пор не существуют

¹³ Там же.

¹⁴ Здесь мы ссылаемся, главным образом, на понятие «демократического» пространства, открывающегося автобиографическим повествованием и реализовавшегося в том, что любому человеку принадлежит право на рассказ о себе и о собственном пройденном. В многолетних исследовательских опытах Филиппа Лежена сформулированы эти принципы, основное положение которых – «автобиографический пакт». По мнению французского исследователя любой человек может стать субъектом автобиографических сочинений, будь он безграмотным человеком или известным полководцем; эти тексты является объектом интереса не только для узкого круга исследователей, но еще и для «простых» читателей, любителей жанра. С целью хранения «автобиографического наследия» и распространения исследований такого характера, Лежен основал в 1992 ассоциацию в защиту автобиографии и автобиографического наследия и, вместе с этим, журнал «Le faute à Rousseau» («Ошибка Руссо»), отличающийся именно тем, что он адресован и специалистам, и широкому кругу читателей – т.е. всем тем, кто интересуется автобиографическим жанром.

отдельные биографические работы научного типа, посвященные целиком жизни и творчеству писателя. Были, конечно, опубликованы краткие очерки, биографические справки, словарные статьи, короткие заметки, а также были изучены многочисленные аспекты его творчества, связанные с определенными фазами его деятельности. Однако целое, совокупное биографическое исследование, в центре которого находится подробное рассмотрение жизненного пути этой творческой индивидуальности до настоящего времени еще не было написано. Например, период становления и формирования мировоззрения Чулкова, эволюция от «мистического анархизма» до «реалистического символизма» и истоки его творчества ныне открыты далеко не полностью. О детстве и юности писателя, об условиях и факторах, повлиявших на его образование, о значении его ранней политической ангажированности прослеживаются конкретные сведения только в его личных воспоминаниях. Эти документы и биографические данные, хотя и были частично опубликованы, все-таки не получили комплексного научного анализа.

Второй аспект, играющий немаловажную роль, это отсутствие прочной научно-подготовленной документальной базы для написания его научной биографии. Такие издания, как «Летопись жизни и творчества», «Материалы к биографии», «Академическое собрание сочинений» или «Полное собрание сочинений» до сих пор не созданы и не опубликованы¹⁵. Работа над источниковедческой базой научной биографии Чулкова только намечается. Не имеется, например, конкретного представления о полном масштабе художественных произведений, напечатанных Чулковым на страницах журналов и газет современной ему эпохи. Нами была проведена большая работа по восстановлению творческого наследия писателя: многие результаты вводятся впервые в научный оборот¹⁶. Процесс, однако, остается незавершенным и требует дополнительного изучения фондов библиотек и институтов культуры.

С целью формирования научно-документальной базы для составления биографии писателя мы обратились, в первую очередь, к так называемым первоисточникам: из архивных

¹⁵ Данное утверждение верно особенно по отношению к писателям XVIII и XIX века: в данном случае существуют ряд авторитетных изданий. Применительно к писателям Серебряного века это аргумент утрачивает свою убедительность: например, «Летопись жизни и творчества» и полное собрание сочинений существуют только у Максимилиана Волошина (ср.: В. П. Купченко, *Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества, 1877-1916*, СПб., 2002 и Он же, *Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества, 1917-1936*, СПб., 2007; М. А. Волошин, *Собрание сочинений в 13 томах*, М., 2003-2015.). Для других представителей таких изданий изданы только частично и еще не полностью (напр. А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов и так далее). Отметим, что, наряду с этими, крупнейшими учеными уже подготовлены монографические биографические исследования о современниках Чулкова: ср., например, книги А. Пайман, *Ангел и камень : жизнь Александра Блока: в 2 кн.*, М., 2005; Н. А. Богомолов, Д. Малмстад, *Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха*, М., 1996; Ю. Е. Галанина, *Любовь Дмитриевна Блок: судьба и сцена*, М., 2009.

¹⁶ Нами была предпринята попытка систематизирования опубликованных на страницах журналов, газет, альманахов и сборников произведений Чулкова в период с 1899 по 1917 год. Результаты представлены в списке литературы к данной работе.

фондов мы извлекли многочисленные неизданные документы, принадлежащие автобиографическому наследию писателя: - различные варианты автобиографий и биографий; - воспоминания; - воспоминания жены писателя; - семейная переписка; - другие эпистолярные комплексы; - листки дневника; - записные книжки; - личная библиотека писателя. Наряду с этими, мы использовали прижизненно изданные авто-документальные материалы (автобиографии, биографии, мемуары) и документы, опубликованные только в современные годы¹⁷. На их основе – при сопоставлении с другими источниками биографического и внебиографического характера – стало возможным реконструировать ранее неизвестные эпизоды личной биографии писателя. Как отметил В. М. Жирмунский, они послужат незаменимым материалом для составления биографии писателя: «Те обильные биографические источники, которые собираются вокруг личности писателя нового времени, состоят, с одной стороны, из показаний современников – писем, дневников, воспоминаний, а с другой стороны, из материалов автобиографических – писем самого писателя, его дневников, его мемуаров, разговоров, которые он ведет с друзьями, знакомыми, и которые сохранились как память о его высказываниях. Наконец, сюда же относятся критические статьи, критические суждения писателя, касающиеся его собственных произведений или произведений его современников, или тех или иных литературных, общественных вопросов и т.д.»¹⁸.

Изучение творческой индивидуальности Чулкова интересовало нас не только по отношению к ее бытовому уровню (происхождение и семья; детство и юность писателя; воспитание и образование; духовная среда; круг общения; географический компонент; состояние здоровья; личная жизнь; финансовое положение и т.п.), но еще к сверхбытовому уровню, т.е. к тем аспектам, непосредственно связанным с его творческой деятельностью. В составленной нами научной биографии Чулкова, по этой причине, значительное место уделяется литературным вопросам, тесно связанным с развитием и становлением его индивидуальности. Это приводит к тому, что, например, в шестой и в седьмой главе, центральным становятся, наряду с остальными биографическими сведениями, изложение содержания основных критических работ писателя, подтолкнувших его к переосмыслению прежних взглядов и формированию новых концепций. При рассмотрении этих ключевых вопросов, мы специально выбрали «смешанный» подход, т.е. совмещали хронологическое развертывание событий к тематическому обсуждению фактов литературы и биографии. М. В. Скороходов указал на возможность такого выбора при составлении научной биографии: «В научной биографии в отличие от Летописи имеется возможность при рассмотрении жизни и

¹⁷ Подробное рассмотрение источниковедения научной биографии Чулкова будет представлено в следующей главе.

¹⁸ В. М. Жирмунский, *Введение в литературоведение*, СПб., 1996, стр. 118.

творчества писателя совмещать диахронический (общая последовательность глав) и синхронический (при рассмотрении узловых проблем, истории создания произведений, эволюции взглядов и образов, характеристики отношений с современниками и др.) подходы. К тому же автор научной биографии может значительно шире, чем в летописи, представить свою авторскую позицию, аргументировав ее документальными свидетельствами, высказать собственные гипотезы»¹⁹.

Перед тем, как рассмотреть композиционную концепцию научной биографии Чулкова необходимо сделать одну оговорку о проведенной нами работе. Мы не поставили перед собой цель написания полной биографии писателя. Мы остановили восстановление жизненного пути автора на пороге событий Октябрьской революции, что не соответствует году смерти писателя. Это решение обуславливается двумя причинами: 1) 20-ые годы определяют своего рода водораздел в жизни Чулкова. Мировые исторические потрясения, наряду с семейным несчастьем (единственный сын Чулковых Владимир умер в 1920 году от туберкулезного менингита), настолько глубоко взволновали писателя, что в результате он кардинально изменил свои мировоззренческие и духовные установки, возвращаясь в лоно исторического христианства, в полной гармонии с его новыми душевными опытами; 2) в 20-е и 30-е годы Чулков также перестраивает свою литературную деятельность по иным направлениям: он начинает заниматься литературоведческими работами, увлекается написанием биографий Достоевского, Пушкина и императоров Российской империи, посвящает себя архивным изысканиям архива Тютчева, составляет первое его полное собрание стихотворений. Этот «поворот» его профессионального труда требует особого внимания со стороны биографа, нуждается в специальной научной обработке документов среди архивных источников, которые до сих пор не выявлены.

Рассматривая жизненный путь Чулкова с хронологической точки зрения, наша концепция сводится к тому, что биография Чулкова может быть разделена на следующие временные этапы: 1) 1879-1890 (годы детства); 2) 1890-1898 (гимназия); 3) 1898-1902 (университет); 4) 1902 (Сибирская ссылка); 5) 1903 (Нижний Новгород); 6) 1904-1905 (Петербургский период – часть первая); 7) 1906-1909 (Петербургский период – часть вторая); 8) 1910-1917 (Годы странствий). Внутри каждой из этих периодов были выявлены ключевые факторы, действующие на внутреннее развитие личности писателя. Таким образом, прослеживаются следующие познавательные линии: – политическая ангажированность, которую можно отнести к периоду от гимназических лет до университетской учебы; – порождение таежного мифа, развивающееся во время сибирской ссылки и пребывания в

¹⁹ М. В. Скороходов, *Сергей Есенин: Истоки творчества*, М., 2015, стр. 38.

Нижегородом под гласным надзором полиции; – мистическо-анархические устремления, вызванные близким общением с Вяч. Ивановым и петербургской символистской средой в 1904-1905 гг.; – эволюция мистико-анархического восприятия мира в сторону новой концепции «реалистического символизма» в 1909 г.; – влияние Первой мировой войны на писательское понимание исторического процесса и возникновение позиции «мистического национализма». Наряду с этим, большое место было отведено художественному наследию писателя, истокам написания произведений, его литературным начинаниям – творчество Чулкова рассматривается в непосредственном сочетании с его биографической канвой, сквозь которую освещается его личная и общественная деятельность. Но особенно стоит подчеркнуть, что при реконструкции жизни и творчества Чулкова активно использовались письма и корреспонденции писателя. Можно согласиться с мнением князя П. А. Вяземского когда, приступая к написанию биографии Фонвизина, он написал: «Переписки, сии очевидные деяния, сии, так сказать, снимки с жизни, ее переживающие, всегда драгоценны или в домашнем, или в общественном отношении; еще драгоценнее, когда в обоих. Счастлив, кто в переписке предка находит пищу для семейного любопытства и поучительные примеры своего гражданского поведения. Почему каждой фамилии не иметь архива своего?»²⁰.

Создавая научную биографию Чулкова, мы также придерживались строгих правил объективности и фактографичности: любая интерпретация основывается проверенных документальными источниками фактов.

Необходимо в последнюю очередь отметить, что мы не отводим данной научной биографии роль последнего и исчерпывающего исследования жизни и творчества писателя. Как отметил А. А. Демченко: «В сложном процессе историко-литературного познания научная биография как монографический труд представляет, в свою очередь, один из перспективных способов исследования, стимулирующего более глубокое изучение жизни и творчества»²¹. Продолжение создания научной биографии Чулкова намечается нами в перспективе развития данной работы.

²⁰ П. А. Вяземский, *Полное собрание сочинений: в 12 томах. Т. 5*, СПб., 1880, стр. 44.

²¹ А. А. Демченко, «Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования», ук. соч., стр. 59.

Глава 1.3

Источниковедение научной биографии Г. И. Чулкова

В этой главе будет представлен краткий обзор автобиографических, мемуарных и научно-исследовательских публикаций, которые сформировали документальную базу для написания научной биографии Чулкова. Проанализированные нами источники можно разделить на три основные сферы: 1) авто-биографическое и мемуарное наследие писателя; 2) эпистолярное наследие писателя; 3) художественное наследие писателя. Особенное внимание уделяется двум основным источникам, которые послужили главной опорой для написания его научной биографии: неизданная семейная переписка Чулковых и книга воспоминаний «Годы странствий»¹.

Первоначально нами была проведена подготовительная работа: были выявлены личные архивы писателя, в которых на сегодняшний день хранятся документы Чулкова. Были обнаружены пять архивов – четыре располагаются в Москве, один в Санкт-Петербурге. Главный по объему и количеству хранящихся документов архив находится в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (далее РГАЛИ): личный фонд Чулкова – № 548, в нем 517 единиц хранения, крайние даты документов: 1899-1943 гг. Самую большую часть архива составляют рукописи его произведений (всего 515 рук.), затем его огромное эпистолярное наследие (128 корр.), материалы, касающиеся его биографии (личные и связанные со служебной и общественной деятельностью документы, изобразительные материалы) и документы Надежды Григорьевны Чулковой. Среди личных материалов особое внимание привлекает, как было уже сказано, семейная переписка Чулковых, охватывающая промежуток времени с 1901 по 1938 год. Именно данный первоисточник стал центральным основой нашего исследования.

Второй архив находится в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее РГБ). В личном фонде Чулкова № 371 каталогизированы 413 единиц хранения, крайние даты документов 1828-1853 гг. и 1895-1950-ые гг. Так же, как и в РГАЛИ, здесь обнаруживается немалое количество творческих рукописей Чулкова, авто-биографических, служебных и биографических материалов, писем Чулкова к разным лицам и писем разных лиц к Чулкову, фотографических снимков, материалов Н. Г. Чулковой. Приметно, что только в

¹ Используя написанную в 20-е годы книгу воспоминаний Чулкова как один из источников для написания его биографии, мы все-таки старались относиться объективно к этому произведению, учитывая то, что она была написана и напечатана в «недоброе» время, когда идеологическая автоцензура несомненно повлияла на субъективные рассказы о недавнем прошлом России. В нашей работе мы старались выполнить постоянное сравнение этих мемуаров с другими источниками, доступными нами на данном этапе (в том числе, например, семейная переписка Чулковых).

архиве РГБ хранится уникальный для составления научной биографии Чулкова источник: это до сих пор неизданные его письма к возлюбленной Людмиле Михайловне Лебедевой, написанные с 1923 года по 1938 гг. Эти письма представляют особый интерес, поскольку они могут быть сопоставлены с крупной частью семейной переписки, расширяя, таким образом, диапазон познания о жизни писателя в этот период.

Третий архив, в котором хранится значительное количество принадлежащих писателю документов – отдел рукописей Института Мировой Литературы им. А. М. Горького (далее ИМЛИ). В фонде № 36 имеются 216 единиц хранения, документы относятся к годам 1901-1938 гг.: среди них можно перечислить рукописи разных рассказов, романов и стихотворений; небольшое количество писем к разным лицам (4 п.) и от разных лиц (2 п.); 2 автобиографии (1920-е, 1930-е), 2 биографии (1930-е, 1939 г.), одна из которых написана Н. Г. Чулковой; его библиография и материалы по изданию книг; служебные документы и фотографии. Необходимо отметить, что в архиве ИМЛИ имеется машинописный вариант семейной переписки Чулковых: он состоит из 624 писем (1901-1934 гг.), его сопровождают опись писем и примечания Н. Г. Чулковой (1901-1916 г.). Это – набранный текст писем, хранящихся в архиве РГАЛИ. Нами был проделан сопоставительный анализ, в результате которого мы пришли к заключению, что варианты рукописи представляют собой один и тот же корпус документов (с учетом того, что, в варианте ИМЛИ, изредка встречаются письма, автограф которых не сохранился)².

В отделе рукописей Государственной Третьяковской Галереи обнаруживается четвертый личный архив Чулкова. В фонде № 39, состоящем из 29 единиц хранения, находятся 10 папок писем, адресованных Чулкову. Эти письма принадлежат современным ему русским художникам: Голубкиной, А. С. (3 п.), Рериху Н. К. (3 п.), Лансере Е. Е. (8 п.), Белкину, (4 п.), Добужинскому, М. В. (3 п.), Бенуа, А. Н. (1 п.), Митрохину, Д. И. (1 п.), Седову, А. С. (1 п.), Сомову, К. А. (3 п.), Судейкину, С. Ю. (1 п.).

Последний, петербургский, архив находится в Российской Национальной Библиотеке. В фонде № 843 хранятся всего 10 единиц хранения, относящихся к 1910-ым годам: это – рукописи рассказов, статей, писем. Некоторое количество (примерно 25 ед. хр.) рукописей Чулкова рассеяно по другим фондам: письма А. М. Ремизову, Д. Е. Максимову, Н. В. Дризену, К. Н. Бугаевой, В. Н. Гордину и др. лицам, несколько стихотворений, повесть «Дом на песке».

- **Авто-биографическое наследие писателя**

² На данный момент мы не можем высказаться окончательно относительно этого сопоставительного анализа, поскольку текстологическая работа данного типа выходит из рамок нашей работы. Однако в наших будущих планах намечается подготовка критического издания семейной переписки Чулковых, в рамках которого будет основательно проведена проверка этих двух источников.

Первая группа источников, которую мы рассматривали в ходе исследования – автобиографическое и мемуарное наследие писателя. Эти источники, ввиду их внутрижанровых характеристик, можно разделить на несколько подгрупп: 1) автобиографии; 2) биографии; 3) воспоминания; 4) дневниковые записи; 5) мемуары. К первой подгруппе можно отнести все те варианты автобиографий, оставленные в наследство потомству Чулковым. Некоторые были опубликованы, другие остались неизданными. Как нам удалось установить, прижизненно были опубликованы три автобиографии³: первая – в 1908 году, была включена в «Альманах молодых»⁴. Это – самая краткая из всех опубликованных автобиографических заметок: на самом деле, это своего рода биобиблиографическая справка, в которой кратко подытожен пройденный жизненный путь писателя, начиная с университетских лет до возвращения в Петербург после ссылки в Сибирь, и представлен читателям список основных вышедших его книг. Повествование завершается с тогда еще действующим изданием альманахов «Факелы». Второй вариант автобиографии был издан в 1911 году в сборнике «Первые литературные шаги» и озаглавлен «Георгий Иванович Чулков»⁵. Он охватывает период жизни писателя до 1904 года, просторнее представлен обзор детства и юности писателя. Большое место по сравнению с самим размером автобиографии уделено его происхождению и родительскому дому. Впервые Чулков вводит в повествовательный оборот начало своей литературной деятельности. Третья прижизненно опубликованная автобиография была издана в 1928 г. в книге «Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков»⁶. Несмотря на то, что год издания книги – 1928, автобиография была написана в 1926 г. Из всех трех вариантов, она является самой полной по содержанию и предоставленным биографическим сведениям. Ее черновик хранится в архивах РГАЛИ (ф. 548, оп. 1, ед. хр. 243, л. 44—47). Подробно описаны происхождение, воспитание, университет, революционная деятельность, первые литературные шаги. Деятельность в 10-х и 20-х годов занимает, по сравнению со всем объемом текста, всего лишь несколько строк. Воспроизведен портрет Чулкова.

В 2003 году были опубликованы, в сборнике «Писатели символистского круга: новые материалы», еще два варианта автобиографий, хранящихся в архивах Института Русской

³ Представленная здесь информация является этапным результатом нашего исследования, т.е. излагаются все сведения, которые нам удалось восстановить на данный момент.

⁴ Г. И. Чулков, «Чулков, Георгий» // *Альманах молодых. I. Автобиографии, рассказы, шаржи, пародии*, 1908, СПб., стр. 25.

⁵ «Георгий Иванович Чулков» // *Первые литературные шаги*, М., 1911, стр. 126-128.

⁶ «Георгий Иванович Чулков» // *Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков*, М., 1928, стр. 368-373.

Литературы (Пушкинского Дома), в личном фонде Ф. К. Сологуба⁷. В примечаниях к публикации отмечено, что документы оказались в фонде Анастасии Николаевны Чеботаревской, жены Сологуба, лишь случайно, поскольку они были написаны по просьбе сестры Чеботаревской, Анастасии Николаевны, в личном архиве которой обнаруживается ряд других автобиографий, также датированных 1912 годом. Эти два варианта отличаются, в первую очередь, объемом и полнотой приводимой информации: первая является лишь короткой заметкой и жизненные факты изложены только до 1908 года (до издания альманахов «Факелы»), вторая же приравнивается по значению к автобиографии, опубликованной в 1928 году, однако в ней события доходят лишь до 1912 года.

Наряду с опубликованными автобиографиями, необходимо перечислить и варианты, хранящиеся в личном архиве Чулкова в РГАЛИ. Сохранилось пять вариантов, если не учитывать, что для некоторых из них имеются и альтернативные версии⁸. Четыре автобиографии находятся в фонде 548, оп. 1, ед. хр. 243: это – машинописная копия автобиографии, датированная 1918-м годом (л. 1—3), Curriculum Vitae Чулкова, без датировки (л. 5—7; на л. 8—10 имеется второй вариант резюме), машинописная копия автобиографии, являющаяся переделанным вариантом автобиографии 1918 года, с незначительными изменениями (л. 11—13), автобиография 1926 года, которая была впоследствии опубликована в сборнике «Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Все эти документы мало отличаются друг от друга: в общем, это вопрос о полноте приводимых биографических данных, об их объеме, о представлении разных деталей. Они написаны в одном и том же стиле, подбор слов и построение предложений звучат практически одинаково во всех версиях. Чулков тщательно выбирает ключевые выражения, взвешивает и аккуратно подбирает, что надо включить, и что необходимо вычеркнуть из собственной жизни. Эти наброски в более позднее время послужили источником для составления книги мемуаров «Годы странствий».

Вторая подгруппа источников состоит из биографий писателя. Они хранятся в личных архивах Чулкова в РГАЛИ и РГБ. Существуют, как в случае автобиографий, несколько вариантов. В РГАЛИ первая биография находится в единице хранения № 243: сохранились три разные версии, первая – машинописная копия, л. 14—21; вторая – машинописная копия, л. 22—31; третья – машинописная копия, л. 32—40. Эти документы разнятся количеством биографических сведений, дат, информацией и т.п., но биографическая основа одна и та же для всех биографий. В них подробно и обстоятельно освещается литературная деятельность

⁷ ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, ед. хр. 94. Автографы. Цит. по: *Писатели символистского круга: новые материалы*, СПб., 2003, стр. 452.

⁸ Самые значительные из этих автобиографий представлены нами в приложениях к данной работе.

Чулкова и его мировоззрение, рецепция его произведений, приведены выписки из критических очерков. В этих биографиях жизненный путь Чулкова проанализирован почти до конца 20-х годов. Еще две версии имеются в единице хранения № 42: первая принадлежит составителю П. П. Словнину (машинопись, л. 16-17, на л. 17-18 библиография Чулкова), вторая – неустановленному лицу (автограф, машинопись, л. 20—22). Хронологические рамки этих биографий – жизнь Чулкова до 30-х годов, однако, ввиду краткости этих очерков, количество приводимых биографических данных ограничено. В РГБ хранится еще одна биография Чулкова, составленная, в этот раз, женой писателя, Надеждой Григорьевной в 1938 г. В единице хранения № 2 (к. 2) имеется восьмистраничная биография, являющаяся, как отмечено в примечании Надежды Григорьевны, самой полной⁹. Согласимся с этим высказыванием, поскольку, из всех просмотренных нами для этой работы вариантов биографий, она на самом деле является самой полной и корректной по отношению к стилю и форме биографией.

В 1928 году была также опубликована, в сборнике «Писателей современной эпохи», биография Чулкова¹⁰. Стоит упомянуть о ней здесь по той причине, что она содержит два небольших раздела, в которых указаны все изданные книги Чулкова (до 1928 года) и, в том числе, подбор некоторых отзывов о писателе и его творчестве, которые были написаны в ту пору.

В третью подгруппу входят воспоминания Чулкова. Внимательно анализируя архивы писателя складывается яркое впечатление, что мысли о создании существенного корпуса автобиографических документов, освещающих личные стороны его жизни, вовсе не были чужды ему с самого начала. В архиве РГАЛИ находится целая единица хранения под заглавием «Воспоминания», отличающаяся от раздела чисто авто-биографических документов и от раздела, в котором имеются рукописи книги мемуаров «Годы странствий». В этой единице хранения (оп. 1, № 244) находятся 89 листов, всего четыре варианта текста воспоминаний, написанных с 1914 по 1934 гг. Все помечены заглавием «Воспоминания», первый вариант – л. 1—40, автограф; второй вариант – л. 41—57, машинопись; третий вариант – л. 58—74, машинопись и четвертый вариант – л. 75—87, машинопись¹¹. По словам Чулкова, воспоминания были написаны в 1914 году в Гроне (Швейцарии) и впоследствии исправлены, рукой жены Надежды Григорьевны, в 1917 году. Они представляют особый филологический

⁹ Текст данной биографии приведен в разделе «Приложения» данной работы.

¹⁰ «Чулков, Георгий Иванович» // *Писатели современной эпохи*, М., 1928, стр. 265-266.

¹¹ Последний вариант, датированный 1914 годом (Швейцария), получил заглавие «Автобиография» и сопровождается следующей записью: «По цензурным соображениям моя революционная деятельность в этой записке несколько мною умалется. Москва 1934 года». Тексты двух вариантов этих воспоминаний приводятся в разделе «Приложения» данной работы.

интерес для анализа конкретного периода жизни писателя, т.е. юношеские и отроческие годы – особенно важный этап формирования творческой личности писателя. Основные направления, которых Чулков касается в своих воспоминаниях, можно разделить на несколько линий: первая – эпизоды детства, оказавшие сильное впечатление на развитие личности автора; вторая – студенческие годы, оказавшие влияние впоследствии на общественную и политическую деятельность писателя; третья – формирование его творческой лаборатории.

Из этих четырех вариантов, третий – самый обзорный, полон исторических деталей и литературных сведений. Данные страницы были впервые опубликованы и прокомментированы М. В. Михайловой в переизданной книге мемуаров «Годы Странствий» и сопровождалась следующими словами: «Настоящие “Воспоминания” выделяются полнотой историко-литературного содержания и могут быть рассмотрены как введение в творческую лабораторию начинающего писателя: многие эпизоды, описанные в них, послужили затем основой произведений»¹². Для изучения личности Чулкова мы также используем этот вариант, поскольку, среди изученных подлинников, он оказался самым достоверным и полным среди остальных, но мы предпочли воспользоваться архивным вариантом, поскольку в воспоминаниях, приведенных М. В. Михайловой в книге, отсутствует одна глава, посвященная как раз революционной деятельности Чулкова. Следует отметить интересную записку, которая встречается на л. 75, отражающую процесс самоопределения и самопознания: «Буду записывать, что вспомню, не мудрствуя лукаво, вероятно, записки мои будут несколько беспорядочными, и потому прошу читателя извинить меня за возможную непоследовательность и за случайность этих моих воспоминаний»¹³. Обращаясь напрямую к читателю, Чулков ссылается на тот принцип “доверенности”, установленный между автором и читателем, на основе которого лежат взаимное уважение и доверие. Это можно отнести к всеобщей проблеме в степени «доверенности» автобиографического жанра – т.е. принцип, указанный Филиппом Леженом в своем монографическом исследовании «Автобиографический пакт»¹⁴. Автор условливается с читателем о лирическом приеме собственного текста (будь то мемуары, то автобиографии или дневники) – в эпиграфе, предисловии, заключении. Таким же паратекстуальным элементом можно считать и вступительную записку Чулкова к собственным воспоминаниям. В опубликованном варианте

¹² Г. И. Чулков, *Годы Странствий*, М., 1999², стр. 781.

¹³ Цит. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 244, л. 75.

¹⁴ «La problématique de l'autobiographie ici proposée n'est donc pas fondée sur un rapport, établi de l'extérieur, entre le hors-texte et le texte – car un tel rapport ne pourrait être que de ressemblance, et ne prouverait rien. Elle n'est pas fondée non plus sur une analyse interne du fonctionnement du texte, de la structure ou des aspects du texte publié; mais sur une analyse, au niveau global de la *publication*, du contrat implicite ou explicite proposé par l'auteur au lecteur, contrat qui détermine le mode de lecture du texte et en gendre les effets qui, attribués au texte, nous semblent le définir come autobiographique». P. Lejeune, *Le pacte autobiographique*, Paris, 1975, p. 44.

воспоминаний также встречается заключение, адресованное читателю в качестве некоего договора между ними: «Впрочем, внимательный и благосклонный читатель моих книг узнает из них немало того, что имеет значение общее и непреходящее в связи с историей моей жизни»¹⁵.

Четвертая группа – дневниковые записи. В автобиографическом наследстве Чулкова сохранились два основных источника: дневник «Откровенные мысли» и некоторые листки из дневника, обнаруженные в папке, содержащей записную книжку писателя. «Откровенные мысли» были впервые опубликованы в 2003 году Н. Ю. Грякаловой в книге «Писатели символистского круга: новые материалы»¹⁶. Автограф дневника находится в архиве Чулкова в РГБ (ф. 371, к. 2, ед. хр. 1). Начиная с 1935 года писатель ведет дневник, который правомерно стоит в одном ряду с другими его авто-документальными записями (мемуары, автобиографические записки, биографические заметки, воспоминания и т.п.) – вскоре, страницы этого дневника становятся символом внутренней свободы и выражением независимости индивидуальной личности, которые, в те времена, могли бы осуществиться только в тайных условиях¹⁷. Записи дневника только на первый взгляд кажутся фрагментарными и разбросанными – кругозор затронутых тем является действительно широким и всесторонним. На самом деле Чулков стремится воссоздать, в этом автобиографическом документе, образ целостности внутреннего мира, объединенный религиозным мировоззрением писателя.

Совершенно иными на концептуальном уровне представляются листы, взятые из записной книжки Чулкова, хранящейся в архивах РГАЛИ (ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107). Среди намеченных планов литературных произведений и критических статей, наблюдается десяток «изолированных» от остальных листов. При подробном их рассмотрении они оказываются отрывочными дневниковыми записками, которые писатель вел в 1920 году. О том, что эти листы можно справедливо отнести к дневниковому жанру свидетельствует следующее высказывание Чулкова от 4 июня 1920 года: «Прошло почти полтора месяца. Я не раскрывал дневника»¹⁸. Этот документ представляется для биографа особенно интересным в связи с тем, что в нем прослеживается смешение биографических сведений и оценочных суждений об

¹⁵ Г. И. Чулков, *Годы Странствий*, ук. соч., стр. 420.

¹⁶ Г. И. Чулков, «Откровенные мысли» [пред. публ. и комм. Н. Ю. Грякаловой] // *Писатели символистского круга: Новые материалы*, СПб., 2003, стр. 457-499.

¹⁷ Как отметил исследователь, Чулков не только сознательно вел дневник, но и преобразовал эту интимную сторону его жизни в литературный оборот, написав повесть «Вредитель». Об этом см. в : Г. И. Чулков, «Откровенные мысли», ук. соч., стр. 464.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107, л. 55об. Текст листков из дневника представлен в конце данной работы, в разделе «Приложения».

окружающей его в ту пору реальности. В конце этих бумаг приведено завещание писателя, датированное 6 декабря 1921 г.

В пятой подгруппе источников представлены мемуары писателя. Речь идет о книге воспоминаний «Годы странствий», изданной Чулковым в 1930 году при московском издательством «Федерация»¹⁹. Проект данного произведения задумывался им в середине двадцатых годов, когда его жизнь, после глобальных потрясений, вызванных Октябрьским переворотом, начала складываться по-иному в связи не только с политической и культурной обстановкой, но и с ухудшением его физического состояния и социального положения²⁰. Книга «Годы странствий» основана на трех фундаментальных повествовательных линиях: 1) факты и события, связанные непосредственно с автором и обрисовывающие «характеристику эпохи»; 2) люди и персонажи – «ревнителю символизма» – определяющие культурную и литературную сцену страны и 3) символизм, оправдание которого проходит красной нитью сквозь все повествование мемуаров. Чулков стремился воссоздать особенно психологическую атмосферу начала XX века, воспроизвести нравственные принципы и идеалы, ведущие к основным историческим и литературным переменам страны. Автор сознательно старается избегать собственного индивидуального голоса, выступая в роли занимательного рассказчика, обсуждающего людей и факты: «Философствовать по этому поводу я не намерен, ибо в моих неприятельных записках я рассказываю не об идейной тогдашней эволюции нашей, а просто о людях и фактах, сознательно оставаясь в пределах психологизма...»²¹. На этих страницах не прослеживаются авторское исповедание, исторические исследования, общественно-социальные отступления: с посредствующим влиянием развития собственной индивидуальной личности, перед глазами открывается серия импрессионистки написанных эскизов, из которых вырисовывается общая картина эпохи²².

Мемуары охватывают достаточно большой промежуток времени, от каторжной ссылки до начала Октябрьской революции: они состоят из различных глав, поэтапно описывающих определенные периоды жизни автора и, соответственно, очерчивающих определенные моменты жизни эпохи. В книгу вошли воспоминания Чулкова, восстанавливающие

¹⁹ Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930. Отметим, что книга была переиздана М. В. Михайловой в 1999 году: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999². В нашей работе мы все-таки используем оригинальное издание 1930 года.

²⁰ До выхода отдельной книжки некоторые главы «Годы странствий» были опубликованы на страницах журналов эпохи. См.: «Мои тюрьмы. Воспоминания» // «Прожектор», 1926, № 17 (87); «Якутская ссылка. Воспоминания» // «Красная Нива», 1926, № 7; «В. Я. Брюсов. Воспоминания» // «Искусство», II, М., 1926; «Александр Блок и его время» // *Письма Александра Блока*, Л., 1925, стр. 89-172.

²¹ Г. И. Чулков, *Годы странствий*, ук. соч., стр. 63.

²² «Читатель не найдет исповеди автора. Нет в ней и широкой картины быта. Оправдание этой книги – в характеристике эпохи, поскольку жизнь ее отразилась в психологии ревнителей символизма. Само собою разумеется, что эти литературные очерки не исчерпывают всех моих воспоминаний, но пусть по крайней мере эти фрагменты сохраняются для читателей» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930, стр. 5.

многочисленные факты общественных явлений и социальных потрясений, произошедших в “революционной” юности автора («Юность», «Мои тюрьмы», «Якутская ссылка», «Под гласным надзором»). Книга открывается следующими словами: «Два демона были моими спутниками с отроческих лет – демон поэзии и демон революции. Я всегда хмелел от песен Музы, и я всегда был врагом “старого порядка”. А порядок в те годы был очень твердый, и казалось, что такую огромную империю, страшную в своем бездушном казенном благополучии, заколдованную таким колдуном, как Победоносцев, никак не расколдовать, никак не пробудить от ее мрачного и тяжелого сна»²³. Приписав такую характеристику своему юношескому формированию, Чулков непосредственно связывает свой личный опыт с духом эпохи: канун Февральской революции 1905 года – это время социально-общественных потрясений, породивших в обществе предчувствие грядущего катаклизма и заставивших русскую интеллигенцию погрузиться в размышления о необходимости социально-политической перестройки в связи с религиозно-идейными исканиями современности. Рассказ о студенческих вовлечениях Чулкова в революционные кружки занимает, хотя небольшое по объему количество страниц, но достаточное, чтобы вывести на первый план проблему о нравственном формировании общественных вопросов и идеалов той поры.

Деятельность журналов и альманахов («Новый путь», «Вопросы жизни», «Факелы», «Весы»), в центре четырех глав мемуаров, обуславливается тем, что с ней были связаны первые опыты на литературной сцене страны. Для сегодняшнего читателя подобные воспоминания, связанные с его редакторской деятельностью, интересны именно потому, что они предоставляют иной взгляд на те бурные события, впоследствии так сильно отразившиеся на судьбе писателя и вызвавшие «литературную кампанию» против него.

Предоставляя место описанию литературной панорамы в первой части книги, Чулков переходит к воспоминаниям о тех людях, которые именно и создали эту панораму и которых писатель считал примерными представителями, творящими эпоху. Таким образом он выделяет отдельные главы для «ревнителей символизма» – здесь фигурируют самые громкие имена: «В.Я. Брюсов», «Леонид Андреев», «Александр Блок», «Федор Сологуб». Если главы, посвященные Брюсову и Блоку дополняются опубликованием сохранившихся писем, то значимость всех остальных деятелей автор подчеркивает различными живописными очерками-воспоминаниями: «Художники» представляет собой обстоятельный обзор самых крупных художественных деятелей, составляющих организацию «Мир Искусства» – Сомов, Лансере, Серов, Голубкина; «Театральные заметки» – экскурс в историю русской театральной

²³ Г. И. Чулков, *Годы странствий*, ук. соч., стр. 7.

словесности, в которых Чулков рассказывает о театрах Петербурга, о Мейерхольде, Станиславском, о постановке пьесы Блока «Балаганчик».

Глава «Годы странствий», расположенная как раз в середине книги, выступает промежуточным этапом, разделяя таким образом мемуары на две основные части: первая – формирование и самоопределение творческой личности в литературной и культурной среде эпохи сквозь представление конкретных фактов и персонажей; вторая часть, это свод личных воспоминаний, вытекающих из памяти писателя: речь идет об очерках, в которых описываются скитания автора по Европе в годы, предшествующие началу Первой мировой войны («Годы странствий», «Письма из Парижа (1911 г.)», «Возвращение на родину», «В горах», «От Женевы до Софии. Письма 1915 г.») и о воспоминаниях о службе на фронте во время конфликта. Завершаются мемуары тревожными событиями переворота («На родине», «Мартовские дни»). Наряду с мемуарами других представителей интеллигентской среды той поры, книга воспоминаний Чулкова также является интересным документальным материалом, содержательным источником для исследования не только жизни писателя, но и широкого и богатого периода истории русской культуры.

Необходимо здесь упомянуть еще один источник, который был проанализирован и использован нами в ходе исследования и который также можно отнести к области мемуарного наследия писателя. Это неизданные воспоминания его жены, Надежды Григорьевны Чулковой. Чулков сам оставил жене завещание «рассказать все, что было видно и слышано в нашей с ним жизни»²⁴. Существуют несколько экземпляров этой рукописи, они хранятся в архиве РГБ (ф. 371, к. 6, ед. хр. 1), ИРЛИ (Р. I, оп. 35, ед. хр. 192) и в музее-квартире Александра Блока в Санкт-Петербурге. За исключением нескольких глав, воспоминания жены остаются до сих пор не изучены и только частично опубликованы²⁵. Как было отмечено Л. А. Ильюниной, большие по объему (353 листа машинописного текста) воспоминания Надежды Григорьевны, написанные в 50-ые годы, действительно являются продолжением мемуаров мужа – они построены по тому же композиционному принципу: в первой части мемуаров Надежда Григорьевна повествует о центральных событиях, эпизодах и фактах личной жизни, уделяет внимание воссозданию истории их знакомства, ареста Чулкова, жизни в Сибири и,

²⁴ Цит. по: Н. Г. Чулкова, «“Ты – память смолкнувшего слова”: Из воспоминаний о Георгии Чулкове» // «Вестник русского христианского движения», 1987, № 157, стр. ; 125-151; здесь стр. 126.

²⁵ Некоторые, самые значительные главы мемуаров являлись объектом отдельных публикаций. См.: Н. Г. Чулкова, «Воспоминания о Блоке» // *Александр Блок и современность*, М., 1981, стр. 337-342; Она же, «Валентин Александрович Тернавцев» // «Вестник русского христианского движения», 1981, № 134, стр. 114-115; Она же, «“Ты – память смолкнувшего слова”: Из воспоминаний о Георгии Чулкове» // «Вестник русского христианского движения», 1987, № 157, стр. 125-151; Она же, «Об Анне Ахматовой» // *Воспоминания об Анне Ахматовой*, М., 1981, стр. 36-40; Она же, «Воспоминания» // А. С. Голубкина, *Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников*, М., 1983, стр. 294-299; «Надежда Чулкова. Портрет Леонида Андреева. 1906-1908 гг.» [подг. текста, публ. и комм. Фредерик Х. Уайта] // «Солнечное сплетение», 2003, № 5-6 (24-25), стр. 332-340.

следовательно, в Нижнем Новгороде; затем, так же, как и Чулков, она посвящает некоторые главы портретам «замечательных людей», которые сыграли, по мнению мемуариста, немаловажную роль в ее жизни и в жизни мужа. Надежда Григорьевна не останавливается на лицах, о которых Чулков подробно рассказал в его воспоминаниях (например Брюсов, Мережковские), а дополняет и снабжает деталями описание отношений с Блоком, Андреевым, Сологубом, Городецким и, что представляется самым существенным, довольно подробно описывает те знакомства, которых Чулков не касался в «Годах странствий»; таким образом, обнаруживаются воспоминания об Анне Ахматовой, Вяч. Иванове, Е. П. Иванове, А. С. Голубкиной, А. М. Ремизове, Вл. Пясте, В. Н. Ивойлове, В. А. Тернавцеве, П. Е. Щеголеве, А. А. Пушкиной, А. Герцык. К тому же, Надежда Григорьевна часто приводит к этим воспоминаниям сохранившиеся письма к ней, стихотворения, очерки и т.д. Отдельные главы посвящены тем местам, оказавшимися значительными для супругов: Рим, Флоренция, Париж, Швейцария, Царское село, Мураново, Оптиная Пустынь. В отличие от воспоминаний Чулкова, здесь дано подробное описание единственного сына Чулковых – Владимира.

- **Эпистолярное наследие писателя**

Эпистолярное наследие Чулкова составляет вторую группу первоисточников, которые были детально изучены для создания научной биографии писателя. В его личных архивах сохранилось огромное количество писем к соратникам по перу, участникам литературного процесса, людям, с которыми у него имелись точки духовного соприкосновения или, напротив, серьезные идейные расхождения. Всего малейшая часть эпистолярного наследия была издана до сих пор: можно перечислить, в первую очередь, письма В. Я. Брюсова и А. А. Блока к Чулкову, опубликованные самым Чулковым в 1930 году в книге воспоминаний «Годы странствий»²⁶; им были также опубликованы, в 1924 году, письма к нему Леонида Андреева²⁷. Затем были опубликованы: письма к Чулкову Б. К. Зайцева²⁸ (2000 г.), А. М. Ремизова²⁹ (сетевой ресурс), Г. Э. Тастевена³⁰ (1982 г. и 2015 г.), В. Ф. Ходасевича³¹ (1994 г.); переписка

²⁶ «Письма В. Я. Брюсова» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930, стр. 317-359; «Письма Александра Блока» // Там же, стр. 360-398.

²⁷ *Письма Леонида Андреева* [предисловие и послесловие Георгия Чулкова], Л., 1924.

²⁸ Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10. Письма 1901-1922*, М., 2001.

²⁹ «Письма А. М. Ремизова к Г. И. Чулкову» [публ., вступ. заметка, коммент. М. В. Михайловой] // Интернет-Энциклопедия «Στεθαιος». Русская литература и культурная жизнь, доступная по электронному адресу: <<http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=856>>.

³⁰ См. публикацию избранных писем в: *Литературное наследство. Т. 92. Т. 3*, М., 1982 и в: Н. В. Котрелев, «К истории русского турне Ф. Т. Маринетти» // «Russica Romana», 2015, XXII, стр. 93-105.

³¹ И. Андреева, «Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову» // «Опыты: Журнал эссеистики, публикаций и хроники», 1994, кн. 1, стр. 76-101.

Чулкова и Тициана Юстиновича Табидзе³² (1987 г.); письма Чулкова к В. Н. Фигнер³³ (1995 г.) и А. С. Яценко³⁴ (2003 г.).

Среди до сих пор не исследованных и неопубликованных писем, мы уделяли особенное внимание к трем архивным корпусам: 1) семейная переписка Чулковых³⁵; 2) письма Чулкова к Л. М. Лебедевой³⁶; 3) переписка Чулкова с Вяч. Ивановым³⁷. Это большое количество писем хранится в настоящее время в личных фондах писателя, находящихся в главных архивах страны (РГАЛИ, ИМЛИ, РГБ). Ключевым первоисточником нашего исследования является именно семейная переписка Чулковых. Она полностью охватывает весь жизненный путь писателя, с 1901 до 1938 года (Чулков скончался в январе 1939 года).

Семейная переписка Чулковых – уникальный источник. Она не столько уникальна по объему сохранившихся писем (который все-таки состоит из около восьмисот посланий), по тщательности – порой доходящей до педантичности – с которой каждый раз излагались адресату события, по искренности передаваемых отношений, по эффекту «прямой трансляции» в отражении жизни, как совершающийся процесс – в этом смысле письма авторитетно выступают в качестве летописного свода для детализации биографического прошлого писателя. Ее уникальность заключается в том, что она задумывалась ее автором, как своего рода личное завещание, как бы синхронной реализации на бумаге того, что параллельно происходило в реальности. Чулков осознавал значение документов этого рода, понимал, какую роль могут сыграть автографы, оказавшиеся в руках заинтересованного в их изучении человека, и поэтому выстраивал свою жизнь под «биографическим» знаком. Переписка излагалась таким образом, чтобы она сохранилась для будущего биографа. Об этом говорит сам Чулков в разных случаях, обращаясь напрямую к его будущему биографу: «Я знаю, что будущий мой биограф будет разводить руками, уличая меня в противоречиях, но он будет

³² Г. И. Чулков, Т. Табидзе, «В страну волшебную вхожу...» (Переписка поэтов Г. Чулкова и Т. Табидзе) [вступ. ст., публ. и ком. П. Нерлова] // «Нева», 1987, № 5, стр. 194-198.

³³ Я. В. Леонтьев, «"... ничто не может заменить религию" (Сокровенные письма Георгия Чулкова)» // «Звезда», 1995, №3, стр. 116-125.

³⁴ *Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском институте* [сост., вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз], М., 2003.

³⁵ Автографы семейной переписки Чулковых хранятся в РГАЛИ, см.: письма Чулкова – ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480—484; письма Надежды Григорьевны – ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399—401. Машинописная копия этой переписки, с описью и примечаниями Надежды Григорьевны, хранится также в архивах ИМЛИ, см.: ф. 36, оп. 3, ед. хр. 8—27. Для нашего исследования мы использовали автографы, хранящиеся в РГАЛИ. Нами было переписано 1470 листов, составляющих целый корпус семейной переписки. Ее текст печатается по этим автографам и приводится в конце работы, в разделе «Приложения». Каждое письмо сопровождается текстологической преамбулой.

³⁶ Автографы писем Чулкова к Л. М. Лебедевой хранятся в РГБ, ф. 371, к. 8, ед. хр. 8—16 и к. 9, ед. хр. 1—3.

³⁷ Корпус переписки Чулкова с Вяч. Ивановым хранится в трех разных архивах. Основная часть писем – в РГБ, см.: ф. 109, к. 39, ед. хр. 45—47 и ф. 371, к. 3, ед. хр. 45. Некоторые письма Чулкова и Вяч. Иванова находятся в личном архиве Чулкова в РГАЛИ, см.: ф. 548, оп. 1, ед. хр. 263 (письма Чулкова) и ед. хр. 339 (письма Вяч. Иванова). Отдельные письма имеются в Риме, в Римский Архив Иванова, см.: оп. 5, к. 11, п. 10. Они были изданы в публикации Л. Н. Ивановой, «Вячеслав Иванов – Борис Зайцев – Георгий Чулков (Из архивных разысканий)» в *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, СПб., 2006, стр. 161-172.

круглый дурак, если посмеет сомневаться в том, что я “никогда тебе не изменял”, несмотря на все как будто явные мои странствия по иным душам и сердцам. Пойми, глупый биограф, что я не лгу»³⁸; «Очень тебе рекомендую в моих интересах, а также в интересах будущих биографов ставить на письме число, месяц и год»³⁹; «Пусть будущий биограф мой будет перечислять с нехорошим любопытством мои грехи и пороки, и пристрастия, но “вечного” от меня никто не отпилит – значит, и моей любви к тебе»⁴⁰.

Анализ и подробное рассмотрение семейной переписки, писавшейся на протяжении почти всей жизни Чулкова, позволяет раскрыть и расширить разные аспекты биографии писателя, потому что определяет авторский замысел в передаче событий, фактов, мнений, отслеживать отражение культурных явлений того времени, понять формирование творческой судьбы Чулкова в культурном пространстве эпохи. Кроме того, она помогает осмыслить двойственное восприятие личности Чулкова, укоренившееся в современном литературно-культурном обществе. Можно выделить четыре характерных направления, объединяющие всю переписку: 1) давление бытовой повседневности по отношению к творческому развитию писателя; следствия долгих болезней; исходная взаимосвязь социальных и творческих сфер жизни; 2) внешние и внутренние обстоятельства, оказавшие влияние на личное развитие автора; эпизоды, изменяющие мирозерцания человека; 3) душевное и духовное развитие писателя, приведшее к переосмыслению духовных, социальных и нравственных догм; 4) формирование творческой лаборатории писателя; сотрудничество с современными литераторами.

Известный биограф Роберт Джиттингс написал, что «может быть, для современного биографа даже важнее чем изучение психологической или медицинской истории человека, является полная оценка экономических и социальных обстоятельств»⁴¹. Именно подобные факторы оказали наиболее сильное влияние на формирование творческой судьбы писателя, определившие процесс издания произведений, усеянный то неудачами, то непониманиями, то цензурными препятствиями и усложнившие житейские условия. Из сохранившегося корпуса писем размышления над бытом составляет едва ли не самую большую часть: это проблемы, связанные с местом жительства, с лечением болезни, мучившей его на протяжении всей жизни, со службой во время Первой мировой войны, забросившей Чулкова далеко от семьи; это и нестабильность доходов, влиявшая на возможность плодотворно работать.

Культурная сцена страны также находит отражение на страницах писем: Чулков

³⁸ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 77.

³⁹ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 89.

⁴⁰ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 1.

⁴¹ R. Gittings, *The nature of biography*, Seattle, 1978, стр. 54.

рассказывает о людях, событиях и фактах, непременно связанных с эпохой модернизма, в которую писатель сильно стремился попасть, энергично придумывая разнообразные художественные планы. Его письма хорошо передают дух эпохи, стиль жизни ее обитателей, пафос и оживленность литературного процесса.

Важное место в письмах занимают также размышления о творческих планах: на этих страницах находят место замыслы о написании путевых заметок (в связи с путешествиями по России и за рубежом), пьес, театральных постановок собственных драм, издание рассказов и стихотворений. Изредка встречаются отдельные стихотворения, посвященные жене. Однако, ключевое место в этом документальном своде занимает душевное и духовное развитие писателя. Переломным моментом данного процесса является смерть сына супругов, случившаяся в сентябре 1920 года, после которой в их жизнях происходит подлинное воцерковление. После этого трагического события их письма наполняются цитатами из православных богослужений и писаний, становится ясно, что отныне их жизнь подчиняется православными канонам. Это влияет также на стилистику писем, которые становятся более уважительными. История взаимоотношений Чулкова с женой выступает в этой переписке с особой значимостью; изначально возникающее как совместное сожительство в первые внебрачные годы, в дальнейшем оно обогащается духовно, сочетая в себе любовь и веру. Все это укрепляет их союз и ведет супругов к подлинному исповеданию христианского вероучения.

Второй архивный источник, проанализированный нами, – письма Чулкова к Людмиле Михайловне Лебедевой. Этот корпус является особенно ценным для восстановления биографии писателя 20-ых и 30-ых годов, поскольку связь между Чулковым и «милой цыганочкой» (так Чулков обращался к своему адресату в письмах), и, соответственно, их эпистолярное общение, начались именно в ту пору. Верная преданность к жене не помешала писателю испытывать к Лебедевой, балерине и актрисе драматургических театров, самые теплые чувства: их отношения он стремился оформить в соответствии с высшими идеалами платоно-соловьевского канона любви⁴². Сохранилось более двухсот писем Чулкова к

⁴² Эти письма были мною выписаны из архивных подлинников и стали объектом исследования, проведенном совместно с М. В. Михайловой. Результаты этой работы были представлены на двух конференциях в 2016 году. Первая конференция – «Четырнадцатые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя», состоявшая в Санкт-Петербурге 20-22 апреля; вторая – «Автобиографические исследования в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики», которая происходила в Москве в первых числах июня 2016 г. Доклады, прочитанные на этих конференциях, были опубликованы в сборниках по итогам конференций. См.: М. В. Михайлова, К. Рампаццо, «Частные письма Г. И. Чулкова как источник биографических сведений» // *Четырнадцатые чтения В. В. Иофе. Право на имя*, СПб., 2016, стр. 85-89; М. В. Михайлова, К. Рампаццо, «Автобиографический компонент в эпистолярии: письма Г. И. Чулкова к жене и возлюбленной» // Сборник по итогам конференции «Автобиографические исследования в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики» (печатается).

Лебедевой (ответные ее письма не обнаружены), написанных начиная с 1923 года и вплоть до 1938 года. Их значительное преимущество заключается в том, что они выступают, как прямое свидетельство о довольно длительном периоде жизни писателя (почти пятнадцать лет), располагающееся, таким образом, в одном ряду с семейной перепиской, дополняя ее «пропущенные» места. Наряду с этим, письма к Лебедевой представляют для биографа особый интерес в связи с тем, что в них ярко отражается творческий процесс писателя.

Третий эпистолярный, представляющий важным в подготовке документальной базы о жизни Чулкова, – его до сих пор неизданная переписка с Вяч. Ивановым. Этот документ позволяет раскрыть отдельные периоды жизни и деятельности писателя, а также следить за развитием его творческой индивидуальности. Несомненно, что Вяч. Иванов сыграл ключевую роль в жизни Чулкова: достаточно здесь упомянуть, что их духовная и идейная близость в 1904-1905 гг. породила учение о «мистическом анархизме». Эти письма несут существенную информацию об их взаимоотношениях, о личной жизни Чулкова, о его отношении к происходящим историческим и культурным событиям, о собственных взглядах на проблемы литературы и искусства. При сопоставлении с другими источниками, они расширяют спектр общих знаний о пройденном Чулковым жизненном пути.

- **Художественное наследие писателя**

Важнейший источник, на основе которого создается научная биография Чулкова – его художественное наследие. В течение почти сорока лет непрерывной творческой деятельности, Чулков все-таки опубликовал немалое количество произведений. Существует даже прижизненное собрание сочинений писателя, состоявшее из шести томов, в котором собраны рассказы, стихотворения, драмы и критические статьи, написанные им в первой половине XX века. Это издание, хотя и подробно, но далеко не полностью характеризует многогранность его литературной карьеры. Чулков также публиковал, на страницах журналов и газет, многочисленные рассказы, повести, статьи, очерки, заметки, рецензии и т.п., о которых до сих пор мало известно. Это сведения, которые удастся установить только при тщательной подготовительной работе над научной биографией писателя. Наряду с этим, многие произведения и критические работы незаслуженно остались и остаются до сих пор неизданными и сохранены в личных фондах государственных архивов. Только благодаря научной работе исследователей, начиная с последней декады XX века, имя и творчество Чулкова стали постепенно возвращаться к читателю. Подробное изучение и рассмотрение творческой деятельности писателя позволяет показать главное в жизни Чулкова – его

незаурядную жизненную и творческую энергию, являющуюся отличительным знаком его личной биографии.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. Г.И. ЧУЛКОВ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО С 1879 Г. ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глава 2.1

Детство и юность писателя (1879-1890 гг.)

О детстве и юности Чулкова не сохранилось большого количества документов. Основным материалом для описания этого периода являются отдельные воспоминания самого писателя, касающиеся в частности его детства и юношеских лет. Рукописи хранятся в РГАЛИ, в личном фонде Чулкова¹. Существуют несколько вариантов этих автобиографических заметок, отличающихся друг от друга полнотой информации, детализацией приводимых фактов и их объемом. М. В. Михайловой была впервые опубликована самая полная версия этих воспоминаний в переиздании книги «Годы странствий» 1999 года. Однако здесь и далее дано предпочтение рукописному (машинописному) варианту этих воспоминаний, хранящемуся в архиве, поскольку из публикации была исключена глава, касающаяся революционной деятельности Чулкова, которая является безусловно незаменимым источником для составления научной биографии писателя. Наряду с этим, имеются опубликованные воспоминания старшей сестры Чулкова, Любови Ивановны, «Воспоминания из детской жизни о Георгии Ивановиче»². Эти страницы, написаны по всей вероятности по случаю смерти брата в 1939 году, несмотря на небольшой объем, представляют собой немалый интерес, так как они служат дополнительным источником для общего представления о ранних годах жизни будущего писателя. Некоторые отсылки к детству встречаются еще в двух вариантах автобиографий, опубликованных соответственно в 1911 и 1928 году³.

Все эти воспоминания и автобиографии были составлены, когда Чулков был уже состоявшимся писателем. Описание самым автором прошлого избирательно и субъективно.

¹ Рукописи этих воспоминаний хранятся в РГАЛИ: Ф. 548, оп. 1, ед. хр. 244, л. 1—40: «Воспоминания», автограф; л. 41—57: «Воспоминания», машинопись; л. 58—75: «Воспоминания», машинопись; л. 76—87 «Автобиография», машинопись. Листы 58—71 и, отдельно, лист 74 были включены в книгу «Годы странствий», переизданную в 1999 году М. В. Михайловой. См.: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999², стр. 405-420. Для обозначения цитат, взятых из этих источников, будут использованы соответственно следующие условные сокращения: [Воспоминания, с указанием номера листа] для воспоминаний в л. 58—75 и [Воспоминания II, с указанием номера листа] для воспоминаний в л. 76—87.

² Рукопись воспоминаний Любови Ивановны Чулковой хранится в отделе рукописи РГБ: Ф. 371, к. 5, ед. хр. 39. Публикация была осуществлена Е. Пажитновым на сайте: <<http://www.proza.ru/2014/06/13/859>> [Последнее посещение: 17.01.17].

³ См.: «Георгий Иванович Чулков» – автобиография 1911 года – в *Первые литературные шаги*, М., 1911, стр. 126-128; «Георгий Иванович Чулков» – автобиография 1928 года – в *Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков*, М., 1928, стр. 368-373. Для обозначения цитат, взятых из этих источников, будут использованы следующие сокращения: [Автобиография 1911] и [Автобиография 1928].

Перед тем, как начинать изложение своей биографии Чулков делает следующую оговорку: «Буду записывать все то, что помню, не мудрствуя лукаво, вероятно, записки мои будут несколько беспорядочными, и потому прошу читатель извинить меня за возможную непоследовательность и за случайность этих моих воспоминаний» [Воспоминания, л. 75]. Одни события упомянуты вскользь, значение других весьма преувеличено. Разумеется, это связано с авторским восприятием прошедших событий и с их возможной переоценкой. Однако, как заметила М. В. Михайлова, эти воспоминания «выделяются полнотой историко-литературного содержания и могут быть рассмотрены как введение в творческую лабораторию начинающего писателя: многие эпизоды, описанные в них, послужили затем основой произведений»⁴.

* * *

Чулков родился 8 января 1879 года⁵ в Москве и, согласно церковному календарю, был назван в честь преподобного Георгия Хозевита (VII век). В поздних дневниковых записях Чулков выделил под датой 8 января 1936 года кондак преподобному Георгию Хозевиту, таким образом подтвердив его день рождения: «Явился еси светило пресветлое, Георгие, озаря божественными зарями верно зовущие ти: моли о нас Владыку Христа, являшагося во струях, и посещшаго земнородных»⁶.

Его отец, Иван Иванович Чулков (<18??>-1903) – дворянин, родом из уже обедневших к началу XIX века Тамбовских дворян. У дедушки Чулкова в собственности остался только приписанный в Тамбове дом, без земельного участка, который впоследствии сгорел. В пожаре были уничтожены все записи их семейной родословной. В автобиографии 1928 года Чулков рассказывает: «Отец рассказал, я помню, что наша “грамота” и генеалогическое “дерево” сгорели во время пожара в доме моего деда, в Тамбове. Отец и я почему-то были записаны в московских дворянских книгах, но деды наши были тамбовцы» [Автобиография 1928, с. 369]. Чулков-отец не сразу позаботился о восстановлении сгоревшей родословной, и только в 1895 году он приписал себя и сына к московскому дворянскому роду. Запись в издании «Московское дворянство» подтверждает этот факт: «ЧУЛКОВЫ. № 2414. III. [1895]. Ат. о служ. Ст. Сов. Ивана Ив. 1895 г. Его же грам. на орд. Св. Владимира 4 ст. 1895 г.»⁷. Эти данные

⁴ Г. И. Чулков, *Годы странствий*²; ук. соч., стр. 781.

⁵ До 1918 г. все даты приводятся по старому стилю.

⁶ Г. И. Чулков, «Откровенные мысли» [пред., публ. и коммент. Н. Ю. Грякаловой] // *Писатели символистского круга: новые материалы*, СПб., 2003, стр. 457-499; здесь с. 473.

⁷ *Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания*, М., 1910, стр. 482.

позволяют подтвердить правдивость версии Чулкова. В справочнике «Вся Москва» положение Чулкова-сына указано – потомственный дворянин. Наряду с этим, к отцовскому родословному древу Чулков приписывает одного из древних ханов Золотой Орды – Обида⁸. Об этом он говорит не только в воспоминаниях: «Один из отдаленных предков наших был, по рассказам отца, хан Золотой Орды – Обида» [Воспоминания, л. 58], но и в письме от 20 мая 1938 года к возлюбленной Людмиле Лебедевой: «Предполагал я съездить в Бахчисарай, где на кладбище покоится хан Золотой Орды Обида, мой предок [...]»⁹.

Из этого следует, что воспитание и образование для Ивана Ивановича Чулкова было классическим для небогатого дворянства того времени. Образование он получил в школе Министерства государственных имуществ, после чего служил чиновником по военному ведомству сначала в провинции, потом в столице. Он был человек тихий и сосредоточенный, проводил жизнь замкнуто и скромно. В отличие от сына, художественная литература его не увлекала. Служебное положение его было весьма невысоко, жалование он получал скромное, отчего семья жила вовсе не богато. Это подтверждает и сам Чулков. Вспоминая о покойной сестре, он пишет: «Родилась Соня в какой-то несчастный год, когда семья наша особенно нуждалась. Она явилась на свет нежеланной, и вся ее детская короткая жизнь прошла в печалих и муках» [Воспоминания, л. 59]. Основной доход семьи составили средства, вырученные от издания юридических справочников и руководств¹⁰, составлением которых Чулков-отец (уже в чине статского советника) занялся после выхода в отставку. Тем не менее, именно благодаря этой работе, Иван Иванович «получил известность, как один из комментаторов нашего законодательства в эпоху “великих реформ” Александра Второго»

⁸ Не удалось на данный момент восстановить данные о хане Золотой орды под этим именем.

⁹ РГБ, ф. 371, к. 9, ед. хр. 2, л. 19об. Людмила Михайловна Лебедева – актриса и балерина драматических театров, возлюбленная Чулкова. Начиная с 20-ых годов занимает особое место в жизни писателя. Чулков писал ей множество писем, посвятил разные стихотворения. До сих пор неизданные письма Чулкова к Лебедевой хранятся в архиве РГБ.

¹⁰ Приводим библиографические сведения некоторых работ И. И. Чулкова. Ср.: *Справочная книга, для (руководства) городских приставов, помощников их и полицейских надзирателей, составленная коллежским советником Ив. Чулковым: в 2 ч., М., 1878; Руководство волостным и сельским обществам и должностным лицам относительно порядка исполнения возложенных на них законом обязанностей, составленное Ив. Чулковым, М., 1879; Обязанности сельских обществ, старост, сборщиков податей, смотрителей магазинов и проч. должн. лиц сельского общественного управления, по Положению 19 февраля 1861 года и другим позднейшим законоположениям и правительственным распоряжениям, М., 1879; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в практическом применении его чинами полиции по составлению протоколов, М., 1882; О правах личных по состоянию и имуществу крестьян всех наименований и волостной суд по спорам, тяжбам и проступкам: руководство, сост. по изд. и прод. Св. зак. 1876-1886 гг. с разъяснениями по решениям Сената и др. правительств. распоряжениям, М., 1888; Систематический сборник узаконений (2500 статей) для чинов городской полиции, составленный из пятнадцати томов Св. зак., по изданию и продолжениям 1857-1887 годов, М., 1889; Систематический сборник узаконений (до 5000 ст.) к новому закону о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений: в 2 ч., М., 1890; Подробный алфавитный указатель к Своду законов Российской империи, согласованный с Алфавитным указателем официального издания 1860 года, по современному состоянию Св. зак. изданий 1857-1893 годов и Справочная книга, содержащая в себе всесторонний обзор – подробное оглавление каждого из шестнадцати томов Св. зак. и особые Указатели статей, измененных, дополненных и замененных по Продолж. 1890-1893 годов, М., 1895.*

[Автобиография 1911, с. 126-127]. Он «верил, что реформы придут сверху и весьма боялся революции» [Воспоминания, л. 66].

По отцовской линии был еще один родственник, родной брат отца – Григорий Иванович (1838-<1911?>). По профессии врач, закончил в 1860 году медицинские курсы. С 1866 года служил старшим окружным врачом по Козловскому и Лебедянскому уездам, а в 1890-1893 годах вольнопрактикующим врачом. С 1893 года был назначен титулярным советником. Вместе с женой, Серафимой Александровной, жил на даче в Тамбовской губернии, в уездном городе Козлове (ныне Мичуринск), куда Чулков часто ездил вместе со своими родителями на каникулы. О нем Чулков оставил такой портрет: «Дядюшка мой был доктором и, как говорили тогда, талантливым. Пациентов-почитателей у него в Козлове было много, несмотря на строгий и суровый его нрав. Ко мне он был благосклонен и, кажется, любил меня. Он был умный и начитанный человек и говорил нередко, что избрал медицинскую профессию по какому-то злому случаю, а что ему надо бы было быть филологом. В самом деле, он, по-видимому, любил литературу больше всего на свете, понимал толк в языке и в стиле, и мы с ним нередко, восхищаясь, читали вместе Пушкина» [Воспоминания, л. 63].

Родословная матери будущего писателя, Александры Александровны, в девичестве Александровой, была не менее почитаемая. Предки ее были также родом из Тамбовской губернии. Ее отец, Александр Михайлович, был богатый купец-винозаводчик. «О предках матери моей, урожденной Александровой, я знаю и того меньше. Она не любила беседы на эту тему. Вероятно, причиной тому была некоторая семейная тайна, связанная с происхождением моей бабушки. Дед мой, А. М. Александров, как рассказывали, романтически тайно увез ее из Таганрога, где жили ее родители» [Воспоминания II, л. 76]. В девяностых годах XIX века, в Кирсановском уезде (ныне Инжавинское село) еще цела была усадьба и поместье «Красивка», принадлежавшие Владимиру Александровичу Александрову (1856-<1918?>), брату матери, столичному адвокату и небезызвестному драматургу, владельцу винокуренного завода, чьи пьесы часто ставились на сцене московского театра г. Корша, в петербургском Александринском и московском Малом театрах¹¹. У матери Чулкова была сестра, Софья Александровна, в замужестве Москалева. Ее муж занимал пост

¹¹ Ср., например, *Путеводная звезда (из мира кулис): драматический этюд в 4-х д.*, М., 1881; *На жизненном пиру: семейная драма в 4-х д.*, М., 1885; *Искушение: драма в 4-х д.*, М., 1888; *В селе Знаменском: пьеса из народ. жизни в 4-х д.*, М., 1889; *Уголок Москвы: комедия в 4-х д.*, М., 1891; *Изломанные люди: пьеса в 4-х д.*, М., 1893; *Песнь горя: драма в 3-х д.*, М., 1909³; *Спорный вопрос: драма в 4-х д.*, М., 1911²; *История одного брака: пьеса в 4-х д.*, М., 1913; *Волчиха: драма в 3-х д.*, М., 1913. В конце девяностых годов XX века были изданы два тома его драматических сочинений. См.: В. А. Александров, *Драматические сочинения Владимира Александрова*, т. I-II, М., 1894-1897.

председателя судебной палаты в провинции. В 1903 году С. А. Москалева окажет серьезную помощь в процессе возвращения Чулкова из Нижнего Новгорода, где он жил под гласным надзором полиции после ареста в 1902 году.

Чулков был старший из четырех детей. После него в семье родилась Любовь (1882-1973), старшая из трех сестер, затем Софья (1884-<1890?>) и Анна (1887-1964). Дети жили дружно, вместе играли и занимались. С детства Чулков отличался особенной творческой фантазией. Воспитание детей, которому отец не придавал особого значения, было повседневной заботой матери. Однако мать Чулкова, Александра Александровна, сама получила скромное начальное образование, а постоянные материальные нужды не могли обеспечить непереносимое присутствие в доме учителей. Из воспоминаний Чулкова о матери: «она никакими знаниями не обладала. Писала по-русски с грамматическими ошибками. Детей своих она любила безмерно, но худое ее образование и постоянная материальная нужда не позволили ей воспитать детей, как следовало бы. И я не мало страдал впоследствии от недостаточного моего детского воспитания» [Воспоминания, л. 66]. Чулков нежно любил сестер всю жизнь, безотказно помогал им даже в то время, когда он сам находился в очень тяжелом материальном положении. А впоследствии заботился о судьбах их детей, своих племянников. Вот что написала о нем старшая сестра Любовь Ивановна: «Георгий очень трогательно относился к моему сыну Славику (это был его любимый племянник). Время от времени Георгий оказывал ему материальную помощь. Беседовал с ним. Славик доверчиво относился к дяде Зоре <так называли Чулков в семейных кругах – К. Р.>. Были годы, когда он гостил у них летом в Оптиной Пустыни. В Москве часто заходил к ним и они угощали его обедом»¹².

Непосредственное влияние на будущего писателя оказали его родственники, интересующиеся или лично занимавшиеся литературой. Первые литературные впечатления получены непосредственно от его матери, которая любила по-настоящему поэзию и наизусть много читала стихи Пушкина. В записях Чулков сохранил сценку: «Сейчас, например, неотступно стоит в моем воображении старенькая кушетка, в глубине которой сидит моя мать, а против нее в кресле какая-нибудь ее приятельница. Одна из них вышивает, а другая – читает вслух. Я присутствую тут же, пятилетний мальчуган, <во втором варианте рукописи: семилетний – К. Р.> сижу где-нибудь внизу на скамеечке с тетрадью на коленях и цветными карандашами в руках. Так проходят долгие часы, едва ли не каждый день. Сколько я тогда наслушался великолепных историй. Вот в этой обстановке услышал я в первый раз трогательную и занятную повесть о капитанской дочке. Книги поглощались жадно усердными

¹² «Воспоминания из детской жизни о Георгии Ивановиче». Цит. по: сетевой ресурс: <<http://www.proza.ru/2014/06/13/859>> [Последнее посещение: 17.01.17].

читательницами, не замечавшими, может быть, что в их читательских волнениях участвует еще одно существо. Впоследствии эта кушетка служила и мне любимым убежищем, и я, забравшись на нее с ногами, зачитывался Майн Ридом и Жюль Верном. Впрочем период увлечения такого рода романами у меня был короче, чем у большинства сверстников. Вскоре я узнал и полюбил иных поэтов, кого и до сих пор не разлюбил» [Воспоминания, л. 58-59].

Большую роль на формирование литературного вкуса поэта оказал и его дядя по отцовской линии, Григорий Иванович Чулков. С самого детства Чулкова их связывали самые теплые отношения. Благодаря ему Чулков познакомился с творчеством Гете, Флобера, Пушкина и Тургенева. От него он научился играть в шахматы. Проводя время у него в гостях в Козлове, он впервые прочитал главу из романа Достоевского: «Отмеченные страницы я прочел с жадностью, не отрываясь. Голова моя горела. Я был в восторге. Это была глава о Коле Красоткине и других детях из “Братьев Карамазовы” Достоевского» [Воспоминания, л. 64]. Воздействие подобного детского чтения сильно отразилось на формировании мироощущения Чулкова, а в дальнейшем именно Достоевский займет центральную позицию в его взрослом сознании.

В источниках и литературе намечается еще один безусловно важный факт: творческая обстановка в доме Владимира Александрова. Проводив летние месяцы на его даче, Чулков имел возможность напрямую вникать в театральный мир того времени. Известные актеры Малого театра (Александр Павлович Ленский, Федор Петрович Горев, Владимир Александрович Макшеев, Гликерия Николаевна Федотова, и т.п.¹³) были постоянными гостями на дядюшкиных журфиксах, и эти встречи надолго оставили след в памяти впечатлительного юноши. Там он познакомился с драматической актрисой Марией Николаевной Ермоловой (1853-1928), которая часто играла главные роли в дядюшкиных пьесах: «Мария Николаевна бывала у моего дядюшки не часто, но не посчастливилось увидеть ее раза три-четыре. И в тот памятный для меня вечер, когда я впервые увидел ее, она сразу меня пленила чем-то, и я навсегда остался ее верным поклонником, а между тем у меня, мальчугана, тогда произошел с нею весьма забавный спор об актерском искусстве» [ГС¹⁴, с. 233]. Будучи студентом первых классов гимназии, он охотно посещал спектакли, которые ставились в московском театре Корша и Малом театре, посмотрев весь репертуар того времени. Затем театр стал рабочей площадкой, где будущему писателю Чулкову довелось

¹³ А. П. Ленский (наст. фам. Вервиццотти; 1847-1908) – актер, театральный режиссер и педагог; Ф. П. Горев (наст. фам. Васильев; 1850-1910) – драматический актер; В. А. Макшеев (1842-1902) – актер; Г. Н. Федотова (наст. фам. Позднякова; 1846-1925) – драматическая актриса.

¹⁴ Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930. Используется первое издание книги воспоминаний. Для обозначения цитат будет использовано следующее условное сокращение: [ГС, с указанием номера страницы].

попробовать себя в роли актера и драматурга, а его первые художественные сочинения оказались именно театральными пьесами.

Воспоминания Чулкова о детстве и юности отмечены многими характерными эпизодами, определявшими его отношение с окружающим миром. Уже к пяти годам начало проявляться своеобразие его личности: «[...] стал я задавать старшим трудные вопросы: кто создал Бога, что бывает с человеком, когда он умрет... Мать рассказывала мне впоследствии, что я очень сердился, когда она не могла мне ответить на мои вопросы» [Воспоминания, л. 61]. С этими совершенно не юношескими волнениями связано первое ключевое событие, о котором Чулков свидетельствует в своей автобиографии. Нет точной информации о том, на каком этапе оно именно произошло, тем не менее предполагается, что его можно относить к раннему его детству. Упомянутый эпизод – это своего рода страшный сон, повлиявший впоследствии на его эмпирическое понимание человеческого существования. «Проснувшись в темной комнате и увидев в полуоткрытую дверь ярко освещенную столовую, я был вдруг поражен каким-то безумием: мне казалось, что я оторван от мира, что там, за порогом, живут люди, а что я соединиться с ними никак не могу, что я один в мраке навек. [...] Я был парализован. Я не мог пошевелиться. Я не мог крикнуть. Я как будто на мгновение умер, как будто я предвосхитил смерть» [Воспоминания, л. 61].

Чулков вспоминает еще одну мучительную и неприятную страницу биографии: душевное заболевание брата отца Григория Чулкова. Бредовое состояние родного человека действовало на подсознательном уровне четырнадцатилетнего гимназиста так, что в 1903 году он убежденно распознает симптомы душевного заболевания у себя самого: «[...] я переживаю сейчас страшный духовный перелом: что выйдет из этого, я еще не знаю. Мне страшно писать то, что я пишу, потому что я вспоминаю дядю Григория Ивановича. Он тоже накануне безумия говорил о духовном переломе» [ПП, п. 35].

Стоит подчеркнуть также два события, оказавших сильное влияние на его психическое развитие: это преждевременная смерть родной сестры Софии и рождение в их семье мертвого ребенка. О первой трагедии мы находим упоминание в его личных бумагах: Чулков подробно рассказывает о внезапной кончине шестилетней сестры, смерть которой поставила перед ним ряд вопросов, поколебавших изнутри его восприятие действительности. Как было уже сказано выше, Чулков был тесно привязан к родным сестрам и не раз выступал попечителем в их защиту. Он называл себя «борцом за угнетенных» [Воспоминания, л. 59]. София умерла, когда он уже учился в первом классе гимназии. Чулков печально вспоминает момент похорон сестры: «Помню, когда Соню похоронили, я ушел в сад и ходил по дорожкам, ломая пальцы от какой-то обиды, которую, я чувствовал, мне нанесла судьба. Должно быть, я тогда впервые

думал о мировой скорби, о справедливости, об ответственности и о возмездии. Мне все мерещились прилипшие к мертвому лобуку Сони пряди волос» [Воспоминания, л. 60].

О второй семейной трагедии, рождении мертвого ребенка, не осталось никаких следов в воспоминаниях или автобиографиях Чулкова. Единственным свидетельством об этом печальном случае являются записи старшей сестры Любви. С одной стороны есть повод задуматься над достоверностью изложенного факта, учитывая, что Чулков об этом ничего не говорит. Однако некоторые детали позволяют думать о том, что подобное действительно имело место: прежде всего, это болезнь матери, возникшая из-за осложнений во время родов и мучавшая ее всю оставшуюся жизнь. Болезнь описывается в одинаковых терминах и у самого Чулкова: «В то время здоровье моей матери было очень плохо. У нее был *порок сердца* <курсив мой – К. Р.>» [Воспоминания, л. 70], и у его старшей сестры: «В тот момент у меня с Зорей <Чулков – К. Р.> была неопишуемая радость, – что мама жива, но потом мама заболела эклампсией. Тогда эта болезнь была ужасна и из миллиона случаев спасительным оказывался один. Произошло так, что она, проболев месяца три (очень тяжелых), все-таки была спасена; но *порок сердца* остался на всю жизнь <курсив мой – К. Р.>»¹⁵. Ситуация, в которой оказались тринадцатилетний Чулков и его девятилетняя сестра (судя по возрасту Чулкова и его сестры, событие можно отнести к 1892 году) еще раз заставила его переоценить жизненные принципы и установки, вновь задумываться над существованием абсолютного божественного начала («я не могу молиться так как ты», говорит он сестре «поэтому прошу тебя, молись и проси Господа только о том, чтобы она была спасена»¹⁶).

К этому времени относится и обострение душевного кризиса Чулкова: он все больше и больше обращает свое внимание на философские и религиозные темы. Характерно, что в становлении будущего писателя исключительную роль сыграли вопросы, связанные с духовным самоопределением человека. Почти на одном уровне истолкования сочетались скептицизм в мировоззрении и некое тайное предчувствие о существовании абсолютного бытия, периодически повторяющееся в его внутреннем опыте «[...] я размышлял, как скептик, а где-то в глубине души по-прежнему возникало особенное чувство, необъяснимое и таинственное, *чувство личности Христа*¹⁷. Я как бы чувствовал иногда Его присутствие» [Воспоминания, л. 68].

¹⁵ «Воспоминания из детской жизни о Георгии Ивановиче». Цит. по: сетевой ресурс: <<http://www.proza.ru/2014/06/13/859>> [Последнее посещение: 17.01.17].

¹⁶ Там же.

¹⁷ Здесь и далее курсив, принадлежащий автору цитируемых слов, специально не оговаривается.

Глава 2.2

Гимназия (1890-1898 гг.)

В автобиографической и мемуарной литературе период обучения в школе не представлен автором в развернутой форме, сведения в основном лаконичные (в воспоминаниях рассказ о гимназической поре охватывает несколько абзацев, в остальных источниках ограничивается до нескольких строк). Чулков останавливается лишь на фактах, связанных в большей степени с формированием и определением его философско-эстетических взглядов. Известно, что, как и было заведено в дворянских семьях, для поступления в школу Чулков прошел, в возрасте восьми лет, домашнюю подготовку. В компании юного студента Б. (неустановленное лицо) Чулков учился лениво и неохотно, занятия были ему неинтересны. Спустя полтора года домашнего обучения, возник вопрос о том, в какую школу записать десятилетнего сына. Альтернатива была такова: с одной стороны поступление в кадетский корпус, в котором Чулков, ребенок из чиновничьей семьи, имел право учиться за казенный счет благодаря положению отца (чиновник, статский советник), в свою очередь предусматривавшего для сына военную карьеру. Второй вариант был поступление в гимназию, что, конечно, более соответствовало интересам мальчика и его матери. Об окончательном выборе и о способах принятия решения Чулков дает своеобразное объяснение, даже с благочестием: «Отец на одной бумаге написал “Корпус”, а на другой – “Гимназия”. Свернув бумажки трубочками и перекрестясь, он положил их под образ Николая Чудотворца. На другой день я должен был взять одну из этих бумажек. Николай Чудотворец благословил меня на гражданскую деятельность. И весною, выдержав экзамен в первый класс классической гимназии, я уже поехал с родителями на подмосковную дачу в гимназической фуражке и чувствовал себя вступившим в новую жизнь» [Воспоминания, л. 62].

В 1890 году Чулков поступил в 6-ую Московскую классическую гимназию¹. 6-ая гимназия была учреждена в 1870 год, до 1882 года она располагалась в Овчинниковском

¹ На сегодняшний момент в нашем распоряжении не оказались официальных документов, действительно подтверждающих год поступления Чулкова в первый класс гимназии. Предлагается 1890 год в связи с двумя записями, которые позволяют назвать ориентировочно год поступления. Первая запись – Чулкова: в вышеупомянутых воспоминаниях он пишет: «Кажется, через год после того события, когда я уже был в 1-м классе гимназии, Соня заболела»; далее «[...] дня через 2, утром, когда я торопливо собирал книги, чтобы идти в гимназию, ко мне подошла заплаканная мама и сказала, чтобы я в гимназию не шел, что Соня умерла» [Воспоминания, л. 59]. Вторая запись – Любови Ивановны: «1890 год. В то время в нашей семье было четверо детей. Старший из нас был брат Георгий: Зоря, как его звали – одиннадцати лет, а остальные три сестры: я – 8-ми лет, Соня 6 лет (уже умершая рано в детстве) и Нюра – 3 лет». Цит. по: «Воспоминания из детской жизни о Георгии Ивановиче». Цит. по: сетевой ресурс: <<http://www.proza.ru/2014/06/13/859>> [Последнее посещение: 17.01.17]. По большой вероятности, Соня умерла, когда ей было шесть лет, в том же году, когда Чулков учился в первом классе, что позволяет предположить, что 1890 – год поступления Чулкова в гимназию.

переулке, на площади двух домов купчихи П. А. Плигиной, а с 1882 года в Толмачевском переулке, в здании усадьбы Демидовых, проданном графиней Марии Федоровной Соллогуб Московскому учебному округу. После пожара, который в 1812 году уничтожил почти все Замоскворечье, здание было полностью восстановлено и получило тот знаменитый колонный фасад, воспетый Чулковым в своих воспоминаниях. Парадная сторона здания была украшена колоннадой в коринфском стиле, с высоты двух этажей, а боковые стороны остались практически неизменными. Знаменитая чугунная решетка, ограждающая усадьбу, была установлена около 1820-х годов. 6-ая гимназия просуществовала до 1915 года, когда вместо нее в главном доме был помещен госпиталь для душевнобольных воинов².

Согласно школьному уставу 1871 года, в гимназии срок обучения увеличивался от 7 до 8 лет. Учебный план включал в себя самые разнообразные предметы: закон Божий, русский язык с церковно-славянским, логику, древние языки (латинский и греческий), математику с физикой, математическую географию и краткое естествознание, географию, историю, французский или немецкий язык (по выбору), чистописание. В те годы директором гимназии был Василий Иванович Рязанцев, о ком Чулков благосклонно не отзывался, а наоборот, штриховал, как «человек, по-видимому, неумный, заика, с наружностью карикатурной и при этом находившийся в какой-то зависимости от одного из надзирателей» [Воспоминания, л. 62]. Личность этого надзирателя известна: это В. Н. Пожарский, учитель и помощник классных наставников, который, по словам Чулкова, недобросовестно относился к студентам. Одним из учителей гимназии был Михаил Сергеевич Соловьев, брат известного религиозного философа и поэта Владимира Соловьева (в то время тесно дружившего с графиней Соллогуб). Михаил Соловьев был единственным, кого впоследствии Чулков вспоминал с особым уважением и любовью³, все остальные были для него «сухие педанты и формалисты». Колоритный портрет одного из них, учителя латинского и немецкого языка Лаурица Андреевича Енгельбрехта⁴, встречается в воспоминаниях его сестры: «Круглая голова, слабо заросшая чем-то рыжим: это волосы. Такая же гнусная бороденка, произрастающая пучками. Из под очков две гляделки стального цвета. Вместо носа какая-то подозрительная красная кнопка. Его учительский засаленный мундир требует ремонта. Там, где должны быть

² С 1942 года в здании располагается Государственная библиотека по народному образованию имени К. Д. Ушинского. Подробные сведения об истории этого старинного московского особняка см. по электронному адресу: < <http://www.gnpbu.ru/history/manor/> > [последний вход: 20.01.17].

³ Чулков также упоминает С. В. Успенского, священника и законоучителя, проживавшего в этом году в Арбатской части города, на Спасопесковской площади, в церковном доме.

⁴ Лаврентий (Лоуриц) Андреевич Енгельбрехт – учитель 6-ой мужской гимназии и 3-ей женской гимназии. В 1910 году он стал владельцем знаменитого по своей архитектуре доходного дома на Кузнецкой (ныне Новокузнецкой) улице, д. 34. Поражало в этом здании, построенном Н. Доброхотовым, сочетание трех разных архитектурных стилей (модерн, неоклассицизм, неорусский стиль), что выглядело абсолютно новаторским для той эпохи. На сегодняшний день в здании помещается Общероссийский национальный военный фонд.

обязательно пуговицы, они отсутствуют. Он имеет вид свирепый. И нужно же так. Он невзлюбил Зорю, а в моем классе меня. Сколько страданий причинил он нам!»⁵.

Время, проведенное в 6-ой гимназии, оказалось для юного гимназиста скверным и мучительным: внутренняя воспитательная система была ему неприемлемой и к этому добавлялись еще натянутые отношения с учителями. Нетрудно догадаться, что это сопровождалось незначительными результатами в учебе (он был «невнимательный, рассеянный, а иногда и ленивый»). Вместе с тем, для Чулкова было трудно наладить отношения с одноклассниками: об этом свидетельствуют воспоминания старшей сестры. В них она рассказывает, что в интересы школьных товарищей Чулкова входили тогда только драки, и что Чулков старался не принимать участие в подобных ребяческих занятиях. Воспоминания Любови Ивановны имеют еще один плюс, они передают облик юного брата-гимназиста: «Он постепенно становится сдержаннее и серьезнее. Он уединяется, избегает общества, много читает. Занимается самообразованием. В гимназии дети, сравнительно с Зорей, мало развиты. Все их устремление – драка. Зоря не принимает участия в этом бессмысленном занятии. Он получил от этих дикарей прозвище - “Аристократ”»⁶.

Здесь Чулков очень близко подружился с одним гимназистом, Генрихом Эдмундовичем Тастевенным (1881-1915), будущим литературным критиком, искусствоведам, в 1907-1909 гг. секретарем редакции журнала «Золотое руно». У них были общие вкусы и интересы и вместе они увлекались чтением Платона и трагиков на греческом языке. «Тастевен обращал на себя внимание своей задумчивостью и рассеянностью. Эти черты остались в его характере до конца дней. Ему была присуща еще одна особенность – это какая-то необычная для эпохи старомодная вежливость. С дамами он разговаривал, как маркиз» [ГС, с. 182]. Из периода жизни и учебы в 6-ой гимназии возможно именно дружеские отношения с Тастевенным оказались одними из самых светлых событий в судьбе будущего писателя. Несмотря на долгие годы разлуки, наступившие после окончания гимназии, Тастевен не отказал старому другу в помощи, часто навещая дома его больного отца, в то время, когда Чулков отбивал срок в Сибири⁷.

Другой информации, касающейся учебы в 6-ой гимназии, в проанализированном нами материале нет. Но необходимо отметить, что для будущего писателя гимназия все-таки

⁵ «Воспоминания из детской жизни о Георгии Ивановиче». Цит. по: сетевой ресурс: <<http://www.proza.ru/2014/06/13/859>> [Последнее посещение: 17.01.17].

⁶ Там же.

⁷ Чулков пишет, что в его личном архиве осталось около семидесяти ему адресованных писем Тастевена. Этим письмам до сих пор не было посвящено отдельного исследования. Они предоставляют собой немалый интерес, как источник информации о литературной жизни эпохи. См., например, статью Н. В. Котрелева, «К истории русского турне Ф. Т. Маринетти» // «Russica Romana», 2015, XXII, стр. 93-105.

являлась важным этапом в его судьбе, в которой его собственные философско-эстетические взгляды приобретали все более и более четкую физиономию. Это время ознаменовалось становлением двух направлений, по которым предстояло развиваться личности писателя. Первое направление – творческое. В двенадцать лет Чулков начал писать стихи, рассказы, драмы и комедии («всегда у меня были папки, набитые рукописями»). По мотивам сочиненных им пьес, на подмосковной даче часто устраивались домашние спектакли, роли которых разучивались маленькими актерами со слов начинающего автора. К сожалению, не осталось никаких автографов этих юношеских произведений. В пятом классе, Чулков продолжал развивать диапазон литературных опытов и, несмотря на «настоящее отвращение» к гимназическим занятиям, начал организовать школьный журнал: «Направление его было радикальное. Впрочем, в этом журнале преобладал отдел литературный. Сотрудников, к сожалению, оказалось немного, и журнал скоро должен был прекратить свое существование» [Воспоминания, л. 66]. Чулков постоянно посещал театральные постановки, которые ставились в главных столичных театрах. С отроческих лет театр занимал особое место в его сознании, в возрасте четырнадцати лет он мечтал стать театральным актером и для этого старательно разучивал монологи Макбета и Гамлета. Его сестра тоже вспоминает театральные пристрастия старшего брата и рассказывает, что летом 1894 года, в имении Ильинских (Быково) с большим успехом была поставлена комедия Островского «Не было гроша, да вдруг алтын», в которой главные роли были назначены Чулкову и его сестре.

Наряду с литературными пристрастиями, также заметнее выделялось и второе направление – общественно-политическое. В автобиографической литературе Чулков неоднократно останавливается на том, как в это время общественные вопросы стали его сильнее увлекать: «[...] во мне с раннего детства жил дух непокорный и мятежный. В классе третьем-четвертом я уже отличался вольномыслием и нередко заводил с отцом споры на политические темы» [Воспоминания, л. 66]. Вскоре он вошел в кружок старших гимназистов и студентов, разделявших с ним общие взгляды и изыскания, интересовавшихся общественными вопросами и революционным движением в России. К этому времени относится знакомство и сближение со студентом-юристом четвертого курса Н. А. Ф. (неустановленное лицо), проживавшим тогда по соседству с семейной квартирой Чулковых: «Я почувствовал к нему уважение за его образованность, которая казалась мне тогда глубокой и всесторонней. Пленяла меня также и цельность его мировоззрения. Он был атеистом и марксистом. Ему я обязан моим социалистическим воспитанием» [Воспоминания, л. 68].

В 6-ой классической гимназии Чулков учился до седьмого класса. Нелады с учителями и с гимназической системой способствовали его решению о переводе в другую гимназию.

Успешно выдержав переходные экзамены из шестого класса в седьмой, Чулков был переведен из 6-ой Замоскворецкой в 1-ую Пречистенскую гимназию, в которой, по его мнению, «ученикам жилось вольнее и учителя не были такими педантами». Здесь Чулков учился оставшиеся два года, сразу попав в число лучших учеников.

Учрежденная в январе 1804 года, 1-ая московская гимназия с 1818 года располагалась у Пречистенских ворот, на Волхонке 16/2, напротив храма Христа Спасителя. Директором гимназии был тогда И. О. Гобза. В то время Чулковы проживали в доме Кашина⁸, в Нижнем Лесном переулке (ныне Курсовой). Недалеко от них жила семья Петровых: отец был старый купец, владелец известного часового магазина на Остоженке, интеллигент, лично знаком с Л. Н. Толстым. Встреча с Толстым, произошедшей именно в часовом магазине Петровых, не произвела на гимназиста особого впечатления, поскольку, он рассказывает, «в те дни у меня в душе был особенный бунт против “толстовства” и толстовских последователей» [Воспоминания, л. 69]. Вопрос об абсолютном или относительном значении бытия Божия тогда сильно волновал Чулкова. Подходящим собеседником для его размышлений оказался один из двух сыновей Петрова: с ним Чулков нередко проводил долгие часы, наравне разговаривая на разные философские темы.

В этих условиях, «[...] когда мой юный ум особенно остро и тонко старался обосновать “иммориализм” в поведении человека и скептицизм в мировоззрении, сердце мое неистово предавалось таинственным предчувствиям. Бытие личного абсолютного существа было для меня несомненным. Я чувствовал непрестанную Его близость. Но я никому не открывал тогда моей тайны», – рассказывает Чулков в своих воспоминаниях. – «Но около меня не было тогда душевно сильных людей. Толстовское “христианство без Христа” меня вовсе не увлекало» [Воспоминания, л. 70]. Обострение кризиса ценностей проявлялось, когда приблизилась смерть матери. Это происходило, когда он был студентом восьмого класса гимназии и, значит, уже учился в 1-ой московской гимназии. Мать Чулкова заболела воспалением легких, врачи не могли ничего сделать для ее спасения. Она умерла после мучительной трехдневной агонии. «Тогда у меня в душе происходило что-то особенное. Не знаю, молился я тогда или не молился, но Единственный был тогда со мною. Я даже мог вызвать *Его*», пишет Чулков. «[...] если мне удавалось обо всем забыть и только о *Нем* помнить, припадок тотчас прекращался. Матери моей я об этом никогда ничего не говорил и никому не говорил» [Воспоминания, л. 70].

Чулков окончил гимназию в 1898 году: выдержав выпускные экзамены (это был 94 выпуск в первой московской гимназии), он получил высший балл именно за русское

⁸ См.: *Вся Москва. Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1897 год*, стр. 241.

сочинение. Все эти юношеские переживания так или иначе сказались на судьбе будущего писателя, определив характеризующие направления его развития и центральные основы его мирозерцания. «Два демона были моими спутниками с отроческих лет» – синтезирует Чулков свою судьбу – «демон поэзии и демон революции. Я всегда хмелел от песен Музы, и я всегда был врагом “старого порядка”» [ГС, с. 7]. И на пороге нового периода жизни эти слова оказались действительно уместными.

Глава 2.3

Университет и общественно-политическое увлечение (1898-1902 гг.)

Университетские годы являются ключевым этапом в жизни Чулкова, в них прослеживается становление и развитие его общественной позиции. Еще с гимназических лет общественно-политические вопросы занимали важное место в мирозерцании Чулкова, но в какой-то мере они оставались на уровне теоретического размышления. Поступление в университет создало для Чулкова подходящую обстановку для реализации собственного представления о мире на практике. Учеба в университете, общение в студенческой среде дали Чулкову возможность сформировать определенные взгляды на существующую действительность и в дальнейшем принимать активное участие в студенческом движении, вести пропаганду в подпольных революционных организациях, стать участником совместных демонстраций студентов и рабочих. Этот период жизни Чулкова ознаменован еще и тем, что именно в эти годы состоялся его литературный дебют на страницах периодической печати.

Если автобиографический материал дает ясную картину о формировании мировоззрения будущего писателя и дальнейшей его роли в студенческом революционном движении, то нельзя сказать то же самое о его непосредственной учебе в университете. Чулков уделяет мало внимания самому академическому процессу. Во всех автобиографических документах он рассказывает лишь о том, на какой факультет он поступал после окончания гимназии и о причинах такого выбора. Неизвестно ни как он учился, ни каких результатов он добился во время учебы. Тем не менее нет никаких сомнений, что именно в университетские годы, параллельно с учебой, происходили важнейшие события в его жизненном пути, определившие не только ближайшее его будущее (арест и ссылка в Сибирь, его семейное положение), но и косвенно влиявшие на характер литературных трудов постссылного периода (порождение таежного мифа). В своих воспоминаниях и автобиографиях то, что Чулков выдвигает на первый план – это его общественная деятельность, подчеркивая непосредственную связь между его юношеским беспокойным духом и разворачиванием личной истории.

В 1898 году, получив аттестат зрелости, Чулков поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. «Все мои интересы были тогда в литературе», рассказывает Чулков в своих юношеских воспоминаниях, «и не раз друзья и знакомые удивлялись, почему я избрал факультет медицинский, а не филологический. Выбор мой пал на медицинский факультет по причинам сложным» [Воспоминания, л. 71]. Причину своего выбора Чулков приводит к целой концепции «всесторонней образованности», выработанной

им после окончания гимназии в связи с его ранними литературными опытами. Необходимыми условиями он считал снабжение методологии естествознания, глубокое знание психологии, физиологии мозга и нервной системы человека – всего этого можно было бы достигнуть, пройдя обучение на медицинском факультете: «[...] я думал, что на медицинском факультете я познакомлюсь с физикой и химией в достаточной мере на первых двух курсах, а последние три года я хотел заниматься специально анатомией и физиологией мозга в связи с психиатрией, готовясь к изучению физиологической. Я не был тогда материалистом, но был убежден, что методологию естествознания необходимо знать тому, кто желает философствовать» [Воспоминания, л. 71]. Чулков был даже намерен получить не одно, а по крайней мере два образования (второе – философское: «Я мечтал получить основательное философское образование» [ГС, с. 309]), медицинский факультет являлся лишь подготовительным этапом продуманной им обширной программы обучения.

Чулков обучался на медицинском факультете четыре года, в течение которых «[...] я проработал в анатомическом театре, в химической лаборатории, в физическом кабинете и даже отчасти в клиниках. Я все-таки успел усвоить основательно методологию естествознания» [ГС, с. 309]. Окончить университет ему не удалось в связи с дальнейшим увлечением политикой: будучи студентом четвертого курса, он был арестован и, вместе с другими участниками студенческих организаций, сослан в Сибирь. В одной версии его автобиографических заметок Чулков признается, что «в 1899 году я был исключен из университета, а на другой год опять принят» [Автобиография 1911, стр. 128]. В нашем распоряжении не оказалось других данных, подтверждающих это высказывание, однако нельзя не считать этот факт возможным, так как уже с первого курса Чулков деятельно участвовал в революционных студенческих кружках того времени¹.

Эти четыре года обучения на медицинском факультете не однаждыгодились Чулкову: первый раз в 1902–1903 годах, когда он устроился фельдшером в населенном пункте, куда он был отправлен в исполнении постановлений суда, а затем в 1916 году, когда он находился на фронте, причисленный к первому сибирскому отряду, во время первой мировой войны. В опубликованных воспоминаниях «Годы странствий», Чулков подметил, что методология естествознания помогала ему в тщательном изучении философии и филологии, которым он посвятил себя после ареста: «Я все-таки успел усвоить основательно методологию естествознания. И не раз, штудирова философские книги, я радовался, что естественные науки

¹ В дальнейшем предусматривается рассмотрение личных дел студентов дореволюционного периода, хранящихся в фонде Центрального Исторического Архива Москвы (ЦИАМ), ф. 418 «Московский императорский университет г. Москва (1775-1917)».

были для меня нечто весьма реальное и знакомое» [ГС, с. 309]; в архивных воспоминаниях, однако, отмечается разногласие с этой версией: Чулков здесь отзывается об усвоении им практики строгой науки совсем в иных красках, характеризуя себя «дилетантом» и в сфере естествознания, и в области философии. Приводим слова автора: «Мои мечтания не осуществились. Занятия строгой науки отошли на второй план. И в естествознании, и в философии я остался дилетантом. Литература влекла меня неудержимо, а в 1902 год, когда я увлекся освободительным движением, решил мою судьбу, оторвав меня от университета» [Воспоминания, л. 71].

Несмотря на все честолюбивые ученые планы, на самом деле Чулков был твердо намерен стать профессиональным литератором. В разных источниках находится подтверждение этого авторского замысла: «Я никогда не сомневался, что буду писателем. Это убеждение созрело у меня еще в отрочестве» [ГС, с. 309], «Писателем я себя чувствовал давно, с отроческих лет уверенный почему-то, что я должен быть литератором и, может быть, художником» [Автобиография 1928, с. 371], «Я стал профессиональным литератором, будучи в восьмом классе гимназии, но то, что я тогда печатал, вовсе не определяло моего литературного лица: это были компилятивные статейки, популярные очерки и тому подобное, которые составлялись много по заказу Н. А. Попова, редактора “Детского отдыха”, журнала для юношества². Журнал этот был неплохой. А я добросовестно исполнял литературные заказы, которые давали мне некоторый заработок, весьма мне нужный в то время» [Воспоминания, л. 71]. Думается, что в последнем процитированном отрывке Чулков смутно припомнил (или слегка позолотил) свои первые шаги на литературной сцене. Первая его статья, появившаяся на страницах журнала «Детский отдых», встречается только в 1899 году, в пятом номере журнала – это биографический очерк, посвященный знаменитому хирургу Н. И. Пирогову (1810-1881). Чулкову тогда было уже двадцать лет, и он уже учился в московском университете.

Официальный литературный дебют Чулкова состоялся в 1899 году: на страницах московской газеты «Курьер»³ был опубликован первый его рассказ «На тот берег» (14 сент., № 254). Написанный в духе чеховских рассказов, он обратил на себя внимание московских литературных представителей (среди них – Максим Горький). В «Курьере» печатал свои рассказы и фельетоны Леонид Андреев (1871-1919), с которым Чулков познакомился в

² «Детский отдых» – ежемесячный иллюстрированный журнал для детей, издававшийся в Москве с 1881 года, был переведен в Санкт-Петербург в 1895 году. Издатели были Н. А. Попов и Е. В. Попова.

³ «Курьер» – ежедневная газета о политике, литературе и общественной жизни, издавалась в Москве с 1897 года по 1904 год (с 1893 года выходила под другим названием).

редакции газеты, а также начал свою литературную деятельность Алексей Ремизов (1877-1957).

Согласно одной из версий автобиографий Чулкова, в «Курьере» появилось еще четыре его рассказа, хотя, когда Чулков ссылается на первые его литературные опыты, он преимущественно их относит к рассказу «На тот берег». По имеющейся в нашем распоряжении информации, не удалось проверить достоверность этого факта, но в своих воспоминаниях существует зрелая, ответственная оценка Чулкова ранних произведений, появившихся на страницах «Курьера»: «В этой же газете я напечатал еще несколько рассказов. Ни один из них не вошел в мои книги. И было бы худо, если бы дружеская рука извлекла когда-нибудь из газетных листов эти юношеские мои опыты» [Воспоминания, л. 71-72]. Известно, например, что для рождественского номера «Курьера» за 1901 год (25 дек., № 356) Андреев предложил Чулкову участие в номере, попросив у него «вещичку с настроением», однако им предложенная сказка была запрещена цензурой⁴.

В том же году Чулков начинает сотрудничество с журналом «Детский отдых», публикуя сказки, биографические и познавательные очерки⁵. Сотрудничество будет длиться около трех лет. Будучи на первом курсе университета, Чулков познакомился с Александром Яценко (1877-1934), студентом третьего курса юридического факультета⁶. Они вдвоем посещали литературный салон будущей предпринимательницы и меценатки В. А. Морозовой (1848-1917), где, между тем, познакомились с Ю. К. Балтрушайтис (1873-1944) и В. Я. Брюсовым (1873-1924). В своих воспоминаниях Чулков пишет, что 14 января 1901 года (датируется на основании дневника Брюсова) в салоне Морозовой он прочитал доклад о книге Брюсова «Tertia vigilia»: «Вот в этом салоне В. А. Морозовой в 1900 году я вызвал сенсацию докладом о книге Брюсова “Tertia vigilia”. Валерий Брюсов присутствовал на этом докладе. Тогда знали стихотворение Брюсова в одну строчку “О, закрой твои бледные ноги”... Больше ничего не помнили из его стихов» [ГС, с. 91], далее: «В первый раз я читал его в одном частном доме, куда был приглашен Брюсов и, кажется, Балтрушайтис. Валерий Яковлевич, по-

⁴ Цит. по: Б. А. Бялик (ред.), *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX-начала XX века. 1890-1904*, М., 1981, стр. 367.

⁵ На страницах «Детского отдыха» были опубликованы следующие произведения: «Пушкин на юге. В 1820–1824 гг.», 1899, № 5, стр. 114-136; «Детство и юность Н. И. Пирогова», 1899, № 8, стр. 33-44; «Как развеселить короля», 1899, № 10, стр. 43-46; «В далеких краях. Африка [с виньеткой Л. О. Пищалкина, 9 рисунками и одной картины в красках]», 1899, № 12, стр. 13-37; «В далеких краях. Америка [с 5 рисунком и виньеткой С. Панова]», 1900, № 10, стр. 13-29; «Принцесса Моргана [с 3 рисунками Е. Гарнака]», 1901, № 11, стр. 1-12; «В далеких краях. Африка (продолжение)» 1902, № 2, стр. 4-24.

⁶ Александр Семенович Яценко – юрист, библиограф, правовед, издатель. Работал приват-доцентом в Санкт-Петербургском и Юрьевском университетах. С 1919 года жил в эмиграции в Берлине, куда он был отправлен, как один из экспертов по международному праву. В Берлине он издавал журнал «Русская книга». Письма Чулкова к Яценко вошли в книгу: *Русский Берлин 1921-1923: по материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском, Париж-Москва*, 2003.

видимому, не ожидал такой сочувственной оценки его стихов, а его спутница воскликнула даже с трогательной экспансивностью: “Так еще нас никто не хвалил”. Когда я повторил этот доклад у Морозовой, Брюсов, подготовленный к этому выступлению, объявил, что недоволен моим сообщением: я хвалил «не лучшие его стихи» и еще что-то в этом роде. Однако у нас установилась тогда взаимная приязнь» [ГС, с. 92]. Об этом эпизоде встречаются записи также в дневниках Брюсова: «Любопытнее было собрание у доктора N, где Юргис повторил свой реферат о д'Аннунцио. А раньше студент Чулков читал начало своего реферата о моей поэзии. Я не думал дожить до таких оценок, а еще менее думал присутствовать лично на чтении такого реферата. Апофеоз при жизни», далее: «Вчера Чулков у Морозовых читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый попал на референта и разобрал его реферат жестоко... Все, даже явные мои недоброжелатели, бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи. Яценко говорил неглупые вещи»⁷. В своих воспоминаниях Чулков связывает имя Брюсова еще с одним издательским делом, т.е. с подготовкой нелегального революционного сборника: «В конце 1901 года мне пришлось редактировать один нелегальный революционный сборник. В это время я был уже знаком с В. Я. Брюсовым и, составляя сборник, я решил использовать это знакомство» [ГС, с. 101]. Для этого издания Чулков был намерен использовать брюсовский перевод французской революционной песни «Карманьола». Однако, после продолжительной беседы на социальные темы, Брюсов предложил Чулкову стихотворение «Кинжал»⁸. Сборник, все-таки, выпустить в свет не удалось по причине скорого ареста Чулкова в связи с его революционной деятельностью⁹.

Параллельно с литературными занятиями, Чулков открыто проявлял интерес к политическому движению, принимая активное участие в пропагандистских студенческих кружках. Об этом встречаются упоминания во всем его автобиографическом материале: «Я знал, что на первом же курсе мне предстоит искушение примкнуть к революционному

⁷ В. Я. Брюсов, *Дневники 1890-1910*, М., 1927, стр. 100-101.

⁸ Стихотворение «Кинжал» было опубликовано в сборнике «Венок», вышедшем в свет в 1906 году. К этому стихотворению Брюсов сделал примечание, в котором он говорит, что стихотворение было написано в 1903 году, однако по цензурным соображениям оно могло быть напечатано лишь в 1904 году, на страницах журнала «Новый путь». Чулков уверяет, что датировка 1903 года – ложная, а что, на самом деле, стихотворение было написано еще в 1901 году для того нелегального сборника, который он намеревался издавать.

⁹ Подробнее об отношениях между Чулковым и Брюсовым см. в: М. В. Михайлова, «В. Я. Брюсов и Г. И. Чулков» // «Russian Literature», 1999, XLV, стр. 181-196. М. В. Михайлова пишет: «Она <история взаимоотношения Брюсова и Чулкова> включает в себя несколько аспектов – личные контакты, встречи, переписка, заочные оценки, даваемые в рецензиях и отзывах, полемика о переводе, особенно интересная в контексте общих размышлений русской переводческой школы начала XX века с учетом мнений М. Волошина, К. Бальмонта и других активных участников дискуссии, споры о сути символизма и составляющих его течений, в частности, осмысление проблемы мистического анархизма, а также психологический момент, наиболее ярко отразившийся в воспоминаниях одного из участников этого длившегося несколько лет диалога – книге Г. Чулкова *Годы странствий*» (здесь стр. 181).

движению, и я старался убедить себя, что этого не случится, что я не буду вмешиваться в политику и буду беречь себя для науки. На самом деле все оказался “совсем наоборот”» [ГС, с. 309], «Литература влекла меня к себе неудержимо, а 1902 год, когда я увлекся освободительным движением, решил мою судьбу, оторвав меня от университета» [Воспоминания, л. 71], «В те годы я принял участие в революционном движении, работая, как пропагандист, в рабочих кружках» [Curriculum vitae¹⁰]; и в биографиях: «Уже на первом курсе Чулков принимал участие в революционном движении» [Биография П. П. Словнина, л. 16], «Уже на первом курсе Чулков деятельно участвовал в тогдашних революционных кружках, сочувствуя социал-демократам» [Биография 1938¹¹].

Первые воспоминания об участии в социалистических кружках Чулков относит к восьмому классу гимназии: тогда пропаганда ввелась еще подпольно, и Чулков стал посещать тайные кружки социал-демократов. К учениям социал-демократии Чулков приблизился благодаря знакомству с двумя ее молодыми представителями: Н. А. Ф-в, студент-юрист московского университета, проживавший тогда по соседству с квартирой Чулковых, и знакомый Чулкову по гимназии А. В. Соколов (1880-<19??>), ставший впоследствии известным под псевдонимом Станислав Вольский, политический деятель и участник революции 1905 года. «Не помню, кто из них помог мне установить связь с подпольщиками» – пишет Чулков в воспоминаниях – «но вскоре у меня в руках оказалась кое-какая нелегальная литература, и я два раза в неделю путешествовал через Крымский мост в Замоскворечье, к одному токарю, где и вел социал-демократическую пропаганду» [ГС, с. 9].

Чулков вникал с возрастающим интересом в общественно-политические дела. Его мировоззрение складывалось под влиянием социалистических идей Карла Маркса: будучи твердо убежденным в том, что пролетариат и есть та сила, способная преобразовать мир и перевернуть все социальные неровности и несправедливости, он усматривал в теориях немецкого философа и экономиста успешное слияние движущей силы коллективизма и грядущего преобразования общества в результате классовой борьбы и отрицание сентиментального, двусмысленного и расплывчатого в его программных положениях народничества: «Самая фатальность исторического процесса, неуклонно идущего к коллективизму, внушала тот оптимизм, которого так недоставало серой и унылой действительности» [ГС, с. 7].

¹⁰ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 243, л. 5. Для обозначения цитат, взятых из этого источника, будет использовано следующее условное сокращение: [Curriculum vitae].

¹¹ РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 2, 8 лл. Для обозначения цитат, взятых из этого источника, будет использовано следующее условное сокращение: [Биография 1938].

Сочувствуя социал-демократам и мечтая о той революции, «загнанная в подполе» [ГС, с. 7], Чулков стал одним из «подпольных» пропагандистов в студенческих (порой и рабочих) кружках. Произнесенные Чулковым речи на курсовых сходках выдвинули его на первый план: «меня тянуло от пропаганды перейти к агитации. К этому представился случай» [ГС, с. 9]. 1901 год ознаменовался большими успехами в его политической карьере. Будучи студентом третьего курса, он был избран представителем от медицинского факультета в Исполнительный комитет объединенных землячеств и студенческих организаций¹². Председателем Исполнительного комитета был тогда Ираклий Георгиевич Церетели (1881-1959), российский и грузинский политический деятель, ставший в 1907 году лидером социал-демократической партии в Государственной Думе: «Церетели пользовался немалым успехом в студенческих кругах. В нем в самом деле было что-то пленительное. [...] Всегда ровный, спокойной и находчивый, он был идеальным председателем на сходках» [ГС, с. 10]. Как член Исполнительного комитета, Чулков взял на себя редакционные обязанности, которые заключались в составлении постановлений собраний комитета и бюллетеней, а также в подготовке пропагандистских писем для рабочих: «В нашем Комитете я был сторонником решительных выступлений и общих политических требований. Нашей целью было показать, что академическая свобода невозможна без общих политических гарантий. Мы мечтали соединить наше движение с движением рабочих и завязать отношения с социал-демократическим комитетом», – вспоминал Чулков [Воспоминания, л. 72].

Тогда же Чулков познакомился со своей будущей женой Надеждой Григорьевной Степановой¹³ (1875-1961): «Она разделила мои увлечения освободительным движением и усердно печатала на гектографе наши воззвания» [Воспоминания, л. 72].

Период с 1899 по 1902 год сыграл важнейшую роль в истории русского студенческого

¹² Исполнительный комитет объединенных землячеств и студенческих организаций был основан в январе 1899 г. при Московском университете. Комитет активно распространял прокламации и призывал студенческие комитеты к демонстрациям и сходкам.

¹³ Сведений о прежней жизни Надежды Григорьевны очень мало. По содержанию семейной переписки (ознакомиться с полным содержанием семейной переписки можно в конце диссертации, в разделе «Приложения»). В тексте, цитаты, взятые из нее, будут указаны условным сокращением ПП и номером письма) можно предположить, что ее предки были родом из Калужской губернии (там жили две ее сестры: «В Малоярославце навела справки об отце и там узнала, что мачеха с детьми живет в Калуге. Решила ехать в Калугу. Разыскала, наконец, ее и двух сестер. Отец мой умер четыре года уже и от скарлатины. Он заразился от своих детей, которые все были больны скарлатиной и из четырех дочерей две умерли» [ПП, п. 67]). Урожденная Петровой, Надежда Григорьевна рано вышла замуж за некоего Степанова. Когда Надежда Григорьевна познакомилась с Чулковым, развод с первым мужем еще не состоялся, а бракоразводный процесс затянулся до 1907 года. В письме от 28 февраля 1902 г. Надежда Григорьевна пишет Чулкову: «Полянский <присяжный поверенный – К.Р.> не может теперь уехать – с него ведь взята подписка о невыезде из Москвы, а между тем дело о моем разводе требует, чтобы он съездил к моему мужу» [ПП, п. 8]. Развод окончательно оформлен только несколькими годами позже, по попечительству В. А. Тернавцева (1866-1940): «В Петербурге в 1906 году он <Тернавцев – К.Р.> оказал нам услугу в деле развода моего с моим первым мужем – Степановым. Он повез меня к какому-то синодскому епископу, и я легко получила развод» в: Н. Г. Чулкова, «Валентин Александрович Тернавцев» // «Вестник русского христианского движения», 1981, 134, с. 114-115).

движения¹⁴: на протяжении всего нескольких лет перед 1905 годом студенческие волнения приобрели большое значение в общественно-политической жизни страны, ярко отражая ту социальную напряженность и конфликтность, являющиеся результатом сложившегося состояния академической жизни. Новый подъем студенческих волнений в 1899 году был несомненно взаимосвязан с университетским вопросом, после введения в 1884 году нового университетского устава¹⁵. Положение студенчества претерпело заметное ухудшение,

¹⁴ О студенческих движениях в царской России существует ряд исследований и исторических очерков. См. подробнее: А. Н. Дубовикова, «Письма к Чехову о студенческом движении 1899-1902 гг.» // *Литературное наследство*. Т. 68. М., 1960, с. 449-476); Н. Г. Георгиева, *Революционное движение в России в конце XIX - начале XX в.*, М., 1986; П. С. Гусятников, *Революционное студенческое движение в России. 1899-1907*, М., 1971; А. Е. Иванов, *Студенчество России конца XIX - начала XX века: социально-историческая судьба*, М., 1999; Он же, *Мир российского студенчества: конец XIX - начало XX века*, М., 2010; В. И. Орлов, *Студенческое движение московского университета в XIX столетии*, М., 1934; В. Чертков, *Русские студенты в освободительном движении*, М., 1906; А. В. Ушаков, *Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904*, М., 1976; Он же, *Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX - начало XX век*, М., 2011; S. D. Kassow, *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia: 1884-1917*, Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1989.

¹⁵ В 1884 году был введен новый университетский устав, регулирующий принципы управления деятельности университетов и академического порядка. Составители нового университетского законодательства ссылались на идею «свободы преподавания и слушания», очень близкую европейской системе свободного преподавания и обучения (*нем.* Lehr- und Lernfreiheit). Та либерализация, к которой стремились сторонники устава, была неприемлема в России эпохи консервативного царствования Александра III, и их идеи в результате воплотились в ужесточении административно-бюрократического контроля над академическим порядком. Под вопросом оказались принципы университетской автономии и самоуправления (ключевые в предыдущем уставе 1863 года), наблюдалось последовательное колебание авторитетности и самого учреждения, и учебного состава. Усиление механизмов правительственного контроля воплощалось в правах министра народного просвещения утверждать на должность ректоров и деканов, заменять вакантные кафедры и назначать на должность профессоров, составлять «испытательные комиссии» для проведения государственного экзамена и утверждать общие требования для них, а также определять содержание преподавания. Ведомству факультетов подлежало составление учебных планов и обзрений преподавания, предоставляемых на утверждении совета и министру народного просвещения. Учебный год был разбит на полугодия, переводные экзамены были отменены в пользу «зачетов полугодий», получение которых было необходимо для прохождения государственного экзамена (десять для медицинского факультета, восемь для остальных). Экзамены проводились под контролем «испытательных комиссий». Кадровая политика устанавливалась в большей части министром народного просвещения (профессорские коллегии были отстранены от выборов членов учебной части). С целью улучшения материального положения профессоров была применена гонорарная система оплаты за обучение: с каждого студента или вольнослушателя взималась определенная плата за выслушивание лекций и участие в занятиях. Студенты университетов были обязаны посещать все курсы и научные (практические) занятия, список которых был составлен согласно учебному плану, носить форменную одежду, строго соблюдать внутри зданий университетов правила и нормы, поставленные министерством народного просвещения; вне зданий, они находились под надзором полиции (за нарушение запретов студентам грозили выговор, арест, увольнение и даже исключение). Особенное ужесточение предусматривалось в практике управления студенческими объединениями и организациями. «Правила для студента университета во время прохождения курса», утвержденные министром народного просвещения И. Д. Деляновым в 1885 г., запрещали все корпоративные объединения, устройство «студенческих читален, столовых, кухмистерских, а также театральных представлений, концертов, баллов и других [...] не имеющих научного характера», воспрещались «сборища и сходки с целью обсуждения каких-либо дел» и участие «в каких-бы то ни было тайных обществах и кружках» [«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1885, ССXL, СПб., стр. 37-38].

Устав 1884 года устранил университетскую автономию. В академической среде начали появляться такие явления, как карьеризм, монетизация преподавательской работы, снижение качества учебного процесса. В студенческой среде показательно вырос абсентеизм, в знак недовольства не только по отношению к занятиям, но и к преподавателям в том числе. Ситуация, сложившая внутри университетов, вызвала недовольство не только среди студентов, но и академического состава. Негодование студентов проявилось в возобновлении массовых беспорядков в конце XIX века.

студенты подверглись усилению полицейского надзора и тотальному запрету на организацию корпоративных объединений. Февральские события 1899 года в Петербурге (столкновение студентов Санкт-Петербургского университета и царской полиции в связи с запретом на празднование по случаю дня основания университета) послужили началом новой фазы студенческих движений. За петербургскими беспорядками последовали выступления и в других городах страны, в демонстрациях в общем приняло участие больше 25 тысяч студентов. К этому времени студенческое движение приобрело уже явный общеполитический характер: по словам В. И. Орлова (1881-1943)¹⁶, одного из участников московского студенческого движения, «“политика” прорывалась и прорвалась в движении 1899 г. Носителями ее явились, как и везде, социал-демократы»¹⁷.

Предчувствуя опасность революционного настроения в лоне студенчества, правительство ужесточило внутреннюю дисциплину и 29 июня 1899 года им были введены «Временные правила об отдаче студентов в солдаты». Эти радикальные меры привели к еще большему нарастанию студенческого недовольства. Во второй половине 1900 года были зарегистрированы новые сходки в Одессе и Киеве. Особенно остро назрела конфликтная ситуация в Киевском университете, где 183 студента были арестованы и отправлены в солдатскую службу. В основе столкновений лежали требования по восстановлению старого устава 1863 года, легализацию студенческих объединений, отмене ценза для поступления в университет, введение женских квот.

Кульминацией стали шествия, организованные в 1901 году в Петербурге, Харькове, Киеве и Москве. 14 февраля в Петербурге студентом В. П. Карповым было совершено покушение со смертельным исходом на министра народного просвещения Н. П. Боголепова, автора «временных правил». Новым министром был назначен генерал П. С. Ванновский, которому вменили в обязанность стабилизировать ситуацию в стране. 19 февраля состоялись общие демонстрации в Петербурге и Харькове. Укрепление связей с рабочими массами приводило к совместному участию рабочих и студентов в уличных демонстрациях.

В Москве, в начале 1901 года, Исполнительный комитет, при участии других организаций, подготавливал общую сходку в поддержку студенческих движений других городов, выражая бурное несогласие против отдачи 183 киевских студентов в солдаты. Чулков принимал активное участие в составлении прокламаций Исполкома, ратуя за точность и благородство выражений: «Я с увлечением писал прокламации, когда это мне поручал наш

¹⁶ Василий Иванович Орлов – студент естественных наук, математик, несколько раз арестован и осужден за участие в революционных движениях.

¹⁷ В. И. Орлов, *Студенческое движение московского университета в XIX столетии*, М., 1934, стр. 358.

комитет, а если прокламация составлялась спешно за заседания комитета, я с большим иногда трудом отвоевал право так проредактировать текст прокламации, чтобы он был точен и благороден в отношении формы и стиля. Эти мои эстетические требования казались моим товарищам по Комитету ненужную роскошь» [Воспоминания, л. 72]. Намеченная на 29-е января сходка, собравшая по призыву комитета около 308 студентов, не состоялась. В прокламации от 20-го февраля говорилось: «Исполнительный университет с чувством глубокого удовлетворения отмечает особенно резко проявившееся сегодня бодрое и стойкое настроение студентов и еще раз убеждается в том, что московское студенчество далеко не так солидарно во взглядах с ректором Тихомировым, как предполагает этот последний. Приветствуя это живое проявление смелого протеста, до сих пор глухо чувствовавшегося в массе, исполнительный комитет выражает твердую надежду, что дело, начатое с 29-е января, будет поддержано и продолжено в самом недалеком будущем на предстоящей сходке 23 февраля»¹⁸.

Сходка состоялась 23 февраля, в ней участвовали 318 человек. Полиция пресекла демонстрацию, вытеснив участников в залы Манежа перед Московским университетом: многие студенты были тогда арестованы и посажены в Бутырскую тюрьму. События подняли большой шум, так что 25 февраля вновь состоялась уличная демонстрация, на этот раз совместно с рабочими организациями. Беспорядки продолжались до позднего вечера. Из общего числа участвовавших на сходке были арестованы 764 человек, из которых 102 были курсистки, 660 студентов и 22 симпатизирующих. «С радостным чувством Исполнительный комитет приветствует успех двух последних дней. В настоящих студенческих волнениях не так даже важно то, кто одолевает [...] а важно то активное сочувствие общества к студенчеству и его требованиям, которое так ясно выразилось в последние два дня демонстрациями на Моховой, Никитской и Тверской улицах [...] Пора наконец пробудиться нашей “публике”, сознать свое собственное положение и понять, что правда – не в кулаке, не в штыках, а в свободе и законности»¹⁹ – гласила прокламация Исполнительного комитета 25 февраля 1901 г. Большое значение этого события было отмечено В. И. Лениным на страницах революционной газеты «Искра»: «Студент шел на помощь рабочему – рабочий должен прийти на помощь студенту»²⁰. На этом этапе студенческое движение уже явно носило политический характер и открыто поддерживало борьбу против самодержавия.

После февральской сходки Чулков арестован не был, однако ситуация изменилась

¹⁸ «Прокламация Исполнительного комитета объединенных землячеств и организации 20 февраля 1901 г.» // «Красный архив», 1936, № 75, стр. 99.

¹⁹ «Студенческое движение в 1901 г.» // «Красный архив», 1936, № 2 (75), стр. 99-100.

²⁰ «Отдача в солдаты 183-х студентов» // «Искра», 1901, № 2, февраль.

осенью того же года. В марте 1901 года в Петербурге состоялась демонстрация на Казанской площади: студенты, протестовавшие против отчисления 183 студентов киевского университета и передача их в солдаты, столкнулись с полицией и казаками около Казанского собора, где произошли массовые избиения и аресты демонстрантов. Новые забастовки организовались во всех городах Российской империи (Вильно, Варшава, Тифлис, Харьков, Кишинев). Действия министра народного просвещения Ванновского, направленные на преобразование учебной системы средних и высших учебных заведений, заключали в себе также попытку упорядочить и зарегистрировать студенческие организации. 28 октября 1901 года была назначена специальная комиссия (председателем которой был проф. П. Г. Виноградов) для выяснения причин студенческих волнений и урегулирования конфликтов с учреждениями. Итогом комиссионных работ (Виноградов подал в отставку, после того, как Ванновский отрицательно высказался о работе комиссии) стало издание 22 декабря 1901 года «Временных правил о студенческих учреждениях», в которых разрешалась организация кружков для научно-литературных занятий, занятий искусствами и ремеслами, студенческих столовых и читален, касс взаимопомощи при предварительном согласовании с начальством и под строгим наблюдением профессоров или административных лиц.

Однако эти освободительные меры не могли удовлетворить студенческие требования и в начале 1902 года состоялся всероссийский студенческий съезд, в манифесте которого уже открыто говорилось о политическом характере студенческого движения, о необходимости в пропагандистской и агитационной кампаниях среди студенческих масс, еще не признавших силу революционного движения, о желании укрепления связей между студенческими и рабочими организациями. Студенчество неизбежно эволюционировало в сторону политической борьбы, под влиянием передовых сил Российской Социал-демократической Рабочей Партии; к концу 1901 года все студенческие организации отличались откровенно политической направленностью, молодежь стремительно шла навстречу пролетариату («Бросай же свою работу рабочий народ и требуй себе прав, без которых не живет ни один народ в Европе! [...] Требуйте же вместе с нами свободы!» – из прокламации московских студентов к рабочим, февраль 1902 г.). В конце января 1902 года студенты киевского университета организовали общую сходку, а в первых числах февраля демонстрации происходили в Петербурге, Москве, Харькове, Томске, Одессе, Риге и в других городах. Студенческие и партийные центры действовали вместе, студенты и рабочие совместно участвовали на уличных митингах. Новые беспорядки повлекли за собой незамедлительную и жесткую реакцию правительства. Большое количество студентов, рабочих и их сторонников

было арестовано во время столкновений с охранными органами и заключено в тюрьмы. Многие из них были приговорены к ссылке в Сибирь от двух до пяти лет.

В ожидании радикальных реформ со стороны правительства («[...] наши требования: отмена временных правил; возврат всех пострадавших товарищей; реформа университетского устава в духе устава 63 года, а наше оружие – забастовка!»²¹), требования Исполнительного комитета возросли до призывов к революции и взаимодействию с рабочим классом. Изменения внутренних взглядов Исполкома были выдвинуты Церетели, Чулковым и Орловым²², присоединившимся к комитету в начале ноября 1901 г. «Я был чрезвычайно увлечен этим движением и, хотя чувствовал, что во ем и прежде всего семейным благополучием, уже не мог отказаться от участия в комитете» [Воспоминания, л. 72] – вспоминает Чулков свое настроение в тот период. Эти молодые люди действительно были уверены, что демонстрации станут началом широкого общественного движения. Революционное настроение Чулкова открыто проявилось на вечере в память Добролюбова, состоявшемся 18 ноября 1901 года в зале ресторана московской гостиницы Континенталь, где он выступил с пламенной речью, проникнутой революционным восторгом, призывая к борьбе против самодержавия: «Попросил слова и сказал краткую, но, кажется, содержательную речь, по тем временам неслыханную. По крайней мере, участники банкета были утешены. Леонид Андреев был в восторге. Старые радикалы полезли ко мне целоваться. Были и такие, которые опрометью бежали из “Континенталья”, полагая, должно быть, что немедленно нагрянет полиция для расправы» [ГС, с. 12].

Другим случаем проявления бурной инициативы Чулкова была подготовка выпуска «Бюллетень № 17», который должен был выйти в свет по итогам заседания Исполнительного комитета, состоявшегося 7 декабря 1901 года. Составление прокламаций комитета входило в обязанности Чулкова: тогда он, по собственной инициативе и без ведома комитета, написал и напечатал прокламацию, в которой формализовался отказ студентов в поддержку буржуазных кругов. На заседании комитета Чулков потребовал от остальных членов подписать прокламацию, угрожая расколом. Церетели, Орлов и И. А. Будилович (1881-1915?)²³,

²¹ «Студенческое движение в 1901 г.» // «Красный архив», 1936, 2 (75), стр. 100.

²² Изложение фактов о студенческих волнениях 1901 года, напечатанное в «Красном архиве» 1936 года, подписано В. Орловым. В воспоминаниях Чулков пишет: «В. И. Орлов составил обстоятельные записки, посвященные бунтарскому движению 1901 — 1902 годов. Эти интересные мемуары будут, вероятно, напечатаны, а сейчас я, с любезного разрешения автора, читал их в рукописи» [ГС, с. 10]. См.: В. И. Орлов, «Из Пережитого» // *Пятый год. Сб. 1*, М., 1925, стр. 179-222; Он же, «Московский Окружной Комитет РСДРП» // *Путь к Октябрю. Вып. V*, М., 1926, стр. 3-25; Он же, *Студенческое движение*, ук. соч.

²³ Игорь Александрович Будилович – сын священника, учился на филологическом факультете Московского университета. Принимал активное участие в студенческих движениях, поддерживая сторону социалистов-революционеров.

приняли сторону Чулкова, и прокламация вышла в свет под названием «Бюллетень № 17», показывая силовую тенденцию московского студенческого движения.

Эти события, конечно, не могли не обратить на себя внимание со стороны полиции: «В число руководящих членов Исполнительного комитета вошли деятели революционных кружков, действовавшие не только среди молодежи, но и среди рабочих»²⁴ – уведомляет обер-полицмейстер московского генерал-губернатора 21 января 1902 года. К тому времени Церетели и его единомышленники по комитету начали организовывать общую сходку к первым числам февраля (сходка была назначена на 9-ое февраля к 12 часам дня в актовом зале Московского университета), общие требования которой были: «неприкосновенность личности, свобода печати, свобода совести, свобода собрания и организации, непосредственная ответственность административных лиц, общедоступность образования, допущения женщин в университет, уравнивания прав национальностей»²⁵. Принять участие в этой демонстрации им не удалось: в результате доноса правительственным органам о предстоящих новых сходках в Москве и Петербурге, в конце января 1902 года вся верхушка Исполнительного комитета студенческих организаций была арестована: Чулков, Церетели, Орлов, Будилович и др.

За месяц до своего ареста, Чулков выступал ярким инициатором революционного движения: «Я с азартом занимался агитацией. Эти сходки, речи, тайные заседания Комитета волновали меня. Я бредил революцией. И теперь, припоминая прошлое, я прихожу к заключению, что мое нервное волнение в те дни едва ли не было на предельной и опасной границе» [Воспоминания, л. 72]. Еще тогда он заметил, что находился под постоянным наблюдением сыщиков: «они, ничуть уже не смущаясь, дежурили по два – по три человека в углу нашего переулочка, ходили за мною по пятам, и неотступные их преследования раздражали меня» [Воспоминания, л. 72-73]. Чулков был арестован в конце 1902 года²⁶, после вечера, проведенного в одном из московских театров²⁷. Около ста человек были обвинены по общему делу, задержанные студенты, рабочие и интеллигенты в полной мере прочувствовали на себе ужесточение судебной практики: в феврале 1902 года, без проведения специально назначенных судебных разбирательств, «за участие в подготовке политической

²⁴ «Студенческие волнения в 1901—1902 гг.» // «Красный архив», 1938, № 4-5 (89-90), стр. 276.

²⁵ Там же, стр. 279.

²⁶ По данным, содержащимся в «Красном архиве» есть повод предположить, что студенты были арестованы 31 января 1902 года. Ср.: «По делу о 47 лицах, задержанных 31 января 1902 г. и заподозренных в подготовке демонстрации на 9 февраля 1902 г. в г. Москве» // «Красный архив», 1938, № 4-5 (89-90), стр. 282.

²⁷ Накануне ареста Чулков и Надежда Григорьевна были на спектакле «Дети Ванюшина» по мотивам пьесы С. А. Найденова. Постановка имела немалый успех: в сезон 1901/1902 гг. 37 постановок, в 1902\1903 гг. 41. В 1901 году пьеса была поставлена в Москве в театре Корша и в Петербурге в театре Суворина. В Москве премьера состоялась 14 декабря 1901 года, режиссером был Н. Н. Синельников.

демонстрации совместно с рабочими в Москве» политические заключенные были приговорены к ссылке в Сибирь на срок от двух до пяти лет.

Глава 2.4

Сибирская ссылка (1902 г.)

Арестованный, как член революционного студенческого исполнительного комитета и как пропагандист в рабочих кружках, Чулков содержался в московской Пречистенской тюрьме около двух месяцев. Пречистенский полицейский дом располагался в Штатном (ныне Кропоткинском) переулке с первой половины XIX века; в соседнем здании, с 1899 года существовал центральный приемный покой для душевнобольных. Окна маленькой и тесной камеры выходили во двор, в большой сад, где прогуливались больные: «[...] против моих окон был высокий забор, очень скучный, но когда я влезал на табурет, можно было видеть сад за этим забором и высокий дом. По саду ходили люди в халатах, размахивали руками совсем нескладно, иные смеялись невесело, иные смотрели в одну точку угрюмо и пугливо. Это были сумасшедшие. Они наводили на меня тоску, но когда я слышал крики и смехи за мрачным забором, забирался опять на табурет и смотрел на моих соседей, как замороженный»¹. В письмах к жене Чулков рассказывает, что это положение наводило его «на размышления, и я даже начал писать рассказ “Записки из желтого дома”. Сюжет я выбрал эксцентричный и, пожалуй, суровые критики опять будут меня упрекать за то, что я не интересуюсь общественными вопросами и занимаюсь исключительно тайнами души человеческой»² [ПП, п. 7]. Контакты с внешним миром следовали строгим правилам: переписки просматривались охранным отделением (печати просмотра встречаются несколько раз в письмах, адресованных жене) и разрешение на свидание получили только близкие родственники; в случае Чулкова свидание было разрешено дяде Владимиру Александрову, хлопотавшему тогда о дальнейшей судьбе племянника, и его сестре Любови Ивановне. Надежда Григорьевна, уже тогда проживавшая по разрешению отца в квартире Чулковых, несмотря на заявления сотрудникам полицейского правления («Я подала прошение о свидании Обер-полицмейстеру. Надеюсь, позволят» [ПП, п. 3]), получила отказ, вероятнее всего из-за несостоявшегося до той поры развода с ее первым мужем³. Несмотря на отказ, супругам удавалось общаться на расстоянии: «немые» свидания происходили во время положенной по тюремным правилам прогулки заключенных. Чулков, из одиночной камеры выйдя во двор тюрьмы, смотрел на жену, сидевшую на скамейке в саду психиатрического дома, находившегося по соседству с тюрьмой.

¹ Г. И. Чулков, «Хмель» // «Народоправство», 1917, № 1, стр. 4.

² Возможно, рассказ остался только в замыслах Чулкова – о нем нет упоминаний среди его напечатанных произведений и он не числится среди неопубликованных рукописей, сохранившихся в личных архивных материалах. В названии рассказа явная отсылка к рассказу Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома».

³ О разводе Надежды Григорьевны см. сноску 13 предыдущей главе.

Эти свидания стали возможны благодаря оказавшемуся в руках Надежды Григорьевны пропуску женщины, чей родственник был помещен в лечебницу. Нельзя не заметить, что в ранних версиях его автобиографий отсутствуют указания на конкретное лицо, оказавшее помощь супругам. Только в уже опубликованных его воспоминаниях «Годы странствий» Чулков называет имя В. Э. Мейерхольда, чей сотрудник по театру был в то время помещен в эту же лечебницу. Чулков познакомился с Мейерхольдом еще в 1898 году, когда тот играл роль Треплева в возобновленной постановке чеховской пьесы «Чайка» в Художественном театре. Перед арестом Чулков отдал Мейерхольду, сочувствовавшему революции, «немалый запас всякой “литературы” и, кажется, мимеограф. Это обстоятельство почему-то очень меня смущало, когда я сидел в тюрьме, и мне все казалось, что я “провалил” Мейерхольда. Но все сошло благополучно» [ГС, с. 214]. К тому же Мейерхольд бывал в гостях у Чулковых: «У нас сейчас был Мейерхольд перед отъездом в Италию. Они поехали с больной Марусей <Мария Всеволодовна, старшая дочь Мейерхольда – *К.Р.*>» [ПП, п. 21].

Чулков переживал тюрьму и одиночное заключение отрадно и благодушно – читал книги, писал стихи, занимался немецким языком. «Я так устал от нашей подпольной суеты, от сходок и собраний и, главное, от этого напряженного ожидания ареста, что у меня как будто гора свалилась с плеч. Теперь все было ясно. Теперь у меня была возможность и право отдохнуть по-настоящему» [ГС, с. 14] – написал он впоследствии, вспоминая свое пребывание в тюрьме. Он был даже уверен, что скоро наступит время его освобождения, и многократно об этом писал жене. Однажды среди заключенных стали ходить слухи, что арестованных участников студенческих волнений отвезут в Шлиссельбург, т.е. в тюрьму более строгого режима; поверив слухам о скором переводе в изолятор, Чулков решил сбежать из тюрьмы. Об этом эпизоде мы находим лишь краткое упоминание в его опубликованных мемуарах, но, в одной из ранних версий его воспоминаний, мы встречаем подробное описание о разработке плана его побега. План заключался в том, что Чулков должен быть притвориться сумасшедшим, дабы его перевели из тюрьмы в психиатрическую больницу. Приводим целиком этот ранее не опубликованный рассказ:

Кажется, я симулировал сумасшествие довольно удачно. Надзиратели были смущены моим поведением. В Охранное отделение я послал тогда два или три заявления по разному поводу, написанные не без странностей: все это по моим расчетам должно было подготовить мой побег. Меня посетил доктор, который, по-видимому, поверил, что я слышу голоса под полом моей камеры. Я об этом сообщал, между прочим, как будто не придавая этому значения. По правде сказать, когда я разговаривал с доктором, притворяясь сумасшедшим, у меня самого явилось сомнение, здоров ли я душевно или нет. Ко мне на свидание приехал родственник Александров. Я ему дал понять, что хочу лечиться в психиатрической лечебнице, и он, было, начал хлопотать о переводе меня в больницу из тюрьмы. Но в это время дошла до меня весть, что в Петербург меня не повезут, а

отправят в Сибирь, на четыре года. Я этому обрадовался: там пугала меня тогда Петропавловская крепость. От перевода в больницу я отказался [Воспоминания, л. 75-76]⁴.

Впоследствии данный эпизод служил сюжетообразующим мотивом для написания рассказа «Как я бежал из тюрьмы», который вошел в 1916 году в сборник «Люди в тумане»⁵. Обстановка и сценарий рассказа близко отражают реальность – главный герой заключен в полицейский дом, рядом с которым находится психиатрическая больница, его невеста (которую также зовут Надежда) симулирует душевнобольную, чтобы наблюдать за тюремным распорядком. Вопреки сходным элементам с реальным ходом событий, рассказ заканчивается по-иному: заключенный совершает свой побег, но невеста, услышав крики и выстрелы из соседнего двора, думает, что жених убит и сходит с ума: ее забирают в ту же больницу, в которую она проникла с целью содействовать его побегу. Через некоторое время к нему, тогда уже осведомленному о происшедшем, привозят невесту, которая уже не узнает жениха и считает его своим братом: «Она живет в странном полусне, близкая и бесконечно далекая от меня. Я проклинаю мой побег, мою свободу и жить мне мучительно и страшно» – заключает рассказчик⁶.

На самом деле побег не состоялся и в конце февраля 1902 года «за участие в подготовке политической демонстрации совместно с рабочими в Москве в феврале месяце» [Воспоминания Чулковой⁷, л. 4] Чулков был официально приговорен к ссылке в Якутскую область Восточной Сибири на четыре года. Об окончательном приговоре сообщила ему Надежда Григорьевна во время одной из тайных встреч возле ограды, отделяющей полицейский дом от лечебницы. Узнав о назначенном наказании мужа, Надежда Григорьевна решила добровольно поехать за ним: «Я ни за что не останусь после того, как получу твое первое письмо из Иркутска» - пишет она ему в письме [ПП, п. 12].

В середине марта 1902 года Чулков был переведен в Бутырскую тюрьму, центральную пересыльную тюрьму в дореволюционной России, для ожидания отправки в Сибирь. Несмотря на то, что в Бутырке Чулков пробыл всего несколько дней, эта тюрьма произвела на него сильное впечатление: «Шумная, возбужденная, только что бунтовавшая толпа арестантов окружила меня и одновременно со мною привезенного из одиночки Церетели, и эти крики,

⁴ В этой до сих пор неизданной части воспоминаний разговор идет о перемещении политических заключенных не в Шлиссельбургскую крепость, а в Петропавловскую крепость в Петербург. Подтверждение этого эпизода может находиться в архивных документах, принадлежащих делу Чулкова и сохраняющихся в ГАРФе. Следовало бы справиться в архивах о том, действительно ли Чулков пытался притвориться сумасшедшим и насколько тогда искажены рассказы писателя. К сожалению, в рамках этой работы у нас не появилась возможность рассмотреть личные дела писателя, но такая цель представится в перспективе развития данного исследования.

⁵ Г. И. Чулков, «Как я бежал из тюрьмы» // Он же, *Люди в тумане*, М., 1916, стр. 151-166.

⁶ Там же, стр. 166.

⁷ РГБ, ф. 371, к. 6, ед. хр. 1. Для обозначения цитат, взятых из мемуаров Надежды Григорьевны, будет использовано следующее условное сокращение: [Воспоминания Чулковой, с указанием номера листа].

говор, песни, приветствия, объятия оглушили меня. Началась жестокая головная боль, и я пожалел о моей первой тесной и безмолвной тюрьме» [ГС, с. 16]. В день отъезда, по просьбе больного отца министру юстиции, Чулкову было разрешено свидание на дому: собирались все родственники, был приготовлен прощальный завтрак; за общим столом сидел жандармский офицер: «[...] как тягостно было в то же время присутствие этого сопровождающего его стража – свидетеля последней встречи заключенного с родными» [Воспоминания Чулковой, л. 5]. В тот же день с товаро-пассажирским поездом, в отдельном арестантском вагоне Чулков, вместе с другими ссыльными, бывшими студентами Московского и Санкт-Петербургского высших учебных заведений, был отправлен на Дальний Восток. Политические заключенные ехали по Московско-Курской железной дороге с пересадкой на Сызрано-Вяземский путь, для дальнейшего этапирования до Иркутска. Мужчины и женщины, эти молодые революционеры ехали вместе со смутным представлением о Сибири и Якутии: «Ходили среди нас рассказы о дикой девственной тайге, о мертвых болотах, о мрачном инородческом быте. Мы воображали, что нам придется жить охотою, и что мы будем окружены опасностями со всех сторон» [ГС, с. 18]⁸. Чулков отправлял жене письма с каждой крупной станции; таким образом в переписке встречаются послания из Рязьска, Сызрани, Красноярска, далее уже из Александровской тюрьмы.

Красноярская пересыльная тюрьма была первой длительной остановкой заключенных. Ссыльные пробыли в ней около месяца, в ожидании вскрытия реки Ангары, что открыло им дорогу до Александровской тюрьмы. Пребывание в Красноярской тюрьме ознаменовалось буйным духом, обуревавшим группу молодых студентов. К этому времени Чулков стал постепенно переоценивать окружающую его реальность (все меньше вникая в политические разговоры) и направлять свое внимание на творческие мысли, любясь природой и сибирскими просторами: «Я, впрочем, не был в числе чрезмерно розовых оптимистов, и я не всегда охотно участвовал в политических дебатах. [...] я любовался на цепи гор, которые манили к себе своим волшебным многообразием» [ГС, с. 19-20].

В конце апреля группа заключенных переместилась в Александровскую центральную пересыльную тюрьму⁹, откуда они должны были следовать далее и поплыть по реке Лене до

⁸ Надежда Григорьевна описывала настроение каторжников следующим образом: «Они не представляли, что ждет их в ссылке. То они решали запастись солью, свечами или еще какими-то продуктами первой необходимости, то, боясь за судьбу ехавших с ними ссыльных женщин, постановили на собрании условно жениться на них и сделаться таким образом законными их защитниками. Но запастись мылом и свечами на несколько лет не удалось, а женщины-товарищи с негодованием отвергли их предложение условного брака. Но постепенно, приближаясь к месту ссылки, все уже составили себе довольно реальное представление о будущем их житье и стали спокойнее относиться к своей судьбе» [Воспоминания Чулковой, л. 7].

⁹ Первое письмо Чулкова из Александровской тюрьмы датировано 9 мая. Тогда же Надежда Григорьевна выехала из Москвы, намереваясь присоединиться к группе: «Когда получишь это письмо я буду уже в дороге. Я решила выехать 15-го числа: к тому времени окончатся экзамены, которые я все-таки держу, кончу массаж и устрою все

самого Якутска. Передвижение от Красноярска до Иркутска заняло около десяти дней, 3 мая в тюрьму прибыли около 39 человек: «Мы вошли в тюрьму хмельные от весеннего воздуха, от влажных запахов едва оттаявшей земли. Какая огромная и многоликая толпа шумела здесь» [ГС, с. 20] – пишет Чулков в своих воспоминаниях. Расположенная в 70-ти километрах от Иркутска, Александровская пересыльная тюрьма была частью тюремного комплекса так называемого Александровского централа, учрежденного в 1873 году на территории бывшего Александровского винокуренного завода. За Александровской центральной каторжной тюрьмой надолго закрепилась репутация одного из самых суровых и жестоких мест царской России. Несколько месяцев до прибытия арестованных студентов в Александровскую пересыльную тюрьму был доставлен и Феликс Эдмундович Дзержинский (1887-1926), революционер и политический деятель, впоследствии с 1917 года председатель ВЧК (с 1922 г. ОГПУ), в те годы вторично осужденный и сосланный на пять лет в Восточную Сибирь, вместе с другими политическими заключенными.

Необходимо здесь сказать, что политическим заключенным долгое время не было объявлено точное место их дальнейшего назначения. Об этом свидетельствуют письма Чулкова к жене, в которых он называет разные возможные места поселения: Якутск, Олекминск, Верхоянск, Колымск, неизвестный улус Якутской области – «Сейчас получил телеграмму от дяди, а которой он меня извещает, что иркутский генерал-губернатор предложил иркутскому губернатору водворить меня на жительство в самый г.<ород> Якутск» [ПП, п. 18], «Сегодня 11 мая мы получили здесь, в Александровской тюрьме, телеграмму с извещением относительно мест поселения некоторых. Причем относительно меня произошла какая-то путаница: сказано, что я назначен в *Олекминский* округ» [ПП, п. 22], «Очень может быть, что я назначен не в Якутск, а в Олекминск или даже в какой-нибудь улус» [ПП, п. 23]. Александровская пересыльная тюрьма была последним пунктом перед отправкой в далекую Сибирь. Незнание конкретной, достоверной информации лишало ссыльных возможности благополучно устроить собственное материальное положение, а их родных возможности узнать о судьбе близких им людей: «То распространится по камерам слух, что придется сидеть в темноте – нет в Якутске свечей; то будто бы нет там мыла или еще чего-нибудь. И мы, в панике, покупаем по пяти кусков мыла или несколько фунтов свечей – мы, которых отправляют туда на несколько лет. Вероятно, мы все тогда были отчасти лишены здравого смысла» [ГС, с. 21]. В связи с этим, арестантами правило общее недовольство, которое спустя несколько дней после прибытия в тюрьму привело к началу теперь уже знаменитого

свои маленькие делишки, т.е. закуплю все, что нужно для дороги и в Якутске (на первое время) и уложусь» [ПП, п. 21].

трехдневного бунта (6-8 мая 1902 г.). «Последние дни в Александровской тюрьме мы переживали довольно тревожное время» – пишет Чулков жене – «дело в том, что мы потребовали объявления нам мест нашего поселения» [ПП, п. 20]. Очередное замедление в ответах поощряло к возникновению демонстрации и 6-го мая политические заключенные, под руководством Дзержинского («В его ведении было наше красное знамя» [ГС, с. 22]) начали свое восстание, подняли баррикаду, вывесили красные знамена, предъявив требования о назначении мест их водворения. Описание бурных событий нашло отражение не только в письмах Чулкова, но и в опубликованных мемуарах: «Мы вели обычно переговоры с тюремным начальством во время осады через дыру, сделанную в палях <столб, *устар.* – *К. Р.*>, – приходилось парламентарам сидеть на корточках. Целые сутки вице-губернатор не соглашался принять столь унижительные условия для предварительной конференции. А мы иначе не соглашались разговаривать. Наконец генерал решился сесть по-турецки. Дело кончилось миром. Мы разобрали баррикады, и нам дали списки с указанием, кто куда отправляется» [ГС, с. 22].

Изложение событий, происходивших в Александровской тюрьме, также вошло в доклад иркутского вице-губернатора иркутскому губернатору от 12-го мая 1902 г., что подтверждает наше мнение о том, что все-таки есть немалая доля правды в приведенных Чулковым воспоминаниях. Сравним «официальную» версию с той, принадлежащей Чулкову: статский советник В. Н. Булатов докладывает начальнику, что с прибытием новой партии политических заключенных в пересыльную тюрьму, сосланные студенты, возглавленные Дзержинским, начали протестовать против значительной задержки личных переписок и неточности данных о местах поселения (особенно тех, которых касалось назначение в Якутскую область).

6 мая в первом часу дня..., староста политических заключенных, послал единственного находящегося внутри тюремного двора надзирателя Емельянова к начальнику тюрьмы с конвертом, без адреса, называя его «секретным» и требуя немедленной передачи.

При выходе надзирателя из ворот политические ссыльные (несомненно находившиеся во дворе, хотя Емельянов говорит, что они обедали на кухне) с шумом и криком бросились к воротам и схватились за них, по предположению чиновника Непомшина, с целью выбежать или даже снять ворота с петель (по моему же убеждению с единственной целью закрыть их и никого не выпускать). Часовой, бывший у ворот, выстрелил два раза в воздух, чем вызывал весь караульный наряд; ворота были захлопнуты и ссыльные тотчас-же приперли их со двора палками и бревнами (как оказалось от разобранной ими помойной ямы, находящейся близ ворот) настолько крепко, что несколько надзирателей и прибежавший из канторы чиновник Непомшин не могли уже их открыть. Затем ссыльные забаррикадировали ворота еще крепче и, вывесили красные флаги, на палках, на крыше бани и на переднем фесе тюремной ограды, над воротами. В закрытом, таким образом, тюремном дворе вместе с политическими ссыльными остались: два служителя, банщик и две прачки на уголовных арестанток.

... Забаррикадовав ворота, политические ссыльные объявили чиновникам Замаараеву и Непомшину, что не впустят никого во двор пока не будет исполнено требование их об объявлении мест назначения.

Получившие неполную информацию (были даны сведения только о некоторых заключенных), арестованные продолжали беспорядки, протестовали против «незаконного и бесчеловечного к ним отношения», потребовали объявления мест поселения всех ссыльных.

(8 мая) объявление о посланной телеграмме сразу успокоительно подействовало на ссыльных и говорившие со мной заявили, что сейчас соберут всех остальных товарищей для обсуждения изменившегося положения дела...

Через некоторое время, после, видимо, горячей общей сходки во дворе, политические ссыльные убрали флаги, открыли ворота и встретили меня своим составом, спокойно и вежливо, заявив, что окончили свою «манифестацию» и выражая уверенность, что будет исполнено их желание получить сведения о местах назначения. Во двор были введены тюремные надзиратели, которые, без возражений со стороны ссыльных, вынесли из двора весь деревянный материал, которым были заперты ворота; мы с товарищем прокурора г. Гречиным, выслушали все заявления по поводу их корреспонденции, поданных и приготовленных вновь прошений и проч. Я обещал тотчас же телеграфировать вашему превосходительству о прекращении ссыльными беспорядка и просить содействия к исполнению их просьбы...¹⁰

Через несколько дней после забастовки политические заключенные отправились пешим этапом в Качуг, пристань на реке Лене, откуда должно было начать их перемещение на паузках (речное мелководное судно) до Якутска, покрывая расстояние в три тысячи верст. Многие (среди них, например, Церетели) оставались на разных станциях и местечках по линии железной дороги, двое арестованных сумели даже сбежать (это революционеры М. О. Скрыпник и Ф. Э. Дзержинский). В середине мая заключенные прибыли в Качуг, там они ждали завершения работы по постройке паузков. В Качуге их встретила колония политических заключенных из Верхоленского округа, во главе которой был Бронштейн-Троцкий (1879-1940). О том, как этот паузок строился на берегу Лены и готовился к отплытию Чулков изложил в стихотворении «Весною – на север», вошедшее в одноименный сборник в 1908 г.:

Медленно двигались темные тени,
Горели, догорали костры.
Без надежд, без волнений
Мы ждали весенней поры
Отплытия вдаль
На паузках медленных [71]¹¹.

20-го или 21-го марта (в письмах неточно приводится день отъезда) назначенные в Якутскую область заключенные сели на паузки и отправились дальше поэтапно до места их водворения:

Милая даль – как невеста!
Серебристый простор.
О, Север дальний!
Плеск весла...

¹⁰ «Студенческие волнения в 1901-1902 гг.» // «Красный архив», 1938, № 4-5 (89-90), стр. 298-301. Описание этапирования студентов в Сибирь было описано в брошюре «Отправка студентов в Сибирь», изданной в Женеве в 1902 году и подписанной «Сибирский» (псевд. И. Х. Лалаянц).

¹¹ Г. И. Чулков, *Весною на север. Лирика*, СПб., 1908. Страницы указываются в квадратных скобках в тексте по данному изданию. Стихотворение посвящено близкому другу Чулкова Блоку.

И тихо, тихо отплывал
От стана берега немого
Дощатый паузок [72].

«Началась наша новая жизнь» – вспоминает Чулков начало якутской ссылки, – «Там, на берегу, мы оставили все суетное и тревожное» [ГС, с. 27]. Плыли они по Лене около двух месяцев. На пристани Витиме присоединилась к партии на паузке Надежда Григорьевна, опередившая их на пароходе. Вопреки многим предостережениям родственников Чулкова, которые пытались ее отговорить от поездки, Надежда Григорьевна выехала из Москвы в середине мая: благополучно устроить поездку в Сибирь ей помог Сергей Четвериков (1877-1938), будущий известный московский педиатр и профессор по детским заболеваниям, друг с гимназических лет, который и впоследствии, в трудные дни, не отказывал им в помощи. «После всех московских мытарств, забот, хлопот во время моих сборов в дорогу, всех моих волнений и страданий от разлуки с Г.<еоргием> И.<вановичем> я почувствовала большую радость и поэзию и покой в этом плавучем доме на Лене» [Воспоминания Чулковой, л. 12] – таким образом вспоминает Надежда Григорьевна воссоединение с мужем в своих мемуарах. В Олекминске якутский губернатор встретил политических заключенных и распределил их по Олекминскому и Якутскому округам, с просьбой каждому занять место по своей специальности: фельдшер, акушер и т.д. Только Чулков был назначен в затерянную в глубине сибирской тайги деревню, в улус Амга Якутской области.

О столице Якутской области Чулков написал, что это «жалкий городишко, меньше и беднее самого захолустного города любой из нашей губернии» [ГС, с. 29]. По приезде заключенных, местные ссыльные революционеры организовали торжественный обед, написали грамоту «в честь деятелей революции», выпили в честь Веры Николаевны Фигнер¹². Два-три дня Чулков с женой задержались в городе, затем в сопровождении местных якутов отправились в улус Амга в трехстах верстах от главного города. Путь от Лены до Амги занимал несколько суток, сначала на лодке по реке, потом на телегах сквозь сибирский, «девственный» лес. В Амге, (здесь несколькими годами раньше отбывал свой срок В. Г. Короленко), Чулковы устроились во врачебном пункте, куда он был назначен фельдшером.

¹² В. Н. Фигнер (1852-1942) – революционерка, член Исполнительного комитета «Народной воли», писательница. Окончив курсы казанского института благородных девиц, в 1871 г. переехала в Цюрих, где поступила на медицинский факультет и связалась с организацией русских народников. Участвовала в подготовке покушений на Александра II в Одессе и Петербурге. В 1883 году была арестована и приговорена к смертной казни по процессу «14-ти», помилована и заключена в Шлиссельбургскую крепость, где она прожила 20 лет в тяжелых условиях. Получила разрешение на выезд за границу в 1906 году. Вернулась в Россию в 1915 году, накануне Октябрьского переворота.

Опубликованы Я. В. Леонтьевым письма Чулкова к Фигнер, написанные в середине двадцатых годов. Эти письма свидетельствуют о волновавших Чулкова религиозных вопросах, связанных с отношением человека к церкви Христа. См.: Я. В. Леонтьев, «...Ничто не может заменить религию» (Сокровенные письма Георгия Чулкова) // «Знамя», 1995, № 3, стр. 116-125.

«Амга – это небольшое село. Есть церковь, при ней священник с семьей. Несколько купцов, скупающих и снабжающих население продуктами и товаром, закупленными на местной ярмарке в Якутске» [Воспоминания Чулковой, л. 22]¹³.

Несмотря на общую ситуацию, во время ссылки в Сибири и пребывания в улус Амге, Чулков не перестал интересоваться литературой. В годы вынужденной сибирской изоляции попечителем выступил Брюсов, посылавший Чулкову в Сибирь ряд книг для прочтения. В единственном сохранившемся от этого периода письме от ноября 1902 года Брюсов написал Чулкову: «Посылаю вам для начала последнюю книгу Верхарна и Монну Ванну новейшее издание Скорпиона. Это первая посылка, за которую последуют дальнейшим» [ГС, с. 317]. В скором времени Чулков начал свои переводы над «Буйными стихами» Верхарна¹⁴. В дневнике под датой «Сентябрь» Брюсов написал: «Приходила некая г-жа Розенберг, Клара Бор.<исовна>, говорила о Чулкове и Яценко, как их сослали. Потом пришло письмо от Чулкова из Якутской области, веселое. Просит послать ему книг. Держусь за этот уголок мало мне доступного мира»¹⁵.

Сибирь вызвала у писателя истинное восхищение: «Тайга великолепна. Иногда, правда, выйдешь из юрты, оглянешься кругом, почувствуешь беспредельность пустыни и эти тысячи верст, которые отделяют тебя от Москвы, и душа тихо занует, но такая слабость, бывало, придет и уйдет, как дуновение, и опять хочется дышать жадно таежными запахами» [ГС, с. 34].

Время, проведенное в сибирской тайге, надолго оставило след в душе Чулкова. Дикая природа и величие таежных лесных пространств повлияли на его развитие как писателя, и как человека. В произведениях, созданных после ссылки, Чулков сумел передать именно то ощущение таинственности и очарования тайги, которые его пленили во время пребывания в ее недрах. «Изумительная в тайге ее тишина. Я часами сидел на берегу Амгинского озера, смотря на ирисы, радуясь безмолвию» [ГС, с. 35] – рассказывает Чулков. Снежная пустыня, лесные озера, страшная тишина, шаманство – только некоторые из ключевых образов,

¹³ Надежда Григорьевна также приводит любопытные характеристики местных якутов: «Но якуты оказались не так странны. Они очень общительны, незнание русского языка у них восполняется мимикой и жестами. Любят водку и очень красноречиво выражают свое желание получить от вас эту самую водку – по-якутски – арги. [...] Якуты честны и доверчивы, но по-детски падки на удовольствия. Якуты очень любят новости. [...] Причем якут, если он в это время курит трубку, сует ее в рот своему собеседнику. Они так общительны и словоохотливы, что малейшая новость облетает в короткое время всю страну» (л. 19), далее «У якутов очень скуластые лица с маленьким плоским носом, так что в профиль нос едва заметен из-за щек. Когда они едят мясо, то, зажав в зубах часть большого куска мяса, они острым ножом отрезают от него перед самым носом, не рискуя при этом отрезать нос. Нож всегда носят за голенищем сапога. В юрте всегда горит камелек – род примитивного очага и на нем пекутся лепешки, на установленных ребром сковородках или кирпичках, вокруг огня. Труба камелька никогда не закрывается и выходит наружу прямо через крышу. У якутов поверье: камелек всегда должен гореть – если в нем не будет огня, то это к несчастью» (л. 20).

¹⁴ Émile Verhaeren, *Les forces tumultueuses*, Paris, 1902.

¹⁵ В. Я. Брюсов, *Дневники 1890-1910*, М., 1927, стр. 122.

олицетворяющих тайгу и создающие некий мифопоэтический комплекс тайги в произведениях Чулкова¹⁶, сутью которого становится отождествление тайги, любви и смерти. Эта таежная репутация была настолько сильна, что Блок назвал его «певцом» тайги¹⁷, а Вяч. Иванов посвятил ему сонет «Таежник»¹⁸. «Как в революции, в ней есть что-то таинственное, живое и безумное, – она символ мировой и человеческой жизни. В этой тайге, почти без логического действия, мучительно мечутся люди в стихийной, звериной и исконной любви и со смутным чувством смерти. Эти рассказы – печальные, меланхолические, пессимистические [...] вечна и прекрасна одна природа», – высказывался Яценко, рецензируя произведения старого друга¹⁹. Другой критик, Генрих Тастевен, по поводу второго тома рассказов Чулкова, вышедшего в свет в 1909 году и в котором собраны часть рассказов на таежной теме, написал: «Чулков – певец тайги; она навеяла ему ту суровость, эту немую грусть, с какой он смотрит на жизнь и на мир. В описании характеров Чулков одинокого чужд психологизма. Его герои очень мало рефлексируют и анализируют свои ощущения, они не любят слишком раскрывать свою внутреннюю жизнь. Они живут какой-то сосредоточенной внутренней жизнью. По своему отращению к психологизму они, может быть, несколько напоминают типы Гамсуна. Да это и понятно: Чулков задается целью передать не столько *психологический характер*, не эмпирическую личность, а то несказанное *трансцендентальное нечто*, которое чувствуется за каждым жизненным проявлением»²⁰.

Спустя несколько месяцев, в сентябре 1902 года министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому²¹ было поручено выяснить «степени возможного облегчения участи лиц, подвергнутых высылке под гласный надзор полиции в пределы Азиатской России, за участие в беспорядках, происходивших весной текущего года в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы»²². Святополк-Мирский лично собрал сведения о заключенных

¹⁶ Среди рассказов, навеянных сибирскими впечатлениями, можно перечислить, в качестве примера: «Тайга», «Амга», «Сулус», «В плену», «Северный крест», «Тревога», «Медвежье озеро», включенные в первые два тома прижизненного собрания сочинений (СПб., 1911). Сладкопевцев и Держинский, ссыльные заключенные вместе с Чулковым, послужили прообразом для создания героев рассказов «На этапах» и «Пустыня». Кроме рассказов, необходимо упомянуть драму «Тайга», опубликованную отдельным изданием в 1907 г.

¹⁷ А. А. Блок, «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» // «Золотое руно», 1907, №2, стр. 60-64. В заключении статьи встречается следующая фраза: «Хочется сказать об этих северных светловзорах, сообщниках муравьиного царя, простыми словами певца тайги - Георгия Чулкова [...]» и далее приведены нескольких строк из стихотворения Чулкова «Песня».

¹⁸ В. И. Иванов, «Таежник» <Г. Чулкову> // В. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 т.*, Брюссель, т. II, 1974, стр. 331-332. Впервые стихотворение появилось на страницах журнала «Золотое руно» в 1909 г., а впоследствии было включено в первую часть книги лирики «Cor Ardens», вышедшую в свет в 1911 г..

¹⁹ А. С. Яценко, «Пессимистическое искусство. Ф. Сологуб, Б. Зайцев, Г. Чулков» // «Новая жизнь», 1911, № 3, стр. 129.

²⁰ Г. Э. Тастевен, «Возрождение стиля» // «Золотое руно», 1909, № 11-12, стр. 87-89; здесь стр. 88.

²¹ Князь П. Д. Святополк-Мирский (1857-1914) – государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи до 1905 года.

²² «Всеподданнейший доклад министра внутренних дел, 13 сентября 1902 г.» // «Красный архив», 1938, № 4-5 (89-90), стр. 305.

лицах, побывав в местах их назначения: из общего числа высланных (122 человека) на опрос появилось 59 человек, а остальные 58 отказались явиться перед министром. Среди отказавшихся был и Чулков. Несмотря на упорство и товарищескую солидарность некоторых лиц, через три-четыре месяца все заключенные тем не менее получили амнистию и разрешение на переселение в другие города России кроме Москвы и Петербурга. «Грусть и радость странно сочетались в сердце. Торжественная тишина тайги внушала невольное сожаление о том, что воспоминание об этой прекрасной пустыне будет навсегда связано с воспоминанием о несвободе и плене» [ГС, с. 37].

В декабре 1902 г. в пятидесятиградусный сибирский мороз супруги отправились в обратный путь. В Якутске они задержались только несколько дней, необходимое время, чтобы запастись меховой одеждой, одеялами и продуктами для перехода через замершую Лену. До Иркутска они ехали около месяца, предельно сокращая остановки на промежуточных станциях. По прибытии в Иркутск, в тот же вечер Чулков с женой в городском театре посмотрели популярную в начале XX века оперетту Сидни Джонса «Гейша». С этим эпизодом завершается цепь событий, связанных с арестом Чулкова и ссылкой на дальний Восток. Далее, начинается период Нижнего Новгорода, куда он переселился с января 1903 года согласно постановлению действующей амнистии.

Глава 2.5

Под гласным надзором. Нижний Новгород (1903 г.)

В середине февраля 1903 года Чулков поселился в Нижнем Новгороде. В своих воспоминаниях будущий писатель объясняет выбор именно этого города, приводя три довода: в первую очередь, Нижний Новгород был избран для собственного проживания двумя великими предшественниками, Владимиром Гелактионовичем Короленко (1853-1921) и Максимом Горьким (1868-1936); во-вторых, город считался литературным, в нем с 1893 года издавался известный по всем губерниям «Нижегородский листок», общественно-политическая, литературная и биржевая газета; в-третьих писатели, высланные из столицы, нередко поселялись в этом городе центральной России, который исконно считался городом литературным.

До переезда в Нижний Новгород, Чулков побывал несколько дней в Москве, в родном доме. К этому времени в семейном очаге уже происходили некоторые изменения. Его первая сестра Любовь Ивановна вышла замуж за известного психиатра и психолога Федора Егоровича Рыбакова (1868-1920) и переехала жить недалеко от квартиры Чулковых, которые тогда проживали в Савеловском переулке, на Остоженке, в доме Горбунова¹. Вторая сестра Анна Ивановна училась в той же 3-ей московской женской гимназии, где раньше училась ее сестра. Отец Иван Иванович был тяжело болен. В Нижний Новгород Чулков приехал в середине февраля. Первое письмо из Нижнего Новгорода датировано 19 февраля 1903 года: он пишет жене, оставшейся в Москве оканчивать акушерские курсы: «Не успел я еще доехать до Нижнего, а уже соскучился...» [ПП, п. 26]. Сразу после приезда Чулков начал подбирать для себя и жены квартиру (переезд Надежды Григорьевны был запланирован в середине мая, после окончания экзаменационной сессии в воспитательном доме): «Когда ты приедешь? Я подыскал квартиру, но побоялся ее взять без тебя. Две комнаты со столом для двоих, конечно, – сорок рублей в месяц. Сейчас проживаюсь <так! – К. Р.> в номерах. Поскорей приезжай» [ПП, п. 26]. Судя по содержанию семейной переписки становится ясно, что на самом деле события пошли по-иному. Надежда Григорьевна действительно переехала жить в Нижнем Новгороде в мае, после окончания экзаменов – об этом она пишет не только в своих воспоминаниях, в которых она сообщает, что в мае она успешно выдержала экзамен, а затем переехала жить к нему в Нижний Новгород, но и в переписке, где прослеживаются намеки на ее скорый переезд: «Теперь остается только выдержать экзамен. С Васильевой мы уже все

¹ См.: *Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1903 год*. М., издание А. С. Суворина, 1903, стр. 488.

повторили; теперь я одна дома, буду еще немножко повторять. Сегодня Ив.<ан> Ив.<анович> спрашивал меня, поеду или не поеду я к тебе после первого экзамена – я сказала, что не знаю» [ПП, п. 49], но там надолго не осталась: в сентябре она уже пишет Чулкову из Москвы в связи со смертью его отца Ивана Ивановича. Здесь необходимо отметить, что, по всей вероятности, переписка 1902-1903 годов не сохранилась полностью – в ряде случаев отсутствуют хронологически и логически связанные ответы на некоторые письма, писем жены сохранилось вдвое больше, нежели ответов мужа, а ведь Надежда Григорьевна являлась менее обязательным корреспондентом в сравнении с мужем². Относительно смерти родного отца, в воспоминаниях Чулкова отмечается только одна запись: «С его <отца Чулкова – К. Р.> кончиной порвана была моя последняя связь с прочным бытом, с семейной традицией, с уютом и тишиной» [ГС, с. 51].

В Нижнем Новгороде Чулков находился под гласным надзором полиции. Несмотря на непрерывное наблюдение, он «не прерывал связи с тогдашними социал-демократами, и его перу принадлежит ряд прокламаций и нелегальных корреспонденций. В это время в Нижнем Новгороде преобладали “большевики”. Раскол в партии только что совершился. Сочувствуя революционной практике 1903 года, Чулков, однако, считал себя беспартийным» [Биография 1938]. Изучая его воспоминания стало известным, что тогда Чулков сблизился и тесно подружился с одним большевиком, проживавшим тогда в Нижнем Новгороде, Витольдом Францевичем Ахрамовичем³, который ранее был арестован и сослан в Сибирь по одному с Чулковым делу об участии в студенческих движениях. «В. Ф. Ахрамович серьезно и ревностно работал тогда как большевик-пропагандист, но в часы досуга сживал со мной в пивных и любил поговорить на изысканные темы во вкусе Пшибышевского» [ГС, с. 41-42]. Имя Ахрамовича впоследствии несколько раз встречается в семейной переписке, связано в большей части с литературной жизнью Москвы⁴ (с 1911 года Ахрамович был секретарем издательства «Мусагет»⁵).

² Например, не обнаружены ответы Чулкова на письма Надежды Григорьевны, относящиеся к сентябрю 1903 года и написанные после смерти его отца; в единицах хранения также не встречались часто упоминаемые в письмах телеграммы.

³ В. Ф. Ахрамович (псевд. Ашмарин; 1882-1930) – литератор, кинематографист и государственный деятель.

⁴ См., например: «Ахрамович достал мне словарь. Он рассказал мне, как неприлично Городецкий подделывался под тон Мусагета и Брюсова, и как не менее неприлично вел себя В.<ячеслав> Ив.<анов>. Когда Эллис прочел стихи, В.<ячеслав> Ив.<анов> подошел к нему и начал очень хвалить, а Эллис ему в ответ: “А ваши стихи, кои вы сейчас прочли, мне совсем не нравятся: в них одна риторика”. В.<ячеслав> Ив.<анович>, говорит Ахр.<амович>, позеленел от злости. Ахрам.<ович> говорит, что ходят слухи о возобновлении “Весов”. Чувствую себя совершенно оторванной от мира. Люблю только тебя и думаю только о тебе, но ты этого не можешь сказать о себе» [ПП, п. 86].

⁵ Ахрамович пришел на место секретаря «Мусагета» в декабре 1911 года, в замену предыдущего секретаря А. М. Кожебаткина, приносившего издательству существенный материальный ущерб, который тянулся на протяжении нескольких лет. В течение 1912-1913 годов работоспособность Ахрамовича оказалась недостаточной для

Об участии в политической жизни города нет упоминаний в письмах к жене, как следовало бы ожидать. Во всем изученном нами автобиографическом материале (составленном в большей части до революции 1917 года) остались только короткие и мимолетные сведения о его жизни в Нижнем Новгороде, несколько строк и больше ничего. Чулков предупреждает читателю, что «воспоминания прерываются на 1903 году. Все то, что было потом, слишком тесно и неразрывно связано с мучительным и страшным *сегодня*» [Воспоминания, II, л. 74]. В книге воспоминаний «Годы странствий» мы уже находим более широкое описание этого периода, но все-таки оно не дает полного представления о том, какие действия он предпринимал во время проживания в Нижнем Новгороде. Здесь немаловажную роль сыграет именно семейная переписка, потому что в ней конкретно и достаточно объемно отражается деятельность Чулкова, направленная главным образом на возобновление его литературной практики.

Первым делом Чулков стал сотрудничать с местной газетой «Нижегородский листок». Возникшая, как «листок объявлений и справок» (1893-1894 гг.), настоящей газетой она стала после того, как она перешла в руки Иллариона Галактионовича Короленко (1854-1915), брата известного писателя и почетного жителя Нижнего Новгорода Владимира Короленко⁶. В газете принимали участие В. Г. Короленко, Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, Виктор Александрович Гольцев, Константин Михайлович Станюкович, Евгений Николаевич Чириков⁷. В 1896 году редакция газеты пригласила в качестве корреспондента, беллетриста и публициста М. Горького, к тому времени уже профессионального журналиста и корреспондента газеты «Одесские новости»⁸. Нет точных данных, подтверждающих дату знакомства Чулкова с Горьким, однако известно из воспоминаний Надежды Григорьевны, что именно в Нижнем Новгороде они впервые увидели Максима Горького. По всей вероятности, Чулков познакомился с писателем в редакции «Нижегородского листка», поскольку в то время Горький был одним из ближайших сотрудников местной газеты⁹. Из опубликованной

руководства издательства, и, после долгого объяснения с редактором Э. К. Метнер, Ахрамович решил уйти от места секретаря. На его место был тогда назначен Н. П. Киселев.

⁶ «Нижегородский листок» – ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета; основанная в 1893 году, была посвящена преимущественно вопросам Нижегородской жизни. В середине 1890-х годов «Листок» стал наиболее радикальной газетой нижегородской области, отразившей на ее страницах местные нужды, условия трудящихся и просветительской работ.

⁷ Н. Г. Гарин-Михайловский (1852-1906) – прозаик, публицист, инженер-путеец; В. А. Гольцев (1850-1906) – публицист, литературный критик, общественный деятель, ученый; К. М. Станюкович (1850-1903) – писатель, близок к революционным кругам; Е. Н. Чириков (1864-1932) – прозаик, драматург, публицист.

⁸ Горький переехал в Нижний Новгород в том же 1896 году; его сотрудничество в «Нижегородской газете» продолжалось до 1903 года.

⁹ Скорее всего, отношения между Чулковым и Горьким остались в рамках уважения и почтительности. Из семейной переписки известно, что Чулков побывал в доме Горького несколько раз до отъезда писателя в южную Россию и дорожил его мнением: «Был еще раз у Горького. Здоровье его плохо, и скоро, может быть, он поедет в Крым» [ПП, п. 31], «Горький уезжает в Ялту. Я не успел дать ему прочесть “Тайгу”. Тоска...» [ПП, п. 33]. Во

переписки Горького очевидно, что имя Чулкова Горькому в то время не было совсем чужим. В недатированном письме от марта 1900 года Горький писал Чехову: «В Москве есть студент, Георгий Чулков, – он весьма удачно подражает Вам, и, ей-богу, пожалуй, он – талантливый малый»¹⁰. Отметим, что в личном архиве Чулкова, хранящимся в главном московском архиве РГАЛИ, в разделе «Рукописи Георгия Ивановича Чулкова», содержатся до сих пор неопубликованные четырнадцать страниц «Из воспоминаний об Алексее Максимовиче Горьким», которые представляют собой безусловно немалый интерес относительно изучения биографии Чулкова¹¹.

Точных сведений о количестве статей, печатавшихся на страницах «Нижегородского листка» нет; известно только об одной статье, «Мещане и Академия», появившейся, по всей вероятности, в марте 1903 года. О ней Чулков говорит в письме к жене: «Получила ли ты номер <так! – К. Р.> “Ниж.<егородского> Листка”, в котором напечатана моя статья “Мещане и Академия”? На всякий случай посылаю еще один номер <так! – К. Р.> на курсы. Удивительно, как ее пропустил цензор, хотя и с урезками» [ПП, п. 37]. Встречается еще одно упоминание об этом событии: «Мою статью в “Ниж.<егородском> Л.<истке>” приняли и, если цензура ее пропустит, она пойдет на этих днях» [ПП, п. 31]. Трудно предположить, идет ли разговор о статье «Мещане и Академия» или о другой публикации, поскольку письма, высланные из Нижнего Новгорода, без указания даты, а конверты к ним не сохранились. Наблюдается еще отсылка к одному произведению Чулкова, но и здесь, как прежде, не было возможностей определить, когда оно было опубликовано. 12 марта Надежда Григорьевна написала: «Нюра говорила, что напечатан твой “Талисман”» [ПП, п. 38].

второй половине 30-х годов Чулков опять обращается к нему с просьбой о посредничестве в деле об аресте жены. См. первую публикацию письма-обращения Чулкова к Горькому в: М. В. Михайлова, «Пристрастный летописец эпохи» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1999², стр. 9.

¹⁰ М. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*. Т. 28, М., 1954, стр. 113. Скорее всего, Горький имеет ввиду юношеские опыты Чулкова, реализовавшиеся в рассказе «На тот берег».

¹¹ «Из воспоминаний об Алексее Максимовиче Горьком» // РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 248, общее количество листов 14 (крайние даты: 17.12.1935). Затруднительно определить «благосклонной» позицию Горького по отношению к Чулкову: см. отзывы о нем в переписке С. С. Кондурушкина и Горького: «Был я на днях у Чулкова. Разговор был о Вас в связи со статьей Чулкова в “Речи”: “Правда о Горьком”. На мой взгляд, в его статье “есть несомненные достоинства. Напр[имер]: справедливо отметил он, что Горький – один из самых верующих современных писателей. Но втроем мы (я, Блок и В. В. Розанов) осуждали у Чулкова некоторые места фельетона. Между прочим, и Блоку и Розанову, как и мне, глубоко трогательной кажется сцена с монахиней. Чулков этого не понимает, как, по-видимому, трудно понять ему и многое другое в жизни и литературе. Уж очень он весь выдуманный: и слова его, и мысли его, и поэзия его, и все мирозерцание его. Единственное, что у него не выдуманно, это жена его: пухлая, красивая, даже с усами» - письмо Кондурушкина от 17 июля 1908 года. Горький тогда ему ответил: «Пишете вы о Чулкове – вот индивидуальность. И даже – символически, так сказать. Крошка, обломок человека, убийственно бездарное, угловатое существо. Я его давно знаю, он начинал свои посягательства на изнасилование литературы русской на моих глазах, несчастный импотент. Не выношу таких! Понимаю, конечно, что это воистину несчастные люди, способные искренно визжать от боли одиночества и навсегда лишённые способности любить жизнь, людей, мир – все!» - письмо от 27 июля 1908 года // *Литературное наследство*. Т. 95. *Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка*, М., 1988, стр. 955 — 957.

В своих воспоминаниях Чулков уделяет значительное место одному событию его биографии, происходившему в редакции газеты «Нижегородский листок». Это – встреча с писательницей и переводчицей Александрой Михайловной Моисеевой¹², печатавшаяся, под псевдонимом А. Мирэ, свои рассказы в том же «Нижегородском листке» (с апреля 1903 года, за очень небольшой срок, на страницах газеты появилось около 100 новелл, рассказов, очерков и т.д.), впоследствии собраны и изданы в отдельном сборнике «Жизнь»¹³. С Моисеевой Чулков был лично знаком еще с гимназических времен, его мать тесно дружила с матерью Моисеевой (см.: «Как только незнакомка назвала себя, я тотчас же вспомнил Ордынку, старый дом Третьей женской гимназии, где я жил с родителями. И сад при доме. Здесь, в этом саду, мы читали с Шурочкой Моисеевой Гете, и я, гимназист, рассуждал с миловидной моей подругой на высокие темы. Она была старше меня года на три, а мне было тогда тринадцать лет» [ГС, с. 44]). Вернувшись на родину после долгих лет мытарств (за участие в революционной пропаганде была арестована в Одессе, с 1894 года жила под гласным надзором в Кишиневе, а затем отправилась за рубеж в Бельгию, Францию, Швейцарию, Италию) Моисеева приехала в Нижний Новгород и обратилась к И. С. Гриневицкому, редактору «Нижегородского листка», в поисках работы и места для публикации собственных рассказов¹⁴. Впоследствии Чулков оказал Моисеевой немалую помощь, стараясь ввести ее в символистскую богему Петербурга. Печальная судьба этой несчастной женщины настолько впечатлила Чулкова, особенно одна

¹² А. М. Моисеева (1874-1913) – прозаик, переводчица. В московском архиве РГАЛИ, среди личных документов Чулкова, хранятся письма Мирэ к Надежде Григорьевне, см.: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 465, общее количество листов 37. В одном из многочисленных литературных портретов, который М. В. Михайлова посвятила Моисеевой, написано, что прозаик посвятил супругам Чулковым одно из ее лучших произведений, рассказ «Любовь» (см.: А. М. Моисеева, «Любовь» // «Черная пантера», М., 1909, стр. 49-57). Подробнее о Моисеевой см.: М. В. Михайлова, «Публикации Мирэ в газете “Нижегородский листок”» // *Жизнь провинции как феномен русской духовности*, Нижний Новгород, 2003, стр. 11-15; Она же, «Западноевропейский модернизм на русской почве (Творчество А. Мирэ)» // *Художественно-историческая интеграция литературного процесса: Материалы региональной научной конференции*, Майкоп, 2003, стр. 15-17.

¹³ Литературные начинания А. Мирэ были положительно восприняты критикой, несмотря на то, что подпись фамилии французского происхождения отставила многих в недоумении, писатель ли или писательница. Даже такой тончайший критик, как Валерий Брюсов, не мог догадаться, Мирэ – женщина или мужчина?: «Мы не знаем французский писатель с фамилией Мирэ. На книге нигде не означено, что это – перевод. [...] Однако, судя по языку, автор – русский, и рассказы оригинальные. В таком случае он учился у французских писателей» в: Аврелий <В. Я. Брюсов>, «Мирэ. Жизнь. Издание Л. А. Мукосеева. Нижний Новгород, 1904. Цена рубль» // «Весь», 1904, № 8, стр. 56. Другой рецензент первой ее книги, Блок, отметил: «[...] несмотря на не совсем русские обороты речи, иногда прямо производящие впечатление посредственных переводов с французского. В связи с тем, что и темы почти всех рассказов взяты из французской жизни, иногда прямо приходит в голову, что автор должен был и писать по-французски», в: А.А. Блок, «Мирэ. Жизнь. – (Н. Новгород, 1904)» // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 216-217.

¹⁴ Интересно сопоставить два портрета Моисеевой, которые дали соответственно Чулков и Надежда Григорьевна: «Однажды ко мне явилась маленькая хрупкая женщина с большими темными и как будто хмельными глазами. Это существо неопределенного возраста, с увядшим ртом и с морщинками вокруг глаз, казалось несчастным и жалким, как птенец, выпавший из гнезда» [ГС, с. 44] и «Когда мы встретили ее в Нижнем Новгороде, она уже совсем потеряла образ человеческий. С утомленным лицом от бессонных ночей и вина, плохо, неопрятно одетая, с какой-то виноватой улыбкой и странным неестественным смехом» [Воспоминания Чулковой, л. 36].

ею рассказанная история о любовном романе и тройственном союзе, что впоследствии Чулков из этого взял сюжет для цикла рассказов на биографической основе «Шурочка и Веня»¹⁵.

О том, что знакомства и встречи, происходившие в Нижнем Новгороде, имели так или иначе свое немалое значение в биографии тогда уже начинающего автора, мы находим подтверждение в воспоминаниях жены Чулкова, Надежды Григорьевны, переносившей внимание от основного изложения биографических фактов на то, что она называет «встречи с замечательными женщинами». Поэтому здесь стоит упомянуть еще одно знакомство, сказавшееся в скором будущем на становлении писателя. В 1903 году Чулков впервые встретил нижегородскую журналистку Анну Николаевну Шмидт, автора философско-мистических произведений¹⁶. Личные убеждения Шмидт были тесно связаны с философскими концепциями Вл. Соловьева, с которым она была знакома (встреча состоялась 30 апреля 1900 года во Владимире) и находилась с ним в частной переписке. После смерти Вл. Соловьева, Шмидт стремилась найти людей, имевших отношение к покойному философу. Одним из них был, по ее мнению, Чулков, чьи стихи она считала близкими к ее пониманию и к философии Вл. Соловьева о мировой душе. Из сборника «Кремнистый путь»¹⁷ ее внимание особенно привлекли три его стихотворения: посвящение из цикла «Полуистлевшие цветы»¹⁸ («О медиума странный взор...»), «Стихийной» из цикла «Пляска звезд»¹⁹ («Я молюсь тебе, как солнцу, как сиянию дня...») и цикл «Песня песней»²⁰. Умонастроение этих стихотворений на самом деле очень близко к основным понятиям Вл. Соловьева о «софианстве» и «вечной женственности». Несмотря на то, что Чулков, по его собственному утверждению, не был лично знаком с Соловьевым и его творчеством, он признался: «все-таки в душе моей бессознательно преобладала тогда тема «софианства», соловьевская тема, с ее ослепительным светом и с ее мучительными противоречиями. Это сказалось и в моих стихах» [ГС, с. 122]. Обратившись к Чулкову, чтобы прочесть ему рукопись собственного мистического трактата

¹⁵ Г. И. Чулков, «Шурочка и Веня» // Он же, *Люди в тумане*, М., 1916. М. В. Михайлова справедливо заметила, что героиня рассказа все же мало напоминает лицо Моисеевой, и Чулков скорее всего воспользовался ее парижской историей для изложения его представления о женском начале. // М. В. Михайлова, «“Я женщина с головы до ног...” (Творческий портрет писательницы А. Мирэ) // «Преображение. Русский феминистский журнал», 1993, № 1, стр. 119-130.

¹⁶ А. Н. Шмидт (1851-1905) – нижегородский журналист, автор религиозно-мистических сочинений, учительница и последовательница учениями Вл. Соловьева. Ее главная рукопись была посмертно опубликована в 1913 году С. Н. Булгаковым и П. А. Флоренским. См.: А. Н. Шмидт, *Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. О будущности. Третий завет. Из дневника. Письма и пр. С кратким биографическим очерком и письмами к ней Вл. Соловьева*. М., 1916.

¹⁷ Чулков подтверждает, что книга, пропущенная цензором Э. К. Метнер в Нижнем Новгороде, была издана в Москве в 1903 году, несмотря на то, что на обложке стоит пометка 1904 год. Ср.: «Моя книжка вышла в 1903 году и помечена на обложке 1904 годом» [ГС, с. 122]

¹⁸ Г. И. Чулков, «О медиума странный взор...» // Он же, *Кремнистый путь*, М., 1904, стр. 39-40.

¹⁹ Он же, «Я молюсь тебе, как солнцу, как сиянию дня...» // Там же, стр. 57.

²⁰ Он же, «Песня песней» // Там же, стр. 60-69.

«Третий завет», Шмидт допрашивала его вопросами, касающимися собственной веры и философии и тогда посоветовала ему прочесть «Чтения о богочеловечестве», «Три речи в память Достоевского» и «Духовные основы жизни» из творческого наследия Вл. Соловьева²¹. В своих воспоминаниях Надежда Григорьевна пишет, что Чулков отзывался о ней, как: «горячо верующая христианка и глубоко мыслящий философ».

Изучая семейную переписку, становится известно, что, наряду с работой в газете, Чулков прикладывал немало усилий к тому, чтобы устроить свои старые и новые рассказы и очерки. Во-первых, это опубликованные произведения в журнале «Детский отдых». Чулков был намерен издать в виде отдельной книжкой свои очерки «В далеких краях. Африка» и «В далеких краях. Африка (продолжение)», появившиеся на двух номерах «Детского отдыха» соответственно в 1899 и 1901 годах²², и поэтому в письмах неоднократно попросил жену отправиться с рукописями к Дмитрию Панфиловичу Ефимову (1866-1930), книгоиздателю, владельцу книжными магазинами и киосками во многих городах России, с таким поручением: «Предложи этому книгоиздателю Ефимову издать эти два очерка “В далеких краях” в одной книжечке. Скажи, что мне, Георгию Ив.<ановичу> Чулкову, посоветовал обратиться к нему Алексей Иванович Лебедев, который, будучи недавно в Москве, говорил ему, Ефимову, обо мне. Если книгоиздатель Ефимов может прочесть очерки в день-два и определить, подходят они ему или нет, оставь эти очерки у него; если же книгоиздатель Ефимов будет ломаться, плюнь на него... Важно узнать не то, как скоро он думает их печатать, а то, желает ли он напечатать» [ПП, п. 32]. Выполнить порученное дело Надежде Григорьевне удалось только спустя месяц, скорее всего из-за задержки с почтовыми отправлениями: «Была сейчас у Ефимова. Он принял меня довольно любезно и обещал прислать мне ответ на квартиру, хотя счел нужным прибавить, что он “только что купил такой же рассказ”. Зовут его Дмитрий Памфилович» [ПП, п. 43]. Издание очерка «В далеких краях. Африка» в издательстве Ефимова не осуществилась: обанкротившийся в 1907 году, Ефимов продал собственный книжный

²¹ Вл. Соловьев, *Чтения о богочеловечестве*, М., 1881. В книге собраны 12 лекций, прочитанных Вл. Соловьевым в 1878 году в Санкт-Петербурге и на которых присутствовали, среди других, Достоевский, Л. Н. Толстой, Страхов, К. П. Победоносцев. Книга является одной из самых значительных произведений философа, в которой он рассматривает мировой исторический процесс как богочеловеческого сотрудничества; Вл. Соловьев, *Три речи в память Достоевского (1881-1883)*, М., 1884. В 1880-х годах Вл. Соловьев был весьма заинтересован духовным наследием гениального писателя, увидев в нем основателя преобразующего, теургического искусства. Книга является попыткой ответить на вопрос: «чему служил Достоевский, какая идея вдохновляла всю его деятельность?» (стр. 3); Вл. Соловьев, *Религиозные основы жизни (1882-1884)*, М., 1884-85. В 1881-82 годах Вл. Соловьев рассуждает о причинах раскола между Западной и Восточной церквями и о предстоящем их примирении во имя вселенного христианства. Сочинение «Духовные вопросы жизни», свидетельствующее об особом вдохновении философа, является не что иное, как толкование молитвы «Отче наше» и оснований христианства.

²² Г. И. Чулков, «В далеких краях. Африка» // «Детский отдых», 1899, № 12, стр. 13-37; Он же, «В далеких краях. Африка (продолжение)» // «Детский отдых», 1902, № 2, стр. 5-23.

магазин А. Д. Друтман²³. Книга, с рисунками А. А. Кучеренко²⁴, вышла в виде отдельного издания только в 1910 году у самого Друтмана, преемника Ефимова.

Одновременно с планами, связанными с «Детским отдыхом», Чулков собирался работать над уже начатыми рассказами: выше был упомянут рассказ «Тайга», который ему не удалось передать на прочтение Горькому. Рассказ «Тайга», и другие рукописи, в то время оказались у Леонида Андреева, со своей стороны попытавшегося, видимо, их устроить в газете «Курьер»²⁵, с которой он сотрудничал и с которой сотрудничал сам Чулков, когда он учился в Московском университете. Надежда Григорьевна дала ему следующий отчет: «Поехала к Андрееву и встретила его на дороге. Он обещал мне прислать рукописи ко мне на дом и сказал, что “Тайга” он уже послал с письмом тебе. Об “Открытых письмах” я спрашивала – послал ли он их тебе. Он сказал, что не посылал, но пришлет их теперь мне вместе с остальными рукописями. Из этого я поняла, что они для “Курьера” не подошли» [ПП, п. 27]. Затем Чулков приступил к работе над рассказом «Уединение», намерен его продолжать: «Хочу моего героя из “Уединение” швырнуть в город, в битву среди камней и криков, а потом опять увести его в глушь, в “Тайгу”. Пусть он там принесет в жертву милую Ольгу, целуя ее мертвые ноженьки, почувствует Бога и ужаснется» [ПП, п. 34]. Рассказы «Уединение»²⁶ и «Тайга»²⁷ вошли в первый опубликованный сборник произведений «Кремнистый путь», вышедший в свет в 1904 году в Москве. Одна их первых, неофициальных оценок²⁸ этих произведений принадлежит

²³ В 1908 году владелец магазина был уже А. Д. Друтман. Среди других изданий магазина Друтмана, книга Александра Амфитеатрова «Тризна».

²⁴ А. А. Кучеренко – иллюстратор. Дополнительные сведения о нем не удалось разыскать.

²⁵ Андреев начал сотрудничать с московской газеты «Курьер» в 1897 году, на ее страницах он печатал фельетоны и рассказы. С декабря 1902 года он стал редактором беллетристического отдела, с помощью М. Горького он привлек к сотрудничеству писателя С. А. Серафимовича, способствовал напечатанию первых произведений Ремизова, Зайцева, Чулкова и др.

²⁶ Г. И. Чулков, «Уединение» // Он же, *Кремнистый путь*, М., 1904, стр. 93-99. Рассказ «Уединение» можно отнести к циклу рассказов, действия которых происходят в дикой, таежной природе. В рассказе отражены личные впечатления и опыты главного героя, воспроизведена его простая, уединенная жизнь. Выбрав одинокий образ жизни, герой любит природу и наслаждается тишиной – изредка его посещают жители с другого берега: среди них Нина, в которую он тайно влюблен. В заключении он произносит следующие слова: «Может быть, я брошу уединение и пойду опять в город, буду жить среди камней и криков и приму участие в борьбе... Не для ближнего... Для борьбы, для самого себя...» // Там же, стр. 99.

²⁷ Г. И. Чулков, «Тайга» // Он же, *Кремнистый путь*, М., 1904, стр. 131-142. Герой рассказа «Тайга» живет в глухой тайге, в уединении с природой и с какой-то страшной тайной, которая тайга доносит до него своим шепотом. Когда к нему приезжает жена из Москвы, он вдруг познает ее положение и презирает эту тайну, убеждается, что мир и эта женщина обманули его, прикрывают ему путь к соединению с сущностью. В страшные минуты, охваченный как бы странным бесом, он убивает свою жену и почувствует над ним приближение лохматой тайги.

²⁸ Если не учитывать несохранившееся письмо Брюсова, о котором Чулков говорит в примечаниях к письмам Брюсова: «Незадолго до выхода этой книжки я послал в рукописи свои стихи Брюсову. Валерий Яковлевич в письме дал о них свой отзыв, весьма суровый, но, пожалуй, справедливый. К сожалению, это письмо утрачено. В нем, между прочим, он признается, что некоторые мои строки и строфы он “повторяет неустанно”, но совершенных стихотворений у меня, по его мнению, почти нет. И в самом деле он указывал на целый ряд технических промахов и недостатков» [ГС, с. 356].

Борису Константиновичу Зайцеву, с которым Чулков был знаком еще до отправки в ссылку²⁹. Вера Алексеевна Орешникова (1878-1965), жена Бориса Зайцева и дочь нумизмата, одного из деятельных сотрудников московского Исторического музея, была хорошо знакома с четой Чулковых и ее имя часто встречается в семейной переписке³⁰: «Сегодня Люба приехала днем и умоляла мне поехать с ней к Вере. У Веры страшная неприятность семейная: ее выгнал отец и перестал давать ей деньги на содержание. У нее был Зайцев. Он тебя знает, встречал у Андреева» [ПП, п. 29]. Написав Чулкову письмо 13 января 1904 года, Зайцев (которому Чулков, по всей вероятности, отослал экземпляр сборника для чтения) писал ему: «Из “прозаических” вещей лучшее “Тайга” и “Уединение”, причем “Тайга” безусловно ни на кого и ни на что непохожа, что же касается “Уедин.<ения>”, то косвенно, отдаленно, вспоминаешь “Дом с мезон.<ином>” Чехова, – там есть такое противоположение: непутевой, “неприличный” художник и до тошноты либеральная, школьно-аптечно-библиотечная барышня»³¹.

Несмотря на то, что нет упоминаний в переписке, Чулков утверждает, что в это время состоялась его встреча с Владимиром Михайловичем Саблиным, переводчиком и журналистом, владельцем собственного книгоиздательства в Москве³². По его словам, Саблин был знаком с рассказами, которые Чулков печатал до ссылки, и специально поехал в Нижний Новгород, чтобы заключить с ним договор об издании его первой лирической книги стихов и рассказов: «Он помнил мои рассказы, печатавшиеся до ссылки, и, узнав о том, что я в Нижнем, поехал туда с свойственным ему предприимчивостью, чтобы снять на корне мои новые творения. Так появилась моя первая юношеская книга “Кремнистый путь”. Книга была несовершенная, и надо бы ее отдать на просмотр многоопытному мэтру» [ГС, с. 48]. Как было уже отмечено, встречаются противоречивые версии о точной дате опубликования этой книги: сам Чулков относит его то к 1903, то к 1904 году. «Кремнистый путь» – небольшая по объему книга, посвященная Н. Г. С., т.е. Надежде Григорьевне Степановой, его будущей жене. Она

²⁹ Среди многочисленных друзей и знакомых, Б. К. Зайцеву (1881-1972) выделяется особое место. В своих воспоминаниях Чулков говорит, что «Из начинающих писателей встречал я у Андреева Б. К. Зайцева, чей первый рассказ «Волки», насколько я припоминаю, произвел на Андреева большое впечатление» [ГС, с. 109].

³⁰ Ю. М. Зыбалов, который впервые написал о сохранившихся письмах Зайцева к Чулкову, предполагает, что знакомство Чулкова и Зайцева произошло именно через Веру Алексеевну. См.: Ю. М. Зыбалов, «Письма Б. К. Зайцева к Г. И. Чулкову» // *Археографический ежегодник за 1997 год*, М., 1997, стр. 299-304.

³¹ Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, М., 2001, стр. 14.

³² В. М. Саблин (1872-1916) – книгоиздатель, переводчик. В 1901 году основал в Москве книгоиздательство с собственной типографией, напечатал преимущественно писателей европейской и западной литературы и книги, посвященные освободительному движению. С 1905 года начал издание газеты «Жизнь», запрещена цензурой за ее революционное настроение (источник: *Краткая литературная энциклопедия*). Судя по сохранившимся каталогам его изданий, Саблин, который в свое время был близок к А. П. Чехову, никогда не издавал произведений Чехова, однако в библиотеке Чехова единственная книга, издана издательством Саблиным, была именно книга Г. И. Чулкова. См.: Н. М. Багапова, «Михаил Алексеевич Саблин (“Дедушка Саблин”) и его семья» // *Чеховиана. Чехов и его окружение*, М., 1996, стр. 95-108, здесь стр. 106.

состоит из одного поэтического и одного прозаического раздела, в первом собраны стихотворения 1902-1903 гг.: «Зарницы», «Полуистлевшие цветы», «Пояска звезд», «Песня песней», «Песенки юродивого», «Катакомба»; второй раздел, озаглавленный «Поэмы», содержит «поэмы, написанные прозой»³³: «Что-то черное» (посвященный М. Л. Роскановой, актрисе московского художественного театра³⁴), «Уединение», «Слово», «Колонны», «Разлад», «Стены шатаются», «Тайга». Книга открывается эпитафией М. Л. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу, / Сквозь туман кремнистый путь блестит»³⁵, обосновывающим в какой-то мере название сборника. Книга, в которой ощущаются декадентские тона, обратила тогда на себя внимание московских и петербургских литераторов, выразившихся сурово и сдержанно по отношению к ней³⁶. Мы рассмотрели три рецензии, написанные приблизительно в одно и то же время. При их анализе выявилось, что все рецензенты согласованно считали стихотворную часть несовершенной (подражание Бальмонту, Брюсову и т.д.), в то время как они были склонны считать прозу более приемлемой (хотя в ней тоже предусматривали влияние Чехова, Кнута Гамсуна и другие). Все три рецензии в завершении звучали одинаково: «Г. Чулков не безнадежен, может быть, он будет поэтом, но его первая книга – только попытки и опыты, большей частью неудачные» [Аврелий, стр. 71], «В ней чувствуется несомненный талант и, если автору не более четверти века, на что указывает подражательность и невыработанность стиха, то его можно смело назвать подающим надежды» [Allegro, стр. 219-220], «Высказывать окончательное осуждение о начинающем авторе пока преждевременно. Ему надо еще много поработать над собой, стать тише, избавиться от крикливости и внешних эффектов [...] и мы вправе ожидать от него большего» [Иванов, стр. 88].

³³ Определение принадлежит одному из первых рецензентов этой книги, Евгению Павловичу Иванову (1879-1942), писателю и публицисту, напечатавшему рецензию на страницах «Мира искусства». См.: Е. П. Иванов, «Георгий Чулков, «Кремнистый путь». М. 1904. Ц. 1 р.» [рец.] // «Мир искусства», 1904, № 4, стр. 87-88.

³⁴ В своих воспоминаниях Чулков объяснил происхождение этого рассказа; маленькое произведение было сочинено во время одной поездки, предпринятой Чулковым, вместе с небольшой товарищеской компанией, в окрестностях Москвы. В этой поездке участвовала М. Л. Роксанова, известна Чулкову в роле Нины Заречной в постановке чеховской пьесы «Чайка». Три дня они побывали в подмосковном имении одного его приятеля, по вечерам молодые люди рассказывали всякие были и небылицы. «Тут экспромтом сочинил я один из первых моих рассказов “Что-то черное”. Рассказ был мрачный и таинственный. Я снабдил его эпитафией из Бодлера и посвятил М. Л. Роксановой, за которой все мы тогда почтительно ухаживали...» [ГС, с. 214]. Эпитафия Бодлера «*Viens-tu troubler, avec ta puissante grimace, La fête de la Vie?*» взята из стихотворения «*Danse macabre*», вошедшего в цикл *Les fleurs du mal* (1857). По всей вероятности, этот эпизод можно соотнести к 1898 году – тогда была поставлена, в Московском Художественном театре, пьеса «Чайка», в которой роль Нины Заречной сыграла именно Роксанова.

³⁵ М. В. Михайлова отметила: «Сам Чулков тоже ориентировался на поэтическую традицию М. Ю. Лермонтова (1814 – 1841), а в 1900-е гг. работал над критической статьей о его творчестве (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 205)» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999², стр. 703.

³⁶ См.: Аврелий <В. Я. Брюсов>, «Георгий Чулков. Кремнистый путь. Изд. В.М. Саблина. Москва. 1904. Ц. 1 р.» [рец.] // «Весы», 1904, № 1, стр. 70-71; Allegro <П. С. Соловьева>, «Георгий Чулков. Кремнистый путь» [рец.] // «Новый путь», 1904, № 4, стр. 215-220; Е. П. Иванов, *Георгий Чулков*, ук. соч.

Приблизительно в тех же тонах отзывался о ней и Чулков в зрелом возрасте: «Книга имела успех, но я умоляю будущего редактора “полного собрания” моих сочинений перепечатать все эти юношеские стихи и лирические рассказы где-нибудь в “дополнении”, позади текста, непременно петитом и непременно с оговоркой, что сам автор сожалеет о появлении на свет этого литературного младенца» [ГС, с. 48].

Стоит отметить, что в Нижнем Новгороде произошел еще один важнейший эпизод биографии Чулкова, о котором упоминает не только он сам, но и Надежда Григорьевна подчеркивает в ее воспоминаниях. «[...] этот провинциальный город вдруг стал пристанищем беспокойных искателей новой эстетики и новой поэзии» и в ней Чулков впервые с восхищением читал первую опубликованную книгу лирики Вяч. Иванова «Кормчие звезды»: «Стоя у прилавка, я жадно стал читать необычайные стихи таинственного поэта. В эту ночь мы с В.<итольдом> Ф.<ранцевичем> Ахрамовичем (Ашмариним) не смыкали глаз, наслаждаясь пряной и хмельной поэзией нами открытого стихотворца» [ГС, с. 42].

В Нижнем Новгороде Чулков проживал почти год. Супруги в это время жили в разлуке³⁷. В своих письмах Надежда Григорьевна рассказывает мужу о культурной жизни столицы, в которой она и сестры Чулкова принимают участие. Приведем несколько примеров: «Сегодня в Охотничьем клубе “вечер новой поэзии”, будет читать Волошин, Брюсов, Балтрушайтис и проч. Бальмонт прислал Любе приглашение к нему и потом на вечер. Сергея Ч.<етверикова> выпустили вчера. Я его еще не видела. Я с Мариной буду сегодня в Художеств.<енном> театре на “На дне”» [ПП, п. 36], «Слышал ли ты что-нибудь о декадентском вечере? Говорят там Брюсов прочел одно необыкновенно хорошее стихотворение» [ПП, п. 39], «Вышли какие то новые декадентские сборники Грифа и Андрея Белого. Бальмонт тоже выпустил сборник: “Только любви!” или “Только любовь!”, что-то в этом роде. У Любы теперь бывает Балтрушайтис и Каспрович, последний читал лекцию о новом искусстве (забыла, как называется). Он едет зачем-то в Нижний и хочет (по словам Любы) зайти к тебе. Соколов говорит, что он собирается ругать декадентов» [ПП, п. 47].

Безвременная потеря отца (Иван Иванович Чулков скончался 19 сентября 1903 года) и хлопоты о дальнейшей судьбе тогда еще несовершеннолетней сестры Анны³⁸ («Теперь перед

³⁷ За исключением отдельных случаев. Имеются в виду поездки Надежды Григорьевны из Москвы в Нижний Новгород и наоборот. С момента переезда Чулкова в Нижний Новгород, Надежда Григорьевна поехала несколько раз навестить мужа, ср. например: «Милый мой, я приеду к тебе, как только выпишу свою больную, у которой эндометрит», 15 марта 1903 г. [ПП, п. 39]; в мае выдержала выпускной экзамен («У нас наступила горячка с подготовками к экзамену и вместе с тем чувствуется, что скоро всему конец. Еще несколько репетиций, одно дежурство, а там уже и экзамен и свобода» [ПП, п. 47]) при воспитательном доме, после которого переселилась, на какое-то время, в Нижнем Новгороде и совместно жила с Чулковым. В сентябре 1903 года она уже находится в Москве, в связи с кончиной отца Чулкова, Ивана Ивановича.

³⁸ Надежда Григорьевна пишет, что они пытались перевести сестру из 3-ей Московской женской гимназии в Нижегородскую: «Сейчас 7 час.<ов> утра. Мы идем в гимназию узнавать каким образом отправить бумаги из

тобой и Нюрой стоит вопрос, как лучше устроиться Нюре. К дяде она, как тебе известно, не собирается идти жить, да и дядюшка, мне так кажется, не очень-то желает этого, по крайней мере, он предлагал мне посоветовать ему, что делать, следовательно он допускает и другие планы» [ПП, п. 50]) поставили Чулкова перед необходимостью возвращения к столичной жизни, несмотря на довольно благополучно сложившиеся житейские и рабочие условия в Нижнем Новгороде: «Все ходатайства моего отца о разрешении мне жить в Москве оказались тщетными. Вел.<икий> Кн.<язь> Сергей Александрович упорно отказывал старику в его просьбах. Вскоре отец мой умер. С его кончиною порвана была моя последняя связь с прочным бытом, с семейной традицией, с уютом и тишиной» [ГС, с. 51]. Помощницей в переезде стала его тетья, София Александровна Москалева, проживавшая тогда в Петербурге. Благодаря ее связям в правительственных сферах вскоре Чулкову было дано разрешение на переселение в столицу (князь Сергей Александрович отказывал прошению Чулковых). Переезд в северную столицу это положило начало новому, петербургскому этапу биографии Чулкова.

одной гимназии в другую и вообще все, что нужно» [ПП, п. 51], «Это ужасно, что такие затруднения являются с разных сторон для перехода Нюры в Нижегородскую гимназию! Я попробую съездить к инспектору 3-й гимназии и попросить его устроить так, чтобы Нюра могла, живя в Нижнем, готовить те же уроки, которые задают у них в гимназии, а потом приехала бы держать у них выпускной экзамен вместе с своими подругами. Некоторые говорят, что это возможно, другие – что нет» [ПП, п. 52], «Я еду сегодня, как уже говорила тебе, к инспектору просить его позволить Нюре держать выпускной экзамен в III-й гимназии. Если откажет – возьму бумаги» [ПП, п. 53], «Инспектор нам отказал. Придется, вероятно, Нюре держать экзамен. Она трусит ужасно» [ПП, п. 54].

Глава 2.6

Годы «учения»¹ 1904-1905 гг.: журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни»

1904 год является переходным этапом в жизни Чулкова. С этого года начинается тот период, который можно обозначить, как «петербургский», поскольку на протяжении этого времени Чулков, вернувшийся из Нижнего Новгорода и освободившийся от гласного надзора полиции, переселился в Петербург, вместе с женой Надеждой Григорьевной, на достаточно длительный срок. Продолжительность этого периода приблизительно пять лет, с 1904 по 1909 год², т.е. до того времени, когда супруги впервые отправятся в долгое путешествие за рубеж. Стоит уделять особенное внимание этой части его биографии, поскольку переезд в Петербург представлял собой ключевой период, фундаментальный для его жизнедеятельности. Чулков характеризует этот переходный момент своей жизни такими словами: «В первые годы моей трудовой жизни я два раза был в плену. В первый раз – в плену царского правительства; во второй раз – в плену редакторских дел, идейной полемики и вообще суетной “литературы”, от коей предостерегал поэтов мудрый Верлен. Этот второй плен, более горький, чем тюрьмы и ссылки, длился целые пять лет, примерно, с 1904 по 1909 год» [ГС, с. 239]. Основным источником биографических данных о жизни Чулкова этих лет послужат, в большей части, его мемуары «Годы странствий» – в них Чулков детально и обширно останавливается на своей деятельности и роли в редакторских делах, в которых он принимал участие и оказался их соучастником. Воспоминания, из которых мы почерпнули основную информацию для восстановления ранних лет его жизни, прекращаются в 1903 году, с переселением в Нижний Новгород. Напомним, что эти воспоминания были написаны в 1914 году³ и Чулков объясняет отсутствие продолжения мемуаров таким образом: «Все то, что было потом, слишком тесно и неразрывно связано с мучительным и страшным *сегодня*. Еще не наступил срок для

¹ Здесь и в названии следующей главы используется определение самого Чулкова, охарактеризовавшего эти годы именно как «годы учения» [ГС, с. 240].

² Определение «петербургский» по отношению к этому периоду жизни Чулкова было использовано историком Я. В. Леонтьевым во вступительной статье к публикации писем Чулкова к В. Н. Фигнер в: «... ничто не может заменить религию» (Сокровенные письма Георгия Чулкова) // «Звезда», 1995, № 3, стр. 116-125. Леонтьев, однако, датирует этот период с 1904 по 1911 год. Он пишет: «В петербургский период (1904-1911 гг.) он <Чулков – К.Р.> стяжал себе скандальную славу “мистического анархиста” и декадентствующего революционера. До сих пор из одной книги в другую кочует за ним эта репутация» (стр. 116); «Петербургский период его жизни начался с занятия им поста секретаря редакции журнала “Новый путь”» (стр. 117). Мы предпочитаем считать «петербургский период» жизни Чулкова с 1904 по 1909 год, поскольку после этого года начинаются скитания по России и по Европе Чулкова.

³ Воспоминания 1914 года являются, таким образом, первым источником личных сведений, оставленных Чулковым. Приведенные воспоминания о собственной революционной деятельности и сибирской ссылке в большой степени совпадают с иными воспоминаниями, написанными в более поздние годы и с фактами, изложенными в письмах к жене, что позволяет согласиться с тем, что Чулков достаточно правдоподобно излагает личную биографию в своих мемуарных трудах.

воспоминаний об этих последних годах» [Воспоминания, л. 74]. Наряду с главной мемуарной книгой Чулкова, во всех остальных архивных автобиографиях и биографиях, мы также находим сведения и упоминания об этом периоде его жизни. Эти годы знаменательны еще тем, что в их второй половине имя Чулкова становится центральным на культурной сцене страны в связи с полемикой, возникшей вокруг выдвинутой писателем в условиях первой русской революции теории «мистического анархизма».

Другим источником информации об этом периоде являются воспоминания Надежды Григорьевны Чулковой. Для нашей цели эти тексты оказываются особенно важными именно потому, что они дополняют мемуары мужа там, где он обходил некоторые эпизоды или не уделял внимания тем людям, которые на самом деле сыграли немаловажную роль в его жизни⁴. Как было уже подчеркнуто, принцип построения мемуаров Чулкова заключается в том, что «оправдание этой книги – в характеристике эпохи, поскольку жизнь ее отразилась в психологии ревнителей символизма» [ГС, с. 5]. В 1989 году Л. А. Ильюнина опубликовала часть воспоминаний Надежды Григорьевны, отметив в предисловии к публикации: «подробные воспоминания Н. Г. Чулковой действительно написаны как дополнение к “Годам странствий” – Н. Г. Чулкова сохранила композицию меморий своего мужа [...] <она> оставляет без внимания тех людей, о которых подробно пишет Г. И. Чулков [...] и, наконец, особенно подробно Н. Г. Чулкова пишет о тех встречах, которые не описаны в “Годах странствий”»⁵. Подобная характеристика ее мемуаров позволяет сказать, что они могут вполне законно встраиваться в одном ряду с воспоминаниями самого Чулкова.

Здесь следует отметить и отсутствие семейной переписки Чулковых: в эпистолярном корпусе (по крайней мере в таком виде, в котором он дошел до нашего времени), остались лишь пять посланий, датированных 1906-1907 гг. (три принадлежат Чулкову, два Чулковой). Это объясняется тем, что в то время Чулковы жили почти неразлучно в Петербурге, общение между ними происходило главным образом устно, и не оставляло следов в виде письменных посланий. Можно перечислить только некоторые эпизоды, по случаю которых Чулковы жили в разных местах: во-первых, рождение сына младшей сестры Чулкова Анны Ивановны⁶ и, во-

⁴ Чулков, например, посвятивший отдельные главы ключевым фигурам Серебряного века (Мережковские, Брюсов, Андреев, Блок, Сологуб и т.д.), отдельно не рассказывал о собственных отношениях с Вячеславом Ивановым или Борисом Зайцевым, с которыми он был связан самыми теплыми чувствами.

⁵ Н. Г. Чулкова, «“Ты – память смолкнувшего слова...”». Из воспоминаний о Георгии Чулкове» // «Вестник русского христианского движения», 1989, № 157, стр. 125-151; здесь стр. 126.

⁶ В 1906 году родился Эдгар Евгеньевич Гренцион (1906-1957) – сын Анны Ивановны Чулковой и журналиста Евгения Карловича Гренцион, советский актер. В конце декабря 1906 года Надежда Григорьевна поехала в Москву к сестре мужа: «Пиши подробнее, Бога ради, как и что с Нюжкой. Здоров ли ребенок?» [ПП, п. 56]. Через несколько дней Чулков обещал жене приехать в Москву, однако на данный момент нет точных данных, подтверждающих эту московскую поездку Чулкова.

вторых, смерть Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал⁷, жены Вячеслава Иванова.

Мы проанализировали «петербургский период», разделив его на две части: первая часть, это непосредственная редакторская работа в изданиях «Нового пути» и «Вопросов жизни»; вторая – бурное проявление философских работ Чулкова-теоретика на культурной сцене страны и его самостоятельное выступление в качестве редактора альманахов «Факелы». Первая часть охватывает двухлетие 1904-1905, в то же время вторая непосредственно связана с появлением теории «мистического анархизма» (1905).

2.6.1 Переезд в Петербург и работа в «Новом пути» (1904 г.)

Из книги воспоминаний «Годы странствий» известно, что Чулков смог переехать в Петербург благодаря хлопотам родной тети по материнской линии Софьи Александровны Москалевой, бывшего инспектора Высших женских курсов в Петербурге⁸. «У этой моей сановной тетки, ныне умершей, были связи в правительственных кругах. И вот она, хотя у меня с нею никогда не было и не могло быть по многим причинам близких отношений, принялась энергично за меня хлопотать “ради памяти покойной Шуры”, т.е. ее сестры, моей матери. Хлопоты увенчались успехом, и мне было разрешено поселиться в Петербурге» [ГС, с. 51].

Переселившийся из Нижнего Новгорода в Петербург «без денег, без диплома, без жизненного плана» [аб1928, с. 371], Чулков, вместе с Надеждой Григорьевной, снял небольшую квартиру на Литейном проспекте. В справочнике «Весь Петербург» на 1904 год еще нет информации о месте жительства Чулковых, однако по данным, содержащимся в томе на 1905 год, «потомственный дворянин и секретарь журнала “Новый путь”» Чулков проживал в Саперном переулке, д. 10, что действительно недалеко от Литейного проспекта⁹. В Саперном

⁷ Л. Д. Зиновьева-Аннибал (1866-1907) – жена поэта В. И. Иванова, автор ряда произведений, как «Тридцать три уroda», «Кольца» и «Трагический зверинец». Она принимала активное участие в литературной жизни эпохи Серебряного века. Чулковы были тесно связаны с семьей Ивановых, числились среди постоянных посетителей вечеров на «башне» Иванова. Летом 1907 года, когда Лидия Дмитриевна заболела, Вяч. Иванов обратился к Чулковой за помощью: «Еще раньше я ухаживала за нею в болезни, и она верила, что я способна ей помочь». См.: Н. Г. Чулкова, «“Ты – память смолкнувшего слова...”». Из воспоминаний о Георгии Чулкове», ук. соч., стр. 134.

⁸ В справочниках «Весь Петербург» на 1900 г. (стр. 394), 1901 г. (стр. 386), 1902 г. (стр. 427) и 1903 г. (стр. 447) обнаруживается следующая запись, что позволяет нам подтверждать версию Чулкова: «Москалева, Софья Александровна, в д. дсс. В.О., 10 линия, 35, Инспектор Высших женских курсов». В то время, Софья Александровна Москалева была уже вдова действительного статского советника Москалева (об этом сообщил сам Чулков в своих детских воспоминаниях). Высшие женские (Бестужевские) курсы располагались в домах № 31, 33 и 35 на 10-ой линии Васильевского Острова города Петербурга. Отмечается единственное разногласие – С. А. Москалева была не начальницей Высших женских курсов, как говорил Чулков, а инспектором.

⁹ *Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1905], стр. 708.

переулке также располагалась редакция журнала «Новый путь», с которым Чулков начал сотрудничать спустя несколько месяцев. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что Чулковы проживали в квартире редакции «Нового пути». Об этом сказано в воспоминаниях Надежды Григорьевны [Воспоминания Чулковой, л. 46] и в воспоминаниях самого Чулкова: «Редакция журнала помещалась тогда в Саперном переулке, и я жил в квартире редакции» [ГС, с. 125]. До переселения в северную столицу, Чулков несколько раз побывал проездом в Петербурге, чтобы устроить свои житейские и рабочие дела, а, по всей вероятности, окончательно переселился только в марте 1904 года. Предположить ориентировочную дату позволяют письмо Зинаиды Николаевны Гиппиус (1889-1941) Петру Петровичу Перцову¹⁰ от 9 марта 1904 года (письмо будет цитировано ниже) и следующая запись: «Я вспомнил, что в “Новом пути” появилась месяца два до того <т. е. до того, как он переехал в Петербург – К. Р.> благосклонная статья о моей книге, написанная *Allegro* (П. С. Соловьева)» [ГС, с. 53]. Рецензия Соловьевой была напечатана в февральском номере «Нового пути» 1904 года.

К этому времени литературный стаж Чулкова был невелик: книга «Кремнистый путь», несколько опубликованных еще до ссылки в Якутской области рассказов и очерков, и работы, появившиеся на страницах «Нижегородского листка». Оказавшись без работы в незнакомом ему Петербурге (спустя некоторое время, о Петербурге он отзывался таким образом: «Петербург пушкинской “Пиковой дамы” и “Медного всадника”, гоголевского “Невского проспекта” и “Шинели”, Петербург Достоевского – вся эта безумная фантастика делала город волшебным и призрачным» [ГС, с. 97]), Чулков в первую очередь обратился в редакцию журнала «Детский отдых», с которым он сотрудничал будучи еще студентом в университете, и который был переведен в Петербург в 1895 году: «Я возлагал все мои надежды на этот петербургский журнал и отправился в редакцию, уверенный, что меня примут там с распростертыми объятиями. Но – увы! – Н. А. Попов, как оказалось, покинул журнал, передав его своей супруге, которая встретила меня, хотя и вежливо, но сухо, и я понял, что рассчитывать на “Детский отдых” как на источник дохода было легкомысленно» [ГС, с. 52].

В связи с отказом от сотрудничества в «Детском отдыхе», Чулков обратился в редакцию журнала «Новый путь»¹¹, руководителями которого были Д. С. Мережковский

¹⁰ Перцов, П. П. (1866-1947) – поэт, прозаик, литературный критик, издатель, близкий друг Мережковских, руководитель, в 1903 году, журнала «Новый путь».

¹¹ О журнале «Новый путь» написано обстоятельно и подробно. См.: Д. Максимов, «Новый путь» // В. Е. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов, *Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы*, Л., 1930, стр. 129-254; И. В. Корецкая, «Новый путь». «Вопросы жизни» // *Литературный процесс и русская литературная журналистика конца XIX-начала XX в. 1890-1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания*, М., 1982, стр. 179-233; М. Колеров, «“Вопросы жизни”: история и содержание» // «Логос», 1991, вып. 2, стр. 264-283; РНБ, *Журналы “Новый путь” и “Вопросы жизни” 1903-1904 гг. Указатель содержания*, СПб., 1996; А. В. Лавров, «Из истории журнала “Новый путь”: официальные документы» // Он же, *Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации*, М., 2015, стр. 351-362.

(1865-1941) и его жена З. Н. Гиппиус. В воспоминаниях Чулкова, а также Надежды Григорьевны, сказано, что Чулкову настойчиво порекомендовал познакомиться с четой Мережковских именно Брюсов¹², «уверяя, что такое внимание к начинающему писателю со стороны литературных генералов большая честь» [ГС, с. 53]. В «Годах странствий» Чулков детально приводит его беседу с Мережковскими: по его словам, супруги действительно были заинтересованы в фигуре молодого писателя, соединившего в себе проявления символизма и революционного прошлого, и предложили ему место секретаря журнала и ближайшее участие в нем. В письме от 9 марта 1904 года Гиппиус писала Перцову:

[...] есть чудесный кандидат, некто Георгий Чулков... Он бывший студент, поживавший в Иркутске, теперь в Нижнем, пишет в «Нижегор.<одском> Листке», был очень хорош с кружком Горького и Андреева, теперь принципиально разошелся; прислал его Брюсов; сам далеко не без таланта, либерал-декадент, подающий надежды на новое, крайне тянущийся к «Новому пути». Человек деятельный, неприхотливый (жена и он, без детей) и во всяком случае литератор. Нам он очень понравился. Ему 25 лет. Теперь он хлопочет о праве жительства в СПб (он бывший московский студент). Через две недели он будет опять здесь и просит, чтобы ему дали какой-нибудь ответ, он должен все-таки некоторое время присмотреться к делу при старом секретаря и редакторе¹³.

Отличительные черты личности Чулкова, выразившиеся в непривычном для той поры сочетании новых эстетических взглядов с политической ангажированностью, произвели самые разные впечатления не только на литературную общину, но и среди художников «Мира искусства»¹⁴, с которыми Чулков начал общаться в том 1904-м году: «на меня смотрели

¹² На самом деле, еще до выхода журнала, в рамках подготовительных работ над ним, Брюсов взял на себя обязанности секретаря редакции журнала, в котором он был намерен принимать ближайшее участие. В скором времени разногласие с четой Мережковских привело к отдалению Брюсова от редакторства журнала, не дождавшегося даже выхода первого номера. Для Брюсова были неприемлемы их общественные взгляды, мистическая позиция и, в том числе, принцип отбора материала беллетристического характера. В 1903 году на место секретаря был приглашен Е. А. Егоров. Подробнее о Брюсове и журнале «Новый путь» см.: С. Я. Махонина, *История русской журналистики начала XX века*, М., 2004; Д. Максимов, «Валерий Брюсов и Новый путь» // *Литературное наследие*. Т. 27/28, М., 1937, стр. 276-298.

¹³ Подлинник письма хранится в архиве П. П. Перцова. Цит. по: Д. Максимов, «Новый путь» // В. Е. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов, *Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы*, Л., 1930, стр. 160.

¹⁴ «Мир искусства» – группа художников и литераторов, объединившихся в Санкт-Петербурге в конце 1899 года вокруг одноименного журнала «Мир искусства» (1899-1904). Ср.: М. Шруба, *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь*, М., 2004, стр. 120-121. Чулков познакомился с артистами «Мира искусства» в 1904 году, благодаря одному из сотрудников «Нового пути», который повез его на журфикс А. Н. Бенуа, ставшего одним из инициаторов и организаторов (вместе с С. П. Дягилевым) этого объединения. В тот вечер Чулкову посчастливилось увидеть М. А. Врубеля, «единственный из всех петербургских художников, казался мне гением, пусть неудачливым, не успевшим завершить свой путь художника, но все же гением по своей прозорливости и по своему дерзновению» [ГС, с. 199]. Среди художников «Мира искусства», Чулков с особой приветливостью вспоминал Е. Е. Лансере, сына известного скульптора Е. А. Лансере и брата художника З. Е. Серебряковой, на даче у которого, в Курской губернии, Чулковы часто побывали в летнее время, и А. С. Голубкину, скульптора, тесно дружившую с их семьей (они десять лет жили в ближайшем соседстве в Москве и вместе пережили октябрьскую революцию): «она была дружна с моей женой и лепила ее голову» [ГС, с. 205]. Об этом см.: «Что значит, что Голубкина делает твой портрет? Камею? Или мраморный бюст?» [ПП, п. 458], «Задержала меня Голубкина, без толку. Ничего не вышло из ее работы: все опять сломала. Ох зачем она это делает? Мне совсем не интересно теперь свои портреты» [ПП, п. 459], «Из портрета Голубкиной пока ничего не вышло. Отложили на другое время» [ПП, п. 460]. В художественном наследии Голубкиной действительно перечисляется скульптурный портрет Н. Г. Чулковой, датированный 1923 года (сведения находятся на

художники, как на диковинку. Их удивляло то, что я, революционер, изведавший и тюрьмы, и ссылку, не только не равнодушен к искусству, но и проповедую какую-то эстетику, не похожую вовсе на традиционную интеллигентскую канитель. В головы петербургских эстетов никак не укладывалось, что можно совмещать в себе понимание искусства и вражду к тогдашнему политическому и социальному порядку» [ГС, с. 198]. Именно эта своеобразная характеристика его биографии приковывала внимание петербургской литературной среды, сначала в лице Мережковских, а затем Вяч. Иванова и гостей его «башни»¹⁵.

В апреле 1904 года Ефим Александрович Егоров¹⁶, бывший секретарь религиозно-философских собраний, ушел от места секретаря и, к лету того же года, его должность была уже занята Чулковым¹⁷. Появление начинающего, неопытного автора в редакции журнала во многом определило его судьбу, способствовало окончательному уходу Перцова с места редактора (июньский выпуск был последним номером, вышедшим в свет при редакторстве Перцова; после этого формальные права редактора были переданы Дмитрию Владимировичу Философову), радикализации и актуализации настроений журнала. Первая статья Чулкова, «Перевал»¹⁸, появилась уже в апрельском выпуске журнала, и была напечатана под

электронном сайте <<https://www.proza.ru/2016/05/27/1195>> [последнее посещение: 10.04.17] и в книге А. С. Голубкина, *Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников*, М., 1983, стр. 294-299). Отметим здесь, что и Серебрякова написала два портрета супругов Чулковых в 1910 и 1911 годах. Оба были экспонированы на выставках, организованных «Миром искусства». Ср.: «Сегодня же попала на вернисаж «Мира Искусства». Мой и твой портреты понравились мне меньше, чем до сих пор. У тебя, правда, слишком наивное выражение, подчеркнутое твое женственное, а не мужское. Но я пойду еще посмотреть: сегодня была такая суголока, что трудно было понять что-нибудь» [ПП, п. 82], «А я выгляжу совсем простецом на портрете Серебряковой? Будем надеяться, что это святая простота. И будем утешаться тем, что и Парсифаль тоже был простецом» [ПП, п. 83], «Нюра говорит, что в каталоге “М.<ира> И.<скусства>” и мой и твой портреты названы полной фамилией. Мне почему-то кажется, что у Серебряковой не купят все картины и она подарит тебе твой портрет» [ПП, п. 89].

¹⁵ Писателей, чья репутация была неотъемлемо связана с революционным прошлым, было в той поры немного. Сходная судьба была лишь у А. М. Ремизова (1877-1957), который, поступив в 1895 году в Московский университет на физико-математический факультет, был арестован и сослан на 6 лет на север России за участие в студенческих волнениях. Об этом вспоминает Чулков: «В редакции “Весов”, где революционеров вовсе не было, наши имена повторяли вместе. Чулков и Ремизов как ссыльные составляли особую литературную пару» [ГС, с. 168].

¹⁶ Е. А. Егоров (1861-1935) – журналист, участник и секретарь религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь», затем сотрудник газеты «Новое время»; с 1917 года в эмиграции.

¹⁷ В своих воспоминаниях Надежда Григорьевна мотивировала выбор Мережковских: «Им хотелось оживить дух журнала, так сами они убедились в отсталости его направления. Они так шли навстречу вкусам и убеждениям Г.<еоргия> И.<вановича>, что предоставили ему право вето, если та или иная статья вызовет несогласие сотрудников новой редакции» [Воспоминания Чулковой, л. 46]. Вл. Пяст, в книге воспоминаний «Встречи», приветствовал приход Чулкова на место секретаря «Нового пути» таким образом: «Кто-то, что-то как-то подсказало мне, что секретарь редакции “Нового пути” – не кто иной, как Г. И. Чулков, книжка которого “Кремнистый путь”, с голым мужчиной работы Штука на обложке, вышла еще предыдущей весной и доставила мне несколько часов очередного в ту весну восторга» // Вл. Пяст, *Встречи*, М., 1997, стр. 26.

¹⁸ Статья «Перевал» была размещена в разделе «Политическая хроника». В ней Чулков пытается выяснить свое положение по отношению к событиям, трепетно волнующих страну, и нарастающему распространению социалистических идей. Упрекая форму марксистского атеистического либерализма, пришедшего от Западной Европы, основополагающая формула Чулкова заключается в том, что «социализм, как форма общественно-материальных отношений, ничуть не противоречит высшему религиозному синтезу. Социализм, как философская, атеистическая система, сам себя уничтожает и свой конечный нулевой вывод старается

псевдонимом Борис Кремнев (№ 4, стр. 246-251). «Я скоро освоился с журнальным ремеслом и внушил такое доверие Мережковским, что они преспокойно уехали за границу, оставив “Новый путь” на мое попечение» – вспоминает Чулков начало своей работы [ГС, с. 56].

В воспоминаниях Надежды Григорьевны относительно периода работы Чулкова в «Новом пути», наблюдаются интересные замечания, касающиеся литературных вечеров, которые проводились в редакции журнала: упоминания об этих встречах в автобиографическом материале Чулкова не встречались. Надежда Григорьевна пишет: «Мы поселились в редакции “Нового пути”, где полагалась квартира для секретаря. Живя здесь, я могла видеть многих писателей, печатавших свои произведения в “Новому пути” и познакомиться с ними. По воскресеньям у нас в редакции бывали собрания. Приходили сотрудники и даже не сотрудники, художники из союза “Мира искусства”, философы, музыканты и просто читатели и почитатели этого журнала. [...] В нашей квартире происходили оживленные беседы на разные литературные и философские темы. Из Москвы приезжали В. Брюсов, А. Белый и другие. Наши вечера привлекали многих» [Воспоминания Чулковой, л. 46-47].

На страницах «Нового пути» за довольно короткий промежуток времени появилось немалое количество статей Чулкова: в отделе «Политика» появились статьи (под псевдонимом Б. Кремнев) «Из текущей жизни» (№ 5, стр. 269-271), «О культурном строительстве (в Японии)» (№ 6, стр. 223-226); в отделе «Поэзия» стихотворения «Вижу листьев странных позолоту...» (№ 9, стр. 239) и «Так тихо, нежно розовели...» (№ 9, стр. 238); в разделе «Литературная хроника» заметка «Вопросы жизни и “Правда”» (№ 7, стр. 237-243); в отделе «Проза» рассказы «На мельнице» (№ 10, стр. 157-163) и «Тревога» (№ 4, стр. 83-88); Чулков рецензировал книги Пшибышевского (№ 11, стр. 339-340), Канта в переводе А. Л. Вольнского (№ 4, стр. 225-226) Роденбаха в переводе М. Веселовской (№ 4, стр. 222-225), сборник товарищества “Знание” (№ 6, стр. 217-222), а также написал некрологу Чехову (№ 7, стр. 191-195). В его переводе появились «Пятнадцать песен» Мориса Метерлинка (№ 7, стр. 14-29).

В 1904 году Чулков стал сотрудничать и с другими печатными изданиями, кроме «Нового пути». Он печатал свои статьи, например, в «Весах», в журнале, являющемся печатным органом московской стороны символистов и издававшимся под руководством Брюсова. Последний, со своей стороны, был крайне заинтересован напечатать свои

замаскировать безмерным ликованием; причем последователи такого социализма-атеизма, чувствуя свою моральную беспочвенность, апеллируют даже к Ницше, но здесь, конечно, они напоминают не Заратустру, а лишь его обезьяну. Не социализм должен продиктовать людям атеистическое миропонимание, а сам должен быть освещен религиозной Истиной» (стр. 250).

собственные стихи, рассказы и переводы в петербургских изданиях, одним из которых являлось, конечно, «Новый путь»: «При возникновении “Нового пути” он <Брюсов – К. Р.> предсказывал этому журналу неудачу, потому что религиозные темы казались ему совершенно не нужными и в наше время бессодержательными. При встречах он всегда говорил о руководителях “Нового пути” иронически, хотя и не отказывался от сотрудничества в этом журнале» [ГС, с. 96]. Об этом обоюдном сотрудничестве свидетельствуют сохранившиеся до наших дней некоторые письма Брюсова Чулкову, центральной темой которых являются издательские вопросы¹⁹: «В течение 1904-1907 гг. у меня с Брюсовым не прекращалась переписка. Из этих писем видно, как живо Брюсов интересовался тем, что делается в Петербурге» [ГС, с. 95]. В мартовском номере «Весов» (№ 3, стр. 13-17) была опубликована статья Чулкова «Светлеют дали», написанная под влиянием кантианского трансцендентализма²⁰. Позже Чулков отзывался о ней достаточно строго: «Эта юношеская статья, которую я не решился перепечатать ни в одном из своих сборников, была исполнена странного – на мой теперешний взгляд – оптимизма. [...] Этот наивный патетизм вполне, впрочем, соответствовал настроениям тогдашних представителей “нового искусства”» [ГС, с. 349-350], а также: «Сам я никогда не был идеалистом, если под идеализмом разумеется классическую немецкую философию, а что касается собственно кантианской гносеологии, то в плену ее был я очень недолго» [ГС, с. 63]. На страницах «Нового пути» было к тому же опубликовано стихотворение Брюсова «Кинжал» (№ 10, стр. 164). В своих воспоминаниях Чулков уверяет, что стихотворение было напечатано по рукописи 1901 года, и говорит о нем, как о том стихотворении, сочиненном Брюсовым по его просьбе для того редакционного журнала, который Чулков был намерен издавать, когда он учился в университете²¹. Также известно, что велись переговоры об издании произведений Чулкова на страницах журнала искусства, литературы и общественной жизни «Правда», принадлежавшем Валентину Алексеевичу Кожевникову (1867-1931). Об этом сообщает Зайцев в письме от начала 1904 года: «Лист в “Правде” (по крайней мере рецензентский) будет содержать около 48000 букв, так что 50 р. лист = 3 1/3 к. за строчку в газете. Рукописи отнесу с большим удовольствием, и,

¹⁹ См.: Г. И. Чулков, «Письма В. Я. Брюсова» // Он же, *Годы странствий*, ук. соч., стр. 317-359.

²⁰ В статье «Светлеют дали» Чулков обсуждает вопрос о постижении великих тайн человеческой судьбы. Он утверждает, что после появления теорий Канта, человечество ищет другой путь для достижения высших знаний: «Если после трудов кенигсбергского философа мы оставили надежду на познание трансцендентального путем интеллектуальных усилий, то с этого же времени мы обратились к другому источнику познания, находящего вне нашего интеллекта» (стр. 16). Затем он указывает на другой путь, ведущий к познанию абсолюта, т.е. на интуицию. Искусство, в своих символистских формах, сумело открыть человечеству эти тайны. И заключает: «Мы теперь накануне великих откровений [...] Мы делаемся причастны величайшему прозрению, отвергая те пути познания, по которым следовало заблудившееся человечество» (стр. 17).

²¹ В своих воспоминаниях Чулков пишет: «В “Новом пути” Кинжал” появился впервые, ибо нелегальный сборник 1901 года не увидел света. Я был арестован вскоре после моей беседы с В. Я. Брюсовым и сослан в Якутскую область [...]» [ГС, с. 103].

вообще, буду очень рад, если Вы окажетесь моим коллегой по журналу»²².

Приход Чулкова в редакторство журнала «Новый путь» ознаменовался большими переменами. Специфика журнала, заключившаяся в сочетании художественно-литературного и мистическо-религиозного направлений, в большей части была связана с религиозно-философскими собраниями, чьи протоколы регулярно печатались в журнале. В связи с тем, что религиозно-философские собрания были закрыты в 1903 году, вместе с ними исчез один из главнейших источников этого журнала, питавшийся его идеологические корни. Последовало острое финансовое затруднение, вызванное следствиями русско-японской войны, которые сопровождалась падением числа читателей и подписчиков на все журналы и газеты. Особенно ярко была выявлена необходимость о реорганизации журнала, «цель которой заключалась в привлечении средств на его издание и установлении контакта с новой группой читателей, что должно было явиться для “Нового пути” прорывом литературной блокады. Данная реорганизация вылилась в форму унии с так называемыми тогда “идеалистами”, возглавляемыми Булгаковым и Бердяевым»²³. Именно на долю Чулкова выпали переговоры с теми писателями, чье сотрудничество должно было обеспечить журналу прямой, активный выход в социально-политическую сферу. Попытка завершилась успешно, и осенью 1904 года октябрьский номер журнала «Новый путь» вышел при ином коллективе, политический отдел журнала оказался полностью в руках Сергея Николаевича Булгакова (1871-1944) и Николая Андреевича Бердяева (1874-1948). В своих воспоминаниях Чулков так отзывался о новом составе редакции: «Надо сказать и то, что союз, заключенный тогда между “новопутейцами” и такими писателями, как С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев, был не совсем натурален. Сошлись люди совершенно иной психологии. Булгаков привел с собою не только “идеалистов”, как С.<емен> Л.<юдвигович> Франк, Н.<иколай> О.<нуфревич> Лосский, П.<авел> И.<ванович> Новгородцев и др., но и целую группу сотрудников вроде В.<асилия> В.<асильевича> Водовозова, М.<ихаила> И.<вановича> Туган-Барановского, Л.<еонида> Н.<иколаевича> Яснопольского и др.»²⁴ [ГС, с. 60]. В журнале произошло заметное идеологическое изменение: достаточно упомянуть, что из числа сотрудников первым ушел Василий Васильевич Розанов (1856-1919), который изначально вел на страницах журнала постоянную собственную рубрику «В своем углу» (см. «Что у Вас Розанова совсем не будет?

²² Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, М., 2001, стр. 17.

²³ Д. Максимов, «Новый путь», ук. соч., стр. 161.

²⁴ С. Л. Франк (1877-1950) – философ и религиозный мыслитель; Н. О. Лосский (1870-1965) – религиозный философ, представитель интуитивизма и персонализма; П. И. Новгородцев (1866-1924) – философ, юрист, профессор Московского университета; В. В. Водовозов (1864-1933) – публицист, экономист, юрист, общественный деятель; М. И. Туган-Барановский (1865-1919) – экономист, историк, видный представитель «легального марксизма»; Л. Н. Яснопольский (1873-1957) – журналист, экономист, приват-доцент Киевского и Харьковского университетов.

Жаль, ведь. Кто теперь занимается беллетристикой?», письмо Зайцева к Чулкову от начала ноября 1904 года²⁵). Положение штата литературного отдела осталось нетронутым, а философские и публицистические отделы приобрели другой, уже не свойственный старому стилю журнала, характер. Вскоре ситуация оказалась неприемлемой и для самых создателей и вдохновителей этого периодического издания. К концу года Мережковские решили отойти от журнала, объявляя о его непременном закрытии. Поводом для этого послужил инцидент с Чулковым. Причиной инцидента являлось наложенное Чулковым вето на напечатание одной из статей Гиппиус, касающейся политических тем. Подобный поступок был воспринят крайне отрицательно, и Мережковские потребовали прямого обсуждения этого вопроса в присутствии всех сотрудников журнала. На собрании они поставили ультиматум: либо их участие в журнале, либо участие Чулкова. Большинство сотрудников, во главе с Булгаковым и Бердяевым, встало на сторону Чулкова: «на редакционном собрании, в котором я – кстати сказать – не принимал участие, большинство высказалось за то, что продолжать журнал без меня было невозможно. Так прекратил свое существование “Новый путь”» [ГС, с. 63]. Мережковские тут же заявили о своем уходе из журнала и одновременно требовали его закрытия, как органа, им основанного.

2.6.2 Закрытие «Нового пути», возникновение «Вопросов жизни» (1905 г.)

Закрытие «Нового пути» произошло в конце 1904 года, по сути в самый подходящий момент для закрытия журнала и, в то же время, для открытия нового издания. Обстоятельства благополучно сложились: у Лосского оказалось разрешение на издание журнала под названием «Вопросы жизни», а у Дмитрия Евгеньевича Жуковского²⁶ (1866-1943) имелись свободные деньги для издания нового журнала²⁷. Таким образом, 5 февраля 1905 года цензурой была допущена публикация первого, январского выпуска журнала «Вопросы жизни», в котором ближайшее участие принимали Жуковский, Булгаков и Бердяев. Журнал открывался двумя обращениями редакторов-издателей Философова и Лосского, в которых говорилось, что журнал является продолжением закрывшегося «Нового пути» в том направлении, которое он приобрел последние три месяца 1904 года²⁸. Чулков был назначен

²⁵ Б. К. Зайцева, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч., стр. 19.

²⁶ Д. Е. Жуковский – биолог по образованию, ученый, переводчик, издатель философской литературы, издавал журналы «Жизнь» и «Вопросы жизни».

²⁷ Исключительная опора на личные средства Жуковского для издания журнала во многом и предопределила его недолгое существование.

²⁸ «Вопросы жизни», 1905, № 1. Обращение Философова гласило: «Редакция ежемесячного журнала “Новый путь” сим извещает подписчиков о приостановке издания журнала. Взамен “Нового пути” подписчикам будут рассылаться без всякой доплаты номера нового журнала “Вопросы Жизни”»; обращение Лосского: «Открыта

литературным секретарем журнала, под его ведомством находились отделы беллетристики, поэзии и критики²⁹. В своих воспоминаниях Чулков бесцеремонно приписывает себе заслугу открытия нового журнала: «Вместо него <“Новый путь” – К. Р.> возник, по моей инициативе, новый журнал – “Вопросы жизни”. Это был первый журнал в России, который пользовался авторитетом в широких культурных кругах и последовательно печатал на своих страницах символистов, до того времени гонимых и непризнанных» [ГС, с. 97-98]. Как противовес новому журналу выступали такие издания, как «Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы». В течение 12 номеров (журнал выходил ровно один год) с «Вопросами жизни» сотрудничали все крупные представители символистской сцены России:

«Вопросы жизни» не были тем боевым, своеобразным и нарушавшим все интеллигентские традиции журналом, каким был «Новый путь», но зато новый журнал был солиднее, умнее, убедительнее, внушительнее своего неосторожного предшественника. В отделе поэзии и художественной прозы, где я собрал всех символистов, журнал значительно выиграл. Впервые, наконец, поэты-символисты стали печататься в журнале, который пользовался известным авторитетом не только в литературно-художественной богеме, но и вообще среди культурных людей [ГС, с. 66].

Литературно-художественный отдел журнала, в котором царствовала свобода художественного слова, внес весомый вклад в литературный процесс страны, в нем печатались произведения Брюсова, Блока, А. Белого, Зайцева, Вяч. Иванова, Мережковского, Ремизова, Сологуба: достаточно сказать, что на страницах «Вопросов жизни» вышли в свет 17 публикаций Александра Блока и 14 произведений Вячеслава Иванова, впервые был напечатан роман Федора Кузьмича Сологуба «Мелкий бес»³⁰.

подписка на ежемесячный литературно- общественный журнал “Вопросы Жизни”. Ближайшее участие в редакции журнала принимают С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и Д. Е. Жуковский. “Вопросы Жизни” являются продолжением журнала “Новый путь” в том направлении, какое он получил с октября 1904 г.». Цит. по: А. И. Ванюков, «“Вопросы жизни” – журнал 1905 года» // «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика», 2007, 7 (2), стр. 93-101.

²⁹ Из воспоминаний Вл. Пяста: «Я помню через несколько недель свое первое, имевшее место там же, знакомство с новым секретарем, или помощником секретаря “Вопросов жизни” (с 1905 года вместо “Нового пути” стал выходить журнал под этим заглавием, с несколько измененным составом редакции и сотрудников). Г. И. Чулков, тогда 26-ти лет, получил как бы повышение: сделался фактическим редактором художественно-литературного материала. Секретарем же редакции был назначен только что приехавший из ссылки в “не столь отдаленные места” (тогдашнюю Вологодскую губернию) и поселившийся при редакции А. М. Ремизов». См.: Вл. Пяст, *Встречи*, ук. соч., стр. 35.

³⁰ «Мелкий бес» был опубликован (без последних глав) на страницах «Вопросов жизни» в 1905 году, начиная с 6 выпуска (гл. I-V) по 10/11 выпуск (гл. XVIII-XXIII). В своих воспоминаниях Чулков приписывает себе роль ключевой фигуры, способствующей напечатанию произведения: «На мою долю выпала немалая честь напечатать роман Сологуба “Мелкий бес”. Еще будучи сотрудником “Нового пути” в 1904 году, я неоднократно слышал от Мережковских упоминания об этом романе. Редакторы журналов не решались его печатать, считая роман слишком рискованным и странным. Боялись либеральной цензуры. Познакомившись с Сологубом, я попросил его дать мне прочесть его роман. Он охотно согласился и рассказал при этом, как он послал свой роман решительно во все редакции, и ни один журнал не соглашался его напечатать» [ГС, с. 151].

Чулков познакомился с Ф. К. Сологубым весной 1904 года, на одном из журфиксов, организовавшихся в доме Мережковских. В то время Сологуб, служивший учителем и инспектором в городском Андреевском училище, жил, вместе со своей сестрой Ольгой Кузьминичной, на 7-ой линии Васильевского острова, в служебной квартире, положенной ему по статусу. В этой квартире проводились «сологубовские Воскресенья»,

В архивных источниках и опубликованной литературе отмечаются сведения об издательских договорах между Чулковым и авторами, сотрудничавшими с «Вопросами жизни». Среди проанализированных нами материалов, наибольший интерес представляет собой переписка Вячеслава Иванова с Чулковым, оставшаяся до сих пор неизданной³¹.

литературные вечера, выделяющиеся их особой атмосферой и специфическим литературным характером. В отличие от салона Мережковских, где главенствовали общественные и религиозные темы, журфиксы Сологуба определились разговорами преимущественно о литературе: «[...] у Сологуба» – пишет Чулков, – «рассуждали о стихах с бесстрашием мастеров и знатоков поэтического ремесла. [...] Это был ареопаг петербургских поэтов» [ГС, с. 146-147]. Чулков перечисляется среди постоянных посетителей литературного салона Сологуба, испытывая к его персоне чувства глубокого уважения и доверия. На одном вечере Чулков прочитал свое стихотворение «Песня» («Стоит шест с гагарой...»), принятое Сологубым с большим сочувствием. Сологуб был одним из немногих, которые ценили лирические опыты Чулкова (особенно те, где прозвучали таежные мотивы), решительно откинув во второй план рассказы, повести и философские рассуждения (он отрицательно отнесся к «мистическому анархизму», упрекая его автора в противоречиях и ложных рассудочных приемах). Чулков и Сологуб были связаны самыми уважительными и теплыми чувствами, личные отношения укрепились в 1907 году, по случаю внезапной кончины сестры поэта. Их дружба продолжалась и после брачного союза Сологуба с А. Н. Чеботаревской (по словам Чулкова, он присутствовал в тот вечер, когда определилась их совместная судьба). В 1922 году Сологуб положительно откликнулся на последнюю вышедшую в свет книгу стихотворений Чулкова: «[...] он мне сказал в Петербурге в 1922 году, что, получив мою новую книгу, сидел над ней всю ночь, перечитывая по нескольку раз понравившиеся ему стихи» [ГС, с. 152].

³¹ Начало отношений между Вячеславом Ивановым и Георгием Чулковым можно отнести к середине 1904 года. На самом деле известно, что Чулков был знаком с творчеством Вяч. Иванова еще со времен его пребывания в Нижнем Новгороде, когда в 1903 году впервые прочитал вышедшую в свет в том же году книгу стихов Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (ГС, с. 42). Согласно «Материалов к летописи жизни и творчества Вяч. Иванова», составленных Ю. В. Зобниным (с «Материалами» можно ознакомиться по электронному адресу: <http://www.v-ivanov.it/o_vyach_ivanove/letopis_zhizni_i_tvorchestva/>, последнее посещение: 10.04.17), можно сказать, что Чулков лично познакомился с семьей Ивановых 2 апреля 1904 года у Мережковских (Иванов тогда сотрудничал с журналом «Новый путь», на страницах которого появилась, на протяжении нескольких номеров, статья «Эллинская религия страдающего Бога»). В своих мемуарах Чулков пишет: «В это время в Петербурге появился другой филолог, счастливый соперник профессора Зелинского – поэт Вячеслав Иванов. Я познакомился с ним и его покойной ныне женою, Лидией Дмитриевной, еще в 1904 году у Мережковского. Они только что приехали в Россию после многолетних скитаний по Европе» [ГС, с. 77]. Почти одиноко звучит изложение этого эпизода у Надежды Григорьевны, несмотря на разногласие в датировке эпизода: «В 1905 году у нас в редакции “Вопросов жизни” появился поэт Вячеслав Иванов и его жена Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал. Они тогда только что приехали из-за границы» (цит. по: Н. Г. Чулкова, «“Ты – память смолкнувшего слова...”. Из воспоминаний о Георгии Чулкове», ук. соч., стр. 128).

Ивановы переселились в Петербург только в 1905 году (25 июля), снимая квартиру в доме 25/1, расположенном на улице Таврической, на 6-ом этаже. Архитектурное строение здания в виде круглой башни придавало этой квартире с видом на Таврический дворец с садом особенную форму, откуда и было заимствовано общеизвестное название «башня Вяч. Иванова». С переездом Ивановых в Петербург, связь между ними и Чулковыми становилась более тесной, о чем отчасти свидетельствуют не только сохранившаяся до наших дней переписка Чулкова с Ивановым (со стороны Вяч. Иванова: «очень прошу Вас приехать в среду вечером. [...] и очень хочу увидеться» [НИОР РГБ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 45, л. 8], «попаду ли я к Вам как мне сердечно хотелось бы» [там же, л. 17], «Надеюсь, что мы увидимся до Вашего отъезда в Москву» [там же, л. 18], а также со стороны Чулкова «очень хотелось бы видеть Вас и с Вами беседовать» [НИОР РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45, л. 19], «очень хочу побеседовать с Вами» [НИОР РГБ, ф. 190, к. 36, ед. хр. 47, л. 13]), но еще и воспоминания Надежды Григорьевны, в которых нашли широкое представление так называемые «вечера» или «среды» на башне Вяч. Иванова, многолюдные литературные вечера, постоянными посетителями которых являлись Чулковы. Надежда Григорьевна при этом рассказывает, что в ответ на более интимные, чисто мужские собрания, жена Вяч. Иванова организовала женские «вторники»: «в противовес этим собраниям Лидия Дмитриевна собирала по вторникам своих друзей-женщин и назвала эти собрания “θίασος” [...] Всем давались имена исторических или мифологических героинь древности. Собашникова названа была Примавера, Лидия Дмитриевна носила имя Диотима, Любовь Дм. Блок – Беатриче. У меня тоже было какое-то имя, но я сейчас не могу его вспомнить» (цит. по: Н. Г. Чулкова, «“Ты – память смолкнувшего слова...”. Из воспоминаний о Георгии Чулкове», ук. соч., стр. 128).

Несомненно, Вяч. Иванов сыграл чрезвычайно важную роль для формирования Чулкова-артиста в первоначальных этапах его творческого развития. Это особенно заметно, например, судя по адресованным

Известно, что еще на страницах «Нового пути» началось печатание цикла лекций Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего Бога»³²; редакция нового журнала «Вопросы жизни» была крайне заинтересована в продолжении печатания этих лекций, но уже в новом

Чулкову посланиям: «Вы, как мне кажется, не имеете доверия к своим поэтическим силам; но когда слышите от меня (которого Вы привыкли считать плохим критиком и не в меру подчас благополучным человеком) выражение доверия к Вашей художественной потенции наряду с признанием несовершенства большей части Ваших работ, мне известных, – Вы не придаете значение словам моей веры и находите достойными <1 нрзб> вниманием разве лишь мои возражения. [...] Я хотел только сказать Вам, что, по моему убеждению, так воспринимать жизнь может только поэт, так заражать других своим восприятием жизни может только художник» [РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 339, лл. 1-2]. К тому же, к 1905 году можно отнести сближение Чулкова и Вяч. Иванова и на идейно-эстетической почве. Общение с Вяч. Ивановым на философском плане вдохновило и подтолкнуло Чулкова к выдвижению на культурную сцену страны его учения о «мистическом анархизме» (для брошюры Чулкова Вяч. Иванов подготовил вступительную статью «Идея неприятия мира и мистический анархизм»). «Вскоре суждено нам было сблизиться и на иной почве. Вячеслав Иванов откликнулся и на мои мистико-анархические мечтания. Как он простил мне погрешности поэтической формы, угадав за нею подлинный лирический опыт, – так же он, несмотря на неосторожно и торопливо высказанные мною мысли, почувствовал в них известную правду, ему близкую» – вспоминает Чулков [ГС, с. 80]. Книга вызвала бурную полемику, продолжавшуюся до 1909 года. О «мистическом анархизме» и об отношениях между Чулковым, Ивановым и другими участниками-противниками этого движения написаны ряд авторитетных статей и исследований. Здесь уместно упомянуть статью Г. В. Обатнина «Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о “мистическом анархизме”», в «Лица. Биографический альманах. 3», М.-СПб., 1993, стр. 466-477.

Ослабление творческого сотрудничества между Чулковым и Вяч. Ивановым начинается в 1907 году, несмотря на это, с другой стороны, их личные отношения к этому времени сделались более крепкими: из воспоминаний Надежды Григорьевны известно, что в 1907 году, когда Ивановы выехали в имение «Загорье» Витебской губернии, дети от первого брака Зиновьевой-Аннибал отдыхали у них на даче в Финляндии, в деревне Черной речки (ст. Райвола). Об этом упоминается и в воспоминаниях, принадлежавших Лидии Вячеславовне Ивановой (1896-1985): «В начале 1907 года помню, что мама послала нас с Костей гостить на 3, 4 дня на дачу к Чулковым в Финляндию. Я думаю, что ей было приятно понемногу вводить нас в свое общество. Чулков очень дружил с нами. Я помню его довольно часто приходившим к нам. [...] Его жена, Надежда Григорьевна, была женщина красивая, очень южного типа, большой духовности, проникновенности и доброты. На даче у Чулкова нам было хорошо» (Л. В. Иванова, *Воспоминания об отце*, Paris, 1990, стр. 26). Летом 1907 года, Лидия Дмитриевна заразилась скарлатиной и Вяч. Иванов позвал именно Надежду Григорьевну к себе в имение помочь в уходе за своей тяжело больной женой (см.: Н. Г. Чулкова, «“Ты – память смолкнувшего слова...”». Из воспоминаний о Георгии Чулкове», ук. соч.). Об этом эпизоде в семейной переписке Чулковых остались две телеграммы. По случаю внезапной кончины Лидии Дмитриевны, Чулков написал Вяч. Иванову телеграмму: «Не нахожу слов утешения милый Вячеслав Иванович дай Вам Бог смело одолеть горе. Чулков» [НИОР РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45, л. 6].

Отношения между Вяч. Ивановым и Чулковым, продолжавшиеся и в последующие годы, нашли непосредственное отражение в их переписке, которая длилась вплоть до 1924 года, т.е. до окончательного переезда Вяч. Иванова в Италию; тогда общение между ними прервалось (только в 1928 году Чулков возобновил диалог, написав письмо старому другу, дабы сообщить об интересе к его стихам). Об этой сердечной дружбе и семейной близости вспоминали, как было уже упомянуто, Л. В. Ивановой в ее «Книге об отце», сам Чулков в своих воспоминаниях «Годы странствий» и его жена, посвятившая памяти Вяч. Иванова и его жены несколько глав, включая рассказы о вечерах на башне и о его посетителях и фрагменты из личных переписок (самые полные и содержательные главы были опубликованы в вышеупомянутой статье Л. А. Ильюхиной). К этим присоединяются многочисленные стихотворения, которые Чулков и Вяч. Иванов посвятили друг друга в течение долгих лет.

На сегодняшний день, за исключением статьи Л. Н. Ивановой, анализирующей тройственный союз Чулкова, Зайцева и Иванова, до сих пор не существует отдельного исследования, посвященного подробному рассмотрению отношений, связывающих Чулкова и Вяч. Иванова. См.: Л. Н. Иванова, «Вячеслав Иванов-Борис Зайцев-Георгий Чулков (Из архивных разысканий)» // *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, СПб., 2006, стр. 161-172.

³² Подробно о напечатании цикла лекций «Эллинская религия страдающего Бога» в примечаниях, составленных Г. Ч. Гусейновым и Н. В. Котрелевым // *Эсхил. Трагедии. В переводе Вяч. Иванова*, М., 1989, стр. 556-560.

формате, в виде отдельной статьи. Ответ на редакторское предложение Вяч. Иванов написал самому Чулкову 21 февраля 1905 года:

Я уже выслал окончание «Эллинской религии страдающего бога». К сожалению, не вижу никакой возможности выделить эту остальную часть из целого в виде самостоятельной статьи. Она органически связана с предыдущим, все исследование «aus einem Gusse»: все, что я мог сделать для дифференциации последней части, - это подзаголовки, указывающие на специальное содержание VI и VII главы. Боюсь отпечаток (были они, <серьезные: так! слово дается предположительно – К. Р.>, в последних напечатанных отрывках), и за присылку корректуры благодарен был бы очень. Боюсь и цензуры; она будет хмуриться при чтении «общих выводов», а спасти *все* мне важно: не откажите, если возможно, и поскольку возможно, в настойчивом заступничестве. Наконец, сохраните, пожалуйста, для меня рукопись этой последней части после напечатания³³.

Не единожды следовали разговоры между Вяч. Ивановым и Чулковым, о чем свидетельствует следующее обширное письмо, которое приводится целиком:

10 июня <1905 г.>

Дорогой Георгий Иванович,

Мы надеялись еще увидеться на вокзале – а Вы не приехали...

Между тем, я хотел Вам сказать тогда же то, что решил объяснить Дмитрию Евгеньевичу при первом с ним свидании, – что и сказал ему вчера и о чем пишу Вам.

Когда З. Н. Гиппиус не раз (сначала еще в Москве, а потом здесь) выражала мне *сожаление*, что мое стихотворение, ей посвященное, «не напечатали» в В.^{<опроса>х} Ж.^{<изни>и}, я неизменно отвечал ей: «верно, еще не *череда*».

Из чего следует, что и предоставляя редакции выбор и группировку предложенных мною стихотворений, я принципиально вовсе не соглашался на безусловное отвержение некоторых, редакции не понравившихся, – на их браковку.

Когда Д.<митрий> Е.<вгеньевич> сказал мне вчера, что еще не читал моих стихотворений, из которых предполагается сделать выбор для августовской книжки, и не знает, какие подлежат напечатанию, я осведомился, разумеет ли он только составление подходящего цикла или что иное.

Он разъяснил, что будет выбрано то, что вообще приемлемо для журнала (излагаю, конечно, только смысл ответа, *своими* словами) и что он лично руководится при таком выборе критерием «понятности».

Тогда я предложил ему указать мне лишь число отводимых мне страниц, чтобы свой цикл составить по своему усмотрению, и прибавил, что исключение хотя одного стихотворения из цикла без моего согласия сделает для меня, как стихотворца, участие в В.<опросах> Ж.<изни> невозможным. Итак, я обусловил свое поэтическое сотрудничество свободой от редакционных *veto*.

Д.<митрий> Е.<вгеньевич> выразил сожаление о таком моем решении, в виду того, что редакционным запретам равно принципиально подтвержденные все сотрудничающие поэты... Но ведь *фактически* Вал. Брюсов, например, всегда оказывается «понятным».

Когда дело идет о художниках, признаваемых редакциями в целом, – то, *доколе* они продолжают пользоваться этим признанием, известное эстетическое доверие составляет жизненное условие истинного «сотрудничества».

Поэзия – как музыка – едва ли терпит мелочное процеживание через редакторские сита. И если, по теперешним временам, дела обстоят в журналистике иначе, – уважающим себя художникам тем менее следует быть склонными к уступкам. А уж нам, гонимым, нам, бунтарям в искусстве, – и вовсе естественно разделять всех на друзей и противников, и от первых требовать дружбы *цельной*. А частичную и обусловленную можно ведь найти подчас и у врагов.

Вот что я хотел немедленно сказать редакции, прежде чем дело дойдет до – для меня, по крайней мере, унижительного взвешивания «достоинств» и «недостатков» предлагаемых стихотворений.

Верьте, дорогой Георгий Иванович, в мою дружбу и истинное уважение, принадлежащие слоям души неизмеримо более глубоким, чем всякая рябь журнальной поверхности и поверхностности.

Ваш

всею душой
Вяч. Иванов³⁴

³³ НИОР РГБ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 45, л. 4-5.

³⁴ НИОР РГБ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 45, л. 10-13.

Наряду с письмами Вяч. Иванова следует упомянуть, среди уже опубликованных, письма Брюсова³⁵, Блока³⁶ и Зайцева³⁷ к Чулкову, свидетельствующие о редакторских вопросах этого периода. Существуют авторитетные исследования, касающихся этих вопросов, поэтому в настоящей работе представляется уместным сослаться в первую очередь к этим источникам³⁸.

В «Вопросах жизни» Чулков опубликовал немалое количество статей (больше 20 публикаций³⁹). К этому времени относится небольшая статья «Поэзия Владимира Соловьева», напечатанная в весеннем выпуске (№ 4-5, стр. 101-117)⁴⁰. Статья вызвала бурные реплики на страницах журнала, и не только: «Первая статья моя, обратившая на себя внимание, носила скромное название “Поэзия Владимира Соловьева”, но в этой статье остро и беспокойно ставилась тема о судьбе “исторического христианства”. В ней была “новопутейская” закваска.

³⁵ Г. И. Чулков, «Письма В. Я. Брюсова» // Он же, *Годы странствий*, ук. соч.

³⁶ Г. И. Чулков, «Письма Александра Блока» // Он же, *Годы странствий*, ук. соч., стр. 360-398. Раньше в: Г. И. Чулков, «Александр Блок и его время» // *Письма Александра Блока*, Л., 1925, стр. 89-171.

³⁷ Б. К. Зайцева, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч.

³⁸ См.: М. В. Михайлова, «В. Я. Брюсов и Г. И. Чулков» // «Russian Literature», 1999, XLV (2), стр. 181-196; «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком» [вступительная статья, публикация и комментарий А. В. Лаврова] // *Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4*, М., 1987, стр. 370-422; Ю. М. Зыбалов, «Письма Б. К. Зайцева к Г. И. Чулкову» // «Археологический ежегодник за 1997 год», М., 1997, стр. 299-304.

³⁹ Список опубликованных статей: «Третий сборник товарищества “Знание” (СПб., 1905)» [рец.], № 1, стр. 303-305; «Уайлд О. Баллада Реддингской тюрьмы / Пер. с англ. К. Бальмонта (М., 1904)» [рец.], № 2, стр. 309-311; «Эллис. Иммертели / Пер. Бодлера, Верлена и др. поэтов (М., 1904)» [рец.], № 2, стр. 312-315; «Альманах книгоиздательства Гриф (М., 1905)» [рец.], № 2, стр. 315-319; «Гамсун К. Полн. соб. соч. (М., 1905, Т. 1-2)» [рец.], № 2, стр. 319-321; «Четвертый сборник товарищества “Знание” (СПб., 1905)» [рец.], № 3, стр. 289-294; «Verharen E. Les Heures d'Après midi (Bruxelles, 1905)» [рец.], № 3, стр. 294-295; «Поэзия Владимира Соловьева», № 4/5, стр. 101-117; «Альтенберг П. Экзисы / Пер. А. и Е. Герцык. (М., 1904)» [рец.], № 4/5, стр. 209-211; «Добролюбов А. Из книги невидимой (М., 1905); Добролюбов А. Собрание стихов (М., 1900)» [рец.], № 6, стр. 242-248; «“Северные цветы ассирийские”: альманах книгоизд-ва “Скорпион” (М., 1905); “Северные цветы” 1901-1902-1903: альманах книгоизд-ва “Скорпион” (М., 1904)» [рец.], № 6, стр. 248-258; «Зиновьева-Аннибал Л. Кольца: Драма в 3 д. (М., 1904)» [рец.], № 6, стр. 258-259; «А.К. Стихотворения (СПб., 1905)» [рец.], № 6, стр. 259-260; «Дымов О. Солнцеворот: Проза. (СПб., 1905)» [рец.], № 6, стр. 260-262; «Ан-ский С.А. Рассказы (СПб., 1905, Т. 1)» [рец.], № 6, стр. 262; «Бреду опять, безнорный зверь...» [стихотворение], № 7, стр. 117; «Заворожить меня не в силах» [стихотворение], № 7, стр. 118; «Последний день угаснул и поник» [стихотворение], № 7, стр. 119; «Я на качелях высоко летаю...» [стихотворение], № 7, стр. 119; «О мистическом анархизме», № 7, стр. 199-204; «Маленький Раух» [рассказ], № 8, стр. 21-26; «Критические заметки: [о журн. “Рус. богатство”, “Мир божий”, “Рус. вестн.”, “Образование” и “Весы”]», № 8, стр. 210-217; «Театр-студия», № 9, стр. 245-250; «Предутренние часы» [стихотворение], № 9, стр. 207-213; «Накануне», № 9, стр. 409-413; «Пробуждение» [стихотворение], № 10-11, стр. 326.

⁴⁰ В статье «Поэзия Владимира Соловьева», одной из самых первых его литературно-критических работ, Чулков рассматривал поэтическое наследие философа, в душе которого он обнаруживал «великий, черный разлад» (с. 102), вызванным неприятием земного мира и земной любви, и изложил свою собственную интерпретацию личности и творчества философа. Подчеркивая пророческий характер поэзии Вл. Соловьева, Чулков указывал на некоторые внутренние противоречия его концепции и на собственное неприятие философии любви философа, которая, по его мнению, несовместима «с любовью и творчеством здесь, на земле» (с. 113). Критикуя мировоззрение Вл. Соловьева, Чулков критикует и историческое христианство: «Между сияющей ледяной вершиной и цветущей долиной разверзается пропасть. Перебросить через эту пропасть мост не сумел Соловьев, как не сумело это сделать все историческое христианство» (с. 113). С уже тогда сформировавшейся точки зрения мистико-анархиста, Чулков не мог принимать положенную в основу учений Вл. Соловьева категорию, способствующую вести человека к абсолютному началу, и предлагал эти начала дополнить музыкальным принципом, совокупностью всех переживаний индивидуума.

И та духовная “малярия”, какая была свойственна Мережковскому, в значительной степени сказала и в этом моем философском этюде. Но, должно быть, искренность и внятность вопроса, мною поставленного, задела многих. Я получил тогда немало писем по поводу этой статьи» [ГС, с. 73], далее он мотивирует: «А я спешил пройти все этапы тогдашних мыслей и переживаний, интуитивно чувствуя, что лучше все это романтическое зелье выпить до дна и, может быть, вперед не искать опасность жадной чаши» [ГС, с. 133]. Выделяются ответы Булгакова (из авторского цикла «Без плана») и Сергея Михайловича Соловьева (1885-1942)⁴¹, печатавшиеся соответственно в июньском (№ 6, стр. 293-317) и августовском (№ 8, стр. 230-237) номерах журнала, в которых обсуждались проблемы об отношении философа к православной церкви и к историческому христианству, а также личное письмо Блока, адресованное Чулкову 23 июня 1905 года⁴², в котором он возражал против

⁴¹ С. М. Соловьев – поэт из круга младших символистов, переводчик и публицист, племянник философа Вл. Соловьева. Был в близких отношениях с Блоком и А. Белым.

⁴² Личные и творческие отношения между Чулковым и Блоком были блистательно освещены во вступительной статье к публикации переписки Чулкова с Блоком, подготовленной А. В. Лавровым. См.: А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч. Мы останавливаемся лишь на некоторых ключевых моментах их дружеских отношений, ссылаясь для подробного их истолкования к статье Лаврова. Чулков познакомился с Блоком весной 1904 года у Мережковских, хотя о нем Чулков уже узнал годом раньше, из уст нижегородской журналистки А. Шмидт; заочное знакомство прошло тогда под знаком Вл. Соловьева. Приобретший, в середине 1904 года, центральное положение внутри редакторского коллектива журнала «Новый путь» и сразу признавший дар развивающего автора, Чулков не один раз способствовал печатанию статей Блока на страницах «Нового пути» и на страницах его преемника «Вопросов жизни» («Чулков по-прежнему меня очень признает», писал Блок матери 25 августа 1905 года. См.: А. А. Блок. *Письма к родным*, М., 2015, стр. 116; или отцу «“Вопросы жизни” (заменившие “Новый путь”) дали много работы и даже заплатили 50 руб.<лей>». См.: А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М.-Л.*, 1963, стр. 121). Достаточно будет упомянуть, что именно Чулков добился у Блока написания пьесы «Балаганчик» (1906 год), а впоследствии принимал настолько деятельное участие в ее постановке в театре В. Ф. Комиссаржевской, что Мейерхольд, с этой пьесой сумевший воплотить символизма в сценических формах, посвятил постановку Чулкову. На фоне роковых событий 1905 года отношения между Чулковым и Блоком укреплялись, в центре обсуждения были едва ли не главным образом социальные и общественные темы и это во многом способствовало их сближению: одно из первых стихотворений Блока на социальные темы, «Повесть», было посвящено именно Чулкову. Со своей стороны Чулков, немного преувеличивая собственную роль (хотя в этом признании содержится немалая доля истины), приписывал себе заслугу «“научить” Блока “слушать музыку революции”» [ГС, с. 135]. «[...] а у нас – Чулковы сидят уж 2 часа, очень милые. Говорили много интересного, просидели до 2-го часа ночи» – писал Блок матери 12 сентября 1905 года – «Я читал им много стихов, им страшно понравились сказки. Скоро, вероятно, мы пойдем к ним вечером» (А. А. Блока, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 122). Чулков был один из немногих, признавших изначально творческий потенциал Блока, несмотря на то, что он всегда смотрел на него сквозь призму присущего ему лиризма: «Я понимал до конца весь тот волшебный мир, в котором жила и пела его душа. А поэт ценил во мне то, что со мною можно было говорить не по-интеллигентски, что я с полуслова понимаю его символический язык» [ГС, с. 140]. В Чулкове Блок ценил именно человеческую сторону, а сдержанно относился к его творческим начинаниям, стараясь не вносить лишние критические заметки в его сторону и спасая то, что действительно ему понравилось (как и Сологубу, Блоку понравилось стихотворение Чулкова «Песня», и он использовал его в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» // «Золотое руно», 1907, 2, стр. 60-64). При необходимости критически отзываться о каком-то произведении, он не упускал возможности подчеркивать иные достигнутые Чулковым успехи. Периодом самых близких отношений оказалось трехлетие 1906-1908 годы, когда Чулков и Блок жили почти неразлучно, проведя петербургские вечера на Островах «за красным стаканом в таверне» (некоторые эпизоды этих ночных прогулок стали впоследствии сюжетом ряда стихотворений; см. А. А. Блок, «В северном море», из цикла «Вольные мысли» // *Факелы: альманах. Кн. 3.* СПб., 1908, стр. 18-20; и Г. И. Чулков, «Архивариус» // Он же, *Собрание сочинений. Т. 1. Рассказы.* СПб., 1911). Дружескому характеру их отношений не помешали даже слухи о романе, в начале 1907 года, между Чулковым и женой Блока Любовью Дмитриевной Блок-Менделеевой (эта игривая любовная история была известна всем окружающим, и нашла отражение на

личной интерпретации религиозно-метафизической концепции Вл. Соловьева и делал упор на собственные впечатления и переживания: «Возражения Блока были другого порядка. Ему в сущности не было надобности спорить со мною в этом пункте, но он все-таки спорил и, как мне казалось тогда, ломился в открытую дверь» [ГС, с. 133]. Как отметил А. В. Лавров, единственный, в то время не высказавшийся против Чулкова был религиозный мыслитель Антон Владимирович Карташев (1875-1960), который «находил, что в своей статье Чулков поставил вопрос о мировоззрении Соловьева и о его соотношении и связи с “историческим христианством” чрезвычайно остро и правильно, с позицией нового религиозно-философского сознания»⁴³.

В статье «Поэзия Вл. Соловьева» Чулков впервые конкретно вырисовывает собственное отношение к учениям великого философа. Назвать точную дату знакомства Чулкова с писателем или по крайней мере с его творческим наследием невозможно: ни в книге воспоминаний «Годы странствий», ни в написанных до 1917 года воспоминаниях, а также в остальных автобиографических заметках, не осталось следа о каком-нибудь заочном знакомстве. Можно предположить, что Чулков сблизился с концепциями Вл. Соловьева еще тогда, когда он учился в гимназии; скорее всего немаловажную роль сыграло присутствие Михаила Сергеевича Соловьева, брата философа, среди учителей шестой классической гимназии, где Чулков учился:

В самом деле, хотя я никогда лично не знал Владимира Соловьева и не имел с ними связи, если только не считать косвенного к нему касания через его брата Михаила Сергеевича Соловьева, который был моим учителем в шестой классической гимназии и всегда относился ко мне благосклонно, – все-таки в душе моей бессознательно преобладала тогда тема «софианства», соловьевская тема, с ее ослепительным светом и с ее мучительными противоречиями [ГС, с. 122].

страницах дневника Блок-Менделеева; см.: Л. Д. Блок-Менделеева, *И были, и небылицы о Блоке и себе*, Бремен, 1979, стр. 60-61).

Необходимо отметить, что, на самом деле, их отношения прошли через различные этапы сближения и расхождения. В своих воспоминаниях Чулков пишет: «При первых встречах моих с Блоком мы, кажется, несколько дичились друг друга, хотя успели перекинуться “символическими” словами; “софианство” сближало нас, но оно же и ставило между нами преграду» [ГС, с. 122]. Эти преграды проявились в трех разных моментах: первый, после напечатания статьи Чулкова «Поэзия Вл. Соловьева» (Блок изложил собственное мнение об интерпретации Чулкова философии Вл. Соловьева в цитированном письме к Чулкову); второй момент возник вокруг появления на культурной сцене «мистического анархизма» (Блок стремительно выразил свое несогласие с выводами, сделанными Чулковым, публикуя открытое «Письмо в редакцию» в соперническом журнале «Весы»; см. А. А. Блок, «Письмо в редакцию» // «Весы», 1907, № 8, 26 авг., стр. 79-81); третий был вызван разгоревшейся полемикой по поводу доклада Блока «Россия и интеллигенция» в конце 1908 года («Мне был неприятен в его докладе тот невыносимый удушающий пессимизм, которым веяло от всего этого мистического косноязычия. Я тогда же устно и печатно возражал Блоку» [ГС, с. 137-138] – имеются в виду статьи Г. И. Чулкова «Memento mori» («Речь», 1908, 315, 2 дек., стр. 3) и «Лицом к лицу» («Золотое руно», 1909, 1, стр. 105-106). «Невыносимые» для Чулкова изменения в миропонимании Блока непосредственно отразились на их отношения, приведшие к неизбежному окончательному охлаждению (Блок выразился о том периоде его биографии, как «дочулковыванье жизни»). В последующие годы отношения между ними не получили возобновления (последний раз Чулков и Блок виделись в Москве в 1921 году), встречи ознаменовались только воспоминаниями о прежней близости и о пережитом вместе пути.

⁴³ «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч., стр. 396.

Наряду с этими биографическими данными следует сопоставить и те душевные опыты, о которых Чулков рассказывал в своих ранних, детских воспоминаниях (бытие личного абсолютного существа, чувство личности Христа и т.п.), хотя, даже вспоминая эти юношеские откровения, Чулков никогда не ссылается на возможное влияние философии Вл. Соловьева. В воспоминаниях обнаруживается лишь указание на то, что «до ссылки я был слишком юн, чтобы решиться на свидание с Владимиром Соловьевым, а после ссылки я уже не нашел его в живых. Но в те годы я был окружен соловьевцами и, главное, жил сам в его духе» [ГС, с. 187-188]. На самом деле, в этих поздних автобиографических заметках Чулков рассматривает собственный пройденный путь к постижению «соловьевства» несколько иначе, чем это происходил на самом деле. В «Годах странствий» он ретроспективно ставит себя в положении истинного соловьевца с самого начала, называя себя и Вяч. Иванова продолжателями борьбы, начатой в середине девяностых годов Вл. Соловьевым: «наша борьба с крайним эстетическим индивидуализмом, борьба Вяч. Иванова, моя и некоторых других, поднявших знамя Влад. Соловьев, была – смею думать – борьбой по существу. Мы знали, за что мы боремся» [ГС, с. 188]. Приобретение такой уверенной позиции прошло через некоторые ключевые этапы, первым из которых является именно статья 1905 года «Поэзия Владимира Соловьева». Однако, как было подчеркнuto М. В. Михайловой, еще до появления этой статьи отголоски соловьевских нот уже присутствовали в некоторых стихотворениях⁴⁴, вошедших в его первый сборник «Кремнистый путь»⁴⁵.

Переоценка взглядов на личность и творчество Вл. Соловьева происходит поэтапно: в 1908-м году Чулков, формулируя собственную теорию символизма, предусматривает ее, как соединение метафизических убеждений Вл. Соловьева с идеями Достоевского о «реализме в высшем смысле»; в 1910-х годах он открыто принимает философию всеединства; в 1920-м году, он заявляет о том, что «Автор статьи “Поэзия Владимира Соловьева” в настоящее время не согласен с тогдашними своими заявлениями» [ГС, с. 386-387], и об этом в 1935-м году он признался жене в письме «Мой взгляд тогдашний на историческое христианство ложен. Ложно также мое тогдашнее понимание догмата» [ПП, п. 618]. В 1927 году, на заседании комиссии по психологии творчества при философском отделении в ГАХН, Чулков прочитал

⁴⁴ В частности речь идет о стихотворениях «О, медиума странный взор...», «Я молюсь тебе, как солнцу, как сиянию дня», переложение в стихах «Песни песней». См.: Г. И. Чулков, *Кремнистый путь*, ук. соч., стр. 39-40; 57; 59-69.

⁴⁵ М. В. Михайлова, «Г. И. Чулков и Вл. Соловьев» // «Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева», М., 2005, стр. 340-348. Созвучие голосов также заметила верная последовательница учений Вл. Соловьева Анна Шмидт, которая «тотчас же почувствовала во мне “своего человека”, и немудрено, что мы заговорили об Александре Блоке, об этом духовном наследнике Соловьева, успевшем тогда напечатать циклы стихов в “Северных цветах” и “Новом пути”» [ГС, с. 122].

доклад «Автоматические записи Вл. Соловьева». В этом докладе он транскрибировал девять автографов философа-визионера:

Я имел случай теперь – в 1922 г. – изучить некоторые загадочные автографы Владимира Соловьева, до сих пор не опубликованные. Эти автографы – особого рода записи поэта-философа, сделанные им автоматически в состоянии транса. Это состояние (как бы медиумическое) было свойственно Соловьеву по временам. Темой соловьевских записей является все она же, «София», подлинная, или мнимая – это другой вопрос. Во всяком случае, характер записей таков, что не приходится сомневаться в «демоничности» переживаний, сопутствующих духовному опыту поклонника Девы Радужных Ворот [ГС, с. 123].

К этому времени Чулков пережил смерть пятилетнего сына и вернулся в лоно исторического христианства. На этом этапе в творчестве Вл. Соловьева он познает демонические переживания, что заставляет его вернуться к его изначальному мнению, т.е. подтвердить внутренние противоречия в личности философа. Все названные пункты, а также подробный анализ развития отношений Чулкова к философии и эстетическим учениям Вл. Соловьева описаны М. В. Михайловой в статье «Г. И. Чулков и Вл. Соловьев»⁴⁶.

Следует обратить внимание на статью «Поэзия Владимира Соловьева» по той причине, что в ней наблюдаются основополагающие мотивы выработанной Чулковым теории «мистического анархизма». В седьмом номере «Вопросов жизни» (№ 7, стр. 199-204) Чулков опубликовал, в разделе «Из частной переписки», письмо, озаглавленное «О мистическом анархизме», являющееся формальным продолжением статьи о Вл. Соловьеве. Эти две работы, статьи «Поэзия Владимира Соловьева» и «О мистическом анархизме», были включены, в 1906 году, в отдельную брошюру «О мистическом анархизме», под заглавием «О софианстве». В этой брошюре мистические размышления Чулкова приобрели ее окончательную формулировку⁴⁷.

⁴⁶ Отношение Чулкова к философскому наследию философа претерпело три фазы: «1) отрицание привязанности философа к Земле и земным переживаниям, неудовлетворенность его попытками примирить аскетизм и красоту мира, ощущение, что “историческое христианство” не выполнило свою задачу; 2) “соловьевские” настроения нарастают, и это приводит к разработке символистской теории с опорой на эстетические работы философа, а также созданию в творчестве женских образов, в которых “мерцают” отблески “Вечно-женственного”; 3) Чулков начинает исповедовать традиционное “историческое христианство”, и все попытки каким-то образом его реформировать и дополнить воспринимаются им как отступление от “заветов”. Соловьев же в теоретическом плане остается для Чулкова “гениальным мистиком и мыслителем”, но в психологическом отношении в нем начинает “проступать” обыкновенный христианин, которому ведомы и “соблазн”, и “прелесть”, и “искушение”» [М. В. Михайлова, «Г. И. Чулков и Вл. Соловьев», ук. соч., стр. 345].

⁴⁷ Краткое изложение о теории «мистического анархизма» см.: К. Рампаццо, «Философско-эстетические грани мистического анархизма (Г. И. Чулков и Вяч. Иванов)» // «Соловьевские исследования», 2013, 4 (40), стр. 186-193. Эссе «О мистическом анархизме» Чулкова и вступительная к нему статья Вяч. Иванова под названием «Идея неприятия мира и мистический анархизм», опубликованные в 1906 году, являются главной теоретической базой, включающей ряд принципов, лежащих в основе «мистического анархизма». Задача Чулкова – найти «путь для воссоединения свободы и утверждения личности, т.е. для воссоединения плана формального с планом мистическим» [Г. И. Чулков, *О мистическом анархизме*, СПб., 1906, стр. 30 (6)]. Именно в этом соединении двух планов, эмпирической реальности с трансцендентальным миром, мира данного с миром должностным быть, в соборном союзе между личностью и новым преображенным обществом заключается смысл теории «мистического анархизма». Провозглашенное утверждение личности в понимании Чулкова соединяется с революционно-освободительным процессом. Бунт, мятеж, революция в общественном освободительном

Из воспоминаний Надежды Григорьевны известно, что в квартире в Саперном переулке, где сначала располагалась редакция журнала «Новый путь», ставшего теперь «Вопросы жизни», и где супруги тогда проживали (разделив квартиру с секретарем журнала А. М. Ремизовым и его женой С. П. Ремизова-Довгелло), продолжали проводиться редакционные и литературные собрания (об этом не отслеживаются упоминания в автобиографической и мемуарной прозе Чулкова). Она пишет: «И в этой квартире, как и в прежней, происходили собрания людей, причастных литературе, и искусству, и философии. А. Блок читал свои новые стихи, Федор Сологуб – стихи и рассказы» [Воспоминания Чулковой, л. 52]. В подтверждение этого может предоставить письмо Блока к родным, датированное 25 августа 1905 года: «После обеда (в 6 ч.) я пошел в редакцию [...] Нашел и лез на лестницу и услышал из-за одной двери крик: Мистический богоборец! Почти по этому и догадался, что кричат “Вопросы жизни”. Квартира их оказалась темной и маленькой; в ожидании электричества при свечах в бутылках сидели в конторе Булгаков, Чулков и Жуковский, и Б-в высмеивал Жуковского, крича: Мистический богоборец! Почти без речей, как я вошел, пустили залп новых стихов Брюсова (не особенных) и Вяч. Иванова (особенных). После этого Булгаков взял галстук у Чулкова и, хохоча, увел Жуковского к Вяч. Иванову. Мы

движении являются фундаментальными реквизитами, поставленными современностью для утверждения личности в плане эмпирическом. Но в понимании Чулкова такой акт отражается и в религиозном плане, как богоборчество, основателем которого был Христос. Идея «неприятия мира» явилась философской основой «мистического анархизма». Она подробно раскрывается во вступительной статье Вяч. Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Конечным результатом борьбы должно стать преобразование мира, но, будет ли оно христианским, для Чулкова не важно. Он утверждает, что «будет ли этот ренессанс христианским ренессансом, мы не знаем, но, во всяком случае, необходимым условием для того, чтобы возникла церковь любви и свободы, а не церковь смерти и тления, должна быть живая надежда, что сомкнется, наконец, земля с небом в едином союзе» [Г. И. Чулков, *О мистическом анархизме*, ук. соч., стр. 63 (39)]. Чулков определяет значение современной эпохи в утверждении мистического Я человека: эмпирическая личность через непрестанную социальную борьбу утверждает себя сначала в общественности, а потом, через мистический опыт, в абсолютном начале, там, где она соединяется с божественным. Поэтому он заключает, что «мистик-анархист рассматривает весь исторический процесс как путь к освобождению и зовет к жизнедеятельности. Борьба с догматизмом в религии, философии, морали и политике – вот лозунг мистического анархизма. И не к безразличному хаосу приведет борьба за анархический идеал, а к преобразенному миру, если только наряду с этой борьбой за освобождение мы будем причастны мистическому опыту чрез искусство, чрез религиозную влюбленность, чрез музыку вообще» [Г. И. Чулков, *О мистическом анархизме*, ук. соч., стр. 67 (43)].

Результатом освобождения и последнего утверждения личности является наступление новой общественной жизни, основанной на началах любви и музыки. Здесь концепции Чулкова и Вяч. Иванова пересекаются. Размышляя над этой проблемой, Вяч. Иванов определяет тот же самый принцип, необходимый для достижения соборного соединения людей, – освобождение и утверждение личности: «Ибо соборность – сверхличное утверждение последней свободы. Внешнюю форму соборной связи, единственно приемлемую для мистического анархизма, но тем более ему желанную, были бы общины – союзы мистического избрания по сродству взаимно угаданного их членами друг в друге последнего “Да” и “Так да будет”, погребенного в их последнем Молчании» [Г. И. Чулков, «О мистическом анархизме», ук. соч., стр. 21].

Вяч. Иванов, таким образом, узнавал в идее религиозной общности, выдвинутой Чулковым в своей теории мистического анархизма, формулировку собственного принципа соборности. Обе теории, на самом деле, основывались на необходимости синтеза общественного идеала и свободы индивидуума. На этой почве и возникло сотрудничество между великим мэтром символизма Вяч. Ивановым и Чулковым.

О «мистическом анархизме» написано немало статей и исследований. Для подробной библиографии на этой теме ссылаем к списку литературы магистерской диссертации автора настоящей работы «Г. И. Чулков и мистический анархизм», защищенной в университете г. Удине в 2012 году.

же с Чулковыми и сестрой Чулкова стали пить чай при тех же свечах в бутылках»⁴⁸.

Изучая этапы жизненной и творческой деятельности Чулкова в 1905 году, необходимо остановиться еще на некоторых событиях. В 1905 году, были опубликованы отдельным изданием переводы «Двенадцать песен» бельгийского писателя Мориса Метерлинка, выполненные Чулковым. Переводы пятнадцати песен Метерлинка появились еще на страницах «Нового пути» (1904 год, № 7); двенадцать из них вошли теперь в второе отдельно подготовленное издание, которое было оформлено рисунками иллюстратора Шарля Дудле и напечатано в Москве, в издательстве В. М. Саблина, в начале 1905 года⁴⁹. Издание рецензировалось в журнале «Весы»: в июльском номере были опубликованы два обстоятельных отзыва Брюсова⁵⁰ и Вяч. Иванова⁵¹. Об этих переводах Блок написал Чулкову в письме от 15 марта 1905 года: «вообще мне кажется, в переводе много своего, не метерлинковского» [ГС, с. 361]. Отметим здесь, что именно переводы Чулкова были использованы Мейерхольдом для разработки новых перформативных техник условного театра. Во второй половине того же 1905 года, Мейерхольд, занятый подготовкой репертуара для московского театра «Студия», решил тогда поставить пьесу «Смерть Тентажиля» Мориса Метерлинка, выбирая осуществленный Ремизовым перевод этой пьесы. Летом, уехав вместе со всей труппой актеров в провинцию, режиссер начинал детально обдумать принципы и техники условного театра. Валентина Петровна Веригина, вошедшая в 1905 году в «Студию» Мейерхольда, вспоминала, что стихотворения Метерлинка читались в подлинном варианте и в переводах, выполненных Чулковым, используя том отдельным изданием, где фигурировали рисунки Шарля Дудле: «Перед началом репетиций “Смерти Тентажиля” Мейерхольд познакомил актеров со стихами Метерлинка в переводе Чулкова, заставляя их читать вслух. Вся труппа должна была проделать эту работу. Добивались прозрачности тонов, легкости, подобной веянию воздуха – боролись с тривиальным, стремились к квинтэссенции чувства прекрасного»⁵². Теория условной, иконописной пластики, к которой стремились тогда начинания Мейерхольда, рассматривалась в фигурах и их движениях, выполненных Дудле в

⁴⁸ А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 116. Далее Блок сообщает матери о том, что издание «Вопросов жизни» скоро прекратиться из-за недостаточных денежных средств для продолжения журнала.

⁴⁹ М. Метерлинк, *Двенадцать песен в переводе Г. Чулкова* [с рисунками Ш. Дудлэ], СПб., 1905.

⁵⁰ В. Я. Брюсов, «Фиалки в тигеле» // «Весы», 1905, № 7, стр. 9-17. Неблагоклонная рецензия Брюсова содержала резкую критику о переводах Чулкова («[...] в чем недостатки переводов Г. Чулкова, какой скрытый недуг убивает в них все своеобразие метерлинковской поэзии»). Электронный адрес сетевого ресурса: <http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1905_fialki_v_tigele.shtml>; последнее посещение: 22.03.2017). Ответа на этот нелестный отзыв со стороны Чулкова не было.

⁵¹ В. И. Иванов, «Морис Метерлинк. Двенадцать песен. В переводе Георгия Чулкова, с рисунками Шарля Дудле. Обложка Ш. Дудле. Изд. В. М. Саблина. Цена 3 рубля» // «Весы», 1905, № 7, стр. 56-57. В более благоприятной по отношению к самому автору рецензии Вяч. Иванова большое место выделено рисункам Шарля Дудле, а с другой стороны мало говорилось о работе Чулкова, как переводчика.

⁵² «В. П. Веригина. Воспоминания (глава из книги)» // В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 3. Студия на Поварской. Май – Декабрь 1905 года*, М., 2010, стр. 721-722.

этом издании. Отметим, что Чулков относит этот факт из личной творческой биографии к более ранней фазе работы Мейерхольда, т.е. ко времени работы в московском Художественном театре: «После закрытых студийных работ при Художественном театре, где, между прочим, актеры под руководством В.<сезолода> Э.<милевича> Мейерхольда учились читать напевно стихи по моим переводам “Двенадцати песен” Метерлинка [...]» [ГС, с. 215]. Однако, изучение документов, касающихся истории «Студии» (особенно «Беседы о Метерлинке», датированные серединой 1905 года⁵³), позволяет обосновать процитированное высказывание Чулкова, отнеся его именно к периоду существования «Студии», в отличие от периода работ режиссера в Художественном театре⁵⁴.

2.6.3 О концепции нового современного театра

Если бросить общий взгляд на биографию Чулкова 1904-1905 годов, на самом деле может показаться, что вся его деятельность сконцентрирована в тех года на редакторских вопросах, связанных с журналами «Новый путь» и «Вопросы жизни». Напротив, 1905 год, и особенно вторая половина этого года, является чрезвычайно интенсивным периодом жизни Чулкова, в котором переплетаются ряд событий и фактов, связанных не только с уже сложившейся журнальной работой, но и с новыми начинаниями, зачинателем которых оказался, так или иначе, Чулков; тем не менее, во всем автобиографическом материале этот период прослеживается очень мало.

Уже известно из его ранней биографии (см. первые две главы, посвященные детству и гимназическим годам), что еще с отроческих лет Чулкова занимали интересы драматургии. Как было упомянуто, на развитие этих юношеских вкусов большое влияние оказало присутствие в родном доме его дяди, небезызвестного драматурга Владимира Александрова. Чулков часто проводил летние месяцы в его собственном имении, и там он имел возможность увидеть и общаться с самыми востребованными актерами драматургических сцен того времени: «В эти годы у него на журфиксах охотно бывали актеры. Некоторые хаживали и к нам играть в винт с моим отцом. Я смотрел на актеров, как на счастливых волшебников. Театр казался мне чудесным местом, и я сам мечтал об актерском ремесле, разучивал монологи Макбета и Гамлета, летом на подмосковных дачах устраивал спектакли» [ГС, с. 212]. К этим юношеским опытам можно отнести попытки в роли начинающего драматурга (Чулков сочинял

⁵³ «Беседы о Метерлинке» // В. Э. Мейерхольд, *Наследие*. Т. 3, ук. соч., стр. 158-164.

⁵⁴ «Продолжаем поиски. Чтение этюдов (стихи и отрывки из Метерлинка и П. Фора) не только назначенными в «Смерти Тентажиля», но и остальными из труппы, и критика устанавливает: [...] 9) тон намечает движения, наподобие фигур и движений в рисунках Дудле». См.: В. Э. Мейерхольд, *Наследие*. Т. 3, ук. соч., стр. 160-161.

пьесы, «[...] роли которых разучивались маленькими актерами из моих слов. Текста я тогда не записывал» [Автобиография 1918 г.] и начинающего театрального актера (он выучивал наизусть стихи русской поэзии и монологи известных западноевропейских писателей)⁵⁵.

В книге воспоминаний «Годы странствий» Чулков посвящает довольно объемную главу именно театру. Глава «Театральные заметки» полностью обращена к субъективному восстановлению истории и развития театральной жизни в первые десятилетия XX века и подчеркиванию роли, сыгранной им в этом процессе. Снабжая читателя деталями, касающимися его увлечения театром, Чулков называет причины, временно отдалившие его от театрального мира: арест и ссылка в Сибирь, а вслед за ними жизнь под надзором полиции в Нижнем Новгороде. Вернувшись в культурную среду столичной жизни, Чулков сразу проявил интерес к состоянию существовавшего тогда театра: «Вскоре я стал заправским театралом», рассказывает он, «а с 1905 по 1907 годы писал рецензии на все более или менее значительные спектакли. Иногда, впрочем, приходилось писать о спектаклях совершенно ничтожных⁵⁶» [ГС, с. 214]. Чулков подчеркивает падение репертуара казенных театров, тем самым не упуская из виду новизны театра К. С. Станиславского: «Впервые заговорили об единстве спектакля, о “постановке”, о режиссерской части. Это была своего рода “Америка” для московского общества» [ГС, с. 213]. Обсуждая состояние таких театров, как Александринский, Суворинский, новые театры Комиссаржевской (до прихода Мейерхольда) и Яворской (см. ГС, с. 214-215), Чулков отмечает значение распространяющейся тогда среди литераторов идеи символистского театра: «Идея символистского театра висела в воздухе. Не было театрального деятеля, который “дерзнул” бы на рискованный опыт. В те годы один только режиссер мечтал о театральной революции» [ГС, с. 215]. Режиссер, о котором говорит Чулков в этих строках, – Мейерхольд, знакомый ему еще со студенческих лет. В то время (начало 1905 года) Станиславский привлек Мейерхольда (покинувшего МХТ еще в 1902 году) к разработке концепции условной природы театрального искусства, воплотившейся в создание в Москве, при Московском художественном театре, так называемая «Студия», экспериментальная

⁵⁵ Об этом в уже процитированной автобиографии 1911 года, а также в воспоминаниях его сестры Любови Ивановны «Воспоминания из детской жизни Георгия Ивановича Чулкова».

⁵⁶ М. В. Михайлова, в примечаниях к переизданию книги «Годы странствий», отметила: «За полтора года существования газеты “Наша жизнь” (впоследствии “Товарищ”) Чулковым напечатано более 70 рецензий (в основном на спектакли театра В. Ф. Комиссаржевской, Александринского, Михайловского, Нового и Старинного театра, театра в Териоках и др.)» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1999², стр. 688. Напомним, что до сих пор не существуют критических и научных статей, посвященных деятельности Чулкова-театрального критика в двухлетии 1905-1907 годах. Благодаря научной работе М. В. Михайловой, постепенно развивается процесс восстановления образа Чулкова-драматурга, сопровождаемого переизданиями его забытых пьес. Подробнее см.: М. В. Михайлова, «“Дух легкой бодрости его сопровождал...”» [предисловие к публ. пьесы Г. И. Чулкова «Душенька»] // «Современная драматургия», 2010, № 3, стр. 210-219 и 220-232; Она же, «“Живому сердцу нет отрады, когда в бреду безумный мир...”» (Динамика развития Г. И. Чулкова-драматурга)» [предисловие к публ. пьес Г. И. Чулкова «Семена бури», «Поединок» и «Кабачок невинных»] // «Современная драматургия», 2016, № 4, стр. 222-237 и 238-260.

театральная школа, существование которой длилось всего несколько месяцев, с мая по октябрь 1905 года⁵⁷: «Антрепренер Вс. Э. Мейерхольд снова возвращается в Москву, в Художественный театр к Станиславскому. Станиславский организывает новую труппу, во главе которой будет стоять Мейерхольд»⁵⁸. В ней живейшее участие принял и сам Чулков. Как было установлено О. М. Фельдманом, при «Студии» было организовано Литературное бюро, в состав которого входили Брюсов, Ремизов (которому, еще со времен «Товарищества новой драмы», приписывалось большое влияние на формирование позиции Мейерхольда), Ю. К. Балтрушайтис, С. А. Поляков и Чулков. К тому же, Мейерхольд пригласил присоединиться к работе Литературного бюро также Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьеву-Аннибал, на поддержку которых режиссер очень много рассчитывал⁵⁹. Участие сотрудников в делах Литературного бюро свидетельствуется на основе оставшихся документов⁶⁰. В планах «Студии» была также организация литературных вечеров, посвященных поэтам-символистам: «Потом поездки по провинции. Кроме того организация вечеров в аудитории Исторического музея при участии труппы этого нового театра. Вечера будут посвящены иностранным и русским поэтам (Бодлеру, Э. По, Верхарну, В. Брюсову, Бальмонту, Вяч. Иванову, А. Белому и др.)»⁶¹.

Одним из официальных документов «Студии» следует считать статью Чулкова «Театр-Студия», опубликованную на страницах «Вопросов жизни»⁶². В этой статье, которая демонстрирует хорошее знание внутренних дел «Студии», Чулков приветствует новый театр Чехова, Ибсена и Метерлинка, указывает на необходимость нового истолкования этого репертуара, отличавшейся от интерпретации, свойственной МХТ⁶³, и провозглашает

⁵⁷ Недавно вышло объемное, исчерпывающее издание, под общей редакцией О. М. Фельдмана, целиком посвященное творческому наследию Мейерхольда именно во время «Студия на Поварской». Имеется в виду уже процитированное выше издание: В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 3. Студия на Поварской. Май – Декабрь 1905 года*, ук. соч.

⁵⁸ «Из жизни. Хроника литературная, художественная и театральная» // «Весы», 1905, № 4, стр. 75.

⁵⁹ Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова» // *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, ук. соч., стр. 187-205; здесь: стр. 187.

⁶⁰ Упомянутые документы опубликованы в книге: В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 3*, ук. соч., и являются основным источником детальной информации о деятельности «Студии». Литературное бюро было организовано с целью формирования репертуара и разработки теоретической части нового театра. Участие Чулкова в работах, относящихся к разработке нового экспериментального театра, не ограничилось теоретическими вопросами. В газете «Новости» от 21 сентября 1905 года сообщается: «Г-н Чулков перевел для “Студии” новую пьесу Верхарна, название которой держится пока в секрете» // Цит. по: В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 3*, ук. соч., стр. 310. Тем самым, в статье «Театр-Студия» Чулков включал, среди предложенных к постановке пьес, именно «Зори» Верхарна. Чулков интересовался переводами Верхарна еще со времен ссылки в Сибирь – тогда Брюсов прислал ему произведения бельгийского поэта, которые Чулков тогда же стал переводить, об этом свидетельствует Надежда Григорьевна в своих воспоминаниях.

⁶¹ «Из жизни. Хроника литературная, художественная и театральная» // «Весы», 1905, № 4, стр. 75.

⁶² Г. И. Чулков, «Театр-студия» // «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 245-250. Основополагающей является также статья Ремизова «Театр “Студия”», появившаяся на страницах газеты «Новая жизнь», СПб., 1905, 22 сентября.

⁶³ Московский Художественный театр (МХТ) был создан Станиславским и Вл. И. Немирович-Данченко в 1898 году; с 1919 года – театр стал академическим (МХАТ). В 1987 году коллектив театра разделился на две самостоятельные группы: первая, под художественным руководством О. Н. Ефремова (Московский Художественный Академический Театр им. Чехова – МХАТ им. Чехова) и вторая, под руководством Т. В.

приобщение искусства символистского театра к религиозно-мистическому опыту, «к свободному религиозному служению» (стр. 248), будучи твердо убежден, что необходимое условие для создания нового театра было вернуть театральному искусству то древнее, сакральное значение, которое было привычно для античного театра: «Современный символический театр мы не признаем лишь постольку, поскольку он отошел от культа и потерял чувство ритма и мелодии, и – с другой стороны – мы решительно отрицаем так называемый “реалистический” театр с его вульгарной погоней за “бытом”» (стр. 248). Приверженцами обновления драматического искусства и новой интерпретации театрального ремесла Чулков назвал Мейерхольда и Станиславского, укладывавших свои усилия в возникшем в Москве театре «Студия», а «пророком» обновленного театра он считал именно Вячеслава Иванова⁶⁴.

Теоретические размышления над эволюцией современного театра занимали Чулкова и в последующие годы. В 1908 году он опубликовал в сборнике «“Театр”. Книга о новом театре» статью «Принципы театра будущего», в которой он обосновывал тезисы о положении нового, будущего театра⁶⁵. Чулков полагает, что современный средний театр – мещанский, удовлетворяющий вкусам и запросам буржуазной среды. Однако настоящие события показывают, что мир находится в преддверии грядущих перемен и это привлечет за собой возрождение культуры и, соответственно, театра. Началом театра будущего Чулков называет лирику, символизм и музыку, а условием для их воплощения он считает создание общин на почве религиозно-эстетических переживаний. Лирика и символизм уже присутствуют в современном театре, их мироотношение уже обращено к будущему, но методы сценического выполнения действий еще плотно укоренены в прошлом. Разложение религиозного театра эллинской эпохи, отдаление мелодических и ритмических элементов являются для Чулкова главными причинами падения современной драмы. Преображение освобожденного театра возможно лишь «путем общего религиозного действия», в котором музыка займет центральное место: Чулков постулирует, что «исход из драмы в событие, из представления в

Дорониной (Московский Художественный Академический Театр им. Горького – МХАТ им. Горького). В 2000 году, после смерти Ефремова, руководителем МХАТ им. Чехова стал Олег Табаков, который, в 2004 году, вернул театру свое прежнее имя, исключив из наименования слово «академический» (теперь МХТ им. Чехова). Согласно истории театра, мы используем сокращение, соответствующее времени его основания. Подробнее можно прочитать на сайте самого театра, по адресу: <<http://www.mxat.ru/history/>> [последнее посещение 20.05.17].

⁶⁴ В течение двухлетия 1904-1905 Вяч. Иванов опубликовал, на страницах журнала «Весы», ряд статей, в которых отражалась идея создания нового мистериального театра. Изложенные в статьях «Ницше и Дионис» («Весы», 1904, № 5, стр. 17-30), «Новые маски» («Весы», 1904, № 7, стр. 1-10), «Вагнер и Дионисово действо» («Весы», 1905, № 2, стр. 13-16) идеи Вяч. Иванова были созвучны Мейерхольду, который применил их в работах «Студии». См: Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова», ук. соч., стр. 187.

⁶⁵ Г. И. Чулков, «Принципы театра будущего» // *«Театр». Книга о новом театре: Сборник статей*, СПб., 1908, стр. 199-218. Статья была также включена в собственный сборник критических статей «Покрывало Изиды», см.: Он же, «Принципы театра будущего» // *Покрывало Изиды*, ук. соч., стр. 188-210. Цитаты даются по первоначальному изданию.

действие, из внерелигиозного театра в театр-культ» (стр. 212) есть основные положения театра будущего. В заключении он указывает на два пути его становления: один более опасный, через который способны пройти только избранные. Это создание эзотерического театра, воплощающегося только внутри общин единомышленников. Другой путь современного театра построен на принципах ритма в сценических действиях: он определяется в диалогах, движении актеров и декоративных эффектах. Этот путь имеет революционное значение. Театр будущего должен положить в основу его возрождения законы нового реализма, т.е. «уверенность в абсолютную ценность вещей» (стр. 215). Последнее выражение вполне соответствует идейным исканиям Чулкова тех лет, который на страницах «Золотого руна» пытался обосновывать тезисы «реалистического символизма».

Список репертуарных пьес «Студии» составил Станиславский: в качестве первых премьер были выбраны им «Ганнеле» Г. Гауптмана и Мейерхольдом «Смерть Тентажиля» М. Метерлинка, в переводе Ремизова⁶⁶. С августа 1905 года, после возвращения Мейерхольда и всей его труппы из провинции (с июля «Студия» устроилась в Мамонтовке, недалеко от города Пушкино; там же семь лет раньше, в 1898 году, перед открытием МХТ, шли репетиции его спектаклей), «Студия» стала интенсивно заниматься постановкой пьесы, применяя новые условные решения, выработанные режиссером в процессе исканий новых форм сценического искусства. Однако театральные нововведения закончились быстро: 24 октября «Студия» была объявлена закрытой⁶⁷: «Театр “Студия” прекращается ввиду революционных дней», Брюсов сообщает Чулкову 28 октября, «Но часть труппы, с В. Э. Мейерхольдом, намерена на свой страх давать спектакли» [ГС, с. 337]. В другом письме 1905 года Брюсов сообщал тому же Чулкову: «Осколки труппы театра “Студия”» в единении со мной затевают “политический театр”. Можно сделать нечто стоящее внимание»⁶⁸ [ГС, с. 340]. На этом этапе неустанная

⁶⁶ Как было сказано выше, во время летних репетиций «Смерть Тентажиля», Мейерхольд и вся труппа актеров читали переводы из «Двенадцати песен» Метерлинка, выполненные Чулковым. Особое внимание уделялось воспроизведенным в том издании рисункам Дудле. Как сообщает Фельдман, по личной просьбе Мейерхольда Брюсов принимал активное участие в репетициях пьесы (возобновившись в Москве с сентября 1905 г.), исправляя неудачные места в переводе Ремизова. Брюсов был убежден, и в этом он старался убеждать Мейерхольда, что необходимо было построение нового театра с основания, прикрывая связи с предшествующими попытками. Об его интенции он сообщил Чулкову 22 сентября: «Пригодно ли будет Вам, если я пришло, как “Письмо из Москвы”, корреспонденцию о двух наших новых театрах: “Студия” (в котором я участвую и которому сочувствую) и “Дионисово действо” (в котором не участвую и которому не сочувствую?)» [ГС, с. 335].

⁶⁷ «Нам пишут: Театр Студия не откроется; труппа распущена; причина – нынешние события, при которых театр успеха иметь не может. Артистам заплачено до поста, хотя они законтрактованы до мая; получающие небольшое жалование очутились в скверном положении; некоторые собираются обратиться в суд. Рабочим заплачено вперед только по 4 р. (!), так как они служили без контракта». См.: «Московские вести» // «Театр и искусство», 1905, № 45-46, 13 ноября, стр. 703.

⁶⁸ Брюсов намекает на самостоятельные планы Мейерхольда. Среди этих была идея создать политический, революционный театр под названием «Маяк»: «Из распавшейся труппы Студия Мейерхольда организует новую; пойдут пьесы реального, а не декадентского направления, более отвечающие современному настроению. Предполагаются между прочим к постановке “Ткачи” и др. пьесы такого же характера. По слухам в организации этого нового театра “Маяк” принимают участие также писатели Брюсов и Кречетов (“Гриф”)». См.: «Московские

находчивость Чулкова приобретает площадку для ее применения. Узнав о том, что «Студия» прекращает свое существование, и о том, что у Мейерхольда еще были надежды на воплощение его новых сценических решений, в первой половине ноября 1905 года Чулков, вместе с Вяч. Ивановым и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, поехал в Москву, чтобы уговорить Мейерхольда принять участие в его «мистических» начинаниях, находившихся в то время в уже продвинутом этапе разработки⁶⁹.

Начиная со второй половины 1905 года сближение Чулкова с Вяч. Ивановым породило учение «мистического анархизма» (программные статьи «Поэзия Вл. Соловьева» и «О мистическом анархизме» были опубликованы в то время на страницах журнала «Вопросы жизни»). Чулков был одним из постоянных посетителей вечеров на «башне» Вяч. Иванова⁷⁰, которого он тогда считал одним из ближайших идейных ему сотрудников «Вопросов жизни»⁷¹. Общение с Вяч. Ивановым на философские темы подтолкнуло Чулкова на развитие

вести» // «Театр и искусство», 1905, № 45-46, 13 ноября, стр. 703; из воспоминаний художника Н. П. Ульянова: «Иногда застаю В. Брюсова. Мейерхольд оживает, возникают новые проекты. Революционное время требует и революционного театра. Помещение есть. Почему бы не снять то, что недавно было Театром-Студией? Но деньги. Кто даст денег на революционный театр?» // В. Э. Мейерхольд, *Наследие*. Т. 3, ук. соч., стр. 748.

⁶⁹ Имеется в виду основание журнала «Огни», задуманного Чулковым, как платформу для распространения и обсуждения вопросов, связанных с «мистическим анархизмом» и, наряду с этим, основание одноименного театра. Ср.: «В это время вокруг “Факелов” шли оживленные дебаты, и ревнители “мистического анархизма” мечтали о разных начинаниях в духе учения о “последней свободе”. Мечтали мы также и о театре» [ГС, с. 216].

⁷⁰ Первый вечер на «башне», т.е. в петербургской квартире Вяч. Иванова, принято считать ночь с 14 на 15 сентября 1905 года (Ю. В. Зобнин, *Материалы*, ук. соч., 66), однако авторитетные исследователи, как Н. А. Богомоллов, предполагают, что первой «средой» можно назвать 7-ое сентября (Н. А. Богомоллов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 127). В первую «среду» (14-ое сентября) приняли участие, среди других, Чулков, Бердяев, Сологуб, Ремизовы, О. Дымов и Бальмонт. Вечера на «башне» продолжались до 1909 года, когда их функции перешли к собраниям «Общества ревнителей художественного слова», которые проводились, по инициативе Вяч. Иванова, читавшего тогда группе молодых поэтов курс лекций по древнегреческому стихотворению, в редакции недавно возникшего журнала «Аполлон». «Среды» прерывались только дважды, в конце 1906 года (в связи с болезнью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал) и осенью 1907 года (в связи с ее кончиной). Одним из наиболее памятных вечеров на «башне» стала среда 28 декабря 1905 г., когда полиция внезапно произвела официальный осмотр в квартире Ивановых и все 27 присутствующих тогда гостей были подвергнуты обыску. «Башня» Вяч. Иванова была едва ли не самым знаменитым литературным салоном той поры, воспоминания о ней прослеживаются почти у всех его участников (за исключением самого Чулкова, посвятившего воспоминаниям об этих собраниях сравнительно сжатое место в своей книге (очерк о творчестве Вяч. Иванова в «Годах странствий» на стр. 242-243); впоследствии, Надежда Григорьевна выполнила биографический долг мужа, обширно рассказывая о вечерах на «башне» и об их хозяевах в ее мемуарах).

«Башенные» собрания детально обследованы в ряде статей и публикаций, см.: А. Shishkin, «Le banquet platonicien et soufi à la “Tour” pétersbourgeoise. Berdjaev et Vjačeslav Ivanov» // «Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants», 1994, XXXV (1-2), (Un maître de sagesse au XXe siècle. Vjačeslav Ivanov et son temps), pp. 15-79; Н. А. Богомоллов, «Петербургские гафизиты» // *Серебряный век в России: Избранные страницы*, М., 1993, стр. 167-210; А. Шишкин, *История Башни Вячеслава Иванова*, Roma, 1996; Он же, «Симпозион на Петербургской Башне 1905-1906 гг.» // *Русские пиры* (Альманах «Канун», вып. 3), СПб., 1998, стр. 273-352; Он же, «Символисты на Башне» // *Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин*, М., 2012, стр. 305-339; *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, СПб., 2006; Н. А. Богомоллов, *Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники*, М., 2009.

⁷¹ Участие Чулкова в вечерах Вяч. Иванова отмечалось во многих воспоминаниях их участников. Одно из наиболее ярких описаний выполнено художником, участником объединения «Мир искусства», критиком и мемуаристом Мстиславом Валериановичем Добужинским (1875-1957), чьими графическими работами оформлены произведения Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., 1906), «Тайга. Драма в 3-х актах» (СПб., 1907), «Весною на север. Лирика» (СПб., 1908): «Собрания проходили по-семейному, за чаепитием, многие бывали с женами. После же чая, кроме стихов, часто читались доклады на одну из животрепещущих

собственной теории «мистического анархизма», подчеркивая, в своих воспоминаниях: «его концепция “неприятя мира” встретила с моим “мистическим анархизмом”» [ГС, с. 136].

Все планы и инициативы Чулкова были направлены к оживлению «нового» искусства духом революции. В связи с этим, осенью 1905 года Чулков начал организовать новое периодическое издание под названием «Огни», задуманное им, как орган для распространения и опубликования произведений разных писателей, объединенных интересами к общественно-политической тематике и революционным событиям 1905 года. Об этих интенциях Чулков написал Андрею Белому, в письме от 4 октября 1905 года: «Это последнее стихотворение <“Каторжник” – К. Р.> я прошу у Вас для сборника “Огни”, в редактировании которого я принимаю участие [...] Дали свое согласие на участие в “Огнях” Брюсов, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, Блок и мн.<огие> др.<угие>. Если Вы согласны, я предложу Ваше стихотворение моему соредктору г. Новикову»⁷². В относящемся к тому времени недатированном письме к Брюсову, Чулков намечал программу «Огней»: «представить наших “декадентов” в их отношении к дням мятежным. Сборник должен носить агитационный характер. Наши поэты-анархисты на этот раз должны беседовать с улицей и свои разрушительные и освободительные порывания применить к царизму и к буржуазному обществу»⁷³. В начале ноября, Чулков говорил с Брюсовым уже не о сборнике, а о журнале «Огни», затем во второй половине того же месяца издание переименовалось уже в «Факелы». А. В. Лавров, в упомянутой публикации переписки Чулкова с Блоком, восстанавливал хронологическое развитие событий: среди документов личного архива Чулкова, ученый обнаруживал наличие свидетельства, выданного Петербургским градоначальником Чулкову на право издания журнала «Факелы», и датированное 21 декабря 1905 года. В документе дано разъяснение задуманной программы издания: «Журнал “Факелы” задумывался по программе: 1) беллетристика, 2) художественные репродукции, 3) философия и религия, 4) хроника культурной жизни, 5) критика и библиография, 6) общественность и политика; периодичность – два раза в месяц»⁷⁴. Однако, организовать периодическое издание оказалось невозможным и Чулкову пришлось

символических тем, и тогда возникали нередко весьма горячие прения. Больше всего горячился Чулков – после Бориса Пронина (зачинателя “Бродячей собаки” и “Привала комедиантов”) и Н.<иколая> Н.<иколаевича> Евреина самый неистовый энтузиаст, каких я знал. По внешности он тогда походил на молодого апостола или Предтечу, с бородой и большой шевелюрой, что было весьма в стиле его несколько театрального пафоса. Ни один доклад не проходил без его участия в прениях – тут он бывал порой блестящим или оппонентом, или апологетом. Помню, как он неистовствовал, вещая на тему “Демоны и художники”! Чулков носился тогда с идеей “мистического анархизма”, системы, кажется, и для него самого довольно туманной, но в самом названии содержалось уже нечто многообещающее, магическое и заинтриговывающее» // М. В. Добужинский, *Воспоминания*, М., 1987, стр. 273.

⁷² *Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3*, М., 1982, стр. 230. В примечаниях к публикации данного письма указано, что И. А. Новиков ни как редактор, ни как автор журнала «Огни» (ставшего впоследствии «Факелами») не участвовал.

⁷³ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 372.

⁷⁴ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 387.

ограничиться выпуском серии альманахов. Ремизов, в «Розановых письмах», записывает начинания Чулкова под датой 20 ноября 1905 года, упоминая издание уже именно альманахов: «Затевадается журнал “Факелы”. Соединение декадентов с “Знанием”. Это все Г. И. Чулков мудрует [...] Говорил, что с той и с другой стороны должны сделать уступки»⁷⁵. В книге воспоминаний «Годы странствий», Чулков связывает закрытие журнала «Вопросы жизни» и основание сборника «Огни/Факелы»⁷⁶: «Декабрьская книжка “Вопросов жизни” была последней книжкой этого журнала. Я объединил часть сотрудников “Вопросов жизни” вокруг сборника “Факелы”. Первоначально предполагалось, что этот сборник будет называться “Огни”» [ГС, с. 388].

Одним из ближайших сотрудников был Вячеслав Иванов. В середине ноября на «башне» велись разговоры и бурные обсуждения по поводу издания «Факелы», об этом встречаются упоминания в письмах Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятиной⁷⁷. Планировалось, совместно с изданием журнала, создать и одноименный театр, во главе которого должен был находиться именно Мейерхольд. Разговоры об этих новых мистических начинаниях начали на «башне» в ночь с 23 на 24 ноября⁷⁸. Вероятнее всего, именно в это время и состоялась поездка Чулкова в Москву, с целью увлечения Мейерхольда в этих петербургских замыслах. Достоверно предположить, что встреча с Мейерхольдом состоялась в первых числах ноября: тогда же в Москву уехали и Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал. Встречаясь с Мейерхольдом, они объяснили ему замысел нового журнала «Факелы», представляя ему перспективу создания одноименного театра. Чулков вспоминает: «Приехав в Москву, я застал его в меланхолии и без определенных планов. В то время была мне свойственна уверенность в том, что на путях искусства все препятствия можно преодолеть, и я стал убеждать Мейерхольда переселиться в Петербург, где мне казалось легче найти средства и возможности для основания нового символистского театра» [ГС, с. 215]. Фельдман приводит запись Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, сделанную 28 ноября 1905 года, по возвращению из Москвы в Петербург: «В Москве не то нашли, что ожидали, а иное: 1) Мейерхольд (Студия)

⁷⁵ А. М. Ремизов, *Кухля. Розановы письма*, Нью Йорк, 1978, стр. 32-33.

⁷⁶ В конце ноября 1905 года стало уже ясно, что не было реальных возможностей продолжать издание журнала. 10 ноября 1905 года Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал уехали в Москву с целью найти фонды для финансовой поддержки журнала; 17 ноября они уже вернулись из Москвы в Петербург, хлопоты оказались напрасными (Ю. В. Зобнин, *Материалы*, ук. соч., стр. 68). Таким образом, к концу ноября судьба журнала была уже определена.

⁷⁷ См. в: Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова», ук. соч., стр. 189-190.

⁷⁸ Ю. В. Зобнин, *Материалы*, ук. соч., стр. 68. О том, что попытка Чулкова и Вяч. Иванова носила действительный характер, прослеживается в официальной печатной прессе. В январском номере «Весов» Брюсов напечатал рецензию, в которой говорилось о двух совершенных в Москве попытках создать новый театр. Наряду с этими, Брюсов называет и третью попытку, под которой подразумевались именно мистические «Факелы»: «Газеты приносят вести о третьей попытке создать “новый театр”, на этот раз в Петербурге. Будем надеяться, что его основатели поймут необходимость не нововведений, а коренного преобразования» // Аврелий <В. Я. Брюсов>, «Вехи. Искания новой сцены» // «Весы», 1906, № 1, стр. 72-75; здесь стр. 75.

заказал нам по полит. драме. Оба пишем как безумные (Мейерх. переезжает в Пет. с театром) <...> 4) Чулков устроил с Вяч. и Леон. Андреевым анархич. журнал Факелы <...>. Театр Мейерх. будет также Факелами»⁷⁹. Стоит здесь подчеркнуть, что внутри группы участников в кружке «Факелы» не было единства голосов и мнений. «Факелы» объединяли представителей разных групп и школ; то же самое подчеркивал Чулков: «Было два плана: один план – создание театра по программе Вяч. Иванова – “разрушение рампы”, театр-культ, торжество хорового начала; другой план, менее радикальный, “более внешний”, по программе, которую потом отчасти осуществил Мейерхольд в реформированном театре В. Ф. Комиссаржевской» [ГС, ст. 388-389].

В Петербурге, 28 ноября, на «башне» Вяч. Иванова встретились будущие «факельщики»: Ф. К. Сологуб, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, О. Дымов, Л. И. Галич (Габрилович), С. Л. Рафалович, художники К. А. Сомов и Е. Е. Лансере. Перед ними стояли два центральных вопроса: 1) подборка новых пьес для репертуара театра; 2) не менее важное решение о финансовой поддержке проекта.

В поисках новых пьес для театра, 26 ноября Мейерхольд и Леонид Антонович Сулержицкий⁸⁰ предприняли поездку в Ясную Поляну, к Л. Н. Толстому, дабы уговорить писателя принять участие в журнале «Факелы» и получить пьесу для планируемого театра⁸¹. Об этой поездке упоминает сам Чулков, написав в своих воспоминаниях: «Между прочим, приехавший тогда в Петербург Сулержицкий настолько увлекся нашими планами, что поехал в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому уговаривать его дать “Факелам” какое-либо свое новое произведение. Разумеется, из этого ничего не вышло, но любопытно, что Толстой, по словам Сулержицкого, очень интересовался самой идеей “мистического анархизма”» [ГС, с. 216]. Встреча с великим писателем действительно состоялась, она описана в дневниках Душана Петровича Маковицкого, врача семьи Толстых и яснополянских крестьян⁸². Беседа Мейерхольда, Сулержицкого и Толстого описана доктором Маковицким в «Яснополянских записках»⁸³: при личной встрече Мейерхольд познакомил Толстого с программой затеянного Чулковым журнала (тогда еще двухнедельник), в котором, признали, «возьмет вверх

⁷⁹ Цит. по: О. Фельдман, «Молодой театр исканий» // В. Э. Мейерхольд, *Наследие*, ук. соч., стр. 45.

⁸⁰ Л. Д. Сулержицкий (1872-1916) – театральный режиссер, художник, общественный деятель, был одним из участников, в 1912 году, возникновения 1-ой студии МХТ.

⁸¹ В черновых автобиографиях 1913 года Мейерхольд написал, что он и Сулержицкий поехали в Ясную Поляну «по поручению Г.И. Чулкова для приглашения мудрого старца к участию в журнале мистического анархизма». Цит. по: В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 1*, М., 1999, стр. 39.

⁸² Д. П. Маковицкий (1866-1921) – словацкий врач, писатель, переводчик.

⁸³ *Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904-1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 1: 1904-1905*, М., 1979, стр. 471-473.

декадентство»⁸⁴. Толстой считал, что журнал являлся слишком полемическим⁸⁵. Мейерхольд говорил о будущем театрального искусства, требующего преодоления собственных пределов: «У меня мечта – народный театр среди природы»⁸⁶, что в это раз вызвал одобрение Толстого, утверждавшего в свою очередь: «Если бы актер играл для всего народа, какие перемены, какое развитие в его игре получили бы! Держать во власти в течение трех часов тысячу людей! Как бы теперь можно было влиять драмой на тот нравственный, общественный переворот, который происходит!»⁸⁷. Концепция о драме, как богослужении, была сходна у Мейерхольда и у Толстого; несмотря на это, великий романист все-таки не согласился написать пьесу для предстоящих «Факелов», и попытка закончилась неудачно.

В то же время, Л. Д. Зиновьева-Аннибал и Вяч. Иванов также были озабочены обеспечением театра новыми пьесами. Из писем к М. М. Замятиной известно, что в конце ноября Л. Д. Зиновьева-Аннибал была «занята своей драмой теперь дико», работав над мистериальной драмой «Великий Колокол»⁸⁸; с другой стороны, 20 декабря, хозяин «башни» закончил работу над дифирамбом «Факелы», который впоследствии был опубликован в первом выпуске альманаха⁸⁹. Чулков, со своей стороны, для «Факелов» сумел добиться написания одной из более ярких примеров сущности этого нового театра, пьесы «Балаганчик» Александра Блока. Рассчитывая на публикации в «Факелах», Чулков попросил Блока продолжить написанное им стихотворение «Балаганчик» в июле 1905 года⁹⁰: «В конце 1905 года я предложил Александру Александровичу разработать в драматическую сцену тему одного стихотворения. Я просил у него эту вещь для альманаха “Факелы”, который я в то время подготавливал к печати. Блок согласился»⁹¹. В письме от 20 января 1906 года Чулков сообщил Блоку: «Если Вы успеете доставить рукопись арлекинады дней через пять-шесть, Вс. Эм. Мейерхольд сумеет поставить эти сцены одновременно с музыкальным вечером 8-10 февраля. Даже те три сцены, о которых Вы мечтали, дадут драгоценный материал для “Факелов” – театра и сборника»⁹². Предполагалось, что пьеса будет поставлена Мейерхольдом

⁸⁴ *Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1*, ук. соч., стр. 471.

⁸⁵ «Иван Иванович [Горбунов] берет на себя непосильную работу. Я очень не одобряю журнала. Как же писать к сроку, к пятнице? На что это нужно? Досуг, спокойствие, отсутствие волнующих тебя обстоятельств – все это необходимо писателю; при журнальной же работе – наоборот» // Там же. (Фельдман выясняет, что в записках Маковицкий называет журнал Чулкова именем журнала Ивана Ивановича Горбунова-Посадова «Посредник» // В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 3*, ук. соч., стр. 243). Толстой отрицал существование «свобод слова, печати и т.д.», утверждая, что единственная возможная свобода – та «основанная на боге, на сознании его, служении ему» (там же).

⁸⁶ Там же, стр. 472.

⁸⁷ Там же, стр. 472-473.

⁸⁸ Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова», ук. соч., стр. 192-193.

⁸⁹ В. И. Иванов, «Факелы» // *Факелы: Альманах. Кн. 1*, СПб., 1906, стр. 5-9.

⁹⁰ Впервые в: А. А. Блок, *Нечаянная радость*, М., 1907.

⁹¹ Г. И. Чулков, «Из истории Балаганчика» // «Культура театра», 1921, № 7-8, стр. 21.

⁹² *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 397.

в театре «Факелы». Как можно судить из следующего письма Блока к Андрею Белому от 3 января 1906 года, поначалу предложение Чулкова не слишком увлекло Блока:

Только что вернулся с большого собрания, где *Факелы* и *Жупелы* обсуждали свои театры. Там я молчал, как всегда молчу, но выяснилось, что мне придется читать на литературном вечере в пользу театра и писать пьесу, «развивая стихотворение *Балаганчика*». Все это строительство таких высоко культурных людей, как Вяч. Иванов, и высоко предприимчивых, как Георгий Чулков и Мейерхольд, начинает мутить меня. Чувствую уже, что хотят выскоблить что-то из меня операционным ножиком⁹³.

Спустя некоторое время, в середине января, пьеса все-таки была готова. 21 января Блок написал Чулкову: «Надеюсь, что успею написать балаган, даже раньше, чем Вы думаете. Вчера много придумалось и написано. Как только кончу, дам Вам знать» [ГС, с. 368]; через два дня: «Балаганчик кончен, только не совсем отделан. Сейчас еще займусь им» [ГС, с. 368]. Окончательная версия «Балаганчика» была опубликована в первом альманахе «Факелы»⁹⁴, скомплектованном и вышедшем в свете под руководством Чулкова весной 1906 года⁹⁵.

Наряду с составлением репертуара для нового мистического театра, оставался нерешенным вопрос о финансировании этого предприятия, что сильно беспокоило Вяч. Иванова. Еще к концу ноября на «башне» обсуждалась возможность соединения «Факелы» с сатирическим журналом «Жупел»⁹⁶: оба издания были намерены создать собственный

⁹³ А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. Письма 1898-1921*, М.-Л., 1963, стр. 146.

⁹⁴ А. А. Блок, «Балаганчик. Лирическая сцена» // *Факелы: Альманах. Кн. 1*, СПб., 1906, стр. 197-211.

⁹⁵ Постановка пьесы «Балаганчик» должна была осуществиться в театре «Факелы» в феврале месяца. 26 или 27 января 1906 года Белый написал Блоку: «Саша, мне очень хотелось бы быть на первом представлении “Балаганчика”, очень хотелось бы. Напиши точно числа, когда он пойдет» (А. Белый, А. А. Блок, *Переписка 1903-1919*, М., 2001, стр. 273-274). Из ответа Блока на это письмо понятно, что дело о постановке сложилось неблагоприятно: «Ты спрашиваешь о представлении “Балаганчика”. Его теперь не будет. Чулков, по обыкновению, все это рассказывал преждевременно, а теперь оказывается, что и “Факелы” осуществляются не раньше осени (почти наверно). Но все-таки я опять чувствую симпатию к Чулкову – он милый и смешной, хотя и бывает неприятен» (А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8*, ук. соч., стр. 148). Политические события, по большой вероятности, отрицательно сказывались на реализации нового театра и в конце месяца было ясно, что театр «Факелы» открыт не будет; к тому же, в те же дни Мейерхольд уехал в Нижний Новгород, а затем в Тифлис. Режиссер вернулся в Петербург только осенью 1906 года, тогда он был приглашен В. Ф. Комиссаржевской в качестве режиссера-постановщика ее собственного драматического театра. Возобновились работы над постановкой «Балаганчика», в декабре Мейерхольд и вся его труппа приступали к репетициям (музыку предоставил М. А. Кузьмин). Чулков принимал непосредственное участие в постановке пьесы, 10 декабря вел беседу о «Балаганчике»: «еще до начала репетиции я читал актерам пояснительное слово к “Балаганчику”» [ГС, с. 222], в котором он пытался разъяснить актерам замысел автора и значение главных образов. Премьера «Балаганчика» состоялась 30 декабря 1906 года. На следующий день Чулков написал Надежде Григорьевне свои собственные впечатления: «“Балаганчик” прошел со “скандальчиком”: и хлопали, и свистели. Был Ходский. [...] Блок выходил кланяться с глупенькой улыбкой. Ужасно был смешной и трогательно прижимал к сердцу крошечный букетик, брошенный женской рукой. После спектакля мы с Блоком почему-то целовались. Кто-то наверху свистел в свисток, угрюмо и упорно» [ПП, п. 56]. Для Чулкова, постановка «Балаганчика» Мейерхольда была «вершиною творчества Мейерхольда, его наилучшим и характернейшим достижением» [ГС, с. 221] и «один из значительных этапов в истории русского искусства» [ГС, с. 222]. Впоследствии Мейерхольд, который считал Чулкова одним из «выдающихся драматургов», принадлежащим, однако, к группе декадентов (см.: В. Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы. В 2 ч.*, М., 1968. Ч. 1. 1891-1917, стр. 186), посвятил именно ему эту постановку «Балаганчика» (В. Э. Мейерхольд, *Статьи*, ук. соч., Ч. 1, стр. 232). Об этом говорит сам Чулков: «В. Э. Мейерхольд не случайно в описании спектакля посвятил эту постановку мне» [ГС, с. 222].

⁹⁶ «Жупел» - еженедельный сатирический журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1905-1906 гг. под редакторством З. И. Гржебин. В журнале участвовали писатели: М. Горький, А. И. Куприн, И. А. Бунин, К. Д.

политический театр и пригласить в качестве режиссера Мейерхольда. Идея создания политического театра интересовала также Максима Горького и его гражданскую жену, Марию Федоровну Андрееву⁹⁷. 28 ноября на «башне» состоялась первая встреча «факельщиков» с сотрудниками «Жупела»: «Вяч<еслав> пытался никого не обидеть и производил “Факелы” от трех родоначальников: Декадентов, “Знания” и “Мира искусства”. Идея анархического журнала и его *profession de foi* составлена ловко Чулковым на почве идей “Кризиса Индивидуализма”»⁹⁸.

4 декабря Чулков побывал у Ивановых для заключения договора по поводу его сотрудничества с «Факелами»: Вяч. Иванов и Мейерхольд получили театральный отдел альманаха и тем самым руководство создаваемого одноименного театра; Вяч. Иванов, совместно с Леонидом Евгеньевичем Габриловичем (Галич)⁹⁹, получил редакторство философского отдела; Чулков, при условии ближайшего участия Вяч. Иванова, возглавит беллетристический отдел¹⁰⁰. Проект «Факелов» был разъяснен Л. Галич на страницах газеты «Театр и искусство»:

Образовался – пока еще номинально – художественный кружок «Факелы». Сюда вошли: В. И. Иванов, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, А. М. Ремизов, С. Л. Рафаилович, Ф. К. Сологуб, Г. И. Чулков, Н. А. Тэффи, Андрей Белый, К. А. Сюннерберг, автор настоящей статьи и др. Из художников примкнули к кружку: К. А. Сомов, Б. И. Билибин, М. Добужинский, И. Грабарь и многие другие.

Группа молодых актеров, во главе с В. Э. Мейерхольдом становится, по-видимому, зерном образующейся труппы «Факелов».

Несомненные симпатии к начинанию обнаруживает, как это ни неожиданно – и писательский кружок «Знания» в лице своих главных руководителей Максима Горького, Леонида Андреева и поэта И. Н. Бунина (уже печатавшегося, впрочем, в «Скорпионе»).

В члены-учредители «факелов» заочно избран также Н. М. Минский, не приславший еще своего согласия.

Если между кружком «Факелов» в узком смысле этого слова и между представителями «Знания» состоится – как это можно предвидеть – слияние, то задачи «Факелов» станут шире: они обнимут все художественные искания, направленные к возрождению театра. Сформируется литературное общество, богатое культурой и мыслями, образуется столь нужная атмосфера для развития роста и талантов¹⁰¹.

9 декабря Чулков и Вяч. Иванов были на закрытом заседании «Союза писателей», а затем отправились на совещание «Факелов». По итогам этого совещания определилось социал-демократическое направление политического отдела («“Факелы” будут, увы, немножко слишком, кажется, строго С.Д.-ский журнал, в *пол<итическом> отделе* это очень

Бальмонт, С. Гусев-Оренбургский, художники: М. В. Добужинский, В. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере, В. А. Серов и др. Вышли три номера, сатирические карикатуры были направлены против самодержавия и царизма. Вскоре журнал был запрещен, конфискован полицией и Гржебин был приговорен к шести месяцам заключения.

⁹⁷ М. Ф. Андреева (1868-1953) – актриса, политический и общественный деятель.

⁹⁸ Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 137.

⁹⁹ Л. Е. Галич (наст. фам. Габрилович; 1878-1953) – критик, публицист, философ.

¹⁰⁰ Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 137-138.

¹⁰¹ Л. Галич, «Дионисово соборное действо и мистический театр “Факелы” (окончание)» // «Театр и искусство», 1906, № 9, 26 февраля, стр. 139.

неизбежно, ибо другой научн<ой> партии нет»¹⁰² – написала М. М. Замятиной 9 декабря), а в публицистическом и художественном отделах преобладало анархическое настроение¹⁰³. 16 декабря Блок написал Чулкову: «Идея театра, совсем такого, как надо, показалась неосуществимой. Теперь я бы сам не мог осуществить того, что хочу, не готов; но театр, который осуществится, более внешний, я думаю, пока, конечно, нужен и может быть прекрасным» [ГС, с. 367].

Вскоре в Петербурге появился и сам Мейерхольд. 21 декабря 1905 года режиссер переехал в северную столицу и остановился у Чулковых: «в самом деле Мейерхольд перекочевал в Петербург и даже поселился в моей квартире» [ГС, с. 215]. К тому времени было уже известно, что «денег у “Факелов” не стало и все обращается в дилетантскую попытку выпустить 1-й No, на что нет у нас охоты. А Мейерхольд так без денег и без прак<ического> ума, т<ак> что театр рискован»¹⁰⁴, так написала Л. Д. Зиновьевой-Аннибал М. М. Замятиной 26 декабря.

Ночь с 31 декабря на 1 января Мейерхольд провел у Ивановых, перед ними стояла задача обсудить проект нового театра и предстоящую встречу «факельщиков» с сотрудниками журнала «Жупел», на которой должен был присутствовать и сам Максим Горький. Прочитируем фрагмент использованного Ю. Е. Галаниной в ее статье письма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятиной, датированного 1 января: «[...] Наши трое мужчин Чулк<ов>, Вяч<еслав> и Мейерх<ольд> все время толковали в кабинете о важном событии! – собрания “Жупела” и “Факелов”, т.е. Максима Горького и нас для разъяснения наших идей театральных и попытки к сближению без уступок с нашей стороны. Ведь “Жупел” открывает нам театр: – я писала кажется. Это “Знание” и значит деньги!»¹⁰⁵. 3 января собрание действительно состоялось, на нем присутствовали сотрудники альманаха и театра «Факелы», журнала «Жупел» с участием Максима Горького и М. Ф. Андреевой. Со стороны «факельщиков» говорили Вяч. Иванов (о действии), Чулков (о мистическом анархизме и о новом театре) и Мейерхольд (о создании нового театра и о трудностях с репертуаром). После них говорил М. Горький:

Когда он говорил, казалось, что окружающие его литераторы («Знание») утомляют его душу, которую влечет новый мир. Он был необыкновенно нежен к своим новым знакомым («Факелы»), и когда ему задали вопрос, кого же из «тех» привлечь ко второму собранию непременно, он назвал Куприна и только. Между прочим, сильно врезались в память такие его слова: «В скудной России и существует только искусство, мы здесь ее «правительство», мы слишком преуменьшаем свое значение, мы должны

¹⁰² Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 142.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова», ук. соч., стр. 196.

властно господствовать, и наш театр должен быть осуществлен в огромном масштабе. Это должен быть театр-клуб, который мог бы объединить все литературные фракции¹⁰⁶.

Из процитированного отрывка, взятого из письма Мейерхольда к Брюсову от 6 января 1906 года, прослеживается достаточно положительное состояние дел на этом этапе; то же самое нельзя говорить спустя всего лишь несколько дней. 5 января происходило очередное собрание «факельщиков», в это раз у Чулковых: тогда было решено возобновить деятельность для сбора средств на организацию театра «Факелы». Планировались три вечера: 1) публичная лекция Вяч. Иванова о театре; 2) литературно-музыкальный вечер, устроителями которого являлись члены кружка современной музыки; 3) поэтический вечер. Об организации этих вечеров и о планах нового театра также встречается упоминание в письме режиссера, актера и соратника во многих театральных начинаниях Мейерхольда Бориса Константиновича Пронина, находившегося в то время вместе с ним в Петербурге. В начале января он писал В. П. Веригиной:

Прилагаю при этом вырезку из «Нашей жизни» от 1-го января о «Факелах». Вообще, если хотите быть в курсе Факельных дел, читайте «Нашу жизнь» и вообще петербургские газеты. Скоро должен состояться первый вечер новых поэтов с участием самих авторов и артистов нашей труппы. Мы дадим ряд вечеров для фонда журнала и театра «Факелы». Скоро пойдет «Тентажилъ» – тоже для фонда – скоро должен быть театр. В данный момент идут переговоры с М. Ф. Андреевой и Алексеем Максимовичем, которые приехали тоже устраивать театр в СПб.

Очевидно, мы соединимся. Очевидно, Вы скоро получите телеграмму о выезде сюда...¹⁰⁷

Очередная встреча «факельщиков» состоялась 13 января; на следующий день должна была состояться поездка всей группы в Финляндию к Горькому, для дальнейших переговоров. Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал, однако, не смогли поехать, и к Горькому съездили только Чулков и Мейерхольд. Поездка в Иматру во многом определила судьбу «Факелов» – она описана в воспоминаниях Чулкова «Годы странствий» и является едва ли не единственным конкретным упоминанием в его мемуарной прозе обо всех этих событиях вокруг создания нового театра в духе «последней свободы» (лозунг «мистического анархизма»). Приводим целиком рассказ Чулкова об этой поездке:

В этих поисках случались с нами иногда комические приключения. Так, например, я до сих пор не могу вспомнить без улыбки нашу поездку в Финляндию к одному знаменитому писателю, у которого жена была актриса. Мы хотели завербовать ее в нашу будущую труппу и надеялась, что она благодаря связям поможет нам организовать желанный нам театр.

Знаменитый писатель и его жена встретили нас чрезвычайно радушно. Они жили в большом отеле довольно далеко от станций железной дороги. После обеда мы пошли с Мейерхольдом в наш номер, и тут разыгрался смешной инцидент. Всеволод Эмильевич, обладавший немалыми способностями комика, стал рассказывать что-то очень нелепое и забавное. Мы смеялись, как мальчишки. Дверь в коридор была открыта. И когда Мейерхольд, уткнувшись носом в мой жилет, захлебывался от смеха, неожиданно на

¹⁰⁶ В. Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч.*, ук. соч., Ч. 1., стр. 92.

¹⁰⁷ Цит. по: В. Э. Мейерхольд, *Наследие. Т. 3*, ук. соч., стр. 731. Заметки, взятые из петербургских газет, собраны и представлены в уже процитированной статье Ю. Е. Галаниной, так что резонно отсылать напрямую к ним. На основании всех этих материалов мы излагали факты о новом театре, в котором Чулков принимал непосредственное участие.

пороге нашей комнаты появился знаменитый писатель. Не знаю почему, мы как-то сразу перестали смеяться и тотчас же почувствовали, что мнительный писатель отнес наше веселое настроение на свой счет. Он сухо позвал нас пить чай, и когда мы через полчаса снова уселись за общий стол, радушие наших любезных хозяев куда-то исчезло. Мы поняли, что наше дело проиграно, и не знали, как поскорее убраться из этого злополучного отеля с его обидчивыми обитателями.

Много раз Всеволод Эмильевич рассказывал в приятельской компании об этом эпизоде – и так забавно, что слушатели буквально корчились от смеха [ГС, с. 216-217].

После этого эпизода, имя Горького больше не упоминалось в связи с «Факелами» (к тому же, он в то время надолго уехал в США). В середине января судьба затеянного Чулковым и Вяч. Ивановым предприятия была уже определена: проект театра так и остался неосуществленным, скорее всего из-за финансовых затруднений. Чулков тем самым отметил: «наши с Мейерхольдом попытки найти средства для устройства театра “Факелы” остались тщетными» [ГС, с. 216]. 27 января 1906 года Мейерхольд уехал из Петербурга в провинцию на гастроли, 31 января он уже находился в Нижнем Новгороде и в середине февраля в Тифлисе¹⁰⁸. На страницах второго номера журнала «Золотое руно» за 1906 год была напечатана статья О. Дымова о состоянии петербургских театров, в которой упоминался и театр «Факелы»: «В театральных кругах говорят о театре “Факелы”. Это как бы петербургская “Студия”, так неудачно кончившая в Москве. Во главе “Факелов” г. Мейерхольд. Но осуществление проекта отложено до будущего года»¹⁰⁹. В тех же тонах говорилось в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятиной: «“Факелов” окончательно не будет в этом году. Театр будет, может быть, и грандиозный (Дягилев загорелся его внешней, архитектурно-художественной стороны и хочет его *строить*), но с февраля 19<07> года»¹¹⁰.

Чулков, в своих воспоминаниях, подводя итоги об этих петербургских начинаниях, писал: «Мои добрые отношения с В. Э. Мейерхольдом в ту пору не были секретом для петербуржцев. В журнале “Вопросы жизни” напечатаны были мои статейки о репертуаре и театральных принципах мейерхольдовской студии, гастролировавшей по провинции. Немудрено, что когда я в моих многочисленных газетных рецензиях трубил о реформе театра, все читатели связывали мои заявления с именем Мейерхольда» [ГС, с. 217]¹¹¹.

¹⁰⁸ В. Э. Мейерхольд, *Переписка: 1896-1939*, М., 1976. В письме от 31 января 1906 года к жене он ей рассказал: «Потом Петербург. После всего, чем я жил там, душа моя как сосуд, полный живительной влаги. Теперь я задыхаюсь от полноты. Влага плещет через край. Я боюсь ее растерять, но вижу, что организм спешит впитать ее в себя. И если все впитает, как это будет великолепно» (стр. 61).

¹⁰⁹ Цит. по: Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова», укр. соч., стр. 204.

¹¹⁰ Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, укр. соч., стр. 162.

¹¹¹ Наряду с проектом о «Факелах», Чулков продолжал работать как театральный рецензент, в разных периодических изданиях. Он, сторонник «левой» фракции, «сражался» с другим рецензентом, А. Ф. Кугелем, редактором журнала «Театр и искусство». По его словам, они оба держали лидерскую позицию в литературной панораме: «На первых представлениях рецензенты бегали от Кугеля ко мне и обратно, стараясь узнать наши мнения. Потом эти “эклектики” стряпали для газет нечто среднее» [ГС, с. 217]. В своих рецензиях Чулков смело говорил о репертуарном хаосе, слагая хвалебные слова лишь для игры Комиссаржевской; когда, осенью 1906 года, опыты Комиссаржевской и Мейерхольда сошлись в театре на Офицерской, то в этом соединении Чулков

2.6.4 Революция 1905 года – восприятие бывшего революционера

Перед тем, как приступить к анализу биографии Чулкова второй половины его «петербургского» периода, следует обратить внимание еще на один аспект, тесно связанный с его революционным прошлым и с «мучительным и страшным *сегодня*». Это – отношение и восприятие Чулкова первой русской революции 1905-1907 гг. Это событие истории России нашедшее яркое отражение в его воспоминаниях, прослеживается красной нитью во всех страницах его мемуаров. Особенно приметен тот факт, что на фоне революционных событий произошло сближение Чулкова и Блока: «Революция 1905 года, как факелом, осветила сумерки нашей тогдашней революции. И все для кого революция была не только внешний, социальный и политический факт, но и нечто большее, некоторое внутреннее событие, искали встреч друг с другом – даже одинокие люди, как Александр Блок»¹¹².

Чулков переживал с особенной остротой и напряженностью события 1905 года: в ночь с 8 на 9 января он находился, вместе с другими литераторами, в редакции газеты «Сын отечества»: «Петербургские интеллигенты без различия направлений сбились здесь в одну кучу, бледнея от ужаса при мысли, что вот сейчас, через несколько часов, безоружная стотысячная масса рабочих двинется к царскому дворцу. Все понимали, что начинается долгожданная революция, но как странно и как-то совсем по-иному – не так, как о том мечтали деятели наших революционных партий» [ГС, с. 68].

Вечером 9 января Чулков зашел в Вольно-экономическое общество, где должны были собираться писатели. Тогда был объявлен траур, и решено было закрыть все зрелища; ему было поручено сорвать спектакль в Александринском театре. Чулков приводит детальное изложение фактов в воспоминаниях «Годы странствий»:

Там, на собрании, в помещении Вольно-экономического общества, казалось очень легким прервать спектакль, но когда я вошел в вестибюль казенного здания, я вдруг сообразил, что это дело довольно сложное и рискованное. Я предложил моему спутнику такой план. Мы ожидаем начала очередного акта (кажется, второго), и во время действия один из нас поднимается и говорит, что в знак народного траура мы требуем прекращения спектакля. Так и сделали. Должен признаться, что я никогда так не волновался перед публичным выступлением, как на сей раз.

«А вдруг ничего не выйдет! – думал я. – А вдруг меня тотчас же схватят капельдинеры, и я не успею сказать того, что надо».

Пробравшись на свое место, я с досадой заметал, что мой сосед по креслу офицер. Менять место было поздно. Поднялся занавес. На сцене какие-то два жирных актера, чревно смеясь, изображали персонажей Островского. После двух-трех реплик я поднялся с места и заговорил о расстрелянных рабочих.

– В знак траура мы требуем закрытия спектакля.

На другом конце амфитеатра заговорил мой спутник.

первоначально увидел воплощение настоящей, новой театральной формы. Вскоре этот новый театр Мейерхольда казался ему слишком экспериментальным и декадентским, и «сознавал, что доля ответственности за этот опасный опыт с новым театром лежит на мне» [ГС, с. 220].

¹¹² Г. И. Чулков, «Память Александра Блока» // Он же, *Наши спутники*, М., 1922, стр. 80-89; здесь стр. 87.

Но уже слов его не было слышно. Публика опрометью бросилась из зала. Актеры перестали играть. Спектакль был сорван, и я вышел в коридор беспрепятственно. Мимо меня пробежал пристав, крича:

– Где агитатор? Где агитатор?

Никто не указал на меня, и я благополучно выбрался из театра. [ГС, с. 72-73]

Этот эпизод приблизительно одинокого изложен в воспоминаниях Надежды Григорьевны: «Было мрачно и чутко. Вечером я пошла в Вольно-экономическое общество. Здесь я видела М. Горького, говорившего с балконах на хорах огромного зала; вслед за ним сиплым голосом говорил Гапон. Г. И. было поручено совместно с каким-то общественным деятелем сорвать спектакль в Александринском театре. Это им удалось сделать безнаказанно» [Воспоминания Чулковой, л. 53].

После январских кровавых событий и появления статьи «Поэзия Владимира Соловьева» на страницах журнала «Вопросы жизни», Чулков продолжал свои размышления о революции и историческом процессе, будучи твердо убежден, что революцию необходимо принимать полностью. Именно в те дни началась слагаться, в его миропонимании, одегетика «мистического анархизма», ставшая вскоре центральным событием трехлетия 1906-1909 гг.

Глава 2.7

Годы «учения» 1906-1909 гг.: альманахи «Факелы» и «мистический анархизм»

Переезд в Петербург обозначил для Чулкова совершенно новую фазу в его биографии, охарактеризованную тем, что он оказался в плену редакторских дел, идейных споров и, по его собственному выражению, «суетной литературы»: «этот второй плен, более горький, чем тюрьмы и ссылки, продолжался целые пять лет, примерно, с 1904 по 1909 года»¹ [ГС, с. 239]. В данной главе мы рассмотрим вторую часть «петербургского» периода биографии Чулкова, охватывающую 1906-1909 гг. На протяжении этого времени Чулков, целеустремленно взявшийся за борьбу с декадентством и крайним индивидуализмом, выступил на стороне петербургского крыла символистов, признавших духовным лидером Вяч. Иванова. События этих годов знаменательны еще тем, что появление на культурной сцене теории «мистического анархизма», которую Чулков начал пропагандировать еще в 1905 году, сопровождалось вихрем острых литературных споров и сражений, продолжавшихся целые три года. Несмотря на жесткие выпады против него, в своих воспоминаниях Чулков признался: «Насмешливая и злобная журнальная полемика со мной, почти ежедневные газетные выпады и даже травля меня некоторыми недавними моими литературными товарищами несколько не умаляли моей тогдашней популярности» [ГС, с. 82].

Для восстановления основных биографических событий этого периода, книга воспоминаний «Годы странствий» остается, как и в прежних случаях, одной из составляющих документальной базы. Чулков посвящает этому особенному периоду его жизни две главы, «Факелы» и, отчасти, «Годы странствий». Особенно значимой следует признать главу «Факелы», выступающую подобно признанию постфактум в причинах, которые вызвали вокруг «мистического анархизма» резкие нападки и травлю на страницах российской и зарубежной прессы. Наряду с воспоминаниями самого Чулкова, необходимо учитывать воспоминания Надежды Григорьевны, описывающей события тех лет приблизительно в одних и тех же с мужем тонах. Между образами, чувствами и впечатлениями, связанными с совместным прошлым, расположены обстоятельные главы, адресованные памяти Леонида

¹ Интересно подчеркнуть, что в 1906 году Чулков был намерен озаглавить одну из своих стихотворных книг именно «Из плена», об этом есть упоминание в письме Сологуба от 15 июля 1906 года: «Я был очень рад, когда прочел, что Вашу книгу стихов Вы назвали *Из плена*» [ГС, с. 156]. Неизвестно, какую книгу стихов Сологуб имеет здесь в виду, в архивных источниках подобных замечаний не встречалось.

Андреева, Вячеслава Иванова, Александра Блока, Евгения Иванова и Федора Сологуба². Мемуары Надежды Григорьевны наполнены не только фактами и эпизодами из личной и супружеской жизни, а еще дополнены сохранившимися письмами (как в случае с Е. П. Ивановым – в корпус воспоминаний вошли четыре его послания), неизданными стихотворениями и т.д. С другой точки зрения, автобиографические источники, хранящиеся в личных архивах Чулкова, представляют собой сопровождающий биографический материал, подтверждающий из одного варианта в другой ту правду, изложенную в более общеизвестной литературе (имеется в виду «Годы странствий»).

Стоит подчеркнуть здесь значимость семейной переписки для этой части биографии писателя. Несмотря на то, что количество сохранившихся писем не очень большое³, все-таки эти послания представляются нам особенно интересными, поскольку благодаря им становится возможным осветить некоторые эпизоды из жизни Чулкова, о которых до сих пор мало известно или имеются только поверхностные сведения. Имеется в виду, например, поездка в Киев, совершенная писателем в июле 1909 года: об этом кратковременном путешествии было до сих пор отмечено только в письме Александру Блоку от 4 июля 1909 года⁴. Впоследствии, описание впечатлений и представлений о посещенных местах в Киеве также обнаруживается на страницах его воспоминаний. Тогда Чулков рисует картину уже знакомого ему города под влиянием повторного пребывания там, по возвращении в Москву из Швейцарии в 1915 году⁵.

² Как было уже упомянуто, глава «Вячеслав Иванов» из воспоминаний Надежды Григорьевны является едва ли не единственным конкретно изложенным очерком о Вяч. Иванове, оставленным в наследии супругами. Это, несомненно, недодумываемо, учитывая тесные отношения, связывавшие Вяч. Иванова и Чулкова; достаточно еще вспомнить миф об «ученичестве», созданным Чулковым во время разгара полемики о «мистическом анархизме»: «Г. И. Чулков делает мне честь рекомендовать меня на стр[аницах] *Mercure de France*, провозглашая не только как “*poète de talent*”, но и как своего учителя (“*mon ami et maître*”). Это честь мне представляется опасной, и я, что редко бывает со мной, берусь за перо из чувства самосохранения. В самом деле, до сих пор я чувствовал литературную ответственность только за свои собственные мысли и свои собственные слова. Но учительство обязывает, и я должен быть готов к ответу, чему я научил Г.И. Чулкова и право ли наставлял его». Цит. по: Г. В. Обатнин, «Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о “мистическом анархизме”», «Лица. Биографический альманах», 1993, № 3, стр. 466-477; здесь стр. 470.

³ Это особенно верно со стороны Надежды Григорьевны, от ее имени сохранились всего две телеграммы, относящиеся к 1907 году (в то время она поехала в Загорье навестить больную жену Вяч. Иванова) и три письма, датированных 1909 года.

⁴ См.: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, М., 1978, стр. 412 и соответствующие примечания к этому письму.

⁵ На протяжении нескольких лет Чулков неоднократно побывал в Киеве. Благодаря семейной переписке известно, что в 1913 году писатель, запланировав тур по городам территории Российской империи (Смоленск, Витебск, Орша, Двинск, Вильнюс, Каунас, Минск, Полтава) с прочтением им лекций, намеревался останавливаться, в том числе, в Екатеринославе и в Киеве, однако, по бюрократическим причинам, ему это не удалось совершить: «Киев и Екатеринослав нельзя было подготовить так скоро, как надеялись господа импресарио: администрация отказалась дать разрешение на ближайшее дни» [ПП, п. 205]]. Прочитать лекцию в Киеве он сумел, по всей вероятности, только в следующем 1914 году, когда он вторично устроил прохождения курса лекций. Изучая другую переписку, между Чулковым и его возлюбленной Людмилой Лебедевой, становится известным, что он ездил в Киев еще и в 1928 году на небольшой срок: «Киев таким же, как был раньше, и трудно поверить, что здесь были девятнадцать правительств, которые жили, грабили, убывали и насиловали. На Крещатике вечером огромная южная толпа потоком несется по широком тротуаром совершенно бескорыстно, очевидно, декламируя <слово дается предположительно – К. Р.>, чего не увидишь ни в Москве, ни в Питере» [письмо от 2 июля 1928 г.] // Автограф, РГБ, ф. 371, к. 8, ед. хр. 11. 15 мая 1930 года Чулков отправил Лебедевой своего рода письмо-

Следует отметить, что, во всех примерах сохранившихся «киевских заметок», Чулков уделил особенное внимание живописи Врубеля, производившей на него самое сильное впечатление: о ней он вспоминает в одинаковых терминах, предпочитая особенно использование двух определенных слов, «монументальность» и «гениальность». Кроме описания поездки в Киев, в семейной переписке прослеживаются часто повторяющиеся высказывания о финансовом положении семьи, которое, в то время, было неустойчивое, в связи с неудачами на литературном поприще: в ту пору трудная экономическая ситуация становится именно одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов в переписке супругов. Помимо этого, в переписке Чулкова с женой имеются многочисленные сведения, касающиеся устройства произведений автора в разные периодические издания.

Неизданная переписка Чулкова с Вяч. Ивановым и опубликованные восемнадцать писем Л. Н. Андреева к Чулкову послужили дополнительными источниками для составления биографии писателя. Особенно ценным в нашем случае представляет собой изучение писем Чулкова к Вяч. Иванову. В своих мемуарах, Чулков ошибочно датирует первую поездку в Италию, относя ее к 1907-му году: «В первый раз я поехал в Италию в 1907 году» [ГС, с. 241]. Далее, Чулков продолжает рассказывать об этом путешествии, он восторгается тем, что они с женой посетили Рим вместе «с таким гидом, как Вяч. Иванов», и что это приносило «воистину великое наслаждение». То, что позволяет нам говорить о смутном припоминании даты первой поездки в Италию это именно письма Чулкова к Вячеславу Вяч. Иванову: все они датированы 1910-м годом. Вяч. Иванов действительно сопровождал супругов в прогулке по вечному городу: с августа по октябрь 1910 года он находился во Флоренции и Риме и, в первой половине октября, когда дни пребывания в Италии были уже сочтены, Чулков и Вяч. Иванов переписывались, договариваясь о личной встрече в Риме. Кроме писем, существует еще

бедкера, в котором он детально изложил все места Киева, которые, по его мнению, необходимо ей посетить: «Разрешите посоветовать Вам воспользоваться пребыванием в Киеве и посмотреть там исключительные и необычайные сокровища, каких нет более нигде. Обыватели потащат Вас во Владимирский собор, но едва ли Вы будете очарованы приторной и дешевой живописью Васнецова и лирической грустью Нестерова. В этом соборе хороши только орнаменты Врубеля, коего даже имени нет в списке художников, украшавших этот собор. Орнаменты Врубеля находятся в боковых пределах. Но вы должны непременно поехать на трамвае в Кирилловскую церковь (при больнице для душевнобольных). Там Вы наслаждаетесь творчеством молодого Врубеля – гения, хотя и нецерковного и, значит, не вполне монументального, но все же гения. Извольте в Кирилловской церкви посмотреть: 1) четыре иконостасных образа – Богоматери, Христа, св. Афанасия и св. Кирилла (это написано во вкусе итальянцев-венецианцев XV века); 2) «Надгробный плач» в аркосолии паперти (это самое гениальное, что сделано Врубелем в духе византийских фресок. N.B. Древние фрески среднего качества имеются в алтаре той же церкви); 3) «Сошествие св. Духа» - это огромная стенопись на коробовом своде хоров – надо забраться по ветхой лестнице, очень узенькой (будьте осторожны!); 4) таи же на хорах в крестильном два ангела с лабарями, а под «Сошествием» – голова пророка Моисея. Это все самое гениальное в живописи XIX века (1884 г.). Затем извольте непременно пойти в древний Софийский собор: там Вы найдете совершенно изумительные мозаики древние. Обратите внимание на серебристо-белого ангела – наверху под сводом. Главные сокровища в алтаре. Я не знаю, пускают ли теперь туда женщины. Кажется, пускают. Кажется, Софийский собор, как храм, закрыт. Вот эти мозаики – монументальны. Это и есть истинное цельное органическое искусство, оставленное на крепкой вере» // Автограф, РГБ, ф. 371, к. 8, ед. хр. 12.

несколько доводов для подтверждения этого тезиса: во-первых, усложнившееся семейное финансовое положение Чулковых вряд ли позволило супругам отправиться дважды в такой путь за такой небольшой срок времени; во-вторых, как раз именно в то время Чулков был занят подготовкой второго выпуска альманаха «Факелы»; в-третьих, в 1907 году заболела жена Вяч. Иванова Л. Д. Зиновьева-Аннибал, и супруги все лето прожили провели в имении Загорье, до ее внезапной кончины, произошедшей в октябре 1907 года; в четвертых, Л. Д. Зиновьева-Аннибал уже не упоминается в изученных письмах, а, наоборот, встречается уже имя падчерицы Вяч. Иванова, Веры Константиновны Шварсалон; и наконец, в том же году полемика вокруг «мистического анархизма» находилась в самом ее разгаре, а между тем 16 июля 1907 года была опубликована, на страницах французского журнала «Mercure de France», известная всем участникам-символистам статья Е. П. Семенова, положившая начало окончательного отдаления Александра Блока от мистическо-анархического движения⁶.

Восемнадцать писем Леонида Николаевича Андреева (1905-1907 гг.) были опубликованы отдельным изданием в 1924 году⁷. Подготовка этих писем к публикации, составление предисловия и примечаний к ним, а также сопровождающих воспоминаний принадлежат самому Чулкову. Автографы и машинописная копия этих писем хранятся в личном фонде Чулкова в московском РГАЛИ⁸. Эти письма представляют собой значительное историко-литературное и биографическое свидетельство, передавая дополнительной информацией об организации журнала/альманаха «Факелы», одним из ближайших сотрудников которого являлся именно Андреев⁹. Однако, употребление этих писем, наряду с

⁶ Помимо проблемы с датировкой, необходимо все-таки подчеркнуть значимость этой первой поездки Чулкова в Италию, поскольку она сыграла фундаментальную роль в приближении его миросозерцания к философским учениям о всеединстве Вл. Соловьева. Бродя по итальянским городам, Чулков приобрел познание «единство мировой культуры»: «Особенно обогатила меня Италия» [ГС, с. 240]; «По каким-то признакам и приметам читал я в камнях базилик, в красках стенописи, в миниатюрах древних книг, в самих пейзажах Италии и в простонародном говоре римлян, флорентийцев или венецианцев – великое повествование об единстве мировой культуры [...] Вот этому знанию об единстве мировой культуры я обязан отчасти Италии» [ГС, с. 243-244]. В автобиографии, датированной 1918 года, писатель включает поездку в Италию именно среди тех примечательных событий, которые способствовали развитию и определению его мировоззренческих взглядов после революционного подъема 1905 года: «Мою поездку в Италию в 1910 году и жизнь в Париже в 1911 году я считаю такими вехами на путях моей жизни, которые как бы означали моей новый внутренний опыт. Я по-новому взглянул на мир, на Россию и на прошлую свою деятельность» [Автобиография 1918]. По всей вероятности, итальянские и французские впечатления подтолкнули Чулкова на размышление над вопросами отечественной истории, в результате которых он начал придерживаться, с 1916 года, позиции «мистического национализма», подчеркивая в этой теории особенную, мессианскую роль России в контексте возникновения Первой мировой войны. Об этом речь пойдет в следующей главе.

⁷ *Письма Леонида Андреева* [предисл. и послесл. Г. И. Чулкова], Л., 1924, 48 с.

⁸ РГАЛИ, ф. 548, оп. 3, ед. хр. 6, количество листов 40 п., 49 л.

⁹ Особенно тесные отношения между семьей Чулковых и Андреевым завязались в 1907 году. Из воспоминаний Надежды Григорьевны известно, что тогда Андреев (недавно переживший смерть любимой жены) влюбился в старшую сестру Чулкова Любовь Ивановну. Познакомившись с ней, Андреев постоянно бывал у них в гостях: «Иногда он приглашал нас к себе на обед в Куоккалу, где жил с матерью, сестрой и братьями, гостившими у него летом. [...] Мы много гуляли, катались на лодке в Черной речке, вместе обедали и засиживались до позднего вечера. Он делился с нами своими планами его литературных работ, его замыслами о новых книгах и мечтами о

другими первоисточниками, становится, на данный момент, затруднительным, потому что в том виде, в каком они доступны в выше процитированном издании, они напечатаны без датировки. В предисловии к публикации Чулков относит их к эпохе издания «Факелы», т.е. 1906-1907 гг.; в путеводителе по фондам архива поставлены крайние даты: [1905-1907]. Судя по их содержанию, письма без труда можно отнести к назначенному периоду, но тем не менее нельзя с абсолютной уверенностью говорить об их точной хронологической последовательности. Мы решили все-таки воспользоваться ими для настоящей работы, сконцентрировавшись только на содержательной стороне этих посланий. В наших дальнейших планах намечается сравнение опубликованных писем с их оригиналами, хранящимися в архиве.

2.7.1 Альманахи «Факелы» и участие в других периодических изданиях

С самого начала и на протяжении всего его существования, журнал «Вопросы жизни» четко позиционировал себя по отношению к общественной ситуации: его задача состояла в рассмотрении политических, экономических и культурных вопросов сквозь призму религиозного сознания. Политические выступления, появившиеся на его страницах не один раз продемонстрировали явный революционный характер, в знак протеста против царизма во время русско-японской войны, или в случае принятых правительством жестоких мер к урегулированию народных волнений, происходивших ночью 9-ого января¹⁰. Раздел «Внутреннее обозрение» журнала несколько раз был запрещен цензурой – об этом свидетельствует сам Чулков в своих воспоминаниях¹¹ – «В сущности журнал приветствовал революцию, и это было совершенно ясно» [ГС, с. 68]. После кровавого начала года, сообщает Чулков, журнал стал выходить свободно и, по постановлению Союза печати, без предварительного цензурного просмотра. По этому поводу Чулков вспоминает об одном эпизоде из редакторской жизни, когда, в мае 1905 года, во время одного из журфиксов журнала, полиция, «растерявшаяся и бессильная, устраивала бестолковые налеты, совершенно

будущей даче в Финляндии» (цит. по: Н. С. Скороход, *Леонид Андреев*, М., 2013, стр. 233). Потребовалось совсем немного времени, чтобы влюбленный Андреев признался в любви к ней, умоляя ее бросить мужа (тогда она была замужем за известным психиатром Федором Рыбаковым) ради их совместного счастья. Любовь Ивановна, однако, отказалась от подобного поступка, так как она была не готова пожертвовать своей семьей. Портрет Леонида Андреева в воспоминаниях Надежды Григорьевны опубликован в: «Надежда Чулкова. Портрет Леонида Андреева. 1906-1908 гг.» [подг. текста, публ. и комм. Фредерик Х. Уайта] // «Солнечное сплетение», 2003, № 5-6 (24-25), стр. 332-340.

¹⁰ И. В. Корецкая, ««Новый путь». «Вопросы жизни»» // *Литературный процесс и русская журналистика*, ук. соч., стр. 228-233.

¹¹ «Первая книжка нашего журнала вышла с анонсом: “«Внутреннее обозрение» Г. Н. Штильмана и ‘Хроника внутренней жизни’ Г. Ч-ова, посвященные рабочему движению последних дней, не могли быть напечатаны в январском номере журнала ‘Вопросы жизни’ по не зависящим от редакции обстоятельствам» [ГС, с. 67].

беспольные во всех смыслах» [ГС, с. 75]. Полицейский налет во время заседания журнала¹² имел большой общественный резонанс в литературной среде той поры. В письме от 19 мая 1905 года Блок спросил Чулкова: «Когда выходит апрельская книжка В. Ж.? Е. П. Иванов написал мне о возмутительных событиях в редакции, беспокоюсь о Вас» [ГС, с. 362].

В конце 1905 года для всей редакционной коллегии «Вопросов жизни» стало уже ясно, что не было материальных возможностей продолжить издание журнала. Еще в ноябре Чулков и Вяч. Иванов съездили в Москву в поисках финансовой поддержки, но попытка оказалась тщетной¹³. Последним выпуском петербургского журнала был декабрьский номер: «В это время ближайшие сотрудники “Вопросов жизни” решили закрыть журнал. И я, хотя мое положение после закрытия журнала делалось очень трудным, согласился с тем, что продолжать журнал невозможно» [ГС, с. 80]. Чулков относит причину закрытия журнала к надвигающимся грозным историческим событиям, что, безусловно, сыграло немаловажную роль в процессе завершения деятельности журнала: «Мы все могли бы в иных исторических условиях продлить наш союз, но в 1905 году, в дни катастрофические, стало очевидным, что вместе нам не ужиться, и мы разошлись без ссоры и без гнева» [ГС, с. 81]. Наряду с этим, в своих воспоминаниях Чулков приписывает и самого себя к числу явлений, вызывающих закрытие журнала, называя себя его «разрушителем» [ГС, с. 73]. Это было связано с появлением на культурной сцене, начиная со второй половины 1905 года, теории «мистического анархизма»¹⁴, сумбурность доводов которой определила весьма отрицательное восприятие критикой. На самом деле, кроме влияния общественных событий, самый существенный вес оказали именно вопросы, связанные с финансовым обеспечением журнала, подтолкнувшие, в конце концов, его издателей к решению об окончательном его закрытии.

Будучи ближайшим сотрудником издания и возглавив критическим отделом журнала («Вопросам жизни» удалось, в отличие от предшественника «Нового пути», усилить беллетристический и поэтический отделы) Чулков обеспечил себе привилегированную позицию «неприкосновенности», в том смысле, что, несмотря на высказанные им тогда мистико-анархические идеи, во время существования журнала его имя осталось почти нетронутым, и никакого открытого конфликта не возникло в результате выдвинутой им

¹² Это случилось в тот день, когда В. В. Зелинской читал доклад о прекрасной Елене. Об этом эпизоде см. в воспоминаниях Чулкова, стр. 75-77.

¹³ См. уже процитированное письмо Александра Блока к матери от 29 августа 1905 года: «Тут-то, в запахе Достоевского, и узнал я сбивчиво, что “В. Ж.”, м. б., и совсем прекратятся, что у Жук. нет денег и что идеалисты очень против меня. [...] Чулков по-прежнему меня очень признает и строит планы (с Бердяевым) о новом журнале и т. п. Но уже он не будет заведывать беллетристикой в “В. Ж.”, которые протянут еще до Нового года» // А. А. Блок, *Письма к родным*, М., 2015, стр. 116.

¹⁴ Имеется в виду опубликование, на страницах «Вопросов жизни», статьи «Поэзия Владимира Соловьева»; как было сказано выше, сразу после ее появления последовали негативные отклики С. Н. Булгакова (поместившего формальный ответ внутри собственной рубрики «Без плана») и С. М. Соловьева.

идейной программы: «Пока в моих руках был критический отдел “Вопросов жизни”, никто еще не решался нападать на меня открыто» [ГС, с. 74-75]. Но, с закрытием журнала в начале 1906 года его положение кардинально изменилось: лишившись стратегической крепости и оказавшись без каких-либо покровительств, ему приходилось с большим трудом устраивать свои литературные и житейские дела:

Когда закрылись «Вопросы жизни», я почувствовал, что почва колеблется у меня под ногами. Всецело занятый журналом и «с головой ушедший» в тогдашние идейные споры, я по рассеянности забыл устроить себе сносную житейскую обстановку и как-нибудь наладить более или менее прочный быт. Лишившись скромного редакторского жалования, я оказался без крова и без пищи [ГС, с. 81].

Начиная с этого момента, в переписке все чаще и чаще прослеживаются высказывания Чулкова относительно семейного финансового положения. В начале 1906 года Чулков жил в Петербурге, искал способ налаживания личной и творческой жизни; в то же время Надежда Григорьевна находилась в Москве, по всей вероятности останавливалась у сестры Чулкова, Анны Ивановны, которая вышла замуж за Евгения Карловича Гренцион¹⁵ и тогда находилась в интересном положении. Это событие описывают, на самом деле, только два послания: первое, датированное 4-ым января, в котором Чулков интересуется о состоянии здоровья его сестры: «Как здоровье Нюрки и ребенка?» [ПП, п. 55], а второе, написанное уже 31 декабря, когда Надежда Григорьевна вторично съездила в Москву, предположительно в связи с рождением ребенка: «Пиши подробнее, Бога ради, как и что с Нюркой. Здоров ли ребенок?» [ПП, п. 56]. Судя по содержанию процитированного письма, Чулков также намеревался выезжать в Москву и навестить сестру в середине января 1907 года¹⁶.

Часто повторяющиеся фразы о финансовых трудностях – «Беспокоюсь по поводу квартиры: не знаю, как заплатить. Скажи Зайцеву, чтобы он торопил проклятое “Золотое Руно”» [ПП, п. 55]; «Денег я истратил безумно много, а хожу оборванцем. До сих пор я не

¹⁵ По данным, взятым из доступных нам справочников «Вся Москва», имя Евгения Карловича Гренциона встречается в изданиях: 1909 г., 1911—1916 гг. и 1925—1930 гг. В изданиях до 1925 года, Гренцион отмечен соответственно как работник [изд. 1909, стр. 109], бухгалтер [изд. 1911, стр. 156], секретарь [изд. 1914, 1915, 1916, стр. 182, 139, 130], экономист и заведующий канцелярии [изд. 1913, стр. 150] Московской Глазной Больницы, а с 1913 года (тогда же ему было присвоено гражданское звание титулярного советника) он фигурирует еще как член правления и казначейства гимназического общества «Сокол IV». Только в изданиях 1925—1930 гг. он зарегистрирован как работник газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» [изд. 1925—1928, стр. 388, 432, 301, 285], а в 1929 и 1930 годах как работник издательства «Правда» [стр. 300 и 311].

¹⁶ О том, осуществилась ли запланированная Чулковым поездка в Москву, не имеется подтверждения. Эдгар Евгеньевич Гренцион (1906-1957) – первый и единственный сын Анны Ивановны Чулковой, советский актер (он снимался в роли шведского короля Карла XII в фильме Петрова «Петр Первый» по сценарию А. Н. Толстого). Мальчик вырос в семье Владислава Ходасевича, с которым Анна Ивановна сошлась после развода с первым мужем и кратковременных отношений с братом В. Я. Брюсова, археологом Александром Яковлевичем Брюсовым. Имя Эдгара («Гаррик», как его звали в семейных кругах) часто встречается в мемуарной прозе Ходасевича, в голодные годы он был озабочен именно его благополучием. В 1917 году племянница Ходасевича, Валентина Михайловна, написала портрет десятилетнего Эдгара, изображенного в панаме и летней полосатой майке на фоне облачного неба. См.: В. А. Дудаков, «Мои учителя [пред. А. Кан]» // «Наше наследие», 1990, V (17), стр. 16-27.

нанимал комнаты, потому что все ждал каждый день, что получу аванс под второй том и буду иметь право предложить тебе ехать в Петербург. Тогда ты все устроила бы по своему вкусу. А вышло все не так. Я успел задолжать, но, вероятно, во вторник сумею расплатиться со всеми и у меня останется на комнату рублей сорок» [ПП, п. 69]; «Никто не виноват, что жизнь не ладится. Нанимать комнату я не мог, потому что не знал, намерена ли ты жить в Петербурге. А теперь не нанимаю, потому что нет денег» [ПП, п. 70]; «Дело в том, что, уплатив за комнату 55 руб.<лей> и истратив деньги на перевозку книг, я остался без гроша, и, если ты *сейчас* приедешь, я буду волноваться и бегать искать деньги» [ПП, п. 71] – чередуются с рассказами Чулкова о попытках устроить собственные произведения в разные периодические издания. Строгий и порой педантичный корреспондент, Чулков тщательно докладывал жене обо всех положительных и менее позитивных результатах; подобное детальное изложение (отметим, что одинаковая манера повествования встречается и в его воспоминаниях, и в автобиографическом материале) позволяет нам восстановить более развернуто ход событий этих лет. В первую очередь, мы обращаем наше внимание на участие Чулкова в разных редакторских делах.

Начало 1906 года стало для писателя своего рода испытательным периодом: в связи с закрытием «Вопросов жизни», Чулков одновременно остался без источника постоянного заработка и потерял ранее достигнутую благополучную позицию. Ему с трудом удавалось устроиться сотрудником в другие периодические издания, поскольку, опубликовав на страницах журнала «все, что хочу, не считаясь с иными вкусами и предубеждениями» [ГС, с. 81], он зарабатывал себе репутацию «агитатора», полемизирующего со всеми и повсюду пронзающего сарказмом. Кроме того, все его знали, как одного из руководителей «Вопросов жизни», издание, занимавшее весьма видное положение на культурной сцене страны, и с которым конфликтовали, так или иначе, почти все журналы. Далее к этому времени, Чулков уже начал пропагандировать собственную теорию «мистического анархизма», но эта новая концепция едва ли не сразу спровоцировала острые реплики по отношению к ней и, соответственно, по отношению к его основоположнику. Здесь необходимо еще раз упомянуть биографические факты 1905-1906 гг., и на этот раз обратить наибольшее внимание на другую цепь событий, связанную преимущественно с организацией нового издания «Факелы»¹⁷. Как было уже отмечено, период конца 1905 – начала 1906 гг., т.е. тогда, когда судьба «Вопросов жизни» была почти неизбежно определена, ознаменовался в биографии Чулкова бурной

¹⁷ В предыдущей главе мы проанализировали ту страницу биографии Чулкова, касающуюся в особенности теоретических постановок и реальных действий, направленных к основанию нового театра; на данном этапе биографии мы сконцентрируемся именно на «издательской» стороне этого периода, т.е. издание серий альманахов «Факелы», поскольку она определила главную деятельность Чулкова того времени.

деятельностью: сблизившись с Вяч. Ивановым¹⁸, Чулков попытался основать, вместе с ним, новый театр мистической драмы, вовлекая в эти начинания и Всеволода Мейерхольда (ср. немалые усилия, приложенные к основанию театра «Факелы»).

Наряду с этим, не менее интенсивно велись переговоры для организации нового периодического издания: осенью 1905 года Чулков задумал издавать сборник, который он предполагал назвать «Огни» – об этом упоминается в письме Брюсова от 22 сентября 1905 года: «Но участвовать в сборнике, о котором Вы пишете, я все-таки был бы очень рад и с настоящим удовольствием дал бы для него что-либо оригинальное или переводное. Хотел бы узнать о целях и намерениях книги»¹⁹ [ГС, с. 334]. Спустя всего лишь некоторое время, Чулков заговорил уже не о сборнике, а о журнале «Огни», а, в ноябре, речь шла о журнале под названием «Факелы», который планировался параллельно с организацией одноименного театра. 2 декабря Л. Д. Зиновьева-Аннибал написала М. М. Замятиной: «[...] образовался новый журнал с ближ^айшим участием Леон^ида Андреева: “Факелы”. О редакции и участии Вячеслава еще не говорю, ибо идут большие препирательства и борьба на этой почве»²⁰. Издание журнала «Факелы» являлось совместным проектом Чулкова и Вяч. Иванова: в уже процитированных нами письмах (приведенных в предыдущей главе) содержатся существенные доказательства того, что участие Вячеслава Иванова в этом предприятии было фундаментальным с точки зрения и составления идейной программы, и обретения финансовых средств для его реализации²¹. В том же ноябре 1905 года, на «башне» обсуждался вопрос о возможном соединении «Факелов» с сатирическим журналом «Жупел». Состоялось несколько встреч с представителями этого издания²², однако уже в середине декабря стало ясно, что издание «Факелов» подвергалось большими сомнениями, вызванными затруднительным положением из-за недостаточных денежных средств: «[...] вчера Вяч.

¹⁸ На фоне общения с Вяч. Ивановым возникло учение о «мистическом анархизме»: выдвинутые идеи Чулкова о «последней свободе» и «утверждении личности в абсолютном начале» были созвучны с произнесенными тогда словами Вяч. Иванова о «неприятии мира», «кризисе индивидуализма» и «соборности».

¹⁹ В примечаниях к этому письму Брюсова Чулков уточнил литературный состав задуманного им сборника: «В неосуществившемся сборнике “Огни” должны были участвовать: Валерий Брюсов, Бор. Зайцев, Вяч. Иванов, Ив. Новиков, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб и др. Об этом сборнике было объявление в девятом номере “Вопросов жизни”» [ГС, с. 353-354].

²⁰ Цит. по: Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, М., 2009, стр. 137.

²¹ Оба писателя были намерены основать одновременно собственный театр, пригласить в качестве режиссера Мейерхольда и позвать художников мир-искусников для оформления спектаклей. См.: Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова» // *Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века*, СПб., 2006, стр. 190.

²² Подробнее см.: Ю. Е. Галанина, «В. Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова», ук. соч.; Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч.

вернулся в 3 часа с собрания Факельщиков с известиями такими, что денег у “Факелов” не стало и все обращается в дилетантскую попытку выпустить 1-й No, на что нет у нас охоты”²³.

На одном из собраний с представителями «Жупела», состоявшемся в начале января 1906 года, присутствовали Максим Горький и его жена Марина Андреева, заинтересованные идеей о создании политического театра. Благодаря письму И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой от 28 января 1906 года известно, что «На этом м<истическом> ан<архизме> построено <так!> целый ряд “Факелов” – журнал, театр, издательство. Но “Факелы” не загорятся – нет денег»²⁴, а из чернового варианта того же письма: «Но у них нет денег для осуществления Факелов. Просили они у Горького, он обещал, но не дал. [Если бы у них были деньги, то они издали бы журнал и альманах “Факелы” и основали бы театр “Факелы” с Меерхольдом <так!> во главе»²⁵. Данное письмо позволяет сделать два вывода. Во-первых, к концу января 1906 года было уже ясно, что осуществить задуманного плана об издании журнала «Факелы» являлось невозможным. Во-вторых, к этому времени, наряду с изданием журнала, уже открыто говорилось о подготовке альманахов. Несмотря на то, что 21-го декабря 1905 года Чулкову было выдано свидетельство об издании журнала «Факелы»²⁶, очевидно, что организовать периодическое издание не удалось и пришлось ограничиться альманахом.

В автобиографической и мемуарной литературе Чулкова об организации «факельных» начинаний обнаружено действительно мало «хронологических» деталей²⁷. Единственный материал, в котором более или менее развернуто обсуждаются дела о составлении альманаха, это опубликованные письма Леонида Андреева к Чулкову. В предисловии к этому изданию Чулков написал по поводу пришедших на смену журнала альманахов «Факелы»:

Задуманы эти сборники были еще осенью 1905 г. Это была эпоха весьма знаменательная в истории русской литературы. Журнал «Вопросы жизни» прекратил свое существование, и группа писателей, работающих в нем, распалась. «Факелы» дали приют некоторым из сотрудников «Вопросов жизни». Были приглашены и новые люди, не имевшие связи с журналом, в том числе и Л. Н. Андреев. Я назвал эту эпоху знаменательной потому, что воистину это был наш Sturm und Drang. Первая русская революция нашла себе отзвук в тогдашней поэзии и отчасти в философии. Социальная волна, поднявшая на своем гребне Советы Рабочих Депутатов, оказала свое влияние на все стороны культуры. Поэты не остались равнодушными к бунтующей стихии. Они по-своему выразили дух мятежа и восстания²⁸.

²³ Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятиной от 26 декабря 1905 года. Цит. по: Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 142.

²⁴ Там же, стр. 159.

²⁵ Там же.

²⁶ Содержание этого свидетельства, в котором представлена издательская программа журнала «Факелы», приведено в предыдущей главе. Цит. по: А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком» // *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, М., 1987*, стр. 372.

²⁷ Это связано с тем, что Чулков уделяет основное внимание преимущественно теории «мистического анархизма» и ее восприятию окружающей среды. Чулков рассматривает альманахи «Факелы», как своего рода печатный орган «мистического анархизма».

²⁸ Г. И. Чулков, *Письма Леонида Андреева*, ук. соч., стр. 7-8. До сих пор не существует отдельного исследования, посвященного истории и содержанию альманахов «Факелы»; подробнее о них можно прочитать в уже

Участие Леонида Андреева в организации журнала «Факелы» рассматривалось как необходимое условие для успешной реализации задуманных планов: его имя могло бы привлечь внимание товарищества «Знание». По той же причине было решено включить в первый номер произведения Ивана Бунина. Судя по содержанию первых писем, Андреев относился благосклонно к «факельным» настроениям, предлагая «для суждения Вашего <Чулкова – К. Р.> и товарищей по Факелам, писателей и художников»²⁹ новую сочиненную им пьесу «Жизнь человека». Но то, что представляет наибольший интерес в этих сохранившихся письмах ради биографии Чулкова и восстановления его творческой деятельности – это наличие сведений, свидетельствующих об изменениях в организационных планах «Факелов»³⁰. По всей вероятности, Чулков поставил в известность Андреева о том, каким образом предполагалось издать журнал «Факелы», кто мог быть его главными сотрудниками и т.д. Первоначально писатель приветствовал довольно отрицательно реализацию журнальной серии. 6 декабря 1905 года³¹ Андреев написал Чулкову о том, что: «Я понял, в какое противоречие с самим собою встал я, принявший участие в журнале с *определенной* философско-общественной окраской. Даже анархическая программа – все же программа, а я всегда хотел, и особенно хочу теперь, стоять вне каких бы то ни было программ. Я хочу быть свободен, как художник, а программа связывает, и это мне ненавистно»³². Однако некоторое время спустя в недатированном письме (написанном, предполагается, в январе или феврале) когда в то время речь шла уже не о журнале, а об альманахах, Андреев уже с восторгом отзывался на этот раз об издании «Факелов», приобретших вид серийных альманахов:

Сборник, подобный «Факелам» – это вспышка молнии, взрыв бомбы, это цветение цветка-однодневки. Нечто мгновенное, округленно-законченное, в своем начале уже заключающее конец. Журнал же – организм. И как всякий организм, он цветет – потом стареется и становится противным. Из сборников можно создать веселую, яркую и революционную толпу – журнал же, как отвратительный Мафусаил, бесконечно тянет одну и ту же канитель. Тупой, неподвижный, уныло взлетающий вверх, как стена из кирпичей, он неизбежно строит для себя самого тюрьму и задыхается в ней, отпраздновав юбилей. Зачем Вам понадобился журнал? Издавайте Факелы – Факелы – Факелы³³.

процитированном издании Н. А. Богомолова, *Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: документальные хроники*, ук. соч., и в публикации А. В. Лаврова «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч.

²⁹ Г. И. Чулков, *Письма Леонида Андреева*, ук. соч., стр. 12.

³⁰ На данный момент неизвестно в каком архиве Андреева хранятся ответные реплики Чулкова. В перспективе развития этой работы предполагается восстановление хронологической связи состоявшейся переписки между Андреевым и Чулковым.

³¹ В издании все письма приведены без датировки; все-таки предполагается, что письма были расставлены Чулковым в хронологическом порядке. Используемые нами фрагменты публикуемых писем датируются предположительно, в соотношении их содержания с хронологическим развитием событий.

³² Г. И. Чулков, *Письма Леонида Андреева*, ук. соч., стр. 14.

³³ Там же, стр. 18.

Альманахи «Факелы» был задуманы Чулковым, как официальное издание для опубликования и распространения произведений писателей, которые равнодушно относились к общественно-политической тематике и революционным событиям эпохи. В своих воспоминаниях Чулков описывает обстановку, в которой они возникли: «[...] в Петербурге вокруг “Нового пути”, а потом “Вопросов жизни” и “Факелов” собрались более проницательные люди, уразумевшие смысл событий и свое место в мире. Эти люди прислушивались чутко к грядущей буре. Они понимали, что кто-то “поет и насвистывает” и что это “прелюдия ко дню восстания из мертвых”, как говорит некто в “эпilogе” Ибсена» [ГС, с. 84]. Первый выпуск «Факелов» появился в апреле 1906 года³⁴. В письме от 30 марта, Л. Д. Зиновьева-Аннибал рассказывает М. М. Замятиной о последней проходившей на «башне» среде и извещает о следующем: «Прерывала для Чулкова: принес “Факелы”! Прелестная книжка. Вышло пока всего 400 экз. Бумаги не хватило. Отправляют все в провинцию. Только после Пасхи выяснится разрешение цензуры...»³⁵. В «предисловии» альманаха были обозначены руководящие им принципы³⁶:

Стоустый вопль – «так жить нельзя!» – находит созвучие в сердцах поэтов, и этот мятеж своеобразно преломляется в индивидуальной душе. «Факелы» должны раскрыть – по нашему плану – ту желанную внутреннюю тревогу, которая так характерна для современности.

Мы не стремимся к единогласию: лишь одно сближает нас – непримиримое отношение к власти над человеком внешних обязательных норм. Мы полагаем смысл жизни в искании человечеством последней свободы. Мы поднимаем наш факел во имя утверждения личности и во имя свободного союза людей, основанного на любви к будущему преображенному миру³⁷.

Первый выпуск был разделен на две части. Первая – предназначенная для публикации стихотворений разных писателей (среди которых можно отметить Вяч. Иванов, Сологуб, Брюсов, Блок, Белый, сам Чулков); вторая содержащая рассказы и сказки, среди которых особенно примечательными считались рассказ «Так было»³⁸ Леонида Андреева и пьеса

³⁴ Еще 21-22 марта Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщила М. М. Замятиной в письме: «Ушел Сомов, сегодня торжественно заявил в присутствии Чулкова по поводу обложки “Факелов”, что оранжевый цвет он хочет сохранить для моего портрета осенью. Вяч<есла>в вернулся вчера в два ночи с корректурами, которые и так правил и день до 4-х, и совершенно прекрасной обложкой “Факелов” Лансере: на темном пурпуре матовым серебром дивные огни факелов и венки». Цит. по: Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 176.

³⁵ Там же, стр. 177.

³⁶ Можно предположить с немалой вероятностью, что текст предисловия принадлежит руке перу самого Чулкова. Со стилистической точки зрения, риторический пафос декламации руководящих принципов «факельщиков» звучит почти одинаково с выявленными положениями «мистического анархизма», изложенными в теоретической статье Чулкова. Ср., например, текст предисловия с приведенными цитатами из брошюры «О мистическом анархизме» (в скобках указаны страницы соответствующего издания брошюры 1906 года): «[...] учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним *внешних* обязательных норм – государственных и социальных» (стр. 27), «[...] учение о путях последнего освобождения, которое заключает в себе *последнее утверждение личности* в начале абсолютном» (стр. 40), «[...] не к безразличному хаосу приведет борьба за анархический идеал, а к *преображенному* миру» (стр. 67), «[...] найти путей для воссоединения вечных начал свободы и любви» (стр. 16).

³⁷ *Факелы: Альманах. Книга первая*, СПб., 1906, 214 с., предисловие.

³⁸ О том, как Чулков и Андреев взаимодействовали для опубликования рассказа можно читать в уже процитированных письмах Андреева к Чулкову. См., например: «[...] есть у меня две темы для двух рассказов,

Александра Блока «Балаганчик»³⁹. На общий взгляд, содержание альманаха получилось действительно многообразное, Чулкову удалось собрать в нем крупную часть самых видных представителей «нового искусства»⁴⁰, в одном ряду со второстепенными писателями. В мемуарах он определяет сущность и механизмы его возникновения следующим образом: «Этот литературный эклектизм должен был, по моей мысли, подчеркнуть, что “Факелы” представляют вовсе не какую-нибудь новую поэтическую школу, а объединяют ревнителей разных школ на одной идейной теме. “Факелы” должны были ознаменовать не литературный, а идейный и психологический кризис. Такова была задача. Но не все это поняли» [ГС, с. 87]. Написав «не все это поняли», Чулков имеет в виду скептическое восприятие его высказываний, вызывавшее сразу же отрицательную реплику со стороны критики, в первую очередь со стороны Валерия Брюсова. В майском номере журнала «Весы» была опубликована одна из первых печатных рецензий на альманах, принадлежавшая именно Брюсову⁴¹; в ней

какую Вы для себя выберете? Одна – “Иуда Искариотский” – совершенно свободная фантазия на тему о предательстве, добре и зле, Христе и проч.; другая – “Две сестры” – нечто бессюжетное, на тему о злых и добрых людях, о войне, о бедности и богатстве, о любви к России. Что будет лучше, не знаю – интересно и то и другое; какую тему Вы изберете, ту и буду писать раньше. Более своевременна – вторая; более факельна – первая» (стр. 13); «Рассказ “Так было”, как уже сказано, я отдаю Вам, но точно времени напечатания назначить не могу: необходимо, чтобы рассказ сперва вышел за границей. На днях надеюсь этот вопрос выяснить и тогда сообщу Вам» (стр. 16); «Посылаю в трех частях “Так было”: бандероль и два заказных письма. Печатайте на здоровье» (стр. 23); «Что с рукописью? Как послать Вам новую, чтобы не пропала? Счастье еще, что у меня оказался второй экземпляр, но если пропадет и он? Посылаю ценной посылкой – для письма слишком тяжело» (стр. 24).

³⁹ *Факелы: Альманах. Книга первая*, ук. соч. Содержание: Предисловие; Вяч. И. Иванов, «Факелы: Дифирамб» (стр. 5-10); Ф. К. Сологуб, «Стихи» (стр. 13-19); Г. И. Чулков, «Стихи» (стр. 20-25); В. Я. Брюсов, «Стихи» (стр. 26-28); К. Эрберг, «Рок» (стр. 30); А. А. Блок, «Осенняя воля» (стр. 31-32); А. Белый, «Стихи» (стр. 33-36); С. М. Городецкий, «Стихи» (стр. 37-42); Allegro <П. С. Соловьева>, «Стихи» (стр. 43-44); И. А. Бунин, «Стихи» (стр. 45-48); С. Л. Рафалович, «Стихи» (стр. 49-50); Вяч. И. Иванов, «Стихи» (стр. 51-54); Л. Н. Андреев, «Так было» (стр. 65-102); Ф. К. Сологуб, «Нетопленные печи: Сказочка» (стр. 103-104); К. Эрберг, «Порядок» (стр. 105-107); С. Н. Сергеев-Ценский, «Проталина» (стр. 108-147); О. Дымов, «Бунтовщики» (стр. 148-166); А. М. Ремизов, «Серебряные ложки» (стр. 167-177); Л. Д. Зиновьева-Аннибал, «Нет» (стр. 178-195); А. А. Блок «Балаганчик: Лирическая сцена» (стр. 197-211).

⁴⁰ Среди них, например, отмечают имена Валерия Брюсова и Андрея Белого. Участие Брюсова и Белого в этом издании кажется, теперь, немного противоречащим, в связи с тем, что Брюсов и Белый были среди тех, кто наиболее яростно выступал против Чулкова во время разгоревшейся полемики о «мистическом анархизме». Однако, оба писателя дали первоначально свое согласие на участие в задуманном Чулковым сборнике: см. уже процитированное письмо Чулкова к Белому от 4 октября 1905 года: «Это последнее стихотворение я прошу у Вас для сборника “Огни”, в редактировании которого я принимаю участие». Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, М., 1982, стр. 230 и два недатированных письма Брюсова Чулкову, написанные, скорее всего, в ноябре 1905 года: «Для “Огней” вышлю Вам сегодня же два стихотворения, которые, кажется мне, соответствуют цели сборника. Это – из числа уже совсем обработанных. Если успею, позднее присоединю еще одно» [ГС, с. 389] и «Позвольте мне рассчитывать, что я буду считаться сотрудником “Огней”, если они осуществляются. Их краткое исповедание веры мне очень по душе» [ГС, с. 390].

⁴¹ Аврелий <В. Я. Брюсов>, «Вехи. IV. Факелы» // «Весы, 1906, № 5, стр. 54-58. Брюсов написал Чулкову 19 июня: «В “Факелах” помещены создания искусство или нет? Если создания искусства, то там не место таким оскорбляющим художественный вкус вещам, как рассказ Сергея-Ценского, как болтовня Лидии Дмитриевны <Зиновьевой-Аннибал>, как явные пародии Андрея Белого и многое иное. А если “Факелы” только прикрываются флагом искусства, намерены под видом художественных произведений вести проповедь революции, в них не место “декадентам”, которые прежде всего отстаивали и будут отстаивать свободу творчества. Вяч<слав> Ив<анович> пишет мне, что в “Ф<акелах>” совершается устремление декадентства от уединения к соборности. Устремление это желанно, но позор, если оно пойдет по пути потакания вкусам “толпы”. А именно это последнее есть в “Ф<акелах>”» // Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1*, ук. соч., стр. 495. Брюсов также написал Блоку 24 апреля: «Все остальное в “Факелах” (в том числе стихи мои и

Брюсов определил «Факелы», как «новое течение в литературе, до известной степени новая “литературная школа”»⁴² и упрекал их редакторов (имея в виду, в большей степени, именно Чулков) в том, что они искусственно, лишь теоретически основали новую литературную школу, призывая их участников к объединению на основе принципа «неприятие мира» и не во имя общего единомыслия. Этот подход вовсе не соответствует, по мнению Брюсова, принципам «искусства», а является лишь отказом от самой его сущности. Программа «Факелов», по его словам, не только «неопределенна», «нежизнеспособна» и «невыполнима», но еще и «одноцветна», «однотонна», в полном противоречии с тем, что, вначале, «Факелы» были представлены, как объединение разных писателей, не стремившихся к единогласию: «Из излишней заботы быть особенно передовыми, ультра-прогрессивными, “факельщики” оказались в искусстве просто крайними реакционерами»⁴³. В своих воспоминаниях Чулков отзывался об этой рецензии Брюсова: «[...] Брюсов, сам сотрудник “Факелов”, разразился против них бранью в своем журнале “Весы”, стараясь истолковать мистический анархизм, как новую поэтическую школу» [ГС, с. 87]. Рецензия Брюсова в пятом номере «Весов» стала началом многолетней и бурной полемики между Чулковым и «факельщиками» и «весовцами», воспринимавшими «мистический анархизм», как угрозу над символизмом. И действительно, именно его появление на культурной сцене страны вполне могло бы послужить причиной разрыва отношений между Чулковым и Брюсовым. Переписка прекратилась в начале 1907 года, т.е. тогда, когда Брюсов открыто объявил Чулкову войну на литературном поприще⁴⁴.

Б.<ориса> Н.<иколаевича>) – дрянь, вещи, которые к искусству причислить никак нельзя. И никакого “мистического анархизма” не оказалось, а – просто тенденциозная беллетристика, во вкусе “Русского богатства”» // Там же, стр. 494. Блок ему ответил на следующий день: «Я думаю, “Факелы” вышли такие от разговоров. Страшно подумать, сколько было произнесено слов по поводу их. Потому многое до срока износилось, и дух мистерии отлетел. Тоже и мистический анархизм, по-моему, мистерии не породит, в нем я не чувствую ни легкости, ни смеха» // А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 тт. Т. 8*, ук. соч., стр. 152-153.

⁴² Там же, стр. 54. Вяч. Иванов, в ответной статье Брюсову, обосновывал эклектичность сборника общим устремлением «из уединения к соборности», и как только символизм пронизывается лучом «соборности», он окрашивается тональности «мистического сверх-индивидуализма», «мистического анархизма», где под анархизмом подразумевается «синтез индивидуализма и соборности», а под мистикой «свобода и святое безумие нашего последнего, глубинного, подсознательного и уже сверхличного волевого самоопределения и самоутверждения» // Вяч. Иванов, «О “факельщиках” и других имен собирательных (По поводу статьи Аврелия. “Весы”, май 1906)» // «Весы», 1906, № 6, стр. 52-55; здесь стр. 55.

⁴³ Аврелий <В. Я. Брюсов>, «Вехи. IV. Факелы» // «Весы, 1906, № 5, стр. 58. Почти одновременно с написанием этой рецензии, иной взгляд на первый выпуск «Факелы» был представлен в письме Бориса Зайцева Чулкову от 14 апреля 1906 года: «[...] “Факелов” я еще не читал, но впечатление они на меня произвели превосходное; изящество и высота вкуса сквозит в каждой запятой» // Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, М., 2010, стр. 25.

⁴⁴ Первый альманах «Факелы» и содержащиеся в нем произведения получили немаловажное количество отзывов: -лбр- <С. Ф. Либрович>, «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1906, № 14, апрель; А. Измайлов, «Цветы революционного Парнаса» // «Биржевые Ведомости», 1906, 9 мая; Он же, «Пробуждение», 1906, № 13, июль, прилож.; <А. М. Редько>, «Русское Богатство», 1906, июль; А. Е. <А. М. и Е. И. Редько>, «Русское Богатство», 1906, ноябрь; А. Бачинский, «Золотое Руно», 1906, № 5; Б. Зайцев, «Зори», 1906, № 9-10, апрель; В. Кранихфельд, «Мир Божий», 1906, № 4; Он же, «Современный мир», 1907, № 2; М. Неведомский, «Современный мир», 1906, декабрь; Ф. Батюшков, «Речь», 1906, 17 декабря; А. Горнфельд, «Товарищ», 1907, 5 января; Н. Геккер, «Одесские новости», 1906, 21 мая; Феникс <И. Д. Сургучев?>, «Южный край», 1906, 1 июля;

Второй и третий – последний – выпуски альманаха «Факелы» вышли в свет с разницей в один год, соответственно в 1907 и 1908 году. Второй том был посвящен раскрытию и обсуждению разных теоретических вопросов, касающихся «мистического анархизма»⁴⁵. О нем Чулков отметил в своих воспоминаниях: «И этот сборник вызвал целую бурю негодования» [ГС, с. 88]. От имени редакции альманаха были напечатаны следующие слова:

Антиномия свободы и необходимости, как религиозная философская проблема, и проблема власти, как основной вопрос социологии – вот темы, которые трактуются в нашем сборнике. Мы не стремились в подбор материала к полному единогласию: «Факелы» не представляются единого и цельного направления. Но некоторый идейный путь уже намечается нами: мы считаем руководящими статьи тех наших сотрудников, которые обосновывают свои анархические идеи на мистическом миропонимании⁴⁶.

Список сотрудников пополнился именами Льва Шестова (его статья «Похвала глупости» является прямым ответом Н. А. Бердяеву и его статье «Трагедия и обыденность», в которой он говорил о «своеобразной гносеологической утопии» Шестова), И. А. Давыдова, А. А. Мейера (напечатавший две теоретические статьи, одну под псевдонимом А. Ветров). В предисловии к третьей книге «Факелы» также были заявлены идеи, вдохновлявшие первые два выпуска⁴⁷:

Продолжая защищать наши идеи в книгах и сборниках, посвященных вопросам литературно-философским и религиозно-общественным, мы в то же время, в области поэзии, остаемся верным заявлению, которое делали раньше: «Полагая, что искусство само по себе является могучим орудием для борьбы с духом мещанства и косности, мы будем стремиться к тому, чтобы наши идейные цели раскрывались не в тенденциозности, а в свободном независимом творчестве»⁴⁸.

Этот выпуск альманаха вновь содержал стихи и художественную прозу. Именно здесь были напечатаны «Вольные мысли» Блока, посвященные Чулкову и «Бесовское действие» Ремизова⁴⁹. Относительно публикации пьесы Ремизова, в семейной переписке упоминается именно об издании этой пьесы в «Факелах»: Чулков написал жене в ноябре 1907 года: «Проводив тебя, поехал к Ремизову. Он – должно быть, – предчувствуя меня, как рецензента,

А. Луначарский, «Образование», 1906, № 6; А. Белый, «Перевал», 1907, № 4, февраль; Никита К., «Русское слово», 1907, 5 января. Список указанных статей приводится по изданию: *Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891-октябрь 1917)*, М., 2009, стр. 155-159.

⁴⁵ *Факелы: Альманах. Книга вторая*, СПб., 1907. Содержание: Предисловие; Г. И. Чулков, «Об утверждении личности» (стр. 1-26); И. А. Давыдов, «Индивидуалистический анархизм М. Штирнера: Социально- философский этюд» (стр. 27-84); А. А. Мейер, «Бакунин и Маркс» (стр. 85-135); Л. Шестов, «Похвала глупости» (стр. 137-161); А. Ветров <А. А. Мейер>, «Прошлое и настоящее анархизма» (стр. 163-190); С. М. Городецкий, «На светлом пути: Поэзия Федора Сологуба, с точки зрения мистического анархизма» (стр. 191-207); Г. И. Чулков, «Тайна любви» (стр. 209-227); Вяч. И. Иванов, «О любви держащей» (стр. 229-238).

⁴⁶ *Факелы: Альманах. Книга вторая*, ук. соч., предисловие.

⁴⁷ *Факелы: Альманах. Книга третья*, СПб., 1908. Содержание: Предисловие; А. А. Блок, «Вольные мысли. Стихи» (стр. 7-20); Б. К. Зайцев, «Гость. Рассказ» (стр. 21-31); А. М. Ремизов, «Бесовское действие. Представление» (стр. 33-88); Г. И. Чулков, «Сулус. Рассказ» (стр. 89-108); Ф. К. Сологуб, «Томление к иным бытиям. Мистерия» (стр. 109-120); С. А. Ауслендер, «Некоторые достойные внимания случаи из жизни Луки Бедо. Повесть» (стр. 121-180); Вяч. И. Иванов, «Жрец озера Неми. Лунная баллада» (стр. 181-184).

⁴⁸ *Факелы: Альманах. Книга третья*, ук. соч., предисловие.

⁴⁹ Относительно второго альманаха «Факелы» Леонид Андреев написал Чулкову между февралем и июлем: «Горький [...] весьма сочувствует “Факелам”» // *Письма Леонида Андреева*, ук. соч., стр. 25.

был очень мил и приятен. Его пьесу цензура все-таки разрешила и она пойдет в декабре, а может быть и ноябре [...] После концерта вернулся к Ремизову слушать пьесу: по существу она мне понравилась (очень мрачная штука о смерти-владычице), но написана стилистически не очень ярко, однако я решил просить эту вещь в "Факелы": в виду ее постановки она должна возбудить интерес» [ПП, п. 59].

В автобиографическом и мемуарном материале Чулков не выяснил, почему именно издание «Факелов» не продолжалось. Можно отнести причину их закрытия к расхождению мнений среди сотрудников, поскольку, начиная с 1908 года, полемика вокруг «мистического анархизма» стала постепенно утихать, перестав вызывать живого интереса в литературной среде. Дело в том, что «Факелы» не служили «мистическому анархизму» полноценным философским обоснованием и художественным воплощением его руководящих принципов. Как можно судить из содержания альманахов, на страницах этих изданий встречались, наряду с приверженцами символистского движения, представителями реализма и это не способствовало возникновению единой, философско-эстетической школы. В этом признавался и сам Чулков: «Quant aux recueils des Flambeaux, que j'ai l'honneur de diriger, ils ne défendent les idées mystico-anarchiques que dans les articles théorétiques et excluent tout programme de la rubrique de la poésie. Ici, à côté des œuvres de Viatcheslav Ivanov, je publie avec joie celle de Léonide Andreïeff Feodor Sologoub, Alexandre Blok, L. Zinovieff-Hannibal, S. Gorodetzky et quelques autres...»⁵⁰.

Наряду с редактированием альманахов «Факелы» Чулков не упускал из виду возможность сотрудничать в иных изданиях. Было уже подчеркнuto, как в это время финансовое положение Чулковых ухудшалось, и мысли об устройстве житейских дел стали, за очень короткий промежуток времени, постоянными его спутниками: в своих воспоминаниях он отзывался о себе таким образом: «Беспорядочный и беспомощный в своих житейских делах, я не умел также устраивать и своих дел литературных» [ГС, с. 239], а в одной автобиографии он написал: «Относительно материальных условий, с которыми приходилось считаться, печатая свои произведения в журналах и других изданиях, я не могу дать точных сведений. Знаю, что всегда у меня не было денег, но, кажется, это зависело не только от скупости издателей, но и от моей беспорядочной и безбытной жизни» [Автобиография 1911, с. 128].

В каждом из сохранившихся вариантов автобиографий и биографий обнаруживается перечень изданий, с которыми Чулков в то время стал сотрудничать: «Я поселился, однако, в

⁵⁰ Е. Р. Semenoff, «Lettres russes. Le Mysticisme anarchique» // «Mercure de France», t. LXVIII, № 242, 16 juillet 1907, стр. 361-364; здесь 364

Петербурге, где принимал деятельное и близкое участие в реформированном журнале “Новый путь”, потом в “Вопросах жизни”, в “Перевале”, в “Золотом руне”, в “Орах” и редактировал совместно с Вяч.<еславом> Ив.<ановичем> Ивановым сборники “Факелы”. Кроме того, я сотрудничал в альманахах “Шиповник”, “Жатва”, “Белые ночи”, печатался в “Аполлоне”, “Русской мысли”, “Вестнике Европы” и мн.<огих> др.<угих> журналах» [Curriculum vitae]; «В литературном плане моя работа была за эти годы многообразна: я печатал свои рассказы, повести, романы, стихи и драмы в “Золотом руне”, в альманахах “Оры”, “Факелы”, “Шиповник” и в журнале “Аполлон”, в “Русской мысли”, в “Вестнике Европы” и во многих других изданиях» [Автобиография 1918]; «Я писал рассказы, повести, романы, стихи, драмы, статьи; я сотрудничал в “Перевале”, “Золотом руне”, “Орах”, “Аполлоне; я печатал свои вещи в “Вестнике Европы”, “Русской мысли”, в альманахах “Шиповник”» [Автобиография 1926]; «Чулков печатал свои стихи и повести в альманахах “Оры”, “Белые ночи”, “Шиповник”, в журналах “Золотое руно”, “Перевал”, “Вестник Европы”, “Русская мысль”, “Аполлон” и др.<угие>» [Биография Словнина]; «Чулков печатал свои стихи и повествовательные опыты в альманахах “Оры”, “Факелы”, “Белые ночи”, “Шиповник”, в журналах “Вестник Европы”, “Русская мысль”, “Аполлон” и мн.<огих> др.<угих>» [Биография 1938]. Как можно судить из приведенных отрывков, Чулков немало старался заключить договоров с разными изданиями, каждый раз более или менее успешно. Из книги воспоминаний «Годы странствий» еще известно, что, сразу после завершения работы «Вопросов жизни», Чулков с большим трудом устроился и в театральном отделе газеты «Товарищ», на страницах которой он начал опубликовать свои рецензии: «Жалование, впрочем, в качестве заведующего театральным отделом получал не я, а другой литератор, а я довольствовался построчной платой, но зато я нашел трибуну для проповеди символизма на подмостках театров, а мой патрон не очень мешал мне в этом деле, за что я ему до сих пор признателен» [ГС, с. 81]. К этому списку можно добавить еще сотрудничества, о которых до сих пор мало известно и из биографии Чулкова, и из документов самих изданий.

- «Освободительное движение» и «Зори»

Первое рассмотренное издание – журнал «Освободительное движение». Новый ежемесячный литературно-художественный и общественный журнал эсеровского направления вышел в Петербурге в марте 1906 года: напечатан был только один номер, после которого журнал прекратил свое существование, скорее всего, из-за радикального

настроения⁵¹. Предполагается, что Чулков контактировал с его издателями в начале 1906 года. В письме от 10 мая 1906 года Блок его спрашивал: «Редактируете ли Вы “Освободительное движение”?» [ГС, с. 369], но, судя по примечаниям к этому письму, составленным самим Чулковым, предполагаемое сотрудничество не осуществлялось. Чулков тогда уточнил: «“Освободительное движение” журнал, чей издатель предлагал мне взять на себя редактирование, но переговоры были прерваны по моей инициативе» [ГС, с. 390]. На самом деле, его имя фигурирует в списке участников этого периодического издания, но лишь в качестве сотрудника⁵². На его страницах была опубликована статья Чулкова «Достоевский и революция»⁵³, которая впоследствии была включена с незначительными изменениями в брошюру «О мистическом анархизме»⁵⁴. Соглашаясь на опубликовании статьи Чулкова, редакция посчитала необходимым напечатать следующую пояснительную записку: «Давая место в нашем журнале интересной статье Г. И. Чулкова, мы должны оговориться, что не разделяем его “мистико-анархических” взглядов»⁵⁵.

В формировании концепции «мистического анархизма» оказало влияние духовное наследие двух писателей, поставленных Чулковым в один ряд друг с другом – Федора Достоевского и Владимира Соловьева. Влияние идеологии Достоевского прослеживается во многих произведениях Чулкова, первой из которых является именно статья, опубликованная в 1906 году⁵⁶. В ней Чулков предлагает собственное толкование сложной темы отношения

⁵¹ См.: Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М. М. Никифоров, *Библиография периодических изданий России. 1901–1916. В 4-х томах, Т. 2: И-П*, Л. [ГПБ], 1959, стр. 540; М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит, *Русская периодическая печать. Справочник: в 2 томах. Т. 2 (1895 – октябрь 1917)*, М., 1957, стр. 119.

⁵² Редактор журнала был П. А. Васильев, а издатель – М. В. Церетели. В журнале участвовали: А. И. Куприн, И. А. Гриневская, О. Дымов, Е. Тарасов, К. Ковальский, С. Н. Сергеев-Ценский, Г. И. Чулков, С. Штейнберг.

⁵³ Г. И. Чулков, «Достоевский и революция (По поводу двадцатипятилетия со дня смерти Достоевского)» // «Освободительное движение», 1906, № 1 (март), стр. 33-37.

⁵⁴ Таким образом, три главных составляющие теоретической основы «мистического анархизма» были опубликованы на страницах периодической печати еще до их появления в отдельном издании. См. «Поэзия Владимира Соловьева» // «Вопросы жизни», 1905, № 4/5, стр. 101-117; «О мистическом анархизме» // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 199-204; «Достоевский и революция» // «Освободительное движение», 1906, № 1 (март), стр. 33-37. В брошюре «О мистическом анархизме» (СПб., 1906) статьи «Поэзия Владимира Соловьева» и «О мистическом анархизме» были объединены под заглавием «О софианстве». Чулков снабжал эту брошюру еще пояснительной заметкой «На путях свободы» и программную статью «Об утверждении личности», которая была впервые представлена литературному поприщу 14 ноября 1906 года в Москве, в литературно-художественном кружке, куда он был приглашен Брюсовым письмом от 8 ноября 1906 года: «Согласно Вашей телеграмме я записал Вас докладчиком на вторник 14 ноября в нашем Московском литературно-художественном кружке. Если Ваши намерения не изменились, очень прошу немедленно выслать нам (или на мое имя, или в Кружок на имя В. В. Каллаша) тезисы Вашего доклада, а также сообщить, когда Вы приезжаете в Москву и где остановитесь» [ГС, с. 345-346]. О том, что тогда им был прочитан доклад «Об утверждении личности» сообщает сам Чулков в примечаниях к этому письму: «Мой доклад в кружке, если не ошибаюсь, назывался “Об утверждении личности”» [ГС, с. 357]. Статья «Об утверждении личности» была впоследствии включена во второй сборник альманаха «Факелы».

⁵⁵ Г. И. Чулков, «Достоевский и революция», ук. соч., стр. 37.

⁵⁶ Достоевский – одна из ключевых фигур, несомненно повлиявшая на эволюцию Чулкова, как писателя-символиста. Впервые Чулков открыто заговорил о Достоевском именно в связи с «мистическим анархизмом», стараясь систолковать корни своей философской концепции из опытов Достоевского; затем он неоднократно обращался к духовному наследию в своих теоретических работах. Известно, например, что в 1910-е годы Чулков

Достоевского и революции. В связи с революционными событиями 1905 года, в мировоззрении Чулкова происходит особенная интерпретация идеологии Достоевского, в которой великий романист признан предшественником главной опоры мистико-анархической теории, идеи «неприятя мира». Чулков приводит в качестве подтверждения слова Ивана Карамазова: «“Я не Бога не принимаю”, – поясняет он далее: – “я мира Им созданного, мира то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять”»⁵⁷. Именно в этом романе, по мнению Чулкова (и вслед за Вяч. Ивановым⁵⁸), Достоевский раскрыл мистико-анархическую идею «неприятя мира», под которой подразумевается «последнее освобождение личности» и ее последующее «утверждение в начале абсолютном»⁵⁹. Однако, по мысли Чулкова, Достоевский не смог открыть для себя необходимую связь между бунтом социальным (отрицание эмпирического мира) и бунтом религиозным: «[...] отрицание власти мистической предполагает отрицание всякой власти вообще, всякой государственности: но – Достоевский

регулярно читал доклад «Достоевский и современность», ставший впоследствии основой работы «Достоевский и судьба России», напечатанной в литературном альманахе «Огни» в 1918 году; в 20-е годы Чулков возглавил секцию по изучению творчества Достоевского в ГАХН, а потом был избран председателем комиссии по изучению его наследия. В это время, он написал статьи «Достоевский и революция», «Достоевский и Тургенев как культурные типы», «Последнее слово Достоевского о Белинском», «Символизм в эстетике Достоевского». В 30-е годы, Чулков посвятил себя исследованию жизни и творчества великого романиста, написав две обстоятельные книги «Как работал Достоевский», опубликованную в 1939 году, год смерти Чулкова, и «Жизнь Достоевского», оставшейся прижизненно неизданной (первая публикация была осуществлена в 2015 году О. А. Богдановой. См.: Г. И. Чулков, *Жизнь Достоевского*, М., 2015). Проза Чулкова также не осталась лишенной сюжетных контаминаций в духе Достоевского: достаточно здесь назвать некоторые его произведения, как роман «Сатана» (1914 г.; воспроизведение мотивов «Бесов» и «Братьев Карамазовых»), повесть «Осенние туманы» (1916 г.; чем-то напоминавшая канву «Белых ночей»), книга «Посрамленные бесы» (1921 г., возвращение к «бесовской» темы Достоевского) и повесть «Вредитель» (написанная в 30-ые годы, первая публикация в 1992 году была выполнена М. В. Михайловой; в повести можно распознать мотивы «Записки из мертвого дома» и «Записки из подполья»).

Об отношениях Чулкова и Достоевского существует ряд авторитетных статей. Подробнее см. в: М. В. Михайлова, «Г. И. Чулков и Ф. М. Достоевский» // *Достоевский и мировая культура. Альманах № 12*, М., 1999, стр. 193-201; Она же, «“Бесы” Ф. М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г. И. Чулкова» // *Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»*. Т. 14, М., 2011, стр. 134-144; Г. И. Чулков, «Достоевский и судьба России» [подгот. текста, выступ. ст. и коммент. Н. Ю. Грякаловой] // *Достоевский. Материалы и исследования*, 15, СПб., 2000, стр. 382-407; Г. И. Чулков, *Жизнь Достоевского* [сост., вступ. ст. и коммент. О. А. Богдановой], М., 2015; О. А. Богданова, «Эволюция концепта “Земля в работах Г. И. Чулкова о Ф. М. Достоевском”» // «Проблемы исторической поэтики», 2015, 13, стр. 317-330; Она же, «Новое звено в биографике Достоевского» // «Автобиография», 2016, № 5, стр. 55-73.

⁵⁷ Г. И. Чулков, «Достоевский и революция», ук. соч., стр. 36.

⁵⁸ Идея «неприятя мира», как одна из древнейших форм богоборчества, была сформулирована Вяч. Ивановым, и генетически связана с принципами мистического энергетизма, им провозглашенными. «Неприятя мира» является мистико-анархической идеей, поскольку оно способно привести человека в круг мистических переживаний, откуда потом человечество переходит в мир соборного уединения. Согласно Вяч. Иванову, за эмпирической реальностью открывается мир внутреннего опыта, где предметы приобретают иную природу, не аналитическую, а мифологическую.

⁵⁹ Первое сильное впечатление, которое чтение романа Достоевского произвело на Чулкова, уходит своими корнями в его детство, когда, проводив летние месяцы на даче у родного дяди Григория Ивановича, он впервые прочитал главу «Мальчики» из «Братьев Карамазовых», познакомившись со судьбой Коля Красоткина. В «Годах странствий» Чулков отметил: «Декадентство и революция! “Да ведь это все та же тема, только с другого конца, – думал я, вспоминая слова Достоевского о ‘русских мальчиках’, о Боге и социализме. – Да ведь это все тот же бунт во имя утверждения личности, ее независимости, ее свободы; тут социальное входит в соприкосновение с индивидуальным”» [ГС, с. 82].

не успел раскрыть для себя этой необходимой связи»⁶⁰), по этой причине он мистически оправдывал самодержавие и православие: «[...] гениальный Достоевский, не сумел выйти на истинный путь последнего утверждения личности, сам он постыдно склонил голову перед лицом эмпирической государственности, перед мертвым ликом православной церкви»⁶¹ (подобное высказывание Достоевскому было сделано Д. С. Мережковским в статье «Пророк русской революции»⁶²). Чулков, развивая дальше теорию «мистического анархизма», довел концепцию «неприятя мира» до предельного возвышения идеи бунта, как путь для полного отрицания существующего мира: «[...] такой “бунт” в плане религиозном должен неминуемо повлечь за собой бунт в плане мира эмпирического, в плане социальном; казалось бы, что отрицание власти мистической предполагает отрицание всякой власти вообще, всякой государственности»⁶³. Автор признает существование иного мира, скрывающегося за внешним обликом реальных вещей и полагает, что в соединении плана формального с планом мистическим произойдет «освобождение и последнее утверждение личности»⁶⁴. В перспективе осуществления его мистического проекта, он ставит современности задачу преодоления указанного Достоевским пути и, «исходя из той-же идеи “неприятя эмпирического мира”, показать, что за личиной множественного и страдающего мира, скрывается начало непреходящей гармонии»⁶⁵. Статья, как и все другие статьи, в которых излагались принципы «мистического анархизма», была сурово воспринята критикой. В литературно-художественном журнале «Зори», в организации которого участвовал старый друг Чулкова Борис Зайцев, был напечатан негативный отзыв, направленный против «бледной» заметки Чулкова: речь идет о первом печатном выступлении о Достоевском

⁶⁰ Г. И. Чулков, «Достоевский и революция», ук. соч., стр. 36.

⁶¹ Там же, стр. 37.

⁶² Д. С. Мережковский, Пророк русской революции, СПб., 1906, 152 с.

⁶³ Г. И. Чулков, «Достоевский и революция», ук. соч., стр. 37.

⁶⁴ В своих воспоминаниях Чулков относит к периоду формулировки теории «мистического анархизма» его пропаганду о «перманентной революции» и контакты с большевиками. Он писал: «Позднее, в эпоху “мистического анархизма”, я помню одну квартиру в районе Загородного проспекта, где собирались большевики, ныне здравствующие, из коих многие занимают сейчас передовые посты в нашей республике. Здесь бывал и я, а у меня была тогда репутация декадента из декадентов, ибо я проповедовал тогда “перманентную революцию”, стараясь оправдать оную «мистически» [ГС, с. 127]; далее: «Одним словом, я не был связан никакими партийными заданиями. В 1905 году и позднее я встречался часто с большевиками. Особенно мне памяты вечера у тов. Лещенко. Здесь я беседовал с А. В. Луначарским, О. Д. Каменевой, А. М. Коллонтай и др. Философическая и литературная полемика, начатая на страницах журналов, продолжалась за ужином у тов. Лещенко. Несмотря на весьма существенные принципиальные разногласия, я все-таки чувствовал, что самое серьезное в революции связано с этим левым крылом социал-демократии. Я чувствовал, что если революция победит, то именно под знаком рабоче-крестьянского мятежа, на каких-то новых путях, не предугаданных благоразумно-умеренной частью социал-демократии. Товарищи большевики навещали и меня, и Вяч. Иванова. Как ни остры были наши противоречия, как ни расходились мы во взглядах на космос и человека, все-таки в те дни была какая-то одна точка, где перекрещивались наши надежды и наши мечтания. Полемика наша, иногда весьма запальчивая, не мешала большевикам ценить поэтов как поэтов. В этом отношении большевики были терпимы и более чутки, чем наши либералы и радикалы» [ГС, с. 179-180].

⁶⁵ Г. И. Чулков, «Достоевский и революция», ук. соч., стр. 37.

искусствоведа и литературоведа Бориса Александровича Грифцова «Праздник памяти Достоевского», напечатанное в выпуске 11/14 за 1906 год⁶⁶. По всей вероятности, участие Чулкова в «Зорях», которому именно Зайцев пытался способствовать («“Зори” наши устраиваются – было б очень хорошо, если бы Вы дали нам что-нибудь из статей о искусстве, о театрах, и т.п. – миниатюры-рассказы и т.д.» - написал он Чулкову 12 февраля 1906 года⁶⁷) не состоялось именно из-за допущенного к нему враждебного отношения.

Относительно сотрудничества с журналом «Зори»: на страницах этого издания все-таки были опубликованы переводы с французского языка, выполненные Надеждой Григорьевной. Например, в уже процитированном письме от 12 февраля, Зайцев сообщает Чулкову о том, что «“Влад” взят». «Влад» – рассказ французского писателя Th. Dan Cerkez, опубликованный в 1905 году во французском журнале «*Écrits pour l'art littéraire et philosophique*» («Сочинения литературного и философского искусства»)⁶⁸. Рассказ появился в переводе Надежды Григорьевны в седьмом выпуске журнала «Зори». В письме от 1 апреля Зайцев написал Чулкову еще раз по поводу гонорара за перевод «Влад»: «[...] я ужасно перед вами виноват, но смягчающим обстоятельством служит то, что в послед<нюю> неделю все время торчал в типографии и до сих пор не выслал Н<адежде> Г<ригорьевне> гонорар за “Влад”. Вышлю как только откроется почта. Ради Бога извините. [...] Привет Н<адежде> Г<ригорьевне> – и просьба прислать что-нибудь хорошего из иностранцев»⁶⁹. Упоминание еще одного перевода, выполненного Надеждой Григорьевной, встречается в письме Зайцева от 29 мая 1906 года: «Перевод Н<адежды> Г<ригорьевны> “Панург” у меня, прислать его?»⁷⁰.

Переводческая деятельность занимала не только жену Надежду Григорьевну, но и самого Чулкова. Ранее нами уже упоминалось, что в 1904 и 1905 году, он опубликовал, на страницах журналов и отдельным изданием, собственные переводы из избранных

⁶⁶ Б. Грифцов, «Праздник памяти Достоевского» // «Зори», 1906, вып. 11/14 (19-V), стр. 6-12. Упоминается в: Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч., стр. 311.

⁶⁷ Там же, стр. 24.

⁶⁸ См.: Th. Dan Cerkez, «Vlad (Légende)» // «*Écrits pour l'art littéraire et philosophique*», 1905, № 5, 15 juillet, стр. 253-260. Об этом рассказе А. Мирэ написала рецензию, опубликованную в журнале «Вопросы жизни» в 1905 году. См.: Мирэ, «*Écrits pour l'art littéraire et philosophique – (Paris, 1905)*» // «Вопросы жизни», № 9, стр. 290-292. Французский писатель Th. Dan Cerkez числился среди сотрудников журналов «*Écrits pour l'art littéraire et philosophique*» и «*La Phalange*» (1906-1939). Jean Royère (1871-1956), создатель журнала «*La Phalange*», написал о нем: «De ces deux morts si doués je ne séparerai pas, dans mon souvenir intime, Dan Cerkez dont les *Écrits* ont publié *Panurge*, *Légendes de l'Art* et *Vlad*. Je signale à André Gide qu'il n'avait pas d'admirateur plus attentif à cette époque que ce jeune Roumain, magnifiquement doté, ni de disciple plus fervent. Habile aux nuances de pensées et aux subtilités de sentiments et, comme Gide, apte à la construction d'espèces de lieder moraux, Cerkez était en outre un coloriste. *Vlad* en témoignerait seul: c'est un paysage complexe de composition et d'intention, mais d'une grande douceur et qui a de l'intensité dans la mélancolie». См.: J. Royère, «René Ghil. Poète et théoricien» // «*Mercure de France*», 1925, № 657 (183), 1 ноября, стр. 659-685; здесь стр. 683.

⁶⁹ Цит. по: Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч., стр. 25.

⁷⁰ Там же, стр. 28. «Панург» - новелла французского писателя Th. Dan Cerkez, опубликованная в том же «*Écrits pour l'art littéraire et philosophique*». См.: Th. Dan Cerkez, «*Panurge*» // «*Écrits pour l'art littéraire et philosophique*», 1905, № 1, 15 marte, стр. 48-54.

стихотворений Метерлинка. Вслед за этим первым опытом, Чулков напечатал еще один перевод, в этот раз выбранный среди произведений бельгийского поэта Верхарна. Чулков начал переводить драму «Aubes» («Зори») еще в 1905 году. Результатами его работы интересовался Брюсов, в письме от 23 июня 1905 года: «Жду Вашего перевода Aubes» [ГС, с. 325]. Брюсов известил самого Верхарна о предстоящем выходе новых переводов его пьесы: «Une autre traduction de “Aubes” est sous presse»⁷¹. В 1906 году были, один за другим, сразу опубликованы три перевода «Зори» Верхарна: прозаический перевод А. Воротникова⁷², совместный перевод А. Воротникова и С. Шамбиного⁷³ (проза и стихи) и смешанный перевод Чулкова⁷⁴. В примечаниях к процитированному выше письму Брюсова Чулков как раз уточнил: «“Зори” Верхарна были напечатаны в моем переводе в одиннадцатом сборнике “Знание”» [ГС, с. 352]. В рецензии на эти издания, Брюсов не пощадил работу Чулкова, о прозаической части перевода писал следующее: «г. Воротников, несомненно, знает язык подлинника глубже, чем г. Чулков. Хотя и у г. Чулкова, в прозаических частях перевода, нет прямых ошибок, но есть целый ряд мелких неточностей, в общем довольно значительно, если не искажающих, то изменяющихся стиль»⁷⁵ и о стихотворной: «Стихи г. Чулкова притязательная и крикливая нескладница, выставляющая Верхарна-стихотворца в ложном и смешном виде. В стихотворных переводах г. Чулкова все неверно: общий тон, стиль речи, отдельные выражения»⁷⁶. Этот переводческий опыт Чулкова был еще использован в 1920 году, когда «Зори» были поставлены, в переводе Чулкова, Всеволодом Мейерхольдом и Валерием Бебутовым в новом театре РСФСР Первом, ко дню его открытия, назначенном 7 октября 1920 года⁷⁷.

- Альманах «Белые ночи» и «Зори»

⁷¹ *Литературное наследство*. Т. 85. М., 1976, стр. 564.

⁷² Э. Верхарн, «Зори» [в переводе А. Воротникова] // «Современная жизнь», 1906, № 2 (апрель).

⁷³ Э. Верхарн, *Зори* [в переводе А. Воротникова и С. Шамбиного], М., 1906.

⁷⁴ Э. Верхарн, «Зори: Пьеса в 4-х актах» [в переводе Георгия Чулкова] // «XI Сборник “Знания”», 1906, стр. 1-86.

⁷⁵ В. Я. Брюсов, «Новые переводы Верхарна» // «Весы», 1906, № 9, стр. 77-80; здесь стр. 77.

⁷⁶ Там же, стр. 78. Брюсов, выбирая лучший из этих трех переводов, остановил собственный выбор на работе Воротникова, заключая: «Если бы надо было сделать выбор из трех изданий, мы остановились бы на оттиске из “Современной Жизни”. Гораздо лучше – никаких стихов, чем плохие стихи. Прозаический перевод г. Воротникова не художественное воспроизведение драмы Верхарна, но верная, хорошая фотография с нее» (стр. 80).

⁷⁷ В. Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы: в 2-х частях*. Ч. 2. М., 1968, стр. 13. Премьера драмы Верхарна вызвала сразу несколько рецензий, см. например: Н. К. Крупская, «Постановка “Зорь” Верхарна. (В театре бывш. Зона)» // «Правда», 1920, № 252, 10 нояб.; П. М. Керженцев «Зори» // «Вестник театра», 1920, № 74, 20 нояб., стр. 5-6; М. Загорский, «Зори. этюд» // Там же, стр. 5-6; ТИС, «Отклики “Зорь”. Оригинальный отзыв» // Там же, стр. 6; В. Бебутов, «Что все это значит?» // Там же, стр. 6; А. В. Луначарский, «Речь А. В. Луначарского. Перед спектаклем “Зорь” в Театре Р.С.Ф.С.Р.» // Там же, стр. 9-10; В. Шкловский, «Папа – это будильник!» // «Жизнь искусства» 1920, 10-12 декабря, стр. 1.

Другое издание, в организации которого Чулков принимал активное участие – это альманах «Белые ночи», изданный в июне 1907 года. Первые упоминания о задуманном сборнике в личных материалах Чулкова обнаруживаются в письме к Блоку от 13 марта 1907 года, тогда Чулков написал: «Весной выйдет в Петербурге “Невский альманах”. Будет издан хорошо, с обложкой – вероятно – Бакста. Приглашают Вяч. Иванова, С. Городецкого, Сологуба, Вас и нек<оторых> др<игих>; “реалистов” совсем не будет. Вам предоставлено право печатать что Вы хотите без вмешательства редакции. Желают получить от Вас *несколько* стихотворений. Будет особый отдел, в котором поместят *четыре* имени: Ваше, мое, Вяч. Ив<анова> и Городецкого. Гонорар будет»⁷⁸. В сборнике, первоначально заявленном как «Невский альманах», были собраны все писатели, упомянутые в письме Чулкова, а еще участвовали многие из тех, кто напечатал свои произведения в «Факелах». Особый литературный отдел, о котором говорил Чулков в письме, так и не был открыт. Как отметил А. В. Лавров в примечаниях к процитированному письму, смысл этого «особого отдела» заключался в попытке Чулкова объединить в нем всех писателей, сторонников «мистического анархизма»⁷⁹. Стоит упомянуть, что именно в это время разгорелась, на литературной сцене страны, полемика вокруг «мистического анархизма» Чулкова – острые выпады намечались со стороны Брюсова, Белого, Гиппиус, Эллиса и Философова⁸⁰. Отрекся от «мистического

⁷⁸ Цит. по: А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч., стр. 398.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Острые нападки на работу Чулкова и на его личность не прекращались целых два года. Противниками «мистического анархизма» вступали Брюсов, Белый, Гиппиус, Философов и Эллис: они решительно заявили свое отрицательное отношение, в первую очередь, к самому движению и, во-вторых, к его стремлению стать объединяющим союзом разных литературных направлений. Полемика развивалась на страницах ведущих периодических изданий той поры, ставших площадками для яростных выступлений. Более острые нападки были напечатаны в журнале «Весы», рупоре московских символистов (ср.: Аврелий <В. Я. Брюсов>, «Факелы» // «Весы», 1906, № 5, стр. 54-58; Он же, «Мистические анархисты» // «Весы», 1906, № 8, стр. 43-47; Антон Крайний <З. Н. Гиппиус>, «Иван Александрович Неудачник» // «Весы», 1906, № 8, стр. 48-51; А. Белый, «На перевале: Штемпелеванная калоша» // «Весы», 1907, № 5, стр. 49-52; Он же, «Символизм и русское искусство» // «Весы», 1908, № 10, стр. 38-48; А. Блок, «Письмо в редакцию. 26 августа 1907 г.» // «Весы», 1907, № 8, стр. 79-81; Товарищ Герман <З. Н. Гиппиус>, «Человек и болото» // «Весы», 1907, № 5, стр. 53-58; Он же, «Трихина» // «Весы», 1907, № 5, стр. 68-72; Эллис, «Пантеон современной пошлости. Факелы: Книга вторая» // «Весы», 1907, № 6, стр. 59-61), на страницах «Золотого руна» (ср.: Д. В. Философов, «Мистический анархизм» // «Золотое Руно», 1906, № 10, стр. 58-65; А. Белый, «Г. Чулков. О мистическом анархизме» // «Золотое руно», 1906, № 7, стр. 174-175; Он же, «О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т.п.» // «Золотое руно», 1907, № 1, стр. 61-64; Ф. К. Сологуб, «Я: Книга совершенного самоутверждения» // «Золотое Руно», 1906, № 2, стр. 76-79; Он же, «Человек человеку дьявол» // «Золотое Руно», 1907, № 1, стр. 53-55; К. Эрберг, «Безвластие» // «Золотое руно», 1907, № 4, стр. 36-63), в газетах (ср.: Д. С. Философов, «Дела домашние» // «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября, стр. 3). Наряду с публичными выступлениями в печати, обсуждение «мистического анархизма» заняло и листы личных переписок участников этой всеобщей диспуты: (ср. например: переписка Брюсова с Белым, Блоком, Вяч. Ивановым и Чулковым; переписка Чулкова с Брюсовым, Блоком, Вяч. Ивановым и т.д.). Негативные отзывы не остались без ответа со стороны петербургских последователей «мистического анархизма»: их реплики появились на тех же страницах «Весов» (ср: В. И. Иванов, «О “факельщиках” и других именах собирательных». «Весы», 1906, № 6, стр. 54-55; Он же, «Письмо в редакцию» // «Весы», 1907, № 9, стр. 75-76), «Перевале» (А. А. Мейер, «О смысле революции» // «Перевал», 1907, № 8-9, стр. 44-49; Г. И. Чулков, «Мой ответ “Mercure de France”» // «Перевал», 1907, № 10, стр. 50-51), в газете «Товарищ» (ср.: В. И. Иванов, «Письмо в редакцию» // «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября; Г. И. Чулков, «Письмо в редакцию» // «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября). К концу

анархизма» и Блок, не воспринимавший близкой к себе концептуальную основу этого учения. Блок заявил письменно о своем нежелании быть признанным единомышленником Чулкова (см. письмо в редакцию, напечатанное в журнале «Весы»⁸¹), однако позиция Блока по отношению к «мистическому анархизму» не повлияла на дружеские отношения между ними, о чем свидетельствует, например, именно их совместная работа над редактированием альманаха «Белые ночи», в которой Блок принимал близкое участие.

Издание альманаха не прошло без затруднительных моментов и даже не обошлось без скандала. Публикация нового петербургского альманаха была запланирована еще в марте 1907 года: все материалы были собраны и, казалось, сборник должен был выйти в свет в ближайшие дни. Но издательские планы резко изменились – из письма М. А. Кузмина к В. Ф. Нувелю от 19 апреля 1907 года известно: «“Белые ночи” лопнули, как и нужно было ожидать от этой чулковской затеи. Он теперь рассчитывает увлечь “Картонным Домиком” Гогю Попова, чтобы он дал денег на издание. Оказывается, этот саврас только и мечтает о грамотности и дерзновении»⁸². Переговоры с М. В. Поповым, владельцем книжного магазина на Невском проспекте, были начаты еще в апреле; в мае 1907 года они были доведены почти до конца. В письме от 1 мая А. А. Кондратьев сообщил Б. В. Беру: «Часам к 12 неожиданно около нас очутились А. Блок и Г. Чулков. Сели вместе. Они только что явились после объяснения с М. Поповым, который взялся издать им альманах “Белые ночи”»⁸³. 8 мая Чулков призвал Блока: «Не хотите ли поехать в “Вену”? Может быть, там найдем Попова. Тогда заставим его издать “Белые ночи”»⁸⁴. «Вена» – объяснил Чулков в примечаниях к письмам Блока – знаменитый петербургский ресторан, где в начале XX века обычно собиралась вся литературная богема⁸⁵. Блок не откликнулся на вызов Чулкова: на следующий день он ответил ему: «Простите, что отвечаю по почте. Весь день – укладка и суматоха. Вчера Ваше письмо не застало нас: были

1907 года вопрос о «мистическом анархизме» уже потерял, в большей степени, свою актуальность и вскоре, к началу следующего года, исчез со страниц газет и журналов.

Для подробного рассмотрения полемики ссылаемся к работам И. В. Аладышкина («Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах г. Москва и г. Санкт-Петербург)» // Иваново, 2006 [диссертация]), Г. В. Обатнина («Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о “мистическом анархизме”» // «Лица. Биографический альманах» 1993, № 3, стр. 466-477) и автора настоящей работы («G. I. Čulkov e l'anarchismo mistico», Udine, 2012 [tesi magistrale]).

⁸¹ А. А. Блок, «Письмо в редакцию» // «Весы», 1907, № 8, стр. 79-81.

⁸² Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 280. «Картонный домик» – повесть М. А. Кузмина, напечатанная в альманахе «Белые ночи». Скандальное недоразумение связано именно с опубликованием этой повести.

⁸³ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 280.

⁸⁴ Цит. по: А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч., стр. 399.

⁸⁵ В сборнике, посвященном десятилетию ресторана «Вена», запечатлено пребывание Блока среди постоянных его гостей: «Видели в “Вене” и А. Блока. Поэт садился в стороне, один или с кем-нибудь из близких друзей, не вступал в споры и разговоры, молчал и наблюдал. Его поэзия слишком интимна, глубока, “лична” – таков и сам Блок. Он замкнут в себе и не разговорчив» // *Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник*, СПб., 1913, стр. 57-58.

ли Вы в “Вене” и что Попов?»⁸⁶ [ГС, с. 380]. Задержка с напечатанием альманаха «Белые ночи» была связана с издательскими вопросами и внесением в макет повести Кузмина «Картонный домик». 6 июня 1907 года Кузмин написал Чулкову: «[...] Как вы поживаете? Что “Белые ночи”? Что милый Александр Александрович? Что Ивановы и кого из друзей Вы видите? [...] Когда выйдут “Белые ночи”, пожалуйста, пришлите мне 2 экземпляра как можно скорее. Пожалуйста. Я думаю, что это будет на днях»⁸⁷ (то же самое попросил Ауслендер, который в то время проводил лето вместе с Кузминым). И, действительно, альманах был отпечатан в июне 1907 года при петербургской «Вольной типографии». Только получилось издательское недоразумение: повесть Кузмина «Картонный домик» была напечатана без конечных глав, затерянных почему-то Чулковым. Первоначально Кузмин пришел в ярость (он написал Нувелю: «Чулкова мало побить! [...] Я тороплюсь и зол на Чулкова, скажите, кому можете, о его поступке»⁸⁸), затем, спустя некоторое время, 4 июля он написал Чулкову письмо: «[...] сердиться я на Вас не сержусь и жалеть о случившемся считаю бесполезным, но что произошло – произошло»⁸⁹. В письме от 14 июля Кондратьев рассказал Беру: «Из альманахов вышел в течение лета “Белые ночи”. Издали его с большим запозданием. Он должен был выйти в мае, т. к. материал был уже заготовлен в марте и начале апреля. Редактировали Блок и Чулков [...] В “Белых ночах” помещен роман Кузмина без пяти последних глав, затерянных Чулковым. Кузмин недоволен»⁹⁰. В альманахе «Белые ночи» Чулков включал цикл из семи стихотворений «Месяц на ущербе» [стр. 63-71] и поэму «Шаман» [стр. 101-109], о коих речь будет идти позже.

- «Перевал»

Среди периодических изданий, с которыми Чулков сотрудничал в эти годы, стоит еще упомянуть «Перевал» и «Золотое руно». Об участии Чулкова в журнале «Перевал»⁹¹, из автобиографического материала известно очень мало, по большей части это связано со сведениями о том, какие статьи Чулкова печатались на его страницах. В книге воспоминаний Чулков определил свою позицию по отношению журнала, который «[...] предоставил мне

⁸⁶ Данное письмо было впервые опубликовано в: *Письма Александра Блока*, ук. соч., стр. 148. Далее, оно было включено в книгу воспоминаний «Годы странствий». Стоит отметить, что Чулков внес письмо (недатированное) среди писем 1908 года, однако можно без сомнений утверждать, что письмо относится к 1907 году, к времени редактирования альманаха «Белые ночи».

⁸⁷ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 286.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Подробный обзор о журнале «Перевал» см. в: А. В. Лавров, «Перевал» // *Русская литература и журналистика начала XX века: 1905-1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1984, стр. 174-190. Далее статья была включена в книгу А. В. Лавров, *Русские символисты. Этюды и разыскания*, М., 2007, стр. 486-498.

свои страницы для литературных выступлений, но я не очень охотно пользовался этой возможностью, ибо не чувствовал себя дома в этом не совсем удачливом литературном начинании» [ГС, с. 182]. Подобное высказывание со стороны Чулкова могло быть вызвано тем, что редакция «Перевала» нечетко определила свое положение перед полемикой, вызванной «мистическим анархизмом», которая в те годы (журнал просуществовал ровно год, с осени 1906 года по осень 1907 года) находилась в полном разгаре. В первом номере журнала была напечатана «насмешливая» по определению Чулкова статья Сологуба «О недописанной книге»⁹², в которой «мистическому анархизму» было противопоставлено индивидуалистическое самоутверждение, обнаружение личного Я. Были также помещены направленные, в том числе, против «мистического анархизма» рецензии А. Яценко на книгу Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена» (1907, № 4, февраль, стр. 66-67), Б. Грифцова на второй выпуск альманаха «Факелы» (1907, № 6, апрель, стр. 57-58), А. И. Бачинского, под псевдонимом Алеиска, на книгу М. Гофмана «Соборный индивидуализм» (1907, № 7, май, стр. 61-63). Несмотря на печатные выступления, Соколов, в качестве редактора журнала, намеревался держать дружеские отношения с Чулковым, стараясь его убедить, что позиция «Перевала» по отношению к его «мистическому анархизму» была вовсе не отрицательная, что редакция благосклонно приветствовала его рецензию на книгу Брюсова «Земная ось», обещая ему поддержку в борьбе против «Весов»⁹³. После этого Чулков стал одним из активнейших участников этого журнала, помещая на его страницах стихотворения, статьи и рецензии⁹⁴, подписывая их под собственной фамилией или под псевдонимом Борис Кремнев⁹⁵.

Примечателен один эпизод работы Чулкова в журнале «Перевал»: на его страницах была опубликована его резкая рецензия на книгу Брюсова «Земная ось», которая так или иначе

⁹² Ф. К. Сологуб, «О недописанной книге» // «Перевал», 1906, № 1, ноябрь, стр. 40-42.

⁹³ На литературном поприще «Перевал» стремился обеспечить себе репутацию журнала свободного и боевого настроения (специально был выбран подзаголовок «Журнал свободной мысли»), уделяющего большое внимание эстетическим и общественным вопросам. Выбирая выраженно-радикальное направление, «Перевал» противостоял таким изданиям, как «Весы» и «Золотое руно», ставившим себе задачу исключительно художественную. Идеинная борьба против «Весов» могла бы обостриться именно в связи с «мистическим анархизмом», на который «Весы» реагировали враждебными выпадами; однако на неприятельские стремления Соколова воздействовал Андрей Белый, регулярно печатавшийся на страницах журнала, и «Перевал» выбрал более нейтральную позицию навстречу «Весов».

⁹⁴ Ср. например: «Стихотворение “Я на темных полях до рассвета блуждал...” я взял из “Весов” и напечатал его в журнале “Перевал”, без посвящения Понтеру. Почему я снял посвящение Понтеру, не помню» [ГС, с. 357]; «Статья о “Балаганчике” была прочитана мною, по предложению В. Э. Мейерхольда, актерам театра В. Ф. Комиссаржевской. Впоследствии эта статья, в иной редакции, была напечатана в журнале “Перевал”, 1907, № 4, февраль» [ГС, с. 390]. Г. И. Чулков, «“Балаганчик”. По поводу постановки пьесы Блока в театре В. Ф. Комиссаржевской» // «Перевал», 1907, № 4, стр. 51-53.

⁹⁵ Кроме отдельно процитированных статей, по библиографическому пособию «Перевал: журнал свободной мысли. 1906-1907. Аннотированный указатель содержания», подготовленному А. Л. Соболевым, выявлены еще следующие статьи Чулкова: «Борис Зайцев. Рассказы. Из-во “Шиповник” – СПб., 1906» [рец. на кн.] // «Перевал», 1907, № 4, февраль, стр. 65-66; «Федор Сологуб. Мелкий бес. Роман. Из-во “Шиповник” – СПб., 1907 [рец. на кн.] // «Перевал», 1907, № 7, стр. 54; «Религиозно-философское собрание в Петербурге» // «Перевал», 1907, № 8-9, стр. 93-94; «Мой ответ “Mercure de France”» // «Перевал», 1907, № 10, стр. 50-51.

служила причиной окончательного разрыва с журналом «Весы» и ставила точку на развитие отношений между Чулковым и Брюсовым⁹⁶. Рецензия была напечатана в февральском номере журнала «Перевал» 1907 года: от «злой и ядовитой его рецензии», как ее определил сам Чулков [ГС, с. 184], редакция держалась на почтительном расстоянии, опубликовав в примечаниях ее несогласие с некоторыми суждениями, выдвинутыми Чулковым в этой заметке. Одновременно с выходом этой рецензии Чулков сообщает в своих воспоминаниях, что он отправил в редакцию «Весов» письмо с просьбой вычеркнуть его имя из списка сотрудников журнала [ГС, с. 184]. В этой рецензии говорилось об отсутствии в книге Брюсова художественной ценности и о механичности его прозы, являющейся лишь подражанием Эдгара По и Пшибышевского. В ответном письме от 30 апреля 1907 года Чулкову Брюсов написал: «К сожалению, не могу разделять Вашего взгляда на Вашу “критическую заметку” в “Перевале” о моей книге, ибо меньше всего вижу в этой заметке критики. [...] Я хотел даже по этому поводу написать письмо в редакцию “Перевала”, но это значило бы придавать Вашей заметке больше значения, нежели она имеет» [ГС, с. 318]. К завершению этого эпизода, Чулков добавляет: «Наша с ним переписка прекратилась весной 1907 года после моей рецензии на его книгу “Земная ось”» [ГС, с. 98].

- «Золотое руно»

Сотрудничество Чулкова с московским журналом «Золотое руно»⁹⁷ требует отдельного рассмотрения, поскольку на его страницах Чулков попытался изложить концептуальные основания собственной эстетической теории «реалистического символизма», являющейся эволюцией его мировоззрения по отношению к символизму и «мистическому анархизму». По его собственному признанию Чулков начал размышлять над темой «кризиса символизма» еще в 1905 году⁹⁸, опубликовав первые печатные отклики в «Вопросах жизни», где он указывал, что «декадентская полоса русской интеллигенции, желанная в свое время и необходимая

⁹⁶ Г. И. Чулков, «Валерий Брюсов. Земная ось. Рассказы и драматические сцены. Виньетки Василия Милиоти. К-во “Скорпион” – М., 1907» // «Перевал», 1907, № 4, стр. 64-65.

⁹⁷ Полный обзор журнала «Золотое руно» см. в: А. В. Лавров, «Золотое руно» // *Русская литература и журналистика начала XX века: 1905-1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1984, стр. 137-173. Далее статья была включена в книгу А. В. Лавров, *Русские символисты. Этюды и разыскания*, М., 2007, стр. 457-485. Следует еще упомянуть статью Н. А. Богомолова, «Из истории “Золотого руна”», опубликованную в 2002 году в: «Вестник Московского университета», Серия 10, Журналистика, № 1, стр. 65-86.

⁹⁷ Ф. К. Сологуб, «О недописанной книге» // «Перевал», 1906, № 1, ноябрь, стр. 40-42.

⁹⁸ Об этом Чулков написал в предисловии к книге «Покрывало Изида», изданном в 1909 году при книгоиздательстве «Золотое руно». См.: Г. И. Чулков, *Покрывало Изида*, М., 1909, 217 с. «Покрывало Изида» была одна из книг, вышедших при издательстве «Золотое руно». В конце 1906 года Н. П. Рябушинский, редактор-издатель «Золотого руна», попытался основать собственное издательство, на подобие книгоиздательства «Скорпион», принадлежавшего «Весам». Однако инициатива Рябушкинского не увенчалась большим успехом и, за время его существования, вышло всего несколько книг.

исторически, по-видимому, сменяется новым культурным движением. Обнаженный индивидуализм сменяется мистическим анархизмом. Это новое направление в искусстве неразрывно связано с революционно-религиозным движением, которому – верим – предстоит великое будущее»⁹⁹. В 1905-1906 годах Чулков указывал на эту теорию, как на путь к преодолению крайнего индивидуализма, к освобождению человека от власти всех обязательных норм (социальных, моральных и религиозных) и к достижению общественного самосознания; преобразование личности определялось, по его мнению, через мистический опыт, через неприятие мира, через музыку и религиозную влюбленность. Чулков неоднократно старался обосновать теоретически свою новую позицию, выступая с серией критических заметок, в которых он обсуждал ряд вопросов, преимущественно связанных с его миропониманием. До выступлений в «Золотом руне» он опубликовал, в газете «Товарищ», статью, озаглавленную «Молодая поэзия»¹⁰⁰, в которой утверждал, что «мистический реализм» пришел на смену «уединенного символизма» и «декадентского эстетизма», сопровождаемый кардинальными изменениями в миропонимании поэта, который теперь обращается к живой реальности сквозь собственный мистический опыт. Чулков считал приверженцами старой декадентской манеры Бальмонта и Сологуба, а представителем нового течения Блока.

О существовании в Москве периодического издания, в намерения которого входило взять на себя роль литературного противовеса «Весам» Брюсова, Чулков упомянул в своих воспоминаниях: «Был в Москве еще один, необычайно пышный и по внешности богатый журнал – “Золотое руно”» [ГС, с. 182]. Чулков числился среди сотрудников журнала с первых времен его существования, хотя опубликовал на его страницах лишь одно стихотворение, озаглавленное «Весною – на север» и посвященное Александру Блоку¹⁰¹. Из истории журнала известно, что, в июле 1906 года, после ухода Соколова из редакции, место редактора было занято, посредством Брюсова, его преемником А. А. Курсинским¹⁰². Таким образом, на протяжении недлительного периода, с конца 1906 до первых месяцев 1907 года, журнал оказался фактически под контролем Брюсова (через Курсинского) и становился спутником «Весов». В связи с приобретенным журналом на рубеже 1906-1907 гг. «весовским» направлением, Чулков принял решение выйти из состава сотрудников, начиная с четвертого

⁹⁹ Г. И. Чулков, «“Северные цветы ассирийские”»: альманах книгоизд-ва “Скорпион” (М., 1905); “Северные цветы” 1901-1902-1903: альманах книгоизд-ва “Скорпион” (М., 1904)» [рец.] // «Вопросы жизни», 1905, № 6, 257-258.

¹⁰⁰ Г. И. Чулков, «Молодая поэзия» // «Товарищ», 1907, № 337, 5 августа.

¹⁰¹ Г. И. Чулков, «Весною – на север [стихотворение]» // «Золотое руно», 1906, № 11-12, стр. 48-49.

¹⁰² Решение Соколова было продиктовано недружескими отношениями между писателем и издателем-редактором журнала Н. П. Рябушинским. Сразу после Соколова, те же натянутые связи послужили причиной разрыва Курсинского с редакцией «Золотого руна».

номера 1907 года¹⁰³. В середине апреля, отношения между Рябушинским и Курсинским приняли негативный оборот: Курсинский ушел с места редактора, вслед за ним отказался от сотрудничества и Андрей Белый; стали ходить слухи о непременном закрытии литературного отдела журнала. На самом деле была назначена внутренняя реорганизация: было решено закрыть библиографический отдел и, взамен его, ввести рубрику критического обозрения, которую должен был вести Блок. Реформа журнала была начата новым секретарем «Золотого руна» с 1907 года Генрихом Эдмундовичем Тастевенным, старым знакомым Чулкова еще с юношеских лет. Тастевен был намерен изменить идейно-эстетический курс журнала, выбирая анти-декадентскую позицию и утверждая необходимость преодолеть индивидуалистические стремления современности. С этой точки зрения, стремления Тастевена к одолению декадентского индивидуализма были концептуально близки к теориям Чулкова о «мистическом анархизме», центральные положения которого заключались в соборном соединении людей и в преодолении символического индивидуализма. С приходом Тастевена к его руководству, «Золотое руно» стало постепенно вырисовывать себе новую физиономию, совершенно противоположную «Весам»: в журнале главное внимание уделялось теперь вопросам критики и новой эстетики, далекой от канонов классического индивидуалистического символизма (свойственного занятой «Весам» позиции). Лояльное отношение «Золотого руна» к веяниям «мистического анархизма» вызывало резкое ужесточение критики «Весов» в сторону журнала¹⁰⁴. Поводом для окончательного разрыва «Золотого руна» и «Весов» послужил конфликт с Андреем Белым¹⁰⁵, после которого сотрудники-«весовцы» (Мережковский, Гиппиус, Брюсов, Балтрушайтис, Кузмин и др.) сообщили об их незамедлительном уходе из состава журнала Рябушинского. Чулков в своих воспоминаниях заявил: «Московские стихотворцы, работавшие в этом журнале, в конце концов перессорились, и группа сотрудников во главе с В. Я. Брюсовым вышла из редакции. Оставшуюся в журнале группу возглавлял Г. Э. Тастевен» [ГС, с. 182].

¹⁰³ См.: А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч., стр. 403. В одно и то же время, в связи с ведущей брюсовской политикой в «Золотом руно», также отказались от дальнейшего сотрудничества с журналом Л. Андреев, Б. Зайцев, С. Солоков, И. Бунин (см. *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 299).

¹⁰⁴ Напомним, что самые язвительные выпады против Чулкова и его теории осуществлялись именно на страницах «Весов», в которых одна за другой опубликовались статьи Брюсова, Гиппиус, Белого, Философова и Элліса.

¹⁰⁵ Конфликт возник из-за некорректного поступка Рябушинского. В 1907 году Белый напечатал свою статью «Против музыки» («Весы», 1907, № 3, стр. 57-60), о которой негативно высказывался Э. К. Метнер в статье «Борис Бугаев против музыки» («Золотое руно», 1907, № 5, стр. 56-62). Оскорбленный, Белый отправил «Золотому руно» «Письмо в редакцию», в котором он разъяснил свою позицию по отношению к высказываниям Метнера. Рябушинский, однако, отказался напечатать письмо в «Золотом руно», вызывая большое негодование Белого, который публично заявил о поступке Рябушинского на страницах газеты «Столичное утро», где было помещено «Письмо в редакцию». Подробнее см.: Н. А. Богомолов, «Из истории “Золотого руна”», ук. соч.

Решающим фактором в этой ситуации выступили петербургские модернисты¹⁰⁶. С этого момента, наиболее близким сотрудником в редакционных делах журнала оказался именно Чулков. Сразу после выхода «весовцев» из коллектива «Золотого руна», 20 августа 1907 года Чулков получил письмо от редактора-издателя этого журнала, в котором ему было предложено активное сотрудничество в его идейной реорганизации¹⁰⁷. Чулков, который в то время находился, несмотря на расхождения по поводу «мистического анархизма», в очень дружеских отношениях с Блоком и чье мнение он всегда высоко ценил, обратился к другу для того, чтобы узнать: «Я получил из “Золотого руна” три обширных послания с приглашением принять в нем снова участие. Медлю с ответом только потому, что не знаю Вашего отношения к “Золотому руну” и ко мне»¹⁰⁸. Блок ответил ему только 4 сентября, поскольку письмо Чулкова уже не застало его в Шахматове: «Конечно, Господи, соглашайтесь на приглашение “Руна”. Почему вы медлите с ответом? Отношения мои к “Руну” пока – прежние, пишу критику. И к Вам я совсем не изменился» [ГС, с. 378]. В примечаниях к публикуемому письму Чулков написал: «[...] заведующий редакцией Генрих Эдмундович Тастевен, по соглашению

¹⁰⁶ Тастевен был крайне заинтересован, чтобы петербургские символисты (особенно Вяч. Иванов и Александр Блок) участвовали в идейно обновленном «Золотом руне». Несмотря на то, что деловая переписка между Вяч. Ивановым и Тастевенным не сохранилась, известно из других документальных источников (как, например, письма Тастевена Чулкову, письма Блока к Вяч. Иванову и газетные вырезки), что Тастевен предлагал Вяч. Иванову взять на себя обязанности руководителя философского отдела журнала и, тем самым, стать его идейным вдохновителем: «[...] Сейчас предложено Вячеславу Иванову вести самостоятельный философский и критический отдел в “Руне” с правом приглашать сотрудников» (из письма Тастевена Чулкову от 30 августа 1907 года; цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 297); «Я обещал “Золотому руну” просить Вас очень быть редактором его, т. е. взять весь журнал *внутри* в свои руки. Внутренно потому, что официального отказа от редактирования Рябушинский ни за что не даст» (из письма Блока Вяч. Иванову от 5 сентября 1907 года; цит. по: там же, стр. 299). Переговоры велись очень долго, почти до ноября (23 ноября был оформлен проект, регулирующий участие Вяч. Иванова в журнале), но, в конце концов, они не привели к какому-то официальному оформлению его участия в журнале. Как выявлено А. В. Лавровым в его статье о «Золотом руне», Вяч. Иванов был намерен придерживаться нейтральную позицию, не желая разрывать отношения ни с «Весами», ни с «Золотым руном»: он отказался от официального редактирования философского отдела журнала, при том советовал членам редколлегии «Золотого руна» выбрать более корректную политику в борьбе с «Весами» (А. В. Лавров, «Золотое руно», ук. соч., стр. 480). Более деятельное участие в делах о реорганизации «Золотого руна» принял Александр Блок, еще в начале апреля согласившись на официальное оформление его участия в журнале (с четвертого номера 1907 года «Литературное обозрение» находилось под его руководством). Хотя неизвестно, как закончились переговоры об основательной перестройке «Золотого руна» (см. письмо Зайцева Чулкову от 10 сентября 1907 года: «[...] как же у Вас дела с “Руном”? Образуется ли какой-то редакционный комитет, который возьмет в свои руки ведение дела? Мне все это неясно. Моя позиция такова: если будет устроена *форменная конституция* (б<ыть> м<ожет> – с правом одного голоса Рябушинскому в собрании редакторов отделов) – и если меня пригласит эта коллегия – в таком случае я согласен. (Кажется, в этом роде смотрит и Бунин)». Цит. по: Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч., стр. 40), постоянными сотрудниками «Золотого руна» оказались Сологуб и Бальмонт (из старых), а также Сергей Городецкий, который вел активную антивесовскую полемику, Леонид Андреев, Борис Зайцев, Иван Бунин. Андреев, после возвращения в «Золотое руно», так и ничего не опубликовал, а вступления Зайцева и Бунина являлись лишь эпизодическими.

¹⁰⁷ См.: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 403. Рябушинский полагал большие надежды на Чулкова, считая, что именно он мог бы сыграть ключевую роль в борьбе с «Весами»; по-видимому, репутация Чулкова, как полемиста и свободного мыслителя, хорошо распространялась и до московских литературных трибун.

¹⁰⁸ Там же, стр. 402. Известно только, что до 29 августа Чулков получил одно послание с приглашением (протитированное выше). О других письмах не имеется достоверной информации.

с издателем, обратился ко мне с предложением вновь составить редакцию и пригласить сотрудников. От непосредственного редактирования “Золотого руна” я отказался, по нежеланию переезжать в Москву, но изъявил согласие на руководство журналом, оставаясь в Петербурге» [ГС, с. 396]. Если судить по содержанию писем Тастевена к Чулкову, частично опубликованным А. В. Лавровым, можно сказать, что в этих словах есть некоторая доля преувеличения собственной роли в «Золотом руне»: в первых фазах переговоров Тастевен не говорил с ним о каких-либо правах руководства журнальных дел, тем более, что эти права были практически предназначены, как известно, для Вяч. Иванова¹⁰⁹. Тастевен написал Чулкову 30 августа с целью узнать, возможно ли его возвращение, а также возвращение Андреева и Зайцева, после их ухода из числа сотрудников¹¹⁰. Вслед за этим письмом было отправлено еще одно послание, из которого можно понять, что Чулков был склонен положительно ответить на приглашение Тастевена: «[...] Крайне отраднo было получить Ваше письмо с выражением симпатии обновленному “Золотому руну”»: это придаст нам еще более энергии в отстаивании той идейной позиции, за которую отныне будет бороться “Золотое руно”»¹¹¹. Идейная позиция, о которой говорит Тастевен, была во многом сходна с рассуждениями «мистического анархизма» Чулкова, поэтому, как только переговоры с Чулковым начали приобретать более четкую физиономию, стало ясно, что «Золотое руно», в своей борьбе против «весовского» академизма, шло по пути собственного преобразования на «мистико-анархической» почве.

Внутренний коллектив журнала определился к осени 1907 года: несмотря на то, что в середине сентября Чулков написал Вяч. Иванову: «Рябушинский вчера был у меня и вечером уехал в Париж (на три недели), предоставив Тастевену право вести с Вами переговоры. Решено, если Вы откажетесь редактировать руководящий отдел “Руна”, просить меня, но я – конечно – предпочитаю, чтобы “Руно” вели Вы. Если же Вы решительно откажетесь, возьмусь за это, пожалуй. Известите, пожалуйста, Тастевена о Вашей воле. Андреев, Зайцев, Бунин и я ждем Вашего решения: пока неизвестен состав “комитета”, нельзя входить в журнал»¹¹², Вяч. Иванов отказался от редактирования журнала, оставаясь при отношении авторского сотрудничества. В свою очередь, Чулков не упускал возможность воспользоваться

¹⁰⁹ Скорее всего, это можно отнести к более позднему этапу переговоров между Тастевенным и Чулковым, происходившему уже осенью 1907 года: тогда Чулков пытался лично уговорить Вяч. Иванов взять ответственность за один из руководящих отделов журнала; после отказа, видимо, сам Чулков предлагал себя на это место (см. ниже).

¹¹⁰ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 298. Ответные письма Чулкова Тастевену до сих пор не были опубликованы; точных данных о месте их хранения не имеются.

¹¹¹ Там же, стр. 300.

¹¹² Недатированное письмо Чулкова 1907 года: датируется серединой сентября 1907 года на основании данных, содержащихся в письме Блока Вяч. Иванову от 5 сентября 1907 года: «[...] Георгий Иванович едет к Вам» (цит. по: Е. Л. Белькинд, «Блок и Вячеслав Иванов» // *Блоковский сборник, II*, Тарту, 1972, стр. 373).

страницами «Золотого руна» для проведения борьбы против «Весов», которые, по отношению к нему и его «мистическому анархизму», вовсе не церемонились. Таким образом, идейными руководителями «Золотого руна» стали фактически Чулков и Тастевен¹¹³. О возвращении ранее ушедших из состава журнала было официально заявлено в осеннем выпуске «Золотого руна», на страницах которого была напечатана заметка «От редакции»: «В состав сотрудников “Золотого руна” вновь вступили: Л. Андреев, Бор. Зайцев, Ив. Бунин, Георгий Чулков, письмо которых помещается ниже: “В виду изменения программы журнала ‘Золотого руна’ и редакционных заявлений, появившихся в №№ третьем и шестом, а также в виду реорганизации редакции мы вновь вступаем в состав сотрудников журнала”»¹¹⁴. Настолько деятельно Чулков принимал участие в делах о реформе журнального коллектива, что в сентябре 1907 года была выдана выплата ему определенной суммы «на покрытие расходов, сопряженными с хлопотами в пользу “Руна”»¹¹⁵.

В своей книге «Годы странствий» Чулков оставил воспоминание о собственном положении внутри журнала: «Благодаря Г. Э. Тастевену, можно было на столбцах “Золотого руна” в последние два года существования этого журнала печатать такие статьи, которые были уже неприемлемы для “Весов”. По крайней мере ни я, ни Вяч. Иванов ни разу не встретили каких-либо помех, печатая в журнале все, что нам хотелось» [ГС, с. 183-184]. Начиная с 1908 года, из номера в номер появились в «Золотом руне» художественные произведения Чулкова: драма «Семена бури» – 1908, № 2 (стр. 25-38); рассказ «Сестра» – 1908, № 3-4 (стр. 51-55), «Сентябрь» – 1908, № 11-12 (стр. 50-55); цикл стихотворений «Петербургские стихи» – 1908, № 6 (11-12), «Свадьба» – 1908, № 10 (стр. 21)¹¹⁶.

¹¹³ Тастевен обсуждал с Чулковым вопросы, связанные не только с переустройством журнала, а еще и с практическим ведением журнала (ему было предложено взять на себя руководство отдела литературных хроник. Подробнее см. в: А. В. Лавровым, «Золотое руно», ук. соч., стр. 379.

¹¹⁴ «От редакции» // «Золотое руно», 1907, № 7-8-9, стр. 160.

¹¹⁵ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 298.

¹¹⁶ Среди всех выше процитированных произведений, следует обратить внимание на драму «Семена бури». Пьеса является композиционно и сюжетно оригинальным произведением, развивающим в театральной форме тему бунта и духовного смятения (в мистико-анархическом ключе), однако нельзя отрицать, что, с другой стороны, когда Чулков написал эту пьесу, он был хорошо знаком и шел по пути подражания лирической пьесы Блока «Король на площади» (пьеса была опубликована в № 4 «Золотого руна» за 1907 год, стр. 32-45). В «Семенах бури» Чулков преобразовал в художественном виде собственные мистические переживания, возникшие в результате первой русской революции и ставшие источником философско-эстетической теории «мистического анархизма». Относительно периода создания пьесы, Чулков написал в своих воспоминаниях: «[...] в событиях самой жизни и в явлениях культуры в те дни такой темный анархический мистицизм воистину торжествовал. Это была правда, а не выдумка. Тогда дьяволы сеяли семена бури» [ГС, с. 85]. Образ «бури» послужил сюжетообразующим элементом для выстраивания повествования: действие происходит в монастыре, в неопределенном времени, жизнь его обитателей возбуждена вестью о грядущем приходе личности, которая сможет освободить человечество от плена всех обязательных норм. В нерушимом соответствии с учениями Вл. Соловьева, эта личность имеет женские черты, ее имя – «Она» или «Дама в белом», монахи ее называют еще «Надежда», «Любовь». Ожидание ее появления приводит монахов в страх, в то же состояние, захватывающее человека перед бурей. Буря, в изложении Чулкова, является олицетворением революционного подъема, способного смести с лица земли старый, ложный порядок; после нее, будут посеяны новые семена, на которых строится новое общество, основанное на началах любви и музыки. Выбирая монастырь, как место для

Но все-таки, принимая очень близко к сердцу миссию борьбы против «Весов», против их академизма и педантизма, Чулков оказал самое заметное влияние на работу критического отдела журнала. На его страницах он опубликовал ряд статей, в которых он изложил новый, избранный им, как ответ на вопрос о кризисе индивидуализма, эстетический принцип «реалистического символизма», рассматриваемый как своего рода концептуалистическое развитие руководящих идей «мистического анархизма».

Первая статья, в которой Чулков начал основывать тезисы «реалистического символизма», озаглавлена «Разоблаченная магия» и появилась в первом номере «Золотого руна» 1908 года¹¹⁷. В ней Чулков полемизировал с провозглашенной «Весами» концепцией «декадентства», определяя ее, как неподвижную, кристаллизованную. По словам Чулкова, «магическое влияние на современность» этой особой группы символистов, во главе которой возносился сам Брюсов, прекратилось, а их магия – «разоблаченная». Для Чулкова-теоретика вопрос об индивидуализме, о кризисе декадентства, монополизированный «Весами», необходимо рассматривать в более широком понимании, относясь к нему, как к крупному явлению, как целостному миропониманию, а не в плане литературной школы¹¹⁸. Искания

прохождения действия, Чулков хочет поставить акцент на то, что последнее освобождение личности должно произойти именно на религиозной основе. Однако, развязка пьесы «Семена бури» окрашена мрачными тонами: старый порядок, выявленный в лице старца обители, становится непобедимым (старец сумел убедить монахов в устойчивости старой власти), что приводит к утверждению неосуществимости желанного безвластия (главный герой и дама в белом приговорены к смертной казни). В пьесе вопрос о наступлении нового порядка оказывается как бы уже решенным, безысходным (совпадающий, главным образом, с крушением идеалов первой русской революции) – в то же время как в ранних теоретических высказываниях Чулкова, события рассматривались еще с оптимистической точки зрения, предоставляя обществу своего рода «открытый финал» (ср. освободительный пафос «мистического анархизма»). Если учитывать, что пьеса была написана спустя два года после появления «мистического анархизма», ее можно рассмотреть, как симптом переоценки ценностей, которым подвернулось миропонимание Чулкова после утраты веры в революционные и освободительные идеалы: «Идеи мистического анархизма остались в прошлом и перестали вступать в качестве возможного ответа на насущные проблемы современности» // «Современная драматургия», 2016, № 4, стр. 222-228; здесь стр. 225. Это объясняется тем, что уже тогда Чулков начал выстраивать новую концепцию «мистического национализма» в признание мессианской роли России и русского народа (ср. Г. И. Чулков, *Судьба России. Беседа о современных событиях*, Пг., 1916, 45 с.).

Подробнее о театре Чулкова см. в: М. В. Михайлова, «“Дух легкой бодрости его сопровождал...”» (предисловие к публикации пьесы Г. Чулкова “Душенька”) // «Современная драматургия», 2010, № 3, стр. 210-219; Она же, «“Живому сердцу нет отрады, когда в бреду безумный мир...”» Театр Георгия Чулкова: эволюция драматурга // «Современная драматургия», ук. соч. (часть данной статьи, посвященная драме «Семена бури», была написана при участии автора настоящей работы). Частичные результаты сравнительного анализа работ Чулкова «О мистическом анархизме» (1906 г.), «Анархические идеи в драмах Ибсена» (1907 г.) и «Семена бури» (1908 г.), были нами представлены на конференции «Лотмановские чтения» (Таллин) в 2015 году.

¹¹⁷ Г. И. Чулков, «Разоблаченная магия» // «Золотое руно», 1908, № 1, стр. 61-64. Далее статья была включена в его первое собрание критических статей «Покрывало Изиды». См.: Г. И. Чулков, «Разоблаченная магия» // Он же, *Покрывало Изиды*, М., 1909, стр. 115-124. Все цитаты взяты из этого издания, страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

¹¹⁸ Сотрудники «Весов», по мнению Чулкова, ложно убеждены, что фактор, внутренне предопределяющий художественную школу, – это мирозерцание и этим они только и доказывают собственную «идейную нищету»; с его точки зрения, это отношение к искусству (выбор общих художественных приемов) характеризует литературную школу, и те, которые принадлежат ей, могут разделять вполне противоположные взгляды. К тому же, Чулков добавляет: «Когда мне приходилось писать против декадентов, я имел в виду не литературную школу, которая в сущности уже дифференцировалась, а декадентство, как известное мироотношение – явление более

нового идейного движения (противостоящего ложного декадентства) вступают на путь религиозной общественности – современная душа требует расширения опытов: начало индивидуализма заменяется началом универсализма и, какое бы название оно не носило (среди возможных Чулков перечисляет и свой «мистический анархизм»), смысл всех этих переживаний заключается в «призыве разорвать круг индивидуального опыта и [...] в протесте против уз неподвижной догматики» [стр. 123].

Статья «Разоблаченная магия»¹¹⁹, воспеваает разрыв с индивидуальным опытом и вполне соответствует избранной тактике «Золотого руна» – прямое нанесение удара, путем полемики и столкновений, устаревшей эстетики «Весов». В замену они предлагали новую собственную идеологию, основанную на принципах «реалистического символизма». Этой задаче Чулков посвятил две последующие критические статьи, «Лилия и роза» и «Исход»¹²⁰. В «Лилии и розе» Чулков впервые вводит дифференциацию между «идеалистическим символизмом» и «реалистическим символизмом»: крайний индивидуализм предопределяет первая группа, символист-идеалист – это преимущественно лирик, декадент, творящий идеальный мир, отвлеченный от действительности. С другой стороны, «реалистический символизм» определяется, прежде всего, концепцией «цельного знания»: символист-реалист исследует мир, познает его тайны, все видимое для него есть символ, раскрывающий «ряд мистических потенций, восходящих к абсолюту» [«Лилия и роза», стр. 34]. Поэт-реалист несет свою ответственность перед народом и перед миром за свое знание, становясь поэтом-пророком, он «разделяет предчувствия народа и воплощает их в реальных символах. В этом его пророческая миссия» [«Лилия и роза», стр. 43]. Выясняя вопрос о кризисе символизма, Чулков распознает положительные черты в «подлинном и мудром декадентстве» Федора Сологуба, в то же время, произведения «эпигонов символизма» (под которыми он подразумевал Брюсова и «весовских» лидеров) характеризуют «уличное декадентство», с его «фокусами в стиле модерн» и «экспериментализмом».

крупное, чем кружок журнала “Весы”. А что до чисто литературной дифференциации, то это уже иной вопрос: здесь нам пришлось бы говорить о символизме, новом реализме и мифотворчестве. А теперь я говорю о том крайнем индивидуализме, который интересует меня как факт психологический, а не как литературная школа» [стр. 118].

¹¹⁹ Когда статья была подготовлена к печати, Тастевен написал Чулкову: «Спешу известить Вас о получении Вашей статьи; – это настоящий динамит, подведенный под устои “декадентства”. Думаю, что в Московском Парнасе она вызовет большое озлобление» (цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, ук. соч., стр. 318*). К тому же, на протяжении нескольких писем Тастевен не однократно выразил Чулкову опасения за боевой характер его выступлений; в его намерениях было сохранить репутацию беспартийности журнала в затеянной идейной борьбе с «Весами».

¹²⁰ Г. И. Чулков, «Лилия и роза» // «Золотое руно», 1908, № 6, стр. 51-54; Он же, «Исход» // «Золотое руно», 1908, № 7-8-9, стр. 99-105. Далее статьи были включены в собрание критических статей «Покрывало Изиды». См.: Он же, *Покрывало Изиды, ук. соч., стр. 33-43 («Лилия и роза») и 64-80 («Исход»)*. Все цитаты взяты из этого издания, страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

К числу представлений разложенного декадентства, Чулков в первую очередь относит произведения Брюсова. Его поэзия, полная «фальшивым пафосом» и «декадентской идеологией», общедоступная, потому что она «программная» и «эта программность пленяет и покоряет большинство, всех тех, кому недоступна поэзия непрограммная» [«Исход», стр. 72]. Принципы «реалистического символизма» основывались Чулковым на творческих достижениях Вячеслава Иванова, зовущего, через созданную им систему реальных символов, «на путь религиозно-общественных действий» и на стремлениях найти «связь между своим индивидуальным творчеством и стихийным творчеством народа» (здесь Чулков имеет в виду прозу Ремизова и поэзию Городецкого).

В понимании автора, выход из «декадентского сенакля» предоставлен «реалистическим символизмом». В четвертой теоретической статье «Покрывало Изиды»¹²¹ новое искусство, основанное на началах реализма, рассматривается, как исход «из идеалистического плена на путь реальной символики» [стр. 17]: современная душа уже не может удовлетворить себя идеалистическим миром, она требует познания живой, мистической реальности. По пути нового, не «декадентского» опыта, связанного с тайнами сущности мира и с раскрытием связи между художником и миром (суть религиозной общественности), личность утверждает себя в мировом целом – что, с точки зрения Чулкова, соответствовало принципам «мистического анархизма». «Реалистический символизм» предопределяет собой символику действительного бытия, преодоление индивидуалистического искусства. Человек, пересоздав себя и освободившись ото всех уз мнимых ценностей, открывает себе путь к приобретению сокровенных знаний. В этом плане «мистический анархизм», под которым Чулков подразумевал философствование о путях свободы (такое определение «мистического анархизма» принадлежит Вячеславу Иванову¹²²), связан с «мистическим реализмом» и заключает, что «эволюция символизма от декадентства до реалистического символизма – это прямой путь к созиданию последней ценности – человека» [стр. 32].

Проза Чулкова вполне соответствовала, по мнению Тастевена, принципам «реалистического символизма», являясь примером «синтетического стиля» в отличие от субъективного импрессионизма символистов-идеалистов. Однако, как заметил А. В. Лавров в статье, посвященной «Золотому руно», попытки «золоторунцев» подготовить идейную почву,

¹²¹ Г. И. Чулков, «Покрывало Изиды» // «Золотое руно», 1908, № 5, стр. 66-72. Далее статья была включена в его первое собрание критических статей «Покрывало Изиды». См.: Г. И. Чулков, «Покрывало Изиды» // Он же, *Покрывало Изиды*, ук. соч., стр. 13-32. Все цитаты взяты из этого издания, страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

¹²² В. И. Иванов, «О неприятии мира и мистический анархизм» // Г. И. Чулков, *О мистическом анархизме*, СПб., 1906, стр. 5-26.

на которой базировать все их рассуждения¹²³, «были малоэффективными в силу своей умозрительности, очевидной сконструированности, прямолинейности [...] в них фактически игнорировалась общая картина литературной жизни, деятельность писателей-реалистов, не говоря уже о насущных проблемах социальной жизни России»¹²⁴.

Дальнейшее развитие теоретических основ «реалистического символизма» были намерены давать и Чулков и Тастевен. Когда в 1909 году «Золотое руно» прекратило свое существование (к слабости идейных лозунгов прибавились издательские осложнения¹²⁵), Тастевен прилагал немало усилий для подготовки нового издания, в котором должен был непосредственно участвовать и сам Чулков. В недатированном письме от первой половины 1910 года Тастевен написал Чулкову: «[...] я теперь очень ясно сознаю, что именно в настоящий момент следовало бы продолжать отстаивать и развивать то, что слишком эскизно и неясно было набросано в “Золотом руно”. Спокойным обсуждением и развитием идей реалистического символизма можно было бы несколько расчистить атмосферу от этого внезапного возрождения всякого рода формализма, эстетизма, которое опять грозит искусственно затормозить развитие русского искусства»¹²⁶. В том же письме он сообщил ему последние новости относительно поисков издателя для нового альманаха – Тастевен был намерен издать первый выпуск, вслед за успехом которого должна была появиться целая серия. 10 июля 1910 года Тастевен очередной раз написал Чулкову, попросив его прислать для предполагаемого сборника статью, а также рассказ¹²⁷. Попытки обернулись неудачей – несмотря на все старания, сборник так и не удалось опубликовать.

После публикации критических статей на страницах «Золотого руна», Чулков продолжил теоретически развивать и защищать собственную концепцию «реалистического символизма», ставшую тогда его фундаментальной мировоззренческой опорой. В одной из его многочисленных биографий написано:

Сам Чулков считал себя символистом и защищал эстетику и поэтику символизма в многочисленных статьях, которые он напечатал в «Золотом руно» и в других изданиях. Однако, в это же время он был «зачинателем» того раскола в школе символистов, который привел в конце концов к резкой полемике с Чулковым близких его соратников. Георгий Чулков вел борьбу с индивидуализмом в литературе, с декадентским субъективизмом и «парнассизмом» во имя «нового реализма» и «органической общественности» [Биография 1938].

¹²³ Имеется в виду не только концепция «реалистического символизма», выдвинутая Чулковым, а также, например, идея «мифотворчества» Городецкого, предоставленная им, как личное решение вопроса о развитии символического искусства. Ср., например: С. М. Городецкий, «Идолотворчество» // «Золотое руно», 1909, № 1, стр. 93-101 и Он же, «Формотворчество» // «Золотое руно», 1909, № 10, стр. 52-58.

¹²⁴ А. В. Лавров, «Золотое руно», ук. соч., стр. 484.

¹²⁵ А. В. Лавров, «Золотое руно», ук. соч., стр. 485.

¹²⁶ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 366-367.

¹²⁷ Там же, стр. 367.

Достаточно четко Чулков вновь изложил собственное понимание символизма в программной статье «Оправдание символизма», в которой «читатель найдет опыт истолкования той эстетической теории, которую принято называть символизмом»¹²⁸. Статья была впервые напечатана на страницах еженедельника «Голос жизни» в 1915 году¹²⁹. Избирая своим мировоззрением принципы «реалистического символизма», Чулков поднимает свой голос в защиту символизма, подвергающегося в то время решительному отрицанию со стороны позитивизма, акмеизма и футуризма. Разграничивая символизм, как школу и символизм, как миропонимание, Чулков стремится обосновать психологические основания высказанных им тезисов: символизм «кладет свою печать на всемирную литературу всех веков, определяя собою тип поэта или, по крайней мере, его путь, его стремление» [№ 24, с. 14]. Таким образом, Чулков относит к числу великих символистов Данте, Ибсен, признавая Достоевского символистом «по преимуществу» и его творческий метод, «реализм в высшем смысле», определением истинного символизма, оправдание которого в раскрытии «в знаках этого относительного мира его сущности» [№ 24, стр. 15]. В понимании Чулкова символизм означает познание и ознаменование видимой и преходящей реальности, которая соответствует цельной и бесконечной истине, открывающейся за изображаемой вещью, поэтому вопрос о смысле жизни и о переоценке искусства непосредственно связан с вопросом об отношении к символизму.

Для Чулкова современность находится на пороге культурного возрождения: мир, открывавшийся перед глазами символиста – «прелюдия ко дню восстания из мертвых»¹³⁰ [№ 25, стр. 12]. Путь символиста определяется через личность, которая «может осознать себя лишь в единстве, в полноте бытия, в плероме, без коей весь мир распадается на зеркальные осколки множественности и хаотического беспорядка» [ГС, с. 86]. Символизм ведет личность «в мир высших целей», где светится правда «цельного знания». Концепция «цельного знания» становится для Чулкова центральной опорой:

[...] Чулков являлся противником как всякого рода «позитивизма», так и всякого рода «идеализма», если этот последний понимается по-кантиански или вообще в духе немецкой метафизики. Для Чулкова всякая спекулятивная философская концепция – отвлеченное начало. По его представлению, важно лишь

¹²⁸ Г. И. Чулков, *Наши спутники. 1912-1922*, М., 1922, стр. 5 [предисловие].

¹²⁹ Г. И. Чулков, «Оправдание символизма [начало]» // «Голос жизни», 1915, № 24, 10 июня, стр. 13-17; Он же, «Оправдание символизма [продолжение]» // «Голос жизни», 1915, № 25, 17 июня, стр. 7-12. Далее статья была включена в сборники 1916 г. «Вчера и сегодня» [стр. 94-113] и 1922 г. «Наши спутники» [стр. 99-125]. Цитируется по первоначальной публикации в «Голосе жизни», страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

¹³⁰ В то время Чулков активно популяризировал эти идеи, читая лекцию «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет?» в залах, например, Тенишевского училища, во всероссийском литературном обществе, в литературно-художественном кружке в Москве. См., например, несколько отзывов: <Щ.>, «Искусство и жизнь [Лекция Г. И. Чулкова]» // «День», 1914, № 16, 17 января, стр. 4; <Без подписи>, «Пробуждаемся мы или нет?» // «День», 1914, № 53, 24 февраля, стр. 2; <Без подписи>, «Лекция Георгия Чулкова» // «Русские ведомости», 1914, № 53, 5 марта, стр. 5.

«цельное знание», основанное на реальном опыте. Этот опыт возможен как непосредственная данность. В этом смысле Чулков называет себя реалистом [Биография 1938].

Следует отметить, что символическое постижение мира достижимо лишь сквозь мистическую интуицию, сквозь религиозный опыт: «[...] всякая религия всегда стремится к цельному знанию, к сущности вещей, к истинному бытию. Это стремление не есть какая-то идейная спекуляция, а естественный рост человека в его духовном опыте. Религия, как злаки, цветы и деревья, имеет корни в земле и расцветает, питаясь лучами солнца, которое на всех путях мира было символом вечной жизни»¹³¹.

В статье «Оправдание символизма», которую, по мнению исследователя, можно считать последним теоретическим обсуждением вопроса о символизме¹³², Чулков подытоживал в конце: «Наши дни, исполненные таких глубоких и трагических движений внутри нации и требующие от нас решительного и сознательного отношения к мировым событиям, ставят перед поэтом огромную и ответственную задачу. Такого испытания не выдержит ни акмеизм, ни футуризм, ни внешний реализм. Только символическое мироотношение позволяет нам разгадать тайный смысл событий и достойно встретить будущее России» [№ 25, стр. 12].

Необходимо также упомянуть, что на страницах «Золотого руна» нашла отражение еще одна полемика, начатая на рубеже 1908-1909 гг. Чулкова с Блоком, при выяснении мировоззренческих разногласий на тему русской культуры и исторического процесса. Обсуждение началось в начале декабря 1908 года, когда Чулков первоначально устно высказал свое мнение Блоку после того, как он услышал его доклад «Россия и интеллигенция»¹³³. 14 декабря Блок написал матери: «10-го спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть – о “России и интеллигенции”»¹³⁴. Блок повторил чтение доклада в петербургском Литературном обществе 12 декабря и, в этот раз, Чулков должен был участвовать в прениях. 5 декабря он написал Блоку: «[...] зайдите ко мне сегодня вечером и, если можно, принесите Ваш реферат о народолюбии, дабы я мог подготовиться к ответу. Или, по крайней мере, принесите Ваши тезисы: я что-то не очень их припоминаю, грешен»¹³⁵. Собрание обернулось неожиданностью: тезисы докладчика были враждебно встречены оппонентами и Чулков, во имя чувства

¹³¹ Цит. по: письмо Чулкова к В. Н. Фигнер от 22 января 1926 года в: Я. В. Леонтиев, «“... Ничто не может заменить религию” (Сокровенные письма Георгия Чулкова)» // «Звезда», 1995, № 3, стр. 116-125; здесь стр. 121.

¹³² См. в: Л. А. Сугай, «Георгий Чулков и его поэма “Русь”» // «Вестник славянских культур», 2000, № 1, стр. 66-72.

¹³³ По всей вероятности, Чулков впервые услышал доклад Блока еще в середине ноября, когда Блок только начал подготавливать речь. 12 ноября он предварительно прочитал доклад присутствующим на Религиозно-философском собрании («На всех рефер.<at> мой (“Россия и интеллигенция”) произвел сильные впечатл.<ения>, будет очень много возражений. И публики будет очень много» // А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 188)

¹³⁴ А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 196.

¹³⁵ А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч., стр. 410.

интеллигентской солидарности, встал на защиту докладчика¹³⁶. Собственное несогласие он выразил лишь в статье «Memento Mori»¹³⁷. В своих воспоминаниях Чулков дает объяснение рождению этой полемики: «Доклад Блока был весьма примечателен своим пророческим духом. Поэт в самом деле с необычайной остротой предчувствовал стихийный характер надвигающейся революции. Он был сам сейсмографом, свидетельствующим, что близко землетрясение. Чувство катастрофичности всегда было присуще и мне, – и не эти предчувствия вызвали мое возражение Блоку. Мне был неприятен в его докладе тот невыносимый удушающий пессимизм, которым веяло от всего этого мистического косноязычия. Я тогда же устно и печатно возражал Блоку» [ГС, с. 137-138]. В основах размышлений Блока лежало положение о том, что между интеллигенцией и народом есть «недоступная черта» и что этим мыслящим людям необходимо будет носить ответственность за состояние России и за ее судьбу. Чулков, с тогда ему привычной точки зрения «универсализма», обосновывал свои рассуждения на том, что та рознь, о которой говорит Блок, существует на самом деле между определенной – «декадентской» – частью интеллигенции и народной стихией, заново поднимая разговор о «кризисе декадентства» и о путях к соборной общественности, и утверждал, что разрыв между личностью и общественностью находится вне категории интеллигенции и народа.

Блок ответил замечаниям Чулкова в докладе «Стихия и культура», прочитанном 30 декабря 1908 года в том же Религиозно-философском обществе. Он, напротив, упрекал Чулкова в противоположном чрезмерном оптимизме, подчеркивая слишком узкое толкование вопроса, поставленного исключительно биномом декадентство/народ. Чулков ответил в статье «Лицом к лицу», опубликованной в «Золотом руне» в начале 1909 года¹³⁸. Статья появилась в одном номере журнала вместе со статьей Блока «Россия и интеллигенция»¹³⁹: подобное совмещение вызвало у Гастевена опасение, поскольку «[...] может получиться впечатление разлада между членами группы, а, мне кажется, теперь бы этого тактически не следовало бы особенно подчеркивать»¹⁴⁰. После этого письма, Чулков тоже задумался над уместностью подобного поступка, однако внести какие-либо изменения было уже невозможно: «[...] Статью о Блоке выкинуть уже было нельзя, и все то, что я мог сделать, это выкинуть довольно ядовитое замечание о бомбе, оставленное в “Cafe de Paris” [...] думаю, что № 1 все-таки будет

¹³⁶ Об этом письмо Л. Д. Блок А. А. Клубничкой-Питтиоух от 14 декабря 1908 года. См.: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, ук. соч.*, стр. 341.

¹³⁷ Г. И. Чулков, «Memento mori» // «Речь», 1908, № 315, 22 декабря.

¹³⁸ Г. И. Чулков, «Лицом к лицу» // «Золотое руно», 1909, № 1, стр. 105-108. Цитаты взяты из этого издания, страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

¹³⁹ А. А. Блок, «Россия и интеллигенция» // «Золотое руно», 1909, № 1, стр. 78-85.

¹⁴⁰ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, ук. соч.*, стр. 347.

очень интересным»¹⁴¹. В этом втором полемическом ответе, Чулков отстаивает мысль о том, что, если в первом докладе Блок отождествлял интеллигенцию с декадентами, то, во втором, он ее сблизил с буржуазией и привилегированном дворянством, и делает акцент на логической несостоятельности его тезисов, продиктованных лишь лирической интуицией. Признавая, что Блок не причастен к мистическому анархизму, который он сам исповедует¹⁴², Чулков тем самым называл мировоззрение Блока «анархический мистицизм», под которым он подразумевал тот «безрелигиозный анархизм», не нашедший идейной формы и определяемый «настроением и лирикой» [стр. 108].

В «Золотом руне» Чулков поместил еще одну статью, посвященную собственной интерпретации творчества Блока и озаглавленную «О лирической трагедии»¹⁴³. Статья была написана под влиянием пьесы Блока «Песня судьбы», первую редакцию которой Блок прочитал в квартире Чулковых 4 мая 1908 года¹⁴⁴. Многие критики той поры были склонны узнать в одном из действующих лиц пьесы (Друг Германа) сходную физиономию Чулкова¹⁴⁵. В этой статье автор воспринимает достаточно сурово драматические опыты Блока, подчеркивая, что подобная драматургия не пригодна для сценического воплощения в театре будущего: лирика настолько преобладает, что опыты Блока как бы лишены всякого драматического действия и, следовательно, сцены «становятся аморфными и бездейственными» [стр. 151]. В связи с толкованием художественного мира поэта, годом раньше Чулков написал статью «Снежная дева», напечатанной в десятом номере «Золотого руна»¹⁴⁶. Чулков был одним из первых, кто обсуждал вопрос о влияниях на творчество молодого поэта, указывая на Жуковского, Фета и Вл. Соловьева, как «ближайших учителей» Блока. Тем самым, он подчеркивал связь с немецким романтизмом (особенно с Гофманом) и

¹⁴¹ Там же, стр. 347-348. Тастевен имеет в виду следующее высказывание Чулкова: «Мы все предчувствуем катастрофу. Но эти предчувствия не должны, однако, угашать в нас разума. И если наш внутренний опыт подобен динамиту или той бомбе, о которой живописно рассказал Блок, то все же нет надобности бросать эту бомбу так, зря, как была она брошена или – что еще хуже – забыта по рассеянности на столике Café de Paris» [ГС, с. 139].

¹⁴² Напомним, что, годом раньше, Блок (и, в том числе, Вячеслав Иванов), формально отрекся от какого-либо участия в теории, выдвинутой Чулковым, напечатав в «Весах» «Письмо в редакцию». См.: А. А. Блок, «Письмо в редакцию», ук. соч.

¹⁴³ Г. И. Чулков, «О лирической трагедии» // «Золотое руно», 1909, № 11-12, стр. 51-54. Далее статья вошла в пятый том собрания сочинений Чулкова. См.: Г. И. Чулков, *Сочинения. Т. 5. Статьи 1905-1911*, СПб., 1912, стр. 219-223. Цитаты взяты из этого издания, страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

¹⁴⁴ См. письмо к матери от 3 мая 1908 года: «Это – первая моя вещь, в которой я нащупываю не шаткую и не только лирическую почву, так я определяю для себя значение “Песни судьбы”, и потому люблю ее больше всего, что написал». А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 174.

¹⁴⁵ Подобная интерпретация дана А. В. Лавровым в уже упомянутой публикации переписки Чулкова с Блоком: «Для соотнесения образа Друга с Чулковым имеются веские основания: Друг сопровождает Германа в его скитаниях, Друг любит жену Германа Елену и сблизается с нею после его “ухода” в мир, и т. д.». А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком», ук. соч., стр. 378-379.

¹⁴⁶ Г. И. Чулков, «Снежная дева» // «Золотое руно», 1908, № 10, стр. 51-54. Далее статья была включена в собрание критических статей «Покрывало Изиды». См.: Он же, *Покрывало Изиды*, ук. соч., стр. 81-90. Все цитаты взяты из этого издания, страницы указаны в квадратных скобках в тексте.

сопоставил «Снежную королеву» Андерсена с «Землей в снегу» Блока. Чулков, взяв за основу творчество Блока последних лет, сознательно отстаивал свое мнение о преемственной эволюции внутреннего мира поэта. «Прекрасная дама, Незнакомка и Снежная Дева», – писал Чулков, – «это все образы единой сущности. И забвение прошлого, забвение прошлой иной любви не есть измена» [стр. 85]. На его взгляд, Блок, на последнем этапе его развития, заблудился в кругах идеалистического символизма. Выходом из этого ему представлялось познание реального, определяемое путем «оправдание земли и сораспятие с миром» [стр. 87]. По мнению Чулкова, начиная со стихотворения «Осенняя воля», Блок направлял свою лирику в пользу общественных тем национального самоопределения и народной стихии. Таким образом, он выделял сильную сторону поэзии Блока 10-х годов, которая образовалась в образно-сюжетной канве драмы «Песня Судьбы».

- Другие периодические издания

В завершении разговора об участии Чулкова в организации и редактировании периодических изданий, отметим еще как известное, так и несостоявшееся сотрудничество. Первое относится к 1907 году и связано с основанием общественно-политического и литературно-художественного журнала «Луч». О нем известно из письма Чулкова Блоку, датированного 17 сентября: «Устраивается журнал “Луч”. Кажется, это будет приятный журнал. Я в нем *пока* не участвую, потому что его редактор полемизировал с “Товарищем” – и мне неудобно сейчас выступать в этом журнале, но люди “независимые” – по-моему – могут там работать. Сологуб дал сказочку. Дайте им стихотворение»¹⁴⁷. Издателем журнала был философ и публицист Самуил Соломонович Зусман (печатавшийся под псевдонимом Гарт), который в 1907 году вступил в развернутую полемику с газетой «Товарищ», опубликовав ряд политических статей в петербургской газете «Слово»¹⁴⁸. Блок наладил отношения с редакцией журнала сразу после получения приглашения от Чулкова¹⁴⁹. Издание журнала началось в октябре 1907 года. Кроме Блока, с журналом сотрудничали Сологуб, Кузмин, А. Н. Толстой, Я. В. Годин. Чулков, заботившийся об организации журнала, писал Константину Эрбергу 5 октября 1907 года: «Опять у меня – Сем<ен> Сем<енович> Гарт, уверяет, что первый номер вышел неудачным по недоразумению, согласен предоставить Вам все культурные отделы. Попробуйте взять на себя общую редакцию этих отделов: может быть,

¹⁴⁷ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 403-404.*

¹⁴⁸ Там же, стр. 404.

¹⁴⁹ 20 сентября 1907 года Блок написал матери: «Появился на моем горизонте новый тип подобострастных людей: сейчас ушел приходивший второй раз редактор нового журнала “Луч” (я пришло тебе первый №), который кланяется чуть не в пояс, говорит на каждую фразу “спасибо” и оставляет денежные авансы». А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 142. В «Луче» Блок опубликовал стихотворения, статью и прозаический этюд.

что-нибудь и выйдет из этого журнальчика <...> Поставьте журнал на ноги: тогда, быть может, и я войду в него через некоторое время»¹⁵⁰. В конце концов Чулков так и не начал работать в «Луче». Его существование прекратилось со второго номера, по причинам, связанным с судебным преследованием.

На основании писем, можно сделать выводы о сотрудничестве Чулкова с другими изданиями, такими как, «Голос Москвы»¹⁵¹ (см. письмо В. Ф. Ахрамовича Чулкову от 5 октября 1907 года: «[...] Я мало смыслю в гонорарах, полагаю, что дадут вам около 1 руб. за стихи и 20-25 к. за прозу. Кажется, согласятся на псевдоним»¹⁵²) и альманахе «Белый камень»¹⁵³ (см. письмо А. А. Бурнакина Чулкову от марта 1908 года: «[...] Жду обещанного – “Весной на север” и материала для “Б<елого> К<амн>я”. Желательная статья – противовес походу на “эпигонов”, – разоблачение “магии” широкого захвата. Пора основательно почистить заржавленные “Весы”. Кроме того, прошу у Вас, Георгий Иванович, стихов и рассказа»¹⁵⁴). Издание, в котором предполагалось участие Чулкова, в итоге не состоялось.

Последнее сотрудничество, о котором стоит упомянуть, относится к более позднему периоду. В конце 1909 года Чулков был приглашен в возобновившуюся тогда газету «Утро России»¹⁵⁵. О возможном сотрудничестве с данным изданием свидетельствует письмо от редактора литературного отдела Бориса Зайцева, в котором обговариваются условия работы с материалом и возможный гонорар. 30 октября 1909 года Зайцев написал ему: «Дорогой Георгий Иваныч, Вы уже знаете, что возобновляется “Утро России”; мне поручен литературный отдел. Газета, кажется, будет несколько лучше, чем была раньше. К Вам просьба о рассказе. Размер его желателен – фельетон. Заплатят порядочно [...] Жду рукописи. Сколько бы Вы желали получать? Газета открывается 15-го числа (приблизительно)»¹⁵⁶. Дальнейшее участие Чулкова в газете «Утро России» не подтверждается точными данными, но известно, что в первом номере газеты за 1910 год был опубликован его рассказ «На даче»,

¹⁵⁰ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 404.*

¹⁵¹ «Голос Москвы» – ежедневная общественно-политическая газета, издававшаяся в Москве с 1906 по 1916 гг. Витольд Францевич Ахрамович (псевд. Ашмарин; ум. 1930) – литератор и кинематографист, старый знаком Чулкова еще со времен ссылки в Сибирь, был сотрудником газеты. Об участии Чулкова в этом периодическом издании нет точных данных.

¹⁵² *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, ук. соч., стр. 311.*

¹⁵³ «Белый камень» – название художественно-литературного журнала, который критик, поэт и публицист Анатолий Андреевич Бурнакин (ум. 1932) пытался основывать в 1908 году. Вышел только один номер [9-XI]. Второй том не осуществился. В 1907 году Бурнакин издал первый том одноименного сборника «Белый камень: альманахи индивидуального искусства и индивидуальной мысли» (М., 1907).

¹⁵⁴ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, ук. соч., стр. 320.*

¹⁵⁵ «Утро России» – ежедневная газета, издававшаяся в Москве с 1907 по 1917 гг. (в 1908 г. не выходила; в 1914 г. параллельно с основными номерами выходила как вечернее издание).

¹⁵⁶ Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10, ук. соч., стр. 60.*

который был раньше включен в первое прижизненное собрание рассказов Чулкова, изданное «Шиповником» в 1909 году¹⁵⁷.

2.7.2 Отдельные публикации произведений. Обстоятельства 1909 года

Наряду с редакторскими делами, в которых писатель активно выступал в качестве литературного критика и теоретика, Чулков также плодотворно занимался организацией собственных литературных дел. Особенное место в творчестве этого периода занимает создание и публикация театральной пьесы «Тайга», осуществившиеся в 1906-1907 годах. «Тайга» была напечатана в издательстве «Оры», созданном Вяч. Ивановым, как противовес московской группе символистов, объединившейся вокруг журнала «Весы» и издательства «Скорпион». Благодаря семейной переписке известно, что Чулков прочитал «Тайгу» супругам Ивановым в начале января и с немалым успехом: «Читал я пьесу свою Лид.<ии> Дм.<итревне> и Вяч.<еславу> Ив.<анову>. Им понравилась она и они предлагают издать ее в “Орах”, но – уввы! – без денег. Я переделываю отчасти ее» [ПП, п. 55]. Продолжение цитированного письма позволяет понять, что Чулков прочитал пьесу не только Ивановым, но и супругам Блок: «4 января обедал у Блока. Ему и Любви Дмитр.<евне> также “Тайга” – по-видимому – нравится» [ПП, п. 55]. Пьеса вышла в свет в следующем 1907 году, в Санкт-Петербурге, обложку выполнил Мстислав Добужинский¹⁵⁸. В своих воспоминаниях Чулков написал: «Мои книги выходили в таких издательствах, как “Оры”, “Золотое руно”, “Факелы” и пр. – в них, конечно, было лестно печататься, но материальных благ они не давали» [ГС, с. 239-240].

Пьеса относится к циклу произведений, объединенных таежной тематикой. Данная сюжетная линия стала ведущей во всех произведениях, написанных Чулковым по возвращению из ссылки. Как было прежде сказано, таежный миф воплотился в серии рассказов и стихотворений, опубликованных в первом изданном сборнике «Кремнистый путь», затем собранных в первые тома прижизненного собрания сочинений. Хотя эти стихотворения доставляли, по выражению Зайцева, «мало удовольствия»¹⁵⁹, именно первый рассказ «Тайга» оказался, по оценке его рецензента Allegro (псевдоним П. С. Соловьевой), совершенно иным: «В этом небольшом рассказе представлена глубочайшая драма человеческой души. Человек понял и ощутил впервые вполне ясно свое беспредельное одиночество, свою безнадежную оторванность, отчужденность от всего мира, того мира, красоту которого он так любил, с

¹⁵⁷ Г. И. Чулков, «На даче» // «День», 1910, № 71 (38), 1 января, стр. 4.

¹⁵⁸ Подписанный рукой Чулкова экземпляр книги имеется в библиотеке Александра Блока, хранящейся в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге. Над экземпляром надпись, сделанная 18 апреля 1907 года: «Александр Блоку “светлейшему принцу” в знак любви Георгий Чулков». Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 390.

¹⁵⁹ Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 т. Т. 10*, ук. соч., стр. 15.

которым, как ему казалось, составлял одно нераздельное целое»¹⁶⁰. Тайга, изображенная в этих произведениях, становится для Чулкова символом человеческой жизни. Неизбежное и мучительное колебание между свободой и пленом толкает, например, главного героя рассказа, ощутившего на себе тяжелое дыхание «лохматой тайги», на убийство любящей жены¹⁶¹. То же самое и происходит в драме «Тайга»: увлекающийся шаманством доктор убивает свою жену-якутку по причинам непонятным и таинственным, а недавний житель тайги Юрий объяснит только что приехавшей к нему невесте: «Да, тайга жива. Я прикинул ухом к земле и слушал, как стучит таежное сердце. Темное, прекрасное сердце!»¹⁶².

Лирическая, по определению Чулкова, драма «Тайга» была на самом деле сурово воспринята современной литературной критикой. В «Русском богатстве» Владимир Короленко напечатал ядовитую рецензию, иронически обсуждая композицию и внутреннюю логику самой пьесы; в заключении он ее охарактеризовал, как «издевательство над здравым смыслом бедного читателя»¹⁶³. Блок так же признал пьесу неудачной и, по поводу лирических предположенных качеств пьесы, написал: «[...] лирические пророчества холодны, отвлеченны и непонятны»; в то же время, он смягчал суждение, добавив: «“Тайга” уступает некоторым рассказам Чулкова, но риторики в ней меньше, чем в иных его стихах»¹⁶⁴. Более резкая оценка произведения была дана Андреем Белым, в то время яростно выступавшим в печати против Чулкова в связи с «мистическим анархизмом». Насмешливая рецензия была напечатана на страницах «Весов» в шестом номере 1907 года¹⁶⁵: Белый ставил под сомнение компетентность Чулкова-драматурга, упрекая его в том, что пьеса является лишь скудным подражанием Метерлинка и Гамсуна («жалкий набор чужих слов») и что «бездарность господина автора опекается корифеями российской словесности (например, господами Вяч. Ивановым, Блоком и др.)» [стр. 70]. Тем не менее, имеется и другая оценка пьесы. В своих воспоминаниях он отмечает:

В это время как раз в издательстве «Оры» вышла моя трехактная лирическая пьеса «Тайга», о коей я слышал немало лестных отзывов из уст поэтов. Похвалил ее и Серов, но, помолчав, хитро прищурил глаза и сказал, будто бы робея:

– Ваша пьеса символическая, и я, конечно, понимаю, Георгий Иванович, что нельзя к ней предъявлять требования правдоподобия, но, знаете ли, простите меня, я как реалист не могу не сделать одного замечания. У вас там самка лося защищает детеныша рогами. А ведь у самки рогов-то нету... [ГС, с. 204].

¹⁶⁰ Allegro <П. С. Соловьева>, «Георгий Чулков. Кремнистый путь» [рец.] // «Новый путь», 1904, № 4, стр. 217.

¹⁶¹ Г. И. Чулков, *Кремнистый путь*, ук. соч., стр. 142.

¹⁶² Г. И. Чулков, *Сочинения*. Т. 4. *Стихи и драмы*, ук. соч., стр. 122.

¹⁶³ *Полное собрание сочинений В. Г. Короленко: в 9 томах*. Т. 9, Пг., 1914, стр. 368.

¹⁶⁴ А. А. Блок, *Собрание сочинений в восьми томах*. Т. 5, М.-Л., 1962, стр. 181-182.

¹⁶⁵ А. Белый, «Георгий Чулков. Тайга. Издательство “Оры”. СПб. 1907 г. Ц. 40 к.» // «Весы», 1907, № 6, стр. 69-70.

Благодаря письмам Зайцева к Чулкову известно, что «Тайга» была включена в список репертуарных пьес московской театральной студии Петра Михайловича Ярцева¹⁶⁶. «Интимный» театр был задуман Ярцевым, вместе с Зайцевым, Б. К. Прониным и П. П. Муратовым в конце 1907 – начале 1908 года, как площадка для разыскания новых художественных форм. Предполагалось, что в этом создании будут принимать участие И. А. Сац, Л. А. Сулержицкий и молодые актеры МХТ¹⁶⁷. В декабре 1907 года пьеса Чулкова репетировалась в помещениях студии Ярцева; казалось бы, первоначально задумывалось ставить только первый акт. Зайцев написал Чулкову 7 декабря 1907 года: «Я видел первое действие “Тайга”. Выходит, я нахожу, очень недурно (я видел вчерне еще, но уже многое определяется)»¹⁶⁸. Несколько дней спустя Зайцев уточнил Чулкову, что «Тайга» идет целиком, а не только один акт (см. письмо от 18 декабря 1907 года). Открытие театрального сезона было запланировано на начало января 1908 года: в репертуаре, наряду с импрессионистской пьесой «Любовь» Бориса Зайцева, была внесена и «Тайга» Чулкова. 5 января 1908 года Зайцев сообщил Чулкову: «Нас, Зоря, преследуют неудачи (внешние). “Тайга” выходила очень недурно (я уже две недели не видал ничего) – но столько путаницы и ерунды в практической части “Предприятия”, что лучше пока молчать. Если все уладится все же, то спектакль состоится в конце января»¹⁶⁹. Намеченный спектакль, однако, не осуществлялся, так как студия Ярцева вскоре была закрыта. В воспоминаниях Чулкова тоже упомянуты неудачи, связанные с постановкой этой пьесы: «[...] в студии П. М. Ярцева, готовили к постановке мою “Тайгу”, но я не видел ни одной репетиции, а потом студия закрылась, и моя пьеса не увидела света» [ГС, с. 307-308].

В 1908 году, в издательствах «Факелы» и «Золотое руно», были выпущены еще две отдельные книги Чулкова. Первое издание, которое стоит назвать, это книга стихотворений «Весною на Север», вышедшая в свет в издательстве «Факелы»¹⁷⁰. Это вторая напечатанная книга лирических опытов Чулкова. На самом деле книга была издана в октябре 1907 года, несмотря на то, что на титульном листе помечен 1908 год. 3 ноября 1907 Блок написал Чулкову: «Спасибо, Георгий Иванович, за книгу, за надпись и за посвящение поэмы, которую люблю»¹⁷¹ [ГС, с. 374]. Упомянутая Блоком поэма – «Весною на север», раньше

¹⁶⁶ П. М. Ярцев (1871-1930) – театральный критик, драматург, режиссер; печатался в газетах и журнале «Театр и Искусство». Его пьесы ставились в театрах Корша, Незлюбина и МХТ.

¹⁶⁷ См.: Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч., стр. 320; а также страница, посвященная Ярцеву на сайте МХТ им. Чехова: <<http://mxat.ru/history/persons/yartsev/>> [последнее посещение: 10/07/17].

¹⁶⁸ Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*, ук. соч., стр. 43.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Издательство «Факелы» был создан при книгоиздательстве «Д. К. Тихомирова», склад которого находился в Санкт-Петербурге в Толмазовом переулке (ныне переулок Крылова).

¹⁷¹ Книга с посвящением сохранилась в библиотеке Блока в ИРЛИ. Надпись: «Александр Блоку Георгий Чулков. 1907». См.: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 390.

опубликована в «Золотом руне» в 1906 году; в ней Чулков отразил свои впечатления от путешествия по Лене, совершенного вместе с другими политическими заключенными в Сибири. Поэма, посвященная Александру Блоку (посвящение сохранилось и в переиздании поэмы в четвертом томе собрания сочинений), является одним из немногих признанных Блоком стихотворений Чулкова-поэта. Книга состоит из семи разделов: «Багряный сев», «Печаль», «Шаман», «Обручение», «Сонеты», «Весною на север» и «На червленой дороге». На отдельной странице напечатана заметка, в которой перечислились стихотворения Чулкова, уже опубликованные в других изданиях¹⁷². Книга была воспринята критикой сдержанно: один из ее первых рецензентов, Корней Чуковский считал, что «Стихи г. Чулкова еще не написаны. Они кончаются именно там, где им следовало бы начаться: у входа в бытие»¹⁷³. Среди них, цикл стихов «Шаман», с подзаголовком «Отрывки неоконченной поэмы», раньше входил в состав альманаха «Белые ночи», а также «Обручение» было впервые напечатано в альманахе, организованном Вяч. Ивановым, «Цветник Ор. Кошница первая»¹⁷⁴. Следует выделить эти две группы стихотворений потому, что в них особенно ярко отражаются черты, характерные для художественной манеры Чулкова: во-первых, это типичное для этого периода подражание Блоку. Шаман, из первого процитированного цикла, по мнению того же Чуковского «похож на Александра Блока», а цикл «Обручение» является едва ли не перефразированием напечатанной годом раньше, в тех же «Орах», «Снежной маской» Блока¹⁷⁵. Во-вторых, автобиографизм и постановка сюжета на реальных событиях (то, что Вячеслав Иванов точно охарактеризовал «привычка реферировать протокольно биографии знакомых»¹⁷⁶). Отложив в сторону таежную линию повествования, которая была ему свойственна в произведениях того периода, Чулков в этом цикле переносит действие в реальную обстановку, изображая ту петербургскую жизнь, которая знакома всем его обитателям¹⁷⁷.

¹⁷² «Некоторые стихи, собранные в этой книге, уже появлялись ранее в журналах и альманахах. Так: стихотворение “Из Метерлинка” было напечатано в журнале “Новый путь”; “Качели” и “И новый день погаснул...” – в “Вопросах жизни”; “Зарево”, “Пьяный Бор к воде склонился...” и “Весна” – в “Факелах”; “Я на темных полях...”, “Вокруг тайга...”, “Прозвенела весна...”, “О, мать моя! Святая...” – в “Перевале”; “Пастух”, “Три дороги”, “В зеленоокой тайге...” – в “Кораблях”; цикл стихов “Обручение” – за исключением стихотворения “Беглянка” – в “Цветник Ор”; “Беглянка” и отрывки из поэмы “Шаман” – в “Белых ночах”; “Жатва” и поэма “Весною на Север” – в “Золотом руне”. Остальные стихи появляются в печати в первый раз» // Г. И. Чулков, *Весною на Север: Лирика*, СПб., 1908, стр. 87.

¹⁷³ К. И. Чуковский, «Третий сорт» // «Весы», 1908, № 1, стр. 87-92; здесь стр. 88.

¹⁷⁴ Г. И. Чулков, «Обручение» // *Цветник Ор: Кошница первая*, СПб., 1907, стр. 107-120.

¹⁷⁵ О «непреодолимом и покорном подчинении Блоку» говорилось также в рецензии на кн. «Цветник Ор», подписанной Аббадоном и опубликованной в «Перевале», 1907, № 12 (октябрь), стр. 65.

¹⁷⁶ В. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2*, Брюссель, 1974, стр. 787.

¹⁷⁷ Автобиографический пласт прослеживается во многих рассказах, написанных Чулковым в первой половине XX века. Непосредственно связанные с рассматриваемым нами периодом, следует упомянуть три рассказа: «Архивариус» (1908 г.), «Парадиз» (1909 г.), «Полунощный свет» (1909 г.). Предыстория рассказа «Архивариус» берет свое начало в июне 1908 года, в ту пору, когда Чулков и Блок были еще связаны настоящими и дружескими отношениями (это длилось приблизительно до конца года, затем их близость начала постепенно ослабевать). 28-

Второе издание – «Покрывало Изиды». Первый сборник критических статей Чулкова был издан осенью 1908 года в издательстве «Золотое руно». Еще летом велись переговоры

29 июня 1907 года Блок, Чулков и Аничков, прогуливаясь по Петербургу, катались на моторной лодке по Финскому заливу. Этот эпизод нашел художественное воплощение в стихотворении Блока «В северном море», если верить его словам к жене: «Часть этого описана в стихах» (цит. по: *Литературное наследство. Т. 89, М., 1978, стр. 206*). Стихотворение является частью цикла «Вольные мысли», опубликованного с посвящением Чулкову, что может быть рассмотрено, как знак того, что факт действительно имел место в реальности. Чулков также воспользовался этим эпизодом его личной биографии, чтобы создать рассказ «Архивариус». Герой рассказа – сотрудник архива Шмидт, типичный представитель среднего класса. У него есть, однако, одна пламенная страсть – его яхта, на которой, по весне, архивариус любит кататься по Финскому заливу. Центральную часть рассказа Чулкова занимает именно тот эпизод, когда навстречу парусной яхте шла моторная лодка, описанный Блоком в стихотворении «В северном море». 9 июня 1908 года Чулков написал Блоку: «Посылаю Вам своего “Архивариуса”» (цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, укр. соч., стр. 405*). Рассказ был напечатан в газете «Речь» (Г. И. Чулков, «Архивариус» // «Речь», 1908, № 136, 8 июня). Блок ответил Чулкову 14 июня: «За “Архивариуса” спасибо, я его еще раньше прочел, здесь получается – “Речь”. Мне очень нравится, а Марья Андреевна говорит, что его сжатость доказывает настоящее мастерство» [ГС, с. 380].

Второй рассказ, основанный на реальных событиях, – «Парадиз». Он был напечатан в журнале «Образование» (1908, № 7, стр. 49-73). На него откликнулись сразу Блок, написавший матери 7 августа 1908 года: «Посылаю тебе № “Образования”, прочти рассказы Сологуба и Чулкова (последний – по-моему, лучшее, что он писал; я потребовал, чтобы в книжке он был посвящен мне, потому что и действующие лица – все знакомые – Герт, конечно, я. А какой свежий и сильный рассказ, неправда ли?)» (цит. по: А. А. Блок, *Письма к родным, укр. соч., стр. 184*) и Тастевен, который 15 августа известил друга: «С большим удовольствием читал Ваш рассказ в “Образование”, где Вы вывели Блока» (цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, укр. соч., стр. 333*). В основе рассказа лежит эпизод личной биографии Чулкова и Блока, документированный в этот раз воспоминаниями Пяста (ср.: *Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1, М., 1980, стр. 390-391*) и Верховского (ср.: Ю. Верховский, «В память Александра Блока. Отрывочные записи, припоминания, раздумья» // «Дружба народов», 1980, № 11, стр. 249-260; здесь стр. 259). Героиня рассказа – Наташа, романтическая девушка, которая наивно мечтает о счастье и большой любви. Претерпев приставания отчима, она обратилась за помощью к тетке, а та увозит ее к сводне, владелице кафешантана «Парадиз», где Наташа становится проституткой. Не углубляясь здесь в различные подтексты рассказа, достаточно обратить внимание на ключевую его сцену, послужившую развязкой всего произведения. В кафе, где работает главная героиня, появляется небезызвестный поэт Александр Александрович Герт, в сопровождении старого друга Сергея Гребнева. В приведенном диалоге между ними без труда узнаются реальные темы, затронутые Блоком и Чулковым в многочисленных ресторанных беседах («Мы с вами погибли, Сергей Андреевич [...] погибли. Наша судьба на дне стакана»). Тон и пафос обсуждения можно вполне отнести к полемике, возникшей тогда между Чулковым и Блоком (см.: обсуждение доклада «Россия и интеллигенция»). Прототипом образа Герта послужил именно Блок: за основу сцены в кафе был взят тот реальный эпизод, воспроизведенный Пястом и Верховским в их воспоминаниях, т.е. посещение Блоком и Чулковым, вместе с другими представителями литературной элиты, одного из значных мест Петербурга и разговор с молодой девушкой, которую просили угадать профессии сидящих за общим столом гостей.

Третий рассказ, который необходимо упомянуть, – «Полунощный свет» (1909 г.). Чулков прочитал его в квартире Е. Е. Лансере в Петербурге 31 января 1909 года. Он предложил рассказ журналу «Русская мысль», чьим беллетристическим отделом в ту пору руководил Д. С. Мережковский; однако, рассказ получил отказ. В связи с отрицательным ответом, Чулков переделал рассказ, вошедший, в его окончательном варианте, во второй том собрания рассказов, вышедший в свет в 1909 году (Г. И. Чулков, «Полунощный свет» // *Рассказы. Т. 2, укр. соч., стр. 77-107*). Отказ Мережковского можно объяснить тем, что в рассказе изобиловали аллюзии из современной литературной жизни и художественно отражались руководящие принципы «мистического анархизма». Например, в герое рассказа, известном писателе Сергее Савинове была легко узнаваема фигура Вяч. Иванова, в молодой жене Савинова Людмиле – Л. Д. Зиновьева-Аннибал, в друге Савинова Анне Николаевне Калиновской – теософка Анна Рудольфовна Минцлова; писатель Иван Иванович Кассандров, который в рассказе пропагандирует теорию о «параличе церкви», напоминал Д. С. Мережковского; с приходом Калиновской в квартиру Савиновых организуются литературные собрания по пятницам – подобно «средам» на «башне» Вяч. Иванова. Действие рассказа происходит на фоне петербургских революционных событий 1905 года: настолько глубоко Чулков вникал в воспроизведение реальных впечатлений, что он заимствовал описание восстания на Казанской площади из своих же личных воспоминаний: кровавые события описаны точь в точь, как в «Годах странствий» (ср.: «Полунощный свет», стр. 104-105 и «Годы странствий», стр. 70).

Подробнее об этих рассказах см. в: А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком» // *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, укр. соч., стр. 370-387*; Д. Г. Исеналиева, *Проза Г. Чулкова: Проблематика и поэтика*, Астрахань, 2011 [диссертация].

между Чулковым и Тастевенным для опубликования собрания очерков. 15 августа Тастевен известил Чулкова: «[...] Николай Павлович <Рябушинский – К. Р.> несколько колеблется относительно издания, не имея точных сведений об условиях издания [...] Мне лично очень хотелось бы видеть Вашу книгу в издании «Золотого руна», это очень бы утвердило нашу позицию»¹⁷⁸. В ожидании литературного признания и в результате удачного завершения переговоров о публикации сборника, в октябре Чулков переехал на некоторое время в Москву¹⁷⁹. В письме от 2 октября Чулков написал Блоку: «Если Вы еще не уехали в Петербург, приезжайте ко мне, в Москву. Москва может быть фантастической в иные ночи»¹⁸⁰. Несмотря на то, что редактор-издатель «Золотого руна» Н. А. Рябушинский, покончил жизнь самоубийством в сентябре 1908 года (журнальные анонсы твердили, что причиной послужили издательские неудачи), издание книги Чулкова не было поставлено под сомнение и уже в письме к Блоку от 7 октября Чулков ему сообщил: «Остаюсь в Москве еще недели на три: печатаю в изд<ании> “Золотого руна” книгу критич<еских> очерк<ов> “Покрывало Изиды” (увы! Совсем без денег пока)»¹⁸¹. В итоге книга была напечатана в ноябре 1908 года, хотя на обложке помечен 1909 год¹⁸².

В том же письме к Блоку Чулков также признается: «[...] я несколько влюбился в эту провинциалку-Москву и в ее невинный разврат. Что-то есть в ее тупиках, горбатых переулках

¹⁷⁸ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3, ук. соч., стр. 333.*

¹⁷⁹ В сентябре 1908 года, за несколько недель перед отъездом в Москву, Чулков успел написать два рассказа: первый – «Распятые лилии», оставшийся неопубликованным (см.: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 110, л. 5-19), и «Невеста», напечатанный в «Новом журнале для всех» (см.: Г. И. Чулков, «Невеста» // «Новый журнал для всех», 1908, № 1 (ноябрь), стр. 21-43).

¹⁸⁰ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 409.*

¹⁸¹ Там же, стр. 410.

¹⁸² Андрей Белый негативно откликнулся на эту книгу. Его рецензия была напечатана в журнале научной критики «Критическое обозрение», литературным отделом которого тогда руководил М. О. Гершензон (см.: А. Белый. «Георгий Чулков. Покрывало Изиды. Изд. журнала “Золотое руно”. М., 1909, стр. 217» [рец.] // «Критическое обозрение», 1909, вып. 1, январь, стр. 38-41). Существовало несколько редакций этой заметки: текст первоначальной редакции неизвестен. 6 января 1909 года Гершензон написал Белому: «Ваш разбор книги Чулкова остроумен и меток, но, согласитесь, в “Критическом Обозрении” ему не место [...]. Для нас дело стоит так: если книга Чулкова единична, то о ней нечего и говорить: жулик, и все тут; если же в ней обнаруживаются какие-нибудь общие черты современного умственного движения, то это важно – но тогда и надо на ее примере показать эти черты, их нелепость или пагубность. В этом смысле не то важно, на чем Вы строите Ваш отзыв, – что Чулков – плагиатор; а важно то, что он жонглирует слишком серьезными вещами, что он кощунственно-беззастенчивыми и равнодушными устами говорит о вещах, которые волнуют душу, и эти слова не обжигают ему губ. Об этом разврате слова я и думал, что Вы напишете, как в “Штемпелеванной калоше”. Так что простите меня, но этой рецензии я не могу напечатать: это – дело кружковое. Но я буду очень рад, если Вы согласитесь написать о Чулкове что-нибудь имеющее общий интерес» (цит. по: *Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона* [вступ. статья, публик. и комм. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада] // *In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина*, СПб.-Париж, 2000, стр. 231-276; здесь: 253). Даже в ее переделанном варианте, рецензия звучит все-таки довольно резко: Белый относится к теоретическим опытам Чулкова, как к «воплощенной пародии», называет «мистический анархизм» – «балаганом», и Чулков – «изидин жрец, хиромант-психолог» [цит. по: «Критическое обозрение», 1909, вып. 1, январь, стр. 38-41].

и кремлевских стенах – какая-то безысходная сладость». В Москве он написал еще один рассказ, «Белая криница», который был отдан журналу «Лебедь»¹⁸³.

Находясь в Москве Чулков не отказался от искушений, предоставленных ему столичной жизнью. В кругу «странных и красивых людей» Чулков поддался на нюханье эфира, и это «ребяческое преступление покорило мне слабое и пьяное сердце...»¹⁸⁴. В письме от 12 ноября 1908 года А. А. Кублицкой-Питтиоух Л. Д. Блок сообщала, что в Петербург возвратился Чулков «на поверхности уж такой сочиненный и нахулиганивший в Москве, вплоть до нюханья эфира и ссор в ресторанах, что совсем перестает уже быть опасным “соблазнителем” в смысле водки и пр<очего> для Саши»¹⁸⁵. Московский опыт Чулкова художественно воплотился в рассказе «Сентябрь», который может быть внесен в серию произведений, написанных на основе реальных событий¹⁸⁶. Чулков построил сюжет рассказа вокруг истории молодой девушки, которая после несчастного замужества решает стать актрисой. Для девушки начинается богемная, артистическая жизнь: она выступает на литературных вечерах, декламирует стихи декадентов. На одном из вечеров она знакомится с московским художником. Молодой человек, равнодушный и самолюбивый, развлекается нюханьем эфира – к этой «забаве» он пристрастит и героиню: «Сон в эфире похож на смерть. Когда отдаешься эфиру, кажется, что сердце падает на-век, и сам ты летишь без тела в непонятной голубизне»¹⁸⁷.

В 1908 год Чулкову поступило предложение от петербургского издательства «Шиповник» напечатать собрание его рассказов, в двух томах, наряду с собранием сочинений в шести томах. В своих воспоминаниях Чулков пишет: «[...] я обрадовался, когда коммерчески-деловой “Шиповник” предложил мне издать мои рассказы. Первый и второй том рассказов быстро разошлись. Потребовалось второе издание. А в 1908 году “Шиповник” предложил мне издать собрание моих сочинений в шести томах» [ГС, с. 240]. Первые два тома рассказов вышли в свет в 1909 году, в них содержались рассказы, раньше вошедшие в сборник «Кремнистый путь» («Тайга»), отдельно опубликованные на страницах газет и журналов, и некоторые неизданные¹⁸⁸. Второе издание, содержание которого минимально отличалось от

¹⁸³ Г. И. Чулков, «Белая криница» // «Лебедь: Альманах литературы и искусства», 1908, № 2, стр. 7-12.

¹⁸⁴ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 410.

¹⁸⁵ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 338.

¹⁸⁶ Г. И. Чулков, «Сентябрь» // «Золотое руно», 1908, № 11-12, стр. 50-55. Далее рассказ был включен в первый том собрания сочинений: Он же, *Сочинения. Т. 1. Рассказы*, СПб., 1911², стр. 160-172. Все цитаты приводятся по этому изданию.

¹⁸⁷ Там же, стр. 171.

¹⁸⁸ Г. И. Чулков, *Рассказы. Т.1*, СПб., 1909, [обл. работы Евг. Лансере], 219 с. Содержание: Тайга, Тревога, На этапах, Сулус, Дама со змеей, В плену, Уля, Северный крест, Белая криница, Признание, Невеста, Мертвый жених, Архивариус, Сентябрь, Земля, Весною, Парадиз, Сестра; Он же, *Рассказы. Т.2*, СПб., 1909, 226 с. Содержание: Весенний разлив, Амга, Пустыня, Полунощный свет, В лесу, Тамара, Ева, Тишина, На даче, Маленький Раух, Западня.

предыдущего, осуществилось только в 1911 году: два тома рассказов объединили в собрание сочинений, составляя его первый и второй том¹⁸⁹. Остальные тома сочинений вышли, соответственно, в 1911 г. (том третий и четвертый¹⁹⁰), 1912 г. (том пятый¹⁹¹) и 1913 г. (том шестой¹⁹²). В семейной переписке присутствуют многочисленные упоминания о переговорах между Чулковым и Соломоном Юльевичем Копельманом, совладельцем издательства «Шиповник»¹⁹³: в письме от 1 марта 1911 г., например: «Завтра, надеюсь, сяду за работу; кончаю корректуру IV тома; вероятно, я получу сейчас в “Шиповнике” деньги и вышлю тебе их завтра» [ПП, п. 84]; или еще 4 октября 1911 г.: «Думаю, что сегодня вечером буду работать: мне надо многое еще исправить в V и VI т.<омах>. Я все-таки, вероятно, оставлю рукописи этих томов в “Шиповник”, хотя, по-видимому, они не намерены печатать их в ближайшие дни» [ПП, п. 153]; «Господа из “Шиповника”, как ужи, ускользают от меня: я до сих пор не имел возможности вручить им V и VI т.<ома> и поговорить с ним толком о том, *когда* и *как* надо печатать эти тома» [ПП, п. 160], написал Чулков спустя всего лишь несколько дней от предыдущего письма. Наряду с этим, изучение периода, когда Чулков находился в тесных деловых отношениях с «Шиповником», позволяет выяснить очень важный аспект его биографии: сотрудничество с этим издательством являлось одним из основных средств

¹⁸⁹ Г. И. Чулков, *Сочинения. Т.1. Рассказы*, СПб., 1911², 221 с. Содержание: Тайга, Тревога, На этапах, Сулус, Дама со змеей, В плену, Уля, Северный крест, Белая криница, Признание, Невеста, Мертвый жених, Архивариус, Сентябрь, Земля, Весною, Парадиз, Сестра; Он же, *Сочинения. Т.2. Рассказы*. СПб., 1911², 239 с. Содержание: Весенний разлив, Амга, Пустыня, Полунощный свет, В лесу, Тамара, Ева, Тишина, На даче, Маленький, Раух, Западня, Упырь, Соня, Маша и роза.

¹⁹⁰ Г. И. Чулков, *Сочинения. Т.3. Повести и рассказы*, СПб., 1911, 255 с. Содержание: Слепые, Дом на песке, Овцы, Цыган и Жучка, Феклуша, Свирель, Фамарь, Демон Асмодей; Он же, *Сочинения. Т.4. Стихи и драмы*, СПб., 1911. 236 с. Содержание: Лирика 1904-1910 гг. Песня, Три дороги, “В зеленоокой тайге”, “Влажный пар седых озер”, Весною на север, Весна, Царица, Качели, “Пьяный бор к воде склонился”, “Я слышу: ветер повеял в поле”, Зарево, “Дымитесь, священные смолы!”, Пастух, “Я на темных полях до рассвета блуждал”, “Прииники, милая, к стеклу”, “И смерть казалась близкой, близкой”, “И новый день угаснул и поник”, В тюрьме, “Прозвенела весна”, Осень, “В темных улицах блуждали”, “Я вошел неожиданно в твой сад”, “Я тебя целую жертвенно”, “Она пришла ко мне - желанная”, “Не надо слов, не надо”, “Я стучусь в твой терем белый”, Беглянка, “Венчанные осенними цветами”, “Пустынный летний сон тайги вечерней”, “Туманная развеялась любовь”, Золотая ночь, Равнины, Нищие, Ночь, “Заключила она ее в грот”, “Если он сюда вернет”, “Трех малых девочек убили”, “Очи девам завязали”, “Нам принесли его ответ”, “Семь Орламонды дочерей”, “Она имела три короны золотые”, “Она подкралась ко дворцу”, “О, мать, кто крадется ко мне?”, “Зажгли лампы вы свои”, “Тридцать лет искала, сестры”, “Когда влюбленный удалился”, Свадьба, Слова, Осень, Хрусталь, Сон в Венеции, Ночь сенью белою, Элегия; Драмы. Тайга, Адония.

¹⁹¹ Г. И. Чулков, *Сочинения. Т.5. Покрывало Изиды. Критические статьи. Статьи 1905-1911 гг.*, СПб., 1912. 249 с. Содержание: О Тютчеве, Памяти Тургенева, Дымный ладан, Исход, Снежная дева, Оправдание земли, Умные стихи, Листопад, Казни, Правда Максима Горького, Кипарисовый ларец, Траурный эстетизм, Поэзия Вл. Соловьева, Покрывало Изиды, Лилия и роза, О Достоевском, Генрих Ибсен, Тайна любви, О лирической трагедии, Элеонора Дузэ, О Верлене, Миртовая скука.

¹⁹² Г. И. Чулков, *Сочинения. Т.6. Рассказы и повести*, СПб., 1913. 214 с. Содержание: Мертвецы [повесть], Доктор Чернышев, Морская царевна, Печаль, Отец Григорий, Подсолнухи, Глушь, Монах.

¹⁹³ Какое-то время было неизвестно, издал бы «Шиповник» или другое издательство второй том рассказов. В письме от 24 августа 1909 года Чулков написал жене: «ищу издателя для второго тома. Кое-что имею в виду. Между прочим, есть надежда, хотя и слабая, издаться в Московском книгоиздательстве, с представителем которого я встретился в Петербурге. На-днях это выяснится, и – если это устроится, я приду в Москву и переправлю туда книги» [ПП, п. 33].

поддержания семейного положения. После закрытия «Вопросов жизни» – как было уже подчеркнуто – для семьи Чулковых наступили суровые времена – постоянная нужда в деньгах, неустойчивость в работе повлекли за собой недостаток финансовых средств, что спровоцировало неопределенность в житейском положении (вскоре к этому прибавилось и ухудшение здоровья писателя). Все это тягостно сказывалось на Чулкове, который почти ежедневно делился с женой переживаниями об их ситуации: примеры рассеяны по всей переписке.

Немаловажную роль в этой ситуации сыграли деловые договоры с «Шиповником»: издатели часто предоставляли Чулкову авансы (особенно в 1911 году, когда он собирался переезжать на некоторое время во Францию), но средства неизбежно поступали с большой задержкой или при непрерывных хлопотах со стороны Чулкова. Приводим в качестве примера два отрывка, взятых из писем 1909 года: «Пока ничего не достал, но Копельман взял для “Шиповника” рассказ “Тишина”. Еще неизвестно, где он пойдет, в альманахе или журнале, который они будут издавать с декабря. Копельман очень помнит, что я должен “Шиповнику” сто рублей и лишь дня через три выяснится, сумеет ли “Шиповник” дать мне еще сколько-нибудь. Стараюсь пристроить другие рассказы. Как только откуда-нибудь получу деньги, извещу тебя» [ПП, п. 63]; «Дела наши неважны. “Шиповник” бесстыдно дал мне всего лишь пятьдесят рублей, а я надеялся получить 150 и поэтому легкомысленно уступил альманаху “Смерть” рассказ “Западню”, за которую я получу лишь в сентябре, если не надуют. Уезжать сейчас из Петербурга не имеет смысла: надо продать второй том рассказов или суметь кончить “Пустыню” и получить за нее в “Шиповнике” или еще где-нибудь деньги» [ПП, п. 65].

Сотрудничество с издательством «Шиповник» не ограничивалось только изданием шеститомного собрания сочинений. В 1907 году Чулков, например, опубликовал в альманахе «Шиповника» стихотворение «Золотая ночь»¹⁹⁴; в 1911 году вышел рассказ «Свирель»¹⁹⁵, в 1916 году роман «Метель»¹⁹⁶, а в 1922 году статья «Тютчев на смертном одре»¹⁹⁷.

В мемуарах Чулкова того периода с определенной точностью описана та ситуация, в которой он оказался на рубеже 1906-1909 годов: «Я не принадлежал к тем счастливым, которые могли работать не спеша, осторожно и вовремя публиковать свои вещи, извлекая из этих публикаций материальные и моральные выгоды. Жизнь моя была не устроена. Я всегда

¹⁹⁴ Г. И. Чулков, «Золотая ночь» [стихотворение] // «Литературно-художественный альманах изд.-ва “Шиповник”», 1911, № 3, стр. 183-186.

¹⁹⁵ Г. И. Чулков, «Свирель» [рассказ] // «Литературно-художественный альманах изд.-ва “Шиповник”», 1911, № 14, стр. 181-192.

¹⁹⁶ Г. И. Чулков, «Метель: Роман» // «Литературно-художественный альманах изд.-ва “Шиповник”», 1916, № 25, стр. 7-142.

¹⁹⁷ Г. И. Чулков, «Тютчев на смертном одре» [статья] // «“Шиповник”: Сборники литературы и искусства» [под ред. Ф. Степуна], 1922, № 1, стр. 148-157.

был бродягою и скитальцем. Я писал мои рассказы и повести, всегда связанный обязательствами и всегда взволнованно» [ГС, с. 240].

Следует упомянуть еще один эпизод, связанный с обстоятельствами, сложившимися в середине 1909 года. Как становится известно из семейной переписки Чулковых, а частично из воспоминаний Надежды Григорьевны, в 1909 году Чулков предпринял «деловое» путешествие по территории России и Украины. Место жительства семьи Чулковых той поры было до сих пор неопределенно: супругам предстояло решить, в какой город окончательно переселиться, в Москву, или в Петербург. Перед тем как приступить к окончательному выбору, Чулков организовал путешествие по Волге и по другим районам России, целью которого было найти подходящее место для творческого вдохновения и написания новых сочинений. В июне-июле (точной даты не имеется) Чулков переезжает в Углич, откуда он должен был поплыть по Волге. Путешествие Чулкова было непродолжительным: 12 июля он уже сообщал жене, что приехал в Киев: «Я – в Киеве. Он больше, красивее и значительнее, чем я думал, но киевская пыль совсем не то, что киевское варенье, и поэтому думаю отсюда бежать тем более, что уже теперь ясно, что финансов моих не хватит мне на полтора месяца, а без такого срока ничего серьезного не напишешь» [ПП, п. 60]. Приехав в Киев, он был намерен отправиться дальше и «куда-нибудь прокатиться, напр.<имер>, по Днепру до Екатеринославия»¹⁹⁸ [там же]. До того как отправиться в дальнейший путь, Чулков посетил киевскую Кирилловскую церковь. Впечатления он передал в следующем письме к жене:

Был я сегодня в Кирилловской церкви и видел Врубеля. Теперь я не раскаиваюсь, что приехал в Киев. Когда я увидел Богоматерь, я заплакал – совсем нелепыми, смешными, мокрыми слезами заплакал. Никогда до такой степени не влияла на меня живопись. И это несмотря на то, что я был настроен принять киевскую работу Врубеля, как интересную, но второстепенную для него. Сторож, который показывал мне церковь, до такой степени был пьян, что на хоры я полез один по узенькой лесенке, попирая «шаткие ступени». Там смотрел «Сошествие Святого Духа на апостолов». Это великолепно и по гениальному крепко сделано. Был и в алтаре. Смотрел древнейшие греческие фрески с большим уважением [ПП, п. 61].

В августе 1909 года Чулков уже вернулся в Петербург и поселился в меблированных комнатах «Метрополитена». В это время Надежда Григорьевна живет в Москве (в августе она совершает поездку, вместе с младшей сестрой Чулкова, в Калужскую область, где она знакомится со своими родственниками¹⁹⁹), у сестры мужа Любови Ивановны. Из ее воспоминаний и из семейной переписки известно, что в это время она тоже работает, печатает

¹⁹⁸ 16 сентября 1909 года Чулков писал П. Е. Щеголеву: «Я скитался по России – по Волге, Днепру и всяческим иным местам». Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 413.

¹⁹⁹ «В Малоярославце навела справки об отце и там узнала, что мачеха с детьми живет в Калуге. Решила ехать в Калугу. Разыскала, наконец, ее и двух сестер. Отец мой умер четыре года уже и от скарлатины, так же как Лид.<ия> Дмитр.<иевна>. Он заразился от своих детей, которые все были больны скарлатиной и из четырех дочерей две умерли. Одна моя сестра очень похожа на меня. Нюра говорит, что это мой портрет. К сестрам у меня нежность. Сегодня посылаю старшей – моей копии – «Первоцвет». Она уже во втором классе гимназии. Ей двенадцать с половиной лет – другой шест» [ПП, п. 67].

на машинке произведения для Б. К. Зайцева, Ю. Н. Верховского и А. Н. Толстого²⁰⁰. Чулков отчаянно старается устроить свои произведения, ведет переговоры, хоть и не всегда удачно, со «Шиповником» (««Шиповник» бесстыдно дал мне всего лишь пятьдесят рублей, а я надеялся получить 150» [ПП, п. 65]), «Журналом для всех» («“Журнал для всех” мне *ничего* не дал. Беру обратно рассказы» [ПП, п. 62]), «Сатириконом» («Достал немного денег в “Сатириконе”, чтобы прожить здесь в Петербурге дней пять и попытаться сделать что-нибудь с рассказами» [Там же]), издателями альманаха «Смерть» («[...] легкомысленно уступил альманаху “Смерть” рассказ “Западню”, за которую я получу лишь в сентябре, если не надуют» [ПП, п. 65]), «Аполлоном» («Из “Аполлона” я получил аванс сто рублей, из коего половину посылаю сегодня тебе через Б.<ориса> К.<онстантиновича> Зайцева» [ПП, п. 66]), «Вестником Европы» («[...] я, кажется, получу аванс из “Вестника Европы”: Котляревский взял для “Вестника Европы” мою “Тамару”») [ПП, п. 69]). Некоторые из вышеупомянутых переговоров, в конце концов, завершились в пользу Чулкова и он смог опубликовать серию рассказов в разных изданиях²⁰¹, а также получить достаточно средств, для того, чтобы предложить жене окончательно переселиться в Петербург, где «[...] все-таки три журнала: “Журн.<ал> для всех”, журн. <ал> “Шиповник” и “Аполлон”») [ПП, п. 66]. Неустойчивость ситуации негативно повлияла на его работоспособность: Чулков неоднократно пишет жене о том, что ему трудно работать в меблированных комнатах, что нигде ему не удастся устроить свои рассказы (см. пп. 68—72). В связи с постоянными недугами, Чулков, в середине сентября

²⁰⁰ Из дневника Вячеслава Иванова известно, что в отношениях между Чулковым и женой в это время пролегла трещина, по всей вероятности, из-за разгульного образа жизни мужа. 11 августа 1909 года Вяч. Иванов записал: «Была беседа с Чулковым [...] Он просил совета о своей личной жизни, указывая на непоправимую трещину в его отношениях с Н. Г., на то, что сознание разбитости любви делается еще тягостнее вследствие невозможности быть откровенным вполне. Я дал ему простую заповедь: быть очень трудолюбивым, непременно учиться, отказаться от вина, всяких помышлений о любви помимо Н. Г., довести свою жизнь до полной упорядочности поведения, до полного и простого благонравия, поставить себе за норму и закон постоянно глядеть в глаза жене, ища увеличить ее счастье, быть ей приятным, заслужить ее одобрение и, с другой стороны, считать запретным все, что возбуждает в ней малейшее неудовольствие; невидимо написать на своем щите ее имя и принять обет ее рыцарства; ничего вовсе не рассказывать ей о прошлом в течение всего времени, когда он перед ней и самим собой докажет свою верность и безупречность, и тогда после того, как всегда впервые расцветет или даже впервые совершится окончательно их любовь, спросить себя, не нужно ли раскаянья в старом; но об этом не придется и думать, потому что все само собою будет взаимно понятным, и прочувственным и милым. Только так, и никак иначе, он “переживет революцию”: ибо в пылу разговора он сказал, что кажется с революцией умер и он, что вот уже три года как чувствует последнее внутреннее опустошение и изнеможение. На что я заметил, что несомненно для очень многих революция кризис, которого им нельзя пережить. Но нужно быть моложе поколения 1905 г., должно иметь силы жить дальше и, главное, по-иному. Ибо что-то новое, глубоко национальное зачинается и вырабатывает медленно еще никем не угадываемые, неожиданные формы, и отшелушатся мертвые и сухие, а еще вчера зеленевшие и свежие покровы: такова интеллигенция» // В. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2*, ук. соч., стр. 786-787.

²⁰¹ См.: Г. И. Чулков, «Тамара» [рассказ] // «Вестник Европы», 1909, № 10, стр. 639-649; Он же, «Тишина» [рассказ] // «Аполлон», 1909, № 3, стр. 7-19; Он же, «Свинячий сын» [рассказ] // «Сатирикон», 1909, № 43, стр. 10; Он же, «Пустыня» [рассказ] // «Новый журнал для всех», 1909, № 14 (декабрь), стр. 5-28; Он же, «Бездорожье» [рассказ] // «Вихрь: литературно-художественный сборник современных писателей», СПб., 1909, стр. 92-96; Он же, «Смерть» [рассказ] // «Смерть: Альманах», 1910, стр. 51-66.

1909 года, решается на «самовольный» поступок и снимает двухкомнатную квартиру: «Комнаты оказались во многом неудобным, но работать в них очень можно. Поэтому еще раз тебя умоляю, не критикуй их сердито» [ПП, п. 71].

2.7.3 Мистический анархизм Г. И. Чулкова

Восстанавливая биографию Чулкова за 1906-1909 годы, мы неоднократно упоминали о теории «мистического анархизма». Не вдаваясь здесь в подробности о ее генетическом истолковании и общественном восприятии (для этого следует сослаться к существующей научной литературе²⁰²), уместно будет остановиться на некоторых аспектах, связанных, в особенности, с его личной биографией, с рецепцией его творчества и с переосмыслением принципов этого явления.

Центральной теоретической основой доктрины «мистического анархизма» является книга «О мистическом анархизме», вышедшая в свет в 1906 году и собравшая под общим

²⁰² О «мистическом анархизме» написано исчерпывающее количество статей и научных исследований. В настоящее время к той отечественной и зарубежной литературе о «мистическом анархизме», которая была учтена мною в работе 2012 года, прибавилось сравнительно немного работ. Предоставляется ознакомительный список литературы: И. В. Аладышкин, «Теория “мистического анархизма” Г. Чулкова» // «Вестник молодых ученых ИвГУ», 2006, № 6, стр. 51-53; Он же, «Мировоззренческий кризис интеллигенции в условиях первой русской революции: “мистический анархизм” и “соборный индивидуализм”» // «Интеллигенция и мир», 2006, № 1, стр. 95-119; Он же, «Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах г. Москва и г. Санкт-Петербург)» // Иваново, 2006 [диссертация]; Он же, «Г. И. Чулков и петербургские анархистствующие мистики: (об отношении писателя к анархизму)» // «Уральские Бирюковские чтения», 2006, № 4, стр. 323-329; Он же, «Из истории петербургских мистических анархистов» // «История Петербурга», 2008, № 4 (44), стр. 61-67; В. Н. Баскаков, «Г. И. Чулков – писатель, ученый, революционер» [вступ. ст.] // Г. И. Чулков, Императоры: Психологические портреты, М., 1993; О. Дешарт, «Идея неприятия мира» // В. И. Иванов, Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3, Брюссель, 1979, стр. 707–733; З. Р. Жукоцкая, «Георгий Чулков: мистический анархизм или музыкальный символизм» // «Вестник Тюменского государственного университета», 2002, № 2, стр. 161-167; Она же, «Философия музыки мистического анархизма Г. Чулкова» // Свободная теургия: культурфилософия русского символизма. М., 2003, стр. 80-100; Она же, «Философия музыки в мистическом анархизме Георгия Чулкова: социально-психологический аспект» // «Философия и общество», 2003, № 1, стр. 98- 114; А. В. Корнюхина, «Мистический анархизм как стадия формирования русского символизма» // «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки», 2006, № 2, стр. 176-181; В. П. Кошарный, «“Мистический анархизм” в России начала XX века» // «Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки», 2008, № 2, стр. 50-56; А. В. Лавров, «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком» // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 370-387; М. В. Михайлова, «Интересный и безукоризненно честный писатель...» // Г. И. Чулков, Валтасарово царство, М., 1998, стр. 5-14; Она же, «Пристрастный летописец эпохи» // Г. И. Чулков, Годы странствий, М., 1999, стр. 5-28; Г. В. Обатнин, «Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о “мистическом анархизме”» // «Лица. Биографический альманах» 1993, № 3, стр. 466-477; Он же, Иванов-мистик. Окультизм мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919), М., 2001; Рампаццо, К. «Философско-эстетические грани мистического анархизма» // «Соловьевские исследования», 2013, № 4 (40), стр. 186-193; В. И. Самохвалова, «Вячеслав Иванов и идея неприятия мира» // Вячеслав Иванов. Творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения, М., 2002; С. Rampazzo, «G. I. Čulkov e l'anarchismo mistico», Udine, 2012 [tesi magistrale]; B. G. Rosenthal, «The Transmutation of the Symbolist Ethos: Mystical Anarchism and the Revolution of 1905» // «The Slavic Review», 1977, v. 1, № 4, pp. 608-627; P. A. Simpson, «A Study of the Tragic Doctrine of Mystical Anarchism Within the Russian Literary Intelligentsia, 1905-1909», Essex, 1982.

названием все статьи, напечатанные Чулковым в различных изданиях²⁰³. Книга была подготовлена к печати во второй половине 1906 года: 16 мая Вяч. Иванов еще не завершил написание вступительной статьи. Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщила М. М. Замятиной: «Только что Вяч<еслав> хворал какой-то желудочной инфлюэнцией <так!>. Но при этом все писал свои статьи: Предисловие к книге Чулкова, и в “Руно”, и ответ Брюсову в “Весы” в защиту “Факелов”»²⁰⁴.

Работу, завершающую триптих о «мистическом анархизме», Чулков напечатал в 1907 году, под заглавием «Анархические идеи в драмах Ибсена», в издательстве «Шиповник»²⁰⁵. По всей вероятности, планы Чулкова относительно написания этой книги были известны близкому ему кругу литераторов. В письме датированном октябрём 1906 года Брюсов написал Чулкову, попросив о его готовности поучаствовать в возобновленных «вторниках» московского «Литературно-художественного кружка»: «При обсуждении возможных докладов, мы вспомнили, что у Вас есть готовый труд: Анархические идеи в драмах Ибсена. Не согласились ли бы Вы сделать на эту тему доклад у нас?» [ГС, с. 345]. Чулков был записан докладчиком в литературном кружке 14 ноября 1906 года, но, по его собственному признанию, он прочитал все-таки другой доклад, озаглавленный «Об утверждении личности» [ГС, с. 357]. В одной из версий его биографии, наряду с брошюрой «О мистическом анархизме», упоминается и эта вторая книга: «Тогда же появилась брошюра Чулкова “Анархические идеи в драмах Ибсена”. Эти неосторожно и страстно написанные манифесты привлекали к себе враждебные внимание всех, а поэтические и художественные опыты писателя оставались в это время мало известными широкой публике, находя себе сочувствие у немногих поэтов, с которыми Чулков был связан в течение нескольких лет» [Биография 1938 г.]. Опубликовав литературно-критический этюд «Анархические идеи в драмах Ибсена», который встал в один ряд с другими изданиями, породившими миф об Ибсене, Чулков «примерил» свое мистико-анархическое мирозерцание к художественной сфере, показывая, что в художественном мире норвежского драматурга можно обнаружить те же анархические элементы и мистические устремления, которые он тогда проповедовал. Чулков пытался прочесть чужое как свое, сквозь призму идеи «мистического анархизма». Он характеризует взгляды Ибсена на свободу и необходимость как анархические, непосредственно отражающие его отношение к обществу и государству. В произведениях Ибсена Чулков находит три параметра, которые

²⁰³ Г. И. Чулков, *О мистическом анархизме*, ук. соч. Предисловие к книге принадлежит перу Вяч. Иванова. См.: В. И. Иванов, «О неприятии мира и мистический анархизм» // Г. И. Чулков, *О мистическом анархизме*, ук. соч., стр. 5-26.

²⁰⁴ Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов*, ук. соч., стр. 194.

²⁰⁵ Г. И. Чулков, *Анархические идеи в драмах Ибсена*, СПб., 1907, 64 с. Все цитаты взяты из этого издания, в квадратных скобках указывается номер соответствующей страницы.

позволяют ему определить путь художника как анархический. Это отношение к социальному порядку, к семье и любви и к морали. В социальном плане ключевым произведением Ибсена, по мнению Чулкова, является драма «Враг народа» («En folkefiende», 1882 г.), ярко отразившая кризис буржуазных, социальных и общественных ценностей, отрицательное отношение к буржуазной общественности и, тем самым, анархические тенденции автора. Ибсен не только раскрывает процесс осознания индивидуумом необходимости выбора пути сопротивления, но в то же время показывает полную противоположность модели коллективного поведения и мышления: мятежная личность в лице главного героя пьесы Томаса Стокмана, вначале воспринимаемая как «друг народа» (т.е. чьи действия направлены на благо общества), становится в конце пьесы «врагом народа» (ситуация зеркально отражается, на глазах общества теперь он действует против народа). До того момента пока отдельное мнение не вливается в коллективное, попытка революции как основы переделки основных структур общества остается лишь утопией (в том и заключалась реакция разочарования русской интеллигенции в губительных результатах первой революции и катастрофических событиях русско-японской войны).

Мистическая сторона раскрывается, по мнению Чулкова, и в интерпретации Ибсеном проблем семьи, любви и морали, подчеркивая кардинальное преобразование смысла любви, образа женщины и изменения морали, произведенное драматургом, уповающим на освобождение от внешних обязательств и утверждение личности. Любовь у Ибсена стремится к абсолютному началу, женщина провозглашает главенство долга перед самой собой, а мораль тесно связывается с последним утверждением личности во имя послушания изначальной воли человека. Эту перекодировку общественных основ писатель осуществляет по принципам, связанным непосредственно с идеей свободного любовного союза: «Нам мало свободы и мы ищем пути для созидания свободной общественности. Такая свободная общественность является союзом любви, т.е. характеризуется общей, совместной влюбленностью в некоторое начало, как становящееся божество» [стр. 61]. Чулков вновь и вновь возвращается к изначальному пункту своей теории, в которой бунт личности приравнивается к борьбе с властью вообще: «разрушая все “нравственные обязанности” имеющих характер объективных норм [...], личность получает санкцию для своего утверждения из собственной изначальной воли, из области своего сверхчувственного я» [стр. 39-40].

Этой книге, как и ее предыдущей, досталась «примечательная» судьба – она была воспринята сурово и безжалостно. Критика отражала единое мнение по поводу нескладности мыслей и выводов и отсутствия веских обоснований в этом эссе. В рецензии литературного

критика Н. Я. Абрамовича книга Чулкова вызвала крайнее неудовлетворенную оценку²⁰⁶: по мнению рецензента, Чулков безуспешно попытался вычитывать из драматургических произведений Ибсена мистико-анархическую составляющую, не снабдив читателя ни удовлетворительными аргументациями, ни убедительными доказательствами в том, что индивидуализм Ибсена на самом деле чем-то связан с мистицизмом. «Кроме цитат и бледных к ним комментариев читатель не найдет ничего» – высказывается автор. Абрамович подчеркивает еще то, что Чулков, в своем анализе, не обратился к личности Ибсена, к его идейному и творческому миру, рассчитывая только на частичный обзор его мирозерцания, «непростительно» игнорируя индивидуальность художника. Другой рецензент, старый друг Чулкова еще со студенческих лет А. С. Яценко, в рецензии, опубликованной на страницах «Перевала»²⁰⁷, также намекает на неясность доводов Чулкова, стремившегося в своем исследовании обосновать собственную теорию индивидуализма через произведения Ибсена. При этом «пустота содержания» характеризует, по мнению Яценко, не только эту книгу, но и весь «мистический анархизм». Однако, за «истинный стон декадентской души», которая не знает, к чему она действительно тяготеет, чувствуется любовь к универсальному, к коллективному объединению, к магическому слиянию личности и общества, от которой берет свое начало идея вечной женственности, как принцип, утверждающий личность в мистическом плане.

Осталось небольшое количество документальных материалов Чулкова, относящихся именно к периоду издания этой книги, поэтому становится затруднительным конкретно оценить, каким изменениям подверглось отношение Чулкова относительно его собственной философской продукции. Все воспоминания прошли через воздействие времени, вместе со всеми последствиями и апостериорными оценками, которые могут появиться в результате переосмысления прошлого. Среди них, например, недатированное письмо Чулкова к Вяч. Иванову, которое можно предположительно датировать сентябрем 1907 года. Следствием возникшей полемики вокруг мистического анархизма, глубоко обострившейся летом 1907 года, стало решительное отдаление Вяч. Иванова и Александра Блока²⁰⁸ (последний отрекся

²⁰⁶ Н. Я. А-вич <Н. Я. Абрамович>, «Г. Чулков. "Анархические идеи в драмах Ибсена", Изд. "Шиповник". СПб. 1907 г., ц. 30 к.» // «Книга», 1907, № 17, 1 марта, стр. 10–11.

²⁰⁷ А. С. Яценко, «Георгий Чулков. Анархические идеи в драмах Ибсена. Изд. Шиповник. СПб., 1907 г. 63 стр. Ц. 30 коп.» // «Перевал», 1907, № 4, стр. 66-67.

²⁰⁸ Polemica достигла вершины остроты в середине 1907 года, после появления в зарубежной прессе, на страницах французской газете «Mercure de France», статьи Е. П. Семенова «Мистические анархисты» (см.: Е. Р. Semenov, «Lettres russes. Le Mysticisme anarchique» // «Mercure de France», t. LXVIII, № 242, 16 juillet 1907, стр. 361-364). Поводом для обострения литературного конфликта послужила приведенная автором статьи условная классификация новых поэтических течений в русской литературе. Семенов выделил три группы: декаденты, романтики-неохристиане и мистические анархисты; приверженцами этой последней группы, по его мнению, были Вяч. Иванов, Александр Блок, С. Городецкий и Г. Чулков. В конце статьи было приведено интервью с Чулковым, в котором он изложил основные принципы «мистического анархизма» и, несмотря на то, что он

под давлением А. Белого²⁰⁹), – Чулков решился опубликовать, на страницах газеты «Товарищ», письмо в редакцию, в котором он объяснил, со своей стороны, суть последних недоразумений, вызванных статьей Е. П. Семенова. Перед тем как отправить письмо, Чулков написал Вяч. Иванову, своему соратнику по философским замыслам:

Перечитав Ваше письмо и сличив свою статью в «*Mercure de France*» с тем, что я писал в «*Факелах*», я пришел к твердому убеждению, что не я, а Вы изменили Вашу идейную позицию, написав «протест» против меня. Впрочем, это вопрос академический и совсем не важно, кто отошел направо, а кто налево. Для меня теперь важно – внутреннее, самая сущность мистического анархизма. Около этой темы есть великие провалы. Их страшусь²¹⁰.

Другим источником является письмо к Блоку, написанное в августе 1907 года, в котором Чулков пытается объясниться с ним по поводу его желания написать письмо в редакцию, чтобы официально отречься от всякой принадлежности к «мистическому анархизму»²¹¹. Затем в уже неоднократно названной статье Семенова, Чулков выражает одну идею, ставшую впоследствии центральной в его поздних замечаниях о судьбе его учения: когда давал зарубежному корреспонденту интервью, он сказал, что «[...] les mots d'ordre des idées que j'ai énoncées agitent tout le monde: j'ai deviné que l'homme russe contemporain se trouve à un certain tournant psychologique»²¹². Именно в терминах слишком громкого, неосторожного и торопливого произнесения тех слов, которые «у многих были на уме», Чулков будет защищать свою позицию по отношению к «мистическому анархизму» в своей мемуарной литературе.

первоначально заявил «*L'anarchisme mystique n'est pas une école littéraire qui prétende découvrir de nouvelles méthodes dans l'art*» (стр. 362), он впоследствии говорил о том, что «мистический анархизм» является теоретической базой поэтической, «мифотворческой» школы, во главе которой стоит Вячеслав Иванов и чье издательство «Оры» является печатным органом для ее распространения.

Статья вызвала большой шум и общее негодование, после которой в редакцию журнала «Весы» поступило «Письмо в редакцию» Александра Блока, в котором он объяснил свою собственную позицию, т.е. печатно отрицал эту «тенденциозную схему», утвердив, что с «мистическим анархизмом» он не имел и не имеет ничего общего (см.: А. А. Блок, «Письмо в редакцию» // «Весы», 1907, № 8, стр. 79-81). В ответ на статьи и заметки, появившиеся в различных периодических изданиях, Чулков решил публично высказаться и опубликовал в «Товарище» свое «Письмо в редакцию» (Г. И. Чулков, «Письмо в редакцию» // «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября), где он указывал на принципиальную ошибку, допущенную в определении современных литературных групп, которое основано на отсутствии всяческих критериев классификации и вновь настаивал на том, что «мистический анархизм» не претендует быть ни литературным течением, ни литературной школой. В том же номере газеты появилось и публичное заявление Вяч. Иванова, в котором он отрекся от понимания «мистического анархизма» в таком виде, в каком он и был истолкован Чулковым в интервью с Семеновым, и указывал на неправильное освещение его личных взглядов и, вместе с тем, деятельности издательства «Оры» (В. И. Иванов, «Письмо в редакцию» // «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября). Положение Вяч. Иванова по отношению к Чулкову было совсем не простым, в связи с тем, что критики негативно относились к литературным начинаниям его издательства «Оры», им открытого в том же 1907 году, связывая его с именем Чулкова и с его «мистическим анархизмом».

²⁰⁹ Самые жестокие и насмешливые высказывания по отношению к Чулкову принадлежали именно Андрею Белому. Его рецензии на теорию Чулкова «О мистическом анархизме» были опубликованы на страницах журналов «Весы» и «Золотое руно». О первостепенных отношениях между Чулковым и Белым будет рассказано в отдельной главе.

²¹⁰ РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45, л. 4.

²¹¹ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч.*, стр. 401-402.

²¹² Е. П. Семенов, «*Lettres russe. Le Mysticisme anarchique*», ук. соч., стр. 363.

Одним из первых признаний в хронологическом порядке является автобиография, написанная в 1918 году: в ней Чулков кратко изложил пройденный им путь, объясняя те духовные и нравственные размышления, подтолкнувшие его к созданию теории «мистического анархизма». Такой контекст породил брошюру «О мистическом анархизме». Чулков оговаривается: «Брошюра эта, не совсем удачно и торопливо написанная, не заслуживала бы вовсе внимания, и я не решился бы напомнить о ней, если бы ее судьба не была примечательна» [Автобиография 1918]. Примечательность ее судьбы напрямую связана с бурной полемикой на страницах ведущей прессы. Далее Чулков продолжает:

Ее старались осмеять все – и декаденты, и провозвестники «нового религиозного сознания», и славянофилы, и марксисты, и народники. Как это ни странно, в течение трех лет на страницах журналов, газет, сборников и книг появились все новые и новые статьи и заметки с сердитыми выпадами против этой небольшой брошюры. Не спасла брошюру и обстоятельная вступительная статья такого почтенного, значительного и ученого писателя, как Вячеслав Иванов. Полемикой перенесли даже за границу, на страницы «*Mercure de France*» [там же].

Как можно судить из этих строк, сам Чулков отслеживает основные причины невероятного «успеха» этой доктрины именно в полемике, определявшей основное содержание критических отделов большинства журналов. Спустя несколько лет (начиная с 1910 года Чулков умаляет значение указанного им пути к религиозному действию), когда «мистический анархизм» фактически исчез с культурной сцены страны и все забыли о нем, рассуждая на данную тему Чулков осознает, что весь вопрос был связан с несовершенством выраженных им тезисов и положений: «Теперь, когда мне довелось написать двенадцать книг, – смею думать – более совершенных, я хладнокровно, со стороны, могу посмотреть на этот эпизод моей биографии и понимаю, что причина запальчивой полемики – в самой теме брошюры прежде всего. Неопытный автор слишком громко и неосторожно произнес такие слова, какие у многих тогда были в душе – это слова об условной правде, догматизме и о пророческом начале в религии» [там же].

Отрывок из этой автобиографии был использован Чулковым в 1918 году для написания очерка «Красный призрак. Листки из дневника», опубликованного в руководимом им еженедельном журнале «Народоправство», в выпуске от 1 февраля²¹³. Чулков намеревался обсуждать факты из духовной жизни России, когда на нее обрушился «красный призрак» коммунизма, и которые предшествовали его явлению²¹⁴. К ним писатель относил и

²¹³ Г. И. Чулков, «Красный призрак. Листки из дневника» // «Народоправство», 1918, № 23-34, 1 февраля, стр. 13-15.

²¹⁴ «Ein Gespenst geht um in Europa – das Gespenst des Kommunismus» – такими словами открывался «Манифест коммунистической партии», работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, изданная в 1848 году. Чулков взял созвучные слова эпиграфа из обращения к немецким рабочим Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который гласил: «Красный призрак коммунизма гуляет по всей Европе». См.: Г. И. Чулков, «Красный призрак. Листки из дневника» // «Народоправство», 1918, № 23-34, 1 февраля, стр. 13.

«мистический анархизм», поэтому, размышляя над темами, затронутыми Вячеславом Ивановым в книге «Родное и вселенское» и Александром Блоком в статье «Интеллигенция и революция», Чулков решил привести первоначально несколько слов о нем. Эти воспоминания о «мистическом анархизме» во многом совпадают с версией, содержащейся в его автобиографии: они были дополнены общими мыслями о ситуации, породившей возникновение «мистического анархизма». С незначительными изменениями эти короткие очерки (всего их два) вошли в книгу воспоминаний «Годы странствий», как составная часть главы «Факелы» [ГС, с. 81-88].

Кроме отдельно посвященной части, Чулков нередко возвращался к этой теме и в других местах своих мемуаров, стараясь найти для нее оправдание или моральное одобрение: возникшие недоразумения вокруг «мистического анархизма» Чулков воспринимает, как ложное истолкование высказанных им мыслей. Провозглашая «бунт во имя последней свободы и утверждения личности» он не намеревался указать на бесплодное отрицание и разрушение всяческих мировых порядков: в его понятии, подлинный анархизм, прежде всего, подразумевает мистический опыт «неприятя мира» (так, как его понимал Достоевский). Мистико-анархические идеи внушались, главным образом, историческим духом эпохи и надвигающейся революцией, их корни уходили в ту декадентскую почву, которая «вовсе даже не почва, а самая жуткая беспочвенность» [ГС, с. 82]. Критика, по мнению Чулкова, истолковывала его теории лишь «как проповедь “анархического мистицизма”²¹⁵, т.е. как проповедь какого-то бесформенного, безрелигиозного, темного, демонического мистицизма – обвинение в самом деле тяжкое. Обвинение это было тем более тяжко, что в событиях самой жизни и в явлениях культуры в те дни такой темный анархический мистицизм воистину торжествовал» [Автобиография 1918].

Уже в 1918 году Чулков осознал, что причину яростной полемики необходимо было отнести, на самом деле, к незрелости его теоретических формулировок: «Все эти тогдашние мои публикации были весьма незрелы, неосторожны и самонадеянны, но все же в них заключалась некоторая правда, никем до меня не высказанная» [ГС, с. 156]. Несмотря на то, что во многих высказываниях обнаруживается именно некая неискренность логических нестыковок, в идеологии Чулкова то, что действительно звучало убедительным это его тонкая чувствительность к вопросам, поставленным напряженностью исторического процесса (ср., например, обсуждение злободневные проблемы, связанные с новым антропологическим

²¹⁵ Сохранился план статьи, в которой Чулков намеревался обсуждать вопрос о разграничении этих двух понятий: «1. Что такое декадентство; 2. Что такое общественность; 3. Предел декадентства – Анархический мистицизм; 4. Предел общественности – Мистический анархизм; 5. Положительное содержание мистического анархизма – Эрос; 6. Религиозное выражение совершенной общественности – Церковь; 7. Предел церкви – Христос» // «Записная книжка», РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107.

миросозерцанием и с религиозно-духовной жизнью человека – кризис индивидуализма, крушение культуры, новое религиозное сознание и т. д.).

23 сентября 1918 года Чулков ответил С. А. Венгеру, спросившему о его теперешних отношениях к «мистическому анархизму»: «[...] эта тема вовсе не определяет моего литературного лица: у меня, слава богу, есть двенадцать книг, и моя брошюра лишь малый эпизод в истории моей жизни»²¹⁶. В «Годах странствий» Чулков также оставил замечания о нынешнем взгляде на пройденный путь: «Лично и биографически я был за это жестоко наказан, но зато я преодолел в конце концов и последний соблазн, так называемый “мистический анархизм”» [ГС, с. 134]; «“Мистический анархизм” для меня теперь не более как воспоминание юности, и я сам, пожалуй, мог бы убедительно раскритиковать мою торопливо и неосторожно написанную книжку» [ГС, с. 156].

Преодолевший сначала декадентство путем «мистического анархизма», к двадцатым годам XX столетия Чулков начал постепенно избавляться от анархического соблазна, постигнув, что «возможную гармонию мира нельзя обрести вне христианства или помимо христианства, как единого чуда нельзя разгадать, не увидев Христова лица»²¹⁷. В 1917 году, на волнах революции, Чулков опасается последствий грядущего народовластия и предлагает идею «духовного великодержавия», постулированную, на его взгляд, тремя пророками русской отчизны – Пушкин, Петр Великий и Вл. Соловьев: «их правда, правда светлейшего и прозорливейшего поэта», «правда верховного вождя, преодолевшего государственный национализм во имя начала всемирного», «правда пророка и мудреца, преодолевшего церковный национализм во имя начала вселенско-христианского» – «разве эта триединая правда не служит нам бесценным залогом нашего будущего духовного великодержавия?»²¹⁸. В середине августа 1919 года Чулков, осознавший, что «сам я немало погрешил в этом отношении, хотя и в ином плане, и я боюсь ответить за свой мистический анархизм на Страшном суде – не за сущность самой идеи, а за неосторожность ее выражения» [ГС, стр. 178], написал стихотворение «Поэту (“Могу ли осудить, поэт,...”)), посвятив его Вяч. Иванову, соавтору пресловутой философско-эстетической доктрины²¹⁹. В нем Чулков напоминал о совместных мистических начинаниях: «Ведь вместе мы сжигали дом, / где жили наши предки чинно»²²⁰. Приводив в «Годах странствий» ответное стихотворение «Да, сей

²¹⁶ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 388.*

²¹⁷ Г. И. Чулков, «Красный призрак. Листки из дневника» // «Народоправство», 1918, № 23-34, 1 февраля, стр. 13.

²¹⁸ Г. И. Чулков, «Письмо со стороны. Статья Георгия Чулкова» // «Народоправство», 1918, № 21-2, 21 января, стр. 9-11.

²¹⁹ Стихотворение «Поэту» вошло во второе прижизненное собрание стихотворений Чулкова «Стихотворения» (см.: Г. И. Чулков, «Стихотворения, М., 1922, стр. 39).

²²⁰ Там же, стр. 39. Вяч. Иванов ответил Чулкову 8 декабря 1919 года, стихотворением «Да, сей костер мы поджигали...». Впервые стихотворение было опубликовано Чулковым в «Годах странствий» [ГС, стр. 179]:

костер мы поджигали», посвященное Вячеславу Иванову, Чулков прокомментировал: «Считаю уместным напомнить еще раз, что сам Вяч. Иванов в эпоху мистического анархизма был неизмеримо осторожнее и тоньше в своих высказываниях, чем я. Надо и то сказать, что поэт старше меня, и в ту пору это было очень заметно» [ГС, с. 179]. В своих воспоминаниях Надежда Григорьевна истолковала это стихотворение Чулкова, как раскаяние «в самонадеянности и утверждении своей воли»²²¹.

Скорбные обстоятельства, обрушившиеся на семью Чулковых в 1920 году вызвали кардинальное изменение в миропонимании Чулкова: в сентябре скончался от туберкулезного менингита единственный пятилетний сын Владимир. С этой трагедией связано подлинное обращение супругов к церкви: в первые годы после смерти сына Надежда Григорьевна ездила по монастырям, встречалась со старцами сохранившихся обителей: «В христианской вере все, – и горе, и радость – все становится на свое место и самое безутешное горе там находит разрешение и надежду» – написала она в своих мемуарах, вспоминая о жизни после кончины сына [Воспоминания Чулковой, л. 180]. Чулков полностью разделил духовные устремления жены²²², пересмотрел свои прежние взгляды на историческое христианство и вернулся в лоно православной веры. 6 января (по новому стилю) 1935 года Чулков отправил жене письмо особенного характера, в которой он отрекался от провозглашенной им «мистико-анархической» пропаганды и пытался изживать ее с точки зрения христианской догматики. Надежда Григорьевна отметила: «Прошло много лет. Умер Георгий Иванович, и в его бумагах я нахожу письмо, запечатанное и адресованное мне. В нем, между прочим, он отрекается от статьи “Об утверждении личности” (1906 г.)... и кается в легкомыслии своем и торопливости»²²³. В этом письме-раскаянии Чулков написал:

Да, сей костер мы поджигали, / И совесть правду говорит, / Хотя предчувствия не лгали, / Что сердце наше в нем сгорит. / Гори ж, истлей на самозданном, / О сердце-феникс, очаге! / Свой суд приемли в нежеланном, / Тобою вызванном слуге... / Кто развязал Эолов мех, / Бурь не кори, не фарисействуй. / Поэт Трагедия: «Все грех, / Что Воля деет. Все за всех!» / А Воля действенная: – «Действуй!».

Текст соответствует беловому автографу, хранящемуся в ПД (тетр. 4, л. 8; цит. по: В. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4*, Брюссель, 1987, стр. 81, 721). По другому автографу РА, существует ряд разночтений: ст. 1. «Да сей костер мы поджигали,»; ст. 7. «Свой суд приемли в нежеланном,»; ст. 12. «Что воля деет. Все за всех!»; цит. по: В. И. Иванов, *Стихотворения. Поэты. Трагедия. Т. 2* (серия «Новая библиотека поэта»), СПб., 1995, стр. 236, 363.

²²¹ Процитированный фрагмент взят из той части мемуаров Надежды Григорьевны, которая была опубликована в 1996 году Л. А. Ильюниной. Цит. по: «Георгий Чулков. Письмо из вечности» // «Оптина пустынь. Православный альманах», 1996, вып. 1, СПб., стр. 147-148; здесь стр. 148.

²²² В 1924-1925 годах Надеждой Григорьевной был составлен «“Некрополь Оптиной Пустыни”. Описание кладбищ Козельской и Оптиной пустыни и скита», чья рукопись хранится в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве. См.: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 436, 157 л. Среди написанных ею материалов находятся «Записи со слов старожил Оптиной Пустыни о последних старцах» (1925, 24 л., ед. хр. 435) и «Ликвидация Музея Оптиной пустыни» (1928, 1 л., ед. хр. 437).

²²³ «Георгий Чулков. Письмо из вечности», ук. соч., стр. 147.

Случайно раскрыл вторую книжку «Факелов», изданную в 1907 году, и перечитал свою статью «Об утверждении личности». Эта статья – дурная статья, и я дорого дал бы, если бы можно было ее уничтожить.

Смерть не за горами. Я пишу это письмо, чтобы оно было свидетельством после моей смерти о моем отречении от всех этих неосторожных, торопливых высказываний. Мой взгляд тогдашний на историческое христианство ложен. Ложно также мое тогдашнее понимание догмата.

Я и теперь не отрекаюсь от иных моих чаяний, надежд, предчувствий, но я решительно заблуждался в оценке и понимании богочеловеческого процесса.

Главное мое заблуждение, противоречившее, кстати сказать, моему внутреннему опыту, это уклончивое отношение к исповеданию той Истины, что две тысячи лет назад была воплощена до конца и явлена была человечеству в своей единственности и абсолютности. Пусть это письмо будет ключом к моему нынешнему пониманию мира.

Возможно, что когда-нибудь найдется человек, который, «пыль веков от хартий отряхнув», заинтересуется книгами, мною написанными: пусть это письмо освободит меня до известной степени от ответственностью за мои юношеские грехи. Я доволен их делал и в зрелом возрасте, но такая статья, как «Об утверждении личности», воистину «вопиет».

Решительно ее зачеркиваю.

Я исповедую, что галилеянин раввин Иисус, две тысячи лет назад распятый по приказу римского чиновника Пилата согласно воле еврейских националистов, ожидавших Спасителя, как израильского царя, был истинным Спасителем всего мира, и воистину воскрес «по писаниям пророков». Я верю, что прекраснее, мудрее и свободнее не было на земле существа – не было и никогда не будет. Я верю, что Он – Единственный.

Кому же мне было написать об этом, как не тебе, моя родная? Ты, правда, знаешь, как я теперь думаю и во что верю, но это письмо, тебе адресованное, пусть будет также свидетельством для всех. Я хотел бы, чтобы все мои литературные опыты (о, какие несовершенные!) получили оценку в свете этого моего исповедания. Только тогда можно понять мой духовный путь.

Мне было трудно. У меня не было в юности руководителя. Я жил Писанием, но без Предания. Личная моя жизнь, ты знаешь, была слепая. И до сегодня я влачу бремя моей слепоты и греха. Но – видит Бог – я был «алчущим и жаждущим правды», хотя и заблудился и падал – и так низко! [ПП, п. 618²²⁴].

2.7.4 История отношений Г. И. Чулкова с Андреем Белым

Чулков и Андрей Белый познакомились в 1905 году, когда Чулков был секретарем и заведующим литературно-критического отдела журнала «Вопросы жизни». Знакомство состоялось в январе, когда Белый приезжал в Петербург: «Это приезд в Петербург сильно расширяет мои горизонты; я определенно сознаю себя революционно настроенным; за этот приезд я познакомился с [...] Г. И. Чулковым»²²⁵. Первоначально отношения между ними были порядком дружеские: в ноябре 1905 года Белый отметил «[...] к этому времени относится моя краткая попытка ближе сойтись с Г. Чулковым»²²⁶. В своих мемуарах Белый уделяет определенное место Чулкову, которое в большей степени связано с описанием натянутых

²²⁴ Текст приводится по копии письма, находящейся в семейной переписке. Автограф письма находится в фондах отдела рукописей РГБ, см.: НИОР РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 31.

²²⁵ А. Белый, «Материал к биографии» // , стр. 114. Также в «Ракурсе к дневнику» встречается подобное утверждение: «Девятого января попадаю в Петербург [...] Весь месяц в политическом вихре, в разговорах, знакомствах, встречах [...] Знакомлюсь [...] с Георгием Чулковым» // А. Белый, «Ракурс к дневнику» // Там же, стр. 357. В «Начале века (Берлинская редакция)» Белый приводит знакомство к времени его пребывания в доме Мурузи <Мережковских>: «[...] это время окрашено рядом знакомств: с [...] Г. И. Чулковым» // А. Белый, *Начало века. Берлинская редакция (1923)*, СПб., 2014, стр. 84.

²²⁶ А. Белый, «Ракурс к дневнику» // *Литературное наследство. Т. 105*, ук. соч., стр. 362. Отметим, что в примечаниях к книге «Между двух революций» это попытка датируется Белым декабрем 1905 года. Ср.: Он же, *Между двух революций*, М., 1990, стр. 463.

отношений, возникших после проповедничества Чулковым «мистического анархизма». Белый отличает образ молодого Чулкова, с которым он еще пытался наладить контакт, от образа позднего Чулкова, автора пресловутой мистической доктрины, по отношению к которому он вовсе не скупился на резкие эпитеты и полемические ярлыки. Вспоминая молодого Чулкова, Белый отметил: «Меня же влек пафос его; влекла истинно героическая попытка, заранее обреченная на неудачу: вздуть пламя из еле тлеющего пепелища “Вопросов жизни”»; «Встает мне с Зевесовой головою, закинутою в анархию, с рукой, брошенной в мистику, с корпусом, обращенным к левейшим заскокам левейших течений в искусстве; и – все ж: меня тянет к нему; он весь – подлинный, искренний, истинно Прометеев пыл (а не “пыль”»); «[...] к нему стал захаживать в этот период, чтобы делиться с ним мыслями и беседовать с Н. Г., супругой его, тихой, строгой, встречавшей с сердечною задумью»²²⁷.

Поразительно, что еще в 1905 году Белый числился среди единомышленников Чулкова, Вяч. Иванова и Блока и первоначально даже благосклонно относился к мистическим начинаниям петербургских символистов: «В то время как раз начинается более тесное соприкосновение А. А. с Вячеславом Ивановым, – через меня (я в эпоху союза А. А. с В. Ивановым и Чулковым, направленным против московских “Весов”, очень часто досадовал, что впервые их свел, весь вот свел – на шею себе)²²⁸; «[...] решили осуществлять “коллектив”; В. Иванов упомянул о Чулкове, как о чуткой душе, нас способной понять; и – включили Чулкова. Так складывалась группировка людей, из которой возникли впоследствии “Факелы” и “Оры”; Чулков заговаривал о мистическом анархизме, которого выразителями первоначально считал он А. А., Вячеслава, меня; он – во мне обманулся поздней; через год я открыл из “Весов” канонаду; пока – раздавалось лишь слово “мистический анархизм”; слово – нравилось»²²⁹. По всей вероятности, не случайно Белый согласился на сотрудничество с коалицией Чулков-Иванов: его имя находится в списке участников первого выпуска «Факелов», в котором он опубликовал несколько революционных стихов. В феврале 1906 года Белый, находясь в Петербурге, также вникает в разговор о новом театре, который тогда занимал искания Чулкова, Иванова и Мейерхольда²³⁰. Беседа с Блоком и Ивановым, Белый определяет себя зачинателем «мистического анархизма»: «[...] оказываюсь одним из инициаторов течения, которое через несколько месяцев начинаю расстреливать, т.е.

²²⁷ А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 60-61.

²²⁸ А. Белый, *Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке* [под ред. В. М. Пиксунова], М., 1995, стр. 202, а также в А. Белый, *Начало века. Берлинская редакция*, ук. соч., стр. 203.

²²⁹ А. Белый, *Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке*, ук. соч., стр. 204, а также в А. Белый, *Начало века (Берлинская редакция)*, ук. соч., стр. 208. В «Начале века» цитата слегка отличается: «[...] решили: стараться осуществить «коллектив» [...]»

²³⁰ А. Белый, «Ракур к дневнику» // *Литературное наследство. Т. 105*, ук. соч., стр. 364.

«мистический анархизм», ибо в эти дни этот «анархизм» еще течение без названия, предполагающее группу: Иванов, Белый, Блок, Чулков (и – сбоку: Мейерхольд, Городецкий)»²³¹. В дальнейшем, полемизируя с «мистическим анархизмом», Белый снова притязал на авторство основополагающих его идей: в статье «Почему я стал символистом...» (1928 г.) он рассказывал о том, как, вернувшийся в Россию в 1907 году, он застал в Петербурге «безобразную пародию» на его мысли о соборности; считая, что «мистический анархизм» «генетически возник» из его тогдашних разговоров с Блоком и Ивановым, воплотившийся лишь в «ужасную профанацию», Белый видел в выдвинутых Чулковым теориях: «[...] кражу интимных лозунгов: соборности, сверх-индивидуализма, реальной символики, революционной коммуны, многогранности, мистерии. Я вижу свои лозунги вывернутыми наизнанку [...] Всеми этому я говорю свое негодующее “нет”: “Это – не символизм, а фальсификация”»²³².

В своих мемуарах Белый все же набросал своеобразный портрет молодого Чулкова, саркастически подчеркивая те характеристики его личности, являющиеся наиболее неприемлемыми для современников: «[...] ссылке с Дзержинским, партийцев своих обогнав, он бросается перегонять декадентов; и в этих усилиях он припирается к религиозным философам; его застаю уже на другом перегоне, когда, перегнав Мережковских и сбив с ног Булгакова, на которого он налетел, локтем трахнув под бок Анну Шмидт на бегу, догонял он Иванова, Вячеслава, чтоб вместе с ним броситься к Блоку: его обгонять – в манифесте от имени мистических анархистов; он им известил – Мейерхольда, Иванова, Блока, что, собственно, есть Мейерхольд, Блок, Иванов»²³³.

После появления манифеста «мистического анархизма» и, вместе с ним, первого выпуска «Факелов», позиция Белого резко изменилась: сблизившийся с Брюсовым, он вступал в борьбу против того анархистствующего направления, разрешающего «проблему мистерии в идеологическую мистификацию на плацдарме театра, а проблему общины в “общность” жен»²³⁴, что привело к разрыву личных отношений между Чулковым и Белым. В августе 1906 года появилась первая рецензия Белого, направленная против «мистического анархизма»²³⁵; через месяц Чулков и Белый заново столкнулись, в Петербурге, обсуждая, что подразумевает

²³¹ Там же.

²³² А. Белый, *Символизм как миропонимание*, М., 1994, стр. 443-444.

²³³ Он же, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 60.

²³⁴ Он же, *Символизм как миропонимание*, ук. соч., стр. 443.

²³⁵ «[...] я пишу убийственную-злую рецензию на книгу Чулкова о “мистическом анархизме”» // А. Белый, «Материал к биографии» // *Литературное наследство. Т. 105*, ук. соч., стр. 117; «[...] пишу разнос книги Чулкова о мистическом анархизме» // А. Белый, «Ракурс к дневнику» // *Литературное наследство. Т. 105*, ук. соч., стр. 367. Рецензия Белого была напечатана на страницах «Золотое руно» // А. Белый, «Г. Чулков. О мистическом анархизме» // «Золотое руно», 1906, № 7/9, стр. 174-175.

под собой это движение: «Имею значительный разговор с Чулковым, старающимся мне объяснить, что такое мистический анархизм»²³⁶. В октябре Чулков, для Белого, стал уже «символом всяческой профанации».

В «Начале века. Берлинская редакция» Белый неоднократно упоминает Чулкова и «чулковщину», так он охарактеризовал «мистический анархизм»: писатель считал доктрину Чулкова «тлетворной», и он, вместе с двумя «коренными аргонавтами» (Эллис и С. М. Сологуб) направил острые выпады против движение Чулкова, Иванова и Блока с целью мстить за «посягательство на чистоту символической линии»²³⁷, увидев в нем только попытку «погубить всю русскую литературу»²³⁸. О том, что Белый ценил вовсе не высоко философские начинания Чулкова свидетельствует следующая запись: «Чулков здесь часами вытрескивал совершенно бесцельные резолюции и протесты ненужных общественных групп, уносимых водоворотами жизни, но полагающих, что они-то и сотворяют ее»²³⁹.

Идейные разногласия обострились тогда на фоне личных мотивов, т.е. разрыв с женой Блока и, след за этим, известие о ее романе с Чулковым: «Первое известие, сражающее меня окончательно: Л. Д. в связи с Г. И. Чулковым»; в Петербурге господствует страшная профанация символизма. Нота мести за попорченную любовь и за профанацию символизма – углубляется»²⁴⁰. Белый с особой запальчивостью высказался по отношению к Чулкову и к его идейным положениям: на страницах журналов «Весы» и «Золотое руно» следовали друг за другом его полемические статьи (см.: «Г. Чулков. О мистическом анархизме. СПб., Факелы, 1906» [рец.] // «Золотое руно», 1906, № 7-9, стр. 174-175; «О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т.п.» // «Золотое руно», 1907, № 1, стр. 61-64; «На перевале. VII. Штемпелеванная калоша» // «Весы», 1907, № 5, стр. 49-52; «Символизм и современное русское искусство» // «Весы», 1908, № 10, стр. 38-48 и др.). Критика Белого была особенно острой, порой доходившая до осмеяния личности самого Чулкова. В последней, четвертой симфонии «Кубок метелей» (1908 г.) особенно ярко выделяется фигура мистико-анархиста Жеоргия Нулкова, как литературная сатира на Чулкова. Достаточно сравнить портрет писателя, вырисованный Белым на страницах «Между двух революций»: «Еще в прошлый приезд его образ связался с влетанием в комнату: дверь распахнулась – влетел Чулков с дыбом взбитыми

²³⁶ А. Белый, «Материал к биографии» // *Литературное наследство. Т. 105*, ук. соч., стр. 117. Ср. запись в «Начале века. Берлинская редакция»: «В те дни разговаривал я и с Чулковым, пытавшимся мне объяснить, что такое мистический анархизм; на словах выходило складнее, чем в книге Чулкова, которую только что разносил я в рецензии; мне Чулков говорил: – «Как вы можете быть против нас, когда сами вы с Блоком – мистические анархисты!.. » // А. Белый, *Начало века. Берлинская редакция*, ук. соч., стр. 267.

²³⁷ А. Белый, *Начало века. Берлинская редакция*, ук. соч., стр. 464.

²³⁸ Там же, стр. 319.

²³⁹ Там же, стр. 110.

²⁴⁰ А. Белый, «Материал к биографии» // *Литературное наследство. Т. 105*, ук. соч., стр. 118. А также в А. Белый, *Начало века. Берлинская редакция*, ук. соч., стр. 902 и А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 495.

волосами, – худой, впалогрудый и бледный, поднявши сквозняк; резолюции, протоколы, бумажки, взвитые, уносятся в вентилятор» с его прообразом, созданным в «Кубке метелей»: «Выскочил Нулков. Приложился ухом к замочной скважине, слушал пророчество мистика-анархиста. Наскоро записывал в карманную книжечку, охваченный ужасом, и волоса его, вставшие дыбом, волновались: “Об этом теперь напишу фельетон я!” Мистик-анархист говорил, вскочил, тьму заклинал и молил, и высоко вздернутые плечи, и лицо-жемчужина, и длинные пряди волос – море желтеньких лютиков – точно гасли в наплывающем вечере»; «Козловод Жеоржий Нулков крутил в гостиных мистические крутнии. Смеялся в лукавый ус: “Кто может сказать упоенней меня? Кто может, как мед, снять в баночку все дерзновения и сварить из них мистический суп?”»²⁴¹.

Некоторое время спустя, Белый признал жесткость своей критики и пытался помириться с Чулковым. Первый контакт относится к ноябрю 1908 года: к этим попыткам сближения Чулков относился скептически, о чем он написал Блоку: «Белый недавно ходил по залам литер<атур>н<ого> кружка и говорил всем встречным, что он ищет Г. И. Чулкова, чтобы мириться, и что он чувствует себя виноватым. Я надеюсь, что он был пьян»²⁴². В ответном письме Блок написал ему: «Что касается Белого, то думаю, что ему всерьез взбрело в голову, что он должен помириться с Вами. Но, вероятно, не надолго. Ах, какой запутавшийся человек» [ГС, с. 379]. Тогда примирение не состоялось. Второй раз Белый пытался наладить отношения с Чулковым (и Блоком в том числе) в 1910 году, в случае вечера на памяти В. Ф. Комиссаржевской, состоявшего 7 марта в залах Петербургской государственной думы: «[...] мы столкнулись в лекторской: я, Г. И. Чулков и А. А. Блок; с Чулковым же мы не здоровались; и трое мы шагали по комнате в разные стороны, стараясь не глядеть друг на друга»²⁴³.

В вопрос о разрешении отношений между ними включился, в какой-то момент, и Вяч. Иванов: об этом рассказал Чулков жене, в письме от 12 января 1912 года: «Сегодня у меня был Вячеслав Иванович. Сидел часа три. Расспрашивал о тебе, конечно. Беседовал об Илиодоре и Гермогене. Расточал хвалы Бугаеву, меня провоцируя. К нему я все-таки не пойду, хотя он меня очень звал к себе и опять уговаривал мириться с Белым» [ПП, п. 167]. Свою твердую позицию Чулков отстаивал и с Вяч. Ивановым: «Очень сожалею, что не придется мне навестить Вас: не хочу встречаться с Бугаевым»²⁴⁴. Примирение состоялось лишь в 20-е годы, а точнее в июне 1917 года; в «Ракурсе к дневнику» Белый написал: «[...] с Чулковым

²⁴¹ А. Белый, *Кубок метелей: Четвертая симфония*, М., 1908, стр. 20; 22.

²⁴² *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 410.

²⁴³ А. Белый, *Начало века. Берлинская редакция*, ук. соч., стр. 632; а также А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 299-300.

²⁴⁴ Автограф. РГБ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 47, л. 1; п. от 27 января 1912 г.

происходит примирение после разрыва в 1906 году (через 11 лет)²⁴⁵. В примечаниях к процитированным мемуарам Белого указано письмо Чулкова к Белому, от 2 марта 1925 года, из которой можно понять, что старые обиды были отодвинуты уже в прошлое: «[...] я очень чувствую внутреннюю необходимость общения с Вами. В наши дни, когда разрушены “каноны” культурной жизни и нет связи и сообщения между “странами”, надо искать путей иных: за отсутствием литературы, приходится искать непосредственных встреч, иногда существенно необходимых»²⁴⁶. Начиная с конца 1929 года Белый стал бывать у Чулкова все чаще и чаще, читает у него первые главы его романа о Москве: «[...] с ним стало легко и просто»; «[...] читаю “Москву” у Чулкова»; «Визит к Чулкову. Спор о православии»²⁴⁷ отмечает на страницах его дневника; в 30-м году возобновляет, судя по его записям, переписку с ним («Письмище Чулкову о том, почему разговор между нами конца не может иметь»; «Продолжаю письмо к Чулкову»; «Письмо к Чулкову»²⁴⁸), а также читает его воспоминания. В 1932 заново бывал у Чулковых: «Вчера были с Клодей у Чулковых; сидел какой-то скульптор, какой-то ценитель стихов; Клодя с Над. Григ. сели в сторонку, а я сейчас же провалился в болтовню нас четверых, ставших «мартышками»; Чулков, не видя гостей, болтал без умолку о всем «общем», «высоком» и «мудром»; не понимая, что его слова и < ...>»²⁴⁹. Восстановившиеся мирные отношения подтверждены словами самого Белого: «Георгий Иваныч – уже седогривый, уравновесившийся, почтенный, умный, талантливый литературовед, труды которого чту; и этот Георгий Иваныч прекрасно простил мне мои окаянства»²⁵⁰.

Позднее, Белый также осознал сыгранную им роль в злободневной полемике против Чулкова, признаваясь, что «[...] в эти годы ему я приписывал множество злодеяний; от этого приписания поздней хватался за голову, восклицая по адресу себя самого: “С больной головы да на здоровую”; я имел основания быть недовольным Ивановым, Блоком; откуда ж следует, что Чулков – “виноват”?»²⁵¹. Белый связал враждебность его высказываний не только с фигурой Чулкова, но и со всеми «молчальниками», которые, скрываясь за плечами автора мистико-анархических проповедей, пытались через него добыть себе место на общественной сцене. Злоумышленные упреки были вызваны провозглашенными лозунгами, компрометирующими, по мнению Белого, символизм, а Чулков просто превратился в символ

²⁴⁵ А. Белый, «Ракурс к дневнику» // *Литературное наследство*. Т. 105, ук. соч., стр. 436.

²⁴⁶ А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 463-464.

²⁴⁷ А. Белый, «Ракурс к дневнику» // *Литературное наследство*. Т. 105, ук. соч., стр. 535-537.

²⁴⁸ Там же, стр. 539. Как отмечено в примечаниях к этому изданию, текст этого письма неизвестен.

²⁴⁹ А. Белый, «Дневник 1932 года» // *Литературное наследство*. Т. 105, ук. соч., стр. 914.

²⁵⁰ А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 61.

²⁵¹ А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 60-61.

этой авантюры²⁵². «Чулков со своими выходами в “соборность” и широкоохватными манифестами казался, особенно в ту пору, “мне неприемлемым”; я много погрешил, пишучи о нем прямо-таки в позорно-недостойном тоне» – писал Белый – «[...] таковы безобразные мои выходы против Г. И. Чулкова, на которого я проецировал и то, в чем я с ним был не согласен, и то, в чем он не был повинен: нисколько; так стал для меня “Чулков” – символом; полемизировал я не с интересным и безукоризненно честным писателем, а с “мифом”, возникшим в моем воображении; меня оправдывает условно только болезнь и те личности, которые встали тогда меж нами и, пользуясь моим состоянием, делали все, чтобы миф о “Чулкове” мне стал реальностью. Теперь, после стольких раздумий о прошлом, я должен принести извинения перед Г. И. Чулковым и благодарить его за то, что он мне литературно не воздал следуемого»²⁵³.

Как можно судить из вышесказанного, Чулков фактически не оставляет никаких заметок об Андрее Белом, о его отношениях с ним, о причинах, вызывавших расхождения и непримиримые распри. Единственное высказывание, которое мы находим в его воспоминаниях, относится к разгару полемики против него: «Его страстные и странные выпады против меня казались мне фактом, не имеющим никакого отношения к литературе. Поэтому я ни разу не ответил печатно этому примечательному и значительному писателю. Впрочем, из предисловия к “Арабескам” видно, что Андрей Белый уже давно сам смотрит “исторически” на свою тогдашнюю запальчивую полемику, а для меня поводы для этой полемики кажутся каким-то загадочным и тяжелым сном. В этой истории не было никакого реализма и менее всего “реализма в высшем смысле”» [ГС, с. 184]. Чулков, назвав книгу статьей Белого, изданную в 1911 году, ссылается к определенному заявлению, из которого видно, что его автор несколько пересмотрел свои взгляды на прошлые события: «[...] я и считаю интересным пометить некоторые заметки, с полемическим пылом которых я в настоящее время уже не согласен (сюда полемика с Ивановым, Блоком, с мистическим анархизмом)»²⁵⁴.

Этот долг перед будущими биографами отчасти выполнила Надежда Григорьевна; в своих воспоминаниях она посвятила Белому целую главу. Мы впервые приведем ее целиком, с незначительными пропусками там, где она процитировала уже известные страницы из мемуаров Белого о Чулкове:

Борис Николаевич Бугаев появился в редакции журнала “Вопросы жизни” в 1905 году. Он тогда был еще студентом Московского университета. Он бывал в это время у Мережковских и Блоков. Говорил много о

²⁵² См.: А. Белый, *Между двух революций*, ук. соч., стр. 175-177.

²⁵³ А. Белый, *Начало века*, М., 1990, стр. 17; 424-425.

²⁵⁴ А. Белый, *Арабески. Книга статей*, М., 1911, стр. II.

философии, все что-то очень мудреное и для меня малопонятное, но, кажется, он не считался с тем, насколько его собеседник способен понять его рассуждения, и говорил, обращаясь ко мне так, как будто перед ним был самый искушенный философ. Хорошо еще, что он мало заботился о том, что скажет ему в ответ его собеседник. Говорил он вдохновенно синие глаза его в это время были особенно прекрасны. Я чувствовала, что ему не по душе Георгий Иванович, и это мешало мне ближе подойти к нему. Потом, спустя года два, он стал не только задевать в печати Георгия Ивановича, но даже поносить его. В одной из его "Симфоний" фигурирует Жеоржий Нулков, т.е. Георгий Чулков – в комическом виде и положении. Были и еще многие выпады в печати по разным поводам. Горячность этих нападений казалась удивительной и непонятной. И только в конце своей жизни, в тридцатых годах уже, высказал он в своей книге "Между двух революций", стр. 64, полное признание своей несправедливости по отношению к Георгию Ивановичу [...] Помню, в Москве, в годы особенно злостных выходов Бориса Ник.<олаевича>. Против Г.<еоргия> И.<вановича>, я встретила его в "Художественном Кружке" и, возмущенная его пасквилями, не подала ему руки, когда он подошел ко мне поздороваться.

Часто бывало, что после этих злых инсинуаций по адресу какого-нибудь писателя он через некоторое время, как ни в чем не бывало, обращался к нему как к приятелю [...]

В Москве, в тридцатых годах, Белый часто заходил к нам, когда приезжал в Москву из Кучина, обедал с нами и подолгу говорил с Георгием Ивановичем на философские и религиозные темы, причем они, конечно, во многом и важном расходились, и Б.<орис> Н.<иколаевич> очень горячился, кричал и, уходя, продолжал спорить даже в передней. Но вскоре опять появлялся и опять засиживался у нас до вечера, занятый теми же темами и споря с той же горячностью. Смерть его была большой неожиданностью для нас. Я пошла поклониться ему в гробу и с любовью поцеловала его руку, которую когда-то не хотела принять для рукопожатия. [...]

В 1939 году скончался Георгий Иванович, и жена Бориса Николаевича так же любовно поклонилась праху моего мужа, как и я поклонилась Борису Николаевичу в его гробу. Мы встречаемся с Клавдией Николаевной на кладбище Ново-Девичьего монастыря, где похоронены и мирно почивают наши друзья» [Воспоминания Чулковой, л. 215-218].

2.7.5 Любовь Дмитриевна Блок-Менделеева в жизни Г. И. Чулкова

В завершение обзора биографии Чулкова периода 1906-1909 гг. необходимо упомянуть еще один факт, касающийся преимущественно личной стороны его жизни и чем-то отразившийся на его творческом наследии.

К началу 1907 года относится «роман» между Чулковым и женой Блока, Любовью Дмитриевной Блок-Менделеевой²⁵⁵. Их отношения не составляли тайны для окружающих, в том числе и для самого Блока, однако они не оказывали отрицательное влияние на искренность складывавшихся между Чулковым и Блоком в той поры дружеских отношений: Блок воспринимал легкие, мимолетные увлечения жены, как ответ на свои собственные поступки, испытывая лишь неизбежную фатальность бытия в том, как сложилась его личная жизнь. В дневниковой записи от 27 октября 1912 года, Блок признался: «Ответ на мои никогда не прекращавшиеся преступления были: сначала А. Белый, которого я, *вероятно*, ненавижу. Потом – гг. Чулков, и какая-то уж совсем мелочь (А<услендер>), от которых меня как раз теперь тошнит. Потом – "хулиган на Тьмутаракани" – актеришка – главное. Теперь – не знаю

²⁵⁵ Об этом см.: «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком» // *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр.376-377; А. В. Лавров, *Этюды о Блоке*, СПб., 2000, стр. 52-55; Ю. Е. Галанина, *Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена*, М., 2009, стр. 74-78.

кто»²⁵⁶. В своих опубликованных воспоминаниях о Блоке, Надежда Григорьевна подчеркнула эту черту его личности, определяя ее, как «трагедия» неизбежно наполнившая жизнь даровитого поэта, как «плод своих переживаний», заставших его «жертвовать собой» и «любившие его соглашались на это»²⁵⁷.

Чулков познакомился с Любовью Дмитриевной после переезда в Петербург, в 1904 году. Знакомство произошло в редакции журнала «Новый путь», с которым Чулков стал сотрудничать по приглашению самых Мережковских: «Здесь, если не ошибаюсь, я познакомился с женою поэта, Л. Д. Блок (урожд. Менделеевой). В те дни (это был первый год их супружества) они казалось какими-то беглецами от суеты, ревниво хранящими тишину своего терема от иных, “не сказочных” людей» [ГС, с. 125]. Впечатления от первого знакомства с женой Блока отражены также в воспоминаниях Надежды Григорьевны: «Там я увидела его жену Любовь Дмитриевну. Она показалась мне “Прекрасной Дамой” его стихов: нежная, тихая, светлая, обаятельная и таинственная красавица. Одета она была в какое-то мягкое широкое платье, темное, оттеняющее ее лилейную шею, золотистые волосы, прекрасные руки»²⁵⁸. Наиболее существенными представляют собой две дополнительные оценки, которые Чулков и Надежда Григорьевна внесли в свои мемуары. Чулков, вспоминая дружеские отношения, связывавшие его с Блоком, пишет о том, что тогда супруги смотрели на него, как на «литератора», и что термин был «не слишком лестный в их устах» [ГС, с. 125]; в то же время, Надежда Григорьевна рассказывает о том, что «и он и его жена смотрели на нас с любопытством, как на “революционеров”»²⁵⁹.

Отношения между Чулковым и Любовью Дмитриевной завязались зимой 1907 года и продолжились недолго – до весны того же года. Этот факт можно объяснить тем, что в ту пору Блок был увлечен актрисой Натальей Николаевной Волоховой, с которой он познакомился зимой 1906 года, в театре В. Ф. Комиссаржевской, во время постановки его пьесы «Балаганчик». «Зимняя» любовь Блока нашла художественное отражение в образе «Снежной маски», давшей одноименное название стихотворному циклу Блока, изданному в 1907 году и посвященному самой Волоховой²⁶⁰. Любовь Дмитриевна, желая «отомстить» за «хмельную мечту» мужа, избрала своим партнером той зимы именно Георгия Чулкова²⁶¹.

²⁵⁶ А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. Автобиография 1915 года. Дневники 1901-1921*, М.-Л., 1963, стр. 170.

²⁵⁷ А. Блок и современность [сост. С. Лесневский], М., 1981, стр. 338.

²⁵⁸ А. Блок и современность, укр. соч., стр. 337.

²⁵⁹ Там же, стр. 338.

²⁶⁰ А. А. Блок, *Снежная маска*, СПб., 1907, 88 с.

²⁶¹ По мнению литературоведа В. Н. Орлова, для Л. Д. Блок Чулков, «человек внешний, типичный декадентский болтун, чьи претензии дерзновенно переступить через “мещанскую” мораль приобретали едва ли не пародийный характер», служил «преемником» Андрея Белого. Однако, в отличие от него, Чулкову удалось добиться того, что

О том, что Любовь Дмитриевна начала встречаться с Чулковым, было известно даже в самых близких семейных кругах, волнами расходились слухи об уходе Чулкова от жены (что соответствовало бы реальным жизненным событиям, ср. дневниковую запись Вяч. Иванова от 11 августа 1909 года, в которой был отмечен тот факт, что Чулков обратился к нему за советом по поводу расхоловшихся отношений с женой²⁶²). Мария Андреевна Бекетова, тетьа Александра Блока, писала в своем дневнике: «Третьего дня была у Али. Там был Саша. Аля мне вчера сообщила, что он хочет жить отдельно от Любы. В Любу влюблен Чулков, который с женой разъехался. Люба с ним кокетничала и провела чуть ли не целую ночь в отдельном кабинете и катаясь. Последнее мне уже совершенно непонятно» (4 февр.); «Ведь он <Блок – К. Р.> уж серьезно любит Волохову, а Люба (с горя по-моему) кутит с Чулковым. Уверяет, что он не страдает, но мы ей не верим» (8 февр.); «Волохова совсем не любит Сашу, а он готов за ней всюду следовать. Люба совсем полюбила Чулкова и с ним сошлась. Хотели разъехаться, но почему-то решили этого не сделать» (15 февр.); «А Люба опять завела с Чулковым – не знаю уж, как и назвать» (27 марта)²⁶³. Откликнулась на эту историю и Валентина Андреевна Щеголева, актриса, с которой Блок познакомился в том же конце 1906 года, также в театре В. Ф. Комиссаржевской, где тогда она играла. В дневниковой записи от 21 апреля 1908 года Щеголева написала: «А Любовь Дмитриевна и ее роман с Чулковым, неужто она действительно увлеклась им серьезно. Нет, не может быть, променять Блока на Георгия... Это она из самолюбия, из гордости пустилась в такую авантюру. Георгий не сумел спастись от ее наступления и мучился глупо»²⁶⁴.

Глубокого чувства не возникло ни с той, ни с другой стороны, все воспринималось подобно игровой мизансцене. В своих воспоминаниях «И были, и небылицы о Блоке и о себе» Любовь Дмитриевна подробно описывала ее взаимоотношения с Чулковым и подчеркивала ту своеобразную эфирную атмосферу, в которой они развивались:

Мой партнер этой зимы, первая моя фантастическая «измена» в общепринятом смысле слова, наверно, вспоминает с не меньшим удовольствием, чем я, нашу нетягостную любовную игру. О, все было, и слезы, и театральные мои приходы к его жене, и сцена à la Dostoievsky. Но из этого ничего не получилось, так как трезвая жена в нашу игру не входила и с удивлением переживала, когда мы проснемся, когда ее верный, по существу, муж бросит маскарадную маску. Но мы безудержно летели в общем хороводе: «бег саней», «медвежья полость», «догоревшие хрустали», какой-то излюбленный всеми нами ресторанчик на островах с его немислимими, вульгарными «отдельными кабинетами» (это-то и было заманчиво) и легкость, легкость, легкость... Георгий Иванович, кроме того, обладал драгоценным чувством юмора, который очень верно удерживал нас от всякого «пересола». Когда он несколько лет назад «вернул» мне мои «письма» –

долго попытался получить Белый: именно в этом можно рассматривать причину ненависти Белого по отношению к Чулкову. См.: В. Н. Орлов, *Гамаюн. Жизнь Александра Блока*, Л., 1978, стр. 316-317.

²⁶² В. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2*, ук. соч., стр. 786-787.

²⁶³ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3*, ук. соч., стр. 622-623.

²⁶⁴ Цит. по: там же, стр. 851. Подробное описание связи между Блоком и Щеголевой обнаруживается в вышеупомянутых воспоминаниях о Блоке Надежды Григорьевны. Ср.: *А. Блок и современность*, ук. соч., стр. 341-342.

вот это уже был пересол, тут чувство юмора ему изменило! Но я была им рада и с умилением перечитывала этот легкий, тонкий бред: «О, я знала, что сегодня Вы будете не в силах от меня отделаться, что от Вас будет сегодня весть. А я разве не странно отношусь к Вам? Разве не нелепо, что когда Вы уходите, обрывается что-то во мне и страшно тоскую. Но ничего мне не надо от Вас. Иногда только необходимо встретить Ваш взгляд и знать, что не уйти Вам от меня. Сегодня хотела бы видеть Вас, я дома сейчас и весь вечер. Ваша Л. Б.» И бумажка тонкая, и почерк легкий, летящий, почти не существующий²⁶⁵.

Отсутствие настоящей привязанности в этих отношениях отметила и М. А. Бекетова, записывавшая в своем дневнике: «Люба уехала на масленицу с Мусей в Боблово. И превесело уезжала. Это еще раз доказывает, что никакой любви у нее к Чулкову нет, а есть потребность поклонения и наслаждений. Любовь ее прошла, м. б. еще кого-нибудь будет любить, но не теперь» (28 февр.)²⁶⁶. Е. П. Иванов, близкий друг Блока, воспринял новые увлечения Любви Дмитриевны в созвучных блоковскому «Балаганчику» тонах; 12 января 1907 года он записывал в дневнике: «С Любой от Таты <Татьяна Николаевна, сестра З. Н. Гиппиус – К. Р.> ехал. Ужас. В балаганчик легче попасть, чем в Царство Небесное. [...] Чулков в роли Арлекина»²⁶⁷.

Неизвестно, какие чувства испытывал на самом деле Чулков по отношению к Л. Д. Блок: об этой истории не осталось следов ни в его автобиографическом наследии, ни в книге его мемуаров. Надежда Григорьевна также обходила молчанием этот эпизод совместной супружеской жизни. Несмотря на то, что в документальных материалах не упоминается легкости «любовной игры» зимы 1907 года, Чулков не оставался равнодушным и все-таки воспроизводил и запечатлел ее в своих художественных произведениях. Первое литературное воплощение относится к тому же 1907 году, когда Чулков опубликовал в альманахе «Белые ночи» стихотворный цикл «Месяц на ущербе»²⁶⁸. Имитируя тональности блоковской поэтической манеры, Чулков отразил упоминания о реальных обстоятельствах и, в одном из составляющих цикл стихотворений, легко можно угадывать образ Александра Блока, таким, каковым Чулков его хорошо знал: «И бледный монах мне знаком: / Мы вместе плели наши сети: / Любили, влюблялись вдвоем, / Смеялись над нами и дети. / Потом уходил он на мост / Искать незнакомки вечерней: / И был он безумен и прост / За красным стаканом в таверне»²⁶⁹. На протяжении 1906-1907 гг. Чулков являлся неименным спутником Блока, их встречи «за

²⁶⁵ Л. Д. Блок, *И были, и небылицы о Блоке и о себе*, Бремен, 1979, стр. 60-61. Упоминаемая переписка Чулкова с Л. Д. Блок-Менделеевой не сохранилась. Несколько лет спустя, Любовь Дмитриевна вспоминала в совсем иных тонах эту зимнюю «забаву»; 11 ноября 1911 года, находясь в Париже, она написала Блоку письмо, в котором она доложила ему о встрече с Чулковым: «Он поехал о моем приезде, что не узнал меня, что я похудела, и я, по-видимому, ему изволила понравиться, что было мне приятно в смысле того, что я сама знаю, что я теперь гораздо лучше на вид, и неприятно, что это Чулкову. Я краснела до ушей, но скоро он стал уходить, его никто не удержал» // Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене, М., 1978, стр. 266.

²⁶⁶ Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 3, ук. соч., стр. 623.

²⁶⁷ Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 376-377.

²⁶⁸ Г. И. Чулков, «Месяц на ущербе» // «Белые ночи: Альманах», ук. соч., стр. 63-71.

²⁶⁹ Там же, стр. 67.

красным стаканом в таверне» проходили довольно часто (ср. и после этих встреч: «Вчера я встретился с Блоком и мы изрядно выпили. Однако, по обыкновению, когда мы бываем вместе, вино на нас не действует или полудействует, так что мы остаемся и трезвыми, и нравственными сугубо» [ПП, п. 94]). Чулков воспринимал их духовную близость того времени, как созданную общность жизненной позиции: «Я понимал до конца тот волшебный мир, в котором жила и пела его душа. А поэт ценил во мне то, что со мною можно было говорить не по-интеллигентски, что я с полуслова понимаю его символический язык» [ГС, с. 140].

М. В. Михайлова считает, что только Любви Дмитриевне отношения представились маскарадом и что, «Чулков воспринял все иначе и, воспроизводя случившееся в повести “Слепые”, подчеркнул не легкость и необязательность затеянной любовной интриги, а напротив, эгоистическую слепоту безрелигиозных людей, подталкивающую их к безумным и бессмысленным поступкам. [...] то, – что случившееся было для него отнюдь не игрой, – не подлежит сомнению»²⁷⁰. Упомянутая повесть «Слепые», опубликованная в 1910 году в журнале «Вестник Европы»²⁷¹, является вторым литературным произведением, в котором отражаются автобиографические реминисценции реальных событий «снежной» зимы 1907 года, непосредственно связывавших Чулкова, Блока, Любовь Дмитриевну Менделееву и Наталью Николаевну Волохову. Сюжет повести складывается вокруг любовной интриги, заколдовавшей главного героя, художника Бориса Андреевича Лунина (чий облик во многом совпадает с самым автором²⁷²), и жены графа Бешметьева, княжны Любви Николаевны Бешметьевой (прообраз Любви Дмитриевны Менделеевой); за маской графа Бешметьева скрываются черты Александра Блока («этот низкий упрямый лоб с черными на нем кудрями, эти глаза, мечтательные и злые, этот страстный рот и слишком белые зубы», стр. 4); граф Бешметьев встречается с женщиной, внешне похожей на Волохову («высокая женщина с бледным овальным лицом и злыми красивыми глазами», стр. 46). В повести главный герой мимоходом встречает также поэта Герта, в котором можно легко узнать прототип Блока²⁷³; знаменитый поэт появляется в столичном театре в сопровождении прекрасной дамы (чем-то напоминающей Волохову): «Прошла высокая дама в черном. И за ней следовал, никого, по-видимому, не замечая вокруг, молодой человек, бледный, безбородый, с бескровными губами, с глазами мертвенно-серыми» [стр. 35].

²⁷⁰ М. В. Михайлова, «Пристрастный летописец эпохи» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1999², стр. 17.

²⁷¹ Г. И. Чулков, «Слепые» // «Вестник Европы», 1910, ноябрь, стр. 8-59.

²⁷² Известно, что избранный псевдоним Чулкова – Борис Кремнев.

²⁷³ Поэт Герт действует и в другом рассказе Чулкова – «Парадиз». Тогда же сам Блок признал, что Чулков, создавая образ поэта, изобразил именно его. Ср.: А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 184.

Чулков воспользовался и другими деталями из его личной биографии: сближение Лунина и княжны происходит в ту ночь, когда умер ее отец, князь Ховрин: «В ту ночь, когда графиня была в мастерской Лунина, умер от удара князь Ховрин» [стр. 55] – отношения между Чулковым и Любовью Дмитриевной возникли в январе 1907 года, а 20 января скончался Дмитрий Иванович Менделеев, отец Любви Дмитриевны; Лунин и Бешметьев встречаются в знаменитом кафе-шантане «Аполло», там, где регулярно бывали вместе Блок и Чулков; граф Бешметьев, хоть в своей аполитичности, испытывает ощущение музыки революции: «[...] я чувствую революцию как-то особенно, и мне все кажется, как будто бы веют над Россией какие-то силы тайные. Я об этом не говорю никогда, но вот с вами мне хочется говорить. И я думаю, что силы эти на все влияют..» [стр. 28] – в своих воспоминаниях Чулков приписывает себе заслугу, что «именно на мою долю выпало “научить” Блока “слушать музыку революции”» [ГС, с. 135]. Следует отметить, что, наряду с эпизодами, имеющими прямые биографические соответствия с реальными жизненными событиями, в повести прослеживаются многие оригинальные мотивы, характеризующие мировоззренческие взгляды Чулкова той эпохи: понятие слепота, как отражение духовного состояния современного человека²⁷⁴; идеализм, отдаляющий интеллигенцию от народа; ироническое восприятие принципа соотношения жизни и искусства, так близко символистского миропонимания²⁷⁵.

Любопытно, что воспоминания об этой любовной истории возникают у Чулкова только много лет спустя. В письме к жене от 1 февраля 1928 года он описывает ей встречу с Любовью Дмитриевной, происходившую на вечере в Ленинграде: «На Сологубовском вечере была Л.<любовь> Д.<митриевна> Блок, которая басом уговаривала меня “не бояться греха”. Я сказал ей, что пора бы ей “о душе подумать”. Ужасный гиппопотам! Но все-таки и у гиппопотама, как у крокодила, бывают слезы. Она сказала: “Двадцать один год тому назад, в этот самый день, мы ехали с Вами ночью мимо дома моего отца, когда он умирал”. Сказала и заплакала. Все мы несчастные и слепые. Но может быть Мармеладов прав и Бог простит пьяненьких» [ПП, п. 513].

²⁷⁴ Как отметила М. В. Михайлова, начиная с повести «Слепые», мотив «религиозной слепоты» и его надежды на религиозное прозрение становятся весьма показательным для мировосприятия Чулкова. Ср.: «Личная моя жизнь, ты знаешь, была слепая. И до сегодня я влачу бремя моей слепоты и греха» [ПП, п. 618].

²⁷⁵ Для подробного обзора повести ссылается к анализу, выполненному в своей диссертационной работе Д. Г. Исеналиевой. См.: Д. Г. Исеналиева, *Проза Г. Чулкова: Проблематика и поэтика*, ук. соч.

Глава 2.8

Годы странствий 1910-1916 гг.: Европа, Россия и Первая мировая война

«Прошли годы учения – наступили “годы странствий”. Мои скитания по Европе были, конечно, мне полезны не менее, чем царские тюрьмы и муки литературной борьбы. К тому же эти скитания куда были приятнее, чем холод Сибири или петербургские туманы» [ГС, с. 240]. Годы учения – как было рассмотрено в предыдущих главах – завершались к 1909 году, т.е. к тому моменту, когда утихла полемика вокруг «мистического анархизма» и тем самым Чулков освободился от литературных вихрей и страстей, в которые он оказался так или иначе втянутым. После этого бурного жизненного периода для Чулкова наступило очередное время испытаний, которое, по его собственному признанию, он определял, как «годы странствий». И действительно, трудно было бы сформулировать более точное определение, чем предложенное Чулковым. В связи с ухудшением здоровья в течение последующих шести лет Чулков ездил по разным городам Европы и России. Кроме того, он оказался на фронте во время Первой мировой войны с августа 1916 по май 1917 года. Следует обратить внимание на то, что рассматриваемый нами в данной главе период жизни писателя является одним из тех, о которых известно совсем немного с биографической точки зрения: в справочных изданиях обычно указываются только опубликованные им в эти годы произведения или изменения в его повествовательной манере. Иногда упоминается пребывание в Швейцарии в 1914 году (в связи с обострением туберкулеза легких) или его служба на фронте, без прямых ссылок на существующие авто-биографические источники. На самом деле, исследование этого периода возможно на основании подробного изучения семейной переписки, которая в данном контексте становится незаменимым источником для снабжения информацией и личными подробностями.

Эпистолярное наследие писателя обретает форму своего рода «окна в прошлое» – личные послания становятся синхронным текстуальным воплощением жизни, предоставляя для исследователя-биографа ценнейший материал для восстановления всей истории. Судя по его личным словам, в особенной значимости писем был убежден и сам Чулков: написав жене с фронта, он объяснил, что «решил, как только будет свободная минута, отмечать события и впечатления – по возможности ежедневно – в виде *краткого дневника* <курсив выделен мной – К. Р.> [...] Ты сохрани эти мои кратчайшие записи, а я, когда вернусь, расскажу тебе подробно обо всем, что в этих метках будет обозначено двумя-тремя словами» [ПП, п. 329]. И действительно, особенно в 1916 году, когда он находился на фронте в местечке Полонечка (Брестская область, Белоруссия), его письма приобретают особенную форму изложения,

похожую на то, что сам Чулков называл «дневником». Необходимо здесь отметить, что, по сравнению с первой частью переписки (1901-1909 гг.), количество посланий существенно выросло, занимая едва ли не половину объема всего эпистолярного корпуса¹. Благодаря переписке стало известно о том, например, какие поездки Чулков совершил в это время: во-первых, в 1910 и 1911 году пребывание соответственно в Италии и во Франции, в Париже – эти путешествия оказали глубокое воздействие на его восприятие окружающего мира; во-вторых, в последующие годы многочисленные поездки по городам России, с лекциями; в-третьих, в 1914 году, из-за обострения туберкулеза легких, переезд за границу, в Швейцарию, на лечение. В связи с началом мировой войны, супруги были вынуждены задержаться в зарубежной стране до начала следующего года; и наконец, в 1916 году, призыв на военную службу. Чулков пробыл на фронте около года, с августа 1916 по июнь 1917 года, до вступления в силу перевода его в Москву. Наряду с этим, переписка разъясняет многие другие аспекты развития личной жизни Чулкова. Например, в ней освещается литературная сторона его деятельности: прослеживаются писательские неудачи с изданием повестей и рассказов, наличие трудностей в самом творческом процессе, успешные или менее успешные договоры с издателями. Следует все-таки подчеркнуть, что часто отсутствует точная информация о каком именно произведении идет речь (ср.: «Решил сесть за повесть 1-го февраля и к 1 марту кончить. Успел набросать для повести список “действующих лиц”» [ПП, п. 73], «[...] напишу в течение этого месяца рассказ и поеду в начале апреля в Париж» [ПП, п. 88], «Повесть моя решительно не ладится» [ПП, п. 103], «Я понемногу пишу пьесу» [ПП, п. 317] и т.п.) или с каким издателем связано опубликование той или иной работы – сообщения о состоянии литературных дел часто бывают несвязанными, что потребует дополнительной обработки материала, при сопоставлении и сравнении с другими источниками, например, с письмами Чулкова к издательствам².

Вторым источником для восстановления биографии писателя этого периода являются мемуары. Если для составления предыдущих частей жизнеописания воспоминания «Годы странствий» как источник информации сыграли едва ли не центральную роль, то в данном случае – хотя их вес остается по-прежнему значительный – их структура приближается, по содержанию, к путевым заметкам. Это особенно верно для таких глав, как «Письма из Парижа» и «От Женевы до Софии. Письма 1915 года». Они – своеобразный репертуар событий и впечатлений из парижской жизни и, соответственно, из путешествия по Балканам и южной

¹ По всей вероятности, некоторые письма были утрачены или просто не сохранялись – время от времени отсутствуют логически и хронологически связанные письма-ответы и со стороны Чулкова, и со стороны Надежды Григорьевны.

² Сохраненные письма Чулкова к издательствам, газетам и журналам находятся в личном архиве писателя в московском архиве РГАЛИ и в отделе рукописей Государственной Российской Библиотеки.

Европе. Перед тем как войти в состав книги воспоминаний, эти страницы были ранее включены в сборник «Вчера и сегодня», который увидел свет в 1916 году³. Из главы «Годы странствий» можно узнать о поездке в Италию, радикально изменившей его мирозерцание, а также о первых встречах с одним, тогда еще неизвестным поэтом, Анной Ахматовой. Эта часть его биографии приобретает особенное значение по двум причинам: в первую очередь Чулков оказался одним из первых, кто оценил поэтическое творчество поэта⁴; во-вторых, по мнению исследователей, Чулков находился в очень близких отношениях с Ахматовой⁵. Далее, в главах «Возвращение на родину», «В горах», «На родине» и «Мартовские дни» – т.е. во всех главах, завершающих книгу воспоминаний – говорится об основных событиях в жизни, о встречах с людьми (например, с итальянским футуристом Ф. Т. Маринетти и французом Полом Формом), о пребывании супругов в Швейцарии, об ощущениях от первых слухов о предстоящей войне, о службе на фронте и рецепции распространении солдатами вестей о состоявшейся революции.

С другой стороны, и мемуары Надежды Григорьевны выполняют подобную функцию. Она, так же, как и Чулков, уделяет достаточное место событиям и фактам, происходившим в их семейном кругу. При изучении рукописей стало известно, что супруги официально оформили их союз в 1914 году, перед отъездом в Швейцарию, вступая в брак по церковному обряду. По рассказу Надежды Григорьевны, строгие этические правила, действующие за рубежом, не позволяли принимать в гостинице супругов, не состоявших в законном браке и носящих разные фамилии. По этой причине, венчание Чулкова с Надеждой Григорьевной состоялось в мае 1914 года, после того, как синод выдал на это разрешение: бракосочетание состоялось в Петрограде, во Владимирском соборе, расположенном на Ждановской

³ Г. И. Чулков, *Вчера и сегодня*, М., 1916, стр. 114-168. В данном сборнике очерк «Болгары. Путевые заметки» был выделен в отдельную главу. В книге воспоминаний «Годы странствий» он вошел в состав главы «От Женева до Софии», составляя как бы третье письмо-очерк, написанное во время возвращения Чулкова из Швейцарии в Россию.

⁴ См.: «Оценка творчества Ахматовой как наследницы заветов символизма и одновременно последовательницы классического направления в русской поэзии и ученицы И. Анненского, едва ли не впервые была предложена именно Чулковым [...]» в: М. В. Михайловой, «Пристрастный летописец эпохи» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999², стр. 19. Исследователь имеет здесь в виду статьи Чулкова: «Пятьдесят девять», «Хомуз», «Закатный звон», «Новая поэма» – рецензия на поэму «У самого моря».

⁵ См.: Е. Бень, «Ахматова и Чулковы» // Он же, *Не весь реестр*, М.-Орел, 2005, стр. 140-154; А. Марченко, «В черноватом Париж тумане...» // «Дружба народов», 2006, № 10, электронный ресурс: <<http://magazines.russ.ru/druzhiba/2006/10/ma14.html>> [последнее посещение 01.09.17]; Она же, «Кто ты – брат мой или любовник?» // Она же, *Ахматова: Жизнь*, М., 2009, стр. 144-185; С. Е. Шишкова-Шипунова, «Ахматова: личная жизнь» // «Знамя», 2009, № 9, электронный ресурс: <<http://magazines.russ.ru/znamia/2009/9/sh17.html>> [последнее посещение 01.09.17]. Хотя в этих статьях допускается использование художественного вымысла со стороны биографа-исследователя – что неприемлемо для составления научной биографии – из них выделяются самые объективные и достоверные факты, которые смогут быть сопоставлены с тем, что имеется в документальной базе, использованной для написания биографии писателя.

набережной⁶. Далека от объяснений, связанных с моральным этикетом зарубежных стран, версия Чулкова, которую он сообщил Вяч. Иванову в письме от 12 мая 1914 года, когда Чулковы уже находились в Шампери (горный курорт на высоте 1000 метров, расположенной на юго-западе Швейцарии во франкоговорящей ее части): «Перед отъездом за границу я *уговорил* <курсив выделен мной – *К. Р.*> Надежду Григорьевну со мной повенчаться. К этому случаю написал я стихотворение, которое и посылаю Вам, как нашему давнему другу»⁷.

Письма В. Ф. Ходасевича, хотя доступны нам в малом количестве, являются одним из источников, составляющих документальный корпус о Чулкове (письма Ходасевича к Чулкову были частично переизданы в 1994 году⁸). Ходасевич стал близок к семье Чулковых начиная с середины 1910 года, когда он начал встречаться с младшей сестрой писателя, Анной Ивановной. Ради Ходасевича она бросила своего прежнего мужа Александра Яковлевича Брюсова, известного ученого-археолога и брата поэта В. Я. Брюсова. Для Анны Ивановны отношения с Ходасевичем имели огромное значение⁹ и, произошедший в двадцатые годы разрыв между ними (тогда же Ходасевич соединился с Ниной Петровской) стал настоящей «катастрофой». Судя по воспоминаниям и переписке, Чулковы относились к Ходасевичу достаточно сдержанно и, по мнению исследователя, не слишком высоко ценили союз сестры с ним. Когда они расстались, Чулков отправил сестре утешительное письмо: «[...] Я очень понимаю, что у тебя есть причины для печали, и мне очень тяжело сознавать это, но все это для меня не является неожиданностью. Это можно было б предвидеть с первых же дней вашего союза, т.е. твоего и Владислава Фелициановича. Кто из вас виноват больше – не берусь судить. Но сама ты говорила, что уже несколько лет вы не живете, как муж с женою. А если так, зачем же преувеличивать несчастье? Я убедился, что Владислав Фелицианович изрядно противоречит сам себе и уклоняется от простой правды»¹⁰. Стоит отметить, что имя Ходасевича не встречается в воспоминаниях Чулкова. Надежда Григорьевна, со своей стороны, также уделяет ему малое внимание, посвящая всего лишь один абзац: «Анна, покинутая ее мужем Владиславом Фелициановичем Ходасевичем, уехавшим во Францию,

⁶ Напомним, что, когда Чулков познакомился с ней, Надежда Григорьевна состояла (хотя они уже и не жили вместе) в браке с ее первым мужем. В деле о ее разводе посредничал В. А. Терновцев; см.: «В Петербурге в 1906 г. он оказал нам услугу в деле развода моего с первым моим мужем – Степановым. Он повез меня к какому-то синодскому епископу и я легко получила развод». Н. Г. Чулкова, «Валентин Александрович Тернавцев» // «Вестник русского христианского движения», 1981, № 2 (134), стр. 114-115; здесь стр. 114.

⁷ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 47, л. 9-10 (конверт IV). Стихотворение «Двенадцать лет ковали мы любовь...» был включен во второй сборник стихотворений Чулкова, изданное в 1922 г. См.: Г. И. Чулков, *Стихотворения Георгия Чулкова*, М., 1922, стр. 60.

⁸ И. Андреева, «Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову» // «Опыты: Журнал эссеистики, публикаций и хроники», 1994, кн. 1, стр. 76-101.

⁹ Воспоминания А. И. Ходасевич были опубликованы в: *Ново-Басманная, 19* [вступ. статья Г. Анджапаридзе, сост. Н. Богомолова], М., 1990, стр. 386-410.

¹⁰ Цит. по: И. Андреева, «Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову», ук. соч., стр. 82.

жила с нами в Москве, жила, но от одиночества и нервности тоже нуждалась в большом внимании и участии с нашей стороны»¹¹.

Назовем еще один первоисточник, имеющий, безусловно, большое значение в процессе описания жизни Чулкова – это уже неоднократно процитированная неизданная переписка Чулкова с Вяч. Ивановым¹². Как было раньше сказано, письма Вяч. Иванова к Чулкову позволяют с немалой достоверностью подкорректировать датировку первой поездки Чулкова в Италию, которую писатель, в своих воспоминаниях, ошибочно относит к 1907 году (см. предыдущую главу). К тому же, темы, затронутые в письмах, принадлежат к самым разнообразным и актуальным аспектам личной и профессиональной жизни писателя в ту пору. Среди них, например, оказание ему и Надежде Григорьевне финансовой поддержки – семейное благосостояние тревожило Чулкова на протяжении почти всей его жизни («Помогите мне, пожалуйста. Очень прошу Вас меня выручить [...] Я решился обратиться к Вам с этой просьбой, потому что обстоятельства так сложились, что мне необходимо увезти Над.<ежду> Григ.<орьевну> из Парижа. Мы едем в Ипор, к морю (шесть часов от Парижа). А денег как раз у меня сейчас мало. Сто рублей мне необходимы. То, что я беру у Вас в долг сто руб., Над.<ежде> Григ.<орьевне> неизвестно. Она бы, пожалуй, отказалась ехать, если бы узнала, что я беспокоил Вас моей просьбой, потому, что стала за последнее время болезненномнительной» п. от 3/16 июля 1911 г.¹³). Еще можно упомянуть о впечатлениях от пребывания супругов в Париже, сообщения о творческой деятельности Чулкова (создание комедии «Медая», романа «Сатана», статьи о творчестве Вяч. Иванова, вызвавшей некую

¹¹ См.: И. Андреева, «Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову» ук. соч. Из сохранившихся в личном фонде Чулкова в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки 31 письмо и открытки, исследователем были опубликованы восемь (они были перепечатаны по изданию собрания сочинений Ходасевича). Отмечается исследователем, что письма Чулкова не сохранились.

¹² Следует отметить, что количество сохранившихся писем Чулкова к Вяч. Иванову относящихся к этому периоду значительно больше, чем писем Вяч. Иванова к Чулкову (письма Чулкова – 26; письма Вяч. Иванова – 3). Мы выражаем свою благодарность Николаю Всеволодовичу Котрелеву за текстологическую работу, проведенную вместе с нами над этими письмами.

¹³ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 7-8 (конверт II, ныне лежащий в конце ед. хр.). Иванов получил письмо только 9 июля (по старому стилю) 1911 г., поскольку оно было переадресовано с Таврической улицы – где Чулков, видимо, предполагал, в то время жил Иванов, – в Силламяги, Эстляндскую губернию. Это объясняет опоздание, с которым Вяч. Иванов исполнил просьбу Чулкова, о которой идет речь в процитированном письме. 11 июля 1911 г. Чулков написал Вяч. Иванову: «Обстоятельства так сложились, что я не могу далее оставаться в Париже. Завтра утром я уезжаю с Над.<еждой> Григ.<орьевной> в Ипор, к морю. Если Вы не успели еще выслать мне золото, о чем я Вас просил на-днях, не трудитесь его выслать и простите меня великодушно, что я беспокоил Вас моей просьбой: все уладилось. А если Вы уже выслали, золото полежит мирно в Париже у моего знакомого, чей адрес я Вам дал. И [тогда] я верну Вам мой долг через три недели, когда [уже] я вернусь в Петербург» // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 9 (конверт – в конце ед. хр.). Чулков сообщает Вяч. Иванову, что он получил деньги, 3/16 августа 1911 г.: «Большое спасибо. То, что я у Вас занял сто руб., не секрет, и Над.<еждой> Григ.<орьевной> об этом знает. Я был в Париже и получил от Фридмана деньги. Но теперь я живу в Ипоре, у моря, с Над.<еждой> Григ.<орьевной>: мы решили остаться еще на две недели. Значит, я на две недели задержу мой долг. Вы не будете гневаться?» // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 11 (-12 чист.; конверт IV, в конце ед. хр.).

полемику с редакцией журнала «Аполлона»¹⁴), а также посвящение старому другу сонета¹⁵ и различные факты из светской жизни эпохи (имеется в виду случай с «обезьяньим хвостом», происходивший 3 января 1911 года в доме Ф. К. Сологуба¹⁶).

¹⁴ Речь идет о рецензии на книгу «Cor Ardens. – Часть первая», написанной Чулковым для журнала «Аполлона», см.: Г. И. Чулков, «Поэт-кормщик. Вяч. Иванов. Cor Ardens. Часть первая. Москва. МДСССХI. Кн-во “Скорпион”» // «Аполлон», 1911, № 10, стр. 62-64. В ней Чулков утверждал: «Этот реализм Вячеслава Иванова определяет такие свойства его души, которые дают ему удивительное в наши “злые времена” – я бы сказал – жизнеупорство. Лирические бури бросают легкие челны поэтов на опасные скалы и скучные мели, и, кажется, один лишь Вячеслав Иванов, как опытный кормчий, плывет по звездам, не страшась непогоды» [стр. 62]. О намерениях написать статью относительно недавно вышедшей книги Вяч. Иванова Чулков сообщил жене в письме от 4 октября 1911 года: «Вяч.<слав> Ив.<анов> был очень любезен и, по-видимому, *очень* желает, чтобы я написал статью о его книге» [ПП, п. 151]. Несколько дней спустя произошло некое недоразумение с редакцией журнала (см.: письмо к жене от 7 октября: «Вчера был я в “Аполлоне”. Меня там раздражили и разозлили, и я по телефону через час заявил им, что ухожу из журнала [...] Тут еще примешалась история с “Cor Ardens” Вяч.<слава> Иванова. Они не решились протестовать против моего желания написать не два столбца, а сколько я хочу, но – по-видимому – им это было неприятно» [ПП, п. 158]), но уже 14 октября Чулков сообщил Вяч. Иванову о благополучном завершении его работы: «К сожалению, только сегодня кончил статью о Вас – увы! – краткую. Сейчас еду на вокзал, дабы 15-го рукопись была в “Аполлоне”. Если “Аполлон” не пожелает ее печатать, я изменю ее несколько и разовью и постараюсь напечатать в “Речи”» [Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр.46, л. 17(-18 чист.; конверт VII, ныне лежащий в конце ед. хр.)]. По всей вероятности, заметка должна была появиться в девятом номере «Аполлона» – именно об этом написал Чулков Вяч. Иванову 8 декабря: «Сегодня я получил девятый номер “Аполлона”. Несмотря на то, что рукопись (поневоле краткая) была мною послана вовремя, моя статья в “Аполлоне” не появилась. Корректору я отправил также немедленно. Все это было месяц тому назад. То, что моя заметка не появилась все-таки, я объясню тем, что Вы просили Кузмина или еще кого-нибудь из “Аполлона”, ввиду краткости моей статьи, отложить ее. Так ли это? Если это Ваше желание, я, конечно, с этим примирюсь и сожалею только, что не воспользовался этим месяцем, чтобы написать более обстоятельную о Вас статью. Если же моя статья не появилась по капризу редакции “Аполлона”, я с этим обстоятельством буду считаться иначе. Будьте таким великодушным, известите меня, согласно Вашему желанию не появилась моя статья или по иным причинам» [Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 19-20 (конверт VIII, ныне лежащий в конце ед. хр.)]. 13 декабря Вяч. Иванов ответил Чулкову: «Разумеется, я тут не при чем: Вы знаете, как желанна мне Ваша критика на страницах “Аполлона”. – Я сказал Зн.<ско>Боровскому о Вашем вопросе, обращенном ко мне; вследствие чего он счел нужным объяснить мне то, что до меня совершенно вовсе не касается; а именно, что статья Ваша была отложена до № 10 для того, чтобы собрать в № 9 мелкие заметки; в № же 10м должно быть помещено более важное...» [Автограф. РГБ, ф. 371, к. 3, оп. 45, л. 23. Закрытое письмо]. На самом деле, рецензия Чулкова была напечатана в десятом номере журнала «Аполлона» за 1911 год, что подтверждается в приведенных словах Вяч. Иванова.

¹⁵ В письме от 3 мая 1911 года Чулков, находясь в Париже, посылает Вяч. Иванову сонет, «несколько “хромой”» по его собственному определению. Сонет, о котором идет речь, – «Сон», был написан 2/15 мая 1911 г. и, в тексте письма, сопровождался следующими примечаниями: «некоторая неожиданность последнего образа оправдывается добросовестностью автора, который желал быть точным в описании сна, ему». По имеющимся данным, стихотворение не было прижизненно опубликовано Чулковым. Текст сонета приведен по рукописному варианту:

Вячеславу Иванову.

Угадчик снов и звезд угадчик строгий!
Ах, разгадай приснившийся мне сон:
В нем тайный смысл – я верю – заключен.
Он вещий знак на сумрачной дороге.

Мне снилось, будто я – старик убогий...
Я – в храме. Кажется, в Notre-Dame. Колонн
Готических синеет ряд. И звон
Так монотонен. Полон я тревоги.

И вот я чувствую, что чей-то взгляд
Мне в сердце льет, чаруя, тонкий яд,
И вижу я: у ног моих химера...

Она – жива, и женщина лицом,

Змеинный хвост ее завит кольцом:
Медуза в ней и в ней же Прима-Вера...

Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 2-3 (стихотворение на особой странице, – л. 3). Вяч. Иванов ответил Чулкову, сочинив сонет «Истолкование сна, представившего спящему змею с женской головой в соборе Парижской Богоматери». Стихотворение было включено в сборник «Нежная тайна. Лепта», вышедший в свет в 1912 году. См.: В. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3*, Брюссель, 1979, стр. 45.

¹⁶ «Судное дело об обезьяньем хвосте» имело громкий резонанс в литературной среде, поскольку в нем оказались вовлеченными, так или иначе, некоторые из самых видных представителей культурной жизни страны. Суть событий заключается в том, что из обезьяньей шкуры, доставшей А. Н. Чеботаревской по просьбе А. Н. Толстого, были отрезаны хвост и лапы. Тот самый хвост оказался отличительным элементом наряда А. М. Ремизова, принимавшего участие в маскарадах, которые состоялись и у самого Толстого, и в доме Сологубов. Получился скандал и целое разбирательство, вследствие которого был сначала обвинен Ремизов, а потом вина упала на самого Толстого. В мемуарной литературе это сложное переплетение личных обид и нравственных арлекинад не проходило без следов и, среди других свидетельствующих (см., например, воспоминания К. Эрберга, А. М. Ремизова, Н. А. Оцуца, С. И. Толстой, В. Ф. Ходасевича), свое слово оставил и сам Чулков. В главе, посвященной Сологубу, Чулков написал: «На одном из таких маскарадов разыгралась история с “обезьяньим хвостом”, подробности коей я забыл, но которая отчасти и меня затронула» [ГС, с. 160-161]. Когда дело выросло до обсуждения вопроса о личных отношениях между Сологубыми и Толстыми (исследователи предполагают, что на самом деле серия цепных реакций, вызванных этим конфликтом, была связана с выяснением проблемы литературных нрав и общественного поведения), в нем были замешены и другие лица, которые к делу совсем не причастны. Таким образом, против ни в чем не виноватого Ю. Н. Верховского был возбужден иск – он был вызван на третейском суде Толстым – посредниками выступали, со стороны Верховского, Ев. П. Аничков, А. А. Блок, сами Сологуб и Ремизов, а со стороны Толстого – А. С. Яценко и именно Чулков. Описывая, в своих воспоминаниях, происходившие факты, Чулков излагает не совсем правдоподобную версию (скорее всего, основой для его пересказа являлась та версия, которую ему предложили Толстой и его супруга), поскольку первоначальную вину он предъявляет именно Ремизову, утверждая затем, что «сам хитрец вышел сух из воды» [ГС, с. 160]. Чулков был призван посредничать в суде в стороне Толстого, потому, что он решительно отказался принять «обезьяний» ультиматум, поставленный ему Сологубом (разославший письма всем друзьям с приказом порвать отношения с Толстым): «Как ни любил я Федора Кузьмича, но решительно отказался принять такой ультиматум. И Федор Кузьмич дулся на меня некоторое время» [ГС, с. 161]. Именно по этому поводу 14 февраля 1911 года Чулков написал Вяч. Иванову: «Я был у Ал. Н. Толстого и он передал мне сущность Вашей с ним беседы. Я согласен с Вами совершенно. Но так как уже начаты переговоры с Юрием Никандровичем, и он уже пригласил в качестве представителей [с] его стороны А. А. Блока и Ев. В. Аничкова, то надо исполнить эту формальность и собраться нам “посредникам”. Аничков предлагает Вам быть супер-арбитром – что, конечно, желанно и нам, т.е. мне и А. С. Яценко. Результат нашего совещания будет, вероятно, тот, что мы, “посредники”, попросим Вас и Ев. В. Аничкова уладить конфликт согласно Вашему плану» [Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 1]. Третейский суд состоялся 15 февраля 1911 г.: в итоге иск, поданный Толстым, был признан (в той мере, в какой дело касалось конфликта между Толстым и Верховским), однако Толстому было приказано извиниться перед Сологубом и Ремизовым, что он и сделал, посылая обоим письма с «полными извинениями». Несмотря на то, что участие Чулкова в этом деле является все-таки второстепенным, следует здесь подчеркнуть одну сторону из всего этого эпизода, важную для реконструкции целостной индивидуальности Чулкова. Когда, несколько лет спустя, в руках Блока оказалась новая комедия Толстого «Насильники», он отметил в своем дневнике: «Хороший замысел, хороший язык, традиции – все испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры. По-видимому, теперь *его* отравляет Чулков: насмешка над своим, что могло бы быть серьезно, и невероятные положения [...] пока он будет думать, что жизнь и искусство состоят из “трюков” (как нашептывает Чулков, – это, впрочем, мое предположение только), – будет он бесплодной смоковницей» (запись от 17 февраля 1913 года) // А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7*, М., 1963, стр. 221. Блок, здесь, упрекает Чулкова в тщетном легкомыслии, намекая на нарушение той нравственной основы, в которой он видел необходимое условие для сочетания, в художнике, жизни и творчества (это, между прочим, явилось одной из причин отдаления Блока от Чулкова, начиная с 1909 года – ср. письмо к матери от 14 февраля 1911 г. «Когда он уходил, я почувствовал вдруг, что он бесконечно несчастен и болен, и мне стало остро жаль его» // А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 301). Подобное горькое заключение отметил и сам Чулков в своих воспоминаниях: «Да, взрослые поэты шутили, ссорились, забавлялись и огорчались по поводам смешным и ничтожными, как дети, – иногда и грешили, и даже тяжко...

Так жили поэты. Читатель и друг
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Эту строфу из стихотворения Блока можно было бы, пожалуй, взять эпиграфом к моим воспоминаниям» [ГС, с. 162]. Подробное о «судном деле об обезьяньем хвосте» см.: Е. Р. Обатнина, «От маскарада к третейскому суду

В последнюю очередь выставляются, как источник информации для подробного писания жизни Чулкова, уже неоднократно упоминавшиеся биографические и автобиографические заметки, сохранившиеся в его личных архивах. Их значение, здесь, не слишком велико: они выступают в основном в качестве дополнительных материалов для проверки и сопоставления имеющихся фактов – с учетом того, что не все эти документы полностью охватывают целую жизнь писателя. Однако, наблюдается некая тенденция к отсутствию детализации: описанию интересующих нас в данном контексте лет, уделяется, в большинстве случаев, мало внимания. Так, например, в автобиографии: «Во время войны, вернувшись из Швейцарии через Италию и Балканы, я отправился на фронте и в течение нескольких месяцев жил среди солдат и офицеров. Это был канун революции. После падения самодержавия я уехал сначала в Петроград, потом в Москву и принял на себя редактирование журнала “Народоправство”» [Автобиография 1918 г.]. Или еще сдержаннее: «До революции я совершил несколько поездок по Европе – успел побывать в Германии, в Австрии, в Италии, в Швейцарии, в Греции, в Сербии, в Болгарии. В 1911 году я жил в Париже. В 1916 году на Александрийской сцене шла моя драма “Невеста”» [Curriculum vitae]. Почти одинаково звучит этот отрывок во всех вариантах биографий. В одном единственном случае имеется упоминание: «К этому времени относится начало моей дружбы с А. А. Ахматовой» [Автобиография 1928 г., с. 372].

Одно из центральных событий в жизни Чулковых, которое до сих пор не было упомянуто, это рождение, в 1915 году, первого и долгожданного сына, Владимира. Несмотря на то, что этот факт жизни Чулкова был уже общеизвестен большому кругу читателей (на нем останавливались, в своих статьях и исследованиях, самые крупные ученые, занимавшиеся творчеством Чулкова¹⁷), стоит все-таки отметить, что среди автобиографических и документальных источников, принадлежавших самому Чулкову и нами проанализированных, семейная переписка – единственный источник, где напрямую упоминается это событие. После возвращения из Швейцарии, летом 1914 года Чулковы переселились под Петербург, в Царское село, в дом, расположенный на Малой улице, недалеко от Гумилевых: «1915-1916. Зима. Встречи с Г. И. Чулковым, который живет в Царском селе на Малой улице – в расстоянии одного квартала от Гумилевых»¹⁸. В Царском селе, условия для работы и для здоровья

(«Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // «Лица. Биографический альманах», 1993, кн. 3, стр. 448-465; А. Н. Варламов, «Кто отрезал хвост у обезьяны?» (начало) // Электронный ресурс: адрес <<http://www.topos.ru/article/3092>> [последнее посещение 01.09.17]; Он же, «Кто отрезал хвост у обезьяны?» (окончание) // Электронный ресурс: адрес <<http://www.topos.ru/article/3097>> [последнее посещение 01.09.17].

¹⁷ См., например, исследовательские работы М. В. Михайловой, Ю. Н. Грякаловой, Я. В. Леонтьева, Д. Н. Исеналева и т. д.

¹⁸ Запись в дневнике П. Н. Лукницкого. См.: П. Н. Лукницкий. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 томах. Париж, 1991-1997. Т. 2. Стр. 81. В справочнике «Весь Петроград» за 1915 и 1916 гг. Чулков зарегистрирован, как житель

оказались для Чулкова более благоприятными, чем в городе, однако его болезнь уже на тот момент стала неизлечимой: «Швейцарские горы хотя и подкрепили меня, но исцелить меня не могли. Врачи посоветовали мне поселиться в Царском Селе. Я так и сделал. Мы наняли с женою квартиру на Малой улице. Я перевез сюда свои книги. Друзья навещали меня, но в то же время здесь не было городской суеты, и я мог работать» [ГС, с. 308]. Надежда Григорьевна, в своих воспоминаниях, рассказывает, что в их квартиру в Царском селе приезжали навестить не только знакомые, но еще и старые друзья – Блок, Яценко, Сологуб. К ним заезжал также В. Ф. Ходасевич, к тому времени уже ставший супругом младшей сестры Чулкова Анны Ивановны.

Начиная с ноября 1915 года в семейной переписке уже ярко прослеживаются намеки на беременность Надежды Григорьевны. В это время супруги находятся очередной раз в разлуке: Чулков поехал в Москву устраивать литературные дела, а она осталась в Царском селе, поскольку до родов оставался буквально месяц. 10 ноября Надежда Григорьевна писала Чулкову в Москву, в квартиру его старшей сестры Любови Ивановны, где он остановился на пару недель: она ему рассказывала о том, как она проводит день и в конце делала маленькую приписку: «Я розовая» [ПП, п. 298]. Отвечая ей 13 ноября, он написал: «Спасибо за письмецо. Очень рад, что ты “розовая”» [ПП, п. 304]. В другом письме от 15 ноября, она написала: «Чувствую себя хорошо. Сын проявляет признаки нетерпения и сильно толкается» [ПП, п. 306]. 24 ноября Чулков находится еще в Москве: он написал Надежде Григорьевне ответ на неизвестное нам письмо¹⁹, в котором он заявил: «Очень рад, что ты не спешишь родить. Подожди, пожалуйста, еще некоторое время. И младенец пусть дозревает» [ПП, п. 308].

Владимир Георгиевич Чулков родился 11 декабря (по старому стилю) 1915 года²⁰. Спустя всего лишь пару месяцев Чулков вновь поехал в Москву в поиске литературных успехов и окончательных переговоров с издателями. Однако это была не самая большая разлука, которая случилась в жизни новой семьи: в августе 1916 года Чулков поехал служить по призыву на фронт, в летучку Первого Сибирского передового отряда, откуда он мог вернуться только через год. На протяжении всего пребывания на фронте, Чулков посылал Надежде Григорьевне огромное количество писем, в которых фактически каждый день писал

города Царского села: «Георг. Ив. дзн. Литератор» (1915 г., стр. 722) и «Георг. Ив. пот. поч. Гр. Царск. С. Малая 47» (1916 г., стр. 746).

¹⁹ Предполагается, что небольшое количество писем, составляющих семейную переписку, в том числе и телеграммы, не сохранилось: в корпусе все-таки существуют некоторые логически или хронологически не связанные письма, ответы на неизвестные нами послания.

²⁰ См.: «Завтра Володино рождение. Я купила ему книжку с картинками. Он все твердит “папа”. Досадно, что ты не слышишь. Теперь уже совершенно сознательно говорит, когда его попросишь сказать. Рожица становится все выразительнее с каждым днем. Завтра будет пирог и гости» – письмо от 10 декабря 1916 года [ПП, п. 373].

заботливые слова о сыне, о состоянии его здоровья, развитии и прогрессах²¹. Ответы Надежды Григорьевны перекликаются по настроению и содержанию с письмами мужа. Они наполнены подробным описанием бытовых проблем, фактов и событий, касающихся здоровья ее и мальчика, их жизненной установки и т.п. Таким образом, письма Надежды Григорьевны отличаются, по их содержанию и характеру, бытовыми и духовными свойствами, тем самым предоставляя богатый материал для характеристики самых различных сторон быта и жизненных запросов женщин начала XX века. 30 июня 1916 года, например, когда Чулков уже переезжал в Петроград в ожидании точного распределения по службе в рядах вооруженных сил, она написала ему:

Няня, не одна теперь, а с твоим двойником. Все время точно вижу тебя, но ребенком, милого, ласкового, нежного и доверчивого. Я с Володей считаюсь, как с тобой. Если он обидится, я думаю, что это я тебя обидела, когда доволен и радуется, мне кажется, что я несколько заглаживаю свою вечную вину перед тобой – мой недобрый нрав. Как бы я хотела, чтобы Володюшке нашему было со мной хорошо. Я им наслаждаюсь безгранично. Люблю его тоже безгранично. Мил он необычайно и никто не может понять, кроме меня и тебя, до чего он хорош [ПП, п. 319].

Для Чулковых рождение Владимира безусловно имело огромное значение. Ребенок появился поздно, когда обоим родителям было уже почти сорок лет. Несмотря на то, что в воспоминаниях самого Чулкова не обнаруживаются никаких упоминаний о сыне и, поэтому, не осталось прямых свидетельств со слов его «блудного отца» [ПП, п. 315], именно благодаря изучению семейной переписки становится очевидным тот факт, что рождение его сыграло ключевую роль в жизни писателя (хотя, в то же время, Чулков проводил очень долгое время на расстоянии). Стоит отметить, что Чулков посвятил сыну одну из его теоретических работ тех лет, в которой изложил его собственную концепцию истории о национальном самоопределении России и о ее «мессианскую» роль в защите мира от германского империализма: «Посвящаю эти размышления о судьбе России моему сыну Владимиру Георгиевичу Чулкову» – пометил Чулков в первых страницах книги «Судьба России»²². С

²¹ См., например: «Очень думаю о тебе и Володе. Дай вам Бог устроиться получше» [ПП, п. 324]; «Не унывай без меня, устройся с Володей как-нибудь по удобнее» [ПП, п. 325]; «Пиши мне о себе и о Володе» [ПП, п. 327]; «Все время думаю о тебе и живо представляю себе, как Володька, за своим завтраком, вдруг оглядывается на меня задорно. Вижу его глазенки» [ПП, п. 328]; «Как-то поживает мой Володьки. Пиши, Надя, о своем здоровье» [ПП, п. 331]; «И Володю нашего, оказывается, люблю нежно и за судьбу его волнуясь» [ПП, п. 334]; «Скучаю очень без тебя и без Володьки. Он, ведь, очаровательный?» [ПП, п. 363]; «Нельзя ли сделать хороший настоящий фотографический снимок с Володьки?» [ПП, п. 364]; «Итак Володя стал взрослым мужчиной. Это я заключаю из твоего письма от третьего октября» [ПП, п. 367]; «Поздравляю тебя с нашим праздником и целую годовалого Володя. Подари ему какую-нибудь приятную штуку и скажи, что это прислал папа» [ПП, п. 372]; «Говорит ли что-нибудь Володька? Наверное, меня забыл мальчишка» [ПП, п. 377]; «Нет, Россия Бог даст не пропадет. И мы с тобой увидим великолепные дни. А Володя наш будет жить прекрасно» [ПП, п. 387]; «О Володьке ты пишешь чудесно. Я его живо представляю себе. Эпизод с монашенками меня восхитил. Целуй его» [ПП, п. 394]; «Учи Володю говорить. Почему он так увлекается несказанным? Ему, ведь, придется жить на грешной земле, где люди произносят слова – увы! – для всех необходимые и обязательные» [ПП, п. 416]; «Поздравляю Володю с полуторагодовым существованием на планете Земля, несмотря ни на что прекрасней и к Богу стремящейся. Целую тебя и этого самого Володьку» [ПП, п. 422] и т.д.

²² Г. И. Чулков, *Судьба России. Беседа о современных событиях*, Пг., 1916, 50 с.

другой стороны, в отличие от мужа, Надежда Григорьевна рассказывала о сыне более открыто и свободно в своих мемуарах: «Он был необыкновенный ребенок: талантливый, красивый внутренней и внешней красотой и особенной недетской чуткостью и скромностью» [Воспоминания Чулковой, л. 175]. Об особенных характеристиках новорожденного она старательно писала мужу в ее посланиях на фронт; например, в письме от 29 декабря 1916 года: «Сколько он постиг премудрости за это время! [...] Не умею я рассказать всего, что теперь в нем нового, но с каждым днем он все умнеет и хитреет <так!>. С ним можно разговаривать, спрашивать и он отвечает иногда словами, иногда мимикой» [ПП, п. 389] и т.д.²³ В ее воспоминаниях она дает более подробное описание его характера и способностей:

Володя очень любил слушать чтение стихов и сам сочинял сказки и загадки, которые я записывала с его слов. Когда я лежала в больнице, а он оставался дома с отцом, он прочитал Г.<еоргию> Ив<анови>чу стихотворение, которое он сам сочинил, и требовал, чтобы это стихотворение было послано мне в больницу с письмом, продиктованным им. Георгий Иванович записал это стихотворение и послал его мне. Оно может показаться бессмысленным набором слов, но несомненно, что в нем есть ритм и какие-то фантастические образы, понятные его детскому воображению» [Воспоминания Чулковой, л. 175-176].

Поэтический дар сына подчеркивал и сам Чулков: «Я чувствую, что из него выйдет поэт: в нем есть какое-то лирическое волнение, он необыкновенный ребенок. Или мы, родители, в самом деле совсем глупые» [ПП, п. 449] – письмо от 15 июля 1920 года²⁴.

Спустя четыре года после рождения ребенка на семью Чулковых обрушилось горе: 21 сентября (по новому стилю) 1920 года Володя внезапно скончался от туберкулезного

²³ См. еще несколько примеров: «Володя был очень мил. Он, конечно первым делом осмотрел их ноги, и потом и лица. Не заплакал, и улыбнулся одним углом рта. Когда его спросили: “где папа?”, – он посмотрел на твой портрет и так несколько раз. Значит, понимает, что ему говорят» [ПП, п. 335]; «[...] сегодня у нас были монашки, Христа славили. Володя был в восторге от их пения. Он смотрел на них, как на чудо, слушал, не мигая глазами – весь застыл. А когда они ушли, он вдруг заплакал горько и стал тянуться за ними в дверь. Очень он любит пение. Это мне приятно» [ПП, п. 390].

²⁴ Текст упомянутого Надеждой Григорьевной стихотворения, посланного письмом, хотя и не встречалось в сохранившейся семейной переписке, приведено в ее воспоминаниях [л. 175-176], а также в листках дневника 1920 года, обнаруженных в записной книжке Чулкова, хранящейся в московском РГАЛИ. Приведем текст стихотворения, соответствующего рукописи Чулкова: «Все собрался записать стихи, которые сочинил мне Володя (ему четыре года). Вот его лирика, это с буквенной точностью.

Тамат.

Летают там птенцы наведом,

Идет там мальчик бледный.

И не одни птенцы летают там:

Они летают с птицами – кукушками, воронами, орлами...

Там море есть и там карам –

Кары; пыли, хали, дарам.

Летучие мыши купаются там в океане.

И не в простом океане, а в волшебном.

И точно. И страшно, и страшно нам.

Далекий путь! И плывем в далекий путь.

И приплывем мы в новый океан, –

И в нем купаться будем.

И будем ведно, ведно, ведно –

Есть Тамат.

Володя сочинил это стихотворение 27 мая 1920 года» // РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107, л. 55об-56.

менингита. Смерть единственного сына не нашла отражения в документальных источниках Чулкова (за исключением одной единственной фразы «После революции я поселился в Москве, где и скончался мой сын, жизнь и смерть которого научили меня многому, о чем я раньше смутно догадывался. Об этом мои “Стихотворения”, вышедшие в 1922 году» [Автобиография 1928 г., с. 372]). К этому стоит добавить, что написанные им мемуары завершаются далеко до этой даты (т.е. в 1917 году, когда Чулков все еще находился на фронте). Совершенно иным мемуаристом оказалась Надежда Григорьевна, раскрывшая в главе «XX год» из ее воспоминаний, тайну этой семейной трагедии²⁵. О двадцатом годе она говорит, как об «ужасном годе», когда они оба страдали от мучительных болезней. Чулков надрывался над работой и, весной, обострился процесс туберкулеза легких: 20 мая 1920 года он отправился на лечение в санаторий Гагаринский, расположенный в Солнечногорске, около станции Подсолнечной Николаевской железной дороги²⁶. Буквально в те же дни, Надежда Григорьевна заболела сыпным тифом и ее положили в больницу. Пробыв там всего несколько дней Чулкову пришлось вернуться в Петроград. О том, что Надежда Григорьевна находилась под присмотром врачей сообщила ему старшая его сестра Любовь Ивановна: «Я ни на одно мгновение не сомкнул глаза. Вся жизнь с Надей прошла перед глазами – все двадцать лет. Все недоразумения казались ничтожными. Одно было важно – ее душа, ее сердце, ее любовь... Чувство безмерной вины перед ней было ужасно. Только бы она была жива! Только бы она была жива! Такой страшной ночи я в моей жизни не испытал никогда»²⁷. В дошедших до нас листках дневника Чулков рассказывает, что Надежда Григорьевна начала поправляться уже спустя месяц, и он устроил ее с сыном в одной санатории в усадьбе Гребнево, куда он тоже отправился в середине июля. О своем пребывании в Гребневе и о сыне, Чулков написал в дневнике: «Володя разлучен с Надей: они в разных зданиях, хотя и на одной усадьбе. Володя, кажется, затаил в себе печаль: ему трудно понять, почему его оставили одного среди черных. Когда я прогулялся с ним вечером, и он, крошка, один подымался по внутренней лестнице к себе наверх и махал мне ручкой, у меня сердце падало от нежности к нему и любовной жалости»²⁸.

Всего лишь через два месяца маленький Владимир скончался. В анализируемых источниках нет точной информации о причинах несчастного случая. Единственным имеющим материалом для реконструкции событий являются вновь воспоминания Надежды

²⁵ К тому же, в мае 1920 года скончался муж старшей сестры Чулкова, Любви Ивановны, Ф. Е. Рыбаков.

²⁶ См. неположительное впечатление Чулкова: «Наконец я попал в Гагаринский санаторий. Первое впечатление – мрачное: здесь все казарменно-тюремные стороны больницы имеются, а все положительные стороны – гигиена, чистота и т.д. отсутствуют. Женщина-врач, кажется, неплохой человек, но поделывать ничего не может. Здесь хорошо только огромное Сенежское озеро. Все прочее – невыносимо. Я отсюда убегу очень скоро» [ПП, п. 444].

²⁷ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107, л. 55-55об.

²⁸ РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107, л. 56.

Григорьевны, в которых говорилось: «В начале августа я с Володей вернулась домой из санатория. Сейчас же по возвращением нашем он заболел и 8 сентября (по ст. стилю), приболев немного более месяца, умер от туберкулезного менингита»; далее она продолжала: «Плакали о Володе не только мы, но и знавшие его наши друзья выражали свое огорчение его смертью» – среди них, она вспоминала об академисте и композиторе А. Т. Гречанинове, составившем романс на слова Пушкина «Отрадным ангелом ты с неба к нам явился»²⁹ и Федоре Сологубе, сочинившем и посвятившем ей стихотворение «Из Элизийской светлой дали» [Воспоминания Чулковой, л. 177]. Искренние соболезнования выразили, в свою очередь, близкие к Чулковым друзья Вяч. Иванов и Борис Зайцев. Вяч. Иванов, из Кисловодска, написал супругам 27 октября 1920 года, когда до него дошла весть: «Дорогой и старый друг Георгий! Бросаю на тебя взгляд сораспятого и плачу о Тебе, о вас, с вами. Известие пронзило меня. Многим в жизни бывали мы сближены; общаемся ныне страшную чаще. Вместе трое исповедуем: “Но не моя да будет воля, а Твоя”»³⁰; Зайцев написал уже 28 сентября: «[...] нету слов, чтобы выразить вам чувствуемое о Володе и случившемся. Знайте, друзья, только, что все это время думой с вами, и горе ваше делает вас еще ближе, еще более своими. За Володю мы молимся каждый день, но перед Богом он так чист и светел, что, быть может, как у ангельской души, нам у него надо просить заступничество»³¹. Младенец был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря (4-й участок, 39 ряд).

«Мы были убиты горем», написала Надежда Григорьевна, вспоминая семейную трагедию; утешение она нашла в чтении Евангелия и в посещении храма: «В христианской вере все – и горе, и радость – все становится на свое место, и самое безутешное горе там находит разрешение и надежду [...] Я на опыте узнала, что сказал Баратынский “Болящий дух врачует песнопенье”... Древняя церковная музыка изысканно – строга и высока, она возвышает нас над душевной чувствительностью – так я тогда испытала это на своем сердце» [Воспоминания Чулковой, л. 180-181]. К тому же, Надежда Григорьевна частично вспоминает и то, как ее муж пережил смерть излюбленного сына: цикл стихотворений «Испытание», вошедший в книгу новых поэтических сочинений Чулкова, был посвящен памяти четырехлетнего сына – «Эта книга исполнена скорбью по умершем сыне и глубокими размышлениями о жизни вообще» [Воспоминания Чулковой, л. 179]. Сразу после смерти

²⁹ Следует отметить, что стихотворение «Отрадным ангелом ты с неба к нам явился» фигурирует в списке произведений, ошибочно приписывавшееся Пушкину. См.: «Список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях» [сост. Л. А. Катанская] // А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: в 16 томах*, М.-Л., 1937-1959. *Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели*, 1959, стр. 555-558.

³⁰ Цит. по: Л. Н. Иванова, «Вячеслав Иванов – Борис Зайцев – Георгий Чулков (Из архивных разысканий)» // *Багня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, СПб., 2006, стр. 170.

³¹ Б. К. Зайцев, *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 11*, М., 2001, стр. 165.

Володи, Надежда Григорьевна стала ездить по монастырям, обращаться к творениям святых отцов («Я совершенно перестала читать светскую литературу, в которой нельзя было найти оправдания стараний. Я обратилась к творениям Святых Отцов. Некоторые литературные знакомые стали считать меня “святошей” и ханжой, но мне было безразлично, что подумают обо мне другие, – мною руководили более сильные авторитеты в моем образе жизни. Им я верила до конца» [Воспоминания Чулковой, л. 186]); особенно дороги были ей Оптина и Саровская Пустыни, где она встречалась со старцами обителей³². Чулков, со своей стороны, отреагировал на смерть сына подобным жене образом: он вновь пересмотрел свои мировоззренческие взгляды, признал истину христианской вероучения и с новым порывом обратился к историческому христианству. Как было отмечено Я. В. Леонтьевым: «[...] полностью разделял радость духовных прозрений своей супруги. Подобно ей он пересмотрел свой взгляд на историческое христианство и вернулся в лоно Русской Православной Церкви»³³. Летом 1925 года Чулков приезжал к жене в Оптину Пустынь, для работы в музее с материалами, связанными с пребыванием там Достоевского и Тютчева (творчество великих писателей является предметом его исследований в двадцатые-тридцатые годы). Тогда он обратился к одному из старцев с письмом, для покаяния души и сердца. Старец ему ответил, что письмо было написано им «с удовольствием», ответ, казавшийся ему тогда «превосходный»³⁴. По поводу этого случая, Надежда Григорьевна отметила в своих воспоминаниях, что Чулков показался старцу, видимо, слишком самовлюбленным, так как «[...] в этом письме больше чувствовался писатель, чем кающийся человек» [Воспоминания Чулковой, л. 196].

Стоит здесь подчеркнуть, что некая переоценка религиозных ценностей отмечается в духовном мировосприятии Чулкова уже в 1915 году. Об этом имеются сведения в письме

³² В 1925 году Надежда Григорьевна составила описание могил Оптиной Пустыни и скита, назвав свою рукопись «Некрополь Оптиной Пустыни, составленный по надписям на могилах»; к рукописям были приложены также фотографии и документы. Машинопись хранится в РГБ, ф. 371, к. 6, ед. хр. 2, 57 л. Работа является до сих пор неизданной – частично она была использована в издании З. Афанасьевой, *Оптина Пустынь. Духовный оазис России*, М., 2014.

³³ Я. В. Леонтьев, «“...Ничто не может заменить религию” (Сокровенные письма Георгия Чулкова)» // «Звезда», 1995, № 3, стр. 116-125; здесь стр. 118.

³⁴ См.: письмо жене от 3 сентября 1925 г.: «Еще один новый внутренний опыт. Знаешь что? Ведь, история с моим письмом к старцу – чудо! Я вдруг понял, что *неслучайно* пролежало это письмо до того срока, когда были в келье старца мои знакомые, которые передали слова старца – “Письмо написано с удовольствием”. Ведь, я адреса то не дал и своей фамилии не назвал, а ведь, ответ то старца – мне *полезен!* Как бы я его иначе получил, а теперь получил, да еще при свидетеле – для опыта смирения. Ведь, мудрее и чудеснее, пожалуй, ничего и не придумаешь. Что ты об этом скажешь?» [ПП, п. 501]; об этом случае Чулков также рассказывал и возлюбленной Лебедевой: «А Вы знаете, как превосходно меня уязвил один мудрый старец. Я ему послал письмо месяца два тому назад – обстоятельное и, как мне казалось, от чистого сердца. Он, прочитав внимательно мое письмо, сказал: “Письмо написано с удовольствием”... Ведь, это гениально! Вы понимаете, как он меня убил одним словом? “Ты, мол, нисколько не смирился и не покаялся. Ты *с удовольствием* повествовал о своих страстях и пристрастиях. Ты был доволен и тем, *как ты написал* твое письмо”... Одним словом он уничтожил меня» – письмо от 23 июля 1925 г. // Автограф. РГБ, ф. 371, к. 8, ед. хр. л. 17.

Ходасевича к Муни (Самуилу Викторовичу Киссину) от 9 августа 1915 года. Тогда Ходасевич поехал в Царское село, где в то время жили Чулковы, чтобы тот помог ему пристроить рассказ «Заговорщики». В предисловии к публикации писем Ходасевича к Чулкову исследователь отметил, что тогда «Чулков ощутил себя провозвестником слова Божия»³⁵. После визита Ходасевич написал Муни, что «Поехали в Царское. Там Чулков сидит и верует в Бога. – “Здрате”. – “Здрате”. – “Вы, наверное, голодны? Пожалуйста, супцу. Кстати, Вы в Бога верите?”. – “Вот котлетку я съел бы”. – “А мы с Мережковским верим”»³⁶.

В данной главе будет рассмотрена, как было сказано вначале, та часть биографии Чулкова, условно озаглавленная «Годы странствий». Биографическое повествование завершается в середине 1917 года – т.е. тогда, когда Чулков вернулся с фронта и занял свою должность в Московской Просветительной Комиссии при Временном Комитете Государственной Думы. С той поры он начал редактировать и издавать журнал «Народоправство», целью которого являлся ознакомление читателей с вопросами, связанными с общественной и политической жизнью страны. Данный период жизни требует особенного, тщательного изучения, в контексте критического обозрения историко-культурной ситуации России на тот период. Вместе с этим, необходимо отметить, что именно в это время происходит едва ли не кардинальное изменение индивидуальной личности Чулкова, к которому он пришел, остро пережив и семейные и общественные в том числе события эпохи. По этой причине этому периоду будет посвящена в дальнейшем отдельная работа.

2.8.1 Странствия по Европе: 1910 и 1911 гг.

Освободившись, в 1908-1909 годах, от литературных «кружков, направлений, партий и редакцией», Чулков стал работать «более спокойно и сосредоточенно» [ГС, с. 240]. По собственному признанию писателя, только что закончившийся бурный период жизни не прошел напрасно: «[...] годы моей редакторской и журнальной деятельности были все-таки для меня годами учения, ибо в борьбе я отточил свою логику и расширил запасы знаний» [там же]. Осенью 1909 года Чулковы поселились в Петербурге, снимая квартиру на ул. Пушкинской, д. 18 – Чулков плодотворно работал над изданием собственного собрания сочинений и написанием рассказа «Пустыня»³⁷ (см. семейную переписку, п. 65, 69—71).

³⁵ И. Андреева, «Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову», ук. соч., стр. 81.

³⁶ Там же.

³⁷ Г. И. Чулков, «Пустыня» // «Новый журнал для всех», 1909, № 14, декабрь, стр. 5-28. По собственным словам писателя, рассказ «Пустыня» (и вместе с ним рассказ «На этапах») является художественной зарисовкой «подвижников» революции – Сладкопевцев и Дзержинский: «Он и Сладкопевцев казались мне характернейшими

С начала 1910 года Чулков продолжал упорно заниматься литературой. В январе он уехал в Москву на несколько дней, с целью устроить свою новую драму, «Адония»³⁸. Эту пьесу можно поставить в один ряд с уже упомянутой пьесой «Семена бури», написанной двумя годами раньше (1908 г.): в них Чулков попытался отразить коллизию общественных и индивидуальных сил и борьбу индивидуума против непреодолимости судьбы. Чулков назвал свое произведение «лирической трагедией», т.е. присвоил ей то жанровое определение, которое должно было бы стать характерным, по его мнению, для современного театра. Эту концепцию он изложил в статье «О лирической трагедии», опубликованной на страницах «Золотого руна» в 1909 году³⁹. «Лирическая трагедия» соответствовала бы возникновению новой драматургической формы, сочетающей в себе элементы античной трагедии и лирической драмы (Чехов, Метерлинк). Поэтому Чулков уточнил в примечаниях, что фабула пьесы заимствована им из библейского сюжета (из первой главы третьей книги Царств), однако он не счел нужным полностью сохранить библейские имена (в пьесе Давид именован Товитом, Соломон – Сименоном) и изображенная в пьесе борьба за престол не полностью совпадает с библейским повествованием. В середине января Чулков отнес пьесу к В. И. Немировичу-Данченко, дабы она была поставлена на сцене Московского Художественного театра: 25 января он написал жене: «С Немировичем говорил по телефону. Пришлось дать ему драму для прочтения. Но уж по тону, каким он говорил со мною, очевидно, что он не возьмет “Адонии”. Обещал на днях ответить, интересуется моя вещь или нет» [ПП, п. 73]. В итоге пьеса в репертуаре МХТ не появилась но, тем не менее, была благосклонно воспринята критикой. В седьмом номере журнала «Аполлона» М. А. Кузмин, рецензируя книгу «Альманах для всех», где драма появилась в печати, написал: «Отличные стихи Ф. Сологуба, пьеса Чулкова еще раз подтвердившая прежде сказанные нами слова об этом авторе, неплохой рассказ О. Дымова и не без интереса читаемый рассказ Архипова – делают этот альманах превосходным сборником, каких мы уже давно не имели»⁴⁰.

людьми революции, как я ее тогда понимал» [ГС, с. 23]. «Новый журнал для всех» – литературный и общественно-политический журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с 1908 по 1916 гг. под руководством Н. А. Бенштейна [наст. фам. Архипов], который воспользовался популярностью закрывшегося в 1906 году «Журнала для всех» чтобы, с 1908 года, возобновить его под названием «Новый журнал для всех». До июля 1909 года общим редактором был В. А. Поссе; после него место было занято М. А. Енгельгардтом.

³⁸ Г. И. Чулков, «Адония: лирическая трагедия в 4 актах» // «Альманах для всех», 1910, № 1, стр. 9-56.

³⁹ Г. И. Чулков, «О лирической трагедии» // «Золотое руно», 1909, № 11-12, стр. 51-54. «Однако я не надеюсь на то, что трагический театр в его совершенной форме осуществится в ближайшие дни. Вот почему я предлагаю *лирическую трагедию* <подчеркнуто самым автором – К. Р.>, как мост от драмы и драмы лирической к истинной трагедии». Цит. по: Г. И. Чулков, *Сочинения. Том пятый. Статьи*, СПб., 1912, стр. 217-223; здесь: стр. 221.

⁴⁰ М. А. Кузмин, «Заметки о русской беллетристике» // «Аполлон», 1910, № 7, стр. 43-46; здесь стр. 44. В шестом номере «Аполлона» Кузмин отзывался следующим образом по поводу появившейся на литературном рынке второй книги рассказов Чулкова: «[...] во второй книге значительно меньше, чем в первой, лиризма в стиле Б. Зайцева, преувеличенной образности в описаниях природы и искусственно вымышленной фабулы [...]», подчеркивая, что автор пользуется «известностью незаслуженно скромной», вызванной «нежной сероватостью его красок, сдержанностью изображаемых им чувств и суховатой простотой изложения»; ценителю искусства,

Несмотря на вынужденную активную предприимчивость Чулкова, следует отметить, что издательская судьба его произведений часто сопровождалась неудачами (то отказами в публикациях, то отсутствием платежей авансов), и этот аспект прослеживается с достаточной очевидностью в семейной переписке тех лет. Чулков регулярно сообщает жене, какие у него сложились творческие планы (при том он постоянно меняет обстановку, то находится в Петербурге, то в Москве, то уезжает на дачу к друзьям или останавливается у тетки в Серпухове), что «[...] решил сесть за повесть 1-го февраля и к 1 марту кончить. Успел набросать для повести список “действующих лиц”» [ПП, п. 73], «Попробую сегодня продолжать “Актерское сердце”» [ПП, п. 78], «Я не уезжаю отсюда, потому что все еще слабо и смутно надеюсь, что мне удастся как-нибудь устроить повесть, но до сих пор меня постигали только неудачи, о которых даже рассказывать скучно. Я пока еще ничего не продал. Ты, вероятно, не представляешь себе, какая пытка ходить по издателям, когда в голове и в сердце одна тоска, один ужас перед неизвестным» [ПП, п. 79], «“Шиповник” не пожелал переменить “Свирель” на “Дом на песке”. И вообще мне не удалось устроить повести так, как мне хотелось. Из писателей прочел “Дом на песке” пока только один Кузмин. Ему повесть очень понравилась, и, вероятно, придется напечатать ее в “Аполлоне” на невыгодных для меня условиях» [ПП, п. 80]. На самом деле, Чулкову удалось напечатать немаловажное количество рассказов и повестей в течение одного года⁴¹: понравившаяся Кузмину повесть «Дом на песке», например, была опубликована в журнале «Новая жизнь», издаваемом тем же самым Н. А. Бенштейным⁴² (об этой повести шла речь и в письмах к Блоку: «Я езжу верхом (и прескверно), играю недурно в лаун-теннис и сочиняю повесть»⁴³); рассказ «Фамар», напечатанный в альманахе «Любовь»⁴⁴, получил также благосклонную оценку от Кузмина: «Эти же достоинства делают рассказ Чулкова “Фамар”, вместе с анекдотами гр. А. Толстого лучшими в сборнике “Любовь”»⁴⁵; в «Новом слове», а также в «Биржевых ведомостях» вышел в свет рассказ «Феклуша»⁴⁶ – о прочтении которого Блок отчитывался в письме к Чулкову от

по мнению Кузмина, очевиден «общий характер сдержанного благородства», за которым скрывается «какой-то восторженный трепет, тревожный и волнующий, как предутренний свет или сияние белой ночи». М. А. Кузмин, «Заметки о русской беллетристике» // «Аполлон», 1910, № 6, стр. 43-44; здесь стр. 43.

⁴¹ См., например: Г. И. Чулков, «Смерть» // «Смерть. Альманах», 1910, стр. 51-66; Он же, «Бездорожье» // «Вихрь: литературно-художественный сборник современных писателей», 1910, стр. 92-96.

⁴² Г. И. Чулков, «Дом на песке. Повесть» [начало] // «Новая жизнь», 1910, № 1, стр. 37-92. Продолжение вошло в «Новую жизнь», 1911, № 2, стр. 64-88 и окончание в «Новую жизнь», 1911, № 3, стр. 305-360. Далее повесть вошла в собрание сочинений: Г. И. Чулков, *Сочинения. Т. 3. Повести и рассказы*, СПб., 1911, стр. 79-198.

⁴³ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, М., 1987, стр. 412.

⁴⁴ Г. И. Чулков, «Фамар» // «Любовь. Альманах», 1910. Далее вошел в третий том собрания сочинений: Г. И. Чулков, *Сочинения. Т. 3. Повести и рассказы*, СПб., 1911, стр. 235-244.

⁴⁵ М. А. Кузмин, «Заметки о русской беллетристике» // «Аполлон», 1910, № 6, стр. 43-44; здесь стр. 43.

⁴⁶ Г. И. Чулков, «Феклуша» // «Новое слово», 1910, № 5, стр. 43-45; а также «Биржевые ведомости», 1910, № 11693, 3 мая. Далее вошел в третий том собрания сочинений: Г. И. Чулков, *Сочинения. Т. 3. Повести и рассказы*, СПб., 1911, стр. 211-220.

9 мая 1910 г.: «Мне очень понравилась “Феклуша” в “Новом слове”» [ГС, с. 382]. К тому же, в 1910 году, в «Вестнике Европы», была напечатана повесть «Слепые», о которой шла речь в предыдущей главе.

В первой половине 1910 года Чулков был действительно занят налаживанием собственной литературной карьеры и, тем самым, решением материальных вопросов. Лето того же года, однако, он провел в Харьковской губернии – в усадьбе Нескучное, расположенной в 30 верстах от Харькова и принадлежавшей семье Лансере. Чулков и Надежда Григорьевна были очень близки и дружны с семьей Лансере, об этом он говорит даже в своих воспоминаниях: «Семья Лансере – Бенуа всегда напоминает мне загадочное средневековье, когда художники-мастера передавали из поколения в поколение тайны своего “веселого ремесла”. Два-три года я часто встречался с этой семьей и даже одно время жил в квартире доброй и гостеприимной Екатерины Николаевны Лансере, урожд. Бенуа, на улице Глинки, против Николы Морского, храма, построенного, если не ошибаюсь, учениками Растрелли» [ГС, с. 201]. Чулков уехал в имение приблизительно в начале мая. 15 мая он уже написал Конст. Эрбергу: «Я – в имении Лансере, – село Нескучное [...] Поют петухи, жаворонки, лягушки, соловьи... Такая трескотня и гомон! А тут еще заливаются хохлушки. Страна веселая. А какие запахи! Одним словом, я принимаю мир»⁴⁷, а 23 мая Блоку: «Здесь хорошо: цветет белая акация; поют соловьи, как сумасшедшие, днем и ночью; люди вокруг милые, тихие, нежные... Сейчас была гроза, и сад так благоухает, что голова кружится. Старая усадьба наша стоит на берегу речки Муромки, в коей водятся огромные щуки; а по ту сторону речки – вишневый сад. Там хутор художницы Серебряковой»⁴⁸. Именно здесь Чулков познакомился с Зинаидой Евгеньевной Серебряковой, которая нарисовала портрет его и Надежды Григорьевны. В 1910 году она выполнила портрет писателя⁴⁹ (воспроизведен на фронтисписе издания «Годы странствий» 1930 г.): «Несколько раз принималась Зинаида Евгеньевна писать и мой портрет, но – слишком взыскательная – всегда уничтожала свою работу. Только последний, кажется, четырнадцатый по счету, появился на московской выставке “Мира искусства” в феврале 1911 года» [ГС, с. 203]. В следующем 1911 году, в Нескучном Серебрякова написала и портрет Надежды Григорьевны⁵⁰: она изображена сидящей за столом, перед раскрытой книгой; очень выразительны черты лица. Чулков, в своих воспоминаниях, отметил, что в портрете его жены внесена «какая-то едва заметная черта, ей

⁴⁷ *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 413-414.*

⁴⁸ Там же, стр. 413.

⁴⁹ Портрет Чулкова находится в Таганрогском художественном музее.

⁵⁰ Портрет Чулковой является собственностью собрания П. Авена. См.: *Портреты коллекционеров. Русское и западноевропейское искусство из частных собраний Москвы*. [Выставка к 100-летию ГМИИ им. Пушкина (Москва), Отдел личных коллекций, апрель – август 2012. Каталог], М., 2012.

<Серебряковой – К. Р.> самой свойственная» [ГС, с. 203]. В феврале 1911 года, Надежда Григорьевна, находясь в Москве, посетила выставку «Мира искусства» и сообщила ему, что в ней экспонированы оба портрета, зато ей понравились меньше, чем до сих пор, и что «У тебя, правда, слишком наивное выражение, подчеркнутое твое женственное, а не мужское» [ПП, п. 82]⁵¹. А 16 марта Чулков передает жене впечатления, вызванные написанным ее портретом: «Портрет твой многим очень нравится. На вечере Вяч.<слав> Ив.<анов> произвел сенсацию. Вяч.<слав> Ив.<анов> влюбился в тебя опять и целовал меня, уверяя, что это он делает для того, чтобы выразить свое чувство к тебе. О, поцелуй лицемерный! Не дала ли ты повод к такой демонстрации? Я страдаю от ревности» [ПП, п. 103].

В сентябре 1910 года у Чулкова уже сложились планы на первую совместную поездку за границу. Находясь заново в Петербурге и стараясь вести переговоры с издателями, Чулков планировал ехать на месяц в Италию или Францию. Об этом он сообщает жене в письме от 9 сентября: «[...] тем не менее я буду просить тебя ехать со мною за границу, потому что рассчитываю в первых числах *ноября* получить из “Вестника Европы” еще рублей *сто*⁵² на обратный путь, а на 400 руб. мы сумеем доехать до Рима, положим, или до Парижа и там прожить один месяц. Милая Надя! согласишься ли ты ехать со мной? Если ты не захочешь ехать со мной, бери эти деньги и поезжай одна» [ПП, п. 80]. Первая поездка Чулковых состоялась в октябре 1910 года, когда супруги решили посетить Италию. Как рассказывает в своих воспоминаниях, Чулков первоначально предполагал ехать в Италию месяцев на шесть, но, в связи с тем, что договоры с издателями складывались неудачно («обманули» – пишет Чулков) и денег оказалось совсем мало, они решили побывать в Венеции две недели, затем вернуться в Россию и ждать наступление лучших обстоятельств. Они прибыли в Италию приблизительно в конце сентября-начале октября (трудно назвать точную дату, т.к. нет точных свидетельств, однако ее можно предположить, судя по первому письму, отправленному Вяч. Иванову из Флоренции, датированному 8/21 октября):

Мы приехали в Венецию ночью и в гондоле поехали в наш отель. Как это всегда бывает с иностранцами, мы были очарованы венецианской ночью, загадочным сумраком палаццо и таинственным шорохом закутанных в плащи пешеходов, пробиравшихся торопливо по горбатым мостам. Утром нас ждало новое волшебство [ГС, с. 241].

⁵¹ Чулков тогда ответил: «А я выгляжу совсем простецом на портрете Серебряковой? Будем надеяться, что это святая простота. И будем утешаться тем, что и Парсифаль тоже был простецом» [ПП, п. 83]. В воспоминаниях Чулков также рассказывает, что в те дни и Евгений Евгеньевич Лансере нарисовал его портрет, но что рисунок был похищен, вместе с другими картинами, из его дома в Петербурге в 1919 году [ГС, с. 203].

⁵² В «Вестнике Европы» была напечатана, в ноябрьском номере, повесть Чулкова «Слепые». См.: Г. И. Чулков, «Слепые» // «Вестник Европы», 1910, № 11, стр. 8-59.

Поездка Чулковых длилась, на самом деле, больше чем две недели, как и предполагалось вначале. Посетив Венецию⁵³ («Фасад Марка сияет и горит, как православный иконостас»), они отправились в Падую («Capella del' Arena таит в себе сокровище Раннего Возрождения»), затем во Флоренцию, где они остановились еще на неделю («[...] эстетическое пиршество наше благополучно продолжалось и здесь, на родине Данте»). Хотя Чулков утверждает, что в те дни получил письмо от Вяч. Иванова, звавшего его и жену в Рим (данное послание не сохранилось), эта версия немного не совпадает с той, явствующей из сохранившихся трех «итальянских» писем переписки Чулкова с Вяч. Ивановым: Чулков написал ему 8/21 октября, сообщив, что он находится во Флоренции и «если позволят обстоятельства, поеду потом в Рим. Буду рад пожать там Вашу руку»⁵⁴. Спустя несколько дней Чулков заново отправил еще одно письмо: «Все обстоит благополучно: Над.<ежда> Григ.<орьевна> со мною во Флоренции и чувствует себя здесь, как рыба в воде. Если я не сумею приехать в Рим, пока Вы там, буду очень сожалеть: хотелось бы поскорее выслушать новый цикл стихов Ваших, о которых в Петербурге говорят так много и с таким восторгом. – Я наслаждаюсь Италией: св. Марком (в Венеции), Джотто и Мантеньей (в Падуе) и теперь во Флоренции Б.<еато> Анжелико, Гирляндайо, Боттичелли...»⁵⁵. Последним этапом путешествия Чулковых стал действительно Рим, где они посетили достопримечательности античного города и его окрестности (Пантеон, Форум, церковь Св. Климента и т.д.) вместе с Вяч. Ивановым: «Бродить по Риму с таким гидом, как Вячеслав Иванов, воистину великое наслаждение» [ГС, с. 242].

По собственному признанию Чулкова, поездка в Италии сыграла эмблематическую роль в становлении его миропонимания: там он осознал «великое повествование об единстве мировой культуры». Посещение разных городов позволило Чулкову познать связь былого и

⁵³ Более живописные воспоминания о Венеции оставила, в своих мемуарах, Надежда Григорьевна: «Недоставало мне одного – настоящей подготовки для большего восприятия красоты этих сокровищ культуры, всего значения памятников духовной жизни в истории Италии. Но все же наслаждалась непосредственными впечатлениями от природы, дивных видов и такого богатого искусства [...] А Венеция! Ведь это сказка. Мы приехали ночью. Я уже знала, что в Венеции нет лошадей, кроме тех четырех, что над фронтоном Св. Марка, но все-таки растерялась, когда у вокзала, вместо извозчика, нам предложил свои услуги гондольер. Плыли долго по темным узким каналам и, наконец, выехали на Канал Гранде, выйдя перед каким-то домом на набережную, оказались у дверей гостиницы, в которой остались ночевать. Гостиница эта показалась мне дворцом какого-нибудь вельможи, так роскошны были стены и обстановка и предметы обихода, но потом я поняла, что такие именно дворцы и приспособлены теперь в Италии для приема путешественников. [...] Храм Св. Марка предстал перед нами как один большой иконостас, но только не внутри храма, как в наших православных церквях, а на вольном воздухе под открытым небом, и хотелось молиться перед ним» [Воспоминания Чулковой, л. 115-116].

⁵⁴ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45, л. 13 (тематическая открытка). Вяч. Иванов, находившийся во Флоренции и Риме с августа по октябрь 1910 г. (см. А. Б. Шишкин, «Краткая летопись жизни и творчества Вячеслава Иванова» // В. И. Иванов, *Ave Roma. Римские сонеты*, СПб., 2011, стр. 111), ответил 11/24 октября: «[...] очень обрадован вестью от Вас из Флоренции, – хотелось бы увидеться. С Вами ли Н.<адежда> Г.<ригорьевна>? – по-видимому, нет? Дни наши в Риме сочтены; на будущей неделе трогаемся в путь. Напишите. Вера посылает привет. Она могла бы показать Вам многое здесь, особ.<енно> археолог-<ию(?)>» // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45, л. 9 (видовая открытка).

⁵⁵ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45, л. 12 (тематическая открытка).

настоящего, постигнуть особый дух страны, в котором сплетены исторические судьбы разных народов и разных стран. Культурные и словесные памятники, пронизанные тысячелетней историей, внушали ему убеждение, что существует только одна единая культура – греко-римская, – обновленная с течением времени, но многослойная в ее единстве, поскольку в ней включены все сокровища египетской, ассирио-вавилонской, индусской, иудейской и прочих культур (в том числе и русской – к примеру он привел Рублева, «Слово о полку Игореве», Пушкина, Достоевского и т.д.). Чулков вспоминает, когда он, вместе с «опытным кормчим» Вяч. Ивановым, посетил церковь Св. Климента: тогда же он усвоил «неразрывную связь древнейших культур и восточного эзотеризма с эзотеризмом христианства и темами нашего тревожного XX века» [ГС, 242]. Все эти переживания укрепили его связь с философией всеединства Вл. Соловьева и концепцией «цельного знания»⁵⁶. Для Чулкова знание «единства мировой культуры» не подразумевает идею Рима, как исключительный центр духовной культуры, но заключает, что: «[...] римская идея мирового единства не умрет и на иных путях истории, в иной метаморфозе возродится для конечного торжества Адама, справедливо изгнанного из рая, но не утратившего надежду вернуть его себе» [ГС, с. 244].

Вернувшись в Петербург из Италии, Чулков опять занялся литературой. В своих воспоминаниях он говорит, что поездка за границу была ему полезна еще тем, что он «освободился от последних пристрастий к декадентству» и что, освобождаясь от них, он освободился «[...] вместе с тем от этого петербургского романтизма, коим моя душа была надолго отравлена» [ГС, с. 244-245]. В феврале он был занят подготовкой четвертого тома собрания сочинений, потребовавшей от него немало усилий⁵⁷. Сложившиеся годом раньше планы посетить столицы Франции все-таки были не брошены, а наоборот, судя из семейной переписки, были только отложены до 1911 года. В марте тема об организации новой поездки стала главной в переписке и, следовательно, вопрос о финансировании этого путешествия стал весьма актуальным в обсуждениях супругов. Надежда Григорьевна находилась тогда в Москве, проживала у старшей сестры Чулкова: она активно посещала московское

⁵⁶ О личном понимании философской концепции «цельного» знания см. эстетические этюды Чулкова, появившиеся на страницах «Золотого руна» в 1908-1909 гг., а затем собранные в сборник «Покрывало Изиды» (1909 г.), а также изложенные в письмах к В. Н. Фигнер мысли. Приобретение «цельного знания» возможно лишь, по выражению Чулкова, если основанным на реальном опыте, который дается человечеству, как непосредственная данность; человек всегда «жаждет» цельного знания, но оно непостижимо в науке (поскольку наука – отвлеченное начало), а только в религиозном опыте, потому что «[...] всякая религия всегда стремится к цельному знанию, к сущности вещей, к истинному бытию». Цит. по: Я. В. Леонтьев, «"...Ничто не может заменить религию" (Сокровенные письма Георгия Чулкова)», ук. соч., стр. 121.

⁵⁷ См.: «[...] два дня был занят составлением примечаний к четвертому тому. Хотя они и очень кратки, но время потратить на них пришлось немало, потому что для двух-трех строчек приходилось переворачивать книги, добавляя то, что надо» [ПП, п. 83]. 9 марта он сообщает жене: «Вышел четвертый том - "Стихи и драмы". Я его тебе посылаю заказной бандеролью. Рыбаковым и другим пока не посылаю, потому что не получил еще авторских экземпляров» [ПП, п. 96] // Г. И. Чулков, *Сочинения. Т. 4. Стихи и драмы*, СПб., 1911, 236 с.

литературное общество, в чем отчитывалась перед мужем, стараясь тем самым наладить его издательские дела⁵⁸. В Париж она уехала одна, вместе со старшей его сестрой, в первой половине марта (на поезде до Варшавы, останавливаясь в Берлине и Кельне): «В Италию я уезжала с лучшим настроением. Не знаю, как проведу время до тебя в Париже» [ПП, п. 101] – написала она ему за день до отправления в путь.

Чулков выехал в Париж только в конце апреля 1911 года. До этого времени, он оставался в Петербурге, плодотворно работал, ибо необходимо было достичь какой-нибудь финансовой стабильности, чтобы спокойно проживать в Париже несколько месяцев. В его планы входило тогда написание романа, но уже в начале марта стало ясно, что ему не удалось свершить намеченного: «Вероятно, романа <так! – К. Р.> я здесь, в Петербурге, не начну: напишу в течение этого месяца рассказ⁵⁹ и поеду в начале апреля в Париж» [ПП, п. 88]. В ближайшее дни, однако, у него уже возникла новая идея – написать небольшую повесть о черной сотне, которую он считает необходимо «и морально, и материально» [ПП, п. 91]. Повесть была озаглавлена «Перепутье» и Чулков был намерен ее продать Н. А. Бенштейну, издателю «Нового журнала для всех» и «Новой жизни», в которых Чулков уже публиковался. За этот небольшой промежуток времени (март-апрель 1911 г.) Чулков пишет Надежде Григорьевне почти ежедневно: жалуется на литературные дела, которые не ладятся, рассказывает ей о рабочих планах, которые меняются едва ли не каждый день, печалится, потому что жизненная обстановка не позволяет ему устроиться так, как ему хотелось бы. К середине марта он уже заявил, что «Перепутье» не удастся закончить до отъезда в Париж⁶⁰: «Каждый день жду, что вот-вот разгорится, наконец, как следует моя работа над повестью, но пока мой костер дымит и тлеет и нету желанного пламени. Помолиться надо, должно быть» [ПП, 102]. Отложив написание «Перепутье», Чулков взялся за сочинение другой повести, которая позволит ему получить нужную сумму для того, чтобы выехать в французскую столицу. Работа над повестью и в этот раз продвигается медленно; в очень скором времени

⁵⁸ См., например: «Была сегодня же в “Руне” и отдала три книжки твои. Рябуш.<инский> в Париже. Тастевен все спрашивал о тебе. Хочет тебе писать. Очень ждет тебя, но, конечно, я думаю “дел” у него к тебе нет; а так только из гостеприимства. Мне он дал твое “Руно”, но я еще не успела просмотреть его» [ПП, п. 81]; «Потом была у Зайцевых. Очень о тебе спрашивали и были любезны очень. Я попала к ним на журфикс от 3-7 веч.<ера>. Там были: Стражев, Муратов, Нина Петровская, Нюра с мужем и еще человек пять “молодых” людей» [ПП, п. 82]; «Сейчас вернулась с лекции Волошина о Клоделе. Узнала только то, что Клодель был в Китае и что Китай был описан им в символах. Волошин меня усыпил. Возражал де ла Барт, а после самого Волошина говорил еще Брюсов о пользе изучения Востока для русских и всех других народов» [ПП, п. 86]; «Вчера были с Любой в кружке на представлении первой итальянской оперы “Дафна”, переведенной и поставленной Зайцевым. Очень мил был оркестр из цитры, арфы, гитары и фисгармонии. Пыталась попасть на “Карамазовых”, но их не будет уже больше в Москве» [ПП, п. 90] и т.д.

⁵⁹ Написание этого рассказа он относит к покрытию долга «Новой жизни», в котором опубликовалась, в 1910-1911 гг., повесть «Дом на песке».

⁶⁰ В конце концов «Перепутье» так и не была напечатана. В личном архиве Чулкова, хранящемся в московском РГАЛИ, упоминается повесть «Перепутье» (с подзаголовком «Чужая душа»), оставшуюся без конца. См.: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 105, 48 л.

она заново превращается в роман – по собственному признанию он уничтожал несколько раз уже написанные страницы и заново их переписывал: «Сейчас у меня готово, в завершённом виде – пять глав. И мне кажется, что я не сумею вместить мою тему в 3 листа, как раньше предполагал. Надо, надо написать роман! Только в этой форме можно сказать все, что хочешь» [ПП, п. 114]. Данная повесть была вновь предназначена для продажи Бенштейну, за которую он был намерен получить от него аванс⁶¹. Издательские переговоры очередной раз не устраивались удачно: Бенштейн отказался ему выплатить аванс и Чулков решил ехать во Францию без денег, рассчитывая «на авось», т.е. только на деньги, которые издательство «Шиповник» должно было выплатить ему за издание собрания сочинений⁶². Потерпев неудачу, Чулков запланировал выехать на Фоминой неделе: для того, чтобы собрать деньги, он решил написать маленький рассказ, который он продал в «Ниву» за небольшую сумму⁶³. В последнем письме, перед тем, как отправиться в путь (билет был куплен на 21-е число) он написал жене: «Когда я приеду в Париж, никуда нос не покажу: буду сидеть дома и работать. Ничего не хочу смотреть. Ничего мне не надо. Я сегодня чувствую себя ветхим» [ПП, п. 132].

Таким образом, Чулков присоединился к жене в Париже в конце апреля 1911 года, здесь он пробудет три месяца. Его пребывание в Париже нашло свое отражение в серии очерков «Письма из Парижа (1911 г.)», которые были первоначально включены в сборник «Вчера и сегодня», вышедший в свет в 1916 году, а затем стали частью книги мемуаров «Годы странствий»⁶⁴. Эта часть его воспоминаний, как было уже отмечено, диаметрально противопоставляется всей книге, отступая концептуально от повествования мемуарного характера. Эти очерки не предоставляют особую ценность с точки зрения процесса восстановления биографии Чулкова: они приближены к жанру репортажа, в них сочетаются элементы объективного описания событий и фактов с субъективными размышлениями на разные темы (например, в очерк «Мона Лиза» история похищения картины великого итальянского мастера сочетается с мыслями о французской живописи). С точки зрения

⁶¹ О какой повести идет речь не имеются сведений. Отметим, что в 1911 году была опубликована повесть «Утомленные» в «Общественный литературно-художественный альманах». См.: Г. И. Чулков, «Утомленные» // «Общедоступный литературно-художественный альманах», 1911, кн. 1, стр. 25-52.

⁶² В 1911 году при издательстве «Шиповник» были изданы четыре тома собрания сочинений Чулкова, а также был опубликован рассказ «Свирель». См.: Г. И. Чулков, «Свирель» // «Литературно-художественный альманах» изд-ва «Шиповник», 1911, № 14, стр. 181-192.

⁶³ Не имеются сведений, о каком рассказе идет речь.

⁶⁴ Еще см. очерк, вошедший в 1916 году в издание, подготовленное Е. С. Кругликовой в пользу страдающих русских художников, застрявших во Франции во время войны, *Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой*. Чулков принимал участие в художественный отдел, предложив очерк-репортаж о Париже и французах. См.: «Париж пленяет и чарует, как История. Нигде прошлое не связано с настоящим и будущим такими крепкими нитями как здесь, на берегах Сены. В Риме, или в Венеции, или где угодно вы найдете памятники не связаны с современностью ничем. История в Париже никогда не умирает и никогда не устает творить свое торжественное дело. Париж это – книга, прочитав которую, вы узнаете биографию Европы» в Г. И. Чулков, «Париж» // *Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой*, Пг., 1916, стр. 25-33; здесь стр. 26.

описания биографии Чулкова, более существенными оказываются снова письма Чулкова к Вяч. Иванову. 3 мая 1911 года Чулков написал: «Я живу в крошечной мансарде из двух с половиною комнат, недалеко от Люксембурга. Брожу по улицам, бываю в Лувре; видел и новых французов в частных галереях... Живу не торопливо и не-жадно [...] Живу я трезво. Работаю мало. Париж, конечно, лучше, чем парижане, насколько я могу сейчас судить о них. Но жить так, как я сейчас живу на улице Monsieur le Prince, 63, я не прочь. И даже не тянет пока в Россию, что удивительно»⁶⁵. В Париже Чулков и Надежда Григорьевна жили до начала июля, затем, по неизвестным нам причинам, понадобилось срочно увезти Надежду Григорьевну из Парижа: можно предположить, что это было связано с ее физическим состоянием⁶⁶. Однако у Чулкова не оказалось достаточно средств, для того, чтобы осуществить необходимую поездку. С этой целью он тогда заново обратился к Вяч. Иванову, чтобы вновь попросить финансовую поддержку: «Помогите мне, пожалуйста. Очень прошу Вас выручить. Переведите, Бога ради, через Лионский кредит или какой-нибудь другой банк сто рублей. Эти деньги я верну Вам через месяц, когда получу из “Шиповника” мое августовское жалование. В это время я буду уже в Петербурге и привезу рукописи»⁶⁷. Не дожидавшись предоставления долга, Чулковы уехали в Нормандию, в местечко Ипор, находящемся в шести часах езды от французской столицы. 20 июля Чулков написал Вяч. Иванову уже с Ипора: «Здесь дико и глухо. [...] Живу тихо после очаровательного и для меня в недавние дни мучительного Парижа»⁶⁸. Здесь они провели целый месяц, до 14 августа⁶⁹. Потом Чулков уехал в Россию один, оставляя Надежду Григорьевну до конца месяца в Париже (она выехала из Парижа 1-ого сентября, а 3-го она уже находилась в Москве⁷⁰).

Приехав в Петербург в середине августа, Чулков начал активно возобновить собственные литературные дела. Он неоднократно посещал разные издательские конторы,

⁶⁵ Автограф: РГБ, ф. 109, оп. 36, ед. хр. 46, л. 2-3.

⁶⁶ В очерке «Нижняя Сена», Чулков пишет: «Париж в плену у иностранцев. Парижане покинули город. Жара так ужасна, что выходить из дому можно лишь ночью» [ГС, с. 259]; а сразу после этого: «Я уехал в Нормандию, в местечко Ипор (Yport)» [там же]. В письме к Вяч. Иванову от 3/16 июля 1911 г. он объясняет: «Мы уедем с Над.<еждой> Григ.<орьевной> к морю на этих днях. В Париже пыльно и жарко». Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 7-8 (конверт II, ныне лежащий в конце ед. хр.).

⁶⁷ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 7-8.

⁶⁸ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 10.

⁶⁹ «[...] мы решили остаться еще на две недели. [...] Жизнь так прекрасна, дорогой Вячеслав Иванович! Но как странно и мучительно быть ее любовником... Что я теперь делаю? Слушаю, как поет океан... Третьего дня была здесь дикая буря» – написал Чулков 3/16 августа 1911 г. // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 11 (-12 чист; конверт IV, в конце ед. хр.).

⁷⁰ В Париже Надежда Григорьевна занималась переводами с французского языка, по заказу А. С. Яценко. См.: «Перевод я порядочно продвинула и отдала Яценко, но так как я все-таки иду черепашьими шагами, то отдала Савиничу 100 стр.<аниц>, чтобы Яценко мог поскорее получить деньги, предоставив половину книги» [ПП, п. 141]; далее, когда она уже вернулась в Россию: «Скажи Яценко, что перевод я почти кончила: перевожу уже заключение. Как только ты его прочтешь, можно будет ему послать» [ПП, п. 155]; «Ничего нового. Перевод кончила сегодня. Спросила у Яценко, нужно ли переводить библиографию (*Table des matières*) в конце книги, и куда прислать перевод» [ПП, п. 161].

чтобы устроить свои произведения: «Новая жизнь», «Шиповник», «Вестник Европы», «Речь», «Аполлон». Первое произведение, о котором упоминается в семейной переписке – комедия «Медея». Впервые Чулков заговорил о ней в письме к Вяч. Иванову: «Два месяца я ничего не писал» – рассказывал ему писатель в начале июля, – «но вот в эти последние дни я много работал и написал комедию. Имя ей – “Медея”. По этому поводу перечел я Еврипида и Корнелия. Ах, как бы я хотел услышать Ваше мнение о моей комедии»⁷¹. Чулков передал эту комедию в издательство «Аполлона», чтобы она была перепечатана, но, по его словам, она «была переписана ужасно и в разных местах пропущены *несколько страниц*». Один экземпляр комедии был передан для прочтения В. Э. Мейерхольду и, в таком «изуродованном» виде, она читалась в присутствии режиссера, К. А. Сюннерберга и других. Видимо, Чулков надеялся на то, что пьеса будет поставлена на сцене Александринского театра, с которым Мейерхольд сотрудничал, начиная с 1908 года. Однако: «[...] о постановке в Александринке не стоит говорить серьезно. К моей пьесе отношение кислое. Иду завтра к Мейерхольду, потому только, что нет охоты делать вид, что я обижаюсь и негодую» [ПП, п. 136]. Второе произведение, на котором Чулков часто сосредоточивал свое внимание в посланиях к жене, это повесть «Темное сердце». Она была предназначена для журнала «Вестник Европы», с условием, что журнал имеет право заменить повесть на другую, если почему-либо редакция не желает напечатать ее в ближайших номерах⁷². Отдав эту повесть «Вестнику Европы», Чулков взялся за написание для Бенштейна еще одного маленького рассказа, название которого неизвестно, вместе с этим предложив этому издателю еще одну повесть, «Маргарита Чарова». После отказа издателя, Чулков передал ее журналу «Нива», который, в свою очередь, согласился ее напечатать⁷³.

Сложные переговоры с издателями, неудачи и нелады в семейном житейском устроении оказались для Чулкова особенно тягостными – 28 августа он написал жене: «У меня

⁷¹ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 7-8.

⁷² Следует отметить, что эта фаза творческой биографии Чулкова осталась, на данном этапе нашей работы над научной биографией писателя, «белым пятном». В нашем распоряжении не оказалось достаточных материалов для того, чтобы окончательно установить ход событий. По имеющимся у нас данным, комедия «Медея» и повесть «Темное сердце» не были прижизненно опубликованы. Отметим, что в личном архиве Чулкова, хранящимся в РГАЛИ, эти два произведения систематизированы в один раздел («Пьесы»; ф. 548, оп. 1, ед. хр. 59, 262 л.), а в фонде Чулкова, находящемся в РГБ, «Темное сердце» озаглавлено не как повесть, а как «Драматические сцены – пьеса. 1911 г.» (РГБ, ф. 371, к. 7, ед. хр. 1, 28 л.). Однако Чулков, в семейной переписке, говорит о них всегда раздельно, т.е. «Темное сердце» - повесть, а «Медея» - комедия. В наших будущих планах предстоит задача раскрыть это «белое пятно».

⁷³ «Маргарита Чарова» была опубликована в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу “Нива”» в 1912 году (Т. 1, стр. 619-632; Т. 2, стр. 5-26). С опубликованием этой повести произошла некоторая путаница, о которой Чулков рассказывал в письмах к жене: «[...] в “Ниве” произошла путаница: по-моему, контора неверно сосчитала мне строчки повести. Я спорю. Завтра это выяснится» [ПП, п. 160]; «[...] это зависит от “Нивы”, с которой я спорю по поводу количества букв: они негодяи обсчитывают меня рублей на 150: оказывается, у них не считают за букву промежуток между словами и получается цифра произвольная. Не знаю, что делать» [ПП, п. 163].

есть план нашего житейского устройства и нашего душевного и сердечного успокоения, но я ничего не стану говорить об этом, потому что надо что-нибудь *делать* без слов. Да, я виноват и перед тобою, и перед самим собою, и перед Богом. Хочу молиться о тишине и не могу молиться. Неужели умру я неуспокоенный, и не примирившийся, и с таким ужасом в душе... Так не надо, Надя, зачеркивать все прошлые дни: много было мучительного и серого, и безразличного, но, ведь, было же и прекрасное. От него стыдно отказываться и грешно» [ПП, п. 142]. В связи с этим, Чулков начал испытывать, по отношению к его жизненной обстановке, некое внутреннее беспокойство: «Петербург после Парижа показался мне маленьким, серым и каким-то “недавним”. Нет, право, двести лет это слишком мало. Я не хочу здесь жить. Ах, нет на земном шаре подходящего для меня места» [ПП, п. 137], и это особенно заметно было в его восприятии Петербурга: «К Петербургу я как-то охладел. Если бы не заработок, я с удовольствием его бросил бы [...] И вообще в Петербурге все по-прежнему, и я чувствую, что невозможно более видеть эти физиономии и эти улицы даже. Я понимаю, что нам невозможно располагаться опять на петербургских бивуаках [ПП, п. 139]. Можно рассмотреть в этих словах некое объяснение причины переселения в Москву: «А в Петербурге мне жить не хочется. Если бы я достал где-нибудь займы, я бы устроился в Москве. Хорошо бы нам завести в Москве свою квартиру, чтобы иметь свой угол» [ПП, п. 149]. Вихрь событий, в который Чулков оказался вовлеченным и о котором он так усердно рассказывал в своих письмах жене⁷⁴, писатель определил, в своих воспоминаниях, как «припасть к этой хмельной чаше», в которой предстояло ему жить в 1911 г.: «Это было последним событием петербургского периода моей биографии» [ГС, с. 245] – заключал он.

Чулков переехал в Москву в середине сентября⁷⁵, переселился в квартиру старого друга с гимназических лет Сергея Алексеевича Четверикова, который «всегда, как добрый гений, приходил ко мне на помощь, когда я тонул в житейской пучине» [ГС, с. 265]. Перед тем, как окончательно переселиться в Москву, Чулков совершал еще одну поездку в Петербург, для того, чтобы закончить подготовку собрания сочинений с издательством «Шиповник» и, вместе с этим, заниматься «домашними делами», т.е. отправкой книги из Петербурга до Москвы. Взявшись вновь за восстановление жизненных условий после Парижа, Чулков, в своих мемуарах, написал: «После Парижа я поселился не в Петербурге, а в Москве, где я родился, где учился в гимназии и в университете, где сидел в тюрьмах, где женился, где

⁷⁴ К этому можно еще отнести расторжение переговоров с журналом «Аполлон», см. в п. от 7 октября 1911 г.: «Зноско-Боровский обиделся на меня за то, что я отказался писать в “Аполлоне” “московские письма” и наговорил мне какую-то ерунду о писателях вообще, которые, мол, не ценят высокой чести печататься в “Аполлоне”. Что-то в этом роде. Я ему ответил весьма корректно, что “Аполлон” – “Аполлоном”, а достоинство писателя не измеряется качествами преходящих журналов» [ПП, п. 158].

⁷⁵ 18 сентября 1911 г. Чулков написал Вяч. Иванову: «Я живу в Москве. Мой адрес: Плющиха, Грибоедовский пер., д. 8, кв. 2» // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 46, л. 16.

напечатал первые мои рассказы и где лежит на кладбищах прах близких мне людей. Это было не только внешнее, но и внутреннее возвращение на родину» [ГС, с. 265].

Писатель, не без умысла, дал главе, посвященной своим скитаниям по Европе в 1910-1911 гг., название «Годы странствий», т.е. то же, выбранное для самой книги. Этим решением он указывает именно на символическое значение, которое эти «годы странствий» приобрели для формирования и определения его духовного мира. Своеобразный этап «просвещения», 1910-1911 гг. были глубоко симптоматичны, поскольку они заставили его ощутить индивидуальность внутреннего мировоззренческого кризиса. В автобиографии, написанной в 1918 году, Чулков заключил: «Мою поездку в Италию в 1910 году и жизнь в Париже в 1911 году я считаю такими вехами на путях моей жизни, которые как бы означили мой новый внутренний опыт. Я по-новому взглянул на мир, на Россию и на прошлую свою деятельность» [Автобиография 1918 г.].

2.8.2 Анна Ахматова в жизни Г. И. Чулкова

Следует уделить особое внимание одному биографическому факту жизни Чулкова – его взаимоотношениям с Анной Андреевной Ахматовой, сыгравшим немаловажную роль. Согласно мнению исследователей и, между тем, деятелей культуры⁷⁶, на рубеже 1910-1911 гг. Чулков находился в очень близких отношениях с Ахматовой. Значимость этой дружеской/любовной связи отражалась и в том, что, по общему мнению исследователей⁷⁷, Чулков стал впоследствии одним из первых, кто признал важность открывшегося в 1910 году в литературной среде поэта.

«Анна Ахматова связана по времени с младшим поколением наших лириков, но по духу своей поэзии она, быть может, единственная, которая достойна войти в круг старших символистов» – написал Чулков, откликаясь на публикацию новой поэмы Ахматовой «У самого моря» в статье «Новая поэма», опубликованной в газете «День» (1915 г.)⁷⁸. В своих

⁷⁶ См.: П. Н. Лукницкий, *Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том I. 1924-1925*, Paris, 1991; Он же, *Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том II. 1926-1927*, Париж-М., 1997; Он же, «Дневник 1928 года. Acumiana. 1928-1929» [публ. и комм. Т. М. Двинятиной] // «Лица. Биографический альманах», 2002, № 9, стр. 341-495. Список исследовательских работ, посвященных взаимоотношениям Чулкова и Ахматовой см. в сноске 5.

⁷⁷ См., выше: М. В. Михайлова, «Пристрастный летописец эпохи» // Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999², стр. 19.

⁷⁸ Г. И. Чулков, «Новая поэма» // «День», 1915, № 158 (11 июня), стр. 5. Далее это выражение было повторено в статье «Анна Ахматова», вошедшей в сборник статей «Наши спутники» (1922 г.). Существует немалое количество критических отзывов, принадлежавших перу Чулкова, см. например: «А. Ахматова. Вечер. СПб. 1912» [рец. на кн.] // «Жатва: Вестник Литературы», 1912, кн. 3, стр. 275-277; «Закатный звон (И. Анненский и А. А. Ахматова)» // «День», 1914, № 9. прил. «Отклики», стр. 2-3 – далее в Г. И. Чулков, *Вчера и сегодня*, ук. соч., стр. 73-77; «Письма со стороны. IV» // «Голос жизни», 1915, № 20, стр. 18-19; «Анна Ахматова» // Г. И. Чулков, *Наши спутники*, М., 1922, стр. 71-79; «Anno Domini MCMXXI» // «Феникс», 1922, кн. 1, стр. 185-187. Не удалось разыскать подробные исходные данные о статьях «Пятьдесят девять» (1912 г.) и «Хомуз» (1913 г.),

воспоминаниях, Чулков рассказывает об ней в связи с периодом его петербургской биографии. Он не называет точную дату их знакомства, относя как бы первую встречу к 1910 или к 1911 году. По этому вопросу до сих пор нет единого мнения между исследователями. Чулков написал: «Однажды на вернисаже выставки “Мира искусства” я заметил высокую стройную сероглазую женщину, окруженную сотрудниками “Аполлона”, которая стояла перед картинами Судейкина. Меня познакомили» [ГС, с. 245]. По мнению литературоведа Е. М. Бень, можно относить первую встречу Чулкова с Ахматовой к февралю 1911 года, когда в Петербурге была организована первая выставка «Мира искусства»⁷⁹ (с 29 декабря 1910 г. по 6 февраля 1911 г.). Он связывает это событие с тем, что следующая упомянутая Чулковым встреча относится к литературно-музыкальному вечеру, состоявшемуся в зале Тенишевского училища 1 марта 1911 г. и посвященному Ф. К. Сологубу. Об этом вечере написал сам Чулков в письмах к жене: «Завтра вечер Сологуба. Мы, т.е. Блок, Городецкий и я, подносим ему лавровый венок» [ПП, п. 83]. И, на самом деле, Чулков относит вторую встречу именно через несколько дней: «Через несколько дней был вечер Федора Сологуба. Часов в одиннадцать я вышел из Тенишевского зала. Моросил дождь, и характернейший петербургский вечер окутал город своим синеватым волшебным сумраком. У подъезда я встретил опять сероглазую молодую даму» [ГС, с. 245]. Эта версия – в которой сходятся воспоминаниями Чулкова с исследованиями литературоведа – не удовлетворила, однако, другого биографа, Аллу Максимовну Марченко, основные творческие труды которой связаны именно с изучением жизни и творчества Ахматовой⁸⁰. По ее гипотезе, Чулков хотел слегка замаскировать реальный ход событий (напомним, что книга воспоминаний Чулкова была все-таки опубликована в тридцатые годы прошлого столетия) и опускал некоторые подробности, искажая верность приводимых фактов. По мнению исследователя, знакомство с Ахматовой произошло на трех разных этапах: во-первых, первая встреча состоялась осенью 1910 г., в редакции «Аполлона» – в подтверждение этого она приводит стихотворение «Мне с тобой пьяным весело...», написанное Ахматовой весной 1911 г., когда она находилась в Париже. Марченко предполагает, что детали парижской природы (ранняя осень, пожелтевшие листья) намекают на то, что стихи были написаны ранее, в сентябре 1910 года, и в них она изобразила

процитированной М. В. Михайловой и Е. Беньем. Отдельное исследование, посвященное истолкованию критических мыслей Чулкова о творчестве Ахматовой не существует.

⁷⁹ Е. М. Бень, «Ахматова и Чулковы», ук. соч. Далее все данные взяты из этого издания.

⁸⁰ Напомним здесь, что биография Марченко – художественное, беллетризованное произведение, т.е. в ней вполне допускается использованием авторского вымысла там, где необходимо восстановить факты, но при том интерпретация не сопровождается достоверными источниками. По этой причине, мы стараемся выявить лишь те факты, которые обоснованы на прочной документальной базе.

именно образ почтенного Чулкова: «Осень ранняя развесила / Флаги желтые на вязах»⁸¹. Во-вторых, второй раз Чулков и Ахматова виделись на выставке «Мира искусства», только не петербургской, а московской, открывшейся в помещениях Литературно-художественного кружка 26 февраля 1911 г. Встреча на петербургской выставке, к тому же, состоялась, но лишь мимоходом. Чулков, предполагается, успел съездить в Москву на открытие выставки, затем вернулся обратно, чтобы присутствовать на вечере Сологуба. В-третьих, третья встреча в зале Тенишевского училища, по случаю посвященного Сологубу вечера⁸². По мнению Марченко, если первое знакомство состоялось осенью 1910 г., то Ахматова не могла прочесть Чулкову ее стихотворения, по той простой причине, что они еще не были написаны. Исследователь указывает на то, что в любовном цикле стихотворений, написанном Ахматовой в первой половине 1911 г. отразились именно черты только что начинавшихся отношений между ними⁸³.

Со своей стороны, Чулков подробно изложил, в своих мемуарах, собственные впечатления от встречи с этой необыкновенной женщиной. Он так дает описание того вечера:

В петербургском вечернем тумане она похожа была на большую птицу, которая привыкла летать высоко, а теперь влачит по земле раненое крыло. Случилось так, что я предложил этой молодой даме довести ее до вокзала: нам было по дороге. Она ехала на дачу. Мы опоздали и сели на вокзале за столик, ожидая следующего поезда. Среди беседы моя новая знакомая сказала, между прочим:

– А вы знаете, что я пишу стихи?

Полагая, что это одна из многих тогдашних поэтесс, я равнодушно и рассеянно попросил ее прочесть что-нибудь. Она стала читать стихи, какие потом вошли в ее первую книжку «Вечер».

Первые же строфы, услышанные мною из ее уст, заставили меня насторожиться.

– Еще!.. Еще!.. Читайте еще, – бормотал я, наслаждаясь новой своеобразною мелодией, тонким и острым благоуханием живых стихов.

– Вы – поэт, – сказал я совсем уж не тем равнодушным голосом, каким я просил ее читать свои стихи.

Так я познакомился с Анною Андреевной Ахматовой [ГС, с. 245-246].

⁸¹ В статье С. Е. Шишковой-Шипуновой реконструкция Марченко подвергается сомнению: по мнению исследователя, признаки в стихотворении Ахматовой «ранней осени», представляющие собой свидетельства о том, что встреча Чулкова с Ахматовой состоялась уже осенью 1910 в Петербурге, недостаточны, чтобы одобрить предлагаемую ей гипотезу. То, что изображаемая Ахматовой парижская природа пронизана больше осенним настроением, чем весенним, объясняется своеобразием парижского климата (в июле листья могут уже желтеть), тем самым, добавляет исследователь, Ахматова вряд ли могла назвать Чулкова (старше ее на десять лет) «пьяным» и «беспутным» товарищем. См.: С. Е. Шишкова-Шипунова, «Ахматова: личная жизнь», ук. соч. Это можно объяснить тем, что исследователь, с целью реконструировать неизвестные факты, открыто пользуется элементом авторского художественного вымысла, допускаемым приемом в биографии романизованного типа.

⁸² А. М. Марченко, *Ахматова: Жизнь*, ук. соч., стр. 149-150.

⁸³ Марченко считает, что близкие отношения, завязавшиеся между Чулковым и Ахматовой, были скрыто воплощены и в иной повести, вышедшей в 1910 году. Речь идет о повести «Слепые», которая часто упоминается в связи с ее ярко выраженным автобиографизмом (сюжет повести – любовные отношения между Чулковым и Л. Д. Менделеевой-Блок). Как было уже сказано, главное действующее лицо повести – художник Лунин, в чертах которого можно узнать самого Чулкова. В повести отведено немалое количество страниц увлечения Лунина женой инженера Полякова, Анной, с которой он познакомился сразу после отъезда мужа в экспедицию (кстати, именно в те годы состоялась поездка Гумилева в Африку). Внешние характеристики Анны, да еще и другие сходства, сближают, по мнению исследователя, образ Анны Поляковой и Анны Ахматовой. Подробнее см.: А. М. Марченко, *Ахматова: Жизнь*, ук. соч., стр. 153-155.

Воспоминания Чулкова можно сопоставить со страницами мемуаров Надежды Григорьевны, посвященными Анне Ахматовой⁸⁴, в которых рассказывается, что она познакомилась с ней в 1911 году, когда та приехала в Париж в одно время с ее мужем: «Г. И. писал мне из Петербурга, что он открыл нового поэта. Она тогда еще не печаталась. Он прислал мне ее стихи, и, правда, они были очень оригинальны по форме и глубоки по чувству»⁸⁵. Из процитированных слов Надежды Григорьевны явствует, что приведенная Чулковым беседа действительно состоялась в 1911 году – когда, в первую очередь, стихотворения были сочинены поэтом, и, следовательно, было о чем написать жене. Отметим здесь, что эти письма, однако, не сохранились в семейной переписке Чулковых.

В марте 1911 года связь между Чулковым и Ахматовой стала уже более крепкой: 11-го марта они встретились у Вяч. Иванова⁸⁶ (оба прочитали стихи), после этого Ахматова обратилась письменно к Чулкову с просьбой поговорить с великим мэтром русского символизма о ее приеме в Общество ревнителей художественного слова⁸⁷. В мае того же года Чулков и Ахматова приехали в Париж, кажется, вместе. Об этом говорит Надежда Григорьевна в своих мемуарах: «Я впервые встретилась с Ахматовой в Париже в 1911 году. Она приехала туда в одно время с моим мужем, а я приехала месяцем раньше с сестрой Г. И. <Чулкова> Л. И. Рыбаковой»⁸⁸. На тех же страницах воспоминаний, Надежда Григорьевна рассказывает, что, вместе с Ахматовой, они по вечерам посещали маленькие кафе, где Ахматова, молодая и красивая, обычно привлекала внимание окружающей не только мужской, но и женской среды; особенно удивительна для Чулковой была ее физическая гибкость: «Она сама мне показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног»⁸⁹.

Начиная с 1911 года, Анна Ахматова занимает немаловажное место в жизни четы Чулковых, что непосредственно нашло отражение и на семейной переписке: в период с 1911 по 1938 гг. имя Ахматовой встречается более двадцати раз. Первое упоминание – в письме Чулкова от 22 апреля 1911 года: «Ни Гумилева, ни Гумилевой нет в Петербурге. Анна Андреевна, по словам Маковского, была в Петербурге не так давно, но куда-то уехала,

⁸⁴ Н. Г. Чулкова, «Об Анне Ахматове» // *Воспоминания об Анне Ахматове*, М., 1991, стр. 36-40.

⁸⁵ Там же, стр. 36.

⁸⁶ «Вяч<слав> встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригласил на “Понедельники” (уже не “Среды”). Там я действительно несколько раз читала стихи, и он действительно их хвалил, но их тогда уже хвалили все (Толстой, Маковский, Чулков и т.п.), они <были> приняты в “Апол<лон>” и напеча<та>ны, а тот же Иванов лицемерно посылал меня к З. Гиппиус» // *Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)*, М.-Torino, 1996, стр. 616.

⁸⁷ В. Пяст, *Встречи*, М., 1997, стр. 321.

⁸⁸ Н. Г. Чулкова, «Об Анне Ахматове», ук соч., стр. 36.

⁸⁹ Там же. Гибкость Ахматовой была хорошо известна; например см.: «Пунин накануне приезда Шилейки сфотографировал АА на ковре в ее акробатической позе – когда она ногами касается головы (голая). И получилось очень хорошо, и нельзя говорить о неприличии и т. д.: это – как бронзовая фигурка, как скульптура, это эстетично...» // П. Н. Лукницкий, *Асцитана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926-1927*, ук. соч. (запись от 22 января 1926 г.).

кажется, в деревню» [ПП, п. 135]. Одни из первых, Чулковы получили первую книгу стихотворений Ахматовой «Вечер» (1912 г.), с дарственной надписью⁹⁰. Вслед за этим, Чулков опубликовал восторженную рецензию на альманахе «Жатва», посвященную именно подаренному ему сборнику⁹¹. В своих воспоминаниях он еще написал: «Я горжусь, что на мою долю выпало счастье предсказать ей ее большое место в русской поэзии в те дни, когда она еще не напечатала, кажется, ни одного своего стихотворения» [ГС, с. 246]. К этому времени, история отношений между Чулковым и Ахматовой находилась едва ли не в общем внимании: например, приехавший в Париж летом 1912 года переводчик Федор Федорович Фидлер навестил семью Николая Максимовича Минского, эмигрировавшего, в 1906 году, во Францию: тогда ему было передано, что «Ахматова и Чулков были влюблены друг в друга»⁹². О том, что, в 1911 году, Чулков и Ахматова были действительно близки, имеется подтверждение и в уже процитированных дневниковых записях П. Н. Лукницкого. Писатель утверждает, что, однажды, Ахматова продиктовала ему свой личный «донжуанский» список – т.е. список тех мужчин, с которыми она была более или менее близка. Список приведен в хронологическом порядке, но ограничен заглавными буквами, которые, позже, Лукницкий пытался расшифровать (ему почти это удалось, за исключением некоторых фамилий). Среди расшифрованных фамилий, между Гумилевым, Модильяни и Недоброво (что совпадает действительно в хронологических терминах), фигурирует также имя Чулкова⁹³. Скрытый намек на эти близкие отношения оставляет, позднее, и сам писатель, написав жене в 1928 году из Гаспры в Москву: «Недостает только Бутомо-Названовой. Тогда был бы полный комплект моих поклонниц. Ахматова, правда, уехала» [ПП, п. 512].

⁹⁰ Ахматова подарила им еще другие книги: «Четки» (1914 г.), «Anno Domini» (1922 г.) и «Белая стая» (1928 г.). На книге «Четки» Ахматова сделала надпись: «Георгию Ивановичу Чулкову, первому приветствовавшему эту книгу. От его давнего друга Анны Ахматовой. Петербург. Весна. 1914 г.» (источник: Е. М. Бень). После выхода в свет этого сборника, Чулков откликнулся печатно, опубликовав в «Голосе жизни» заметку под названием «Письма со стороны», в которой он сопоставил лирику Ахматовой творчеству молодым современным поэтам, целеустремленно сконцентрированным над самым собой: «Ее стихи связаны с лирикой старших символистов. Поэт она о том же [...] поэт мудро, не восхищаясь при этом собою, как иные»; относительно «Четок» он написал: «В ней воскресает та печаль, которая совсем незнакома молодежи предпоследних дней, – а тем не менее эта книга связана не только с прошлым, но и с будущим». // Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. IV» // «Голос жизни», 1915, № 20, стр. 18-19.

⁹¹ «Гибкий и тонкий ритм в стихах Ахматовой подобен натянутому луку, из которого летит стрела. Напряженное и сосредоточенное чувство заключено в простую, точную и гармоничную форму» // Г. И. Чулков, «Анна Ахматова. – Вечер. Стихи. Цех поэтов. СПб. 1912 г.» // «Жатва: Вестник литературы», 1912, кн. 3, стр. 275. Позднее он сказал: «Первая книга Ахматовой “Вечер” вызвала единодушное признание; приветствовали книгу “Вечер” как драгоценный дар Музы. И в самом деле, что-то особенное есть в этой маленькой книге, совсем непохожей на множество лирических сборников, торопливо предложенных в наши дни вниманию читателей» // Г. И. Чулков, «Анна Ахматова» // Он же, *Наши спутники*, укр. соч., стр. 73.

⁹² Ф. Ф. Фидлер, *Из мира литераторов. Характеры и суждения*, М., 2008, стр. 528.

⁹³ П. Н. Лукницкий, *Asutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926-1927*, укр. соч., стр. 284-285. По поводу «донжуанского» списка Ахматовой выразился и Корней Чуковский: «Какой у нее, однако, длинный донжуанский список. Есть о чем вспоминать по ночам» // К. И. Чуковский, *Дневник (1930-1969)*, М., 1964, стр. 372.

Когда, в 1911 году, закончились «годы странствий» по Европе, Чулков, как было уже отмечено, переселился в Москву, покинув Петербург и его «хмельную чашу». Но писатель, часто приезжая в северную столицу, не упускает из виду возможность узнать, где и как живет Ахматова (ср. письмо от 22 августа 1911 г.). Чулков, проживавший в Москве до середины 1913 года, как бы старался отдалиться от Ахматовой, хотя, 14 мая, совершая очередную поездку в Петербург, он сообщал жене: «Во всяком случае до 24-го, значит, я у Городецкого жить не могу, хотя Гумилев, с котор.<ым> Городецкий продолжает вести дружбу, отсутствует и мне его видеть не пришлось бы: Гумилев в Африке, а Гумилева в деревне» [ПП, п. 211]. В ноябре того же года Надежда Григорьевна написала мужу, что художник В. П. Белкин, которому дали иллюстрировать его рассказ, захотел изобразить в них именно его, ее и Ахматову. Исследователь Р. Д. Тименчик отметил, что тогда этот замысел не свершился⁹⁴, однако в следующем письме Надежды Григорьевны, отправленном 15 ноября, сказано: «Белкин приносил свои рисунки к рассказу. Не знаю, не сумел ли он сделать похожими тебя, меня и Ахм.<атову> или не захотел, но только сходств нет» [ПП, п. 226]. Белкин выполнил проект иллюстраций работ Чулкова позднее, только в 1922 году. Тогда же художник оформил поэму Чулкова «Мария Гамильтон»⁹⁵ – критики по-разному относились к графическим работам художника, но не заметили, по мнению Тименчика, сходства главной героини повести с чертами одного поэта XX века, т.е. Анны Ахматовой. В 1914 году, Чулков, находившийся на лечении в Швейцарии, возобновляет переписку с Ахматовой, просит ее прислать ему новые стихи: она тогда же ему ответила из Слепнево (это второе из двух сохранившихся писем Ахматовой Чулкову⁹⁶): «Когда будут стихи, пошлю Вам непременно»⁹⁷.

В 1915-1916 гг. Чулковы и Ахматовы жили по соседству в Царском селе: «В 1915 году весной, после нашей поездки в Швейцарию, мы поселились в Царском селе на Малой улице. На этой же улице, недалеко от нас, жила и Анна Ахматова. С мужем, кажется, она тогда уже разошлась. Жила она в доме своей свекрови со своим маленьким сыном лет трех»⁹⁸. Тогда, вероятно, возобновились отношения между Чулковым и Ахматовой, о чем свидетельствует и П. Н. Лукницкий в своем дневнике: «Зима. Встречи с Г. И. Чулковым, который живет в Царском селе на Малой улице – в расстоянии одного квартала от Гумилевых»⁹⁹. Отношения стали более тесными и между семьями: «Она приходила к нам с этим мальчиком – Левой.

⁹⁴ 1989. *Памятные книжные даты* [под ред. Л. С. Ереминой], М., 1989, стр. 117.

⁹⁵ Г. И. Чулков, *Мария Гамильтон*, СПб., 1922, 32 с.

⁹⁶ См.: «Письма А. А. Ахматовой» в РГАЛИ, ф. 548, оп. 3, ед. хр. 7, 2 п. 4 л., крайние даты 16 марта 1911-1914.

⁹⁷ Цит. по: А. М. Марченко, «В черноватом Париж тумане» // «Дружба народов», 2006, № 10, ук. соч. Вышеупомянутые письма вошли также в: А. А. Ахматова, *Листки из дневника. Проза. Письма*, М., 2017.

⁹⁸ Н. Г. Чулкова, «Об Анне Ахматовой», ук. соч., стр. 38.

⁹⁹ П. Н. Лукницкий, *Аситапа. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926-1927*, ук. соч., стр. 81.

Приходила и одна и читала нам свои стихи»¹⁰⁰. 8 мая 1916 года, за три месяца до отъезда Чулкова в действующую армию, Ахматова подарила своему верному другу собственный фотографический портрет с надписью: «Георгию Чулкову в знак дружбы Анна Ахматова»¹⁰¹. Тогда же вышел в свет сборник статей Чулкова «Вчера и сегодня», содержащий статью «Закатный звон», в которой писатель, сопоставляя творчество И. Анненского и Ахматовой, заявлял, что «Поэзия Ахматовой символична, т.е. образы, ею созданные, свидетельствуют о переживаниях, соединяющих ее душу с душою мира, как с чем-то реальным. Ее лирика ограничена небольшим кругом тем, наблюдений и увлечений, но, несмотря на эти малые пределы ее интимного мира, поэзия Ахматовой становится всем близкой и необходимой»¹⁰².

Пережив начало революции в их Царскосельском доме, Надежда Григорьевна, вместе с годовалым ребенком, переехала в Москву в марте 1917 года, и переехала в маленький дом на Смоленском бульваре, где, по возвращению Чулкова с фронта, они остались жить навсегда. Как она вспоминает, Ахматова, приезжая на несколько дней в Москву, часто заезжала к ним, долго беседовала с Чулковым, читала им свои новые стихи. Наступил четырехлетний перерыв в их отношениях, после которого имя Ахматовой заново возвращается в семейную переписку в письме от 12 августа 1920 года, во время одной из частных поездок Чулкова в Петербург: «Вообще Петроград встретил меня хорошо. Видел Блока, Городецкого, Кузмина, немало молодых поэтов, Щеголева и у Судейкиных видел Ахматову – последнюю полчаса. Ахматова превратилась в ужасный скелет, одетый в лохмотья. Но стихи прочла чудесные. Она, по рассказам, в каком-то странном заточении у Шилейко. Оба в туберкулезе, и очень бедствовали» [ПП, п. 453]. Как отметил Бень, эта встреча послужила толчком для оживления контактов между Чулковыми и Ахматовой – характерными теперь становятся эпизодические свидания, имевшие место, как следует из воспоминаний Надежды Григорьевны, то в Петербурге, то в Москве. В 1922 году была напечатана рецензия Чулкова на недавно вышедшую в свет книгу Ахматовой «Anno Domini», а в его сборник «Наши спутники» была включена статья «Анна Ахматова». В этих кратких обзорах подчеркивалась, в особенности, цельность мировоззрения поэта: «Можно принять или не принять мировоззрение Анны Ахматовой, но было бы опрометчивой ошибкой отрицать цельность этого мировоззрения – такая душевная значительность необычайна в наши дни совершенного крушения “цельного знания” и поголовного увлечения тем или иным отвлеченным началом, или, что еще хуже, какой-либо формальной и внешней причудой поверхностного эстетизма»¹⁰³. Критические

¹⁰⁰ Н. Г. Чулкова, «Об Анне Ахматовой», ук соч., стр. 38. Тогда же, Ахматова читала супругам стихотворение «Перед весной бывают дни такие...», которое впоследствии она посвятила Надежде Григорьевне.

¹⁰¹ См. репродукцию портрета в «Годах странствий», стр. 248-249.

¹⁰² Г. И. Чулков, *Вчера и сегодня*, ук. соч., стр. 76.

¹⁰³ Г. И. Чулков, «Анна Ахматова» // Он же, *Наши спутники*, ук. соч., стр. 79.

работы Чулкова были оценены Ахматовой: заметно, например, что она ставила, в один ряд с другими крупными именами литературоведческого мира, имя Чулкова: «Георгий Иванов не мог не знать, что мои книги в нэп расходились очень быстро [...], что тогда появилась работа (книга) Б. М. Эйхенбаума о моей поэзии, огромная статья Виноградова “Стилистика Ахматовой” в первом номере “Литературной мысли”, главы в книгах Чулкова (“Наши спутники”), Айхенвальда и т.д.»¹⁰⁴; к тому же, в ее недописанной автобиографической книге «Мои полвека» (в «Записных книжках» имеется план книги), Ахматова собиралась провести обзор литературно-критических работ, ей посвященных в 20-30 гг., и, под заголовком «обширная критика», включала и работы самого Чулкова¹⁰⁵.

И в последующие годы, Чулков все-таки не прекратил сообщать жене о судьбе Ахматовой: в 1928 году он ее встретил в Гаспре: «Первого утром я был у Замятина. Туда по собственной инициативе, узнав о моем приезде, прибежала Ахматова. Она умненькая. Очень тебя приветствует. Живет уже вместе с Пуниным, т.е. на одной квартире. И жена там. Все это не совсем понятно – что-то магометанское» [ПП, п. 513]; далее, в сентябре 1929 года: «В Гаспре – Ахматова. У нее болит живот, - гастрит или, как здесь выражаются, *гасприт*» [ПП, п. 528] и «Завтра едет в Москву несчастная, жалкая А.<нна> А.<ндреевна> Ахматова. Если она к тебе зайдет, может быть, ты оставишь ее у себя переночевать? Кажется, ей негде остановиться: у нее совершенно нет денег [...] Сейчас выяснилось, что Ахматова в Москве не остановится. [ПП, п. 529]. Ахматова нередко приезжала в Москву и всякий раз заходила в гости к Надежде Григорьевне: «Имя Надежды Григорьевны Чулковой входило в ритуальный список друзей, которым Анна Андреевна звонила, приезжая в Москву»¹⁰⁶, написала Эмма Григорьевна Герштейн. Из семейной переписки известно, что она была у них 20 ноября 1934 года, о чем она непосредственно рассказала мужу, проживавшему тогда в Баку. Чулков тогда заявил: «Что касается приключений Ахматовой, то она давно уже, по-видимому, перестала быть брезгливой и махнула на себя рукой. Пильняк ей кажется нужным человеком. Она, ведь, как я, очень одинока в литературе и беспомощна житейски. Да и скучно ей очень. Проехать на машине от Питера до Москвы все-таки развлечение. Ну а Пильняк козыряет своей интимной дружбой с Ахматовой. Все это, конечно, не очень православно. Но кто первый кинет камень? Интересно очень, какие слова по этому поводу написал на песке этот Человек две тысячи лет назад» [ПП, п. 612]. Ахматова была у них, когда арестовали ее сына, в 1935 г., а

¹⁰⁴ *Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)*, ук. соч., стр. 146.

¹⁰⁵ Там же, стр. 140.

¹⁰⁶ Э. Г. Герштейн, «Тридцатые годы» // *Воспоминания об Анне Ахматовой*, ук. соч., стр. 248-257.

еще год спустя, в 1936 году – прощаясь, вспоминает Надежда Григорьевна, она подарила ей свой портрет, подписав его на память о долголетней дружбе¹⁰⁷.

Общение Надежды Григорьевны с Анной Ахматовой продолжилось и после смерти Чулкова: каждый раз, приезжая в Москву, она навещала ее, читала ей свои новые стихи. Надежда Григорьевна вспоминает 1941 год и сложное время войны, когда Ахматову эвакуировали из Ленинграда, а еще 1946 год, после возвращения поэта из Ташкента: «Анна Андреевна всегда делилась со мною своим горем и скорбями и называла себя моим старым другом. Я видела ее и в расцвете славы и в постигших ее несчастьях и обидах. Она все переживала с достоинством и несла мужественно тяготу и горечь житейских невзгод. Редко кому выпадало такое множество перемен и испытаний в жизни, как досталось ей»¹⁰⁸.

В завершении этой части биографии Чулкова, связанной с образом Анны Ахматовой, следует привести последние слова писателя, которые он оставил в своем позднем дневнике «Откровенные мысли»¹⁰⁹: в апреле 1935 года Ахматова, проездом в Москву (она приехала в столицу хлопотать о судьбе знакомой, высланной из Ленинграда), нанесла визит Чулковым и, в этот день, он записал: «В Москве Ахматова. Она каждый раз, бывая в Москве, навещает меня, но теперь как-то мы перестали чувствовать друг друга. Но мне ее жалко. Она замучена своей биографией (И на мне вина тоже. 1 января 1937 г. <поздняя приписка Чулкова– К. Р.>)»¹¹⁰.

2.8.3 «Возвращение на родину»¹¹¹: 1912–середина 1914 гг.

По возвращении из Европы, как было сказано, Чулковы поселились в Москву: «Петербургские сны – и страшные, и пленительные – смешались как-то со счастливым бредом Парижа, и вдруг захотелось *реализма во что бы то ни стало*. И хотя это сокровище я получил не сразу и не так, как ожидал, но все же получил его, – правда, значительно позднее, но в той же Москве» [ГС, с. 265]. В своих воспоминаниях Чулков очень скупо описывает этот период своей личной биографии, ограничиваясь мелкими заметками и, в общем, довольно-таки малым объемом количества страниц. Что касается, например, первого года пребывания в

¹⁰⁷ Любительский фотоснимок Анны Ахматовой сделанной в Коломне, с дарственной надписью Н. Г. Чулковой от 31 июля 1936 года, хранится в личном фонде Чулкова в РГБ. См.: РГБ, ф. 371, к. 6, ед. хр. 33.

¹⁰⁸ Н. Г. Чулкова, «Об Анне Ахматовой», укр. соч., стр. 40.

¹⁰⁹ Г. И. Чулков, «Откровенные мысли» [пред., публ. и комм. Ю. Н. Грякаловой] // *Писатели символистского круга: Новые материалы*, СПб., 2003, стр. 457-499. Исследователь связывает приписку Чулкова с тем, что он не смог оказать ей достаточную помощь в вопросах, касающихся московских издательских хлопот.

¹¹⁰ Там же, стр. 472.

¹¹¹ Название этой главы – прямая отсылка к одноименной главе книги Чулкова. Мы решили оставить такое название в соответствии с волей биографируемого: «Я назвал эту главу “возвращением на родину”, и хотя я очень мало успел сказать об этом возвращении, пусть, однако, это название за ней останется» [ГС, с. 271].

Москве – то из автобиографического материала неизвестно почти ничего. С этой точки зрения, семейная переписка оказывается фактически единственным источником: Чулков – надежный корреспондент, он не упускает возможность посылать жене ежедневные письма во время любых, даже кратковременных расставаний, и именно это позволяет теперь восстановить, хотя бы частично, часть его биографии.

С конца 1911 года Чулков находился уже в Москве, изредка совершая поездки в Петербург. Первая из теперь двух нам известных состоялась в конце января 1912 года: тогда он был намерен устраивать повесть «Мертвецы»¹¹², которую задумал написать, видимо, находясь еще в Париже: «Приехал бы я тогда в пансион m-me Caisey и стал бы так жить и писать моих “Мертвецов”» [ПП, п. 134]. Чулков возлагал большие надежды именно на петербургскую литературную жизнь: 24 января он передал повесть на рассмотрение в редакцию «Вестника Европы» Овсяннико-Куликовскому, но секретарь журнала М. А. Славинский, с которым Чулков наладил контакт, считал его желание невыполнимым и, следовательно, необходимым отложить ее появление на страницах журнала, по крайней мере, до осени. Такое предположение оправдалось: спустя несколько дней Чулков получил отрицательный ответ от редакции журнала, о чем он непременно сообщал жене: «Овсяннико-Куликовский известил меня, что “Мертвецы” не могут быть напечатаны в “Вестнике Европы”, потому что тема повести слишком “опасна”: им надо что-нибудь “индеферентное” <так! – К. Р.> по его словам» [ПП, п. 167]. Оставшись в Петербурге до начала февраля, дабы испробовать все возможности относительно устройства повести, Чулков отдал один экземпляр Городецкому, который в то время затеял большое дело с альманахом (на это предприятие также возлагал надежды Андрей Белый), и другой Бенштейну, но попытка в очередной раз оказалась тщетной; кроме того, он получил отказ от «Московского книгоиздательства», вызвавший его восклицание: «Ах, как противно “устраивать” литературные дела!» [ПП, п. 169]. Чулков смог напечатать эту повесть только летом, в Москве, в альманахе «Жатва»¹¹³ и она была воспринята критикой снисходительно: «Оголить людей, заставить их растерять весь умственно-нравственный багаж – ему понадобилось для того, чтобы ярче выступила “суть” этих людей, а чрез это стало бы возможно “выявление” сути “русского бунтарства” и даже

¹¹² «Мертвецы» – повесть о жизни политических ссыльных, действия которой тесно связаны с недавним прошлым России, с революционным 1905 годом. В одной из сюжетных линий введена судьба шлисельбургского ссыльного Николая Федуловича Мартынова (около 1860-1903), с которым Чулков был знаком со времен Якутской ссылки. За несколько месяцев до окончания срока, Мартынов влюбился в замужнюю женщину, за что он был вызван на третейский суд, но, вскоре после суда, покончил жизнь самоубийством. Известие о внезапной кончине товарища сильно возмутило Чулкова: «В эмиграции и ссылке люди всегда немного сходят с ума. Сумасшедший суд над Мартыновым довел несчастного до отчаяния и гибели. Вероятно, в иные годы, менее фантастичные, не было бы никакого суда, и за свое прелюбодеяние старик ответил бы лишь «на страшном суде», а не здесь, на грешной и страстной нашей земле» [ГС, с. 49].

¹¹³ Г. И. Чулков, «Мертвецы: Повесть» // «Жатва: Вестник литературы», 1912, кн. 3, стр. 17-153.

всей России». К тому же, критики считали, что «Мертвецы» послужили бы историку лучше, чем произведения крупных авторов¹¹⁴.

Одновременно Чулков вел деловые переговоры с «Нивой», «Шиповником», «Новой жизнью», «Биржевыми ведомостями»; начал заниматься написанием маленького рассказа для погашения долга и условился о написании статьи о творчестве Ремизова с С. А. Венгеровым; принимал участие в совещании окончательно еще не образовавшегося нового издательского товарищества, куда «[...] войдут разнообразные люди – и Арцыбашев, и Ф.<едор> Сологуб. Вот в это второе “товарищество” меня приглашают, но я не знаю еще, насколько это прочно и денежно» [ПП, п. 164]. Однако, самые большие «творческие» планы были все-таки связаны с подготовкой лекции, с которой он должен был путешествовать по России в том же феврале и об этом он подробно излагает жене в своих посланиях. Кроме этого, во время поездки он был намерен написать очерки на подобие «путевых заметок» для того, чтобы опубликовать их в какой-нибудь газете. С этой целью он договорился с «Речью». 31 января Чулков написал жене: «Итак, моя поездка в Петербург имеет только один положительный результат. Это то, что я устроился с “Речью” писать “путевые заметки”. Во-первых, это хорошо, потому что гонорар 20 коп.<еек> за строчку неплохой гонорар, и, во-вторых, это устраивает меня с газетой вообще, а без газеты, очевидно, при моем положении в литературе, существовать в наши дни невозможно [...] Сияет один лишь Вячеслав Иванов» [ПП, п. 170]. Имелась договоренность с писательницей Елизаветой Митрофановной Милициной о том, что будет лекция в Саратове между 16–19 февраля, организация остальных поездок была отложена до Москвы, чтобы устроить их через «бюро». Удалось ли ему реализовать задуманные планы (лекции, написание цикл путевых заметок), на этом этапе нашей работы остается неизвестно, поскольку семейная переписка обрывается именно в начале февраля, когда Чулков вернулся в Москву. Однако, согласно эпистолярному поведению писателя, если бы Чулков отправился, с лекциями по России, то хотя бы одно письмо он написал бы жене в течение всей поездки. Примером тому служит переписка конца 1913 года¹¹⁵. К тому же, 16 апреля Чулков написал Вяч. Иванову о том, что он живет в Москве и попадет в Петербург не раньше осени, без намеков на какие-либо литературные путешествия¹¹⁶.

¹¹⁴ Г. Чулков. Рассказы и повести. Собр. соч. т. VI. Изд. “Шиповник”. СПб. 1913. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к. // «Бюллетени литературы и жизни», 1913, № 23-24, стр. 608.

¹¹⁵ С другой стороны, возможно письма просто не сохранились. Следует учесть необходимость дополнительной проверки в архивах Чулкова (среди сохранившихся переписок), в журналах и газетах той поры, в городских афишах театров и залов и т.д.

¹¹⁶ В мае, Чулковы ездили в деревню, в Покровское, в имение Лопатина. Об этом известно из писем Чулкова к Вяч. Иванову от 16 мая и 4 июня 1912 г., что опять же позволяет предположить, что и весной Чулков не смог съездить с лекциями по России. 4 июня Чулковы получили недавно вышедший второй сборник Вяч. Иванова «Сог Ardens», о чем писатель сразу воздал почести поэту: «Книга ваша дивна, но боюсь, что она не для современности: в ней Дантов XIV века и какой-то век будущий, но только не наш XX. Впрочем, иные пьесы и

Таким образом, в первой половине 1912 года в жизни Чулкова наблюдается крайне неустойчивое положение, особенно с точки зрения наличия работы и, следовательно, финансов. Единственный положительный результат – вышеупомянутое заключение договоров с газетой «Речь»: благодаря им, в марте 1912 года появляется, на страницах газеты, очерк «Самоубийцы»¹¹⁷, написание которого подтолкнули события из его личной биографии. Через два года эти же факты нашли свое отражение в романе «Сережа Нестроев» (1915 г.). В заметке «Самоубийцы» Чулков высказал свое мнение по поводу одной, «страшной» проблемы современного общества, а именно – увеличение количества людей, решивших покончить жизнь самоубийством. Поводом для размышления послужило знакомство, в 1908 году, с «содружеством одиноких», инициатором которого была Марья Либерсон. Учредительница этой лиги побывала несколько раз, в сопровождении еще одного участника этой группы, А. С. Андреева, в доме Александра Блока, который, со своей стороны, был очень заинтересован «одинокими». Скептическое отношение Чулкова отразилось в воспоминаниях об этой первой встрече: «Года два тому назад к одному петербургскому литератору, у которого я в то время был в гостях, пришли студент и курсистка. Они просили этого литератора принять участие в каком-то “обществе борьбы с одиночеством”. Мы разговорились. Но как я ни старался выяснить, что эти молодые люди понимают под одиночеством, выходило что-то неопределенное, и даже как-то по-детски наивное, но в то же время я видел, что эти “борцы с одиночеством” по-настоящему взволнованы своим делом. Они не раз упоминали о том, что были в их среде случаи самоубийства от одиночества»¹¹⁸. Далее Чулков приводит диалог, возникший тогда с основателями этого движения, которые старались убедить его в том, как должна на самом деле произойти данная борьба против одиночества (первое этическое правило сообщества – желание и постоянная готовность, при любой погоде, с любым настроением, при любых обстоятельствах, помочь тем, кто нуждается в общении с другим). Состоявшаяся в доме Блока беседа с «борцами с одиночеством» была впоследствии включена в сюжетную линию романа Чулкова «Сережа Нестроев», опубликованного в 1915 году в журнале «Русская мысль»¹¹⁹. В романе Чулкова сходную по смыслу и содержанию словам Либерсона речь произносит гимназистка Васильковская, присутствующая на собрании

отделы, быть может, прозвучат убедительно для всех и во все времена. Повесть “Феофил и Мария”, несмотря на весь эзотеризм, всенародна. Мы сегодня читали с Над.<еждой> Григ.<орьевной> Вашу книгу вслух – и Вы, конечно, понимаете, что многое в ней волновало нас не только эстетически» // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 47, л. 6 (-6 чист.), конверт III.

¹¹⁷ Г. И. Чулков, «Самоубийцы» // «Речь», 1912, № 64 (6 марта). Далее очерк был включен в сборник «Вчера и сегодня». См.: Г. И. Чулков, «Самоубийцы» // Он же, *Вчера и сегодня*, ук. соч., стр. 56-64. Все цитаты приводятся по этому изданию.

¹¹⁸ Г. И. Чулков, «Самоубийцы» // Он же, *Вчера и сегодня*, ук. соч., стр. 62-63.

¹¹⁹ Роман был опубликован в «Русской мысли» за 1915 год (кн. 5, стр. 9-36; кн. 6, стр. 2-28; кн. 7, стр. 2-26; кн. 8 стр. 11-46).

в доме гимназиста Грюнвальда и вступающая от имени «Лиги борьбы с одиночеством»: в полушуточных тонах были изложены принципы, регулирующие «содружество одиноких», и произнесенные гимназисткой слова, проекты и примеры, выбранные в поддержку организации были приблизительно теми же, что и в беседе 1908 года, переданной Чулковым в газетном очерке. Там курсистка твердила о главном способе помочь людям, страдающим от одиночества: «А надо интимнее общаться друг с другом. Все члены общества должны иметь возможность во всякое время навещать друг друга»¹²⁰; так же выражалась и гимназистка в романе: «Каждый член нашей лиги при вступлении дает честное слово, что он никогда не откажется от общения с тем, кто страдает от одиночества. И у нас есть такое правило, что ключи должны быть общие»¹²¹. Таким образом прослеживается, даже спустя много лет, опосредованное влияние общения с Блоком в сознании Чулкова, который отобразил, хотя и в ироническом ключе, определенный момент их общей биографии.

После полугодичного отсутствия в городе, Чулков возвращается в Петербург лишь в середине сентября 1912 года. К этому времени начинают появляться уже первые признаки нарастающей болезни, которая в совсем скором времени стала причиной отъезда писателя из родины в Европу для лечения. В письмах к жене, которые он отправлял ежедневно в течение двухнедельного пребывания в городе, Чулков часто жалуется на кашель, обостряющийся время от времени: лечится применением тиокола, что тогда считалось могло бы благотворно повлиять на симптомы медленно развивающегося туберкулезного процесса легких. В своих воспоминаниях Чулков написал: «В Москве жизнь моя сложилась куда тише и благообразнее, чем раньше. Однако преступный хмель, коим увлекался я, замороженный петербургскими туманами, отразился на моем здоровье. У меня всегда был жар, при кашле появлялась кровь. Доктор сказал твердо, что у меня туберкулез. Я этому как-то не очень поверил и продолжал работать, не обращая внимания на температуру» [ГС, с. 267]. Чулков вновь возвращается к петербургскому литературному обществу, чтобы устроить свои литературные дела: «Вообще здесь все страшно надоело, а все-таки есть еще дела, все-таки в Петербурге есть хотя возможности какие-нибудь, хотя надежды» [ПП, п. 178]. В первую очередь он обратился с новой повестью «Сатана» к Овсяннико-Куликовскому («Вестник Европы») и Иванову-Разумнику («Заветы»), но получил, с обеих сторон, отказ¹²². Несмотря на первые неудачи,

¹²⁰ Г. И. Чулков, «Самоубийцы», ук. соч., стр. 63.

¹²¹ Г. И. Чулков, *Сергея Нестроев*, М., 1916, стр. 119. Аналогичные распоряжения содержались и в брошюре М. Либерсон «Страдания одиночества»: «Мы хотим, чтобы не было ни одного человека, которому некуда пойти. Мы хотим, чтобы приход незнакомых сделался таким же обычным и принятым, как приход старых знакомых» // М. Либерсон, «Страдания одиночества», СПб., 1909, стр. 8.

¹²² Первоначально «Сатана» был определен, как повесть. Отметим, что в рукописном варианте, находящемся в настоящее время в архивах ИМЛИ, повесть датирована именно 1912 г. Первая ее публикация состоялась только в 1914 году, в литературном альманахе «Жатва». См.: Г. И. Чулков, «Сатана: Повесть» // «Жатва: Вестник

которые, по его собственному признанию, мешают ему работать («От мучительного ожидания – что скажет тот или иной издатель – я совершенно не могу работать. С трудом пишу полторы странички в день» [ПП, п. 178]), Чулков заново начинает вести переговоры об издании повести с тремя издателями, журналом «Современный мир», газетой «День» и издательством «Шиповник»: из трех, дал предварительное согласие только «Шиповник», при том на не очень выгодных для Чулкова условиях¹²³. Все неудачи с «равнодушными и гнусными издателями-мерзавцами» (так отзывался о них Чулков в своих письмах), наряду с другими рабочими провалами – кроме большого проекта, связанного с повестью, Чулков стал писать рассказ для газеты «Новь», для подкрепления семейных финансов, а также искать, через Бенштейна, переводы для Надежды Григорьевны – оказались тяжелым испытанием для писателя, на что он неоднократно сетовал в письмах к жене: «Но в конце концов все это суета сует и всяческая суета. Внутри меня, моя чудесная Надька, все-таки горит еще какой-то свет, несмотря на все невзгоды и житейские неудачи и несмотря на эту нашу нищету. И свет этот, родная, моя любовь к тебе. Люблю тебя и считаю себя самым счастливым человеком на земле, потому что ты позволяешь мне жить рядом с тобой. И если жизнь моя будет когда-нибудь оправдана, то потому только, что я люблю тебя» [ПП, п. 184]; «Вся эта издательско-редакторская мерзость расстроила меня чрезвычайно. Скажу тебе по секрету: я бы легко перенес все эти неудачи, если бы не сознание, что и *ты, как все* невысокого мнения о том, что я пишу» [ПП, п. 188]. В начале октября Чулков уже намеревался вернуться в Москву. Его осенняя поездка завершилась с одним только положительным результатом – он условился с газетой «Речь» о написании статьи о Метерлинке¹²⁴.

Задуманный зимой план Чулкова о путешествии по городам России с лекциями все-таки осуществился в конце года: в семейной переписке сохранились четыре письма, отправленных из разных точек: три из Одессы, одно из Харькова. В нашей документальной базе, эти четыре письма – единственное свидетельство об этом состоявшемся цикле лекций.

литературы», 1914, кн. 4, стр. 23-192. Это объясняет, почему в письмах Чулков говорит о «Сатане», как о повести. Затем, когда вышло второе, отдельное издание (уже при книгоиздательстве «Жатва») повесть стала называться романом. См.: Г. И. Чулков, «Сатана: Роман», М., 1915. Со стороны журнала «Заветы» ему было передано, что: «“Заветы” не могут ее напечатать, потому что, по их мнению, я проглядел и “положительные” начала в черносотенном движении» [ПП, п. 176], а «Вестник Европы» мотивировал свой отказ тем, что в нем отражено «насмешливое отношение к либералу» [ПП, п. 180].

¹²³ «У них в трех ближайших альманахах нет места для большой вещи, но тем не менее они согласны дать место моей повести в ноябрьский книжке, где будет напечатана драма Андреева на таких условиях: они дают мне 500 руб.<лей>, при чем, если альманах разойдётся более, чем в 10.000 экз.<емпляров> они платят мне 75% чистой прибыли с каждой новой тысячи, т.е. около 300 руб.<лей> Следовательно, в случае успеха (если альманах разойдется в количестве 15.000 экз.<емпляров>) я получу всего за повесть 2000 руб.<лей> Весь секрет этого договора заключается в том, что “Шиповник” уверен, что альманах не разойдется в 10.000 экз.<емпляров> и я в таком случае получу всего на всего 500 руб.<лей>» [ПП, п. 183].

¹²⁴ Возможно, речь идет о заметке «Мечников и Метерлинк», появившаяся в газете «Речь» в 1913 г. См.: Г. И. Чулков, «Мечников и Метерлинк» // «Речь», 1913, № 165 (20 июня).

Тему лекции удалось выяснить, благодаря отзыву, напечатанному в журнале «Аполлон» – «Современная душа и некоторые темы Достоевского»¹²⁵. 5 декабря 1912 г. Чулков, по приглашению недавно возобновившего свою деятельность Литературно-артистического клуба, прибыл в Одессу; лекция состоялась на следующий день, для этого случая был снят зал в городском Новом театре. По словам Чулкова, лекция прошла успешно: «Газеты (все) поместили обширные и благоприятные статьи по поводу моей лекции. Голос у меня звучал хорошо» [ПП, п. 195]. Подтверждение этого находится в вышеупомянутой рецензии, в которой между тем говорилось, что, начиная с определения о трех формулах искусства, Чулков переходил к размышлению о творчестве Достоевского, относя его к «разрушителям ценностей, стремящихся раскрыть тайны “ночной души” и за пределами разума раскрыть первоисточник любви, приближаясь к ее неземному лику. И в этом он видел общность Достоевского с современной душой и его несомненное влияние, которое он оказал на В. Иванова, Блока и модернистов»¹²⁶. После Одессы Чулков переехал в Харьков, дальше он планировал поехать в Полтаву, чтобы 18 декабря прочесть там новую лекцию. Кроме того, там же у него созревает план устроить другие поездки по городам России в течение одного месяца: «Уверяют, что можно заработать порядочно. И это еще пока не решено. Посмотрю, как пройдет эта городская лекция» [ПП, п. 197].

Неизвестно, продолжал ли Чулков запланированную поездку по России в конце 1912 года, поскольку семейная переписка за 1912 г. прекращается именно на этом письме. Вероятнее всего, остальные поездки были перенесены на март следующего года. Остался намеченный план этих визитов: после успешного чтения 14 марта лекции в Смоленске 14 марта («Прочел лекцию в Смоленске благополучно. Народу было очень много. Слушали прекрасно, внимательно чрезвычайно. Но, должен сказать, что покорила я, должно быть, немногих. Оваций больших не было. Читал я, по-моему, удачно» [ПП, п. 198]), было запланировано посетить, в течение последующих десяти дней, следующие города: Витебск (13), Орша (14), Двинск (16 или 17), Вильна (18 или 19), Ковно (20), Минск (22). Чулкова сопровождали два импресарио, которым он доверил организовать эту поездку. В скором времени, Чулкову уже стало ясно, что поездка была неудачно организована, и что ехать с двумя антрепренерами было слишком затратно. Пребывая в Вильно, он написал жене: «Ты себе представить не можешь, как я мыкаюсь, и как стремительно я переезжаю из города в город. А в материальном отношении поездка даст, вероятно, очень мало, если вообще что-нибудь даст. Это досадно тем более, что везде, во всех городах, публика валом валит на мою

¹²⁵ М. Г<ершенфельд>, «Письмо из Одессы» // «Аполлон», 1913, № 1, стр. 68-70.

¹²⁶ Там же, стр. 70.

лекцию [ПП, п. 201]. После Минска, Чулков прочитал лекцию еще в Полтаве¹²⁷, затем вернулся в Москву, где так же было запланировано чтение лекции. Писатель вернулся в столицу в начале апреля, а в это время Надежда Григорьевна поехала в Крым, точнее в Алупку, на дачу их знакомой Ксении Федоровны Трабши, чтобы провести летные месяцы. Чулков тоже намеревался ехать в Алупку и, судя по семейной переписке, он действительно некоторое время жил на южном берегу Крыма некоторое время, но не более двух-трех недель¹²⁸. Тем не менее эта информация не совпадает с версией, изложенной в его воспоминаниях, поскольку там говорится о двухмесячном пребывании в Алупке: «Весною я поехал с женой в Крым к одной нашей доброй знакомой К. Ф. Трабше, ныне, кстати сказать, погибшей во время землетрясения. У К. Ф. Трабши была дача и пансион. Мы прожили здесь в Алупке месяца два, наслаждаясь прелестями тогда еще не опасного Юга. О моем туберкулезе я не думал» [ГС, с. 267].

За все это время в Москве, как и прежде, работа сопровождалась очередными неудачами – альманах «Жатва», по словам писателя, отказался выплатить ему гонорар: «“Жатва” что-то медлит с гонораром и даже я боюсь за этот гонорар. Купринский рассказ не более содействовал распространению “Жатвы”, чем мои “Мертвецы”» [ПП, п. 206]. Получив предложение от старого друга Яценко, Чулков задумался о новом возвращении в Петербург: «Не поправит ли это мои литературные дела – жизнь в Петербурге?» – писал он жене в начале апреля, перед отъездом в Алупку – «Там теперь и журналы, и издательства, а здесь, в Москве, болото» [ПП, п. 206]. В середине мая 1913 года Чулковы решили переехать в Петербург, в дом Яценко, где им будут отведены две большие комнаты. Об этом Чулков подробно и обстоятельно рассказывал жене в письмах, отправленных ей сначала в Алупку, а, после ее возвращения из курорта, в Москву. В своих воспоминаниях Чулков записал: «В это время я получил письмо от моего приятеля проф. А. С. Яценко, который уговаривал меня опять переселиться в Петербург, где он снял большую квартиру на Тучковой набережной. Я решил,

¹²⁷ После Полтавы было также запланировано ехать в Киев и Екатеринослав (ныне Днепр), однако, по бюрократическим причинам, пришлось отложить поездку до ближайшего времени. В ожидании разрешения со стороны администрации, у Чулкова сложился уже иной план, предусматривавший написание маленького рассказа, с помощью которого они должны были собрать нужную сумму для покрытия новой поездки, включающей в себя, таким образом, Петербург – Киев – Екатеринослав. На самом деле, Чулков отправился вновь в поездку по России только в начале 1914 года, благодаря предприимчивости другого импресарио, Федора Евсеевича Долидзе. 27 января 1914 г. Чулков уже прочитал лекцию в Житомире и Киеве: «Та публика (человек двести), которая собралась в Житомире меня слушать, мне понравилась и я, по-видимому, тоже ей понравился. Все два часа я говорил, импровизируя, не заглядывая в рукопись вовсе. Местный импресарио уверяет, что объяви я сейчас лекцию, у меня был бы превосходный сбор» [ПП, п. 230]. Другие намеченные этапы были Кременчуг и Елисаветград (ныне Кропивницкий). В марте 1914 года он еще раз побывал в Вильне, получив приглашение в Харьков и Симферополь, в Риге и Митаве.

¹²⁸ См., например, письмо Надежды Григорьевны из Алупки от 14 мая 1913: «[...] как ты доехал и как себя чувствуешь? Здесь погода все время очень плохая, т.к. за тебя я не очень огорчаюсь, что ты уехал отсюда» [ПП, п. 213].

что достаточно отдохнул в Москве, что соблазны Петербурга мне теперь не страшны, и переехал в нашу северную столицу» [ГС, с. 267].

В поисках какой-нибудь стабильности, Чулков, второй раз за два года, переменял место жительства. Петербург снова становится для него временным пристанищем, где «[...] так или иначе работать можно, если газеты столь ревниво спорят из-за меня» [ПП, п. 231]. Необходимо, однако, отметить, что одно из его основных произведений, напечатанных в эти годы, все-таки вышло не в Петербурге, а в Москве. В ноябре 1913 года Чулков оказывается в столице¹²⁹, где альманах «Жатва» собирается приступить к изданию написанного им двумя годами раньше романа «Сатана», но который вышел в свет, в конце концов, только в следующем 1914 году¹³⁰. По словам Чулкова, роман имел немалый успех и даже способствовал популяризации самого альманаха, до того времени не очень известного. Роман был также распродан в форме отдельного издания, появившегося в последующих 1915 (изд. «Жатва») и 1917 (изд. «Огни») годах¹³¹.

¹²⁹ Наряду с поездками по городам России, Чулков активно читал лекции и в Москве, и в Петербурге. Например, 21 ноября 1913 года, в Москве, он прочитал доклад «Психологические основания новой французской живописи» в залах Художественного салона. Далее, 10 января 1914 года, он вступил в Петербурге с новой лекцией «Пробуждаемся ли мы, мертвецы, или нет?» в залах Литературного общества. Тема доклада – символизм, как литературная школа и символизм, как мироотношение. С той же лекцией он вступал 16 января в Тенишевском училище, попросив Вяч. Иванова участвовать в прениях (См.: «Среди моих оппонентов будут друзья и враги – больше врагов, а так как Вас я считаю за друга, то Ваше участие особенно мне желанно» // Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 47, л. 7-8, конверт IV). Лекцию «Пробуждаемся ли мы, мертвецы, или нет?» Чулков повторил несколько раз: см., например, отклик «Пробуждаемся мы или нет?» // «День», 1914, № 53 (945), 24 февраля, стр. 2.

¹³⁰ Г. И. Чулков, «Сатана: Повесть» // «Жатва: Вестник Литературы», 1914, кн. 5, стр. 23-192.

¹³¹ Появление романа «Сатана» в 1914 году вызвало бурную реакцию не только среди читателей, но и в критической среде. Для некоторых критиков была очевидна непреложная связь с Достоевским и отсылка к его творческому миру: произведение воспринималось, в первую очередь, как переплетение сюжетных линий двух романов Достоевского, «Бесы» и «Братья Карамазовы». Другие критики упрекали писателя в том, что он слишком явно и демонстративно – порой и иронично – воспроизвел в романе реальные события из жизни России, воплотив на страницах недавнее прошлое страны, как будто не скрывая актуальность изображаемой реальности. Чулков, решая выпустить роман в отдельном издании, старался оправдать себя перед критиками, объясняя причину их упреков: «Критики, разумеется, не обязаны знать, что я задумал мой роман в дни, когда действительность не совпадала вовсе с моим замыслом, но и я без вины виноват, потому что совпадение это явилось впоследствии и было для меня неожиданным в неизвестной мере» (Г. И. Чулков, *Сатана*, М., 1915, предисловие). Чулков решил осветить, сквозь сюжетные линии двух романов Достоевского, общественные и политические события России 10-х годов – черносотенное движение легко узнаваемо из пропаганды «Союза латников» (напоминающего «Союз русского народа»), в лице одного из персонажей, Василия Безсемянного, просматриваются черты Григория Распутина, и т.д. Исследователь М. В. Михайлова определила художественный прием, сознательно использованный Чулковым в этом романе, как ««опрокинутость» известной литературной фабулы в новый исторический контекст» (М. В. Михайлова, «Г. И. Чулков и Ф. М. Достоевский» // *Достоевский и мировая культура*, № 12, 1999, стр. 196). С другой стороны, не все современники Чулкова резко оценивали новое произведение писателя: например, Ахматова написала Чулкову в июле 1914 года: «“Сатану” я прочла еще в Петербурге и нахожу, что это лучшая из Ваших вещей. Ник. Степ. просит меня Вам передать, что ему “Сатана” совсем понравился» (цит. по: А. М. Марченко, «В черноватом Париж тумане» // «Дружба народов», 2006, № 10, ук. соч.). Даже Зинаида Гиппиус, которая раньше (в разгаре полемики вокруг «мистического анархизма») не остерегалась жестких нападок против него, выразила благосклонное понимание в сторону «Сатаны»: «Весь облик этого писателя иной, нежели у пышных и махрово-неподвижных наших художников. От последних не требуешь никаких стержней, а от Чулкова требуешь, ибо он сам от себя требует, и мучится, вечно ищет». Сюжет романа развивается на фоне интриг, которые плетут Николай и Фалалей, два сыновья богатого купца Г. К. Беспятова, вокруг завещания и предсмертной записки отца. Братья хотят устранить от наследства третьего брата,

В книге «Годы странствий», Чулков оставляет мемуарное описание еще двух особенных встреч, состоявшихся в те же годы. Первая – с главой итальянского футуризма Филиппо Томмазо Маринетти. Встреча произошла в начале февраля 1914 г., т.е. тогда, когда состоялось русское турне Маринетти. Черновик письма, написанный Чулковым 12 февраля и адресованный В. Г. Шершеневичу, позволяет датировать событие с достаточной уверенностью. Чулков написал: «[...] личное знакомство с г. Маринетти, который любезно нанес мне визит, не изменили моего взгляда на футуризм. Я по-прежнему думаю, что западноевропейский футуризм есть <печальный и> жалкий результат ‘энергетического’ мирозозерцания и психологического нигилизма»¹³². Подробное описание этой встречи Чулков внес и в книгу мемуаров: лидер итальянских футуристов был приглашен в Москву от имени организации «Les Grandes Conférences», во главе которой стоял старый его приятель Г. Э. Тастевен. Приблизительно в те же дни, Чулков напечатал в газете «День» «весьма желчную и

Ивана, опираясь на его незаконнорожденность. Кульминация романа – убийство брата, организованное братьями с поддержкой «союза латников», коей принадлежит Фалалей, один из «бесов» романа. В итоге, все имущество купца достается действительно незаконнорожденному сыну, художнику А. К. Хмелеву. Судя по сюжетной схеме, изображаемые в романе истории подражают, в сущности, «Братьям Карамазовым» Достоевского, однако Чулков заявил, что: «[...] никто не догадался, что в этом романе были элементы не столько подражания, сколько пародийности, и что самая тематика романа сознательно противопоставлена тематике «Бесов» Достоевского» [ГС, с. 267]. Чулков заинтересован в художественном воплощении не столько отдельных индивидуальностей, сколько общности идейных убеждений и устремлений своего времени. Чулков – как отметил критик В. Розанов – открыто полемизирует с политической атмосферой и движением истории: изображая «бесов» контрреволюции, он по праву вошел в число «левых авторов». Предлагая собственную интерпретацию о происходившем тогда в России (ср. персонаж Ольги Макульской, на чье сердце претендуют оба брата, Иван Беспятов и Хмелев, олицетворяющий одновременно образ России и идеалы Вечной женственности, или Иван Беспятов, представитель либеральных тенденции, своим существом вскрывающий слабость движения) Чулков все-таки не формулирует окончательный приговор, ни в сторону героев романа (наследство – символ судьбы России, отражающейся еще и в судьбе Ольги – от того, кто станет ее мужем, зависит будущее страны), ни в сторону судьбы России, которая оказывается, так или иначе, па пороге ка пропасти (провиденциальное значение романа, предсказавшего неожиданных переворотов накануне 1917 года).

Среди отзывов, появившихся на страницах газет и журналов, см: А. Крайний <З. Н. Гиппиус> «Мятущаяся душа» // «Отклики», 1914, № 26, бесплатное приложение к № 178 (3 августа) газеты «День»; И. Игнатов, «Литературные отголоски» // «Русские ведомости», 1914, № 130, (7 июня); Н. Гиляровская, «Бесы и Сатана» // «Голос Москвы», 1914, № 118 (24 мая); А. Ожигов <Н. П. Ашешов> // «Современное слово», 1914, № 2286 (24 мая); В. Розанов, «Двое “Беспятовых”, критик и беллетрист <Г. Чулков и И. Игнатов>» // «Новое время», 1914, № 13744 (18 июня); Ю. Айхенвальд, «Новые книги. Рецензия на: Г. Чулков. Сатана. Роман. Изд-во “Жатва”. М. 1915» // «Речь», 1915, № 71, (31 августа); Н. Ашешов, «Черные кошмары» // «День», 1915, № 270 (1 октября); Л. Столица, «О двух новых романах» // «Столичная молва», 1915, № 449 (26 октября) и др. Подробнее о романе «Сатане» см.: Д. И. Исеналиева, *Проза Г. И. Чулкова: Проблематика и поэтика*, ук. соч.; М. В. Михайлова, «Мотивы произведений Ф. М. Достоевского в прозе Г. И. Чулкова» // *Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы исторической и теоретической поэтики): Материалы международной научной конференции: в 2 частях. Ч. 2*. Гродно, 1997, стр. 141–146; Она же, «Г. И. Чулков и Ф. М. Достоевский» // *Достоевский и мировая культура*, М., 1999, стр. 193–201; Она же, «Г. Чулков и Ф. Достоевский» // *Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»*, 2011, вып. 14, стр. 134–144; Она же, «“Бесы” Ф. М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г. И. Чулкова» // *Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации*, М., 2013, стр. 278–292.

¹³² Цит. по: Н. В. Котрелев, «К истории русского турне Ф. Т. Маринетти» // «Russica Romana», 2015, XXII, стр. 93–105; здесь стр. 101. Подробнее о футуризме и, в особенности, о рецепции итальянского футуризма в России и отношении русского футуризма с итальянским см. в: С. G. De Michelis, *Il futurismo italiano in Russia 1909-1929*, Bari, 1973 и недавнее С. G. De Michelis, *L'avanguardia trasversale. Il futurismo in Italia e in Russia*, Venezia, 2009.

насмешливую статью, обидную, как мне казалось, для самолюбия гастролера»¹³³. Тастевен, который переводил эту статью Чулкова для представителя футуризма Маринетти, счел неизбежным познакомить его с «предприимчивым» итальянцем:

Тастевен привез Маринетти ко мне, и я довольно грубовато объяснил ему, что футуризм – буржуазнейшая затея, а для нас, русских, даже и не забавная. «К тому же нам некогда заниматься такими пустяками», – заключил я мой монолог. В это время к нам приехала одна особа, склонная не столь сурово судить западноевропейскую буржуазию. Маринетти быстро сообразил, что ему выгоднее вести мирные переговоры с этою прелестною дамой, чем спорить с таким варваром, как я [ГС, с. 268].

Вторая встреча, которую Чулков упоминает в своих мемуарах, была с французским поэтом-символистом Полом Формом, и произошла по инициативе того же Тастевена. Чулков, в черновых рукописях которого сохранилось несколько переводов из стихотворений Фора, отметил, что русская публика равнодушно и сдержанно встретила приезд французского поэта.

В это время состояние здоровья Чулкова ухудшилось: туберкулез обострился и врачи, сделав самые мрачные предсказания, посоветовали Надежде Григорьевне увести больного за границу, в Швейцарию, на высоту не ниже 1500 метров. По словам Чулкова, организация поездки в этот раз обошлась для супругов легче, чем было в прошлом: по Петербургу распространялись слухи о его болезни и все, от издателей до редакторов, прислали ему авансы. Даже среди писателей известие о состоянии Чулкова оказалось довольно мрачным: «Я получила от Чулкова несколько слов, написанных карандашом» – написала Ахматова Н. С. Гумилеву 13 июля 1914 года, – «Ему очень плохо, и мне кажется, что мы его больше не увидим»¹³⁴. Как следует из воспоминаний «Годы странствий», для Чулкова этот период оказался весьма значимым для развития его внутреннего мира. Но в сравнении с другими частями этой книги, этим годам отведено совсем сжатое изложение фактов и событий. И все-таки Чулков считал пройденный им этот отрезок пути фундаментальным, отметив в конце главы, что «Пусть этот этап моей биографии будет если не разъяснен, то, по крайней мере, отмечен [...] все же эта близость смерти отразилась на моей дальнейшей судьбе» [ГС, с. 271].

2.8.4 Швейцария и начало Первой мировой войны

«Никогда Швейцария не соблазняла меня, и я не собирался жить в этой добродетельной республике, но вот пришлось, однако, ехать туда и даже остаться в ней почти на восемь

¹³³ Г. И. Чулков, «Маринетти» // «Отклики», 1914, № 3, бесплатное приложение к № 22 (23 января) газеты «День», стр. 4-5. В этой заметке Чулков резко отзывался о новом культурном движении, цель творчества которого непонятна, определяя его как «глухое уныние и тоска опустошенной души» и «собачья старость европейской буржуазии». По мнению Чулкова, поэзия Маринетти – «самый вульгарный модернизм, подновленный и подкрашенный неудачно и безвкусно». De Michelis привел перевод этой статьи Чулкова в процитированной книге, см.: С. G. De Michelis, *Il futurismo italiano in Russia 1909-1929*, ук. соч., стр. 156-159.

¹³⁴ Н. С. Гумилев, *Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. Письма*, М., 2007, стр. 244.

месяцев» [ГС, с. 274]. На данный момент нет точных данных относительно отъезда Чулковых в Швейцарию, однако, судя по одному письму Чулкова к Вяч. Иванову можно предположить, что супруги выехали за границу в начале мая 1914 г. 12 мая Чулков написал старому другу: «Вы, вероятно, слышали от К. А. Сюнненберга, что меня врачи выпроводили из России на несколько месяцев. Мои подозрения относительно туберкулеза оправдались и подтвердились всячески. Болезнь эта, впрочем, меня вовсе не пугает. Мы теперь живем с Надеждой Григорьевной в Шампери. Вчера и сегодня облака ползуют <так!> к нам в комнату с назойливостью чрезвычайною, а третьего дня было солнечно и тепло»¹³⁵. Приехав в Швейцарию, Чулковы прожили первые три дня в Лозанне, затем они отправились в Шампери, горный курорт на высоте 1000 метров (в мемуарах Чулков говорит, что он находится на высоте 2000 метров), который им усердно порекомендовала одна знакомая. Сняв комнату в отеле, Чулков добросовестно выполнял назначенный ему лечебный режим: лежать в постели днем и ночью при открытых окнах. Спустя две недели строгого соблюдения правил, его состояние, тем не менее, ухудшилось и они с женой решили спуститься обратно в Лозанну, где Чулков смог пройти медосмотр у иностранного профессора Демьевилле. Доктор ему посоветовал сначала переселиться в Шайи, а потом, в конце июля, в Грион, оба курорта, находящиеся в франкоязычном кантоне Во, близ Лозанны. Если в Шайи, казалось бы, он начал поправляться, то, как только они поднялись в Грион, его здоровье заново изменилось в худшую сторону: все были уверены, что он скоро умрет¹³⁶. Опасения оказались напрасными, потому что вскоре писатель начал выздоравливать и, по его собственному выражению, «[...] смерть как будто на этот раз не пожелала задушить меня в своих ледяных объятиях» [ГС, с. 276].

В Грионе, в июле 1914 года до Чулкова дошла весть о начале мировой войны. В местной газете он прочитал об австрийском ультиматуме Сербии. Об этом факте в 1917 году, в им же руководимом журнале «Народоправство», Чулков оставил мемуарное описание в котором рассказывал о своих чувствах, когда прочитал в газете об ультиматуме:

В июле месяце 1914 года лежал я больной в швейцарском санатории [...] У меня было такое чувство, как будто какой-то пьяный и наглый человек ударил на моих глазах мою сестру, а у меня связаны руки, и вокруг все улыбаются не то иронически, не то с сожалением [...] И в те дни, оторванный от России и волею судьбы заточенный в швейцарский санаторий, я болезненно и остро почувствовал, что решается вопрос

¹³⁵ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 47, л. 9-10 (конверт V).

¹³⁶ В своих мемуарах Чулков вспоминает, что когда он лежал в постели, словно в свой предсмертный час, им овладела странная меланхолия, которую он приписывал либо туберкулезу, либо той литературной травле, с которой он боролся, пока он был здоров. Выйти из этого сложного душевного кризиса помогли ему два события, одно происходившее заочно – письмо от старого приятеля по якутской ссылке Игоря Будиловича, напоминающее о добрых товарищеских чувствах, а второе – в живую – его посетила художница З. Е. Серебрякова. Подобные жесты были ему доказательством того, что «[...] несмотря на все мои грехи, люди не утратили еще по отношению ко мне добрых чувств» [ГС, с. 276].

огромной внутренней значительности – быть России униженной или победить достойно сложившееся в Европе предубеждение против нас¹³⁷.

В скором времени началась мировая война. В этот период Чулков, как и многие русские, оказавшиеся за границей в начале войны, обеспокоился о судьбе семьи и о том, какими путями им возможно будет вернуться на родину. К тому же, финансовое положение супругов в то время было крайне затруднительным – все финансы были почти истощены: в ответ на посланные телеграммы о помощи, издательства и редакторства отвечали ему отказом. В своих воспоминаниях он рассказывает, что при первой же возможности он, вместе с женой, покинул Грион и переселился в Женеву, откуда легче было связаться с российским консульством в Генуе; вслед за этим, он вспоминает о том, как они напрасно пробыли две недели в Генуе, потому что им все-таки не удалось добиться места на русских пароходах: «Ни докторское свидетельство о моей тяжелой болезни, ни документы, доказывавшие, что я сотрудник многих солидных изданий, нисколько не действовали на этих господ <из консульства – К. Р.>, и спальные места получали какие-то жирные купчихи и здоровенные упитанные молодые франты» [ГС, с. 277]. Далее Чулков рассказывает, что они вернулись в Швейцарию, остановились первоначально в предместье Ланси, а потом направились в горы, в Сьерре, где они и остались почти до возвращения в Россию в середине января.

Однако, на этом этапе семейная переписка возобновляется и, благодаря этим посланиям, становится возможным восстановить подробнее (хотя и не полностью, поскольку остаются некоторые нестыковки с версией, изложенной Чулковым и невыясненные «белые пятна») этой части биографии Чулкова.

Первые письма были отправлены в августе: Надежда Григорьевна отправилась в Женеву, чтобы связаться с русским консульством, в то время, как Чулков остался в Грионе, в первую очередь, чтобы продолжать лечение, а во-вторых, потому что он начал работать над новой пьесой¹³⁸: «Кончаю второй акт моей пьесы» [ПП, п. 240] – написал он 21 августа 1914 г. в первом послании после отъезда жены в Женеву. Находясь в Женеве, Надежда Григорьевна искала в разных центрах возможность возвращения: первый вариант – путь через Архангельск,

¹³⁷ Г. И. Чулков, «Вчера и сегодня. Листки из дневника» // «Народоправство», 1917, №6 (9 августа), стр. 4-5.

¹³⁸ Предполагается пьеса «Поединок. Трагикомические сцены», опубликованная в 1915 году в литературном альманахе «Жатва». См.: Г. И. Чулков, «Поединок. Трагикомические сцены» // «Жатва: Вестник литературы», 1915, кн. 6-7, стр. 87-165. Пьеса была переиздана М. В. Михайловой в «Современной драматургии», 2016, №4, стр. 237-252. По мнению исследователя, «Поединок» – «[...] наверное, лучшее, что создано Чулковым до событий 1917 года» [там же, стр. 225]. Об этом свидетельствует также письмо Вяч. Иванова от 13 ноября 1915 года: «Кстати, я был в восторге от Ваших “сцен”, напечатанных в последней “Жатве”» // Автограф. РГБ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 45, л. 14-15. О восторженных словах Вяч. Иванова Чулков непременно написал жене на следующий же день: «Кстати в ответ на мое письмо и книги Вяч. Иванов прислал мне письмо чрезвычайно нежное, где, между прочим, говорит, что “в восторге от трагикомических сцен, напечатанных в последнем альманахе “Жатвы”»» [ПП, п. 305]. Об этой пьесе Чулков написал в своих воспоминаниях: «Эта вещь заслуживает внимания, и я был рад, когда некоторые поэты <имеется в виду видимо отзыв Вяч. Иванов – К. Р.>, мною ценимые, отзывались о ней в лестных для меня выражениях» [ГС, с. 307].

организованный пароходами Добровольного флота. Об этих пароходах рассказывает и сам Чулков в своих воспоминаниях. «Все в ужасе от этого пути (из Архангельска), но идут большинство потому, что не имеют денег» [ПП, п. 241] – рассказывает она Чулкову, но, со слов очевидцев, это был самый безопасный путь. Однако этот вариант поездки не был удачным с точки зрения писателя, по разным соображениям: «[...] все-таки нельзя ехать на Архангельск. Ведь, если ехать, я должен бросить эти 700 метров; пароходы Добровольного Флота неважные (я читал на них жалобы в русских газетах); поездка все-таки будет стоить около 300 руб.<лей>; наверное, будет качка; легко простудиться; в России я буду сейчас бесполезен и нам будет не легче, чем за границей» [ПП, п. 257]. Второй вариант – путь через Марсель и Одессу, представляемый частными пароходами от «Messageries Maritimes»¹³⁹; по словам Надежды Григорьевны с этими пароходами «русские уезжают, у кого есть деньги (бил.<ет> 400 фр.<анков> до Одессы говорят каждый день)» [ПП, п. 241]. Третья возможность – путь через Бриндизи и Болгарию, сначала пароходом (по Отрантскому каналу, до Салоники), затем поездом через Сербию и Болгарию. Этот вариант являлся самым приемлемым для Чулкова: «Меня очень соблазняет опасный путь через Грецию и Сербию (Ниш). Вероятно, это самый дешевый путь и очень интересный. Любопытно было бы проехать в тылу сербкой армии. Вот материалы для очерков!» [ПП, п. 245].

Некоторое время спустя Чулков переселился из Гриона, в этот раз под Лозанну, в местечко La Rosiaz, расположенное на высоте 700 метров, в котором он продолжал лечиться: «Я себя чувствую как в тюрьме. Такой дикой скуки я, конечно, еще никогда не испытывал. Прошел один день, а я уже изнемогаю без тебя. А, ведь, надо все-таки отбыть это заключение. Если дыхание мое все-таки будет нечистым, за то совесть будет чиста» [ПП, п. 250]. Вместе с этим, как можно судить из разных посланий, Чулков продолжает работу над новой пьесой, которую, по собственным словам, он «пишет ежедневно». В ближайшее время, Чулковы решили остаться в Швейцарии, в ожидании извещения об окончании войны или новых объявлений о пароходах: «В горы ехать нам все равно нельзя и в Россию ехать сейчас то же нельзя: на южный путь денег не хватить, да и Турция беспокойна, а на русские пароходы мы уже опоздали, о чем, кажется, жалеть не приходится» [ПП, п. 261]. Первую часть «заграничной» семейной переписки 1914 года как раз покрывает тот промежуток времени от середины августа до начала сентября (последнее сохранившееся письмо Чулкова от 9 сентября 1914 г.). Остается неизвестным, когда именно супруги решили отложить обратный путь в

¹³⁹ «La compagnie des messageries maritimes» – французское пароходное общество, существовавшее с 1851 по 1977 гг., после которого соединилось с компанией «Compagnie générale transatlantique», чтобы образовать «Compagnie générale maritime». Пункты отправления служили Марсель (средиземноморские и восточные направления) и Бордо (атлантические направления).

Россию, так как в этих письмах не упоминаются планы о совместном пребывании в Генуи, о котором говорит Чулков в его воспоминаниях. Можно предположить, что перед тем, как окончательно отложить мысль о неизбежном возвращении на родину, Чулков решил совершить последнюю попытку и ехать в Геную, чтобы справиться о последних объявлениях (это могло бы случиться в середине сентября). Это предположение перекликается с воспоминаниями, вошедшими в «Годы странствий», т.е. с переездом в местечко Сьерре, после неудачных переговоров в консульстве¹⁴⁰. Тем самым, Чулковы вновь возобновляют эпистолярное общение в октябре 1914 года: Надежда Григорьевна уже находится в Сьерре, а Чулков остался на некоторое время в Женеве, предполагается, по рабочим причинам: «Вчера занимался здесь в Университетской библиотеке – искал что-нибудь о *Commedia dell'arte*. К сожалению, ничего путного здесь нет» [ПП, п. 268].

В Сьерре здоровье Чулкова ухудшилось – городишко оказался грязным, сырым и туманным, что вовсе не помогало состоянию дыхательных путей писателя. По этой причине, он решил снова подняться в горы, на курорт Монтана-Вермала, расположенный недалеко от Сьерре, в швейцарском кантоне Вале. По словам Чулкова, в то время они заново оказались в критическом финансовом положении и он опять стал рассылать издателям и редакторам телеграммы с просьбой о помощи. В этот раз они оказались благосклоннее и за некоторое время он смог набирать ту сумму, позволяющую ему переселиться в горы. Таким образом, с декабря месяца Чулковы снова живут в разлуке – он в Монтане, и она в Сьерре. В таком положении они прожили почти до конца месяца, изредка она приезжала его навестить. На высоте около 1500 метров, здоровье Чулкова стало заметно улучшаться: «Все туманы остались внизу. Глазам открылись огромные горизонты. Снежные вершины сверкали на солнце. И горный воздух, прозрачный и мягкий, вливался ко мне в грудь, как целительная влага. Я чувствовал каждый день, что дышу все лучше и лучше, что силы мои восстанавливаются. Мы прожили на горе недель шесть» [ГС, с. 279].

В этот период Чулков начал писать новую комедию: «Я написал три первые страницы моей комедии: в моей комнате уютно и тепло» [ПП, п. 277]; «Я с увлечением работаю над моей комедией: написал почти половину акта (около 20 страниц)» [ПП, п. 283], которую он собирался закончить к январю, но еще и новый роман, о котором было уже упомянуто: «О моей комедии не могу думать до сих пор. Все еще, к сожалению, думаю о “Сереже Нестроеве”».

¹⁴⁰ Дополнительным подтверждением к вышесказанному факту, является то, что, в своих воспоминаниях, Чулков, ссылаясь к своему возвращению из Генуи в Швейцарию, вспоминает, что они с женой поселились сначала в *Пети-Ланси*: «Здесь обширное кладбище – как густо разросшийся сад, примечательное тем, что разнообразные деревья в нем подобраны с расчетом на гармонию осенних красок. В *сентябрьские дни* <подчеркнуто мной – К. Р.> золото и киноварь листья пленяют глаз, и тишина этого очаровательного уголка внушала иллюзию, что все в мире мирно» [ГС, с. 278].

Мне кажется, что это “добро есть”. Впрочем эти размышления совсем бесполезны и бесплодны» [ПП, п. 276].

За все это время, мысли о войне не покидали Чулкова и он продолжал напряженно следить за ходом событий в газетах: «Да простят мне товарищи-большевики мою ересь, но должен признаться, что я тогда отнюдь не был пораженцем, хотя и не был ослеплен национализмом. Я никогда не любил Гогенцоллернов, и германизация Европы в случае их победы казалась мне величайшей опасностью» [ГС, с. 278]. Первая мировая война, которая застигла его в Швейцарии, подтолкнула писателя к размышлению над серьезными вопросами («[...] война всегда загадочна и непонятна, и, должно быть, не человеческие, а какие-то иные силы ее творят» [ГС, с. 285]), неизбежно связанные с мировым порядком и судьбой России¹⁴¹ и, тем самым, к изменению в его мировоззрении: «Если в эпоху моей брошюры “О мистическом анархизме” в моем мироотношении преобладал, по выражению поэта <Вячеслава Иванова – К. Р.>, “непримиримое Нет”, то в эти дни мировой трагедии, несмотря на окружающее нас марево ужаса, зла и позора, я все более и более готов исповедовать “слепительное Да”, веруя в конечное торжество непреходящей правды» [Автобиография 1918 г.].

В середине декабря 1914 г. Чулков стал заново обдумывать вопрос о возвращении на родину: 17 февраля он написал об этом жене, в связи с тем, что война затягивалась и его надежды и расчеты все-таки не оправдались. Спустя всего лишь пару дней он заявил: «Не поехать ли нам с тобою домой? Я боюсь, что война затянется. К весне у нас выйдут все деньги. В ближайшие дни мы еще можем уехать, хотя и не без риска. Но что мы будем делать весной, если война не кончится? Надо ехать» [ПП, п. 288]. Стремясь отправиться как можно скорее из Швейцарии, Надежда Григорьевна присоединилась к мужу на несколько недель в Монтане – из ее воспоминаний известно, что они встретили новый год вместе в горах. К тому же, у Чулкова появились и новые литературные планы: «Если мы приедем в Петроград в феврале, можно будет продать роман. По-видимому, судя по газетам, литературная жизнь там налаживается, несмотря на войну. Кроме того, я привезу “дорожные впечатления” для газет» [ПП, п. 288]. После двадцатого декабря, сообщения опять прерываются, что позволяет сделать

¹⁴¹ Именно так Чулков озаглавил книжечку «Судьба России. Беседа о современных событиях», которую он отдал в печать в 1916 году. См.: Г. И. Чулков, *Судьба России. Беседа о современных событиях*, СПб., 1916, 45 с. В ней писатель предлагал читателям свое собственное видение о политических конфликтах, потрясших Европу, и об участии России в конфликте и глобальной политике. Чулков толковал этот вопрос исключительно на религиозной основе, как проявление необходимости возвращения к истокам подлинного христианства. Чулков переформулировал свою концепцию исторического процесса, доходя до пропаганды некоего «мистического» национализма, в котором, в общественно-политической панораме, России была приписана «мессианская» роль хранителя истины в борьбе против германского империализма: «Мы все видим светлую Россию теперь. Это она встала на защиту свободы и правды вселенской» (Г. И. Чулков, *Сатана*, М., 1915, предисловие «От автора»). В «Годах странствий» Чулков истолковал любой вид империализма, как «дело жестокое и крутое» [ГС, с. 279].

вывод о том, что, прожив еще несколько недель в Швейцарии, в середине января Чулковы отправились домой, выбрав обратный путь через Италию, Грецию, Сербию, Болгарию и Украину.

Этому возвращению посвящен очерк «От Женевы до Софии. Письма 1915 года», который Чулков написал, видимо, как «путевые заметки»¹⁴². Эти записки были первоначально опубликованы в газете «Биржевые Ведомости», затем, как было уже отмечено, были включены в сборник статьей «Вчера и сегодня», собранный весной 1915 года и вышедший в свет в следующем 1916 году, а только в последнюю очередь вошли в состав книги мемуаров Чулкова «Годы странствий» – варианты мало отличаются друг от друга, за исключением некоторых абзацев: в мемуарах тона политического разговора немного смягчены и большее место выделено под лирические отступления, например, более живописному описанию бури, в которую попали пассажиры итальянского парохода «Босфор», плывущего по Отрантскому каналу к берегам греческого порта Патры¹⁴³. Описание длинного пути, занявшего около десяти-пятнадцати дней, включало в себя несколько этапов: 1) из Женевы до Бриндизи на поезде, проходя через Домодоссолу и Милан, он оказался с парой итальянских молодоженов, с коими Чулков затеял разговор о политике и, по его словам, «эта парочка невольно открыла мне кое-что в психологии современного итальянца, недоумевавшего, как быть и что делать пред лицом великой войны» [ГС, с. 283]; 2) из Бриндизи, через Патры и Пирей, до Салоников на пароходе итальянского флота «Босфор» – через приведенные писателем диалоги с другими пассажирами, становится понятным отношение Чулкова к участию Турции в Первой мировой войне. По его мнению, вступившая на стороне Германии, Турция была превращена ей в собственного вассала: «[...] представляется мне как живой символ несчастной Турции, которая должна восстать против самой себя, если она мечтает сохранить свое культурное и национальное единство» [ГС, с. 291]; 3) из Салоников в Сербию, поездом, через Ниш – в Салониках Чулков остался на сутки, оформил визу в паспорте, чтобы дальше проехать через Болгарию. Познакомившись ближе с сербским народом, он понял, что: «[...] Сербия теперь, в эти страстные дни, – один военный лагерь, что под ружьем все – старики и мальчишки, что женщины работают на этот лагерь и что в Сербии ничего нет, кроме страстной и напряженной мечты о свободе <в первоначальном варианте очерка: на которую посягнул германский мир –

¹⁴² Очерк «Болгары» – который первоначально был опубликован отдельно от остальных «писем» – на самом деле носит подзаголовок «Путевые заметки», позволяющий подразумевать, что эти очерки были сначала задуманы Чулковым, как «дорожные впечатления». К тому же, в предисловии к сборнику, Чулков утверждает, что «Очерки, предложенные вниманию читателя, были ранее печатаны в журналах “Золотое руно”, “Аполлон”, “Голос жизни” и других изданиях» // Г. И. Чулков, *Вчера и сегодня. Очерки*, М., 1916, предисловие. На самом деле, эти очерки были напечатаны в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» за 1915 г. Подробнее см. ниже.

¹⁴³ В письме от 4 февраля 1917 года к жене, Чулков упоминал именно этот эпизод: «Пишу тебе с пути, в вагоне – поэтому так дрожит рука. Я даже вспоминаю Отрантский пролив и наше с тобою путешествие» [ПП, п. 399].

К. Р.>» [ГС, с. 297]; 4) из Сербии в Румынию, через Болгарию – проезжая мимо местных городов и общаясь с местными жителями, у Чулкова сложилось представление о едином славянском братстве: «И пусть миллионы, – или сколько там? – немецких коммивояжеров стараются соблазнить болгар своей могущественной цивилизацией: они ничего не поделают с душою славянина, которая не примет никогда самодовольной немецкой государственности, несмотря на весь внешний ее блеск»¹⁴⁴; 5) из Румынии в Украину – в Киев; здесь писатель воспользовался очередной возможностью, чтобы посетить Кирилловскую церковь и Софийский собор. Здесь же, посмотрев монументальные стенописи, выполненные Врубелем, Чулков, по собственному выражению, «почувствовал историю. Я стал различать в ней, в истории, все “реальности” и “мнимости” с зоркостью, до тех дней мне еще не свойственной» [ГС, с. 306].

В конце января уже 1915 года Чулковы наконец-то вернулись на родину. Сразу по возвращению, писатель совершил первую поездку в Петербург, в то время именовавшийся Петроградом, и поселился в квартире своего приятеля А. С. Яценко. В это время, Надежда Григорьевна осталась в Москве, временно расположившись в доме старшей сестры Чулкова Любови Ивановны. По собственному признанию Чулкова, пребывание и лечение в Швейцарии подкрепило, но не исцелило его здоровье, поэтому врачи посоветовали ему поселиться под Петроградом, в Царском селе. Июньские послания жены отправлены уже с Царскосельской квартиры, которую они наняли на Малой улице и где они прожили около двух лет. Переезд из Москвы в Петроград произошел не сразу – первые три месяца 1915 года Чулков непрерывно пытался заново устроить свои литературные дела. В своих воспоминаниях, он охарактеризовал свое возвращение в северную столицу таким образом: «[...] я вернулся в Петербург не тем человеком, каким я жил в нем когда-то. Мне хотелось озаглавить свое отречение от двух начал – от нашего русского интеллигентского психологизма и от западноевропейского хитрого и лицемерного гуманизма» [ГС, с. 307]. Первое дело, за которое взялся писатель, было налаживание напечатания нового издания романа «Сатана», к которому он уже написал предисловие: в первую очередь Чулков обратился к П. Е. Щеголеву, но тот не мог оказать ему существенную помощь, видимо, подействовав на издателя «Шиповника» Копельмана, который в то время уехал на фронт¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Этот отрывок отсутствует в «Годах странствий». Г. И. Чулков, *Вчера и сегодня. Очерки*, ук. соч., стр. 160.

¹⁴⁵ О том, что Чулков вручил Щеголеву ходатайствовать о собственных литературных делах, имеется подтверждение в письме Надежды Григорьевны Чулковой от 10 ноября 1915 года, в котором она приложила копию письма Копельмана: «Не входя в рассмотрения возбуждаемого Вами в письме Вашем от 31-го окт.<тября> с.<его> г.<ода> вопроса по существу, считаю необходимым сообщить Вам, что никаких условий для ликвидации наших отношений П. Е. Щеголевым мне предложен не было. Отвергая в дальнейшем какие бы то не было переговоры через посредство г. Щеголева, в виду особого характера приемов, с которыми последний считает

Затем он вручал рукопись другим редакторам, в том числе и П. Б. Струве, который в то время редактировал журнал «Русская мысль»¹⁴⁶ и, вместе с тем, еще один экземпляр он отдал П. К. Иванову, чтобы тот устроил роман в издательство «Наши дни». Ситуация оказалась неблагоприятной для осуществления задуманного плана и вскоре он писал жене: «Если не представится ничего лучшего, придется, пожалуй, отдать “Сатану” за 300 руб.<лей> Бенштейну в его издательство. Это уж крайний случай» [ПП, п. 291]. В конце концов, как известно, книга была переиздана отдельной книжкой тем же издательством «Жатва», которое впервые опубликовало роман годом раньше на страницах его же литературного альманаха¹⁴⁷.

Переиздание романа «Сатана» не было единственным занятием, которым занимался Чулков. Писатель параллельно пытался реализовать и другие литературные планы. К тому же, ему показалось, что в Петрограде: «Литературная жизнь [...] все-таки какая-то есть. Надо присмотреться. Все-таки ко мне уже обращались из разных мест с просьбою давать статьи и рассказы. Я чувствую, что это не Москва и работать можно будет: только бы поскорее нам устроиться в Царском» [ПП, п. 294]. Например, из семейной переписки известно, что он договорился с «Биржевыми ведомостями» о написании «путевых очерков»; здесь имеются в виду те ранее упомянутые заметки «От Женева до Софии», которые вошли в сборник «Вчера и сегодня» в 1916 году. 6 февраля 1915 года Чулков сообщил жене, что первый очерк он отправил в газету¹⁴⁸: «У меня большой стол и я пишу “очерки”. Первый очерк уже отправил в “Бирж.<евые> Вед.<омости>”» [ПП, п. 295]. Договор с «Биржевыми ведомостями», по видимому, не ограничивался публикацией только путевых заметок: в мартовском выпуске был издан, например, рассказ Чулкова «Агнеса», представляющий собой переосмысление жития святых¹⁴⁹. Наряду с сотрудничеством с «Биржевыми ведомостями», Чулков был приглашен и в другой недавно образовавшийся журнал, – «Голос жизни»¹⁵⁰. Здесь он опубликовал ряд

возможными вести эти переговоры, предлагаю Вам столкнуться о нашем деле лично или через посредство какого-либо другого лица» [ПП, п. 299].

¹⁴⁶ Журнал «Русская мысль» был создан в 1880 году в Москве, где он издавался более 30 лет. П. Б. Струве занял место редактора в 1907 году. Журнал продолжал издаваться в Москве до 1912 года, т.е. до того, когда редакция была переведена в Петербург, где она и осталась до закрытия журнала новыми властями.

¹⁴⁷ См.: Г. И. Чулков, *Сатана*, М., 1915, 242 с.

¹⁴⁸ Первый очерк «От Женева до Софии. Письмо первое» был опубликован в: «Биржевые ведомости. Утренний выпуск», 1915, №14660, понедельник 9-го (22-го) февраля, стр. 2. Второй очерк «От Женева до Софии. Второе письмо» в: «Биржевые ведомости. Утренний выпуск», 1915, №14680, четверг 19-го февраля (4-го марта), стр. 2. В выпуске от 29 марта, например, был опубликован рассказ «Агнеса» // «Биржевые ведомости», 1915, №14751 воскресенье 29-го марта (11-го апреля), стр. 2; от 14 июня рассказ «Родина» // «Биржевые ведомости», 1915, №14751 воскресенье 14-го (27-го) июня, стр. 2.

¹⁴⁹ Рассказ заимствован из повествования блаженного Иакова Ворагинского, монаха-доминиканца, автора знаменитого сборника житий святых «Золотая легенда» («Legenda Aurea»).

¹⁵⁰ В уже процитированном письме от 6 февраля 1915 года Чулков написал жене: «Я был в Рел.<игиозно>Фил.<осовском> собрании. Мережковский, Философов, Мейер и все – даже Татьяна Гиппиус буквально набросились на меня, стараясь меня всячески привлечь на свою сторону. Приглашали в ихний журнал “Голос жизни” и на ихние воскресные журфиксы. Но – боюсь – разочаровались несколько, узнав мое твердое

статьей, напрямую связанных с темой войны, да и не только. Так в журнале был опубликован, например, его доклад, который он прочитал на заседании Религиозно-Философского общества 14 января 1914 «Оправдание символизма»¹⁵¹, а также, помимо других работ (рассказа «История Христофора» и статью «Славяне и Пушкин»), цикл статей, озаглавленный «Письма со стороны»¹⁵². Эти пять очерков являются своего рода критическими выступлениями, касающимися актуальных тем современного литературного мира: первое «письмо со стороны» обращено к «пустой» критике, которой подверглись декорации к постановке «Медного всадника», выполненные Александром Бенуа, со стороны театральных критиков и московской публики. По мнению Чулкова, упреки в «утяжелении» характерной Пушкинской легкости, в устах таких приверженцев эстетических принципов, являются лишь претенциозными суждениями резонерского мышления. Вторая заметка была, в свою очередь, посвящена творчеству писателей Арцыбашева, Слезкина и Кузмина, в то же время, как третья обсуждает состояние современного театра и, в частности, новую пьесу З. Н. Гиппиус «Зеленое кольцо». Наибольший интерес как было уже отмечено, представляет собой четвертая статья, в которой Чулков выступил на стороне лирического мира Анны Ахматовой, защищая подлинность ее чувств и оригинальность ее стихов: «К голосу Ахматовой надо прислушаться. Отмечаю это, ибо, когда поют сотни, не так уж легко разобрать, кто поет по-настоящему»¹⁵³. Последний из этих очерков более открыто затрагивает тему войны и положение России в контексте европейского миропорядка. Чулков без сомнений уверен в силе русского народа, который еще не потерял связь с землей, единственная «надежная защита» от всех врагов и отвлеченных начал. Пафос немецкого империализма, с его точки зрения, был основан на абсолютной безнравственности и на чрезмерном (большом) возвышении нравственного императива. В таких выступлениях Чулков сформировал свою личную интерпретацию исторического процесса и мирового порядка, подчеркивая, как в статье «Всадники», священную роль России в борьбе с европейским экспансионизмом: «Россия встала во главе восстания против германской “абсолютной” государственности. В страдные и страшные дни не уклонимся от ига, которое возлагает на нас история. Не устрасимся нравственной

мнение о войне» [ПП, п. 295]. Татьяна Николаевна Гиппиус (1877-1957) – сестра З. Н. Гиппиус, художник, график.

¹⁵¹ Г. И. Чулков, «Оправдание символизма» // «Голос жизни», 1915, №24, с. 13-17 и №25, стр. 7-12. Об этом докладе шла речь в предыдущей главе.

¹⁵² Г. И. Чулков, «Всадники» // «Голос жизни», 1915, №15, стр. 6; Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. (I)» // «Голос жизни», 1915, №17, стр. 19; Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. (II)» // «Голос жизни», 1915, №18, стр. 19-20; Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. (III)» // «Голос жизни», 1915, №19, стр. 18-19; Г. И. Чулков, «Славяне и Пушкин» // «Голос жизни», 1915, №20, стр. 7-9; Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. (IV)» // «Голос жизни», 1915, №20, стр. 18-19; Г. И. Чулков, «История Христофора» // «Голос жизни», 1915, №22, стр. 3-5; Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. (V)» // «Голос жизни», 1915, №23, стр. 19-20.

¹⁵³ Борис Кремнев <Г. И. Чулков>, «Письма со стороны. (IV)» // «Голос жизни», 1915, №20, стр. 19.

ответственности, которую мы берем на себя, участвуя в кровавом деле»¹⁵⁴. По словам Чулкова борьба за «общее дело» является прямым следствием реакции свободолюбивых наций против самой опасной из всех государственности, немецкой, утверждавшей себя, как единственно верную. В брошюре «Судьба России. Беседа о современных событиях» Чулков подтвердил свою позицию по отношению к Германии и германскому милитаризму: «[...] мировая война приобретает значение известного нравственного состязания, поединка, некоторой внутренней борьбы за эту Единую Душу. Встретились два понимания мирового единства. От исхода этой борьбы зависит самое становление мировой жизни – и в частности судьба России»¹⁵⁵.

Надежда Григорьевна, которая, как было уже сказано, в это время находилась в Москве, со своей стороны тоже старалась помочь мужу устраивать литературные дела. В ее распоряжении Чулков оставил рукописи сочиненных им двух новых театральные пьес, в надежде на то, что они могли быть поставлены в театре. По всей вероятности, здесь речь шла, в особенности, о пьесе «Невеста», поскольку, по собственному признанию Чулкова, «Поединок» не был предназначен для сцены¹⁵⁶. В первую очередь Надежда Григорьевна отнесла рукопись комедии в Художественный театр, а затем к Константину Николаевичу Незлобину, основателю собственного частного театра в Москве (хотя в 1911-1917 гг. Незлобин работал в Петрограде, снимая театр на Офицерской). Чулков был намерен подействовать на Незлобина посредством А. Н. Толстого, однако попытка не увенчалась успехом.

В своих воспоминаниях, Чулков почти не касается событий личной биографии, происходивших в 1915 году, поэтому единственным источником, открывающим нам неизвестные стороны его жизни этого периода является, в данном случае, опять семейная переписка. В период с февраля по ноябрь 1915 года супруги не обменивались письмами – это, скорее всего, одна из немногочисленных фаз, когда они не жили в разлуке. По всей вероятности, Чулковы переселились из Москвы под Петроград, в Царское село, уже к концу февраля 1915 года. 10 февраля Чулков написал сестре Анне Ивановне из Петрограда: «Кажется, обстоятельства так складываются, что придется остаться под Петербургом, в Царском селе [...] Надо будет работать в газетах. Это возможно, живя в Царском, и совершенно невозможно в Москве»¹⁵⁷. О том, что он живет в Царском селе, Чулков сообщил самым близким его приятелям: 17 марта он, например, известил Блока, пригласив его

¹⁵⁴ Г. И. Чулков, «Всадники» // «Голос жизни», 1915, №15, стр. 6.

¹⁵⁵ Г. И. Чулков, *Судьба России. Беседа о современных событиях*, ук. соч., стр. 35.

¹⁵⁶ Тем не менее, «Невеста» была на самом деле поставлена, через год, на Александрийской сцене в Петербурге.

¹⁵⁷ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 419.

приезжать к ним¹⁵⁸; 19 апреля Чулков написал Вяч. Иванову: «Я живу с Над.<еждой> Григ.<орьевной> в Царском селе – в уединении. Корректирую мой роман, который будет печататься в “Русской Мысли” и, вероятно, недели через две-три сяду за новую большую эпическую вещь»¹⁵⁹. Наряду с этим, существуют еще два письма Надежды Григорьевны, отправленных Чулкову уже в июне 1915 года из Петрограда в Царское село, и адресованных на Малую улицу, 47.

Из письма Чулкова к Блоку от 8 ноября 1915 года известно, что писатель собирался уезжать в Москву на неделю: «Во вторник <10 ноября – К. Р.> я уезжаю в Москву на неделю. Напишите мне туда [...] А в Москву не хотите со мною ехать? Спальное место можно достать на Невском в “Международном обществе” без малейшего труда. Я еду в 8 ч. 20 м. веч.<ера> 10-го числа»¹⁶⁰. В Москве несколько дней Чулков занялся деловыми переговорами с издателями и редакциями. После появления в периодическом издании романа «Сережа Нестроев», Чулков готовил его к выпуску уже отдельной книгой и вел переговоры с издательством «Северные дни»: «Был в “Северных Днях”. Сделал указания относительно “Сережи Нестроева”. Ездил в типографию, уличил корректора в неряшестве. Обещал набирать роман ручным способом» [ПП, п. 300]. Затем он пытался устроить две новые работы: «[...] через Ходасевича передали изд.<ательству> Антика две рукописи двух книжек: “Посрамленные бесы” (пять рассказов) и “Осенние туманы” (повесть)» [ПП, п. 302] – из этих двух, через год была выпущена в печать только повесть «Осенние туманы», в 1916 году¹⁶¹ – а также найти другого, «дешевого» издателя для романа «Сатана», в том случае, если в «Жатве»

¹⁵⁸ Блок, в намерения которого входило непременно съездить к Чулкову (см. письмо к В. А. Пясту от 6 апреля 1915 г. // А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8*, ук. соч., стр. 444; 446), навестил Чулкова лишь 28 мая. Об этом случае он рассказывал матери в письме от 29 мая: «Вчера мы с Пястом и Княжнинным провели весь день и вечер у Чулковых в Царском селе. Гуляли и обедали там с проф. Яценко. Все это было довольно приятно. Ходили с визитом к А. Ахматовой, но не застали ее» // А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 421. Надежда Григорьевна, в своих воспоминаниях, отметила: «В 1915 году мы жили в Царском селе. Летом приехал к нам Блок вместе с поэтом Владимиров Алексеевичем Пястом и провел у нас целый день. Мы гуляли в парке. После обеда Блок читал нам свои новые стихи» [Воспоминания Чулковой, л. 84].

¹⁵⁹ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 47, л. 11-12, конверт VI. Здесь имеется в виду роман «Сережа Нестроев», который был опубликован в «Русской мысли» в 1915 г., начиная с пятой майской книжки. О «большой эпической вещи» не имеется дополнительной информации – т.е. в терминах «эпической вещи» по отношению к какой-нибудь работе Чулков больше не отзывался – однако, судя по выпущенным им в свет работам, речь может идти о романе «Метель», опубликованном в 1916 году в литературно-художественном альманахе «Шиповник». См.: Г. И. Чулков, «Метель. Роман в 2-х частях» // «Литературные альманахи издательства “Шиповник”», 1916, кн. 25, стр. 7-142.

¹⁶⁰ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*, ук. соч., стр. 420. Блок ответил Чулкову на следующий день: «В Москву сейчас не могу ехать, некогда, а после Вашего возвращения увидимся, наконец, непременно и обсудим свое положение» // Там же, стр. 421.

¹⁶¹ Г. И. Чулков, *Осенние туманы*, М., 1916, 56 с. Повесть была издана в серии «Универсальная библиотека», основателем которой был Владимир Морицевич Антик, владелец также издательства «Польза». Второе издание печаталось в 1918 году, так же в серии «Универсальная библиотека». Книга рассказов «Посрамленные бесы», с другой стороны, вышла только спустя шесть лет, в 1921 году: Г. И. Чулков, *Посрамленные бесы*, М., 1921, 127 с. [Голос из могилы, Страшный плен, Возлюбленный Луизы Жели, Христофор, Мученица Анастасия, Посрамленные бесы, О том, как преп. Павел решил удалиться в пустыню, Агнесса].

отказались бы выплатить ему гонорар¹⁶². Наряду с этим, Чулков также продолжал искать возможность устроить пьесу «Невеста» в каком-нибудь театре. Побывав на постановке пьесы Леонида Андреева¹⁶³, состоявшейся в театре Суходольских, Чулков решил сделать еще одну попытку и предложить пьесу самому Суходольскому. Об этом он сообщал жене в письме от 14 ноября: «В понедельник вечером я, вероятно, буду читать мою пьесу у Суходольских. Чета Суходольских была весьма любезна» [ПП, п. 305]. Перед этим, Чулков прочитал пьесу у Вяч. Иванова, который, по его словам, говорил ему «много лестного».

Перед тем, как вернуться в Петроград к беременной супруге, Чулков успел еще и прочитать доклад в доме Е. И. Лосевой. О предстоящем вечере Чулков сообщил Вяч. Иванову письмом 13 ноября: «Очень хочу побеседовать с Вами. Быть может, мы увидимся у Е.<вдокии> И.<вановны> Лосевой? Я буду читать там доклад “Национальная самобытность и религиозное сознание” (в 9 веч.<ера>). Выслушать Ваше мнение и узнать Ваше отношение к этой теме было бы мне очень приятно и внутренне необходимо»¹⁶⁴. В тот же день Вяч. Иванов сообщил Чулкову об отсутствии возможности присутствовать на вечере в салоне Лосевой: «К моему огромному огорчению не могу, однако, быть завтра у Е.<вдокии> И.<вановны> Лосевой. Я связан словом, да и самому мне прямо нужно быть в Психол.<огическом> Общ.<естве>, где вступает с докладом Л.<ев> Шестов, мы с ним теперь очень сдружились. Между тем доклад, Вами обещанный, глубоко интересует и заранее волнует меня»¹⁶⁵. Чтение доклада состоялось вечером 15 ноября: несмотря на официальный отказ Вяч. Иванова, известно, однако, из письма Чулкова к жене от 16 ноября, что Вяч. Иванов не только присутствовал на вечере, но и еще внутренне соперничал выступлению друга:

Вчера я читал мой доклад у Лосевой. Она устроила торжественный вечер. Был Вяч.<еслав> Иванов и совет религ.<иозно>-философ.<ского> общества in cogroa: Булгаков, Рочинский, Эрн и др. Дебаты были страстные. Булгаков обвинял меня торопливо и не без вражды в «нецерковности». Вяч.<еслав> Иванов решительно и твердо стал на мою сторону и заявил о своем расхождении в корне с оценкой моего реферата, сделанного Булгаковым.

Я защищался, говорят, успешно и уверенно. Но почему-то – представь себе – произошла со мной странная история. Когда я читал реферат и дошел до того места, где я говорю о Христе Распятом, я вдруг почувствовал, что я могу разрыдаться.

Никто этого, кажется, не заметил, но Вяч.<еслав> Иванов заметил и не только заметил, но и заразился моим волнением. Я не смотрел на него в это время, но чувствовал, что и с ним происходит что-то странное [ПП, п. 307].

¹⁶² В это время, Чулков вел переговоры с Арсением Алексеевичем Альвингом (наст. фам. Смирнов), совладельцем, вместе с Евгением Евграфовичем Курловым, издательства «Жатва». К тому же, издательство задержало ему еще выплату за публикации «Поединок».

¹⁶³ Предполагается пьеса «Тот, кто получает пощечины», написанная Леонидом Андреевым в 1915 году и опубликованная в следующем 1916 году. Пьеса была поставлена в Московском драматическом театре, т.е. в театре Суходольских, 24 октября 1915 года.

¹⁶⁴ Автограф. РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 47, л. 13 (-14 чист), конверт XII (в конце ед. хр.).

¹⁶⁵ Автограф. РГБ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 47, л. 14-15.

Чулков повторил доклад 5 декабря 1915 года в Петрограде, на заседании Религиозно-философского общества, в прениях которого участвовали Д. С. Мережковский, С. С. Кондурушкин и Е. В. Аничков¹⁶⁶.

Ближе к концу года, когда события Первой мировой войны продолжали потрясать судьбы Европы, перед Чулковым встал и вопрос «морального» характера: как лично выполнить свой нравственный и человеческий долг перед народом, прислушавшись к собственному национальному чувству. В своих воспоминаниях писатель отметил: «По состоянию моего здоровья я не мог, конечно, быть забран в солдаты, но мысль о том, что сейчас на фронте решаются судьбы мира, неотвязно меня преследовала. Я не склонен был к воинственности, и едва ли из меня мог бы выйти путный солдат, но мне казалось невозможным жить в тылу, не изведав вовсе трудностей и ужасов войны» [ГС, с. 308]. В связи с этим, Чулков и Блок, близкие по году призыва на военную службу, возобновили общение и начали обсуждать возможность о совместном прохождении воинской службы. Хотя их отношение к войне было противоположными (Блок решительно не принимал войну, Чулков, со своей стороны, склонен был рассмотреть участие России на войне, как воплощение ее мессианской роли в процессе восстановления мирового порядка), они оба считали верным принцип, что «частное да подчинится общему». 8 ноября 1915 года Чулков написал Блоку: «З. Н. Гиппиус сказала мне, что у Вас есть какие-то сведения о призыве ратников нашего возраста. Я – призыв 1900 года. Надо, ведь, обдумать этакое дело. Когда-то я был вынослив и сотни верст прошел пешком благополучно, а теперь дышу скверно и марширую худо. Не поступить ли нам в школу прапорщиков? Уж лучше офицером быть. Вы как думаете? Какие у Вас планы?»¹⁶⁷. На следующий день Блок ответил ему: «Планы у меня такие же, а относительно того, чтобы связать наши с Вами судьбы, я много раз об этом думал. Я – 1902 года, позовут нас не раньше весны, а относительно школы прапорщиков есть какие-то препятствия»¹⁶⁸. Получив ответ от него, Чулков немедленно сообщил жене, что он получил от Блока «нежное и милое письмо», в котором он его уверяет, что их призыв будет приглашен на службу не

¹⁶⁶ По всей вероятности, доклад был позднее отдельно опубликован под названием «Судьба России. Беседа о современных событиях». В книге «Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907-1917» опубликуется впервые по машинописи текст прений по докладу Чулкова. Тогда же Чулков начал свою собственную речь следующими словами: «Прежде всего я должен, господа, извиниться перед вами, потому что название моего доклада, означенное в повестках, не вполне соответствует содержанию этого доклада. По чисто внешним, случайным причинам довелось его так назвать. Тема моего доклада несколько уже, чем название, напечатанное в повестках. “Не раз в истории нашего идейного движения сходились на чем-то общем славянофилы и западники...”», что соответствует начальным словам брошюры «Судьба России. Беседы о современных событиях». См.: *Религиозно-философское общества в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907-1917*. В трех томах. Т. 3. М., 2009, стр. 307.

¹⁶⁷ Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 4, ук. соч., стр. 420.

¹⁶⁸ Там же, стр. 421.

раньше февраля 1916 года. Надежда Григорьевна, в письме от 15 ноября, сообщает Чулкову, что, познакомившись с теткой Блока, она узнала, что «[...] Блок все мечтает пойти служить с Георгием Ивановичем вместе» [ПП, п. 306]. О том, чтобы Чулков и Блок проходили военную службу вместе в случае их призыва, хлопотали сводная сестра Блока Ангелина Александровна Блок и ее мать, Мария Тимофеевна Блок. Ее брат, С. Т. Беляев, был командиром тяжелого артиллерийского дивизиона и мог позаботиться о личных судьбах двух писателей. В начале 1916 года Блок написал Чулкову, что: «[...] моя сестра сказала мне, что наш будущий начальник не забыл о Вас и откладывает присылку документов только по каким-то своим соображениям; кажется, потому, что у него много нам подобных, и он делает это по очереди (по году). Сам он написал, что Вам беспокоиться нечего»¹⁶⁹. Вскоре тот самый командир получил другое назначение, о чем Блок заявил Чулкову: «[...] наши планы, по-видимому, не осуществляются, хотя и Ваши документы были присланы. Все откладывается, по-видимому, надолго»¹⁷⁰.

Весной 1916 года Чулков и Блок продолжали хлопотать о прохождении военной службы, однако к июлю стало уже ясно, что задуманные ими планы не могли осуществиться¹⁷¹. В августе того же года Чулков все-таки был зачислен в Первый сибирский передовой отряд Всероссийского Союза городов. 3 августа он сообщал жене: «уже получил бумаги из Союза Городов. Должен ехать через Москву» [ПП, п. 322]. В своих воспоминаниях Чулков отметил, что в зачислении в действующую армию его помог Николай Виссарионович Некрасов, который впоследствии, в 1917 году, стал министром Временного правительства: «Я решил под тем или другим предлогом ехать на передовые позиции. Благодаря любезности Н. В. Некрасова [...] я получил доступ на фронт и был причислен к Первому передовому сибирскому отряду Союза городов» [ГС, с. 308]. Только в одном автобиографическом документе, составленном в 1918 году, Чулков подтвердил сложившиеся тогда обстоятельства: «Во время войны, вернувшись из Швейцарии через Италию и Балканы, я отправился на фронт и в течение нескольких месяцев жил среди солдат и офицеров. Это был канун революции» [Автобиография 1918 г.].

¹⁶⁹ Там же, стр. 422. Письмо Блока от 27 февраля 1916 года.

¹⁷⁰ Там же. Письмо Блока от 24 марта 1916 года.

¹⁷¹ Например, см. письма Блока к матери от 11 мая 1916 года: «[...] М. Т. Блок, которая предложила мне и Чулкову другой тяжелый дивизион, кот. получил ее брат»; от 25 июня: «[...] Марья Тимоф. вчера сообщила, что бумаги здесь и что здесь как раз находится один из вольноопределяющихся, к которому я на днях пойду узнать все подробности»; от 24 июля: «[...] у меня все уже готово к отъезду. Провожать меня хотели почему-то Соловьев и Ангелина» // А. А. Блок, *Письма к родным*, ук. соч., стр. 433, 443 и 447. Блок был зачислен табельщиком в тринадцатую инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза земств и городов. Чулков и Блок снова увиделись в Петрограде в мае 1917 года: «Вечером сейчас сидел у меня Чулков, рассказывал кое-что занимательное о фронте и об общем положении дел», написал Блок матери 8 мая 1917 года. См.: А. А. Блок, *Письмо к родным*, ук. соч., стр. 493.

2.8.5 Служба на фронте: 1-й передовой сибирский отряд Союза Городов

Период с 1916 года и вплоть до 1917 года описано значительно меньше, по сравнению с предыдущими годами, и исследователями, и самим Чулковым, который, в «Годах странствий», уделил этому периоду собственной биографии всего восемь страниц. На самом деле, со своей стороны, он представляет собой немалый интерес для исследователей, поскольку до сих пор считается одной из мало известных страниц личной истории писателя.

Чулков уехал на службу только в августе 1916 года. За это время Чулков продолжил заниматься литературными делами, и даже пробыл месяц в местечке Мустамяки (ныне объединено, вместе с другими населенными пунктами, под названием Горьковское), что на границе с Финляндией¹⁷². В имеющихся письмах от марта того года, у Чулкова прослеживаются неустанные попытки найти издателя для опубликования собственных произведений. Таким образом, 9 марта Чулков уехал на неделю в Москву: здесь он убедился в том, что финансовое положение издательства «Жатва», в котором он опубликовал свой роман «Сатана» и пьесу «Поединок», критичное и что они не могут уплатить ему даже гонорар. Оттуда он забрал все оставшиеся непроданные экземпляры «Сатаны», и издательство вернуло ему права на произведение, что позволило бы Чулкову печатать второе издание романа в любой другой конторе: «[...] главное устрой охоту на издателей (“Север.<ные> дни” и “Труд”) осенью так или иначе переиздам “Сатану”» [ПП, п. 311] – сообщал он жене из Москвы¹⁷³. К тому же, писатель все еще не потерял надежду устроить пьесу «Невеста» в каком-нибудь театре: в этот раз, он намеревался вести телефонные переговоры с А. И. Сумбатовым-Южным, для того, чтобы пьеса была поставлена в Москве (Сумбатов-Южин, с 1882 года, играл в Малом театре).

С июня 1916 года в переписке встречается первое упоминание о прохождении военной службы: «Не писал тебе ничего до сих пор, потому что все надеялся, что выяснится, наконец, мое положение. Но оно все еще туманно. Сiju в Петрограде, ибо ежедневно у меня свидания

¹⁷² «[...] благополучно поселился в пансионе Крафф – в отдельном домике, где никого нет совсем. У меня большая светлая комната, рассчитанная, очевидно, на двоих. Кормят пока нехудо <так!>, но мясо в минимальном количестве. Не чувствуешь голода, потому что за стол зовут через каждые два часа. Общество пансиона напоминает мне общество первого пансиона в Шампери: такие же фантастические старые девы и дамы. За столом все почему-то говорят по-французски. Скука земная. Тужусь писать. Пока еще ничего не выходит, но условия для работы подходящие. Авось, напишу что-нибудь. Какая у вас погода? Здесь солнечно, но холодно» [ПП, п. 314]. Впоследствии Надежда Григорьевна также переселилась, по совету врача, в Финляндию, в местечко Нейволе, вместе с сыном: «Зоря, доктор посылает меня с Володей в Финляндию. Он надеется, что тогда можно будет предупредить развитие коклюша [...] Если сможешь подыскать что для меня сам в Финляндии то попытайся и я тогда перееду» [ПП, п. 316].

¹⁷³ Чулков вел переговоры также с издательством «Огни», основателем которого был Е. А. Ляцкий. В 1916 году второе издание «Сатаны» вышло в свет именно при этом издательстве. См.: Г. И. Чулков, *Сатана*, Пг., 1917 [на обложке дата: 1916 г.], 202 с.

с деловыми людьми. Как будто что-то маячить. А.<нтон> В.<ладимирович> Карташев познакомил меня с человеком, от которого многое зависит. Жду его ответа на днях» [ПП, п. 317]. Сразу после этого первого намека, в письме упоминается имя Н. В. Некрасова, который, как Чулков утверждает в своих воспоминаниях и, в том числе в переписке, был именно тот человек, по ходатайству которого он смог попасть на передовые позиции¹⁷⁴. К началу августа Чулков закончил приготовления к жизни на фронте: складные сапоги, гимнастерку, шаровары, китель, фуражку и плащ: в таком виде, он ходил по улицам, учась отдавать честь генералам. 1 августа Чулков узнал от Некрасова, что его первое назначение было в передовой отряд красного креста заведующим летучкой, о чем был уже извещен телеграммой уполномоченный на фронте. Одновременно с подготовкой к отъезду на фронт, Чулков продолжает вести переговоры с издательствами и организациями: становится известным, что наконец ему удалось устроить «Невесту» и что репетиции в театре уже планировались: «На репетициях моей драмы мне не придется вовсе быть: об отпуске, судя по разговору, не приходится мечтать ранее середины октября» [ПП, п. 320]. Это замечание соответствует, на самом деле, реальному ходу событий, поскольку известно, что премьера «Невесты» состоялась в сентябре 1916 года на Александринском театре в Петрограде¹⁷⁵. Наряду с этим, Чулков был также намерен напечатать эту пьесу либо в петербургском журнале «Северные записки», либо в журнале «Театр и искусство» («Последнее необходимо для провинции» [ПП, п. 321])¹⁷⁶. 3 августа Чулков получил долгожданную весть от Союза городов: «Выезжаю из Петрограда в понедельник или во вторник: В Москве меня ждут спутники, которые поедут в 6 ½ ч.<асов> вечера десятого августа – и я с ним» [ПП, п. 322]. 12 августа 1916 года Чулков послал жене первое письмо с фронта. Известно, что официальным назначением писателя был Первый Сибирский передовой врачебно-питательный отряд, который действовал на Варшавском фронте¹⁷⁷. Отряд располагался в деревне Полонечка (Брестская область); в восьми верстах от

¹⁷⁴ См: «Некрасов в Курске и, кажется приедет только в понедельник» – написал Чулков жене 28 июля [ПП, п. 318]; «Сегодня я видел Некрасов. Он меня посылает в передовой отряд красного креста заведующим летучкою. Жалование семьдесят пять рублей. Всего только. Я не капризничал» – письмо от 1 августа [ПП, п. 320]; «Сообщаю тебе на всякий случай адрес Веры Леонидовны Некрасовой, жены Николая Виссарионовича Некрасова, члены думы, с которым меня познакомил Карташев» – письмо от 30 августа [ПП, п. 342].

¹⁷⁵ См., в качестве примера, рецензию А. Р. Кугель, появившуюся на страницах газеты «День»: Homo Novus <А. Р. Кугель>, «“Невеста”, пьеса Г. Чулкова» // «День», 1916, №260 (1420), среда 21 сентября, стр. 3-4; Он же, «Заметки» // «Театр и искусство», 1916, №39, стр. 786-788.

¹⁷⁶ Человек, которому было поручено вести дальнейшие разговоры относительно публикации пьесы, – Сергей Иосифович Гессен (1887-1950), работавший, в годы Первой мировой войны, редактором в газете «Речь». Гессен также предложил Чулкову написать, наподобие репортажа, «письма из действующей армии». В конце концов проект не осуществился: «Статьей для “Речи” я пока не писал. Кажется, не буду писать. Расквашиваюсь с ними военным рассказом» [ПП, п. 336]. Пьеса «Невеста» была опубликована в 1916 году при издательстве журнала «Театр и искусство», см.: Г. И. Чулков, *Невеста. Драма в четырех действиях*, Пг., 1916, 39 с.

¹⁷⁷ Возрастающее с каждым днем число пострадавших солдат и офицеров русской армии во время Первой мировой войны подняло вопрос о своевременном оказании медицинской, санитарной и материальной помощи раненым и больным воинам – к этой задаче были привлечены не только правительственные органы, но еще и

немецких окопов был построен лазарет, в котором Чулков первоначально поселился, и, в двух-трех верстах от места боя, летучка, где солдаты жили в землянках. С момента прибытия на фронте, Чулков отправлял Надежде Григорьевне письма едва ли не каждый день, и даже в том случае, если не получалось ежедневно писать домой, то он описывал впечатления нескольких дней в последующем адресованном жене письме. В этой части семейной переписки письмо преобразуется в страницу дневника, в котором переплетаются эпистолярный и биографический жанры. Описание жизни Чулкова на фронте в годы Первой мировой войны дополнено множеством деталей, позволяющих восстановить окружающую тогда его обстановку и, тем самым, расширить круг знаний о конкретном этапе его биографии того периода.

В своих мемуарах Чулков рассказывает о том, что он числился в отряд как лицо без особых занятий. Оказавшийся во врачебном пункте, где сотрудники сибирского отряда оказывали первоначальную медицинскую и санитарную помощь раненым солдатам, Чулков смог воспользоваться своим юношеским образованием: «[...] медицинский факультет

благотворительные организации. Всероссийский союз городов, основанный в августе 1914 года, сыграл большую роль в военных действиях страны, а также неоднократно принимал участие в решении проблем, связанных с медицинским и санитарным обеспечением русской армии. На оказание помощи нуждающимся военнослужащим на фронте и гражданским населением в тылу активно реагировали местные отделения Российского общества Красного Креста и новообразовавшееся Сибирское общество для подачи помощи больным и раненым воинам, устав которого был подтвержден 30 сентября 1914 года (см.: *Устав Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам*, Пг., 1914). Первое собрание состоялось 8 октября 1914 г.: в главные задачи Сибирского общества были внесены: 1) создание, в местах военных действий, подвижных лазаретов и врачебно-питательных отрядов; 2) организация трудовой, материальной, медицинской и санитарной помощи пострадавшим и детям пострадавшим; 3) подготовка справок и документов для воинов и жителей Сибири. Позднее, когда работа врачебно-питательных отрядов была уже налажена, эти структуры взяли на себя еще и ответственность за создание на фронте бани и прачечных для стирки солдатского белья. Первые передовые врачебно-питательные отряды начали действовать уже к концу 1914 года, а в середине 1915 года на фронте уже активно действовали шесть врачебно-питательных пунктов. Зимой 1915/1916 гг. Всероссийский союз городов приступил к организации семи дополнительных отрядов. В ноябре 1914 г. был создан Первый Сибирский передовой врачебно-питательный отряд, во главе которого были назначены Н. В. Некрасов и Н. К. Волков. На деятельность этих благотворительных организаций (с точки зрения не только оказания помощи раненым русским солдатам и офицерам, но и сбора денежных средств) негативно повлияли грядущие события 1917 года, приведшие к постепенной дезорганизации сибирских передовых отрядов.

Некоторые работы, посвященные деятельности передовых врачебно-питательных отрядов и общественных организаций: А. Б. Асташов, *Всероссийский союз городов. 1914-1918 гг.* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук], М., 1914; Он же, «Союзы земств и городов и помощь раненым в первую мировую войну» // «Отечественная история», 1992, №6, стр. 169-172; И. А. Еремин, «Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.)» // «Известия Томского политехнического университета», 2006, т. 309, №6, стр. 202-205; Он же, «Деятельность передовых врачебно-питательных отрядов Сибирского общества помощи раненым в годы Первой мировой войны» // «Вестник Алтайского государственного педагогического университета», 2013, №14-14, стр. 20-23; С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых, «4-й Сибирский Томский передовой врачебно-питательный отряд на юго-западном фронте (1915-1916 гг.)» // «Русин», 2016, №2(44), стр. 187-199; К. А. Тишкина, «Организация работы в 1914-1918 гг. региональным отделом Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам (на примере Алтайского округа)» // *Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции*, 2015, т. 3, стр. 168-172; В. М. Шевырин, «Сотрудничество и борьба (власть и общественные организации в годы Первой мировой войны)» [доклад] // «Интернет-конференция: Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований», доступно по электронному адресу: < http://inion.ru/index.php?page_id=533 > [последнее посещение: 01.09.17].

пригодился мне и в другом отношении. Я два раза в своей жизни занимался медицинской практикой» [ГС, с. 309]. Первый раз медицинские знания помогли ему во время отбывания срока в Сибири, когда он работал фельдшером в улус Амга Якутской области, а второй раз в 1916 году, когда он был призван исполнить свои воинские обязанности на фронте: «По счастью, в отряде оказался весьма знающий и удачливый молодой хирург. Этот доктор И. А. Истомин, узнав, что я был когда-то на медицинском факультете, с чрезвычайной охотой предложил мне помогать ему при операциях. Этим делом в меру моих сил я и занимался, пока не пришлось мне замещать уполномоченного отряда» [ГС, с. 310]. В надежде на то, что его оставят в отряде, а не переведут в летучку (где, по его собственным словам, «очень сыро и грязно», что составило бы для него трудное условие в связи с его слабым физическим состоянием), Чулков стал помогать доктору первоначально в перевязочных операциях. По этой причине он попросил жену прислать: «[...] два халата для перевязок и [неприменно, как можно скорее], учебник *новый по военной хирургии*, какой-нибудь, но солидный. Это мне надо, потому что мне, кажется, намерены поручить медицинскую отчетность. Мне нужны термины.» [ПП, п. 327].

С каждым днем пребывания на фронте, Чулков все больше и больше прилагает усилий к исполнению медицинских обязанностей, стараясь, таким образом, внушить доверие доктору. Он усердно помогал хирургу не только в простых процедурах, но и при операциях: «Приходится почитать анатомию и разные медицинские книжки, представь себе. Я сегодня спрашивал старшего врача, не лишний я человек. Он мне сказал, что во время операций он мне больше доверяет, как помощнику, чем новому врачу-женщине, которую прикомандировали к нашему отряду. Вот что мне теперь лестно!» [ПП, п. 334]. Хотя там, где располагается отряд, по замечаниям Чулкова, серьезных боев не бывает¹⁷⁸, каждый день привозят в лазарет раненых солдат. В связи с этим Чулков отмечает как большое событие, тот факт, что он перестал быть брезгливым: «[...] у меня душа изменилась и, когда я смотрю на солдат с зловоннейшей язвой или держу захлороформированного, которого рвет, мне все равно. Если его рвота попала бы мне в лицо, то и это все равно» – рассказывает он жене спустя всего лишь несколько дней после его прибытия [ПП, п. 329]. Со всеми сотрудниками отряда у

¹⁷⁸ В письмах обнаруживаются эпизоды, из которых явствует, что ситуация была все-таки небезопасная для сотрудников отряда: «Сегодня я сам ездил в полевую контору 137 – и – представь себе – как раз без меня немцы бросили около нашего лазарета с аэроплана три бомбы. Я этого спектакля не видал. Все остались целы и невредимы. Вообще эти бомбы не опаснее, чем трамвай на Невском. Кому суждено, тот и без бомб потеряет руку или ногу или голову [...] Теперь было бы интересно быть не здесь, а на Юге. Я бы хотел попасть в Добруджу и приехать с отрядом через Унгены, Бухарест, Рушук и Софию – знакомые нам с тобою места. Вот где теперь, должно быть, любопытно. Но, конечно, может быть, и у нас будут бои. Воздушные бои бывают [почти] каждый день. Приходится беречь голову от осколков своей же русской шрапнели. Один такой “стакан” упал в двух шагах от нашей избы» [ПП, п. 339]. «Стаканом», по определению Чулкова, было принято назвать осадки после воздушного боя.

писателя сложились дружеские отношения¹⁷⁹ и, в скором времени, он начал самостоятельно ходить по палаткам, навещать раненых, несмотря на то, что этим делом занимались, в общем, сестры милосердия. В письме конца августа он перечислит Надежде Григорьевне свои «медицинские» обязанности:

Мои обязанности главным образом состоят в том, что я помогаю старшему врачу при операциях, как-то осушаю раны стерильными шариками из марли во время разрезов, держу раздвигающие рану крючки, подготавливаю все для ампутации, помогаю при ампутациях, т.е. держу в зажимах артерии и вены, помогаю их перевязывать при кровотечении, помогаю перепиливать кости, подготавливаю при головных ранах все для трепанации черепа. И, честное слово, делаю все это добросовестно и точно [ПП, п. 339]¹⁸⁰.

Весь первый месяц на фронте Чулков был занят исключительно жизнью в отряде, что и непременно отразилось в его посланиях к жене. В них в основном – повествования об окружающей его обстановке и редкий случай, когда в это первое время находятся хоть какие-нибудь упоминания о литературных мыслях. В этом контексте, первым обстоятельным описанием является общее впечатление, вызванное жизненными условиями в отряде:

Вот и я на фронте. Наш отряд стоит в восьми верстах от немцев, а летучка в 2-3 верстах от места боя. Сейчас сравнительное затишье. Я ездил в автомобиле в летучки. При мне и около меня заряды не разрывались, но я видел [свежевырытые] огромные ямы – результаты недавних взрывов. Ходил по окопам и блиндажам. Вернувшись, днем присутствовал и даже немного помогал доктору на перевязках и операциях. Какие страшные раны! Медицинское дело поставлено в отряде хорошо. Сейчас ночь. Я пишу тебе под адский рев канонады, но сравнительно далекий. Воображаю, какое впечатление она производит на месте боя [ПП, п. 328].

Наряду с первым, наблюдается описание формальной организации отряда:

Я хочу дать тебе некоторое внешнее описание нашего отряда. Персонал административный состоит из товарища уполномоченного Макарова (сам уполномоченный Дуров скоро приедет)... Этот Макаров – промышленник-сибирец из Благовещенска. Человек лет пятьдесят, еще крепкий и бодрый, он довольно твердо правит отрядом. Кроме него имеется человек двенадцать заведующих обозом, санитарн.<ой> частью, канцелярией и т.д.

Я далеко не всех их знаю по именам. Многие работают здесь с начала войны. Иные с георгиевскими медалями. Почти все были под обстрелом. Сестер милосердия, кажется, пятнадцать. Они по очереди дежурят (по месяцу) в летучках. Я не представлял себе, что «отряд» так велик и так сложно устроен. Чтобы составить себе понятие об его величине, надо знать, что в отряде имеется не только обоз из 250 лошадей, но даже рогатого скота около сорока штук. Нужных голов в отряде 242 человек.

Старший врач, Иван Александрович Истомин, еще человек молодой – лет тридцати двух. По-видимому, с ним можно будет ладить. Человек он жизнерадостный, вежливой и, в своей области, хирургии, кажется, знающий. Во всяком случае операции делает он смело и решительно.

¹⁷⁹ См. еще: «Хорошо, что эта фельдшерница сразу прониклась ко мне уважением и не восстала против меня, а то бы она могла бы меня погубить. В отряде она сила. Старший врач держит себя со мною дружески. И вообще никто пока не дуется и не грубит мне. Только новая врачиха, кажется, не довольна доверием, каким я пользуюсь в операционной» [ПП, п. 339]; «Пока у меня отношения со всеми складываются благополучно, но – я уже вижу – у многих происходят недоразумения, нелады и ссоры. И все это в двух шагах о смерти! Противоречивая душа человеческая. Забавнее всего то, что, насколько я мог заметить, ссоры возникают из каких-то пустяков» [ПП, п. 331].

¹⁸⁰ В начале сентября Чулков уже получил немалый опыт в хирургической области, который позволил ему достичь более уверенной позиции внутри организации отряда: «Кроме практики, читаю вместе с доктором хирургию, учусь по атласу анатомии и даже вскрываю для упражнения трупы в сделанной на скоро проректорской. Теперь я уже и наркотизирую. Скоро буду делать, должно быть, и маленькие операции самостоятельно. Нужда научит чему хочешь» [ПП, п. 348].

Стоим мы в польском местечке, где усадьба магната, хороший парк и много строений. Но лучшие помещения заняты не нами. Мне почему-то отвели угол в сравнительной сносной избе, где вместе со мной живет уполномоченный и старший врач. Нас теперь в избе трое: Некрасов уехал [ПП, п. 331]¹⁸¹.

30 августа, наоборот, писатель посвящает письмо описанию Полонечки, т.е. того местечка, где они жили:

Это маленькое местечко Полонечка (недалеко от Барановичей – на Западном фронте), вблизи усадьбы князя Радзивилла, сказочного богача. Тут недалеко от нас имеется и его дом и большой, не очень, впрочем, живописный парк. Полонечка, конечно, пустынна: жителей мало, но кое-кто из челяди Радзивилла и местных крестьян здесь живет. Здесь раскинута наша палатка. Операционная, перевязочная и помещение для персонала расположены в доме, где, кажется, раньше была корчма. На улице, в дурную погоду, конечно, невылазная грязь, но солдаты строят великолепную дорогу, по которой можно будет возить какие угодно орудия. Кругом, разумеется, войска. Куда ни сунься – землянки, посты, окопы, проволочные заграждения, блиндажи, на канатах висят в воздухе наблюдательные «колбасы» (воздушные шары). Над нами ежедневно летают русские и немецкие аэропланы. Их обстреливают шрапнелью. По дымам, по цвету, узнаем, чья шрапнель, русская или вражеская. К гулу орудий и к тому, что где-то недалеко упал снаряд и вырыл воронку в две-три сажени, все относятся с глубоким равнодушием: все привыкли и всем кажется, что мы стоим в глубоком тылу. А мы, ведь, от немцев на расстоянии полуперехода и, если бы мы стояли не в семи, а в пятнадцати верстах от позиций, все-таки нас могла бы обстреливать без затруднения тяжелая артиллерия. Но, по-видимому, немцам сейчас не до нас: другим заняты [ПП, п. 342].

И только начиная с конца августа в письмах появляются первые строки о состоянии собственных литературных планов: как раз в то время отряд начал опустошаться, и у Чулкова оказалось больше свободного времени. Он заказал себе в избу письменный стол, надеясь на возможность работать на литературном поприще и, таким образом, возобновлять творческую деятельность. Тогда же им были намечены серьезные проекты. И это несмотря на то, что неизбежное в таких условиях отсутствие уединения неблагоприятно отразилось на результатах («Из условий здешней жизни самое мучительное, пожалуй, это то, что вовсе нет уединения. В небольшой комнате помещается нас трое: Уполномоченный А.<лексей> А.<лексеевич> Дуров, Лившиц и я. С утра до ночи хлопает дверь и приходят заведующие отделами с бумагами. Только после двенадцати часов ночи можно сесть за стол, чтобы что-нибудь написать. Тогда все спят. Но долго работать нельзя: в половине седьмого утра я уже на ногах: в восемь часов начинается работа в перевязочной» [ПП, п. 353]; «К вечеру утомлюсь и не могу работать для себя» [ПП, п. 391]). Писатель был намерен, в первую очередь, кончить начатую им во время пребывания в Финляндии пьесу. Кроме пьесы, он задумал роман о жизни на фронте: «[...] у меня теперь есть богатейший материал для большого романа о войне. Мне так важно было пожить с людьми, нелитературными, прикоснуться к душам простым и для меня новым. И вся обстановка необычайна, ты понимаешь. А мне, ведь, предстоит здесь, на войне, и зимовать и весну встретить и лето прожить: едва ли война кончится раньше осени,

¹⁸¹ Описание можно сравнить с версией, изложенной в «Годах странствий»: «Отряд был большой. Многолюден был и медицинский персонал, и административный. О величине отряда можно судить по тому, что одних нижних чинов было прикомандировано к нему 242 человек. В отряде был лазарет и летучка. Одним словом, хозяйство было немалое. У нас было 250 лошадей, около 40 штук рогатого скота. Само собою разумеется, что, приняв на себя заботы об отряде, я уже не мог продолжать моих хирургических занятий» [ГС, с. 310].

может быть, даже поздней» [ПП, п. 354]. Но, самое главное, он внимательно следил за подготовкой постановки его драматической пьесы «Невеста», которую, как было уже сказано, ему удалось устроить в сезонном репертуаре Александрийского театра в Петрограде¹⁸². Чулков стремился получить отпуск к концу сентября, чтобы попасть на первое представление «Невесты»: «Если не будет больших боев, я приеду к первому представлению. Но, разумеется, если отряд будет переживать трудные дни, я своего поста не покину. Сегодня мы были завалены работой: было семь операций, не считая разрывов, извлечений пуль и всяких мелких работ» [ПП, п. 347]. Последнее письмо с фронта отправлено 8 сентября, а следующее только 26 сентября¹⁸³, что позволяет утверждать, что Чулков, на самом деле, смог побывать дома несколько дней. Хотя писатель был недоволен тем, что пьеса была устроена в Александринском театре, эта постановка представляла собой единственную возможность наладить семейное финансовое положение: «“Невестою” моей я интересуюсь в связи с театром и постановкой главным образом потому, что возлагаю на театр некоторые надежды материальные: ведь, наши дела не так уже хорошо утроены¹⁸⁴, чтобы махнуть рукой на такие возможности» [ПП, п. 351]; «Если “Невесту” не снимут с репертуара тотчас после первого представления, эта пьеса может нас поддержать материально. Вообще не унывай: жизнь наша наладится» [ПП, п. 354].

В своих воспоминаниях, по поводу постановки «Невесты», Чулков уточняет, что ему удалось приехать с фронта лишь на последние две репетиции. Режиссером тогда был еще начинающий Николай Васильевич Петров, актеры относились «сочувственно» к пьесе: играли, среди других, Е. И. Тиме, Р. Б. Аполлонский, М. П. Домашева, И. В. Лерский, И. И. Судьбинина, А. Н. Лаврентьев, Л. С. Вивьен и др. Первое представление пьесы состоялось 19 сентября¹⁸⁵: «Спектакль имел у публики немалый успех, но рецензенты упрямо старались доказать, что пьеса, хотя и написана “талантливым художником”, но будто бы не театральна» [ГС, с. 310]. Пьеса, центральной темой которой являлось отношение интеллигентской среды к

¹⁸² 20 августа Надежда Григорьевна сообщила ему, что Гессен «о пьесе еще ничего не может сказать решительного» [ПП, п. 332].

¹⁸³ Он тогда заявил: «Вот и первый мой день в отряде после возвращения» [ПП, п. 359].

¹⁸⁴ В это время, Надежда Григорьевна жила, вместе с маленьким сыном Владимиром, в квартире в Царском селе. Как становится известным благодаря той части семейной переписки, принадлежащей перу жены, их семейное положение было вовсе не устойчивое: у мальчика бывали проблемы со здоровьем («Володя растет, но бледен и покашливает немного» [ПП, п. 330], «Володя все еще кашляет. Я проклинаю квартиру» [ПП, п. 335], «Володя неохотно ест и питается больше грудью. Он такой бледненький, что я не могу быть спокойной глядя на него» [ПП, п. 352]), тем самым, она сама чувствовала себя плохо (см.: «Совсем что-то мне не хорошо. Каждый день мигрени, слабость и боль в спине, внизу» [ПП, п. 335]). В связи с этим, она стала искать няню и новую квартиру, что и повлекло повышение семейных расходов.

¹⁸⁵ Дата первого представления устанавливается по данным, сообщаемым Чулкову Надеждой Григорьевной: «Пишут, что «Невеста» пойдет в 19 сентября, через неделю» [ПП, п. 357].

войне, действительно вызвала большой резонанс среди театральных критиков¹⁸⁶, которые, по мнению литературоведа, «отражают недовольство не столько конкретно пьесой Чулкова [...] сколько судьбой театра в целом и перспективой развития драматургии в частности»¹⁸⁷. Между тем необходимо отметить, что пьеса «Невеста» была одной из единственных двух пьес, которые были поставлены на сцене при жизни Чулкова¹⁸⁸. Несмотря на неблагоприятные отзывы, Чулков весьма дорожил этим драматическим опытом, считая его одним из наилучших своих литературных проявлений. В общем, писатель был твердо убежден в собственном драматургическом даре¹⁸⁹, и в своих мемуарах заключил: «Я убедился в том, что могу писать для сцены, что владею драматургической формой, и убежден, что именно в драме суждено мне высказаться до конца, как художнику» [ГС, с. 310]. Наряду с этим, премьера пьесы «Невеста» нашла все-таки и благосклонных ценителей: по рассказам Чулкова жене, член Государственной Думы М. Д. Калугин, с которым он имел честь познакомиться возвращаясь из Минска, поставил ему хорошую оценку за пьесу: «Даже ухаживал на меня всячески. Он был на первом представлении “Невесты” и говорит, что, когда вернется в Петроград, непременно пойдет смотреть ее опять: такой значительной кажется ему моя драма» [ПП, п. 366]. Созвучное мнение выразила М. С. Истомина, жена главного врача отряда И. А. Истомина, погостившая в Царскосельской квартире Чулковых в ноябре: «Она была в театре на “Невесте” и говорит, что театр был полон и публика вызывала пять раз Аполлонского. Еще говорит, что читала в Биржевке будто было заседание театр.<ального> комитета и решено пьесу твою не снимать с репертуара» [ПП, п. 369]. В письме от 7 октября Надежда Григорьевна сообщила Чулкову, что «Невеста» прошла шестой раз в театре, и что она больше не была включена в репертуар театра. Почти одновременно, в письме от 4 октября, Чулков написал ей,

¹⁸⁶ М. В. Михайловой приведен крупный обзор критических рецензий, вышедших в газетах и журналах после первого представления пьесы в театре, см.: М. В. Михайлова, «О пьеса Чулкова “Невеста” и ее критиках» // *Stefanos. Памяти А. Г. Соколова*, М., 2008, стр. 239-247. См. список процитированных работ: С. Фрид // «Биржевые ведомости», 1916, № 15760 (24 августа); Л. Гуревич // «Речь», 1916, № 260 (21 сентября); SOLUS <К. Арабажин> // «Биржевые ведомости», 1916, № 15815 (21 сентября); А. Кугель // «Театр и искусство», 1916, № 39, стр. 786-788; Он же // «День», 1916, № 260 (21 сентября); Ю. Беляев // «Новое время», 1916, № 14564 (21 сентября); Вас. Ренигин // «Биржевые ведомости», 1916, № 15814 (20 сентября); Ф. Батюшков, «Театральные заметки. Четыре новинки на сцене Александринского театра» // «Вестник Европы», 1917, № 1, стр. 390-410.

¹⁸⁷ М. В. Михайлова, «О пьеса Чулкова “Невеста” и ее критиках» ук. соч., стр. 239.

¹⁸⁸ Вторая пьеса, «Дон Кихот», была поставлена в Ленинграде в 1933 году (предполагается в том же Александринском театре). См., например, письмо Л. М. Лебедевой от 17 октября 1933 года: «Был вчера на репетиции той сцены, где Дон-Кихот и Санчо посещают ночью Альдонсу [...] Весь Ленинград оклеен афишами с анонсами “Дон-Кихота”» и от 18 октября 1933 года: «“Общественный просмотр” будет 30-го октября, а премьера 1 ноября, если будет готов ремонт!! Пока в театре собачий холод. Скажу тебе по секрету: я боюсь за спектакль» // Автограф. РГБ, ф. 371, к. 8, ед. хр. 13. Пьеса была издана в 1935 году, см.: Г. И. Чулков, *Дон Кихот: Трагикомедия в 4-х актах*, М., 1935, 109 с.

¹⁸⁹ Ср.: «Но если вопрос о его драматургическом даровании достаточно дискусионен, то его театральная деятельность в целом – как экспериментатора, проводника определенной театральной теории, защитника и пропагандиста символистского театра, наконец, видного театрального критика – не подлежит сомнению: он, безусловно, являлся знатоком театра, постигшим его тайну» // М. В. Михайлова, «О пьеса Чулкова “Невеста” и ее критиках» ук. соч., стр. 239.

что «Сумбатов известил меня, что в этом сезоне в Москве “Невеста” не пойдет, а пойдет она в следующем сезоне тоже неизвестно: это решится в апреле. Трудно отсюда устраивать дела. Ведь, обидно, что даже не печатали нигде “Невесты”. Надо самому быть на месте» [ПП, п. 364], а спустя несколько дней он прочитал, что «Невесту» снимают с репертуара: «Неприятно, что “Невесту”, если верить газетам, сняли с репертуара после шестого представления. Это расстраивает и без того неважные наши дела. Но и на сей раз унывать не надо. “Взгляните на птиц небесных”...» [ПП, п. 368]. Действительно, до конца года «Невеста» больше не была поставлена на сцене театра: дирекция театра возобновила одно представление только накануне рождественских праздников, которое состоялось 20 декабря¹⁹⁰.

Незадолго до отъезда в Петроград Чулкову было присвоено тогда звание помощника уполномоченного Первого передового сибирского отряда¹⁹¹ и хотя он продолжал выполнять прежнюю медицинскую работу, на него возлагались и другие, новые поручения. В октябре, по возвращению на фронт после кратковременного пребывания в Петрограде, уполномоченным отряда А. А. Дуровым и Фронтовым комитетом было уже возбуждено ходатайство об изменении его положения. Неопределенность привела его к отчаянию, что непосредственно отразилось в семейной переписке¹⁹². В начале октября он побывал в Минске по делам отряда, а в середине того же месяца его отправили в командировку в Москву¹⁹³ для нового набора сотрудников, необходимых для отряда. В декабре Чулков снова оказывается в Полонечке, на фронте. Тогда же у него появилась возможность в действительности стать уполномоченным отряда: все товарищи уполномоченные уехали, и в кандидаты на эту должность были избраны присутствующий там присяжный поверенный и он. В отряде Чулков фактически исполнял все обязанности уполномоченного («Я пока работаю в качестве помощника уполномоченного нашего отряда. У меня буквально занят весь день с утра до ночи. Я исполняю фактически обязанности товарища уполномоченного, а между тем прав его не имею. Это трудно. Есть и другое психологическое осложнение» [ПП, п. 377]; «Вчера ездил по делам в летучку, ночевал

¹⁹⁰ Поскольку «Невеста» была, в конце концов, окончательно снята с репертуара, он решил обратиться к Н. А. Котляревскому для того, чтобы тот помог ему устроить в Литературный фонд или Академии субсидию: «Пусть он даст форму прощения, перешли мне ее для подписи моей, если это нужно. Котляревский сам предлагал мне это устроить. Он человек любезный» [ПП, п. 391].

¹⁹¹ Данное изменение в положении позволило бы ему остаться в отряде, в том случае, если не призывали его раньше ноября, т.е. до того, как он успел отслужить три месяца в Союзе городов.

¹⁹² См., например: «Я чувствую сейчас предельное утомление: это все – неопределенность моего положения и неизвестность, останусь ли я в нашем отряде. Ничего неизвестно. Это – ей Богу - ужасно» [ПП, п. 359]; «Не писал тебе два дня, потому что было мрачно и тревожно в душе» [ПП, п. 361]; «От сегодняшнего твоего письма у меня сердце болит. Мучительна эта неизвестность. Волнуюсь за сердце твое. Устал ты, родной мой» [ПП, п. 360].

¹⁹³ Предполагается, командировка длилась около месяца, поскольку в переписке письма отсутствуют на протяжении этого срока. Чулков написал жене 15 октября: «Я в Москве. Меня командировал отряд, чтобы уладить мобилизационные дела: возбужден ряд ходатайств о необходимейших отряду сотрудниках» [ПП, п. 368]. Следующее письмо из Полонечки датировано 6 декабря: «Я доехал благополучно до Минска, видел там А. М. Раевского, ужинал с ним и беседовал мирно» [ПП, п. 370].

в блиндаже, можно сказать, “под носам у немцев”, но ни немцы, ни крысы, коих было немало, меня не съели.» [ПП, п. 378]; «[...] закипела огромная работа и я принимаю в ней деятельнейшее участие. Не могу работать для себя вовсе. Валяюсь спать вечером усталый и изнемогающий» [ПП, п. 383]). Кроме выполнения своих непосредственных обязанностей, Чулков заботился о культурном и духовном воспитании отряда: на него было возложено, например, создание библиотеки для офицеров и солдат, которая затем, по его собственному признанию, пользовалась большим успехом. Немалые усилия были им приложены для устройства спектакля сотрудникам отряда (было решено поставить «Женитьбу» Гоголя, однако показ, по иным причинам, в конце концов не состоялся). По соглашению со штабом, Чулков организовывал торжественные вечера, на которых сотрудники отряда выступали с разными докладами¹⁹⁴. Он тоже намеревался выступать перед офицерами и прочитать доклад о духовных сокровищах России.

В связи с неустойчивостью его положения в отряде¹⁹⁵, Чулков стал сильно беспокоиться о финансовом положении его семьи, проживавшей в Царском селе. В семейной переписке ярко прослеживаются его внутренние переживания, связанные, начиная со второй половины декабря, непосредственно с возобновлением его литературной работы: «Я думаю наладить свою жизнь с января: или я буду получать 200 руб.<лей> и пользоваться сравнительно независимым и почетным положением товарища уполномоченного, или я постараюсь устроиться иначе, дабы иметь сколько-нибудь времени для литературной работы» [ПП, п. 387]. Таким образом, ежедневно, в каждом последующем письме, есть постоянные рассуждения о судьбе того или иного произведения: во-первых, Чулков неоднократно упоминает роман «Сатана», второе издание которого должно быть к этому времени уже выйти в свет. Это дело он поручил, еще до отъезда на фронт, Е. А. Ляцкому, владельцу издательства «Огни». По причинам, связанным, как сообщает ему Надежда Григорьевна, с типографическими обстоятельствами, издание вышло с небольшим опозданием только в конце февраля следующего 1917 года¹⁹⁶: «“Сатана” печатается и скоро тебе пошлют его на

¹⁹⁴ 15 декабря, например, сестра милосердия Нина Александровна Колюбакина, дочь депутата Государственной Думы А. М. Колюбакина, погибшего во время Первой мировой войны на боевом поле, прочитала доклад о ее пребывании в немецком плену. Также в первый день Рождества был устроен офицерами кукольный спектакль.

¹⁹⁵ Неустойчивость была продиктована тем, что Чулков не знал, остается ли он при службе в отряде, или отправят его в передовые ряды солдатом. Как было уже сказано, о нем было возбуждено ходатайство в Союзе городов, однако результаты становились известными только в конце января. В случае утверждения ходатайства Главным комитетом и Сибирским обществом, Чулков мог бы остаться в действующей армии, продолжать там службу и, между тем, получить звание товарища уполномоченного. Но в противоположном случае, ему открывались только два выхода: либо переехать служить в Минск, в Комитет Западного фронта, где ответственный пост занимал его знакомый по университету В. А. Раевский, либо оказаться на военной службе в окопах на фронте.

¹⁹⁶ Роман «Сатана» вышел только в следующем году, хотя на обложке помечен 1916 г. 5 января 1917 года Чулков написал жене: «Как возмутительно, что “Сатана” до сих пор не появляется на книжном рынке. По субботам я слежу за объявлениями в “Речи”. “Огни” даже не публикуют о романе в числе книг, которые скоро выйдут.

фронт. 1-2 экземпляра. *Кому нужно послать его для отзыва или в подарок?»* [ПП, п. 396]; во-вторых, в издательстве «Северные дни» Чулков пытался опубликовать отдельной книжкой роман «Метель», вышедший в свет в том же 1916 году в альманахе «Шиповник»¹⁹⁷, а также «Сережа Нестроев» и сборник рассказов «Люди в тумане». Из них, были изданы, в 1916 году, только «Сережа Нестроев»¹⁹⁸ и «Люди в тумане»¹⁹⁹; в-третьих, в конце декабря 1916 года, в

Непонятная неряшливость» [ПП, п. 392]. В середине февраля выяснилось, что в издательстве отказались печатать книгу из-за недоразумения с бумагой.

¹⁹⁷ По сравнению с предыдущим романом «Сатана», о «Метели» написано относительно меньше. Этот роман, так же, как и его предшественник, можно отнести к тем произведениям, в которых Чулков заимствует сюжет работ других писателей (речь идет, в основном, о Ф. М. Достоевском и А. С. Пушкине) и рассматривает их под собственным углом зрения. Роман, как было уже сказано, впервые появился на страницах альманаха «Шиповник» в 1916 году (см.: Г. И. Чулков, «Метель. Роман в 2-х частях» // «Литературные альманахи издательства “Шиповник”», 1916, кн. 25, стр. 7-142), затем был опубликован отдельным изданием в 1917 году, при издательстве «Северные дни». Критика и в этот раз восприняла новую работу Чулкова весьма сдержанно, считала, например, что повесть слишком «претенциозна», вызывая в памяти лики и образы, не принадлежавшие перу самого автора (Вяч. Полонский); подчеркивала, что повесть написана небрежно, что смысл автора затуманен, как затуманена ночь во время метели (А. С.); намекала на «невзыскательность» автора и на то, что действующие лица «сливаются для читателя в туманное пятно» (Горнфельд). Сюжет романа, как и его название, напоминающие одноименную повесть Пушкина, строится вокруг совершаемого по ошибке бракосочетания. Задуманный Чулковым брачный союз не ведет, однако, как в повести Пушкина, героев к счастливому концу. В романе Чулкова собираются венчаться брат и сестра единокровные, что, по замыслу автора, должно было символизировать влияние рока на судьбу человека (несчастные главные героини вынуждены заплатить за грешную жизнь их отца). Многочисленные подтексты и интертекстуальные параллели проведены Чулковым не только по отношению к текстам Пушкина, но и к романам Достоевского и к учениям Вл. Соловьева. Центральная мифопоэтическая символика метели в романе, раскрывающаяся в образе буйной стихии, наделена, согласно концепции Чулкова, мистической силой, способной предсказать страшные события, стоящие на пороге жизни главных героев (брачный обман) и, в том числе, страны (революция). Следует еще выделить, в структуре этого романа, межтекстовые аллюзии, проявляющиеся на разных повествовательных уровнях: это, например, образ порочного отца (чье сладострастие напоминает Свидригайлова у Достоевского), старшего князя А. Г. Нерадов, увлекающего оккультными практиками, что вызывает, в то же время, прямую ассоциацию с опытами символистской богемы; это – фигура сына князя, молодой Иван Нерадов: душевная чистота не избавила его от следов греховности отца; он ведет себя противоречиво, то встречается с доброй Татьяной Поляновой, то посещает развратные места в обществе проституток. Татьяна, в свою очередь, воплощает в себя прототип Вечной женственности, образ Софии, в силу своей природы, открывающей путь к высшим началам. И во всем этом, как заключила М. В. Михайлова: «В результате из всей представленной на суд читателя круговерти событий, характеров, идей, которой захвачены и проповедники свободной и порочной любви, и ростовщики, и стареющие развратники, и женственные юноши, и реакционные политики, и прекраснотушные либералы, вырастает образ несчастной России, в вихре *dance macabre* устремляющейся к пропасти...» // М. В. Михайлова, «“Интересный и безукоризненно честный писатель”», ук. соч., стр. 9.

Некоторые критические отзывы, посвященные роману «Метель» Г. И. Чулкова: Вяч. Полонский, «Г. Чулков. “Метель”: роман: в 2 ч. Петроград» // «Летопись», 1916, № 7, стр. 307-310; <А. Г. Горнфельд> «Г. Чулков. Сатана. Пгр., 1917; Метель. М., 1917» // «Русское богатство», 1917, № 8-10, стр. 320-321; А. С. «Г. Чулков. Метель. Роман. М., 1917» // «Современный мир», 1917, № 4-6, стр. 345-347.

Подробнее о романе «Метель» см. в: Д. Г. Исеналиева, *Проза Г. Чулкова. Проблематика и поэтика*, ук. соч.; М. В. Михайлова, «“Интересный и безукоризненно честный писатель”», ук. соч.

¹⁹⁸ Г. И. Чулков, *Сережа Нестроев*, М., 1916, 242 с.; судя по семейной переписке, Чулков был намерен издавать еще и второе издание этого романа. По этому поводу, в письмах Надежды Григорьевны, обнаруживаются намеки на то, что это второе издание должно было выйти в тех же «Огнях»: «[...] сегодня я подписала свое согласие на издание “Сережи Нестроева” в “Огнях” за 350 руб.<лей> в количестве 1200 экземпляров. Это весь гонорар; больше ты не имеешь прав ни на какой доход с издания. Ляцкий говорит, что теперешние условия печатания книг не позволяют им издавать на тех же условиях, что и раньше» [ПП, п. 398]. Однако нет никаких сведений о том, что это второе издание на самом деле издавалось.

¹⁹⁹ Г. И. Чулков, *Люди в тумане. Сборник рассказов*, М., 1916, 177 с. [Встреча, Омут, Неприятная история, Ксения, Глухая ночь, Соседка, Приведения, Шурочка и Веня, Судьба, Акробатка, Отмщение, Как я бежал из тюрьмы, Родина].

семейной переписке говорится впервые о новой драме Чулкова «Дети греха»²⁰⁰. Эту пьесу, являющуюся, как утверждает М. В. Михайлова, переделкой романа «Метель»²⁰¹, Чулков намеревался устроить в театре. 10 декабря Надежда Григорьевна отнесла пьесу Н. В. Дризену, в то время служившему цензором по делам печати; 21 декабря она известила мужа, что: «“Дети Греха” пропущены цензурой. Экземпляр у меня, в Царском. Я переслала тебе копию с письма Станиславского. Он не находит возможным поставить пьесу у себя в театре» [ПП, п. 384]. На следующий же день она сообщила ему, что дирекция Одесского драматического театра А. И. Сибирякова интересовалась пьесой, попросив, однако, исключительное право на ее постановку. Первоначально эта идея соблазнила его («Вот хорошо бы получать 300 руб.<лей> аванса за “Детей Греха” из Одессы. Только едва ли дадут» [ПП, п. 392]), и он предлагал Сибирякову свои условия (двойной авторский гонорар и авансы), но к середине февраля он уже охладел к этому замыслу: «На “Детей Греха” надо, пожалуй, махнуть рукою едва ли можно поставить эту пьесу» [ПП, п. 408]; в-четвертых, среди упоминаемых литературных планов отмечается еще один, предложенный самой Надеждой Григорьевной. Через Ходасевича она узнала, что московское издательство «Современные проблемы» собиралось издавать собрание сочинений Эмиля Верхарна и она решила предложить им два перевода: «Зори», в переводе Чулкова, и «Монастырь», в ее собственном переводе²⁰². Чулков, хотя и не очень одобрил эту инициативу, все-таки согласился на переиздание несовершенного, по его мнению, перевода: «Относительно Верхарна поступай, как хочешь. Меня не соблазняет появление вновь моего неисправленного старого и не очень удачного перевода, но и не пугает особенно. Если дадут рублей сто вперед, можно, пожалуй, отдать “Зори”» [ПП, п. 392]. Со своей стороны, Надежда Григорьевна условилась с издательством и за второе издание перевода получила 60 рублей²⁰³.

²⁰⁰ Видимо, когда в августе Чулков написал жене, что он пишет пьесу и о том, что он был намерен закончить ее в первых числах сентября, когда ему удалось бы провести несколько дней в Петрограде (ср., например: ПП, п. 336, 339, 354, 364 и т.д.), речь шла именно о пьесе «Дети греха». Опубликованная в журнале «Русская мысль», 1918, кн. 3-4, стр. 84-134, рукопись пьесы хранится в рукописном отделе РГБ. Сотрудниками, которые составили опись фонда Чулкова, поставлена заметка «Конец 1916 г.», «На л. 1 – разрешение цензора 1917 января 27», что действительно сходится с версией, явствующей из семейной переписки. См.: Машинопись. РГБ, ф. 371, к. 7, ед. хр. 4, 73 л.

²⁰¹ М. В. Михайлова, «“Интересный и безукоризненно честный писатель”» // Г. И. Чулков, *Валтасарово царство*, М., 1998, стр. 9.

²⁰² «Зори. Пьеса в четырех актах» Верхарна, в собственном переводе Чулкова, была опубликована в: «Сборник товарищества “Знание” за 1906 год», СПб., 1906, кн. 11, стр. 1-85; «Монастырь. Пьеса в четырех актах» Верхарна, в собственном переводе Надежды Григорьевны, была опубликована в: «Сборник товарищества “Знание” за 1908 год», СПб., 1908, кн. 21, стр. 65-114 [подписана Н. Степановой].

²⁰³ По проверке, проведенной по изданию «Эмиль Верхарн: Библиографический указатель», составленному М. В. Линдстрем, сведения о выходе при издательстве «Современные проблемы» переводов Г. И. Чулкова и Н. Г. Чулковой не установились. См.: *Эмиль Верхарн: Библиографический указатель* [сост. М. В. Линдстрем, вступ. ст. И. Д. Никифоровой], М., 1988, стр. 160-185.

Начиная с первых месяцев 1917 года семейная переписка меняет свой «формат»: ее центральной темой заново становится положение Чулкова в отряде и служебные условия, в которых он оказался в своем ближайшем будущем. Только в конце декабря мобилизационный отдел Союза городов официально известил его, что ему была дана отсрочка до 1 июня 1917 года, что позволило ему продолжить свою работу в отряде. Таким образом, в первых числах января Чулков продолжал временно исполнять обязанности уполномоченного, в то время отсутствующего в отряде, потратив очень много времени на представительство, нанося визиты генералам и т.д. 5-ого января пришло известие о том, что весь корпус, и, вместе с ним, весь отряд, будет переведен на другой участок фронта, в отличие от первоначальных планов на долгую зимнюю стоянку на западном фронте: «Мы только что закончили постройку обширной прачечной и бани, утеплили помещения лазарета, палатки и землянки, соорудили великолепную операционную. Все это приходится бросать, и весь наш огромный отряд [...] все потечет куда-то. И на дворе холод и метель» [ПП, п. 392]. 9-ого января весь передовой отряд был уже свернут и готов приступить к переезду: им было назначено перебраться по железной дороге до города Молодечно, который являлся одним из центров военной связи Западного фронта. Приехавший в новое место 5-го февраля, Чулков вновь оказался в положении служить заместителем уполномоченного, однако, в связи с непрочным положением не только его отряда, но и даже всего Союза городов, он уже наметил себе другой план: остаться в отряде в качестве уполномоченного до 5-го марта, затем поехать служить в Минск, в Комитет Западного Фронта, куда его призвали товарищи уполномоченные Раевский и Щелкин. «Отряд меня встретил приветливо», – рассказывал он жене, – «И вот теперь, когда все знают, что я уйду в Комитет, я чувствую, что о моем уходе сожалеют» [ПП, п. 400]. В конце февраля Чулков благополучно довел отряд до назначенного места поселения, испытав во время похода, как он рассказывает в письмах к жене, и «тяжелые», и «светлые» минуты²⁰⁴. К 1-ому марту отряд уже разместился на новом месте, в 8 верстах от немецких окопов. В руках Чулкова, получившего тогда официальное утверждение о том, что его назначили «Исправляющим» обязанности уполномоченного в отряде и Помощником уполномоченного Комитета Западного Фронта, вновь оказалась вся организационная работа отряда:

Я перевел отряд с одного места на другое и тотчас же пришлось принять на себя ответственное дело. В письме не расскажешь всего – ты сама понимаешь: надо строить бараки, надо ремонтировать почти весь

²⁰⁴ См.: «Я во время перехода испытал немало тяжелых минут – не столько из-за трудностей похода, сколько из-за свинства некоторых людишек: теперь я вижу, что на войне в самом деле приходится иногда приказывать, не просить, когда имеешь дело с людьми некультурными [...] Среди тягостных испытаний, выпавших на мою долю, были и светлые минуты. Хорошо было, например, идти во главе отряда последние двенадцать верст перед последней стоянкой. Дорога была хорошая, шли мы лесом, было тепло и луна светила, как в сказке. Я нарочно слез с саней и шел пешком, чтобы подбодрить солдатиков. Земляки развеселились и лихо пели песни» [ПП, п. 408].

инвентарь, надо быть готовым к новому походу или к наступлению, надо принять и эвакуировать такое количество раненых, больных и газотравленных, какого мы раньше не принимали, потому что отряд не был до сих пор головным эвакуационным пунктом, а теперь мы должны вести не только госпитальную и хирургическую работу, но и эвакуировать непосредственно на железнодорожную ветку почти ежедневно солдатиков. Можешь ты себе представить, какое, например, нам нужно количество белья. А его иногда не бывает. Ведь, это я должен во чтобы то ни стало его достать. Но белье – это сотая доля всех моих забот. А наши сотрудники? Они все до единого требуют от меня всего и только на меня надеются. И при этом какие бывают претензии! У меня нет свободной минуты. Я встаю раньше всех и ложусь, когда все уже спят [ПП, п. 412].

К этому времени до отряда начали доходить слухи о происходившей в Петрограде Февральской революции: «О том, что у вас в Петрограде делается, я кое-что знаю. Надо молить Бога, чтобы он спас Россию от немцев и от греха» [ПП, п. 412]. Следует отметить, что именно на этом этапе его «военной» биографии возобновляются записки, изложенные в книге воспоминаний «Годы странствий»: «Только что мы наладили палатки на новых местах и разместились по землянкам в еловом, занесенном снегом лесу, как пришла к нам весть о событиях» [ГС, с. 311]. И в посланиях к жене, и в мемуарах, перед тем, как коснуться вопросов о судьбе России, Чулков уделяет особенное внимание одному событию, оказавшего на него сильнейшее впечатление: это следствия от немецких газовых атак. В переписке он описывает жене: «Самое страшное, что я видел на войне, Надя, это то, как умирают отравленные газами. Вчера я хоронил таких задохнувшихся земляков. Если бы ты была со мною рядом, наверное, чувствовала бы то же, что и я» [ПП, п. 412]; в мемуарах он тоже вспоминал этот эпизод: «А смерть от газовой отравы – это, пожалуй, самое страшное, что довелось мне увидеть на войне. Какие у отравленных синие лица! И какой ужас в глазах! Они задыхаются, мечутся на койке, вскакивают и падают навзничь, зевая судорожно, как рыба на берегу» [ГС, с. 312]²⁰⁵.

Официальное сообщение о перевороте в Петрограде Чулков получил только 4-ого марта. В письме Надежде Григорьевне он отметил, что: «Я читал команде приказ Верховного Главнокомандующего, и команда кричала “Ура!»» [ПП, п. 413]²⁰⁶. Весть об отречении императора от российского престола для солдат-фронтовиков явилась неожиданностью, хотя и встречена с энтузиазмом: «Сегодня у меня в халупе собралось несколько человек офицеров и врачей, и все говорили беспорядочно и как будто иногда не к делу, потом стали нескладно петь песни. Этакое сборище в первый раз случилось здесь. Но за суматохой речей и нескладицей песен, я чувствовал огромную Россию, неналаженную, но великолепную. Все эти

²⁰⁵ Далее в мемуарах следует упоминание о похоронах погибших от травли газами [ГС, с. 313-314].

²⁰⁶ Ср. с описанием, напечатанным в «Годах странствий»: «Я кончил читать и смотрю на команду. Все молчат. Я не забуду этой тишины. Сколько времени протекло в этом молчании? Минута, секунда или час? И вдруг грянул гром. Что такое? Это солдаты кричали “ура”. Все кричали “ура”, все эти рязанцы, смоляки и сибиряки» [ГС, с. 315]. Со своей стороны, Надежда Григорьевна тоже сообщила мужу собственные впечатления от происходившего в Петрограде: «Как жаль, что не были мы вместе, когда “сон свершился наяву”. До сих пор не верится, что все это произошло. И как скоро! [...] теперь мы радостно приветствуем офицеров и солдат, когда они проезжают на автомобилях мимо нас». [ПП, п. 415].

фронтовые люди обстрелянные не раз, были как в лихорадке. Ветхой России уже нет, чтобы теперь ни произошло нового и неожиданного» [ПП, п. 414]. Сам Чулков весьма приветствовал сложившуюся ситуацию и 11-ого марта, вместе со всей его командой, присягал Временному правительству. Февральскую революцию писатель воспринял как загадочный размах всемирной истории, на последней написанной странице которой было поставлено слово «конец»: «Сорока восьмичасовая революция и тотчас же восстановленный порядок – это все слишком чудесно, и боишься поверить такому чуду. Ведь, немцы не дремлют! Ах, если бы они сделали революцию и убрали своего “Вильгельма”. Тогда можно бы заключить мир с чистой совестью. В Армии в эти дни видел я много и страшного, и смешного. Верю, что все будет скоро налажено крепко и честно» [ПП, п. 416].

По возвращению уполномоченного, Чулков тотчас же выехал в Минск, покинув отряд. Здесь условия работы более соответствовали его природным наклонностям, так как ему было предложено руководить журналом Комитета: «[...] в Минске, мне, по-видимому, предстоит огромная работа. Я буду редактировать журнал Комитета, ныне вовсе освобожденный от гражданской цензуры» [ПП, п. 417]. Наряду с этим, Чулков намеревался возобновить также собственную литературную деятельность, которую ранее он был вынужден прекратить²⁰⁷. Отметим здесь, что Чулков ссылается к замыслу журнала в достаточно противоположном виде, т.е. он первоначально называет его «журнал Комитета», затем, в письме от 4 апреля «задуманный мной журнал для фронта». Определить на самом деле, о каком журнале шла речь, можно из письма Чулкова от 1 июня 1917 года: будучи в Москве по делам Просветительной Комиссии²⁰⁸, писатель предлагает Надежде Григорьевне связаться с ним по телефону, и указывает на «журн.<ал> “Народоправство”» [ПП, п. 421].

К тому времени, по словам Чулкова, положение всего Союза городов становилось весьма неопределенным: «[...] ожидается слияния городского Союз с земским и с красным крестом. Это слияние запутывает мои личные дела чрезвычайно» [ПП, п. 419], и, по этой

²⁰⁷ За первые месяцы 1917 года, упоминания о литературных делах являются крайне редкими. Например, известно, что издательство «Северные дни» выпустило, в феврале 1917 г., отдельным изданием роман «Метель»: «Потребуй от Григория Борисовича Городецкого <глава издательства “Северные дни” – К. Р.> 25 авторских экземпляров “Метели”, из них *три* пришл<и> мне сюда» [ПП, п. 401]; «Получила ли ты авторские экземпляры “Метели”?» [ПП, п. 408]. С помощью Надежды Григорьевны ему также удалось напечатать рассказ в газете «Речь»: «Отдала ли ты в “Речь” рассказ?» [ПП, п. 401]; «В моем рассказе в “Речи” была тьма опечаток. Ты заметила?» [ПП, п. 408]; «Признайся, что ты не отдавала переписать мой рассказ для «Речи» на машинке: в нем были безобразные опечатки и такие, между прочим, каких не могло быть, если бы рассказ был переписан на машине. Кроме того пропущена она фраза – кем? – и после пропуска – явная чепуха» [ПП, п. 412]. См.: Г. И. Чулков, «Ося. Рассказ» // «Речь», 1917, № 41 (3783), воскресенье 12-го (25) февраля, стр. 2.

²⁰⁸ Художественно-просветительная комиссия при Московском совете Рабочих депутатов была учреждена 11 апреля 1917 года. См.: В. П. Лапшин, *Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году*, М., 1983, стр. 347. Задачей комиссии было «[...] приближение всех видов искусства к широким кругам московской демократии». Председателем был избран В. С. Вересаев. См.: В. Л. Львов-Рогачевский, *Материалы Великой Революции 1917 г. Социалисты о текущем моменте*, М., 1917, стр. 53.

причине, писатель решил отказаться от своей службы в Комитете Западного Фронта и, с июня 1917 года, продолжать свою работу в Просветительной комиссии. После месяца благополучной работы над журналом²⁰⁹, ситуация вновь изменилась: оказалось, что Московский комитет не одобрил ходатайство Чулкова о продлении срока работы в комиссии, и ему предстояло идти в казармы, а затем на фронт. Однако 8 июля Чулков известил жену о том, что: «Московский Городской Комитет пересмотрел мое дело и признал нашу Просветительную Комиссию учреждением, работающим на оборону. Таким образом я временно пользуюсь отсрочкой, но теперь существуют какие-то еще ревизоры, которые могут отвергать решения Городского Комитета. Пока, значит, я свободен и могу продолжать мою работу. Впрочем, мне теперь все равно» [ПП, п. 429]. Несмотря на эту общую неопределенность, Чулков в конце концов остался в Просветительной комиссии. Редакцией журнала Чулков занимался с июня 1917 года по февраль 1918 года, но это не избавило его от чувства «усталости», о котором он часто рассказывает жене. Прозвучавшая в его письмах усталость совпадала с общим состоянием, в котором оказалась страна в те тревожные дни: «Теперь у меня несколько наладилась внешняя сторона дела, а устаю я все так же, как и раньше. Очевидно, у меня усталость внутренняя: вся Россия безмерно устала – в этом, должно быть, вся суть» [ПП, п. 429]; далее: «Признаюсь, я внутренне устал, и бывают минуты (только минуты слабости), когда мне кажется, что придется нам с тобой жить на развалинах не только русской Империи, но и среди руин Российского государства. Неужели во-истину мы были декадентами? И неужели все наше великое было в прошлом и в настоящем нет ничего? Господи, помилуй нас грешных» [ПП, п. 430].

Таким образом, оказавшийся снова «на родине» после долгих лет странствий (мы воспользуемся определением, который сам Чулков использовал не один раз для обозначения своего внешнего и внутреннего положения в эти годы) писатель начал заново строить свою личную жизнь, но уже на иных принципах. На пороге Октябрьской революции, в его руках вновь оказалась редакционная работа целого периодического издания «Народоправство» (как было, в 1904-1905 гг., с журналами «Новый путь» и «Вопросы жизни»), страницы которого стали публицистической его трибуной для собственных размышлений и рассуждений о судьбе России.

Основательное исследование этого периода жизни и творчества Чулкова требует объемного и всестороннего изучения ряда документов, которые еще не полностью открыты

²⁰⁹ Первый выпуск еженедельного журнала «Народоправство» вышел в свет 15-18 июня 1917 года. См.: М. А. Колеров, «Народоправство». Репр. содержания // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год*, СПб., 1997, стр. 277-286. См., например, письмо от 7 июня 1917 года: «Зайцев написал чудесно для нашего журнала» [ПП, п. 422] – имеется в виду статья Б. К. Зайцева «Мы, военные». Очерк первый» в «Народоправство», 1917, №1, стр. 7-9.

исследователям, так как находятся в личных архивах, в библиотеках, в специализированных отделах институтов. Ввиду важности этого переломного момента в жизни писателя, повлекшего за собой кардинальные духовные и мировоззренческие изменения, в рамках данного исследования не представляется возможным написать полную научную биографию писателя, охватывающую весь объем его жизненного пути. Реализация подобной задачи заключается в особенном тщательном и кропотливом воссоздании событий того времени и намечается в перспективе развития данной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Каталожный список библиотеки Г. И. Чулкова: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 11.

Библиография произведений Г. И. Чулкова и статей о его творчестве, биографии Г. И. Чулкова: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 42.

Записная книжка с записями тем и планов пьес, рассказов, статей и лекций, библиографическими выписками, дневниковыми записями 1920-1921 г. и с завещанием Г. И. Чулкова: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107.

Автобиографии и библиографии: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 243.

Воспоминания: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 244.

Письма Иванову, Вячеславу Ивановичу: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 263.

Письмо Зиновьевой-Аннибал, Лидии Дмитриевны: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 336.

Письма Иванова, Вячеслава Ивановича: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 339.

Письма Чулкову, Георгию Ивановичу (автор Чулкова, Надежда Григорьевна): РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399 — 400 — 401.

Письма Чулковой, Надеждой Григорьевной (автор Чулков, Георгий Иванович): РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480 — 481 — 482 — 483 — 484.

Письма Чулковой, Надеждой Григорьевной (автор Иванов, Вячеслав Иванович): РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 458.

«Откровенные мысли». Дневник: РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 1.

«Биография Георгия Ивановича Чулкова»: РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 2.

«Георгий Иванович Чулков. Автобиография Георгия Чулкова»: РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 3.

Письмо к Иванову, Вячеславу Ивановичу [не отослано]: РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 15.

Письмо к Чулковой, Надеждой Григорьевной: РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 31.

Письма к Ходасевич, (урожд. Чулковой, в первом браке Гренцион), Анне Ивановне: РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 29.

Письмо к Чулкову, Георгию Ивановичу (автор Зиновьева-Аннибал, Лидия Дмитриевна): РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 43.

Письмо к Чулкову, Георгию Ивановичу (автор Иванов, Вячеслав Иванович): РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 45.

Письмо к Чулкову, Георгию Ивановичу (автор Ходасевич, Владислав Фелицианович и Анна Ивановна): РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 12.

Биография Г.И. Чулкова (автор Мочалова Ольга Алексеевна): РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 38.

Воспоминания о детской жизни о Георгии Ивановиче (автор Рыбакова (урожд. Чулкова) Любовь Ивановна): РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 39.

Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми (автор Чулкова Надежда Григорьевна): РГБ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 43.

Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми (автор Чулкова Надежда Григорьевна): РГБ, ф. 371, к. 6, ед. хр. 1.

Письма к Лебедевой, Людмиле Михайловне. РГБ, ф. 371, к. 8, ед. хр. 6 — 7 — 8 — 9 — 10 — 11 — 12 — 13 — 14 — 15 — 16.

Письма к Лебедевой, Людмиле Михайловне. РГБ, ф. 371, к. 9, ед. хр. 1 — 2 — 3.

Письма к Иванову, Вячеславу Ивановичу: РГБ, ф. 109, к. 36, ед. хр. 45 — 46 — 47 — 48.

Георгий Иванович Чулков, Надежда Григорьевна Чулкова. Переписка: ИМЛИ, ф. 36, оп. 3, ед. хр. 8 — 9 — 10 — 11 — 12 — 13 — 14 — 15 — 16 — 17 — 18 — 19 — 20 — 21 — 22 — 23 — 24 — 25 — 26.

Георгий Иванович Чулков, Надежда Григорьевна Чулкова. Описание писем Г. И. и Н. Г. Чулковых: ИМЛИ, ф. 36, оп. 3, ед. хр. 27.

2. БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Г. И. ЧУЛКОВА¹

2.1 Собрания сочинений

Рассказы. Т.1. СПб., 1909, 219 с. [Тайга, Тревога, На этапах, Сулус, Дама со змеей, В плену, Уля, Северный крест, Белая криница, Признание, Невеста, Мертвый жених, Архивариус, Сентябрь, Земля, Весною, Парадиз, Сестра].

Рассказы. Т.2. СПб., 1909, 226 с. [Весенний разлив, Амга, Пустыня, Полунощный свет, В лесу, Тамара, Ева, Тишина, На даче, Маленький Раух, Западня].

¹ Представленная нами библиография работ Г. И. Чулкова является первой попыткой систематизации всех монографических трудов писателя, опубликованных с 1899 по 1939 год. Данная работа основана главным образом на тех доступных нам материалах, которые были использованы для создания его научной биографии. Она не претендует на полноту приводимых данных и нуждается в дополнительной проработке. Список опубликованных на страницах газет и журналов произведений охватывает период с 1899 по 1917 г., т.е. соответствует периодизации выполненной научной биографии.

Сочинения. Т.3. Повести и рассказы. СПб., 1911, 255 с. [Слепые, Дом на песке, Овцы, Цыган и Жучка, Феклуша, Свирель, Фамарь, Демон Асмодей].

Сочинения. Т.4. Стихи и драмы. СПб., 1911, 236 с. [Лирика 1904-1910 гг.: Песня, Три дороги, "В зеленоокой тайге", "Влажный пар седых озер", Весною на север, Весна, Царица, Качели, "Пьяный бор к воде склонился", "Я слышу: ветер повеял в поле", Зарево, "Дымитесь, священные смолы!", Пастух, "Я на темных полях до рассвета блуждал", "Приникни, милая, к стеклу", "И смерть казалась близкой, близкой", "И новый день угаснул и поник", В тюрьме, "Прозвенела весна", Осень, "В темных улицах блуждали", "Я вошел неожиданно в твой сад", "Я тебя целую жертвенно", "Она пришла ко мне - желанная", "Не надо слов, не надо", "Я стучусь в твой терем белый", Беглянка, "Венчанные осенними цветами", "Пустынный летний сон тайги вечерней", "Туманная развеялась любовь", Золотая ночь, Равнины, Нищие, Ночь, "Заклчила она ее в грот", "Если он сюда вернет", "Трех малых девочек убили", "Очи девам завязали", "Нам принесли его ответ", "Семь Орламонды дочерей", "Она имела три короны золотые", "Она подкралась ко дворцу", "О, мать, кто крадется ко мне?", "Зажгли лампы вы свои", "Тридцать лет искала, сестры", "Когда влюбленный удалился", Свадьба, Слова, Осень, Хрусталь, Сон в Венеции, Ночь сенью белою, Элегия; Драмы: Тайга, Адония].

Сочинения. Т.5. Покрывало Изиды. Критические статьи. Статьи 1905-1911 гг. СПб., 1912, 249 с. [О Тютчеве, Памяти Тургенева, Дымный ладан, Исход, Снежная дева, Оправдание земли, Умные стихи, Листопад, Казни, Правда Максима Горького, Кипарисовый ларец, Траурный эстетизм, Поэзия Вл. Соловьева, Покрывало Изиды, Лилия и роза, О Достоевском, Генрих Ибсен, Тайна любви, О лирической трагедии, Элеонора Дузэ, О Верлене, Мировая скука].

Сочинения. Т.6. Рассказы и повести. СПб., 1913, 214 с. [Мертвецы: Повесть, Доктор Чернышев, Морская царевна, Печаль, Отец Григорий, Подсолнухи, Глушь, Монах].

2.2 Художественная проза

Кремнистый путь. Книга рассказов и стихов [на обложке воспроизведен рис. Франца Штука]. М., 1904, 141 с. [Стихотворения 1902-1903: Зарницы, Полуистлевшие цветы, Пояска звезд, Песня песней, Песенки юродивого, Катакомба; Поэмы: Что-то черное, Уединение, Слово, Колонны, Разлад, Стены шатаются, Тайга].

Морис Метерлинк. Двенадцать песен [перевод Г. И. Чулкова, рисунки и обложка Ш. Дудлэ]. СПб., 1905, 52 с.

Тайга. Драма. СПб., 1907, 85 с.

Сатана. Роман. М., 1915, 184 с.

Люди в тумане. Книга рассказов. М., 1916, 177 с. [Встреча, Омут, Неприятная история, Ксения, Глухая ночь, Соседка, Привидения, Шурочка и Веня, Судьба, Акробатка, Отмщение, Как я бежал из тюрьмы, Родина].

Невеста. Драма в 4-х действиях. Пг., 1916, 39 с.

Осенние туманы. Повесть. М., 1916, 56 с.

Серезжа Нестроев. Роман. М., 1916, 242 с.

Судьба России. Беседа о современных событиях. Пг., 1916, 45 с.

Метель. Роман. М., 1917, 190 с.

Посрамленные бесы. Рассказы. М., 1921, 127 с. [Голос из могилы, Страшный плен, Возлюбленный Луизы Жели, Христофор, Мученица Анастасия, Посрамленные бесы, О том, как преп. Павел решил удалиться в пустыню, Агнесса].

Мария Гамильтон. Поэма [рис. Вениамина Белкина]. Л., 1922. 32 с.

Вечерние зори. Рассказы. М.-Пг., 1924, 91 с. [Медвежье озеро, Ненавистники, Милочка, Война].

Мятежники 1825 года. М., 1925, 298 с.

Императоры: психологические портреты [обложка И. Рерберг]. М.-Л., 1928, 367 стр.

Последняя любовь Тютчева (Елена Александровна Денисьева). М., 1928, 133 с.

Братья Борисовы [Жизнь и деятельность основателей общества соединенных славян]. М., 1929, 40 с.

Salto mortale, или Повесть о молодом вольнодумце, Пьере Волховском [обложка И. Рерберг]. М.-Л., 1930, 254 с.

Конец директора Паскаля. Драма в 5 актах. М., 1931, 80 с.

Дон Кихот. Трагикомедия в 4 актах [предисл.: Сергей Игнатов; илл. В. Милашевский]. М., 1935, 110 с.

Жизнь Пушкина. М., 1939, 340 с.

Как работал Достоевский. М., 1939, 340 с.

2.3 Поэзия

Весною на север. Лирика [обложка М. Добужинского]. СПб., 1908, 86 с. [Багряный сев: Весна, Жатва, "Пьяный бор к воде склонился", Качели, "Я слышу: ветер повеял в поле", Зарево, Поэт, "Дымитесь, священные смолы!", Пастух; Печаль: "Я на темных полях до рассвета блуждал", "Приинкни, милая, к стеклу", Из Метерлинка, "Вокруг тайга шумела дико", "О, мать моя! Святая мать!..", "И смерть казалась близкой, близкой", "И новый день угаснул и поник", Осень, В тюрьме, Смерть, "Прозвенела весна"; Шаман: Шаман. Отрывки неоконченной поэмы; Обручение: "Зачем пришла ко мне в тайгу?", "В круглой зале темной башни", "В темных улицах блуждали", "Я вошел неожиданно в твой сад", "Я целую тебя жертвенно", "Она пришла ко мне желанна", "Не надо слов, не надо", "Мы ночью заблудились в залах", "Я стучусь в твой терем белый", Беглянка; Сонеты: "Венчанные осенними цветами", "Пустынный летний сон тайги вечерней", "Туманная развеялась любовь"; Весною на север: Весною на север; На червленой дороге: "Я вернулся, вернулся, Тайга", "Влажный пар серых озер", Гагара, Три дороги, "В зеленоокой тайге дрема осенняя...", "Я целую тебя жертвенно"].

Стихотворения Георгия Чулкова, М., 1922, 122 с. [Душа ущербная, как ночь слепая / Жизнь все тоскливей и нелепей / Уйти в пустыню, в дальний строгий скит / Венеция / Выздоровление / Май 1920 года / Живому сердцу нет ограды / Луна / Так было душно, лунно, томно / Ты сын таинственной печали / Ужели наш последний путь / Голоса / Нет, не убийства хмель и темь, не сила / При блеске молний, в смуте гула / Таинственно чудесной дланью / Какая осень! За стеною / Принуждены мы жить мертво и сухо / Свобода / Ответ / В тумане монастырь, луга, Москва / Прости, Христос, мою гордыню / Нет, не торжественному Риму / Легкое иго / Благоуханны все цветы / Поэту / Вячеславу Иванову / А. А. Б. / Федору Сологубу / Юргису Балтрушайтису / Сергею Городецкому / Н. А. Бердяеву / Борису Зайцеву / Приволье / Психел / Сестре / Отцу Сергею Лебедеву / А. С. Г. / Теснее связь земли живой и неба / Музе / Священная есть давность связи тайной / Двенадцать лет ковали мы любовь / Не растревожим громким словом / В твоих устах жестокие слова / Годы долгие проходят / Как юноша, снова робею и плачу / Как сердце падает от муки / В жару тяжелом, без сознания / Глаза все те же, тот же голос / почему так пусто в нашем доме? / Тебе приснился страшный сон / Он не умел еще писать / В начале всех начал Единосущий / Я верю в таинственное слово / Для нас людей и нашего спасения / При Понтии Пилате Ты распят / Простою будь душа, как голубца / Я верю, Господи! Ты вознесен / Да, Ты грядешь со славою судить / Сонм ангелов, сих белокрылых стая / Теперь молчит синайская гора / Во оставление моих грехов / Так, нам разлука сердце болью вяжет / Не плачь, не бойся смерти и разлуки / Мария Гамильтон].

2.4 Критическая проза

О мистическом анархизме [со вступит. ст. Вячеслава Иванова о неприятии мира]. СПб., 1906, 79 с.

Анархические идеи в драмах Ибсена. СПб., 1907, 63 с.

Покрывало Изиды. Критические очерки [обложка работы В.Д. Милиоти]. М., 1909, 217 с. (вып. в свет 6-13 ноября 1908 г.). [Предисловие, Покрывало Изиды, Лилия и роза, Ф.И. Тютчеве, Дымный ладан, Исход, Снежная дева, Александр Добролюбов, Оправдание земли, Около быта, Разоблаченная магия; Умные стихи, Листопад, Казни, Правда Максима Горького, Памяти Чехова, Памяти Тургенева; Элеонора Дузэ, Принципы театра будущего; Заключение].

В далеких краях. Африка [с рис. А. А. Кучеренко]. М., 1910, 60 с.

Вчера и сегодня. Очерки. М., 1916. 166 с. [Предисловие, Демоны и современность, Метерлинк, Мертвые зори, Памяти Врубеля, Славяне и Пушкин, Проклятая десятина, Глухие выстрелы, Самоубийцы, Болящий дух, Поэт, Закатный звон, Весы, Книга Эрберга, Маринетти, Оправдание символизма, Письма из Парижа, От Женевы до Софии, Болгары, Всадники].

Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М., 1917, 30 с.

Наши спутники. Сборник статей 1912-1922. М., 1922, 199 с. [Сны в подполье, Проклятая десятина, Глухие выстрелы, Зеленое кольцо, Болящий дух, Поэт, Анна Ахматова, Памяти Александра Блока, Памяти Врубеля, Оправдание символизма, Книга Эрберга, Демоны и современность, Метерлинк, Мертвые зори, Эмиль Верхарн, Маринетти, Нейтральный писатель].

2.5 Прижизненная мемуарная проза

«Краткая автобиография» // «Альманах молодых», 1908, № 1, стр. 25.

«Георгий Иванович Чулков» // *Первые литературные шаги*, М., 1911, стр. 126-128.

«Георгий Иванович Чулков» // *Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков*, М., 1928, стр. 368-373.

Годы странствий, М., 1930, 401 с.

2.6 Произведения, появившиеся на страницах журналов, газет, альманахов и т.д. с 1879 по 1917 г.

На тот берег [рассказ] // «Курьер», 1899, 14 сент., № 254, стр. 2.

Как развеселить короля [сказка] // «Детский отдых», 1899, № 10, стр. 43-46.

Детство и юность Н.И. Пирогова [жизнеописание] // «Детский отдых», 1899, № 5, стр. 33-45.

Пушкин на юге. В 1820–1824 гг. [жизнеописание] // «Детский отдых», 1899, № 8, стр. 114-137.

В далеких краях. Африка [очерк] // «Детский отдых», 1899, № 12, стр. 13-37.

Петр Великий в Саардаме [историко-биографический очерк] // «Детский отдых», 1900, № 10, стр. 121-125.

В далеких краях. Америка [очерк] // «Детский отдых», 1900, № 12, стр. 13-29.

Принцесса Моргана [сказка] // «Детский отдых», 1901, № 11, стр. 1-12.

В далеких краях. Африка (продолжение) [очерк] // «Детский отдых», 1902, № 12, стр. 4-24.

Мещане и академия [ст.] // «Нижегородский листок», 1903, [библ. дан. неизв.].

Талисман [рассказ] // «Нижегородский листок», 1903, [библ. дан. неизв.].

Светлеют дали [ст.] // «Весь», 1904, № 3, стр. 13-16.

Тревога [рассказ] // «Новый путь», 1904, № 4, стр. 83-88.

Роденбах Ж. Мертвой Брюгге / Пер. М. Веселовской (М., 1904); Роденбах Ж. Прялка туманов / Пер. М. Веселовской (М., 1904) [рец.] // «Новый путь», 1904, № 4, стр. 222-225.

Кант Э. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика / Пер. с нем. Бурдеса; ред. и пред. А. Л. Вольнского (СПб., 1904) [рец., под псевд. Б. Кр.] // «Новый путь», 1904, № 4, с. 225-226.

Перевал [ст., под псевд. Кремнев, Б.] // «Новый путь», 1904, № 4, стр. 246-251.

Примечания к словам Антона Крайнего о Чехове [ст.] // «Новый путь», 1904, № 5, стр. 267-268.

Из текущей жизни [ст., под псевд. Кремнев, Б.] // «Новый путь», 1904, № 5, стр. 269-271.

Сборник товарищества "Знание", 1903, кн. 1 (СПб, 1904) [рец.] // «Новый путь», 1904, № 6, стр. 217-222.

О культурном строительстве (в Японии) [ст., под псевд. Кремнев, Б.] // «Новый путь», 1904, № 6, стр. 223-226.

Метерлинк, М. Пятнадцать песен [перевод Г. Чулкова] // «Новый путь», 1904, № 7, стр. 14-29.

Некролог Чехова // «Новый путь», 1904, № 7, стр. 191-195.

Вопросы жизни и "Правда" [ст., под псевд. Кремнев, Б.] // «Новый путь», 1904, № 7, стр. 237-243.

Так тихо, нежно розовели... [стихотворение] // «Новый путь», 1904, № 9, стр. 238.

Вижу листьев странных позолоту [стихотворение] // «Новый путь», 1904, № 9, стр. 239.

На мельнице [рассказ] // «Новый путь», 1904, № 10, стр. 157-163.

Пишбышевский С. Полн. соб. соч. (М., 1905; Т. 1: Поэмы, Т. 2: Сыны земли) [рец., под псевд. Ч-ов Г.] // «Новый путь», 1904, № 11, стр. 339-340.

Третий сборник товарищества «Знание» за 1904 г. [рец. на сб.] // «Вопросы жизни», 1905, № 1, стр. 303-305.

О. Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. Пер. К.Д.Бальмонта. М., 1904 [рец. на кн. под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 309-311.

Эллис. Иммортели. Переводы Бодлера, Верлена, Метерлинка и друг. поэтов [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 312-315.

Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905 [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 315-319.

Кнут Гамсун. Полное собрание сочинений. Т. I-III. М., 1905 [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 319-321.

Четвертый сборник «Знания» [рец. на сб.] // «Вопросы жизни», 1905, № 3, стр. 289-294.

Е. Verhaeren. Les Heurs d'Après-Midi. Bruxelles [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 3, стр. 294-295.

Поэзия Владимира Соловьева [ст.] // «Вопросы жизни», 1905, № 4-5, стр. 101-117.

Петер Альтенберг. Эскизы. Пер. А. и Е. Герцык [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 4-5, стр. 209-211.

Александр Добролюбов. Из книги невидимой. М., 1905. Александр Добролюбов. Собрание стихов. (1895-1898). М., 1900. [рец. на кн. под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Вопросы жизни», 1905, № 6, стр. 242-248

«Северные цветы» - Ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. «Северные цветы» за 1901, 1902 и 1903 г. Альманах книгоиздательства «Скорпион» [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 6, стр. 248-258.

Л. Зиновьева-Аннибал. Кольца. Драма в 3-х действиях. М., 1904. [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 6, стр. 258-259.

А. К. Стихотворения. СПб., 1905. [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 6, стр. 259-260.

Осип Дымов. Солнцеворот. Проза. СПб., 1905. 260-262 Г.Ч.: С.Н. Ан-ский. Рассказы. Т.1. СПб., 1905. [рец. на кн.] // «Вопросы жизни», 1905, № 6, стр. 262.

Стихи: 1. Бреду опять - безногий зверь... 2. Заворожить меня не в силах... 3. Последний день угаснул и поник... 4. Я на качелях высоко летаю... // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 117-120.

Бреду опять, безногий зверь... [стихотворение] // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 117

Заворожить меня не в силах [стихотворение] // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 118.

Последний день угаснул и поник [стихотворение] // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 119.

Я на качелях высоко летаю... [стихотворение] // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 119.

О мистическом анархизме [ст.] // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 199-204.

Маленький Раух. Рассказ // «Вопросы жизни», 1905, № 8, стр. 20-26.

Критические заметки («Русское Богатство», июнь. «Мир Божий», июнь. «Русский Вестник», июль. «Весы», июнь) // «Вопросы жизни», 1905, № 8, стр. 207-217.

Предутренние часы [стихотворение] // «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 207-213.

Театр-студия [ст.] // «Вопросы жизни», 1905, №9, стр. 245-250.

Накануне [ст., под псевд. Ч-ов Г.] // «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 409-413.

Пробуждение [стихотворение] // «Вопросы жизни», 1905, №10/11, стр. 326.

Достоевский и революция (По поводу двадцатипятилетия со дня смерти Достоевского) [ст.]. // «Освободительное движение», 1906, № 1, март, стр. 33-37.

Э. Верхарн. Зори. Пьеса в 4 д. [перевод Г. И. Чулкова] // Сборник товарищества «Знание», 1906, кн. 11, стр. 1-85.

Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Гедда Габлер» Ибсена [рец.] // «Товарищ», 1906, 12 нояб. // Мейерхольд в русской театральной критике, 1892-1918, М., 1997, стр. 64-66.

Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Сестра Беатриса» М. Метерлинка [рец.] // «Товарищ», 1906, 24 нояб. // Мейерхольд в русской театральной критике, 1892-1918, М., 1997, стр. 75-77.

Весною – на Север. А.А. Блоку. («Медленно двигались темные тени...») // «Золотое руно», 1906, № 11-12, стр. 48-49.

«О новом театре» (По поводу новых постановок в театр В.Ф. Комиссаржевской) [ст.] // «Молодая жизнь», 1906, № 4, 27 дек. [библ. дан. неизв.].

«Стихи» // «Факелы: альманах. Кн. 1», СПб., 1906, стр. 20-25.

Обручение [стих.] // *Цветник Ор. Кошница первая*, 1907, [библ. дан. неизв.]

Месяц на ущербе [стих.], *Шаман* [стих.] // *Белые ночи. Петербургский альманах*, СПб., 1907, стр. 63-73 и 101-111.

Золотая ночь [стих.] // «Литературно-художественный альманах» изд.-ва «Шиповник», 1907, кн. 3, стр. 183-186.

T-sh <Чулков Г. И.>, *Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Балаганчик» А. Блока* [рец.] // «Товарищ», 1907, 1 янв., № 154, стр. 6.

Tsh <Чулков Г. И.>, *Драматический театр в 1906 году* [рец.] // «Товарищ», 1907, 5 янв., стр. 6.

Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Трагедия любви» Г. Гейбера [рец.] // «Товарищ», 1907, 10 янв.

Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Свадьба Зобеиды»: драматическое стихотворение в 3-х действиях Гуго фон Гоф [рец.] // «Товарищ», 1907, 13 февр. // *Мейерхольд в русской театральной критике, 1892-1918.* М., 1997, стр. 112-114.

Молодая поэзия [рец.] // «Товарищ», 1907, № 337, 5 авг., стр. 3-4.

Письмо в редакцию // «Товарищ», 1907, № 379, 23 сент., стр. 5.

Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Жизнь Человека», представление в пяти картинах с прологом, соч. Леонида Андреева [рец.] // «Товарищ», 1907, 24 ноя. // *Мейерхольд в русской театральной критике, 1892-1918.* М., 1997, стр. 116-119.

Театр В.Ф. Комиссаржевской. «Победа смерти», трагедия Федора Сологуба [рец.] // «Товарищ», 1907, 8 ноя. // *Мейерхольд в русской театральной критике, 1892-1918.* М., 1997, стр. 165-167.

По поводу ухода Вс. Эм. Мейерхольда из театра В.Ф. Комиссаржевской [рец.] // «Товарищ», 1907, 20 нояб. // *Мейерхольд в русской театральной критике, 1892-1918.* М., 1997, стр. 169-170.

Балаганчик. По поводу постановки пьесы Блока в театре Комиссаржевской [рец.] // «Перевал», 1907, № 4, февр., стр. 51-53.

Валерий Брюсов. Земная ось. Рассказы и драматические сцены. Виньетки Василия Милиоти. К-во «Скорпион» – М., 1907 [рец. на кн.] // «Перевал», 1907, № 4, стр. 64-65.

Борис Зайцев. Рассказы. СПб, 1906 [рец. на кн., под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Перевал», 1907, № 4, стр. 65-66.

Федор Сологуб. Мелкий бес. СПб., изд-во «Шиповник», 1907 [рец. на кн.] // «Перевал», 1907, № 7.

Религиозно-философское собрание в Петербурге // «Перевал», 1907, №8-9, стр. 93-94.

Мой ответ «Mercure de France» // «Перевал», 1907, №10, стр. 50-51.

Об утверждении личности // «Факелы: альманах. Кн. 2», СПб., 1907, стр. 1-26.

Тайна любви // «Факелы: альманах. Кн. 2», СПб., 1907, стр. 209-227.

«Принципы театра будущего» // «Театр». Книга о новом театре: Сборник статей, СПб., 1908, стр. 199-218.

Парадиз [рассказ] // «Образование», 1908, № 7, стр. 49-63.

Белая криница [рассказ] // *Лебедь: Альманах литературы и искусства*, 1908, № 2, стр. 7-12.

Элеонора Дузе [рец.] // «Столичная почта», 1908, № 15, 19 янв.

Около быта [ст.] // «В мире искусств», 1908, Киев, № 6-7, июнь, стр. 7-9.

Разоблаченная магия [ст.] // «Золотое руно», 1908, № 1, стр. 61-64.

Оправдание земли [ст.] // «Слово», 1908, 4 мая (№ 448), стр. 2.

Покрывало Изиды [ст.] // «Золотое руно», 1908, № 5, стр. 66-72.

Лилия и роза [ст.] // «Золотое руно», 1908, № 6, стр. 51-54.

Исход [ст.] // «Золотое руно», 1908, № 7-9, стр. 99-105.

Листопад [ст.] // «Слово», 1908, 17 авг.

Архивариус [рассказ] // «Речь», 1908, № 136, 8 июля.

Снежная дева [ст., под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Золотое руно», 1908, №10, стр. 51-54.

Memento Mori [ст.] // «Речь», 1908, № 315, 22 дек., стр. 3.

Фауст и Мелкий Бес [ст.] // «Речь», 1908, № 301, 8 (21) дек.

Ева [рассказ] // «Правда живая», № 18, 31 марта.

Тамара [рассказ] // «Вестник Европы», 1909, № 10, стр. 639-649.

Тишина [рассказ] // «Аполлон», № 3, стр. 7-19.

Свинячий сын [рассказ] // «Сатирикон», 1909, № 43, стр. 10.

Пустыня [рассказ] // «Новый журнал для всех», 1909, № 14, дек., стр. 5-28.

Бездорожье [рассказ] // «Вихрь: литературно-художественный сборник современных писателей», СПб., 1909, стр. 92-96.

Лицом к лицу. (По поводу заседания Петербургского Религиозно-философского общества 30 дек. 1908 г.) [ст.] // «Золотое руно», 1909, № 1, стр. 105-106.

О Гоголе [ст., под псевд. Б<орис> К<ремнев>] // «Золотое руно», 1909, № 2-3, стр. 108-112.
Москва и Демон [ст.] // «Золотое руно», 1909, № 6, стр. 71-74.

О лирической трагедии [ст.] // «Золотое руно», 1909, № 11-12, стр. 51-54.

Адония: лирическая трагедия в 4 актах [драма] // «Альманах для всех», 1910, № 1, стр. 9-56.

Дом на песке. Повесть [начало] // «Новая жизнь», 1910, № 1, стр. 37-92.

Смерть [рассказ] // Альманах «Смерть», 1910, стр. 51-66.

Ревнителю слова [ст.] // Запросы жизни. Еженедельный вестник культуры и политики, 1910, № 1, 5 января.

Феклуша [рассказ] // «Новое слово», 1910, № 5, стр. 43-45 // «Биржевые ведомости», 1910, № 11693, 3 мая.

Фамар [рассказ] // «Любовь: альманах», 1910.

Из песни песней [стих.] // «Огни: Литературный альманах памяти В. Башкина», СПб., 1910, стр. 235-237.

Бездорожье [рассказ] // «Вихрь: литературно-художественный сборник современных писателей», М., 1910, стр. 92-96.

Ночные поэты [стихотворения] // Художественные сборники. На рассвете. Кн. 1, Казань, 1910.

На даче [рассказ] // «Утро России», 1910, 1 января, стр. 4.

Траурный эстетизм. И.Ф. Анненский – критик [ст.] // «Аполлон», 1910, № 4, стр. 9-10.

Н. Гумилев. Жемчуга. Стихи. М., «Скорпион», 1910. [рец. на кн., под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Новый журнал для всех», 1910, № 20, июнь, стб. 122.

С.А. Ауслендер. Крейсер «Алмаз» (Цисума). Сцены из войны. СПб, 1910. [рец. на кн.] // «Новый журнал для всех», 1910, № 20, июнь, стб. 120-121.

Памяти В.Ф. Комиссаржевской [ст.] // «Аполлон», 1910, № 6, стр. 22-24.

Весы [ст.] // «Аполлон», 1910, № 7, стр. 15-21.

Слепые [рассказ] // «Вестник Европы», 1910, № 11, стр. 8-59.

В. Стражев. Сочинения. Т.1. стихи 1904-1909. М., 1910. [рец. на кн., под псевд. Б<орис> Кременев] // «Новый журнал для всех», 1910, № 23, сент., стб. 119.

Дом на песке. Повесть [продолжение] // «Новая жизнь», 1911, № 2, стр. 64-88.

Дом на песке. Повесть [окончание] // «Новая жизнь», 1911, № 3, стр. 305-360.

Монах [рассказ] // «Поток: Литературно-художественный альманах современных писателей», 1911, стр. 3-10.

Свирель [рассказ] // «Литературно-художественный альманах» изд-ва «Шиповник», 1911, № 14, стр. 181-192.

Утомленные [повесть] // «Общедоступный литературно-художественный альманах», 1911, Кн. 1, стр. 25-52.

Поэт-кормищик. Вяч. Иванов. Cor ardens. Часть первая. М., 1911. [рец. на кн.] // «Аполлон», 1911, № 10, стр. 62-64.

А. Ахматова. Вечер. СПб, 1912. [рец. на кн.] // «Жатва», 1912, кн. 3, стр. 275-277.

Маргарита Чарова [рассказ – главы I-V] // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1912 г. Т.1, стр. 619-634.

Маргарита Чарова [рассказ – главы VI-X] // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1912 г. Т.2, стр. 5-26.

Мертвецы: Повесть // «Жатва: Вестник литературы», 1912, кн. 3, стр. 17-153.

Самоубийцы [ст.] // «Речь», 1912, № 64 (6 марта).

Пустое небо. Константин Эрберг. Цель творчества. [рец. на кн.] // «Аполлон», 1913, № 10, стр. 65-69.

Мечников и Метерлинк [ст.] // «Речь», 1913, № 165 (20 июня).

Сатана. Повесть // «Жатва», 1914, кн. 5, стр. 23-192.

Серезжа Нестроев. Роман // «Русская мысль», 1914, кн. 5, стр. 9-36.

Серезжа Нестроев. Роман [продолжение] // «Русская мысль», 1914, кн. 6, стр. 2-28.

Серезжа Нестроев. Роман [продолжение] // «Русская мысль», 1914, кн.7, стр. 2-26.

Памяти Г. Э. Тастевена [ст.] // «Русская мысль», 1914, кн. 7, стр. 17-19.

Серезжа Нестроев. Роман [окончание] // «Русская мысль», кн. 8, стр. 11-46.

Привидение [рассказ] // «Новое слово», 1914, № 6.

Закатный звон (Ин. Анненский и Анна Ахматова) [ст.] // «Отклики. Литература. Искусство. Наука», 1914, № 9. Бесплатное приложение к № 63 газеты «День» (6 марта 1914), стр. 2-3.

«Кто виноват?» [ст.] // «День», 1914, № 6, 7 янв., стр. 2.

Архипов Евг. Библиография Иннокентия Анненского. Изд. нумеровано. М., кн-во «Жатва», 1914. 34 с. [рец. на кн.] // «Русская мысль», 1914, кн. 4, стр. 2-3.

Демоны и современность (Мысли о французской живописи) // «Аполлон», 1914, № 1, стр. 64-75.

Маринетти [ст.] // «Отклики», 1914, № 3, бесплатное приложение к № 22 (23 января) газеты «День», стр. 4-5

А. П. Чехов [ст.]. // *К десятилетию смерти А.П. Чехова: Сборник* [86 крит. ст. о произв. Чехова, Айхенвальда, Бунина, Волынского, Венгерова, Куприна, Короленко, Овсяннико-Куликовского, Мережковского, Михайловского, Гольцева, Чулкова и многих др. извест. критиков / И.П. Лысков]. М., 1914, стр. 190-191.

В. Ф. Ходасевича «Счастливый домик» [рец. на кн.] // «Современник», 1914, № 7, стр. 122-123.

От Женевы до Софии. Письмо первое [ст.] // «Биржевые ведомости. Утренний выпуск», 1915, № 14660, понедельник 9-го (22-го) февраля, стр. 2.

От Женевы до Софии. Второе письмо [ст.] // «Биржевые ведомости. Утренний выпуск», 1915, № 14680, четверг 19-го февраля (4-го марта), стр. 2.

Агнеса [рассказ] // «Биржевые ведомости», 1915, № 14751 воскресенье 29-го марта (11-го апреля), стр. 2.

Родина [рассказ] // «Биржевые ведомости», 1915, № 14751 воскресенье 14-го (27-го) июня, стр. 2.

Поединок. Трагикомические сцены. // «Жатва: вестник литературы», 1915, кн. 6-7, стр. 87-165.

Голос из заграницы [письмо] // «Отечество», 1915, № 1, стр. 23.

Новая поэма («У самого моря») [рец. на стих.] // «День», 1915, 11 июня.

Всадники. [ст.] // «Голос жизни», 1915, №15, стр. 7.

Письма со стороны. (I) [ст. под псевд. Б.<орис> Кремнев] // «Голос жизни», 1915, № 17, стр. 19.

Письма со стороны. (II) [ст. под псевд. Б.<орис> Кремнев] // «Голос жизни» 1915, № 18, стр. 19-20.

Письма со стороны. (III) [ст. под псевд. Б.<орис> Кремнев] // «Голос жизни», 1915, №19, стр. 18-19.

Славяне и Пушкин. [ст.] // «Голос жизни», 1915, № 20, стр. 7-9.

Письма со стороны. (IV) [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Голос жизни», 1915, 20, стр. 18-19.

История Христофора [рассказ] // «Голос жизни», 1915, № 22, стр. 3-5.

Письма со стороны. (V) [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Голос жизни», 1915, № 23, стр. 19-20.

Оправдание символизма. I. Искусство и жизнь. [ст.] // «Голос жизни», 1915, № 24, стр. 13-17.

Оправдание символизма. (Статья II). [ст.] // «Голос жизни», 1915, № 25, стр. 7-12.

Метель: Роман // «Литературно-художественный альманах» изд-ва «Шиповник», 1916, № 25, стр. 7-142.

Париж [очерк] // *Париж накануне войны в монотипиях Е.С. Кругликовой.* Пг., 1916, стр. 25-33.

Письма со стороны. IV. [ст., под псевд. Б<орис> Кремнев] // «Голос жизни», 1916, № 20, стр. 18.

Эмиль Верхарн // «Русская мысль», 1916, кн.12, стр. 13-18.

Ося [Рассказ] // «Речь», 1917, № 41 (3783), воскресенье 12-го (25) февраля, стр. 2.

Хмель [ст.] // «Народоправство», 1917, № 1, 15-18 июня, стр. 4.

Наступление [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №1, 15-18 июня, стр. 18-19.

Среди книг [под псевд. Народопрavec <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, № 1, 15-18 июня, стр. 20.

Страшное слово [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №2, стр. 13-15.

Вчера и сегодня. Листки из дневника // «Народоправство», 1917, № 6, 9 августа, стр. 4-6.

Иго власти. Листки из дневника // «Народоправство», 1917, №7, 21 августа, стр. 23-24.

Письма со стороны. I [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №8, 1 сентября, стр. 6-7.

Вчера и сегодня. Листки из дневника // «Народоправство», 1917, №9, 15 сентября, стр. 2-4.

Самоотречение России и Максим Горький. Письма со стороны. II [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №10, 25 сентября, стр. 10-12.

Письма со стороны. III. [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №11, 7 октября, стр. 12-13.

Вчера и сегодня. <Листки из дневника>. // «Народоправство», 1917, №12, 16 октября, стр. 8-10.

Канун Учредительного собрания. [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №14, 30 октября, стр. 19-20.

Вчера и сегодня. Листки из дневника. // «Народоправство», 1917, №15, 19 ноября, стр. 7-9.
Мир. [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №16, 2 декабря, стр. 8-9.

Политический маскарад. [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №17, 7 декабря, стр. 14-16.

Честный большевик. Листки из дневника. // «Народоправство», 1917, №18/19, 25 декабря, стр. 9-12.

Новый год. [ст. под псевд. Б<орис> Кремнев <Георгий Чулков>] // «Народоправство», 1917, №18/19, 25 декабря, стр. 20-21.

3. РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Г. И. ЧУЛКОВУ

Аладышкин И. В., «Теория “мистического анархизма” Г. Чулкова» // «Вестник молодых ученых ИвГУ», 2006, № 6, стр. 51-53.

Аладышкин И. В., «Мировоззренческий кризис интеллигенции в условиях первой русской революции: “мистический анархизм” и “соборный индивидуализм” // «Интеллигенция и мир», 2006, № 1, стр. 95-119.

Аладышкин И. В., *Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах г. Москва и г. Санкт-Петербург)* [диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук]. Иваново, 2006.

Аладышкин И. В., «Из истории петербургских мистических анархистов» // «История Петербурга», 2008, № 4 (44), стр. 61-67.

Андреева И., «Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову» // «Опыты: Журнал эссеистики, публикаций и хроники», 1994, кн. 1, стр. 76-101.

Баскаков В. Н., «Г.И. Чулков - писатель, ученый, революционер» // Чулков, Г. И., *Императоры: Психологические портреты*, М., 1993, предисловие.

Бень Е., «Ахматова и Чулковы» // Он же, *Не весь реестр*. М.-Орел, 2005, стр. 140-145.

Грякалова Н. Ю., «Георгий Чулков. Достоевский и судьба России» [подгот. текста, вступ. статья и коммент. Грякаловой Н. Ю.] // РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 2000, № 15, стр. 457-499.

Грякалова Н. Ю., «Чулков Г. Откровенные мысли» [пред., публ. и коммент. Грякаловой Н. Ю.] // РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), *Писатели символистского круга: новые материалы*. СПб., 2003, стр. 457-499.

Грякалова Н. Ю., «“Тайная свобода” последнего символиста. Георгий Чулков в 1930-е годы» // «Sub Rosa: In Honorem Lena Szilárd / Сборник в честь Лены Силард». Budapest, 2005, стр. 241-251.

Кобринский А.А., «Александр Добролюбов в романе Георгия Чулкова “Сережа Нестеров”» // *Озерная школа. Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе*, Пос. Поляны, 2009, стр. 43-50.

Жукоцкая З. Р., «Философия музыки мистического анархизма Г. Чулкова» // Она же, *Свободная теургия: культурфилософия русского символизма*. М., 2003, стр. 80-100.

Зыбалов Ю. М., «Письма Б. К. Зайцева к Г. И. Чулкову» // *Археографический ежегодник за 1997 год*, М., 1997, стр. 299-304.

Иванова Л. Н., «Вячеслав Иванов – Борис Зайцев – Георгий Чулков (Из архивных разысканий)» // *Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века*. СПб., 2006, стр. 161-172.

Исеналиева Д. Н., *Проза Г. Чулкова: проблематика и поэтика* [Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук], Астрахань, 2011.

Исеналиева Д. Н., «Рассказ Г. Чулкова “Парадиз”: проблема интерпретации» // *Проблемы интерпретации художественного произведения*, Астрахань, 2011, стр. 57-62.

Исеналиева Д. Н., «Жанровое многообразие прозы Г. И. Чулкова» // «Гуманитарные исследования», 2009, № 3, стр. 140-146.

Исеналиева Д. Н., «Женские образы в художественной прозе Г. Чулкова» // «Гуманитарные исследования», 2010, № 4, стр. 203-209.

Корнюхина А. В., «Мистический анархизм как стадия формирования русского символизма» // «Вестник Московского государственного областного университета», 2006, № 2, стр. 176-181.

Лавров А. В., «Переписка Г. И. Чулкова с Блоком» // *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4*. М., 1978, стр. 370-387.

Леонтьев Я. В., «“...Ничто не может заменить религию”: Сокровенные письма Георгия Чулкова» [пред., публ., коммент.] // «Звезда», 1995, № 3, стр. 116-125.

Михайлова М. В., «Георгий Чулков» // «Знамя», 1991, № 12, стр. 127-128.

Михайлова М. В., «Облик культуры серебряного века в мемуарах Г. И. Чулкова “Годы странствий”» // *Традиции в контексте русской культуры. Ч. 2*. Череповец, 1993, стр. 81-85.

Михайлова М. В., «Георгий Чулков» // «Лепта», 1994, № 19, стр. 126.

Михайлова М. В., «З. Н. Гиппиус и Г. И. Чулков» // «Вестник Московского университета», 1996, № 5, стр. 7-18.

Михайлова М. В., «Мотивы произведений Ф. М. Достоевского в прозе Г. И. Чулкова» // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы исторической и теоретической поэтики): Материалы международной научной конференции: в 2 частей. Ч. 2. Гродно, 1997, стр. 141–146.

Михайлова М. В., «“...Ничего, кроме Пушкина, в ум нейдет”: Пушкиниана Г. И. Чулкова» // «Филологические науки», 1997, № 3, стр. 15-25.

Михайлова М. В., «Интересный и безукоризненно честный писатель...» // Чулков Г. И., *Валтасарово царство*, М., 1998, стр. 5-14.

Михайлова М. В., «Пристрастный летописец эпохи» // Чулков Г. И., *Годы странствий*. М., 1999, стр. 5-28.

Михайлова М. В., «В. Я. Брюсов и Г. И. Чулков» // «Russian Literature», 1999, XLV (2), стр. 181-196.

Михайлова М. В., «Г. И. Чулков и Ф. М. Достоевский» // «Достоевский и мировая культура: альманах», 1999, № 12, стр. 193-201.

Михайлова М. В., «Религиозная биография поэта: [о книге Чулкова Жизнь Пушкина]» // «Университетский пушкинский сборник». М., 1999, стр. 282-290.

Михайлова М. В., «Не бойся смерти и разлуки...» // Чулков Г. И., *Тайная свобода. Стихотворения из неизд. книг (1920-1938)* [сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Михайловой М. В.]. М., 2003, стр. 5-16.

Михайлова М. В., «Г. И. Чулков и Вл. Соловьев» // *Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева* [отв. ред. Тахо-Годи А.А., Тахо-годи Е.А.]. М., 2005, стр. 340-348.

Михайлова М. В., «“Дух легкой бодрости его сопровождал...”» [предисловие к публ. пьесы Г. И. Чулкова «Душенька»] // «Современная драматургия», 2010, №3, стр. 210-219 и 220-232.

Михайлова М. В., «Г. Чулков и Ф. Достоевский» // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 2011, вып. 14, стр. 134-144.

Михайлова М. В., «“Бесы” Ф. М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г. И. Чулкова» // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации, М., 2013, стр. 278-292.

Михайлова М. В., «“Живому сердцу нет отрады, когда в бреду безумный мир...” (Динамика развития Г. И. Чулкова-драматурга)» [предисловие к публ. пьес Г. И. Чулкова «Семена бури», «Поединок» и «Кабачок невинных»] // «Современная драматургия», 2016, №4, стр. 222-237 и 238-260.

Обатнин Г. В., «Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о “мистическом анархизме”» // «Лица. Биографический альманах», 1993, № 3, стр. 466-477.

Селезнева Л. В., «Антропологический аспект категории модальности (на премьере повести Г. Чулкова “Вредитель”» // «Филологические науки. Вопросы теории и практики», 2008, № 2, стр. 112-114.

Сугай Л. А., «Георгий Чулков и его поэма “Русь”» // «Вестник славянских культур», 2000, № 1, стр. 66-72.

Чулкова Н. Г., «“Ты – память смолкнувшего слова...”». Из воспоминаний о Г. Чулкове» // «Вестник русского христианского движения», 1989, № 157, стр. 125-151.

Флейшман Л., «Г. Чулков» // *Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском институте* [сост., вступ. ст. и коммент. Флейшмана Л., Хьюза Р., Раевской-Хьюз О.]. Париж, 1983, стр. 217-230.

Rosenthal B. G., «The Transmutation of the Symbolist Ethos: Mystical Anarchism and the Revolution of 1905» // *The Slavic Review*, 1977, v. 1, № 4. pp. 608-627.

4. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

«Журнал Министерства Народного Просвещения». СПб., 1885, ССXL.

«Отдача в солдаты 183-х студентов» // «Искра», 1901, № 2, февраль.

«Московские вести» // «Театр и искусство», 1905, № 45-46, 13 ноября, стр. 702-704.

«Из жизни. Хроника литературная, художественная и театральная» // «Весы», 1905, №4, стр. 75.

«От редакции» // «Золотое руно», 1907, № 7-8-9, стр. 160.

«Студенческое движение в 1901 г.» // «Красный архив», 1936, 2 (75).

«Студенческие волнения в 1901—1902 гг.» // «Красный архив», 1938, № 4-5 (89-90).

«Г. Чулков. Рассказы и повести. Собр. соч. т. VI. Изд. “Шиповник”. СПб. 1913. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.» // «Бюллетени литературы и жизни», 1913, № 23-24, стр. 608.

«Всепопданнейший доклад министра внутренних дел, 13 сентября 1902 г.» // «Красный архив», 1938, № 4-5 (89-90).

«Переписка Блока с В. Я Брюсовым (1903–1919)» [вступ. ст. З. Г. Минц и Ю. П. Благовоиной; публ. и коммент. Ю. П. Благовоиной] // *Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1*, М., 1980, стр. 466-526.

«Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона» [вступ. статья, публик. и комм. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада] // *In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина*, СПб.-Париж, 2000, стр. 231-276.

«Надежда Чулкова. Портрет Леонида Андреева. 1906-1908 гг.» [подг. текста, публ. и комм. Фредерик Х. Уайта] // «Солнечное сплетение», 2003, № 5-6 (24-25), стр. 332-340.

<Щ.>, «Искусство и жизнь [Лекция Г. И. Чулкова]» // «День», 1914, № 16, 17 января, стр. 4.

<Без подписи>, «Лекция Георгия Чулкова» // «Русские ведомости», 1914, № 53, 5 марта, стр. 5.

<Без подписи>, «Пробуждаемся мы или нет?» // «День», 1914, № 53, 24 февраля, стр. 2.

<Горнфельд А. Г. > «Г. Чулков. Сатана. Пгр., 1917; Метель. М., 1917» // «Русское богатство», 1917, № 8-10, стр. 320-321.

А-вич Н. Я. <Абрамович Н. Я.>, «Г. Чулков. “Анархические идеи в драмах Ибсена”, Изд. “Шиповник”. СПб. 1907 г., ц. 30 к.» // «Книга», 1907, № 17, 1 марта, стр. 10–11.

Аврелий <Брюсов В. Я.>, «Георгий Чулков. Кремнистый путь. Изд. В.М. Саблина. Москва. 1904. Ц. 1 р.» [рец.] // «Весы», 1904, № 1, стр. 70-71.

Аврелий <Брюсов В. Я.>, «Мире. Жизнь. Издание Л. А. Мукосеева. Нижний Новгород, 1904. Цена рубль» [рец.] // «Весы», 1904, № 8, стр. 56.

Аврелий <Брюсов В. Я.>, «Вехи. Искания новой сцены» // «Весы», 1906, №1, стр. 72-75.

Аврелий <Брюсов В. Я.>, «Вехи. IV. Факелы» // «Весы», 1906, №5, стр. 54-58.

Айхенвальд Ю., «Новые книги. Рецензия на: Г. Чулков. Сатана. Роман. Изд-во “Жатва”. М. 1915» // «Речь», 1915, № 71, (31 августа).

Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 томах. М., 1980.

Андреев Л. Н., *Собрание сочинений: в 6 томах.* М., 1990-1996.

Андреев Л. Н., *Письма Леонида Андреева* [предисловие и послесловие Г. Чулкова]. М., 1924.

Асташов А. Б., «Союзы земств и городов и помощь раненым в первую мировую войну» // «Отечественная история», 1992, № 6, стр. 169-172.

Асташов А. Б., *Всероссийский союз городов. 1914-1918 гг.* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук], М., 1914.

Ашешов Н., «Черные кошмары» // «День», 1915, № 270 (1 октября).

А. С., «Г. Чулков. Метель. Роман. М., 1917» // «Современный мир», 1917, № 4-6, стр. 345-347.

Багапова Н. М., «Михаил Алексеевич Саблин (“Дедушка Саблин”) и его семья» // *Чеховиана. Чехов и его окружение.* М., 1996, стр. 95-108.

Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

- Белый А., «Георгий Чулков. Покрывало Изиды. Изд. журнала “Золотое руно”. М., 1909, стр. 217» [рец.] // «Критическое обозрение», 1909, вып. 1, январь, стр. 38-41.
- Белый А., *На рубеже двух столетий. Воспоминания в 3-х книгах. Кн. 1.* [ред. кол. В. Э.Вацуро, Н. К. Гей и др. Вступ. ст., подгот. текста и комм. А.В. Лаврова]. М., 1989.
- Белый А., *Между двух революции. Воспоминания в 3-х книгах. Кн. 3.* [ред. кол. В. Э.Вацуро, Н. К. Гей и др. Вступ. ст., подгот. текста и комм. А.В. Лаврова]. М., 1990.
- Белый А., *Начало века. Воспоминания в 3-х книгах. Кн. 2.* [ред. кол. В. Э.Вацуро, Н. К. Гей и др. Вступ. ст., подгот. текста и комм. А.В. Лаврова]. М., 1990.
- Белый А., *Символизм как миропонимание.* М., 1994.
- Белый А., *Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке* [под ред. В. М. Пиксунова]. М., 1995.
- Белый А., Блок А. А., *Переписка 1903-1919.* М., 2001.
- Белый А., *Начало века. Берлинская редакция.* СПб., 2014.
- Белькинд Е. Л., «Блок и Вячеслав Иванов» // *Блоковский сборник, II*, Тарту, 1972.
- Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М., *Библиография периодических изданий России. 1901–1916. В 4-х томах,* М., 1958-1961.
- Блок А. А., «Мире. Жизнь. – (Н. Новгород, 1904)» // «Вопросы жизни», 1905, № 7, стр. 216-217.
- Блок А. А., «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» // «Золотое руно», 1907, № 2, стр. 60-64.
- Блок А. А., «Письмо в редакцию» // «Весы», 1907, № 8, 26 авг., стр. 79-81.
- Блок А. А., *Собрание сочинений: в 8 томах* [под общ. ред. В. Н. Орлова и др.]. М.-Л., 1960-1963.
- Блок А. А., *Полное собрание сочинение и писем: в 20 томах.* М., 1997-2014.
- Блок А. А., *Письма к родным.* М., 2015.
- Блок А. А., *Дневник Ал. Блока. 1911-1913* [под ред. П.Н. Медведева]. Л., 1928.
- Блок-Менделеева Л. Д., *И были, и небылицы о Блоке и себе.* Бремен, 1979.
- Богомолов Н. А., Малмстад Д., *Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха.* М., 1996
- Богомолов Н. А., «Переписка М. А. Кузмина с В. И. Ивановым» // *Филологические науки (Научные доклады высшей школы)*, 2002, № 3, стр. 88–104.
- Богомолов Н. А., «Из истории “Золотого руна”» // «Вестник Московского университета», Серия 10, Журналистика, 2002, № 1, стр. 65-86.

Богомолов Н. А., «Первый год “Башни”». // «Toronto Slavic Quarterly», 2008, № 24. // Электронный ресурс: адрес <<http://sites.utoronto.ca/tsq/24/bogomolov24.shtml>> [последнее посещение 01.09.17].

Богомолов Н. А., *Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники*. М., 2009.

Брюсов В. Я., «Новые переводы Верхарна» // «Весы», 1906, № 9, стр. 77-80.

Брюсов В. Я., «Фиалки в тигеле» // «Весы», 1905, № 7, стр. 9-17.

Брюсов В. Я., *Дневники 1890-1910*. М., 1927.

Брюсов В. Я., *Собрание сочинений в семи томах*. М., 1973.

Бялик Б. А. (ред.), *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX-начала XX века. 1890-1904*. М., 1981.

Ванюков А. И., «“Вопросы жизни” – журнал 1905 года» // «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика», 2007, № 7 (2), стр. 93-101.

Варламов А. Н., «Кто отрезал хвост у обезьяны?» (начало) // Электронный ресурс: адрес <<http://www.topos.ru/article/3092>> [последнее посещение 01.09.17].

Варламов А. Н., «Кто отрезал хвост у обезьяны?» (окончание) // Электронный ресурс: адрес <<http://www.topos.ru/article/3097>> [последнее посещение 01.09.17].

Верхарн Э., «Зори: Пьеса в 4-х актах» [в переводе Георгия Чулкова] // «XI Сборник “Знания”», 1906, стр. 1-86.

Верхарн Э., «Зори» [в переводе А. Воротникова] // «Современная жизнь», 1906, № 2 (апрель).

Верхарн Э., *Зори* [в переводе А. Воротникова и С. Шамбиного], М., 1906.

Верхарна Э., «Монастырь. Пьеса в четырех актах» [в переводе Н. Степановой <Н. Г. Чулковой>] // «Сборник товарищества “Знание” за 1908 год», СПб., 1908, кн. 21, стр. 65-114.

Верховский Ю., «В память Александра Блока. Отрывочные записи, припоминания, раздумья» // «Дружба народов», 1980, № 11, стр. 249-260.

Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.

Г<ершенфельд> М., «Письмо из Одессы» // «Аполлон», 1913, № 1, стр. 68-70.

Галанина Ю. Е., *Любовь Дмитриевна Блок: судьба и сцена*. М., 2009.

Георгиева Н. Г., *Революционное движение в России в конце XIX - начале XX в.* М., 1986.

Герцык Е. К., *Воспоминания*. Париж, 1973.

Герцык Е. К., «Письма Г. И. Чулкову и Н. Г. Чулковой» // Она же, *Лики и образы* [предисл., сост., коммент., имен. указ. Т. Н. Жуковской], М., 2007, стр. 598-610.

- Гиляровская Н., «Бесы и Сатана» // «Голос Москвы», 1914, № 118 (24 мая).
- Гобза И.О., *Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904 гг. : Краткий ист. очерк.* М. 1903.
- Голубкина А. С., *Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников.* М., 1983.
- Горький М., *Собрание сочинений в 30 томах.* М., 1949-1955.
- Грифцов Б., «Праздник памяти Достоевского» // «Зори», 1906, вып. 11/14 (19-V), стр. 6-12.
- Гумилев Н. С., *Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. Письма.* М., 2007.
- Гусятников П. С., *Революционное студенческое движение в России. 1899-1907.* М., 1971.
- Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник.* СПб., 1913.
- Добужинский М. В., *Воспоминания.* М., 1987.
- Дудаков В. А., «Мои учителя [пред. А. Кан]» // «Наше наследие», 1990, V (17), стр. 16-27.
- Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д., *Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы.* Л., 1930.
- Еремин И. А., «Деятельность передовых врачебно-питательных отрядов Сибирского общества помощи раненым в годы Первой мировой войны» // «Вестник Алтайского государственного педагогического университета», 2013, № 14-14, стр. 20-23.
- Еремин И. А., «Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.)» // «Известия Томского политехнического университета», 2006, т. 309, № 6, стр. 202-205.
- Зайцев Б. К., *Собрание сочинений в 11 томах.* М., 1999-2001.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966),* М.-Torino, 1996.
- Зобнин Ю. В., «Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. Иванова», электронному ресурс: <http://www.v-ivanov.it/o_vyach_ivanove/letopis_zhizni_i_tvorchestva/>, последнее посещение: 10.04.17.
- Зыбалов Ю. М., «Письма Б. К. Зайцева к Г. И. Чулкову» // «Археологический ежегодник за 1997 год», М., 1997, стр. 299-304.
- Иванов А. Е., *Мир российского студенчества: конец XIX - начало XX века,* М., 2010.
- Иванов А. Е., *Студенчество России конца XIX - начала XX века: социально-историческая судьба,* М., 1999.
- Иванов В. И., «Морис Метерлинк. Двенадцать песен. В переводе Георгия Чулкова, с рисунками Шарля Дудле. Обложка Ш. Дудле. Изд. В. М. Саблина. Цена 3 рубля» // «Весы», 1905, № 7, стр. 56-57.

Иванов В. И., «О “факельщиках” и других имен собирательных (По поводу статьи Аврелия. “Весы”, май 1906)» // «Весы», 1906, № 6, стр. 52-55.

Иванов В. И., *Собрание сочинений в 4 томах* [под. ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт]. Брюссель, 1971-1987.

Иванов В. И., *Ave Roma. Римские сонеты*, СПб., 2011.

Иванов Е. П., «Георгий Чулков, «Кремнистый путь». М. 1904. Ц. 1 р.» [рец.] // «Мир искусство», 1904, № 4, стр. 87-88.

Иванова Л. В., *Воспоминания об отце*. Paris, 1990.

Игнатов И., «Литературные отголоски» // «Русские ведомости», 1914, № 130, (7 июня).

Колеров М. А., «“Народоправство”. Роспись содержания» // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год*, СПб., 1997, стр. 277-286.

Корецкая И. В., «“Новый путь”. “Вопросы жизни”» // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века. 1890-1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1982, стр. 179-233.

Котрелев Н. В., «К истории русского турне Ф. Т. Маринетти» // «Russica Romana», 2015, XXII, стр. 93-105.

Котрелев Н. В., «Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким». // *Europa Orientalis*, 1995, № 14 (2), стр. 183-208.

Крайний А., <Гиппиус З. Н.> «Мятущаяся душа» // «Отклики», 1914, № 26, бесплатное приложение к № 178 (3 августа) газеты «День».

Ното Novus <Кугель А. Р.>, «“Невеста”, пьеса Г. Чулкова» // «День», 1916, № 260 (1420), среда 21 сентября, стр. 3-4.

Ното Novus <Кугель А. Р.>, «Заметки» // «Театр и искусство», 1916, № 39, стр. 786-788.

Кузмин М. А., «Заметки о русской беллетристике» // «Аполлон», 1910, № 6, стр. 43-44.

Кузмин М. А., «Заметки о русской беллетристике» // «Аполлон», 1910, №7, стр. 43-46.

Кузмин М. А., «Дневник 1921 года» // «Минувшее: исторический альманах», 1993, т. 12, стр. 423-494 и т. 13, стр. 457-524.

Кузмин М. А. *Дневник 1905-1907*. СПб., 2000.

Кузмин М. А., *Дневник 1908-1915*. СПб., 2005.

Лавров А. В., «Золотое руно» // *Русская литература и журналистика начала XX века: 1905-1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1984, стр. 137-173.

Лавров А. В., «Перевал» // *Русская литература и журналистика начала XX века: 1905-1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1984, стр. 174-190.

Лавров А. В., *Этюды о Блоке*. СПб., 2000.

Лавров А. В., *Русские символисты. Этюды и разыскания*, М., 2007.

Лапшин В. П., *Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году*, М., 1983.

Либерсон М., *Страдания одиночества*, СПб., 1909.

Лукницкий П. Н., *Asutiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 томах*. Париж, 1991-1997.

Лукницкий П. Н., «Дневник 1928 года. Asutiana. 1928-1929» [публ. и комм. Т. М. Двинятиной] // «Лица. Биографический альманах», 2002, № 9, стр. 341-495.

Львов-Рогачевский В. Л., *Материалы Великой Революции 1917 г. Социалисты о текущем моменте*. М., 1917.

Маковский С., *На Парнасе Серебряного века*. М., 2000.

Марченко А., «В черноватом Париж тумане...» // «Дружба народов», 2006, № 10, электронный ресурс: <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/10/ma14.html>> [последнее посещение 01.09.17].

Марченко А., «Кто ты – брат мой или любовник?» // Она же, *Ахматова: Жизнь*, М., 2009, стр. 144-185.

Махонина С. Я., *История русской журналистики начала XX века*. М., 2004.

Мейерхольд В. Э., *Статьи, письма, речи, беседы: в 2-х частях*. М., 1968.

Мейерхольд В. Э., *Переписка: 1896-1939*. М., 1976.

Мейерхольд В. Э., *Наследие. Т. 3. Студия на Поварской. Май – Декабрь 1905 года*. М., 2010.

Мережковский Д. С., *Пророк русской революции*. СПб., 1906.

Мережковский Д. С., *Было и будет. Дневник. 1910-1914. Невоенный дневник. 1914-1916*. М., 2001.

Метнер Э. К., «Борис Бугаев против музыки» // «Золотое руно», 1907, № 5, стр. 56-62.

Мирэ А., «Écrits pour l'art littéraire et philosophique – (Paris, 1905)» // «Вопросы жизни», № 9, стр. 290-292.

Михайлова М. В., «“Я женщина с головы до ног...” (Творческий портрет писательницы А. Мирэ)» // «Преображение. Русский феминистский журнал», 1993, № 1, стр. 119-130.

Михайлова М. В., «Западноевропейский модернизм на русской почве (Творчество А. Мирэ)» // *Художественно-историческая интеграция литературного процесса: Материалы региональной научной конференции*, Майкоп, 2003, стр. 15-17.

Михайлова М. В., «Публикации Мирэ в газете “Нижегородский листок”» // *Жизнь провинции как феномен русской духовности*, Нижний Новгород, 2003, стр. 11-15.

Михайлова М. В., «О пьеса Чулкова “Невеста” и ее критиках» // *Stefanos. Памяти А. Г. Соколова*, М., 2008, стр. 239-247.

Моисеева А. М., *Черная пантера*, М., 1909.

Мочалова О. А., *Голоса Серебряного века*. М., 2004,

Некрылов С. А., Фоминых С. Ф., «4-й Сибирский Томский передовой врачебно-питательный отряд на юго-западном фронте (1915-1916 гг.)» // «Русин», 2016, № 2(44), стр. 187-199.

Обатнина Е. Р., «От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова)» // «Лица. Биографический альманах», 1993, кн. 3, стр. 448-465.

Ожигов А. < Ашешов Н. П.> // «Современное слово», 1914, № 2286 (24 мая).

Орлов В. И., «Из Пережитого» // *Пятый год. Сб. 1*, М., 1925, стр. 179-222;

Орлов В. И., «Московский Окружной Комитет РСДРП» // *Путь к Октябрю. Вып. V*, М., 1926, стр. 3-25.

Орлов В. И., *Студенческое движение московского университета в XIX столетии*, М., 1934.

Пайман А., *Ангел и камень : жизнь Александра Блока: в 2 кн.* М., 2005.

Петровская Н. И., *Разбитое зеркало*. М., 2014.

Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003.

Письма Александра Блока, Л., 1925.

Полонский Вяч., «Г. Чулков. “Метель”: роман: в 2 ч. Петроград» // «Летопись», 1916, № 7, стр. 307-310.

Портреты коллекционеров. Русское и западноевропейское искусство из частных собраний Москвы. [Выставка к 100-летию ГМИИ им. Пушкина (Москва), Отдел личных коллекций, апрель – август 2012. Каталог], М., 2012.

Прокламация Исполнительного комитета объединенных землячеств и организации 20 февраля 1901 г. // «Красный архив», 1936, № 75, стр. 99.

Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений: в 16 томах*, М.-Л., 1937-1959. *Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели*, 1959, стр. 555-558.

Пяст Вл., *Встречи*, М., 1997.

Религиозно-философское общества в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907-1917: в трех томах. М., 2009.

Ремизов А. М., *Кукха. Розановы письма*, Нью Йорк, 1978.

Ремизов А. М., «На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло». [подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия]. // *Europa Orientalis*, 1985, № 11, стр. 149-190.

Ремизов А. М., «На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло». [подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия]. // *Europa Orientalis*, 1988, № 6, стр. 237-310.

Ремизов А. М., «На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло». [подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия]. // *Europa Orientalis*, 1990, № 9, стр. 443-498.

Розанов В. В., «Двое “Беспятых”, критик и беллетрист <Г. Чулков и И. Игнатов>» // «Новое время», 1914, № 13744 (18 июня).

Русский Берлин 1921-1923: по материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском, Париж-М., 2003

Скороход Н. С., *Леонид Андреев*. М., 2013.

Сологуб Ф. К., «О недописанной книге» // «Перевал», 1906, № 1, ноябрь, стр. 40-42.

Столица Л., «О двух новых романах» // «Столичная молва», 1915, № 449 (26 октября).

Сугай Л. А., «Георгий Чулков и его поэма “Русь”» // «Вестник славянских культур», 2000, № 1, стр. 66-72.

Тастевен Г. Э., «Возрождение стиля» // «Золотое руно», 1909, № 11-12, стр. 87-89.

Тишкина К. А., «Организация работы в 1914-1918 гг. региональным отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам (на примере Алтайского округа)» // *Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции*, 2015, т. 3, стр. 168-172.

Устав Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам. Пг., 1914.

Ушаков А. В., *Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX - начало XX век*. М., 2011.

Ушаков А. В., *Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904*, М., 1976.

Фидлер Ф. Ф., *Из мира литераторов. Характеры и суждения*, М., 2008.

Ходасевич В. Ф., *Собрание сочинений в 4 томах*. М., 1996-1997.

Черепанов М. С., Фингерит Е. М., *Русская периодическая печать. Справочник: в 2 томах. (1895 – октябрь 1917)*. М., 1957.

Чертков В., *Русские студенты в освободительном движении*, М., 1906.

Чуковский К. И., «Третий сорт» // «Весы», 1908, № 1, стр. 87-92.

Чуковский К. И., *Дневник (1930-1969)*. М., 1964.

Чуковский К. И., *Дневник. 1909-1929*. Москва, 2003.

Чулкова Н. Г., «Валентин Александрович Тернавцев» // «Вестник русского христианского движения», 1981, № 134, стр. 114-115.

Шевырин В. М., «Сотрудничество и борьба (власть и общественные организации в годы Первой мировой войны)» [доклад] // «Интернет-конференция: Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований», доступно по электронному адресу: <http://inion.ru/index.php?page_id=533> [последнее посещение: 01.09.17].

Шишкова-Шипунова С. Е., «Ахматова: личная жизнь» // «Знамя», 2009, № 9, электронный ресурс: <<http://magazines.russ.ru/znamia/2009/9/sh17.html>> [последнее посещение 01.09.17].

Штейнберг А., *Друзья моих ранних лет (1911-1928)* [Подготовка текста, послесловие, и примечания. Ж. Нива]. Париж, 1991.

Эмиль Верхарн: Библиографический указатель [сост. М. В. Линдстрем, вступ. ст. И. Д. Никифоровой]. М., 1988.

Эрберг К., *Воспоминания* [публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова]. // *Ежегодник Пушкинского Дома на 1977*. Л., 1979, стр. 99-146.

Эсхил. Трагедии. В переводе Вяч. Иванова, М., 1989.

Яценко А. С., «Георгий Чулков. Анархические идеи в драмах Ибсена. Изд. Шиповник. СПб., 1907 г. 63 стр. Ц. 30 коп.» // «Перевал», 1907, № 4, стр. 66-67.

Яценко А. С., «Пессимистическое искусство. Ф. Сологуб, Б. Зайцев, Г. Чулков» // «Новая жизнь», 1911, № 3, стр. 129

Allegro <Соловьева П. С.>, «Георгий Чулков. Кремнистый путь» [рец.] // «Новый путь», 1904, № 4, стр. 215-220.

Cerkez Th. Dan, «Panurge» // «Écrits pour l'art littéraire et philosophique», 1905, № 1, 15 marte, стр. 48-54

Cerkez Th. Dan, «Vlad (Légende)» // «Écrits pour l'art littéraire et philosophique», 1905, № 5, 15 juillet, стр. 253-260.

D'Amelia, A. «L'epistolario coniugale di A.M: Remizov» // «Europa orientalis», 1985, № 4. pp. 143-147.

De Michelis G., *Il futurismo italiano in Russia 1909-1929*, Bari, 1973.

De Michelis G., *L'avanguardia trasversale. Il futurismo in Italia e in Russia*, Venezia, 2009.

Royère J., «René Ghil. Poète et théoricien» // «Mercure de France», 1925, № 657 (183), 1 ноября, стр. 659-685.

Kassow S. D., *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia: 1884-1917*. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1989.

5. ОСНОВНЫЕ ПРОКОНСУЛЬТИРОВАННЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Аполлон: художественно-литературный иллюстрированный журнал (1906-1909). СПб., изд. К. Маковский и М. К. Ушков.

Биржевые ведомости: ежедневная политическая, общественная и литературная газета (1901—1916). СПб., изд. С. М. Проппер.

Вестник Европы: журнал историко-политических наук (1866-1918). Санкт-Петербург: изд. С. Стасюлевич.

Весы: ежемесячник искусств и лит. (1904-1909). Москва: Скорпион.

Вопросы жизни: ежемесячный журнал (1905). Санкт-Петербург: Изд-во Н. Лосский.

День: ежедневная газета (1905-1907; 1909). М., изд. А. А. Петрович.

Детский отдых: ежемесячный иллюстрированный журнал для детей (1881—1907). М., изд. Н. А. Истомина.

Золотое руно: журн. худож., лит. и критич (1906-1909). Москва: ред.-изд. Н. Рябушинский.

Народоправство: еженедельный журнал (1917-1918). Москва: Московская Просветительская Комиссия.

Новый путь: ежемесячный журнал. (1903-1904). Санкт-Петербург: Изд-во Д. Философов, П. Перцов.

Речь: ежедневная газета (1906-1917). Санкт-Петербург: изд.: Ю. Бак, Н. Милуков, В.Набоков, И. Петрункевич.

Товарищ: ежедневная газета (1906-1908). Санкт-Петербург: изд. Н. Русанова.

Факелы: альманах (1906-1908). СПб., изд. Д. К. Тихомирова.

6. СЛОВАРИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ДРУГИЕ СПРАВОЧНЫЕ ПОСОБИЯ

Вся Москва. Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы.

Вся Москва. Адресная и справочная книга.

Весь Петербург: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.

- Географический энциклопедический словарь* [под ред. А. Ф. Трешников]. М., 1989.
- Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания*, М., 1910.
- Краткая литературная энциклопедия: в 9 томах* [под ред А. А. Суркова]. М., 1962-1978.
- Летопись литературных событий в России конца XIX - начала XX в.: в 3 выпусках (1891 - окт. 1917)* [ред.-сост. М. Г. Петрова]. М., 2000-2009.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий* [гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин]. М., 2001.
- Литературная энциклопедия в 11 томах* [ред. П. И. Лебедев-Полянского П.И., В. М. Фриче, А. В. Луначарский]. М., 1983.
- Литературное наследство. Т. 27/28. Символисты*. М., 1937.
- Литературное наследство. Т. 68. Чехов*. М., 1960.
- Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов*. М., 1976.
- Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене*. М., 1978.
- Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904-1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого: в 5 томах*. М., 1979.
- Литературное наследство. Т. 92: в 5 томах. Александр Блок. Новые материалы и исследования*. М., 1980-1993.
- Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка*. М., 1988.
- Литературное наследство. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические своды*, М., 2016.
- Русская литература XX века. 1890-1910* [под ред. С. А. Венгерова], вып. 1-8. М., 1914-1916.
- Русские писатели 1800-1917: биографический словарь: в 5 томах* [гл. ред. П. А. Николаев], М., 1989-2007.
- Словарь современного русского литературного языка в 17 томах* [под ред. В. И. Чернышева]. М.-Л., 1948-1965.
- Словарь русского языка в 4 томах* [под ред. А. П. Евгеньева]. М., 1999.
- Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий 1755-1970 гг.* [под ред. Ю. И. Масанова]. М., 1975.
- Шруба М., *Литературные объединения Москвы и Петербурга. 1890-1917 годов: словарь*. М., 2004.

Шруба М., «Дополнения к словарю “Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов”» // «Новое литературное обозрение», 2006, № 77, стр. 493-509.

1989. *Памятные книжные даты* [под ред. Л. С. Ереминой], М., 1989.

7. ЛИТЕРАТУРА ОБ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ЖАНРЕ

Автобиографическая практика в России и во Франции: Сборник статей [под ред. Катрин Вьолле и Елены Гречаной]. М., 2006.

Большев А. О., Особенности автобиографизма в русской прозе 50-70-х годов XX века: исповедально-автобиографические произведения Б. Пастернака, В. Шаламова, Ю. Домбровского в свете психоанализа. СПб., 2001.

Богомолов Н. А., «Письмо – дневник – устная новелла – проза в практике символистов: Вячеслав Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 349-360.

Бронская Л. И., «Автобиографическая проза: видовые жанры и признаки» // «Актуальные вопросы социальной теории и практики», 2003, вып. 1, ч.1, стр. 288-297.

Виолле К., Гречаная Е. П., *Автобиографическая практика в России и во Франции*. М., 2006.

Гладков А., «Мемуары – окна в прошлое» // «Вопросы литературы», 1974, № 4, стр. 122-129.

Елизаветина Г. Г., «“Последняя грань в области романа”: Русская мемуаристика как предмет литературоведческого анализа» // «Вопросы литературы», 1982, № 10, стр. 147-171.

Зализняк А., «Дневник: к определению жанра» // «Новое литературное обозрение», 2010, № 106, стр. 162-180.

Кардин В., «Жанр вне регламента» // «Вопросы литературы», 2000, № 1, стр. 16-19.

Кирпа О. А., «Особенности автобиографической прозы в современной русской литературе» // *Література в контексті культури*, 2014, № 24 (2), стр. 52-60.

Милевская Т., «Мемуары и их место среди фактуальных жанров» // «Rossica Olomucensia», 2005, № 44, стр. 181-187.

Николина Н. А., *Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие*. М., 2002.

Новожилова А. М., «Дневниковая культура в России начала XX века» // *Филологические записки: материалы герценовских чтений: Сборник статей*. СПб., 2005, стр. 26-29.

Радзиевская С.В., «Дневник писателя в контексте литературы XX века» // «Филологические науки», 2002, № 2, стр. 12-19.

Савкина И., *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века*. М., 2007.

Савкина И., «Теории и практики автобиографического письма» // «Новое литературное обозрение», 2008, № 92, стр. 284-289.

Тартаковский А. Г., «Мемуаристика как феномен культуры» // «Вопросы литературы», 1999, № 1, стр. 35-55.

Урбан А., «Автодокументальная проза» // «Звезда», 1970, № 10, стр. 4-77.

Фрич Е. В., «“Дневник Александра Чичерина. 1812 – 1813” как документ становления нового художественного сознания» // *Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII - XIX вв.: сборник научных работ*. Л., 1974, стр. 42-47.

Anderson L., *Autobiography. The new critical idiom*. London, 2001.

Battistini A., *Lo specchio di Dedalo: autobiografia e biografia*. Bologna, 1990.

Bonifazi N., *Il genere letterario. Dall'epistolare all'autobiografico*. Ravenna, 1986, pp. 9-68.

Bruner J., «The autobiographical process» // «Current Sociology», 1995, № 43 (2), pp. 161-177.

Bruss E. W., *Autobiographical acts. The Changing Situation of a Literary Genre*, London, 1976, 184 p.

Bruss E.W., «L'autobiographie considérée come acte littéraire» // «Poétique», 1974, XVII, pp. 14-26.

Crihană A., «Entre mémoire, histoire et fiction: les récits de vie des écrivains roumains de l'après-guerre dans le contexte socioculturel post-totalitaire» // «Synergies Roumanie», 2011, № 6, pp. 157-169.

Czerny B., «Géographie de la mémoire dans la littérature russe-juive» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 405-419.

Dekker R., «Jacques Presser's Heritage: egodocuments in the study of history» // «Memoria y civilization», 2002, № 5, pp. 13-37.

Depretto C., «Conscience historique et écriture de soi: la place des écrits personnels dans la culture russe: introduction» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 303-315.

D'intino F., *L'autobiografia moderna. Storia forma problemi*. Roma, 2003.

Eakin P. J. ed., *Fictions in Autobiography. Studies in the Art of Self-Invention*. Princeton, 1985.

Folkenflik R., *The Culture of Autobiography: Constructions of Self-Representation*. Stanford, 1993.

Gudkova V., «Автор, лирический герой, адресат в писательских дневниках в России 1920-1930-х годов: Михаил Булгаков и Юрий Олеша» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 389-403.

Gary H. J. ed., *Autobiographical statements in 20 c. Russian Literature*. Princeton, 1990.

Gusdorf G., «Conditions and Limits of Autobiography» // Onley J. ed., *Methaphors of the Self. The Meaning of Autobiography*. Princeton, 1972, pp. 28-48.

Kissel W., «Une descente aux enfers: le projet autobiographique? Andrej Belyj et son séjour à Berlin (1922-1923)» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 375-388.

Jolly, M. (Ed.). *Encyclopedia of life writing: autobiographical and biographical forms*. London, 2013.

Lejeune P., *Le pacte autobiographique*. Paris, 1975.

Milchina V., «Journal, lettres, chronique culturelle: le cas d'Aleksandr Turgenev» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 317-332.

Onley J. ed., *Methaphors of the Self. The Meaning of Autobiography*. Princeton, 1972.

Onley J. ed., *Autobiography. Essays Theoretical and Critical*. Princeton, 1980.

Nigrisoli Wårnhjelm V., «L'edizione di carteggi privati: Problemi e metodi» // *XIIIe Congrès des Romanistes Scandinaves, Jyväskylä, 12-15 Août 1996*, Vol. 2, pp. 827-837.

Niqueux M., «De l'intime à la fiction : une ébauche en français de Polin'ka Saks d'Aleksandr Družinin» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 333-348.

Pascal R., *Design and Thruth in Autobiography*. London, 1960.

Peyrot B., «Il diritto all'autobiografia» // «Revista Brasileira de Estudos Políticos», 2005, № 92, pp. 149-162.

Renouprez, M., «L'autobiographie en question: Poétique d'un genre» // *La philologie française à la croisée de l'an 2000: panorama linguistique et littéraire*, 2000, pp. 113-122.

Rolet S., «La Révolution comme épreuve personnelle: le Journal de Leonid Andreev (1914-1919)» // «Revue des études slaves», 2008, № 79/3, pp. 361-374.

Starobiski J. «Le style de l'autobiographie» // Id., *La relation critique*, Paris, 1970, pp. 83-98.

Viollet K., Montémont V., *Le moi et ses modèles: genèse et transtextualités*. Louvain-la-Neuve, 2009.

Winslow D. J., *Life-writing: A glossary of terms in biography, autobiography, and related forms*. Honolulu, 1995.

Zalambani M., *La morte del romanzo. Dall'avanguardia al realismo socialista*. Roma, 2003.

8. ЛИТЕРАТУРА ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ

Акимова Т. П., «Отражение конвенции эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания» // «Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение», 2011, №2, стр. 7-10.

Акишина А. А., «Письмо как один из видов текста» // «Русский язык за рубежом», 1982, № 2, стр. 57-63 (статья 1-2).

Ананьева Т., «К вопросу о систематизации эпистолярных источников» // «Студії з архівної справи та документознавства», 2004, № 12, стр. 85-89.

Арутюнова Н. Д., «Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке» // «Научные доклады Высшей Школы. Филологические Науки», 1970, № 3, стр. 44-58.

Арутюнова Н. Д., «Фактор адресата» // «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1981, Т. 40, № 4, стр. 356–367.

Атанасова-Соколова Д., «“Говоря с тобою чрез письмо...” Письма М.Н. Муравьева» // «Новый филологический вестник», 2006, №2/3.

Атанасова-Соколова Д., *Письмо как факт русской культуры XVIII-XIX веков*. Budapest, 2006.

Белунова Н. И., *Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX-начала XX в.: (Жанр и текст писем)*. СПб., 2000.

Белунова Н. И., *Элитарная речевая культура и ее основные особенности: (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX в.)*. СПб., 2009.

Бетузия Н., «Особенности текстов эпистолярного жанра» // «Русский язык за рубежом», 1984, № 3, стр. 81-84.

Богословский М. М., Клибанов, А. И., *Историография, мемуаристика, эпистолярная: научное наследие*. М. 1987.

Брюсов В. Я., *Письма неофициального корреспондента. Письма к жене (август 1914-май 1915)*. М., 2015.

Гаспаров М. Л., «Эпистолярное творчество В. Я. Брюсова» // *Литературное наследство*, Т. 98. М, 1991, стр. 12-29.

Гиндин С. И., «Биография в структуре писем и эпистолярного поведения» // *Язык и личность: Сб. Статей*. М., 1989, стр. 63-77.

Гинзбург Л. Я., «Письма Бориса Пастернака» // *Переписка Бориса Пастернака* [вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подготовка текстов и коммент. Е.В. Пастернака и Е.Б. Пастернакой]. М., 1990, стр. 3-12.

Глинкина Л. А., «Речевой этикет: ты и вы» // «Русский язык в школе», М., 1988, № 6, стр. 25-26.

Глухих Н. В., «Деловой эпистолярный жанр конца XVIII-XIX в.: к проблеме квалификации» // «Вестник Челябинского государственного университета», 2008, № 9, стр. 19-24.

Голикова С. В., «Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбурга на рубеже XVIII - XIX веков» // *Уральский город XVIII - начала XX в.: история повседневности: сборник статей*. Екатеринбург, 2011, стр. 35-46.

Грбарь-Пассек М. Е. [ред.], *Античная эпистолография*. М., 1967.

Григорьев Г. А., «Эпистолярное наследие П.П. Бажова» // «Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки», 2013, № 2 (114), стр. 51-60.

Захарова В. Е., «О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова» // *Языковое мастерство А.П. Чехова*. Ростов-на-Дону, 1988, стр. 110-115.

Иванов А. Ю., «Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации» // «Известия АлтГУ», 2008, № 4 (60), стр. 78-81.

Исупов К., «Оглянись на дом свой, или История литературы как исповедь духа» // «Вопросы литературы», 1997, № 2, стр. 66-75.

Каленова Н. А., «О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике» // «Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки», 2013, № 1, стр. 81-87.

Крылов В. Н., «Эпистолярное наследие как источник изучения истории русской литературной критики» // *Русская и сопоставительная филология*. Казань, 2003, стр. 212-214.

Кучина Т. Г., «К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX-начала XX в.» // *Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы*. М., 1984, стр. 40-48.

Кецба Л. Н., «Место эпистолярного стиля в системе функциональных стилей» // «Известия АН АзССР. Серия литературы и языка», 1971, № 3-4, стр. 94-100.

Корман Б. О., «Итоги и перспективы изучения проблемы автора» // *Страницы истории русской литературы*. М., 1971, стр. 199–207.

Котков С. И., «Материалы частной переписки как литературный источник» // Он же, Панкратова Н. П., *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII-XVIII вв.* М., 1963.

Котков С. И., «Старинная русская деловая письменность в ее отношении к литературному языку» // *Источники по истории русского языка XI-XVII вв.* М., 1991, стр. 122-144.

Крылов В. Н., «Эпистолярное наследие как источник изучения истории русской литературной критики» // *Русская и сопоставительная филология*. Казань, 2003, стр. 212-214.

Курьянович А. В., «Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы» // «Вестник ТГПУ», 2009, № 9 (87), стр. 146-150.

Курьянович А. В., «Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции» // «Вестник ТГПУ», 2009, № 9 (87), стр. 76-80.

Курьянович А. В., «Фигура умолчания» в системе функциональной стилистики: к вопросу определения стилистического статуса эпистолярия» // «Вестник ТГПУ», 2010, № 6 (96), стр. 84-88.

Курьянович А. В., «О коммуникативно-прагматической сущности эпистолярного диалогизма (на материале писем В. С. Высоцкого)» // «Вестник ТГПУ», 2012, № 10 (125), стр. 174-179.

Курьянович А. В., «Прагматика графического образа эпистолярного текста (на примере писем представителей русской творческой интеллигенции первой половины XX века)» // «Вестник ТГПУ», 2012, № 1 (116), стр. 223-228.

Лимонова Е. А., «Мемуарный жанр в письмах И.С. Тургенева» // *Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII-XIX вв. Сборник научных трудов*. Л., 1974, стр. 153-162

Магомедова Д. М., «Переписка как целостный текст и источник сюжета (на материале переписки Блока и Андрея Белого 1903-1908 гг.)» // *Динамическая поэтика. От замысла к воплощению*. М., 1990, стр. 254-262.

Маймин Е. А., «Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики» // *Пушкинский сборник*. Псков, 1962, стр. 77-87.

Маймин. Е. А., «Переписка Фета с Толстым как памятник культуры» // *Литература и искусство в системе культуры*). М., 1988, стр. 440-448.

Макогоненко Г. П., «Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс» // *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980, стр. 3-41.

Малахова А. М., «Поэтика эпистолярного жанра» // *В творческой лаборатории Чехова: сборник статей*. М., 1974, стр. 310-329.

Марасинова Е. Н., «К вопросу о типологии и эволюции источников эпистолярного характера: (на примере переписки представителей интеллектуально-аристократической среды российского дворянства последней трети XVIII)» // *Историографические и источниковедческие проблемы истории народов СССР*. М., 1987, стр. 102-120.

Мурзо Г. В., «Ярославские письма В.Я. Брюсова» // «Ярославский педагогический вестник», 2007, № 2, стр. 115-124.

Нерлер П., «Письма из прошлого. “В страну волшебную вхожу...”». Переписка поэтов Чулкова и Т. Табидзе» // «Нева», 1987, № 5, стр. 194-198.

Никитин С. А., «Частная переписка» // Он же, *Источниковедение истории СССР XIX века*. Т. 2. М., 1940, стр. 144-152.

Панкратова Н. П., «Из истории частной переписки на Руси» // *Изучение русского языка и источниковедение*. М., 1969, стр. 127-155.

Панкратова Н. П., «Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII в.» // *Исследования по лингвистическому источниковедению*. М., 1963, стр. 134-143.

Паперно И. А., «О двуязычной переписке пушкинской эпохи» // *Труды по русской и славянской филологии. XXIV: Литературоведение*. Тарту, 1975, стр. 148-156.

Паперно И. А., «Переписка Пушкина как целостный текст (май октябрь 1831 г.)» // *Ученые записки Тартуского университета*, 1977, № 420, вып. 2, стр. 71-81.

Паперно И. А., «Об изучении поэтики письма» // *Ученые записки Тартуского университета*, 1977, № 420, вып. 2, стр. 105-111.

Розанова С. И., «Специфика эпистолярных изданий» // «Вопросы литературы», 1965, № 6, стр. 214-218.

Сапожникова Н. В., «“Авторский голос” как элемент эпистолярно-историсофской репрезентации личности: (на материалах XIX века)» // «Известия Уральского государственного университета», 2005, № 34, стр. 81-89.

Сарафанова А. А., «Классическая форма эпистолярного романа и ее трансформация в XX веке» // «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена», 2009, № 107, стр. 159-165.

Седова О. Н., «Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка» // «Научные доклады Высшей Школы: Филологические Науки», 1986, № 6, стр. 57-62.

Сметанин В. А., «Новое в развитии представлений об эпистолографии» // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1980, вып. 17, стр. 5-18.

Стенина В. Ф., «Патографический текст в эпистолярной А. П. Чехова» // «Вестник Томского государственного педагогического университета», 2012, № 3 (118), стр. 158-164.

Степанов Н. С., «Дружеское письмо начала XIX века» // *Русская проза*. Л., 1926, стр. 74-101.

Степанов Г. В., «К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат)» // *Контекст: Литерат.-теоретич. исследования* [отв. ред. П. В. Палиевский]. М., 1984, стр. 20-37.

Сыркина. А. В., «Письмо как литературный жанр (по материалам эпистолярного наследия Н.П. Огарева)» // *Проблемы творчества Н.П. Огарева. Межвузовский сборник научных трудов*. Саранск, 1985, стр. 118-135

Фесенко О. П., «Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс» // «Вестник Челябинского государственного университета», 2008, № 23, стр. 132-143.

Фокина Т. П., «Я к вам пишу – чего же боле? (о некоторых возможностях исследования переписки как Целостного текста)» // «Вопросы социальной психологии», Саратов, 2009, № 5, стр. 165-174.

Фрик Т. Б., «Переписка Н. М. Карамзина с членами царствующего дома как литературный факт (к постановке проблемы)» // «Вестник науки Сибири», 2011, №1, стр. 599-605.

Чикишева Е., «Несколько размышлений по поводу эпистолярности» // *Annali della Facoltà di Lingue e Letterature straniere dell'Università degli studi di Sassari*, 2009, vol. 5, pp. 65-70.

Юдина В. И., «Музыкальный эпистолярный: художественный текст в русской культуре конца XIX - начала XX века» // «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2011, № 1, стр. 232-235.

Янушкевич А. С., «Эпистолярный В. А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени» // «Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология», 2012, № 2 (18), стр. 106-119.

Baudin R. (a cura di), *La revue russe № 32. L'épistolaire en Russie du XVIIIème siècle à l'URSS post-stalinienne*. Paris, 2009.

Betri M. L., Chiarito D. M., *Dolce dono graditissimo. La lettera privata dal Settecento al Novecento*. Milano, 2000.

Bossis M., Bonnat J. L., *Ecrire publier lire les correspondances: problématique et économie d'un genre littéraire. Actes du Colloque international "Les Correspondances"*. Nantes 1983.

Bossis M., Porter, C. A., *L'epistolarité à travers les siècles: geste de communication et/ou d'écriture: colloque*. Stuttgart, 1990.

Brunet M., «Réseau, lettre et édition critique: pour une anthropologie littéraire» // «Tangence», 2004, № 7, pp. 71-96.

Campanini M., «Scrittura epistolare e letterarietà: aspetti e funzioni del peritesto in alcune raccolte di lettere francesi tra Cinquecento e Seicento» // «Rivista di letterature moderne e comparate», 2009, vol. LXII, pp. 381-414.

Badon C., «Un carteggio coniugale» // *Ti lascio con la penna, non col cuore. Lettere di Eleonora Rinuccini al marito Neri dei principi Corsini*. Firenze, 2012, pp. 15-45.

Cardell K., Haggis J., «Contemporary Perspectives on Epistolarity» // «Life Writing», 2011, vol. 8, iss. 2, pp. 129-133.

Chemello A., *Alla lettera: teorie e pratiche epistolari dai Greci al Novecento*. Milano, 1998.

D'aura E., *Metodologia ecdotica dei carteggi. Atti del Convegno Internazionale di Studi. Roma 23-25 ottobre 1980*. Firenze, 1989.

Fochi Caturegli A., «L'epistolario e il lettore. Osservazioni preliminari» // «Italianistica», 1998, № 17/2, pp. 299-311.

Giammattei E., «In memoria dello scriver lettere. Il gioco dei carteggi» // «Prospettive settanta», 1991, №. 2-3, pp. 415-428.

Gurkin Altmann J., *Epistolarity. Approaches to a form*. Columbus, 1982.

Joukovskaïa A., «La naissance de l'épistolographie normative en Russie [Histoire des premiers manuels russes d'art épistolaire]» // «Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants», 1999, vol. 40, № 4, pp. 657-689.

MacArthur E. J., *Extravagant narratives: Closure and dynamics in the epistolary form*. Princeton, 2014.

Magnarelli P., «La percezione soggettiva dell'ambiente attraverso la fonte epistolare ed altre "Scritture dell'Io"» // «Studia Picena», 2001, LXVI, pp. 287-303.

Missac P., «La correspondance comme genre littéraire et phénomène sociologique» // «Critique», 1981, № 415, pp. 1317-1328.

Olivieri M., «L'epistolario: tra deontologia e ricerca di un genere» // «Archivi del nuovo», 1998, № 2.

Petrucchi Nardelli F., «Pubblicare carteggi?» // «Quaderni di storia», 2006, XXXII, 63, pp. 127-130.

Roustan M., *La lettre: (évolution du genre)*. Paris, 1918.

Serafimova M., «Жанрови идентификации на писмото» // «Литературна мисъл», 1999, № 2, pp. 39-51.

Simonet-Tenant F., «Aperçu historique de l'écriture épistolaire: du social à l'intime» // «Le Français aujourd'hui», 2004, № 147, pp. 35-42.

Todd W. M., *The familiar letter as a literary genre in the age of Pushkin*. Princeton, 1976.

Woolf V., *Ore in biblioteca e altri saggi* (a cura di Paola Splendore). Milano, 1991.

9. ЛИТЕРАТУРА О БИОГРАФИЧЕСКОМ ЖАНРЕ

«"Жизнь и деятельность...": Нерешенные проблемы биографического жанра» // «Вопросы литературы», 1973, № 10, стр. 16-93.

«Биография глазами биографа (По материалам круглого стола)» [вступ. статья, подгот. публи.и послесл. А. Холикова] // «Вопросы литературы», 2008, № 6, стр. 31-40.

«Биография как историческое исследование [По материалам обсуждения в ред. журн. "История СССР"]» // «История СССР», 1970, № 4, стр. 231-242.

«Библиографическая книга: проблемы и трудности жанра: [дискуссия о библиографическом жанре]» // «Детская литература», 1977, № 5, стр. 6-15.

«Книги о русских писателях в "ЖЗЛ"» // «Вопросы литературы», 1980, № 9, стр. 179-251.

Аверинцев С. С., *Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*. М., 1973.

Аверинцев С. С., «Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии» // Плутарх, *Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1.*, М., 1994.

Александров Е. В., «Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса» // *Ученые записки Российского Государственного Социологического университета*, 2008, № 4 (60), стр. 223-27.

- Барахов В. С., *Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр)*. Л., 1985.
- Бахтин М. М., «<Автор и герой в эстетической деятельности>» // Он же, *Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 1*. М., 2003, стр. 69-263.
- Бахтин М. М., «К философии поступка» // Он же, *Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 1*. М., 2003, стр. 7-68.
- Бахтин М. М., «Античная биография и автобиография» // Он же, *Эпос и роман*. СПб., 2000.
- Бахтин М. М., *Эстетика словесного творчества*, М., 1986.
- Беленький И. Л., «Биография как культурно-историческая проблема и биографика» // *Биографика в системе наук о человеке: Становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения*. М., 1999, стр. 211–220.
- Беленький И. Л., «Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции» // *История через личность: Историческая биография сегодня* [под ред. Л. П. Репиной]. М., 2005, стр. 37-54.
- Бельчиков Н. Ф., «Научная биография писателя – назревшая задача истории литературы» // *Пути и навыки литературоведческого труда*. М., 1965, стр. 277-285.
- Бельчиков Н. Ф., *Литературное источниковедение*, М., 1983.
- Благой Д. Д., «Принципы построения научной биографии Пушкина» // *Литературное наследство. Т. 16-18*. М., 1934, стр. 247-270.
- Благой Д. Д., *Творческий путь Пушкина*, М., 1987.
- Вайдман П. Е., *Архив П. И. Чайковского: текстологические и биографические исследования (творчество и жизнь)* [автореферат диссертации доктора искусствоведения]. М., 2000.
- Валевский А. Л., «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла» // «Лица: Биографический альманах», 1995, вып. 6, стр. 32-68.
- Валевский А. Л., *Основания биографики*. Киев, 1993.
- Варламов А. Н., «Заметки о биографическом жанре» // «Вопросы литературы», 2013, № 4, стр. 25-39.
- Варфоломеев Ю. В., *Николай Константинович Муравьев: Научная биография* [диссертация на соискание научной степени доктора исторических наук]. Саратов, 2007.
- Вильсон А., *Биография как история*, М., 1970.
- Винокур Г. О., *Биография и культура*. М., 1927.
- Винокур Г. О., «Ранние биографии Пушкина» // «Книжные новости», 1937, № 1, стр. 16-19.

Винокур Г. О., «Биография как научная проблема (тезисы доклада)» // Он же, *Биография и культура. Русское сценическое произношение*. М., 1997, стр. 11-13.

Вяземский П. А., *Полное собрание сочинений: в 12 томах. Т. 5*. СПб., 1880.

Гаспаров М. Л., «Эпистолярное творчество В. Я. Брюсова» // *Литературное наследство. Т. 98. Брюсов и его корреспонденты. Т. 1*, М., 1991, стр. 12-29.

Гернек Ф., *Принципиальные соображения относительно научной биографии* [Коллоквиум: личность ученого в истории науки]. М., 1971.

Голосовкер Я. Э., «Миф моей жизни (Автобиография)» [пред. Н. В. Врагинской] // «Вопросы философии», 1989, № 2, стр. 106-155.

Гордин Я., «Возможен ли роман о писателе?» // «Вопросы литературы», 1975, № 9, стр. 190-210.

Гордин Я., «Индивидуальная судьба и система биографий» // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. М., 1978, Т. 37, № 6, стр. 533-539.

Гуральник У., «Книги о русских писателях в “ЖЗЛ”» // «Вопросы литературы», 1980, № 9, стр. 179-251.

Демченко А. А., *Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков: Н. Г. Чернышевский* [диссертация на соискание научной степени доктора филологических наук], Саратов, 1981.

Демченко А. А., «Научна биография писателя как тип литературоведческого исследования» (статья первая) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 2014, Т. 14, вып. 3, стр. 52-61.

Демченко А. А., «Научна биография писателя как тип литературоведческого исследования» (статья вторая) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 2014, Т. 14, вып. 4, стр. 51-61.

Демченко А. А., *Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828-1858)*, М.-СПб., 2015

Дильтей В., «Категории жизни» // «Вопросы философии», 1995, № 10, стр. 129-143.

Дубин Б. В., «Биография, репутация, анкета: О формах интеграции опыта в письменной культуре» // «Лица: Биографический альманах», 1995, вып. 6, стр. 7-31.

Дубин Б. В., *Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры*. М., 2001.

Жирмунский В. М., *Введение в литературоведении. Курс лекций*. СПб., 1996.

Жуков Д. А., *Биография биографии: Размышление о жанре*. М., 1980.

Казанцева Г. В., «Беллетризованная биография: проблема определения жанра и история жанра» // «Вопросы филологии», 2007, № 3 (27), стр. 64-69.

- Калугин Дм., «Искусство биографии: изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века» // «Новое литературное обозрение», 2008, № 91. Электронный ресурс: адрес <<http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/ka6.html>> [последнее посещение 10.05.17].
- Каспэ И., «Соединенные с успехом (Биографии «массовых» писателей)» // «Новое литературное обозрение», 2002, № 56. Электронный ресурс: адрес <<http://magazines.russ.ru/nlo/2002/56/kasp.html>> [последнее посещение 10.05.17].
- Кедров Б. М., «Достоверное и недостоверное, вероятное и невероятное в биографиях ученых» // *Человек науки* [под ред. М. Г. Ярошевского]. М., 1975, стр. 58-67.
- Кобак И. В., *Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник* [диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук]. СПб., 2014.
- Кораллов М., «Образ личности и облик эпохи. Штрихи к портретам и монографиям» // «Литературное обозрение», 1973, № 7, стр. 79-84.
- Лакшин В. Я., *А. Н. Островский. Проблемы научной биографии*. М., 1981.
- Левченко Я. С., *Другая наука: русские формалисты в поисках биографии*. М., 2012.
- Лихачев Д. С., «Искусство и наука (Мысли)» // «Русская литература», 1992, № 3, стр. 3-13.
- Лицук, Ж. В., «Серебряный век в мемуарах и автобиографиях современников» // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки*, 2012, № 3 (106), стр. 112-126.
- Лосиевский И. Я., *Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии*. Харьков, 1998.
- Лотман Ю. М., «Биография – живое лицо» // «Новый мир», 1985, № 2, стр. 228-236.
- Лотман Ю. М., «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» // *Труды по русской и славянской филологии. Литература и публицистика: проблемы взаимодействия* (Ученые записки Тартуского государственного университета), 1986, вып. 683, стр. 106-121.
- Лотман Ю. М., *Сотворение Карамзина*. М., 1987.
- Лотман Ю. М., *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя*. Л., 1981.
- Луценко Е., «Прощание, запрещающее печаль. Биограф и его критики» // «Вопросы литературы», 2008, № 1, стр. 63-76.
- Манн Ю., «Жанр больших возможностей» // «Вопросы литературы», 1959, № 9, стр. 41-59.
- Медведева Е. А., *Жанр научной биографии в русском литературоведении конца XIX-начала XX века (на материале работ, посвященных Н. С. Тихонравову)* [диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук]. Казань, 2011.

- Мейлах Б. С., «Биография как методологическая проблема» // *Человек науки* [под ред. М. Г. Ярошевского]. М., 1974, стр. 7-57.
- Местергази Е. Г., *Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин)*, М., 2007.
- Моруа А., «О биографии как художественном произведении» // *Писатели Франции о литературе*, М., 1978, стр. 121-134.
- Муза Е., «Не занимательности ради» // «Литературная газета», 1975, № 37 (10 сентября), стр. 4.
- Павлова Т. А., «Методологические проблемы. Биографистика в СССР» // *Историческая биография. Сборник обзоров к XVII международному конгрессу исторических наук. (Мадрид, август 1990)*. М., 1990, стр. 5-164.
- Переверзев В. Ф., «Проблемы марксистского литературоведения» // «Литература и марксизм», 1929, II.
- Петрина А. Б., *Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели* [диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук]. Омск, 2009.
- Петровская И. Ф., *Биографика: Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов*. СПб., 2010.
- Полонский В. В., «Об основных тенденциях биографического письма в литературе XX века» // Он же, *Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст*. М., 2011, стр. 150-155.
- Поляков А. Н., «Биография и история. Проблема соотношения жанров» // *Вестник РУДН. Сер. Литературоведение, журналистика*, 2013, № 4, стр. 39-44.
- Померанцева Г. Е., *Биография в потоке времени. "ЖЗЛ": замыслы и воплощения серии*. М., 1987.
- Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012*. СПб., 2013.
- Прохорова И. Е., «У истоков жанра биографии писателя в России: варианты авторской стратегии (по материалам выступлений П. А. Вяземского-биографа)» // «Новый филологический вестник», 2008, № 1 (6), стр. 31-49.
- Рейтблат А. Б., «Биографируемый и его биограф» // *Чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя: Биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках*. СПб., 2004, стр. 53-62.
- Рейтблат А. Б., «Нравственные мотивации биографа» // *Вторые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса*. СПб., 2005, стр. 3-8.

Рейтблат А. Б., «Некролог как биографический жанр» // *Третьи чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биография вне шаблона.* СПб., 2006, стр. 3-10.

Рейтблат А. Б., «Что не попадает в биографию?» // *Пятые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания.* СПб., 2008, стр. 3-11.

Рейтблат А. Б., «Этапы и источники построения биографического нарратива (на материалах биографий Ф. В. Булгарина)» // *Восьмые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биографика 20 века.* СПб., 2011, стр. 3-14.

Рейтблат А. Б., *Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы.* М., 2014.

Репина Л. П., «Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия)» // *История через личность: Историческая биография сегодня* [под ред. Л. П. Репиной]. М., 2005, стр. 5-16.

Рыбников Н. А., *Биографический институт.* М., 1918.

Рыбников Н. А., *Биографии и их изучение.* М., 1920.

Рыбников Н. А., *Изучение биографии: (Темы семинария, указатель литературы).* М., 1922.

Сакулин П. Н., *Социологический метод в литературоведении.* М., 1925.

Сент-Бев Ш.-О. «Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. [Определение «биографического метода»] // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Тракаты, статьи, эссе.* М., 1987, стр. 39-53.

Скороходов М. В., «Научная биография как исследовательский жанр» // *Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биографика XX века. 16 – 18 апреля 2008.* СПб., 2009, стр. 139-147.

Скороходов М. В., «Научная биография писателя: источники и проблемы подготовки» // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* М., 2009, стр. 607-615.

Скороходов М. В., *Сергей Есенин. Истоки творчества. Вопросы научной биографии.* М., 2014.

Соловьев Э. Ю., «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» (статья первая) // «Вопросы философии», 1981, № 1, стр. 115-126.

Соловьев Э. Ю., «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» (статья вторая) // «Вопросы философии», 1981, № 9, стр. 132-146.

Сурат И., «Биография Пушкина как культурный вопрос» // «Новый мир», 1998, № 2, стр. 177-195.

Томашевский Б. В., «Литература и биография» // «Книга и революция», 1923, № 4 (28), стр. 6-9.

Тынянов Ю. Н., «Литературный факт» // Он же, *Поэтика. История литературы. Кино*, М., 1977, стр. 255-270.

Тынянов Ю. Н., «О литературной эволюции» // Он же, *Поэтика. История литературы. Кино*, М., 1977, стр. 270-281.

Фохт У., «Биография в литературоведении» // «Печать и революция», 1928, № 8, стр. 16-26.

Холиков А.А., «Писательская биография: жанр без правил» // «Вопросы литературы», 2008, №6, стр. 41-62.

Холиков А. А., «Заказанный “Михаил Булгаков”» // «Вопросы литературы», 2010, № 2, стр. 49-62.

Холиков А.А., *Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919*, СПб., 2010.

Холиков А. А., «Плод занимательной науки: Из размышлений над жанром биографии литературоведа» // «Вопросы литературы», 2011, № 1, стр. 341-354.

Холиков А. А., *Биография писателя как жанр: Учебное пособие*. М., 2014.

Холиков А. А., *Прижизненное собрание сочинений Д. С. Мережковского: Текстология, История литературы, Поэтика*. СПб.-М., 2014.

Человек науки [под ред. М. Г. Ярошевского]. М. 1974.

Шахматов Б. М., «К вопросу о биографическом аспекте в историко-философских исследованиях» // *История философии и марксизма* [под ред. А. И. Володина]. М., 1979, стр. 161-180.

Эйхенбаум Б. М., *Литературный быт* // Он же. *О литературе: Работы разных лет*, М., 1987, стр. 428-436.

Эткинд А. М., «Биографический институт: Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова» // «Лица: Биографический альманах», 1996, вып. 7, стр. 419-426.

Ярошевский М. Г., «Биография ученого как науковедческая проблема» // *Человек науки* [под ред. М. Г. Ярошевского]. М., 1974, стр. 19-57.

“Biography: General Survey”, “Autobiography and Biography: Their Relationship” // Jolly M. ed., *Encyclopedia of Life Writing: Autobiographical and Biographical Forms*. London, 2001, pp. 78-79 and 109-112.

Backscheider P. R., *Reflections on biography*. Oxford_ 1999.

Batchelor J., ed., *The Art of Literary Biography*. Oxford, 1995.

- Bourdieu P., “L’illusion biographique,” // *Actes de la recherche en sciences sociales* 62/3, 1986, pp. 69-72; “The Biographical Illusion,” trans. by Winkin Y. and Leeds-Hurwitz W. // Du Gay P., Evans J., and Redman P., eds., *Identity: A Reader*, London, 2004, pp. 297-303.
- Clifford J. L., *From Puzzles to Portraits: Problems of a Literary Biographer*. Chapel Hill, 1970.
- Eakin, P. J. ed, *The Ethics of Life Writing*. Ithaca N.Y., 2004.
- Edel L., *Literary Biography*. Bloomington, 1973.
- Edel L., *Telling Lives: The Biographer’s Art*. Washington, 1979.
- Edel L., *Writing Lives. Principia Biographica*. N.Y., 1987.
- Ellis D. *Literary Lives*. N.Y., 2000.
- France, P., St. Claire W., *Mapping Lives: The Uses of Biography*. Oxford, 2002.
- Garraty J. A., *The Nature of Biography*. N.Y., 1957.
- Gittings R., *The Nature of Biography*. Seattle, 1978.
- Hamilton N., *Biography: A Brief History*. Cambridge MA, 2007.
- Hamilton N., *How to Do Biography: A Primer*. Cambridge MA, 2009.
- Hankins T. L., “In Defence of Biography: the Use of Biography in the History of Science” // “History of Science”, 1979, Vol. 17, Issue 1, pp. 1-16.
- Kendall P. M., *The Art of Biography*. N.Y., 1965.
- Marcus L., *Auto/biographical Discourses: Criticism, Theory, Practice*, Manchester – N.Y., 1994.
- Maurois A., *Aspects de la biographie*. Paris, 1930.
- Meyers J. ed., *The Biographer’s Art. New Essays*, Basinstoke, London, 1989.
- Momigliano A., *The Development of Greek Biography*. Cambridge MA, 1971.
- Momigliano A., *The Development of Greek Biography. Four Lectures*. Cambridge MA, 1993.
- Nadel I. B., *Biography: Fiction, Fact and Form*. London, 1984.
- O’ Neill E. H. ed., *A History of American Biography. 1800-1935*. Philadelphia, 1935.
- Parke C. N., *Biography: Writing Lives*. N.Y. – L., 1996.
- Renders H. and De Haan B. eds., *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing*. Lewiston-N.Y., 2013.

Renders H., de Haan B. and Harmsma, J. eds., *The biographical turn. Lives in history*, London-N.Y., 2017.

Saunders M., *Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction and the Forms of Modern Literature*. Oxford, 2014.

Salwak D. ed., *The Literary Biography: Problems and Solutions*. Iowa City, 1996.

Shelston A., *Biography*. London, 1977.

Stratchey L., *Eminent Victorians*. N.Y., 1918.

Thayer W.R., *The Art of Biography*. N.Y., 1920.

Updike J., *On literary biography*. Columbia SC, 1999.

Woolf V., "The Art of Biography", "The New Biography" // Id., *Selected Essays*, Oxford, 2008, pp. 95-100 and 116-123.

10. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, СБОРНИКИ

Вопросы текстологии. Выпуск 3. Принципы издания эпистолярных текстов. М., 1964.

Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009.

Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012.

Аверинцев С. С., «Жанр как абстракция и жанры как реальность» // *Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы*. М., 1989, стр. 3-26.

Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов [ред. сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая]. М., 2013.

Бахтин М. М., *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. М., 1975.

Бахтин М. М., *Эстетика словесного творчества*. М., 1986.

Бахтин М. М., *Литературно-критические статьи*. М., 1986.

Бахтин М. М., *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук*. СПб., 2000.

Белая Г. А., *Литература в зеркале критики*. М., 1986.

Белая Г. А., *Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей*. М., 1989.

Белецкий А. И., *В мастерской художника слова*. М., 1989.

Бельчиков Н. Ф., *Литературное источниковедение*, М., 1983.

- Богданов В. А., «Самокритика символизма (из истории проблемы соотношения идеи и образа)» // *Контекст-1984: Литературно-теоретические исследования*. М., 1984, стр. 164-194.
- Бычков В. В., «Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению» // «Вопросы философии», 2007, № 8, стр. 47-57.
- Долгополов Л. К., «Русская литература конца XIX – начала XX века как этап в литературном развитии» // «Русская литература», 1976, № 1, стр. 93-109.
- Гаспаров М. Л., «Поэтика «серебряного века» // *Русская поэзия серебряного века 1890-1917, Антология*. М., 1993, стр. 5-44.
- Гаспаров Б. М., *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. М., 1993.
- Гаспаров Б. М., *Язык. Память. Образ*. М., 1996.
- Гинзбург Л. Я., *О старом и новом: Статьи и очерки*. М., 1982.
- Гинзбург Л. Я., *Литература в поисках реальности: Ст., эссе, заметки*. Л., 1987.
- Гинзбург Л. Я., *О психологической прозе*. Л., 1997.
- Гринцер П. А. (ред.), *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М., 1994.
- Гришунин А. Л., *Исследовательские аспекты текстологии*. М., 1998.
- Гришунин А. Л., «Автор как субъект текста» // *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 52., 1993, стр. 12-19.
- Ермилова Е. В., Бочаров С. Г., *Теория и образный мир русского символизма*. М., 1989.
- Кребель И., *Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии*. СПб., 2010.
- Лавров А. В., Гречишкин С. С., *Символисты вблизи: Очерки и публикации*. СПб., 2004.
- Лавров А. В., *Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации*. М., 2015.
- Лихачев Д. С., *О филологии*. М., 1989.
- Лихачев Д. С., *Текстология. На материале русской литературы X-XVII веков*. СПб., 2001.
- Лихачев Д. С., *Текстология. Краткий очерк*. М., 2006.
- Лотман Ю. М., *Структура художественного текста*. М., 1970.
- Лотман Ю. М., *Избранные статьи в трех томах*. Таллинн, 1992.

- Лотман Ю. М., *Культура и взрыв*. М., 1992.
- Лотман Ю. М., *Внутри мыслящих миров*. М., 1996.
- Лотман Ю. М., *Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства: XVIII-начало XIX века*. СПб., 1994.
- Лотман Ю. М., *О русской литературе*. СПб., 1997.
- Лотман Ю. М., *Статьи по семиотике культуры и искусства*. СПб., 2002.
- Лотман Ю. М., *Об искусстве*. СПб., 2005.
- Лотман Ю. М., *Семиосфера*. СПб., 2010.
- Минц З. Г., «Понятие текста и символистская эстетика» // *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*, 1974, № 1(5), стр. 134-142.
- Минц З. Г., *Поэтика русского символизма*. СПб., 2004.
- Пайман А., *История русского символизма* [пер. с англ.]. М., 2000.
- Полонский В. В., *Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX-начала XX века*. М., 2008.
- Ронен О., *Серебряный век как умысел и вымысел*. М., 2000.
- Томашевский Б. В., *Писатель и книга. Очерк текстологии*. М.-Л., 1928.
- Уоррен О., Уэллек Р., *Теория литературы*. М., 1978.
- Успенский Б. А., *Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы*. М., 1970.
- Успенский Б. А., *Семиотика искусства*. М., 1995.
- Хализев В. Е., *Теория литературы*. М., 2002.
- Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В., *Русское академическое литературоведение: История и методология (1900 – 1960-е годы)*. М.-СПб., 2015.
- Ханзен-Леве А., *Русский символизм*. СПб., 1999.
- Ханзен-Леве А., *Мифопоэтический символизм*. СПб., 2003.
- Шартье Р., *Письменная культура и общество*. М., 2006.
- Щедова Н. Ю., «К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя» // «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 104-125.
- Foucault M., *Le parole e le cose: un'archeologia delle scienze umane*. Milano, 1998.

Genette G. (1997). *Palinsesti*. Torino: 1997.

Kotrelev N. V., «I “Giovani simbolisti” e il simbolo (Per una impostazione del problema)» // *Il paese altro. Presenze orientali nella cultura tedesca moderna*. Napoli, 1983, pp. 243-264.

Peterson R. E., *A history of Russian symbolism*. Amsterdam-Philadelphia, 1993.

Rizzi D., «L’inafferrabile età d’argento» // «Europa Orientalis», 1996, № 15/2, pp. 77-96.

Strada V., *Simbolo e storia. Aspetti e problemi del Novecento russo*. Venezia, 1998.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Автобиография Георгия Чулкова

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 243, л. 2—4, машинопись

Я родился в Москве 8 января 1879 года. Мой отец, Иван Иванович, родом из тамбовских дворян, служил чиновником сначала в провинции, а потом в Москве. Кроме того он немало поработал, составляя разнообразные руководства, комментирующие наше законодательство эпохи реформ Александра II. Характера он был тихого, сосредоточенного; жизнь вел замкнутую и однообразную. Мать моя, урожденная Александрова, была доброты чрезвычайной. Образование ее было невысоко, но поэзию она любила по-настоящему. Из ее уст я впервые услышал стихи Пушкина.

Я рано стал читать. Шекспир, Гоголь и Достоевский были моими спутниками еще в ребяческие дни. Учился я сначала в Московской шестой гимназии, а потом перешел в первую, которую и кончил в 1898 г.

Первые творческие попытки были у меня с театром. На даче, под Москвой, в Кускове, я устраивал домашние спектакли и ставил свои драмы и комедии; роли разучивались маленькими актерами с моих слов. Текста я тогда не записывал. Писать начал лет с тринадцати. Первый рассказ «На тот берег» был напечатан в Московской газете «Курьер» в 1899 г., когда я был уже в университете. Университет окончить мне не пришлось: в 1902 г. я был арестован и сослан в Якутскую область.

За год до моего ареста я познакомился с Надеждой Григорьевной Степановой, ныне женой моей, которая и последовала за мной добровольно в Сибирь. Самое значительное в моей жизни связано неразрывно с этим именем.

Улус Амга, в котором пришлось мне жить, расположен посреди Амгинско-Ленского плоскогорья на расстоянии трех тысяч верст от линии железной дороги. Великолепная и таинственная тайга очаровала меня. В этой северной пустыне мои переживания сочетались с новым опытом.

После ссылки, в 1904 г., я поселился в Петербурге. В это время вышла моя первая лирическая книга. Первый благосклонный отзыв о моей книге я прочел на страницах журнала Д. С. Мережковского «Новый путь». Автором этой рецензии была П. С. Соловьева.

К этому времени относится мое знакомство с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. Их кружок сказал на меня немалое влияние. Тогда же я стал сотрудничать в «Новом пути». После закрытия этого журнала я принял деятельное участие в журнале «Вопросы жизни». В 1906 г. я редактировал совместно с Вячеславом Ивановым сборники «Факелы».

В это время определились мои взгляды на взаимную связь и зависимость темы революции и темы внутренней свободы. Усматривая в историческом процессе известную духовную динамику, я старался найти параллелизм в жизни личности и общества, поскольку они соприкасаются в катастрофические дни бунта, отказа от нормы, «неприятия мира», как понимал эту идею Достоевский. Тогда же появилась моя брошюра «О мистическом анархизме». Брошюра эта, не совсем удачно и торопливо написанная, не заслуживала вовсе внимания, и я решил бы напомнить о ней, если бы ее судьба не была примечательна.

Судьба ее была примечательна тем, что она вызвала необычно страстную полемику. Ее старались осмеять все – и декаденты, и провозвестники «нового религиозного сознания», и славянофилы, и марксисты, и народники. Как это ни странно, в течение трех лет на страницах журналов, газет, сборников и книг появлялись все новые и новые статьи и заметки с сердитыми выпадами против этой небольшой брошюры. Не спасла брошюры и обстоятельнейшая вступительная статья такого почтенного, значительного и ученого писателя, как Вячеслав Иванов. Poleмику перенесли даже за границу, на страницы «*Mercur de France*».

Теперь, когда мне довелось написать девятнадцать иных книг, – смею думать – более совершенных, я хладнокровно, со стороны, могу посмотреть на этот эпизод моей биографии и понимаю, что причина запальчивой полемики – в самой теме брошюры прежде всего. Неопытный автор слишком громко и неосторожно произнес такие слова, какие у многих тогда были в душе – это слова об условной правде, догматизме и о пророческом начале в религии.

В защиту автора можно сказать только одно: он вовсе не претендовал, как ему приписывали, на провозглашение какого-то совершенно нового миропонимания. В брошюре было точно сказано: «мистический анархизм не является законченным миропониманием» – и в другом месте опять: «мистический анархизм не есть цельное мирозерцание, замкнутое в себе: он является лишь путем к религиозному действию». Но – увы! – этих слов никто не расслышал. И все поспешно истолковали мистический анархизм, как проповедь «анархического мистицизма», т.е. как проповедь какого-то бесформенного, безрелигиозного, темного, демонического мистицизма – обвинение в самом деле тяжкое. Обвинение это было тем более жесткого, что в событиях самой жизни и в явлениях культуры в те дни такой темный анархический мистицизм воистину торжествовал.

Пять лет, от 1904 до 1908 года, я был во власти мучительного вихря литературных споров и сражений, которые совпали неслучайно с тревожными днями нашей первой революции. Мою поездку по Италии в 1910 году и жизнь в Париже в 1911 году я считаю такими вехами на путях моей жизни, которые как бы означили мой новый внутренний опыт. Я по-новому взглянул на мир, на Россию и на прошлую свою деятельность. Всемирная война, которая застигла меня в Швейцарии в 1914 году, еще более утвердила меня на этом новом пути. Если в эпоху моей брошюры «О мистическом анархизме» в моем мироотношении преобладал, по выражению поэта, «непримиримое Нет», то в эти дни мировой трагедии, несмотря на окружающее нас марево ужаса, зла и позора, я все более и более готов исповедовать «слепительное Да», веруя в конечное торжество непреходящей правды.

В литературном плане моя работа была за эти годы многообразна: я печатал свои рассказы, повести, романы, стихи и драмы в «Золотом руне», в альманахах «Оры», «Факелы», «Шиповник» и в журнале «Аполлон», в «Русской мысли», в «Вестнике Европы» и во многих других изданиях. Одна из моих драм «Невеста» была поставлена на сцене Александринского театра осенью 1916 года.

Во время войны, вернувшись из Швейцарии через Италию и Балканы, я отправился на фронте и в течение нескольких месяцев жил среди солдат и офицеров. Это был канун революции. После падения самодержавия я уехал сначала в Петроград, потом в Москву и принял на себя редактирование журнала «Народоправство».

Январь 1918 г.

Curriculum Vitae

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 243, л. 5—7, машинопись

Я родился в Москве в 1879 году. Среднее образование получил в классической гимназии, которую окончил в 1898 году. В те годы я предполагал, в связи с моими литературными опытами, заниматься научной психологией. Для этого я считал тогда необходимым предварительное изучение естественных наук и специально физиологии мозга и нервной системы человека. С этой целью я поступил на медицинский факультет Московского Университета, где занимался четыре года точными науками.

Будучи еще на первом курсе университета, в 1899 году я напечатал в Московской газете «Курьер» мой первый рассказ «На тот берег». В те годы я принял участие в революционном движении, работая, как пропагандист, в рабочих кружках. В 1901 году я вошел в студенческий исполнительный комитет. В Комитете я настаивал на радикальной политической программе и на тесной связи с тогдашними рабочими организаторами. В конце 1901 года я был арестован и мне было предъявлено обвинение «в организации политической демонстрации совместно с рабочими»: незадолго до ареста я на банкете памяти Добролюбова произнес политическую речь, призывая к борьбе с самодержавием. В начале 1902 года я был выслан в Восточную Сибирь. Несколько месяцев я сидел в Красноярской тюрьме, а потом в Александровской под Иркутском, где принимал участие в трехдневном бунте, одним из руководителей коего был т. Держинский. Весной был поселен в Амге, в трехстах верстах от Якутска и на расстоянии более трех тысяч верст от линии железной дороги.

После Сибири я в течение одного года жил под гласным надзором полиции в Нижнем Новгороде.

В 1904 году вышла моя первая книга лирики «Кремнистый путь». После ссылки мне не удалось поселиться в Москве: московский генерал-губернатор тому воспрепятствовал. Я поселился, однако, в Петербурге, где принимал деятельное и близкое участие в реформированном журнале «Новый путь», потом в «Вопросах жизни», в «Перевале», в «Золотом руне», в «Орах» и редактировал совместно с Вяч. Ив. Ивановым сборники «Факелы». Кроме того я сотрудничал в альманахах «Шиповник», «Жатва», «Белые ночи», печатался в «Аполлоне», «Русской мысли», «Вестнике Европы» и мн. др. журналах.

До революции я совершил несколько поездок по Европе – успел побывать в Германии, в Австрии, в Италии, в Швейцарии, в Греции, в Сербии, в Болгарии. В 1911 году я жил в Париже. В 1916 году на Александрийской сцене шла моя драма «Невеста».

После октябрьского переворота я принял участие в работах Театрального отдела Наркомпроса. В первые годы революции шла в моем переводе драма Верхарна «Зори» и пьеса «Карманьола» (сюжет <Эрве>). После основания Государственной Академии Художественных Наук я был избран ее действительным членом и состоял в течение пяти лет председателем Комиссии Достоевского в ее Литературной Секции. В эти годы я немало уделал времени на исследовательскую историко-литературную и текстологическую работу. Получив доступ к рукописям Тютчева, до меня никем не изученным, я подготовил к печати критически проверенный текст поэта. В годы революции я печатался в «Красной нови», «Новом мире», в «Фениксе», в журналах «Каторга и ссылка», «Искусство», в журналах «Звезда» и др. изд. книги мои издавались в Госиздате, в ЗИФе, в «Федерации», «Советском писателе» и др. изд. В 1933 году моя пьеса «Дон Кихот» шла в Ленинградском государственном театре драмы. Г.Ч.

Воспоминания

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 244, л. 58—75, машинопись¹

БУДУ ЗАПИСЫВАТЬ, ЧТО ВСПОМНЮ, НЕ МУДРУВСТВУЯ ЛУКОВО, ВЕРОЯТНО, ЗАПИСКИ МОИ БУДУТ НЕСКОЛЬКО БЕЗПОРЯДОЧНЫМИ, И ПОТОМУ ПРОШУ ЧИТАТЕЛЬ ИЗВИНИТЬ МЕНЯ ЗА ВОЗМОЖНУЮ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ЗА СЛУЧАЙНОСТЬ ЭТИХ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ.

Родился я в Москве 9 января 1879 года. Родители мои были люди небогатые. Отец служил чиновником по военному ведомству. Жалованье получал он ничтожное, и семья наша существовала главным образом на доходы от издания разных юридических руководств и справочников, которые составлял мой отец, получивший свое образование в Юридической школе Министерства государственных имуществ. Школа эта давно упразднена.

Родом был отец из тамбовских дворян, захудалых и разорившихся к концу XVIII века. У моего деда земли уже не было вовсе. Был лишь в Тамбове дом, который сгорел впоследствии, и в нем сгорела наша родословная. Об ее восстановлении отец своевременно не позаботился. В 1895 г. отец приписал себя и меня к московскому дворянскому роду. Одним из отдаленных предков наших был, по рассказам отца, хан Золотой Орды – Обида. О предках матери моей, урожденной Александровой, я знаю и того меньше. Она не любила беседы на эту тему. Вероятно, причиной тому была некоторая семейная тайна, связанная с происхождением моей бабушки. Об этой бабушке придется сказать несколько слов особо в связи с одним моим детским впечатлением, вовсе не светлым. Итак, буду записывать, что вспомню и, вероятно, несколько беспорядочно, почему и прошу читателя извинить случайность иных моих воспоминаний.

Сейчас, например, почему-то неотступно стоит в моем воображении старенькая кушетка, в глубине которой сидит моя мать, а против нее в кресле какая-нибудь ее приятельница. Одна из них вышивает, а другая – читает вслух. Я присутствую тут же, пятилетний мальчуган, сижу где-нибудь внизу на скамеечке с тетрадью на коленях и цветными карандашами в руках. Так проходят долгие часы, едва ли не каждый день. Сколько я тогда наслушался великолепных историй. Вот в этой обстановке услышал я в первый раз трогательную и занятную повесть о капитанской дочке. Книги поглощались жадно усердными читательницами, не замечавшими, может быть, что в их читательских волнениях участвует еще одно существо. Впоследствии эта кушетка служила и мне любимым убежищем, и я, забравшись на нее с ногами, зачитывался Майн Ридом и Жюль Верном. Впрочем, период увлечения такого рода романами у меня был короче, чем у большинства сверстников. Вскоре я узнал и полюбил иных поэтов, кого и до сих пор не разлюбил.

Я был старшим в семье. Братьев у меня не было. Все три сестры были моложе меня. Одно из первых мрачных воспоминаний моего детства связано с именем покойной сестры Сони. Это был странный и болезненный ребенок. Родилась Соня в какой-то несчастный год, когда семья наша особенно нуждалась. Она явилась на свет нежеланной, и вся ее детская короткая жизнь прошла в печали и муках.

¹ Эти листы воспоминаний были впервые опубликованы М. В. Михайловой в: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999², стр. . Мы решили их напечатать заново, включая пропущенную исследователем главу о революционной деятельности Чулкова.

Родители мои были люди добрые, но души этого ребенка они почему-то не разгадали и не сумели сделать ее жизнь светлой. Соня было существо не от мира сего. У нее были огромные серые глаза, как будто чем-то изумленные. Кажется, она всегда была бледной. Мне мерещится ее недетская грустная улыбка на губах. И вся она была какая-то неловкая. Любимицей была хорошенькая Люба. Соня всегда была на втором плане. Все это я тогда с чрезвычайной остротой и ревностью переживал, негодуя на несправедливость, которую, быть может, даже преувеличивал. К тому же Соня, была, по-видимому, нервнобольною. По ничтожному поводу она могла всегда зарыдать и как-то не по-детски, с надрывом, с отчаянием. Эти рыдания обыкновенно вызывали целую бурю. Все старания матери как-нибудь прекратить эти слезы успехом не увенчивались. И дело иногда доходило до наказания, которым никто из детей в нашей семье обыкновенно не подвергался. Я выступал всегда стремительно защитником Сони, бесправным и неловким, но дерзким и самоотверженным. Однажды во время обеда, когда, по моему мнению, отец несправедливо поступил с Соней, я восстал против отца и в знак бунта швырнул на пол тарелку. Отец ударил меня. Это был первый и единственный случай такого отцовского гнева. Я чувствовал себя борцом за угнетенных. Одним словом, это была большая драма. Кажется, через год после того события, когда я уже был в 1-м классе гимназии, Соня заболела. Позвали доктора, он не смог определить ее болезни, а дня через 2, утром, когда я торопливо собирал книги, чтобы идти в гимназию, ко мне подошла заплаканная мама и сказала, чтобы я в гимназию не шел, что Соня умерла. Для всех это было неожиданностью – такая быстрая и непонятная смерть. Но я всегда предчувствовал, что Соня скоро нас покинет, и поэтому, быть может, у меня было к ней особенно внимательное и нежное отношение. Помню, когда Соню похоронили, я ушел в сад и ходил по дорожкам, ломая пальцы от какой-то обиды, которую, я чувствовал, мне нанесла судьба. Должно быть, я тогда впервые думал о мировой скорби, о справедливости, об ответственности и о возмездии. Мне все мерещились прилипшие к мертвому лобу Сони пряди волос. В это время пришел в сад отец. Мы с ним стали ходить в ногу по дорожке. Он плакал. Я сознавал себя взрослым и равным ему. Он мне сказал тогда: «Я тебе теперь завидую, Георгий. Ты всегда за нее заступался». Я бросился к отцу на шею. Это было мое первое большое горе.

Когда мне было лет 7 – 8, мы жили на Остоженке, в Савеловском переулке, в доме женского Алексеевского монастыря. Летом, когда стояли жаркие, душные дни и городская жизнь лениво влачилась среди раскаленных камней, мне суждено было испытать первое нежное предчувствие влюбленности, мимолетной, но оставившей в душе что-то похожее на разочарование и горькую печаль. В нашем доме жила какая-то бывшая балерина и с нею три дочки. В младшую из них – девочку лет восьми-девяти – я влюбился. Ее звали Женей. Это было бледненькое, худенькое создание с рыжеватыми волосами до плеч, со скорбною улыбкой на тонких губах. В доме у нас она никогда не бывала. Я видел ее только в маленьком чахленьком палисаднике у нас на дворе. И как я мечтал об этих свиданиях. Она мне снилась по ночам, и утром, когда я открывал глаза, моя первая мысль была о ней. Когда мелькало ее платье под окном, я дрожал от волнения. Однажды, когда я в палисаднике сидел в игрушечных санках, в которых запряжена была картонная лошадь, пришла Женя. Я предложил ей сесть ко мне в санки. Помню, что ее близость волновала меня необычайно. Мне хотелось выразить чем-нибудь мой восторг. Я обнял ее и нежно поцеловал в висок, в рыжеватую прядь волос. Кажется, она взглянула на меня с удивлением, обличавшим ее равнодушие ко мне. Я

почувствовал себя окончательно сконфуженным и уничтоженным. Моя любовь как-то вдруг сразу погасла, оставив лишь горечь на сердце.

Эта первая любовь была началом многих волнений, увлечений и разочарований.

Я выучился читать и писать, когда мне было пять лет. И с той же поры – как рассказывала мне потом моя мать, сам я этого не помню – стал я задавать старшим трудные вопросы: кто создал Бога, что бывает с человеком, когда он умрет... Мать рассказывала мне впоследствии, что я очень сердился, когда она не могла мне ответить на мои вопросы.

Кстати, расскажу об одном случае, когда все эти вечные темы я пережил однажды не рассудком, а бессознательно, в каком-то болезненном припадке. В тот миг я не рассуждал ни о Боге, ни о мире, а почувствовал всем существом своим ужас неведения и человеческую беспомощность. Случилось это вот при каких обстоятельствах.

Отец и мать поехали однажды на праздники к моему дяде, Григорию Ивановичу Чулкову в Козлов. Взяли и меня с собою. В первый же вечер, когда взрослые сидели за круглым столом в столовой и пили после ужина чай, мама повела меня в соседнюю комнату и уложила на диван спать. Я скоро заснул. Не знаю, долго ли я спал, но когда я проснулся, со мною случился тот страшный припадок, забыть который я до сих пор не могу. Я затрудняюсь сейчас объяснить тогдашнее мое состояние и чувствую, что все мои слова будут приблизительны. Проснувшись в темной комнате и увидев в полуоткрытую дверь ярко освещенную столовую, я был вдруг поражен каким-то безумием. Мне казалось, что я оторван от мира, что там, за порогом, живут люди, а что я соединиться с ними никак не могу, что я один во мраке навек. Это было предельное отчаяние. Я был парализован. Я не мог пошевелиться. Я не мог крикнуть. Я как будто на мгновение умер, как будто я предвосхитил смерть. Когда я очнулся, я страшно закричал. Ко мне бросилась мать. Принесли в комнату огонь. Стали расспрашивать меня, что со мною. Но я рыдал, и ничего, конечно, не мог объяснить.

Когда мне исполнилось 8 лет, ко мне пригласили студента Б., который должен был готовить меня в гимназию. Эти уроки не увлекли меня. Я занимался лениво и нехотя. Студент Б. был снисходителен ко мне и неизменно ставил в разграфленную тетрадку четверки и пятерки, которые должны были свидетельствовать о моих прекрасных знаниях. Года через полтора меня должны были отдать в гимназию, но тут у моих родителей возникло сомнение, не следует ли меня посвятить военной службе. Дело в том, что отец как дворянин и служивший к тому же по военному ведомству, имел возможность воспитывать меня в кадетском корпусе, за казенный счет. Мать была против кадетского корпуса, и я, разумеется, тоже. А отец склонялся к тому, чтобы я избрал военную карьеру. В один прекрасный день вопрос этот разрешился неожиданно. Отец на одной бумажке написал «Корпус», а на другой – «Гимназия». Свернув бумажки трубочками и перекрестясь, он положил их под образ Николая Чудотворца. На другой день я должен был взять одну из этих бумажек. Николай Чудотворец благословил меня на гражданскую деятельность. И весной, выдержав экзамен в первый класс классической гимназии, я уже поехал с родителями на подмосковную дачу в гимназической фуражке и чувствовал себя вступившим в новую жизнь.

Эта жизнь оказалась неприглядной и мучительной. Московская шестая классическая гимназия, в которой я проучился до седьмого класса, была едва ли не самой скверной в то время гимназией в Москве. Прекрасно было только здание, в котором она помещалась в Толмачевском переулке – белое, с дивными колоннами и с чудесною чугунной решеткой в ограде. Директором гимназии в то время был г. Р., человек, по-видимому, неумный, заика, с

наружностью карикатурной и при этом находившийся в какой-то зависимости от одного из надзирателей. Этот надзиратель П., человек невежественный и циничный, распоряжался судьбой учеников по каким-то ему одному известным соображениям. О его деятельности ходили слухи самые темные. Учителя, за исключением Михаила Сергеевича Соловьева, брата философа, и еще немногих, были сухие педанты и формалисты. На уроках царствовала дикая скука. В младших классах я учился плохо. Виноваты в этом были не только педагоги, но и сам я, всегда невнимательный, рассеянный, а иногда и ленивый. В эти гимназические годы, чуть ли не с первого класса, я всегда был в кого-нибудь влюблен – тайно и безнадежно. На уроках я всегда мечтал о какой-то таинственной возлюбленной, и эти мечты не способствовали – увы! – моим успехам в науках. Впрочем, и глупая гимназическая система, особенно скверно применявшаяся в шестой гимназии, внушала мне настоящее отвращение к урокам. Когда я перешел из шестого класса в седьмой, я упросил отца взять мои бумаги из замоскворецкой гимназии и перевести меня в первую гимназию, что на Пречистенке против храма Христа Спасителя. В этой гимназии ученикам жилось вольнее и учителя не были такими педантами. И мне в ней повезло. Я сразу попал в число лучших учеников и успешно держал выпускные экзамены, получив высший балл за русское сочинение.

Но возвращусь, однако, к первым годам моей гимназической жизни. Выдержав переходные экзамены из первого во второй класс, я поехал вместе с отцом в Козлов к дяде Григорию Ивановичу.

Отец через несколько дней уехал из Козлова, оставив меня там погостить. Дядюшка мой был доктором и, как говорили тогда, талантливым. Пациентов-почитателей у него в Козлове было много, несмотря на строгий и суровый его нрав. Ко мне он был благосклонен и, кажется, любил меня. Он был умный и начитанный человек и говорил нередко, что избрал медицинскую профессию по какому-то злому случаю, а что ему надо бы было быть филологом. В самом деле, он, по-видимому, любил литературу больше всего на свете, понимал толк в языке и стиле, и мы с ним нередко, восхищаясь, читали вместе Пушкина.

У него был большой дом на Московской улице. И мне казалось тогда странным, что в доме так много комнат и все они огромные, а живут там только двое – дядя Гриша и тетя Сура.

Эта тетя Сура казалась мне тогда особой несколько странною и загадочною. Впоследствии я узнал, что у нее была болезненная склонность к вину, и только тогда я понял, почему так странно блестели ее глаза и почему она мне, мальчику, говорила неожиданные вещи. Если бы не это, пугавшее иногда меня, поведение тети Серафимы Яковлевны, мне бы жилось в доме дяди не худо. Мне нравилось бродить по большому запущенному фруктовому саду, который принадлежал дядюшке. Мне нравилось заходить в конюшню и беседовать с кучером Матвеем, прислушиваясь к влажному чавканью лошадей и сухому постукиванию копыт, мне нравилось играть с дядей Гришей в шахматы – это были мои первые уроки шахматной игры, мне нравилось выезжать на прогулку с тетей или дядей за город, в девичий монастырь, где нас угощали чем-нибудь вкусным, но особое удовольствие испытывал я тогда, когда мы вместе с дядюшкой ловили карасей в монастырском пруду. Однажды дядюшка повез меня в гости к своему знакомому, который жил в имении в верстах в пятнадцати от города. Помню, как я опьянел от жарких полей и голубого неба, под конец пути меня укачало и я заснул в углу коляски, а когда проснулся, передо мной была незнакомая бородатая физиономия. Это будил меня дядюшкин приятель. Помню, что меня весьма удивила странная обстановка этого помещичьего дома. В просторных комнатах, ничем не оклеенных, почти не было мебели, зато по стенам висело много ружей, плеток, рогов, кинжалов и разных

охотничьих принадлежностей. По грязному полу бродили, стуча о пол хвостами, собаки, от которых распространялся едкий, острый запах. Дядюшка тотчас после обеда, который подавала на разбитых тарелках, миловидная, босоногая девушка, уселся с этим помещиком играть в шахматы. Я посидел недолго около их столика и после пятого хода, перестав понимать игру, соскучился и стал зевать. Заметив мою скуку, помещик пошел в другую комнату и принес оттуда толстую книжку. «Вот от этой страницы до этой можно читать, – сказал он, – а что раньше и что потом, читать нельзя». Я взял книжку и пошел в сад. Отмеченные страницы я прочел с жадностью, не отрываясь. Голова моя горела. Я был в восторге. Это была глава о Коле Красоткине и других детях из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Когда я дочитывал последние строки, чей-то приятный голос прозвучал около самого моего уха. Я поднял глаза. Около меня сидела на скамейке Феклуша, та самая девушка, которая подавала нам обед.

Она спросила меня, что я читаю. Я поделился с нею впечатлениями. Потом она повела меня на гряды собирать к ужину землянику. Потом мы пошли на скотный двор, прошли на деревню. И к вечеру, когда надо было идти домой, я уже был влюблен в Феклушу.

После ужина меня положили спать в комнате одного, а не с дядюшкой. Было душно, и светила луна. Мне не спалось. Среди ночи за стеной послышался шепот. Кто-то уговаривал кого-то, сердился. И кто-то роптал, плакал. Я решил, что это Феклуша и помещик, но что между ними происходит, я понять не мог, и мне казалось, что сейчас обижают Феклушу, мучают ее, и я ненавидел помещика.

Утром я покинул эту усадьбу в какой-то сладостной и смутной печали.

Все мое детство и отрочество прошло в Москве или под Москвой, почти всегда на даче, в имении графа Шереметьева. И природу, стало быть, я знал главным образом подмосковную. Изредка только бывал я в Тамбовской губернии, в Козловском уезде, у дяди Г. И. Чулкова, а один раз прожил некоторое время в имении другого моего дядюшки, В. А. Александрова, небезызвестного драматурга. Зато впоследствии мне пришлось немало побродить по белу свету.

Своеобразное мрачное впечатление произвела на меня в детстве та самая бабушка, Анна Петровна, происхождение которой так тщательно скрывали мои родственники. Говорили, что в молодости она была красоты необычайной, и при этом всегда добавляли, что характер у нее был ужасный. Дедушка Александр Михайлович Александров, как рассказывали, романтически тайно увез ее из Таганрога, где жили ее родители. Дедушки я не помню, но он, кажется, всю жизнь был в нее влюблен, и она держала его под башмаком, капризная безмерно. Избалованная его любовью, она после его смерти предъявляла ко всем невозможные требования: все должны были за ней ухаживать, ей угождать и льстить. Припадки ее гнева были ужасны. Я помню ее уже старухой лет семидесяти. По-видимому, она была тогда уже полусумасшедшей.

Однажды на дачу к В. А. Александрову, с которым и жила моя бабушка, его мать, Анна Петровна, приехала моя тетка, Софья Александровна Москалева со своим больным мужем, который занимал тогда где-то в провинции пост председателя судебной палаты. Наша семья жила тем летом по соседству с дачею Александровых. И вот однажды после прогулки подхожу я к террасе Александровых, где все общество сидело за самоваром, и вижу, как муж тети, Москалев, большой грузный человек, как-то странно и неестественно поднимается с кресла, вытягивается, прижимая руки к груди, и вдруг падает, запрокинув голову назад. Когда я вбежал на террасу, он был уже мертв. Отчаяние моей тетки, Софьи Александровны, было

беспредельно. И вот в эти дни, когда покойник лежал на столе, с моей бабушкой случился припадок ее сумасшедшей ярости. Она вдруг решила, что на нее никто не обращает внимания, что с ней непочтительны, что дети ее презирают. На другой день после смерти Москалева я случайно зашел на Александровскую дачу в тот час, когда плачущую и тоже от горя полубезумную тетку дядя мой повел пройтись по парку. Я застал на даче только одну бабушку в комнате, где лежал покойник. Она стала жаловаться мне на горькую будто бы ее судьбу, но, заметив, что я ей не сочувствую, побежала в кухню, схватила там огромный нож, так называемый косарь, и бросилась на меня с этим ножом, крича, что она меня зарежет, потому что и я ее враг. Так минуты две бегали мы по комнате вокруг покойника, я, спасаясь от преследования, а она, угрожая мне ножом. Я до сих пор не могу забыть ее искаженного тогда лица.

Моя мать, очевидно, характером своим походила на отца, моего дедушку, Александра Михайловича – если верить тому, что говорили про него мои родственники. Мать моя отличалась чрезвычайной добротой и добродушием. Никогда и ни про кого она не говорила дурно, к людям была внимательна и, если могла кому-нибудь помочь, помогала тотчас же. Она была религиозна и, кажется, молилась усердно, но ханжества в ней не было и тени. Была она очень начитанной, и взгляды у нее были туманные, но образование она получила совсем плохое и, кроме поверхностного знания французского языка и умения играть на рояле, она никакими знаниями не обладала. Писала по-русски с грамматическими ошибками. Детей своих она любила безмерно, но худое ее образование и постоянная материальная нужда не позволили ей воспитывать детей как следовало бы. И я немало страдал впоследствии от недостаточного моего детского воспитания. И отец мой был человек простой, скромный и добрый. Отличался необыкновенной трудоспособностью. Над своими «руководствами», «указателями», «комментариями» сидел он с утра до ночи, отрываясь от письменного стола лишь для того, чтобы пообедать или чтобы прочесть «Русские ведомости» – газету по тем временам наиболее либеральную, которую он почему то неизменно читал, несмотря на свои умеренные политические убеждения.

Он был человеком эпохи Александра II и верил, что реформы придут сверху и весьма боялся революции.

А во мне с раннего детства жил дух непокорный и мятежный. В классе третьем-четвертом я уже отличался вольномыслием и нередко заводил с отцом споры на политические темы. Впоследствии, кажется, в пятом классе стал выходить в гимназии журнал под моей редакцией. Направление его было радикальное. Впрочем, в этом журнале преобладал отдел литературный. Сотрудников, к сожалению, оказалось немного, и журнал скоро должен был прекратить свое существование. К тому же я замышлял уже тогда о переходе в другую гимназию и это не могло содействовать прочности издания. Сам я начал писать очень рано, когда – не помню точно. Всегда у меня были папки, набитые рукописями. Я писал рассказы, романы и критические статьи.

Не могу не отметить одного события, оказавшего на меня чрезвычайное влияние. Однажды родители мои получили письмо от Григория Ивановича Чулкова, удивившее их несколько, а меня, всегда интересовавшегося письмами дяди Гриши, поразившее чрезвычайно. Обыкновенно письма дяди Гриши написаны были в меланхолическом тоне, в них он иронизировал над многим и над собою прежде всего. Всегда в этих письмах звучало что-то горькое и насмешливое. Но на этот раз письмо было написано совсем по-иному. От каждой строки веяло не только бодростью, но даже энтузиазмом. И люди все вокруг него ему

нравились, и сам он, по его словам, чувствовал прилив новой необыкновенной душевной силы. Но самое странное было то, что старик дядя собирался, между прочим, бросить Козлов и переехать в Москву. Дядюшка писал, между прочим, что у него явилось страстное желание посвятить себя литературе. Письмо это удивило тогда моих родителей, но они, по-видимому, не поняли его печального значения, а у меня тогда же явилось подозрение, которое, к сожалению, и оправдалось. В таком неожиданном тоне письма, возбужденном и страстном, мне почудилось что-то фатальное и безумное. Через три дня мы получили телеграмму из Козлова, извещавшую нас о том, что Григорий Иванович заболел душевно. Отец тотчас же выехал в Козлов и взял с собою меня.

Когда козловский извозчик подвез нас к знакомому серому дому на Большой Московской улице, никто не встретил нас на крыльце, как бывало прежде. Отец, расплачиваясь с извозчиком, замешкался внизу, а я толкнул дверь, оказавшуюся незапертой, и пошел по широкой деревянной лестнице наверх. На площадке лестницы валялась почему-то опрокинутая кадка с большим кактусом. Увидев опрокинутую кадку, я вдруг почувствовал, что в этом доме совершается нечто ужасное. Отец снизу крикнул мне, чтобы я позвонил, надо было взять чемодан с пролетки. Но на звонок мой никто не отозвался. Наконец я толкнул и эту дверь – и она тотчас же распахнулась. Из передней я увидел знакомую анфиладу комнат. И в самой глубине ее показалась фигура дяди Гриши. Это был он, такой же, как всегда, в том же пиджаке, он шел прямо на меня, через столовую, гостиную, залу – и походка его была все та же: но у меня подкосились ноги от непонятного страха и отчаяния.

Начались мучительные дни и ночи. Дядя то узнавал меня и отца, то снова начинал бредить. Он все уверял меня, что нашел способ математически доказать бытие Бога. Он все делал какие-то алгебраические выкладки на клочках бумаги, чертил геометрические фигуры и старался объяснить их смысл.

«Бог есть. Бог есть», – твердил непрестанно Григорий Иванович, который всегда до той поры слыл скептиком и даже атеистом.

Значит где-то в тайниках души жила в нем вечная тревога, и возникал неизменно последний вопрос о тайне мира.

Жена его, Серафима Яковлевна, была тоже в полубреду. Мы не спали ночи, потому что не спал дядя, галлюцинируя и наводя ужас на служащих. Мы с отцом уехали, когда решено было отправить дядю в больницу, где он через год и скончался, не приходя в сознание.

К этому времени относится мучительный душевный кризис, который я переживал. Мои детские верования были уже поколеблены, и общий смысл рассудочной и так называемой научной критики христианства был мне известен. Но – странное дело – я размышлял, как скептик, а где-то в глубине души по-прежнему возникало особенное чувство, необъяснимое и таинственное, чувство личности Христа. Я как бы чувствовал иногда Его присутствие. И в то же время я жадно искал людей, с которыми я мог бы рассуждать и спорить на философские и религиозные темы, защищая скептицизм и нападая на положительную религию. Я уже успел тогда прочесть немало философских книжек.

Среди моих сверстников и товарищей по гимназии я не нашел ни одного, интересовавшегося теми вопросами, которые волновали меня. Зато я свел знакомство с несколькими гимназистами восьмого класса и со студентами, с которыми и вел беседы. К сожалению, никто из них не мог противопоставить моему ребяческому скептицизму ничего более мудрого. Я тосковал и задыхался в заколдованном кругу моих тогдашних представлений о мире. Вскоре я познакомился с Н. А. Ф. Это было случайное знакомство в саду дома

Долинских, где жила наша семья и где жил этот Ф., студент-юрист четвертого курса. Я почувствовал к нему уважение за его образованность, которая казалась мне тогда глубокой и всесторонней. Пленяла меня также и цельность его мировоззрения. Он был атеистом и марксистом. Ему я обязан моим социалистическим воспитанием. Прошли годы, я встретился с этим Ф., и он вовсе не внушил мне прежних чувств. К атеизму я чувствовал отвращение. В марксизме я также разочаровался. Но социалистом я никогда не переставал быть. И этому Н. А. Ф. я до сих пор благодарен за то, что он мне открыл простую правду о социальной закономерности.

Когда я был уже в седьмом классе и, значит, в Первой гимназии, познакомился я с семьей Петровых. Отец Петров был своеобразным представителем Москвы семидесятых и восьмидесятых годов. Кажется, он пришел в Москву «по-лomonосовски», крестьянским мальчиком поступил к часовщику учеником, выучился грамоте и так прилежно засел за книги, что вскоре обогнал многих и многих из своих сверстников, учившихся в гимназиях. Я познакомился с ним и с его уже взрослыми сыновьями тогда, когда он был стариком и у него был уже на Остоженке свой часовой магазин. Вся интеллигентная Москва знала и уважала этого старика. Его внушительную фигуру и великолепную голову с буйной седой шевелюрой можно было увидеть на первых представлениях в театре, на лекциях и в тогдашних литературных кружках Москвы. Лев Николаевич Толстой был с ним в хороших отношениях, и нередко у него бывал. Однажды я столкнулся с Толстым на пороге петровского магазина и невольно снял фуражку и поклонился острым и внимательным толстовским глазам, хотя в те дни у меня в душе был особенный бунт против «толстовства» и толстовских последователей.

У Петрова было два сына – Борис Гаврилович и Владимир Гаврилович. Вот с ними, собственно, я и вел знакомство, и они чаще у меня бывали, чем я у них. Борис Гаврилович пленял меня добродушием своего нрава и рассказами о своих студенческих приключениях. Нередко, подвыпив с приятелями, он не решался вернуться домой нетрезвым и приходил ночевать ко мне. Весною обыкновенно влезал он ко мне в окно – благо мы жили тогда в первом этаже – и растягивался на полу моей комнаты, подложив под голову свернутую шинель. Владимир Гаврилович, напротив, отличался строгостью характера и серьезностью поведения. С ним я проводил часы в долгих спорах на философские темы, изоощряя свои диалектические способности. Владимир Гаврилович склонен был принять и оправдать моральное учение Толстого, а я проповедовал тогда «переоценку ценностей».

И как это ни странно, но именно в те дни, когда мой юный ум особенно остро и тонко старался обосновать «иммoralизм» в поведении человека и скептицизм в мировоззрении, сердце мое неистово предавалось таинственным предчувствиям. Бытие личного абсолютного существа было для меня несомненным. Я чувствовал непрестанную Его близость. Но я никому не открывал тогда моей тайны. Я защищал скептицизм, страстно желая, чтобы кто-нибудь разбил мои доводы, противоречащие моему внутреннему опыту. Но около меня не было тогда душевно сильных людей. Толстовское «христианство без Христа» меня вовсе не увлекало.

В это время здоровье моей матери было очень плохо. У нее был порок сердца. Сердечные припадки появлялись все чаще и чаще. Приближение припадков я всегда предчувствовал. Так, бывало, сидишь где-нибудь в театре или у знакомых – и вдруг острая и мучительная мысль: сейчас начинается у матери припадок. Едешь торопливо домой и в самом деле находишь мать в постели.

Она полусидит, обложенная подушками, задыхается, перебирая судорожно бледными пальцами край одеяла. И вот мучаешься около нее, подавая лекарства и изнемогая от ужаса,

смерть, казалось, стоит рядом и ждет. Тогда у меня в душе происходило что-то особенное. Не знаю, молился я тогда или не молился, но Единственный был тогда со мною. Я даже мог вызвать Его. Так я тогда верил – может быть, несправедно. Мне казалось, что я могу прекратить припадок у матери, если найду в себе силу. Надо было взять за руку мать и как-то особенно сосредоточиться, думая о Нем. Я обыкновенно смотрел тогда на светлую полосу на пороге комнаты и старался ничего не видеть, кроме нее. И если мне удавалось обо всем забыть и только о Нем помнить, припадок тотчас прекращался. Матери моей я об этом никогда ничего не говорил и никому не говорил.

Мать моя умерла, когда я был уже студентом. Она простудилась. У нее сделалось, по-видимому, воспаление легких. Сердце не выдержало. Когда наступили последние часы и доктора сказали, что нет спасенья, я сел около постели и стал думать о Нем. Три дня продолжалась агония. Я был в странном безумии. Когда я выходил в другую комнату на несколько минут, я бормотал одно и то же: «Спаси. Спаси. Спаси». И так шли часы за часами, день и ночь, пока я не изнемог совершенно и слабость мною не овладела. Я кажется, тогда вслух сказал: «Не могу больше. Пусть...». Мать вздохнула глубоко и через минуту, долгую и мучительную, еще раз вздохнула и умерла, не приходя в сознание.

* * *

Окончив гимназию, я поступил в медицинский факультет Московского университета. Все мои интересы были тогда в литературе, и не раз друзья и знакомые удивлялись, почему я избрал факультет медицинский, а не филологический. Выбор мой пал на медицинский факультет по причинам сложным. Я мечтал тогда об обваривании всестороннем и философском. Но я тогда не сознавал, что без естественных наук не обойтись. Я думал что на медицинском факультете я познакомился с физикой и химией в достаточной мере на первых двух курсах, а последние три года я хотел заниматься специально анатомией и физиологией мозга в связи с психиатрией, подготовлялся к изучению физиологической психологии. Я не был тогда материалистом, но был убежден, что методологию естествознания необходимо знать тому, кто желает философствовать. Увы. Мои мечтания не осуществлялись. Занятия строгой наукой отошли на второй план. И в естествознании, и в философии я остался дилетантом. Литература влекла меня к себе неудержимо, а 1902 год, когда я увлекся освободительным движением, решил мою судьбу, оторвав меня от университета. Я стал профессиональным литератором, будучи в восьмом классе гимназии, но то, что я тогда печатал, вовсе не определяло моего литературного лица: это были компилятивные статейки, популярные очерки, биографии и тому подобное, которые составлялись много по заказу Н. А. Попова, редактора «Детского отдыха», журнала для юношества. Журнал этот был неплохой. А я добросовестно исполнял литературные заказы, которые давали мне некоторый заработок, весьма мне нужный в то время.

Первый рассказ мой, «На тот берег», я напечатал в московской газете «Курьер» в 1899 году, где начал свою литературную деятельность А. Ремизов и Леонид Андреевым. Рассказ был написан под явным влиянием Чехова, но все-таки он обратил на себя внимание тогдашних московских литературных кружков. В этой же газете я напечатал еще несколько рассказов. Ни один из них не вошел в мои книги. И было бы худо, если бы дружеская рука извлекла когда-нибудь из газетных листов эти юношеские мои опыты.

1902 год отвлек меня не только от университета, но и от моих занятий литературой. Этот год был предвестником наших всероссийских волнений 1905 года. Я был тогда на третьем курсе. Несколько речей, сказанных мной на курсовых сходках, выдвинули меня и я был избран от третьего курса медиков представителем в Исполнительный Комитет Московского Студенчества. Председателем нашего комитета был И. Г. Церетели, тот самый Церетели, который [впоследствии] был лидером социал-демократов в Государственной Думе, был сослан на каторгу и впоследствии принимал такое деятельное и заметное участие в русской революции.

В нашем Комитете я был сторонником решительных выступлений и общих политических требований. Нашей целью было показать, что академическая свобода невозможна без общих политических гарантий. Мы мечтали соединить наше движение с движением рабочих и завязать отношения с социал-демократическим комитетом.

Я был чрезвычайно увлечен этим движением и, хотя чувствовал, что жертвую всем и прежде всего семейным благополучием, уже не мог отказаться от участия в Комитете. Наш Комитет готовил общую сходку в первых числах февраля, и я с наивностью необыкновенной верил в то, что эта сходка и демонстрация будут началом широкого общественного движения.

Я с увлечением писал прокламации, когда это мне поручал наш Комитет, а если прокламация составлялась спешно на заседании Комитета, я с большим иногда трудом отвоевывал право так проредактировать текст прокламации, чтобы он был точен и благороден в отношении формы и стиля. Эти мои эстетические требования казались моим товарищам по Комитету ненужной роскошью.

В это время я познакомился и сблизился с Н. Г., моей женой впоследствии. Она разделяла мои увлечения освободительным движением и усердно печатала на гектографе наши студенческие воззвания. Я с азартом занимался агитацией. Эти сходки, речи и тайные заседания Комитета волновали меня. Я бредил революцией. И теперь, припоминая прошлое, я прихожу к заключению, что мое нервное волнение в те дни едва ли даже не было на предельной и опасной границе. Особенной лихорадочной жизнью я стал жить с тех пор, когда я и жена мои заметили, что за мною следят сыщики. Они, ничуть уже не смущаясь, дежурили по два – по три человека на углу нашего переулочка, ходили за мной по пятам, и неотступные их преследования раздражали меня. Арестован я был в ту же ночь, когда взяли Церетели и прочих главарей нашего движения. Спустя несколько дней взяли всех членов Комитета, за исключением одного. Кто был это один, я и до сих пор не знаю. Насколько я припоминаю, в нашем Комитете было двадцать восемь человек, и далеко не все знали друг друга. Общая сходка, однако, состоялась, но уже без нас. Ей руководила вторая смена Комитета. Резолюция была решительная и заключала в себе общие политические требования. Охранное Отделение, по соглашению с министерством, применило тогда к нам, студентам, суровую меру наказания без суда и следствия. Многие были сосланы в Сибирь. Я и еще некоторые подверглись высшие меры наказания и меня приговорили в ссылку в Якутскую область, т.е. в местность, находящуюся на расстоянии трех тысяч верст от линии железной дороги.

Прежде чем отправить в Бутырскую тюрьму, меня держали месяца два в маленькой Пречистенской тюрьме. Камера была крошечная и грязная. Из ее окна был виден двор, забор, а за этим забором сад, принадлежавший психиатрической лечебнице. В этом саду гуляли больные, и однажды, благодаря тому, что там находился большой знакомый наших знакомых, моя жена туда проникла и делала мне знаки, махая платком. В нашей тюрьме надзор был не

очень строгий и кое-что проникало к арестантам из внешнего мира. Я перестукивался с моими соседями по камере. С одной стороны сидел какой-то рабочий, арестованный за речи, которые он говорил на известных “зубатовских” собраниях, а с другой стороны – молоденькая курсистка, изнывавшая в тоске по муже, о судьбе которого она ничего не знала. Кто-то из них – рабочий или курсистка, я не помню – сообщили мне слух, что главарей нашего студенческого бунта отвезут в Петербург и посадят в Петропавловскую крепость. Поверив тотчас же в это сообщение, я решил бежать, притворившись сумасшедшим. Кажется, я симулировал сумасшествие довольно удачно. Надзиратели были смущены моим поведением. В Охранное Отделение я послал тогда два или три заявления по разному поводу, написанные не без странностей: все это по моим расчетам должно было подготовить мой побег. Меня посетил доктор, который, по-видимому, поверил, что я слышу голоса под полом моей камеры. Я об этом ему сообщил между прочим, как будто не придавая этому значения. По правде сказать, когда я разговаривал с доктором, притворяясь сумасшедшим, у меня самого являлось сомнение, здоров ли я душевно в самом деле. Ко мне на свидания приезжал мой родственник Александров. Я ему дал понять, что хочу лечиться в психиатрической лечебнице, и он, было, начал хлопотать о переводе меня в больницу из тюрьмы. Но в это время дошла до меня весть, что в Петербург меня не повезут, а отправят в Сибирь, на четыре года. Я этому обрадовался: так пугала меня тогда Петропавловская крепость. От перевода в больницу я отказался.

Вскоре меня перевели в Бутырскую тюрьму, а оттуда, кажется, через три-четыре дня отправили по железной дороге, в арестантском вагоне, в Сибирь, в Красноярск. Из Красноярской тюрьмы, где у нас было крупное недоразумение с администрацией, перевели нас через несколько недель в каторжную Александровскую тюрьму под Иркутском, а затем мы шли этапом до Качуга на Лене, где сели на паузки и поплыли вниз по великолепной реке до Якутска. По дороге многие из товарищей оставались на разных станциях и местечках и до Якутска, если не ошибаюсь, дошло только человек пятнадцать. Все, за исключением меня, остались в городе. А я с женой, которая добровольно последовала за мной в Сибирь и догнала меня на Лене, на пароходе, были поселены в улус Амга, в тайге, на расстоянии трехсот верст от города. Я не сожалел об этом. Таежная пустыня очаровала меня своим диким великолепием.

II

Мои воспоминания были продиктованы мной, когда я лежал больной в швейцарском отеле, в Грионе, в 1914 году. Эти страницы, написанные рукой моей жены, я просмотрел и отчасти исправил в ноябре месяце 1917 года, будучи в Сергиевом Посаде под Москвой. Воспоминания прерываются на 1903 году. Все то, что было потом, слишком тесно и неразрывно связано с мучительным и страшным *сегодня*. Еще не наступил срок для воспоминаний об этих последних годах. Впрочем, внимательный и благосклонный читатель моих книг узнает из них немало того, что имеет значение общее и непреходящее в связи с историей моей жизни.

Автобиография Георгия Ивановича Чулкова

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 244, л. 76—87, машинопись

Родился я, в Москве, 8 января 1879 года. Отец мой служил чиновником по военному ведомству. Жалование получал он ничтожное, и семья наша существовала главным образом на доходы от издания разных юридических руководств и справочников, которые составлял отец, получивший свое образование в Школе Министерства Государственных Имуществ. Школа эта давно уже упразднена. Родом был отец из тамбовских дворян, захудалых и разорившихся. У моего дядя земли уже не было вовсе. Был лишь в Тамбов дом, который сгорел впоследствии и в нем сгорела наша родословная².

Об ее восстановлении отец своевременно не позаботился. В 1875 году отец приписал себя и меня к московскому дворянскому роду. Одним из отдаленных предков наших был, по рассказам отца, хан Золотой Орды – Обида. О предках матери моей, урожденной Александровой, я знаю и того меньше. Она не любила беседы на эту тему. Вероятно, причиной тому была некоторая семейная тайна, связанная с происхождением моей бабушки. Дед мой, А. М. Александров, как рассказывали, романтически тайно увез ее из Таганрога, где жили ее родители.

Итак, буду записывать, что вспомню и, вероятно, несколько беспорядочно, почему и прошу читателя извинить случайность иных моих воспоминаний.

Сейчас почему-то стоит в моем воображении старенькая кушетка, в глубине которой сидит моя мать, а против нее в кресле ее приятельница П. Одна из них вышивает, а другая читает вслух. Я присутствую тут же, семилетний мальчуган, сижу где-нибудь внизу на скамеечке с тетрадью на коленях и цветными карандашами в руках. Так проходят долгие часы, едва ли не каждый день. Сколько я тогда наслушался великолепных историй! Вот в этой обстановке услышал я в первый раз трогательную и занятую повесть о Капитанской Дочке. Книжки поглощались жадно усердными читательницами, не замечавшими, может быть, что в их читательских волнениях участвует еще одно существо. Впоследствии эта кушетка служила и мне любимым убежищем, и я, забравшись на нее с ногами, зачитывался Майн Ридом и Жюль Верном. Впрочем период увлечения такого рода романами у меня был короче, чем у большинства сверстников. Вскоре я узнал и полюбил иных поэтов, кого и до сих пор не разлюбил.

Я был старшим в семье. Братьев у меня не было. Все три сестры были моложе меня. Одно из первых мрачных воспоминаний моего детства связано с именем покойной сестры Сони. Это был странный и болезненный ребенок. Родилась Соня в какой-то несчастный год, когда семья наша особенно нуждалась. Она явилась на свете нежеланной и вся ее детская короткая жизнь прошла в печалях и муках. Родители мои были люди добрые, но души этого ребенка они почему-то не разгадали и не сумели сделать ее жизнь светлой. Соня была существо не от мира сего. У нее были огромные серые глаза, как будто чем-то изумленные. Кажется, она всегда была бледной. Мне мерещится ее недетская грустная улыбка на губах. И вся она была какая-то неловкая. Любимицей была хорошенькая Люба, Соня всегда была на втором плане. Все это я тогда с чрезвычайной остротой и ревностью переживал, негодуя на несправедливость, которую, быть может, даже преувеличивал. К тому же Соня была, по-

² Мою родословную восстановил отчасти мой однофамилец Н. П. Чулков.

видимому, нервнобольной. По ничтожному поводу она могла всегда зарыдать и как-то не по-детски, с надрывом и с отчаянием. Эти рыдания обыкновенно вызывали целую бурю. Все старания матери как-нибудь прекратить эти слезы успехом не увенчивались. И дело иногда доходило до наказания, которому никого из детей в нашей семье обыкновенно не подвергали. Я выступал всегда стремительно защитником Сони, бесправным и неловким, но дерзким и самоотверженным. Однажды во время обеда, когда по моему мнению отец несправедливо поступил с Соней, я восстал против отца и в знак бунта швырнул на пол тарелку. Отец ударил меня. Это был первый и единственный случай такого отцовского гнева. Я чувствовал себя борцом за угнетенных. Одним словом, это была большая драма. Кажется, через год после этого события, когда я уже был в первом классе гимназии, Соня заболела. Позвали доктора, он не смог определить ее болезни, а дня через два, утром, когда я торопливо собирал книги, чтобы идти в гимназию, ко мне подошла заплаканная мама и сказала, чтобы я в гимназию не шел, что Соня умерла. Для всех это было неожиданным – такая быстрая и непонятная смерть. Но я всегда предчувствовал, что Соня скоро нас покинет и поэтому, быть может, у меня было к ней особенное внимательное и нежное отношение. Помню, когда Соню похоронили, я ушел в сад и ходил по дорожкам, ломая пальцы от какой-то обиды, которую, я чувствовал, мне нанесла судьба. Должно быть, я тогда впервые думал о мировой скорби, о справедливости, об ответственности и о возмездии.

Мне все мерещились прилипшие к мертвому лобу Сони пряди волос. В это время пришел в сад отец. Мы с ним стали ходить в ногу по дорожке. Он плакал. Я сознавал себя взрослым и равным ему. Он мне сказал тогда: «Я тебе теперь завидую, Георгий. Ты всегда за нее заступался». Я бросился к отцу на шею. Это было мое первое большое горе.

Когда мне было лет 7-8, мы жили на Остоженке, в Савеловском переулке, в доме женского Алексеевского монастыря. Летом, когда стояли жаркие, душные дни и городская жизнь лениво влачилась среди раскаленных камней, мне суждено было испытать первое нежное предчувствие влюбленности, мимолетной, но оставившей в душе что-то похожее на разочарование и горькую печаль. В нашем доме жила какая-то бывшая балерина и с ней три дочери. В младшую из них – девочку лет восьми-девяти – я влюбился. Ее звали Женей. Это было бледненькое, худенькое создание с рыжеватыми волосами до плеч, со скорбной улыбкой на тонких губах. В доме у нас она никогда не бывала. Я видел ее только в маленьком чахленьком палисаднике у нас на дворе. И как я мечтал об этих свиданиях. Она мне снилась по ночам, и утром, когда я открывал глаза, моя первая мысль была о ней. Когда мелькало ее платье под окном, я дрожал от волнения. Однажды, когда я в палисаднике сидел в игрушечных санках, в которых запряжена была картонная лошадь, пришла Женя. Я предложил ей сесть ко мне в санки. Помню, что ее близость волновала меня необычайно. Мне хотелось выразить чем-нибудь мой восторг. Я обнял ее и нежно поцеловал в висок, в рыжеватую прядь волос. Кажется, она взглянула на меня с удивлением, обличавшим ее равнодушие ко мне. Я почувствовал себя окончательно сконфуженным и уничтоженным. Моя любовь как-то вдруг сразу погасла, оставив лишь горечь на сердце.

Эта первая любовь была началом многих волнений, увлечений и разочарований.

Я выучился читать и писать, когда мне было пять лет. И с той же поры – как рассказывала мне потом моя мать, сам я этого не помню – стал я задавать старшим обычные детские, трудные вопросы: кто создал Бога? Что бывает с человеком, когда он умрет? и т.п. Мать рассказывала мне впоследствии, что я очень сердился, когда она не могла мне ответить на мои вопросы. Кстати, расскажу об одном случае, когда все эти вечные тайны я пережил не

рассудком, а бессознательно, в каком-то странном припадке. В тот миг я не рассуждал ни о Боге, ни о мире, а почувствовал всем существом своим ужас неведения и человеческую беспомощность. Случилось это вот при каких обстоятельствах. Отец и мать поехали однажды на праздники к моему дяде, Григорию Ивановичу Чулкому, в Козлов. Взяли и меня с собой. В первый же вечер, когда взрослые сидели за круглым столом в столовой и пили после ужина чай, моя мать повела меня в соседнюю комнату и уложила на диван спать. Проснувшись в темной комнате и увидев в полуоткрытую дверь ярко освещенную столовую, я был вдруг поражен каким-то безумием. Мне казалось, что я оторван от мира, что там, за порогом, живут люди, а что я соединиться с ними никак не могу, что я один во мраке навек. Это было предельное отчаяние. Я был парализован. Я не мог пошевелиться. Я не мог крикнуть. Я как будто на мгновение умер, как будто я предвосхитил смерть. Когда я очнулся, я страшно закричал. Ко мне бросилась мать. Принесли в комнату огонь. Стали расспрашивать меня, что со мной. Но я рыдал, и ничего, конечно, не мог объяснить.

Когда мне исполнилось 8 лет, ко мне пригласили студента Б., который должен был готовить меня в гимназию. Эти уроки не увлекли меня. Я занимался лениво и нехотя. Студент Б. был снисходителен ко мне и неизменно ставил в разграфленную тетрадку четверки и пятерки, которые должны были свидетельствовать о моих прекрасных знаниях. Года через полтора меня должны были отдать в гимназию, но тут у моих родителей возникло сомнение, не следует ли меня посвятить военной службе. Дело в том, что отец как дворянин и служивший к тому же по военному ведомству, имел возможность воспитывать меня в кадетском корпусе, за казенный счет. Мать была против кадетского корпуса, и я, разумеется, тоже. А отец склонялся к тому, чтобы я избрал военную карьеру. В один прекрасный день вопрос этот разрешился неожиданно. Отец на одной бумажке написал «Корпус», а на другой - «Гимназия». Свернув бумажки трубочками и перекрестясь, он положил их под образ Николая Чудотворца. На другой день я должен был взять одну из этих бумажек. Николай Чудотворец благословил меня на гражданскую деятельность. И, весной, выдержав экзамен в первый класс классической гимназии, я уже поехал с родителями на подмосковную дачу в гимназической фуражке и чувствовал себя вступившим в новую жизнь. Эта жизнь оказалась неприглядной и мучительной. Московская шестая классическая гимназия, в которой я проучился до седьмого класса, была едва ли не самой скверной в то время гимназией в Москве. Прекрасно было только здание, в котором она помещалась в Толмачевском переулке с чудесною чугунной решеткой в ограде. Директором гимназии в то время был г. Р., человек, по-видимому, неумный, с наружностью карикатурной и при том находившийся в какой-то зависимости от одного из надзирателей. Этот надзиратель П., человек невежественный и циничный, распоряжался судьбой учеников по каким-то ему одному известным соображениям. О его деятельности ходили слухи самые темные. Учителя, за исключением Михаила Сергеевича Соловьева, брата философа, и еще немногих, были сухие педанты и формалисты. На уроках царствовала дикая скука. В младших классах я учился плохо. Виноваты в этом были не только педагоги, но и сам я, всегда невнимательный, рассеянный, а иногда и ленивый. В эти гимназические годы, чуть ли не с первого класса, я всегда был в кого-нибудь влюблен – тайно и безнадежно. На уроках я всегда мечтал о какой-то таинственной возлюбленной, и эти мечты не способствовали – увы! – моим успехам в науках. Впрочем, и глупая гимназическая система, особенно скверно применявшаяся в шестой гимназии, внушала мне настоящее отвращение к урокам. Когда я перешел из шестого класса в седьмой, я упросил отца взять мои бумаги из замоскворецкой гимназии и перевести меня в первую гимназию, что на Пречистенке против

храма Христа Спасителя. В этой гимназии ученикам жилось вольней и учителя не были такими педантами. И мне в ней повезло. Я сразу попал в число лучших учеников и успешно держал выпускные экзамены, получив высший балл за русское сочинение.

Но возвращусь, однако, к первым годам моей гимназической жизни. Выдержав переходные экзамены из первого во второй класс, я поехал вместе с отцом в Козлов к дяде Григорию Ивановичу.

Отец через несколько дней уехал из Козлова, оставив меня там погостить. Дядюшка мой был доктором и, как говорили тогда, талантливым. Пациентов-почитателей у него в Козлове было много, несмотря на строгий и суровый его нрав. Ко мне он был благосклонен и, кажется, любил меня. Он был умный и начитанный человек и говорил нередко, что избрал медицинскую профессию по какому-то злому случаю, а что ему надо бы было быть филологом. В самом деле, он, по-видимому, любил литературу, понимал толк в языке и стиле, и мы с ним нередко, восхищаясь, читали вместе Пушкина.

* * *

Все мое детство и отрочество прошло в Москве или под Москвой, летом почти всегда на даче, в имении графа Шереметьева. И природу, стало быть, я знал главным образом подмосковную. Изредка только бывал я в Тамбовской губернии, в Козловском уезде, у дяди Г. И. Чулкова, а один раз прожил некоторое время в имении другого моего дядюшки, В. А. Александрова, небезызвестного драматурга, в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии.

Мать моя отличалась чрезвычайной добротой и добродушием. Никогда и ни про кого она не говорила дурно, к людям была внимательна и, если могла кому-нибудь помочь, помогала тотчас же. Она была религиозна и, кажется, молилась усердно, но ханжества в ней не было и тени. Была она очень начитанной, и взгляды у нее были туманные, но образование она получила совсем плохое и, кроме поверхностного знания французского языка и умения играть на рояле, она никакими знаниями не обладала. Писала по-русски с грамматическими ошибками. Отец мой был человеком простой, скромный и добрый. Отличался необыкновенной трудоспособностью. Над своими «руководствами», «указателями», «комментариями» сидел он с утра до ночи, отрываясь от письменного стола лишь для того, чтобы пообедать или чтобы прочесть «Русские ведомости» – газету по тем временам наиболее либеральную, которую он почему-то неизменно читал, несмотря на свои умеренные политические убеждения. Он был человеком эпохи Александра II и верил, что реформы придут сверху и весьма боялся революции.

А во мне с раннего детства жил дух непокорный и мятежный. В классе третьем-четвертом я уже отличался вольномыслием и нередко заводил с отцом споры на политические темы. Впоследствии, кажется, в пятом классе стал выходить в гимназии журнал под моей редакцией. Направление его было радикальное. Впрочем, в этом журнале преобладал отдел литературный. Сотрудников, к сожалению, оказалось немного, и журнал скоро должен был прекратить свое существование. К тому же я замышлял уже тогда о переходе в другую гимназию и это не могло содействовать прочности издания. Сам я начал писать очень рано, когда не помню точно. Всегда у меня были папки, набитые рукописями. Я писал рассказы, романы и критические статьи.

Не могу не отметить одного события, оказавшего на меня чрезвычайное влияние. Однажды родители мои получили письмо от Григория Ивановича Чулкова, удивившее их

несколько, а меня, всегда интересовавшегося письмами дяди Гриши, поразившее чрезвычайно. Обыкновенно письма дяди Гриши написаны были в меланхолическом тоне, в них он иронизировал над многим и над собой прежде всего. Всегда в этих письмах звучало что-то горькое и насмешливое. Но на этот раз письмо было написано совсем по-иному. От каждой строки веяло не только бодростью, но даже энтузиазмом. Письмо это удивило тогда моих родителей, но они, по-видимому, не поняли его печального значения, а у меня тогда же явилось подозрение, которое, к сожалению, и оправдалось. В таком неожиданном тоне письма, возбужденном и страстном, мне почудилось что-то безумное. Через три дня мы получили телеграмму из Козлова, извещающую нас о том, что Григорий Иванович заболел душевно. Отец тотчас же выехал в Козлов и взял с собою меня.

Когда козловский извозчик подвез нас к знакомому серому дому на Большой Московской улице, никто не встретил нас на крыльце, как бывало прежде. Отец, расплачиваясь с извозчиком, замешкался внизу, а я толкнул дверь, оказавшуюся незапертой, и пошел по широкой деревянной лестнице наверх. На площадке лестницы валялась почему-то опрокинутая кадка с большим кактусом. Увидев опрокинутую кадку, я вдруг почувствовал, что в этом доме совершается нечто ужасное. Отец снизу крикнул мне, чтобы я позвонил: надо было взять чемодан с пролетки. Но на звонок мой никто не отозвался. Наконец я толкнул и эту дверь – и она тотчас же распахнулась. Из передней я увидел знакомую анфиладу комнат. И в самой глубине ее показалась фигура дяди Гриши. Это был он, такой же, как всегда, в том же пиджаке; он шел прямо на меня, через столовую, гостиную, залу – и походка его была все та же: но у меня подкосились ноги от непонятного страха и отчаяния.

Начались мучительные дни и ночи. Дядя то узнавал меня и отца, то снова начинал бредить. Он все уверял меня, что нашел способ математически доказать бытие Бога. Он все делал какие-то алгебраические выкладки на клочках бумаги, чертил геометрические фигуры и старался объяснить их смысл.

«Бог есть. Бог есть», – твердил непрестанно Григорий Иванович, который всегда до той поры слыл скептиком и даже атеистом.

Значит где-то в тайниках души жила в нем вечная тревога и возникал неизменно последний вопрос о тайне мира.

Жена его, Серафима Яковлевна, была тоже в полубреду. Мы не спали ночи, потому что не спал дядя, галлюцинируя и наводя ужас на окружающих. Мы с отцом уехали, когда решено было отправить дядю в больницу, где он через год и скончался, не приходя в сознание.

К этому времени относится мучительный душевный кризис, который я переживал. Мои детские верования были уже поколеблены, и общий смысл рассудочной и так называемой научной критики христианства был мне известен. Но – странное дело – я размышлял, как скептик, а где-то в глубине души по-прежнему возникало особенное чувство, необъяснимое и таинственное, чувство личности Христа. Я как бы чувствовал иногда Его присутствие. И в то же время я жадно искал людей, с которыми я мог бы рассуждать и спорить на философские и религиозные темы, защищая скептицизм и нападая на положительную религию.

Среди моих сверстников и товарищей по гимназии я не нашел ни одного, интересовавшегося теми вопросами, которые волновали меня. Зато я свел знакомство с несколькими гимназистами восьмого класса и со студентами, с которыми и вел беседы. К сожалению, никто из них не мог противопоставить моему ребяческому скептицизму ничего более мудрого. Я тосковал и задыхался в заколдованном кругу моих тогдашних представлений о мире. Вскоре я познакомился с Н. А. Ф. Это было случайное знакомство в саду дома, где

жила наша семья и где жил этот Ф., студент-юрист четвертого курса. Я почувствовал к нему уважение за его образованность, которая казалась мне тогда глубокой и всесторонней. Пленяла меня также и цельность его мировоззрения. Он был атеистом и марксистом. Ему я обязан моим социалистическим воспитанием. Прошли годы, я встретился с этим Ф., и он вовсе не внушил мне прежних чувств. К атеизму я чувствовал отвращение.

Когда я был уже в седьмом классе и, значит, в Первой гимназии, познакомился я с семьей Петровых. Отец Петров был своеобразным представителем Москвы семидесятых и восьмидесятых годов. Кажется, он пришел в Москву «по-лomonосовски», крестьянским мальчиком, поступил к часовщику учеником, выучился грамоте и так прилежно засел за книги, что вскоре обогнал многих и многих из своих сверстников, учившихся в гимназиях. Я познакомился с ним и с его уже взрослыми сыновьями тогда, когда он был стариком и у него был уже на Остоженке свой часовой магазин. Вся интеллигентная Москва знала и уважала этого старика. Его внушительную фигуру и великолепную голову с буйной седою шевелюрой можно было увидеть на первых представлениях в театре, на лекциях и в тогдашних литературных кружках Москвы. Лев Николаевич Толстой был с ним в хороших отношениях. Однажды я столкнулся с Толстым на пороге петровского магазина и невольно снял фуражку и поклонился острым и внимательным толстовским глазам, хотя в те дни у меня в душе был особенный бунт против «толстовства» и толстовских последователей.

У Петрова было два сына студента. С одним из них я проводил часы в долгих спорах на философские темы, изоощряя свои диалектические способности. Он склонен был принять и оправдать моральное учение Толстого. А я проповедовал тогда «переоценку ценностей».

И как это ни странно, но именно в те дни, когда мой юный ум особенно остро старался обосновать «иммориализм» в поведении человека и скептицизм в мировоззрении, сердце мое неистово предавалось таинственным предчувствиям. Бытие личного абсолютного существа было для меня несомненным. Я чувствовал непрестанную Его близость. Но я никому не открывал тогда моей тайны. Я защищал скептицизм, страстно желая, чтобы кто-нибудь разбил мои доводы, противоречащие моему внутреннему опыту. Но около меня не было тогда душевно сильных людей. Толстовское «христианство без Христа» меня вовсе не увлекало.

Окончив гимназию, я поступил на медицинский факультет Московского университета. Все мои интересы были тогда в литературе, и не раз друзья и знакомые удивлялись, почему я избрал факультет медицинский, а не филологический. Выбор мой пал на медицинский факультет по причинам сложным. Я мечтал тогда об образовании всестороннем и философском. Но я тогда же сознавал, что без естественных наук не обойтись. Я думал, что на медицинском факультете я познакомлюсь с физикой и химией в достаточной мере на первых двух курсах, а последние три года я хотел заниматься специально анатомией и физиологией мозга в связи с психиатрией, подготавливаясь к изучению физиологической психологии. Я не был тогда материалистом, но был убежден, что методологию естествознания необходимо знать тому, кто желает философствовать. Мои мечтания не осуществлялись. Занятия строгой наукой отошли на второй план. И в естествознании, и в философии я остался дилетантом. Литература влекла меня к себе неудержимо, а 1902 год, когда я увлекся освободительным движением, решил мою судьбу, оторвав меня от университета.

Первый рассказ мой, «На тот берег», я напечатал в московской газете «Курьер» в 1899 году. Он обратил на себя внимание тогдашних московских литературных кружков. В этой же газете я напечатал еще несколько рассказов. Ни один из них не вошел в мои книги. И было бы

худо, если бы дружеская рука извлекла когда-нибудь из газетных листов эти юношеские мои опыты.

1902 год отвлек меня не только от университета, но и от моих занятий литературой. Этот год был предвестником наших всероссийских волнений 1905 года. Я был тогда на третьем курсе. Несколько речей, сказанных мной на курсовых сходках, выдвинули меня, и я был избран от третьего курса медиков представителем в Исполнительный Комитет Московского Студенчества. Председатель нашего комитета был И. Г. Церетели, тот самый Церетели, который был лидером социал-демократов в Государственной Думе, был сослан на каторгу и впоследствии принимал такое деятельное и заметное участие в нашей революции.

Комитет готовил общую сходку в первых числах февраля, и я верил в то, что эта сходка и демонстрация будут началом широкого общественного движения.

Я с увлечением писал прокламации, когда это мне поручал наш Комитет, а если прокламация составлялась спешно на заседании Комитета, я с большим иногда трудом отвоевывал право так проредактировать текст прокламации, чтобы он был точен в отношении формы и стиля. Эти мои эстетические требования казались моим товарищам ненужную роскошь.

В это время я познакомился с Надеждой Григорьевной Степановой, моей женой впоследствии. Она разделяла мои увлечения освободительным движением и усердно печатала на гектографе наши воззвания. Я с азартом занимался агитацией. Особенной лихорадочной жизнью я стал жить с тех пор, когда я и жена моя заметили, что за мною следят сыщики. Они, ничуть уже не смущаясь, дежурили по два – по три человека на углу нашего переулочка, ходили за мною по пятам. Арестован я был в ту же ночь, когда взяли Церетели и прочих главарей нашего движения. Охранное Отделение, по соглашению с министерством, применило к нам, студентам, суровую меру наказания без суда и следствия. Многие были сосланы в Сибирь. Я и еще некоторые подверглись высшей мере наказания и меня проговорили в ссылке в Якутскую область, в местность, находящуюся на расстоянии трех тысяч верст от линии железной дороги.

Два месяца меня держали в маленькой Пречистенской тюрьме. Потом перевезли в Бутырскую тюрьму, а оттуда отправили по железной дороге, в арестантском вагоне, в Сибирь, в Красноярск. Из Красноярской тюрьмы, где у нас было крупное недоразумение с администрацией, перевели меня через несколько недель в каторжную Александровскую тюрьму под Иркутском, где я участвовал в знаменитом трехдневном бунте, а затем мы шли этапом до Качуга на Лене, где сели на паузки и поплыли вниз по реке до Якутска. По дороге многие из товарищей оставались на разных станциях и местечках и до Якутска, если не ошибаюсь, дошло только человек пятнадцать. Все, за исключением меня, остались в городе. А я с женой, которая добровольно последовала за мной в Сибирь и догнала меня на Лене, на пароходе, были поселены в улус Амга, в тайге, на расстоянии трехсот верст от города. Я не сожалел об этом. Таежная пустыня очаровала меня своим диким великолепием.

Все то, что было потом, после 1903 года, слишком тесно и неразрывно связано с значительным и страшным сегодня. Еще не наступил срок для воспоминаний об этих последних годах. Впрочем, внимательный и благосклонный читатель моих книг узнает из них немало того, что имеет внутреннюю связь с историей моей жизни.

Грион, 1914 г. (Швейцария)

ПО ЦЕНЗУРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ МОЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭТОЙ ЗАПИСКЕ НЕКОЛЬКО МНОЙ УМАЛЯЕТСЯ. Москва 1934 г.

Биография Чулкова

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 42, л. 16—17, машинопись
Составитель П. П. Словнин

Чулков Г. И. /1879—/ писатель, поэт, драматург, литературовед. По окончании Московской классической гимназии Чулков поступил в Московский Университет и будучи еще студентом напечатал в 1899 г. первый свой рассказ «На тот берег» в газете «Курьер».

Уже на первом курсе Чулков принимал участие в революционном движении. В конце 1901 г. он был арестован, как член революционного студенческого исполнительного комитета и как пропагандист в рабочих кружках. Незадолго до ареста Чулков произнес на банкете в памяти Добролюбова политическую речь, призывая к борьбе с самодержавием. В начале 1902 г. по обвинению «в организации политической демонстрации совместно с рабочими» Чулков был сослан в Якутскую область. Еще до ссылки Чулков сблизился с ревнителями издательства «Скорпион».

В. Я. Брюсов посылал Чулкову в Сибирь новую литературу и поддерживал с ним переписку. После ссылки Чулков жил в течении года в Нижнем Новгороде, где, несмотря на полицейский надзор, не порывал связи с революционными кругами. В 1904 г. Чулкова разрешили поселиться в Петербурге, где и возобновлялась его литературная деятельность. В этом году вышла его первая книга лирики «Кремнистый путь», благосклонно встреченная критикой. Чулков принимал ближайшее участие в реформированном журнале «Новый путь», редактором коего был Д. С. Мережковский. После расхождения с Мережковским, по инициативе Чулкова был создан журнал «Вопросы жизни», где впервые поэты-символисты выступали перед большой аудиторией. К этому времени относится сближение Чулкова с Вячеславом Ивановым. В 1906 г. оба писателя совместно выпустили брошюру «О мистическом анархизме», вызвавшую шумную полемику и справедливую резкую оценку со стороны критиков-марксистов. В те годы Чулков редактировал сборник «Факелы» и вел литературную борьбу с бывшими своими соратниками, обвиняя Брюсова и его учеников в «парнасизме» и «декадентстве». Чулков печатал свои стихи и повести в альманахах «Оры», «Белые ночи», «Шиповник», в журналах «Золотое руно», «Перевал», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Аполлон» и др.

В 1906 г. в Александровском театре в Петрограде шла пьеса Чулкова «Невеста». Издательство «Шиповник» предприняло собрание сочинений Чулкова, но успело выпустить только шесть томов.

Начав литературную деятельность в среде поэтов-декадентов, характерных для последних дней императорской России, Чулков занял в школе крайнюю левую позицию и вел борьбу против индивидуализма во имя общности. Хотя общественность в понимании Чулкова была окрашена цветами романтизма, однако, нельзя отрицать за этой попыткой некоторого симптоматического значения. После октябрьского переворота, Чулков принял участие в работах театрального отдела НКП и сам выступал, как драматург. В 1919 г. в государственном показательном театре в Москве шла его пьеса «Карманьола», в 1921 г. В. Э. Мейерхольд ставил «Зори» Верхарна, в переводе Чулкова и в 1934 г. в Ленинградском государственном театре драмы была поставлена пьеса «Дон Кихот». На провинциальных сценах ставилась его драма «Конец директора Паскаля».

Чулков немало занимался литературно-исследовательской работой и опубликовал ряд историко-литературных и текстологических работ. В 1933-1934 гг. под его редакцией вышло

первое научное издание стихов Тютчева в двух томах. Ему же принадлежат две книги психологических портретов – «Мятежники» /о декабристах / и «Императоры». Последняя книга переведена на французский язык. Заслуживает внимания его книга воспоминаний «Годы странствий» / изд. 1930 г. / в коей немало материала, характерного для кануна нашей революции. Известен роман Чулкова из эпохи 20-х гг. XIX века «Salto Mortale» /1930 /.

За последние годы Чулков печатал свои произведения в «Звезде», «Красной нови», «Новом мире», «Литературном критике» и «Каторге и ссылке» и других советских изданиях.

Биография Г.И. Чулкова

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 42, л. 20—22, автограф, машинопись

(автограф) Писатель Георгий Иванович Чулков родился в 1879 г. в Москве. Будучи студентом он был арестован и выслан в Сибирь в Якутскую область «за организации политической демонстрации совместно с рабочими в феврале 1902 года» / дело по описи охранного отделения № 95 /. В ссылку ему сопутствовала жена его, Надежда Григорьевна Чулкова. Труды Г. И. Чулкова печатались в разных издательствах как до Октябрьской революции, так и после нее. Из них главные произведения «Императоры», «Мятежники 25-го года», «Годы странствий» – книга воспоминаний, «Жизнь Пушкина» – биография поэта, изд. в 1938 г., «Как работал Достоевский» в 1939 г. и многие другие.

В 1939 г. исполняется сорок лет его литературной деятельности.

(Машинопись) Литературную свою деятельность Георгий Чулков начал в 1899 г. как автор небольших рассказов. Эти рассказы были напечатаны в Московской газете «Курьер». В 1901 г. Георгию Чулкову, по независящим от него обстоятельствам, пришлось прервать свою литературную деятельность и уехать в Амгу, один из отдаленных улусов Якутской области. Здесь готовил он свою первую книгу стихов и рассказов «Кремнистый путь», которая была опубликована лишь в 1904 году и обратила на себя сочувственное внимание критики. К этому времени он уже возвращается в европейскую Россию и поселяется в Петербурге. Здесь он сотрудничает сначала в журнале Д. С. Мережковского «Новый путь», а потом принимает близкое участие в журнале «Вопросы жизни». В 1906 г. произошла явная дифференциация в той группе писателей, которая временно объединялась вокруг петербургских «религиозно-философских собраний» и кружка «Вопросов жизни».

В это время Г. Чулков опубликовал свою брошюру «О мистическом анархизме», которая вызвала шумные толки и ожесточенные нападки не только со стороны литературных представителей позитивизма, но и со стороны недавних его друзей и соратников-идеалистов и декадентов.

В 1906 и 1907 гг. выходят под редакцией Чулкова сборники «Факелы», также обратившись на себя внимание критики не только русской, но и западноевропейской. В течение последних пять лет Чулков стоял далеко от каких-либо литературных кружков и школ. Жил он в это время то в Петербурге, то за границей в Италии и Франции и всецело посвятить себя повествовательной работе. Печатал он свои произведения в самых разнообразных издательствах – и в «Золотом руне», и в «Вестнике Европы», и в альманахах «Шиповник» и в журнале «Аполлон». В прошлом году он выступил в Москве в качестве лектора и его публичные лекции имели исключительный успех. В настоящее время «Шиповник» предпринял издание его сочинений. Вышло уже шесть томов и готовится к печати седьмой том, в который войдет, между прочим, его большая новая повесть «Сатана».

Г. Чулков известен также как переводчик Метерлинка и Верхарна. Его переводы знаменитых «Двенадцати песен» Ибсена превосходно изданы с рисунками Шарла Дуллэ.

О воззрениях и творчестве Георгия Чулкова писали многие – между прочим П. С. Соловьева, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Е. В. Аничков, С. Городецкий, Г. Тастевен, В. Иванов и др.

Биография Г.И. Чулкова

Печ. по: РГБ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 2, 8 л., машинопись с правкой Н. Г. Чулковой

Г. И. Чулков родился в Москве 8 января 1879 года. Его отец, Иван Иванович, был родом из тамбовских дворян, в начале 19 века уже разорившихся и захудалых. Отец писателя был в свое время известен, как составитель книг – «О правах крестьян», «Обязанности сельских обществ» и других руководств по практическому применению к тогдашнему быту законодательства эпохи «великих реформ». Мать Г. И. Чулкова, урожденная Александрова, была весьма начитана и – по свидетельству писателя – именно из ее уст он впервые услышал стихи Пушкина. Ее брат, В. А. Александров, был небезызвестный драматург, автор пьес «В неравной борьбе», «Спорный вопрос», «В селе Знаменском» и других драм, шедших на Александрийской сцене в Петербурге и в Московском малом театре.

Г. И. Чулков учился сначала в шестой классической гимназии, а потом в первой, которую он окончил в 1898 году. В гимназии он уже писал стихи, рассказы и устраивал любительские спектакли, сочиняя для них пьесы.

Но одновременно с тем Г. И. Чулков предполагал, в связи с его литературными опытами, заниматься научной психологией. Для этого он считал тогда необходимым предварительное изучение естественных наук и специально физиологии мозга и нервной системы человека. С этой целью он поступил на медицинский факультет Московского университета, где занимался четыре года точными науками. Еще будучи студентом Московского университета, Чулков в 1899 г. напечатал в газете «Курьер» свой первый рассказ «На тот берег». Уже на первом курсе Чулков деятельно участвовал в тогдашних революционных студенческих кружках, *сочувствуя социал-демократам*. В 1901 году он был членом студенческого Исполнительного комитета, настаивал на радикальной политической программе и на тесной связи с тогдашним рабочим комитетом.

Он был арестован в конце 1901 года, и ему было предъявлено обвинение в «организации политической демонстрации совместно с рабочими». Незадолго до ареста Чулков произнес на банкете в память Добролюбова политическую речь, где призывал к борьбе против самодержавия. Чулков был выслан в начале 1902 года в Восточную Сибирь. Несколько месяцев он сидел в Красноярской тюрьме, потом в Александровской тюрьме под Иркутском. Здесь, в Александровском центре, он вместе с Дзержинским участвовал в известном трехдневном бунте, который окончился победой бунтарей. Во время путешествия по этапам было новое столкновение с начальством в связи с подготовлявшимся побегом Дзержинского. Оно только по счастливой случайности не кончалось расстрелом арестантов.

Весной Чулков был поселен в Амге, в трехстах верстах от Якутска и на расстоянии более трех тысяч верст от линии железной дороги. Тайга произвела на писателя сильное впечатление, которое отразилось на всем первом периоде его творчества. Еще до ссылки Чулков познакомился с ревнителями изд-ва «Скорпион». В. Я. Брюсов посылал ему в Сибирь новые книги, русские и иностранные, и поддерживал переписку. После Сибири Чулков в течение года жил под гласным надзором полиции в Нижнем Новгороде, где встречался с Максимом Горьким. В это время Чулков, несмотря на полицейский надзор, не порывал связи с тогдашними социал-демократами, и его перу принадлежит ряд прокламаций и нелегальных корреспонденций. В это время в Нижнем Новгороде преобладали «Большевики». Раскол в партии только что совершился. Сочувствуя революционной практике «большевиков» 1903 года, Чулков, однако, считал себя беспартийным.

В 1904 году вышла первая книга Чулкова «Кремнистый путь». Она была встречена публикой и критикой благосклонно. В «Весах» появилась вскоре программная статья Чулкова – «Светлеют дали». В Петербургском журнале «Новый путь» была напечатана тогда же статья П. С. Соловьевой, поэтессы, сестры философа, посвященная той же книге Чулкова. Этот сочувственный критический отзыв определил его дальнейшую литературную судьбу. В 1904 году Чулков поселился в Петербурге и принял деятельное участие в журнале «Новый путь», руководителем которого был Д. С. Мережковский. Через год между Мережковским и Чулковым возникли споры, последствием чего было закрытие «Нового Пути». В 1905 году, по инициативе Чулкова был создан журнал «Вопросы жизни», где впервые символисты выступили перед большой аудиторией. К этому времени относится сближение Чулкова с Вячеславом Ивановым. Их совместные вступления вызвали шумную полемику, которая была перенесена за рубеж, на страницы *Mercur de France*.

Тогда же появилась брошюра Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена». Эти неосторожно и страстно написанные литературные манифесты привлекали к себе враждебное внимание всех, а поэтические и художественные опыты писателя оставались в это время мало известными широкой публике, находя себе сочувствие у немногих поэтов, с которыми Чулков был связан в течение нескольких лет. Сам Чулков считал себе символистом и защищал эстетику и поэтику символизма в многочисленных статьях, которые он напечатал в «Золотом руне» и в других изданиях. Однако, в это же время он был «зачинателем» того раскола в школе символистов, который привел в конце концов к резкой полемике с Чулковым бывших его соратников. Георгий Чулков вел борьбу в индивидуализмом в литературе, с декадентским субъективизмом и «парнассизмом» во имя «нового реализма» и «органической общественностью».

Только в 1910 году угасла окончательно эта полемика, и в это же время Чулков, поэт и повествователь, нашел, наконец, значительный круг читателей. К этому времени у него было написано немало стихов, драм, рассказов и повестей. Издательство «Шиповник» предприняло издание собрания сочинений поэта и успело напечатать шесть томов.

Чулков печатал свои стихи и повествовательные опыты в альманахах «Оры», «Факелы», «Белые ночи», «Шиповник», в журналах «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Аполлон» и мн. др. Он прочел десятки лекций и докладов – в «Религиозно-философском обществе», в петербургском «Литературном обществе», в московском «Литературно-художественном кружке» и позднее в московском «Обществе любителей российской словесности», в «Союзе писателей», в петербургском «Институте искусств» и в Академии Художественных Наук.

Чулков до революции неоднократно уезжал за границу и успел побывать в Германии, в Австрии, в Италии, в Швейцарии, в Греции, в Сербии, в Болгарии... В 1911 году он долго жил в Париже. В 1916 году на Александрийской сцене шла его пьеса «Невеста». После Октябрьского переворота Чулков сосредоточил свое внимание на работах историко-литературного характера. Он, получив доступ к архиву Тютчева, опубликовал ряд неизданных произведений поэта и на основании тщательно изученных его рукописей подготовил к печати критически проверенный текст для полного собрания сочинений первого русского символиста, которое вышло в двух томах в 1933 и 1934 гг. За это же время были написаны Чулковым три работы о Достоевском – «Достоевский и Тургенев», «Достоевский и революция» и «Достоевский и Белинский». В 1923 году в журнале «Голос Минувшего» была напечатана Чулковым статья «Пушкин и театр». Ряд других статей о Пушкине – «Пушкин и Россия», «Пушкин и Польша», «Славяне и Пушкин», «Поэт и Левиафан», «Таинственный певец» – были прочитаны Чулковым, как доклады и лекции, но в печати до сих пор не появились. На торжественном заседании Института итальянской культуры,

Всероссийского союза писателей, Общества любителей российской словесности и Академии духовной культуры 14 сентября 1921 года Чулков произнес речь «Данте и Пушкин», в которой подвел итоги своим взглядом на творчество и нравственный подвиг русского национального поэта.

Итак, литературная деятельность Чулкова была многообразна. Как поэт, однако, он был довольно скуп: за сорок лет его художественно-поэтической работы он опубликовал только три книги стихов. В первой и особенно во второй книге – «Весною на север» – Чулков, по выражению Блока, «певец тайги». Эта тема приобретает у него символистскую значительность. После почти десятилетнего безмолвия Чулков снова вернулся в лирике и в 1922 году опубликовал сборник «Стихотворения». Почти одновременно с этим сборником вышла в отдельном издании поэма Чулкова – «Мария Гамильтон». Она была встречена критиками сочувственно. По поводу этой поэмы и последних стихов поэта, критики писали: «Нужно отметить трагизм и музыкальную глубину стихов Георгия Чулкова...» «Его стих созвучен Пушкину по своему стилю». / См. «Феникс» изд. «Костры», 1922, 1, стр. 183. / Последний период в творчестве Чулкова характеризуется решительным отказом его от всякого импрессионизма и настойчивым исканием пушкинского реализма.

Тот же путь от импрессионизма к реализму, от лирической аморфности к стройной композиционной структуре совершил Чулков в плане повествовательном. Однако, во всех этих опытах он остался в известном смысле символистом. Д. С. Овсяннико-Куликовский в своей обстоятельной статье, посвященной первым книгам поэта, уже заметил его основную художественную тенденцию: «Чулков – пишет он – прежде всего реалист в искусстве; он не выдумывает, а производит несомненные факты действительности...» И далее: «Превращая свои образы в символы, он этим не искажает их; символика только вносит сюда элемент обобщения и художественного истолкования...» «Этот крупный художник очень хорошо делает, что не соблазняется легкостью изобретения чисто символических и схематических образцов, а создает образы вполне реальные: его герои и героини – в большинстве – взяты из жизни со всей бытовой обстановкой, и их психология воспроизведена так, что мы имеем право сказать: да, это живые люди...» Другой критик, Генрих Тастевен, по поводу второго тома рассказов Чулкова пишет: «Последняя книга рассказов Чулкова ясно доказывает, что мы имеем дело с одним из немногих современных писателей, обладающих своим стилем, своей манерой, а главное – тем, что является источником стиля – оригинальной формой восприятия действительности: Чулков является наиболее ярким симптомом той реставрации стиля, которая идет на смену импрессионизму и психологизму всех типов...»

Наряду с положительными и апологетическими статьями по поводу творчества Чулкова появились статьи отрицательные и враждебные. Так, например, Вяч. Полонский в 1910 году, характеризуя Чулкова, как мистика, подчеркивает болезненность его психики. «Сверхразумная часть рассказов Георгия Чулкова – писал он – слабейшая, и не будь ее – как прекрасны порой были бы эти рассказы, написанные рукой несомненного художника...» «Георгий Чулков несомненный художник. Он знает цену слова, мастерски пользуется им и, если судить о книжках исключительно по их стилю, – то книжки Георгия Чулкова должны оставить самое благоприятное впечатление. Часто он сближает свою художественную прозу с поэзией – так ритмична она...» Всего этого, однако, по мнению критика, мало для того, чтобы преодолеть главный недостаток поэзии Чулкова: «Георгий Чулков не сумеет, разумеется, отказаться от своего мистического опыта. Таковы свойства его психики. А жаль». / «Всеобщий Ежемесячник», 1910, № 8 /.

Как бы ответом на это является статья Чулкова – «Оправдание символизма». Эта статья была напечатана в сборнике «Наши спутники» в 1922 году. В ней писатель с достаточной точностью выясняет свою концепцию реалистического символизма.

В своем мировоззрении, поскольку оно определялось эстетическими этюдами в книгах – «Покрывало Изиды», «Вчера и сегодня», «Наши спутники» и др., – Чулков является противником, как всякого рода «позитивизма», так и всякого рода «идеализма», если этот последний понимается по-кантовски или вообще в духе немецкой метафизики. Для Чулкова всякая спекулятивная философская концепция – отвлеченное начало. По его представлению, важно лишь, «цельное знание», основанное на реальном духовном опыте. Этот опыт возможен, как непосредственная данность. В этом смысле Чулков называет себя реалистом.

В своих литературных опытах Чулков выходит иногда за пределы эстетики, поэтики и литературы в собственном смысле. Так: у него есть книга «Мятежники 1825 года», в которой автор дает психологические портреты ревнителей тайных обществ и деятелей нашей первой революции, и книга «Императоры», изданная в 1928 году, в которой мы находим характеристики пяти императоров – Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Эта книга на французском языке привлекла внимание критики и широких читательских кругов Европы.

После октябрьского переворота Георгием Чулковым написан роман на эпохи двадцатых годов XIX века «Salto Mortale» /1930 г./. В 1919 году в Государственном показательном театре шла пьеса Георгия Чулкова «Карманьола», в 1921 году в его переводе В. Э. Мейерхольд поставил «Зори» Верхарна, а в 1934 году в Ленинградском государственном театре драмы шла пьеса Чулкова «Дон Кихот». В 1930 году им были изданы его воспоминаний – «Годы странствий». В 1937 году была опубликована Георгием Чулковым в журнале «Новый мир» биография Пушкина, которая вышла отдельным изданием в Гослитиздате в конце 1938 г. В издательстве «Советский писатель» выходит книга Георгия Чулкова «Как работал Достоевский».

Кроме этого, Чулковым написано несколько книг, еще не печатавшихся: «Условный брак» / роман из жизни петрашевцев /, «Жизнь Достоевского» и «Жизнь Рылеева».

1938 г.

Из записной книжки Г. И. Чулкова: листки дневника

Печ. по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107, л. 53—57, автограф

Нельзя перепечатывать черновики стихов, газетные и полемические заметки, и все, подписанное псевдонимом «Борис Кремнев». Для этого место не в тексте, а в «материалах», в последнем томе.

27 сентября [1920 г.]. Вчера вернулся я из Петрограда. Я там пробыл десять дней. Как он пустынен и мрачен. Но и как прекрасен! Он стал еще загадочнее и строже. На фальконетовского Петра я смотрел не без суеверной робости, признаюсь. На улицах растет трава; в трамваях просторно; автомобилей вовсе нет... Я забрался с моим большим тяжелым чемоданом в трамвай, и первое впечатление мое было и мучительно, и фантастично. На руках замороженного мальчишки лет тринадцати умер годовалый ребенок; тут же в трамвае, должно быть, от голода. Умер как-то незаметно, тихо, и мальчишка так и ехал с маленьким мертвецом на руках, никого и ничего, по-видимому, не замечая – в тоскливом равнодушии.

Остановился я в помещении Союза Деятелей Художественной Литературы, в покинутом особняке Гинзбурга, на Одиннадцатой линии. Особняк этот наполовину разграблен уже анархистами. Собственник передал его писателям, а сам уехал в Японию, переведя предварительно, накануне октябрьского переворота, немало своих миллионов в японский банк.

В этом покинутом особняке, кстати сказать, обставленном довольно безвкусно, я нашел несколько застрявших в Петрограде писателей. Какой-то Печковский (тоже писатель) принимал меня гостеприимно в одном из кабинетов. И то, что этот Печковский был в странной красной кофте; и то, что по коридору мимо меня прошла рыжая женщина с сумасшедшими глазами и губами, слишком густо намазанными алым кремом: все это делало непонятым и фантастичным сомнительный быт писательского дома. Но я оставался в нем, покорствуя судьбе.

Ездил в Царское село спасать и устраивать свою библиотеку. Возжелал остаться там, ибо все еще прекрасны Царскосельские уюты и парки. На станции все было кошмарно. Приходил какой-то солдат и грозно кричал, что на станции нельзя ночевать, что он нас прогонит; приходил <слепой> юродивый и корчился в конвульсиях, коих я еще не видывал.

21 мая. Два дня провел в санатории Рек. Вчера вечером переселился в Гагаринский санаторий. Впрочем, обещают дать какой-то отдельный угол. А я уже мечтаю о бегстве.

22 мая. Надя в больнице. У нее тиф. Она потребовала, чтобы ее увезли в больницу, когда я был в санатории. Меня известила Люба – поздно вечером. Не было поезда. Пришлось ждать до утра. Я ни на одно мгновение не сомкнул глаз. Вся жизнь с Надей прошла перед глазами – все двадцать лет. Все недоразумения казались ничтожными. Одно было важно – ее душа, ее сердце, ее любовь... Чувство безмерной вины перед ней было ужасно. Только бы она была жива! Только бы она была жива! Такой страшной ночи я в моей жизни не испытал никогда.

4 июня 1920. Прошло почти полтора месяца. Я не раскрывал дневника. Надя медленно поправляется. Я устроил ее в хороший санаторий Гребнево. И Володя там. Я остался один – в Москве, на мой санаторий махнул рукой. Приехал Боря Зайцев с женой и поселился у меня. Вчера приезжал Сергей Городецкий. Был Вячеслав Иванов, читал свои сонеты «De profundis amavi».

7 июня. Сердце мучительно болит. Вспоминаю о свидании моем с отцом Германом в Зосиминой пустыни. Чувствую себя во мраке. Чувствую себя слепым и недостойным.

14 июля. Все собрался записать стихи, которые сочинил мне Володя (ему четыре года). Вот его лирика, это с буквенной точностью:

Тамат.

Летают там птенцы наведом,
Идет там мальчик бледный.
И не одни птенцы летают там:
Они летают с птицами – кукушками, воронами, орлами...
Там море есть и там карам –
Кары; пыли, хали, дарам.
Летучие мыши купаются там в океане.
И не в простом океане, а в волшебном.
И точно. И страшно, и страшно нам.
Далекий путь! И плывем в далекий путь.
И приплывем мы в новый океан, –
И в нем купаться будем.
И будем ведно, ведно, ведно –
Есть Тамат.

Володя сочинил это стихотворение – 27 мая 1920 года. Вчера и третьего дня я был в Гребневе. Володя разлучен с Надей: они в разных зданиях, хотя и на одной усадьбе. Володя, кажется, затаил в себе печаль: ему трудно понять, почему его оставили одного среди черных. Когда я прогулялся с ним вечером, и он, крошка, один подымался по внутренней лестнице к себе наверх и махал мне ручкой, у меня сердце падало от нежности к нему и любовной жалости.

Август. Я ездил в Петроград, чтобы привезти из Царского Села книги. Надо было хлопотать о разрешении, и только благодаря тому, что у меня была бумага от Отдела Научных Библиотек мне удалось привезти мою библиотеку, к сожалению, наполовину разграбленную. Пропала, между прочим, около двухсот томов с авторскими подписями. В Петрограде я прожил две недели. Видел Блока, Гумилева и многих иных знакомых. Старенький Кузьмин все еще неразлучен со своим Юркуном. Я останавливался в «Доме Литераторов» на Бассейной, а завтракал в «Доме Искусств», на углу Невского и Мойки. В «Доме Искусств» по пятницам литературные вечера и, говорят, что бывали и вечера с танцами! Это теперь-то, в дни коммуны! Приезжали будто бы какие-то молодые люди в смокингах и во фраках. За завтраками бывают люди из «Аполлона» и «Мира Искусств» все еще лениво острят и нехотя каламбурят. Разговаривают почти всегда по-французски. Здесь и встретил Александра Бенуа, Добужинского, Митрохина и многих иных. Узнал необычайную новость: умер муж Серебряковой. Она в Харькове. В «Доме Литераторов» подошли ко мне какие-то поэтессы и сообщили мне, что они дружат с Серебряковой, видели ее полтора года назад в Харькове.

29 декабря. Какой странный вид у Москвы! За отсутствием дров власти распорядились разбирать на топливо деревянные дома. И вот теперь на улицах мрачно зияют пустыри, а в иных местах на ваших глазах разрушают дома, иногда большие, и десятки каких-то старух и мальчишек шмыгают вокруг пепелища в надежде что-нибудь стащить без ордера и унести домой, где лютый холод. Буржуи старой формации, почти все, успели убежать из Советской России, захватив бриллианты и ценности, а интеллигенты мерзнут на Смоленском и на Сухаревской, продавая последние штаны, чтобы купить молока ребятам или фунт хлеба. Процветает Нуворишь. Рабочий, если он не спекулянт, голодает так же, как и наш брат интеллигент. У меня в квартире живет рабочий с женой. Он, к моему ужасу, чахнет на моих глазах от голода. Даже я – сам нищий – вынужден помогать ему, чем могу, но моя помощь, ничтожная, не спасает его от гибели. Надя устроила ему место в Вомске, но он вернулся с дороги, ибо поезда стояли в заносах

три дня, и все пассажиры изнемогали от голода и холода. Этот мой сожитель вернулся, как выходит с того света.

31 декабря – 1 января 1920. Встречали Новый год дома. Читали по рукописям шуточные пьесы Владимира Соловьева.

1 января 1920. На днях вышла книга Гершензона «Мудрость Пушкина». Я был изумлен первыми двумя страницами этой книги. Гершензон приводит текст, в свое время опубликованный Якушкиным, и хвастается, что он первый обращает внимание на пушкинскую рукопись, которую необходимо включить в собрание сочинений поэта. Отрывки написаны рукой Пушкина, но я тотчас же, перечитав его, почувствовал, что это не стиль Пушкина и что Пушкин не мог написать так, как написан этот фрагмент. Так как в фрагменте есть четверостишие из «Лалла Рук», я заглянул в сочинения Жуковского, изданной Ефимовым, где и нашел вариант фрагмента, написанный Жуковским в Берлине, в марте месяце 1821 года. Вероятно, это перевод, и отсюда почти совпадающие тексты Жуковского и Пушкина. Но как было приписать Пушкину расплывчатую и совсем не легендарную прозу этого отрывка! Вот наш Военный комиссар, узнав, что я состою «ученым сотрудником Комиссариата Народного Просвещения», спросил меня, знаком ли я с Луначарским. «А что этот Луначарский образованный человек?» – спросил он меня простодушно. Получив утвердительный ответ, оживился и совсем уж наивно заметил: «А, ведь, это очень хорошо, что наш комиссар Народного Просвещения человек образованный!» Я вообще внушил ему почему-то доверие. «Знаете что – сказал он мне – все уладится скоро. Одни поправеют, другие полевеют – вот все и пойдет по-хорошему».

7 февраля. (В Москве) Я зарегистрировался, как член бюро репертуарной секции Театр. Отд. Комиссариата Нар. Пр. *Noblesse oblige*: я присутствовал на днях в квартире Каменевых, в Кремлевском дворце, на чтении пьесы Луначарского «Маги». Вещь эта, на мой вкус, оккультно-меланхолическая и довольно неожиданная для Луначарского. Когда очередь дошла до меня, я сказал, улыбаясь, что драма тов. Луначарского – произведение «контр-революционное». Это заявление принято было панически. «Почему? Ведь, пьеса не имеет никакого отношения к политике!» Я пояснил: общее миропонимание поэта вовсе небезразлично – и в плане общественном. Для того, чтобы содействовать поступательному ходу истории надо быть или наивным оптимистом и верить в прогресс, как накопление ценностей, приносящих людям счастье; или надо смотреть на историю трагически (по-христиански) и торопить события для последней развязки.

Все же срединное и пессимистическое особенно не располагает к социальной активности. Пришлось остаться в Кремле до 4 ч. ночи. На улицах бесовский мрак и не души.

Постоянные невольные прогулки пешком замучили меня. Я свалился. У меня опять кровохаркание.

Надо запомнить рассказ о поездке одного гражданина в Брянск: заносы, голод в дороге, снег расчищали пассажиры на пути голыми руками (лопат не было), тифозные больные и целый вагон мертвецов.

Хочу написать комедию о Дон-Кихоте, настоящем, т.е. – как у Сервантеса, об испанце XVI в.

Сегодня был у нас Л. Ю. Бердяева и сообщила о смерти Розанова. Он будто бы после исповеди, причастившись, сказал: «А теперь дайте мне поклониться моему богу...» Незадолго до смерти он заходил к Н. А. Бердяеву и говорил ему, что молится усердно Озирису.

Завещание

Нищим жил, нищим и умираю. Ничего не останется после меня, кроме книг и двух – трех вещей. Все это – жаль. Но после меня остаются мои сочинения. Возможно, что они представят ценность. Их можно переиздать. Если, Бог даст, они будут напечатаны, тогда прошу Надежду Григорьевну, которой все принадлежит, делиться доходами от издания с моими сестрами.

6 декабря 1921

Георгий Чулков.

Г. И. ЧУЛКОВ – Н. Г. ЧУЛКОВА

ПЕРЕПИСКА 1901-1938 гг.

Текст писем печатается по автографу из архива Г. И. Чулкова, хранящегося в Российского Государственном Архиве Литературы и Искусства (письма Г. И. Чулкова: ф. 548. оп. 1, ед. хр. 480-481-482; письма Н. Г. Чулковой: ф. 548. оп. 1, ед. хр. 399-401

¹. Архивом были представлены исключительно микрофильмы). Мы заменили старую орфографию на новую, унифицировали написание заглавных букв, поместили ненормативное написание некоторых слов. Пунктуация также дается по современным правилам. Сокращенные фамилии, имена, отчества, названия, местоположения расшифровали в угловых скобках, используемых также для пометок редких случаев с трудом разбираемых слов. Воспроизводятся все выделения оригинала-автографа. Пометки, внесенные апостериори неизвестной рукой, помечены косой чертой (/).

Письма расположены в хронологическом порядке (календарный стиль писем: юлианский до 1918 г.; после – григорианский), включая письма без даты, которые определяются на основании почтовых штемпелей или датируются предположительно в соответствии с ответами жены.

1901 г.

[1] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 5 июля 1901 г. (ст. ст.)

Москва 5 ию.<ля> /1901 г./

Как-то ты едешь теперь, милый Зоря? Не спать всю ночь и еще в такой обстановке и все через меня! Я виновата еще тем больше, что сама прекрасно выспалась в эту ночь. Как мне хочется, чтобы теперь, когда я пишу тебе, ты уже чувствовал себя хорошо. Да наверно это так и есть – чем ближе подвигаешься к намеченной цели, тем спокойнее и вместе радостнее становится и маленькие неприятности не могут надолго испортить настроения.

Я так рада, так рада за тебя, мой дорогой, что ты можешь встряхнуться и освежиться от пыльной московской жизни. Все это время я буду воображать тебя в той или другой обстановке и стараться угадать твоё настроение. Ты ничего не оставишь не замеченным из того, что встретится тебе на пути и я, как близкий тебе человек, чувствую, что мы обогащаемся – ты привезешь с собой много нового и поделишься им со мной.

О, мой дорогой! Как хотела бы я подняться до высоты твоего понимания вещей, твоего умения наслаждаться! Какое счастье, что я встретила с тобой, Зоря, какое счастье! Я так люблю тебя и верю, что и ты меня любишь по-настоящему. Я, снова, начинаю жить и эта жизнь, как бы она ни была коротка, одна имеет смысл, за нее я пережила все, что было раньше <бурново (слово дается предположительно – К. Р.)> и если после мне придется пережить в десять раз больше того, что было, я все-таки скажу, что я была счастлива. Я чувствую уже, что с тобой я стала лучше, умней. Ты своей любовью и уважением ко мне заставляешь меня лучше смотреть на себя. Родной мой, как люблю тебя! Пиши мне, Зоря, я жду от тебя весточки, помни, что я одна и только о тебе думаю. Все мне напоминает тебя, и роза, которая сегодня так пышно распустила лепестки и так чудно пахнет, и мои учебники, которыми ты так заботливо наделил меня. Ты со мной теперь, когда уже далеко от меня.

Сейчас иду устраивать разные дела но боюсь что сегодня в именины Серг.<ея> Алекс.<андровича> ничего нигде не делают. Деньги мои целы.

Вечером сегодня пойду на бульвар и зайду к Рыбаковым – мне нужно.

До завтра милый! Целую тебя и люблю, люблю люблю.....

Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 1-2. Связь с конвертом не установлена. По левому верхнему краю л. 1 пометка, внесенная при получении, судя по почерку, рукой Чулкова: [1901 г.].

[2]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 6 июля 1901 г. (ст. ст.)

Москва 6 июля 10 ч.<асов> веч.<ера> 1901

Сейчас получила твое письмо – и обрадовалась ему, как сумасшедшая. Мне так хочется тебе ответить сейчас же. Я пишу еще в Казань, может получишь и это.

Я послала тебе уже два. Одно – в Пермь, другое в Казань и это – третье.

Ты думаешь обо мне, дорогой мой. Я люблю, люблю тебя и о тебе только думаю. И радуюсь за тебя и грустно мне без тебя и сладко от мысли что ты любишь меня.

Какая разница в окружающей нас обстановке! Перед тобой открываются все новые и новые виды, масса людей и пейзажей мелькают перед глазами, и я сижу где-то на чердаке передо мной только кусочек неба и гляжу я в какую-то стену. Сегодня я просидела весь день дома в халате и туфлях, чтобы не было так жарко и только небо немножко изменяло свой цвет: днем оно было безоблачное, голубое, перед вечером стало серым, и появились маленькие облачка, глядя на них, как они неслись по небу и слушая гул от езды по земле мне вдруг показалось что я на пароходе несусь куда-то далеко, но иллюзия продолжалась недолго. Аннушка вовсе не похожая на вежливых лакеев парохода принесла мне чаю и я снова у себя в Москве. А теперь вон зажглись звездочки и, может быть, сейчас мы с тобой смотрим на одну и ту же. Дорогой Зоря, мне кажется, что я успею подготовиться. Хотя завтра я, может быть, уже буду бояться, опять. Сегодня снова волнуюсь по поводу неполучения письма из Крыма. Послала, по твоему совету, опять письмо священнику, может он ответит поскорей.

Теперь ложусь спать. Ночь чудная и ты один наслаждаешься ей. Мой милый, дорогой, люблю люблю тебя! Люблю. –

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 3 — 4об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 3 пометка, внесенная при получении рукой, судя по почерку, Чулкова: [1901 г.].

1902 г.

[3]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 10 февраля 1902 г. (ст. ст.)

Я каждый день бываю у Ваших родных. Папа здоров, Нюра тоже. Очень обрадовались весточке от Вас. Если можно, напишите мне. Я живу все там же. Я подала прошение о свидании Обер-Полицмейстеру. Надеюсь, позволят. Ваша Надежда Степанова.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 5-5об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Московское Охранное отделение. Студенту Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 10/II-1902». На адресной стороне открытки надпись, сделанная карандашом «Пречист.<енское> отд.<еление>».

[4] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 15 февраля 1902 г. (ст. ст.)

Моя дорогая Надежда Григорьевна!

Спасибо Вам за то, что Вы хотите со мной повидаться. Я, со своей стороны, послал заявление в Охранное отделение о желании иметь с Вами свидание. Вы говорите, что каждый день бываете у моего отца и у сестры, но разве не начались еще дежурства в больнице?

Что сказать о себе? Чувствую я себя превосходно. Настроение моего духа лучезарное. Не забывайте меня. Я о Вас думаю все время, все время... Хотя обстановка, в которой я нахожусь, чудесная, хотя меня окружают прекрасные гигиенические условия и полный комфорт, мне все-таки хочется как можно скорее переступить порог моей кельи. Передайте мой привет Любе, Фед.<ору> Ег.<оровичу>, всем родным и знакомым. Целую Ваши руки. Весь Ваш

Георгий Чулков

15 фев.<раля> 1902 г.

Отцу и Нюре пишу отдельно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 1-1об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. У Арбатских ворот, Никитский бульв.<ар>, д.<ом> Фабрициус, кв.<артира> 6, Е<е>В<ысоко>Б<лагородию>. Надежде Григорьевне Степановой. Почтовый штампель: «Москва. 17/II-1902».

[5] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 16 февраля 1902 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий Иванович!

Что же это Вы не пишете, даже отцу и Нюре. Мы все ужасно беспокоимся о Вашем здоровье. Ради Бога пишите, как себя чувствуете. Как мне хочется увидаться с Вами. Кажется полжизни бы отдала. Отца и Нюру я часто навещаю – они здоровы.

До свидания! Крепко жму Вашу руку.

Всегда Ваша

Надежда Степанова.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 6-6об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Охранное отделение. Студенту Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 16/II-1902». На адресной стороне открытки надпись, сделанная карандашом «Пречист.<енское отделение>». По нижнему краю л. 6 пометка, внесенная карандашом: [16/II].

[6] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 18 февраля 1902 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий Иванович!

Как благодарна я Вам за Ваше письмо. Мне так хотелось получить самой от Вас хоть одну строчку. Спасибо! Также не перестаю ни на минуту думать о Вас. Разве можно забыть, когда воспоминаниями только и живу и надежной на свидание. Я надеюсь, что нам разрешать увидаться. Я очень радуюсь за Ваше настроение. Нюра мне говорила, что Вы даже поправились. Не унывайте. Будьте веселы и не забывайте меня. В больницу я хожу, но редко, и на массаж по-прежнему, каждый день. Заниматься мешают головные боли. Нюра и Люба здоровы. Отец скучает о Вас.

До свидания! Ваша Надежда Степанова.

18 февр.<аля> 1902 г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 7-7об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Охранное отделение. Студенту Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 19/II-1902». На адресной стороне открытки надпись, сделанная карандашом «Пречист.<енское отделение>».

[7] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 23 февраля 1902 г. (ст. ст.)

Моя хорошая Надежда Григорьевна!

Вы не поверите, как мне хорошо, тревожно и радостно. Окно моей камеры выходит во двор, за которым раскинулся сад. Это доставляет мне громадное наслаждение. Я не вижу пошлых городских построек. Только налево виднеется здание для приема душевнобольных. Это наводит меня на размышления, и я даже начал писать рассказ «Записки из желтого дома». Сюжет я выбрал эксцентричный и, пожалуй, суровые критики опять будут меня упрекать за то, что я не интересуюсь общественными вопросами и занимаюсь исключительно тайнами души человеческой. Повторяю: я очень рад, что могу видеть деревья и вечно прекрасное небо и ужасно боюсь, что меня переведут в другое место до окончания моего дела и освобождения. Иногда ночью я влезаю на стол, отворяю форточку, прижимаюсь лицом к холодной решетке... Струя свежего воздуха, вместе с сиянием звезд Бога, врывается ко мне в грудь... Видите, я все такой же и по-прежнему люблю небо, звезды и Вас. Весь Ваш Георгий Чулков.

P.S. Передайте мой крылатый привет отцу, сестрам и всем друзьям. Навещайте, пожалуйста, Ньюрку. Мне мучительно хочется Вас видеть. Получила ли Люба мое письмо?

Чулков.

23 февр.<аля> 1902.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 3-3об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Арбатские ворота, Никитский бульвар, д.<ом> Фабрициус, кв.<артира> 6, Е<е>В<ысоко>Б<лагородию>. Надежде Григорьевне *Степановой*. Почтовый штемпель: «Москва. 26/II-1902».

[8] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 28 февраля 1902 г. (ст. ст.)

/ 28 февраля /

Дорогой Георгий Иванович!

Сегодня освободилась от дежурства в больнице. С большим нетерпением ждала этого дня, а теперь, освободившись, чувствую себя все также скверно, как и там. Не знаю что будет дальше – моя тоска дошла кажется до невероятных размеров. Неужели есть мука больше этой? Ньюра и Люба здоровы. Рыбакову не дают свидания с Вами, и я советую Любе одной просить без мужа. Рыбаков едет в Вильню читать лекцию о гипнотизме. Полянский не может теперь уехать – с него ведь взята подписка о не выезде из Москвы, а между тем дело о моем разводе требует, чтобы он съездил к моему мужу. До свидания. Молюсь за Вас.

Ваша Надежда Степанова.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 8-8об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Охранное отделение. Студенту Медигу Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва. 28/II-1902». На адресной стороне открытки надпись, сделанная карандашом: «Пречист.<енское отделение>». По правому верхнему краю л. 8 пометка, внесенная карандашом: [28/II].

[9] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, <10> марта 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя! Очень, очень досадно, что дело о разводе опять отлагается. Вот видишь, как иногда слагаются обстоятельства: если бы год тому назад были соблюдены эти формальности, быть может, Охранное отделение скорее разрешило нам свидание...

А тосковать не стоит: я уверен, что скоро меня освободят. Каждый день жду об этом известия. Не понимаю, почему не дают мне свидание ни с тобой, ни с Нюрой, ни с дядей...

Передай Рыбаковым мой привет и поблагодари Любу.

Прошли ли головные боли? Ходишь ли в больницу? Книги я все прочел, какие у меня были, и теперь осталось только заниматься немецким языком и писать стихи, что я и делаю.

Отчасти я благодарен представителям администрации за то, что они посадили меня в сию келью: постоянные литературные вечера, театры и редакции утомили меня; теперь я подвожу итоги моим впечатлениям. Впрочем, хорошенького понемножку, и я еще более буду благодарен моим следователям и судьям, если они меня на днях отпустят на все четыре стороны...

Отцу и Нюре пишу особо.

Целую руки твои. Горячо любящий тебя Георгий Чулков.

/ 10 марта /

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 4-4об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Арбатские ворота, Никитский бульвар, д.<ом> Фабрициус, кв.<артира> 6, Е<е>В<ысоко>Б<лагородию>. Надежде Григорьевне *Степановой*. Почтовый штемпель: «Москва. 10/III-1902». По левому нижнему краю л. 4 пометка, внесенная карандашом: [10/III].

[10] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 17 марта 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя!

Я мучительно хочу тебя видеть. Мне необходимо поговорить о многом и важном. Проси, чтобы нам разрешили свидание.

Меня, конечно, скоро освободят, и я думаю поехать куда-нибудь из Москвы – отдохнуть. Решишься ли ты бросить курсы и *ехать со мной?*

Безумно любящий тебя

Георгий Чулков

17 марта 1902.

/ 20 марта /

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 2-2об. Открытое письмо. На обороте адрес: Здесь. Арбатские ворота, Никитский бульвар, д.<ом> Фабрициус, кв.<артира> 6, Е<е>В<ысоко>Б<лагородию>. Надежде Григорьевне *Степановой*. Почтовый штемпель: «Москва. 20/III-1902». По правому нижнему краю л. 2 пометка, внесенная карандашом: [20/III], и по центру квадратная печать «Просмотрено Охр.<анным> Отд.<елением>».

[11] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
<Москва>, <до 22> марта 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надька!

Я люблю тебя безумно, ты это знаешь... И потому я умоляю тебя: подожди ехать в Сибирь до тех пор, пока я тебе напишу, куда, как и когда нужно ехать.

Потом еще вот что: подумай хорошенько, так ли ты меня любишь, чтобы бросить Москву и все ради меня. Помни, что условия жизни могут быть ужасны. Говорят, что меня и еще несколько поселят в Якутской области за полярным кругом.

Лично за себя не волнуюсь ничуть, ни в чем не раскаиваюсь, но о тебе тоскую страшно. За Ньюрку мучуюсь <так! – К. Р.> тоже.

Надька, неужели меня разлюбила? Если долго не получишь письма от меня, это значит, что нас задерживают в разных тюрьмах куда и не позволяют писать письма. Не смей ехать в Сибирь, пока я не достану денег и не вышлю тебе. Ехать, имея 100 руб.<лей> денег, невозможно. Да ты и замерзнешь в твоём пальто.

Целую тебя, моя голубка, мое счастье, мое солнышко...

Любящий тебя твой Георгий

Чулков

P.S. Не волнуйся, если от меня долго не будет телеграммы и письма после Иркутска: ведь от Иркутска на лошадях, может быть, придется ехать 2 месяца.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 5-5об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 5 пометка, внесенная карандашом: [Март 1902].

[12] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 20 марта 1902 г. (ст. ст.)

<2 нрзбр.>

1902. Москва, 20-е марта.

Мое счастье! Дорогой мой милый Зоря!

С тех пор, как ты уехал, я не могу прийти в себя: все думаю и плачу, плачу и снова начинаю вспоминать тебя, как ты был с нами эти два часа, что говорил, как смотрел на меня... Милый мой! Радость и жизнь моя, как мне хотелось броситься к тебе на шею, целовать тебя без конца, все твоё милое, дорогое лицо, эти глаза, которые так хорошо, с такой глубокой любовью глядят на меня. Как я тебя люблю милый мой! Я не знаю, как я проживу до твоего письма. Мне все кажется, что ты нарочно долго не будешь писать мне. Боже мой, мне кажется даже, что ты не веришь мне и самое ужасное наконец – это что ты не хочешь меня.

Зоря, милый мой, но пойми же, что я не могу теперь жить без тебя, мое сокровище! Вспомни, как говорил ты мне: «без тебя мне нет спасения» я верю, ты говорил это искренно, так пойми же теперь меня и не увеличивай моих страданий своим молчанием. Я ни за что не останусь после того, как получу твоё первое письмо из Иркутска. То, что я не поехала с тобой, меня мучает страшно, но с другой стороны как подумаю, что я ведь могла следовать за тобой в следующей поездке приводит меня в ужас и потом я совсем не успела подготовиться. Господи, какое мучение! Мне так хотелось бы быть около моего милого, дорогого мужа. Целую тебя миллион раз мое счастье. Я пишу тебе это письмо в обстановке, которую ты и не подозреваешь. Я в номерах «Бристоль» в квартире одного больного старичка – ухаживаю за ним, он приехал с Кавказа и там схватил лихорадку. Н. В. Тверитинов лечит его, и меня рекомендовал, как сестру милосердия, и я буду дежурить здесь несколько суток по 5 р.<ублей> за сутки. Я очень рада, что мне нельзя спать (я меряю температуру и делаю компрессы), я буду беседовать с тобой.

Сегодня переехала к Любе (она и Ф.<едор> Е.<горович> просили меня) и только что легла спать, как приходит сначала Нюра с поручением от отца – звать меня к ним жить, ночевать, обедать всегда. Это в XI ч.<асу> ночи-то, а потом швейцар из Бристоля просит к больному. Так я снова оделась и поехала к больному, а Нюрка пошла к отцу одна. Твой отец, кажется, полюбил меня и открыто, при Нюре возмущается, что любовь не дает мне право иметь с тобой свидания. Нюрка мне теперь свою

душу открыла, а уж о Любе и говорить нечего. Даже Ф.<едор> Е.<горович> зовет меня «человеком, который все знает» и верит мне во всем. Дядюшка, встретив меня у Бутырской тюрьмы, наговорил мне кучу любезностей и просил обращаться к нему за всем, что мне понадобится.

Какой он странный. Теперь 3 ч.<аса> ночи и мне уже начинает хотеться спать и мой больной все стонет – у него еще невралгия лица, поминутно просит пить. Зоря, милый, скоро ли я увижу тебя? Скоро ли прижмусь к тебе и навсегда, навсегда останусь с тобой. Я надеюсь здесь заработать побольше денег – ради Бога не посылай мне денег ни на книги, ни на дорогу у меня будут в достаточном количестве и к тому же Давидович хлопчет мне достать бесплатный проезд до Иркутска в 1-м классе. Это было бы недурно. Четвериков взялся помочь мне продать некоторые вещи и достать книги для меня – готовиться за 8 класс.

Как только получишь это письмо, напиши мне все, о чем я тебя прошу: *Есть ли верный слух о том, куда тебя пошлют, сколько туда езды и на чем, т.е. каким путем: по реке, на лошадях или еще как. Затем что тебе нужно.*

I. книги какие II. нужен ли микроскоп III. одежды какой-нибудь или еще каких вещей и не нужно ли привезти чего-нибудь из необходимых продуктов: чаю, кофе, какао или еще чего. Нужно ли захватить керосинку для варки пищи. Опиши подробнее что только узнаешь о том месте, где будем жить с тобой. Город это или село или все т.п. но прежде всего и главнее – не забудь написать любишь ли ты меня.

Напиши, как чувствуешь себя, нет ли головных болей. Когда-то я буду около тебя мой дорогой, мой бесценный. Напиши привезти ли тебе твои рассказы, они у Леонида Николаевича, и не нужно ли что переговорить с ним согласно твоей работы в Курьере. Клянись от меня всем, кто с тобой едет и скажи, что я могу и от них взять поручения привезти, что нужно. Ко мне уже ходят родные некотор.<ых> ссыльных узнав, что я еду в Сибирь просят передать вещи. Недавно была жена Подарина (арт.<ист> М.<осковского Малого> театр.<а>) у ней там брат – Праздников, она тоже в мае едет к нему. Может быть вместе поедем к вам. До свидания! Люби меня, я не могу жить без тебя! Вечно твоя Надя. Спроси в канцел.<ярии> Генер.<ал>-Губерн.<атора> еще письмо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 9 — 10об. Связь с конвертом не установлена.

[13] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 21 марта 1902 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий!

Ради Бога пиши мне, как ты себя чувствуешь и что узнал о дальнейшей судьбе твоей. Я еду сейчас по получении от тебя первого письма из Иркутска. Не мучай меня и позволь ехать за тобой теперь, чтобы не было там мне не будет хуже того, чем здесь без тебя.

Теперь, когда тебя увезли из Москвы я не знаю, что со мной делается, мне кажется я схожу с ума.

Дорогой мой, милый, любимый возьми меня скорее к себе. Мне будет гораздо легче, если я поеду после твоего письма, где ты разрешаешь мне ехать не дожидаясь, когда ты прибудешь на место твоего поселения. Я поеду все равно, позволишь ты или нет. Я посылаю тебе, по совету твоего дяди, два письма одновременно и в тюрьму и на канцелярию Генер.<ал>-Губернатора.

Пиши. Твоя всегда

Любящая тебя Надя

Москва, 21 марта /1902/

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 11-11об. Связь с конвертом не установлена. По левому верхнему краю л. 11 две пометки, одна внесенная, судя по почерку, рукой Чулкова: [1902 г.], а вторая карандашом: [21 марта]; по центру л. 11об пометка, внесенная карандашом: [1902].

[14] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ряжск, 22 марта 1902 г. (ст. ст.)

Ряжск. 22 марта 1902.

Ты понимаешь, конечно, дорогая Надя, что я буду безумно счастлив, если ты решишься поехать за мной в Сибирь, но ради Христа подумай хорошенько, в силах ли ты это сделать. Не так трудно сказать: еду... Но ведь жить там очень тяжело: условия могут быть ~~ужасны~~. Потом, ведь я безумец, ты знаешь: я больной, разбитый... Не будешь ли ты тосковать со мной?

Ничего не понимаю, что сделали с моими рукописями. Неужели твои письма погибли? Захвати все, что уцелело.

И карточки захвати.

Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 6. Связь с конвертом не установлена.

[15] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Сызрань, 23 марта 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя!

Только теперь 23 марта получил право послать письмо (из Сызрани).

Жди от меня телеграммы. Места моего поселения я еще не знаю. Может быть, в Красноярске (23 марта) нас задержат в тюрьме. Может быть, в Иркутске придется ждать навигации по Лене и Байкалу. Поцелуй Любу, передай мой привет и спасибо Феде. Папе и Нюре пишу отдельно.

Чувствую себя превосходно.

Безумно любящий тебя

Георгий Чулков

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 7-7об. Открытое письмо. На обороте адрес: Москва, Всеволожский пер.<улок> на Остоженке д.<ом> Соболева, кв.<артира> Фед.<ора> Ег.<оровича> Рыбакова. Надежде Григорьевне *Степановой*. Почтовый штемпель: «Симбирск 27/III-1902» и «Москва 29/III-1902».

[16] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Красноярк, 30 марта 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя!

Я назначен в Якутскую область.

Сейчас нахожусь в Красноярской тюрьме. Когда вскрыется Ангара меня переведут в Александровскую тюрьму (в середине апреля) в 60 вер.<стах> от Иркутска. Там я буду ждать навигации по Лене. Затем меня отправят в Якутск. От Иркутска до Якутска 2743 в.<ерсты> В Якутске мне сообщат мое место поселения. Только тогда я могу сообщить тебе по телеграфу мой точный адрес.

Если же мне объявят раньше место поселения, конечно, тотчас же уведомя тебя. Путь от Иркутска до Якутска довольно затруднителен, – особенно от Иркутска до Киренска то сухим путем, то в лодке по р.<еке> Лене. (Это я говорю на основании официального путеводителя).

Тебе невозможно ехать, пока я не узнаю точно место поселения, пока не напишу тебе обо всем обстоятельно. Я страшно тоскую о тебе. Мысль, что я, быть может, еще месяца 2-3 не увижу тебя, убивает меня. Да еще решишься ли ты ехать тысячи верст? Я мучуюсь <так! – К. Р.> за тебя: совершить такое путешествие одной женщине – прямо подвиг.

Ради Христа, Надька, не вздумай резонерствовать по этому поводу. Нужно запастись чем-н.<ибудь> потеплее...

Моя хорошая звездочка, как я люблю тебя!

Я не могу жить без тебя, не могу... Милая, чудная, красивая, умная, дорогая, смелая... Неужели ты разлюбила меня? Надька? Я не смею тебя умолять ехать за мной...

Надька! Сколько я переиспытал за это время, сколько впечатлений... Не могу писать: кругом кричат, хаос... Все тюрьмы переполнены политическими. Черт знает, как нескладно выходит...

Надька! Прощай или

до – свидания?

Твой безумный Георгий.

30 марта 1902 г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 8 — 9об. Связь с конвертом не установлена.

[17] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, <апрель> 1902 г. (ст. ст.)

/Апрель? 1902 /

Дорогой мой Зоря! Как огорчил ты меня своим письмом: предостережения без конца и ни одного «люблю». Если бы не знала я, как ты любил меня прежде, можно было бы подумать, что тебе неприятно то, что я навязываюсь тебе в близкое соседство. Я очень осторожна и страшно боюсь надоесть тебе, это ты наверно и раньше замечал нередко; так зачем же ты еще мучишь меня твоими сомнениями, которые похожи, по своей настойчивости, на средство отделяться от меня.

Я не прошу тебя сказать мне правду. Ведь я сама увижу и пойму, нужна я тебе или нет, а где я узнаю об этом, там или здесь, для меня не имеет значения, потому что без тебя я не могу теперь жить нигде.

Ради Бога не бойся за меня. Никакие ужасные условия не могут испугать меня: я не избалована и всегда везде сумею создать себе некоторые удобства. Если бы ты знал мое детство, то поверил бы мне, что я не окажусь беспомощной и там: я прошла очень суровую школу у моих родителей. Потребности у меня небольшие что касается комфорта. Я хочу только учиться, развиваться, а жизнь около тебя будет мне очень и очень полезна в этом отношении. Ведь ты знаешь, как я смотрю на тебя, сколько уже я почерпнула полезного для меня из жизни с тобой. Мое счастье...

Ведь всю жизнь я томила в обществе людей совершенно для меня чужих и неинтересных, всю жизнь мечтала о таких отношениях, какие создались между нами. Что же может меня удерживать где бы то ни было и чем я жертвую идя за тобой? Ведь в тебе одном моя жизнь, мое счастье, и свет, и надежды. Милый мой, дорогой Зоря, не сомневайся в моей любви и не думай, что для меня существует какой-нибудь выбор в этом случае. Я не могу не ехать! С нетерпением жду от тебя письма из Иркутска, чтобы сейчас же ехать вслед за тобой. Ты пишешь, что, может быть, тебе придется ехать долго на лошадях – тем скорее я должна ехать за тобой, потому что ждать письма с места твоего поселения уже тогда не имеет смысла. Я постараюсь заручиться письмом к Генерал-Губернатору, который поможет мне узнать куда и как ехать к тебе.

Ты не можешь себе представить дорогой Зоря, как мучительно ждать и не знать, когда можно будет, наконец, поехать...

Теперь я сижу в твоей комнате. Я поселилась у твоих. Иван Иванович усиленно просил меня переселиться к ним от Рыбаковых. Мы с Нюрой поставили наши кровати рядом и долго, долго по вечерам говорим о тебе. Как она тебя любит! Иногда днем мы играем в четыре руки и один раз Иван Иван.<ович> нам даже похлопал из своей комнаты и закричал «браво».

Занятия мои идут довольно успешно, но не подумай, что я говорю о курсах – туда я совсем не заглядываю – я говорю о моей практике, о массаже. Никол.<ай> Вас.<ильевич> достал мне еще массаж за 25 р.<ублей> в мес.<яц>, и я все коплю деньги на дорогу к тебе. Папа также просил меня обедать у них и в столовую я теперь не хожу.

Сегодня ночью получила от тебя телеграмму и недоумеваю, зачем тебе понадобилось знать о моих экзаменах. Письма жду с нетерпением. Мне теперь кажется, что действительно я не должна ехать раньше известия от тебя с места твоего поселения, т.к. очень хорошо бы было узнать, что из вещей и книг нужно тебе привезти.

Получила от тебя еще два письма, которые утешили меня: ты вспоминаешь меня, мой милый, а за одну фразу я крепко расцелую тебя при свидании. Я часто, почти каждую ночь, вижу тебя во сне, «а проснусь я: ночь, как могила, темна, и подушка моя холодна, и напрасно молю я волшебного сна»... Дорогой мой, скоро ли я увижу тебя, прижмусь к тебе крепко... Как я люблю тебя, и как я буду любить тебя там, на севере, вдали от твоих близких!

Какая досада, что мне до сих пор не возвращают твои письма, я страшно огорчена. Надеюсь, все-таки к отъезду получить их. Ради Бога прости за неразборчивость моего письма: переписывать некогда. Нужно поскорее отправить. Дай Бог, чтобы ты получил это письмо, все-таки от скуки будешь разбирать его. Пиши мне, дорогой мой, побольше, главное о твоём здоровье и самочувствии. Я верю, что ты меня любишь. Целую тебя бесконечное число раз

Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 12 — 13об. Связь с конвертом не установлена. По левому верхнему краю л. 12 пометка, внесенная карандашом: [апрель? 1902].

[18] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Красноярск, 22 апреля 1902 г. (ст. ст.)

/ 22 апре.<ля> 1902 /

Дорогая Надька!

Сейчас получил телеграмму от дяди, в которой он меня извещает, что иркутский генерал-губернатор предложил якутскому губернатору водворить меня на жительство в самый г.<ород> Якутск.

Если это осуществится, я буду очень рад: все-таки там есть больница, два врача, аптека, реальное училище и женская гимназия. Письма от Якутска до Москвы идут около месяца. В Якутске есть телеграф. С 15 мая приблизительно открывается навигация по Лене. Тебе в Москве легче справиться в путеводителях о подробностях пути от Москвы до Якутска, здесь, в Красноярской тюрьме трудно узнать толком. По железной дороге тебе, вероятно, придется ехать до Иркутска, потом верст 400 на почтовых до ближайшей пристани на р.<еке> Лене, затем на пароходе до Якутска. На пароходе от Тарасовской до Якутска билет стоит, кажется, 65 рублей. Ужасно боюсь за твое путешествие. Особенно смущает меня езда на почтовых. Хорошо, что приходится ехать весною: сравнительно тепло.

Ты непременно должна привить оспу. Захвати, пожалуйста, все мои рукописи. Посылаю тебе еще 25 рублей.

Не могу себе представить, что еще, пожалуй, недель шесть не увижу тебя. До свидания, моя голубка, моя чюдная, хорошая Надька! Поцелуй Нюрку, милую мою Нюрку, передай мой привет папе, Любе, дяде, Фед.<ору> Егор.<овичу> и всем знакомым. Люблю тебя. Люблю, люблю...

Твой Георгий.

P.S. Папе и Нюрке пишу особо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 10-10об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 10 пометка, внесенная карандашом: [22 апреля 1902].

[19]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Александровск, 9 мая 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надька!

Получил твою телеграмму, в которой ты даешь знать, что выезжаешь из Москвы 11 числа, и не пойму, получила ли ты мою телеграмму, где я прошу тебя выехать числа 20. Я безумно рад, что ты едешь, но боюсь, что ты окажешься в Якутске раньше, чем я. Пароход и почтовая пара несравненно быстрее повезут тебя, чем наши телеги и паузки. Еще я очень боюсь, что тебе не хватит денег: 200 рублей едва-едва достанет на дорогу. Я не знаю, получила ли ты 100, потом 25 р.<ублей> на книги и потом еще 25 р.<ублей> Дело в том, что с этим письмом я не могу послать денег, потому что не знаю наверное, успеет ли Ященко передать его тебе, и тогда мы окажемся без денег – и ты, и я. В Иркутске денежное письмо мне послать тоже уже нельзя. Его не успеет посмотреть прокурор. Если ты окажешься в критическом положении, узнай в Иркутске адрес главного контролера Забайкальской ж.<елезной> д.<ороги> Евгения Петровича Фовицкого и через него адрес Алексея Леонидовича Фовицкого. Обратись к нему от моего имени. «Политические» в Иркутске снабдят тебя деньгами, а я немедленно вышлю им из Якутска то, что ты возьмешь в долг. *Копию* с этого письма я пошлю в Иркутск на твое имя до востребования. Люблю тебя, моя чудная, моя хорошая. Мечтаю о тебе, жду тебя.

Твой безумный друг Георгий.

9 мая 1902 г.

Александровская тюрьма, Иркутской губернии.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 13 — 14. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 13 пометка, внесенная карандашом: [9 мая 1902].

[20]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Александровск, 9 мая 1902 г. (ст. ст.)

Дорогая Надька!

Не знаю, получила ли ты мое письмо, которое я переслал через Ященко и которое он должен был передать тебе на станции в Нижнеудинске. На всякий случай ~~нишу~~спешу изложить тебе в этом послании те же соображения.

Я безумно рад, что ты уже собралась ехать, но боюсь, что ты, пожалуй, приедешь в Якутск раньше меня. Еще более я беспокоюсь за то, что тебе не хватит денег на дорогу. Не знаю, получила ли ты мои 100, потом 25 на книги и еще 25 рублей.

И в этом случае, пожалуй, тебе денег неостанет, а между тем я не могу тебе сейчас переслать деньги в Иркутск. Поэтому, если ты окажешься в Иркутске в критическом положении, обратись к Анне Семеновне Андреевской. Она живет в Иркутске, на Дегт[яр]евской <так – К. Р.> улице, в доме Мейровича. Она высылалась вместе со мной. Через нее ты можешь получить из фонда «политических» денег на дальнейшую дорогу. Назови ей мою фамилию, покажи ей мое письмо и, – я уверен, – она сделает все возможное, а я из Якутска немедленно перешлю в Иркутск ту сумму, которую ты получишь от «политических».

Из Иркутска ты не должна выезжать, имея в кармане менее 175 рублей. Ехать нужно непременно на почтовых до Лены. На обывательских решительно нельзя, небезопасно. Если почему-нибудь неудобно будет тебе обратиться к Андреевской, узнай адрес Алексея Леонидовича Фовицкого через Евгения Петровича Фовицкого, главного контролера Забайкальской ж.<елезной> д.<ороги>. Алексей Леонидович во всяком случае сумеет *достать* денег из фонда.

Дорогая Надька! Я безумно тоскую без тебя. С восторгом жду свидания с тобой, мой хороший товарищ. Обидно, что я не увижу тебя почти целый месяц. До свидания, моя хорошая, красивая, умная, смелая...

Люблю, люблю, люблю.

Твой Георгий

9 мая 1902 г.

Александровская тюрьма, Иркутской губер. <нии>

P.S. Ты телеграфируешь между прочим «Письмо Иркутск до востребования». Я понял эту фразу так: «Пиши в Иркутск до востребования». Я так и сделал. Если же ты хотела сказать, что ты мне писала таким образом, то это был напрасный труд: я, сидя в Александровской тюрьме за 60 верст от Иркутска, имею возможность получать письма, лишь адресованные непосредственно ко мне.

Моя хорошая Надька! Как жаль, что я в дороге получил от тебя только два письма.

Ты, должно быть, не можешь вообразить, какое наслаждение получать в тюрьме письма от близкого человека.

Последние дни в Александровской тюрьме мы переживали довольно тревожное время. Дело в том, что мы потребовали объявления нам мест нашего поселения. У смотрителя тюрьмы сведений не оказалось. По телеграфу из Иркутска нам дали неопределенный ответ.

Тогда мы удалили из помещения политических надзирателей, заперли ворота, устроили баррикады и выбросили красные знамена. Решено было готовиться к вооруженному столкновению. Все это имело смысл, пока вокруг нашей крепости стояли солдаты с заряженными ружьями.

Но вскоре, по приезде губернатора, прокурора и начальника жандармов, стало ясно, что начальство идет на уступки и не желает кровопролития. Тогда все приняло комический характер, – все эти наши забавные стояния на часах по ночам и тому подобное. Особенно смешно было, когда мы вели с губернатором переговоры через дырку, проделанную в стене. И этому почтенному старику пришлось сидеть на корточках!

Жизнь на бивуаках все-таки мне надоела порядком. Мне хочется иметь возможность читать книгу, писать и говорить не об организации, революции, терроре, правительстве, рабочих, студентах, Марксе, Бернштейне, Зубатове и т.п., а о чудесном «Пане», о таинственных звездах, о твоей красоте и целовать миллион раз твои нескромные губки.

Твой любящий, Георгий

9 мая 1902 г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 15 — 18. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 15 пометка, внесенная карандашом: [9 мая 1902].

[21]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <до 11> мая 1902 г. (ст. ст.)

/ Май 1902 /

Дорогой Георгий! Когда получишь это письмо, я буду уже в дороге. Я решила выехать 15-го числа: к тому времени окончатся экзамены, которые я все-таки держу, кончу массаж и устрою все свои маленькие делишки, т.е. закуплю все, что нужно для дороги и в Якутске (на первое время) и уложусь. Получила я от тебя целую уйму денег 150 руб. <лей> и много писем, за последние спасибо. Я радуюсь каждому твоему письму как ребенок, и чуть не плачу от радости, перечитываю по несколько раз в день

и не расстанусь с ними ни на минуту. Мои милый, как мне страстно хочется поскорее увидеть и обнять тебя! Как я счастлива, что ты не перестаешь думать обо мне.

О милый мой, я не могу жить без тебя и чтобы ни случилось я всегда и везде буду с тобой. Хлопотала у Тюремного Инспектора о разрешении присоединиться к партии. Он мне пока не разрешил, а если и разрешит, теперь-то все равно поздно, едва ли я застаю тебя в Александровской тюрьме. Мне все-таки кажется, что в Якутск я попаду раньше тебя, или в одно время, т.к. у тебя в пути вероятно будут остановки еще. Я уже начала волноваться от предстоящего путешествия – мне и интересно, и жутко, но одно чувство преобладает над всеми – это удовольствие при мысли, что мы будем вдвоем и далеко от всех. В Москве у меня не остается ничего и никого дорогого, кроме Нюрки, с которой мы очень подружились и которая тоже будет первое время страдать немножко от разлуки со мной.

Сейчас была у Вл.<адимира> Александр.<овича> и ужасно расстроилась. Он не советует мне ехать в Якутск до твоего прибытия туда, называет мою поездку (если я поеду теперь) глупостью и говорит, что кроме опасности разойтись с тобой в пути (тебя могут вернуть в Иркутскую губ.<ернию> по просьбе отца и, в таком случае, я напрасно проеду в Якутск) я могу своим приездом каким-то образом затянуть дело о переводе тебя в Иркутскую губ.<ернию>. Я сказала, что ни в каком случае не стану ждать твоей телеграммы из Якутска, а поеду раньше потому, что я рискую не попасть на Лену во время навигации и тогда переезд будет мне стоить около 300 рублей, которых я не имею. Решили на том, что я подожду твоей телеграммы из Александр.<овской> тюрьмы об отъезде твоём в Якутск. Значит я лишаясь возможности догнать тебя в пути. Говорила об этом с Ив.<аном> Ив.<ановичем> и он советует ехать. Кажется я поеду все-таки.

Боже мой, как я измучилась за это время! Это что-то ужасное. Каждый день волнуешься и зависишь от всякой случайности: один скажет то, другой – другое, и ты слушаешь, думаешь, и ни к чему в конце концов не приходишь. Скорей бы, скорей ехать! Мне кажется, что если я буду собираться еще месяц, то от меня останется что-то совсем не похожее на меня: я и теперь уж стала злая, раздражительная и плакса.

Милый мой, дорогой, да когда же наконец я буду около тебя? Когда ты поцелуешь меня и заставишь забыть все эти неприятности, которые так измучили меня? Мне показалось сегодня, что Вл.<адимиру> Ал.<ександровичу> не особенно хочется отправить меня. Он говорит: «Я бы Вам посоветовал написать ему, что Вы хотите кончить курсы и он только первое время конечно поскушает, а потом и сам согласится и посоветует Вам сам так сделать».

Я ему ответила, что этого быть не может, что ни ты, ни я такого совета не примем. Ведь я правду сказала, Зорька? Ведь ты не можешь забыть меня и привыкнуть жить без меня? Я верю тебе мое счастье, что ты любишь меня и не боюсь ничего впереди поэтому. Жалко только, что ты поставлен в такие условия, что не можешь быть самостоятельным. Как бы я хотела видеть тебя независимым. Зорька, милый, будем работать вместе, будем вместе завоевывать себе свободу. Я еду в Якутск с надеждой найти себе там побольше занятий – может быть пристроюсь при больнице. У меня будет удостоверение о прохождении первого курса, если, конечно, я выдержу экзамен. У меня сейчас создан план поехать в Иркутск и ждать пока тебя отправят из Алекс.<андровской> тюрьмы. Так я и сделаю и выеду я вместо 15-го 11-го мая: 19-го буду в Иркутске, и ты дай мне знать туда – напиши письмо до востребования.

Итак, если ты получишь это письмо в Александровской тюрьме, дай мне знать письмом «до востребования Иркутск почт.<овая> телегр.<афская> контора. Мне» где ты, скоро ли тебя повезут в Якутск, и что ты советуешь делать мне, т.е. как ехать и т.д. Книжки я тебе привезу, кроме беллетристики, все, которые ты просишь, аптечку тоже. Из охр.<анного> отд.<еления> еще не могут получить – деньги, кажется, перешлют прямо тебе, а книжки, если возможно будет взять, я привезу. У Леон.<ида> Андреева буду на днях. Привезу твои рукописи и даже мои письма и фотографии женщин, которые у тебя хранились. У нас был Мейерхольд перед отъездом в Италию. Они поехали с большой Марусей. Сейчас был у меня Сергей Алексеевич: он нашел мне спутницу, невесту одного высланного

в Иркутск студента. Я очень рада, что не одна буду ехать. Иван Иванович и Нюра целуют тебя. Люба послала тебе сегодня письмо. А Нюра собирается писать. Не знаю получишь ли ты наши письма. Я тебе дам телеграмму о дне своего выезда из Москвы и чтобы ты писал мне в Иркутск до востребования. Ужасно бестолково пишу. Прости я совсем потеряла голову сегодня.

Люблю тебя мой дорогой и не разлюблю никогда.

Твоя Надя.

Пиши Нюрке, она тебя ужасно любит. Все время мы говорим о тебе, они и меня-то любят за то, что я тебя люблю. Она теперь делается заметно серьезней и сама даже говорит, что желала бы «исправиться», и хочет следить за собой поэтому. Она очень милая Нюрка, только немножко избалована. Но, кажется, она сама это видит и со временем сумеет заставить себя поступать так, как нужно.

Она гораздо энергичнее Любы. Пиши мне побольше в Иркутск, мой родной, мой желанный Зоря. Люблю тебя.

Люблю тебя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 14 — 17об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 14 пометка, внесенная карандашом: [май 1902].

[22] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Александровск, 11 мая 1902 г. (ст. ст.)

<Читал + 1 нрзбр.>

/ 11 мая 1902 /

Дорогая Надя!

Сегодня, 11 мая мы получили здесь, в Александровской тюрьме, телеграмму с извещением относительно мест поселения некоторых. Причем относительно меня произошла какая-то путаница: сказано, что я назначен в *Олекминский* округ. А ведь дядя телеграфировал, что, Иркутским генерал-губернатором предложено Якутскому губернатору водворить меня «в самом *Якутске*».

Поэтому, если ты опередишь нашу *первую* партию политических в Якутскую область, тебе следует подождать меня в *Олекминске*. Там нас встретит Якутский губернатор и там выяснится окончательно место моего поселения. Если же мы опередим тебя, я в Олекминске оставлю для тебя письмо «до востребования»; а если сам буду в Олекминске, так, разумеется, тем лучше: я там же увижу тебя, моя чудная, славная Надька! Во всяком случае ты можешь справиться относительно меня по дороге у «политических», которых мы будем оставлять в Иркутской губернии. В самом Иркутске у Анны Семеновны Андреевской (Дегтевская <так! – К. Р.> ул. <ица>, д. <ом> Мейровича) или у Алексея Леонидовича Фовицкого, Тихвинская ул. <ица>, д. <ом> Чижик. В Олекминске ты тоже можешь встретить кого-нибудь из товарищей, которые скажут тебе, где я.

Люблю тебя, Надька, безумно и жду с нетерпением свидания, чтобы смотреть в твои чудные глаза, слушать твой голос, целовать твои руки...

Весь твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 19 — 20. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 19 пометка, внесенная карандашом: [11 мая 1902].

[23] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Качуг, 19 мая 1902 г. (ст. ст.)

/ Май 1902 /

Хорошая Надька моя! Я волнуюсь за тебя ужасно: как ты поедешь на лошадях одна! Не смей ехать ночью. Здесь постоянно совершаются разные ужасы.

Ты, вероятно, опередишь наши паузки, и я прошу тебя, подожди меня в Олекминске. Очень может быть, что я назначен не в Якутск, а в Олекминск или даже в какой-нибудь улус. Тогда не имеет смысла ехать тебе дальше.

Я пишу это письмо в Качуге. Сейчас здесь для нас оканчивают постройку паузков; завтра 20 или 21 мы тронемся в путь.

Ехать на паузках до Олекминска придется около месяца. Я нарочно повторяюсь в письмах, потому что уверен, что только половина их доходит до тебя.

Моя голубка! Когда я увижу тебя, наконец?

Когда будешь ехать на пароходе, следи за паузками. Может быть, мы увидим друг друга. Было бы очень хорошо, если бы мы встретились раньше Олекминска, где-нибудь на пристани. Если бы ты захотела, я бы уговорил нашего конвойного офицера взять тебя к нам на паузок. Вчера в Качуге встречала нас колония политических из Верхоленского округа. Ночью сидели мы у костров на берегу. Пели песни. Потом я бродил среди солдат и костров и думал о тебе. Отчего ты не со мной? Моя хорошая, чуждая! Я все сильнее и сильнее люблю тебя...

Надька! Ведь ты не разлюбила меня? Не разлюбишь?

Твой друг Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 11 — 12. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 11 пометка, внесенная карандашом: [май 1902].

[24] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
На Лене, 21 мая 1902 г. (ст. ст.)

Двадцать первого марта написано было тобой письмо, которое в последний раз я получил от тебя, моя хорошая Надька! Целых два месяца я не получал от тебя, кроме телеграммы, ни одной строчки.

Когда я подумаю об этом и о том, что тысячи верст нас разделяют, мне становится страшно. А будущего я боюсь только тогда, когда мне заползают в мозг нелепые и безумные мысли о том, что ты можешь разочароваться в наших отношениях...

Если ты выехала из Москвы одиннадцатого числа, как писала в телеграмме, ты должна догнать нашу партию. Я уже переговорил с конвойным офицером, и он, по-видимому, ничего не имеет, чтобы ты ехала с нами на паузке, как моя невеста. Правда, условия жизни здесь довольно скверные, но с нами едут и другие «политические» женщины, и я думаю, что ты, мой славный товарищ, не хуже них сумеешь перенести неудобства.

Впрочем, если ты устала и хочешь опередить меня, то поезжай на пароходе до Олекминска, но не дальше. Там я узнаю место поселения.

Моя чуждая Надька! Третий день едем мы по Лене, и мое сердце пьянеет от восторга: берега так чудесны, воздух так мягок, в груди моей так сильна любовь к тебе...

Я послал тебе массу писем. Неужели не все они дошли до тебя? И здесь, по дороге в Якутскую область, я везде в колониях политических оставлял для тебя письма. В нескольких письмах я повторялся, боясь, что какие-нибудь из них не дойдут до тебя. Ты не сердись на меня за эти невольные повторения.

Сегодня двадцать первое мая, стало быть, дня через два ты уже будешь в Иркутске... Я все считаю долгие дни... Паузки ползут медленно, медленно... Надька! Когда же я увижу тебя, моя чуждая!

Люблю, люблю, люблю...

Твой Георгий.

21 мая 1902 г. На Лене.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 21 — 22. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 21 пометка, внесенная карандашом: [21 май 1902].

[25] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

На Лене, 22 мая 1902 г. (ст. ст.)

Вчера спустил я лодку с паузка и поплыл по Лене и, когда паузок скрылся из вида, мне казалось, что я не арестант, что я свободен, а дикие, пустынные горы на берегу своим видом не противоречили моим обманчивым мыслям. Я причалил к берегу, привязал к корявому пню мою плоскодонку, наполненную водой, и пополз вверх по уступам гор, царапая руки об острые камни.

А когда я забрался на вершину, я увидел, что солнце смешалось с водой, и было все вокруг ярко и непонятно. Потом побежали легкие, прозрачные, скромные облачка, и можно было разглядеть реку, цепь гор далеко на горизонте и внизу, на воде, наш паузок; был он маленький, и люди казались карликами. Я побежал вниз, хватаясь руками за кустарник, спотыкаясь на камни... Поднялся ветер, побежали грядой волны. Я сел в лодку и погнался за паузком. Версты через две Лена вся белая кипела в пене: это обвал загородил дорогу. Вода, разгневавшись на препятствия, ударялась грудью об острые скалы и стонала, и шипела. Лодка моя проскользнула среди камней и помчалась по течению. Кругом было тихо, тихо... И мысль о том, что среди этого простора я не один, что со мной – мечта о тебе, заставило мое сердце сжаться о счастливой грусти. И когда я теперь наслаждаюсь рекой, небом, солнцем, все это приобретает для меня особенный, таинственный смысл, потому что во все я вкладываю частицу моей любви к тебе и верю в мою творческую силу. Ведь мое творчество и моя любовь не могут существовать одно без другого. Надька! Где же ты? Мне хочется слышать твой голос; мне хочется целовать тебя без конца, без конца...

Твой безумный друг Георгий.

22 марта 1902 г. Лена.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 23 — 24. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 23 пометка, внесенная карандашом: [22 май 1902]. В конце письма дата исправлена карандашом: не 22 марта, а 22 мая.

1903 г.

[26] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Нижний Новгород, 19 февраля 1903 г. (ст. ст.)

/ 19 февраля 1903 /

Дорогая Надя!

Не успел я еще доехать до Нижнего, а уже соскучился... Я хочу, мучительно хочу тебя видеть, моя чюдная. Когда ты приедешь? Я подыскал квартиру, но побоялся ее взять без тебя. Две комнаты со столом для двоих, конечно, – сорок рублей в месяц. Сейчас проживаюсь <так! – К. Р.> в номерах. Поскорей приезжай.

Целуй папу, Ньюру, Любу, передай привет дяде и Федору Егоровичу. Повторяю свой адрес, который я уже сообщал отцу: Гостиница «Россия». Твой Георгий.

P.S. Пальто и шляпу приобрел.
Мысли о твоём здоровье не дают мне покой.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 28-28об. Закрытое письмо. На обороте адрес: Москва. Остоженка. Савеловский пер.<еуок>, д.<ом> Горбунова, кв.<артира> Чулкова. Е<е>В<ысоко>Б<лагородию>. Надежде Григорьевне *Степановой*. Почтовый штемпель: «Нижний Новгород, 18/III-1903» и «Москва, 19/III-1903».

[27] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 25 февраля 1903 г. (ст. ст.)

Москва, 25 февр.<аля> 1903 г.

Дорогой мой, милый Зорька! Прежде всего крепко целую тебя и спешу сообщить о моем благополучном возвращении в Москву. С вокзала я заехала на курсы справиться о своих больных и проч.<ее>... Все хорошо устроилось, благодаря любезности товаров. Больные мои уже выписались. Марина встретила меня вопросом: ну, что совсем приехали или опять уезжаете? Я ее пока успокоила. Там-же достала лекции и поехала домой. Иван Иванович очень рад, что ты здоров и что я приехала кончать курсы. Нюра – в гимназии. Поехала к Андрееву и встретила его на дороге. Он обещал мне прислать рукописи ко мне на дом и сказал, что «Тайгу» он уже послал с письмом тебе. Об «открытых письмах» я спрашивала – послал ли он их тебе. Он сказал, что не посылал, но пришлет их теперь мне вместе с остальными рукописями. Из этого я поняла, что для «Курьера» они не подошли. Потом я заехала к его жене, чтобы взять билет на «Столпы общества»; она мне дала, но только страшно дорогой, в два рубля. Мне было уж неловко отказаться, но я все-таки не пойду – жалко денег.

О «Тайге» со мной Андреев ничего не говорил. А о своей болезни упоминал. Он теперь лечится. Ребенок у них несчастный какой-то.

Я помещусь в комнате Груши и начну лечиться.

Иван Иванович просил меня передать тебе, что он не может теперь писать тебе писем, т.к. у него кроме всех его болезней появилась еще лихорадка (нервная). Нюру еще не видела. Вл.<адимира> Алекс.<андровича> вероятно увижу, если он в Москве.

Ну прощай, не грусти и люби любящую тебя твою Надьку.

Завтра отошлю тебе книги и кое-что из аптеки.

Не подумай, что с билетом в театр выйдет недоразумение: билет этот именно, но по нему можно купить означенное место до 2-х часов до спектакля.

Целую тебя милый! Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 18-19. Связь с конвертом не установлена.

[28] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Нижний Новгород, 26 февраля 1903 г. (ст. ст.)

/ 26 февраля 1903 /
Нижний Новгород

Моя чудная Надька!

Получил сегодня от тебя письмо и уже с нетерпением жду второго. Ты мне дорога, как жизнь. А сама жизнь дорога мне только потому, что ты в ней. Люблю тебя безумно и безумно тоскую. Жду рукописи – особенно «*Уединение*». Хочу продолжать его.

Напрасно не пошла посмотреть «Столпы общества», хотя, если пойдешь вместе с Нюркой, это, пожалуй, будет лучше. Ни письма, ни рукописей от Андреева я не получал. Целуй Нюрку, папу и всем передай привет.

Твой Георгий.

Поцелуй всех *твоих* курсисток: они славные.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 30. Связь с конвертом не установлена.

■■■■■

[29] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 26 февраля 1903 г. (ст. ст.)

Москва среда 1903 г.

/ 27 [26]февраля /

Дорогой Зорька! Сейчас получила от Андреева твои рукописи. Что за ерунда вышла опять? Ведь он же мне сказал, что отослал тебе «Тайгу», а между тем сегодня ее я получила и высылаю тебе. Что же он тебе-то послал? Сегодня была у Вл.<адимира> Александровича и передала о тебе все, что было нужно. Он тебе сам все напишет. Завтра, он сказал, Нюра поедет к Сергею за ответом. Вчера вечером была у нас Люба, рассказывала о Бальмонте, о новом кабинете Федора Егоровича, о даче, которую уже сняли опять в Кузьминках, и вдруг Федор Егор.<ович> присылает Лену с запиской лаконического характера: «у нас Бальмонт». Люба страшно струсилла, что Ф.<едор> Ег.<орович> его примет не достаточно учтиво и скорей поехала домой. Сегодня я была в воспитательном на лекции. Паупертов читал как раз о моей болезни с самого начала до ужасного конца. Я узнала теперь, что мне грозит в скором времени, хотя может быть, что у меня она протечет и не по писанному.

Восьмого опять иду дежурить.

Приобрела себе все ля лечения. Завтра иду к Блюменталю за анализом. Сейчас Нюры нет, она уехала с Марьей Алекс.<?> е дна спектакль. Она делается со мной с каждым днем откровеннее. Вчера мы с ней читали «В тумане» и долго беседовали потом. «В тумане» это удивительная вещь! По-моему, это самая лучшая из его вещей. В театре не была. Пойду, когда достану дешевые билеты на курсах.

Сегодня Люба приехала днем и умоляла меня поехать с ней к Вере. У Веры страшная неприятность семейная: ее выгнал и оскорбил отец и перестал давать ей деньги на содержание. У нее был Зайцев. Он тебя знает – встречал у Андреева. У Веры я посидела минут 20, т.к. спешила к Александрову попасть до обеда. Сегодня отцу что-то плохо; Люба вечером, часов в 10 привезет Ф.<едора> Ег.<оровича>. Ив.<ан> Ив.<анович> зовет <нрзбр.> меня теперь Надей. Ну вот тебе все новости и сплетни <нрзбр.>. Что-то ты теперь там <нрзбр.>? Напиши мне побольше о себе, дорогой мой. Четверикову, говорят, выпустили. У Вл.<адимира> Ал.<ександровича> видела Щелокова. Он спрашивал меня, был-ли у тебя его брат.

Милый мой, хороший Зорька, я тебя люблю, и мне очень грустно, когда я вспомню о тебе одиноком в Нижнем. Дорогой мой, милый целую тебя крепко твоя Надька.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 20 — 21об. Дефект оригинала. По правому верхнему краю л. 20 пометка, внесенная рукой Чулкова (предполагается, при получении): [27 февр.<аля>]. Дата была еще раз исправлена, в этот раз карандашом: 26 февраля. На самом деле, в феврале 1903 г. 26 февраля – среда .

■■■■■

[30] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 27 февраля 1903 г. (ст. ст.)

Февраль 27, четверг, / 1903 г. /

Милый Зорька, что же ты не пишешь мне? Я начинаю беспокоиться и, если еще несколько дней пройдет и я не получу писем от тебя, то опять приеду к тебе, бросив курсы и леченье. Ради Бога не заставляй

меня думать Бог знает что, пиши почаще и побольше. Сегодня был у нас Андрей С.<околов>, сидел со мной часа два. Все о тебе расспрашивал и пенял, что не дали ему знать о твоём приезде. Он просил тебя передать его совет – перевестись из Нижнего к нему жить. С каким интересом он рассматривал мою коллекцию! (я теперь привожу ее в порядок). «Тайгу» я сегодня послала тебе. Скоро пошлю и все рукописи, котор.<ые> мне прислал Андреев. Вчера были Рыбаковы. Ф.<едор> Е.<горович> очень предлагал ехать в худож.<ественный> круж.<ок> – я не поехала. Нюра была в Охотничьем, а я просидела целый вечер с Ив.<аном> Ив.<ановичем> и все рассказывала ему о нашей поездке. Ф.<едор> Е.<горович> выписал ему мышьяк с гофманскими каплями. Сейчас посылаю за газетой, чтобы прочесть манифест. Зорька пиши, дорогой. Люблю! Люби! Люблю! Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 22-22об. Закрытое письмо. На обороте адрес: Нижний Новгород. Полевая ул.<ица>, угол Новобазарной площ.<ади>, д.<ом> № 21А, кв.<артира> Г-жи Соколевской. Е<е>В<ысоко>Б<лагодорию> Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 28/II-1903»

[31] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Нижний Новгород, <1 марта> 1903 г. (ст. ст.)

/ Март 1903 /

Моя дорогая Надька!

«Тайгу» получил. Спасибо. Как твоё здоровье? В учебниках каждая болезнь оканчивается каким-нибудь ужасом, но, слава Богу, в жизни это бывает не так часто, – и потому унывать не следует.

Я кое с кем познакомился здесь. Мою статью в «Ниж.<егородском> л.<истке>» приняли и, если цензура ее пропустит, она пойдет на этих днях. Был еще раз у Горького. Здоровье его плохо, и скоро, может быть, он поедет в Крым. Я запоем читаю и немного пишу, а когда оторвусь от книги или пера, с мукой думаю о тебе. Поцелуй папу, Нюрку. Безумно любящий тебя Георгий.

Ты не без умысла, кажется, положила карточку свою на одну из страниц «Тайги».

Правда это? Целую, целую тебя... И верю в тебя... И тебе верю...

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 33-34. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 33 пометка, внесенная карандашом: [март 1903].

[32] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Нижний Новгород, <до 2 марта> 1903 г. (ст. ст.)

Умоляю, пиши каждый день: успел соскучиться!

/ Февраль 1903 /

Дорогая Надя!

Убедительно прошу тебя исполнить следующее: найти «Д.<етский> о.<тдых>» за декабрь 1899 года (№12) и вырезать из этого номера <так!> мою статью «В далеких краях – Африка», а второй очерк «В далеких краях» (тоже «Африка» – продолжение) я тебе посылаю сейчас. Если ты у меня дома не найдешь двенадцатого номера <так!> «Детского отдыха» за 1899 год, будь так добра, возьми этот номер <так!> из библиотеки (по книжке дяди или запишись по суточному абонементу). Имея в руках первый и второй очерки «Африки» (не «Америки»!), отправься по следующему адресу: Большая Дмитровка, д.<ом> Бахрушина, кв.<артира> или контора господина Ефимова (кажется, во дворе дома). Предложи этому книгоиздателю Ефимову издать эти два очерка «В далеких краях» в одной книжечке. Скажи, что мне, автору, Георгию Ив.<ановичу> Чулкову, посоветовал обратиться к нему Алексей Иванович Лебедев, который, будучи недавно в Москве, говорил ему, Ефимову, обо мне. Если книгоиздатель Ефимов может прочесть очерки в день-два и определить, подходят они ему или нет,

оставь эти очерки у него; если же книгоиздатель Ефимов будет ломаться, плюнь на него... Важно узнать не то, как скоро он думает их печатать, а то, желает ли он напечатать.

Если он желает, пусть скажет тебе об условиях; ты мне сообщишь их, и тогда я отвечу ему. Узнай только, как его зовут по имени и отчеству.

P.S. А Алексей Иванович Лебедев намерен издать отдельной книжечкой две мои сказки «Соловей» и «Принцесса Моргана».

Искренно любящий тебя Георгий Чулков.

Поцелуй отца и Ньюрку.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 27-27об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 27 пометка, внесенная карандашом: [март 1903].

[33] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Нижний Новгород, <до 2 марта> 1903 г. (ст. ст.)

/ Февраль 1903 /

Дорогая, милая Надя!

Горький уезжает в Ялту. Я не успел дать ему прочесть «Тайгу». Тоска...

Пожалуйста, будь так добра, аккуратно пересмотри за все годы «Детский отдых», и все мои статьи осторожно вырви и пришли *бандеролью*. Я уже послал тебе три письма, а это четвертое. Неужели ты их не получила? Я посылал их на курсы.

Милая, чуждая, целую тебя тысячу раз. Твой Георгий.

P.S. Что ответил генерал-губернатор?

Поцелуй Ньюрку, папу и всем передай привет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 29. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю листка пометка, внесенная карандашом: [март 1903].

[34] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Нижний Новгород, 2 марта 1903 г. (ст. ст.)

2 марта 1903 г.

Моя Надька, моя голубка!

Если ты сильно устаешь и если ты находишь возможным лечиться в Нижнем, приезжай ко мне. Я, хотя и страшно тоскую, не слыша твоего голоса, не чувствуя тебя рядом со мной, все-таки готов перенести эту пытку, если только тебе хочется непременно получить диплом через два месяца. Если же ты равнодушна к диплому и утомляешься работой, немедленно приезжай.

Не помню, писал ли я тебе, что от Андреева я получил письмо. Пожалуйста, поскорее пришли мне вырванные из «Детского отдыха» все мои статьи: «В далеких краях», «Пушкин на Юге», «Пирогов» и все проч. Мне это необходимо иметь.

«Уединение» мне нужно иметь под руками как можно скорее!

Что касается моего творчества, то я думаю исполнить ранее задуманный план. Хочу моего героя из «Уединения» швырнуть в город, в битву среди камней и криков, а потом опять увести его в глушь, в «Тайгу». Пусть он там принесет в жертву милую Ольгу, целуя ее мертвые ноженьки, почувствует Бога и ужаснется.

Нежно любящий тебя

Георгий

P.S. Целую Ньюрку и отца.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 31-32. Связь с конвертом не установлена.

[35]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Нижний Новгород, 4 март 1903 г. (ст. ст.)

Моя Надька, милая, милая!

Прежде всего, умоляю тебя: отнесись серьезно к тому, что я пишу сейчас. Здесь не будет ни малейшей доли лжи. Я, кажется, схожу с ума. Сегодня я очень много работал, т.е. писал немного, а думал очень, очень много. Я получил «Уединение», начал было его продолжать, и мысли, образы затолпились в моем мозгу... Дело в том, что я переживаю сейчас страшный духовный перелом: что выйдет из этого, я еще не знаю. Мне страшно писать то, что я пишу, потому что я вспоминаю дядю Григория Ивановича. Он тоже накануне безумия говорил о духовном переломе. Я лежал на постели, и вдруг у меня случился страшный припадок сердцебиения. Я хотел встать; у меня кружилась голова, и было темно в глазах. Я, кажется, очень хорошо понимаю, что начинается со мной. Я ничего не успею написать! Помнишь ли ты свое обещание? Помнишь ли ты, что ты должна сделать, если я сойду с ума. Впрочем, сейчас *пока не приезжай*: если я буду чувствовать себя по-прежнему плохо, напишу тебе об этом или обо мне напишут. Себя убивать *не* смей! Умоляю!

Поцелуй отца, Нюрку, передай спасибо и привет дяде, и всем поклон.

Я люблю тебя и безумно счастлив, что успел испытать настоящую любовь.

P.S. Это было написано вчера. Сегодня утром, вот сейчас, чувствую себя лучше. Только голова болит немного.

Целую руки твои, моя голубка. Что сказал Паупертов, когда ты была у него второй раз? Лечишься ли ты аккуратно?

Твой Георгий.

4 марта 1903 г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 35 — 36об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 35 пометка, внесенная карандашом: [4/III <1>903].

[36]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 4 марта 1903 г. (ст. ст.)

4 марта 1903.

Милый Зорька! Здравствуй, дорогой мой! В Москве весна, солнце, ручьи... Как в Нижнем? Весело ли у тебя на душе? Отчего ты не пишешь отцу и Нюре? Мне ужасно неловко говорить им, что я получила письмо, когда ты им не присылаешь писем. Отец все лежит – 4-й день. Я вчера была у Любы с Нюрой и осталась там ночевать. Расстановили ее новую мебель, говорили и часов до трех ночи не спали. Я с Любой играла на мандолине. Сегодня в Охотничьем клубе «вечер новой поэзии», будет читать Волошин, Брюсов, Балтрушайтис и проч. Бальмонт прислал Любе приглашение к нему и потом на вечер. Сергея Ч.<етверикова> выпустили вчера. Я его еще не видела. Я с Мариной буду сегодня в Художеств.<енном> театре на «На дне». 6-го иду в воспит.<ательный> дежурить и дней на десять. Выдержала экзамен по оспопрививанию. Сегодня читала рассказ Зайцева «Соседи». Мне очень нравится. Напиши мне, нужно ли прислать книги? Может быть, тебе скоро позволят жить в Москве. Мы все ждем ответа. Написал бы ты тетушке, чтоб похлопотала. Пиши! Твоя Надька. Люблю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 23-23об. Закрытое письмо. На обороте адрес: Нижний Новгород. Полевая ул.<ица>, д.<ом> № 21, кв.<артира> Г-жи Соколовской. Е<е>В<ысоко>Б<лагодорию> Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 4/III-1903».

[37]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Нижний Новгород, <после 4 марта> 1903 г. (ст. ст.)

/ Февраль 1903 /

Дорогая Надя!

Получила ли ты номер <так!> «Ниж.<егородского> листка», в котором напечатана моя статья «Мещане и академия»? На всякий случай посылаю еще один номер <так!> на курсы. Удивительно, как ее пропустил цензор, хотя и с урезками. Передал ли тебе Андреев деньги? Я хочу ему написать, чтобы он прислал мне их; поэтому, пожалуйста, сегодня же сообщи, не отдавал ли он их тебе; а то, пожалуй, я с него второй раз их буду требовать. Что ответил Серг.<ей> Алекс.<андрович> на прошение отца?

Напиши подробнее, как ты себя чувствуешь, как твое здоровье. Жду с нетерпением присылки оттисков из «Дет.<ского> отд.<ыха>»: они мне нужны. Я хочу переделать эти статейки для народных книжек. Напиши, как зовут невесту дяди Володи. Как живет Нюрка? Как здоровье отца? Поцелуй их. Как понравилось тебе «На дне»? Кого из знакомых видела? У кого была?

Целую руки твои.

Безумно любящий тебя Георгий.

Я позабыл, как зовут Оленина. Пожалуйста, напиши мне. Нужно послать ему письмо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 25 — 26. Связь с конвертом не установлена.

[38]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 12 марта 1903 г. (ст. ст.)

12 марта 1903 г.

Милый Зорька!

Что это ты не пишешь мне? Как я стосковалась, если бы ты знал! Настроение убийственное. Удивляюсь, когда вспоминаю об Амге, как я могла быть там такой беззаботной и веселой. Теперь у меня все в мрачных красках.

Милый мой, дорогой, что-то ждет нас впереди! Настоящее мне не нравится. Вчера были у меня в палатах Люба и Нюра. Мы переодели их в халаты и провели по палатам, показывали им новорожденных. Нюре очень понравились двойни.

Домой я сегодня не ходила. Устала я и, кроме того, упреки Ив.<ана> Ив.<ановича> по твоему адресу отбивают охоту идти туда.

Тетья, говорят, прислала опять письмо с наставлениями тебе, непременно просить прощения у Царя. В просьбе Ив.<ана> Ив.<ановича> министерство отказало...

Нюра говорила, что напечатан твой «Талисман». Напиши мне, каким образом ты [ты]думаешь поступить в скором будущем. И потом пиши, ради Бога, побольше обо всем. Отчего у меня так ноет сердце?

Милый мой, родной, люблю тебя, люблю!

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 24-25. Связь с конвертом не установлена.

[39]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 15 марта 1903 г. (ст. ст.)

15 марта 1903 г.

Счастье мое! Дорогой мой Зорька! Люблю тебя больше всего на свете, хочу полететь к тебе несмотря на все препятствия. Милый мой, как я тоскую без тебя: куда бы ни пошла, всегда чувствую себя одинокой и не на своем месте. Только около тебя мне хорошо вполне. Милый мой, я приеду к тебе, как только выпишу свою больную, у которой эндометрит. Не знаю, сколько мне придется сидеть с ней. Второе дежурство нашей группы 3-го апреля и к этому времени я должна вернуться в Москву. Я привезу тебе книги твои, (*напиши, не нужно ли еще чего*).

Как мне неприятны расспросы Ив.<ана> Ив.<ановича> о моих взглядах на твои поступки: нежелание подать прошение Царю и т.п.! И свои лекции и буду заниматься серьезно. Ты должен будешь меня экзаменовывать по всему пройденному в Нижнем. Согласен?

Нюра, вероятно, не поедет. Кажется, против этого дядюшка. Кстати, говорят, его свадьба в апреле.

Слышал ли ты что-нибудь о декадентском вечере? Говорят там Брюсов прочел одно необыкновенно хорошее стихотворение.

Сережу Четверикова, говорят, вытурили из университета. Самого его я еще не видела. Говорят еще, что Корякин повесился в тюрьме.

К тебе собирается Клара Борисовна с Соколовым; хочет достать бесплатные билеты и приехать.

Ну, прощай, родной мой милый! <вычеркнутое слово> Спешу в палаты. Сейчас буду отвечать его превосходительству. Прощай! Целую, целую тебя. Твоя Надя.

Милый Зорька! Помнишь ли, я говорила тебе об одной нашей курсистке, жене рабочего? Она очень хочет попасть в Сибирь на службу. Ей хочется устроиться в Якутске с сыном и мужем. Не можешь ли ты написать Вангородскому (Виталию Антоновичу) об <так!> ней и спросить его, может он устроит ей место и на каких условиях? Она чудно знает акушерство, гинекологию и массаж простой и гинекологический. Ей 32 года, страшно желает заниматься при больнице и потом держать экзамен на фельдшерицу.

Зорька, какой это чудный человек. Недавно я говорила с ней и она поразила меня своим умом, умением ясно и определенно выражать свои мысли. И мыслит она так хорошо. Удивительно, что она нигде не училась. Читает она очень много. Главным образом заботится о воспитании сына и мне очень нравятся ее взгляды на воспитание. Наверно, муж у ней такой же интеллигентный, как и она сама. О муже ее, мне кажется, ты мог бы написать Попову в Якутск. Он наборщик, но по слабости здоровья хотел бы найти другое занятие. Грамотен довольно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 26 — 27об. Связь с конвертом не установлена.

[40] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 19 марта 1903 г. (ст. ст.)

19 марта 1903 г.

Дорогой Зорька!

Спасибо за письма: я их получила сразу. Ехать к тебе я решила после дежурства, т.е. дней через пять. Сегодня объявили, что репетиции начнутся вскоре после Пасхи: к Страстной же я успею набрать еще несколько приемок. Ты напиши мне, что нужно привезти тебе из твоих вещей.

Сегодня видела Мейерхольда. Он приехал сюда набирать труппу. Жена его и дочка теперь в Крыму. Спрашивал о тебе, обещался зайти к нам и Нюре. Я теперь усердно занимаюсь изучением разных болезней.

Больная моя с эндометритом выписалась еще 17-го утром.

У меня сейчас сидит Марина, ночует у меня. Она тебе кланяется.

Я тебя, моего дорогого, целую тысячу раз.

Твоя Надька.

P.S. Отцу напиши письмо хоть и такое, но напиши его сам, а мне неловко передавать его.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 28-28об. Связь с конвертом не установлена.

[41] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 4 апреля 1903 г. (ст. ст.)

4 апреля 1903 г.

Милый Зорька! Сейчас от Нюрки. Она хочет ехать к тебе на второй день Пасхи. Выедет с почтовым, а утром во вторник ты ее встретишь на вокзале. Она мне говорила что-то о неприятности с отцом, но я ее не расспрашивала об этом подробно. Я – в воспитательном.

Сегодня по дороге вспомнила весну, Пречистенский бульвар, Арбат и проч. Вспомнила наши прогулки вдвоем. Люблю тебя милый, родной больше прежнего. Счастлива, как никогда еще не была. Твоя любящая тебя безумно

Надька.

P.S. Сегодня оскандалилась перед директором.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 28а-28а об. Закрытое письмо. На обороте адрес: Нижний Новгород. Полевая ул.<ица>, д.<ом> № 21 А, кв.<артира> Г-жи Соколовской. Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 5/IV-1903».

[42] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 6 апреля 1903 г. (ст. ст.)

6 апреля 1903 г.

Милый мой Зорька! Пишу тебе из палаты. Я опять была дежурной и сейчас только улучила минуту написать тебе. Сейчас мне передали твое письмо с «Африкой». Постараюсь все сделать – завтра, сегодня, я думаю, все равно никого дома не найдешь. Ради Бога прости меня, милый, что не написала тебе третьего дня – невозможно было ни на минуту отойти от больных. Сегодня иду после вечерней уборки, т.е. часа в 4, к твоим. Ив.<ан> Ив.<анович> звал меня обедать. Вл.<адимира> Александр.<овича> не видела и говорить с ним раздумала. Не буду говорить и с Ив.<аном> Ивановичем. Нюра к тебе поедет завтра, пришлю тебе с ней наши фотографии и рукописи твои.

Не скучай, время пройдет как-нибудь, и мы снова будем вместе. Мне почему-то теперь особенно неуютно в Москве. Тоска страшная. Хорошо еще, что работа у меня такая, что ни посидеть, ни полежать не приходится – все бегаешь целый день, как угорелая, и ноги болят отчаянно.

Тетушке твоей еще не писала.

Прощай дорогой! Целую тебя!

Твоя Надька!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 29-29об. Связь с конвертом не установлена.

[43] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 8 апреля 1903 г. (ст. ст.)

8 апреля

Была сейчас у Ефимова. Он принял меня довольно любезно и обещал прислать мне ответ на квартиру, хотя счел нужным прибавить, что он «только что купил такой же рассказ». Зовут его Дмитрий Памфилович. Я сегодня страшно нездорова и поэтому нашла за себя на день барышню, а сама пришла к Нюре спать.

Моя больная пролежит до девяти дней. Все готовятся к экзамену, а я еще и не думала начинать – страшно утомлена. Прощай Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 30-30об. Закрытое письмо. На обороте адрес: Нижний Новгород. Полевая ул.<ица>, д.<ом> № 21 А. Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 8/IV-1903».

[44] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Нижний Новгород, 10 апреля 1903 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя!

Я получил твое письмо 8-го *вечером*, и потому, конечно, не мог встретить Нюру на вокзале. Но она и *не приехала* в тот день. И на другой день она не приехала, и я зря переправлялся на ту сторону и торчал на вокзале. Что это значит? Объясни поскорее: я беспокоюсь.

Потом вот еще что: если ты очень занята и тебе некогда мне писать, так лучше совсем не пиши, чем отделяваться какими-то неопределенными фразами – например следующей: «Нюра мне что-то говорила о неприятности с отцом, но я ее не расспрашивала об этом подробно». Если была неважная неприятность, ты могла бы и не мучить меня лишней раз сообщением о ней, а, если была большая неприятность, то, я думаю, ты могла бы узнать и более подробно о ней.

Точно также мне кажется странным, что ты не пожелала написать мне толком, почему собственно неуютно тебе поговорить с дядей относительно переезда отца в Нижний. Любящий тебя Георгий.

10 марта 1903 г.
Нижний Новгород

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 37-38. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 37 пометка, внесенная карандашом: [10-е март (апрель) 1903].

[45] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 10 апреля 1903 г. (ст. ст.)

10 апреля 1903

Милый мой дорогой Зорька! Сегодня послали тебе (я и Нюра) телеграмму. Я теперь буду ужасно волноваться, пока не получу ответа.

Что эта за выдумки? Почему ты не можешь прислать хоть открытку? Сегодня вечером, часов в 7, я пришла домой. Заниматься после моей палатной работы совсем не могла и пошла к Флеровой, поговорить о тебе. Она очень милая, радушная, говорила я им о Сибири, и она обещала зайти ко мне. Он готовится к экзамену. Мне было ужасно жалко, что я не могла показать им мои фотографии.

Ив.<ан> Ив.<анович> все охает. Нюра сегодня у Любы на четверге.

Зорька, милый, как мне уже надоело здесь торчать, ты себе представить не можешь! Скорей бы, скорей кончить и лететь отсюда стремглав...

Родной мой, люблю тебя теперь нежно, нежно, как друга, как брата, как мужа, как самого близкого мне человека! Как хорошо мне становится, когда я подумаю о твоей любви, о нашей любви. Ничто не страшно. Мы будем вдвоем, сильны и смелы.

Господи, как мне страшно сейчас стало! Что если ты в эти пять дней, что не писал, думаешь не то, что говорил мне при прощании?

Зорька! Люби меня!

Видишь ли ты Ахрамовича?

Передай от меня Мельницкой, что поручения ее не могла исполнить потому, что была все время или очень занята, или больна. Кроме того, без денег и со скидкой книг не высылают, а денег у меня нет.

Целую тебя! Люблю тебя! Твоя Надька!

Зоря, радость моя напиши и пиши, пиши, пиши...

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 31-32. Связь с конвертом не установлена.

[46] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 13 апреля 1903 г. (ст. ст.)

13 апреля 1903 г.

Дорогой Георгий!

Я получила твое письмо от 10-го апреля с упреками, выговорами и т.п.

Нюра тебе сама писала о причинах, помешавших ей ехать к тебе. Я тебе тоже писала о словах Вл.<адимира> Ал.<ександровича> относительно поездки Нюры в Нижний: он говорит, что боится ее отпустить одну. О неприятности между Нюрой и отцом ничего не узнавала.

С Вл.<адимиром> Ал.<ександровичем> мне не хочется говорить. Вообще мне не хочется играть роль неподходящую мне в семейных делах. Я не чувствую себя достаточно сильной для этого и не убеждена в целесообразности тех планов, о которых была речь в Нижнем.

К тому же теперь, более чем когда-либо, я чувствую себя одинокой среди твоих родных. Не знаю, может быть виновато в этом мое утомление работой или я злюсь на свое бессилие сделать кое-что хорошее. Может быть и еще что-нибудь (я не могу теперь решить), но только я злюсь и злюсь ужасно, до неприличия, и мне скучно у них. Я почти все время в Воспитательном доме и у Васильевой, с которой теперь вместе занимаемся. Мне не хочется ходить домой, потому что там невозможно заниматься и потому, что боюсь неискренности в наших отношениях с Нюрой.

Ты, пожалуйста не думай, что что-нибудь случилось. Нет ни одного факта, подтверждающего мои опасения, но я чувствую какую-то фальшь. Это вероятно от утомления. Мне страшно, до безумия хочется скорее быть с тобой! Я люблю тебя!

Твоя Надя.

«Грех» мне ужасно нравится! Замечательное стихотворение!

Жду твоих писем. Если любишь, поймешь, поверишь, что я устала и перестанешь говорить со мной таким тоном.

Прощай!

Хочется спать. Я в палате с Васильевой. У меня теперь 19 приемок.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 33 — 34об. Дефект оригинала. Связь с конвертом не установлена.

[47] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 25 апреля 1903 г. (ст. ст.)

25 апреля 1903 г.

Дорогой Зорька!

У нас наступила горячка с подготовками к экзамену и вместе с тем чувствуется, что скоро всему конец. Еще несколько репетиции, одно дежурство, а там уже и экзамен и свобода.

Каково-то тебе живется? Мне страшно хочется поскорее поехать к тебе и заняться чем-нибудь посерьезнее: чтением, языками или, если решу, готовиться по программе, а главное найти заработок получше. Был ли у тебя дядюшка? Что он теперь поет?

Как поживает Ахрамович и его жена? Взяла ли она место акушерки?

Сегодня я видела Андрея Владимировича. Показывала ему стихи твои. Некоторые из них очень понравились ему.

Он сегодня идет на собрание декадентов к Кларе и у нас будет читать свое новое произведение. Я слышала эту вещь. Она какая-то аллегорическая, местами очень остроумная, а общей идеи я не уловила.

Он хочет скоро написать тебе. Просил передать тебе, что он очень бы хотел получить от тебя письмо.

Вышли какие то новые декадентские сборники Грифа и Андрея Белого. Бальмонт тоже выпустил сборник: «Только любви!» или «Только любовь!», что-то в этом роде.

У Любы теперь бывает Балтрушайтис и Каспрович, последний читал лекцию о новом искусстве (забыла, как называется). Он едет зачем-то в Нижний и хочет (по словам Любы) зайти к тебе. Соколов говорит, что он собирается ругать декадентов.

Ну как теперь в Нижнем? Хорошо наверно!

Ты, пожалуйста устрой так, чтобы, как я приеду, можно было переменить комнату, т.е. не плати за месяц вперед. Хорошо было бы устроиться поближе к реке. Только бы кончить: как мне надоело ждать экзамен!

Прохожу по набережной, вспоминаю наши прогулки в Нескучный; а потом всю тревогу тех хороших весенних дней... Как хороши, как свежи были розы! Зорька, я старуха теперь. Ты скоро разлюбишь меня. Я умру. Твоя Надька.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 35 — 36об. Связь с конвертом не установлена.

[48] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 1 мая 1903 г. (ст. ст.)

/ 1 мая / 1903 г.

Дорогой мой, мой любимый Зорька! Сегодня 1-е мая, и, несмотря на ненастье, я ощущаю весну всем своим существом.

Какая прелесть – жизнь! И, как я люблю тебя, мое счастье! В последнем письме тебе я писала что-то скучное, но такое, отчего нельзя избавиться. Милый мой, дорогой не сердись. Я люблю тебя горячо, и ты поймешь меня, потому что любишь меня. После письма меня ни на минуту не покидает мысль о твоей тоске там, в Нижнем.

Я стосковалась не меньше, чем ты о «нашем» доме, нашем «шалашике». Я страстно хочу обнять тебя, отдохнуть у тебя, послушать то, что ты мне будешь шептать на ухо... Я люблю тебя!

Твоя, твоя Надька.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 37-37об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 37 пометка, внесенная карандашом: [1 мая].

[49] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 16 мая 1903 г. (ст. ст.)

16 мая 1903 г.

Дорогой Георгий!

Сегодня я совсем перебралась домой, со всеми своими вещами и корзиной из Воспитательного. Дежурства кончены, все практические занятия – тоже. Теперь остается только выдержать экзамен. С Васильевой мы уже все повторили; теперь я одна дома, буду еще немножко повторять. Сегодня Ив.<ан> Ив.<анович> спрашивал меня, поеду или не поеду я к тебе после первого экзамена – я сказала, что не знаю.

Милый Зорька, у меня сегодня случилось ужасное несчастье: как и собиралась, я предложила Паупертову из приличия 20 рублей за лечение, а он их взял.

Я убита. У меня осталось 10 рублей и мелочь и золотая цепочка, за которую могу взять всегда не меньше 15 р. Ради Бога скажи, нужно ли тебе выслать деньги, ведь я взяла их у тебя на сохранение, а если я не пришлю их тебе теперь, то тебе нечем будет платить за квартиру. Напиши мне поскорее, можно ли теперь еще успеть познакомиться с массажисткой, чтобы достать заработок или нет.

Ив.<ан> Ив.<анович> для того меня спрашивал о поездке, чтобы послать со мной тебе денег, если же я не поеду, то он вышлет тебе их по почте.

Нюра просит меня подождать ее до 24, когда у ней кончиться последний экзамен, она хочет поехать со мной в Нижний и приехать со мной же обратно 1-му июня. Напиши мне ради всего святого, как ты смотришь на все это и что нужно сделать. Не сердись только. Я хочу ужасно быть с тобой, но мое несчастье не дает мне покой и кажется мне, что я не имею возможности теперь тратить последние деньги.

Я жду ответа сюда, т.е. по адресу Чулкова.

Люблю тебя родной мой и целую! Твоя Надя.

P.S. Получила твои две открыточки и стихи.

Сегодня слушала экзамен первокурсниц и вынесла ужасно тяжелое впечатление. Представь, одна первокурсница (лучшая ученица) не сказала какую-то там связку, и директор ее провалил, так она бедная лежит в обмороке целый час, и никто не может привести ее в чувство. Весь первый курс возмущен и хочет отказаться держать экзамены.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 38 — 39об. Связь с конвертом не установлена.

[50] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 19 сентября 1903 г. (ст. ст.)

1903. / 19 сент.<ября> /

Дорогой Георгий!

Теперь перед тобой и Нюрой стоит вопрос, как лучше устроиться Нюре. К дяде она, как тебе известно, не собирается идти жить, да и дядюшка, мне так кажется, не очень-то желает этого, по

крайней мере, он предлагал мне посоветовать ему, что делать, следовательно он допускает и другие планы.

У Любы она жить не может, этого *не хочет* Ф.<едор> Е.<горович>. У Любы создался план жить с Нюрой, покинув Ф.<едора> Е.<горовича>. Я ее отговариваю *теперь* расходиться с Ф.<едором> Е.<горовичем>, советую обдумать получше этот шаг. Нюру я соблазняю поездкой на юг, ей ведь нужно, прежде всего позаботиться о своем здоровье. Нюра говорит, что папа оставил ей и тебе по полторы тысячи рублей – таким образом материальное затруднение устраняется.

Дядюшка с таким ожесточением принялся было решать *теперь же* этот вопрос, что я решилась сказать ему, чтобы он отложил говорить с Нюрой хоть на неделю, пока Нюра придет в себя; это время, я говорю, я проживу с ней на этой же квартире, а пока каждый из нас придумает что-нибудь. Он согласился со мной. Люба тоже.

Теперь ты напиши свое мнение и то, что ты узнал в гимназии.

Нюра хочет хоть на время приехать к тебе переговорить, но, конечно, это отразится на ее занятиях, т.к. она уже полмесяца не ходит в гимназию.

Нюра с дядей говорит очень сдержанно, но видно, что отношения у них натянутые. Пожалуйста, не пиши ничего резкого дяде, нужно по возможности сохранить хорошие отношения. Он будет выхлопывать Нюре усиленную пенсию (ей полагается только рублей 30 в мес.<яц>).

Завтра напишу тебе еще. Похороны завтра в 9 час.

Целую тебя, твоя

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 40 — 40аоб. Связь с конвертом не установлена.

[51] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <21 сентября > 1903 г. (ст. ст.)

1903 г. Сентябрь

Дорогой Георгий! Получила я от Второвой телеграмму и письмо о переводе Нюры и сегодня с понедельника начинаем действовать. Были вчера у Вл.<адимира> Алекс.<андровна> на блинах. Думала я, что он предложит нам помочь во всех хлопотах, но оказалось – совсем наоборот. Какая скотина! Твердит свое «поставил крест и умыл руки».

Сейчас 7 час.<ов> утра. Мы идем в гимназию узнавать каким образом отправить бумаги из одной гимназии в другую и вообще все, что нужно. После этого помощник Вл.<адимира> Ал.<ександровича>, которого нам пришлет Марья Николаевна, напишет нам прошение в Нижегород.<одскую> гимназию. Он же должен нам сказать, как нужно хлопотать с пенсией.

Сегодня должен приехать Ростовский. Мы узнаем, когда он принимает, и Нюра пойдет к нему просить у него увеличения пенсии. Сегодня же идем к священникам доставать метрич.<еской> выписки о смерти отца и матери. О результатах всего сообщим сегодня же вечером. Жду от тебя письма. Напиши, пожалуйста, что делать с книгами, я все забыла.

Рыбакову долг отдала.

Твоя Надя

Нюрка страшно [рада], что, наконец, выяснились отношения с дядей и что она едет к тебе.

Данное письмо отсутствует среди автографов РГАЛИ. Печатается по оригиналу в ИМЛИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 8. На данный момент, не имеются других сведений относительно этого письма.

[52]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 23 сентября 1903 г. (ст. ст.)

/ 23 сент.<ября> 1903 г. /

Дорогой Георгий!

Это ужасно, что такие затруднения являются с разных сторон для перехода Нюры в Нижегородскую гимназию! Я попробую съездить к инспектору 3-й гимназии и попросить его устроить так, чтобы Нюра могла, живя в Нижнем, готовить те же уроки, которые задают у них в гимназии, а потом приехала бы держать у них выпускной экзамен вместе с своими подругами. Некоторые говорят, что это возможно, другие - что нет.

Когда я была у Вл.<адимира> А.<лександровича>, он сказал мне, что в октябре, когда Нюре исполнится 17 лет, она может уже обойтись без опекуна, а только должна выбрать попечителя, причем деньгами уже тогда может сама распоряжаться.

Вчера у нас была опись имущества. Пришел судебный пристав и потребовал сказать ему, что осталось после Ив.<ана> Ив.<ановича>. Нюра ходила к Вл.<адимиру> А.<лександровичу> спросить совета и все, что он сказал, мы исполнили. Описали вещи и взяли книжку из Купеч.<еского> Банка и чековую книжку. За опись с нас взыскали 9 р.<ублей>. С обстановкой, вероятно, придется много возиться.

Шкаф я оставляю у Любы, стол твой тоже не думаю продавать, потому что дадут за него гроши – мне жалко.

Книги Ив.<ана> Ивановича в магазине Карбасникова не взяли. Я оставила их у Любы. Я не думаю брать даже беллетристики пока, а оставлю все это у Любы.

Хоть бы поскорей все устроилось с Нюрой. Тут так отвратительно жить. Деньги идут с быстротой молнии. Пиши побольше.

Твоя Надя.

23 сентября

1903.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 42-43. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 42 две пометки, одна внесенная карандашом: [23 сент.<ября>], вторая, предлагается, рукой Чулкова: [1903 г.].

[53]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва <24 Сентября> 1903 г. (ст. ст.)

/ 1903 г. /

Дорогой Георгий! Я еду сегодня, как уже говорила тебе, к инспектору просить его позволить Нюре держать выпускной экзамен в III-й гимназии. Если откажет – возьму бумаги. Не знаю, как я одна справлюсь с отправкой и упаковкой вещей. Мне не удастся продать, вероятно, ничего – нет времени. Шкаф берет Люба. Стол думаю устроить к Полянскому или Зайцеву. Свод Законов вчера забрал дядюшка, присылал за ним Марью Алексеевну. Оказыв.<ается> Ив.<ан> Ив.<анович> ему обещал его подарить. Верхарн нашелся. Ты пока можешь посмотреть квартирку поближе к редакции, конечно, рублей в 15, в три комнаты. А пока я с Нюрой поместимся у нас, а ты у кого-нибудь из знакомых или еще как-нибудь придумаем, только нужно экономить как можно больше.

Книги я беру следующие: Некрасов, Тургенев, Достоевский, Энци.<иклопедический> словарь, Гоголь.

Любе отправили «Отеч.<ественные> Записки» и все рукописи Ив.<ана> Ив.<ановича>, все его оставш.<иеся> новые книги.

Посоветуй, что мне делать с пианино. Нужен ящик, который стоит 5 р.<ублей>

Вообще я сильно боюсь, что мы останемся без денег – на первое время.
Твоя Надя.

Дорогой Зоря!

Очень меня огорчило, твое последнее письмо. Значит, мне придется остаться во 7 классе, т.к. я знаю наверно, что я не выдержу экзамен. В нашей гимназии ко мне все относились замечательно сочувственно. Надеюсь, инспектор разрешит мне держать в мае.

Нюра

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 44-45. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 42 две пометки, одна внесенная карандашом: [Сент.<ября>], вторая, предлагается, рукой Чулкова: [1903 г.]. К письму предложена записка Анны Ивановны.

[54] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва <25 сентября> 1903 г. (ст. ст.)

/ 1903 г. Сентябрь. /

Дорогой Зорька!

Инспектор нам отказал. Придется, вероятно, Нюре держать экзамен. Она трусит ужасно.

Смотрел-ли ты квартиру.

Напиши пожалуйста дяде, чтобы он получил пенсию за сентябрь, которую Ив.<ан> Ив.<анович> не дополучил по 19-е число. Это нам сказал адвокат. Денег у нас сейчас около полутора рубля.

Сейчас еду узнавать об условиях отправки товара, т.е. домашних вещей. Если удастся устроить все, как я думаю, то мы выедем воскресенье. Целую тебя

Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 41-41об. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 41 две пометки, одна внесенная карандашом: [Сент.<ябрь>], вторая, предлагается, рукой Чулкова: [1903 г.].

1906 г.

[55] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 4 января 1906 г. (ст. ст.)

4 января 1906 г.

Дорогая Надя!

Я известил П.<етра> К.<онстантиновича> Иванова, что готов читать 16 января. Жду от него ответа. Беспокоюсь по поводу квартиры: не знаю, как заплатить. Скажи Зайцеву, чтобы он торопил проклятое «Золотое Руно». Я сегодня напишу в «Руно».

Читал я пьесу свою Лид.<ии> Дм.<итревне> и Вяч.<еславу> Ив.<анову>. Им понравилась она и они предлагают издать ее в «Орах», но – увьи! – без денег. Я переделываю отчасти ее.

4 января обедал у Блока. Ему и Любви Дмитр.<евне> также «Тайга» - по-видимому – нравится. Они тебе кланяются.

Пиши мне: я уже скучаю без тебя. Целуй Любу и Нюру. Привет Жене.

Верно тебя любящий Георгий.

Как здоровье Нюрки и ребенка?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 38а. Связь с конвертом не установлена.

[56] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 31 декабря 1906 г. (ст. ст.)

31 декабря 1906 г.

Дорогая Надя!

Пиши подробнее, Бога ради, как и что с Нюжкой. Здоров ли ребенок? Где ты живешь? *Какое настроение у тебя?* Я, вероятно, приеду в Москву к 16 числу; об этом напишу особо.

Комната пока не сдана. Привет Жене и Любе.

Крепко целую тебя. Верно тебя любящий Георгий.

P.S. «Балаганчик» прошел со «скандальчиком»: и хлопали, и свистели. Был Ходский. Я ездил к нему на квартиру объясняться: сошлись с ним *пока* на компромиссе. Не знаю, что будет дальше.

P.P.S. Блок выходил кланяться с глупенькой улыбкой. Ужасно был смешной и трогательно прижимал к сердцу крошечный букетик, брошенный женской рукой. После спектакля мы с Блоком почему-то целовались.

Кто-то наверху свистел в свисток, угрюмо и упорно.

Четвертого числа Блок пригласили меня к себе обедать. После обеда я буду читать свою пьесу, а потом вместе отправимся смотреть «Трагедию любви».

О Нюрке и о ребенке жду письма!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 39. Связь с конвертом не установлена.

1907 г.

[57] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Любавич, <15> октябрь 1907 г. (ст. ст.)

Лидия тяжело больна. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 46. Адрес телеграммы: Чулкову, Зоологический, 5. Из Любавич.

[58] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Любавич, <17> октябрь 1907 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, Лидия Дмитриевна *очень* больна. Вчера во вторник боялись, что умрет. Сегодня тоже слаба. Подробное письмо пишу тебе. Сейчас некогда.

Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 47. Связь с конвертом не установлена.

[59] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 4 ноября 1907. (ст. ст.)

4 ноября 1907.

Милая Надька!

Проводив тебя, поехал к Ремизову. Он – должно быть, – предчувствуя меня, как рецензента, был очень мил и приятен. Его пьесе цензура все таки разрешила и она пойдет в декабре, а может быть и ноябре.

От Ремизова (не побрившись!) поехал в Мариинский театр: видел там Л.<юбовь> Д.<митревну>, которая благосклонно благодарила за книгу.

После концерта вернулся к Ремизову слушать пьесу: по существу она мне понравилась (очень мрачная штука о смерти-владычице), но написана стилистически не очень ярко, однако я решил просить эту вещь в «Факелы»: в виду ее постановки она должна возбудить интерес.

У Ремизова были Аничков, Волынский и Добужинский. Сер.<афима> Пав.<ловна> тебе кланяется.

От Ремизова – увы! – поехал в 59 там проиграл три руб.<ля>: вина не пил, приехал домой трезвый и нашел письмо Блока такого содержания:

««Спасибо, Георгий Иванович, за книгу, за надпись и за посвящение поэмы, которую люблю». А.<лексанр> Б.<лок>».

Сейчас утро: я поел яиц, съел две котлеты, сажусь писать статью, а обедать поеду к Сюнненбергу: отвезу ему и Добужинскому книги. Добужинский был очень мил.

Жду от тебя с нетерпением письма.

«Люблю» x (n +∞)

Твой Георгий

Приветствуй и целуй, кого надо, кого я хочу: ты уж там знаешь.

Ночь провел без страхов и – кажется – не буду призывать Ауслендера.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 40 — 41. Связь с конвертом не установлена.

1909 г.

[60] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Киев, 12 июля 1909 г. (ст. ст.)

12 июля 1909.

Милая Надя!

Я – в Киеве. Он больше, красивее и значительнее, чем я думал, но киевская пыль совсем не то, что киевское варенье, и поэтому думаю отсюда бежать тем более, что уже теперь ясно, что финансов моих не хватит мне на полтора месяца, а без такого срока ничего серьезного не напишешь. Я думаю переделать только «Западню» и куда-нибудь прокатиться, напр.<имер>, по Днепру до Екатеринославля, а потом и домой в Петербург через Москву. Только что приехал, ничего не видел: поэтому краток.

Люблю тебя, милая Надька.

Твой Георгий.

P.S. К ужасу моему не нашел у себя ни запонок, ни перьев, ни манжетов. Зато на штанах нашел дыру: придется покупать штаны!

Мой адрес пока: Крещатик, гостиница «Франция».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 42. Связь с конвертом не установлена.

[61] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Киев, 14 июля 1909 г. (ст. ст.)

14 июля 1909.

Милая Надька!

Был я сегодня в Кирилловской церкви и видел Врубеля. Теперь я не раскаиваюсь, что приехал в Киев. Когда я увидел Богоматерь, я заплакал - совсем нелепыми, смешными, мокрыми слезами заплакал. Никогда до такой степени не влияла на меня живопись. И это несмотря на то, что я был настроен принять киевскую работу Врубеля, как интересную, но второстепенную для него. Сторож, который показывал мне церковь, до такой степени был пьян, что на хоры я полез один по узенькой лесенке, попирая «шаткие ступени». Там смотрел «Сошествие Святого Духа на апостолов». Это великолепно и по гениальному крепко сделано. Был и в алтаре. Смотрел древнейшие греческие фрески с большим уважением.

Мой адрес: Крещатик, гостиница «Франция». Только письмо, вероятно, меня здесь уже не застанет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 43. Связь с конвертом не установлена.

[62] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 9 августа 1909 г. (ст. ст.)

9 августа 1909.

Милая Надя!

«Журнал для всех» мне *ничего* не дал. Беру обратно рассказы. Достал немного денег в «Сатириконе», чтобы прожить здесь, в Петербурге дней пять и попытаться сделать что-нибудь с рассказами. Сегодня еду в Финляндию, к Копельману.

Был вчера у Жилкиных, обедал у них. Кланяются тебе. Вечером был у Вяч.<еслава> Иванова. Он подарил мне «По звездам» с надписью: «Дорогому товарищу исканий - с любовью». Сюннерберга и Блока нет в Петербурге. И Городецкого тоже нет.

Устал я очень и мне грустно.

Люблю тебя. Твой Георгий.

Кланяйся милым Зайцевым.

Мой адрес: Отель Метрополитен, на Лиговке, близ Николаевского вокзала. За номер плачу один рубль. P.S. Кузмин живет у Вяч.<еслава> Иванова.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 44. Связь с конвертом не установлена.

[63] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, <после 9 август> 1909 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Пока ничего не достал, но Копельман взял для «Шиповника» рассказ «Тишина». Еще неизвестно, где он пойдет, в альманахе или журнале, который они будут издавать с декабря.

Копельман очень помнит, что я должен «Шиповнику» сто рублей и лишь дня через три выяснится, сумеет ли «Шиповник» дать мне еще сколько-нибудь. Стараюсь пристроить другие рассказы. Как только откуда-нибудь получу деньги, извещу тебя. Жду от тебя письма: *где ты решила жить в Петербурге или Москве?*

Скажи, пожалуйста, *сколько* мы должны дворнику Бенуа – неужели мы обещали по 3 руб.<ля> в месяц, т.е. значит теперь 15 руб.<лей>? *Натиши и об этом.*

Петербург очарователен сейчас. Памятник Трубецкого изумителен. Я, конечно, забыл, что он на площади перед вокзалом, и как только приехал в Петербург, был ошеломлен неожиданностью и красотой этого великолепного чудовища, этого северного, российского кентавра.

Пока я еще не был ни у Лансере, ни у Бенуа-Лансере.

Целую Тебя, Надя, если ты меня не оттолкнешь.

Любящий тебя нежно Георгий.

Зайцевым кланяйся.

P.S. Копельман поссорился с Городецким и очень забавно. А меня, кажется, поссорила с Городецким Анна Алексеевна.

P.P.S. Повесть Городецкого, вероятно, в «Шиповник» не пойдет. P.P.P.S. На всякий случай вторично сообщаю тебе мой адрес: Метрополитен, против Николаевского вокзала, комната № 32.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 45. связь с конвертом не установлена.

[64] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <после 9 августа> 1909 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, очень рада что «Тишину» ты устроил. Где жить, мне все равно, только бы не так, как мы жили до сих пор. При одной мысли о том кошмаре, в котором мы жили, меня ужас берет. Как устроить, чтобы было лучше, я не знаю. Может, ты что-нибудь придумаешь. В Москве я не так одинока, как в Петербурге, где у тебя столько друзей.

Я тебя не оттолкну, но, подумай, стоит ли продолжать эту тяжелую жизнь.

Я очень тебя люблю, но, как видишь, себя забыть не могу.

Теперь о дворнике. Я обещала за все время, т.е. до осени (до октября), 3 рубля. Но сейчас отдавать не нужно, можно дать рубль на чай.

Сейчас я переписываю пьесу Б.<ориса> К.<онстантиновича> спешно.

Один массаж кончился. Хочу еще доставать работы. Пиши подробнее о Городецком очень интересно. Значит в тебя и А.<нна> А.<лексеевна> влюбилась. Везет! А все Петербург.

Целую тебя, твоя

Надя.

Спроси пожалуйста о расск.<азе> Мирэ в Ж.<урнале> для всех. И у Жилкина о гонораре за рассказ, в «Слове».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, 48-49. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 48 пометка, внесенная карандашом: [1909?].

[65] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 14 августа 1909 г. (ст. ст.)

14 августа 1909.

Милая Надя!

Дела наши неважны. «Шиповник» бесстыдно дал мне всего лишь пятьдесят рублей, а я надеялся получить 150 и поэтому легкомысленно уступил альманаху «Смерть» рассказ «Западню», за которую я получу лишь в сентябре, если не надуют.

Уезжать сейчас из Петербурга не имеет смысла: надо продать второй том рассказов или сумею кончить «Пустыню» и получить за нее в «Шиповнике» или еще где-нибудь деньги. Без тебя я скучаю. Было бы очень хорошо, если бы ты сейчас, пока целы эти пятьдесят рублей, приехала в Петербург. Мне кажется, я сумею еще добыть некоторую сумму и мы могли бы поселиться на зиму. Я стал бы работать над «Пустыней». Всего в письме не расскажешь, но я чувствую себя в Петербурге прочнее, чем в Москве: здесь есть надежда на заработок. Впрочем, реши сама, как надо устроиться на зиму. Я - за Петербург. Марьи Евгеньевны нет в Петербурге. Дворника старшего я не застал. Младший дворник сказал, что наши ящики перенесены из конюшни на парадную лестницу.

Очень жду от тебя письма. Был еще раз у Вяч.<еслава> Ив.<анова>. Он пророчествовал, что звезды судили нам с тобой быть вместе. А ты как думаешь?

Любящий тебя Георгий.

Кланяйся милым Зайцевым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 46. Связь с конвертом не установлена.

[66]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 24 августа 1909 г. (ст. ст.)

24 августа 1909

Милая Надя!

Не знаю, где ты и что с тобою. И мне грустно и жутко. Я по-прежнему живу в глупом «Метрополитене» и пока не работаю, не могу работать. Хочется уюта и покоя. Накануне получения от тебя последнего письма я был в странной тревоге. Часами сидел в Летнем саду, думая о тебе и - видит Бог - любил тебя нежно и крепко, но твое письмо вернуло меня к действительности: в самом деле надо что-нибудь «сделать», как ты выражаешься... Вот я и «делаю»: ищу издателя для второго тома. Кое-что имею в виду. Между прочим, есть надежда, хотя и слабая, издаться в Московском книгоиздательстве, с представителем которого я встретился в Петербурге. На-днях это выяснится, и - если это устроится, я приеду в Москву и переправлю туда книги. Перееду я в Москву в том случае, разумеется, если понадобится печатать там книгу, а при иных условиях надо жить в Петербурге: здесь все-таки три журнала: «Журн.<ал> для всех», журн. <ал> «Шиповник» и «Аполлон». Из «Аполлона» я получил аванс сто рублей, их коего половину посылаю сегодня тебе через Б.<ориса> К.<онстантиновича> Зайцева.

Была ты в Калуге или нет? И с кем ты туда ездила?

О планах дальнейших «болтать» не смею, пока не достану денег. Жить без тебя здесь трудно и страшно.

Люблю тебя. Твой Георгий.

Передай мой привет Зайцевым.

А что твоя заграничная поездка? Было бы любопытно получить от тебя письмо с заграничным штемпелем – и так, главное, неожиданно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 47-47об. Связь с конвертом не установлена.

[67]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <26 август>1909 г. (ст. ст.)

Дорогой Зоря, сегодня приехала с Нюрой из Калуги, куда снова должна была заехать из Малоярославца. В Малоярославце навела справки об отце и там узнала, что мачеха с детьми живет в Калуге. Решила ехать в Калугу. Разыскала, наконец, ее и двух сестер. Отец мой умер четыре года уже и от scarлатины, так же как Лид.<ия> Дмитр.<иевна>. Он заразился от своих детей, которые все были больны scarлатиной и из четырех дочерей две умерли.

Одна моя сестра очень похожа на меня. Нюра говорит, что это мой портрет. К сестрам у меня нежность. Сегодня посылаю старшей – моей копии – «Первоцвет». Она уже во втором классе гимназии. Ей двенадцать с половиной лет – другой шесть.

Отчего так мало пишешь? Я совсем не знаю, что у тебя там делается. Пиши. Я у Любы теперь. Зайцевых не хотелось больше стеснять. Люба уже переехала с дачи. Здесь жары страшные. В Сокольники больше не езжу. Зимины переехали в город и я туда в Таганку езжу каждый день. Очень хочется поскорее выяснить, где мы поселимся. Надоело без угла быть. Очень рада, что повидала всех

в Калуге. Так давно собиралась туда. Деньги твои получила. Буду их тратить скоро на покупку осеннего платья. А те, что получу за массаж, поберегу на поездку в Петерб.<ург>.

Пиши скорее о всем, что есть нового в Петерб.<урге>.

Очень хочется рассказать тебе про поездку в Калугу и встрече с родными.

Пока прощай. Целую тебя.

Твоя Надя.

Ахрамовичу я отдала 10 руб. А сколько Диатроптову?

Напиши.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 50 — 51об. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 50 пометка, внесенная карандашом: август 1909?

[68] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 31 августа 1909 г. (ст. ст.)

31 августа 1909.

Милая Надя!

Я живу гнусно. Трачу неестественно много денег. Совершенно не работаю. Необходимо устроиться на зимнюю квартиру, переправить туда книги из дома Бенуа. Хочется работать, но я решительно не могу на этот раз приняться за работу здесь, в меблированных комнатах.

Единственная надежда – аванс под второй том рассказов. Меня водят за нос. Каждый день жду ответа. Как только получу аванс рублей двести, сообщу тебе об этом.

Вчера был у Катин-Ярцевых с Нат.<альей> Яковл.<евной> и Игорем Будиловичем. Бываю у Вяч.<еслава> Иванова. Он очень озабочен твоим отсутствием.

Напиши, пожалуйста, можешь ли ты приехать в Петербург тотчас же, как только я достану денег, или у тебя есть массаж и ты не можешь приехать до его окончания. *Не слышала ли ты чего-нибудь о газете Алексеевского?*

Целую твои руки. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 48. Связь с конвертом не установлена.

[69] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 6 сентября 1909 г. (ст. ст.)

6 сентября 1909

Милая Надя!

Мне так противен «Метрополитен», что я, вероятно, все-таки рискну нанять комнату или две комнаты без твоего ведома и перевезу туда книги. Дело со вторым томом не ладится. Надо искать иного источника – писать, напр.<имер>, задуманную мной «Теорию словесности». Для этого нужны книги. Да и «Пустыню» мою писать в «Метрополитене» очень трудно.

Денег я истратил безумно много, а хожу оборванцем. До сих пор я не нанимал комнаты, потому что все ждал каждый день, что получу аванс под второй том и буду иметь право предложить тебе ехать в Петербург. Тогда ты все устроила бы по своему вкусу. А вышло все не так.

Я успел задолжать, но, вероятно, во вторник сумею расплатиться со всеми и у меня останется на комнату рублей сорок: я, кажется, получу аванс из «Вестника Европы»: Котляревский взял для «Вестника Европы» мою «Тамару». Жду тебя двадцатого сентября.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Напиши, нужны ли тебе сейчас деньги. Постараюсь достать и пришлю. Кланяйся Зайцевым и Рыбаковым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 49. Связь с конвертом не установлена.

[70] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, <между 7 и 14 сентябрь>1909 г. (ст. ст.)

/ Сентябрь 1909 /

Милая Надя!

Ты как-то не так поняла мое письмо. При чем тут «жертва»? Никто не виноват, что жизнь не ладится. Нанимать комнату я не мог, потому что не знал, намерена ли ты жить в Петербурге*. А теперь не нанимаю, потому что нет денег. Со вторым томом все не устраивается. Как только получу деньги, сообщу тебе об этом и найму две комнаты. Буду тебя ждать терпеливо до 20 сентября.

В Петербурге тебе, конечно, не имеет смысла ехать, пока я не сумею устроиться.

Пишу очень медленно «Пустыню».

Любящий тебя Георгий.

Сколько я должен Диатроптову решительно не помню, хоть убей.

Кланяйся Рыбаковым и Зайцевым.

* т.е. одну или две, и какие. Ведь, на один месяц никто не сдаст. Екатерины Николаевны нет в Петербурге.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 50. Связь с конвертом не установлена.

[71] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, <между 7 и 14 сентябрь>1909 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

И так, мой адрес теперь: Пушкинская, д.<ом> 18, кв.<артира> 50. Очень хочу, чтобы ты возможно скорее приехала ко мне, но просить тебя об этом сейчас не решаюсь. Дело в том, что, уплатив за комнату 55 руб.<лей> и истратив деньги на перевозку книг, я остался без гроша, и, если ты *сейчас* приедешь, я буду волноваться и бегать искать деньги.

Буду писать пока «Пустыню» и ждать, когда найдется, наконец, издатель для второго тома. Если деньги притекут до 20-го, я пришлю тебе телеграмму. Но, конечно, если у тебя есть охота поскорее вернуться ко мне и ты не боишься безденежья, приезжай немедленно.

Комнаты оказались во многом неудобным, но работать в них очень можно. Поэтому еще раз тебя умоляю, не критикуй их сердито.

Накануне приезда пришли телеграмму.

Люблю тебя, родная Надька.

Твой Георгий.

P.S. Ященко с женой был у меня. Вчера с Зайцевым вечером сидели у Вяч.<слава> Ивановича.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 51. Связь с конвертом не установлена.

[72] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 14 сентября 1909 г. (ст. ст.)

Зоря, постараюсь приехать скоро. Завтра получу деньги и куплю билет в Петербург. Денег к сожалению я получу очень мало, т.ч. от забот о деньгах я тебя не избавлю. Ну, что же делать? Видно судьба наша такая. Зайцев писал Вере, что комнаты твои очень милы. Радуюсь этому.

17-е пробуду здесь, вероятно.

Целую тебя очень. Надя.

14 сент.<ября> 1909.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 52. Связь с конвертом не установлена.

1910 г.

[73] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 25 января 1910 г. (ст. ст.)

25 января 1910

Милая Надя!

Кажется, мне придется остаться еще на несколько дней. Надо, по крайней мере, выяснить с драмой что и как. С Немировичем говорил по телефону. Пришлось дать ему драму для прочтения. Но уж по тону, каким он говорил со мной, очевидно, что он не возьмет «Адонии». Обещал на днях ответить, интересуется его моя вещь или нет. Если интересуется, может быть, я сумею настоять на чтении, если нет – передам Южину и уеду в Петербург.

Вчера был на «Анфисе» в ложе Андреева. Успех средний. 24-го был у Добровых вечером: там был Зайцев и Андреев. Остановился я у Зайцевых. Видел Сологуба и Сомова.

В Москве все скучно и неинтересно. Хочется в Петербург. Решил сесть за повесть 1-го февраля и к 1 марту кончить. Успел набросать для повести список «действующих лиц».

Целую твои руки, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 52-53. На бумаге MUIR & MIRRILEES, в филигране изображены два встречных грифона в растительном орнаменте. Связь с конвертом не установлена.

[74] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Санкт-Петербург, 26 января 1910 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, надеюсь, что это письмо тебя не застанет в Москве. Прислал ответ Овсяннико-Куликовский. Пишет, что очень рад тебя видеть у себя и сообщает, в какие дни и часы он принимает. Котляревск.<ому> письмо отправила и в «Журн.<ал> для всех» тоже отнесла. Пришла корректура от Монтвида. Ничего особенного не произошло. Целую тебя, дорогой мой. Твоя Надя.

26 января <1>910.

Прислали от Монтвида еще корректуру сверстанную, всего 13 листов – 197 стр. последн.<его> расск.<аза> «На даче». Приезжай поскорее. Я не буду ее без тебя трогать.

Твоя Надя

Овс.<янико> Кул.<иковский> принимает *по четвергам* от 4-5 ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 53-53об. Связь с конвертом не установлена.

[75] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Нескучное, 14 июля 1910 г. (ст. ст.)

14 июля 1910

Дорогая Надя!

Сейчас узнал, что Зеленковы едут в Харьков. Пользуюсь случаем, чтобы написать тебе два слова.

Как Ты себя чувствуешь? Не разболелась ли у тебя голова в дороге? Воображаю, как тебя измучил Харьков. Я, кажется, поеду сегодня в Веселое верхом и попытаюсь говорить с тобой или с Ольгой Константиновной (?) по телефону, хотя не верю в осуществимость этого предприятия.

Я пишу повесть. Часы мои остановились. Мне дала маленькие часы Екатерина Николаевна.

Что еще? Болит у меня живот изрядно. Хорошо, что ты прислала вина.

Отправила ли ты письмо в «Вестник Европы»? Не забудь купить бумагу.

Любящий Тебя Твой Георгий.

Привет Ольге Константиновне.

Нескучное.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 54. На бланке бумаги верже «Best Writing» с гербом, изображающий крепостные ворота под шлемом и входящий медведь (Original Hagen). Связь с конвертом не установлена.

[76] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Санкт-Петербург, <июль> 1910 г. (ст. ст.)

Дорогой Зоря, я послала письмо, не посмотрев есть ли марка. Я не очень устала. Рада, что могу быть хоть чем-нибудь полезной милым Лансере. Наташе все еще худо. Доктор затрудняется определить какое-то осложнение. Доктор у нас чудесный. Целую тебя, люблю. Желаю всяких благ.
Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 54. Связь с конвертом не установлена.

[77] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Санкт-Петербург, <июль> 1910 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий, очень жалею, что тебе теперь тоскливо в Нескучном. У Вас там такой разгром, что и представить трудно.

Приехал Евг.<ений> Евг.<еньевич>. Очень нежен с О.<всянико>-К.<уликовским>. Мне их очень жалко. Наташа плоха. Вряд ли выживет. Но у нас тут поддерживается надежда на выздоровление.

Пиши мне.

Прощай.

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 55. Связь с конвертом не установлена.

[78] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Серпухов, 19 августа 1910 г. (ст. ст.)

19 августа 1910.

Серпухов

Дорогая Надя!

Я остановился в гостинице Колпакова, на б.<ольшой> Дворянской, ибо в монастырь меня не пустили, хотя и были там свободные комнаты: должно быть, я показался подозрительным и легкомысленным, несмотря на то, что я старался пленить почтительностью ветхую монахиню.

Я завез твой паспорт! Проживи как-нибудь без него три дня. В понедельник я, вероятно, тебя уже увижу.

Тетка – в хлопотах. Началось ученье. Должно быть, она рада, что я не у нее остановился, тем более, что сейчас гостит у нее какая-то криволикая ее знакомая, бывшая курсистка. Однако, обедать я все-таки буду у тетки.

Целую Тебя нежно.

Любящий Тебя

Георгий Чулков.

Попробую сегодня продолжать «Актерское сердце».

Привет Любе и Феде.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 55. На бланке бумаги верже «Best Writing» с гербом, изображающий крепостные ворота под шлемом и входящий медведь (Original Hagen). Связь с конвертом не установлена.

[79]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 1 сентября 1910 г. (ст. ст.)

1 сентября 1910

СПб

Дорогая Надя!

Никогда еще не бывало у меня такой тоски по тебе, как в эти дни, в эти мучительные вечера и кошмарные бессонные ночи. Мне худо. Очень худо. Я люблю тебя без надежды, что ты поверишь в мою любовь. Я чувствую, как ты враждебна ко мне. А я все время думаю о тебе. У меня вчера была такая тоска, что я в двенадцатом часу пошел на вокзал, чтобы ехать к тебе, в Москву, но уже не было никакого поезда. Я не уезжаю отсюда, потому что все еще слабо и смутно надеюсь, что мне удастся как-нибудь устроить повесть, но до сих пор меня постигали только неудачи, о которых даже рассказывать скучно. Я пока еще ничего не продал. Ты, вероятно, не представляешь себе, какая пытка ходить по издателям, когда в голове и в сердце одна тоска, один ужас перед неизвестным. Мне кажется теперь, что если бы ты была со мной сейчас, я бы как-то особенно стал бы лелеять наши отношения. Но порой меня охватывает безумный страх, что ты не можешь выносить мой голос, слова, лицо... А я тебя никогда не могу разлюбить. Никогда.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 56. На бланке бумаги верже «Best Writing» с гербом, изображающий крепостные ворота под шлемом и входящий медведь (Original Hagen). Связь с конвертом не установлена.

[80]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 9 сентября 1910 г. (ст. ст.)

9 сентября 1910.

Дорогая Надя!

Я не писал тебе, кажется, дня три, потому что не знал, поеду или нет в Москву. Но теперь, по видимому, надо еще остаться здесь. «Шиповник» не пожелал переменить «Свирель» на «Дом на песке». И вообще мне не удалось устроить повести так, как мне хотелось.

Из писателей прочел «Дом на песке» пока только один Кузмин. Ему повесть очень понравилась, и, вероятно, придется напечатать ее в «Аполлоне» на невыгодных для меня условиях. Самое большое, что я сумею сколотить в ближайшее дни, это 400 руб. Но тем не менее я буду просить тебя ехать со мной за границу, потому что рассчитываю в первых числах *ноября* получить из «Вестника Европы» еще рублей *сто* на обратный путь, а на 400 руб. мы сумеем доехать до Рима, положим, или до Парижа

и там прожить один месяц. Милая Надя! согласишься ли ты ехать со мной? Если ты не захочешь ехать со мной, бери эти деньги и поезжай одна. Напиши мне, какое у тебя настроение и какие намерения. Я все думаю о тебе и люблю.

Твой Георгий.

Напиши поскорее, как ты сейчас чувствуешь и как решаешь.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 57-57об. На бланке бумаги верже «Best Writing» с гербом, изображающий крепостные ворота под шлемом и входящий медведь (Original Hagen). Связь с конвертом не установлена.

1911 г.

[81] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <февраль> 1911 г. (ст. ст.)

/ февраль 1911 /

Милый, родной Зоря, как ты себя чувствуешь без меня? Я думаю все время о тебе. В Москве меня встретили очень тепло. Люба мила. Вера и Зайцев тоже родные. Была сегодня же в «Руне» и отдала три книжки твои. Рябуш.<инский> в Париже. Тастевен все спрашивал о тебе. Хочет тебе писать. Очень ждет тебя, но, конечно, я думаю «дел» у него к тебе нет; а так только из гостеприимства. Мне он дал твое «Руно», но я еще не успела просмотреть его.

Зайцеву передала книжку и для Соколова и Стражева.

Сегодня он будет у Соколова и передаст. Зайцеву не очень нравится, а Вера прямо в ужасе от виньеток. Но не говори этого Копельману, а то сплетня выйдет.

Завтра Борис Зайцев едет в имение. Нюра всем пишет радостные письма. Диатроптов еще «не успел» получить места, а теперь уже считает неудобным пользоваться протекцией Нюры. Нюра ездила к дядюшке и объявила ему, что она разводится с Евг.<ением>. и выход.<ит> замуж за Брюсова. Александров очень одобрил это и дядюшка ведет развод. Очень рады, что Нюра вых.<одит> не за Диатроптова. Но я еще не вид.<ела> Александрова.

Целую тебя твоя

Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 57 — 58об. Связь с конвертом не установлена.

[82] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 26 февраля 1911 г. (ст. ст.)

Москва, 26 февраля <1>911.

Милый Зоря, доехала я очень хорошо и совсем не замерзла. Сегодня же попала на вернисаж «Мира Искусства». Мой и твой портреты понравились мне меньше, чем до сих пор.

У тебя, правда, слишком наивное выражение, подчеркнутое твое женственное, а не мужское. Но я пойду еще смотреть: сегодня была такая сутолока, что трудно было понять что-нибудь. Прелестен Сомов. Петров Водкин интересен. Ездила к Нюре. Она чувствует себя недурно. Развод кончен, но она не решила, нужно ли ей венчаться, хотя в доме идет речь о свадьбе, как о решенном вопросе. Потом была у Зайцевых. Очень о тебе спрашивали и были любезны очень. Я попала к ним на журфикс от 3-7 веч.<ера>. Там были: Стражев, Муратов, Нина Петровская, Нюра с мужем и еще человек пять «молодых» людей.

Теперь сижу дома и пишу тебе. Сейчас должна приехать сюда Вера Зайцева. Вот и день кончен. Фед.<ор> Егор.<ович> отпускает Любу со мной в Париж. Настроение у него кажется, хорошее, кажется, он уверен, что поступил хорошо, оставшись в Университете.

А как ты? Я думаю только о тебе и люблю тебя и верю тебе.

Пиши мне поскорее и побольше.

Завтра буду исполнять твои поручения с твоими книжками и пойду к Арцыбушеву со стихами.

А теперь прощай!

Целую и умоляю не забывать меня.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 56-56об. На бумаге Everlasting Paper; по дуге герба «Muir & Miriellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[83]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 28 февраля 1911 г. (ст. ст.)

28 февраля 1911.

Милая Надя!

Только что получил твое письмо. Очень рад, что ты не замерзла и что все благополучно. В Петербурге – весна. И вместе с весной пришло желание работать, но пока я еще не принялся писать: два дня был занят составлением примечаний к четвертому тому. Хотя они и очень кратки, но время потратить на них пришлось немало, потому что для двух-трех строчек приходилось переверачивать книги, добавляя то, что надо.

Со мной, конечно, случился анекдот. Рассказываю. Слушай. Был я третьего дня у Блока вечером и вернулся домой в три часа. Прихожу и слышу, что у меня в комнате разговаривают двое, а в комнате, однако, темно. Зажигаю электричество – никого. Смотрю под кроватью, в шкапу <так! – К. Р.>– нигде ничего и никого нету. Прислушиваюсь: оказывается, что за стеной чревоушает немец. Два голоса звучали настолько ясно, что я решил, что в соседней комнате поселилось двое лиц. Ложусь спать. Едва я сомкнул глаза, слух мой был поражен новыми звуками: за стеной кто-то плясал. Что такое? Я решил, что этот сосед-немец сошел с ума и ворвется ко мне в комнату. Уже вздрагивала дверь, и мне казалось, что это сосед пытается ее отворить. Я поспешно надеваю штаны и ожидаю событий... Наконец, наступит тишина. Я ложусь, сняв штаны; тушу свечку... Но лишь только закрыл я глаза, опять неистовой пляс... В пять часов немец угомонился. Утром я спрашиваю у Аннушки, что происходило ночью. Аннушка говорит, что соседи с другой стороны тоже принесли жалобу на странного немца, а сама она весьма изумлена тем, что ночью в пять часов немец непрестанно звонил к ней в кухню, но она побоялась к нему идти. Хозяйка пошла объясниться с немцем и затем явилась ко мне. Немец, по ее уверению, очень смущен беспокойством, которое он причинил почтенным соседям. Дело в том, что у него в Германии есть невеста и он получил от нее письмо. Перечитывая это письмо, он не мог сдерживать в должных границах своей радости и пускался в пляс каждый раз, когда доходил до фразы: «Ich liebe»... и т.д.

Что тебе еще рассказать? Сегодня вечером я зван к Славинским, а от них пойду в 12 ч. к Вячеславу Ивановичу.

Завтра вечер Сологуба. Мы, т.е. Блок, Городецкий и я, подносим ему лавровый венок.

Целую Тебя нежно. Когда же ты решишь ехать? Если у меня работа не будет клеиться, я напишу рассказ и через две недели поеду в Париж. Только адрес поскорее посылай.

Любящий тебя Твой Георгий.

А я выгляжу совсем простецом на портрете Серебряковой? Будем надеяться, что это святая простота. И будем утешаться тем, что и Парсифаль тоже был простецом.

Привет Рыбаковым, Брюсовым и всем, кому надо.

P.S. В Государственной Думе Пуришкевич произнес речь по поводу нашего театра и литературы. Обличал весьма разнообразных людей. «Отцом русской революции» оказался и я – увы! – в обществе Юшкевича и Андрея Белого...

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 58 — 59. Связь с конвертом не установлена.

[84] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 1 марта 1911 г. (ст. ст.)

1 марта 1911.

Милая Надя!

А ты не мерзнешь? В Петербурге не так уж холодно, и я не страдаю от отсутствия шинели. Вчера вечером я был у Вячеслава Ивановича. Он что-то чрезвычайно за мной ухаживал. Посылает тебе приветы. Сегодня иду на Сологубовский вечер. Завтра, надеюсь, сяду за работу; кончаю корректуру IV том; вероятно, я получу сейчас в «Шиповнике» деньги и вышлю тебе их завтра. А если их не дадут сегодня, ожидай их через неделю, во вторник. Когда же вы решили ехать?

Получила ли ты мое письмо, которое я послал вчера? Завещание я дам подписать Вяч.<еславу> Ив.<ановичу> и, вероятно, Блоку. Сегодня же зайду к нотариусу и сделаю доверенность на твое имя.

Целую тебя нежно. Любящий тебя Георгий.

Привет Рыбаковым и всем. Зайцевым кланяйся и скажи им нежное от меня.

P.S. Какие надписи под твоим и моим портретом в каталоге «Мир искусства»?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 61. Связь с конвертом не установлена.

[85] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 1 марта 1911 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Сегодня я отправил полтора рубля на имя Фед.<ора> Егор.<оровича>

Напиши, когда предполагаешь ехать. Целую Тебя.

Люблю. Твой Георгий.

1 марта 1911.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 60-60об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевной Чулковой. Смоленский бульв.<ар>, Б.<ольшой> Левшинский пер.<еулок>, д.<ом> 10, кв.<артира> 7 Ф.<едора> Ег.<оровича> Рыбакова. Москва. Почтовый штампель: «Москва, 2/III-1903».

[86] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 1 марта 1911 г. (ст. ст.)

Москва, 1-е марта.

Сейчас вернулась с лекции Волошина о Клоделе. Узнала только то, что Клодель был в Китае и что Китай был описан им в символах. Волошин меня усыпил. Возражал де ла Барт, а после самого Волошина говорил еще Брюсов о пользе изучения Востока для русских и всех других народов. В зале было пусто. Я была вдвоем с женой Середина, с которой познакомилась у Любы. Встретила в кружке Тихомирова, Тастевена.

Я думаю ехать числа 10-го. Любе советуют ехать из Парижа в Россию морем. Нужно будет узнать сколько это стоит. Может быть и мы могли бы вернуться этим путем.

Посылаю тебе анонса из «Зеркала». Твой портрет я тоже получу, но не в красках и не сейчас.

Ахрамович достал мне словарь. Он рассказал мне, как неприлично Городецкий подделывался под тон Мусагета и Брюсова, и как не менее неприлично вел себя В.<ячеслав> Ив.<анов>. Когда Эллис прочел стихи, В.<ячеслав> Ив.<анов> подошел к нему и начал очень хвалить, а Эллис ему в ответ: «а ваши стихи, кои вы сейчас прочли мне совсем не нравятся: в них одна риторика». В.<ячеслав> Ив.<анович>, говорит Ахр.<амович>, позеленел от злости. Ахрам.<ович> говорит, что ходят слухи о возобновлении «Весов». Чувствую себя совершенно оторванной от мира. Люблю только тебя и думаю только о тебе, но ты этого не можешь сказать о себе.

Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 59-60. Связь с конвертом не установлена.

[87] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <март> 1911 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, боюсь, что ты замерз там в своем пальто. Здесь уже холодно. Выкупи шинель, если есть хоть какая-нибудь возможность. Ах, как я раскаиваюсь в своей выдумке заложить шубы.

Утром сегодня была у Александрова. Марья Николаевна вдруг загорелась желанием ехать с нами в Париж. Я говорю: но, ведь, только в третьем классе, и, должно быть, радости у меня на лице не было, когда я выслушала ее предложение, потому что она сейчас же раздумала. А я уже было перетрусилась.

Соколовым книгу отвезла. Дома его не застала. Ахрамовичу сказала по телефону. Завтра он придет и привезет мне словарь Макарова. Досадно, что я забыла свой словарь. Ты все-таки привези его сюда и оставь у Любы, потому что Люба купит мне новый в Париже, а потом поменяемся. Понял? А если Диатроптов еще не уехал, то пришли с ним.

Напиши, как себя чувствуешь, как твой живот, голова и работы. Думаешь ли скоро начать роман? Хорошо ли тебе в комнате? Кто у тебя был за это время? Целую тебя, мой родной

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 61-62. Связь с конвертом не установлена.

[88] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 3 марта 1911 г. (ст. ст.)

3 марта 1911.

Милая Надя!

Я получил твое письмо от 1 марта (без обращения, прямо о Волошине – стремительно), но из этого письма не узнал, получила ли ты от меня вести: я писал тебе прежде.

Деньги я послал на имя Ф.<едора> Е.<горовича>. Если ты поедешь десятого и Люба остается в Париже недели две, тебе в одиночестве придется быть недолго. Вероятно, романа <так!> я здесь, в Петербурге, не начну: напишу в течение этого месяца рассказ и поеду в начале апреля в Париж.

По-моему, не стоит тащить в Париж большой словарь. Купи маленький француско-русский словарь – Français-Russe, par Tkatcheff. (Sarnier f-res éditeurs). А там, в Париже, мы купим еще Лярусс.

По поводу твоего упрека могу сказать: да, я думаю не только о тебе, но о чем бы я не думал, всегда ты со мной. Я люблю тебя очень. Без тебя мира не чувствую.

Твой Георгий.

P.S. Вечер Сологуба прошел благополучно. Только Аничков был нелеп и нескладен ужасно. Вчера вечером у меня был Будилович с двумя толстыми курсистками и В.<ера> Ф.<едоровна> Крушинская.

Карточку нашу – в якутских каталогах – я получил. Темновата вышла.

Обнимаю Любу, Нюрку и кого надо почти приветом.

P.P.S. Немец за стеной угомонился.

Пиши мне, смотри...

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 62-62об. Связь с конвертом не установлена.

[89] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 3 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва, 3 марта.

Дорогой Георгий, я думаю ехать пораньше, т.к. во-первых ты почти обещаешь приехать скорее, чем ты думал; во-вторых Люба так стремится в Париж скорее, так боится, что, откладывая, она совсем не попадает, что трудно ее удержать. Я думаю ты поедешь 10-го. Билет III-го класса с доплатой до Варшавы в курьерском стоит 47 р.<ублей>. Люба берет 400 руб.<лей>. Я думаю, ты роскошно будешь жить там этот месяц.

Нюра говорит, что в каталоге «М.<ира> И.<скусства>» и мой и твой портреты названы полной фамилией. Мне почему-то кажется, что у Серебряковой не купят все картины и она подарит тебе твой портрет.

Сейчас спешу отправить посылку и письмо с Василием.

Целую тебя, дорогой мой Зоря.

Твоя Надя.

Вот вижу, что ты мне изменяешь и страдаю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 63-64. Связь с конвертом не установлена.

[90] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 4 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва, 4-е марта / [1910]1911 /

Милый Зоря, ты прости мне, что я написала тебе без обращения: это было без злого умысла. Письма твои и деньги все получила. Отъезд не могу определить, потому что Люба не знает, когда она может ехать. Заболела та дама, которая должна остаться со Славкой. Если дама не поправится, я подожду тебя, и тогда усердно примусь за перевод, чтобы подвинуть его до отъезда в Париж. Сегодня прочла в «Речи» о вечере Сологуба. Об этом получила довольно просторное письмо от Городецкой и очень смешное.

Продолжишь ли ты «Перепутье» или ты начал новый рассказ? Мне хотелось бы, чтобы ты ехал работать в Париж.

Вчера были с Любой в кружке на представлении первой итальянской оперы «Дафна», переведенной и поставленной Зайцевым. Очень мил был оркестр из цитры, арфы, гитары и фисгармонии. Пыталась попасть на «Карамазовых», но их не будет уже больше в Москве. Сегодня у Рыбаковых был дядюшка и пресерьезно учил меня и Любу, как и что нужно смотреть за границей.

Видимо, очень шокирован тем, что мы имеем претензии знать больше, чем он. Я *Москву* не люблю, и никого не люблю, люблю только тебя, думаю только о тебе. Надя.

Получил ли ты мой «портрет»?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 65-66. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. 65 пометка, внесенная и потом исправленная карандашом: [1911 за место 1910].

[91] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 5 марта 1911 г. (ст. ст.)

5 марта 1911.

Милая Надя!

Сны твои не в руку и страдания твои напрасны. Однако беспокойство твое придается мне: я бы очень просил тебя избавить меня, хотя бы на полтора месяца, от этих суетных и ненужных тревог.

Я пишу сейчас маленький рассказ для покрытия долга «Новой жизни». За роман, вероятно, сяду уже в Париже, но выехать отсюда думаю все-таки не раньше того, когда напишу небольшую повесть о черной сотне листа в два: это необходимо и морально, и материально.

На другой день после Сологубского вечера, ко мне явился с визитом сам Федор Кузьмич. Меня не было дома. Он оставил карточку. Сегодня после обеда пойду и я к нему с визитом. Обедаю я на Морской и очень этому рад.

Бога ради скорее сообщи мне адрес, когда приедешь в Париж – только верный и прочный, чтобы мои письма не блуждали зря. И пиши из Москвы и с дороги.

Чудесная моя! Люблю тебя нежно. Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 63. Связь с конвертом не установлена.

[92] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 6 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва, 6 марта.

Милый Зоря, я все еще не знаю, когда мы едем. Теперь думаю, что мне придется ждать тебя. Дама, которая должна остаться со Славкой, все еще больна. А мне очень хочется уехать. Работаю мало: все готовлюсь к отъезду. Я очень рада, что Сологуб перестал дуться и первый пришел к тебе.

Зайцев уехал в деревню. Сегодня Вера целый день у нас. Кончилось дело Стражева: никаких улик против него не оказалось. Он женится на очень молоденькой и хорошенькой девушке. Была и у Соколовых-<Графов>. Очень тебе кланяются.

Нюра живет кажется хорошо, хотя и жалуется на Александра Яковлевича. Они наняли дачу в Краскове, но Ал.<ександр> Яков.<левич> занят теперь планом нового дома, который он решил строить в этом году. Два этажа: нижний для матери и сестры, и верхний для себя с Нюрой. Про Египет они мне толком ничего не рассказали. Я так и не поняла, чем он там интересовался.

Нюрка же рассказала мне интересную историю о заблудившемся корабле с взбунтовавшимися паломниками, который они встретили на пути и спасли несчастного капитана. Гаррик стал огромный и умный. Брюсов его очень любит. Хотела я попасть в Худож.<ественный> театр, но это трудно.

Железнодорожный указатель «Livrei-Chaix» (ливре-шек) я здесь не нашла. Спроси для себя в Петербурге. Адрес парижский я и теперь могу определить. Пиши так: *Poste Restante. 6-e arrond.<issement>, rue de Vaugirarde, 24.* Это одно из почтов.<ых> отделений вблизи Люксембурга, и ты наверно будешь там около Люксембурга.

Дорогой, целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 67-68. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 67 пометка, внесенная карандашом: [Москва <1>911].

[93] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 6 марта 1911 г. (ст. ст.)

6 марта 1911.

Милая Надя!

Ты мне редко пишешь. Пиши каждый день. И с дороги – из Берлина, из Кельна – присылай открытки. Из Парижа, когда будешь посылать письмо, напиши адрес поточнее и *поразборчивее*.

Я пишу повесть о черной сотне. Не знаю, сумею ли донести ее до конца. Это небольшая вещь – листа два-три. Начало ты знаешь: «*Перепутье*».

Думаю, что в первых числах апреля кончу ее и поеду через Москву в Париж. Эту повесть я продаю Бенштейну.

Думаю о тебе. Верую и чувствую, что чудеснее и прекраснее тебе никого нет на свете.

Твой Георгий.

P.S. Иду сегодня на выставку Стеллецкого в «Аполлоне».

P.P.S. Духовное завещание подписано окончательно (Сюннербергым) и лежит у меня в столе. Доверенность на твое имя нотариус приготовит мне в понедельник.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 64. Связь с конвертом не установлена.

[94] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 7 марта 1911 г. (ст. ст.)

7 марта 1911.

Дорогая Надя!

Как ты думаешь, не глупо ли я решил относительно поездки? То есть, можно ли мне ехать в Париж, захватив с собой 350 руб.<лей> всего только (250 руб.<лей> из «Шиповника» и 100 – второй аванс под «Перепутье» от Бенштейна, ибо за мной сейчас исчисляется <так! – К. Р.> уже двести руб.<лей>). Не опасно ли рассчитывать лишь на шиповнические деньги? Будет ли нам хватать 250 р.<ублей> в месяц? Как ты думаешь? *Напиши*.

Вчера я встретился с Блоком и мы изрядно выпили. Однако, по обыкновению, когда мы бываем вместе, вино на нас не действует иди полудействует, так что мы остаемся и трезвыми, и нравственными сугубо.

Пью теперь «Боржом» и думаю запереться ото всех и ото всего.

О тебе думаю с нежной любовью и уже хочу тебя видеть и чувствовать около себя.

Твой Георгий.

Твой портрет, по-моему, чудесный, хотя воспроизведен и не очень точно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 65. Связь с конвертом не установлена.

[95] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 Москва, 8 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва, 8 марта

Дорогой Зоря, я все еще не знаю день отъезда. Вероятно, сегодня выяснится вопрос об этом и сегодня же я куплю билет. Тогда напишу тебе немедленно. Я послала тебе адрес почтов.<ого> отд.<еления>, но теперь мне сказали, что вернее послать на Poste centrale, Rue du Louvre. Была бы счастлива получить от тебя письмо и в Берлине и Кельне.

Berlin Hauptpostamt. Postlagernd.

Nadejda Stepanoff.

Köln. Hauptpostamt. Postelagernd.

<нрзбр.>

Во второй книжке есть относящийся к тому урок.

Ф.<едор> Е.<горович>, кажется, получает профессуру. Сербский уходит на частную службу, а на его месте Рыбаков. Вчера ночевала у Веры. Они мне все истории Стражева рассказали. Сами Зайцевы в нем не уверены совершенно, но ругались за него чем угодно. Вера сказала: «я уверена, Стражев никогда бы не стал так защищать Бориса, как Борис его защищал, и вообще он способен предать друга». Борис написал пьесу «не для суеты» и теперь пишет повесть «Изгнание».

Я читаю Гюго. «Собор Пар.<ижской> Богом.<атери>» очень хорош.

Купила еще старую книжку о Париже.

Рада, что ты работаешь. Хорошо тебе одному в комнате.

Целую тебя нежно. Будь весел. Люблю тебя всегда.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 69-70. Связь с конвертом не установлена. Дефект оригинала, лист автографа был перевернут во время создания копии для микрофильма, что препятствует правильное прочтение оригинала.

[96]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 9 марта 1911 г. (ст. ст.)

9 марта 1911.

Дорогая Надя!

Увы! Я работаю пока слишком медленно. Часами хожу по комнате в сомнениях. Рву то, что написано. И так опять. Все это очень мучительно.

Вышел четвертый том – «стихи и драмы». Я его тебе посылаю заказной бандеролью. Рыбаковым и другим пока не посылаю, потому что не получил еще авторских экземпляров.

Сегодня иду на концерт Кусевицкого (Скрябинский «Прометей») и, кроме того, у меня есть билет на Никиша на 31 (будет, кажется, из «Парсифаля» что-то). Вот как ты меня воспитала!

С Сологубом, хотя мы и обменялись визитами, дело обстоит не очень тепло. Во вторник у него был вечер, на который я зван не был. («Ах, Настасья! Настасья!»).

Любящий тебя нежно

Георгий Чулков.

P.S. Посылаю завтра тебе доверенность на все вообще.

P.S. В Берлине и в Кельне я тебя писать не буду, потому что письма придут на день позднее и ты их все равно получить не успеешь. Напишу прямо в Париж, в главный почтамт.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 66. Связь с конвертом не установлена.

[97]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 9 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва, 9/III <1>911.

Милый Зоря, мы решили ехать 13-го марта. Воскресенье. Сейчас иду за билетами, которые уже заказаны были вчера. Имей в виду, когда будешь собираться из Москвы, что билеты можно получить не раньше как за неделю, особенно тогда, когда ты будешь уезжать.

Впрочем, если в Москву ты на два или три дня, то можешь включить ее в твой маршрут. Вот цена моего билета:

3-й класс до Парижа от Москвы – 38 р.

Доплата 2-й класс курьерск.<ий> до Александрова. --- 9 р.<ублей> –
всего - 47 р.<ублей>

Сюда включены и скорость и плацкарт, и в Варшаве приплаты уже не будет.

Любе я хотела купить круговой билет, но это вышло бы дороже.

У Любы вышло осложнение: дама эта лежит теперь в больнице и Люба не знает, с кем оставить Славку.

Был ли ты 6-го на концерт? Я попаду здесь на симфонический концерт слушать Бетховена, в пятницу. Что подельывает Яценко? Матильда? Щеголева написала мне сюда. Ну что же Сологуб? Был ты у него? В *честь* кого же теперь устроить вечер. Я покупаю «Речь» и почти в каждый номер встречаю имя Чеботаревской.

Нюра с нами и не собирается: она так много потратила денег в эту поездку, что больше уже нельзя ей ехать. С теткой я пыталась говорить по телефону, но это совершенно невозможно – ничего не слышно.

Получил ли ты мой портрет?

Хорошо было бы купить несколько номеров «Зеркало» с этим портретом.

Твое последнее письмо ты отправишь сюда 12-го марта. Ради Бога пиши мне. Я буду тосковать, если не будет писем.

Целую тебя родной.

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 71-72. Связь с конвертом не установлена.

[98] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 10 марта 1911 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя! Получила ли ты мою доверенность? Пожалуйста, не потеряй ее: возьми с собой в Париже. *Это необходимо.* –Была ли ты у доктора? И что он сказал тебе? Я себя чувствую пока не очень хорошо: работа не ладится, а я обещал в начале апреля сдать «Перепутье» Бенштейну и хотел получить от него рублей 200, чтобы ехать в Париж, расплатившись с кем надо. Боюсь, что до Пасхи «Перепутье» не кончу. Это почти наверное. И это меня мучает. Купи, пожалуйста, в Москве «Зеркало». Я «Зеркало» не получал и найти его здесь трудно. Обнимаю тебя, родная моя. Люблю тебя очень. Твой Георгий. 10 марта 1911.

P.S. Если я не успею числа 6 ехать в Пар.<иж>, я тебе переведу туда еще 100 р.<ублей>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 67-67об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевной Чулковой. Смоленский бульв.<ар>, Б.<ольшой> Левшинский пер.<еулок>, д.<ом> 10, кв.<артира> 7 Ф.<едора> Ег.<оровича> Рыбакова. Москва. Почтовый штампель: «Москва, 11/III-1903».

[99] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 10 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва 10 марта

Милый, конечно тебе хватит этой суммы. Ведь жизнь в Париже будет уже налажена, а проезд стоит около 60-ти рублей, если ты не будешь останавливаться по дороге. Ты можешь даже взять второй класс до Парижа: 66 руб.<лей> от Москвы – но тогда ты будешь иметь спальное место до Варшавы, а за границей все равно придется ночь не спать. Устрой так, чтобы в Париж приехать вечером, тогда

переезд от Кельна до Парижа не будет так мучителен как нам, но мы должны приехать непременно утром, чтобы найти комнату. Билеты куплены. Мы едем 13-го в 6 ч.<асов> вечера с курьерским. В Варшаве будем через сутки, а утром во вторник в Берлине. Сейчас иду менять деньги и отправлять для Любы в Париж через Моск.<овский> кред.<им> 250 руб.<лей>

Запаслась несколькими адресами
 Нюра и Люба тебя целуют.
 Напиши мне непременно в Берлин и Кельн.
 Напиши сюда еще до 12-го числа.
 Целую тебя очень, очень.
 Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 73-74. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 73 пометка, внесенная карандашом: [1911].

[100] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 Москва, 11 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва 11 марта.

Милый Зоря, как печально твое последнее письмо. Я живо переживаю твое настроение и утешаюсь только тем, что оно у тебя, может быть, уже изменилось и ты скоро начнешь работать как следует.

Книжечка твоя очень милая, родная. Я ее всю прочитала вчера же. И стихи мне очень нравятся, больше чем драмы. Обложку опять справили?

Какую доверенность ты мне присылаешь? Зачем?

Итак я жду от тебя писем в Париж до востребования.

Очень рада что ты получаешь наслаждения от музыки. Вчера были в гостях у Нюры. Было много народу. Алек.<андр> Брюсов заговорил меня совершенно рассказами о «Египте и успехах истории древних народов». Сегодня я в концерте. Завтра иду с Любой нанимать дачу и послезавтра в 6 ч.<асов> уезжаем.

Пришлю тебе адрес Берлинской гостиницы, если попадаешь удачно и Кельнской также. Прощай, мой родной, любимый.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 75-76. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 75 пометка, внесенная карандашом: [1911].

[101] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 Москва, 12 марта <1911> г. (ст. ст.)

Москва, 12 марта

Дорогой Зоря, завтра мы едем, кажется. Я говорю неуверенно, потому что у Любы заболело горло.

Посылаю тебе пять экз.<емпляров> «Зеркало». Дай один Сюннербергу, Щеголовой, Яценко. В Италию я уезжала с лучшим настроением. Не знаю, как проведу время до тебя в Париже. Милый ты мой, родной. Люблю, люблю тебя всегда, во всяком случае, несмотря ни на что. Целую! Твоя Надя.

Доверенность получила и везу ее с собой в Париже.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 77. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 77 пометка, внесенная карандашом: [1911].

[102] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 14 марта 1911 г. (ст. ст.)

14 марта 1911.

Дорогая Надя!

Я послал письма и в Берлин, и в Кельн, но вряд ли ты их сумела получить, если вы решили пробыть в Берлине лишь одни сутки. Пожалуйста, Надя, когда будешь писать об адресе, сообщи, постоянный он или временный и можно ли по такому адресу выслать деньги в начале апреля, если я задержусь числа до 15 или 20. Не забудь! И, Бога ради, пиши *поразборчивее*. Значит, я буду посылать письма и деньги на имя Nadejda Stepanoff.

Каждый день жду, что вот-вот разгорится, наконец, как следует, моя работа над повестью, но пока мой костер дымит и тлеет и нету желанного пламени. Помолиться надо, должно быть.

С каждым днем я люблю тебя все серьезнее, болезненнее и нежное. Так мне верится. Обнимаю тебя, моя родная, и целую твои милые руки.

Твой злополучный Георгий.

Любу поцелуй.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 68. Связь с конвертом не установлена.

[103] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 15 марта 1911 г. (ст. ст.)

15 марта 1911.

Дорогая Надя!

Повесть моя решительно не ладится. В комнате моей неуютно. Не знаю, как быть. Очень хочется все бросить и ехать в Париж, к тебе.

Живу я не очень трезво и трачу «жар души» моей в пустыни. Но думаю и мечтаю о тебе.

Живи, дорогая, спокойно и не очень обращай внимание на мои жалобы. Все образуется, все суета сует...

Что-нибудь придумаю я, наконец, для того, чтобы устроить дела и приехать в Париж. А там, это Бог даст.

Хорошо ли себя ведет Люба? Довольна ли ты ей?

Целую тебя. Любящий и твой всегда Георгий.

P.S. 16 марта. Кажется, начну сегодня новую повесть. «Перепутье» оставлю до Парижа.

P.P.S. Бога ради, по вечерам не сидите в кабачках и не ходите по Монмартру.

P.P.P.S. Сейчас, в 12 дня, 16 марта получил твое письмо относительно Имения Средний. Что такое? Ничего не понимаю. Прежде всего, почему ты ничего мне не сообщила относительно того, *когда* ты едешь в Париж. Ведь ты собиралась 13-го, а теперь? В чем дело? Я обижен твоей небрежностью.

Все-таки мне любопытно знать, когда собирается в Париж моя жена. Что касается имения, то как я могу знать, что будет летом. А вдруг мне захочется остаться в Париже. Нет, я не могу ничего понять в твоих планах. Пусть это останется на твоей совести.

Но все-таки целую руки твои нежно, нежно, нежно...

Портрет твой многим очень нравится. На вечере Вяч.<еслав> Ив.<анов> произвел сенсацию. Вяч.<еслав> Ив.<анов> влюбился в тебя опять и целовал меня, уверяя, что это он делает для того,

чтобы выразить свое чувство к тебе. О, поцелуй лицемерный! Не дала ли ты повод к такой демонстрации? Я страдаю от ревности.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 69-69об. Связь с конвертом не установлена.

[104] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Варшава, 15 марта 1911 г. (ст. ст.)

Дорогой Зоря!

Едем благополучно. Сейчас в Варшаве. Скоро садимся в вагон до Александрова. Целую тебя!

Привет от Любы.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 78-78об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Петербург. Георгию Ивановичу Чулкову, Гороховая, 5, кв.<артира> 11. Почтовый штемпель: «Варшава, 15/III-1911», «Санкт-Петербург, 17/III-1911».

[105] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Кельн, 17 марта 1911 г. (ст. ст.)

30/III.<1>911.

Дорогой Зоря! Мы в Кельне. Жара градусов 20. Зелень, цветы. Дом великолепен. Сегодня едем в Париж в 11 ч.<асов> веч.<ера> с очень удобным поездом без пересадки до Парижа в III кл.<ассе> в чистом немецком вагоне.

Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 79. Почтовая открытка. На открытке адрес: *Russland. Peterburg.* Петербург. Георгию Ивановичу Чулкову. Гороховая, 5, кв.<артира> 11. Почтовый штемпель: «Köln, 30/III-1911». В письме дата проставлена по новому стилю.

[106] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 17 марта 1911 г. (ст. ст.)

/ 17 марта /

1/IV <1>911.

Приехали мы, дорогой Зоря, в Париж. Я очень устала от дороги. Послала тебе письмо закрытое, но без марки. Сегодня напишу снова. Очень хочу тебя видеть здесь. Целую тебя. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 79а. Почтовая открытка. Correspondance. Tous les pays étrangers n'acceptent pas la correspondance au recto, se renseigner à la poste. На открытке адрес: *Russie. Pétersbourg. Петербург.* Георгию Ивановичу Чулкову. Гороховая, 5, кв.<артира> 11. Почтовый штемпель неразборчивый. По верхнему краю открытки дата по старому стилю, внесенная рукой Чулковой: [17 марта].

[107] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 19 марта 1911 г. (ст. ст.)

19 марта 1911.

Чудесная моя Надя!

Получил твои письма из Берлина и почувствовал реально прелесть путешествия и скитаний. В Париж! В Париж! Хочу в Париж. Хочу к тебе очень. Я влюблен в тебя, моя несравненная.

К сожалению, я сейчас запутан литературой: выехать отсюда ранее, чем я кончу мою повесть (небольшую: роман я отложил до Парижа) я не могу – и морально, и материально.

Я очень страдаю от неуютности моей комнаты. И ты права: мало солнца, – а на дворе весна. Это ужасно. 6-го я брошу Гороховую и переселюсь куда-нибудь в номера, отправив книги на хранение. Ах, неудачно устроили мы наши житейские дела.

Пришли адрес *точный*. Поцелуй Любу.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 70. Связь с конвертом не установлена.

[108]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 22 марта 1911 г. (ст. ст.)

22 марта 1911.

Дорогая Надя!

Ты пишешь из Парижа от 18 числа, что получила мое одно письмо. Почему же так? Я в Париж послал до востребования три больших письма и вот это четвертое посылаю ныне. Спасибо за «наш путь в Париж». Это мне пригодится.

Теперь я работаю. Как получу из «Шиповника» деньги, пошлю тебе некоторую сумму, потому что сам я все-таки попаду, вероятно, в «Париж» числа 20 – не ранее. А мне поскорее хочется. Мне тебя надо очень. Люблю тебя, моя чудесная, моя очаровательная.

Целую тебя нежно. Георгий Чулков.

P.S. Сережка Городецкий написал о моих стихах рецензию в «Речи» – ничего хулиганского в ней нет и даже есть кое-что лестное.

Адрес? Повтори его в двух-трех письмах на всякий случай.

Обнимаю Любу. Нравится ей Париж?

Ты меня в своих письмах не очень соблазняешь путешествием, а мне ужасно хочется лететь в Париж, к тебе. Люби меня, Надя, и будь моей. Не говори, что ты «не моя».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 71. Связь с конвертом не установлена.

[109]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 24 марта 1911 г. (ст. ст.)

24 марта 1911.

Моя чудесная Надя!

Твоя болезнь, твои боли меня мучают. Была ли ты у доктора в Москве? Почему ты ничего не пишешь мне об этом?

Я с нетерпением жду дня, когда я пойду покупать билет в Париж. Я мечтаю о тебе, моя родная.

Я пишу повесть – листа 2 – 2 ½. Уехать отсюда не могу, пока не кончу и не продам ее.

Я очень рад, что, наконец, знаю твой настоящий адрес. Если же почему-либо тебе придется переменить квартиру, Бога ради немедленно сообщи мне, и не забудь оставить свой новый адрес в отеле Lisbonne, дабы я, приехав в Париж, мог тебя отыскать.

Целую тебя. Обнимаю и Любу. Пусть и она что-нибудь напишет мне. И ты слишком лаконична!

Любящий тебя нежно Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 72. Связь с конвертом не установлена.

[110] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 25 марта 1911 г. (ст. ст.)

25 марта 1911.

Моя несравненная Надя!

Я завидую тебе ужасно. У нас – опять снег и метель и вообще петербургское Черт знает что! Я пишу, работаю, но как-то не могу ускорить, подвинуть вперед повесть. Все надеюсь, что вот завтра размахнусь.

Ты спрашиваешь, кого я вижу. Все тех же – Вяч.<слава> Иванова, Блока, Сюннерберга, Городецкого. Третьего дня опять ко мне заходила Крушинская. Я ей прочел первые четыре главы моей повести. Хотелось посмотреть, какое впечатление они произведут на человека со стороны. Ей, кажется, очень понравилось.

Сейчас сажусь работать (11 ч.<асов> утра). Поэтому кончаю письмо.

Целую тебя, моя чудесная и родная. Георгий Чулков.

Люби, люби меня...

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 73. Связь с конвертом не установлена.

[111] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 8 апреля 1911 г. (н. ст.)

/ 25-III /

Paris, 8 avril

<1>911.

Люба тебя целует.

Дорогой Зоря, я получила, вероятно, все твои письма (4) до сегодня. Жду теперь писем, адресованных на новый мой адрес. Тебе посылаю каждый день по письму, чтобы ты не скучал без меня. Сегодня четвертый раз были в Лувре.

Целую очень. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 80. Почтовая открытка. Tous les pays étrangers n'acceptent pas la correspondance au recto. (Se renseigner à la poste). Correspondance. На открытке адрес: *Russie. Pétersbourg*. Георгию Ивановичу Чулкову. Гороховая, 5, кв.<артира> 11. *Петербург*. Почтовый штампель «Paris. BD des italiens, 8, 8/IV-1911». По верхнему краю открытки дата по старому, внесенная рукой Чулковой: [25 марта].

[112] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 26 марта 1911 г. (ст. ст.)

26 марта 1911.

Моя родная! Получил сейчас твое письмо от 5 ч.<исла> (н.<ового> с.<тиля>). Я жадно читаю твои письма. Мне чудится твой голос, я вижу твое лицо. Какая ты талантливая, какая очаровательная! Каждая твоя строчка умна, интересна...

Дорогая моя Надька! Пиши мне каждый день. Я пишу кратко, потому, что здесь нет сейчас событий. Все – внутри: я пишу повесть.

Как только кончу, помчусь в Париж. Досадно, что придется заехать в Москву. Это еще задержит меня.

А, ведь, надо? Как ты думаешь? Или отложить до осени?

Недавно я был вызван к судебному следователю по делу Пяста. Там же был Блок и Ремизов.

Ремизов все скулит по поводу поездки в Париж.

Ну, там видно будет.

До свидания, моя чуждая. Люблю.

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 74. Связь с конвертом не установлена.

[113] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 28 марта 1911 г. (ст. ст.)

28 марта 1911.

Моя чудесная Надя!

В письме от 7 апреля ты жалуешься на то, что нет писем. Я не знаю, почему так. Я пишу через день, а то и каждый день.

Я теперь очень занят повестью. Но, кажется, она превращается в роман (по размерам), хотя пока написано немного. А я опять в авансе у Бенштейна. Не знаю, как уладить дела: очень хочется поскорее в Париж. Еще страниц сорок напишу – это значит работы дней на десять, и пойду продаваться на корню.

В Петербурге уже пахнет весной. Поэтому пишу охотно и ненудно.

Люблю тебя, родная. Теперь у меня на столе два твоих портрета – фотография и в красках Серебряковой (т. е. воспроизведены, конечно).

Целую тебя нежно. Твой Георгий.

P.S. До востребования мной послано четыре закрытых письма, а на улицу Vangirard пять – это шестое. P.S. Купи необходимое. Как только получу из «Шиповника», пришлю тебе денег, да и сам, вероятно, приеду после Пасхи (нашей).

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 75. Связь с конвертом не установлена.

[114] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 29 марта 1911 г. (ст. ст.)

29 марта 1911.

Родная моя Надя!

Никогда еще я не мучился так над темой, как теперь, когда я пишу эту повесть. У меня несколько раз изменялся план. Много страниц я уничтожил и вновь написал.

Сейчас у меня готово в завершенном виде – пять глав. И мне кажется, что я не сумею вместить мою тему в 3 листа, как раньше предполагал. Надо, надо писать роман! Только в этой форме возможно сказать все, что хочешь. А, если писать роман, для этого понадобится не менее четырех месяцев, не считая тех шести недель, которые я уже потратил. Значит, надо ехать в Париж и там продолжать мою работу. Буду искать сегодня денег. Если найду, приеду, хотя бы с маленькой суммой, теперь же.

Я люблю тебя благоговейно и нежно. Мечтаю о тебе и хочу, хочу видеть тебя очень.

Твой Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 76. Связь с конвертом не установлена.

[115] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 30 марта 1911 г. (ст. ст.)

30 марта 1911.

Дорогая Надя!

Это не я, а ты виновата, что я пишу на русский лад *Nadejda*, вместо *Nadine*. Так ты мне дала адрес, с такой транскрипцией. Я и писал так, желая быть тебе покорным.

Родная Надя! Мне, вероятно, более грустно, чем тебе сидеть здесь. Но делать нечего: пока не достану денег, выехать невозможно. Не хочется прерывать писание повести для рассказа, да я даже не в состоянии сейчас писать рассказ. Второго числа, должно быть, я сумею тебе выслать пятьдесят рублей на всякий случай, а через неделю, т.е. числа 10 выеду я сам за границу, так что к двадцатому буду там. Ты мне писала, что до 20-го ты просуществуешь. Если же я почему-либо задержусь, напр.<имер>, не достану билета, я тебе переведу деньги телеграфом.

Не удивляйся, если дня три-четыре ты не будешь получать от меня писем: я теперь живу только повестью. Не забывай меня, моя чуждая Надья.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 77. Связь с конвертом не установлена.

[116] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 1 апреля 1911 г. (ст. ст.)

Милая Надя! Завтра посылаю тебе пятьдесят рублей. Посылаю мало, потому что надеюсь сам приехать к 20-му числу. Люби меня, родная.

Я пишу повесть. Очень не хочется заезжать в Москву, а придется.

Целую тебя нежно. Твой Георгий.

1 апреля 1911.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 77а-77аоб. Всемирный почтовый союз – Union Postale Universelle. Россия – Russie. Почтовая открытка – Carte Postale. На обороте адрес: *A m-me Nadine Stepanoff*. 4, rue de Vaugirard. Hôtel Lisbonne. Paris. Франция. Париж. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 1/IV-1911».

[117] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 2 апреля 1911 г. (ст. ст.)

2 апреля 1911.

Дорогая Надя!

Я сегодня отправил пятьдесят (130 фр.<анков>) рублей. Когда получишь их (т.е., вероятно, 6-го апреля), извести меня об этом: я получу твой ответ, значит, числа 10-го. А сам я поеду, как только добуду денег под часть повести, написанную мной. Ты знаешь, что это не очень просто. Пока я надежды не потерял. Думаю, что к 20-му буду в Париже. Извещать тебя я не стану о дне приезда. Встречать меня не надо. Только адреса не меняй.

Ты пишешь о Бальмонте. Ну, что же? Ты его не видела? Не огорчает тебя Любка? Когда я проеду в Париж, я всех русских прогоню с улицы Вожирар.

Ты меня насмешила, упрекнув меня за то, что я тебе не сообщаю о новостях, напр.<имер>, о смерти Якубовича.

Неужели это тебе интересно? Господи! Ну, помер Якубович – царство ему небесное. Нам-то что?

Ах, Надька! Я хочу, хочу, хочу в Париж. Тогда все новости тебе расскажу, родная.

Яценко в понедельник уезжает в Ставрополь, а в воскресенье вечером мы с ним званы к Ев.<гению> Ев.<геньевичу> Лансере. Они решили, наконец, устроить вечер. Был я как-то в Религиозно-философск.<ом> обществе и даже председательствовал там. Это все дипломатия Вяч.<еслава> Ив.<анова>!

Люблю тебя неизменно, милая. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 78. Связь с конвертом не установлена.

[118] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 3 апреля 1911 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя! Надеюсь выяснится вопрос об авансе. И тогда я тотчас же поеду покупать билет. Кажется, в Москву не придется заехать: денег не хватит: в этом отношении на горизонте довольно мрачно.

Ах, скорее бы в Париж!

Любящий тебя нежно Георгий.

3 апреля 1911.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 78а-78аоб. Всемирный почтовый союз – Union Postale Universelle. Россия – Russie. Почтовая карточка – Carte Postale. На обороте адрес: A m-me Nadine Stepanoff. 4, Rue de Vaugirard, 4. Hôtel de Lisbonne. Paris. Франция. Париж. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 3/IV-1911».

[119] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 4 апреля 1911 г. (ст. ст.)

4 апреля 1911.

Милая Надя!

Я приехал сейчас от Ев.<гения> Ев.<геньевича> Лансере (2 ч.<аса> ночи). Там было очень скучно, очень скучно... Нет, я не могу больше оставаться в Петербурге. Возьми меня в Париж! Если днем сегодня я не заручусь обещанием Бенштейна относительно аванса, я сяду писать рассказ и брошу пока повесть.

А это так мучительно!

Люблю тебя очень. Твой Георгий.

Сейчас 12 ч.<асов> дня 4 апреля (понедельник) по вашему парижск.<ому> ст.<иллю> 17. Иду в редакцию. Завтра сообщу о результатах переговоров. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 78б. Связь с конвертом не установлена.

[120] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 5 апреля 1911 г. (ст. ст.)

5 апреля 1911.

Милая Надя!

Ты получишь это письмо числа десятого, значит, на Пасху. Поздравляю тебя, родная. Мне очень горько, что мы не будем вместе. Дела мои материальные совсем не устраиваются!

Бенштейн ничего не даст или *почти ничего*. Перед праздниками все издатели и редакторы разъехались. Кажется, я махну на все рукой и поеду в Париж без денег. Авось, «Шиповник» будет

высылать точно. А до первых чисел мая, как-нибудь протянем. В четверг, седьмого апреля, возьму заграничный паспорт. Тотчас после Пасхи, числа 15-20 думаю ехать в Париж.

А тут еще (Ах, грех мой!) недели две тому назад я с Блоком кутил-таки и потратился (Стыдно! Стыдно!). Утром после нашей попойки явился ко мне какой-то фотограф от какого-то издания и (о, ужас!) снял меня «в домашней обстановке». Трагикомическую карточку при сем прилагаю.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Родная моя! Нежная моя! Ты меня прости за попойку и не упрекай, и люби.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 79. Связь с конвертом не установлена.

[121] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Париж, 6 апреля 1911 г. (ст. ст.)

Paris. 19 / IV <1>911. / 6/IV /

Милый Зоря, денег я еще не получила, очень возможно, что их приносили без меня. Знаю уже, что ты в Москву не хочешь ехать.

Жду тебя. Думаю больше тебе не посылать писем. Они тебя не застанут. Погода у нас дивная. Буду подыскивать пока комнаты для нас, а до 1-го мая н.<ового>ст.<иля> я буду на ул.<ице> Вожирар, 4. Целую тебя, твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 82. Post Card. Carte Postale. Postkart. Briefkart – Postkaart. Cartolina Postale – Открытое Письмо – Tarjeta postal. На открытке адрес: *Russie. Pétersbourg*. Георгию Ивановичу Чулкову. Гороховая ул.<ила>, д.<ом> 5, кв.<артира> 11. *Петербург*. Почтовый штемпель «Paris. 20/IV-1911». По верхнему краю открытки дата проставлена по старому стилю рукой Чулковой: [6 апреля].

[122] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 6 апреля 1911 г. (ст. ст.)

6 апреля 1911.

Родная Надька! У меня лихорадка нетерпения. И, конечно, как всегда до смешного все не ладится. То, что мне пришлось остаться на Пасху в Петербурге, меня удручает. Мечтаю уехать на Фоминой числа 18-20. Ах, ты господи!

Ященко уехал на Кавказ. Блок скоро уезжает в деревню. Я часто вижу Вяч.<еслава> Ивановича.

Вчера был в «Аполлоне»: Гумилев вернулся из Абиссинии и читал доклад о дикарях, зверях и птицах. До свидания! Пиши! Люблю. Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 80-80об. Всемирный почтовый союз – Union Postale Universelle. Россия – Russie. Почтовая карточка – Carte Postale. На обороте адрес: Франция. Париж. A m-me Nadine Stepanoff 4, rue de Vaugirard, 4. Hôtel de Lisbonne. *Paris*. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 6/IV-1911». На листке пометка, внесенная рукой Чулкова: [Гороховая, 5].

[123] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 7 апреля 1911 г. (ст. ст.)

7 апреля 1911.

Родная Надька! Пришлось писать рассказ небольшой. На Фоминой недели еду. Иду сейчас в градоначальство за паспортом. Свидетельство получил. Скучно на Пасхе без тебя. Люблю тебя, дорогая, и ужасно хочу тебя видеть. Твой Георгий.

Я заплатил хозяйке 30 руб.<лей> по 21 число. Зайцевы зовут меня в Москву: вероятно, не поеду туда – прямо в Париж.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 81-81об. Всемирный почтовый союз – Union Postale Universelle. Россия – Russie. Почтовая карточка – Carte Postale. На обороте адрес: Франция. Париж. A m-me Nadine Stepanoff 4, rue de Vaugirard, 4. Hôtel de Lisbonne. Paris. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 7/IV-1911».

[124] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 8 апреля 1911 г. (ст. ст.)

8 апреля 1911.

Дорогая моя Надя!

Вчера я заказал заграничный паспорт. Мне его обещали приготовить к 14 апрелю (четвертый день Пасхи). Рассказ я кончу, вероятно, к 17-18 числу. Это для «Нивы». За рассказ (небольшой) я получу 100 рублей. И тотчас же еду к тебе – почти без денег. Увы! Я привезу, должно быть, не более ста рублей. Авось, этого хватит на две недели. «Шиповник» дает клятву, что первого вышлет точно 250 руб.<лей> значит, мы получим эти деньги 6-го мая старого стиля.

Как я живу? Днем работаю, но по вечерам – увы! – опять увы! – дома не сижу. Надо, надо скорее ехать в Париж. Ты – мой единственный якорь, мое счастье и моя любовь.

Ты мне все пишешь: «я старая, я старая...». Не смей так думать и так чувствовать. Ты – необычайная, невероятная. Я тебя люблю безумно. Целую тебя, моя дорогая.

Твой Георгий.

Меня беспокоит, получила ли ты перевод за 50 р.<ублей> Если *не* получила почему-либо, телеграфируй.

Я живу по-прежнему: Гороховая, 5.

Зайцевы прислали письмо: зовут в Москву. Но я не поеду.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 82. Связь с конвертом не установлена.

[125] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 9 апреля 1911 г. (ст. ст.)

9 апреля 1911.

Дорогая, родная Надя!

Два дня от тебя не было писем. Почему не пишешь?

А, когда пишешь, почему кратко так? Мои письма лаконичны, потому что в Петербурге все по-старому, а, ведь, ты в Париже! А что с Любой? Когда она поедет в Москву?

Я уже писал, что поеду на Фоминой. Встретил на днях в «Аполлоне» Ев.<гения> Ев.<геньевича> Лансере. Он сказал мне, что Добужинский узнавал мой адрес: будто бы Художеств.<енный> Театр желает прислать мне почетный билет на свои спектакли. Но пока билета я не получал, а покупать не стану.

Был я на «Царе Эдипе» (в постановке Рейнгарта). Это было не очень интересно. Вчера встретил на улице Мережковского (или его двойника). З.<инаида> Н.<иколаевна> Гиппиус опять злится на меня в «Русской Мысли» – по поводу «Дома на песке».

До свидания, милая, нежная моя Надя.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Кое-где появляются рецензии о моих книгах – и довольно благоприятные. А корректуру П г.<ома> придется мне держать в Париже.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 83. Связь с конвертом не установлена.

[126] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 10 апреля 1911 г. (ст. ст.)

10 апреля 1911.

Дорогая Надя!

Сегодня Пасха, а у меня на сердце горько и жутко: три дня от тебя нет писем. Это письмо мое ты получишь четырнадцатого, значит, твой ответ придет ко мне 18-го. Если я сумею достать билет на 19-го, тогда тебе на Гороховую больше писать не придется.

Сегодня я был с Валент.<иней> Андр.<еевной> у Павлы Елисеевича в тюрьме и потом обедал у Вал.<ентины> Андр.<еевны>: рестораны закрыты.

Дописываю маленький рассказ.

Ты мне необходима, Надя! Не забыла ли ты меня? Как странно, что ты не пишешь! Здорова ли? Если не здорова, телеграфируй. В Москву я не поеду. В Берлине останусь на один день и в Кельне переночую.

Петербург мне решительно надоел. И люди все надоели, а все-таки по вечерам плетусь то туда, то сюда: в комнате скучно и тоскливо, и пусто, и пыльно как-то.

Любящий тебя Георгий.

Если, в силу каких-либо неожиданных обстоятельств, ты переменишь адрес, оставь сведения о себе в отеле Lisbonne и, кроме того, напиши мне *poste restante* в *poste centrale* – *Georges Tschoukoff*.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 84. Связь с конвертом не установлена.

[127] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 12 апреля 1911 г. (ст. ст.)

12 апреля 1911.

Дорогая Надя!

Четвертый день нет от тебя писем. Я не знаю, что и думать. Родная моя! Что же это такое? Я в отчаянии. В четверг 14 апреля я должен получать паспорт и в тот же день поеду покупать билет.

Завтра, вероятно, я кончу рассказ. Хотелось бы написать для «Аполлон» статью о Достоевском, но не успею, кажется.

Если почему-либо с деньгами произошла путаница, пришли телеграмму и я переведу тебе деньги через Лионский Кредит тоже телеграфом.

Надька милая! Ужасно хочу тебя видеть. Все суета сует и всяческая суета – только ты – прекрасна, мудра, очаровательна.

Люблю тебя безумно. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 85. Связь с конвертом не установлена.

[128] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 14 апреля 1911 г. (ст. ст.)

14 апреля 1911.

Дорогая Надя!

Не понимаю, почему ты не получила денег. Они были посланы переводом через Главный почтамт на улицу Вожирар, 4. Hôtel Lisbonne, т.е. по обычному адресу, по которому я посылаю письма. Если завтра я не получу известии, что денег получены, переведу тебе еще 50 руб.<лей> через Лионский Кредит телеграфом. Вчера ходил за билетом, не удачно: 18-го изменяется расписание. Я сумею получить билет лишь на 20 число. Получу его, вероятно, завтра. Значит буду на улице Вожирар числа 26 старого стиля. Мои финансы плохи. Ну, да ничего – 1-го получил из «Шиповника» 250. Только вот досадно, что деньги идут так долго. Вперед «Шиповник» не даст ни копейки, а то бы я раньше хлопотал бы о билете. Дорогая, милая! Ты редко и кратко пишешь. Об ином узнаю от других. Вчера мне Зинаида Андреевна Жилкина сообщила, что ты намерена быть в мастерской Матиса. Я очень рад, что ты хорошо и подробно осматриваешь Париж. Мне его так, вероятно, не придется осмотреть.

Не уезжай ради Бога с улицы Вожирар! Подожди меня!

Люблю тебя, дорогая.

Твой Георгий.

Паспорт я получил.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 86-86об. Связь с конвертом не установлена.

[129] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 14 апреля 1911 г. (ст. ст.)

/ 14 апреля /

Дорогой Георгий, деньги получила. Спасибо. Нашла квартиру в две комнаты. Это совершенно рядом с Лисбоном, где я сейчас живу. *Rue Monsieur-Le-Prince, N 63. Квартира – 37. Hôtel de l'Univers.* Очень жаль, что ты заезжаешь в Берлин и Кельн – это будет стоить очень дорого, а я тут буду тебя ждать одной.

Ведь, мы же решили заехать на обратном пути. С 23-го ч.<исла> я одна. Если ты из Берлина выедешь в 1 ч.<ас> дня с Постдамск.<ого> вокзала, то пересадки в Кельне не будет. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 81. Carte Postale. На открытке адрес: *Russie. Pétersbourg.* Георгию Ивановичу Чулкову. Гороховая, 5, кв.<артира> 11. Петербург. Почтовый штемпель «Paris. 27/IV-1911», «Санкт-Петербург, 17/IV-1911». По верхнему краю открытки дата проставлена по старому стилю рукой Чулковой: [14 апреля].

[130] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 16 апреля 1911 г. (ст. ст.)

16 апреля 1911.

Дорогая Надя!

Я истомился: хочу в Париж – и все никак не выходит моя поездка: опять дня на три задержка. Вчера мне не дали еще обещанных денег. Поеду покупать билет в понедельник, 18 апреля (стар.<ого> ст.<иля>).

Я тебе еще перевел через Лионский Кредит телеграфом 50 руб.<лей>. Получила ли ты их?

Сегодня в Петербурге жарко. Это первый такой день.

Ах, проклятые финансы! Солнце меня зовет и соблазняет... Комната моя скучна и неудобна. Я сейчас мрачен и озабочен. Не покидай улицы Вожирар, пока я не приеду. Ты пишешь, что остаешься там лишь до 1 ч.<исла> нов.<ого> стиля. Как же это так?

Любящий тебя нежно

Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 87. Связь с конвертом не установлена.

[131] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 17 апреля 1911 г. (ст. ст.)

17 апреля 1911.

Дорогая Надя!

Ты даешь мне новый адрес, но не сообщаяешь, когда ты переезжаешь на эту квартиру. Куда тебе писать и где тебя искать не ведаю.

В Берлине и Кельне я буду только ночевать, чтобы не утомиться окончательно. Медлю ехать, потому что никак не могу свести концы с концами – в области финансов. Как только получу «minimum» необходимый для поездки, беру билет. Ремизовы едут 20-го. Я надеюсь выехать 21-го. Последние дни я изнемогаю от желания тебя видеть. Очень тебя люблю.

Если ты уехала из отеля до 17 апреля стар.<ого> стилия, т.е. до 30 нов.<ого> ст.<иля>, это очень неприятно, потому что я перевел телеграфом через Лионский Кредит 50 руб.<лей> (кроме того, что перевел по почте). Справься в Лионском Кредите. Целую тебя нежно. Твой Георгий.
P.S. Я видел во сне, что за тобой ухаживает аббат – бритый, конечно, и в рясе. Я распорол живот аббату перочинным ножом.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 88. Связь с конвертом не установлена.

[132] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 19 апреля 1911 г. (ст. ст.)

19 апреля 1911.

Милая Надя!

Билет, наконец, куплен на 21 число (вечером 11 ч.<асов> 15 м.<инут> – скорый). Взял вперед жалования за месяц в «Шиповнике» и еду.

Разменял русские деньги, чтобы не тратить здесь ничего. Но на бедного Макара все шишки валятся: что-то нездоровится.

Если ты не получишь еще письма, значит, я здоров и еду. Писем из Берлина, конечно, посылать не буду. Остановлюсь там и в Кельне лишь на один день.

Ремизовы едут 20-го. Они будут у тебя дня за два до меня. Сходи в Лионский Кредит и получи деньги (50 р.<ублей>), если их до сих пор не получила: ты переехала на другую квартиру в тот день, когда должна была получать перевод (через Лионский Кредит).

Я устал мечтать о Париже.

До скорого свидания, моя родная.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Когда приеду в Париж, никуда нос не покажу: буду сидеть дома и работать. Ничего я не хочу смотреть. Ничего мне не надо. Я сегодня чувствую себя ветхим.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 89-90. Связь с конвертом не установлена.

[133] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Вержболово, <1911>. (ст. ст.)

Дорогая Надя! Пишу из Вержболова. Проехал, нигде не останавливался. Устал смертельно: две ночи не спал. Будь спокойной, милая.

Любящий тебя очень
Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 91. Связь с конвертом не установлена.

[134] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, <21> августа 1911 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя! Я сейчас только что приехал в Петербург. Он мне показался унылым и серым. Иду к парикмахеру - мыть голову после парижско-берлинской копоты. Доехал я благополучно, только потерял, конечно, палку и путался на берлинском вокзале.

Бога ради, Надя, не унывай. Сегодня вечером напишу тебе, кого видел и что делал.

Ах, если бы устроилось дело с «Шиповником»! Приехал бы я тогда в пансион m-me Caisey и стал бы так жить и писать моих «Мертвецов». До свидания, милая, чудесная Надька. Любящий тебя нежно Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 92. Связь с конвертом не установлена.

[135] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 22 августа 1911 г. (ст. ст.)

22 августа 1911.
10 ч.<асов> вечера.

Дорогая Надя!

Я поселился пока в Пале-Рояль, на Пушкинской. Целый день я сегодня потратил на то, чтобы нанести визиты редакциям. Был в «Новой Жизни». Там Бенштейн устраивает еще один журнал, по типу своему мне не интересный. В «Шиповнике» встретил Ремизова, который был со мной очень нежен. Ни Гржебина, ни Копельмана не видел. Копельман приедет 2 сентября. Значит, до второго сентября ничего во всяком случае не выяснится.

На Невском неожиданно заключил меня в свои объятия Городецкий. С ним я позавтракал. Анна Алексеевна приедет дня через три. Он нанял квартиру на Фонтанке, 143, кв.<артира> 5. Вид у него грустный и нездоровый. Затем отправился я в «Аполлон». Зноско-Боровский приготовил мне три экземпляра моей комедии, из которых один передал Мейерхольду. Маковский был весьма любезен и очень просил статьи для «Аполлона», что, впрочем, мне не улыбается. Ни Гумилева, ни Гумилевой нет в Петербурге. Анна Андреевна, по словам Маковского, была в Петербурге не так давно, но куда-то уехала, кажется, в деревню.

Был я еще в конторе «Речи» и получил там гонорар, так что недели две, пока устрою дела, я смогу здесь просуществовать. Гессена, к сожалению, в Петербурге нет. На его месте Ганфман. И Гессен вернется лишь в октябре.

Сейчас, написав тебе письмо, сяду за просмотр и исправления «Темного сердца». Завтра утром отдам его переписать. Относительно «Вестника Европы» ничего еще не решил.

Если я от Славинского денег не получу, тогда придется моим кредиторам подождать немного, пока напишу еще один рассказ за который примусь завтра. Тебе деньги вышлю немедленно, как только получу их в «Шиповнике», т.е. 1 сентября, по нов.<ому> ст.<иллю> 14. Значит, ты их получишь числа 18-20. Отдай пока половину денег портнихе. Пиши мне в «Шиповник», Николаевская, 31.

Бога ради, Надя, не грусти, не тоскуй. Мне по-прежнему хочется вернуться в Париж. Буду каждый вечер писать тебе, как я живу.

Дорогая, чудная Надька обнимаю тебя и целую твои родные руки. Любящий тебя очень Георгий.

P.S. Номер я взял в Пале-Рояль сносный, за 2 руб.<ля> В нем можно работать и сидеть по вечерам: светло и даже уютно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 94 — 95об. Связь с конвертом не установлена.

[136] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург. 23 августа 1911 г. (ст. ст.)

23 августа 1911.

Дорогая Надя!

С нетерпением жду от тебя письма. Хочу читать твои строки и слышать твой голос.

Я боюсь, что в Париж невозможно будет вернуться. Сегодня я видел Гржебина. Он ничего приятного мне не сказал, за то мимоходом занял у меня пять рублей. А Вейс неожиданно «попросил» меня получить жалование не первого, а седьмого числа (стар.<ого> ст.<иля>). Как тебе это покажется!! Я ему заявил, что 150 руб.<лей> мне необходимо послать в Париж непременно первого числа – во всяком случае. Он обещал в конце концов эти полтора ста рублей дать первого, а сто потом, числа седьмого.

Был сегодня у Ремизова и узнал адрес Вяч.<слава> Ив.<анова>. Он живет на даче в Силломьягах Эстляндской губ.<ернии> – три или пять часов езды от Петербурга. Я ему сегодня напишу письмо.

Вечером сегодня (сейчас 12 ч.<асов> ночи) я был у К.<онстантина> А.<лександровича> Сюннерберга, а завтра вечером буду у Мейерхольда читать «Медея». Медея была переписана ужасно и в разных местах пропущено *несколько страниц*.

В таком изуродованном виде моя пьеса уже читалась без меня Мейерхольдом в присутствии Сюннерберга и дам. По-видимому, о постановке в Александринке не стоит говорить серьезно. К моей пьесе отношение кислое. Иду завтра к Мейерхольду, потому только, что нет охоты делать вид, что я обижаюсь и негодную.

«Темное сердце» будет готов завтра в три часа. Может быть, завтра же успею передать повесть в «Вестник Европы».

Скучно мне... Ах, скучно...

Люблю тебя, дорогая.

Георгий Чулков.

Пиши мне в «Шиповник». Николаевская, 31.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 96 — 98. На бумаге Chancery Bank Extra Strong. На конверте адрес: M-me Tchoulkoff. 95, boulevard Saint-Michel, 95. Pension de M-me Caisey. Paris. Париж. Франция. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 24/VIII-1911».

[137] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 23 августа 1911 г. (ст. ст.)

(Пиши по адресу: Шиповник, Николаевская, 31).

24 августа 1911. 12 ч.<асов> н.<очи>
СПб.

Милая Надя! Петербург после Парижа показался мне маленьким, серым и каким-то «недавним». Нет, право, двести лет это слишком мало. Я не хочу здесь жить. Ах, нет на земном шаре подходящего для меня места.

Днем видел Славинского. Относительно «Вестника Европы» все выяснится на днях. Я отдал туда «Темное сердце». Вечером сегодня видел Мейерхольда. С ним, конечно, каши не сварить. Что я теперь делаю? Пишу рассказ – «Модест-Вебер». Париж для меня, по-видимому, тью-тью. Надя родная! Я тебя люблю очень. Только, Бога ради, меня не жалеи. Живи, как хочешь. Все будет так, как надо. Ведь, если я приеду в Москву, ты меня не прогонишь? Любящий тебя нежно Георгий.

Все ли ты мои письма получила? Я пишу вечером каждый день.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 99-99об. Всемирный почтовый союз. Union Postale Universelle. Россия – Russie. Почтовая открытка – Carte Postale. На обороте адрес: М-me *Tchoukoff*. 95, boulevard Saint-Michel, 95. Pension de M-me Caisey. Paris. Париж. Франция. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 25/VIII-1911».

[138] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 25 августа 1911 г. (ст. ст.)

25 августа 1911.

Милая Надя! Сегодня я еще раз просмотрел мою комедию и отправил ее Рощиной-Инсаровой в Москву. Был в «Речи». Статья о *Sécile Savage* там не пойдет. Говорят: «негазетно». Вечером пойду сегодня смотреть оперетку Кузмина.

Как твоя работа? Читал с тобой Яценко перевод или нет? Пиши мне Бога ради.

Я послал Вяч.<еславу> Ив.<анову> письмо. Не хочется самому ехать: очень далеко. Целую тебя, родная Надька.

Любящий Тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 100-100об. Всемирный почтовый союз. Union Postale Universelle. Россия – Russie. Почтовая открытка – Carte Postale. На обороте адрес: М-me *Tchoukoff*. 95, boulevard Saint-Michel, 95. Pension de M-me Caisey. Paris. Париж. Франция. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 26/VIII-1911».

[139] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 26 августа 1911 г. (ст. ст.)

26 августа 1911.

Милая Надя!

Я не получаю от тебя писем. Это меня печалит и мучает. Пиши, Бога ради, в «Шиповник», Николаевская, 31. Я живу по-прежнему на Пушкинской в Пале-Рояль.

Сегодня в «Вестнике Европы» Славинский мне обещал дать денег вперед до прочтения рукописи Овсяннико-Куликовским с обязательством заменить «Темное Сердце» другой повестью, если «Темное Сердце» почему-либо нельзя будет напечатать в их журнале. Я думаю, получив аванс, задержать возврат долга Александрову и Рыбакову, а вместо этого послать тебе 150 руб.<ей>, дабы ты могла ехать в Россию, если в Париже тебе не хочется больше жить. По-видимому, мне ехать в Париж не придется: в «Шиповнике» настроение кислое.

Но если у тебя сейчас есть охота жить в Париже, советую тебе там остаться: при первой возможности я туда приеду. Во всяком случае умоляю тебя, напиши мне поскорее, где ты думаешь теперь поселиться, в Москве ли, и когда, если ты так решила, думаешь выехать из Парижа. К Петербургу я как-то охладел. Если бы не заработок, я с удовольствием его бросил бы.

Был я вчера на оперетке Кузмина. К сожалению, попал я на сборный спектакль, как оказалось, и видел лишь три акта, а их всего пять. Если бы не пошлости, вставленные, очевидно, режиссером, это был бы очень острый и интересный спектакль. Декорации Судейкина заняты.

Был я сегодня у Щеголевых. Павла Елисеевича не застал дома. Валент.<ина> Андр.<еевна> все такая же. И вообще в Петербурге все по-прежнему, и я чувствую, что невозможно более видеть эти физиономии и эти улицы даже. Я понимаю, что нам невозможно располагаться опять на петербургских бивуаках.

Если «Шиповник» обеспечит меня еще на два месяца, я думаю переехать в Москву, с твоего позволения, разумеется.

Я чувствую, Надька, как ты устала, и от этого очень страдаю. Целую руки твои и очень тебя люблю.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 101-101об. Связь с конвертом не установлена.

[140] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 27 августа 1911 г. (ст. ст.)

27 августа 1911.

P.S. Я живу по-прежнему на Пушкинской. Пиши сюда или в «Шиповник».

Милая Надя!

Я сегодня получил, наконец, из «Вестника Европы» деньги, но Лионский Кредит был уже закрыт. Завтра воскресенье. Значит, я смогу тебе послать только послезавтра, т.е. в понедельник, если Лионский Кредит примет перевод. В понедельник тоже какой-то праздник. Телеграфируй мне, пожалуйста, остаешься ты в Париже или едешь в Россию и куда – в Петербург или в Москву. Деньги ты получишь не позднее 15 нов.<ого> ст.<иля>.

Ты знаешь, мне надо ехать в Москву во всяком случае на некоторое время – посоветоваться с Л.<?> и сделать что-нибудь с пьесой, хотя почти нет надежды ее устроить в театре. А тут еще я должен готовить к печати пятый и шестой тома. Кроме того я пишу рассказ на случай, если «Вестник Европы» не пожелает печатать «Темного Сердца».

Славинский послал рукопись Овсяннико-Куликовскому и думает, что он «Темное Сердце» не согласится напечатать.

Копельман все еще нет. Настроение у меня нехорошее. Петербург мне что-то не нравится. Хорошо бы теперь засесть крепко за повесть без людей посторонних.

Пожалуй, надо тебе спешить в Россию: я боюсь, что немцы подерутся с французами – и не будет тогда возможности выехать из Парижа. Надеюсь, Надька, увидеть тебя дней через пять-семь. Почему нет писем от тебя? Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 102-103. На конверте адрес: M-me Tchoulkoff (Stepanoff). 95, boulevard Saint-Michel, 95. Pension Caisey. Paris. Париж. Франция. Почтовый штемпель: «Paris, 7/IX-1911», «Санкт-Петербург, 28/VIII-1911».

[141] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 28 август <1911 г.> (ст. ст.)

28 по ст.<арому> ст.<иллю>

Дорогой Георгий, сегодня спешила тебе послать два слова, поэтому пишу тебе еще, чтобы ты не испугался краткости моего письма. Я думаю ехать в Москву, как только получу деньги. Не посылай мне 150 руб.<лей>, если тебе трудно. Я от платья отказалась: оно испорчено, другое заказывать не буду. Перевод я порядочно подвинула и отдала Яценке, но, так как я все-таки иду черепашими шагами, то отдала Савиничу 100 стр.<аниц>, чтобы Яценко мог поскорее получить деньги, представив половину книги. Я целые дни сижу дома. Здесь очень жарко, невыносимо. Осени нет. Отправь сундук и чемодан в Москву на имя Нюры, если Жилкиных они стесняют. Пока прощай. Н. Не старайся писать как можно больше. Я чувствую себя лучше теперь, надеюсь, что и совсем будет хорошо когда-нибудь. Н.

9 сент. н.<овый> ст.<иль>

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 83-84. На конверте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову, Николаевская, 31, к-во «Шутовник», *Russie – Petersbourg – Петербург*. Почтовый штемпель: «Paris, 12/VIII-1911», «Санкт-Петербург, 2/IX-1911».

[142] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 28 августа 1911 г. (ст. ст.)

28 августа 1911.

Милая Надя!

Сегодня в газетах я прочел мрачные телеграммы о панике на берлинской бирже: по-видимому, будет война. Бога ради, возвращайся в Россию. Завтра я переведу тебе деньги телеграфом, так что ты их получишь ранее этого письма.

А письмо придет в Париж 31 стар.<ый> ст.<иль>, значит, число 13 сентября н.<овый> ст.<иль> немедленно выезжай. Очень тебя прошу. Телеграфируй, когда и куда выезжаешь. Телеграфируй на Пушкинскую, Пале-Рояль.

У меня есть план нашего житейского устройства и нашего душевного и сердечного успокоения, но я ничего не стану говорить об этом, потому что надо что-нибудь *делать* без слов. Да, я виноват и перед тобой, и перед самим собой, и перед Богом. Хочу молиться о тишине и не могу молиться. Неужели умру я неспокоенный, и не примирившийся, и с таким ужасом в душе... Так не надо, Надя, зачеркивать все прошлые дни: много было мучительного и серого, и безразличного, но, ведь, было же и прекрасное. От него стыдно отказываться и грешно.

Люблю тебя, родная моя. Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 104. Связь с конвертом не установлена.

[143] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 29 августа 1911 г. (ст. ст.)

29 августа 1911.

Дорогая Надя! Сейчас перевел тебе через Лионский Кредит телеграфом 150 руб.<лей>. Ты получишь деньги 30 стар.<ый> ст.<иль>, т.е. по-парижски 12 сент.<ября>, а мое письмо получишь 14 сент.<ября>. Если ты решила ехать в Россию, то выезжай скорее – хорошо бы 14-15, так, чтобы попасть в Москву или Петербург 17-18, т.е. по стар.<ому> ст.<иллю> числа 5. К этому времени мне надо быть в Москве.

Я сегодня поеду на дачу к Вяч.<еславу> Ив.<анову>: надо самому отвезти ему долг, хотя ехать мне туда не охота. Пожалуйста, не думай, что я буду с ним откровенничать.

Целую руки твои – родная, милая. Любящий тебя
Твой Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 105-105об. Открытка. На обороте адрес: Всемирный почтовый союз Union postale universelle / Россия – Russie / Почтовая карточка – Carte Postale. M-me Tchouloff. 95, boulevard Saint-Michel, 95. Pension Caisey. Paris. Париж. Франция. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 29/VIII-1911».

[144] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 29 август 1911 г. (ст. ст.)

29/VIII <911> ст.<арый> ст.<иль>

Милый Георгий, получила я деньги, спасибо! Думаю скоро выехать. Нужно полечиться, а то совсем я расклеилась. Перевод сдала сегодня. Теперь мне остаются еще стр.<аниц> 150. Это уже немного. Последний перевод стр.<аниц> 60 я отдала, не прочитав его тебе. Просила Яценку быть снисходительной ко мне. Это мое письмо тебе третье. Все на «Шиповник». Не забудь выкупить шубы – впрочем, можно и перезаложить. У нас два залога. Шубы и серебро. О книгах тоже надо справиться. Можно внести плату, с тем, чтобы продолжить срок, а то их могут продать. Мне нужен сундук, кожаный чемодан и ящик с книгами, на котор.<ых> надпись «Н.<адежде> Г.<ригорьевне> Степановой», но можно не спешить. Прощай! Н. Париж, 10 сент.<ября> <1>911.
Яценко едет завтра с Толстым вместе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 83об-84об. На конверте адрес: E<e>B<ысоко>B<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову. Russie – Pétersbourg. Николаевская, 31, к-во «Шутовник», Петербург. Почтовый штемпель: «Paris, 10/IX-1911», «Санкт-Петербург, 31/VIII-1911».

[145] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 30 августа 1911 г. (ст. ст.)

/ 3 сент.<ября> 1911 /

Дорогой Георгий, деньги я получила 399 фр.<анков> Сегодня вторник. Я думаю выехать в четверг, вечером. Завтра куплю билет. Я не могу здесь дольше оставаться – у меня очень нервы расстроены. Еду я в Москву. Остановлюсь у Нюры или Любы, все равно, и потом возьму комнату. Вот мои планы. Первая работа – кончить перевод. Больше ничего не знаю. Если уехать в четверг не удастся, буду тебе писать. Здесь очень жарко, душно. Напиши, чтобы не высылали сюда газеты. От Серебряковой письмо, она скоро будет в Петербурге.
Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 85-85об. На конверте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову, Пушкинская ул.<ица>, д.<ом> 20. Пале-Рояль. Петербург. Russie – Pétersbourg. Почтовый штемпель: «Paris, 13/IX-1911», «Санкт-Петербург, 3/IX-1911». Н. Г. Чулкова ставит дату апостериори, определяя ее на основе российского почтового штемпелю. Письмо было написано 12 сентября 1911 по новому стилю, соответственно 30 августа по старому; 12 сентября 1911 год – вторник.

[146] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Париж, 1 сентября 1911 г. (ст. ст.)

1/IX ст.<арый> ст.<иль>

Четверг 14 сент.<ября> / 1911 /

Дорогой Георгий, сегодня я выезжаю, т.е. я купила билет и поеду на поезде в 8 ч.<асов> 40 м.<инут> вечера, но, если я не достану место, я уеду завтра. Из Александрова я дам тебе телеграмму. Я сейчас в очень приподнятом настроении. Сплю плохо, не могу оставаться на месте часу. Хочу домой, т.е. в Россию. Я не космополитка, оказывается. Яценко все еще не уехал. Но приедет, вероятно, раньше меня.

Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 86-86об. На конверте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову, Пушкинская, 20. Пале-Рояль. *Петербург*. Russie – Pétersbourg. Почтовый штемпель: «Paris, 14/IX-1911», «Санкт-Петербург, 4/IX-1911».

[147] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 3 сентября 1911 г. (ст. ст.)

3 сентября 1911.

СПб.

Милая Надя!

Вчера был у Толстого, как мы условились с Яценко: Яценко будет у него *во вторник* в 6 часов. Туда я привезу твои переводы. Об этом мне пишет Сандро в письме, которое я нашел, вернувшись с Толстого, у себя в Пале-Рояль.

Вчера же отдана повесть Бенштейну. Сегодня он мне даст ответ. Когда были у Толстого (он живет на Пет.<ербургской> Ст.<ороне>) зашел к Щеголовым, чтобы переговорить с ним об «Истории Русской Литературы». Это издание, кажется, возобновляется.

Вечером был у того же Бенштейна, который собрал кое-кого. Уехал от него рано, потому что захотел спать. И в вагоне, и в номере спалось удовлетворительно и сердечных припадков не было.

Напиши мне. Я, наверно, успею получить от тебя письма два. Сегодня поеду в «Шиповник»...

Целую твои руки милые и родные тысячу раз.

Твой Георгий.

Кланяйся Четвериковым и сестрам.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 106 — 108. На конверте адрес: Е.<е>В<ысоко>Б<ладородию> Александру Яковлевичу Брюсову, для Надежды Григорьевны Чулковой. Арбат, д.<ом> 49, кв.<артира> 2. *Москва*. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 3/IX-1911».

[148] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 3 сентября 1911 г. (ст. ст.)

/ Питер 3 сент.<ября> 1911 /

Родная Надя!

«Шиповник» задерживает деньги. Обещает дать во вторник или среду. Поэтому не могу выехать в Москву сегодня. Я знаю, что ты сейчас без денег. Постарайся как-нибудь прожить у Любы или Нюры эти три-пять дней. Я должен еще кончить маленький рассказ для Бенштейна, который обижен тем, что я отдал вещь «Вестнику Европы», не приняв во внимание его аванс.

Значит, на-днях я тебя увижу. Мне очень обидно, что я не могу тебя встретить в Москве. Если бы ты послала телеграмму из Парижа, я, может быть, смог бы устроиться как-нибудь и выехать вовремя в Москву. Я все еще в Пале-Рояль.

Я только сейчас получил твою телеграмму, т.е. в субботу, в 8 ч.<асов> вечера, (3-го сентября).

Целую тебя, милая, родная Надька.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 109. Связь с конвертом не установлена.

[149]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 4 сентября 1911 г. (ст. ст.)

4 сентября 1911.

Родная Надя!

Как мучительно и обидно, что я не могу тотчас же ехать в Москву. Я заплатил долг Вяч.<еславу> Ив.<анову>, но, ведь, надо еще отдать Александрову и Рыбакову и нам с тобой нужны деньги. Если во вторник «Шиповник» не даст мне денег, я буду в отчаянии и бешенстве.

Я сегодня целый день работаю над рассказом для Бенштейна. От Овсяннико-Куликовского нет ответа. Я бы не очень огорчился, если бы он забраковал «Темное Сердце». Можно было бы куда-нибудь продать его в другое место: сейчас очень нужны деньги.

Сундук и чемодан я отправлю в Москву, а книги – потом: все равно, очевидно, мне придется еще вернуться в Петербург на некоторое время, чтобы напечатать пятый том: его невозможно корректировать в другом городе. А в Петербурге мне жить не хочется. Если бы я достал где-нибудь займы, я бы устроился в Москве. Хорошо бы нам завести в Москве квартиру, чтобы иметь свой угол.

Целую твои руки милые. Твой Георгий

Привет Рыбаковым и Брюсовым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 111. Связь с конвертом не установлена.

[150]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 45 сентября 1911 г. (ст. ст.)

5 сентября 1911.

Милая Надя!

Вчера вечером приехал Яценко и рассказал, что вы часть дороги ехали вместе. Почему ты ехала в третьем классе? Разве не хватило денег? Я чувствую это, как укор мне. Заходил сегодня в «Шиповник». Обещают завтра дать деньги. Тогда я выеду завтра же, если успею сдать рассказ Бенштейну. Попробую сегодня ночью работать.

И мне тоже, Надя, невесело. Бога ради, прости меня, что я не достал до сих пор займы, и ты, значит, живешь эти дни у Любы или Нюры.

Это я посылаю третье письмо в Москву.

Целую тебя, родная моя.

Твой Георгий

Привет Брюсовым и Рыбаковым.

P.S. Вещи я перезаложил. Сегодня отправил в Москву *багажом* сундук и чемодан – на предъявителя. Книги пока оставлю на складе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 112. Связь с конвертом не установлена.

[151]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 4 октября 1911 г. (ст. ст.)

4 октября 1911.

Милая Надя!

Бенштейн не желает печатать мою повесть. Я отдал ее в «Ниву» и ответ получу лишь в субботу. Значит, деньги, вероятно, в понедельник, т.е. 10 октября, и думаю в тот же день выехать в Москву. Если же и «Нива» не пожелает печатать «Маргариту Чарову», придется еще несколько дней провести здесь, чтобы как-нибудь устроить эту вещь.

А, может быть, махнуть рукой на эту повесть пока? Я еще не решил. В «Шиповнике» я деньги получаю. Не знаю только, потому ли, что Копельман желает давать мне аванс в течение четырех месяцев или потому, что контора запомнила, что срок последний наступил. Но слава Богу, что, по крайней мере, я могу выкупить вещи и отправить книги.

Вчера вечером был я у Вяч.<еслава> Ив.<анова>.

Там был Пяст, поэт Мандельштам и больше никого не было.

Вяч.<еслав> Ив.<анов> был очень любезен и, по-видимому, *очень* желает, чтобы я написал статью о его книге.

Относительно Москвы все, конечно, любопытствуют. Я говорю, что в Москве тише и потому лучше работать и что она мне нужна, потому что повесть, которую я теперь пишу, будет касаться, между прочим, и Москвы. Клянусь тебе, что я говорю так, как надо.

Целую твои руки, чудесная моя Надька.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Разменяла ли ты купоны? Здесь, в Петербурге, в магазинах их не меняют. Пришлось разменять в меняльной лавке, причем с меня содрали за каждый купон не 1 р.<убль> 25, а 2 р.<убля> 25 коп.<еек>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 113-114. Связь с конвертом не установлена.

[152]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 4 октября 1911 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Шубы и серебро выкупил, но с книгами ужасная возня. Транспортная контора берет очень дорого. Мне самому надо ехать в склад и вообще черт знает что такое.

Сейчас отправлюсь к Толстым, чтобы встретить там Яценко и передать ему твой перевод.

Родная! Как ты себя чувствуешь? Работаешь ли? М-me Caisey переслала тебе пять писем по адресу «Шиповника». Я их тебе привезу.

Хочется поскорее в Москву – работать.

Любящий тебя Георгий.

4 октября 1911.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 115. Связь с конвертом не установлена.

[153]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 5 октября 1911 г. (ст. ст.)

5 октября 1911.

Дорогая Надя!

Сегодня принялся я, было, за работу, но пришел Блок и помешал. Он принес мне свою книжку. Жалуется, что с тех пор как получил наследство, перестал писать. Новых стихов у него нет и поэму свою никак не может окончить.

Говорил я сегодня по телефону с Крушинской. Она очень больна и даже ей угрожает операция, но болезнь у нее смешная, принимая во внимание ее возраст: у нее зуб режется...

Крушинская по телефону минут пять твердила мне о своей любви к тебе.

Думаю, что сегодня вечером буду работать: мне надо многое еще исправить в V и VI т.<омах>. Я все-таки, вероятно, оставлю рукописи этих томов в «Шиповник», хотя, по-видимому, они не намерены печатать их в ближайшие дни.

Кончишь ли ты перевод к моему приезду, т.е. ко вторнику? Я, если хочешь, буду с тобой его читать подряд два-три дня, чтобы потом, когда примусь за повесть, ничем не развлекаться.

Обнимаю твои кости, милая, родная Надя.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 116-117. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

[154]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 5 октября 1911 г. (ст. ст.)

5 октября 1911.

Дорогая Надя!

Вчера я передал Ященко твою рукопись. Он очень доволен, что перевод приходит к концу. Он уже написал издателям, что перевод скоро будет готов, и надеется в течение месяца ближайшего получить часть гонорара.

Бенштейн вел себя неприлично. Об этом скучно писать. Рукопись моей повести, как я уже писал тебе, находится в «Ниве». Ответ получу в субботу. Если ответ будет отрицательный, передам рукопись в понедельник куда-нибудь еще и в тот же день думаю ехать в Москву, не дожидаясь ответа.

В «Шиповнике» никак не могу добиться точного ответа, *когда* они думают печатать мои 5-й и 6-й т.<омах>. Впрочем, это для меня не так важно. Вчера вечером был у Сюннерберга. Взял там словарь и некоторые очень теперь мне нужные мои рукописи и вырезки из газет для приложения к 5-ому тому. Варв.<ара> Мих.<айловна> и Конст.<антин> Алекс.<еевич> очень были нежны и шлют тебе всяческие приветы. Варв.<ара> Мих.<айловна> сделалась заправским литератором: все пишет и пишет. Конст.<антин> Алекс.<еевич> оброс бородой и снял в столовой со стены японцев: теперь у него висят черные гравюры.

В Петербурге снега нет, слава Богу. Я хожу пока без калош.

Сегодня праздник какой-то: все заперто. Завтра буду отправлять книги – вероятно, через «городскую станцию», а я, было, собирался отправлять через «транспортную контору», чего делать, оказывается, нельзя. Дорого.

Была ли ты в театре? Почему от тебя нет писем? Как ты работаешь? Я пока еще совсем ничего не писал. Думаю воспользоваться сегодняшним праздником – сидеть дома весь день и писать.

Очень тебя любящий Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 118-119. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

[155] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 6 октября 1911 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий, не забудь, пожалуйста, взять наши *фотографии* якутские. Скажи Ященко, что перевод я почти кончила: перевожу уже заключение. Как только ты его прочтешь, можно будет ему послать. *Спроси, куда посылать*. Не забудь переменить мой *паспорт*. Захвати *вещи* от Крушинской. Я была на Мещанине-дворянине у Незлобина. Середина пригласила меня туда и достала мне билет. Сапунов очень хорош, а театр плох. Я взяла себе абонемент на три вечера сонат: очень довольна, что достала. Все о тебе очень тут вспоминают.

Всего хорошего!

Н.

Москва 6 окт.<ября> <1>911.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 87-87об. На конверте адрес: Е.<е>В<ысоко>Б.<ладородию> Георгию Ивановичу *Чулкову. Петербург*. Пушкинская, д.<ом> 20. Пале-Рояль. Почтовый штемпель: «Москва, 7/X-1911», «Санкт-Петербург, 8/X-1911».

[156] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 6 октября 1911 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя!

Неужели так трудно прислать хотя бы открытку? Почему ты не прислала ни одного письма? Ты знаешь, в какой я тревоге.

А здесь все у меня не ладится – до смешного. Сегодня, например, опять неудача с книгами. Сломалась ось у подводи. И лошадей, и подвод других на станции городск.<ской> не оказалось.

Вся канитель отложена на завтра.

Сейчас был у Жилкиных. Зинаида Андреевна «изнемогает от желания тебя видеть».

Я кончаю маленький рассказ.

Любящий тебя Георгий

6 октября 1911.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 120-121. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

[157] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 6 октября 1911 г. (ст. ст.)

6 октября 1911

Дорогая Надя!

С книгами ужасная возня. Сейчас был на городской ст.<анции>. Оказывается, мне надо ехать на этот проклятый «буян» и вскрывать все ящики.

Если все отправить, как «домашние вещи», придется переплатить лишних рублей восемнадцать. Завтра утром туда поеду.

В Петербурге тепло и стоит настоящая грязнотуманная осень. Я устал и хочу в Москву. А сердце здесь меня почему-то не мучает и ночью я сплю благополучно, хотя и пью за обедом рюмку английской горькой и кружку пива.

От тебя я не получил – увы! – ни одного письма. Что так?

Сегодня вечером я поеду в театр. На Моховой играет какая-то труппа из молодежи. Может быть, есть талантливые актеры. Хочу посмотреть, не годится ли этот театр для моей злополучной комедии.

Люблю тебя, родная. До свидания. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 122-123. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

[158] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 7 октября 1911 г. (ст. ст.)

7 октября 1911.

Милая Надя!

Паспорт я твой переменял. Я тебе об этом забыл написать. И вообще, кажется, скоро покончу с «домашними делами». Сейчас еду на буян возиться с ящиками. Крушинская прислала сверток. Надо будет еще сегодня заехать к Жилкиным.

Я теперь пишу маленький рассказ (за который ничего не получу) для треклятого Бенштейна. Вечером я зван к Копельман.

Вчера был я в «Аполлоне». Меня там раздражили и разозлили, и я по телефону через час заявил им, что ухожу из журнала.

Чем это все кончится, не знаю еще.

Может быть, уладится. Дело в том, что Зноско-Боровский обиделся на меня за то, что я отказался писать в «Аполлоне» «московские письма» и наговорил мне какую-то ерунду о писателях вообще, которые, мол, не ценят высокой чести печататься в «Аполлоне». Что-то в этом роде. Я ему ответил весьма корректно, что «Аполлон» – «Аполлоном», а достоинство писателя не измеряется качествами преходящих журналов. Тут еще примешалась история с «Cor Ardens» Вяч.<еслава> Иванова. Они не решились протестовать против моего желания написать не два столбца, а сколько я хочу, но – по-видимому – им это было неприятно.

Все это, впрочем, неважно, а тебе, должно быть, неинтересно. Извиняюсь.

Дорогая! Мне хочется по скорее в Москву. Завтра выяснится с «Нивой». Очень неприятно вернуться в Москву без денег. Поэтому и сижу здесь. И рассказ все-таки надо кончить. И с Копельманом выяснится, когда же, наконец, он будет печатать V и VI т.<ома>. Ах, трудно с ним иметь дело... Вчера вечером я в театре не попал, а был у Пяста. Познакомился с его беременной женой. Был там и Блок.

Целую твои милые руки. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 124-125. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

[159] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 9 октября 1911 г. (ст. ст.)

Милая Надя! Хочу домой, домой, домой... Но, кажется, раньше среды отсюда нельзя уехать.

Значит, попаду в Москву, вероятно, в четверг. Надо переписать на машинке рассказ для Бенштейна, получить завтра дубликат на книги и во вторник – деньги. К Андрееву я пока решил не ездить. Сегодня была у меня Савинич. Целую твои руки, родная. Любящий тебя очень Георгий.

Привет сестрам и Четвериковым.

P.S. Я привезу, должно быть, всего только рублей 180.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 126-126об. Открытка. На конверте адрес: Надежда Григорьевной *Чулковой*. Плющиха, Грибоедовский пер.<еулок>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. (кв.<артира> д.<окто>ра Четвериковым. *Москва*). Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 9/X-1911» и «Москва, 10/X-1911».

[160] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 10 октября 1911 г. (ст. ст.)

10 октября 1911

Милая Надя!

Мне решительно не везет. Господа из «Шиповника», как ужи, ускользают от меня: я до сих пор не имел возможности вручить им V и VI т.<ома>, и поговорить с ними толком о том, *когда* и *как* надо печатать эти тома. И в «Ниве» произошла путаница: по-моему контора неверно сосчитала мне строчки повести. Я спорю. Завтра это выяснится. Хорошо, что я еще не купил билеты на вторник. Пребывание в Петербурге становится для меня тягостным.

Сейчас еду к Вяч.<еславу> Ив.<анову> на конференцию по поводу «Аполлона».

Любящий тебя очень Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 127. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

[161] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 10 октября 1911 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий, очень прошу тебя, узнай для Мирэ у Аничкова следующее: *напечатан ли перев.<од> Мирэ «Жерминаль» Золя. Если нет, когда будет напечатан, а если напечатан, то Мирэ просит поскорее прислать ей деньги.* Мирэ ему писала, а он не отвечает. Нельзя ли на него воздействовать хоть через Щеголева?

У меня ничего нового. Перевод кончила сегодня. Спросила у Яценко нужно ли переводить библиографию (*Table des matières*) в конце книги, и куда прислать перевод.

Вчера слушала Requiem Моцарта. Чудный!

Все кланяются! Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 88-88об. На конверте адрес: Е.<е>В<ысоко>Б<ладородию> Георгию Ивановичу *Чулкову*. *Петербург*. Пушкинска, Пале-Рояль. Почтовый штемпель: «Москва, 10/X-1911», «Санкт-Петербург, 11/X-1911».

[162] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 10 октября 1911 г. (ст. ст.)

Милая Надя! Вчера в «Вене» я встретил Касаткина. Он мне сообщил печальную весть. Игорь Будилович обвиняется по 102 ст.<атье>.

Если его признают виновным, наименьшая кара – 8 лет каторги.

И подумать только, что на это раз его привлекают по недоразумению! Будилович очень просит посылать ему в тюрьму открытки с репродукциями. Его это развлекает. Родная! Целую твои руки тысячу раз.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 128-128об. Открытка. На конверте адрес: Надежда Григорьевной *Чулковой*. Плющиха, Грибоедовский пер.<еулок>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. (кв.<артира> д.<окто>ра Четвериковым). *Москва*. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 10/X-1911» и «Москва, 11/X-1911».

[163]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 11 октября 1911 г. (ст. ст.)

11 октября 1911

Милая Надя!

Сейчас говорил по телефону с m-те Аничковой (Ев.<гения> Вас.<ильевича> нет дома). Она говорит, что «Жерминаль» напечатан, и что гонорар должен быть послан, что это небрежность конторы «Просвещения», что Ев.<гений> Вас.<ильевич> уже неоднократно торопил эту контору. Одним словом, Аничкова обещала понудить Ев.<гения> Вас.<ильевича> принять меры еще раз.

Я выеду, вероятно, в среду. Писал здесь маленький рассказ, чтобы удовлетворить претензии Бенштейна.

Здесь, в Петербурге, совсем тепло. Неужели в Москве снег?

Я приеду в пальто. Шубы наши уложил в портплед.

Сегодня в шесть-семь часов, вероятно, Яценко будет у Толстых. Я переговорю с ним по телефону о библиографии и о том, куда прислать перевод. Если я не смогу завтра выехать из Петербурга (это зависит от «Нивы», с которой я спорю по поводу количеств букв: они негодяи обсчитывают меня рублей на 150: оказывается, у них не считают за букву промежутки между словами и получается цифра произвольная. Не знаю, что делать) – так вот, если я не смогу завтра выехать я пришлю на имя Четверикова *дубликат*.

Городская станция привезет ящики, вероятно, числа 13-го. Целую твои руки.

Любящий тебя Георгий

Кланяйся там всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 129-130. На бумаге «Colonial». Связь с конвертом не установлена.

1912 г.

[164]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 24 января 1912 г. (ст. ст.)

24 января

Родная Надя!

Петербург встретил меня неприветливо: прежде всего я до 8 часов вечера не имел пристанища. Не было ни в одной гостинице ни одного номера, ниже дорогого. Наконец, устроился все-таки в Палероаль. Вещи я положил предварительно у Славинского, а сам поехал к Овсяннико-Куликовскому. Он обещал повесть прочесть к субботе, а в субботу будет редакционное заседание в «Вестн.<ике> Евр.<опы>». Славинский делает мрачные предсказания. Говорит, что повесть велика и до осени появится в журнале никак не может, если бы даже и одобрит ее Овсяннико-Куликовский. Во главе товарищеского книгоиздательства, которое купило повесть Толстого стоит Сергеев-Ценский, и, следовательно, мне там участвовать не придется, но зачинается еще одно «товарищество».

Туда войдут разнообразные люди – и Арцыбашев, и Ф.<едор> Сологуб. Вот в это второе «товарищество» меня приглашают, но я не знаю еще, насколько это прочно и денежно.

Говорил по телефону с Толстым. Он очень звал ехать с ним, с Соф.<ией> Ис.<ааковной> и с Марьей Григорьевной Срединой в какой-то Палас-Театр, но я не поеду, ибо и денег нет, и устал я смертельно.

С Срединой поговорю завтра по телефону. В Петербург я ехал в одном поезде с Ив.<аном> Вас.<ильевичем> Жилкиным и, кажется, с учениками Далькроза, судя по тому, что князь Волконский

их провожал, а «их» было много. Очевидно, это и была «ритмическая гимнастика». Сейчас 10 ч.<асов> вечера: я умываюсь, раздеваюсь, молюсь Богу и ложусь спать.

Напиши мне два слова. Обедай у Любы.

Передай привет Четвериковым.

P.S. В «Вестнике Европы» редакционное собрание будет в субботу *вечером*. Значит, только в воскресенье выяснится, будет ли повесть напечатана и только в понедельник я могу переговорить о займе, если Овсяннико-Куликовский признает повесть приемлемой.

Любящий тебя очень Георгий. P.P.S. Яценко вернется не раньше первого февраля.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 1 — 2. Связь с конвертом не установлена.

[165] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 25 января 1912 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

До сих пор не побывал на выставке. Целый день мыкаюсь – то в «Шиповник», то в «Новую Жизнь», то в «Биржевку». Завтра с утра сяду за рассказ. Сегодня вечером буду у Толстого. Отвезу ему книжку для Яценко и узнаю относительно их «Товарищество». К Срединой захватить сегодня не успею. Встретил у парикмахера Мейерхольд и посидел с ним в кофейне. Он все такой же размахайка и торопыга.

Как ты себя чувствуешь, родная? Как твоя рука? Я тебя очень, очень люблю.

Твой Георгий.

25 января 1912.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 3. Связь с конвертом не установлена.

[166] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 27 января 1912 г. (ст. ст.)

27 января 1912.

Дорогая Надька!

Жизнь моя влачится «и утомительно, и скудно». Поэтому буду говорить о внешнем. Я вчера послал тебе открытку от Жилкиных. Вечером я был с Иваном Васильевичем в «старинном театре». Смотрел там дивную драму Лопе-де-Вега «Фуенте Овехуна». К сожалению, все актеры невыносимо гадки, а постановка тоже не очень завлекательна; декорация впрочем, недурна, по эскизу Рериха.

Французская выставка интересна для тех, кто не был в Париже и у Щукина в Москве, а для нас с тобой может быть приятна, но не необходима. Многие художники представлены слабо. В «Мире Искусства» – твой портрет Серебряковой и еще три новые ее же работы. Из них две приобретены музеем Александра III. На выставке «Мира Искусства» встретил Бенуа.

С Крушинской говорил по телефону. Зайду к ней. Срединка, оказывается, уехала. Объясни ей, пожалуйста, что я хотел к ней зайти, но не знал, что она так скоро уезжает, а в «Палас-театр», где она была с Толстыми, не пошел, потому что не было денег и подходящего настроения.

Относительно золота, которое надо накопить к весне, у меня такой план: написать лекцию и поехать в феврале месяц по России. Кроме того, писать во время этой поездки «Путевые заметки» для какой-нибудь газеты. Тогда, быть может, что-нибудь останется к весне. Завтра пойду разговаривать об этом с «Речью». К Венгеру пойду, когда выяснится судьба «Мертвецов». Буду у Венгерова просить для тебя перевода. Поговорю также о переводах с Александрой Чеботаревской, если она сейчас в Петербурге. Об этом узнаю у Сологуба. Я хочу к нему пойти сегодня часов в 6-7 веч.<ера>.

Только что получил повестку от «второго издательского товарищества»: приглашают меня участвовать в совещании в субботу вечером. Непременно пойду, потому что на «Вестник Европы» плохая надежда.

Очень я беспокоюсь, что ты сидишь без денег. Как только получу откуда-нибудь, вышлю на имя Четверикова. Сейчас пишу рассказик, чтобы просуществовать эти дни здесь, в Петербурге.

Целую твои руки, милая, родная. Твой Георгий.

Я живу по-прежнему, на Пушкинской, в Пале-Рояле.

Передай привет Сереже и Антонине Константиновне.

P.S. Про Блока слышал, что он очень мрачен и пьет горькую.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 4-4об. Связь с конвертом не установлена.

[167] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 28 января 1912 г. (ст. ст.)

28 января 1912.

Дорогая Надя!

Овсяннико-Куликовский известил меня, что «Мертвецы» не могут быть напечатаны в «Вестнике Европы», потому что тема повести слишком «опасна»: им надо что-нибудь «индеферентное» по его словам. С «Шиповником» безнадежно.

Сегодня я был в «Речи» и условился писать им «Путевые заметки». В начале февраля надо ехать. Взял в «Речи» аванс. Посылаю деньги Сереже. Он возьмет себя, значит, сорок рублей, вероятно, – остальное передаст тебе.

Сегодня у меня был Вячеслав Иванович. Сидел часа три. Расспрашивал о тебе, конечно. Беседовал об Илиодоре и Гермогене. Расточал хвалы Бугаеву, меня провоцируя. К нему я все-таки не пойду, хотя он меня очень звал к себе и опять уговаривал мириться с Белым.

Вчера вечером я был у Крушинской. Она шлет тебе привет. Книги целы.

Иду сейчас на заседание «Второго издательского товарищества». Не думаю, чтобы это было прочное дело, но все-таки надо посмотреть. Вот и все мои «Труды и дни».

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 5. Связь с конвертом не установлена.

[168] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 29 января 1912 г. (ст. ст.)

29 января 1912.

Милая Надя!

Вероятно, придется отложить печатание повести до осени. Пишу рассказ и постараюсь его продать здесь, чтобы добыть золото для погашения долга. Потом приеду в Москву, напишу лекцию и поеду с ней по России. Буду писать в «Речи» путевые заметки.

Вчера вечером я был в кабачке «Бродячая Собака». Его устроил Пронин и Толстой. По-моему, это не очень худо. Нравится мне, что помещается он в подвал, где-то в глубине второго двора. Программа импровизируется. Но, кажется, полиция уже намерена его закрыть.

Сейчас поеду к Сологубу. И ему, как и всем, «Шиповник» прекратил платить жалование. Обедать буду у Городецких.

Я уже скучаю и хочу жить в Грибоедовском переулке, среди книг.

Люблю тебя. Твой Георгий.

Напиши два слова о себе!
P.S. Деньги пошлю в понедельник.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 6. Связь с конвертом не установлена.

[169] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 30 января 1912 г. (ст. ст.)

30 января 1912.

Вчера приехал Ященко. Он пробудет здесь дня три. Тебе приходится получить еще некоторую сумму денег за перевод. Я остаюсь здесь, в Петербурге, на несколько дней, чтобы исчерпать все возможности относительно повести. Городецкий уверяет, что можно продать ее в одном новом альманахе. Веду переговоры. Не очень только верю я Городецкому.

Милицина из Саратова будет у меня сегодня в 2 часа. С рассказом, который я пишу, не ладится: нет, работать возможно лишь в Москве. Деньги уничтожаются здесь с сверхъестественной быстротой. Я отправил Сереже 75 руб.<лей> Из них ты возьмешь, вероятно, 35 руб.<лей> Сделай исследование непременно. Как твоя рука? Если ты пишешь мне письмо в среду или четверг, оно еще застанет меня здесь. Напиши, Надька!

Блока я так и не видел: он болен.

Посылал я телеграмму с предложением повести в «Московское Книгоиздательство»: вежливо уклонились, негодяи.

Ах, как противно «устраивать» литературные дела!

Матильда привезет тебе все бумаги, какие ты заказала, и духи.

Жаловалась мне очень на «Sonja».

Ященко безнадежно толстеет.

Настроение у меня невеселое.

Любящий тебя

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 7-7об. Связь с конвертом не установлена.

[170] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 31 января 1912 г. (ст. ст.)

31 января 1912.

Дорогая Надя!

Я получил твою открытку, спасибо.

Была у меня сегодня саратовская Милицина. Мы уговорились с ней: я буду читать в Саратове между 16-19 февр.<аля> С остальными городами придется уладить лекцию через бюро, в Москве. Разговаривал по телефону с Венгеровым. Он требует статьи о Ремизове. Значит, мне предстоит в Москве энергично приняться за писание лекции и статьи о Ремизове. Весь этот план с поездкой был бы недурен. Меня смущает только то, что надо *сейчас* же отдавать долг Иванову и Александрову. Вот поэтому я и медлю в Петербурге, все стараюсь продать повесть: ничего не выходит пока. Завтра обещали мне днем дать ответ об альманахе, который затеял Городецкий. Работаю я здесь худо.

Сегодня взял у Депара <слово дается предположительно – *K.P.*> наши карточки.

И так, пока моя поездка в Петербург имеет только один положительный результат. Это то, что я условился с «Речью» писать «путевые заметки». Во-первых, это хорошо, потому что гонорар 20 коп.<еек> за строчку неплохой гонорар и, во-вторых, это устраивает меня с газетой вообще, а без газеты, очевидно, при моем положении в литературе, существовать в наши дни невозможно. Андрей

Белый тоже, как мне передавали, не устроил нигде своей повести и тоже, кажется, возлагает надежды на альманах Городецкого. Сологуб, по-видимому, не знает, что ему делать с «Новыми Чарами». Сейчас рукопись его романа лежит у Бенштейна. Сияет один лишь Вячеслав Иванов, хотя он и пострадал: у него ночью сгорела борода. И он приехал ко мне уже без оной. По этому поводу Толстой сочинил не худые стихи и читал их в «Бродячей Собаке».

Любящий тебя Георгий.

С переводом твоим тоже не очень ладится. Книжку о Бетховене я, впрочем, возьму у Яценко для тебя. Может быть, что-нибудь можно будет с ней сделать в Москве.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 8-8об. Связь с конвертом не установлена.

■
[171]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 1 февраля 1912 г. (ст. ст.)

1 февраля 1912.

Милая Надя!

Надо ехать в Москву работать – поскорее приниматься за лекцию и хлопотать с «бюро» по организации поездки, а между тем обстоятельства меня задерживают здесь: двое предлагают устроить повесть, но, по правде сказать, я обоим плохо верю: во-первых, Городецкий и, во-вторых, Бенштейн^{х)}. Уверяют, что завтра или после завтра дадут ответ. Если я не устрою повесть, вернусь в Москву без единой копейки. Надеюсь опять на тебя: Яценко даст письмо, и мы должны получить еще некоторую сумму. Также я имею получить за статью о Ремизове, если я ее представлю в течение этой недели. Так я условился с Венгеровым.

На случай, если я повесть не продам, я написал Александрову и Иванову, что я прошу их подождать с возвратом долга до начала марта, когда я вернусь после поездки по России.

Любящий Тебя Георгий.

^{х)} В обоих случаях дело идет об альманахе.

Сегодня я целый день мыкался по делам – то в «Шиповник», то в «Новую Жизнь», а вечером буду читать отрывки из повести у Толстого.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 9. Связь с конвертом не установлена.

■
[172]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, <5> сентября 1912 г. (ст. ст.) еще не нашли в единице

Среда.

/ Сент.<ябрь> <1>912 /

Милая Надя!

Сегодня утро у меня было неудачное. Овсянко-Куликовский не читал моей рукописи и, после препирательств, с трудом согласился прочесть к следующей субботе, т.е. отнимает у меня десять дней.

Я хочу пока второй экземпляр секретно передать в «Заветы»: там теперь Иванов-Разумник, кажется, а не Миролюбов. Надо попробовать... «Шиповник» всегда «Шиповник»...

Пока здоров. Буду принимать тиол. Остановился я в номерах Стабровского (Казанская, 5), где жил Яценко.

Швейцар сказал мне по телефону, что Занятины за границей и в квартире Иванова живет кто-то иной. Жилкин еще не приехал.

Сейчас заказал себе самовар; буду есть твою курицу.
Люблю тебя, моя дорогая.
Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 36-37. На бумаге: «Мюр и Мерилиз Москва». Сверху надписи нарисован фирменный знак товарищества «ММ». Связь с конвертом не установлена.

[173] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 14 сентября 1912 г. (ст. ст.)

14 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Как твое здоровье? Напиши, пожалуйста, как ты себя чувствуешь? Ходишь к доктору? Я кашляю, но не очень мучительно. Желудок действует пока сносно.

В Петербурге адский холод. И все люди как лягушки.

Вчера вечером я был у Мейерхольда. Там был Сюннерберг и Сологуб с А.<настасией> Н.<иколаевной> Сологуб тебе очень кланяется.

Ан.<астасия> Ник.<олаевна> поедет, кажется, на днях в Москву. Мейерхольд болен, лежит в постели. Болит у него колено. Ольга Мих.<айловна> вручила мне для тебя карточку трех девчонок, довольно милую.

Я царапаю маленький рассказ. Буду обедать сегодня у Щеголева.

Хотел добыть для подкрепления финансов шестьдесят рублей, о которых говорил Толстой, но из этого ничего не вышло. Звонил к Гречанинову: никто не ответил. Пошел к нему на квартиру (чтобы узнать адрес Толстого) – говорят, уехал в Москву.

А Толстой, как в воду канул. Тогда я решил узнать адрес у девицы Семеновой, но у меня ее адрес не было; поэтому я с большим трудом припомнил, что она живет где-то за театром. Сначала походил вокруг Александринского, потом вокруг Мариинского, но в конце концов нашел ее. Но все труды были напрасны: Толстой, конечно, болтал зря.

В отчаяние, впрочем, я пока не прихожу: еще можно сделать две-три попытки устроить повесть. Живу я абсолютно трезво.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 10-11. Связь с конвертом не установлена.

[174] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 15 сентября 1912 г. (ст. ст.)

15 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Напиши мне Бога ради, как ты себя чувствуешь. Я здоров. Кашель меня мало беспокоит и желудок ничего себе. Здесь стало теплее. Когда было холодно, я все радовался, что ты мне подшила фланель под пальто.

В понедельник я вышлю тебе пятьдесят рублей, дабы ты могла выкупить шинель: это я получу аванс из «Нивы»: я им обещал дать рассказ.

«Сатана» находится теперь у Овсяннико-Куликовского, а другой экземпляр у Иванова-Разумника. Миролубов, оказывается, не совсем еще ушел из «Заветов», так что с этим журналом устроиться очень трудно – все это очень сложно.

Буду ждать ответ и писать пока рассказ.

Сегодня встретил здесь Касаткина и во вторник пойду с ним на «Игоря» в Мариинский театр.

Я переговорил с Бенштейном относительно романа Рони. Он почти согласен, чтобы ты переводила этот роман для его журнала.

Он скоро будет в Москве и тогда мы условимся окончательно.

Я надеюсь вернуться в Москву числа двадцать четвертого – двадцать пятого, если «Вестник Европы» согласится купить мою повесть, значит, на именины твои я не попаду. Сейчас вечер. Письмо, пожалуй, попадет семнадцатого. Поздравляю тебя с ангелом и Любу поздравь. Тетки пошлю телеграмму. Люблю тебя очень, моя родная.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 12-13. Связь с конвертом не установлена.

[175] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 16 сентября 1912 г. (ст. ст.)

16 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Поздравляю тебя, моя дивная, с днем Ангела. Хотел бы очень видеть тебя сейчас. И поскорее хочется вернуться в Москву. Скучно ждать ответа. Если «Вестн.<ик> Евр.<опы>» не возьмет повести и надо будет передать рукопись еще куда-нибудь, я не знаю, что делать – не вернуться ли в Москву? Кажется, я вернусь, если добуду где-нибудь еще рублей сто.

Сегодня я пойду к Крушинской и выкуплю твое зеркало и все, а завтра пошлю ей поздравительную телеграмму.

Я написал Блоку письмо и звал его к себе. Он мне ответил письмом: просит его «простить»: прийти не может, потому что «угнетен» и ему «нельзя говорить». От Ремизова я слышал, что у него цинга опять и опять меланхолия: он нигде не бывает.

А про Любовь Дмитриевну слышал от Мейерхольда, что она будто бы очень удачно и талантливо играла в Териоках. А другие говорят, что она играла безвкусно и грубо чрезвычайно.

Сообщила ли ты мой адрес Ходасевичу? Пусть он сюда пришлет рассказ. Я постараюсь его где-нибудь устроить. Только пусть оставит у себя копию. Сделай это непременно и поскорее – хотя бы через Любу.

На случай, если ты потеряла мой адрес, еще раз его сообщаю: Казанская, 5. Мебл.<ированные> комн.<аты> Стабровского. Пятьдесят рублей я пошлю завтра, в понедельник, для тебя на имя Сережи. Передай ему и Ант.<онине> К.<онстантиновне> мой привет.

За квартиру заплачу по приезду. Если тебе сейчас нужны деньги, *ты перезаложки шинель, а не выкупай ее пока.*

Любящий тебя Твой Георгий.

P.S. Сейчас звонил по телефону Крушинской. Оказывается, она еще не приехала. Вернется, вероятно, через неделю, в воскресенье. Пожалуй, я ее все-таки успею увидеть и взять зеркало.

Напиши мне Христа ради две строчки о себе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 14-15. Связь с конвертом не установлена.

[176] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 17 сентября 1912 г. (ст. ст.)

17 сентября 1912.

Милая Надя!

Сегодня Иванов-Разумник дал мне неблагоприятный ответ относительно повести: «Заветы» не могут ее напечатать, потому что, по их мнению, я проглядел и «положительные» начала в черносотенном движении. Вот «Мертвецов» бы они охотно напечатали... (Иванов-Разумник читал в оттиске «Мертвецов»).

Тем не менее «Заветы» просят у меня рассказ (без политики) и предлагают 200 руб.<лей> с листа. Впрочем, надо посылать рукопись и Миролюбову. А Вера Зайцева, оказывается, дала мне первоначально неверный адрес: она забыла сделать маленькую прибавку – *poste restante*. Значит, книги, посланные Миролюбову, пропали.

Неудача с «Заветами» меня расстроила, и, конечно, я не в состоянии сегодня писать рассказ.

Буду ждать теперь ответ от Овсяннико-Куликовского.

Сегодня вечером буду играть в шахматы с Пястом, если застану его дома.

Написала бы ты мне хоть две строчки! Как твоё здоровье? Ходишь ли к Малютину.

Целую твои руки, моя чудесная.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 16-17. Связь с конвертом не установлена.

[177] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 17 сентября 1912 г. (ст. ст.)

Какая досада, я забываю написать на письмах к тебе Петербург и от этого они приходят сюда обратно. Я послала тебе три письма. Живу ничего себе, физически почти здорова, только сердце все болит. Все это время была у Любы, теперь буду дома. Сегодня звонила мне Жилкина, хотела повидаться со мной, она будет здесь три дня. На именинах <так!> была у Любы.

Дома пусто. Завтра и послезавтра буду с Любой в концерте, а также 21 и 22-го – будем слушать Чайковского. Я тебе писала, что Яценко будет в Петербурге 19-го – не прозевай его. Матильда мне написала очень ласковое письмо. Она хочет мне подарить все <покупки>, но ты не принимай подарка, а запиши и вообще сочти все, что мы забрали.

Зайцев будет здесь 20-го. Нюре я говорила о твоём желании пристроить рассказ и твой адрес.

Ходасевич надеется скоро получить большую сумму.

Вот пока все новости.

Всего хорошего!

Н.

17 сентября 1912.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 91-92. Связь с конвертом не установлена.

[178] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 18 сентября 1912 г. (ст. ст.)

18 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Сегодня мне звонила Мария Григорьевна, и от нее я узнал, что ты, слава Богу, жива и не лежишь по крайней мере в постели. Хотя бы две строчки мне написала! И без того мне здесь невесело, а ты – ни звука...

От мучительного ожидания – что скажет тот или иной издатель – я совершенно не могу работать. С трудом пишу полторы странички в день. Сегодня вел переговоры (предварительные) с «Современным Миром»: вижу, что мало надежды.

Обедал сегодня у Копельмана. И тут они мне «свинью подложили» – и даже буквально: накормили меня свининой.

В ресторане я подбирал подходящую пищу и пил боржом и совсем, было, наладил желудок (ел компот) – и вот после копельмановской свинины опять чувствую себя худо.

А сегодня я иду на «Игоря».

Играл я как-то в шахматы с Зейлигером (знакомым Шухминой) и, конечно, проиграл: нервы, должно быть, расстроены.

Вообще здесь все страшно надоело, а все-таки есть еще дела, все-таки в Петербурге есть хотя возможности какие-нибудь, хотя надежды: вот сделаю попытку, например, договориться как-нибудь с одной большой новой газетой, где будет работать Анисимов.

Передай привет Чертвериковым.

Надя! Я тебя люблю очень и без тебя не могу жить. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 18-19. Связь с конвертом не установлена.

[179] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 19 сентября 1912 г. (ст. ст.)

19 сент.<ября> 1912

Дорогой Георгий, я тебе писала несколько писем, но, по рассеянности не писала в Петербург, а писала только улицу и номер дома. Очень огорчаюсь за тебя, сердце болит. Здоровье мое не хуже того, что и было, немного угнетает плохая погода. Приехали Зайцевы, я сказала им о твоём желании читать лекцию в Кружке. Видела я Жилкиных, она ко мне приехала, а потом я с ней ездила к ним в Славянский Базар.

Хожу с Любой в концерт Чайковского – очень хорошо.

Понравился ли тебе балет в Игоре? Деньги получала, спасибо! Выкуплю шинель непременно. Без тебя ни у кого не была – не хочется. Скоро ли приедешь? Я тоже чувствую себя не уместна в пустой квартире.

Всего хорошего! Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 89-90. На бумаге: «Мюр и Мерилиз Москва». Сверху надписи нарисован фирменный знак товарищества «ММ». Связь с конвертом не установлена.

[180] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 19 сентября 1912 г. (ст. ст.)

19 сентября 1912.

Милая Надя!

Меня постигла и вторая серьезная неудача: Овсяннико-Куликовский известил меня, что «Сатана» не принят В.<естником> Евр.<опы>. Причина – насмешливое отношение к либералу.

Сегодня отвезу рукопись в «Совр.<еменный> Мир». Другой экземпляр читает В.<еру> Е.<вгеньеву> Копельман. Разумеется, все это меня расстраивает чрезвычайно.

Приехал Ященко, привез чернильницу, две рубашки и подсвечники. Ни за что не хочет брать деньги. Но я как-нибудь это улажу. Толстой вчера уехал из Петербурга. Ященко уезжает завтра. В Петербурге стало теплее. Я ем тиюкол. Слава Богу, что Штейн утешил тебя.

А зачем у тебя сердце болит? Не надо, моя дивная!

Люблю тебя и очень скучаю без тебя.

Твой Георгий.

Сегодня меня звала обедать Марья Григорьевна, но я не знаю, как мне быть с Яценко.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 20-21. Связь с конвертом не установлена.

[181] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 20 сентября 1912 г. (ст. ст.)

20 сентября 1912.

Милая Надя! Пишу тебе сегодня кратко, потому что ничего нет нового. Плохо работаю. Сейчас уехал Яценко. Я буду вечером у Мейера и, конечно, при таком настроении опять ему проиграю. Твой Георгий.

Привет Сереже и Антонине Константиновне. Из «Совр.<еменного> Мира» жду ответ дней через 7-8. Так обещали. За все это время у меня было две радости: одна великая: я прочел «*Книгу Никодима*». Другая маленькая: «Половецкие танцы». Спасибо тебе за письма!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 22-22об. Открытка. На обороте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Плющиха, Грибоедовский пер.<еулоч>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. *Москва*. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 20/IX-1912» и «Москва, 22/IX-1912».

[182] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 21 сентября 1912 г. (ст. ст.)

Родная Надя!

Я измучился. Я не знаю, что делать. С повестью ничего не выходит. Не говори пока об этом в Москве никому.

«Шиповник» предлагает мне за всю повесть 500 руб.<лей> Каковы мерзавцы!

Я смертельно устал. Попробую предложить повесть новой газете. Завтра пойду разговаривать об этом.

Твой Георгий.

21 сентября 1912.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 23. Связь с конвертом не установлена.

[183] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 23 сентября 1912 г. (ст. ст.)

23 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Предложение «Шиповника» сводится к следующему. У них в трех ближайших альманахах нет места для большой вещи, но тем не менее они согласны дать место моей повести в ноябрьский книжке, где будет напечатана драма Андреева на таких условиях: они дают мне 500 руб.<лей>, при чем, если альманах разоидется более, чем в 10.000 экз.<емпляров> они платят мне 75% чистой прибыли с каждой новой тысячи, т.е. около 300 руб.<лей> Следовательно, в случае успеха (если альманах разоидется в количестве 15.000 экз.<емпляров>) я получу всего за повесть 2000 руб.<лей> Весь секрет этого договора заключается в том, что «Шиповник» уверен, что альманах не разоидется в 10.000 экз.<емпляров> и я в таком случае получу всего на всего 500 руб.<лей>

Посоветуй мне, что делать.

Невыгодность этого предложения очевидна, но есть и положительная сторона, если принять во внимание то, что ничего лучшего *пока* не предвидится, а, ведь, надо хоть часть долгов заплатить. Кроме того все-таки для дальнейшего выгодно появится в «Шиповнике» в ноябре. Многие прочтут и писать непременно будут.

За сколько я продал, публике не будет известно, да и издателям тоже, а это повисит мои шансы на гнусном рынке, где мы продаемся.

Я дал *условно* «Шиповнику» свое согласие, а сам жду ответа из «Современного Мира».

Вряд ли там будет положительный ответ. Кроме того во вторник я буду говорить с газетой «День» (новая большая и богатая газета). К сожалению, заболел Анисимов, который туда приглашает, и мне придется говорить с незнакомцами.

Ах, как мне скучно!

Твой Георгий.

P.S. Я уже писал тебе, что я в восторге от «Половецких танцев». Вчера я был вечером у Жилкиных, а днем у Щеголевых.

Не забудь внести проценты за шубу!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 24-25. Связь с конвертом не установлена.

[184] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 24 сентября 1912 г. (ст. ст.)

24 сентября 1912.

Родная Надя!

«Современный мир» тоже отказался напечатать мою повесть. Кажется, мне придется отдать ее «Шиповнику». Вот она проклятая нужда...

Но в конце концов все это суета сует и всяческая суета. Внутри меня, моя чудесная Надька, все-таки горит еще какой-то свет, несмотря на все невзгоды и житейские неудачи и несмотря на эту нашу нищету. И свет этот, родная, моя любовь к тебе. Люблю тебя и считаю себя самым счастливым человеком на земле, потому что ты позволяешь мне жить рядом с тобой. И если жизнь моя будет когда-нибудь оправдана, то потому только, что я люблю тебя. Ты мне снишься и я все время мечтаю о тебе. Ты самая мудрая, самая нежная, самая очаровательная – и нет никого достойного тебе. И я самый недостойный – и все-таки ты меня не оттолкнула!

Люблю тебя, люблю и жду с волнением свидания с тобой.

Твой Георгий.

P.S. Ничего нового у меня пока нет. Я остаюсь еще на несколько дней в Петербурге, чтобы сделать последнюю попытку продать повесть – в газету «День».

Вчера были у меня – Сюннерберг, Гречанинов, а вечером Пяст. Потом я пошел с Пястом в «Шахматное Собрание» и там играл.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 26-27. Связь с конвертом не установлена.

[185] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 25 сентября 1912 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий, не могу тебя ничего посоветовать. Тебе видней. Были у меня Толстые и дали мне какие-то 20 рублей от Ященко.

Скоро ли ты приедешь?

Уложи хорошенько фарфоровые вещицы и зеркало. До свидания! Твоя Надя!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 93-93об. Открытка. На обороте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову. Казанская, 5. Мебл.<ированные> комнаты Стабровского. *Петербург*. Почтовый штемпель: «Москва, 25/IX-1912» и «Санкт-Петербург, 26/IX-1912».

[186] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 25 сентября 1912 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя!

С «Шиповником» у меня такой проект договора: за 10.000 экз.<емпляров> они платят мне 500 руб.<лей>

за 11.000 – 900 руб.<лей>

за 12.000 – 1300 руб.<лей>

за 13.000 – 1500 руб.<лей>

и т.д. набавляя за

каждую тысячу 200 руб.<лей>

Вся штука в том, что они не продадут более 10.000 и, значит, я останусь при 500 руб.<лей>.

Но нет выбора, нет ничего иного! Завтра делаю последнюю попытку – жду ответа от газеты «День».

Мучительно хочу тебя видеть, а между тем, если «День» ответить отрицательно, мне придется остаться еще на несколько дней, чтобы кончить и продать маленький рассказ: я не могу выехать сейчас из Петербурга: у меня нет денег, а «Шиповник» сразу мне не выдаст эти 500 руб.<лей>, а спустя некоторое время.

Мне хочется в Москву ужасно. Никогда я так не уставал здесь. Должно быть, болезнь даст себя знать. Сейчас вечер. Сидеть в номере скучно. Работать не могу. Идти некуда... Поеду, пожалуй, к Катин-Ярцеву: он меня звал однажды по телефону. Он рекомендует очень в Москве доктора Преображенского, который лечит по методу его патрона и даже является главным его представителем.

Именно, Преображенский первый ввел его и обосновал научно. Как твое здоровье, родная?

Чудесная моя! Люблю тебя!

Твой Георгий.

25 сентября 1912.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 28-29. Связь с конвертом не установлена.

[187] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 26 сентября 1912 г. (ст. ст.)

26 сентября 1912.

Милая Надя! Деньги, которые передали тебе Толстые, они и должны были передать: это деньги, которые заплатил Яценко в Париже за костюм Толстого. Так вот Яценко, чтобы получить с него это золото, перевел деньги тебе в счет гонорара за перевод. Сегодня в 4 часа иду в редакцию «Дня» говорить о повести. Вчера вечером я пошел не к Катин-Ярцеву, а к Жилкину и выиграл у него две партии в шахматы. Хочу, хочу, хочу – в Москву! Твой Георгий

Передай привет Четвериковым!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 30-30об. Открытка. На обороте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<ладородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Плющиха, Грибоедовский пер.<еулок>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Москва. Почтовый штемпель: «Санкт-Петербург, 26/IX-1912» и «Москва, 29/IX-1912».

[188] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 26 сентября 1912 г. (ст. ст.)

26 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Дела наши плохи. Придется повесть отдать «Шиповнику». *Ничего другого нет*. Кончаю рассказик, чтобы продать его в какой-нибудь «Биржевку», потому что нет денег: я не могу выехать из Петербурга...

Вся эта издательско-редакторская мерзость расстроила меня чрезвычайно. Скажу тебе по секрету: я бы легко перенес все эти неудачи, если бы не сознание, что *и ты, как все* невысокого мнения о том, что я пишу.

Я страшно угнетен и особенно потому, что не могу сегодня же ехать в Москву. И в таком настроении надо писать! Ах, я мучаю тебя... Прости меня, дорогая.

Твой Георгий.

«Шиповник» может заплатить мне 500 руб.<лей> в такие сроки: 250 руб.<лей> 15-го октября и вторые 250 руб.<лей> в конце ноября.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 31. Связь с конвертом не установлена.

[189] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 27 сентября 1912 г. (ст. ст.)

27 сентября 1912.

Дорогая Надя!

Мне стыдно, что я ныл и огорчил, наверное, тебя моим последним письмом. Уж очень гнусно было на душе. Сегодня я уже не так унываю. Не я первый бился, как рыба об лед, продавая свои повести. Сологуб, когда я пожаловался на свою судьбу, напомнил мне, что он десять лет нигде не мог напечатать «Мелкого Беса» и «Вопросы Жизни» платили ему по 60 р.<ублей> с листа; а под конец Жуковский предложил ему 30 р.<ублей> с листа. Роман не был закончен, как тебе известно.

Как ни худо нам живется, но большинству еще хуже. Я сегодня закладывал часы и видел, как старушка брала дрожащими руками из кассы один рубль и крестилась почему-то.

Таких старушек миллион. Надеюсь сегодня кончить рассказик. Авось, в понедельник получу деньги, успею выкупить часы и поеду в Москву.

До 15 октября как-нибудь проживем. Как ни печальны результаты моей поездки, но все-таки она была необходима. Я знаю, по крайней мере, куда посылать следующую вещь и затем я успокоился насчет «Речи»: переговорил с Гессеном и он меня утешил относительно аванса.

С «Шиповником» я покончил на словах, но условия пока еще не подписал, так что, если неожиданно в Москве что-нибудь подвернется подходящее, я могу ускользнуть из вейсовскогржебинскокопельманоской западни.

Твой Георгий.

Если ты на меня не очень сердисься за вчерашнее унылое письмо, напиши мне два слова. Еще одно письмо я успею от тебя получить.

Люблю тебя, моя дивная. Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 32-33. Связь с конвертом не установлена.

[190] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 28 сентября 1912 г. (ст. ст.)

28 сентября 1912.

Милая Надя!

Мне дико не везет: в понедельник праздник и мне выдадут деньги из «Солнца России» (я туда отдал рассказик в 300 строк за 60 руб.<лей>) *во вторник*. Значит, я выеду, вероятно, в среду, хотя постараюсь выехать во вторник же. Воспользуюсь этими днями и напишу для «Речи» статью о Метерлинке, чтобы погасить аванс: тогда можно будет писать время от времени статьи туда.

Я мучительно хочу тебя видеть, моя дивная, чудесная, очаровательная Надя. Я какую-то особенную нежность чувствую к тебе теперь.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 34. Связь с конвертом не установлена.

[191] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Санкт-Петербург, 29 сентября 1912 г. (ст. ст.)

29 сентября 1912.

Родная Надя!

Я чувствую себя в Петербурге, как в тюрьме. Невозможность выехать отсюда, вырваться из этой проклятой западни приводит меня в ярость. Все эти мерзавцы-издатели как тюремщики – равнодушные и гнусные.

Как ты себя чувствуешь? Как твое здоровье? Если ты выкупила шинель, вместо того, чтобы ее перезаложить, у тебя, очевидно, не было денег на лечение – это мучает меня ужасно.

Я чувствую себя не очень хорошо: все кашляю и кашляю. Надеюсь, в Москве буду здоров.

Любящий тебя очень Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 35. Связь с конвертом не установлена.

[192] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <29> сентября 1912 г. (ст. ст.)

/ Сент.<ябрь> 1912 /

Дорогой Георгий, за что же я буду сердиться на тебя? Наоборот, я очень тебя сочувствую и в отчаянии, что не могу тебе помочь ничем. Приезжай скорее.

Воображаю, как ты устал!

Не забудь, если будет возможность, взять зеркало у Крушинской. Если у тебя не будет денег, то я пошлю ей отсюда, и тогда ты уж не заходи к ней. Не разбей мою чернильницу. Я хожу к доктору и все плачу деньги – даже с запиской от Рыбакова не могу получить бесплатной помощи.

Была у Толстых – его пьесу приняли в Малый театр, *по его словам*, даже роли расписаны и пойдет пьеса в январе.

Ну, до свидания, родной.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 94-95. Связь с конвертом не установлена.

[193] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Одесса, 5 декабря 1912 г. (ст. ст.)

5 декабря 1912.

Милая Надя!

Приехал благополучно в Одессу. С видом на жительство уладилось. Сегодня обедаю у Ландесмана. Телеграмму от Фреймана получил и ему ответил. Очевидно, это ты ее прислала. Голос мой пока звучит хорошо – не знаю, что будет завтра. Оказывается, для моей лекции сняли театр. В газетах по поводу моего приезда есть заметка. Принимаюсь сегодня вечером за писание лекции для Харькова.

Не скучай, моя дивная. Я в тебя влюблен.
Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 38. На бланке «Лондонская Гостинница-Яшук», Одесса. Hôtel de Londres Jastchouk. Odessa. Связь с конвертом не установлена.

[194] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 6 декабря 1912 г. (ст. ст.)

6 декабря 1912.

Дорогой Георгий, посылаю тебе паспорт, он нашелся в номерах на Казанской. Яценко прислал мне его. Твое письмо в редакцию напечатали вчера в «Утре России», и сегодня, в ответе, напечатано ответное от ред.<акции> «Школьная Жизнь». Прилагаю их при этом. Из «Русск.<их> Вед.<омостей>» получено письмо, просят выкинуть слово «хулиганской» из твоего письма. Я от твоего имени просила напечатать письмо без этого слова, но кажется без твоей записки этого нельзя сделать.

Бенштейн прислал рукопись на другой день после твоего отъезда, без письма и ничего не говорить по телефону мне.

Больше пока нечего писать.
Целую тебя. Надя

Пиши скорее, как твое горло.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 96-96об. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[195] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Одесса, 8 декабря 1912 г. (ст. ст.)

8 декабря 1912.

Дорогая Надя!

Твоя телеграмма меня ужасно огорчила. Дело в том, это меня уверял здесь Федоров, что моя повесть идет в «Земле». Я этому почти поверил и запросил тебя телеграммой о ее судьбе. И вдруг, оказывается, опять надо искать места для ее напечатания. Где ты достала паспорт? Зачем же ты посылаешь его в Одессу? Ведь, я уезжаю из Одессы девятого утром и не успею получить его здесь. Я оставляю заявление на почте с просьбой переслать его в Харьков.

Эти дни – вчера и сегодня – я очень занят своей лекцией для Харькова.

Если надо будет что-нибудь экстренное мне сообщить, телеграфируй Харьков – Гершевичу Сумская 6.

Мне.

А я уже устал и хочу домой. Как же это я поеду по России с лекциями своими! А, ведь, надо ехать! Напиши в Харьков о корректуре VI тома.

Целую тебя, родная моя Надька.

Твой Георгий.

Газеты (все) поместили обширные и благоприятные статьи по поводу моей лекции. Голос у меня звучал хорошо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 39-40. На бланке «Лондонская Гостинница-Яшук», Одесса. Hôtel de Londres Jastchouk. Odessa. Связь с конвертом не установлена.

[196] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Одесса, 8 декабря 1912 г. (ст. ст.)

8 декабря 1912.

Милая Надя!

Завтра утром выезжаю в Харьков. Оставлю здесь свой адрес (Сумская, 6 Гершевичу), дабы мне туда переслали паспорт. Здесь, в Одессе, меня оставили в гостинице, потому что Ландесман мгновенно все дело уладил, переговорив по телефону с помощником полицеймейстера <так!>. Сегодня я обедал у Федорова. Он живет на берегу моря. Вчера рядом с их домом произошла грандиозная катастрофа: в море сползли усадьбы, дома и сады. Та же участь грозит и многим другим домам по соседству.

Пошлю тебе вырезки. Покажи их между прочим Сереже Четверикову: он, ведь, близко к сердцу принимает мой успех и неудачи.

Целую тебя, дивная *моя*. (Слышу, как ты говоришь: дивная, да не твоя!)

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 41-42. На бланке «Лондонская Гостинница-Яшук», Одесса. Hôtel de Londres Jastchouk. Odessa. Связь с конвертом не установлена.

[197] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Харьков, 10 декабря 1912 г. (ст. ст.)

Харьков.
10 декабря 1912.

Надька родная!

Люблю тебя ужасно. Соскучился без тебя. Получил сейчас паспорт и твое письмо, и обрадовался тому, что ты мне нацарапала: «целую тебя. Надя».

Горло мое пока меня не беспокоит, но, конечно, опасаюсь завтрашней лекции. Здесь, в Харькове, уже везде висят афиши, в газетах заметки и мои портреты. Получила ли ты одесские статейки по поводу моей лекции? Я тебя послал кое-что. Я остановился в Гранд-Отель, но здесь нехорошо и очень дорого. Меня уговаривают остаться в Харькове на неделю с тем, чтобы прочесть лекцию в Полтаве 18 декабря. Я еще не решил, как поступить. Кроме того мои устроители предлагают устроить поездку по городам в течение одного месяца. Уверяют, что можно заработать порядочно. И это еще пока не решено. Посмотрю, как пройдет эта городская лекция.

Ты сейчас, очевидно, сидишь без единой копейки. Если я останусь в Харькове на неделю, я тебя, конечно, вышлю отсюда золото.

Прислал ли «Шиповник» корректуру? Ответил ли Копельман на мой вопрос о разрешении печатать повесть отдельно?

Что до ответа редакция «Школьная Жизнь», то Бог с ним – все это в конце концов неважно. Я думаю, что «инцидент можно считать исчерпанным».

До свидания, дивная моя.
Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 43-44. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

1913 г.

[198] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Смоленск, 13 марта 1913 г. (ст. ст.)

13 марта 1913.

Родная Надька моя!

Пока я жив и здоров. Прочел лекцию в Смоленске благополучно. Народу было очень много. Слушали прекрасно, внимательно чрезвычайно. Но, должен сказать, что покорила я, должно быть, немногих. Оваций больших не было. Читал я, по-моему, удачно. Сегодня выезжаю в Витебск и сегодня же буду там вечером читать. Мой приблизительный маршрут такой: Смоленск (12), Витебск (13), Орша (14), Двинск (16 или 17), Вильна (18 или 19), Ковно (20), Минск (22). Последние числа не установлены. Поэтому никак не могу дать тебе знать, куда ты можешь мне писать. Пиши пока *Станция Вильна*, Георгию Ив.<ановичу> Чулкову, *до востребования*. Относительно устройств лекции всецело полагаюсь на тебя. Если не хватит денег, возьми у Петра Константиновича. Мне Гершевич пока дал всего лишь 50 руб.<лей>, но я должен был бы, очевидно, получить больше. Если другие города не провалят меня, я еще дополучу и за Смоленск.

Как ты себя чувствуешь? Как концерт твой? Ты все-таки, смотри, люби меня. А я тебя буду любить. Ладно?

Твой Георгий.

Кланяйся Четвериковым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 45-46. На бумаге Everlasting Paper; по дуге герба «Muir & Mirriellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[199] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 14 марта 1913 г. (ст. ст.)

/ В это время жила у Четверикова /
/ 14-III 1913 /

Дорогой Георгий, очень волнуюсь за тебя. Боюсь, что ты простудишься. У нас холодно. Отчего же тебе так мало дали денег в Смоленске? Мой концерт вышел удачным. Собрали около 250 руб.<лей>. Очень мало читала. Третьякова мне понравилась меньше, чем настоящие деревенские бабы. Пела она с хором и бесплатно. Это все Гречанинов устроил.

На вечер были: Гречанинова, Полякова, Вульф, Стороженко, Бердяева и Герцык. Толстой читал рассказ и Зайцев тоже. Хорошие стихи у Ходасевича. Забавно Кювилье. Хороша Столица.

Я ездила к Бердяеву и просила его, но он не может оппонировать. Уверял, что это потому, что он на эту тему не хочет публично высказываться. Просил не подумать, что это он тебе не хочет оппонировать. Жена его придет ко мне скоро. От Трабши получил приглашение ехать к ней, но я думаю, что едва ли я поеду. Я была у Преображенского (доктора) и он хочет лечить меня вибрационным массажем, а для этого нужно три недели. Ухо мое неизлечимо, но, может быть, удастся остановить процесс и спасти другое ухо, которое неминуемо должно заболеть без лечения. Это не склероз, но очень близко к нему. Очень тяжелая болезнь.

Я пригласила Веру на другой день после концерта сегодня и показала ей отчет в приходе и расходы по устройству концерта.

Дядюшка не был. Я была у них.

Вот и все новости. Любить тебя не перестану.

Твоя Надя.

14 марта 1913.

Афиши и билеты готовы вчера. Сдала объявление в Русс.<кие> Вedom.<ости> (со скидкой).

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 97 — 98об. На бумаге Everlasting Paper; по дуге герба «Muir & Mirriellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[200] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
На дороге, 15 марта 1913 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Еду в Двинск. В Витебске и Орше публики было очень много, а денег мало – странно!

Любящий тебя

Георгий.

Привет Четвериковым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 47. Открытое письмо. На правой стороне адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Плющиха, Грибоедовский, 8, кв.<артира> 2. Москва. Почтовый штемпель: «Орша Вокзал, 15/III-1913». Второй почтовый штемпель неразборчив.

[201] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Вильна, 18 марта 1913 г. (ст. ст.)

Вильна.

18 марта 1913.

Родная Надька!

Мне скучно без тебя. Хочу домой. Ты себе представить не можешь, как я мыкаюсь, и как стремительно я переезжаю из города в город. А в материальном отношении поездка даст, вероятно, очень мало, если вообще что-нибудь даст. Это досадно тем более, что везде, во всех городах, публика валом валит на мою лекцию. Сегодня я в Вильне. Это наш главный пункт и самый крупный из намеченных городов. В прессе меня чрезвычайно рекламируют. Вероятно, будет и здесь много публики, хотя передо мной был здесь Гр.<аф> Петров и Сологуб и уже висят афиши Макса Волошина.

Почему мои лекции не дают денег, я, по правде сказать, не совсем понимаю. Мои импресарио, однако, желают взять меня и после 24 марта, но я решил ехать уже на иных условиях, а именно известный % с валового сбора, дабы иметь гарантию, а теперь «чистая» прибыль величина слишком

неопределенная, тем более, что они считают прибыль от всех городов вместе, а не в отдельности.

После Вильны я буду читать в Минске 21-го. 22-го выезжаю и 23-ого буду в Москве.

Твое письмо сегодня получил, прочел и огорчился твоими сообщениями об ухе. Только, ведь, и Преображенский может ошибаться. Я верю, что твое ухо поправится, Надя. Невозможно, чтобы оно не поправилось.

Хорошо, что твой концерт прошел с успехом. Бердяев – свинья, но беды большой нет. Пришли мне письмо в *Минск* (Вокзал – Чулкову – до востребования). *Сообщи мне, идут ли билеты*. Если нет денег на объявление, возьми пока у П.<стра> К.<онстантиновича> Иванова. Я, ведь, с Курлова должен получить. Может быть, сколько-нибудь привезу из Вильны.

Целую тебя, моя дивная Надька.

P.S. Я пишу понемногу лекцию для Москвы, но еще не все написал. В вагоне невозможно писать: руки дрожат. Твой Георгий

Кланяйся Конст.<антину> Конст.<антиновичу> и Четвериковым.

P.P.S. Я сейчас сообразил, что ты не успеешь в Минск послать письмо. Поэтому я справлюсь на вокзале о телеграмме. Если ты захочешь мне сообщить что-нибудь, пришли телеграмму.

Минск. Вокзал. Чулкову

До востребования.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 48-49об. На бумаге Everlasting Paper; по дуге герба «Muir & Mitziellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[202] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<Вильна>, 19 марта 1913 г. (ст. ст.)

19 марта 1913.

Милая Надя!

Мне тошно и скучно: господа импресарио подводили сегодня итог нашей поездки. В результатах получается *нуль*. Я получил обратно лишь ту сумму, которую затратил на поездку, т.е. около ста руб.<лей> и больше ничего. Остался один Минск, который вряд ли что-нибудь даст. Очевидно, что поездка была организована *неудачно*. В Вильне, как и везде, была полная зала народу. Нельзя, конечно, читая по одной лекции в городе, ехать с *двумя* импресарио, содержать их и платить им 40% прибыли. Впрочем, по их словам, они тоже остались без барыша. Это все отвратительно. Я, вероятно, привезу домой гроши. Чувствую себя прескверно.

Твой несчастный Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 50-51. На бумаге Everlasting Paper; по дуге герба «Muir & Mitziellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[203] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<Вильна>, 20 марта 1913 г. (ст. ст.)

20 марта 1913.

Милая Надя!

Завтра утром выезжаю в Минск. Завтра же читаю там лекцию и, если успею, ночью выеду в Москву. Значит, буду дома 22 или 23. Вся моя надежда на Москву. Кланяйся Сереже, Антонии Константиновне и Константин Константинович.

Любящий тебя очень
Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 52. Открытое письмо. На правой стороне адрес: Надежде Григорьевне Чулковой, Плющиха. *Грибоедовский*, 8, кв. <артира> 2. Москва. Почтовый штампель: «20/III-1913», «Москва, 22/III-1913».

[204] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <апрель> 1913 г. (ст. ст.)

/ Март 1913 /
/ У Четвериковых /

До свидания, дорогой Георгий. Я уезжаю. Хочу, чтобы тебе удалось приехать в Крым. Была я у дядюшки, с цветами, но не застала дома. Книгу я передала Любе для передачи Марии Ник.<олаевне>. В последний вечер были у меня Зайцева, Люба, Ахрамович и Бердяева, последняя была *очень* нежна со мной. Она хочет написать мне в Крым, помочь нам там устроиться у их знакомых.

Я себя очень скверно чувствую физически. Может быть, поправлюсь в Крыму. Мирэ я устроила до 13-го мая за 100 рублей. Дала ей еще 10 рублей на расходы. Больше ей давать не следует. Она немного работает.

Целую тебя нежно.
Твоя Надя.
Приезжай!

Любе я дала всего Бальзака – седьмого тома не оказалось.

Срединой дала
1) Шуазель-Гуфье
2) Морана
3) «prêtre marié» 2 тома
4) и «la mort de quelqu'un»

В большом чемодане мои вещи, в верхнюю его части можешь уложить свои рукописи.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 99 — 100об. На бумаге Everlasting Paper, по дуге герба «Muir & Miriellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[205] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 4 апреля 1913 г. (ст. ст.)

4 апреля 1913.

Милая Надя!

Пишу тебе из Москвы. Я вернулся после моей полтавской поездки домой, потому что Киев и Екатеринослав нельзя было подготовить так скоро, как надеялись господа импресарио: администрация отказалась дать разрешение на ближайшее дни. В Полтаве сбор был 217 руб.<лей>, из коих я получил 73 руб.<ля> 25 коп.<ейки>. Но моральная победа, на мой взгляд, была немалая. Кстати: в дни моего пребывания в Полтаве были распроданы все мои книги в местных магазинах.

Сегодня я обедал у Любы, завтра буду обедать дома (заказал Оле сварить курицу), после завтра зван на обед к Зайцевым.

Фрейман очень настаивает на том, чтобы устроить лекцию в Петербурге на Пасхе – и *без Гершевича*. Я тоже думаю, что это удобнее. А так как у Фреймана мало денег, я предложил ему такое условие. Я дам ему рукописи небольшого рассказа, если я, конечно, смогу его на днях написать, и с этим рассказом Фрейман поедет в Петербург. Его сто руб.<лей> плюс гонорара за мой рассказ рублей сто составят достаточную сумму для предварительных расходов. А я буду пока сидеть в Москве и работать, чтобы не разориться на петербургскую жизнь. Приеду в Петербург к лекции. Если в Киеве к этому времени получено будет разрешение, я поеду в Крым через Киев, где я прочту лекцию на Фоминой недели. Может быть, мой план изменится, конечно. Тогда я тебе напишу.

Меня ты очень огорчила тем, что чувствуешь себя скверно физически. Авань, в Крыму тебе будет лучше.

Как только приедешь в Алупку, напиши мне подробно и обстоятельно, как тебя встретила и устроила Ксения Федоровна и удобно ли мне приехать и сколько будет это стоить.

Я ездил под Полтаву смотреть дачу. Там мило и хохлы милые, но дачи дороги (180-150 р.<ублей> в лето), а хаты не очень удобны (30-40 руб.<лей> в лето).

Где мои гамаша? И где мое летнее пальто? Пожалуйста, не забудь мне сообщить это в письме.

До свидания, моя Надька. Ты теперь наверное, интересная и опять молодая. Любящий тебя старый Георгий.

Передай мой привет Ксении Федоровне.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 53 — 54. Связь с конвертом не установлена.

[206] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 6 апреля 1913 г. (ст. ст.)

6 апреля 1913.

Родная моя Надька!

Как ты себя чувствуешь? Получила ли мое письмо о Полтаве и обо всем? Напиши, пожалуйста, как можно скорее, сколько стоит комната и пансион в Алушке, у Ксении Федоровны или где-нибудь еще. Мне очень хочется приехать в Крым и там остаться на все лето до осени, до сентября, если хватит денег. Все говорят, что в Крыму возможно жить и в июле, а переезды очень дороги и скучны. Если денег будет мало, буду писать рассказ, а роман отложу до зимы – что подделаешь! «Жатва» что-то медлит с гонораром и даже я боюсь за этот гонорар. Купринский рассказ не более содействовал распространению «Жатвы», чем мои «Мертвецы».

Вот завтра буду говорить с господами издателями.

Сандро Яценко ежедневно присылает мне письма, умоляя приехать в Юрьев немедленно и непременно хочет зимой жить вместе в Петербурге, обещая всякие льготы.

Ты что думаешь на этот счет? Я, по правде сказать, не знаю, как поступить. Не поправит ли это мои литературные дела – жизнь в Петербурге? А, с другой стороны, страшно как-то: в Москве спокойнее – но вот денег нет. Относительно переплетов, быть может, в Москве лучше, но и там заказы, конечно, будут. Относительно Петербурга решай ты. Там теперь и журналы, и издательства, а здесь, в Москве, болото. Впрочем, если тебе не хочется в Петербург, так тогда и разговора не будет никакого.

Сегодня обедал у Зайцевых. Царапаю рассказик. Девятого диспут «о современной литературе». Я должен говорит на нем.

Жду с нетерпением твоего письма. Целую тебя. Твой Георгий.

Ксения Федоровна привет и Андреевой Александре Алексеевне мой привет, если ты встретишься с ней и беседуешь.

P.S. В другом конверте посылаю тебе открытку Веры, по ее просьбе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л.55 — 56. Связь с конвертом не установлена.

[207]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Алупка, 6 апреля 1913 г. (ст. ст.)

Алупка 6 апреля
1913.

Милый Георгий, телеграмму твою получила, но что с тобой дальше я не знаю. Напиши мне сюда по скорее. Доехала я очень хорошо, даже не устала. Здесь очень хорошо. Хороший воздух и обстановка милая. Общество пока небольшое и все почти одни дамы. Один только мужчина и тот священник и тот с попадьей. Я очень рада покой, тишине и свежему воздуху. Здесь сейчас совсем не жарко, но уже была жара до 35 град. Напиши поскорее хочешь ли ты и можешь ли приехать сюда.

Теперь тут комнаты нарасхват – нужно предупредить Ксению Федоровну заранее. Или ты согласишься прямо переночевать к Волошину. Мне кажется, что и тебе и мне здесь было бы полезно побыть подольше.

Прости меня, я забыла исполнить твое поручение и даже больше того: я не только не внесла процентов за шубы, но даже не знаю, где находится квитанция. Шубы заложены в городском ломбарде в отделении против Страстного Монастыря (в доме Горчакова, кажется).

Если квитанция у тебя в документах, то дело не плохо, но если ее нет, то придется делать заявление в ломбард. Если поедешь сюда, то захвати *подушку большую*, а ту, с которой ты ездил, теперь отдай Любе. *Одеяло* <так!> *мое теплое* (в большом чемодане) *наволочки и простыни* в сундуке под съемными ящиками сверху. *1 одеяло немецкое* (там же), *фуфайку*, *свои блузы* (3) и *кушаки, штаны* чесучовые и *ночные туфли*. Сюртук уложи в верхний ящик сундука и закрой тряпкой белой, пересыпь нафталином, кот.<орый> лежит под ящиком в сундуке.

Книги твои со мной. Мертвецов переплетенных взяла читать Бердяева.

Ну, родной, пока нечего тебе сказать. Хочу от тебя вестей. Люблю тебя и хочу поскорее тебя увидеть.

Твоя Надя

Ксения Федоровна тебе кланяется.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л.101 — 102 об. Связь с конвертом не установлена.

[208]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Алупка, 10 апреля 1913 г. (ст. ст.)

Алупка, 10 апреля
1913

Дорогой Георгий, сегодня отправила тебе телеграмму с ответом на твою. Почему тебе так экстренно понадобилось узнать цену на пансион? Ксения Федоровна предлагает комнату для двоих довольно большую и стол за сто тридцать рублей. 50 руб.<лей> стол с человека и 30 руб.<лей> комната. Это не дороже нашего нормандского пансиона. Кормят здесь недурно. Кухарка хорошая и провизия свежая. Утром чай и хлеб с маслом (я ем еще два яйца) в 12 ½ обед из 3-х блюд, в 3 ч.<аса> чай с хлебом и в 6 ужин из двух блюд. В 7 час.<ов> еще чай, а в 10 все уже спят. Я встаю в 7 час.<ов> утра. Непременно надень фуфайку, когда поедешь из Севастополя сюда: страшный ветер в степи. На автомобиле по-моему ехать не стоит: часто ломается и тогда очень запоздаешь. Недавно одна барышня ехала сюда больше десяти часов, а я на экипаже доехала в 7 часов. Подъезжая к Севастополю уже в вагоне можно подобрать компанию для четырехместного экипажа, стоит от 18-20 руб.<лей> А если

раньше не найдешь (это я так устроилась, еще в поезде с двумя дамами и девочкой) то посыльный тебе подыщет компаньонов. У Байдарских ворот очень дерут за все: самовар стоит 1 р.<убль> ты имей это в виду. Кучеру скажи, чтобы довез тебя до дачи Грабши, это две минуты от ворот Хоба-Туби. Нужно выехать в ворота и проехать парком еще кусочек. Захвати мое теплое одеяло вместо пледа *очень нужно в дороге в экипаже*, да и здесь пригодится. Оно в больш.<ом> чемодане. Твое пальто летнее весит в коридоре. Шляпа в корзине вложена в твою соломенную.

Захвати *простыни и подушку с наволочками*. Захвати себе *бумаги и чернила, путеводитель по Крыму, французский словарь Макарова* тут есть. Захвати *маленький немецкий* и немецкую книгу для меня. Кому же ты отдашь книги? Если понадобится освободить комнату Четвериковых, то придется отправить мебель Тоне. Диван, два кресла, шкаф, кровать, да еще кожаное кресло.

Относительно Петербурга я теперь равнодушна, если для твоей работы лучше, я согласна. Я чувствую себя лучше. Понемногу хожу в горы с одной художницей – другом Голубкиной. В горах (но это не далеко, а около нашей дачи) так хорошо и бодро. Очень хочу *с тобой быть в Крыму*. Попроси у Тастевена *Hak Ryner'a Хак Ринера* что-нибудь. Он обещал. Привези сюда стихов каких-нибудь. Если тебя пугает цена пансиона, то можно еще устроиться дешевле. Ксения Федоровна обещает найти комнату дешевле тут по близости и можно брать только обед, а остальное самим покупать. У нас комната будет с балконом и на востоке так что жарко не будет, но можно переменить на южную. Сейчас приходили ко мне Гречаниновы. Они будут здесь Пасху.

Больше писать пока нечего. Приезжай. Смотри же оденься потеплее. Я страдала от холода. Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л.103 — 105 об. Связь с конвертом не установлена.

[209] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 10 апреля 1913 г. (ст. ст.)

10 апреля 1913.

Милая Надя!

Почему ты не отвечаешь на мои письма? Я получил от тебя одно письмо, но в нем ты не сообщаем, *сколько стоит комната и пансион* в Алушке. Непременно возможно скорее напиши мне об этом. «Жатва» отказывается платить в назначенный срок. Денег очень мало. Я боюсь, что мне не хватит на поездку в Крым. Завтра, вероятно, выяснится, сколько мне даст «Жатва». Посылаю тебе письмо Яценко. Напиши мне немедленно, что ты думаешь о его плане. Я предоставляю тебе решить, где нам жить зимой – в Москве или Петербурге.

В Москве сейчас пыльно и гнусно. Мне очень хочется в Алушку. Я еще не решил, поеду ли в Петербург.

Мне скучно без тебя. любящий тебя очень Георгий.

Передай мой привет Ксении Федоровне.

P.S. Славка в восторге от твоего письма.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 57. Связь с конвертом не установлена.

[210] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 13 апреля 1913 г. (ст. ст.)

Дивная моя Надька! Пишу тебе из Москвы. Успел увидеть Зайцевых, Толстых и Бальмонта. Успел взять из квартиры Четвериковых все, что надо. Ночевал в пустой квартире Рыбаковых, обедал у

Четвериковых. Веду себя хорошо и трезво. Бальмонт был очень мил и нежен. Он шлет тебе привет. Толстые едут в Симбирскую губ.<ернию>. Тетушка их предлагает нам тоже поселиться где-то по соседству за недорогую плату. Она подробно об этом мне напишет из деревни в Петербург. Если у меня будет денег рублей 300, можно поехать в такую деревню.

Там сосновый лес и *очень сухо*.

Привет всем нашим знакомым и особенно батюшке.

Любящий тебя нежно Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 58. Закрытое письмо. На обороте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. *Алупка*, Таврическая губ.<ерния>, дачи г-жи Трабша. Почтовый штемпель: «Москва, 13/V-1913», «Алупка, 16/IV-1913».

[211]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 14 мая 1913 г. (ст. ст.)

Петербург.

14 мая 1913.

Дивная моя Надя! Я уже послал тебе три открытки и одно письмо, но боюсь, что что-нибудь может пропасть; поэтому не удивляйся, если буду повторяться. И так, в Москве я видел Сережу Четверикова и его супругу. Они были очень любезны и милы – по мере своих качеств, разумеется. Вещи наши все задвинуты в маленькую комнату, а в большой – детская. Я взял одну подушку, все мое белье (чистое и иное), жакетную пару, необходимые рукописи, туфли и т.<ак>д.<алее> Все это я уложил в твой большой порт-плед и в серый чемоданчик. Ключи от сундука и чемодана оставил Сереже. Он будет жить в Москве *до 15 июня*, а я, надеюсь, ты до его отъезда побываешь в Москве и можешь взять у него ключи и билеты ломбарда. Рыбаковы – на даче. И дядюшка в тот день тоже был на даче. Денег я пока у Сережи не просил по твоему совету (из тех, что обещал выдать Смирнов). Видел Зайцевых. Они уезжают в деревню. Толстые вернулись из Парижа. Алеша недоволен Парижем. Там было дождь и кубисты ухаживали за Софьей Исааковной. К Сандро Толстые уже относятся, по-видимому, благосклонно и написали ему письма.

Бальмонт был очень мил. Шлет тебе привет. Кланяется тебе также Екатерина и Александра Алексеевны. Таня в деревне. Их летний адрес: Ст.<анция> Нара, Брянской дор.<оги>, им.<ение> Шлиппе.

Я утром из Петербурга послал тебе открытку, в которой говорю о том, что я, может быть, поселюсь у Городецкого, а вечером выяснилось, когда я у них был, что это невозможно. Анна Алексеевна едет в Алупку 24-го, а к этому времени я, может быть, придумаю что-нибудь иное. Во всяком случае до 24-го, значит, я у Городецкого жить не могу, хотя Гумилев, с котор.<ым> Городецкий продолжает вести дружбу, отсутствует и мне его видеть не пришлось бы: Гумилев в Африке, а Гумилева в деревне.

О квартире нашей я тебе писал. Сообщу некоторые подробности. Дом стоит на углу Ждановской наб.<ережной> и Малого проспекта Пет.<роградской> Стор.<оны>. План очень простой. На всякий случай я тебе его прилагаю. Корридорная <так!> система (дом выстроен три года тому назад). Наши комнаты в самом конце длиннейшего корридора <так!>. Это главное неудобство, но я, конечно, не жаловался на него и все находил хорошим. В нашем распоряжении две очень светлые комнаты, обращенные на юг. Одна поменьше, другая большая. Кроме того нам же принадлежит (совсем в стороне) полутемная довольно большая комната, в которой можно устроит мою или – лучше – нашу спальню. Отопление печами. Квартиру будут отделывать – прежде всего наши комнаты. Сегодня выяснится, когда они будут приблизительно готовы: надо побелить потолки, привести в порядок паркет, наклеить обои. В твоей комнате будут совсем светлые белые дешевые. Их ты можешь

заменить другими, если захочешь, в другой комнате будут гладкие обои (цвет пока неизвестен – сегодня выяснится).

Всего в квартире шесть комнат, наша дополнительная полутемная, комната для прислуги, большая кухня, ванная, три ватер клозета. Цена 200 руб.<лей> в месяц с отоплением*. С нас Сандро хочет брать 50 р.<ублей> в месяц, при чем открывает кредит на неопределенное время.

Я думаю все-таки, Надечка, что, пожалуй, нехудо <так!> было бы в самом деле поскорее съехаться нам вместе и устроиться так или иначе на нашей квартире. Мебель Сандро купит лишь в сентябре, но Городецкие отдают все наше и можно будет кое-что подкупить. Тебе придется заехать в Москву и отправит книги.

Мне очень жаль лишать тебя южного солнца, но, быть может, если у нас в Петербурге наладится жизнь в мае-июне, на июль и август можно будет опять уехать из города куда-нибудь. Если ты решишь ехать, то *немедленно по получению письма телеграфируй об этом*. По моим расчетам ты получишь это письмо числа 18-го. В этот день я буду ждать от тебя телеграммы.

Хорошо, что квартира наша на Пет.<роградской> Стор. <оне> Воздух лучше. Вид на Тучков мост, Петровский парк и речку Ждановку – очень петербургский, но не утомителен и нескучен. Любящий тебя Георгий

Сандро и Матильда кланяются тебе.

* 36 сажен дров. Контракт на 1 год.

P.S. Приезд Городецкой не должен тебя смущать. Она все-таки какая-то – Бог с ней. С ней жить тебе было бы, по-моему, не очень приятно, несмотря на ее к тебе нежность. Лучше тебе со мной быть. И мне лучше с тобой быть, чем одному.

Приезжай, Надя! Но если чувствуешь слабость и жалко покинуть Юг, оставайся, конечно, в Алушке: только извести меня телеграммой непременно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 59 — 61. На л. 61об нарисован подробный план квартиры. Связь с конвертом не установлена.

[212] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 14 мая 1913 г. (ст. ст.)

14 мая 1913.

Милая Надя!

Я послал Тебе сегодня заказное *подробнейшее* письмо, но, т.к. заказные письма приходят на день позднее, пишу и это дополнительное письмо.

Квартира наша довольно приятная. Нам собственно принадлежат две комнаты светлые, на юг, и одна (в стороне) полутемная. Квартиру отделявают, но это ремонт легкий и он будет скоро закончен. Наши комнаты будут готовы на-днях. Кухня будет готова к 1 июню. Если тебе не очень жаль юга и если ты чувствуешь себя сейчас не очень худо, приезжай в Петербург.

Поживем с тобой здесь, пока я не напишу чего-нибудь. В июле можешь ты или мы вместе поехать куда-нибудь в деревню. В Симбирскую губ.<ернию>, о которой я тебя писал, пожалуй, далеко? Может быть, куда-нибудь поближе? Заезжай в Москву и переправь наши книги и все. Если ты задержишься в Алушке, сообщи, и я пришлю тебе еще рублей сколько-нибудь при первой возможности. Если же ты решишь ехать на-днях, у тебя, очевидно, будут деньги на переправу книг. А если не хватит, ты можешь занять у Четверикова, которому я *немедленно* вышлю то, что ты займешь. Сандро не покупает пока никакой мебели, но мы можем ограничиться малым, взяв кое-что у Городецких и кое-что подкупив.

Неприменно пришли телеграмму о своем решении – том или другом. Я живу в номерах Стабровского, Казанская, 5.

Вчера я ездил с Сандро и Матильдой в Петергоф. Били фонтаны и все было дивно. Сегодня я был с Яценко в Ботаническом саду – и там прелесть. И Нева волшебна. И весь Петербург очарователен.

Мне почему-то кажется, что мы хорошо здесь с тобой устроимся.

Очень тебя люблю, моя чудесная Надька.

Твой Георгий.

Кланяйся знакомым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 62 — 63. Связь с конвертом не установлена.

[213]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Алупка, 14 мая 1913 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий, как ты доехал и как себя чувствуешь? Здесь погода все время очень плохая, т.ч. за тебя я не очень огорчаюсь, что ты уехал отсюда. Ездили мы все в Симеиз, и там мне тоже не особенно понравилось и я думаю, что тоже от погоды. Жду от тебя подробного письма, чтобы решить, как мне жить дальше. Все тебя вспоминают и кланяются тебе, особенно батюшка и Любовь Сергеевна. Скоро пансионат совсем опустеет – все собираются уезжать. Если погода будет хорошая, я поеду на недельку к Любви Сергеевне в Симеиз.

Писем тебе не было. Было только одно от Нюры, где она пишет, что от сильного холода они решили перебраться на дачу Ходасевичей и живут теперь там очень хорошо. Гарин мне тоже написал письмо – завет к ним на дачу. Я получила еще от племянника Мирэ письмо. Оказывается, что Мирэ должна в санаторий 76 руб. <лей> с копейками – итак все деньги почти истрачены. Ну, и отлично! Мирэ едет в деревню на все лето.

Без тебя мне скучно и я ничего не делаю. Хочу поскорее быть поближе к тебе. Относительно кухарки спроси у Веры Федоровны Крушинской по телефону.

Кланяйся Яценкам.

Целую тебя. Твоя Надя.

Алупка 14 мая.

1913.

Встретила тут Тонечку Заболоцкую.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 106-106об. Связь с конвертом не установлена.

[214]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 15 мая 1913 г. (ст. ст.)

15 мая 1913.

Дорогая Надя!

Мне бы очень хотелось, чтобы это письмо получила ты в день своего отъезда из Алупки. По моим расчетам оно придет в Алупку числа 18-19 – это мое седьмое по счету письмо. Значит, я могу тебя увидеть здесь, в Петербурге, числа 22-23, если ты на один день остановишься в Москве, чтобы отправить книги, в коих буду очень нуждаться. Надеюсь, что письма мои не пропали. В двух письмах я очень подробно рассказываю о нашей квартире. На всякий случай повторю самое важное:

1) В нашем распоряжении две порядочные комнаты, светлые – на юг окнами. Кроме того одна полутемная, где можно устроить спальню – мне или нам, по желанию, или, если хочешь, тебе, а для жизни и работы у тебя будет светлая рядом с моим кабинетом.

2) Адрес: Ждановская наб.<ережная>, д.<ом> 3, кв.<артира> 22. Я буду жить до твоего приезда в номерах Стабровского: никто не может меня приютить.

3) Квартира будет готова к 1 июню, а наши комнаты на-днях.

4) Мы проживем в Петербурге июнь, а там видно будет.

Но если ты чувствуешь, что тебе еще *необходимо* пробыть на Юге некоторое время, оставайся в Алушке – только *телеграфируй непременно о своем решении*.

К Любе пока не заезжай.

У Четверикова (в его комнате) стоит наша пишущая машинка. Ее надо взять. У Сережи ключи и билеты от ломбарда. Если не хватит денег на отправку книг, возьми у Четверикова; я ему вышлю: я достану деньги двадцатого, вероятно. Шубы пока нельзя еще выкупать.

В Петербурге прекрасно. Хорошо, что наш дом на Пет.<роградской> Стор. <оне>: там все-таки воздух лучше и как-то вокруг просторнее.

Городецкая на этот раз мне не очень понравилась, хотя она и объяснялась в любви торопливо и тебе, и мне.

Настроение у меня хорошее, и я верю, что мы недурно устроимся здесь, в Петербурге.

Целую тебя, моя дивная, моя чудесная.

Твой Георгий.

P.S. Сегодня вечером иду к Жилкиным. Был вчера у Сюннерберга, но его дома не застал. Сегодня разговаривал по телефону с Крушинской.

Ал.<ександр> Сем.<енович> и Мат.<ильда> Август.<овна> шлют тебе привет. Мат.<ильда> вчера послала тебе письмо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 64 — 65. Связь с конвертом не установлена.

[215] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Санкт-Петербург, 19 мая 1913 г. (ст. ст.)

19 мая 1913.

Милая Надя!

С нетерпением жду тебя. Надо в самом деле поскорее устроиться на этой самой Ждановской набережной – и поуютнее. Я без тебя не могу ничего. Ты, пожалуйста, к Любе не заезжай, а спеши сюда, в Петербург.

Лучше, если у тебя явится такое желание, погости у нее потом, в июле, напр.<имер>. А сейчас мне очень нужна комната и *книги*.

Ты мне снишься и я тебя люблю очень и мечтаю о тебе.

В Петербурге сейчас дивно. Яценко меня возил в Кронштадт и почти каждый день мы на парходике катаемся по Неве. Я думаю, что мы мудро поступили, не отвергнув Петербурга.

Приезжай поскорее.

Люблю. Георгий.

Я останусь до твоего приезда в номерах Стабровского, Казанская, 5.

Передай привет Сереже и Антонине Константиновне.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 66-67. Связь с конвертом не установлена.

[216] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Санкт-Петербург, 21 мая 1913 г. (ст. ст.)

21 мая 1913.

Милая Надя!

Бога ради не медли в Москве. Я без тебя не могу.

Если ты выехала в среду, значит, в Москве ты будешь в пятницу.

В воскресенье утром я жду тебя в Петербурге. Я остаюсь в номерах Стабровского, Казанская, 5.

Я был у Катин-Ярцева. Он <остане>тся в Петербурге до конца <.....>, а потом уезжает на месяц в Лондон.

Целую твои руки, моя чудесная.

Твой Георгий

Привет передай Сереже и Антонине Константиновне.

P.S. Книги мне очень нужны.

Если понадобятся деньги в Москве, телеграфируй: я могу немедленно перевести рублей 50.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 68. Связь с конвертом не установлена. Дефект оригинала. Письмо оборвано.

[217] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Москва, 8 ноября 1913 г. (ст. ст.)

Моховая, д.<ом> 7

8 ноября 1913.

Милая Надя! Я остановился у Александровых. Люба и Нюра обе такие же. Видал пока одного Четверикова. Сегодня навещу Зайцева, Абрамовича и Толстого. Останусь ли я здесь и на сколько дней, выяснится сегодня вечером. Будь здорова и спокойна.

Целую тебя, дорогая моя и дивная.

Твой Георгий.

Привет Сандро и Митильде.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 69. Почтовая карточка. На открытке адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой, Ждановская наб.<ережная>, 3, кв.<артира> 22. Почтовый штемпель: «Москва, 8/XI-1913», «Санкт-Петербург, 9/XI-1913».

[218] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Москва, 9 ноября 1913 г. (ст. ст.)

9 ноября 1913.

Дорогая Надя!

Я живу пока у Александровых, обедаю у Рыбаковых для экономии и все-таки деньги уничтожаются непонятным образом. Останусь ли я в Москве и на долго ли, выяснится вечером в понедельник. Публичную лекцию прочесть здесь мудрено. Большой зал Политехнич.<еского> музея занят до 18 декабря! Меня приглашает художественный салон прочесть о французск.<ой> живописи.

Хотя мне это скучно, но за лекцию дадут, вероятно, пятьдесят рублей. Поэтому пришли мне немедленно мои записки. Они находятся в длинной папке на маленьком столе. «Заметки о живописи» написаны на четвертушках и на восьмушках. Значит, надо эти записки прислать в двух заказных бандеролях, дабы листочки не выскочили.

Напиши мне письмо сюда: Моховая, д.<ом> 7, кв.<артира> Александрова. Как твое здоровье и как ты себя чувствуешь? Я видел Зайцева и Толстого. Все тебе очень кланяются и вообще вся Москва, по словам Любы и других, опечалена тем, что тебя здесь нет.

В «салоне» я встретил сумасшедшую А.<нну> С.<еменовну> Голубкину. Она мне говорила ласковые слова, но почему-то заявила, что ты ее чем-то обидела.

Как я ни старался выяснить в чем дело, мне это не удалось. Вот, значит, одна только Голубкина тобой недовольна.

Известия о здоровье Марии Николаевны весьма мрачные. Дядюшка даже пишет, что нет надежды. А тут еще у двери Александровых квартиры стоит крышка гроба. В день моего приезда скоропостижно скончался в соседней квартире какой-то гость-офицер. Возвращаясь поздно вечером из «Жатвы» я неожиданно узрел могильный атрибут, приготовленный заблаговременно.

С «Жатвой» пока еще ничего не выяснил. Там собираются в среду приступить к печатанию альманаха с «Сатаной» и я не знаю отнимать или не отнимать у них повесть. По словам Альвинга, единственный альманах, который хорошо прошел, это альманах с «Мертвецами», а все остальные с Куприным, Курловым, Городецким, Ремизовым и др.<угими> провалились.

Передай привет Сандро и Матильде.
Любящий тебя Георгий.

Я жду письма.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 70 — 71. Связь с конвертом не установлена.

[219] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 10 ноября 1913 г. (ст. ст.)

10 ноября 1913.

Милая Надя!

Неопределенность положения мучает меня весьма. В понедельник к вечеру, впрочем, можно будет решить, на сколько дней придется мне остаться здесь и перееду ли я от Александровых куда-нибудь еще. Пока я здесь.

Сегодня иду к Щукину смотреть Пикассо. Вечером сегодня буду у Ивановых. Над.<ежда> Вас.<ильевна> уверяла меня по телефону, что она не получала твоего письма.

Впрочем, я в свою очередь уверял М.<арию> Г.<ригорьевну> Гречанинову, что ты ей ответила на ее письмо, но, ведь, кажется, ты не отвечала...

У Ивановых сегодня вечером будет спиритический сеанс. Петр Константинович достал медиума. До вторника едва ли смогу съезжать за какую-нибудь работу.

Достань где-нибудь октябрьскую книжку «Современного Мира» и прочти в приложении письмо Страхова к Толстому. Там есть письмо величайшей важности о Достоевском.

Не была ли ты на лекции Бальмонта? Или, быть может, он у нас был? Зайцев говорит, что Бальмонт собирался нас навестить. В Москве он держал себя невозможно. Из «Русского Слова» я узнал, что в «Бродячей Собаке» кто-то его ударил. Черт знает что такое!

Передай привет Сандро и Матильде.
Любящий тебя
Георгий.

Моховая, 7.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 72-73. Связь с конвертом не установлена.

[220] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 11 ноября 1913 г. (ст. ст.)

11 ноября 1913.

Милая Надя!

Только сейчас от доктора. По-видимому, мое положение не так плохо, как это нам казалось. Расскажу при свидании, почему я настроился оптимистически.

Остаюсь сейчас в Москве главным образом из-за лекций, на которые приглашен, а также из-за «Жатвы». Я предъявил некоторые требования, и Альвинг послал письмо Курлову. Мы ждем ответа.

Завтра напишу подробнее. Сейчас голова болит: очень волновался перед совещанием с докторами.

Передай привет Сандро и Матильде. Скажи Сандро, что ему очень дружески шлет привет Н.<?> М.<?> Жданов.

Любящий тебя Георгий.

Напиши мне, пожалуйста.

P.S. Завтра утром иду в суд по делу Пяста.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 74-75. Связь с конвертом не установлена.

[221] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Санкт-Петербург, 11 ноября 1913 г. (ст. ст.)

11 ноября 1913.

Дорогой Георгий, посылаю тебе записки. Раньше я послала тебе письмо на квартиру Александровых. Не получено? В письме было вложено приглашение тебе от редакции «Рубикон» и «Летучие альманахи». Ашешов прислал тебе «Записки Р.<усского> Ф.<илософского> общ.<ества>». Звонил Долидзе. В субботу звонил Сологуб – звал тебя к себе на Бальмонта, кстати и меня приглашал, но я не поехала. Там было много народу, а Бальмонт не был: он был пьян и спал, потому что накануне в пятницу в «Собаке» его побили.

После их лекции его Городецк.<ий> устроил чествование в «Собаке» и там какой-то академик Морозов сказал что-то неприятное Бальмонту, Бальмонт остался недоволен, а сын Морозова назвал Бальм.<онта> сволочью, облив его вином и ударил. Городецк.<ий> стал бить Морозова. В результате у Морозова пропал бумажник с 900 руб.<лями>. Мороз.<ов> говор.<ит> что украл Пронин. У Сологуба писали какой-то протест против «Собаки».

Белкину дали иллюстрировать твой рассказ. Он хочет изобразить тебя, меня и Ахматову. Не правда ли – очень мило?

Как ты себя чувствуешь? Пиши больше. Я обещаю тебе сжечь письмо. У меня на душе тяжело. Грустно, что я как-то выбыла из строя. Мне бы в богадельню определиться.

Была я у Городецкой и наслаждалась, слушая ее. Она прекрасна. Все мне рассказала о Реан и показ.<ала> ее портрет и письмо. Это был красивый роман.

Пока прощай. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 107-108. Связь с конвертом не установлена.

[222] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 12 ноября 1913 г. (ст. ст.)

12 ноября 1913.

Милая Надя!

Сейчас утро, и я иду в суд свидетельствовать по делу Пяста. Вчера сидел часов семь-восемь у Вяч.<еслава> Иван.<ова>. Он мне поведал о своей «нежной тайне» и о многом ином. Шлет тебе привет и книгу.

Сегодня выяснится, *когда* я буду читать лекцию. Извести, пожалуйста, по телефону Долидзе (его телефон, *кажется*, 541-35: надо найти его визитную карточку в жестяной коробке, где письма, в шкафу)... Так вот сообщи Долидзе, что я согласен читать лекции в провинции и что буду дома недели через две – с первых декабря и далее.

Почему не пишешь ничего?

Спешу в суд. До свидания.

Любящий тебя

Георгий.

Привет Сандро и Матильде.

В четверг Вяч.<еслав> Ив.<анов> приглашает меня оппонировать ему в Религиозно-философском обществе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 77-78. Связь с конвертом не установлена.

[223] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 13 ноября 1913 г. (ст. ст.)

13 ноября 1913.

Милая Надя!

Твое меланхолическое письмо меня огорчило. Зачем ты говоришь такие неверные и неприятные слова – об усталости и о всякой ипохондрии! Ты всегда прекрасна и не можешь не быть прекрасной. А для меня ты всегда единственная, дивная, мудрейшая, и я тебя люблю неизменно.

Получила ли ты письмо, в котором я сообщаю, что, по-видимому, в ближайшем будущем мне, моему здоровью, не угрожает ничего ужасного? Я остаюсь теперь из-за предположенной лекции и также из-за ответа «Жатвы» относительно «Сатаны». Боюсь, что я напрасно остался.

Сообщи Долидзе, что я с первых чисел декабря и далее буду свободен и готов ехать, куда он пожелает.

Разумеется, не в те города только, где я уже был. Пусть приготовить пока хотя бы пять городов в центре России. А после Рождества видно будет.

Я забыл адрес Долидзе. Сообщи мне его поскорее. Адрес Долидзе на визитной карточке. Поищи, где письма.

Целую тебя крепко.

Твой Георгий.

Привет Сандро и Матильде.

P.S. Я вчера вечером, снимая носок, вывихнул себе палец на правой руке. Писать больно, а надо сейчас писать!

Получила ли ты деньги из «Аргуса»?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 79-80. Связь с конвертом не установлена.

[224] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 13 ноября 1913 г. (ст. ст.)

13 ноября 1913.

Милая Надя!

Моя лекция здесь («Психологические основания новой французской живописи») назначена на 21 ноября. Значит, 22-го, вероятно, я выеду в Петербург. Если бы я знал, что ты так загрустишь, я бы здесь не остался. Я веду себя хорошо и ни капли не пью вина. И вообще живу благочестиво и занимаюсь усердно по утрам. А вечера почти все заняты. Вчера был на пьесе Толстого, сегодня будет Религ.<изно>-Фил.<олософское> собрание, завтра доклад Тастевена о футуризме (у Лосевой) и т.д.

Пьеса Толстого смотрится *с большим интересом*, несмотря на некоторую нескладность композиции.

Публики довольно много. В рел.<игиозно>-Фил.<олософском> обществе читает Вяч.<еслав> Иванов, и быть может, выступлю и я со своим словом. Я живу у Александровых. Денег у меня уже нет. Жду ответа от Курлова.

Узнай, пожалуйста, адрес Долидзе возможно скорее и сообщи мне его. Это важно. Можно узнать у Сологуба или в адресном столе, наконец, если ты не найдешь его карточка в столе, на столе или в жестяном ящике, где письма.

Я не лечусь. Надо будет обратиться еще раз к врачам весной. А сейчас нет нужды в лечении. Так выяснилось с достаточной убедительностью.

Целую тебя нежно, моя чудесная.

Твой Георгий.

Пиши мне!

Привет не забывай передать Сандро и Матильде.

Толстой, по-видимому, отложит свою поездку в Петербург, и Соф.<ия> Ис.<ааковна> едет, кажется, 20-го ноября.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 81-82. Связь с конвертом не установлена.

[225] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Санкт-Петербург, 14 ноября 1913 г. (ст. ст.)

14 ноября 1913.

Дорогой Георгий, Долидзе я сказала, что ты просил передать его адрес: *Невский, 76, кв.<артира> 16*. Денег не получила: не приехал еще издатель. (Зовут Долидзе Федор Ясеевич). Скоро ли ты приедешь? Мне что-то грустно.

Позови Любу к нам. Возьми у нее картинку или две для меня.

Пиши больше.

Надя!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 109. Связь с конвертом не установлена.

[226] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Санкт-Петербург, 15 ноября 1913 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий,

адрес Долидзе я послала тебе. *Невский 76, кв.<артира> 16*. Я ему передала твоё желание относит.<ельно> выбора городов. Он ждёт твоего письма.

Сейчас у меня был какой-то I. S. Shapiro, candidat en lettres et en sciences sociales из Женевы. Он хочет тебя видеть, говорить с тобой о символизме – он пишет диссертацию докторскую о символизме в Европе.

Хотел взять у тебя книги. Адрес твой он узнал от Блока. Вчера была у меня Городецкая. Сергей послал вызов на суд всем подписавшимся под протестом против «Собаки». Городецкий все время с Бальмонтом – а Сологубы все не могут его поймать, чтобы почествовать от себя. Бальм.<онт> был у Кругликовой. Там были Яценко, Городецкие и Ахматова.

Вчера была на выставке «Мира Искусства».

Белкин приносил свои рисунки к рассказу. Не знаю, не сумел ли он сделать похожими тебя, меня и Ахм.<атову> или не захотел, но только сходств нет.

Здесь как-то неуютно, холодно. Особенно мне неприятно жить одной – смотреть на еду противно. Была у меня Людмила – все плакала о Володе. Жалко ее. Заеду как-нибудь вечером к ней.

Целую тебя твоя Надя.

15 ноября 1913.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 110-111. Связь с конвертом не установлена.

[227] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 16 ноября 1913 г. (ст. ст.)

Дорогая Надя! Моя лекция все-таки состоится, как раньше предполагалось, 17-го. А другая – неизвестно когда. Поэтому я не знаю, выеду ли я из Москвы [Петербурга] числа 19-го или позже. Хочу в Петербург. Я уже соскучился. Мне пришлось выступать в Религиозно-философском обществе. Я говорил удачно, хотя у меня была мигрень и меня записали оппонентом без моего ведома.

Целую тебя нежно. Твой Георгий.

Привет Сандро и Матильде.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 76-76об. Почтовая карточка. На открытке адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой, Ждановская наб.<ережная>, 3, кв.<артира> 22 *Петербург*. Почтовый штемпель: «Москва, 16/XI-1913», «Санкт-Петербург, 17/XI-1913».

[228] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Санкт-Петербург, 17 ноября 1913 г. (ст. ст.)

17 ноября 1913.

Милый Георгий, сегодня получила корректуру твоего рассказа «Глухая ночь» и, просмотрев его, отправила в редакцию «Новой Жизни». Я скучаю без тебя. Места не нахожу. Больна я, должно быть, нервно. Была у Щеголевой, Лансере и ко мне приходил люди, но все мне невесело почему-то. Яценки тебе кланяются. Жду тебя очень. Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 112. Связь с конвертом не установлена.

[229] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Томилино, 28 ноября 1913 г. (ст. ст.)

28 ноя.<бря> 1913.

Дорогой Георгий! Как жалко, что ты вчера не успел меня увидеть на вокзале. Меня провожал Ивойлов, котор.<ый> хочет потом тебя искать и передать тебе мой последний привет.

Я передала ему также письмо от Крушинской, в котором есть какое-то поручение мне (поговорить по телефону с ней при случае, кажется). Если поймешь в чем дело, то поговори сам.

У Славки довольно сильная дизентерия, и все-таки угрожающих симптомов новых нет. Доехала я хорошо. Голова не болит. Проехала прямо на дачу, т.ч. не видала никого в Москве.

Как ты себя чувствуешь? Пиши мне сюда [ст.<анция> Томилино, ряз.<анская> дача Кутерина]или лучше на городск.<ую> квартиру.

Б.<ольшой> Левшинский, д.<ом>10, кв.<артира> 7, Рыбакову для меня.

Дядюшка был, но испугавшись больного Славки, решил держаться по дальше.

Целую тебя. Все тебя кланяются.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 113-113об. На бумаге: «Мюр и Мерилиз Москва». Сверху надписи нарисован фирменный знак товарищества «ММ». Связь с конвертом не установлена.

1914 г.

[230] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Киев, 27 января 1914 г. (ст. ст.)

27 января 1914 г.

Милая Надя!

Если в Кременчуге и Елисаветграде будет такой же сбор, как в Житомире, мне придется телеграфировать в Петербург о присылке денег на обратный путь. В Житомире расходы были – 88 руб.<лей> – а сборы – 89 руб.<лей>. При чем я не считаю пока расходы по моей поездке, которые я, конечно, взыщу с Долидзе, как было условлено.

Та публика (человек двести), которая собралась в Житомире меня слушать, мне понравилась и я, по-видимому, то же ей понравился. Все два часа я говорил, импровизируя, не заглядывая в рукопись вовсе. Местный импресарио уверяет, что объяви я сейчас лекцию, у меня был бы превосходный сбор.

Посмотрим, что будет в Кременчуге и Елисаветграде.

Ну, к черту дело...

Ты мне вчера приснилась – и ужасно. Ты, оказывается, мне изменила. Я очень страдаю. Бога ради, наяву не измени.

Я тебя очень люблю – во всех городах, а сейчас в Киеве.

Около меня сидит армянин и ждет перо и чернило. Ничего не поделаешь: отдаю ему их.

Привет Любе, Сандро и Матильде.

Твой неизменно

Георгий.

Адрес для телеграммы в Елисаветград.

Елисаветград. Магазин «Артист». Портному.

(Это фамилия такая).

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 83-84. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак: щит с надписью Specially made for D. W. P. & S. Strasbourg.

[231]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Санкт-Петербург, 8 февраля 1914 г. (ст. ст.)

8 февраля 1914.

Милая Надя!

Посылаю тебе «очерк», который я напечатал в утренних «Биржевых ведомостях».

По этому поводу вышел скандал. Гессен устроил сцену Штимману: как смел Чулков дать в Биржевку статью, получав аванс в «Речи».

Я позвонил Гессену и сказал ему, что я посылаю статьи (две) из Женевы – одну о Ромэне Роллане, а другую – «Канонады под Базелем» – и то, что они не появились в «Речи», заставило меня отдать новые статьи в «Биржевку». Ты знаешь, что это не совсем точно, но *равносильное* этому неоднократно бывало со стороны «Речи», а потому совесть моя чиста.

Вывод из этого такой: в Петербурге так или иначе работать можно, если газеты столь ревниво спорят из-за меня. Расскажи это дядюшке и покажи ему фельетон, если ты его встречаешь.

Попросила ли ты Толстого поторопить Незлобина с чтением комедии?

В субботу я получу около 100 руб.<лей> из Биржевки, но, вероятно, этих денег не хватит нам на переезд в Царское. Ты как думаешь?

Приезжай, когда найдешь нужным.

Я строчу статьи. Цензура теперь только очень строгая.

Не скучно ли тебе в Москве? Удобно ли у Любы? Передай ей привет и Феде. Поцелуй Славика.

Любящий тебя

Георгий.

Получила ли ты 25 руб.<лей>?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 85-86. Связь с конвертом не установлена.

[232]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 1 марта 1914 г. (ст. ст.)

1 марта 1914 г.

Дивная моя Надя!

Я в Москве. Остановился у Рыбаковых. Билеты на мою лекцию идут средне. За то, оказывается, во вторник в кружке читает Вяч.<слав> Иванов и меня, без моего ведома, поставили в число оппонентов. Придется заехать к Вяч.<еславу> Ив.<анову> и потребовать в свою очередь, чтобы он мне оппонировал после лекции, а то я могу остаться без оппонентов вовсе. Впрочем, если найду кого-нибудь еще, не стану заезжать к нему.

Хорошо, что я не остановился у Александровых. Я туда звонил. Сегодня проезжает Мария Николаевна, и дядюшка даже просит не заезжать к нему, пока он не позвонит мне.

Я Любе пока дал пять рублей только, потому что у меня денег очень мало.

Взял на завтрашнее утро билет в Худож.<ественный> театр на «Ник.<олай> Ставрогин» (двухрублевый за три рубля у барышника – все продано).

Нанес визит Ходасевичам. У них, кажется, почти благополучно.

Скажи по телефону П.<авлу> Е.<лисеевичу> Щеголеву, что в программу моей лекции «Бесы» надо вставить две фразы: 1) «*Письмо Максима Горького*» – это после фразы «Критики прежде и теперь» и 2) «*Постановки “Николая Ставрогина” в Художественном театре*» – это после фразы «Достоевский и театр».

Пусть Павел Елисеевич сам прокорректирует теперь. Передай ему это тотчас же.

Сегодня буду у Зайцевых. У них приемный день.

Живи, пожалуйста, без меня, не унывая: я о тебе даже на минуту не забываю.

Люблю.
Твой Георгий.

Передай привет, кому надо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 87-88. Связь с конвертом не установлена.

[233] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 2 марта 1914 г. (ст. ст.)

2 марта 1914.

Милая Надя!

Провел сегодня день в скучной суете. Был в Худож.<ественном> Театре на «Бесах». Достоевский обезображен. Не мог досидеть до конца. Обедал у Любы вместе с Зайцевыми, Ходасевичами и Диатропцовыми. Сейчас одиннадцатый час. Сажусь подготовиться к завтрашней лекции – и потом лягу спать. Разговаривал с Вяч.<еславом> Ив.<ановичем> по телефону. Он отказывается приехать в Петербург на диспут, потому что 26 у него лекция в Москве. Объясни это по телефону Щеголеву.

Завтра в 12 ч.<асов> завтракаю у Гречаниновых, потом поеду покупать билет в Вильну. Вечером лекция.

Чувствую себя почему-то старым и утомленным. Любящий тебя Георгий.

Привет всем, кому надо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 89. Связь с конвертом не установлена.

[234] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Санкт-Петербург, <2 марта 1914> г. (ст. ст.)

Зоря! Эта дама (от Коллонтай) хотела узнать, согласишься ли ты прочесть лекцию в Риге, на взморье летом. Условия: проезд и 50% чист.<ого> сбора. Ей нужно узнать тему лекции и условиться о времени. Если можешь телеграфируй ей сегодня от 9-12 вечера ул.<ицы> *Мойки и Гороховой* отель «Россия» тел.<ефон> № 755 – г-жа Машд *Магид*. Приглашает Коллонтай, кот.<орая> будет читать только в октябре и, кажется, Арабажин. Она говорит, что хорошо бы прочесть две лекции в один приезд. Сбор, она думает, будет рублей 80 тебе и 80 устройтелю для *благ.<ой> цели*.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 185. Связь с конвертом не установлена.

[235] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Санкт-Петербург, 3 марта 1914 г. (ст. ст.)

/ 3 марта 1914 /
/ Петербург /

Милый Георгий, твою лекцию Долидзе устраивает 24-го марта и снимет какое-то очень большое помещение на Невском. Щеголев мне каждый день телефонирует, все жалуется на Настасью Николаевну. Он с ней все ссорится.

В Митаву тебе предлагает ехать тот же Зеликсон. Ты не понял этого из моей телеграммы. Я ответила ему, как ты велел, но ведь дорога туда будет стоить очень мало, это ведь, близко от Риги. Итак, имей в виду, что здесь ты читаешь 24 марта. Щеголев приглашал Сологуба, но он отказался, хотя очень нерешительно.

Быль Игорь, он получил письмо от Фовицкого и надеется устроиться туда.

Писем тебе нет, если не считать одного от девицы «Лизы» любовное.

С.<?> была у меня и принесла мне цветов.

Я была у Людмилы вечером. Очень боюсь, что ты поедешь из Москвы без шубы и простудишься. Береги здоровье. Я тебя очень люблю и без тебя чувствую себя сиротливо. Людмила думала, что мне 30 лет.

Целую тебя нежно.

Твоя Надя.

Пиши.

3 марта 1914.

Петербург.

4 март. Сейчас получила от тебя письмо, где ты, оказывается, что ты не прочел моей телеграммы. Ведь, в Митаве ты читаешь 19-го марта, а в Риге 18. Письмо Зеликсона привожу:

«М.<?> Г.<?> Спешу довести до Вашего сведения, что мной получено сегодня разрешение на устройство Вашей лекции. Не согласитесь ли Вы посетить Митаву для этой цели 19-го с/м? Если да, то телеграфируйте».

Значит: 18 – Рига
 19 – Митава
 24 – Петербург

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 114 — 115об. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак: щит с надписью *Specially made for D. W. P. & S. Strasbourg*.

[236] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 4 марта 1914 г. (ст. ст.)

4 марта 1914.

Милая Надя!

Лекция прошла не важно: было человек 400. Я ничего не получил. Оппонировали двое – Топорков и Тастевен. Моя лекция совпала с лекцией Фриче о Гольдони в Худ.<ожественном> Т.<еатре>.

Еду в Вильну пятого. Шестого вечером я буду уже в Вильне. Здесь, в Москве, я получил приглашение в Харьков и в Симферополь.

Я уже успел соскучиться и хочу очень в Петербург.

Живу, ем и ночую у Любы. Москва мне, конечно, противна. Скажи Яценко, что я был у Толстых, но Сонечки не застал дома. Еще неизвестно, где будут Толстые на Пасхе.

София Исааковна собирается ехать в Париж с Яценко, по словам Алешки.

Событие, о котором он писал Сандро – его знакомство с собственной сестрой.

Люблю тебя очень, дивная моя Надька.

Твой Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 90 – 91. На бумаге *Everlasting Paper*; по дуге герба «*Muir & Mirriellees*» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[237] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 5 марта 1914 г. (ст. ст.)

5 марта 1914.

Милая Надя!

Сегодня в пять часов еду в Вильну. В Минске, оказывается, мне придется сидеть пять часов. Вчера вечером я не пошел в Кружок оппонировать Вяч.<еславу> Иванову и просидел вечером у Зайцева. Играл с ним в шахматы. Он в большой меланхолии. Его пьесу не приняли в Худ.<ожественный> Театр. Зайцев скоро будет в Петербурге.

Мне без тебя скучно, Надя. Люблю тебя очень. Твой Георгий. Передай привет Сандро и Матильде.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 92-92об. Почтовая карточка. На открытке адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Ждановская набер.<ежная>, д.<ом> 3, кв.<артира> 22ю Петербург. Почтовый штемпель: «Москва, 5/III-14», «Санкт-Петербург, 6/III-14».

[238] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Минск, 6 марта 1914 г. (ст. ст.)

6 марта 1914

Милая Надя! Сажу в Минске на вокзале и еще буду сидеть четыре часа. В Вильне буду в 6 ½. Москва навела на меня унынье.

Люба была на лекции Вяч.<еслава> Ив.<анова> в Кружке. Там зал далеко не был полон и Вяч.<еслава> Ив.<анова> встретили и проводили равнодушно. Москвичам, очевидно, нужен Ермилов, Худож.<ественный> Театр и Прага, а все прочее для них «литература». У каждого Верлена свой вкус. Целую тебя нежно, моя дивная. Твой Георгий. Привет Сандро и Матильде.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 93-93об. Почтовая карточка. На открытке адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Ждановская набер.<ежная>, д.<ом> 3, кв.<артира> 22ю Петербург. Почтовый штемпель: «Минск, 6/III-14», «Санкт-Петербург, 8/III-14».

[239] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Вильнюс, 7 марта 1914 г. (ст. ст.)

Вильна
7 мая / марта / 1914.

Милая Надя!

Сегодня вечером, значит, читаю в Вильне. Вильна таинственнейший город, несмотря на 1.000.000 коммивояжеров, и иной сволочи. Получил твое письмо. Спасибо, родная. Почему я не понял телеграммы? Я, кажется, так и понял, как ты пишешь. То письмо, которое ты мне бросила с балкона, то же было от какой-то Лизы. Люблю тебя нежно.

Твой Георгий.

Привет Сандро и Матильде.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 94-94об. Почтовая карточка. На открытке адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Ждановская набер.<ежная>, д.<ом> 3, кв.<артира> 22. Петербург. Почтовый штемпель: «Вильна, 7/III-14», «Санкт-Петербург, 8/III-14».

[240] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Грион, 21 августа 1914 г. (ст. ст.)

21 авгу.<ста> / 3 сент.<ября> 1914.

Милая Надя!

Я уже успел соскучиться о тебе. Веду я себя хорошо: пью овомалтин, затворяю окна в столовой, гуляю умеренно. В Грионе все по-старому, только грек ушел на войну. Сегодня я получил газету с отчетом знаменитого думского заседания. Кончаю второй акт моей пьесы. В субботу после завтрака думаю ехать в Женеву. Целую тебя крепко.

Твой Георгий.

Не унывай, если нельзя ехать сейчас же: как-нибудь проживем Бог даст.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 96-96об. Почтовая карточка. На открытке адрес: Madame Tchoukoff. Pension Manoir, 99 route de Chênes. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. Gryon. Canton de Vaud. Почтовый штемпель неразборчивый.

[241] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 21 августа 1914 г. (ст. ст.)

1914. Jeudi 3 septembre

Милый Георгий, я взяла пансион по рекомендации одной даме, с которой познакомилась дорогой. Цена 4 фр.<анка> в день. Я еще не обедала здесь, поэтому не могу тебе сказать ничего о пище. Адрес. Пансион Manoir. Route de Chênes 99. Это уже за городом, но совсем не то, что в Chailly – гораздо далее город. Вообще Женева очень большой город и со всеми неудобствами большого города. Стол тебе будет большой письменный, но балкона нет. За то дом в саду, и даже сейчас я пила чай в саду. Chaise-longue тебе дадут.

С вокзала прямо пошли в русское консульство. Никаких сведений относительно будущих пароходов не дают. Запись на этот уже кончена. Пароход, говорят, очень большой и новый (есть барышни, которые ехали на нем уже). Все в ужасе от этого пути (из Архангельска), но идут большинство потому, что не имеют денег.

Сейчас иду в Толстовскую библиотеку; там собрание по поводу организации других пароходов. Сегодня еще напишу тебе. Завтра иду в Messagerie maritime узнать о пароходах через Грецию и далее. С этими пароходами русские уезжают, у кого есть деньги (бил.<ет> 400 фр.<анков> до Одессы говорят каждый день).

Между прочим, плата за проезд на «Курске» включает и железную дорогу.

У меня такое впечатление, что на Архангельск идут только очень бедные люди. Они стоят все в очереди большой толпой. Приезжают на лошадях хорошо одетые визировать паспорт – все они идут – кто на Лондон (пока еще возможно через Париж), кто на Бриндизи и на Одессу.

Между прочим приехал Бакст с какой-то толстой дамой, притворился, что не узнал меня. Я поздоровалась с ним и спросила, едет ли он в Россию, и он сказал, что нет. Многие справляются о деньгах. Я тоже подала записку, как мне сказал служащий в консульстве.

Георгий Ив.<анович> Чулков ждет денег из Москвы и Петербурга. Такую же пошлю сегодня в Берн в Посольство.

Советуют также справляться и на почте, и на телеграфе, и в Креди-Лионск.<ом>. Все это я сделаю завтра.

Очень тебе советую оставаться возможно дольше на горах, если дела не потребуют твоего присутствия здесь. Пиши мне, нужно ли записываться на южные пароходы (итальянские)? Греческие – хуже. Буду подробно писать тебе. Целую крепко. Надя – твоя.

Прив.<ет> Вере Федоровне и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 119 — 120. Связь с конвертом не установлена.

[242] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 21 августа 1914 г. (ст. ст.)

3/IX. Четверг вечер

Милый Георгий. Сейчас была в Толстовск.<ой> библиотеке. Сказали, что оба парохода после «Курска» пойдут на Архангельск. Запись будет приниматься после объявления.

Больному непременно дадут каюту. Говорят, что это самый безопасный путь. Русское правит.<ительство> хотело нанять пароход итальянский, но общество пароходное потребовало плату вперед и не ручалось за доставку пассажиров. Поэтому эта затея не удалась ни в Лозанне, ни в Женеве. Русские едут из Марселя частным образом. О цене и проч.<ее> узнаю завтра в «Messagerie Maritime». Русские деньги, по словам господина из Толст.<овской> Библ.<иотеки> меняют, но за 100 руб.<лей> 230 фр.<анков>. Он удивлен, когда ему сказала, что в Вех дают 260.

Целую твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 116-116об. Почтовая карточка. На открытке адрес: Georges Tchoukoff. Hôtel Beau Sejour. Gryon / Vex. Exp. Nadine Tchoukoff. Route de Chêne, 99. Pension Manoir. Genève. Почтовый штемпель неразборчивый.

[243] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 21 августа 1914 г. (ст. ст.)

[Chailly <sur Lausanne>]
[<Pully la> Rosiaz]

Четверг 3/IX <1>914
Genève

Посылаю тебе третье письмо. Телеграмма послала сегодня в 6 ½ ч.<сов> вечера. Как обещала, хочу описать тебе мое путешествие до Женевы.

Грюн 8-11
В Вех я приех.<ала> в 9-10
Из Вех – 9-45
В Лозанну – 11-10
Из Лоз.<анны> – 12-10
В Женеву – 1-13 м.<инут>

Всего в пути 5 ч.<асов> 2 м.<инуты>

В Лозанне я не выходила. Вагон шел прямо на Женеву. В третьем классе много народу и поэтому душно. Сквозняки ужасные. Я думаю, не лучше ли тебе ехать от Aigle на пароходе до Женевы.

Кажется, цена одинаковая, а удобство больше. Поговори об этом с хозяйкой, а я здесь узнаю подробнее. Во всяком случае, бери второй класс – разница пустяковая.

Я здесь задыхаюсь. Как же ты будешь дышать? Лозанна гораздо лучше Женевы в смысле воздуха.

Пансионеров тут так много, что чуть не на каждом доме вывеска.

Я о своем пансионе еще мало могу сказать. Это довольно далеко от центра, и все-таки город чувствуется. Если мы решим здесь остаться, то надо будет еще подальше уехать.

4/IX. Сейчас утро. Довольно холодно. Должно быть погода переменялась.

Сегодня была в Cr dit Lyonnais но там, на Вере Федоровне денег нет. Для Веры Федоровны я дала в Cr d. Lionn. 5 фр. на телеграмму. Через два дня будет ответ.

Записалась на 23-е сент. нов. стиля на французский пароход. Запись стоит только 2 фр.

Билет стоит II-й кл. по 390 фр. и железн. дорога II-й кл. 38 фр. 95 с.

В пути будет 8-10 дней, идет через Marseille

Мальту

Константинополь

Одесса

Может быть, будет два места и раньше, на 13 или 18 сент.

В конторе пароходство встретила целую группу актеров из Худ. Театра. Говорили с Ниной Когановой. Они все едут на Одессу через Константинополь.

Дорога через Италию стоит столько же почти.

Целую тебя Надя.

Не забудь ложку нашу <нрзбр.>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 117 — 118об. Связь с конвертом не установлена.

[244] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 22 август 1914 г. (ст. ст.)

4/IX 1914.

Милый и дорогой Георгий!

Сегодня попала, наконец, в консульство, в самое помещение (вчера разговор происходил на лестнице). Вот что мне сказали там:

- 1) Денег на наше имя не получено. Приняли мою записку на будущее время.
- 2) Следующий пароход, может быть, пойдет и скоро. Вообще они боятся, что будет *большая* качка даже и теперь. Записываться можно будет только после объявления. Никаких других путей они не могут взять, т.к. они ненадежные. На «Курск» все места заняты.
- 3) Деньги могут (может быть) разменять в понедельник на условии 230 фр. за 100 руб.
- 4) Письмо дядюшке и Жилкиной от меня я передам одной симпатичной девушке русской, котор. едет в понедельник.

В Берн послала письмо относительно денег.

В «Messagerie» записалась на два места на всякий случай, в надежде, что Вера Федоровна, если получит, ссудит нам на проезд нужную сумму.

В консульстве на стенах много всяких объявлений, телеграмм от уехавших в Россию и т.п.

Вот тебе выдержка из одного письма людей, приехавших уже домой с частным пароходом и по сухому пути.

«Бриндизи – Пирей – Салоники.

Из *Женевы* до Бриндизи поезд шел 42 ч.<аса>. Отъе.<зд> 6 ч.<асов> у.<тра>. Приез.<д> в 11 ч.<асов> 30 м.<инут> ночи на другой день. Из *Бриндизи* в *Пирей* пароход в 12 ч.<асов> ночи при.<езд> в 5 ч.<асов> дня.

Из *Пирея* другой пароход в тот же день 8 ч.<асов> вечера прие.<зд> в *Салоники* в 11 ч.<асов> утра на след.<ующий> день. Из *Салоники* на *Ниш*, *Софию*, *Галац* и *Рени*.

От *Пирея* до *Салоники* I-й кл.<асс> стоит 30 фр.<анков>, II-й 20 фр.<анков>.

По *Сербии* русских, имеющих пропуск от Русского Посланника в *Афинах*, провозят даром».

Сейчас говорила с В.<ерой> Ф.<едоровной> по телефону. Советовала тебе подождать ехать. Воскресенье все равно все заперто. Мой пансион с *твоей* точки зрения не хорош – грязен. Хозяйка норвежка и грязнуля. Пансионов тут тысячи. Завтра я перемену. Сегодня не могла, т.к. ходили целый день по делам.

Телеграфируй мне о приезде. Я выйду тебя встречать. Может быть тебе лучше на пароходе ехать? Озеро дивное, а в вагонах духота. Я совсем не читаю газет, не знаю, что делается на свете.

Сейчас мельком взглянула и прочла, какой-то ужас о Париже.

Сегодня, спрашивая у встречных дорогу, я встретила двух швейцарок, говорящих по-русски. Они сразу узнали, что я русская и выражали симпатию русским. На телефоне в кафе дожидаясь телефона, говорила *по душам* с француженкой – хозяйкой кафе. Она меня благодарила за то, что русские хотят помочь французам.

Сегодня по пути заехала к одной даме, которая была в Грионе, в Beau Sejour, M-Ile Peter. Чудно меня приняла, напоила вкусным чаем с дивным пирогом, надавала мне много советов и обещала, если понадобится, помочь чем может.

В Консульство пришел господин с дамой – очень красивой и молодой. Едет в Россию в армию, и говорит по-французски. Я спросила его, как он едет, и он ответил мне по-русски с акцентом. Оказывается, он швейцарец, но русский подданный и офицер. Едет служить. Для швейцарцев-русских едет специальный поезд на Париж-Лондон.

Прости за бумагу: не успела купить. Целую тебя нежно.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 121 — 123. Связь с конвертом не установлена.

[245] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Грион, 23 августа 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Меня очень соблазняет опасный путь через Грецию и Сербию (Ниш). Вероятно, это самый дешевый путь и очень интересный. Любопытно было бы проехать в тылу сербкой армии. Вот материалы для очерков!

То, что ты меняешь пансион, сбило меня с толку. Я не могу ехать в Женеву, не зная твоего адреса. Встречать меня не надо, а поскорее телеграммой извести меня об адресе.

Я тотчас же приеду. Погода испортилась. В Грионе делать нечего.

Говорят, под Женевой или вернее над Женевой (высота 800 метр) есть чудесные пансионы в местечке Seleve, но это уже на французской территории.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Вера Федоровна целует тебя.

23 авг.<уста>

1914.

5 сент.<ября>. См.<отри> на обор.<оте>

Милая Надя! Зайди в *Crédit Lyonnais* и спроси, можно ли переводить из Петербурга в Женеву через них деньги телеграфом и надеяться на благополучное их получение. Если скажут, что *да*, тогда прилагаемую телеграмму пиши в «Речь» – на всякий случай.

Он будет стоить 9 франков.

Твой Георгий. Очень тебя целую.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 97-97об. Связь с конвертом не установлена.

[246] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Грион, 24 августа 1914 г. (ст. ст.)

Gryon

Воскресенье 1914.

24 авг.<уста>

6 сент.<ября>

Милая Надя!

Из письма твоего Вере Федоровне узнал новый адрес и спешу послать письмо, потому, что, очевидно, посланное мной нужное письмо по прежнему адресу до тебя не дойдет.

Две просьбы!

I. Телеграфируй немедленно, могу ли я ехать в Женеву. Мне тут больше делать нечего без тебя.

II. Пойди в *Crédit Lyonnais* и спроси там, есть ли надежда получить через них деньги, если таковые будут посланы из Петербурга.

Если тебе скажут, что деньги придут, пошли тотчас же прилагаемую телеграмму в «Речь».

Любящий тебя Георгий

Мне без тебя тут делать нечего – я говорю.

Поздравляю тебя с великолепной победой русских под Львовом (Лембергом).

Телеграмма будет стоить 9 фр.<анков>.

См.<отри> на обор.<оте>

Я думаю, Надя, что ехать надо только в том случае, если можно ехать через Грецию и если Дарданеллы <так!> свободны будут, но, по-видимому, война с Турцией неизбежна. Значит, лучше сидеть в Швейцарии до окончания войны или до весны. Ты как думаешь?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 98 — 99. На конверте адрес: M-me Nadine Tchouloff. Pension-Famille. Route de Chêne. Genève. Exp. Georges Tchouloff. Gryon. Canton de Vaud. Почтовый штемпель: «Gryon, 6-IX/1914».

[247] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 24 август 1914 г. (ст. ст.)

7 <так!> /IX Воскресенье.

Утро.

Дорогой Георгий,

пишу на всякий случай еще одно письмо, хотя думаю, что ты сейчас уже собираешься в путь.

Я жду от тебя телеграммы о твоём приезде, чтобы встретить тебя на вокзале или пристани. Сегодня после обеда часам к 5-6 я перееду на новую квартиру, а пока жду тебя <2 нрбзр.>. Если ты еще не

передеешь сегодня, то пиши или телеграфируй мне (телеф.<он> 55-44) утром до 9 ч.<асов> днем от 12 ½ - 2 и вечером от 6 все время. Целую тебя. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 124-124об. Есть дефект оригинала. Почтовая карточка. На открытке адрес: Georges Tchoukoff. Hôtel Beau Sejour. Gryon/Vex. Exp. Nadine Tchoukoff. Route de Chêne, 99. Genève. Почтовый штемпель: «Genève, 6/IX-14», «Gryon, 7/IX-14».

[248] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 27 августа 1914 г. (ст. ст.)

Вторник.

Милая Надя!

В пансионе тобой predeterminedенном я поселился. Хозяйка согласилась меня взять под условием, что я проживу не менее недели, а я предупредил, что не останусь более недели. Накормила меня «так себе». Плачу я за комнату 6 фр.<анков> 50 сент.<ов>. Я торговался отчаянно! Идти обратно или еще куда-нибудь был не в силах. Обедают здесь за отдельными столиками. В соседней комнате кричали какие-то русские. Целую тебя крепко и нежно. Пиши. Твой Георгий.

Адрес на обороте.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 101-101об. Открытка. На обороте адрес: Madame Nadine Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. Pension "Les Daillettes". La Rosiaz près Lausanne. Почтовый штемпель: «Lausanne, 9/IX-1914».

[249] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 27 августа 1914 г. (ст. ст.)

27 августа 1914.
9 сентября

Милая Надя! В этой Розня, по-видимому, царит дикая скука. Отель полупустой. Кажется, здесь сейчас, кроме меня, два семейства – польское с белобрысыми ребятами и русское с крикливыми господами, толстыми и развязанными. Но с нравственным ущербом связан и ущерб физический: cabinet оказался грязным и тесным. Это сверх моих сил. Однако, буду терпеть невзгоды, утешаясь тем, что я нахожусь все-таки на высоте 700 метров. Из окна моего приятный вид. Вчера вечером была гроза. Молния по ошибке влезла ко мне в комнату, как птица, метнулась туда сюда и улетела прочь, меня не убив. Целую тебя нежно. Относительно комнаты – устраивай как хочешь. Можно и у старушек остаться. У них уютно. Я написал открытку В.<ере> Ф.<едоровне>. Любящий тебя очень Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 100-100об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne. Genève. Exp. George Tchoukoff. Pension "Les Daillettes". La Rosiaz près Lausanne. Почтовый штемпель: «Lausanne, 9/IX-1914».

[250] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 27 августа 1914 г. (ст. ст.)

27 августа

3 <так!> сентября 1914. Вечером.

Милая Надя! Я себя чувствую как в тюрьме. Такой дикой скуки я, конечно, еще никогда не испытывал. Прошел один день, а я уже изнемогаю без тебя. А, ведь, надо все-таки отбыть это заключение. Если дыхание мое все-таки будет нечистым, за то совесть будет чиста. Пиши мне Бога ради. Пришли русские газеты, если они придут из Гриона. Остаемся ли у старушки или нет? Целую тебя нежно. Твой Георгий.

А чернила здесь скверные и столик не удобный!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 95-95об. Открытка. На обороте адрес: M-me Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. Pension "Les Daillettes". La Rosiaz près *Lausanne*. Почтовый штемпель: «Lausanne, 10/IX-1914».

[251] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 27 августа 1914 г. (ст. ст.)

/ Я в Женеве а Г. в Gryon'e. /

/ Сентябрь 1914 /
Среда.

Что же это, дорогой Георгий, день прошел, а от тебя нет писем. Если бы ты бросил его вчера ночью, оно было бы здесь уже утром. Я очень беспокоюсь за тебя. Ты так скоро собрался, что не захватил даже материал для компресса. Не простудился ли ты? Господи, какая тоска тут одной, когда не знаешь, здоров ли ты! Напиши мне скорее и подробнее о себе. Ходила сегодня в Créd.<it> Lyon.<nais>. Для Крушинской деньги есть, и для нас ничего. Разменяла 200 фр.<анков> для всякого вычета. Это в Bank National, а в Bank Lerreinsuisse – марки за 20 мар.<ок> дали 23 фр.<анка> 40 сент.<ов>. Мало, не правда ли? Русские еще не меняют нигде. Погода здесь прескверная и у меня от этого болит нога. Ходила сегодня к хирургу. Я давно уже собиралась это сделать и сегодня решила, наконец, т.к стало не в мочь. Истратила 5 фр.<анков> и толку никакого. Назначил массаж и подкладку в башмак в роде маленькой рессоры. Ни того, ни другого делать не буду до России. Сегодня буду сидеть дома – пусть нога отдыхает.

Я оставила свой адрес в Кредите Лионском, но они сказали, что все ходячие справляются сами. Впрочем обещали уведомить.

Дорогой мой, сейчас только получила твою открытку. Потерпи грязь и сиди на месте. Пей побольше молоко. Вместе с твоим письмом подано письмо, на котором печать русская «вскрыто военной цензурой»... от Горького. Как глупо!

Напиши, лучше ли тебе дышать? Сходи к Демьевилю. Кстати, запишись по телефону.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 132 — 133об. Связь с конвертом не установлена.

[252] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 28 августа 1914 г. (ст. ст.)

Утро 28 август.<a> 1914.
10 сент.<ября>

Милая Надя! Вчера был дождь. Я встал, как всегда, в семи часов. Утро дивно благоухает, но кругом облака. Дышу по-прежнему не очень хорошо. Если в эту неделю не научусь дышать, значит что-то во мне испортилось основательно. Надеюсь сегодня получить от тебя письмо. За газетой хожу сам до Chailly: другого способа нет получить газету: газетчики сюда не заходят. У нас живут два албанца или турка – старый и молодой, не говорят на человеческом языке вовсе, играют с утра до ночи

в карты в какую-то свою албанскую игру. Я их почему-то ненавижу. Пиши мне, Бога ради, каждый день. Целую тебя, моя чудесная. Твой Георгий.

P.S. Пишу комедию.

Сейчас получил твое письмо. Почему ты не делаешь массажа и не устраиваешь в больнице то, что велел доктор? Зачем же откладывать до Москвы! Пожалуйста, на это не скупись!

Это хорошо, что В.<ера> Ф.<едоровна> получила деньги: пусть она заплатит Жакро.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 103-103об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. Pension "Les Daillettes". La Rosiaz près Lausanne. Почтовый штампель: «Lausanne, 11/IX-1914».

[253] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Лозанна, 28 августа 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Сейчас получил от В.<еры> Ф.<едоровны> телеграмму (я ей послал открытку с адресом). Она предлагает заплатить в отель. Я телеграфировал, чтобы она заплатила. Неловко задерживать: я раньше несколько раз говорил хозяйке, что, если Крушинская получить деньги, она заплатит. Пусть.

Все равно придется платить. Сегодня чудесная погода. Я гулял в лесу, дивном, великолепном лесу, который в двух шагах от Rosiaz. Это меня утешило. Люблю тебя очень.

Твой Георгий.

Четверг.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 102-102об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. "Daillettes". Rosiaz près Lausanne. Почтовый штампель: «Lausanne, 10/IX-1914».

[254] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Лозанна, 28 августа 1914 г. (ст. ст.)

Четверг. 28 – 1914 / 11 сентября /

Дорогая Надя! Сегодня меня навестили Лагорио – очевидно, по твоему предсказанию. Старшая едет завтра утром в Берн узнать, надо ли им ехать с последними пароходами на Архангельск. Ты читала объявление Посольства? Больше пароходов не будет на льготных условиях и кто не поедет с последними, тот не должен будет рассчитывать на помощь посольства. Но в чем же выразилась эта помощь? Я дал 50 русских рублей Лагорию.

Пусть она попробует разменять их в Берне: ты, ведь, говоришь, что в Женеве вовсе теперь не меняют. Спасибо за две русские газетки. Целую тебя, дивная. Ах, получим ли мы деньги! Ты не очень надоедай Crédit Lyonnais: подожди: рано еще. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 105-105об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. Pension "Daillettes". Rosiaz près Lausanne. Почтовый штампель: «Lausanne, 11/IX-1914».

[255] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Женева, 28 августа 1914 г. (ст. ст.)

Четверг 10/IX

Милый Зоря, опять объявление о пароходах. Ты их читал, конечно. Я послала на всякий случай просьбу оставить два места.

Крушинская заволновалась и хлопочет во всю. Хочет, кажется, ехать на Архангельск. Нужно ли оставлять за собой места на пароходе от Марселя или это уже бесполезно?

Целую. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 125-125об. Открытка. На обороте адрес: М.<onsieur> Georges Tchoukoff. Pension "Les Daillettes". La Rosiaz *Lausanne*. Exp. N.<adine> Tchoukoff. Route de Chêne, 18. Genève. Почтовый штемпель неразборчивый.

[256] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 28 августа 1914 г. (ст. ст.)

10 сент.<ября>

Милый Георгий! Это грустно, если тебе не очень хорошо там. Хорошо бы спросить доктора, можно ли тебе через неделю сюда. Я сегодня «больна» – сижу дома. Здесь очень хорошо. Погода разгулялась и старушка милая и любезная. Пишешь ли ты? Без меня, наверно хорошо работается? Твоя пьеса очень хороша. Кончай ее в Rosiaz. Эта французская молодая бабушка такая буржуйка, просто ужас. Вера Федоровна «просится» в наш пансион. Скоро приедет сюда. Ешь яйца в 10 ч.<асов> и пей молоко с шоколадом в 4 ч.<аса>. Думаю о тебе и во сне целую. Милый, дорогой! Люблю! Француженка спросила меня "comment vous avez osé de le faire partire seul?". Это про тебя. А я сказала "C'est la question d'argent" и она успокоилась. Целую. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 126-126об. Открытка. На обороте адрес: М.<onsieur> Georges Tchoukoff. Pension "Les Daillettes". La Rosiaz *Lausanne*. Exp. N.<adine> Tchoukoff. Route de Chêne, 18. Genève. Почтовый штемпель: «Genève, 10/IX-1914».

[257] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 29 августа 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя! И меня на минуту смутило сообщение нашего посольства, но теперь я вижу, что все-таки *нельзя* ехать на Архангельск. Ведь, если ехать, я должен бросить эти 700 метров; пароходы Добровольного Флота неважные (я читал на них жалобы в русских газетах); поездка все-таки будет стоить около 300 руб.<лей>; наверное, будет качка; легко простудиться; в России я буду сейчас бесполезен и нам будет не легче, чем за границей; наконец, мы должны подождать результата телеграммы; я пошлю еще телеграмму Щеголеву. Надо предупредить консульство, что мы не едем в Архангельск, чтобы не занимать зря чужое место. Целую тебя нежно.

Твой любящий тебя Георгий.

Через Марсель ехать нельзя уже потому, что у нас не хватает на эту поездку денег, если нам не переведут скоро из СПб. Комедию пишу ежедневно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 104-104об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. "Daillettes". Rosiaz près Lausanne. Почтовый штемпель: «Lausanne, 11/IX-1914».

[258] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 29 августа 1914 г. (ст. ст.)

29 авг.<уста> / 11 сент.<ября> 1914

Милая Надя!

Пиши прилагаемую телеграмму Жилкиным. Я не хочу отсюда посылать, чтобы не путать их адресом. Эта телеграмма необходима. *Пиши ее тотчас же.*

Сегодня хорошая погода. Я дышу немного лучше.

В понедельник отсюда уеду.

Мы остаемся пока у старушки? Что же это В.<ера> Ф.<едоровна>! Сама возмущалась, что мы уезжаем, а теперь, когда мы решили остаться, спешит домой!

Любящий тебя неизменно

Георгий.

А ты мне сегодня приснилась, а в руках у тебя была алая роза.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 106. Связь с конвертом не установлена.

[259] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 29 августа 1914 г. (ст. ст.)

Пятница 29 ав.<густа>
11 сент.<ября>

Дорогой Георгий!

Сходи к доктору непременно. Пусть он напишет тебе то, что он у тебя найдет, если можно хлопотливость, пока. Это необходимо.

Я послала телеграмму в Берн с оплаченным ответом относительно денег, и кроме того Рыбакову с вопросом *как* послать деньги. Сейчас была в Консульстве. Много русских. Кто говорит, что ехать можно и нужно (через Грецию) и кто говорит, что все пути рискованны, кроме Архангельского. Многие из уехавших на Бриндизи прислали телеграммы «испытали лишения ероувantables» или «советуем не рисковать».

Крушинская, несмотря на вчерашнюю ее хлопотливость, не приехала сегодня почему-то.

Газет русских что-то нет. Меряй температуру и питайся получше. Непременно к Демьевиллю иди спроси можно ли ехать, на всякий случай и чем лечится. Спроси о припарках <1нрзбр.>.

Целую тебя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 130-131. Связь с конвертом не установлена.

[260] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 30 августа 1914 г. (ст. ст.)

12 сент.<бря> 1914.

Милая Надя! Боюсь поверить в победе французов. Но, по-видимому, немцы дрогнули и отступают. Ведь, если в самом деле, французы победят – войне конец. Безмерное было бы счастье! Чувствую, что спать не буду сегодня: все буду думать о войне.

Плакал сегодня раз десять над газетой: бабой какой-то стал. Ведь, я никогда не плачу. Целую тебя тысячу раз и люблю, люблю, люблю... Твой Георгий.

P.S. Сегодня нашел себе партнера в шахматы и выиграл партию: русский консул, изгнанный из Германии.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 107-107об. Открытка. На обороте адрес: Madame Georges Tchoulkoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoulkoff. "Les Daillettes". Rosiaz près Lausanne. Почтовый штемпель: «Lausanne, 16/IX-1914».

[261] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 30 августа 1914 г. (ст. ст.)

12 сентя.<бря> 1914.

Милая Надя!

Демьевиль не пророк: он это сам сказал. В горы ехать нам все равно нельзя и в Россию ехать сейчас то же нельзя: на южный путь денег не хватить, да и Турция неспокойна, а на русские пароходы мы уже опоздали, о чем, кажется, жалеть не приходится. Я думаю, что телеграммы в Берн и Рыбакову бесполезны. Кто нам будет посылать деньги через Берн? Ты лучше пиши телеграмму, которую я тебе вчера отправил. В Crédit Lyonnais не ходи зря. Вернусь во вторник: вместе сходим: сейчас еще рано. На ноябрь месяц деньги у нас хватит: потом будем занимать. Так или иначе будут сообщения с России. Не унывай! Целую. Георгий

Мне осталось сидеть здесь три дня. Просижу смиренно и к Демьевиллю, в город, на мучения таскаться не буду.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 108-108об. Открытка. На обороте адрес: Madame Georges Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. "Les Dailettes". Rosiaz près Lausanne. Почтовый штемпель неразборчивый.

[262] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Лозанна, 30 августа 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя! Сейчас у меня была молодая Лагорио. Им в Берне посоветовали ехать на Архангельск и они едут. Но возможно ли мне ехать? А? Почему нет. Их предупреждали, что на Севере им попадутся, вероятно, льдины и что, может быть, им нельзя будет доехать до Архангельска: придется высаживаться в Бергене. Я думаю, что едва ли я вынесу такое путешествие: все-таки легкие у меня нехороши. И добро бы ехать нам на <нрзбр.> или в семью, а то, ведь, наша семья вся тут: ты да я. Конечно, худо, если нам не пришлют денег, но, ведь, и в России без денег невесело, еще хуже. Отсюда легче просить. И работать здесь спокойнее. Целую тебя. Твой Георгий.

Сегодня погода скверная. У нас два турка. Они сидят-сидят по-человечески, а потом возьмут, да и подожмут обе ноги по-турецки.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 109-109об. Открытка. На обороте адрес: Madame Georges Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. "Les Dailettes". Rosiaz près Lausanne. Почтовый штемпель: «Lausanne, 12/IX-1914».

[263] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 30 августа 1914 г. (ст. ст.)

12 сентября 1914.

Суббота

н.<овый> с.<тиль>

Милый Зоря!

1) Путь на Архангельск самый верный, говорят в Посольстве. Говорю тебе со слов Лагорио, котор.<ая> была у меня. *Может быть*, эти пароходы Добров.<ольного> Флота пойдут через Одессу. Условия обстановки хорошие. На «Курске» весь III^й кл.<асс> был пустой и все мужчины были в каютах I и II кл.<асс>.

2) На Марсель все еще идут русские – 2 р.<аза> в неделю отх.<одят> пароходы. Вера Ф.<едоровна> кроме уплочен.<ного> долга в Грионе, дает нам 300 фр.<анков>.

3) Если останется, то в Посольстве в Берне можно получать ссуды и менять деньги. Я взяла адрес господина, котор.<ый> помогал Лагорио.

Если решаешь оставаться, сходи к доктору в Лозанне Демьевиллю или Членову, если он здесь еще. Это говорят хороший врач.

Из «Речи» отказ. Жилкину телеграфировала. Из Берна получила ответ: денег нам нет.

Вер.<а> Фед.<оровна> уезжает в Геную и на Архангельск.

Хорошо ли болеешь? Пей молоко с шоколадом и мерь температуру.

Целую тебя нежно, люблю.

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 129-129об. Связь с конвертом не установлена.

[264] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 30 августа 1914 г. (ст. ст.)

Суббота.

Дорогой Георгий. Сегодня послала тебе уже письмо. Из «Речи» отказ. Жилкину телеграфировала. Сейчас были Лагорио. Они едут с этими пароходами. Ей сказали в Посольстве в Берне, что пароход пойдет, может быть, 20-го сент.<ября> и, может быть, если будет можно, через Одессу. Но в пароходе Добровольн.<ого> Флота кормить будут хорошо и каюты будут всем. На «Курске» было много лишних мест и весь III^{-й} к.<ласс> был пустой. В Посольстве выдают пособия всем и деньги будут менять тоже. Если решил оставаться, живи еще в Rosiaz и иди к русскому доктору, если он еще здесь.

Если хочешь ехать с Марселя на Одессу, то денег В.<ера> Ф.<едоровна> дает 300 и кроме того она уезжает в Геную.

Путь на Архангельск самый верный.

Мне говорили, что в Лозанне г. Членов очень хороший врач, или к Демьевиллю. Целую тебя, Надя. В.<ера> Ф.<едоровна> едет в Геную и на Архангельск. На Марсель ехать можно, част.<ным> пароходом, но рисковано.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 128-128об. Открытка. На обороте адрес: М.<onsieur> Georges Tchoukoff. Pension "Les Dailettes". La Rosiaz près Lausanne. Exp. Tchoukoff. Route de Chêne, 18. Genève. Почтовый штампель неразборчивый.

[265] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Женева, 30 августа 1914 г. (ст. ст.)

Пятница 11/IX

Дорогой Георгий!

Что это ты меня успокаиваешь телеграммой!? Да я и не думаю волноваться. Не посылай мне, ради Бога, зря телеграмм и без того меня Вера Федоровна теребит то телефоном, то телеграммами и все без толку. Я нахожу, что ты напрасно отдал 50 руб.<лей> за 115 фр.<анков>. Можно было бы и здесь разменять, как я это сделала. Платить в отель тоже можно было подождать. Вообще, sois calme attendant resultats télégrammés.

«Enverrons poste»

Из Берна тоже ответ «Pas encore avisé».

Ну, ты рассердился? Больше не буду! Целую тебя. Надя. Сейчас телеграмм от Речи “malheureusement impossible” отказали.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 127-127об. Открытка. На обороте адрес: ch. Georges Tchoukoff. Pension “Les Daillettes”. Rosiaz. Lausanne. Exp. Route de Chêne, 18. Tchoukoff. Почтовый штемпель: «Genève, 12/IX-1914».

[266] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Лозанна, 9 сентября 1914 г. (ст. ст.)

22 сентября 1914.

Милая Надя!

Сегодня ночью была буря и гроза. Я проснулся оттого, что свистел ветер и дождь хлестал в окно. Вчера я послал тебе телеграмму и множество писем. Пиши.

Я поеду домой, т.е. к тебе, в понедельник после завтрака (или обеда) или во вторник утром.

Целую тебя нежно.

Твой Георгий.

В телеграмме меня заставили прибавить «Чулков».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 110-110об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Pension-Famille. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. Georges Tchoukoff. “Les Daillettes”. La Rosiaz près Lousanne. Почтовый штемпель неразборчивый.

[267] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Женева, 7 октября 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Сейчас пришли из Légation на твое имя 329 фр.<анков> 50 сент.<ов> – ?

Я эти деньги получил и известил Légation, что деньги эти ты мне доверила получить.

Будь умницей. Жду телеграммы.

Целую тебя нежно.

Твой Георгий.

20/X 1914. Вторник.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 110а-110а об. Открытка. На обороте адрес: Madame Georges Tchoukoff. Poste resante. Sierre. (Valais). Exp. G.<eorges> Tchoukoff. Route de Chêne, 18. Genève. Почтовый штемпель: «Genève, 20/X-1914».

[268] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Женева, 9 октября 1914 г. (ст. ст.)

Октябрь 22. Четверг
1914

Не могу я существовать без тебя, моя дивная! Не было от тебя вчера вечером телеграммы, и я был в отчаянии. Боялся очень, не попала ли ты под поезд или не изменила ли мне, не бросила ли меня совсем. Надеюсь, что сегодня ты мне телеграмму пришлешь, и я смогу выехать из Женевы. Вчера

занимался здесь в Университетской библиотеке – искал что-нибудь о Commedia dell'arte. К сожалению, ничего путного здесь нет. Получила ли ты мои два письма poste-restante? Любящий тебя Георгий.

Русские, кажется, гонят немцев из-под Варшавы! Дай Бог!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 111-111об. Открытка. На обороте адрес: Madame Georges Tchoukoff. Pension Beau-Site. Sierre. (Valais). Exp. George Tchoukoff. Route de Chêne, 18. Genève. Почтовый штампель: «22/X-1914».

[269] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Сьерре, 1 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Pour M-r Tchoukoff.

Приехали в Sierre с опозданием на час. Хорошо, что ты не поехал: было холодно и шумно в вагоне. Чувствуется Италия пока с нехорошей стороны. Сейчас темно и ничего понять нельзя. Угадываются контуры гор. Воздух, кажется, очень горный. Город довольно большой. Много магазинов, несколько улиц. Пансион, тот, о котором говорил доктор, очень большой и неудобный. Я сказала, что тут буду два дня и с меня взяли по 5 фр.<анков> в день. За обедом четыре человека, все англичанки. Кормят сносно. Завтра напишу еще.

Среда. Ходила целых три часа. Пока еще не нашла, но надеюсь найти: два уже есть на примете. Жара здесь совсем летняя. Чудный воздух и красивые горы. Сейчас идет сбор винограда и жмут вино. Запах по всему городу пьяный. Боюсь, что ты здесь сопьешься. Целую тебя Надя.

Я купила себе вторую часть «Фракасс» Готье и читаю, когда нечего делать.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 134-134об. Открытка. На обороте адрес: M-lle Lederrey. Route de Chêne, 18. Genève. Exp. N.<adine> Tchoukoff. Pension Beau Site. Sierre. Почтовый штампель: «14/XII-1914».

[270] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, <5 декабря> 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Я остался в Villa de Preux.

Завтра напишу подробно.

Целую тебя нежно. В Сьере все-таки лучше, чем здесь.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 122. Открытка. На открытке адрес: Madame Georges Tchoukoff. Maison Crottin. Sierre (Valais). Почтовый штампель неразборчивый.

[271] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 6 декабря 1914 г. (ст. ст.)

6/19 декабря 1914.

Милая Надя! И так, я остался в Villa de Preux. Здесь имеются два клиента – русский еврей, молодой человек, студент и греческая барышня. Последняя благодарит тебя за каталоги.

Завтра утром посмотрю, что такое Montana. Пока она мне представляется почему-то тесной. Я взял комнату в среднем этаже с широким балконом. Обед был сносный.

Я предупреждал хозяйку о том, что я *difficile*. В 4 ½ она мне подала чай и два бутерброда. Платить я буду семь франков в день. Сейчас девять часов вечера. Ложусь спать. Как ты себя чувствуешь? Целую.

Твой Георгий.

Адрес мой теперь такой: Montana. Villa de Preux.

Пиши мне, пожалуйста, каждый день. Сегодня я не трепыхался. Если я здесь останусь, приезжай, значит, 24 декабря (6 января нов.<ый> ст.<иль>) и доживем здесь с тобой до февраля. Без тебя мне скучно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 113-113об. Открытка. На открытке адрес: Madame Georges Tchoukoff. Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana-Vermala. Pension Villa Albert de Preux. Почтовый штампель: «Montana-Vermala, 20/XII-1914».

[272] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Сьерре, 6 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Сьера.

Суббота 6/19 декабря 1914

Дорогой крикун! Как ты себя чувствуешь? Жду твоего письма с нетерпением. Жаль, что не условились на *poste restante*. Я сижу одна. Пишу письма. Написала тете Соне закрыт.<ое письмо>, Шуре, Мусе, Любе открытки. Поправь мне письмо дядюшке и пришли мне его обратно поскорей.

У меня на столе твой портрет-фотографический. Я немного устала и сегодня ничего тебе не переписывала. Завтра, завтра... А сегодня лягу спать пораньше.

Будь здоров. Целую тебя, моя радость. Твоя Надя.

В понедельник взвесься и скажи мне, сколько в тебе весу: как я за тебя беспокоюсь! Пиши мне почаще.

Воскресенье.

Получила твое письмо. Так ты в Villa. Тебе не нравится?

Сегодня плохой день. Лежал ли ты на воздухе? *Скажи непременно, чтобы тебе дали матрац на шезлонг*. Как ты спал? Мне, представь, было холодно ночью.

Сегодня получила только две Русск.<ие> Вedom.<ости>. Посылаю тебе их.

Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 135-135об. Связь с конвертом не установлена.

[273] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Монтана, 7 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя!

Не можешь ли и не хочешь ли приехать ко мне сегодня или завтра, если сегодня уже нельзя? Хоть на день пока.

Мне скучно что-то и вообще я не знаю, как без тебя быть.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 116-116 об. Открытка. На открытке адрес: Madame Georges Tchoukoff. Sierre. Valais. Exp. Villa de Preux. Tchoukoff. Почтовый штемпель: «Montana-Vermala, 20/XII-1914».

[274] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 7 декабря 1914 г. (ст. ст.)

7/20 декабря 1914.

Милая Надя!

Я послал тебе сегодня утро открытку с просьбой приехать сюда. Я писал, что «мне скучно и что я не знаю вообще как без тебя быть». Это все точно, но кроме того я умолчал об испугавших меня болях в спине, которые теперь исчезли, почти исчезли. Вероятно, они начались от перемены высоты.

Я буду очень рад, если ты приедешь, но если тебе сейчас нет охоты ехать, то не спеши. Я пришлю телеграмму, если боли возобновятся.

Я так избалован нашим домашним столом, что отельные обеды мне противны. Просто беда.

Люблю тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 114-114об. Открытка. На открытке адрес: Madame Georges Tchoukoff. Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana-Vermala. Villa de Preux. Почтовый штемпель неразборчивый.

[275] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 8 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Montana.

8/21 декабря 1914.

Милая Надя!

Я стал понемногу привыкать к Montan'e. И порядок жизнь устанавливаю. Напугавшие меня боли в спине прекратились. Лечился я так: энергично, не скупясь, намазал себе лопатку иотионом, грудь растер скипидарным лекарством и весь день лежал, потеплее закутавшись во все мое одеяло.

Без тебя мне очень, оказывается, скучно. Чем ты скорее ко мне приедешь, тем приятнее. «Общество» здесь малое.

К студенту-еврею, впрочем, приходят люди. У него двое учеников из местных жителей: учатся по-русски. Они меня просили их проэкзаменовать, что я и сделал не без удовольствия. Это забавно. Они очень стараются. Я думаю, что теперь многие так стараться начнут. Греческая барышня пахнет чесноком, кроме того она думает почему-то, что в Италии был очень замечательный художник, которого звали «Рафаэль Д'Аннунцио».

Целую тебя нежно.

Твой Георгий.

Получил сейчас «Рус.<ские> Вед.<омости>» и твое милое родное письмо. Письмо дядюшке прекрасно. Я его без изменений оставлю. Хотел, было, отправить в Москву сам, но сообразил, что это не удобно. Пересылаю тебе.

Привези мне мой том III-IV.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 115-115об. Открытка. На открытке адрес: Madame Georges Tchoukoff. Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Villa de Preux. Montana. Почтовый штемпель неразборчивый.

[276] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Монтана, 8 декабря 1914 г. (ст. ст.)

8/21 декабря 1914.

Милая Надя!

Твое письмо дядюшке прекрасно. Отправь его поскорее в Москву.

Я стал привыкать к Montana. Вчера был буйный и невеселый ветер. Я опечалился, но меня уверяют, что такой ветер случился здесь в первый раз. Будем надеяться, что и в последний.

О моей комедии не могу думать до сих пор. Все еще, к сожалению, думаю о «Сереже Нестроеве». Мне кажется, что это «добро есть». Впрочем эти размышления совсем бесполезны и бесплодны.

Целую тебя нежно.

Твой строптивый
 муж.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 120-121. На конверте адрес: Madame Tchoulkoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Tchoulkoff. Montana s. Sierre. Почтовый штемпель неразборчивый.

[277] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Монтана, 13 декабря 1914 г. (ст. ст.)

13 декабря 1914.

Милая Надя!

Я совсем голову потерял. Как я мог тебя отпускать сегодня в такой неподходящий час. Ведь, если ты задержишься в Блюш (или как там?) на три часа, ты попадешь в Сьеру поздно вечером.

Когда ты уехала, я получил один номер «Речи». Не посылаю его тебе, потому что в нем ничего нет. Впрочем, есть одна новость – умер Кассо!

Швейцарские газеты сегодня не пришли.

Я написал три первые страницы моей комедии: в моей комнате уютно и тепло.

Пиши поскорее, как ты решила и где мы будем жить через неделю.

Целую тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 117-117об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoulkoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Tchoulkoff. Montana. Villa de Preux. Почтовый штемпель неразборчивый.

[278] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Монтана, 14 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Montana.

14 декабря 1914.
 Воскресенье.

Сейчас девять часов вечера. Ложусь спать не без удовольствия. Устроила ты меня здесь прекрасно. Сегодня и лежал, и ел, как следует. От 4 часов до обеда (до 7) работал, написал еще пять страниц. Читал сегодня comtesse de Nouilles. И опять радости мне ее стихи не доставили. Monsieur Bari ко мне не заходил. Не знаю, смогу ли я с ним заниматься русским языком. Сама подумай: до 4 ч. <асов> – chaise-longue, завтрак, опять chaise-longue, в 3 ½ ч. <аса> маленькая прогулка, в 4 часа чай; от 4

ч.<асов> до обеда я работаю, пишу; в девять часов я ложусь спать; значит, после обеда остается полтора часа на отдых. Где уже тут уроки давать!

Или мой рассказ не точен? Сегодня перед обедом опять появилась здесь почему-то madame de Preux. Она мне сообщила, что ты ничего подходящего в Блюше не нашла. Как же ты решила? Говорила ли по телефону с женевской дамой? По-моему, надо взять *на месяц* две комнаты за 75 ф.<ранков>, не предпрешая дальнейшего. В январе я кончу пьесу, а ромам поедем писать в Montreaux. Целую тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 119-119об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana. s. Sierre. Villa de Preux. Почтовый штемпель неразборчивый.

[279] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 14 декабря 1914 г. (ст. ст.)

14 декабря 1914.
Воскресенье.

Милая Надя! Я еще не получил от тебя письма. Сегодня воскресенье и, значит, нет надежды получить вечером. Жду утром. Ну что в этом Блюше? Я знаю, что ты заходила к madame de Preux, чем весьма интересовалась m-lle de Preux, справлявшаяся о твоём визите по телефону. Сия m-lle намерена нанести тебе визит в Сьере.

У нас в пансионе все по-прежнему. Я лежу покорно и прилично, как полагается на chaise-longue.

Сегодня за обедом гречаночка мне жаловалась, что она сирота. Я говорю: «Замуж выйдите, не будет сирот». А она принялась плакать: «У меня мамы нет. Не хочу жениха. Маму хочу». Потом говорит, что у нее от слез суп стал соленным. Только о последнем ты ей не говори: я не уверен, что точно понял.

Целую. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 118-118об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Georges Tchoukoff. Villa de Preux. Montana s. Sierre. Почтовый штемпель неразборчивый.

[280] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Сьере, 15 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Понедельник. 28/XII 1914.

Милый Зоря!

Я нашла на Шварцер еще. Предлагали за 50 фр.<анков> без отопления и освещ.<ения> за две комнаты. Я думаю, что не стоит брать их за 75. Но можно еще подумать, конечно. Может быть, лучше тебе пробыть там еще одному подольше – весь январь, и на это истратить ту сумму, которую мы все равно истратили бы на более дорогую квартиру на Монтане. Мне здесь хорошо. Если ты соскучился, я еще приеду на один день без ночевки. Итак, если ты решишь остаться на январь там, я недели через три поеду в Лозанну или Монтро и устроюсь совсем и подешевле.

Как ты себя чувствуешь? Тепло ли тебе в твоей комнате? Устройся с лежаком хоть на самом верху что ли, или в том же этаже. Пусть тебе прислуга носить одеяла и закрывает хорошенько. Я,

кажется, не взяла твоих вещей из шкафа в твоей прежней комнате. Посмотри. Там бутылочки и еще что-то. Я переписываю и читаю. Газет буду тебе пересылать и письма тоже: мне их дают на почте.

Трудно отказаться. Посылаю тебе деньги. Если фланелев.<ая> рубашка будет очень грязная, не отдавай ее там стирать: прачка <нрзбр.>. Не сиди с Бари в своей комнате, когда будешь заниматься лучше в гостиной, а то у тебя будет душно. Курить не позволяй и <нрзбр.> не пускай к себе. Целую тебя. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 399, л. 136-136об. Открытка. На обороте адрес: М.<onsieur> Georges Tchoulkoff. Montana-Vermala. Villa de Preux. Montana. Exp. Nadine Tchoulkoff. Sierre. Почтовый штемпель неразборчивый.

[281] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 15 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Милая Надя! Сегодня (в понедельник) получил твою первую открытку. Представь себе, что и на Монтана сегодня дождь и туман, как в Грионе. Нос нельзя высунуть. Но в комнате у меня сухо и тепло. Если телефона не имеется у женевской даме, напиши ей, что мы согласны взять две комнаты за 75 р.<ублей> с бельем и со всем прочим *на один* месяц. А там видно будет. Целую тебя.

Твой Георгий.

Montana.

15/28 декабря 1914.

Schwarzer. Straße 32 bis, Route de Chêne.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 122. Открытка. На открытке адрес: Madame Tchoulkoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Tchoulkoff. Montana. Villa de Preux. Почтовый штемпель неразборчивый.

[282] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 15 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Понедельник. 28/XII 1914.

Милая Надя!

Я получил сейчас твою посылку и письмо от сегодняшнего числа. Относительно комнаты я тебе уже писал. У меня такой расчет. Я хочу, чтобы к первому февраля у нас было не менее 1300 фр.<анков> (800 фр.<анков> бум.<ажных> и 500 золотых). Сверх этого у меня осталось всего только 100 фр.<анков> значит, на две недели моего пребывания в пансионе de Preux. Если у тебя имеется, кроме золота, столько денег, что это вместе с моими ста фр.<анками> хватит *на месяц* нашего совместного пребывания в квартире русской даме на Montan'e, то я, разумеется, буду счастлив прожить этот месяц (январь) вместе здесь, в горах. Ты рассчитай и реши. Если же у тебя нет таких денег, тогда через две недели мы должны искать чего-нибудь подешевле.

Я продолжаю писать пьесу.

Целую тебя. Твой Георгий.

Впрочем, как хочешь. Мне все равно.

Только бы кончить мне комедию.

В пятницу 1 января н.<ового> ст.<иля> вечером как раз будет вторая неделя моего пребывания здесь, в пансионе. С первого января можно было бы перебраться на месяц в квартиру Шварцер. А если жизнь окажется там недорогой, можно остаться и на февраль.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 123-123об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana. s. Sierre. Villa de Preux. Почтовый штемпель: «Монтана, 29/XII-1914».

[283] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 15 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Понедельник 15/28 декабря 1914.
Montana-Vermala.

Милая Надя!

Сегодня с утра был туман, как в Грионе, но к двенадцати он рассеялся и после завтрака я лежал на chaise-longue около двух часов. Я лежу на солнечной стороне, в нашем же этаже, где узкий балкон. Служанка помогает мне закутываться, как ты велела. Как ты себя чувствуешь? Я очень надеюсь, что к первому января нов.<ого> ст.<иля> ты приедешь сюда, покончив с сьерской квартирой, и мы поселимся в квартире Шварцера по крайней мере на январь месяц.

Я с увлечением работаю над моей комедией: написал почти половину первого акта (около 20 страниц).

Послал Яценко дружеское, но и назидательное письмо. Напоминаю ему слова Вл.<адимира> Соловьева, который говорил: «Дело не в Константинополе или в чем-нибудь подобном, а в нравственном обновлении самой России».

Ты заметила, что Яценко называет Алешу Толстого как-то сухо – то Толстым, то Алексеем. А какова София Исааковна – во что бы то ни стало желает быть графиней! Вот тебе и маленькая сплетня для развлечения.

Я так и знал, что Сандро будет писать теперь статьи по международной политике. Слава Богу, что он пишет в «Биржевых Ведомостях», а не в «Новом Времени». Его письмо шло черт знает сколько дней: тогда Кассо был еще жив.

Пиши мне почаще и пообстоятельнее.

Целую тебя нежно. Я уже соскучился без тебя.

Твой Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 124-125. На конверте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana. Villa de Preux. Почтовый штемпель неразборчивый. На бумаге с водным знаком, не определяемом с микрофильма из-за плохого изображения.

[284] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 17 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Montana.
Среда.

17/30 декабря 1914.

Милая Надя!

Должен тебе признаться, что я очень скучаю без тебя.

Нельзя ли нам как-нибудь поскорее соединиться?

Сегодня на Монтане солнце, и мне очень больно, что ты одна, внизу, в тумане.

Если ты находишь неудобным устраиваться с квартирой на Монтане, я хочу во всяком случае к нашему новому году быть вместе и уже не расставаться – где угодно, только вместе. Я прибавил в весе полкило. Было 67,5, а теперь 68 (с пальто).

Целую тебя. Твой Георгий.

«Физически» я чувствую себя нехудо <так!>.

Не спуститься ли мне 31-го н.<ового> ст.<иля> вниз, к тебе? Не знаю, успеешь ли ты мне ответить на этот вопрос.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 126-126об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. *Sierre*. Valais. Exp. Tchoukoff. Villa de Preux. Montana. Почтовый штемпель: «Montana-Vermala, 30/XII-1914».

[285] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 17 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Среда – вечером.
Montana. 17/30 декабря 1914.

Милая Надя!

Получил твои две открытки, Русские ведомости и журнал, присланный m-lle Leauray. Ты ей напиши, пожалуйста, что-нибудь по приятнее!

С аптекарем разговаривать мне очень трудно. Попробую, пожалуй.

Просто не знаю, что делать.

С одной стороны, мне очень обидно, что ты скучаешь в немилой тебе Сьере – *и мне с тобой лучше*.

С другой стороны, хочется еще полечиться горным воздухом.

С третьей стороны, надо подумывать об отъезде в Россию, который будет очень дорого стоить, т.к. мои надежды и расчеты не оправдались: война, черт бы ее побрал, затягивается. Целую тебя.
Твой Георгий.

Придумай что-нибудь за меня!

Вообще, реши и сделай: все сама. Я на все согласен и всем буду доволен. Может быть, ты просто приедешь в Villa de Preux, покончив с maison Crittin, и мы доживем вместе до нашего нового года, а потом в Montreaux выжидать случая для скорейшего возвращения в Россию? Это было бы самое простое.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 127-127об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. *Sierre*. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana. Почтовый штемпель неразборчивый.

[286] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 18 декабря 1914 г. (ст. ст.)

Четверг – утром.
17/31 декабря 1914.

Милая Надя!

Я придумал, как нам быть. Ликвидируй сьерскую квартиру, и приезжай сюда: если ты найдешь удобным, мы поселимся в комнате Шварцера, на месяц, или больше; если ты его найдешь неудобным, мы проживем еще недели две или три в Villa de Preux, а потом поедem в Montreaux.

Как-то противоестественно, что ты живешь в Сьере, а я здесь.

Главное, в моей комнате тепло, и нет никаких забот. *Поселимся здесь. Мне без тебя скучно.*
Если ты даже заплатила за комнату 15 фр.<анков>, можно их бросить, я думаю.
Целую тебя. Твой Георгий.

Кормят меня нехудо <так!>.

Если это письмо придет вовремя, приезжай сегодня же. Ты не подумай, что я болен, я, напротив, очень здоров. Твой Георгий. *Телефон 24.*
В нашем пансионе живет новый студент из Берна.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 128-128об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. *Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana.* Почтовый штампель неразборчивый.

[287] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 19 декабря 1914 (ст. ст.)

Утро. Пятница 1 января н.<ового> ст.<иля> 1915.

Милая Надя! Я до сих пор не мог поговорить с аптекарем. Вчера не хотелось выходить из дома после обеда: был ветер. Сегодня праздник и аптека заперта. По правде сказать, я не надеялся, что пойму что-нибудь толком в этом деле.

Лучше ты сама приезжай поскорее, покончив с съерской квартирой. Если не наладиться эта квартира г-жа Шприцир (или как ее там?), то мы проживем недели две вместе в Villa de Preux, а потом ты поедешь добывать квартиру в Montreaux или еще куда-нибудь, откуда можно будет искать случая для возвращения домой.

Целую тебя. Жду. Твой Георгий.

P.S. Я вчера тебя очень ждал.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 129-129 об. Открытка. На обороте адрес: Madame Tchoukoff. Maison Crittin. *Sierre. Valais. Exp. Tchoukoff. Montana. Villa de Preux.* Почтовый штампель: «Montana-Vermala, 1/I-1915».

[288] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Монтана, 20 декабря 1914 (ст. ст.)

Montana s. Sierre. 2 января н.<ового> ст.<иля> 1915.

Милая Надя!

В «Речи» я прочел, что бывший депутат Винавер только что вернулся в Россию, через Бриндизи, Салоники, Софию. Значит, теперь можно возвращаться. Не поехать ли нам с тобой домой? Я боюсь, что война затянется. К весне у нас выйдут все деньги. В ближайшие дни мы еще можем уехать, хотя и не без риска. Но что мы будем делать весной, если война не кончится? Надо ехать.

Я чувствую себя довольно крепко. Боли почти совсем прекратились. Надо ехать домой. У меня такой план. Это очень точно. Ты покончишь с съерской квартирой и переезжаешь сюда, на Монтану. Мы проживаем вместе недели две. Это меня подкрепить еще. Я кончу в эти две недели пьесу. И мы едем немедленно в Италию, через Флоренцию, в Бриндизи. Наверное как-нибудь пароходы до Салоники

ходят. Вся беда в том, что мы рискуем оказаться на Балканах тогда, когда вспыхнет там новая война, но надо рискнуть.

Если мы приедем в Петроград в феврале, можно будет продать роман. По-видимому, судя по газетам, литературная жизнь там налаживается, несмотря на войну. Кроме того, я привезу «дорожные впечатления» для газет.

Итак я жду тебя на Монтану с нетерпением. Относительно отопления я еще не имел возможность говорить. И я не могу без тебя. Я даже не знаю, о чем надо спрашивать и, наверное, ничего не пойму.

Целую тебя нежно. Я влюблен в тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 130. Связь с конвертом не установлена.

[289] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Сьерре, 20 декабря 1914 г. (ст. ст.)

2 янв.<аря> 1915.

Милый Зоря! Я все жду от тебя известии. Вчера совсем не было от тебя письма. Почта уж не такая здесь аккуратная: что сразу два и три письма, а то не одного. Надеюсь, что завтра я поеду на Монтану: вероятно, с отоплением все-таки можно устроиться. Получил ли ты книги Пасманик? Я сегодня не спала до 6 часов утра. Бодлэр заставил меня перечувствовать вместе с ним все последствия опиума. Несчастный, как он мучился! И умер, не продав своих сочинений. Издатели тогда были такие же.

Сейчас получила твое письмо. Завтра я приеду утром.

Посылаю тебе 3 Р.<усских> В.<edomosti> и письмо Веры Зайцевой. Целую тебя и люблю. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 1-1об. Открытка. На обороте адрес: М.<onsieur> Georges Tchoulkoff. Pension Villa de Preux. *Montana*. Exp. N.<adine> Tchoulkoff. Sierre. Почтовый штемпель: «Sierre, 2/I-1915».

1915 г.

[290] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 30 января 1915 г. (ст. ст.)

30 января 1915

Милая Надя!

Я приехал благополучно. Даму удалили из нашего купэ и я спал, как следует. С вокзала на Ждановскую ехал в автомобиле, бодром и быстрым.

Сандро и Матильда встретили меня радушно. Я расположился в гостиной. Мне дали стол, лампу и вообще наладили уют.

Вера Федоровна прислала мне шубы. Я буду у нее завтра – как она просила. Говорил по телефону с В.<алентиной> А.<ндреевной> Щеголевой – Павла Елисеевича не оказалось дома. В.<алентина> А.<ндреевна> в радостном экстазе по поводу нашего возвращения. Привезла мне цветы. Завтра я буду у них завтракать и выясню дела с П.<авлом> Е.<лисеевичем>. До нашего с ним свидания ничего не буду предпринимать относительно романа.

Сегодня иду на блины (но есть их не буду из осторожности) к С.<ергею> Городецкому, который узнал о моем приезде от В.<еры> А.<лександровны> Белкиной и поспешил меня пригласить к себе. Сологуб на три дня уехал в Финляндию.

У Белкиных «просто и мило». *Сандро* и все здесь на стороне Алеши Толстого: С.<офия> И.<саковна> скомпрометировала себя здесь каким-то сверхъестественным враньем и нехорошими интригами.

Постараюсь делать дела неспешно, не утомляя себя: по-видимому, *Сандро* и *Матильда* ничуть не тяготятся моим пребыванием. Значит, и расходы будут небольшие, и суеты не будет чрезмерной.

При первой возможности пришлю тебе денег, чтобы расплатиться с Жилкиными и ехать сюда, если будет решено жить под Петербургом.

Привет Феде и Любе.

Поцелуй Славика.

Любящий тебя Георгий.

Сандро, оказывается, знал о моем возвращении от Толстого: он написал об этом в Петербург.

Советую тебе позвонить по телефону 4.58.61 и спросить Настасью Васильевну, графиню Толстую, и захватить к ней с визитом – Кривоарбатская, 3.

Напиши мне, кому и как передала ты рукописи моей комедии.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 131-132. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак: щит с надписью *Specialty made for D. W. P. & S. Strasbourg*.

[291]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 31 января 1915 г. (ст. ст.)

31 января 1915.

Письмо второе.

Милая Надя!

Я не совсем удачно выбрал время для поездки в Петербург. Сейчас праздник и три дня будут закрыты редакции мне нужные.

Был у Щеголева. Он мне ничего утешительного не сказал. Копельман призван на военную службу, устроился санитаром. С «Шиповником» нельзя, значит, ничего устроить. В «Ниву» я пойду лишь во вторник.

Хорошо, что *Сандро*, по-видимому, очень рад, что я у него и убеждает меня не торопиться с продажей романа и не волноваться.

Передай Любе привет и Феде, как полагается.

Трудно ли тебе у Рыбаковых?

Постараюсь как можно скорее вызвать тебя сюда или вернуться под Москву.

В.<ера> Ф.<едоровна> Крушинская – представь себе! – послала дядюшке письмо, убеждая его выслать нам деньги!! Она дала мне прочесть черновик и ответ (сдержанный, но любезный) дядюшки.

Я не стал ей разяснять, сколь сие бестактно и непозволительно, потому что теперь все равно это уже бесполезно. И ты ей не делай выговора. Но медвежья услуга таковой и остается.

Я отдал ей 200 фр.<анков> золотом. В Академию я тоже пойду лишь во вторник.

В Петербурге прекрасная погода и вообще здесь лучше, чем в Москве. Что ты сделала с моими рукописями?

Вчера у Городецкого я видел Н.<иколая> С.<тепановича> Гумилева. Он очень бодрый и скромный. У него Георгий. Гумилев мне говорил, что у Ахматовой доктора нашли болезни сердца и у нее горлом идет кровь. Мария Иванова Сверчкова – два месяца уже в санатории: у нее чахотка.

Видел издали на улице Блока.

Рукопись романа пришла к Сандро благополучно. Завтра один экземпляр постараюсь вручить кому-нибудь из редакторов.

Хочу издать без предварительного гонорара «Солнце в плену» отдельной книжкой в изд.<ательстве> «Отечество». Если разойдется, получу некоторую сумму. Ты как посоветуешь? Стоит так издать?

Машина наша цела. Я переписал на ней предисловие к «Сатане». Если не представится ничего лучшего, придется, пожалуй, отдать «Сатану» за 300 руб.<лей> Бенштейну в его издательство. Это уж крайний случай.

Я жду письма.

Любящий тебя Георгий.

Твой портрет благополучно висит в кабинете Сандро.

P.S. Болей я не чувствую в эти дни – ни в спине, ни в горле – и дышу нехудо <так!>.

P.P.S. Относительно Царского села пока ничего точного не знаю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 133 — 134 об. Связь с конвертом не установлена.

[292] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <между 31 января и 3 февраля> 1915 г. (ст. ст.)

Милый Георгий,

очень я беспокоилась за тебя, пока не получила твоего письма. Слава Богу, путешествие наше теперь закончен: ты добрался до своей [шубы]. Я отнесла пьесу на другой день после твоего отъезда к Незлобину. Отдала ее господину, сидящему в «Дирекции», который заявил мне, что просмотрена будет пьеса очень нескоро – только в начале будущего сезона и добавил, что автор может написать самому Незлобину, если желает ускорить просмотр. Незлобин живет в Старой Руссе, но писать ему можно на театр в Москве. Имя его можешь узнать у Сологуба. Если ты найдешь нужным взять назад (пока) пьесу, то напиши мне и я возьму.

Второй экземпляр отдала В.<алентине> А.<ндреевне>. Она прислал его на второй день к вечеру – в субботу. Сегодня, в понедельник, я ее несу в Х.<удожественный> Т.<еатр>.

Прилагаю тебе отзыв дядюшки. Была у Тани Полиевктовой. Там все больны: жена Бальмонта, сами Андреевы и Таня. Бальмонт стремится очень в Россию. Сейчас он в Париже, Волошин у него. Насколько я понимаю, в доме этих Штейнерианцев совсем нет того отношения к войне, какое теперь царит повсюду. Хотя Шт.<ейнер> будто бы пророчит России исключительную роль в истории всех народов. Все ученики «доктора» там работают для храма. Андрей Белый, как простой столяр, он «обожает» доктора.

Лосева еще не приехала, поэтому я не ездила к ней. Может быть, я пойду к Толстому вместе с Зинаидой Андреевной.

Привет мой всем нашим друзьям. Целую тебя

Твоя Надя.

Славочка просит меня написать тебе, что он тебя целует и соскучился о тебе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 16-17. Связь с конвертом не установлена.

[293] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 3 февраля 1915 г. (ст. ст.)

Вторник. 3/II <1>915.

Милый Георгий,

вчера была я у Жилкиных. У Ив.<ана> Вас.<ильевича> насморк и он лечится. З.<инаида> А.<ндреевна> сказала, что Академия продлила тебе субсидию до апреля, а не до февраля, как я думала. Значит, на четыре месяца у нас уже есть по 50 руб.<лей> в мес.<яц>. Хорошо бы устроиться под Москвой. В Ц.<арском> С.<еле>, все говорят, жизнь очень дорога. Кругликова говорила мне по телефону, что в имении, о котором она говорила, комната и стол на двоих стоит 80 руб.<лей> в месяц. Всего будто бы вволю и большое раздолье и красота. Кругликова вообще очень любезна. Была Ганцкая и тоже выражала всякие сочувствия нам.

У Жилкиных был Вильямс. Он едет на войну, в Буковину. Широков под Варшавой работает в отряде от Гос.<ударственной> Думы.

Вильямс передавал приглашение Жилкиным от Гершензона, где очень «важно и интересно бывать».

Воскресенье утром была я с Любой на выставке. Много Сомова и Гончаровой. Последняя очень весела, светла и бодра. Выставка милая. Есть чудесная женщина Коненкова.

А вечером Люба повела меня в камерный театр смотреть «Веер». Гольдони опять с декорацией и занавесом Гончаровой. Хорошо играл Асланов. Но трудно теперь быть в театре и даже Люба не очень веселилась там.

Только сегодня, наконец, я могу свезти «Невесту» в Х.<удоженственный> Т<еатр>. Вчера опять большой праздник был, и я безуспешно ездила туда. Как тебе кажется критика дядюшки?

Я думаю, что, пожалуй и правда нельзя заставлять плясать молодежь в пятом акте, если считаться с настроением людей в эту войну. Но тебе лучше знать, можно ли это.

Я себя чувствую недурно. Эти три дня была нездорова и не могла много ходить. Теперь лучше. У Рыбаковых мне лучше, чем где бы то ни было и Люба Ф.<едор> Е.<егорович> очень любезны и добры. У Гречаниновой девочка больна скарлатиной, и я так и не успела побывать у них. Говорили только по телефону. Нашел ли ты свою шапку? И подушку? Попробуй открывать форточку на ночь. Я тут сплю с открытым окном. Целую тебя. Будь здоров. Твоя Надя.

Матильде и Сандро привет, а также Белкиным. Люба и Федя кланяются.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 2 — 4. На конверте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову. Ждановская набережная, д.<ом> 3, кв.<артира> 22. Петр.<оградская> сторона. *Петроград*. Почтовый штемпель: «Москва, 3/II-1915». Ошибочно указан день недели: 3 февраля 1915 года – среда.

[294] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 5 февраля 1915 г. (ст. ст.)

5 февраля 1915.

Четвертое письмо.

Милая Надя!

Я взял у Котляревского из Комитета 50 руб.<лей>, но до сих пор еще официально мне пособие *не* назначено и неизвестно, на сколько месяцев будет назначено и с какого месяца – с января или с февраля или с марта – на один, на два, на три или на четыре.

С меня взыскивают 100 лир и 15 руб.<лей> за просрочку паспорта: я до сих пор паспорта не переменил из-за этого. Завтра это улажу так или иначе.

Был у Сологуба. Он любезен весьма. «Сирин» заплатил неустойку Сологубу и Ремизову: издательство это не существует более: Терещенко не захотел тратить деньги на эту затею.

Литературная жизнь в Петербурге все-таки какая-то есть. Надо присмотреться. Все-таки ко мне уже обращались из разных мест с просьбой давать статьи и рассказы.

Я чувствую, что это не Москва, и работать можно будет: только бы поскорее нам устроиться в Царском. Получила ли ты мое письмо?

Как ты думаешь, сколько надо денег, чтобы наладить квартиру?

Я сейчас пишу «путевые очерки». Они мне заказаны – Утренними Биржевыми Ведомостями, которые превратились теперь в большую газету с огромным тиражом: там помещают статьи – Струве, Бердяев, Эрн и в каждом номере что-нибудь острое и занятное. Яценко там тоже работает. Он стал отчасти либеральнее.

Поцелуй Славика, привет Любе и Фед.<ору> Егор.<овичу>.

Любящий тебя Георгий.

Попробую сегодня передать Струве для «Русской мысли» мой роман. Предварительно исключу одну главу – увы! – неприятную господину Струве.

Я получил приглашение из Лукоморья (журнала, альманаха и издательство). Боюсь туда идти, хотя там участвуют Городецкий, Кузмин, Сологуб и даже, с другой стороны, Олигер. Денег у них много, но деньги эти сыновей Суворина – вот почему я боюсь идти туда. «Лукоморье», впрочем, пока ничем не скомпрометировано.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 135-136. На конверте адрес: Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Б.<ольшой> Левшинский пер.<еулок>, д.<ом> 10, кв.<артира> проф.<ессора> Рыбакова. Москва. От Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова, Ждановская наб.<ережная>, д.<ом> 3, кв.<артира> 22.

[295] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 6 февраля 1915 г. (ст. ст.)

6 февраля 1915.

Милая Надя!

Должен тебе признаться, что я уже соскучился по тебе. Но жить сейчас у Яценко мне удобно. Я чувствую, что я никому не мешаю. Тепло и нет сквозного ветра. Форточки закрываются и открываются своевременно. Живу я в гостиной. У меня большой стол и я пишу «очерки». Первый очерк уже отправил в «Бирж.<евые> Вед.<едомости>».

Как только я добуду рублей сто на переезд, я тебе телеграфирую, чтобы ты приезжала посмотреть квартиру в Царском и все решить и устроить. Хорошо ли тебе у Любы?

Сегодня я посылаю тебе на дорогу 25 руб.<лей>.

Дело о романе и комедии, разумеется, затягивается. Я послал рукописи в «Русскую мысль».

К сожалению, П.<етр> К.<онстантинович> Иванов торчит все еще здесь: он должен был отвезти «Сатану» в издательство «Наши дни», где Архипов и Матусевич. Это мог бы устроить также Толстой. Была ли ты у него с З.<инаидой> А.<ндреевной> Жилкиной?

Попроси Толстого написать Незлобину, чтобы тот возможно скорее прочел мою комедию.

Я был в Рел.<игиозно>-Фил.<ософском> собрании. Мережковский, Философов, Мейер и все – даже Татьяна Гиппиус буквально набросились на меня, стараясь меня всячески привлечь на свою сторону. Приглашение в ихний журнал «Голос Жизни» и на ихние воскресные жур-фиксы.

Но – боюсь – разочаровались несколько, узнав мое твердое мнение о войне.

Любящий тебя Георгий.

Поцелуй Любу и Славика. Привет Феде. Что как Нюрка?

Если Толстой возьмется устроить «Сатану» в «Наши Дни», скажи, что я желаю получить не менее 500 руб.<лей> за 3000 экз.<емпляров> или в крайнем случае 300 руб.<лей> за 2000 экз.<емпляров>. Деньги *вперед* и как можно скорее – это неременное условие.

Обложка, шрифт, бумага и формат должны быть мной утверждены.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 138-139. Связь с конвертом не установлена.

[296] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Петроград, 10 июня 1915 г. (ст. ст.)

Четверг.

/ 15/VI 1915 /

Милый Георгий, ночь я провела хорошо. Мне тут нравится. Отношение хорошее. Проф.<ессор> еще не был, но сейчас еще 7 часов утра. Крушинская была у меня и привезла все, что нужно. Целую твою Надя.

Болей нет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 6-6об. Открытка. На обороте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову. Малая, 47. Царское село. Почтовый штемпель: «Петроград, 11/VI-1915», «Царское село, 12/VI-1915».

[297] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Петроград, 12 июня 1915 г. (ст. ст.)

/ 14/VI – 15 /

Суббота.

Милый Георгий, твои розы уже завяли от нашей ужасной жары. Это меня огорчает. Больше не приноси. Привези мне градусник и немного нашего полоскания для рта. Больше ничего и это не к спеху. Целую. Н.

Чувствую себя хорошо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 5-5об. Открытка. На обороте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову. Малая, 47. Царское село. Почтовый штемпель: «Петроград, 13/VI-1915», «Царское село, 14/VI-1915».

[298] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
<Царское село>, 10 ноября 1915 г. (ст. ст.)

Вторник 10 ноября
1915

Дорогой Георгий!

Сегодня без тебя отважилась взять ванну в бане и вышло очень хорошо. Пошла утром и во всей бане была я одна, да банщица, которая при мне вымыла ванну (эмалированную) и обварила ее кипятком. Я почувствовала себя очень хорошо и целый час потом спала. В три часа приехали Лансере Ник.<олай> Евг.<еньевич> с женой. Пили чай и он хотел купить у меня твою книгу «Вчера и Сегодня», но я ему не «продала», а подарила ее. Теперь сижу одна. Собираюсь переводить «Виолету». Целую тебя. Надя.

Я розовая.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 7. Связь с конвертом не установлена.

[299] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 10 ноября 1915 г. (ст. ст.)

10/XI 1915.

Многоуважаемый
Георгий Иванович!

Не входя в рассмотрения возбуждаемого Вами в письме Вашем от 31-го окт.<ября> с.<его> г.<ода> вопроса по существу, считаю необходимым сообщить Вам, что никаких условий для ликвидации наших отношений П.<авлом> Е.<лисеевичем> Щеголевым мне предложен не было.

Отвергая в дальнейшем какие бы то не было переговоры через посредство г. Щеголева, в виду особого характера приемов, с которыми последний считает возможными вести эти переговоры, предлагаю Вам столковаться о нашем деле лично или через посредство какого-либо другого лица.

С. Копельман.

Псылаю тебе копию письма, полученного сейчас от Копельмана. Посоветуйся с кем-нибудь, как быть. Пиши мне. Я чувствую себя хорошо.

Целую. Твоя Надя.

Привет Любе и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 8 — 10. На конверте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову. Б.<ольшой> Левшинский пер.<еулок>, д.<ом> 10, кв.<артира> 7, проф.<ессора> Рыбакова (Смоленск.<ий> бульв.<ар>). Москва. От Н.<адежды> Г.<ригорьевны> Чулковой. Царское село. Малая, 47. Почтовый штемпель: «Царское село, 11/XI-1915».

[300] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 11 ноября 1915 г. (ст. ст.)

11 ноября 1915.

Милая Надя!

Я остановился у Любы. Все благополучно, даже не кашляю.

Альвинг в санатории. Послезавтра назначил мне свидание в Москве. Я с ним разговаривал по телефону. Их альманах, по его словам, не раскупается вовсе. «Сатана» идет хорошо.

Был в «Северных Днях». Сделал указания относительно «Сережи Нестроева». Ездил в типографию, уличил корректора в неряшестве. Обещал набирать роман ручным способом.

Получил от Блока нежное и милое письмо. Между прочим, он пишет, что, вероятно, нашего призыва люди будут приглашены на службу весной. Хорошо бы так, а не в феврале.

У Гаррика была свинка. Поэтому я назначил Нюре свидание в кафе. Люба боится за Славика. Завтра куплю билет и напишу тогда, какого числа вернусь в Петроград.

Как ты, дивная моя, себя чувствуешь? Очень надеюсь, что ты пришлешь мне сюда два-три письма.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 140-141. Связь с конвертом не установлена.

[301] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 12 ноября 1915 г. (ст. ст.)

Четверг 12 ноября

Милый Георгий, я чувствую себя очень хорошо. Вчера у меня были сестры Тамамшевы. Писем нет. Перевод кончила. Одна мало гуляю, а надо бы ходить по больше. Погода хорошая: снежок и морозит. Посылаю тебе вырезку, прочти там эту статью.

Целую тебя Надя

Вчера послала тебе копию с письма Копельмана. Он пишет, что отказывается вести переговоры через посредство Щеголева, и хочет или лично с тобой «столкнуться», или еще через какое-либо лицо. Привези дров хороших 1 сажень.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 11 — 12. На конверте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову. Б.<ольшой> Левшинский пер.<еулок>, д.<ом> 10, кв.<артира> 7 (проф.<ессора> Рыбакова). Москва. Почтовый штемпель: «Царское село, 12/XI-1915».

[302] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 12 ноября 1915 г. (ст. ст.)

12 ноября 1915.

Милая Надя!

Я билет достал только на вторник! Очень беспокоюсь, что ты соскучилась. Ведь, я, значит, увижу тебя только в среду. Получи по чеку, а то ты сидишь без денег.

Люба меня устроила хорошо. На столе моем – твой портрет. У Лосевой я буду читать доклад в субботу. К доктору Дитриху постараюсь попасть. Выясню это сегодня.

Разговаривал сегодня по телефону с Л.<еонидом> Н.<иколаевичем> Андреевым. Он меня зовет на свидание почему-то в Камерный Театр, но я не знаю, попаду ли.

Лосева познакомила меня, наконец, с девочкой своей, которая убежала на войну. На издание брошюр Е.<вдокия> И.<вановна> согласна, конечно.

Сегодня через Ходасевича передали изд.<ателю> Антика две рукописи двух книжек: «Посрамленные бесы» (пять рассказов) и «Осенние туманы» (повесть).

Кроме того предложу «Сатану» для дешевого издания, если «Жатва» откажется уплатить своевременно гонорар, мне причитающийся. Правильно?

Люблю тебя, моя родная.

Твой Георгий.

Осторожнее ходи по улицам, когда будешь гулять. Умоляю тебя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 143-144. Связь с конвертом не установлена.

[303] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 12 ноября 1915 г. (ст. ст.)

12 ноября 1915.

Милая Надя!

Скажи нашей Агафе, чтобы она меня отметила выбившим в Москву, ибо здесь пришлось приписаться.

Это необходимо.

Я сегодня тебе писал. Это дополнение, так сказать. Настроение у меня так себе: не скучаешь ли ты – вот что? Вызови к себе по телефону или открыткой Валентину Андреевну или Веру Федоровну. Я им говорил обоим, но не настойчиво, как ты рекомендовала.

Люблю тебя очень и прихожу к заключению, что самое лучшее место в мире Царское Село.

Твой Георгий.

Говорил по телефону с И.<ваном> В.<асильевичем> Жилкиным. Они, т.е. он и З.<инаида> А.<ндреевна>, будут на моем докладе у Лосевой. Все очень справляются о тебе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 142. Связь с конвертом не установлена.

[304] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 13 ноября 1915 г. (ст. ст.)

13 ноября 1915.

Милая Надя!

Спасибо за письмецо. Очень рад, что ты «розовая». Но твоя баня меня все-таки смущает. Ах, ты, Господи!

Я тебе писал уже, что мне придется остаться до вторника. Я купил билет. Значит, я тебя увижу только в среду.

Сегодня, по просьбе Л.<еонида> Андреева, иду на его пьесу: мне кстати хочется посмотреть этот «Драматический Театр» на всякий случай.

Сейчас выяснится положение дел в «Жатве». Иду на свидание с Альвингом.

На письмо Копельмана наплевать. Не хочется как-то об этом думать пока.

Приеду – отвечу.

Люблю тебя, моя божественная.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 145. Связь с конвертом не установлена.

[305] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 14 ноября 1915 г. (ст. ст.)

14 ноября 1915.

Милая моя Надя!

Спасибо тебе, что ты пишешь мне. Слава Богу, что ты себя чувствуешь нехудо <так!>. Очень хочется поскорее тебя увидеть.

Я чувствую себя тоже неплохо. Буду сегодня у доктора в пять часов.

С «Жатвой» объяснения имел. Альвинг дал мне расписку с обозначением сроков уплаты. Они сулят журавля в небе, а именно 300 + 200 + 200 – всего 700 руб.<лей> в течение четырех месяцев, а пока я не мог получить даже 50 руб.<лей> за «Поединок». Кстати в ответ на мое письмо и книги Вяч.<еслав> Иванов прислал мне письмо чрезвычайно нежное, где между прочим говорит, что «в восторге от трагикомических сцен, напечатанных в последнем альманахе “Жатвы”».

Вчера вечером я был на пьесе Леон.<ида> Андреева в Драматическом Театре Суходольского. Я встретил там Мечетинскую. Оказывается, это «тот самый» Суходольский. Актеры у него хорошие. Театр полон (бывший худ.<ожественный> театр в Эрмитаже в Каретном ряду). В понедельник вечером я, вероятно, буду читать мою пьесу у Суходольских. Чета Суходольских была весьма любезна.

Пьеса Андреева – чепуха, но театрально-занятая.

Любящий тебя Георгий.

Меня надо непременно выписать, ибо я приписался в Москве.

О тебе все справляются и весьма приветствуют. Мои книги и письмо Вяч.<еславу> Иванову отвозила Люба. Вяч.<еслав> Ив.<анов> успел ей сказать, что «плоды чрева твоего» – нечто чудесное и провиденциальное.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 146 — 147. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 47. *Царское село*. Почтовый штемпель: «Москва, 14/XI-1915».

[306] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 15 ноября 1915 г. (ст. ст.)

Дорогой Георгий, получил ли ты копию с письма Копельмана?

Я нарочно в каждом письме пишу тебе об этом на случай, если ты не получил ее. Он пишет, что не желает иметь дело с Щеголевым, и предлагает тебе лично «столковаться» с ним, Копельманом, или прислать еще кого-нибудь для переговоров.

Чувствую себя хорошо. Сын проявляет признаки нетерпения и сильно толкается.

Сегодня решила походить по парку часа полтора. Снег, мороз. Иду и встречаю там Тамамшеву, не толстую, а ее сестру, а с ней какая-то дама. Меня знакомят. Я говорю «Чулкова», а та: «Бекетова». Оказывается, это тетка Блока. Она в гостях у Тамамшевых. Она меня узнала первая. Вместе гуляли и много говорили. Она говорит, что Блок все мечтает пойти служить с Георгием Ивановичем вместе. «Вот было бы интересно – говорит – как в ресторан пошли бы». Уж не знаю, почему это она о ресторанах вспомнила.

К Тамамшевым пойду завтра, в субботу, обедать. Очень звали. Кстати зайду к Ястребову, т.е. не к нему, а в его учреждение.

Воскресенье приедет Крушинская. Я не скуаю. Сегодня кончила читать Кмочевского. *Читаю твои новые книги* и еще путешествия Нансена.

Неприменно сходи к Дитриху. Умоляю!!!

Поговори с тетей Соней от дядюшки по телефону. Зайду к Галнукой. Спроси по телефону о Четверикове.

Целую тебя. будь благоразумен, <берегись>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 13 — 15. На конверте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову. Б.<ольшой> Левшинский пер.<еулоч>, д.<ом> 10, кв.<артира> 7, проф.<ессора> Рыбакова. *Москва*. Почтовый штемпель: «Царское село, 15/XI-1915».

[307] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 16 ноября 1915 г. (ст. ст.)

16 ноября 1915.

Милая Надя!

Вчера я читал мой доклад у Лосевой. Она устроила торжественный вечер. Был Вяч.<еслав> Иванов и совет религ.<иозно>-философ.<ского> общества in сопрога: Булгаков, Рочинский, Эрн и др. Дебаты были страстные. Булгаков обвинял меня торопливо и не без вражды в «нецерковности». Вяч.<еслав> Иванов решительно и твердо стал на мою сторону и заявил о своем расхождении в корне с оценкой моего реферата, сделанного Булгаковым.

Я защищался, говорят, успешно и уверенно. Но почему-то – представь себе – произошла со мной странная история. Когда я читал реферат и дошел до того места, где я говорю о Христе Распятом, я вдруг почувствовал, что я могу разрыдаться.

Никто этого, кажется, не заметил, но Вяч.<еслав> Иванов заметил и не только заметил, но и заразился моим волнением. Я не смотрел на него в это время, но чувствовал, что и с ним происходит что-то странное. Я был сегодня у него, читал ему «Невесту». Он говорил немало лестного.

[309] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 <Царское село>, 1 января 1916 г. (ст. ст.)

1-е января 1916.
 12 ч.<асов> ночи

С новым годом!

Сейчас встретила новый год. В доме, кроме меня и Володи, никого. Я помолилась Богу и благословила спящего Володю. Вспомнила о тебе, родной мой. А ты о нас наверно, вспомнил. Вот мы и вместе.

Что-то принесет нам новый год? Но, да будет воля Его!

Целую тебя. Надя.

Проснулся Володя. Иду к нему.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 18. Связь с конвертом не установлена.

[310] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Москва, 9 марта 1916 г. (ст. ст.)

9 марта 1916.

Милая Надя!

Я завез вещи к Вере Федоровне и оттуда вел переговоры по телефону с «Огнями» и прочими учреждениями. Пообедаю тоже здесь.

Валент.<ина> Андр.<еевна> обещает навестить тебя на этой неделе, если будет здорова.

Буду стремиться как можно скорее назад, в Царское Село. Гуляй по нашему садику, Бога ради, не менее получаса. Приспособь как-нибудь Иришу к детскому делу.

Позови на всякий случай Герасимовича. Пусть он тебя успокоит относительно мальчугана.

Непреренно.

Любящий тебя Георгий.

Поцелуй за меня Володю разок.

Пиши мне, пожалуйста, через день по крайней мере: Моховая, 7.

См.<отри> на обор.<оте>

P.S. Я постараюсь в четверг выяснить все дела и возможности и в пятницу возьму билет на обратный путь. Надеюсь, что через семь дней буду дома.

Значит, Любе я скажу, что мы постараемся найти подходящую квартиру в Царском.

Твой Георгий.

Скажи дворничихе, чтобы она <... не окончено ...>

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 153-154. Письмо не окончено. Связь с конвертом не установлена.

[311] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Москва, 11 марта 1916 г. (ст. ст.)

11 марта 1916.

Милая Надя!

Теперь у меня только одна мысль – как можно скорее попасть в Царское.

Поездку мою можно признать неудачной. Альвинг объявил, что «Жатва» несостоятельна и что уплатить не может даже 300 руб.<лей>. Я, в свою очередь, потребовал у него оставшиеся экземпляры «Жатвы», которых оказалось, по его словам, около 200 экз.<емпляров> (Почему он их не высылал в Петроград – черт его знает!). Кроме того он дал мне расписку, что все издания «Сатаны» распроданы.

И, наконец, я предупредил, что дальнейшие разговоры я поручу вести с ним другому лицу. Вероятно, это будет второй брат Ходасевича.

Единственное утешение, что у меня развязали теперь руки относительно «Сатаны». Я мочу печатать второе издание, если найду что-нибудь подходящее. Вчера вечером был у Лосевой. Она очень мила и любезна, но, по-видимому, до окончания войны с ней издательской каши не сварить.

С Любой я встретился у Гречаниновых, но за руку не здоровался – предосторожность, излишняя, тем более, что, говоря строго, и у дядюшки нельзя было останавливаться: у Муси инфлуенция <так!>. Я, впрочем, Мусю не вижу, в комнату к ней не захожу.

Билетов в Петроград нет до апреля. Придется поставить посыльного на вокзале, чтобы он ловил место в севастопольском поезде. Я думаю выехать во вторник из Москвы. Хочу в эти три дня (суббота-понедельник) поискать издателя для «Сатаны».

Сегодня был в Худож.<ественном> Театре на пьесе Мережковского «Будет радость». Умно, нескучно, но суховато, само собой разумеется. Играют бледно и, по-видимому, не понимают вовсе, о чем идет речь. Завтра буду у Нюры и, вероятно, у Вяч.<еслава> Иванова – днем, а главное устрою охоту на издателей («Северн.<ые> Дни» и «Труд»). Если дело не выйдет, не слишком огорчусь: осенью так или иначе переиздам «Сатану».

Неужели завтра, в субботу, я не получу от тебя письма с известием о том, что сказал о Володе Герасимович?! Поцелуй Володю непременно. Люблю тебя, моя чудесная.

Твой Георгий.

P.S. Люба мечтает о Царском.

P.S. Меня надо отметить в Царском, ибо в Москве я должен был прописаться.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 155 — 156об. Связь с конвертом не установлена.

[312] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 12 марта 1916 г. (ст. ст.)

Март 1916.
Воскресенье.

Спасибо тебе, моя дивная, за открытку. Я очень волновался. Боялся за тебя и за Володю. Хотел все бросить и пытаться уехать сегодня без спального места.

Теперь останусь до вторника: авось получу на Севастопольском поезде плацкарт.

С «Жатвы» я не получил ни копейки, но зато забрал оставшиеся 192 экз.<емпляра> и расписку в том, что издание распродано. Это все-таки существенно. Поручаю дело брату Ходасевича.

С Жилкиными говорил по телефону. Сегодня заеду к ним. Может быть, переговорю по телефону с Сумбатовым о постановке «Невесты» в Москве. Очень спешу сейчас.

Целую тебя и мальчишку.

Твой Георгий.

Вчера всю ночь просидел с Вяч.<еславом> Ивановым: он нежен чрезвычайно. Тебе всякие приветы.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 157. Связь с конвертом не установлена.

[313]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Мустамяки, <12> мая 1916 г. (ст. ст.)

? мая 1916 г.

Мустамяки. Финляндия.

Пансион Крафф.

Милая Надя!

Я приехал. Затопили печку и дали мне яичницу. Я буду жить во флигеле один – ни жильцов, ни слуг, ни служанок. Чувствую себя как бы героем Гамсуна. Впрочем, без всякой склонности к ихним чрезмерным страстям.

Просьбы к тебе:

1) Пиши ежедневно о здоровье твоём и о здоровье Владимира Георгиевича Чулкова – <Обиды>.

2) Перешли мне незамедлительно письмо Нюры. Если оно огорчительно, все равно пришли.

Оно на меня худо не подействует. Я как-то заморозился на ее счет.

3) Почему Люба, или ты, не сказали по телефону, получили ли вы деньги по чеку? Напиши и об этом. Числа шестнадцатого ты должна получить из «Шиповника» 250 руб.<лей> или больше. Извести и об этом.

4) Я оставил для тебя экземпляр альманаха Веры Федоровны. Напиши что-нибудь и о нем.

Мои советы тебе:

1) Запри дверь из передней и ищи няньку, которую можно положить в этой самой передней.

2) Пойди к врачу возможно скорее.

3) Будь нежной со Славиком. Он очень впечатлительный и самолюбивый. Делай ему замечания по осторожнее и любовнее.

Поцелуй за меня Славика и Любу.

Любящий тебя и Володю

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 162-163. Связь с конвертом не установлена.

[314]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Мустомяки, 13 мая 1916 г. (ст. ст.)

13 мая 1916.

Милая Надя!

Я уже писал тебе, что благополучно поселился в пансионе Крафф – в отдельном домике, где никого нет совсем. У меня большая светлая комната, рассчитанная, очевидно, на двоих. Кормят пока нехудо <так!>, но мясо в минимальном количестве.

Не чувствуешь голода, потому что за стол зовут через каждые два часа.

Общество пансиона напоминает мне общество первого пансиона в Шампери: такие же фантастические старые девы и дамы. За столом все почему-то говорят по-французски. Скука земная. Тужусь писать. Пока еще ничего не выходит, но условия для работы подходящие. Авось, напишу что-нибудь. Какая у вас погода? Здесь солнечно, но холодно.

Жду от тебя письма с ответами на мои вопросы относительно здоровья твоего, Володи и прочих обитателей нашей хижинки. Перешли непременно письмо Нюре. Изложи в письме, если получено будет что-нибудь значительное в корреспонденции.

Не скучает ли Славик? Не кисленькая ли Люба? Приласкай их, пожалуйста.

Я, вероятно, недели через две явлюсь в Петроград по делам и, быть может, успею заехать в Царское, а потом вернусь доживать мой месяц сюда. Меня оставляют здесь на месяц. Мороз разогнал публику.

Тянет меня к Володе, должен признаться. Что тебе сказал Ястребов?
 Целую тебя нежно, моя чудесная.
 Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 158-159. Связь с конвертом не установлена.

[315] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Мустомяки, 22 мая 1916 г. (ст. ст.)

22 мая 1916.

Милая Надя!

Я, кажется, послал тебе вчера письмо по старому адресу на Малую улицу, и это меня беспокоит: лучше, если не будут тебе оттуда ничего передавать. Бога ради, будь осторожнее: разговаривай с Любой на почтительном расстоянии.

Сегодня напишу письмо и Любе, чтобы ее немного развлечь: она, должно быть, совсем приуныла.

Я сегодня в первый раз спал как следует. Вероятно, не было ветра и потому было теплее.

Жизнь здесь так однообразна и бледна, что ни о чем писать.

Хлопчи, пожалуйста, относительно квартиры на Оранжерейной. И хорошо бы туда поскорее перебраться.

Скучно тебе теперь? Володька, наверное, опять заорет благим матом, когда увидит своего «блудного отца».

Поблагодари от меня Екатерину Алексеевну. Что надо привезти из Петрограда?

Я хочу приехать в пятницу.

Работаю неважно, вяло – и это меня расстраивает.

Читала о большом морском сражении? Я еще не знаю подробностей.

С нетерпением жду газет: их подают в два часа дня!

Целую тебя и Володку

Твой Георгий.

Напиши Нюрке непременно и поскорее о положении вещей, а то, ведь, она может приехать в Царское. Что тогда с ней делать? Или это возможно? Ты как полагаешь?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 160-161. Связь с конвертом не установлена.

[316] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 Царское село, 24 мая 1916 г. (ст. ст.)

/ 24 мая/ 7 июня /

Зоря, доктор посылает меня с Володей в Финляндию. Он надеется, что тогда можно будет предупредить развитие коклюша. Сегодня Вера Федоровна говорила с Щеголевым. Они поехали искать дачу и, может быть, снимут и для меня помещение. У Славика, кажется, восполнение легкого. Я позвала и туда Покровского. Если сможешь подыскать что для меня сам в Финляндии, то попытайся, и я тогда перееду.

Володя веселенький, кашляет не сильно. Но коклюш все-таки вероятно есть. Нужно, чтобы в Финляндии был врач и аптека.

Целую Надя.

24-е мая
 1916.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 19-20. На конверте адрес: Финляндия. Мустамяки. Пансион Крафф. Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «24/V-1916».

[317] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 21 июля 1916 г. (ст. ст.)

21 июня 1916.

Милая Надя!

Не писал тебе ничего до сих пор, потому что все надеялся, что выяснится, наконец, мое положение. Но оно все еще туманно. Сажу в Петрограде, ибо ежедневно у меня свидания с деловыми людьми. Как будто что-то маячить.

А.<нтон> В.<ладимирович> Карташев познакомил меня с человеком, от которого многое зависит. Жду его ответа на днях.

Н.<естор> А.<лександрович> Котляревский говорил со мной по телефону очень любезно. Это мой, так сказать, резерв. В случае неудачи обращусь к нему.

Я понемногу пишу пьесу. Если бы что-нибудь было определенное и мне дали бы две недели свободные, я бы кончил мою драму.

Странно, что от дяденьки нет письма. Я ему послал решительную ноту.

От Жилкина получил любезное, но безнадежное письмо. В конце июля он уезжает, однако, беззаботно в Кисловодск до 1 сентября! А он, между прочим, как будто бы в таком же положении, как я.

Как только заручусь чьим-нибудь определением, если меня не будут при этом торопить с отъездом, поспешу в Нейволу: хочу очень увидеть тебя и Володю. Я вчера Сюннербергу подробно рассказывал о том, какой прелестный у меня сын.

Я продал машину за 300 руб.<лей>. По-моему, это не худо. Жить в городе очень дорого, и я, если что-нибудь выяснится, очень был бы не прочь провести недельку-другую в Нейволе.

Относительно няни, поступай как тебе угодно: только, по крайней мере, пощеднее с ней расплатись.

Сегодня проехала сожительница Веры Федоровны и говорит, что у нее есть какая-то доброкачественная служанка. Но я теперь всех боюсь. Если ты решишь остаться с одной Иришей, прибавь ей жалование.

Настроение у меня среднее. Привез из Царского рукописи. Но, к сожалению, рукописи нескольких рассказов, по-видимому, находятся в папке, запертые в стенке или шкафу А.<лександра> С.<еменовича> Яценко. Имей это в виду. Если понадобится что-нибудь издавать мое в отсутствие автора, К.<онстанти> А.<лександрович> Сюннерберг будет держать корректуру.

Целую нежно тебя и Володю.

Твой Георгий.

P.S. Приготовил для тебя доверенность на ведение всяческих моих дел.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 164 — 165об. Связь с конвертом не установлена.

[318] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<Петроград>, 28 июля 1916 г. (ст. ст.)

28 июля 1916.

Утро.

Дорогая Надя!

Некрасов в Курске и, кажется, приедет только в понедельник. Я понемногу пишу. Обходил все магазины и приценился на вещи. Выходит, при чрезвычайной экономии и осторожности, 380 руб.<лей>! И это при условии, что мне удалось дешево купить (единственные покупки, уже сделанные мной) сапоги, недурные и складные, за 25 руб.<лей>. Думаю, что подошва не будет картонной, ибо я приобрел их у поставщика гвард.<ейского> экон.<омического> общества. Почти нигде сапог вовсе нет. В экон.<ическом> обществе на заказ делают только офицерам. Готовые были все огромные, неподходящие.

Вчера брал ванну.

Удалила ли ты няньку? Напиши мне.

Как твое здоровье и Володино?

Второго или третьего августа я поеду в Царское и тебя незамедлительно извещу об Автомоновой.

Физически я теперь себя чувствую нехудо <так!>, да и нравственно как-то приспособился к новому положению.

Видел на улице Лаврентьева, который только что вернулся с фронта, в настроении весьма жизнерадостном. У него шашка. Я теперь помешался на сапогах, кителях, гимнастерках и хожу по улицам, учусь отдавать честь генералам, т.е. разумеется, пока «со старыми», наблюдая за другими.

Очень жду от тебя письма.

Возобновляю я переговоры с Бирж.<евыми> Вед.<омостями>. Если ничего не выйдет, придется съездить в Москву: я чувствую, что надо еще достать денег.

Целую тебя, моя дивная.

Твой Георгий.

Целую также и богатыря.

Получила ли ты мое письмо, где я тебе сообщаю о моей справке по поводу колясочки? Пошлина – 60 руб.<лей>, но можно провести старую колясочку без пошлины, если в том же поезде одновременно везут ребенка, которому эта колясочка принадлежит. Жандарм прав!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 166-167. Связь с конвертом не установлена.

[319] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 Нейвола (Мустомяки), 30 июля 1916 г. (ст. ст.)

30 июля 1916.

Дорогой Георгий, спасибо за весточку и за справку о колясочке Володи. Мне очень грустно без тебя. Грустно главным образом от мысли, что надолго останусь одна. Няня, не одна теперь, а с твоим двойником. Все время точно вижу тебя, но ребенком, милого, ласкового, нежного и доверчивого. Я с Володей считаюсь, как с тобой. Если он обидится, я думаю, что это я тебя обидела, когда доволен и радуется, мне кажется, что я несколько заглаживаю свою вечную вину перед тобой – мой недобрый нрав. Как бы я хотела, чтобы Володюшке нашему было со мной хорошо. Я им наслаждаюсь безгранично. Люблю его тоже безгранично. Мил он необычайно и никто не может понять, кроме меня и тебя, до чего он хорош.

Вчера и сегодня немного гуляла с ним перед домом. Цвет лица сразу оживает, а кашель тоже обостряется. Но я думаю, что надо гулять и приучать понемногу к холоду, к осени и зиме.

Два дня эти хорошие, но по ночам мы зябнем очень.

Писем нет. Перевод сейчас получен, т.е. повестка о переводе. Значит, мне нужно сходить все-таки к почтальону и попросить его доставить мне деньги. Я боюсь, что если я не пойду к нему, то что-нибудь попутает. Возьму у него и другой бланк обратно.

Няня завтра уезжает с часовым поездом. Расстаемся по-хорошему, без неприязни. Если будешь в Царском, передай Автамонову и попроси ее приехать сюда до 12-го. С 12-го я буду собираться в путь. Постараюсь написать ей сама.

Очень жду вести о твоей судьбе. Снега все еще мало. Голова побаливает. В Царском ограничу кормление грудью – тогда будет легче. Глаз *не* слезится больше. Ириша старается и очень, по-видимому, любить Володю.

Читаю «Былое и думы» – непростая повесть. Хорошо бы кончить здесь.

Милый мой Зоря – Володя! Целую тебя и люблю. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 21-22. Связь с конвертом не установлена.

[320]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<Петроград>, 1 августа 1916 г. (ст. ст.)

1 августа 1916.

Милая Надя!

Я не получил от тебя ни одного письма. Это меня очень беспокоит. Я, ведь, уже послал тебе три или четыре. Пишу каждый день – одним словом.

Как твоё здоровье и как чувствует себя Володька? Мое дело почти решено. Сегодня я видел Некрасова. Он меня посылает в передовой отряд красного креста заведующим летучкой. Жалование семьдесят пять рублей. Всего только. Но я не капризничал.

Меня больше смущает то, что я опять оказываюсь на совершенно самостоятельном, хотя и маленьком посту. Некрасов говорит, что впоследствии можно куда-нибудь перевестись и в другое место. Ехать я должен очень скоро, на днях. Уже послана телеграмма уполномоченному на фронт и, как только будет получен ответ, я должен ехать. Получила ли ты от дядюшки деньги? В Москву, значит, я не попаду. Перед отъездом пошлю телеграмму Лосевой. А деньги, какие ты получишь от дядюшки, положи в Царском селе не в банк, а в казенную сберегат.<ельную> кассу, ибо я теперь не верю частным банкам, а трати деньги по чековой книжке. Имей в виду, что, по доверенности, которую я для тебя завтра оставлю в Царском селе ты можешь сама за меня подписывать и чеки. На репетициях моей драмы мне не придется вовсе быть: об отпуске, судя по разговору, не приходится мечтать ранее середины октября.

С «Бирж.<евыми> Вед.<едомостями>» пока не очень клеится. Я сам как-то колеблюсь.

До середины октября мы с тобой как-нибудь проживем, а потом я приеду и что-нибудь налажу: может быть, и пьеса что-нибудь даст.

Я почти кончил второй акт «Злых сетей».

Не падай духом, Надька. Молись Богу. Не очень гневайся на окружающих.

Я тебя очень люблю. И Володю тоже люблю.

Твой Георгий.

Я тебе дважды писал, что колясочку можно провести в том случае без пошлины, если одновременно с тем же поездом едет и ребенок, которому она принадлежит. Завтра буду в Царском и напишу тебе об Автамоновой.

Мне очень бы хотелось до отъезда увидеть тебя и Володю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 168-168об. Связь с конвертом не установлена.

[321]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 2 августа 1916 г. (ст. ст.)

2 августа 1916.

Дорогая Надя!

Милое твое письмо получил. Оно меня и утешило, и растрогало.

Уехала ли, наконец, няня – Бог с нею?

Я тебе советую не медлить в Финляндии. Был я сегодня в Царском. Видел там Автамонову. Она весьма любезна, но приехать не может, ибо устала очень с дороги и все время чувствовала себя неважно: у него поднималась температура после грязевых ванн.

Я сказал ей, что тебе надо где-нибудь провести три часа, приехав в Царское, дабы не вносить Володю в квартиру, тобой предварительно не приведенную в порядок. Екатерина Алексеевна поняла мои слова буквально: «На три часа моя квартира к вашим услугам всегда», – сказала она.

Элли испарилась. Уехала к родным. В квартире относительно и условно «чисто».

Я был у Сергея Гессена и оставил ему рукопись «Невесты». Он осведомит о ней «Северные записки». Так или иначе «Невесту» надо напечатать и одновременно издать ее в каком-нибудь «Театре и Искусстве». Последнее необходимо для провинции.

Завтра опять разговоры с Некрасовым и «Бирж.<евыми> Вед.<омостями>». С «Бирж.<евыми> вед.<омостями>» я держу себя очень независимо и не очень хочу с ними возиться. Случайно видел на улице г. Гессен и он предлагал мне писать «письма» из действующей армии. Но там – аванс, аванс! Все-таки об этом надо подумать. Но Некрасов говорит, что писать не будет времени: я, ведь, буду на передовых позициях.

Разорюсь на покупках, но торгуюсь, как еврей: приобрел гимнастерку, шаровары, китель, фуражку, плащ и – ты подумай! – шашку «на страх врагам». Шинель делают на заказ.

Целую тебя, моя дивная.

Твой Георгий.

Не прочь бы сейчас рассмотреть на Володьку.

От шестого до восьмого Екат.<ерины> Алекс.<еевны> в Царском не будет. Советую тебя переехать *девятого*.

Надо искать квартиру. В нашей квартире в углу уборной почему-то завелась сырость.

Но как хорошо в Царском! Какой чудесный воздух!

А в Петрограде смрадно.

Нине Лазаревне я поднес цветы.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 169-170. Связь с конвертом не установлена.

[322]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Петроград, 3 августа 1916 г. (ст. ст.)

3 августа 1916.

Милая Надя!

Я уже получил бумаги из Союза Городов. Должен ехать через Москву (там пробуду несколько часов). Выезжаю из Петрограда в понедельник или во вторник: в Москве меня ждут спутники, которые поедут в 6 ½ ч.<асов> вечера десятого августа – и я с ними. Боюсь, что не смогу заехать к тебе, но очень хочется пробить хоть несколько часов с тобой и с Володей перед отъездом: постараюсь вырваться из города *в воскресенье*. Целую тебя. Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 171-171об. Открытка. На обороте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Дача Станюкович. Нейвола. Мустамяки. Финляндия. Почтовый штемпель: «Мустамяки, 18/VIII-1916».

[323] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Минск, 11 августа 1916 г. (ст. ст.)

Выехал из Минска, в нем не останавливался, на фронт.

Адреса еще не могу сообщить.

Очень все сложно. Будь здорова, дорогая моя, чудесная Надька! Володю люби.

Твой Георгий.

11 августа 1916.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 172-172об. Открытка. На обороте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 47. Царское село. Почтовый штемпель: «Минск, 11/VIII-1916», «Царское село, 13/VIII-1916».

[324] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 12 августа 1916 г. (ст. ст.)

Будьте так добры, Екатерина Алексеевна, передайте это письмо Надежде Григорьевне.

12 августа 1916.

Дорогая Надя!

Прежде всего сообщаю тебе мой адрес: Действующая армия, Полевая почтовая контора 137. Первый Сибирский передовой Врачебно-Питательный Отряд, Георг.<гию> Ив.<ановичу> Чулкову.

Пиши по возможности чаще и обстоятельнее. Я буду тебе отвечать сразу на несколько писем, ибо мне не всегда можно будет отправить тебе послания. Это письмо я посылаю тебе с оказией.

Очень думаю о тебе и Володе. Дай вам Бог устроиться получше. Отпуск я имею право получить через три месяца. Приеду и наложу вашу жизнь, если к тому времени иссякнуть источники воды живой.

Наш отряд придвинут вплотную к позициям. Теперь, говорят, тихо. Однако, я уже присутствовал при обстреле неприятельским огнем нашего аэроплана. Время от времени и сейчас где-то стреляют. Я послал тебе уже два письма – из Москвы и Минска.

Чувствую я себя хорошо. В вагоне от Минска до Замирья доехал среди офицеров и вел беседы любопытные. Был тут же и пьяненький батюшка.

В летучке живут в землянках. Пока я живу в лазарете, но, по-видимому, придется переехать поближе к позициям. Лазарет в семи верстах от немецких окопов.

Я выспался на станции Замирье в земском помещении для офицеров и сейчас весьма жизнеспособен. И не кашлю, представь себе. Целую тебя и Володю.

Любящий тебя Георгий.

См.<отри> след.<ующую> стр.<аницу>

Надо тебе сделать заявление на почте, а то письма будут посылавать в Финляндию. Пока я пишу на имя Автамоновой, чтобы спасти это письмо от излишних мытарств.

Встретил в Минске в Фронтовом Комитете особоуполномоченного – моего товарища по университету – Раевского, а в лазарете отряда Маргариту Константиновну Грюнвальд. Она скоро возвращается в Петроград.

Кланяйся Екатерине Алексеевне.

Сообщи мне адрес Любы.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 173-174. Связь с конвертом не установлена.

[325] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Полонечка, 12 августа 1916 г. (ст. ст.)

12 августа 1916.

Милая Надя!

Я послал тебе две открытки – из Москвы и Минска. Кроме того, я посылаю сейчас тебе письмо на имя Е.<катерины> А.<лексеевны> Автамоновой, потому что боюсь, что ты *не успела сделать заявление на почте*, и письмо отправят в Финляндию.

Прежде всего мой адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. Передовой Сибирский *Первый* отряд Союза Городов. Геор.<гию> Ив.<ановичу> Чулкову. (Марок не надо)

Дорогая Надя! Не унывай без меня, устройся с Володей как-нибудь по удобнее. Месяца через три я имею право получить отпуск, а, может быть, устройю поездку на три дня в конце сентября.

Я чувствую себя хорошо, вовсе не кашлю, живу пока в лазарете, но, кажется, скоро придется перебраться в летучку. Там живут в землянках. Но я постараюсь не очень придаваться этому землекопному занятию и опять вернуться в лазарет. Музыка пушек слышу пока не слишком громкую. Лазарет в восемь верстах от немецких окопов. Люди и здесь живут. Ко всему можно приспособиться. Очень люблю тебя и Володю.

Твой Георгий

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 175. Связь с конвертом не установлена.

[326] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Полонечка, 12 августа 1916 г. (ст. ст.)

12 августа 1916.

Дорогая и чудная моя! Вот и я на фронте. Наш отряд стоит в восьми верстах от немцев, а летучка в 2-3 верстах от места боя. Сейчас сравнительное затишье. Я ездил в автомобиле в летучки. При мне и около меня заряды не разрывались, но я видел [свежевырытые] огромные ямы – результаты недавних взрывов. Ходил по окопам и блиндажам. Вернувшись, днем присутствовал и даже немного помогал доктору на перевязках и операциях. Какие страшные раны! Медицинское дело поставлено в отряде хорошо. Сейчас ночь. Я пишу тебе под адский рев канонады, но сравнительно далекий. Воображаю, какое впечатление она производит на месте боя.

Мой адрес: Действующая армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский отряд Союза городов – мне.

Сделай заявление на почте, а то я не могу писать тебе по Царско-сельскому адресу. Я писал тебе по адресу Автамоновой и на Малую, 47 на всякий случай.

С нетерпением жду от тебя вестей. Сердце мое принадлежит тебе и Володе.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 176 об. Связь с конвертом не установлена.

[327] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Полонечка, 13 августа 1916 г. (ст. ст.)

13 августа 1916 г.

Прилагаю немалые старания, чтобы остаться в отряде: в летучке уж очень сыро и грязно, а здесь лучше.

Стараюсь приспособиться к лазарету. Вчера и сегодня цепляюсь за доктора и помогаю, как могу, в перевязочной. А вась, если оценят мои старания, оставят меня здесь.

Пришли мне два халата для перевязок и [неприменно, как можно скорее], учебник *новый* по *военной хирургии*, какой-нибудь, но солидный. Это мне надо, потому что мне, кажется, намерены поручить медицинскую отчетность. Мне нужны термины.

Любящий тебя Георгий.

Пиши мне о себе и Володе.

P.S. Сейчас нашел здесь нужную хирургическую книгу. Поэтому не спеши покупать военную хирургию^{*)}. А вот если найдется календарь *военного врача*, пришли, но и это не очень важно.

Хорошо бы еще получить туфли и какой-нибудь дорожный оплетенный стакан. Старых моих туфель не присылай.

Нет ли еще учебники специально о перевязках? Мне очень нужны белые халаты – два.

^{*)} А если купишь что-нибудь подходящее, пригодится. Хорошо бы купить *Венгловского*. Оперативная хирургия.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 176. Связь с конвертом не установлена.

[328] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 13 августа 1916 г. (ст. ст.)

13 августа 1916.

Дорогая Надя!

Теперь весь вопрос в том, останусь ли я в отряде при лазарете или попаду в летучку. Я очень стараюсь остаться в отряде, но надо поскорее приняться за работу. В организации части не сразу можно разобраться. Поэтому я прицепился к доктору и стараюсь приспособиться к перевязочной и хирургической работе. Вчера и сегодня руки мои, можно сказать, «обагривались солдатской кровью», ибо я и держал раненых, и перевязывать их помогал. Не знаю, выйдет или не выйдет благо из моих стараний. В летучке живут в ужасных сырых землянках, а здесь сносно, хотя эти ночи я ночевал в обществе четырех в одной маленькой комнатике, но это рай по сравнению с летучкой. Спал я прекрасно, несмотря на то, что всю ночь бухали пушки: наступали немцы и были отбиты, а сегодня у нас много раненых, и я все утро был в перевязочной. Не кашляю пока.

Пришли мне, пожалуйста, два белых халата для перевязочной. Еще пришли туфли, но не мои старые. Нельзя ли еще купить оплетенный дорожный стакан. Он мне нужен. Поручи это кому-нибудь купить в Петрограде. Мне надо еще книгу: *Венгловский «Оперативная хирургия»*. Хорошо бы ее приобрести. А если нет *Венгловского*, то хотя бы *Боброва* – то же «Оперативная хирургия». Достать можно у Рикерта или Риккера на Морской.

Все время думаю о тебе и живо представляю себе, как Володька, за своим завтраком, вдруг оглядывается на меня задорно. Вижу его глазенки.

Твой Георгий.

Пиши мне, ради Бога. Мой адрес: Действующая армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза городов. Г.<еогрию> И.<вановичу> Чулкову.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 177. Связь с конвертом не установлена.

[329] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Полонечка, 14 августа 1916 г. (ст. ст.)

14 августа 1916.

Дорогая Надя! Мне никак нельзя писать тебе каждый день, а, главное, неудобно отправлять письма. Поэтому я решил, как только будет свободная минута, отмечать события и впечатления – по возможности ежедневно – в виде краткого дневника. Это, разумеется, осуществимо, пока нет больших боев в нашем районе и пока нам не надо переезжать на другие места. Имей в виду, что куда бы нас не перевели, за нами едет и почта – все та же полевая почтовая контора 137.

Ты сохрани эти мои кратчайшие записи, а я, когда вернусь, расскажу тебе подробно обо всем, что в этих метках будет обозначено двумя-тремя словами. Так вчера, например, было два незабываемых впечатления: всенощная в палатке под гул орудий, а утром встреча с юным артиллерийским прапорщиком, который приехал с батареи справиться о четырех раненых солдатах. Трое из них, умерли. Прапорщик был застенчив, как девушка, а о своих солдатиках так говорил, что мне хотелось обнять его за голову и целовать его прямо в детские его глаза.

15 августа 1916.

У нас сегодня была торжественная обедня. И поп хорошо служил, и два хора солдатских пели необычайно. Ты все это себя представь, Надя.

Я уже по-настоящему работаю в перевязочной. Сегодня накладывал, между прочим, гипсовую подвязку на сломанную ногу, помогал доктору при ампутации руки и т.д. Кажется, пока меня оставят в отряде, т.е. в избе, и не пошлют в летучку, т.е. в землянку. Но, конечно, если в летучке не дай Бог убьют фельдшера, мне придется на время, по крайней мере, исполнять его обязанности.

Здесь, в отряде, живет, но скоро уедет отсюда кислая Маргарита Константиновна.

Отмечаю один любопытный факт: *я совершенно перестал быть брезгливым*. Ем и пью из случайной посуды и никем и ничем не брезгую. Не знаю, как ты к этому отнесешься, а я считаю это событием немалым. Вероятно, у меня душа изменилась и, когда я смотрю на солдат с зловоннейшей язвой или держу захлороформированного, которого рвет, мне все равно. Если его рвота попала бы мне в лицо, то и это все равно.

Очень может быть, что это у меня пройдет.

16 августа 1916.

Сегодня прошел слух, будто бы Румыния уже присоединилась к державам согласия. Это было бы значительно.

Боев серьезных в наших местах нет, но раненые прибывают каждый день из окопов.

Вчера ездил с доктором верхом по окрестностям.

Получила ли ты пятьсот рублей от Автамоновой? Как ты вообще устроилась? Пиши мне Бога ради обстоятельнее.

Какой-то теперь Володя.

Целую тебя нежно. Твой Георгий.

Не удивляйся, если долго не получишь от меня писем. Не всегда можно посылать их. Г. Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 178-178об. Связь с конвертом не установлена.

[330] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 17 августа 1916 г. (ст. ст.)

17 августа 1916

Милый, родной Георгий!

Получила от тебя пять писем. Спасибо! Очень волнуюсь за тебя. Останься в лазарете, не ездь в лётучку. Ты не проработаешь и недели в таких условиях и тогда вся твоя поездка пропадет без результата.

Мне очень тяжело без тебя, но я не унываю.

В отчаянии только от непрерывных дождей, которые мешают Володе гулять. Хорошо еще, что мы переехали сюда.

Володя растёт. Весел, но бледен и покашливает немного. Показала его Покровскому. Назначил соленые ванны и кормление два раза в день молоком и потом кашей. 13-ого августа появился один зубок – нижний резец. Книгу по хирургии поручила купить Яценко, сегодня говорила ему по телефону. Скоро отправлю тебе посылку. Квартиру пока еще не нашла. Мясо и сахар выдают по карточкам и на Володю тоже дали. 3 ф.<унта> сахару и 1 ½ мяса. Никаких писем тебе пока нет.

Вчера с радостью прочла о выступлении Румынии.

Любин адрес какой-то странный *Московской губернии, Почтовое отделение «Пятница»*. Имение *Тихомировой*. Л.<юбови> И.<вановне> Рыбаковой.

Пиши мне. Очень жду твоих писем. Целую. Н. Чулкова.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 23-23об. Связь с конвертом не установлена.

[331] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 17 августа 1916 г. (ст. ст.)

17 августа 1916.

Дорогая Надя! Вот уже несколько дней я в Сибирск.<ом> отряде и до сих пор еще не разобрался в том, что меня окружает. Все здесь гораздо сложнее, чем я предполагал. Между прочим, сама служба, так сказать, «к многому обязывает», насколько я мог заметить. Может быть, я совсем откажусь от жалования, по некоторым соображениям. Я до сих пор не получал ни обмундировочных, ни жалования. И, пожалуй, лучшее и удобнее ничего не брать и работать без вознаграждения. Впрочем, я этого не решил окончательно. Надо еще присмотреться ко всему и все обдумать.

Я еще не знаю, дадут ли мне отпуск в конце сентября. По установившемуся порядку я имею право на отпуск лишь через четыре месяца. Посмотрим.

Пока у меня отношения со всеми складываются благополучно, но – я уже вижу – у многих происходят недоразумения, нелады и ссоры. И все это в двух шагах от смерти! Противоречивая душа человеческая. Забавнее всего то, что, насколько я мог заметить, ссоры возникают из каких-то пустяков. Пока все тихо. Боев нет. Сегодня летел только немецкий аэроплан, но бомб не бросал. Его наши обстреливали. Между прочим, такой обстрел и для меня опасен: нередко осколки наших снарядов, падая обратно, ранят своих. Такие осколки называются здесь «стаканами».

Я хочу дать тебе некоторое внешнее описание нашего отряда. Персонал административный состоит из товарища уполномоченного Макарова (сам уполномоченный Дуров скоро придет)... Этот Макаров – промышленник-сибирец из Благовещенска. Человек лет пятьдесят, еще крепкий и бодрый, он довольно твердо правит отрядом. Кроме него имеется человек двенадцать заведующих обозом, санитарн.<ой> частью, канцелярией и т.д.

Я далеко не всех их знаю по именам. Многие работают здесь с начала войны. Иные с георгиевскими медалями. Почти все были под обстрелом. Сестер милосердия, кажется, пятнадцать. Они по очереди дежурят (по месяцу) в летучках. Я не представлял себе, что «отряд» так велик и так сложно устроен. Чтобы составить себе понятие об его величине, надо знать, что в отряде имеется не только обоз из 250 лошадей, но даже рогатого скота около сорока штук. Нужных голов в отряде 242 человек.

Старший врач, Иван Александрович Истомина, еще человек молодой – лет тридцати двух. По-видимому, с ним можно будет ладить. Человек он жизнерадостный, вежливой и, в своей области, хирургии, кажется, знающий. Во всяком случае операции делает он смело и решительно.

Стоим мы в польском местечке, где усадьба магната, хороший парк и много строений. Но лучшие помещения заняты не нами. Мне почему-то отвели угол в сравнительной сносной избе, где вместе со мной живет уполномоченный и старший врач. Нас теперь в избе трое: Некрасов уехал.

Посылаю тебе фотографический снимок. Это группа около землянки, в летучке, вблизи наших позиций.

Надо идти в лазарет. Кончаю письмо.

Как-то поживает мой Володька. Пиши, Надя, о своем здоровье. Целую тебя, моя дивная.

Твой Георгий.

На всякий случай повторяю мой адрес: Действующая армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд. Г.<еоргию> И.<вановичу> Чулкову.

С нетерпением жду от тебя письма.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 179-179об. Связь с конвертом не установлена.

[332]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 21 августа 1916 г. (ст. ст.)

21-е августа

Милый Георгий, сегодня получила твое письмо с фотографией. Получил ли ты фартуки и книгу? Яценко взялся сам отправить их. Я посылаю тебе только теперь туфли, шарф и варежки. Раньше не могла. Ужасно мне трудно, почему-то, теперь жить. Хочу взять хорошую няню. Володя сейчас немного болен. У него ларингит. Я его простудила. Вынесла гулять, и вот теперь третий день он нездоров. Покровский был сегодня третий раз, больше, кажется, он не понадобится. Говорит, что дня через два Володя должен поправиться. Чувствую себя очень одинокой. Матильда до сих пор не была. Найму няньку, и буду что-нибудь делать для себя. Ни Люба, ни дядюшка мне не писали еще сюда. Был Гессен. О пьесе еще ничего не может сказать решительного. Квартир пока нет. Освобождается квартира над нами, и я *пока* оставила ее за собой. Был тут управляющий и сказал, что за ремонт верхней квартиры он набавляет 10 руб.<лей> – значит буду платить 57 руб.<лей> в мес.<яц>. Дрова будут стоить 25 руб.<лей> саж.<ень> и дорогие. Вот наши дела житейские. Прости, что и *туда* я тебе пишу об этом. Как ты живешь? Чем питаешься? Есть ли у вас дожди? Здесь все эти две недели, не переставая, лил дождь и сегодня то же самое.

Володя наш очень мил. Но теперь он такой бледненький, бедняжка. Сидит взаперти и без света.

Сегодня говорю Гессену: «Ну, что же Вы ничего не скажете по поводу Румынии? Как-то, по Вашему, ускорит это конец?» – «Да, конечно». И больше ни слова. Очень что-то кволо относится он к этому.

Как твой кашель? Не нужно ли тебе каких лекарств?

Я здорова, но только очень устала от бестолковщины в доме и поэтому хочу завести скорее порядок.

Купила Володи кровать и он сидит там за решеткой, как арестант. Очень доволен. Катается по ней и на животе, и на спине, и сидит сам.

Посылаю тебе сплетни из газеты о пьесе.

Сейчас проглянуло солнышко. Господи! Пошли нам свету.

Целую тебя. Храни тебя создатель! Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 24 — 26. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 21/VIII-1916».

[333] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 22 августа 1916 г. (ст. ст.)

22 августа 1916 г.

Дорогая Надя!

Я сегодня послал тебе письмо обычным путем – и вот сейчас пользуюсь случаем и посылаю эту записку с оказией.

Очень был счастлив получить от тебя весточку. Умоляю тебе: пиши почаще.

Я жив и здоров.

Мечтаю о свидании с тобой в конце сентября, но не уверен, что мне дадут отпуск.

Я тебе писал, что колеблюсь брать или не брать жалования. Я решил все-таки брать, потому что работа на мою долю есть и, по-видимому, будет.

Жалование грошовое, но все-таки что-нибудь от него и останется: тратить тут не на что. Надо спешить. Меня торопят.

Это уезжает из отряда Маргарита Константиновна. Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 180. Связь с конвертом не установлена.

[334] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 23 августа 1916 г. (ст. ст.)

23 августа 1916.

Дорогая Надя!

Как жаль, что ты не любишь, когда я пишу «милая Надя». Мне именно так хочется тебя называть и я чувствую тебя, как милую, милую, милую... Я тебя, Надя, очень люблю. И Володю нашего, оказывается, люблю нежно и за судьбу его волнуюсь.

Новостей у меня никаких нет. Жизнь становится однообразной. Я только больше занят теперь в перевязочной. Приходится почитать анатомию и разные медицинские книжки, представь себе. Я сегодня спрашивал старшего врача, не лишний я человек. Он мне сказал, что во время операций он мне больше доверяет, как помощнику, чем новому врачу-женщине, которую прикомандировали к нашему отряду. Вот что мне теперь лестно!

Сегодня узнал из «Речи», что репетируют «Невесту», и что вместо Ведринской, которая уезжает в Москву, будет играть Тиме. Это, пожалуй, лучше.

Письмо это отпустит в Петрограде одна сестра из <наш>его отряда, взявшая отпуск.

Перевела ты «Речь» из Финляндии в Царское? Переведи.

Целую тебя. Твой Георгий.

<Напи>ши мне, как тебя встретила Автамонова, получила ли <дефект оригинала> и на сколько *приблизительно* он тебе хватит, не было ли <дефект оригинала> экстренных расходов.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 181. Дефект оригинала. Письмо оборвано. Связь с конвертом не установлена.

[335] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 24 августа 1916 г. (ст. ст.)

24 августа

Милый Георгий, я написала тебе письма четыре, отправила посылку. Яценко тоже послал посылку. Неужели ты еще не получил ничего? Не могу писать тебе чаще. Совсем что-то мне не хорошо. Каждый день мигрени, слабость и боль в спине, внизу. Я больше не могу без няни. Ищу теперь пока в Царском, и потом поручу Вере Федоровне искать в Петрограде. Или оставлю кого-нибудь с Володей и сама пойду искать. Нужно мне отдохнуть. Прости, что я тебе увеличу расходы. Виновата во всем убийственная квартира. Она губит нас всех и разоряет больше чем дорогая.

Сегодня была Яценко и совсем испортила мне день. Кроме всяких досадных рассуждений, накурила так трубкой, что у меня глаза на лоб вылезли от головной боли.

Володя был очень мил. Он, конечно, первым делом осмотрел их ноги, и потом и лица. Не заплакал, и улыбнулся одним углом рта. Когда его спросили: «где папа?», – он посмотрел на твой портрет и так несколько раз. Значит, понимает, что ему говорят. Затем он поднес Яценко трубку финскую. Мне пришлось угостить их мясом, которого она уже давно будто не ела, и сама теперь буду два дня без мяса.

Володя все еще кашляет. Я проклинаю квартиру. Хочу брать квартиру над Автамоновой, если только мне ее отдадут, и, в крайнем случае, возьму у нас в доме, что над нами.

Я вся теперь поглощена заботой о Володе. Ах, если бы мне отдохнуть! И ему бы лучше было. Очень люблю твои письма. Целую тебя. Будь здоров.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 27 — 29. На конверте адрес: Георгию Ивановичу Чулкову. В Действующую Армию. Полевая почтовая контора 137. Первый Сибирский Передовой Отряд Союза Городов. Почтовый штемпель: «Царское село, 24/VIII-1916».

[336] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 25 августа 1916 г. (ст. ст.)

25 августа 1916.

Дорогая Надя!

Пользуюсь каждым случаем, каждой оказией, чтобы послать тебе записочку. Теперь в отряде нашем тихо. По-видимому, все войска уходят в иные места. Как-то жалко и досадно смотреть на опустевшее местечко. Целых три корпуса убрались из нашего района. Видишь, как я дисциплинирован: не называю ни частей, ни местности.

У меня много свободного времени, но не всегда удобно работать. Сегодня сделали заказанной мной стол. Это облегчает мне работу. Если все будет тихо в течение месяца, я пьесу кончу.

Статьей для «Речи» я пока не писал. Кажется, и не буду писать.

Расквитаюсь с ними военным рассказом.

О моей участи не беспокойся: я здоров. Вот только желудок [отчасти] беспокоить иногда. Трудно здесь соблюдать диету.

С главным доктором у меня лады. Я работаю по-прежнему в операционной и перевязочной.

Пиши, ради Бога, почаще.

Целую милого моего Володьку.
Твой Георгий.

Я задумал роман из жизни на позициях.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 182-183. Связь с конвертом не установлена.

[337] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 26 августа 1916 г. (ст. ст.)

26 августа 1916.

Дорогая Надя!

Сейчас получил твое письмо от 21 августа (с газетными вырезками). Если у Володи в само деле только ларингит, тогда не надо так унывать. И вообще, Надечка, не будь кисленькой. По-видимому, ты порой падаешь духом. Здорова ли ты? Скажи правду. Если чувствуешь что-нибудь неладное, лечись, ради Бога. Не унывай. Ведь, ничего страшного не случилось. Посмотрела бы ты, какие нечеловеческие муки переносят наши раненые солдатики. А, ведь, и у них есть жены и дети! А наше положение не такое безысходное, как у них, как у миллионов. Мужики наши воистину крепки и мужественны необычайно. Я знаю, что ты мужицкую землю нашу любишь [во всяческом случае] не менее, чем я. Так и будь мудрой и спокойной, как она.

Относительно житейских тыловых невзгод (квартира, дрова, дороговизны и проч.<ее>) не думай много. Все уладится. Я приеду и все устрою по части финансов. Если ты получила деньги от Автамоновой и не потеряла чековой книжки, у тебя хватит денег месяца на три, а на два, во всяком случае. Не правда ли? А к тому времени все устроится. Авось, меня не убьет шальная бомба: правильных, не шальных бомб здесь нет: в наших местах все тихо и мирно.

К людям относись терпимо (я впадаю в назидательный тон – замечаешь?). Даже на С.<ергея> О.<сипович> не гневайся за его непонимание исторической судьбы России. Кстати: если с «Невестой» С.<ергей> О.<осипович> ничего не устроит, беды большой нет: я сам сделаю все потом. Не так важно, что она не появится в сентябре.

Целую тебя и очень, очень люблю – твой Георгий.

Поцелуй за меня понежнее милого Володьку.

P.S. Взять хорошую няню – дело нехудо <так!>е, но где ее достать? Еще вот что: сделай себе хорошие платье, а то в чем ты будешь сидеть на первом представлении моей пьесы.

Г.Ч.

Не знаю, приеду ли я в сентябре. Дело в том, что еще нет уполномоченного. Пока у нас его товарищ.

Вероятно, я все-таки выхлопочу себе отпуск на неделю для устройства мне в конце сентября, если кстати назначено будет первое представление «Невесты».

На днях я кому-нибудь поручу записать на мое имя в театре две ложи – для тебя и для тех, кого придется позвать (Яценко, например).

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 184-184об. Связь к конвертом не установлена.

[338] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 26 августа 1916 г. (ст. ст.)

26 августа 1916.

Милый, родной Георгий, ездила я сегодня в Петроград искать няню. Матильда Августовна была тут с Володей. Ничего не нашла. Я не умею так очаровывать, как ты. Но есть чудные няньки, которым я вполне бы доверила Володеньку. Сегодня Володя, увидев меня перед моим отъездом в шляпе и пальто, заплакал. А когда я приехала, то услышал мой голос в другой комнате и начал тянуться туда, откуда слышал голос. Без меня все время скучал и плакал со слезами. Пока еще не выношу его. Все еще кашляет он немного. Если не найду скоро няни, то возьму женщину на кухню, а Иришу за няню оставлю. Уходить буду реже, и высплюсь днем. Чувствую себя очень усталой и больной, хотя Яценко не верит тому, говорит, что вид у меня очень здоровый.

Боль в спине продолжается. Пойду скоро к врачу. Хочу сходить к Гедройц, она ведь хирург.

Получила письмо от Жилкиной с Кавказа. Ни Люба, ни Ньюра, ни дядюшка, ни тетюшка мне не писали. Я тоже не писала: нет времени.

Я тебе зря писала о квартире. Я оставила за собой квартиру над нами. Ее будут всю заново отделывать. Стоит она 57 р.<ублей> и дворник 3 = 60 руб.<лей>. Управляющий приказал еще спилить два гигантских дерева в саду, которые особенно заслоняют свет. Квартиры нет. Надо было давно переменить, когда это было возможно. У меня тревоги за тебя. Как твой желудок? Кашель? Неужели не кашляешь? Дай-то Бог! Получил ли туфли, фартуки и книгу? Пиши, что тебе еще нужно прислать. Целую. Храни тебя Бог! Твоя Надя!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 30 — 32. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 27/VIII-1916».

[339]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 27 августа 1916 г. (ст. ст.)

27 августа 1916.

Дорогая Надя! Это письмо пойдет из Петрограда. Его повезет и там опустит жена Н.<иколая> В.<иссарионовича> Некрасова, который меня устроил в наш отряд. Никаких событий у нас в отряде не произошло, но мне хочется все-таки хоть что-нибудь написать тебе. Очень я теперь чувствую, острее чем всегда, что ты единственный близкий и верный друг мой. Все чужие. Ты – родная. Люблю тебя нежно. Только всегда теперь хочется прибавить: и Володю.

Получил твое письмо без числа (пожалуйста, отмечай числа!). Это письмо, в котором ты сообщала о получении от меня послания-дневника. Оно как будто бы утешительное, чем предыдущее. Так, значит, Володька поправляется понемногу?

У нас все по-старому. День приблизительно проходит так: встаю в семь часов. Денщик наш Иван (у отца тоже был денщик Иван) даст мне воды умыться. Пьем чай в восемь, на дворе, под навесом. Масло с хлебом не ем в последние дни: хлеб сырой, масло горькое, но – кажется – это устраняют. Затем иду в перевязочную. Работаем часа три-четыре, иногда и больше, вплоть до завтрака, который бывает в два часа. После двух часов в сущности я свободен, если не считать добровольных с моей стороны визитов по палаткам, где лежат раненые. Ночных дежурств на меня не возлагают, да и вообще уход за больными и ранеными лежит на сестрах. Мои обязанности главным образом состоят в том, что я помогаю старшему врачу при операциях, как-то осушаю раны стерильными шариками из марли во время разрезов, держу раздвигающие рану крючки, подготавливаю все для ампутации, помогаю при ампутациях, т.е. держу в зажимах артерий и вены, помогаю их перевязывать при кровотечении, помогаю перепиливать кости, подготавливаю при головных ранах все для трепанации черепа. И, честное слово, делаю все это добросовестно и точно. Сегодня у нас был страшный случай. Рана была небольшая на руке, а солдат изнемогал и, казалось, что вот-вот умрет. У него была ранена большая вена и маленькая артерия. Надо было сделать огромный разрез, чтобы отыскать раненый сосуд. Я в первый

раз потерял, было, самообладание, хотя и не на мне лежала ответственность, а на старшем враче. Такого огромного кровотечения я еще не видал. В конце концов удалось найти злодейское место и солдат был спасен. Делали, конечно, все это под наркозом.

К нам приехала женщина-врач еврейка, ничего не знающая и ничего не умеющая. Всем мешает и грязными руками лезет в чистые раны. Старший врач не знает, что с ней делать. Есть у нас очень опытная, знающая и превосходно обращающаяся с солдатами фельдшерица – такая Ольга Михайловна. Так вот эта Ольга Михайловна прямо воюет с новой врачихой, и не без успеха. Хорошо, что эта фельдшерица сразу прониклась ко мне уважением и не восстала против меня, а то бы она могла бы меня погубить. В отряде она сила. Старший врач держит себя со мной дружески. И вообще никто пока не дуется и не грубит мне. Только новая врачиха, кажется, не довольна доверием, каким я пользуюсь в операционной. Я читаю книги по анатомии и хирургии, применяясь требованиям войны.

Сегодня я сам ездил за почтой в полевую контору 137 – и – представь себе – как раз без меня немцы сбросили около нашего лазарета с аэроплана три бомбы. Я этого спектакля не видал. Все остались целы и невредимы. Вообще эти бомбы не опаснее, чем трамваи на Невском. Кому суждено, тот и без бомб потеряет руку или ногу или голову. В атаки ходить мне не придется. Поэтому, пожалуйста, за мою судьбу не волнуйся. Я нахожусь на фронте генерала Эверта и наш отряд прикомандирован к определенному корпусу. Вероятно, этот корпус никуда не переведут и мы вместе в них застряли в этом местечке, где идет сейчас в семи верстах от нас позиционная борьба: немецкие окопы от наших буквально в нескольких шагах. К нам поступают солдаты, раненые почти всегда ручными гранатами.

Теперь было бы интересно быть не здесь, а на Юге. Я бы хотел попасть в Добруджу и приехать с отрядом через Унгены, Бухарест, Руцук на Софию – знакомые нам с тобой места. Вот где теперь, должно быть, любопытно. Но, конечно, может быть, и у нас будут бои. Воздушные бои бывают [почти] каждый день. Приходится беречь голову от осколков своей же русской шрапнели. Один такой «стакан» упал в двух шагах от нашей избы.

Писание пьесы у меня подвигается медленно, но все-таки подвигается. Теперь у меня есть порядочный устойчивый стол. Это немаловажно.

Чтобы закончить описание нашего дня в отряде сообщу тебе, что в пять часов мы пьем чай и в восемь часов дают нам поесть – то макароны, то кашу, то еще что-нибудь, и на второе молоко или простоквашу. В десять часов, за исключение дежурных, все спать.

До свидания, Надя. Целую тебя и Володю. Твой Георгий.

См.<отри> на об.<орот>

Сейчас, в воскресенье, получил еще одно письмо от тебя, в котором ты жалуешься на Яценко и на его трубку. Это дело пустяковое, а вот то, что ты больна, очень важно и меня очень мучает. Квартира плоха, – надо ее переменить. Няня нужна, – надо ее поскорее взять... Ты все это можешь решить и без меня. Ты, ведь, теперь власть и законодательная, и исполнительная. Мне теперь не до внутренних реформ. Надо лечиться кроме того. Если я буду жив, мы не пропадем. А жить я буду – Бог даст – еще: мрачных предчувствий у меня нет.

Относительно посылок не беспокойся. Они придут. Но идут они всегда медленно.

Сегодня получил письмо от Любы. Целуй Володю.

Любящий тебя Георгий.

28 августа 1916.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 185 — 186об. Связь с конвертом не установлена.

Царское село, 28 августа 1916 г. (ст. ст.)

28 августа 1916.

Милый Георгий, я еще «убила бобра», у меня няня, почти такая же, как наша прежняя, и привезла мне ее приятельница Крушинской, Наталья Федоровна. Няня эта не очень слепая, а чуть чуть. Больше пока нечего о ней сказать. Володя уже привык к ней. Я надеюсь отдохнуть теперь немного, заняться собой, полечится.

Мне грустно без тебя. Никого у меня нет, кроме тебя, с кем бы я хотела и могла поговорить.

Ты пишешь о деньгах. Да, пожалуй, в этом месяце я перерасходую. Купила *кроватьку* за 21 р.<убль> и *матрас* 6 р.<ублей>, самую дешевую в Царском Селе. Нужно купить *дров*, а они теперь стоят 28 р.<ублей> саж.<ень>. Приглашала *доктора* три раза, и покупала *корм* Володе. Посылаю тебе отзыв о «Метели» неинтересный. Остальные вырезки – все мелкие заметки. Писем нет. «Речь» я перевела давно.

Володю сегодня выписали в первый раз после болезни. Солнце было ласковое. Небо очистилось, и я надеюсь на хорошую погоду.

Завтра напишу тебе побольше.

Целую. Спаси тебя Христос. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 33-33об. Связь с конвертом не установлена.

[341]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 28 августа 1916 г. (ст. ст.)

28 августа 1916.

Дорогой Георгий, день прошел благополучно. Володя к няньке уже привык, и я решила выйти на час из дому. Ходила к Левитским, на их дачу, предупредить о том, что наша квартира освобождается. Но они на своей даче завели такое земледелие, что теперь не могут уехать оттуда. Чудесный огород, о каком можно только мечтать. Левитский подарил мне пять свекл и пять петрушек, которые я едва дотащила.

Распрашивали о тебе. Говорят, что и Лансере и Добужинский призваны. Сами они еще раньше были у меня и просили сказать, когда я буду уезжать из квартиры.

Верхние жильцы еще не выехали. Ждут 1-го сент.<ября> и тогда начнется ремонт. При чем полы красить я хочу весной. Можно будет тогда куда-нибудь на неделю перебраться. А теперь они очень долго будут сохнуть, а мне так хочется поскорее устроиться. Как ты думаешь? Дрова стоят уже 30 руб.<лей> сажень.

Карточная система на мясо уже упразднена. Мясо стоит 90 коп.<еек> ф.<унт>. Масло 2 р.<убля> ф.<унт>. Чем ты питаешься и в каком состоянии твой желудок?

Спасибо тебе за частые письма. Это меня очень утешает.

Ты спрашиваешь, как меня встретили Автамоновы? Очень сухо. Я в тот день была страшно измучена перевозкой вещей с Финляндского вокзала на Царскосельский, и совершенно не имела времени поесть. Автамонова мне не предложила даже чаю с хлебом, и я очень скоро увезла Володю в свою квартиру. А на Царскосельском вокзале вышло так. Я привезла туда Володю, и оставила его там, в дамской комнате, с Иришей. Поехала за багажом на Финляндский вокз.<ал>, справившись еще ранее от Крушинской, когда можно получить вещи из таможни. Приезжаю туда, и к ужасу узнаю, что мне дали неверные сведения и мне придется ждать *два часа*. Я тогда звоню Варваре Мих.<айловне> Сюннерберг и умоляю ее ехать на Царскосельский вокз.<ал> и посидеть около Володи, что она и сделала охотно. Спасибо ей! Волновалась же я не даром за Володю. В ту ночь Ириша, не спросясь, ушла

с Машей и вернулась только утром вся завитая и не *спавшая*, очевидно, всю ночь, за что ей и влетело от меня порядочно.

Печальные результаты нашего путешествия таковы: не оказалось моих башмаков и множество вещей, и белья перепорчено дождем, многое забыто и невозвратно на даче.

Так мне хочется еще тебя увидеть мой друг.

Целую тебя. Храни тебя Бог. Твоя Надя.

Мне прислали счет за газетные вырезки 13 р.<ублей>. Нужно ли платить?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 34 — 35об. Связь с конвертом не установлена.

[342] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 30 августа 1916 г. (ст. ст.)

30 августа 1916.

Дорогая Надя!

Сегодня я могу тебе описать несколько подробнее, где я живу. Это маленькое местечко Полонечка (недалеко от Барановичей – на Западном фронте), вблизи усадьбы князя Радзивилла, сказочного богача. Тут недалеко от нас имеется и его дом и большой, не очень, впрочем, живописный парк. Полонечка, конечно, пустынна: жителей мало, но кое-кто из челяди Радзивилла и местных крестьян здесь живет. Здесь раскинуты наши палатки. Операционная, перевязочная и помещение для персонала расположены в доме, где, кажется, раньше была корчма. На улице, в дурную погоду, конечно, невылазная грязь, но солдаты строят великолепную дорогу, по которой можно будет возить какие угодно орудия. Кругом, разумеется, войска. Куда ни сунься – землянки, посты, окопы, проволочные заграждения, блиндажи, на канатах висят в воздухе наблюдательные «колбасы» (воздушные шары). Над нами ежедневно летают русские и немецкие аэропланы. Их обстреливают шрапнелью. По дымкам, по цвету, узнаем, чья шрапнель, русская или вражеская. К гулу орудий и к тому, что где-то недалеко упал снаряд и вырыл воронку в две-три сажени, все относится с глубоким равнодушием: все привыкли и всем кажется, что мы стоим в глубоком тылу. А мы, ведь, от немцев на расстоянии полуперехода и, если бы мы стояли не в семи, а в пятнадцати верстах от позиций, все-таки нас могла бы обстреливать без затруднения тяжелая артиллерия. Но, по-видимому, немцам сейчас не до нас: другим заняты.

Возможно, конечно, что и на наше фронте будет оживление.

Сообщаю тебе, на всякий случай, адрес Веры Леонидовны Некрасовой, жены Николая Виссарионовича Некрасова, члена думы, с которым меня познакомил Карташев.

Итак, адрес Некрасовой: Петроград, Тверская, 13, кв.<артира> 27. Она была при мне почти две недели в отряде. У нее всегда можно, в экстренном случае, навести справку о судьбе отряда, но это в исключительном случае. Телефон Некрасовых – 618 54.

Сам Некрасов уезжает на месяц в Сибирь.

Пиши, ради Бога, побольше. Умоляю тебя. Пиши обо всем, о каких угодно мелочах. Я все жадно прочту.

Яценко мне прислал халаты, хирургию Боброва, очень мне нужную, и письмо, в котором он сообщает о своей трубке. Володю он хвалит весьма.

Я Володькой горжусь. Люблю тебя, моя дорогая.

Твой Георгий.

Письмо посылаю с оказией, с товарищем уполномоченного, который получил отпуск. Я заказал письмом Лаврентьеву ложу для тебя на первое представление «Невесты». Придумай способ отлучиться из дому на пять часов. А если это невозможно, я не обижусь.

Но самое главное: твое здоровье. Посовещайся с врачами. Как же обстоит дело с квартирой?
В конце сентября постараюсь попасть в Петроград, если не будет к тому времени боев на нашем фронте.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 187-187об. Связь с конвертом не установлена.

[343] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 30 августа 1916 г. (ст. ст.)

30 августа 1916.

Милый Зоря, хочется писать тебе часто, а в голове как-то пустота и слова не выговорить. Без тебя я чувствую себя, как рак на мели: совсем что-то у меня ничего не делается и не ладится. Ужасно нескладная я. Хуже Любы, это ты правду сказал. И это меня огорчает теперь больше, чем раньше, потому что перед Володей я виновата этим. Володенька очень мил. Такой умный, живой, добрый. Только вот бледен он что-то, и не очень толст. Ест теперь лучше. Сегодня съел желток и полбутылки молока, из которого я два раза делала ему кашку. Выносила его на воздух после болезни уже три раза, и все не розовеет он. Сегодня в парке было очень хорошо. Солнышко такое горячее. Много цветов. Володе было хорошо там кататься по гладким, гладким дорожкам. Погуляв, поел с аппетитом и сделал все, что полагается, очень хорошо. Теперь спит сладко.

Как жалко пропавшего августа.

У меня никто не бывает. Сiju одна со своими рабынями.

Напиши мне: нужно ли платить за вырезки из газет (13 р.<ублей>) и Яценко за 2 халата и книгу (12 р.<ублей>) или подождать.

Целую тебя, дорогой. Будь здоров. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 36-36об. Связь с конвертом не установлена.

[344] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское, 31 августа 1916 г. (ст. ст.)

31 августа 1916.

Милый Зоря, сегодня получила твое письмо с нотацией. Мне необходимо читать нравоучения, а то я забываюсь без них. Так ты стремишься сюда повидаться не с нами, а с «Невестой» своей? Мне все присылают вырезки из разных московских и других изданий с изложением «Невесты». Есть в заметке по поводу творений твоего однофамильца, жившего сто лет тому назад.

Опять льет несносный дождь. Я утешаюсь тем, что «наши мужики страдают от этого еще больше, а что мне под крышей много лучше».

Володя очень ко мне теперь привязан. Как увидит меня в шляпе, так плачет, знает что я собираюсь уходить.

Нянька много надежнее прежней, но все-таки не на высоте. Сплю я с Володей, а ее положила отдельно. Это ее огорчает очень. Да, мне нужно опять к хирургу, и я пойду к Гедройц в пятницу, послезавтра. Тотчас же напишу тебе о ее мнении.

Иду спать. Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 37-37об. Связь с конвертом не установлена.

[345] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Полонечка, 1 сентября 1916 г. (ст. ст.)

1 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Спасибо за туфли, перчатки и шарф. Посылку я получил сегодня. Получил сегодня и твое письмо, где ты сообщаешь о новой няни. Я все-таки не понял, зачем ты ее оставила, если она тоже слепая. А как же быть с квартирой? Относительно «перерасхода» я тоже не понял: ведь, все было куплено необходимое. Ты мне пиши главное, т.е. до какого числа и месяца приблизительно хватит денег, дабы я мог своевременно принять меры финансовые. Впрочем, если не будет боев, я постараюсь приехать к первому представлению «Невесты». Увидимся. Не унывай, а пуще всего береги себя. Посоветайся с врачами о здоровье. Целуй нежно милого моего Володьку. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 187а-187а об. Открытка. На открытке печать Корпусная полевая почт.<овая контора>. На обороте адрес: Пер.<едовая> Действующая Армия. Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 47. Царское село. Почтовый штампель: «6/IX-1916».

[346] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 Царское село, 3 сентября 1916 г. (ст. ст.)

3 сентября 1916

Милый мой Зоря, с радостью получила твое письмо после двухдневного перерыва. Я очень тревожусь за тебя. То и дело читаю в газете об обстреле отрядов Союза Городов и красного креста. Много жертв. Как это ужасно все. Спаси и сохрани тебя Бог. Мы с Володенькой так молимся. Он теперь знает, где Боженька. Володя очень вырос по-моему. Когда его носишь на руках, то он такой длинный и тяжелый. В весе все же прибавил мало. Теперь всего 20 ф.<унтов>. Ест все, но не охотно. Яйцо, кашу, молоко козье. Сегодня в первый раз дала бульон из цыпленка с желтком. Завтра хочу дать сухарик. Очень любит зверей, т.е. <попросту?> кошек, собак, лошадей. За кошками следит с восторгом. Сегодня ходили я, Володя и Ириша к Гумилевым узнать насчет квартиры. Дом большой сдан на весь год. Ахматова в Крыму. Гумилев в Петрограде. Держит экзамен на корнета. С весны будет свободен верх во флигеле. Я видела сестру Гумилева и просила ее оставить за нами квартиру на всякий случай. Володя в чужом доме мгновенно заревел благим матом.

Итак, я перебралась наверх. За неимением лучшего и это ничего себе. Пол то уж, надеюсь, теплый. Большую комнату, извини, отдаю Володе. Тебе одну из двух маленьких.

Я собираюсь на «Невесту» и для этого перешиваю себе белое платье. У меня теперь две служанки. Одна на кухне, которую я прочу и на будущее в кухарки. Это очень чистоплотная хохлушка – Настя. Молодая с чудными зубами. Наняла я ее к Володе, а она с первого же дня заскучала и попросилась в кухарки и за горничную тоже. Все у ней кипит в руках, не то, что Ириша. Ириша пока с Володей, которого она обожает, но ухаживает за ним плохо, все от глупости. Ночью я все сама с ним. Скоро, кажется, от Гессенов уйдет очень хорошая нянька старуха. Ей трудно стирать, а они не могут без стирки ее держать. Так вот я думаю ее взять, а Иришу отпустить, наконец, с Богом. Мы останемся друзьями, и у Володи будет и по ночам нянька и днем будет порядок.

Сегодня снова хлопотала о выдаче мне карточек на сахар и не без успешно. Во Дворцовом правлении мне обещали выдать. Говорили, что я потеряла, а не спрятала их. Я послала тебе две посылки. В первой – туфли, шарф и перчатки, во второй – одеяло, шапку и фуфайку. Теперь pošлю тебе стельки в сапоги, и очень теплые наколенники, чтобы тебе не надуло в ноги, когда будешь сидеть за столом в холодном помещении.

Целую тебя родной. Кончаю писать, спать нужно. Володя все плохо спит ночью, и я устаю.
 Спаси тебя Христос. Твоя Надя.
 Конверт измял Володя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 38 — 39об. Связь с конвертом не установлена.

[347] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Полонечка, 3 сентября 1916 г. (ст. ст.)

3 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Большое спасибо за письмо. От 29-го числа в письме ты сообщаешь, что колеблешься относительно квартиры. По-моему, надо снять квартиру с четыре комнаты с ванной. Пусть это будет дороже, но пока я на фронте, можно одну комнату сдавать. Вот сейчас, например, у нас в отряде гостить жена старшего врача, от которого всецело зависит, между прочим, хорошо или худо мне будет жить в отряде... (Пока с этим врачом у меня прекрасные отношения). Так эта дама, Мария Степановна Истомина, желает поселиться в Царском Селе. Очень хотела бы она нанять комнату у тебя. Если ты имеешь в виду квартиру в четыре комнаты с ванной, бери ее. В середине сентября г-жа Истомина будет в Царском и может поселиться у тебя. Во всяком случае ты с ней будь понежнее. Это провинциалка лет тридцати пяти, человек не нашего общества, не наших интересов и не наших вкусов, но, кажется, очень простой и милый человек: она очень скромна, не болтлива и неглупа. Если же у тебя уже решено относительно квартиры, все-таки ты помоги как-нибудь этой Истоминой устроиться в Царском. Она больна, но не настолько, чтобы это было тяжело при жизни с ней в одной квартире: ей делал операцию Отто, но ей еще надо лечиться как-то в связи с этой операцией. Поэтому она и желает поселиться поблизости от Петрограда. Кончится война, вернусь я и вернется ее супруг. Они найдут себе квартиру. Супруг поселится с ней, а я с тобой: в трех комнатах нам с тобой будет неудобно, если у нас будет няня.

Ежели ты уже переехала наверх, придется с этим мириться, но как же мы с тобой там устроимся? Впрочем, действуй, как хочешь. Мне это все кажется не слишком важным. Меня помести в маленькую комнату. И книги мои.

Няня нужна хорошая, настоящая. Это необходимо. Очень жаль, что ты взяла такую, на которую опять нельзя положиться.

На генеральную репетицию едва ли стоит тебе ехать. Лучше поезжай на первое представление. Чтобы попасть на генеральную репетицию, достаточно твоей визитной карточки, которую ты можешь послать Евтихию Павловичу Карпову, или даже Николаю Васильевичу Петрову. А чтобы попасть на первое представление, нужен билет. Я послал письмо и Карпову, и Андрею Николаевичу Лаврентьеву, чтобы за мной оставили две ложи бельэтажа. Ты возьмешь к себе в ложу, кого хочешь. Нужно в виде компенсаций за дружеские услуги пригласить Яценко. Я обещал также место Крушинской. Приедет дядюшка кроме того, как он мне заявлял. Иных ты пригласишь к себе в ложу, иных – в другую. Если не будет больших боев, я приеду к первому представлению. Но, разумеется, если отряд будет переживать трудные дни, я своего поста не покину. Сегодня мы были завалены работой: было семь операций, не считая разрывов, извлечений пуль и всяких мелких работ.

Наш санитар, вчера раненый, в тяжелом положении. Сейчас вечер. Мои сожители по комнате спят. А орудийная пальба идет во всю. Вчера немцы устроили камуфлет. Слегка пострадали от пороховых газов прапорщик Верхоустинский (беллетрист и стихотворец). Лежит сейчас у нас в лазарете.

Получил я от Карпова письмо. Пишет, что вопрос о Ведринской не решен. А если она уйдет, будет Тиме. Обещает предупредить, когда назначат первое представление.

Целую тебя и Володю. Будь здорова, береги себя.

Твой Георгий.

На всякий случай вот мой адрес для телеграммы: Штаб Корпуса 35. Первый Сибирский Отряд. Чулкову.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 188-188об. Связь с конвертом не установлена.

[348] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 3 сентября 1916 г. (ст. ст.)

3 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Очень меня беспокоит твое здоровье. Береги себя. Устрой жизнь удобнее. Бери няню настоящую.

Ежели в конце сентября не смогу приехать, все-таки приеду при первой возможности.

У нас, в отряде, сегодня много раненых. Был большой обстрел и, между прочим, пострадала наша летучка. Снаряд разбил землянку и тяжело ранил нашего санитаря.

Я по-прежнему усердно занимаюсь медициной. Кроме практики, читаю вместе с доктором хирургию, учусь по атласу анатомии и даже вскрываю для упражнения трупы в сделанной наскоро проректорской. Теперь я уже и наркотизирую. Скоро буду делать, должно быть, и маленькие операции самостоятельно. Нужда научит чему хочешь. Неудачную врачиху отправят, кажется, обратно в Минск.

Спешу в операционную. До свидания. Целуй Володьку. Люблю тебя, моя чудесная.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 189. Связь с конвертом не установлена.

[349] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 5 сентября 1916 г. (ст. ст.)

5 сентября 1916

Милый Зоря, без тебя было бы слишком грустно, если бы не сынок наш, Володенька. Сейчас он меня прямо веселил, играя со мной. Заглянет мне в глаза, и для этого низко нагнется так, и потом когда я на него посмотрю, засмеется. Шью на машинке, а он прыгает и смеется. А то начнет меня за волосы трогать и когда я вскину головой, опять хохочет. Вчера было хорошее утро. Мы поехали гулять по солнечной стороне по Садовой ул. <лице> до памятника Пушкину. Завезла я его к Пушкину и вернулись по Средней ул. <лице> домой. Чего только мы не насмотрелись дорогой! И лошади, и собачки, и куры, и поющие петухи, красные, как жар-птицы. Володя, как беляночка, в своей колясочке и белом пальто. Устал, сам прилез на подушку, охотнее поел и хорошо поспал. Вчера была Крушинская. Привезла мне, добрая душа, 5 ф. <унтов> сахару и тебе папиросы. Сегодня был Гессен, о пьесе еще нет определенных сведений.

Сегодня уехали жильцы сверху. Маляр уже белит потолки. Выбрала обои. Все белые. Мне жалко бросать мою квартирку. Новая не такая уютная: в ней нет двух смежных комнат, как у нас твоя и столовая, а, рядом с большой, передняя – две другие не сообщаются между собой. Ну, до зиму проживем, а там видно будет.

Я немного отдохнула теперь с тех пор, как у меня два рабочих.

Ириша очень охотно ухаживает за Володей. Настя также охотно убирает комнаты и стряпает. Я могу уже кое-что шить для Володи.

Люба мне много пишет теперь. Вчера написала и Нюра из Коктебеля. Я собираюсь на пьесу твою. Буду готовить себе белое платье. Со мной хочет идти Крушинская, и я ей обещала место в ложе.

Теперь надо отучить Володю есть ночью и тогда я буду свободна. Мы все тут постыдно заняты вопросом о еде, дровах, квартире. Противно это. Очень беспокоюсь о тебе. Хорошее ли у тебя самочувствие. Не устаешь ли ты от работы? Берегись от простуды. Мы будем о тебе молиться.

Целую тебя, родной. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 40 — 42. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 6/IX-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [5 сентября 1916].

[350] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 5 сентября 1916 г. (ст. ст.)

5 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Бога ради, пиши мне ежедневно. Я получаю твои письма на пятый-шестой день и, кажется, довольно точно. Удивляюсь очень, что ты до сих пор не посоветовалась с врачом. Не надо медлить. То, что Володя бледный, дело натуральное после коклюша и при худой погоде: поправится, Бог даст.

Я чувствую себя хорошо. Совсем не кашляю, а между тем вокруг болота, в нашем помещении сыровато, в отряде несколько тифозных больных, иные из персонала (и медицинского) лежат в тифе и дизентерии. Кроме медицинских на меня возложены еще некоторые обязанности, напр.<имер>, библиотечные заботы: я подготавливаю библиотеку для офицеров и солдат. Целую Володю и тебя нежно.

Твой Георгий.

Сейчас привезли шестьдесят раненых. Была атака немцев и наша контратака. Везут еще.

За вырезки не плати: сам заплачу, а Яценко – все равно, как найдешь удобнее.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 190-190об. Открытка. На обороте адрес: Пер.<едовая> Действующая Армия. Е<е>В<ысоко>Б<лагородию> Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 47. Царское село. Почтовый штемпель: «6/IX-1916».

[351] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 5 сентября 1916 г. (ст. ст.)

5 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Твое письмо от 31 августа меня огорчило. Ты как будто полемизируешь со мной и обижаешься, и иронизируешь. Какая такая «нотация»?

Вот здоровье твое, очевидно, неважно, а ты медлишь идти к врачу и меня успокоить или, по крайней мере, известить о том, как и что у тебя там с болями в спине.

Все это меня очень волнует.

А у нас вчера и сегодня большая, очень большая работа. По-видимому, немцы наступают весьма яростно. Атаки их были отбиты, но они подходили вплотную к нашим окопам. У нас с утра до ночи идет работа в операционной и перевязочной. Сегодня, между прочим, ампутировали руку нашему раненому санитару: это первая жертва в нашем отряде при мне.

Глупых рецензий о «Метели», пожалуйста, мне не присылай. Присылай из газетных вырезок только все фактическое, деловое или значительное по существу. Целую тебя нежно. Надечка! Я тебя очень люблю и пишу и писал тебе не «нотацию», а то, что было на душе, как единственному моему другу.

Целуй милого Володьку.

Твой Георгий.

«Невестой» моей я интересуюсь в связи с театром и постановкой главным образом потому, что возлагаю на театр некоторые надежды материальные: ведь, наши дела не так уже хорошо устроены, чтобы махнуть рукой на такие возможности. От «Невесты» моей я не отрекаюсь, но не очень очарован тем, что она идет в Александринке: ты это должна и сама знать.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 191-192. Связь с конвертом не установлена.

[352] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 7 сентября 1916 г. (ст. ст.)

7 сентября 1916.

Милый Георгий, мне как-то неловко тебе писать теперь. Пишу все о себе, о своих невзгодах и только. Такая у меня пустая голова. Одна мысль, одна забота – Володя. Завтра обещал быть Герасимович. Хочу его спросить о кормлении и режиме вообще Володином. Покровский как-то вяло отзывается на все мои вопросы. Володя неохотно ест и питается больше грудью. Он такой бледненький, что я не могу быть спокойной, глядя на него. Опять дожди и снова мы в тюрьме – без воздуха. На днях перебираюсь наверх. Ты советуешь *взять* квартиру в 4 комн.<аты> и ванну. В том то и дело, что *ни одной* квартиры нет в Царском, нигде <билетиков> нет. Все передают как-то по знакомству и незаметно. Глядишь, переезжают одни, и сейчас же приехали другие. Бесплезно жалеть о прошлом, но все-таки еще раз скажу, что надо было раньше менять квартиру. Рада, что ты занимаешься медициной. Авось, к тому времени, как Володю будем учить, ты еще не забудешь анатомию и будешь ему рассказывать о ней. Отчего ты перестал мне писать в форме дневника? Это было так хорошо. Пиши о солдатах и вообще о раненых воинах. Получил ли ты уже одеяло? Я послала тебе папиросы и зеркало. Теперь думаю послать стельки в сапоги и наколенники. Для последних еще не время, пожалуй, но ты их сохрани до холода. Перерасход мой невелик. Я истратила до сегодня 250 рублей. В этом месяце я купила кровать Володе – 27 р.<ублей> и три раза доктор по 3 р.<убля> – 9 р.<ублей>. Лекарств и прикорм Володе рублей 10-12. Поиски няни и плата ей за несколько дней 10-12 руб.<лей>. Тебе туфли и папиросы 10 р.<ублей>. А на хозяйство мне было бы достаточно и 150 руб.<лей>, самое большое 200 р.<ублей>. Карточки на сахар я потеряла, но мне выдали вторично их. Очень хочу видеть Истому, чтобы порасспросить ее о тебе и твоей жизни. Очень хочу видеть тебя, мой родной. Поцеловать твои глаза. А пока целую глаза твоего сынка.

Храни тебя Создатель!

Твоя Надя.

P.S. В последнем письме я послала тебе снимки с Володи.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 43 — 45. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 8/IX-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [7 сентября 1916].

[353] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 8 сентября 1916 г. (ст. ст.)

8 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Это письмо отвезет в Петроград Яков Борисович Лившиц, журналист из «Речи». Он работал в нашем отряде. Может быть, он заедет к тебе в Царское.

Толк твоего письма от 31 числа, где ты пишешь, что «завтра» пойдешь к врачу и немедленно сообщишь мне о результатах этого совещания, я не получал от тебя вестей, и это меня очень беспокоит. Не ленись писать мне каждый день. Умоляю тебя.

У меня все по-старому. Из условий здешней жизни самое мучительное, пожалуй, это то, что вовсе нет уединения. В небольшой комнате помещается нас трое: Уполномоченный А.<лексей> А.<лексеевич> Дуров, Лившиц и я. С утра до ночи хлопает дверь и приходят заведующие отделами с бумагами. Только после двенадцати часов ночи можно сесть за стол, чтобы что-нибудь написать. Тогда все спят. Но долго работать нельзя: в половине седьмого утра я уже на ногах: в восемь часов начинается работа в перевязочной.

Пиши мне, пожалуйста. А если случится что-нибудь экстренное, телеграфируй. Адрес для телеграммы: Действующая Армия. Штаб корпуса 35. Первый Сибирский Отряд. Георгию Чулкову.

Какой теперь мой Володька?

Целую тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 193. Связь с конвертом не установлена.

[354] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 8 сентября 1916 г. (ст. ст.)

8 сентября 1916.

Вечер.

Дорогая Надя!

Получил сейчас сразу два твоих письма от 1 и 3 сентября. Эти письма меня утешили. Слава Богу, что нет ничего страшного и угрожающего в твоей болезни.

Подробности о Володе все мне кажутся трогательными. Пиши мне все, всякие мелочи.

Значит, десятого сентября ты перебираешься вверх? Хорошо бы приехать мне в нашу новую квартиру уже налаженную. Я приеду на недолгий срок – вероятно, на неделю. У меня будет тьма дел, но все-таки я хочу и эти пять-шесть дней использовать для того, чтобы закончить пьесу, которую начал в Финляндии и продолжаю здесь.

Кроме этой пьесы ничего не писал. Но зато у меня теперь есть богатейший материал для большого романа о войне. Мне так важно было пожить с людьми, нелитературными, прикоснуться к душам простым и для меня новым. И вся обстановка необычайна, ты понимаешь. А мне, ведь, предстоит здесь, на войне, и зимовать и весну встретить и лето прожить: едва ли война кончится раньше осени, может быть, даже поздней.

Если «Невесту» не снимут с репертуара тотчас же после первого представления, эта пьеса может нас поддержать материально. Вообще не унывай: жизнь наша наладится. Мое теперь официальное звание, между прочим, помощник уполномоченного Первого Передового Сибирского Отряда.

Это звание обеспечивает меня от солдатчины, если меня не призовут *раньше первого ноября*. Если меня призовут до первого ноября, я должен идти в солдаты рядовым; если же после первого ноября, я остаюсь на службе Союза Городов.

Дело в том, что освобождаются от солдатчины так называемые «незаменимые специалисты», если они прослужили в Союзе не менее трех месяцев. Я служу с первого августа.

Хотя я числюсь помощником уполномоченного, но по-прежнему главная моя работа – медицинская. Теперь я очень занят.

Ты спрашиваешь, с кем я переписываюсь. Одно письмо написал Лосевой и получил от нее сегодня очень любезное, или вернее, доброе и нежное послание. Одно письмо послал Крушинской и сегодня же получил от нее незначительное и короткое письмо. Писал трижды Ященко, один раз

Гессену, но ответа от него не получил. Как же он поступил с «Невестой»? Если она не устроена, достань непременно у него рукописи. Это необходимо сделать поскорее, чтобы она была у тебя в руках.

Целую тебя и Володю нежно.

Очень тебя люблю, моя чудесная Надька.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 194-194об. Связь с конвертом не установлена.

[355] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 9 сентября 1916 г. (ст. ст.)

9 сентября 1916

Милый Зоря, мучаюсь я ужасно за тебя. Что же это такое? Тиф и дизентерия! Ради Бога, берегись. Чего бы послать тебе не придумаю. Я не знаю, как ты питаешься. Зябнешь, наверное, очень? Вчера был Герасимович. Нашел у Володи малокровие и велел усиленно его кормить, а от груди отнять потому, что молоко мое, видно, не в пользу ему: уж очень я беспокойна. Дал ему железо, велел давать бульон, яйцо, пюре ячменный, бисквит, каши и кисели.

Сегодня гуляли в парке, но погода все еще неблагоприятная для прогулок, и я каждый раз думаю, что простужаю Володю.

Вчера гуляли с Иришей и Володей у дома, где жил Пушкин. Я рассказала Ирише о Пушкине и о его няньке, и она и говорит: – «Вот и у Володи нянька Арина и он будет таким же, как Пушкин».

Володя посылает тебе цветок и листья, которые он сам сорвал в парке.

Целую тебя нежно и молю Бога о тебе, родной мой.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 46 — 47. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 9/IX-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [9 сентября 1916].

[356] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 10 сентября 1916 г. (ст. ст.)

10 сентября 1916

Милый Зоря, сегодня нет от тебя письма и это меня тревожит очень. Я часто получаю по два письма сразу, а то два дня ни одного. Я все время одна. Никто из знакомых не навещает меня, кроме Гессен, но это мне приносит мало радости. Автамонова больна и, кажется, серьезно: у нее все лихорадка. Крушинская очень теперь занята. Яценко совсем притихли и не дают о себе знать. Хорошо бы, если бы приехала твоя знакомая дама, г-жа Истомина, хоть бы я могла слово сказать с кем, кроме Ириши.

Квартира почти готова. Там светлее и суше, но теснее почему-то. И все таки я могла бы дать маленькую комнатку Истоминой, на первое время, хоть бы. Сама я буду в большой с Володей. Няни пока опять нет. Хохлушка сегодня заявила, что едет в Петроград. Опять одна Ириша остается, а Гессеновская няня остается у них. Но я за эту неделю все-таки отдохнула и приучила Володю не есть по ночам, и это очень облегчает мне существование. Скоро думаю отнять от груди. Завтра ему девять месяцев.

Я все получаю вырезки с заметками о «Невесте». В «Петрогр.<адской> Газете» сказано, что Лаврентьев получил от тебя письмо, в котор.<ом> ты пишешь, что вряд ли приедешь на первое

представление, и что ты работаешь на фронте. В Московских газетах тоже все знакомили публику с содержанием пьесы, но о Малом театре ничего не пишут. Мое здоровье, кажется, хорошо. Ястребов ничего не нашел у меня. «Все прекрасно», – сказал он. Значит, никакого лечения не предстоит, слава Богу. От боли в спине я не лечусь, и так пройдет. Вот перестану кормить, тогда совсем отдохну и поправлюсь.

Володя сегодня гулял и опять сильно кашляет. Погода гнусная. Когда же ты его увидишь? И меня тоже?

Целую тебя. Храни тебя Бог.

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 48 — 50. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 11/IX-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [10 сентября 1916].

[357] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 11 сентября 1916 г. (ст. ст.)

11 сентября 1916

Милый Зоря, сегодня ты пишешь, что, может быть, приедешь в конце сентября на неделю. Очень буду теперь ждать тебя. Пишут, что «Невеста» пойдет в 19 сентября, через неделю. Я не успею сделать себе платье, да и Володю не на кого оставить. Очень мне горько, если не придется увидеть твоей пьесы. Нет ни души, кто помог бы мне сейчас уехать в Петроград за няней.

Прости, родной, что все пишу тебе неинтересное. Часто вижу тебя во сне. Тревожусь за тебя ужасно. «А он, мятежный, ищет бури...»

Как-то ты переносишь эти ливни? Промокает, небось, твой плащ. Не размокли ли твои сапоги и штиблеты? Мои, что в Финляндии купили, уже совсем износила в один месяц. Вот жулики-то.

Кланяется тебе Левинский. Я встретила его сегодня. Говорят, что Штильман, бедный умирает от саркомы.

Я писала уже тебе, что Ястребов ничего опасного у меня не нашел. Все мои болезни от переутомления, от бессонных ночей. До сих пор не сплю ни одной ночи без того, чтобы не встать раз шесть-восемь. К утру разбитая совсем.

Будь здоров и береги себя для нас.

Целую тебя. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 51 — 52. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 12/IX-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [11 сентября 1916].

[358] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 22 сентября 1916 г. (ст. ст.)

22 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Необходимо пойти в Царскосельском отделение торг.<ово>-пром.<ышленного> банка к страховому агенту и заявить о перемене квартиры. Это надо сделать незамедлительно. Прилагаю свидетельство.

Посылаю заявление о прекращении высылки мне вырезки. Можно заплатить им по счету. Я сейчас не могу, потому что мне пришлось заплатить 37 руб.<лей> по поручению доктора за книги и боюсь, что в дороге буду бедствовать. Но все это не экстренно.

Билет достал. Уезжаю в 10 ч.<асов> вечера. Едва успел сделать то, что надо.

Ты моя чудесная. Будь умницей, не унывай. Возьми няню. Не скупись на жалование ей.

Сообщи, когда получишь деньги от Евген.<ия> Александр.<овича> Ляцкого (Фонтанка, 80, книгоизд.<ательство> «Огни»). Сообщай мне о числе спектаклей: авось, еще раз пять пройдет пьеса.

Целую Володьку и тебя.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 195. Связь с конвертом не установлена. На бумаге с водным знаком, неразборчивым.

[359] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 26 сентября 1916 г. (ст. ст.)

26 сентября 1916.

Дорогая Надя!

Вот и первый мой день в отряде после возвращения. Теперь все у меня одна забота – это вопрос о том, останусь я или не останусь здесь. Положение мое очень неопределенное, несмотря на искреннее, по-видимому, желание уполномоченного А.<лексея> А.<лексеевича> Дурова сохранить меня, как помощника и заведующего медицинской частью. Я здесь нужен, а в другом месте буду, пожалуй, бесполезен. Возбуждено соответствующее ходатайство. Его поддержит фронтовой комитет. В Минске меня подвергли медицинскому осмотру в комитете. Раевский нашел у меня все признаки бывшего и еще не ликвидированного процесса в обоих верхушках, последствия пневмонии и плеврита, а также нервоз сердца весьма серьезный.

Это уже последнее было для меня неожиданностью в известной мере. Но все это еще не гарантия, что я буду продолжить свою работу в отряде. Неопределенность моего положения будет, вероятно, длиться немало времени, может быть, месяц. Не знаю, чем все это кончится. Ты, ведь, понимаешь, как это важно.

В отряде у нас новая женщина-врач, кажется, дельная.

К тебе проедет в Царское на некоторое время Мария Степановна Истомина. Будь с ней добра. Это очень нужно. И я думаю, что тебе это будет нетрудно. Не возлагай только на нее слишком больших надежд. Отнюдь ничего не бери с ней за стол и квартиру, если она не будет жить постоянно и прочно.

Целую тебя и Володьку.

Твой Георгий.

Надя! Я чувствую сейчас предельное утомление: это все – неопределенность моего положения и неизвестность, останусь ли я в нашем отряде. Ничего неизвестно. Это – ей Богу – ужасно.

Умоляю тебя, пиши мне.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 196-197. Связь с конвертом не установлена. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке.

[360] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 30 сентября 1916 г. (ст. ст.)

30 сентября 1916.

Дорогой Георгий, очень я устала и потому неаккуратно пишу тебе. Даже с нянькой едва едва управляемся: такой сорванец стал наш мальчишка. Но все-таки теперь я оживаю.

Нового ничего нет. Заявление о перемене квартиры страховому агенту я отослала. Ляцкому я еще не писала. Завтра напишу или скажу по телефону.

Книги твои – «Сатану», «Пустыня» и «Сережу Нестроева» я отсылаю завтра заказной бандеролью.

Квартиру привела в порядок, замазала окна на зиму. Буду рада познакомиться с Марьей Степановной. У меня никого еще не было. Завтра жду Крушинскую. Написала я дядюшке и Любе. Получил ли ты туфли и белье? Что еще тебе выслать? Нужен ли шоколад, какао или табак? Не бросить ли тебе курить?

От сегодняшнего твоего письма у меня сердце болит. Мучительна эта неизвестность. Волнуюсь за сердце твое. Устал ты, родной мой. Целую тебя нежно в милые глаза.

Будь здоров, береги себя для нас. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 53 — 54. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 1/Х-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [1 октября 1916].

[361]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 1 октября 1916 г. (ст. ст.)

[30 сентября 1916.]

1 октября 1916.

Дорогая моя Надя!

Не писал тебе два дня, потому что было мрачно и тревожно на душе. Сегодня почему-то я успокоился. Служили у нас обедню по случаю Покрова Богородицы, и за обедней я вдруг почувствовал, что все суета сует, и что не надо думать о завтрашнем дне: будет что будет.

Я еще до сих пор не приступал к моим медицинским занятиям, даже не заходил в перевязочную: все время исполнил обязанности уполномоченного. Выдавал деньги, проверял счета, подписывал приказы и все прочее. Ко всему человек приспосаблиется.

Об оставлении меня в отряде возбуждено ходатайство нашим уполномоченным и Комитетом Западного Фронта. Теперь все зависит от Московского Комитета и – главное – от Штаба. Протянется эта история, быть может, месяц.

Дивная моя Надя! Очень тебя люблю. Твое письмо от 26 сентября меня утешило. Слава Богу, что Володя здоров. А как няня? Не разочаровалась ли ты в ней?

Ах, поскорее бы разбить нам треклятых немцев! Мне даже не верится, что когда-то были дни, когда можно было не думать о войне, не чувствовать все время этого невероятного напряжения, этого предельного ужаса, охватившего весь мир.

Я живу опять на людях. Нас опять трое в комнате. Сегодня приехал еще товарищ уполномоченного. Я – признаюсь – устал от общества чужих людей. Но все же это легчайшее иго, когда подумаешь об Ином.

Но такой жажде своего угла, как в эти дни, у меня еще никогда не было.

Родная моя, люблю тебя. Поцелуй за меня Володю понежнее.

Твой Георгий.

Твоей посылки с туфлями я еще не получал. Туфли мне нужны, а белье у меня много. Я ума не приложу, как мне сократить число вещей моих. Я пошлю, вероятно, корзинку с лишним бельем и еще кое с чем обратно в Царское из Минска, а то беда.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 198-199. Связь с конвертом не установлена. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке.

[362] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 2 октября 1916 г. (ст. ст.)

2 октября 1916

Милый мой Зоря, что такое с тобой? Неужели ты не можешь относиться спокойнее к своему положению? Мне ужасно грустно за тебя. Но я не умею ободрять и успокаивать тебя, родной. Я теперь несколько отдохнула и успокоилась. Квартира наша, видимо, на пользу Володеньке. Он порозовел. Я уже вторые сутки не кормлю его грудью. Он, бедный, так тоскует, что сердце болит за него. И самой мне очень тяжело. Грудь болит так, что вся я точно разбитая. И лихорадит, и голова болит. Надеюсь, что дня через два будет легче. И вообще отнятие от груди мне очень тяжело. Сесиль Саваж хорошо это рассказала – эту первую разлуку навсегда. Володя теперь так и цепляется за меня ручонками, в восторге, когда я беру его на руках и кричит благим матом, когда его берут от меня.

Книги я отослала. Туфли тоже отослала еще давно.

Тут есть письмо от дядюшки, я его тебе посылаю. Может ты примешь к сведению совет его относительно Корша. «Невеста» прошла пять раз и шестой назначена на воскресенье 9-го октября. На этой неделе идут все через день «Два брата». Читал ли ты, как жестоко изругал Бенуа за «Грозу» Мейерхольда? Я вполне согласна с Бенуа на этот счет. Не верю я в *raison d'être* этого режиссера.

Вчера была у меня Крушинская. Няня моя хорошая. Любит Володеньку и довольно опрятная. Я мучаюсь тем, что возьму няню и так трудно жить, а тут еще такой расход, но, право, не могу сейчас справиться одна.

Ты можешь теперь давать мне поручения и в Петроград. Я изредка могу ездить, т.к. этой няне я доверяю Володю без боязни.

Будь здоров, дорогой и не очень волнуйся. Я уверена, что все устроится хорошо.

Целую тебя и люблю. Надя.

Володя сейчас сладко спит в кровати.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 55 — 57. На конверте адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 4/X-1916».

[363] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 3 октября 1916 г. (ст. ст.)

3 октября 1916.

Дорогая моя Надя!

Это письмо вручит тебе Мария Степановна Истомина, жена моего патрона, нашего старшего врача Ивана Александровича.

Ты уже ее знаешь по моей характеристике. Она тебе расскажет обо мне и о нашем отряде, как свидетельница нашей жизни.

Из газет я узнал, что девятого октября будет шестое представление «Невесты». Значит, на худой конец уже покрыт все-таки мой аванс (700 р.<ублей>) и осталось еще на твою долю рублей 250, т.е. то, что нужно на месяц жизни. Это на случай, ежели почему-либо Евгении Александрович Ляцкий будет медлить с вручением тебе денег из кредитного учреждения. Напомни ему об этом по телефону 252-56, или лучше по телефону 403-53. Адрес: Фонтанка, 80, изд.<ательство> «Огни».

Заявила ли ты страховому агенту о переезде на новую квартиру?

Напиши мне поскорее о финансах и о страховке.

Мне поручают устроить для солдат и офицеров спектакль – вероятно, «Женитьбу» Гоголя. Я не мог отказаться по многим причинам, но, по правде сказать, мне это тяжело: не до спектакля мне сейчас. Надеюсь, что эта затея погаснет как-нибудь сама собой.

У нас усиленно готовятся к зимовке. Строят новую перевязочную и уже сделали большую землянку, а между тем в ведомстве, от которого мы зависим, имеется настроение не очень к нам дружелюбное. Нас ограничивают в наших правах и деятельности – иногда – без достаточных оснований. Возможно, что это лишь местное явление. Затишье на нашем фронте способствует обострению отношений. Была бы работа, не было бы и этих интриги и придирок. Это очень тяжело. Наш отряд, быть может, будет хлопотать о переходе на другие более боевые места, и возможно, что мы бросим наши жилища и потянемся куда-нибудь в иное место.

Мое положение – неопределенное. Я по-прежнему – помощник уполномоченного и, как таковой, остаюсь в действующей армии, и по-прежнему работаю в перевязочной. Обо мне возбуждено ходатайство нашим уполномоченным и фронтовым комитетом, но движение моего дела медленное. Чем все это кончится, не знаю. Если ходатайство не будет удовлетворено, я, вероятно, возвращусь в Петроград и явлюсь к Царскосельскому воинскому начальнику или просто запишусь *охотником на нравах вольноопределяющегося* в Измайловский полк, если только полковник Данильченко меня примет. Мне не хочется до весны сидеть в окопах на фронте. Войны все равно сейчас настоящей нет, а я зимой не выдержу окопной жизни, и в первые недели меня отправят в лазарет. А если я поступлю в Измайловский полк, то попаду на фронт не ранее весны, я думаю. Впрочем, может быть, ходатайство мое будет удовлетворено.

Очень тебя люблю, моя хорошая. Скучаю очень без тебя и без Володьки. Он, ведь, очаровательный?

Целую тебя. Твой Георгий.

P.S. Пришли или лучше передай Марии Степановне *французского* Туссена. Она перешлет его, если она сама его не купит и не успеет выслать до свидания с тобой.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 200 — 204. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 49. *Царское село*. На конверте пометка, внесенная карандашом рукой Надежды Григорьевны: [3 окт.<ября> <19>16].

[364]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 4 октября 1916 г. (ст. ст.)

4 октября 1916.

Дорогая Надя!

У нас в комнате с утра до ночи такая суeta и толкотня, что у меня нет времени не только писать что-либо для себя, но даже не могу найти минуты, чтобы сесть за письмо.

А почему от тебя нет писем? Я получил пока только одно. Пиши мне, Бога ради.

Ах, какое унылое сейчас небо над Полонечками. Раненых почти нет. Работы мало. Все мечтают о южном фронте, где нет безработицы для хирургов. А между тем мы воздвигаем зимние постройки.

У меня складывается в голове роман из жизни на фронте. Вижу немало чудачков. Но когда я смогу писать его!

Вот если меня переведут в комнату к доктору и мы будем с ним вдвоем, я, вероятно, буду писать и кончу прежде всего пьесу.

Сумбатов известил меня, что в этом сезоне в Москве «Невеста» не пойдет, а пойдет она в следующем сезоне тоже неизвестно: это решится в апреле. Трудно отсюда устраивать дела. Ведь, обидно, что даже не напечатали нигде «Невесты». Надо самому быть на месте.

Целую тебя, моя чудесная. Нельзя ли сделать хороший настоящий фотографический снимок с Володьки?

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 205-206. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[365] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 7 октября 1916 г. (ст. ст.)

7 октября 1916

Милый Зоря, в последнем твоём письме ты спрашиваешь, получила ли я деньги. Нет еще, но Ляцкий сказал, что скоро получит их и вышлет мне по почте. Письмо твое из Петрограда со свидетельством я получила и, в тот же день, заявила о перемене квартиры.

В няне я *не* разочаровалась. Володя теперь в хороших руках и любит свою няньку достаточно. Не ноет и не плачет, как раньше. Ест хорошо, охотно. Совсем уже забыл свое прежнее питание и не так огорчается, когда я его передаю на руки няне. Он очень поздоровел и стал многое понимать. Чудесно делает «сорока кашу варила».

«Невеста» прошла шесть раз. На этой неделе она не включена в репертуар. Надеюсь, что скоро ее опять будут ставить. Стоит ли мне теперь ехать за получением денег? Из театра?

Как же ты оделся на зиму? Все ли успел купить? Пришли мне лишние вещи с Истоминой. Разве нельзя? Почему она не едет?

Вчера ездила я в Петроград немного проветриться. Говорила по телефону от Крушинской со Щеголевым. У В.<алентины>А.<ндреевны> дифтерит и она будет лежать еще две недели. А Штильман совсем плох. Я тоже говорила с Марьей Моисеевной по телефону и просила передать привет Григорию Николаевичу.

Ко мне приходила моя новая соседка из нашей прежней квартиры и сидела целый вечер. Славная женщина! Она сама фельдшерница. Муж ее доктор, с начала войны на войне. Был уже ранен. На войне же и сын – тоже доктор. 22 года они – муж и жена – служили в Земстве в Смоленской губернии, а теперь одна там соскучилась и решила переехать для детей –еще четверо – сюда.

Я рада, что она тут со мной. Предлагает оставаться без меня с Володей и всякие подобные услуги. Тут два дня идет снег, но не холодно. Вообще я позорно предаюсь отдыху и даже лени. Встаю от долгого утомления и одурения. Спасибо тебе родной и прости меня! Скоро буду совсем здоровой и бодрой. Сегодня получила письмо от Тани Полиевктовой. Она в Петрограде и хочет приехать ко мне.

Очень рада, что настроение у тебя прояснилось немного. Дай Бог поскорее успокоиться от этой неизвестности!

Целую тебя горячо. Володя сидит тут и смотрит, как я пишу. Пока прощай! Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 58 — 59об. Связь с конвертом не установлена.

[366] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 7 октября 1916 г. (ст. ст.)

7 октября 1916.

Дорогая Надя!

Вчера вернулся из Минска. Ездил туда с уполномоченным по делам отряда. Между прочим, получил официальное удостоверение о том, что ходатайство за меня Союза Городов направлено в соответствующую инстанцию, но результат его пока неизвестен.

Мне пришлось ночевать у Виталия Анатольевича Раевского. Я тебе писал, что он занимает ныне ответственный пост в Комитете Западного Фронта. Раевский мой товарищ по университету. У него я познакомился с сенатором Ивановым, который состоит председателем ревизионной комиссии Союза Городов, и из Минского Комитета должен был поехать для ревизии передовых отрядов нашего фронта.

Сенатор Иванов оказался милейшим и разумным стариком. Я ехал из Минска с ним и с его спутниками. Один из них член Государственной Думы Калугии.

Этот Калугин был нарочито со мной любезен. Даже ухаживал за мной всячески. Он был на первом представлении «Невесты» и говорит, что, когда вернется в Петроград, непременно пойдет смотреть ее опять: такой значительной кажется ему моя драма.

Ревизионная комиссия была и у нас в отряде. По словам Иванова, наш корпусный командир высказывался о деятельности нашего отряда в самых лестных выражениях. Но жизнь и обстоятельства противоречивы, как тебя известно.

Мария Степановна Истомина вчера выехала в Петроград. Она привезет тебе мое письмо.

В каком положении твои финансы? Пиши мне обстоятельнее и чаще.

Целую тебя и Володьку.

Твой Георгий.

От устройства спектакля я пока уклонился: не до того мне теперь – ты понимаешь.

Работы у нас сейчас мало, но все-таки в лазарете имеется семь человек тяжело раненых, пять легко, семь тифозных, два отравленных газами и несколько малярийных и с пневмониями.

Наступают холода. Отопьем избы и палатки. Готовимся к зиме, а, между тем, прошел слух, что нас перебросят в иные места на теплый юг. В отряде все об этом мечтают, но останусь ли я в отряде это еще вопрос.

P.S. Книги, тобой посланные, Раевский получил. Спасибо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 207-208. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[367]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка , 8 октября 1916 г. (ст. ст.)

8 октября 1916.

Дорогая Надя!

Итак Володя стал взрослым мужчиной. Это я заключаю из твоего письма от третьего октября. Прошло ли твое недомогание?

Слава Богу, что няня хорошая. То, что она дорого стоит не беда. Пока, ведь, есть хлеб насущный. О завтрашнем дне едва ли думать надо. Никому ничего неизвестно, что завтра будет.

Положение мое не изменилось пока. Изменится оно или не изменится Бог знает, но я теперь отношусь ко всем возможностям спокойно. Может быть, придется явиться в Петроград, ежели нельзя будет продолжить мои медицинские занятия здесь, в отряде.

Смотри, не бери денег с Истоминой за временное пребывание в Царском. Если она поселится на несколько месяцев, тогда иное дело.

Очень скучаю без тебя и Володьки. Хочу вас видеть, моих милых.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 209-210. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[368] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 15 октября 1916 г. (ст. ст.)

Москва
15 октября 1916.

Дорогая Надя!

Я в Москве. Меня командировал отряд, чтобы уладить мобилизационные дела: возбужден ряд ходатайств о необходимейших отряду сотрудниках. Все это очень сложно. Я послал тебе сегодня срочную телеграмму: «Командировали Москву. Скоро тебя увижу. Передай Истоминой – везу ей письма, деньги». Я предполагаю, что Истомина Мария Степановна у тебя в Царском. И на этот случай предупреждаю. Дело в том, что доктор, ее супруг, просил меня передать ей *до ее отъезда в Пермь* семисот рублей, а между тем я могу задержаться в Москве, чего я не ожидал.

Сам не знаю еще, сколько времени пробуду в Москве: может быть, день, может быть, два, а может быть, и больше.

Дней через пять я во всяком случае буду в Петрограде. Увидимся. Поцелую милые твои руки и Володины пятки.

Остановлюсь я в Петрограде, а не в Царском, но приезжать буду к тебе каждый день. Но недолго останусь здесь, в тылу: скоро опять назад, если не случится изменения в моей судьбе.

Я очень устал от всех этих неопределенностей, но духом бодр.

Неприятно, что «Невесту», если верить газетам, сняли с репертуара после шестого представления. Это расстраивает и без того неважные наши дела. Но и на сей раз унывать не надо. «Взгляните на птиц небесных»...

Чудесная моя, прекрасная – устала ты, я знаю, но потерпи.

Люблю тебя. Твой Георгий.

Я остановился у Любы, но, если задержусь, перееду, пожалуй, к дядюшке: он обижается, что я не у него остановился.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 211-212. Связь с конвертом не установлена.

[369] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 15 ноября 1916 г. (ст. ст.)

15 XI 1916.

Милый Георгий, была у меня Мария Степановна два дня и уехала опять в Петроград. Она мне рассказала кое-что о жизни там у вас, на фронте. Она была в театре на «Невесте» и говорит, что театр был полон и публика вызывала пять раз Аполлонского. Еще говорит, что читала в Биржевке будто было заседание театр.<ального> комитета и решено пьесу твою не снимать с репертуара. Был еще у меня какой-то Мих.<аил> Михайлович, заведующий хозяйством в летучке, кажется. Володя охотно хотел к нему на руки, после чего Мих.<аил> Мих.<айлович> стал выражать желание иметь такого мальчишку. Марья Степановна все время нянчилась с Володей и надарила ему игрушек.

Я очень грущу и волнуюсь по поводу твоей судьбы. Что же будет? Понемногу «отхожу», высыпаюсь и отдыхаю. Обшиваю теперь Володю. Готовлю ему белье и платья.

Люба мне пишет, но ни дядюшка, ни тетушка ни строчки не написали.

Деньги я получила – 662,85 и заплатила за квартиру и положила в кассу 500. На руках у меня 50 руб.<лей> – Всего, значит:

В кассе 500

В банке 100

На руках 50

650 руб.<лей>

Мар.<ья> Ст.<епановна> говорит, что у вас там нет «Речи». Я буду посылать ее тебе теперь. Если это не нужно, напиши и я прекращу высылку.

Целую тебя, родной.

Будь здоров.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 60-61. Связь с конвертом не установлена.

[370] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 6 октября 1916 г. (ст. ст.)

6 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Я доехал благополучно до Минска, видел там В.<италия> А.<натольевича> Раевского, ужинал с ним и беседовал мирно. Он мне сам предложил в январе из отряда перебраться в Минске на службу. Говорит, что считает меня нужным человеком. Но мало ли что еще может произойти до января!

В отряде у нас события: уехали оба уполномоченные – и старый Дуров, и новый Огородников. Во главе отряда товарищ уполномоченного Макарова, но и он должен на-днях уехать. Кандидатами на управление отряда являются двое: вновь прибывший присяжн.<ый> поверенный Александров и я. Положение в отряде сейчас очень *сложное* и я боюсь брать на себя роль правителя, но и отказаться не решусь, если почему -ибо нельзя будет передать бразды власти этому Александрову.

В комнате Ив.<ана> Ал.<ександровича> Истомина нашего живет сейчас Александров. Я пока живу с Макаровым. О работе для себя при таких обстоятельствах не приходится думать. Но все уладится, надеюсь.

Не унывай, моя дорогая, моя чудесная. Надо потерпеть. Одолеем все трудности.

Люблю тебя очень. Вижу во сне Володю. Пиши мне, пожалуйста. Я нашел в отряде три твоих письма. Прочел их с наслаждением.

Целую тебя.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 213-214. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[371] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 7 декабря 1916 г. (ст. ст.)

7 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Я уже писал тебе, что у нас в отряде междуцарствие. Кто у нас будет уполномоченным – неизвестно. К сожалению, я не могу рассказать тебе в письме обо всех обстоятельствах моей жизни в отряде.

Одно только ясно: при таком положении вещей, как сейчас, едва ли возможно будет продолжать мне мою прежнюю работу. И не знаю, что будет со мной после первого января. Быть может, я получу новые права и останусь уполномоченным при армии; быть может, буду жить и работать в Минске; наконец, не исключена возможность оказаться на службе военной. Я и с последним обстоятельством, с последней возможностью примирился: только ты, пожалуйста, не падай духом. У меня настроение не плохое, хотя сейчас жизнь идет не очень гладко и ладно. На днях многое выяснится.

Мое письмо, пожалуй, придет в день рождения Володи. Поцелуй милого моего мальчугана. Я, признаюсь, люблю его и даже очень. И тебя целую нежно, моя родная, моя чудесная.

У нас здесь, в Полонечке, снег. Завтра по зимней дороге поеду в летучку. Незаметно промелькнут месяцы и мы опять будем вместе. Ты подумай, как это будет хорошо. Ты увидишь, как я буду работать.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 215-216. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[372] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 8 декабря 1916 г. (ст. ст.)

8 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Поздравляю тебя с нашим праздником и целую годовалого Володя. Подари ему какую-нибудь приятную штуку и скажи, что это прислал папа.

Пиши мне, Бога ради, почаще. Я живу пока, ничего не делаю. По некоторым причинам я не работаю теперь по медицинской части, но скоро, вероятно, на мне будет большая работа и весьма ответственная, или я буду работать уже в ином месте. С доктором у меня по прежнему лады и я учу его французскому языку.

У нас, в отряде, теперь много бывает офицеров. Мной созданная библиотечка имеет огромный успех. Нужны очень книги. При случае доставай книги и отправляй небольшими посылками.

Пока пришли, пожалуйста, три экземпляра «Сатаны» и те из издания «Шиповника» (книги две), которые я оставил на столе. Если остались двойные экземпляры «Судьба России», пришли один.

Попроси книг у Ев.<гения> Алекс.<андровича> Ляцкого. Он обещал. Нужна беллетристика и мемуары. Попроси также книги у Анастасии Никол.<аевны> Чеботаревской – сочинения Сологуба и кого она может достать. Если есть что-нибудь в двух-трех экземплярах, тем лучше.

Все это надо сделать поскорее. Не давай только поручение Крушинской.

Любящий тебя очень

Георгий.

Посылай на мое имя: Полев.<ая> Почт.<овая> контора 137. Перв.<ый> Сиб.<ирский> Отряд. Движущаяся Армия.

Адрес для телеграмм: Дармия. Штаб 35 корпуса. Первый Сибирский отряд. Чулкову.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 217-218. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[373] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 10 декабря 1916 г. (ст. ст.)

10 декабря 1916.

Милый Зоря, я волнуюсь за тебя. Отчего нет писем?

Вчера отнесла Дризену пьесу и прошение. Просил приехать за пьесой в середине будущей недели. Он тебе кланяется.

Корректуры еще нет ни от Лемана, ни от Городецкого. Из «Сев.<ерных> Дней» пишут мне, что «корректурa послана не мне и не моя, а Ремизова и для Ремизова», а что Метель еще не набрана.

Вчера была у меня Истомина. Ночевала и сегодня уехала. Ждет мужа.

Научи, к кому мне еще пойти с твоими книгами.

Завтра Володино рождение. Я купила ему книжку с картинками. Он все твердит «папа». Досадно, что ты не слышишь. Теперь уже совершенно сознательно говорит, когда его попросишь сказать. Рожица становится все выразительнее с каждым днем. Завтра будет пирог и гости.

Прощай мой милый, любимый.

Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 62-62об. Связь с конвертом не установлена.

[374] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Полонечка, 10 декабря 1916 г. (ст. ст.)

10 декабря 1916.

Дорогая Надя!

От тебя нет писем до сих пор, и это меня очень беспокоит. Мне тут совсем невесело. Едва ли я останусь в этом отряде. Должно быть придется работать в другом месте.

Ах, как теперь всем трудно жить – беда. Но надо терпеть и работать в меру сил. Вчера и сегодня мне пришлось с уполномоченным при армии, Остроумовым, объезжать некоторые отряды Союза Городов. Впечатления я вынем немало. Будет что порассказать. Был я, между прочим, в Несвиж, старинном польском городке, где есть замок и башня, и костел – довольно любопытные.

Целую тебя и Володьку. Умоляю тебя – пиши.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Вчера целая рота немцев пытались перебежать к нам, но их расстреляли свои же – дошло до нас сорок восемь человек. Говорят, что есть нечего. Это знак.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 219. Связь с конвертом не установлена.

[375] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Царское село, 11 декабря 1916 г. (ст. ст.)

11 декабря 1916.

Милый Зоря, сегодня у нас праздник, Володе год. На столе лежит громадный крендель, приготовленный Наташей. Нижняя соседка испекла ему торт. Получены поздравления от Яценко и Автамоновой! Люба шлет игрушки. У Володи новый зубок вверх. Володя весел и нараспев говорит «папа». Я была у Ястребова и советовалась о своем здоровье. Нашел малокровие и дал железо. О работе его спросила, так он сказал, что не знает, как ее достать. Пошла я к Гедройц уже не как к доктору, а просить работы. Прием был до невероятия любезен: благодарила меня за то, что я именно к ней обратилась с этой просьбой. Но какой будет толк, не знаю. Сейчас она на съезде в Москве.

Люба пишет, что у Лосевой был вечер в пользу Ремизова, на нем Андрей Белый поссорился с Бальмонтом. Что это в Москве, как собрание, так скандал!

Пиши мне чаще. Целую тебя.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 63 — 64. На конверте адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора, 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 11/ХІІ-1916». На конверте пометка, внесенная карандашом рукой Надежды Григорьевны: [11 дек.<абр> 1916].

[376]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 12 декабря 1916 г. (ст. ст.)

12 декабря 1916.

Дорогой Георгий, получила от тебя два письма. Тоскую по тебе, и из писем утешения нет. Вчера в день рождения Володи так хотелось, чтобы ты был с нами!

Днем пришла Даманская, принесла игрушку. Потом за нею Гессены – тоже вспомнили, что Володя родился 11-го. Потом Крушинская – игрушка и пирог. Сегодня утром Матильда – наряды и игрушки. Итак Володя торжественно отпраздновал свое рождение. Был весел и доволен. Гуляет он каждый день. Погода теперь самая детская: снежок и маленький морозец, и тихо.

Видно, я останусь в Царском. Боюсь передавать квартиру неизвестным людям. С книгами тоже возня. Корректуры «Метели» до сих пор нет, от Лемана тоже. Перевод подвигается медленно оттого, что нервы у меня очень отзываются на всякие невзгоды. Но все же надеюсь хоть с опозданием, кончу. Нехорошо, что книга мне не очень нравится. Сегодня прочла о смерти Г.<ригория> Н.<иколаевича> Штильмана. Вчера Гессен говорила, что Марья Моисеевна еще до смерти говорила, что она отравится, когда умрет Г.<ригорий> Н.<иколаевич>.

Ко мне собирается приехать на рождество Щеголева.

Люба и Нюра прислали письма. Пока прощай. Целую тебя нежно, дорогой мой. Будь здоров! Храни тебя Бог! Пиши мне чаще. Без тебя я совсем приуныла.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 65-65об. Связь с конвертом не установлена.

[377]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 12 декабря 1916 г. (ст. ст.)

12 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Нет и нет от тебя писем. Меня это волнует. Здоровы ли вы там?

Ежели у вас все благополучно, я справлюсь с моими здешними делами, а мне сейчас нелегко. В письме не расскажешь обо всех осложнениях. Я *пока* работаю в качестве помощника уполномоченного нашего отряда. У меня буквально занят весь день с утра до ночи. Я исполняю фактически обязанности товарища уполномоченного, а между тем прав его не имею. Это трудно. Есть и другое психологическое осложнение.

Ты меня прости, что я бессвязно, но много пишу о моем положении в отряде. Знаешь, «что у кого болит» и так далее. А у меня это болит сейчас.

Я, впрочем, надеюсь, что все уладится. Я написал письмо В.<италию> А.<натолевичу> Раевскому, напоминаю ему, что он звал меня в Минский Комитет, и предлагаю ему себя. Но Раевского сейчас, как и узнал, нет в Минске. Он вернется к Новому году.

Наш товарищ уполномоченного, Макаров, уходит 15 января. Значит, остается Александров в качестве уполномоченного, а я помощником, но это меня «не устраивает», как говорится. Если меня не выберут товарищем, я не останусь в отряде. Обязанности должны соответствовать правам – понимаешь?

Сейчас я не могу вовсе писать: миллионы забот и приходится заниматься дипломатией и мирить строптивых.

Говорит ли что-нибудь Володька? Наверное, меня забыл мальчишка.

Целую тебя, моя дивная.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 220-221. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[378] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 14 декабря 1916 г. (ст. ст.)

14 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Сегодня 14 декабря, а от тебя нет писем. Мне приходит в голову Бог знает что. Зачем ты оставляешь меня без вестей так долго!

Я очень занят, но до сих пор не знаю, останусь ли я в этом отряде. Вчера ездил по делам в летучку, ночевал в блиндаже, можно сказать, «под носам у немцев», но ни немцы, ни крысы, коих было немало, меня не съели.

Целуй Володьку. Здоровы ли вы, мои милые.

Любящий тебя Георгий.

Сегодня послал тебе телеграмму и с волнением жду ответа. Адрес для телеграммы: Дармия. 35 корпус. Первый Сибирский. Чулкову.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 222. Связь с конвертом не установлена.

[379] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 15 декабря 1916 г. (ст. ст.)

15 декабря 1916.

Милый Зоря, сегодня получила твою телеграмму. Как поздно доходят письма. Я тоже очень тревожилась за тебя. У нас все благополучно. Я чувствую себя хорошо. Володя здоров. Гуляет на воздухе. Ест и спит хорошо. Теперь идут сразу три зуба – всего будет пять. Сегодня так плясал, когда я играла ему на балалайке, что прямо уморил нас всех от смеху. «Мама» совсем почти не говорит, только по утрам, остальное время все твердит «папа» и нараспев. Получил много игрушек – все мягкие звери, но по вкусу пришелся только мой подарок, книжка с картинками, где все домашние животные изображены. Любит, когда я ему рассказываю про них и подражаю их крику. Нянька в него влюблена. Кажется, и <дефект оригинала>.

Как ты думаешь устроиться? Пиши мне обо всем. Что будет с нами дальше? Нужно ли мне все-таки переезжать в Москву, или не имеет смысла, если не надолго?

Ко мне хотели приехать Ляцкие посмотреть квартиру. Они хотят поселиться в Царском. Будь здоров. Люблю тебя, родной.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 66 — 66а. На бумаге с водным знаком. На конверте адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 15/XII-1916».

[380] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 16 декабря 1916 г. (ст. ст.)

16 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Слава Богу, что я получил от тебя телеграмму, это первая весть от тебя. Очевидно, письма твои застряли. Я последние три дня очень волновался и мучился, недоумевая, почему ты не пишешь ничего.

Умоляю тебя: пиши мне почаще. Я тоскую без твоих писем. Как твоё здоровье и здоровье Володьки? Заезжала ли ты в «Огни» и о чем была речь? Если Гржебин не может устроить где-нибудь «Невесту», возьми у него экземпляр пьесы.

Я очень занят делами отряда. Жизнь идет однообразно. Вот вчера только наша сестра Н.<ина> А.<лександровна> Колюбакина, дочь убитого на войне депутата, читала или вернее рассказала солдатам и офицерам свои впечатления о немецком плене. Было очень торжественно и трогательно. После чтения оркестр военный играл туш и все кричали ура в честь Колюбакиной и всех наших сестер.

Зовут на работу. Спешу.

Любящий тебя

Георгий.

Я тебе пишу каждый день. Неужели мои письма не доходят?

P.S. Сегодня в Минске едет уполномоченный: на моих руках касса и весь отряд.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 223-224. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[381] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Царское село, 18 декабря 1916 г. (ст. ст.)

18 декабря 1916.

Воскресенье

Милый Зоря, как странно, что письма к тебе так долго доходят. Но теперь ты получил уже телеграмму и успокоился. Володя здоров. Я тоже. Пью теперь железо, выписанное когда-то для тебя Дитрихом, и очень помогает. Во вторник идет «Невеста». Очень хочется посмотреть. Интересно, пойдет ли еще. Пьеса Толстого имела по словам Койранского в «Утро России» «небывалый успех». А Зайцева «Ариадна» никакого успеха не имела.

В «Русск.<ой> Воле» пока поставлены только ближайшие сотрудники – Адрианов, Алексинский, Азов, Амфитеатров, Андреев, Ашешов, Боголепов, Горелов (Гаккебуш), Гримм, Гредескула, Куприн, Муйжель, Тан, Чубинский, Эрве.

«Полный список сотрудников будет объявлен особо». Так сказано в 1-ом номере Р.<усской> В.<оли>.

У меня три первых номера Р.<усской> В.<оли>. В первом письмо Л.<еонида> Андреева – ответ на него Шмелева в «Речи». В третьем стих Амфитеатрова – в нем он вышучивает магистров.

Сегодня ко мне никто не приехал. А погода дивная. Солнце и мороз. Деревья все в инее. Очень красиво. Но мороз сильный, и я с Володей не гуляю эти дни.

Сердце болит за тебя, родной! Трудно тебе? Пиши мне чаще. Без твоих писем совсем горько.

Целую тебя. Храни тебя Бог. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 67-67об. Связь с конвертом не установлена.

[382] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Полонечка, 18 декабря 1916 г. (ст. ст.)

18 декабря 1917.

Дорогая Надя!

Все перечитываю твое письмо от 11 декабря и все горюю, что меня не было с тобой и Володькой в тот день.

Дела мои налаживаются. Кажется, я останусь в отряде. Новый уполномоченный Александров предлагает мне место товарища, но для этого нужно утверждение Главного Комитета. Сие последние возможно лишь в конце января.

Мою отсрочку, по-видимому, продлят до 1 июня.

Пиши мне почаще. Спешу очень. Кончаю письмо.

Целую вас, дорогие мои.

Твой Георгий.

Товарищ уполномоченный жалования не получает: он получает 7 руб.<лей> суточных.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 225. Связь с конвертом не установлена.

[383]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 20 декабря 1916 г. (ст. ст.)

20 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Я получил от тебя одно письмо от 11 декабря и потом одно письмо от 8 числа. Вот как неточно действует почта. Тебе я пишу почти ежедневно. Пишу я кратко, потому что сейчас в отряде закипела огромная работа и я принимаю в ней деятельнейшее участие. Не могу работать для себя вовсе. Валяюсь спать вечером усталый и изнемогающий. Встаю почти всякий день в шесть часов. Лазарет, прачечная, баня, питание, эвакуация – все налаживается теперь на новых и лучших началах. Меня приглашает наш уполномоченный принять на себя обязанности товарища и заместителя. Если это пройдет в Сибирск.<ом> Обществе и в Главе Комитета, я останусь в отряде. Иначе буду искать работа в другом месте. Все это выяснится в конце января. Я, кажется, получаю отсрочку до июня.

Очень больно мне, что на праздниках и на Новый год не могу приехать к тебе, Надя. Бог даст, скоро повернется все к лучшему. Неслучайно немцы запросили мира. Чувствуется во всем перелом. Знаешь, как зимой вдруг повеет весенний ветерок и, несмотря на стужу, предугадываешь теплые дни. Не унывай, чудесная моя. Вот увидишь, как славно заживем с тобой скоро. Володьку целуй.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Узнай у Ляцкого, почему до сих пор не вышел мой роман «Сатана».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 226-227. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[384]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 21 декабря 1916 г. (ст. ст.)

21 декабря 1916

Милый Зоря, смотрю я на твои записки с поручениями мне и горю от стыда. Ничего, ничего я не сделала. Ни Гржебин, ни Ляцкий не обещают ничего. Все дело в типографиях, где совсем почти нет рабочих. «Невесту» тоже не может устроить. Гржебин и я скоро возьму ее у него. «Сатана» тоже что-то не выходит. Досадно!

От Городецкого из «Сев.<ерных> Дней» до сих пор нет корректуры «Метели». Причина, видно, все та же.

«Дети Греха» пропущены цензурой. Экземпляр у меня, в Царском. Я переслала тебе копию с письма Станиславского. Он не находит возможным поставить пьесу у себя в театре. Ну, что же я еще должна делать? Вчера шла «Невеста». Я не могла быть на спектакле. Дядюшка сегодня прислал мне 100 руб.<лей>, 50 р.<ублей> за январь и 50 подарок на Рождество.

Володя здоров и весел. Начинает лепетать. Говорит новое слово: «ня-ня». Я знаю, ты испытал бы большое удовольствие, если бы услышал, как он говорит «па-па».

На днях, вероятно, придут ко мне Истомины. Хочу угостить их пельменями.

Сегодня послала тебе два экз.<емпляра> «Сатаны», 1 – «Мертвецы», 1 – «Северный крест» и 1 – «Судьба России».

Из «Огней» тебе пошлют на днях много книг. Из «Нивы» пошлют Метерлинка и еще какие -то приложения к «Ниве» из «Собраний Сочинений». Это устроил Гржебин. Щеголев тоже обещал дать свои и еще какие-то книги. У Сологуба еще не просила. Завтра узнаю адрес и напишу Насте.

На Рождество ко мне собирается Валентина Андреевна.

Ну, вот все деловые сообщения сделала. Теперь перехожу к делам личным. Тоскую без тебя ужасно. Как былинка в поле – одна тут маюсь. Не к кому прислониться. Надо побольше принять всяких укрепляющих средств. Авось, тогда и бодрее душой стану. Теперь же совсем баба – бабой. Нехорошо! А на Рождество-то как будем без тебя, ты <1 нрзбр.> guide, тут быть! Первую елку Володи и не увидишь! Спасибо, хоть пиешь часто.

Я тут – (опять дала) – пошла как-то к княжне Гедройц. Говорю ей: «Вы, может быть, слышали имя беллетриста – Чулкова... – Как же, как же! – Ну так вот я его жена и т.д.». Все ей объяснила где ты, и что с тобой, и что мне нужен заработок. Делать могу то-то и то-то. Прием был оказан крайне любезный. В передней, провожая меня, она благодарила, что я именно к ней обратилась с этой просьбой и обещала что-то устроить. Но я что-то плохо верю в успех.

Теперь холода и ехать все равно никуда нельзя. Если бы за январь она что-нибудь устроила, было бы можно переменить квартиру и остаться в Царском. Прощай пока, дорогой. Целую тебя и крещу мысленно. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 68 — 69об. Связь с конвертом не установлена.

[385] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Минск, 22 декабря 1916 г. (ст. ст.)

22 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Пишу тебе это письмо в Минске. Приехал сюда на один день по поручению отряда. Раевского, оказывается, здесь нет, и потому я не могу исполнить половины моей программы. Я так теперь занят, что о работе для себя нечего и думать. Если меня утвердят товарищем уполномоченным, я не буду получать вовсе жалования, но мне будут платить суточные семь рублей в день. Все-таки это почти две трети Царскосельского бюджета. Остальное как-нибудь добуду.

Дирекция как будто на смех возобновила «Невесту» накануне праздников. Ты все-таки пойдешь потом с доверенностью в контору и получи сколько там будет авторского гонорара. Авось, наберется рублей сто и напиши мне, какой был сбор.

В феврале, ведь, ты еще должна получить 100 рублей от Лемана.

Относительно «Сережи Нестроева» и «Людей в тумане» поговори с Щеголевым. Быть может, он что-нибудь придумает. Я напишу и сам Ляцкому.

В январе числа 8-9 предупреди контору «Огней», чтобы тебе приготовили расчет за все четыре книжки «Корабля», а в конце января получи деньги по расчету и положи в сберегательную кассу.

Какое безобразие, что до сих пор не выпустили «Сатана»! Скажи Ляцкому по телефону, по крайней мере, что надо выпустить «Сатану» как можно скорее.

Милый, должно быть, теперь мой Володька! Целуй его родного. Не унывай. Пиши по чаще.

По соседству от нас немцы набросали с аэропланов много очень бомб. Лошадей поубивали Бог знает сколько, а людей мало.

Сейчас в отряде большую работу я затеял: чистоту завожу в лазарете, в кухне, в прачечной. Я тебе, кажется, писал, что в отряде нашем была комиссия из представителей Государственного Контроля. Уполномоченного в это время не было и мне пришлось давать отчет о деятельности отряда. Все сошло блестяще. Между прочим, генерал-контролер оказался моим читателем и знакомим: я встречался с ним у Друзена.

Люблю тебя очень. Твой Георгий.

Поздравляю тебя, Надя, с Новым годом. Мне больно, что мы не вместе его встречаем. Господи! Поскорее бы жить мирно в Царском.

А события-то какие!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 228 — 229об. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке. Связь с конвертом не установлена.

[386] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 22 декабря 1916 г. (ст. ст.)

22-е декабря 1916.

Милый Георгий, сегодня получила письмо от Союза Драмат.<ических> Писателей следующего содержания: «М. Г. Георгий Иванович

От Дирекции театра Сибирякова из Одессы (Драматический театр) поступил запрос о том, на каких условиях Вы согласились бы предоставить на зимний сезон 1916-1917 г. означенной дирекцией исключительное право постановки Вашей пьесы «Дети Греха». Для сведения Вашего сообщаем, что авторский гонорар в указанном театре установлен в 8 руб.<лей> акт».

Ответь, пожалуйста, им сам и скажи, что ты им напишешь, чтобы я знала, что делать в подобных случаях. Почему же они о «Детях Греха» знают? Теперь еще одно дело: в Москве издательство «Современные Проблемы» издает сочинения Э.<миля> Верхарна полное собрание. Я через Ходасевича предложила им наши переводы «Зори» и «Монастырь». Они ответили, что желают иметь твои переводы, но переговоры не хотят вести с Ходасевичем, а со мной. За второе издание переводов они платят 25-30 р.<ублей> с листа. Половину денег теперь, а остальное при выходе книги. С «Монастырем» я сама решу, если они возьмут его, а «Зори» я не знаю, как оценить. Напиши мне, что ты думаешь. Кроме того, «Зори» ведь конфискованы были. Я сегодня просила Пятницкую по телефону достать мне этот сборник. В продаже его нет. Монастырь я купила и пошлю его в «Современные проблемы».

Мы здоровы и веселы. Целуем папу и желаем ему весело встретить Рождество и Новый Год.
Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 70 — 71. На конверте адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. 1-ый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 22/XII-1916». На конверте пометка, внесенной карандашом рукой Надежды Григорьевны: [21 декабря 1916].

[387] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 26 декабря 1916 г. (ст. ст.)

26 декабря 1916.

Дорогая Надя!

Наш уполномоченный, Михаил Федорович Александров, едет в Петроград, и я пользуюсь случаем, чтобы послать тебе письмо.

По-видимому, если внезапно не прекратится война, на что едва ли надо надеяться, я до весны не увижу тебя. Это больно, но терпеть нужно – ничего не поделаешь.

Я озабочен теперь твоими финансами. Как мне тебя обеспечить на март и апрель? Напиши мне, сколько у тебя осталось денег. Ты должна получить еще в середине февраля от Лемана сто рублей и еще сколько-нибудь денег то же, вероятно, не менее ста за спектакля 20 декабря. Кроме того на катастрофической случай воспользуйся деньгами, которые ты должна получить за книги «Корабля». Это последнее, разумеется, при исключительных обстоятельствах.

К сожалению, я не получил жалования за ноябрь, а 125 руб.<лей> за декабрь истратил все, ибо на праздниках пришлось платить по разным отрядным взносам – нижним чинам и прочее. Если я останусь в отряде в качестве товарища уполномоченного, я буду получать семь руб.<лей> суточных, а не жалование. Значит, у меня будет рублей 200 денег, таким образом, в конце января, я, должно быть, смогу послать тебе рублей сто. Напиши мне, не тужо ли тебе приходится по части финансов, не надо ли делать экстренного займа.

Хорошо бы настоять на том, чтобы Е.<вгений> А.<лександрович> Ляцкий издал в «Огнях» *Серезу Нестроева* и *Люди в тумане*. Я посылаю ему письмо. Получила ли ты что-нибудь от В.<ладимира> А.<лександровича> Александров?

Вчера только я получил из мобилизационного отдела Союза Городов официальное уведомление, что мне дана отсрочка до 1 июня 1917 года. Разумеется, теперь всего можно ожидать и можно лишиться этой отсрочки, но пока я могу спокойно работать и я рад, что недоразумение выяснилось.

Почему до сих пор не вышел «Сатана»?

Непреренно подпишись *незамедлительно* на 1 месяц на «Речь» для меня: Полев.<ая> Почтов.<ая> Конт.<ора> 137. Перв.<ый> Сиб.<ирский> Отр.<яд> Чулкову. Действ.<ующая> Армия.

Не скупись на письма. Пиши подробнее обо всем. Умоляю тебя. Я теперь очень занят, но пишу тебе почти ежедневно. Если ты уедешь из Царского, мне это будет не очень приятно, но я не хочу вмешиваться в твои планы: тебе там виднее, как сделать.

Я думаю наладить свою жизнь с января: или я буду получать 200 руб.<лей> и пользоваться сравнительно независимым и почетным положением товарища уполномоченного, или я постараюсь устроиться иначе, дабы иметь сколько-нибудь времени для литературной работы.

В Минске я встретил Алексея Толстого. Он зачислился в Земгоре и предлагает мне поселиться в Минске вместе, если я перейду на службу в комитет фронта. Но теперь осложнение с организацией этого комитета и ничего определенного пока нельзя сказать об этом плане.

Первый день Рождества ознаменовался у нас в отряде тем, что пришли офицеры и солдаты из одного соседнего полка и славили Христа, а потом показывали превосходный марионеточный театр с прибаутками и шутками. Фабула для кукольной комедии, очевидно, польско-народная. В ней фигурируют и черт, и кашей, и сама смерть с косою, и помещик, и, кажется, еврей. Я не все понял, но самый тон театра мне очень понравился.

А днем я ездил на позиции, навещать летучку и там пил чай в блиндаже с артиллерийскими нашими офицерами. Я уже писал тебе, как торжественно и складно прошел вечер, устроенный нами по соглашению с штабом, когда Н.<ина> А.<лександровна> Коллюбакина, сестра милосердия, делала доклад о своем пребывании в немецком плену. Теперь штаб предлагает мне выступить с каким-нибудь докладом перед господами офицерами. Я, кажется, поведу речь *о духовных сокровищах России*. Настроение армии, солдаты и особенно младших офицеров, да и некоторых генералов и полковников, превосходное во всех отношениях, не только в отношении естественного патриотизма. Нет, Россия Бог даст не пропадет. И мы с тобой увидим великолепные дни. А Володя наш будет жить прекрасно.

Целуй его. Он, должно быть, совсем стал молодцом. Любящий тебя Георгий.

P.S. О «Русской Воле» я теперь имею представление. Газета эта не хуже многих иных, но лучше в ней из осторожности не участвовать. Поэтому мое решение остается прежним.

P.P.S. Узнай, пожалуйста, как здоровье Георгия Петровича Рогачева, заведующего изд.<ательства> «Огни».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 230 — 231об. Связь с конвертом не установлена.

[388] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 27 декабря 1916 (ст. ст.)

27/ХІІ <1>916

Милый Зоренька, с Новым Годом! Дай Бог, чтобы нам не разлучаться в этом году, и жить миром и вместе.

Мои праздники нынче скучны – без тебя, как без головы. Одно утешение Володя мой. Прыгает, хохочет, играет, милый мальчик. Волосики золотятся и курчавятся, глазки блестят, как звездочки. Говорит «мама моя» и гладит меня ручкой по щеке. Знает теперь вот какие слова: «папа», мама, дядя, няня, и еще многие слова говорит, но только начальные слоги выговаривает. По кровати быстро ходит, держась за поручни. Зубов теперь пять и все большие. Как-то мне палец укусил, так я чуть не закричала.

Сплю я с ним сам теперь и какое это удовольствие! Всегда я страдаю от этого средостения - нянек. Целую. Люблю. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 72-72об. Связь с конвертом не установлена.

[389] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 29 декабря 1916. (ст. ст.)

29 декабря 1916.

Прошлый год мы с тобой встречали вместе с Володенькой. А теперь мы с ним вдвоем. Грустно мне, что не видишь ты, как он растет. Сколько он постиг премудрости за это время! Если он видит что-нибудь такое, что ему нравится, он хватит, причмокивает язычком и хочет, чтобы я или тот, у кого он на руках, тоже смотрел в ту сторону, а если отвернешься, он сам поворачивает мою голову лицом туда, где находится соблазненная его красивая вещь. Вот смешно-то на него смотреть. Не умею я рассказать всего, что теперь в нем нового, но с каждым днем он все умнеет и хитреет <так!>. С ним можно разговаривать, спрашивать и он отвечает иногда словами, иногда мимикой. У меня небольшой грипп и я не выхожу. Целую тебя, родной. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 73-73об. Связь с конвертом не установлена.

[390] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 30 декабря 1916 г. (ст. ст.)

30 декабря 1916.

Милый Зоря, сегодня у нас были монашки, Христа славили. Володя был в восторге от их пения. Он смотрел на них, как на чудо, слушал, не мигая глазами – весь застыл. А когда они ушли, он вдруг заплакал горько и стал тянуться за ними в дверь. Очень он любит пение. Это мне приятно.

Милый сегодня ты опять спрашиваешь, почему не вышел «Сатана». А Ляцких все еще нет. Завтра попробую узнать по телефону в Огнях. Я сегодня не выхожу. Горло болит и кашель. Скоро поеду в Петроград. Волнуюсь еще я по поводу запроса Сибирякова о «Детях Греха». Он просил написать, на каких условиях ты предоставишь ему исключительное право постановки пьесы в сезоне 1916-1917 гг. в Одессе. Да ведь сезон-то уже кончился почти. От Лемана еще нет корректуры. Не написать ли ему! Боюсь твоего гнева, но чувствую себя плохим дельцом.

Целую тебя нежно. Будь здоров. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 74 — 76. На конверте адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 31/ХІІ-1916».

1917 г.

[391]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 2 января 1917 г. (ст. ст.)

2 января 1917.

Дорогая Надя!

Твое письмо от 26 декабря меня огорчило. У меня мучительно болит сердце. Что такое с Володей? Почему ты все пишешь, что он нервный? В чем дело? И зачем ты так унываешь! Ведь, надо как-нибудь жить. От такого уныния руки опускаются.

Умоляю тебя: пиши мне обстоятельнее и точнее. Ты все пишешь как-то неопределенно. Вот, например, о «Сатане». «Боюсь, как бы опять чего не вышло с его выпуском». Неужели ты не можешь хотя бы по телефону навести справку и узнать, в чем дело! Ведь, Петроград не за горами.

Почему ты не берешь, не ищешь няни? Значит, у тебя не достает денег. Это очень возможно при нынешних обстоятельствах. 20-го декабря шла «Невеста». Почему ты не пишешь мне, какой был сбор? Неужели ты и сто рублей не получишь со спектакля? Если «Невесту» сняли с репертуара окончательно, поезжай к Нестору Александровичу Котляревскому (Кирочная ул. <ица> 32-34. Тел.<ефон> 469-17) и объясни ему, что дела наши плохи, что я прошу его устроить мне в Фонде и в Академии субсидию – рублей сто в месяц. Пусть он даст форму прошения, перешли мне ее для подписи моей, если это нужно. Котляревский сам предлагал мне это устроить. Он человек любезный.

Целую тебя и Володьку. Очень люблю вас обоих, мои родные.

Твой Георгий.

Подпишись для меня на «Речи» – на один месяц.

См.<отри> на обор.<от>

3 января 1917.

Дорогая Надя! Посылаю это письмо с солдатом, который поедет в Петроград в командировку и зайдет к Крушинской, занесет ей лишние вещи. Скоро придется, быть может, передвигаться с отрядом и тогда каждая лишняя вещь тяжела. У меня очень много дела и хлопот. К вечеру утомлюсь и не могу работать для себя. Одна надежда на то, что я буду получать, быть может, не 125, а рублей 200. Тогда я буду посылать рублей 150 тебе ежемесячно, но сейчас я совсем без денег. Надеюсь все-таки в конце января послать тебе 100 руб.<лей>. Узнай, пожалуйста, как обстоит дело с «Кораблем». Попроси приготовить расчет на все четыре книжки и получи деньги. Положи их в банк. Не знаю, когда я смогу приехать. Ранее апреля я не имею права уехать, а в апреле могут быть бои.

Впрочем, назначение кн.<язя> Голицына премьером может так отразиться на судьбе Союза Городов, что и служить нельзя будет на тех основаниях, на каких я служу теперь. Вообще каждый день надо ждать сюрпризов. Кроме дела мне пришлось на праздниках тратить много времени на представительство, ибо не было в отряде Уполномоченного. Пришлось делать визиты генералам. Новый год встречали мы в отряде с друзьями-артиллеристами. Я старался быть добрым хозяином, но все мои мысли были в Царском Селе, с тобой, с Володькой.

Я очень, очень тебя люблю, моя чудесная. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 1-1об. Связь с конвертом не установлена.

[392]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Полонечка, 5 января 1917 г. (ст. ст.)

5 января 1917.

Дорогая Надя! Все мои надежды на зимнюю долгую стоянку не оправдались. Совершенно неожиданно пришло известие о том, что наш корпус и, вместе с ним, наш отряд перебрасывают на другой участок фронта – на какой именно мы еще сами не знаем. Мы только что закончили постройку обширной прачечной и бани, утеплили помещения лазарета, палатки и землянки, соорудили великолепную операционную. Все это приходится бросать, и весь наш огромный отряд – 240 лошадей, около 200 человек команды, сестры, врачи, заведующие хозяйством и обозом, коровы, фурманки, двуколки, автомобили, походные кухни и проч.<ее>, и проч.<ее> – все потечет куда-то. А на дворе холод и метель. Переход будет длиться месяц, а может быть и два, и более. Возможно ли при этих условиях писать? Нет, невозможно. Если меня утвердят товарищем уполномоченного, я буду посылать тебе ежемесячно рублей полтора. Но утвердят ли – не знаю пока! Если утвердят, тогда, значит, надо добывать еще только 150. Пятьдесят рублей будет посылать Александров. Нужна еще сотня по крайней мере. Эту сотню пусть даст Литературный Фонд и Академия. Я не знаю формы прошения. Поэтому посылаю чистые листы за моей подписью. Узнай эту форму и заполни листы. Обратись с этой просьбой к Нестору Александровичу Котляревскому.

Адрес его – Кирочная ул.<ица>, д.<ом> 32-34. Котляревский сам предлагал мне устроить субсидию. Он не удивится моей или твоей просьбой. Я прилагаю и мое письмо. С этими письмами и поезжай к нему. Он наверное все уладит.

Меня только одно огорчает – невозможность в течение некоторого времени, быть может, нескольких недель переписываться с тобой^{*}). Твои письма единственное мое утешение теперь. И опять все это, вся эта сложность свалилась на меня одного: отсутствует наш уполномоченный, а у меня на руках весь наш огромный отряд. Я за все отвечаю. Одна касса в несколько тысяч чего стоит. Но я – честное слово – не теряю головы только бы тебе и Володьке не было бы худо, только бы ты не падала духом.

Как возмутительно, что «Сатана» до сих пор не появляется на книжном рынке. По субботам я слежу за объявлениями «Речи». «Огни» даже не публикуют о романе в числе книг, которые скоро выйдут. Непонятная неряшливость. Почему ты не напоминаешь Ляцкому об этом и мне ничего не пишешь? Сколько у тебя осталось денег? Должно быть, очень мало. Это меня беспокоит. На всякий случай возьми из «Огней» по комиссионному расчету деньги за все четыре книжки «Корабля».

Как ты справляешься без няни – ума не приложу. Относительно Верхарна поступай, как хочешь. Меня не соблазняет появление вновь моего неисправленного старого и не очень удачного перевода, но и не пугает особенно. Если дадут рублей сто вперед, можно, пожалуй, отдать «Зори». Вот хорошо бы получать 300 руб.<лей> аванса за «Детей Греха» из Одессы. Только едва ли дадут.

*) сейчас узнал, что мы идем со всем корпусом. Значит, *адрес остается прежним. Пол.<евая> Конт.<ора> 137.*

В середине февраля напомни *Георгию Адольфовичу Леману* о том, чтобы он прислал тебе, согласно условию, сто руб.<лей>. *Москва. Пречистенка. Полуэктов, 6, кв.<артира> 2.*

Если найдешь удобным и возможным пошли *Александрову* прилагаемое письмо, но непременно из Петрограда, чтобы не было Царскосельского штемпеля.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 2 — 4. Связь с конвертом не установлена.

[393] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 9 января 1917 г. (ст. ст.)

9 января 1917.

Дорогая Надя! Лазарет уже свернут, раненые эвакуированы. Мы, оказывается, едем на Погорельцы, потом по жел.<елезной> дороге до *Молодечно*. Там будет резервный отдых, что самое тяжелое теперь. Пиши мне по прежнему адресу: Полевая Контора едет с нами. *N 137.*

Целую тебя, дорогая моя. Целую Володю. Начальник Эшелона *N* Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 4 об. Связь с конвертом не установлена.

[394] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Полонечка, 9 января 1917 г. (ст. ст.)

9 января 1917.

Дорогая Надя!

Сейчас получил от тебя письмо от 2 января. Значит, ты до 2 января еще не была осведомлена о тех условиях, которые я предлагаю Сибирякову. Значит, ты не получила своевременно моего письма об этом.

Мои условия такие: двойной авторский гонорар и аванс в счет этого гонорара в размере 300 руб.<лей>.

Сейчас узнал, что *мы* будем недолго стоять в резерве. Предстоят огромные бои в конце января или в начале февраля. Боюсь, что наш квартирьер совсем не найдет для отряда помещений. Придется жить в палатках. Я пока здоров и справляюсь с делами бодро. Если бы ты знала, какая кипит вокруг меня работа и сколько народу толпится и волнуется. Я чувствую себя Наполеоном. Мне бы надо быть полководцем, а не «обозной сволочью». Ей Богу.

Никакие внутренние неурядицы меня не смущают. Я знаю, что делается у вас в тылу. А все-таки Россия не погибнет. И на могиле Распутина будет осиновый кол.

Любящий тебя Георгий.

О Володьке ты пишешь чудесно. Я его живо представляю себе. Эпизод с монашенками меня восхитил. Целуй его.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 5-5об. Связь с конвертом не установлена.

[395] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 10 января 1917 г. (ст. ст.)

10 января 1917.

Милый Зоря, вчера неожиданно ко мне вошел блестящий офицер и с ним Марья Михайловна. Офицер – это Костя Шварсалон. Он уже полгода живет в Царском. Служит в тяжелой артиллерии. Пришли они смотреть Володю. В.<ячеслав> Ив.<анов> все еще в Сочи.

Марья Мих.<айловна> говорила, что у Лосевой на вечере в пользу Ремизова был ужин, стоивший четыре тысячи рублей. Что Бальмонт упился и говорил о России не в духе Вяч.<еслава> Ив.<анова> и Середин его за это изругал и сказал, что руки ему не подаст.

Володя им очень понравился. Знаешь, Володя сейчас оказался очень ловким и способным мальчиком. Он прекрасно открывает и закрывает деревянные ящики, играет на шарманке, что уже совсем удивительно. Но ходить все еще не начинает. Он очень живой и шустрый. Изменился со времени твоего отъезда значительно. Вчера он принял Костю за папу и очень был изумлен, что этот «папа» не обращает на него внимания, не играет с ним, как ты.

От Ляцкого письма еще нет. Скоро я еще съезжу в Петроград. Корректуру «Метели» тоже еще не прислали, ни первую часть для второй корректуры, ни последнюю – для первой. Получил ли ты книги из Царского – «Сатану» и другие? Из «Огней» и из «Нивы»?

Как ты себя чувствуешь теперь? Александров говорил, что ты *очень* много куришь. Зачем же? Прощай пока. Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 77-78. Связь с конвертом не установлена.

[396] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 11 января 1917 г. (ст. ст.)

11-е января 1917.

Милый Зоря, сегодня я была у Ляцкого, его нет дома. Говорила с Верой Александровной. Рогачев умер еще в декабре. Скажи, что я теперь должна делать, *кому нужно дать переписать вексель, кому поручиться?* «Сатана» печатается и скоро тебе пошлют его на фронт. 1-2 экземпляра. *Кому нужно послать его для отзыва или в подарок?* Напиши. В «Огнях» скоро, через неделю, будет заседание правления и тогда выяснится, могут ли они издать твои книги. У Веры Александровны что-то нет надежды на их согласие. Но, может быть, она ошибается. Все дело в бумаге – нет ее нигде.

Советовалась я с Щеголевым. Он назвал Яского. Но, ведь, это же не подходит?

Мы здоровы и чувствуем себя хорошо.

Целую тебя, родной. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 79-80. Связь с конвертом не установлена.

[397] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 16 января 1917 г. (ст. ст.)

16 января 1917.

Милый Зоря, я все-таки решила ехать в Москву. Переводить здесь не могу. Дразги мешают домашние. Лето здесь, без тебя, меня тоже не соблазняет. Квартиру я передам. Это легко сделать. Книги спрячу и запрю. Рогачев умер. Издание твоих книг едва ли состоится в «Огнях». Вексель придется переписывать. «Сатана» выйдет к концу января. Я попробую разузнать о книгах в Москве. Когда решу ехать, выясню день, разошлю в деловые места письма о перемене адреса. Пока побуду у Любы, а потом что-нибудь устроиться, надеюсь. К Котляровскому пока не ездила.

Не беспокойся о том, что я без няни. Наташа охотно ходит за Володей. Потом моя соседка в нижней квартире мне очень много помогает.

Вообще я справляюсь хорошо. Володя опять кукуется с зубками. Он очарователен. Теперь становится таким задорным мальчишкой. Очень забавно будет меня уторм. Встает, ухватится за перила кроватки и кричит: «мама», «папа» пока не проснусь. Знает столько вещей, что диву даешься. Такая крошка!

Целую тебя. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 81-82. Связь с конвертом не установлена. Штамп в конце письма: ВСКРЫТО ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ г. Царское село. Военный Цензор №8.

[398]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 20 января 1917 г. (ст. ст.)

20 января 1917.

Милый Зоря, сегодня я подписала свое согласие на издание «Сережи Нестроева» в «Огнях» за 350 руб.<лей> в количестве 1200 экземпляров. Это весь гонорар; больше ты не имеешь право ни на какой доход с издания. Ляцкий говорит, что теперешние условия печатания книг не позволяют им издавать на тех же условиях, что и раньше. *Пока* «Люди в тумане» они не издадут, но Ляцкий надеется, что и эту книгу они возьмут. «Сатана» выйдет в конце января. 1-ого февраля Ляцкий вынет по векселю 300 руб.<лей>. В конторе «Огней» остается твоих денег 150+50 = 200 рублей. Это на погашение второго векселя. Я не уверена, хорошо ли сделала, что согласилась издать одного «Сережу Нестроева». Но и ждать дольше боялась. К тому же в «Огнях» как-то сомнительнее издать чем, например у Яского. Мы здоровы, но я очень устала от историй с слугами и невозможности работать. Еду скоро в Москву, а там уж Бог даст. Буду пока ждать тепла, и при первой оттепели уеду.

Целую. Твоя Надя. Володя очарователен.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 83-83об. Закрытое письмо. На письме адрес: В Действующую Армию. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Царское село, 20/1-1917».

[399]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ст. Великие Луки, 4 февраля 1917 г. (ст. ст.)

4 февраля [января] 1917.

Дорогая Надя!

Пишу тебе с пути, в вагоне – поэтому так дрожит рука: вагон качает. Я даже вспоминаю Отрантский пролив и наше с тобой путешествие.

Я по правде сказать думал, что ты все-таки проедешь на вокзал. Или ты меня не нашла? Найти наш поезд в самом деле не так было легко. Его подали не вовремя и на дальнюю платформу.

Еду я – против ожидания – с большим комфортом: один в купе первого класса для четырех персон. Приеду я в Молодечно ночью часа в 4-5. Хорошо, что в пути смогу выспаться как следует. Предстоит, ведь, немалая суета.

Думаю и мечтаю о моих жильцах Царкосельских: Володька и тебя. Только бы вам было все хорошо.

Володька – дивный. Последние дни он меня совсем очаровал.

Пиши о нем и о себе почаще – умоляю. Советую тебе до теплых, по-настоящему теплых дней смирно сидеть в Царском. Подыскивай себе неспешно летнее убежище. Ехать слепо и зря никуда не следует. Не скупись на жалование хорошей няни.

Поговори по телефону с Яценко. Передай им мой привет. Я не успел с ними проститься. Это неудобно.

Меня очень беспокоит кашель Володи. Позови к нему доктора. И об этом кашле напиши мне в ближайшем письме.

К тебе, Надя, я чувствую большую нежность. Ведь, ты для меня единственное существо дорогое и близкое по-настоящему, сколько бы ты не хмурила свои брови.

Люблю тебя очень.

Твой Георгий.

Ст.<анция> Великие Луки

P.S. Не забудь поскорее отдать в переписку рассказа – можно в Союз Драмат.<ических> Писат.<елей>. Сама проверь текст и *проредактируй*. Даю тебе *carte blanche*.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 6-7. Связь с конвертом не установлена.

[400]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Молодечно, 5 февраля 1917 г. (ст. ст.)

5 февраля 1917.

Дорогая Надя!

Я приехал в отряд и сразу попал на работу: сегодня же уезжает Александров в Минск, Петроград и далее к себе в Барнаул до 5 марта. Оказывается, Раевский и Щелкин уже объявили Александрову, что я им нужен для Комитета Западного Фронта. Я, вероятно, останусь в отряд до 5 марта, а потом переведусь в Минск. А пока, значит, я опять исправляю обязанности Уполномоченного.

Я писал тебе с пути. Опустил письмо в Великих Луках.

Не сердись на меня за то, что я пишу кратко, необстоятельно и деловито. Если бы ты могла себе представить ту обстановку, в которой я сейчас пишу тебе, ты поняла бы меня и простила меня охотно.

Отряд меня встретил приветливо. И вот теперь, когда все знают, что я уйду в Комитет, я чувствую, что о моем уходе сожалеют.

Впрочем, впереди еще целый месяц.

У меня маленькая неприятность: Александров опять не даст мне обмундировочных, ссылаясь на какое-то новое постановление Комитета. Я лишился таким образом 150 руб.<лей>. А я хотел, было, выслать тебе эти деньги. Теперь я сижу без денег, мне они пока не нужны, но мне досадно, что я не могу тебе их выслать своевременно.

Как-то чувствует себя Володя? Нашла ли ты няню? Ты, ведь, можешь писать обстоятельно. Пиши, ради Бога. Твои письма единственная моя радость.

Как тут писать! Ежеминутно хлопает дверь. Врывается холод, снег, вьюга. Иван Александрович лежит на постели, задрал ноги, и орет благим матом.

Обнимаю тебя, дорогая, дивная моя Надька! Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

P.S. На моих руках отряд, но не только положение отряда, но даже и положение всего Союза Городов вовсе непрочны. Мы ждем сюрпризов. И что будет с нами, и, в частности, со мной, одному Богу известно. Но чтобы ни случилось, не падай духом. Я крепко верю, что можно одолеть судьбу в конце концов.

P.P.S. Не забудь перечитать записку, которую я оставил на столе: возьми, между прочим, метрическое свидетельство Володи и поскорее отдай в переписку мой рассказ.

Сейчас получил восемь твоих запоздавших писем и с наслаждением их читал.

Истомин тебе кланяется. Он едет сегодня вместе с Александровым в Петроград – кажется, до 15 февраля, а, может быть, и до иного срока.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 8 — 9 об. Связь с конвертом не установлена.

[401] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Молодечно, 9 февраля 1917 г. (ст. ст.)

9 февраля 1917.

Дорогая Надя!

Уполномоченный наш уехал в Петроград и далее до 5 марта. Я правлю отрядом. После 5 марта, вероятно, я брошу отряд и буду служить в Минске, в Комитете Западного Фронта. Но события творятся так неожиданно, что ничего нельзя предвидеть. Что будет завтра – один Бог знает.

Ах, как уныла наша деревушка. Дороги все замело снегом. Лошадей запрягаем гуськом. Газеты я получаю, но писем никаких. Пиши, пиши мне – умоляю. Я писал тебе в пути и просил Истомина, который опять уехал в Петроград, вручить тебе письмо.

Как досадно, что я не получил денег, на которые рассчитывал. Я смогу прислать тебе еще золото не ранее, должно быть, двадцатых чисел марта. Хорошо бы переписать вексель. Пусть Щеголев придумает что-нибудь.

Как ты себя чувствуешь, чудесная моя? Как себя ведет наш сын? Каждый день я смотрю на ваши карточки. Это моя радость.

Как ты решила с переездом в Москву? Ах, если бы ты дождалась по крайней мере весенних дней.

Целую тебя.

Твой Георгий.

Имей в виду, что теперь надо наклеивать марки, ежели ты даже посылаешь письма в Действующую Армию. А то письма пропадают.

Потребуй у Григория Борисовича Городецкого 25 авторских экземпляров «Метели», из них *три* пришли мне сюда.

Сколько ты получила денег за статью о Верхарне из «Русской Мысли»? Отдала ли ты в «Речь» рассказ?

Нашла ли ты няню?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 10-11. Связь с конвертом не установлена.

[402] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Молодечно, 10 февраля 1917 г. (ст. ст.)

10 февраля 1917.

Дорогая Надя!

Нет от тебя писем. Просто беда. Когда получишь это письмо, пришли мне телеграмму: Дармия. Штаб 35 корпуса. Первый Сибирский. Чулкову.

Все ли благополучно и еще какое-нибудь словечко.

Обнимаю тебя и Володьку.

Твой Георгий.

Надо застраховать имущество. Полнос у тебя в документах. Застрахуй в 3000 руб.<лей>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 12-13. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 47. Царское село. Почтовый штемпель: «<1нрзбр.> Полевая Почтовая Контора, 137, 10/II-1917».

[403] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
<На дороге>, 16 февраля 1917 г. (ст. ст.)

16 февраля 1917

Дорогая Надя!

День и ночь отряд мой в пути. Вот почему уже несколько дней я не могу тебя писать.

Я вижу только вершину солдат, обезображенную, исковерканную артиллерии дорогу.

С утра до ночи заботы о фураже, о провианте, телеграммы штаба, общался с комендантами и генералами и т.д. и т.д.

Совершаем поход на лошадях. Я один: Александрова нет.

Не знаешь ли, где Истомин?

Адрес старый. Полевая контора едет за нами. Для телеграммы: Дармия. Штаб 35 корпуса.

Первый Сибирский. Чулкову.

Телеграфируй мне о себе, о Володьке, о том, когда ты думаешь покинуть Царское.

Любящий тебя очень.

Твой Георгий.

Господь храни Володьку и тебя!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 14-15. Связь с конвертом не установлена.

[404] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, ?? февраля 1917 г. (ст. ст.)

?? февраля 1917

Милый Зоря, у нас все, слава Богу, благополучно. Володя здоров и весел. Теперь почти не кашляет. Вчера даже гулять выносила на 15 минут. Доктора я на этот раз не звала. Сама вылечила. Погода теплая, но я никуда не собираюсь ехать пока. Нашла бону немку. Все идет теперь хорошо, но это стоит очень дорого, 25 рублей в месяц, да стол теперь дороже, так как ест она со мной, да белье ее нужно отдавать прачке. Но зато Володя теперь пользуется хорошим уходом и кроме того, она кое-что шьет для него.

Люба предлагает мне поселиться с ней на даче под Москвой. Там же будет жить и Галицкая. Что-то не соблазняет меня это.

Володя очень растет и многое понимает. Особенных талантов не замечается. Метрику его еще не взяла. Тут приходил тот дьякон, который наврал в книгах, записав тебя Григорием. Переполошился, бедняга, ужасно, и все уверял, что в паспорте у тебя ты называешься Григорием. Я посоветовала ему сходить в полицию и там посмотреть в книгах, как там прописано. Сходил, убедился и составил протокол, который я подписала. Ждет теперь только выговора, но, может, и еще выйдет. – Отчего же мне тогда ничего не сказал, что я напутал, ведь восприемники видели, что я написал? Хорошо, что книги еще не отосланы, а то пришлось бы хлопотать года два. – Была у меня Истомина и привезла письмо от тебя. Дядюшка в феврале прислал 100 руб.<лей>. От Рус.<ской> М.<ысли> получила 14 р.<ублей> 90 к.<опеек>. 5 руб.<лей> вычли за журнал. Леману напишу скоро. Ляцкому скажу, что нужно, и все исполню, что ты мне велел. Вспрыскиваниями заработала 15 руб.<лей>. Теперь кончаю

перевод и примусь за шитье для себя и Володи. Яценко проверял мой перевод и одобрил его. Они оба были очень милы.

Напиши, нужно ли тебе прислать теплые носки, фуфайку и кальсоны? Боюсь, что ты очень усташь от отряда.

Целую тебя, люблю, но доказать это не могу (так Люба говорит).

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 91-92. Связь с конвертом не установлена.

[405] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 21 февраля 1917 г. (ст. ст.)

21 февраля 1917

Милый Зоря, сейчас только кончила перевод и почувствовала облегчение. Теперь пока не буду переводить больше. Хочу заняться домом и Володей. Володя здоров и я тоже. Ты редко пишешь. Жаль, что ты так занят. Трудно тебе? Завтра пойду по делам и за письмом в цензуру и к Ляцкому в контору спросить о векселе. Кстати, я не знаю где вексель, который ты подписал. У меня его нет. Если его нет у Ляцкого, то я буду волноваться по этому поводу очень. Леману написала.

Пьесу возьму завтра.

О векселе завтра.

Метрику Володи тоже завтра.

Вот и все твои поручения. Перестраховать имущество тоже скоро смогу.

Перевод понесу завтра в «Шиповник». Читала я его Яценко, и он кое-что мне исправил.

Прости, если я немного посрамила тебя своей небрежной работой.

С «Проблем» получила за «Монастырь» 60 руб.<лей>. Может и «Шиповник» даст рублей 75. Денег у меня еще много.

Нянька моя отличная. Гуляет с Володей и ночью встает к нему иногда. Мне теперь веселее с ней. А то у меня было две служанки и я одна, теперь, то нас двое.

Мясо она не ест и кофе пьет. Мне под стать. Питается больше овощами, молоком и маслом, которое теперь подешевело. 2 р.<убля> 50 лучшее. Про Володю что же написать. Он мил необычайно. Теперь уже большой мальчик. Стал розовый такой и что-то все бормочет непонятное. Говорит мало, но многое смыслит.

В большой комнате ему хорошо. Солнышко светит. Даже греет теперь.

Очень о тебе грущу, люблю тебя. Будь здоров и не забывай нас. Надя.

P.S. Твой рассказ многим очень нравится. С.<ергей> Гессен хвалил. Даманская даже мне написала о нем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 84 — 86. На фирменной бумаге с ВЗ: Линен Банк. Штамп на письме неразборчивый. На обороте адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Петроград, 21/II-1917». На оборотной стороне пометка, внесенной карандашом Надежды Григорьевны: [21/II 1917].

[406] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 21 февраля 1917 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, когда я была в «Огнях», то спросила о «Сатане». Он все еще не вышел. Вышло недоразумение с бумагой: прислали рваную, типография отказалась печатать. Теперь новую послали, и скоро «Сатана» выйдет.

Я очень тревожусь за вексель. Почему-то все-таки думаю, что он у тебя. Но надежда <очень> слабая.

Володя здоров и весел. Гуляет каждый день с бонной. Ест и спит хорошо теперь. Зубы все еще не растут. Была я у Городецкой. Она пишет хороший роман, и все-таки не безумная. Я подарила няньке Библию в картинах Доре. Хочу теперь же послать и двум племянникам при случае. Целую тебя. Люблю. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 88-88об. Закрытое письмо. На письме адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Петроград, 21/II-1917».

[407] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 22 февраля 1917 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, прости меня, ради Бога, но я, кажется, не сумела спрятать вексельный бланк и теперь его не нахожу. Думала, что он у Ляцкого в конторе «Огней», но это не так. Буду еще искать дома. Во всяком случае, у меня никого не было в доме точно, кто мог бы им воспользоваться. Вчера заходила Гессен и предлагала мне подписать вексель для отсрочки. *Напиши скорее, не у тебя ли вексель и пришли другой, если нет.* Сегодня была в «Шиповнике». Кажется, Левинсон доволен моей работой. По крайней мере, В.<ера> Евг.<еньевна> говорит, что «совсем мало поправок». Получила сто рублей пока за перевод. В «Шиповнике» теперь нет Вейса и В.<ера> Евг.<еньевна> говорит, что теперь лучше идут книги, потому что теперь они не скупятся на объявления. Теперь заведуют конторой две дамы – Елиз.<авета> Юльевна и Вера Евгеньевна. Вера Евг.<еньевна> сказала мне, что в газетах было заявление Союза Драм.<атических> Писат.<елей> о том, что *пьесы, предназначенные для жюри, находятся у тебя, а ты уехал и адрес не оставил.* Сейчас буду искать эти пьесы и если найду повезу их в Союз.

«Шиповник» расположен дать мне еще перевод, и я теперь ищу «Капитана Фракассы». По первому векселю уплачено 300 руб.<лей>. Срок второго 20-ого марта. Жду инструкций и нагоняя.

Целую. Надя

Володя очень мил.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 87-87об. Закрытое письмо. На письме адрес: Действующая Армия. Полевая Почтовая Контора 137. Первый Передовой Сибирский Отряд Союза Городов. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Царское село, 22/II-1917».

[408] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Минск, 24 февраля 1917 г. (ст. ст.)

24 февраля 1917.

Дорогая Надя!

Сегодня получил от тебя три письма сразу (из них одно со вложением послания кн.<язя> Сумбатова). Читал и перечитывал их, чувствуя в каждой строчке тебя. Я очень рад, что ты нашла подходящую бону – жаль, что нянька, да уж делать нечего: только бы добросовестно ухаживала за Володей. Какие он теперь новые слова говорит?

Рад я также, что ты отделалась от перевода. Значит, ты пока не намерена уезжать из Царского? На всякий случай к лету подыскивай что-нибудь подходящее. Я во время перехода испытал немало тяжелых минут – не столько из-за трудностей похода, сколько из-за свинства некоторых людишек:

теперь я вижу, что на войне в самом деле приходится иногда приказывать, не просить, когда имеешь дело с людьми некультурными. Но это дело прошлое: отряд я все-таки благополучно довел до назначенного места и уже почти наладил жизнь лазарета и всего нашего хозяйства. Совесть моя чиста. Теперь только остается развернуть наши летучки.

Во время похода пришлось всему нашему отряду пользоваться в одном местечке гостеприимством другого отряда, где уполномоченный Д.<митрий> Е.<вгеньевич> Жуковский, а одна из сестер дочь Тырковой.

Сейчас мы стоим среди леса. Вокруг не так уныло, как на прежних местах, но немцы беспокоят. Вчера сбросили с аэроплана пять бомб, не причинив, впрочем, большого вреда: бомбы разорвались по другую сторону дороги. Готовимся на всякий случай к газовой атаке.

Я жду Александра в начале марта и, сдав отряд, перехожу на службу в Минск, в Комитет Западного Фронта.

Я очень устал, но здоров.

Среди тягостных испытаний, выпавших на мою долю, были и светлые минуты. Хорошо было, например, идти во главе отряда последние двенадцать верст перед последней стоянкой. Дорога была хорошая, шли мы лесом, было тепло и луна светила, как в сказке. Я нарочно слез с саней и шел пешком, чтобы подбодрить солдатиков. Земляки развеселились и лихо пели песни.

Целую тебя. Целую Володю. Твой Георгий.

P.S. Что же такое с «Сатаной»? Получила ли ты авторские экземпляры «Метели»? Получила ли ты 100 руб.<лей> от Лемана? Справилась ли в «Огнях» о судьбе первого векселя и о том, возможно ли будет переписать второй? В моем рассказе в «Речи» была тьма опечаток. Ты заметила?

На «Детей греха» надо, пожалуй, махнуть рукой. Едва ли можно поставить эту пьесу. Вот, если перееду в Минск, постараюсь по вечерам писать роман. Авось, его кончу к концу мая, когда, быть может, я попаду опять в условия, при которых нельзя будет писать вовсе.

Я послал тебе 100 руб.<лей>, если будет все так, как я предполагаю, в конце марта я могу прислать тебе еще рублей 100-150. Не потеряй, смотри приготовленных мной с моей подписью бумаг для Литературного Фонда. Это уже на худой конец, если лопнут совсем наши финансы. Но я думаю, что дела наши не очень плохи.

P.S. Имей в виду, что теперь надо наклеивать марки на письма, если даже они адресованы в действующую армию.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 16 — 18. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Малая, 47. Царское село. Почтовый штемпель: «<1нрзбр.> Полевая Почтовая Контора, 137, 25/II-1917».

[409]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Молодечно, 25 февраля 1917 г. (ст. ст.)

25 февраля 1917.

Сейчас получил от тебя телеграмму о векселе. Ничего не понимаю. Два векселя, подписанных мной напрасно, уничтожены. Что касается нового вексельного бланка, с надписью на обороте, предназначенного для замены мартовского векселя, то он находится у тебя, если ты его не потеряла. А если ты его потеряла, это очень неприятно.

[Всякой может им воспользоваться и вписать не 400, а 4000 тысячи или сколько угодно.] Как это ты ухитрилась его потерять! Он должен быть в бумажнике, в документах. Поискала бы лучше, прежде чем волновать меня телеграммой. Поищи. *Телеграфируй*, нашла или не нашла. Может быть, ты передала его Ляцкому или конторщице Егерман в «Огнях».

Целую тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 19. Связь с конвертом не установлена.

[410] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 26 февраля 1917 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, прости, что я тебя напрасно потревожила телеграммой о векселе. Я нашла его в потайном отделении бумажника, куда раньше не догадалась заглянуть. Ужасно досадно! Не знаю, получаешь ли ты мои письма, от тебя я получила всего три письма.

У нас все благополучно. Freulein ухаживает за Володей очень хорошо. Наконец-то, я вздохнула свободнее. Отдыхала, набиралась сил. Шью себе и Володе одеяла и занимаюсь хозяйством. До некоторой степени у меня теперь есть порядок. Едим и пьем в определенные часы и стол ведем приличный. Володя много теперь гуляет по полу. Бонна водит его за руки или он ходит, держась за свое креслице на колесиках. Мне очень нравится выразительность его интонации. Он все говорит и на распев и так это мило.

Рассказать об этом трудно, надо видеть его.

Скоро будут готовы его карточки. Пошлю их кому надо.

Была я на выставке «Мира искусства». Много там Григорьева, московских футуристов, и стариков почти нет.

Гвоздь выставки «Портрет Мейерхольда» Григорьева.

Пока прощай! Целую тебя. Будь здоров и бодр. Надя.

26 февр.<аля> 1917

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 89-89об. Связь с конвертом не установлена.

[411] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 28 февраля 1917 г. (ст. ст.)

28 февр.<аля> 1917

Милый Зоря, от тебя нет писем. Вчера получила сто руб.<лей> из Минска. В Петрограде, говорят, беспорядки. Толком ничего не знаю, потому что не езжу туда. У нас на улице теперь вечером темно: не горят фонари. Сидим и ждем, что будет дальше.

В доме все благополучно. Володя здоров. Бонна хорошая. Я отдыхаю и занимаюсь хозяйством. Никто у меня не был еще из Петрограда.

Вексель решила переписать на всякий случай. Но если ты скажешь, чтобы уплатить, я уплачу. Бланк найден.

Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 93. Связь с конвертом не установлена.

[412] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Молодечно, 1 марта 1917 г. (ст. ст.)

[28 февраля] 1 марта 1917.

Дорогая Надя!

Я редко пишу тебе и это очень меня мучает, но за все эти месяцы моей жизни на фронте не приходилось мне работать так много и при таких трудных и тревожных обстоятельствах. Я перевел отряд с одного места на другое и тотчас же пришлось принять на себя ответственное дело. В письме

не расскажешь всего – ты сама понимаешь: надо строить бараки, надо ремонтировать почти весь инвентарь, надо быть готовым к новому походу или к наступлению, надо принять и эвакуировать такое количество раненых, больных и газотравленных, какого мы раньше не принимали, потому что отряд не был до сих пор головным эвакуационным пунктом, а теперь мы должны вести не только госпитальную и хирургическую работу, но и эвакуировать непосредственно на железнодорожную ветку почти ежедневно солдатиков. Можешь ты себе представить, какое, например, нам нужно количество белья. А его иногда не бывает. Ведь, это я должен во чтобы то ни стало его достать. Но белье – это сотая доля всех моих забот. А наши сотрудники? Они все до единого требуют от меня всего и только на меня надеются. И при этом какие бывают претензии! У меня нет свободной минуты. Я встаю раньше всех и ложусь, когда все уже спят.

Мы выдержали газовую атаку. Лазарет работал во всю. По счастью наше местечко газы едва задели (мы в 8 верстах от немцев), но все вокруг было покрыто газами. Сколько надо противогазов, запасов кислорода и прочного! И все это не так легко достать. Я пишу торопливо и нескладно, но мне теперь не до литературы.

Кстати о литературе: что за ерунда с какими-то пьесами. Я никаких пьес для прочтения, как член жюри, не получал. Поезжай в Союз Драматических Писателей и объясни, что Союз, если он в самом деле поместил какое-то сообщение о потере мной пьес, должен это опровергнуть. И будь такой добренькой, не торопись мне сообщать о том неприятном, что еще не проверено. Вот и бланк нашелся, слава Богу. Вероятно, и Союз никакого сообщения о потере мной пьес не помещал в газетах.

Но даже это твоя беспомощность в житейских делах меня умиляет: не хочу, чтобы ты была иной. Только все-таки не понимай этого буквально и ничего больше делового не теряй – по крайней мере, пока я на фронте.

О том, что у вас в Петрограде делается, я кое-что знаю. Надо молить Бога, чтобы он спас Россию от немцев и от греха.

Александрова нет и нет от него вестей. Я боюсь, что он запоздает. А, ведь, я теперь официально утвержден уже Помощником Уполномоченного Комитета Западного Фронта, а здесь, в отряде, я Исправляющий Обязанности Уполномоченного.

Что касается того, что Сибирское Общество выбрало меня товарищем Уполномоченного Перв.<ого> Сиб.<ирского> Отряда, то это уже не имеет теперь ни силы, ни значения, потому что г. Александров просил меня, ввиду моего ухода в Комитет, отказаться от утверждения меня Главным Комитетом в качестве товарища. Но вот если Александров не явится в отряд своевременно, я пожалею, что не настоял на утверждении меня Главн.<ым> Комитетом, ибо мне придется, значит, еще возиться с отрядом. Но это, конечно, не очень важно.

Одним словом я решил или работать в Комитете Фронта или быть полновластным Уполномоченным какого-нибудь передового отряда, а не помощником или товарищем Уполномоченного. Я для второй роли стар.

Самое страшное, что я видел на войне, Надя, это то, как умирают отравленные газами. Вчера я хоронил таких задохнувшихся земляков. Если бы ты была со мною рядом, наверное, чувствовала бы то же, что и я.

Я знаю, что перескакиваю от темы к теме, как с кочки на кочку на болоте. Устал очень – вот в чем дело. Но я здоров.

Дай Бог, чтобы ты и Володя были здоровыми и веселыми. Сегодня март. Повеяло весной, хотя и лежит снег плотно. И меня тянет к вам, моим милым, моим родным.

Целую Вас.

Твой Георгий.

P.S. Напиши, пожалуйста, открытки дяде, Яценко, Любе и Нюре: объясни им, что я никому не пишу теперь, ибо днем и ночь занят.

И ночь! Это точно у меня над головой полевой военной телефон, и то и дело стучат в дверь, приезжают вестовые с приказами и телеграммами из штаба. Убедительно им всем напиши с цитатами из моего письма.

Передай мой привет твоей доброй соседке.

P.P.S: Признайся, что ты не отдавала переписать мой рассказ для «Речи» на машинке: в нем были безобразные опечатки и такие, между прочим, каких не могло быть, если бы рассказ был переписан на машине.

Кроме того пропущена она фраза – кем? – и после пропуска – явная чепуха.

На судьбу «Сатаны» я махнул рукой. Ведь, это черт знает что такое! Получила ли ты авторские экземпляры «Метели»? Потребуй из «Северных Дней» 20 штук.

Выходило ли второе издание «Сережи Нестроева»?

Получила ли ты от меня сто рублей?

Очень рад, что благополучно прошел твой перевод и что ты заработала деньги – молодец ты! Капитана Фракас нехудо <так!> бы перевести.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 20 — 25. Связь с конвертом не установлена.

[413] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Молодечно, 3 марта 1917 г. (ст. ст.)

3 марта 1917.

Дорогая Надя!

Вот уже три дня мысли мои привыкли к событиям, о которых до нашего отряда доходят только слухи. Сегодня пришли вести более определенные, но об этом придется беседовать нам с тобой не в этом письме. А у нас как раз последние дни была немалая тревога: немцы каждую ночь травят и душат нас газами. Я уже не раздеваюсь, ибо на моей ответственности человек двести раненых, команда и весь отряд. Я должен обходить всех и проверят противогазы, костры, вехи и все прочее. До сих пор газ нас обходил благополучно, застревая в лощине и болотце, но надо быть ко всему готовым. Я видел, как умирают отравленные газами. Страшнее этого я ничего не видал. Александрова все еще нет, а я жажду приняться за новую работу в Комитете. Мне в отряде тесно и не очень сейчас ладится жизнь.

Дорогая Надя! Представляю себе, как ты волнуешься теперь. Молю Бога, чтобы ты и Володя были здоровы и благополучны. Я послал тебе несколько телеграмм. Получил одну телеграмму от тебя, где ты извещаешь меня о том, что нашла бланк. Потом, по-видимому, была от тебя еще телеграмма, но ее мне передавали из штаба по телефону и я боюсь, что я не дослышал какой-то фразы. Разобрал только, что ты и Володя здоровы.

Так, ведь, надеюсь?

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

Сегодня, 4 марта, мы получили известие о перевороте. Я читал команде приказ Верховного Главнокомандующего, и команда кричала «Ура!».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 26-27. Связь с конвертом не установлена.

[414] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Молодечно, 4 марта 1917 г. (ст. ст.)

4 марта 1917.

Дорогая Надя!

Только сегодня я узнал, наконец, весь огромный размах событий. Дай Бог, чтобы все было крепко, пока не кончится война.

Всекие новые потрясения были бы теперь опасны и ужасны. Пока солдаты спокойны и мудро относятся к вестям из Петрограда.

Я волнуюсь за твою судьбу. Если бы представилась какая-нибудь возможность бросить отряд, я примчался бы к тебе. И обидно, что я не был свидетелем всей этой сказочной истории.

Сведения мои еще далеко не полны. В штабе говорят об отречении государя шепотом, в окопах и на батареях громко.

Дорогая Надя! Я вспоминаю, как мы с тобой, плача от любви к России, бродили – одинокие – по Сьере. Я бы и теперь хотел так быть с тобой вместе. Вокруг меня все чужие и чуждые мне люди.

За последнее время я получил от тебя две телеграммы – последняя «Здоровы. Благополучно». Мне этого мало. Ведь, такие события могут всегда сочетаться с уличным случайным хулиганством, и страшно становится: не случилось ли чего с тобой.

Как Володя? Пиши мне о нем. Телеграммы посылай по старому адресу, а письма лучше писать уже в *Минск*, на имя Виталия Анатолиевича Раевского, Богодельная ул. <ица> 28 для меня.

Сегодня я ездил в Штаб. Там немалое смущение и смятение и все как будто выжидают чего-то. Когда возвращался домой, была дикая и свирепая метель. Лошади падали, как слепые. Я подумал о новых министрах. Нелегко им будет теперь при такой непогоде наладить транспорт.

Сегодня у меня в халупе собралось несколько человек офицеров и врачей, и все говорили беспорядочно и как будто иногда не к делу, потом стали нескладно петь песни. Этакое сборище в первый раз случилось здесь. Но за суматохой речей и нескладицей песен, я чувствовал огромную Россию, неналаженную, но великолепную. Все эти фронтовые люди обстрелянные не раз, были как в лихорадке. Ветхой России уже нет, чтобы теперь ни произошло нового и неожиданного.

Скоро весна. Я ее чувствую, несмотря на снежные горы, наваянные метелями. А весна, хотя и «глупое» время года, но очаровательное и дивное. Где-то мы с тобой теперь встретимся и заживем мирно! Целую милого Володьку моего и тебя, моя чудесная.

Любящий тебя Георгий.

Не скупись на телеграммы – умоляю! Телеграммы по-прежнему: Дармия. Штаб 35 корпуса. Первый Сибирский. Чулкову.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 28 — 31. Связь с конвертом не установлена.

[415]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Царское село, 5 марта 1917 г. (ст. ст.)

5 [февраля] марта 1917.

Здравствуй гражданин Георгий! Как жаль, что не были мы вместе, когда «сон свершился наяву». До сих пор не верится, что все это произошло. И как скоро! Мы пережили здесь в Царском, несколько тревожных часов собственно из-за Володи. Были беспорядки, сделанные по слабости солдатика к водочке, которой в Царском Селе было слишком много. Пили сначала у Шитта, а потом в Северной гостинице все по соседству с нами. Поэтому ночью было немножко тревожно, выстрелы и возгласы так звонко раздавались в ночной тишине. Я слушала, а Володя безмятежно спал. Солдатики были все же очень трогательны. Пьяный кричит «извозчик». А уж какие тут извозчики.

Он еще пьяный бормочет: «Николая не признаю... Мой Родзянко...».

Но порядок быстро восстановили и теперь мы радостно приветствуем офицеров и солдат, когда они проезжают на автомобилях мимо нас.

Дети царя все больны корью. У Алексея 40,6 жару. Они ничего не знают еще, говорят. Вчера я была в Петрограде. Ни трамваев, ни извозчиков нет, я ходила пешком на Офицерскую. Там Аджемов и Скрыдлов.

У Скрыдлова были какие-то люди с обыском. Аджемов два дня был начальником Департамента Полиции.

Перед вокзалом большая толпа солдат и офицеров – ждут из Царского Знамя для завтрашнего парада на Марсовом поле.

В Гимназии мужской сидят арестованные генералы. В ратуше гимназисты кормят солдат.

Стеша прочла «Известия» и говорит: «Ну теперь все поняла: будет старая власть».

Бонна очень сочувствует всем. Она у нас германофобка...

Нежная дама истекает умилением.

Володя пока равнодушен к событиям, настроение у него хорошее. Ничего нового не говорит и не ходит еще.

«Сатана» так и не вышел. «Метель» готова, но я не могу пока ее взять. Теперь некому везти.

Пока прощай.

Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 94 — 95об. На фирменной бумаге с ВЗ: Линен Банк. Связь с конвертом не установлена.

[416]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<на дороге к Минску>, 13 марта 1917 г. (ст. ст.)

13 марта 1917.

Дорогая Надя!

Одиннадцатого марта я присягал вместе со моей командой Временному Правительству. Вчера изволил, наконец, приехать из Петрограда Александров. Я ему сдал все дела и кассу, и выехал из отряда в 3 часа дня.

Сегодня, тринадцатого, нахожусь в местечке В.<?>, где ночевал в отряде Д.<митрия> Е.<вгеньевича> Жуковского, по дороге в местечке М.<?>, откуда я еду в Минск и, если все будет благополучно, рассчитываю, значит, устроиться там, в Комитете Западного Фронта. Вчера послал тебе телеграммы с моим новым адресом: Минск Комитет Согора, т.е. Союза Городов, а поточнее для писем так: Минск. Захарьевская ул.<ица> Комитет Союза Городов. Это временный адрес, потому что я дам тебе скоро адрес моей квартиры.

Настроение у меня и радостное и тревожное. Все еще очень сложно и противоречиво. Не думаешь ли ты теперь поспешить с переселением в Москву? Я боюсь советовать. Не знаю, где тебе удобнее будет жить. Будь благоразумной, сдержанной и не будь торопливой. Мы, ведь, с тобой «не политики».

Сорока восьмичасовая революция и тотчас же восстановленный порядок – это все слишком чудесно, и боишься поверить такому чуду. Ведь, немцы не дремлют! Ах, если бы они сделали революцию и убрали своего «Вильгельма». Тогда можно бы заключить мир с чистой совестью.

В Армии в эти дни видел я много и страшного, и смешного. Верю, что все будет скоро налажено крепко и честно.

Несмотря на многое трудное и даже неприятное в отряде, мне с отрядом было расстаться жаль. Больше всего я жалел солдат, к которым привык и с которыми хорошо жил и хорошо встретил новый порядок.

Я очень волнуюсь за твою судьбу. Телеграммы твои меня утешали. Получил я и твое письмо от 5 марта. Спасибо.

Учи Володю говорить. Почему он так увлекается несказанным? Ему, ведь, придется жить на грешной земле, где люди произносят слова – увы! – для всех необходимые и обязательные.

Целую его.

Любящий тебя и без тебя тоскующий Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 32 — 35. Связь с конвертом не установлена.

[417] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Минск, 14 марта 1917 г. (ст. ст.)

14 марта 1917.

Дорогая Надя!

Я в Минске. Сейчас получил твою телеграмму относительно предполагаемой твоей поездки в Москву. Я ничего не имею против этого. Только имей в виду, что тебя едва ли удобно будет останавливаться у Любы. У них в доме – вероятно, смятение или уныние. Я сегодня прочел в газетах о проекте министра народного просвещения Мануйлова – уволить всех, назначенных профессоров.

Значит, Ф.<едор> Е.<горович> будет лишен своего положения. Жаль бедную Любу, которая в этом деле без вины виновата. Этаки Ф.<едор> Е.<горович> потеряет голову совсем. Яценко также окажется не при чем. Ты понимаешь, как это усложняет и мои дела. Какими надо было быть недалновидными и слепыми людьми, чтобы связывать своего судьбу с таким сеньором, как Кассо!

Справедливость возмездия очевидна, но я ума не приложу, что делать с Любой и Славиком. Рыбаков на все махнет рукой.

Ах, мне надо работать, работать и работать. Слава Богу, что я покончил с отрядом, но и здесь, в Минске, мне, по-видимому, предстоит огромная работа. Я буду редактировать журнал Комитета, ныне вовсе освобожденный от гражданской цензуры.

Получать я буду за это то же гроши – 200 руб.<лей> в месяц, но, быть может, у меня явится возможность что-нибудь зарабатывать литературой. Впрочем, очень может быть, что кроме редактирования журнала на меня возложат и еще какие-нибудь дела. На меня в Комитете очень рассчитывают. Все-таки хорошо, что я в русле событий, так сказать. Не завидую я теперь и нравственному, и внешнему положению Яценко.

Еще трудно измерить всех последствия революция. И как дальше развернутся события – знает один Бог.

Утеши Любу в Москве. Скажи ей, что свет не клином сошелся.

Я очень хочу вырваться из Минска в Петроград или в Москву – к тебе, но меня пока не отпускают. Ищу предлог для командировки. В сущности и по делам журнала мне действительно необходимо побывать в тылу, но вот не отпускают.

Я пока дня два-три буду жить у Раевского. Потом, Комитет подыщет для меня комнату.

Помнишь, я тебя говорил: судьбу Союза и, в частности, моя судьба зависят всецело оттого, что произойдет в Петрограде в ближайшие дни. Теперь пока мы хозяева положения.

Каков-то мой теперь мальчишка?

Вот еще вопрос: говорит ли по крайней мере бона по-русски с достаточной правильностью? Как ты решила поступить с Царскосельской квартирой?

Постарайся переменить вексель. Телеграфируй, куда выслать тебе денег. Я сейчас могу послать тебе сто рублей – незамедлительно. Целую. Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 36 —39. Связь с конвертом не установлена. На бумаге ORIGINAL LIGAT MILLS. ВЗ: грифон на сундуке.

[418] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Минск, 31 марта 1917 г. (ст. ст.)

Минск. Захарьевская. Комитет Союза Городов.

31 марта 1917

Дорогая Надя!

В этом гнусном Минске совсем не торжественно, совсем не по-христиански прошла Страстная Неделя. Наступает Пасха, а мы с тобой разлучены, и это мне больно, чудесный мой друг.

Христос воскрес! Надя! Я влагаю в эти слова все, что наполняет сейчас мою душу, и крепко верю, что и ты чувствуешь то же, что и я, и так же, как и я. Я слышу твой родной голос: воистину воскрес!

Я хочу, чтобы этими словами началось твое письмо ко мне в ответе на это мое послание.

Я болен. У меня высокая температура, болит горло, кашель, насморк, болит желудок и весь я изнемогаю, <... письмо не окончено ...>

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 42. Связь с конвертом не установлена. Письмо не полностью было отсканировано архивом.

[419] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Минск, 31 марта 1917 г. (ст. ст.)

31 марта [апреля] 1917.

Дорогая Надя!

Как ты себя чувствуешь, моя чудесная? Нашла ты подходящую няню для Володи? Предельно ли унывают Рыбаковы?

Я чувствую себя не очень хорошо: во-первых, положение мое очень неустойчиво и неопределенно; во-вторых, у меня, должно быть, инфлуэнция <так!>, и это меня утомляет и раздражает.

Живу я пока в квартире Щепкина и Раевского, но и тот, и другой, вероятно, совсем покидают Союз Городов, и я уйду вместе с ними – куда, еще и сам не знаю.

Придется, пожалуй, поступить на старости лет в Александровское училище, если я не буду приглашен редактировать задуманный мной журнал для фронта. Дело в том, что ожидается слияния городского Союз с земским и с красным крестом. Это слияние запутывает мои личные дела чрезвычайно.

Я получил денег больше, чем предполагал. Если тебе понадобятся, телеграфируй: я вышлю незамедлительно 200-300 руб.<лей>.

Перевела ли ты деньги из Царскосельской кассы? На днях возьми у Лемана сто рублей.

Что ты придумала относительно лета? Можно жить на даче, а в деревне жить нельзя. Это я говорю твердо и прошу не прекословить, ибо я изнемогаю от усталости и споры меня угнетают.

Вероятнее всего я скоро буду в Москве, чтобы определить свою судьбу.

В Минске все гнусно.

Целую тебя и Володю.

Привет Рыбаковым, Нюре и вообще будь ко всем добра.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 40-41. Связь с конвертом не установлена.

[420] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Царское село, 20 мая 1917 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, как грустно за тебя! Когда же это все кончится? Жаль, что не можешь приехать посмотреть сынишку. Няню мне не ищи так зря, а если кто порекомендует особенно хорошую, тогда можно. Может, та Лосевская пойдет молоденькая? Это можно бы узнать через прислугу Лосевой, а так с улицы я больше брать не хочу. Кошмарные какие-то.

Целую тебя нежно. Надя.

Я не устаю.

20-е мая 1917

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 96. На бумаге Everlasting Paper; по дуге герба «Muir & Miriellees» на щите, который держат два медведя, отвернувшиеся друг от друга. Связь с конвертом не установлена.

[421] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 1 июня 1917 г. (ст. ст.)

1 июня 1917.

Дорогая Надя!

Утомил я тебя, должно быть, своими однообразными сообщениями: «положение мое неопределено». Но – увы! – ничего иного и сейчас не могу тебе сказать. Обо мне возбуждено ходатайство Просвет.<ительной> Комиссией, но едва ли это ходатайство будет удовлетворительно. Что касается Союза Городов, что я получил продление отпуска до 1 июня, а по распоряжению Керенского с 1 июня прекращаются отсрочки, ранее данные; как и моя, до 1 ноября. Таким образом Союзы с 1 июня фактически все будут разрушены, если не последует какой-либо новой меры для их спасения. Я решил продолжать мою работу в Просвет.<ительной> Комиссии.

Авось, я, проработав этот месяц, получу обещанную мне 1000 руб.<лей>.

Это мне даст возможность погасить долг по векселю, а за сим я явлюсь, к воинскому начальнику – вероятно, в Царском Селе.

В Петрограде я пока не уезжал, потому что занять покупкой типографии и другими делами Просвет.<ительной> Комиссии.

Няня уезжает в понедельник на дачу. Значит, во вторник ты проедешь, надеюсь, в Москву за деньгами. Если ты не успеешь сама их получить, засвидетельствуй у комиссара свою подпись на доверенности мне, а пока, если тебе нужны деньги, я могу тебе дать рублей сто-двести.

Здоров ли Володя? Научи его каким-нибудь человеческим словом. Я о нем мечтаю. Он – ей Богу – чудесный.

Когда я вас обоих увижу – не знаю. Меня рвут на части, но на мгновение я тебя увижу все-таки, полагаю. Если ты проедешь во вторник и не застанешь меня дома, звони мне по следующим телефонам:

1) Журн.<ал> «Народоправство»: 3.97.14.

2) Кварт.<ира> Бердяева: 4.46.76.

3) Кварт.<ира> Александрова (около двух-трех часов): 36.39.

4) Делов.<ой> Двор – 5.70.86.

[5) Контора типогр.<афская> у г-на Ландсберга, спросить г. Чулкова: 4.67 и 6.73 (около часа дня)]

6) Типография Рябушинского: 4.85.89 (утром)

Обними Любу и Славика. Целую тебя. Твой Георгий.

Боюсь, что во вторник меня пошлют в Петроград.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 43 — 44 об. На обороте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой.

[422] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 7 июня 1917 г. (ст. ст.)

7 июня 1917.

Дорогая Надя!

Не успел купить пластинки: минуты свободной нет днем, а в семь часов все заперто. Лошадку скверненькую купил и двух цеплят, – это Володю, а Славика лодку.

Жарко и душно – беда. Газеты раздражают и волнуют. Работают все вокруг скверно: за всех приходится отдуваться.

Зайцев написал чудесно для нашего журнала.

На днях поеду в Петроград дня на три.

Поздравляю Володю с полуторагодовым существованием на планете Земля, несмотря ни на что прекрасней и к Богу стремящейся. Целую тебя и этого самого Володьку. Обнимаю Любу и Славика. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 45. Связь с конвертом не установлена.

[423] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 10 июня 1917 г. (ст. ст.)

10 июня 1917.

Дорогая Надя!

Я уезжаю сегодня в Петроград дня на четыре. Числа 16-го вернусь в Москву.

Очень соскучился <без своих> – без тебя и без Володи – так жить бездомно и мыкаться.

Целую тебя, моя чудесная.

Володьки милый! Это ты хорошо сделала, что повесила его портрет ко мне в спальню. Я по утрам и по вечерам смотрю на него с удовольствием. А, ведь, удачно Люба его сделала. Обними ее и Славика.

Твой Георгий.

Я оставил дяде Влад.<имиру> Алекс.<андровичу> – на сохранение тысячу рублей. На всякий случай имей это в виду.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 46. Связь с конвертом не установлена.

[424] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 27 июня 1917 г. (ст. ст.)

27 июня 1917.

Дорогая Надя!

Не знаю, когда смогу выбраться на дачу: в праздник не могу ехать, ибо должен дописать брошюру в чтобы то ни стало, да и слишком трудно попасть в вагоне. Скорее в будни постараюсь вырваться на ночевку к тебе.

Трудно и утомительно работать сейчас, но особенно трудно, когда не знаешь даже приблизительно и предположительно, что с тобой будет через две недели. На днях – я думаю – выяснится, останусь ли я на службе в Просветительной Комиссии. Надо будет тогда подумать о зиме. Как нам быть с квартирой. Просто беда. Не заговорил ли Володька на человеческом языке? Целуй его. Любящий тебя – твой Георгий.

Любу и Славика обними – угости их и себя колбасой – салями. Ты, кажется, ее любишь.

Пришли и Фед.<ору> Егор.<овичу> мою записку. И как у вас обстоит дело со служанками, сообщи, пожалуйста.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 47. Связь с конвертом не установлена.

[425] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 29 июня 1917 г. (ст. ст.)

29 июня 1917

Милый Зоря! Вчера я не успела написать тебе и послать записку с Федей. Спасибо за письмо и еду, хотя последнее и не так важно. Со служанками у нас не хорошо, и не плохо. Пока Юзефа готовит и обещала приехать какая-то от Диатроптовых, но пока еще не едет что-то. Няня живет и, кажется, не собирается уходить. Володя ее очень любит, и она – Володю. Я сплю всю ночь, не просыпаясь. Болею немного животом. Тебя хочу видеть, но приехать как-то еще не решаюсь. У Володи прорезались еще два клычка, теперь всего 10 зубов.

Целую. Твоя Надя.

29 июня

Воскресенье

См.<отри> на оборот

Относительно квартиры намечается один план, но пока еще не поверю.

И еще, если возьмут в солдаты Диатроптова, то может быть Софья Семеновна согласится отдать нам две комнаты, но пока об этом с ней не деликатно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 97-98. На фирменной бумаге с ВЗ: Линен Банк. Связь с конвертом не установлена.

[426] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Царское село, 10 июля 1917 г. (ст. ст.)

Милый Зоря, истомилась я по твоей судьбе. Ты не поехал в Петроград, и значит там ничего не сделано. День Володиных именин будет для меня печальным днем, если все еще не будет известно, что с тобой сделают. Устал ты, бедный, и все для нас хлопочешь!

Володя ходит теперь совсем один и смело. Как будто, стал немного поправляться. Няня очень хорошая – ходит за ним добросовестно. Если будет случай, спроси Лосеву о квартире. Я думаю, что в Царское Село во всяком случае ехать не стоит.

Целую тебя, дорогой! Твоя Надя.

10 июля 1917

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 99. Связь с конвертом не установлена.

[427] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 1 июля 1917 г. (ст. ст.)

1 июля 1917.

Дорогая Надя!

Заболел Федор Егорович. У него какая-то слабость, головокружение – вероятно, это солнечный удар, от жары и духоты. Он лежит. По-моему, ничего страшного нет, но он нервничает. Любе придется приехать на несколько дней. Как быть с Юзефой – я не знаю. София Семеновна приложит все усилия, чтобы доставить вам служанку поскорее.

Так пусть Люба *сегодня* же проедет сюда. Я не могу дежурить дома: у меня дела по-горлу. Во вторник меня пошлют, должно быть, в Петроград. 15-го меня, вероятно, призовут. Я хочу не прекращать пока работы в Комиссии, чтобы иметь право получить за пятнадцать дней еще жалование – 500 руб.<лей>. Это пригодится нам, если я окажусь в казармах.

Целую тебя, моя чудная. Володьку тоже. Обними Любу и Славика.

Любящий тебя – твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 48. Связь с конвертом не установлена.

[428] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 4 июля 1917 г. (ст. ст.)

4 июля 1917.

Дорогая Надя!

Московский Комитет провалил мое дело. Оно будет обжаловано в Главный Комитет. Я уезжаю во вторник в Петроград. Вероятнее всего мне придется идти в казармы, а потом и на фронт. К этому надо отнестись с мудрым спокойствием. Ты, ведь, у меня герой и духом не падаешь. Я верю, что все как-то благополучно разрешится в конце концов. О завтрашнем дне лучше не думать: «взгляните на птиц небесных». Не надо, впрочем, понимать это буквально, а потому я оставляю в сберегательной кассе 600 руб.<лей>, если завтра успею их внести. Если не успею, отдам их на сохранение Фед.<ору> Егор.<овичу> или Влад.<имиру> Алекс.<андровичу>. Ежели в Петрограде я получу предложение ехать комиссаром на фронте или что-нибудь подобное, я приму предложение.

Целую тебя и Володьку. Обнимаю Славика.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 49. Связь с конвертом не установлена.

[429] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 8 июля 1917 г. (ст. ст.)

8 июля 1917.

Дорогая Надя!

Я, кажется, пишу тебе все об одном и том же – о моей усталости.

Теперь у меня несколько наладилась внешняя сторона дела, а устаю я все так же, как и раньше. Очевидно, у меня усталость внутренняя: вся Россия безмерно устала – в этом, должно быть, вся суть. И ты, моя чудесная. Верно?

Еду во вторник, вероятно, в Петроград: авось, к среде уgomонится неугомонная петербургская улица.

Когда вернусь из Петрограда, постараюсь попасть поскорее к вам, милым моим отшельникам.

На твою книжку я положил 600 руб.<лей> на всякий случай.

Московский Городской Комитет пересмотрел мое дело и признал нашу Просветительную Комиссию учреждением, работающим на оборону. Таким образом я временно пользуюсь отсрочкой, но теперь существуют какие-то еще ревизоры, которые могут отвергать решения Городского Комитета. Пока, значит, я свободен и могу продолжать мою работу. Впрочем, мне теперь все равно.

Целую нежно тебя и Володьку.

Любу и Славика обнимаю.

Любящий тебя – Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 50-51. Связь с конвертом не установлена.

[430] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 1 августа 1917 г. (ст. ст.)

1 августа 1917.

Дорогая Надя!

Не знаю, как быть с дровами. По-моему, надо их все-таки теперь же закупать. У меня есть сейчас свободных рублей 300 – вот и купить пока три сажени на всякий случай.

Надо подавать заявление о телефоне, и не знаю, могу ли я указывать адрес дома Лосевой. Я недоволен этой прекрасной дамой: она должна была сказать точно, уступает она квартиру или нет.

Напиши мне, в какой день ты проедешь в Москву, а то у меня есть желание при первой возможности проехать на дачу: я боюсь с тобой одновременно предпринимать эту поездку – досадно будет.

У меня был в гостях поэт Эренбург, только что приехавший из Франции. Рассказывал о французах неприятные вещи: очень устали и не любят русских. Испугались русской революции.

В Москве 13 августа – ты знаешь, будет «собор», созываемый правительством – Бог знает, чем это кончится. Состав будет многообразен.

Признаюсь, я внутренне устал, и бывают минуты (только минуты слабости), когда мне кажется, что придется нам с тобой жить на развалинах не только русской Империи, но и среди руин Российского государства. Неужели во-истину мы были декадентами? И неужели все наше великое было в прошлом и в настоящем нет ничего? Господи, помилуй нас грешных.

Целую тебя, чудесный мой друг. Целую Володьку и обнимаю сестру и племянника.

Твой Георгий.

В армии и в тылу, надо сказать, все-таки перелом – это все свидетельствуют. Все устали от беспорядка и бунта. Максималисты воняют в испуге: рабочие не хотят заниматься политикой вовсе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 52-53. Связь с конвертом не установлена.

[431] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 2 августа 1917 г. (ст. ст.)

2 августа 1917.

Дорогая Надя!

Напиши мне, пожалуйста, подавали мы в Царском заявление о наших доходах для внесения подоходного налога или не подавали, а если подавали, то какую называли сумму. Я не могу ничего припомнить из доходов, помню только, что подписывал векселя. Сколько, например, получили мы за пьесу из Александровского театра. И какую сумму дохода (за 1916 г.) надо обозначить? Собственно говоря, я вчера уже должен был внести этот налог. Надо это сделать поскорее.

А когда ты поедешь в Петроград и Царское? Это надо сделать по возможности тоже не откладывая на будущее, ибо в Петроград не пускают проезжающих и чинят препятствия для поездок туда вообще. Но тебе все-таки я думаю пока пропустят, ибо, ведь, там же наша квартира.

Как живет Володька. Мне очень хочется побывать на даче у вас еще разок.

Пиши, когда ты проедешь в Москву, назначь день, чтобы нам не разъехаться.

Любящий тебя Георгий.

Обнимаю Любу и Славика.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 54-55. Связь с конвертом не установлена.

[432] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 16 ноября 1917 г. (ст. ст.)

16 ноября 1917.

Дорогая Надя!

Как ты живешь, моя дивная? Как чувствует себя Володька? Я еще не видал Галицкой и не знаю, передала ли она тебе посылку – шерсть, полотно и муку: нет времени к ней зайти. Очень занят. В субботу требуют от меня доклада по делам Моск.<овской> Просвет.<ительной> Комиссии, а помощников нет и все надо подготовить самому.

19 – выборы в Учред.<ительное> Собрание. Удостоверение на твое имя получено. Не хочешь ли исполнить гражданский долг и проехать на выборы? Если Екат.<ерина> Сем.<еновна> тоже жаждет с этой целью проехать в Москву, отпусти ее на 20. Выборы – будут 19, 20 и 21.

Я простудился. Кашляю. Не решаюсь ехать в Посад, пока не перестану кашлять.

Везде в домах комитеты несут усиленную охрану. Нанимают сторожей и сами дежурят. А у нас никого и ничего нет. Все спят безмятежно.

Что творится на белом свете ты знаешь из газет: все фантастично и безумно.

Если ты не боишься московского погромного настроения и соскучилась сильно в Посаде, переселяйся в Москву, но непременно оставь за собой квартиру в Посаде. Из Москвы бегут тысячи мирных граждан.

Целую тебя.

Твой Георгий.

Вчера обедал у Лосевой, сегодня у дядюшки. Завтракаю дома.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 56-56об. Связь с конвертом не установлена.

1919 г.

[433] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 26 июня 1919 г.

26 июня 1919.

Дорогая Надя!

Очень рад, что тебе нравится на даче. Думаю, что нравится, ибо ты пишешь, что «тут очень хорошо». Но вот Володя все кашляет! Это ужасно.

Его фразу – «отчего мы папу сюда не взяли» – я очень оценил.

Газет ты, конечно, не читаешь. Мир подписан! Да еще как подписан – ты это пойми. Мы перевалили в новую совсем страну. Ты это пойми.

Я тяну свои репертуарные дела, стиснув зубы.

Завтра иду в Румянцевский музей. Сегодня утром заходил туда: не нашел ни книг своих, ни стола, ни даже залы, где занимался: все переменялось. Но я устраиваюсь там по-новому.

Питаюсь у тетки Вышеславцева. Лиза очень услужлива пока.

Деньги надеюсь получить в начале июля. Надо закупить где-нибудь продуктов на месяц это необходимо. На картофель надежда потеряна. Из Воронежа все эвакуируют.

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

Любе привет.

Тетка прислала сухарей, а не картофель – в этой первой посылке.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 58-59. Связь с конвертом не установлена.

[434] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 <Шереметьево>, <июнь> 1919 г.

/ Лето 1919 /

Милый Георгий,

я очень довольна Шереметьевым. Володя почти не кашляет – сразу прошел кашель – удивительно. И вообще Володя сразу поправился, загорел – стал бодренький и бегают лучше, аппетит хороший. Молоко тут хорошее, я даю Володе и парное и простоквашу, давала также редиску с маслом и все переносит хорошо.

Зоря, отопри белый шкаф в детской и там, в белом ларце, есть мешочек с пуговицами – нужно найти *пуговиц для пиджака* и попросить Лизу их пришить к новому пиджаку. Напиши, в пору ли пиджак.

Достань у меня в буфете в левом ящике в бумажнике Володину метрику и отдай ее Лизе вместе с рецептом Кислякова на усиленное питание и попроси Рыбакова по телефону или письмом дать тебе рецепт на усиление питания на 5-е и 6-е июля. Оба эти рецепта нужно отдать Лизе и твой паспорт тоже. Скажи ей, что нужно пойти с ними в *Неопалимовский пер.<еулок>, ул.<ица> Плющиха* и там взять ордер на продукты.

Соберись к нам в гости. Люба возьмет тебе [обратный] билет заранее. Пришли мне с Любой *горох*, сушеную *картошку* (в кухне на окне), сушеную *чернику* в детской на бел.<ом> шкафу. *Вазелин* и там же книгу <Гундобина>, там же *веревку-клубок* в белом шкафу, наверху, налево. *2 свечи восковые. Селедок.*

Хорошую книгу для чтения, если Люба сможет захватить.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 100 — 101об. На бланке «Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов. Исполнительный комитет». На обороте адресовано «Г. И. Чулкову».

[435] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
 <Шереметьево>, <конец июня> 1919 г.

/ 1919 лето /

Милый Георгий, дай дворнику 20 руб.<лей>. Я плачу ему каждое 1-е число. Не пришлешь ли ты мне хлеба? Неужели ты все съедаешь один? Еще ведь и сухари у тебя есть. Я говорю это потому, что хочу сберечь муку, которую тут купила (20 гр.<ан>), но если необходимо ее хранить, то буду печь себе хлеб сама. Напиши мне о себе и о делах. Попроси, пожалуйста Лизу или дворника числа 6-7 июля

сходить в районную думу (Неопалимовский пер.<еулок>, ул.<ица> Плющиха) и взять сначала талон на очередь, а потом ордер на продукты по рецепту врача тебе и Володе.

Дай две свечки восковые

Сахарного песку

Мыла, веревки и проч.<ие> вещи Любе.

Хорош ли пиджак? Пуговицы есть в бел.<ом> шкафу в ларце белом, в мешочке.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 102-102об. На бланке «Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов. Исполнительный комитет». На обороте адресовано «Г. И. Чулкову».

[436] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, <конец июня>1919 г.

Дорогая Надя!

Когда ты думаешь возвращаться? Я надеюсь, что ты вернешься не позднее середины августа (по старому – 1-го августа).

У меня в делах сейчас что-то не ладится. Копельман испугался предложенных ему условий: он еще не отказался, но тянет канитель.

Я сейчас сижу без денег и не могу тебе ничего послать. Это меня беспокоит.

Пиши два слова.

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

P.S. Екат.<ерина> Сем.<еновна> за какую-то болтовню на бульваре была арестована. Я написал письмо Л.<ьву> Б.<орисовичу> Каменеву, и тогда ее выпустили на свободу.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 60. Связь с конвертом не установлена.

[437] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 1 июля 1919 г.

1 июля 1919.

Дорогая Надя!

Очень боюсь, что будет забастовка на железных дорогах, и мы будем отрезаны друг от друга. А, ведь, у тебя нет продовольствия кроме того. Посылаю тебе для подкрепления финансов 500 рублей пока.

Я очень физически устаю. Проехать на дачу едва ли мне будет возможно. Питаюсь хорошо: Лиза охотно готовит. Но т.<ак> к.<ак> запасов нет, все обходится, конечно, дороже, чем раньше.

С этим ничего не поделаешь. У тетки Вышеславцева я, кажется, перестану обедать: с каждым днем все хуже и хуже. Дома лучше.

Пиджак ты сделала прекрасный. Приношу благодарности, в ножки кланяюсь. На счет «усиленного питания» постараюсь что-нибудь устроить, но едва ли Лиза сумеет это сделать.

Екатерину Семеновну я просил отвезти на дачу печку (но не круглую – круглую маленькую не дали): упрямая не захотела и куда-то бесследно пропала – кажется, в Каширу отправилась за провиантом.

По записке твоей, кроме мыла и сухарей, все посылал. Мыла и сухарей не нашли.

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 61-62. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак неразборчивый.

[438] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 9 июля 1919 г.

9 июля 1919.

Дорогая Надя!

То, что заболел Славик меня очень волнует: и его жаль, и Любу, и боюсь за Володю. Как бы нам его не заразить. Я уже считаю дни: по моим расчетам, осталось две недели до твоего возвращения в Москву. Или ты хочешь помедлить?

Ты напиши, какой у тебя план!

У меня созрело решение выйти из состава бюро репертуарной секции, хотя я и лишусь 2400 руб.<лей> в месяц. Думаю подать в отставку в конце месяца.

Радуюсь, что горит электричество: работаю еженощно, но в-прок, на будущее, готовлюсь к книге о Пушкине. По утрам хожу в Румянцевскую библиотеку: там у меня на столе всякие лакомства по части пушкинских изданий – «Северные цветы» и прочие вкусные книжки.

Писать не могу: рассказ пишу с трудом, едва-едва и медлительно.

Екатерину Семеновну не могу отправить на дачу: ни за что не соглашается ехать. Думает опять отправится в продовольственную экспедицию.

Целую тебя. Твой Георгий.

Хочу купить пуд муки: дал задаток. Пуд – 1400 руб.<лей>, а на рынке более 2000.

Хлеб на Володю дают такой, что есть его нельзя вовсе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 63-63об. Связь с конвертом не установлена.

[439] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 10 июля 1919 г.

10 июля 1919.

Дорогая Надя!

Я решительно не могу приехать в Шереметевку: очень устаю за день и, кроме того, дела так складываются, что мне непременно приходится бывать каждый день в «Задруге» и пока в Театр.<альный> Отделе. Нет уж, лучше ты возвращайся сюда – не позднее первого августа нового стиля. Жить на два дома очень трудно. У меня очень много выходит денег. По карточкам ничего не дают. На Володину карточку дают хлеб, который нельзя есть.

Сегодня купил фунт хлеба за 70 руб.<лей>. У тетки Вышеславцева вместо обедов дают черт знает что и стало дороже.

Театр.<альный> Отдел, вероятно, я покину первого августа, если не случится чего-нибудь катастрофического и ранее. Это возможно – в пределах, по крайней мере, нашей репертуарной секции. Скажи, сколько я должен заплатить Лизе – эти 400 руб.<лей> за месяц или за две недели? Ты, ведь, ей дала 200 руб.<лей>. Я еще ничего ей не давал.

Очень беспокоюсь из-за болезни Славика. Здоров ли Володя?

Посылаю тебе для подкрепления финансов 500 руб.<лей>.

В Москве беспокойно. Волнуются рабочие. Дороговизна безумная.

Рассказ не пишу. За то много работаю над Пушкиным.

Был у меня Копельман: раскидывал сети. Не знаю, как быть: «Задруга» очень ревнива.

Целую тебя и Володку.

Твой Георгий.

P.S. В Театр.<альном> Отд.<еле> заплатили все, но у них как-то вышло меньше, чем я рассчитывал: вычитали какие-то авансы. Напиши, сколько у тебя денег и сколько тебе еще прислать.

У нас лежит повсюду моль. Где нафталин? Моль съест, наверное, мое осеннее пальто и сюртук, хотя Лиза и проветривает пальто время от времени, как ты просила.

11 июля 1919.

Сейчас приехала Люба и привезла жилетку. Спасибо за жилетку.
Очень ты устала, Надя?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 64-65. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак неразборчивый.

[440] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 20 июля 1919 г.

20 июля 1919.

Дорогая Надя!

Когда ты думаешь вернуться в Москву? Если тебе кажется необходимым для Володи помедлить на даче до середины августа (нов.<ый> ст.<иль>), то делать нечего – оставайся [на даче]. Я как-нибудь проживу здесь без вас. Питаюсь я хорошо, но выходит много денег.

Без вас обоих мне скучновато, надо признаться. Но приехать к вам я, должно быть, не смогу: в Театр.<альном> Отд.<еле> перевороты – ушла Каменева – а я не решаюсь сейчас заявить о своем уходе по разным соображениям: приходится бывать там ежедневно.

В «Задруге» тоже дела. Если в Театр.<альном> Отделе что-нибудь наладится на днях, я, может быть, вырвусь на денек.

Я боюсь, что вы худо питаетесь. Надо есть побольше. Екатер.<ина> Семеновна я поручил купить для тебя масла. Посылаю муку для Володи и немного сахару.

Целую. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 66-66об. Связь с конвертом не установлена.

[441] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 4 августа 1919 г.

4 августа 1919.

Я без тебя очень соскучился, Надя, и приятно бы увидеть тебя во вторник, но я не могу поручиться, что Екатерина Семеновна пожелает ехать на дачу. С ней ничего поделать нельзя. Ведь, вот она должна была вернуть мне паспорт вчера, а она, не захватив ничего, зря поскакала на дачу, а когда я попрошу ее отвезти туда картошку и сухарей, она еще выкинет какую-нибудь штуку.

Мне в городе предстоят хлопоты: призвали всех советских служащих на военную службу от 18 до 40 лет. Надо будет хлопотать о снятии с учета, и еще неизвестно, что из этого выйдет, хотя мне и больше сорока лет.

А я, было, хотел поехать на дачу на день, на два. Теперь это невозможно. Впрочем, в Москве вовсе нехудо: нет пыли, потому что нет извозчиков. Погода чудесная и в нашем садике не хуже, чем в Высшем Шереметьевском загончике. Питаюсь я превосходно и потому не кашляю. А вот за вас я беспокоюсь: ты всегда не доедаешь. Это ужасно. Если нет мяса, надо побольше есть масла.

Целую Володю. Я тебя жду. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 67-68. Связь с конвертом не установлена.

[442] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 8 августа 1919 г.

8 августа 1919.

Милая Надя!

Едва ли я смогу приехать на дачу, ибо нельзя все-таки прервать переговоры с Копельманом, а торопить его невозможно, хотя и мало надежды на какой-нибудь толк. Но дело серьезное и попытку надо сделать, тем более, что из Театр.<ального> Отд.<ела> я уйду непременно. Я ездил в Замоскворечье и *меня сняли с учета*. Правда, могут призвать и до 45 лет, но *пока я свободен*, а это – ты понимаешь – очень приятно.

Трудно мне уехать на дачу еще и потому, что сейчас надо добыть денег: у меня ничего нет. Я хочу получить из Театр.<ального> Отд.<ела> за «Карманюлу», а там тоже тянут.

Помедли на даче до вторника-среды. Я с Любой пришлю тебе весть о том, в каком положении мои дела.

Володя, по словам Любы, здоров. Это главное. Если он не хочет ехать в город, я уже не знаю, как быть: господин, по-видимому, своевольный.

Целую тебя. твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 69-69об. Связь с конвертом не установлена.

1920 г.

[443] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Станция Подсолнечная, 20 мая 1920 г.

20 мая. Четверг.

1920.

Дорогая Надя!

Вчера узнал по телефону о твоём здоровье. Надеюсь, что Евдокия Ивановна сказала правду и что ты, в самом деле, не в таком положении, чтобы надо было мне возвращаться в Москву. К сожалению, в самой санатории нет вовсе телефона, и я говорил из дачи, которая довольно далеко от нас. И говорить по телефону так трудно, сложно и неудобно, что им пользоваться почти невозможно. Я ехал не без приключений. Поезд, мне назначенный, в 9 ч.<асов> не пошел, а пошел в 10. Санитарного вагона не было! До Подсолнечной мы едва доехали: мы ехали в огне – горела ос моего вагона. В Подсолнечной не было лошадей.

А был уже 1 час ночи. Пришлось их дожидаться *два* часа. Меня и товарища по несчастью грубо гнали со станции. Пешком идти было нельзя, ибо на станции категорически отказались взять вещи на хранение. Потом пришел юродивый и долго корчился в конвульсиях передо мной. Это была ночная станция. Я живу пока в санатории *Рек* (здесь четыре санатория). Сегодня, вероятно, перееду, наконец в Гагаринский санаторий. Но рассказали там жить очень жутко и тяжело. Но я все-таки попробую. Я переговорил с заведующим врачом, и он (или вернее *она* – женщина врач) обещала мне дать отдельное помещение – фонарь. Если в этом фонаре жить будет можно, останусь. Гагаринский санаторий находится от станции Подсолнечной на расстоянии 4 верст. Очень беспокоюсь о тебе. Скучаю о Володе. Написал стихи, кои я приписываю на обороте.

Н. Ч.

В твоих устах жестокие слова
 Не дышат гибелью и духом гнева;
 Земная ты, как мать земная Ева, –
 И не любить не можешь ты. Жива
 В тоске твоей любовная улыбка.
 Ах, жизнь, как облако, летучезыбка, –
 Увянет в нем, как жалкая трава!
 Зачем же укорять того, кто любит?
 Обида неужели нас погубит?
 Молчи. Ты лучше, чем твои слова.

19 мая 1920.

Г. Ч.

Поцелуй Любу: я с ней как-то не простился. Пиши: Ст.<анция> Подсолнечная, Ник.<олаевская> д.<орога>, санаторий Гагаринский.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 70 — 71об. Связь с конвертом не установлена.

[444]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Станция Подсолнечная, 21 мая 1920 г.

21 мая 1920.

Сенеж. Солнечногорский
 уезд.

Дорогая Надя!

Наконец, я попал в Гагаринский санаторий. Первое впечатление очень мрачное: здесь все казарменно-тюремные стороны больницы имеются, а все положительные стороны – гигиена, чистота и т.<ак> д.<алее> отсутствуют. Женщина-врач, кажется, неплохой человек, но ничего поделать не может. Здесь хорошо только огромное Сенежское озеро. Все прочее – невыносимый. Я отсюда уйду очень скоро.

Врач, обследовав меня внимательно, пришел к заключению, что я серьезно болен: легкие мои никуда не годятся, температура, оказывается, у меня ненормальная. И тем не менее меня очень удерживают в этом санатории, ибо обстановка здесь столь мрачная, что здесь можно умереть от меланхолии прежде, чем чахотка успеет сделать свое дело. Или я вернусь в санаторий Рек, где все-таки немного получше, или – в Москву.

Ужасно, что я взял только две простыни: здесь белье страшное, в пятнах чудовищных.

С большим трудом добился телефона (в санатории его нет) и говорил с Евд.<окией> Ив.<ановой> о тебе. Она уверяла меня, что ты будто бы чувствуешь себя нехудо и что у тебя температура нормальная. Слава Богу.

Мне скучно без Володи.

По поводу твоих последних откровенностей относительно меня и наших пререканий я хотел написать многое, но устыдился, побоялся впасть в «герценовщину» и «огаревщину». Слова тут не помогут. И логика не поможет.

Если я виноват перед тобой, то не так и не в том, в чем ты меня обвиняешь. Тебя, впрочем, трудно разуверить в чем-либо. Ну а мне как-то непристойно даже объясняться, ежели ты сама не видишь и не чувствуешь, в каком я положении. Вероятно, за эти годы я надорвался не менее, чем ты, но твоя усталость мучает меня гораздо больше, чем моя собственная усталость. А если у меня сознание

затуманилось и я как-то несправедлив, прости меня, ибо я все-таки люблю тебя по-настоящему. Может быть, я в самом деле сошел с ума и не вижу очевидно. Тогда прости.

Письмо это я посылаю с оказией, как и первое письмо. Мой адрес пока довольно неопределенно:

Подсолнечная ст.<анция>, Ник.<олаевская> ж.<елезная> д.<орога>, Санаторий Гагаринский, а, может быть, скоро опять Рек. Оба санатория находятся на расстоянии 5 приблиз.<ительно> верст от станции.

Целую Володю.

Твой Георгий.

Из Гагаринского санатория говорить по телефону совсем нельзя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 72 — 73об. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак неразборчивый.

[445] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 21 мая 1920 г.

Пятница, 21 мая 1920

Родной Георгий, не волнуйся за меня, у меня тиф смешной. Температура не выше 39,4 а сегодня 38,5. Голова не болит, ноги и руки тоже. Я оставляю Володю на попечение подруги Мариночки Кате Коркиной – барышня из богатой семьи. Она *не* нуждается и делает эту услугу для Марины. Она на пятом курсе Медицинского. Будет спать с Володей и оставаться с ним до 2-х за исключением двух дней в неделю, когда она будет уходить с утра. Изучи мои инструкции по уходу за Володей и руководи уходом. Е.<катерину> С.<еменовну> нужно *умолить* поехать за белой мукой для Володи. На нее я Володю не оставляю, она полоумная.

Как можно больше воздуха, но жара вредна – пусть часа два поиграет в своей комнате. *Никогда не давать вчерашнего* молока, не прокипятив его снова утром. Краевский *очень одобряет* больницу, куда меня везут, устроилась туда через Гельмана. Ко мне ходить тебе не нужно без нужды, будь с Володей. Следи, чтобы он не был в кухне. Сходи *на днях* в 9-е отд.<еление> и перенеси свое назначение на другой месяц.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 103 — 104об. Связь с конвертом не установлена.

[446] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Гребнево, 21 июня 1920 г.

Гребнево 21 июня 1920

Милый Георгий,

мне тут очень нравится. Весь дом и вокруг дома и люди очень симпатичные, все утешает, но Володя не со мной и это немножко беспокоит меня. Дом, где он сейчас спит, виден из моего окна, он в ста шагах от меня, там есть сестра милосердия, которая дежурит ночью. Есть няня, которая спит в детской.

Володя спит в комнате трех малышей – Коля 3 ½ лет, Тоня 4-х и Варя 5-ти лет. Я сама его уложила и ушла в другую комнату, и он не плакал, но и не спал, а потом ушла пить чай, а сейчас туда пошла Катя – посмотреть спит ли он.

Может быть и можно добиться, чтобы Володя был со мной, но я что-то уж очень устала, думаю, стоил ли?

Здесь меня встретили (и очень сердечно) Маргарита Васильевна Сабашникова, она *очень* пополнила и уже не в качестве больной, а служит здесь же ее брат с женой и ребенком. Все они служат тут. Доктор сегодня едет из Москвы.

Есть телефон и я буду говорить с тобой. Я взяла много лишнего и не взяла кое-чего необходимого. Если можно, занеси М<аргарите> В<асильевне> Сабашниковой, Волхонка, 14, кв.<артира> 12 – один стакан и блюдечко, на котором лежало мыло – *маленькое*, а то М.<аргарите> В.<асильевне> будет тяжело нести. Но в среду днем она уже уедет – значит, нужно передать утром в среду или во вторник вечером. Едет М.<аргарита> В.<асильевна> провожать Бальмонта за границу. Маргарита В.<асильевна> и ее брат живет не в санатории, она снимает домик в деревне. Я буду искать для Евд.<окии> Ив.<ановны> избушку, но продуктов тут нет, кроме молока, никаких. Пусть хлопочет в санаторий и старается попасть сюда.

Путевки у меня до сих пор не взяли.

Когда я приехала, мне подали в комнату 2 ф.<унта> хлеба и масло кусок с ¼ ф.<унта>, кружку кофе и стакан молока, для Володи кружку кофе сладкого с молоком.

За обедом дали суп из чечевицы – вкусный и шесть толстых блинов с тремя кусками хорошего балыка – стакан молока. Вечером кофе с молоком. Все, и особенно хлеб, вкусно.

Скоро сюда приедет Таня Полиевктова, которая была очень больна дизентерией.

По-моему ты с твоими правами на санаторий можешь взять путевку сюда, чтобы навестить меня и прожить здесь неделю, другую. Природа здесь, кажется, изумительна. Но у меня мигрень и я еще не могу оценить всего.

Во всяком случае я очень тебе и Неведомскому благодарна, за Гребнево. Надеюсь отдохнуть и снова стать человеком. Сегодня я почувствовала, как я слаба еще.

Здесь дают не только все постельное белье и полотенца, но и халаты и туфли – посуда приемлемая, но кофе в жестяных кружках – очень горячо. Кате я ничего не давала. Ты сам заплати. Посылаю тебе обратно пять тысяч р.<ублей>.

Здесь за деньги почти ничего не продают, а меняют на хлеб, котор.<ого> слишком много дают в санаторий.

Целую тебя Надя.

Во все подробности здешней жизни меня посвятила М.<аргарита> В.<асильевна>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 105 — 108об. Связь с конвертом не установлена.

[447] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Гребнево, 4 июля 1920 г.

Гребнево

Дорогой Георгий, мне очень хочется знать, как ты себя чувствуешь, что делаешь, какие у тебя планы на зиму. Неужели ты не можешь приехать? В письме все трудно рассказать, но я поняла, что официального приглашения прочесть что-нибудь здесь тебе не будет. Этого здесь не заведено. Тут обходятся «своими средствами»: все больные сами устраивают. Если бы мы сговорились относительно твоего приезда, то я постаралась бы сделать так, чтобы тебе была лошадь, потому что едва ли ты найдешь лошадь на ст.<анции> Щелково, кроме санаторской. А уж оттуда-то наверно тебя отвезут.

Я уже растолстела – прибавила 6 ф.<унта> за неделю. А Володя почти не прибавил, но вид у него стал лучше: он загорел, ходит босой и как-то окреп. Первое время он был как-то растерян и

смущен большим количеством детей, среди которых он проводит день, но теперь освоился немного и меня отпускает от себя без слез.

Я уже начинаю немного скучать от бездействия и тяготиться незнанием нашего ближайшего будущего. Здесь несколькими больным предложили ехать на Кавказ продолжать лечение в санатории. Многие не едут. У меня такое впечатление, что доктор старается набрать нужный комплект больных и предлагает эту поездку очень щедро. В пятницу сюда едет из Москвы Мих.<аил> Васил.<евич> Сабашников. Если ты отнесешь ему письмо для меня [то] до пятницы, я буду очень рада. А может быть ты с ним и приедешь в первый раз? Буду говорить с тобой по телефону до пятницы. Захвати с собой ложку, ножик и вилку – твой дорожный прибор.

Адрес Сабашникова Волхонка, 14, тот самый, куда ты носил письмо Марг.<арите> Вас.<ильевне> для меня. Как живут Люба и Нюра. Привет им от меня. Приезжай. Напою тебя хорошим молоком и накормлю кашей. Кормят нас хорошо, но все вегетарианское. Целую тебя. Твоя Надя.

4/VII 1920

Пришли мне бумаги и конвертов немного.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 109 — 110об. Связь с конвертом не установлена.

[448] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 7 июля 1920 г.

7 июля 1920

Дорогая Надя!

Телефон в большом доме испорчен, и я очень досаую, что от тебя нет никаких вестей. Неужели Володя все плачет и не мирится с своей судьбой? Поправляешься ли ты? Очень хотелось бы навестить тебя, но не знаю, как это сделать. Чтобы попасть к тебе, надо получить путевку. Значит, я должен маршрутировать в Воротниковский пер.<еулок> и обратно, а в день поездки на вокзал – это – увы! – для меня невозможно. Я едва могу дотащиться до Румянцевского музея. Прошло почти три недели, как ты уехала. Я еще ничего не успел сделать существенного – одну из причин этого ты знаешь.

Зайцев уезжает в пятницу. Я останусь один и, может быть, буду работать более сосредоточенно.

Вопрос о нашем дальнейшем устройении пока неразрешен, ибо Кавказ может быть, по видимому, как-то отрезан, по словам большевиков, приехавших оттуда. Между прочим, у меня был Сергей Городецкий. Он теперь коммунист. Как-то комиссарствует в Баку. Он говорит, что на Кавказе с каждым днем жизнь становится дороже и дороже.

Был тут проект относительно Уфы, но не расскажешь всего в письме. Наконец, является мысль о переезде в Петроград. Я обдумываю все эти проекты и взвешиваю обстоятельства. Когда вернешься из санатория, сделаю тебе доклад, и мы решим, как поступить.

Может быть, на днях я поеду в Петроград на разведки.

На днях постараюсь увидеть Каменева и Луначарского. Надо с ними поговорить кое-о-чем.

Городецкий уезжает в Петроград на неделю, а потом возвращается на Кавказ. Если бы я не боялся разлучиться с тобой и Володей, я поехал бы с Городецким. Он мне гарантирует устройство лекций в Кисловодске и других городах, и его вагон через неделю возвращается в Москву. Не поехать ли?

Евдокия Ивановна на днях переезжает на дачу – кажется, тоже по Ярославской дороге, не доезжая Щелково.

Не знаю, дойдет ли это письмо до тебя. я теперь в почту не верю. От тебя я получил одно письмо.

Я работаю в библиотеке до 4 часов, а потом захожу в Тео и оттуда домой. Пытаюсь писать комедию.

Зайцевы уезжают в деревню, но осенью, вероятно, будут хлопотать о поездки в Италию. Вячеслав Иванович уезжает скоро. Бальмонт уехал.

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 74-75. Связь с конвертом не установлена. На бумаге водяной знак неразборчивый.

[449] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 15 июля 1920 г.

15 июля 1920

Дорогая Надя!

Политические события – большие победы красной армии на Западном фронте (взятие Минска) приведут, пожалуй, к скорой развязке нашу войну <так! – К. Р.>. Я думаю, что осенью можно будет куда-нибудь уехать. Потому я буду усиленно работать в библиотеке, подготавливая материалы для лекций.

Это во всяком случае пригодится, если даже останемся в Москве или переедем в Петроград. Из Петрограда возвращались еще некоторые, и опять никто не привез вести о моих книгах. Я, вероятно, через неделю уеду в Петроград на несколько дней и уже хлопочу об отъезде.

Нежность моя к Володе все усиливается. Не могу забыть, как мы с ним расставались, как он мне махал ручкой, карабкался по большой лестнице – один, такой крошка. Я чувствую, что из него выйдет поэт: в нем есть какое-то лирическое волнение, он необыкновенный ребенок. Или мы, родители, в самом деле совсем глупые?

Ты мало пополнела и, хотя эстетически это очень приятно, но я хочу, чтобы ты еще прибавила в весе. Пей молоко.

В доме у нас все по-прежнему. Комиссия по уплотнению прошла благополучно. Нас пока не трогают. Евдокия Ивановна переехала, наконец, на дачу – по Брянской дороге. Адреса не знаю.

Посылаю тебе несколько стихотворений. Переписывать их можно, но автографов никому не давай.

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 76-76об. Связь с конвертом не установлена. Приложение отсутствует.

[450] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Гребнево, 16 июля 1920 г.

Милый Георгий, я была у доктора и он сказал мне, он и всем это говорит, что теперь в центре решено сократить пребывание больных в санатории до месяца. Я сказала: «А для тифозных тоже правило?» – «Да, но мы будем стараться задержать вас подольше».

Я не очень надеюсь, что Пржисецкий станет меня отстаивать, хотя он и сказал мне, что у меня расширено сердце. Если тебе не лень и если будет время и возможность, то попроси Неведомского о продлении мне срока. Пржисецкий жалуется, между прочим, что Неведомский и <нрзбр.> «требуют немедленно семь мест для своих больных», а ему некуда их поместить. Вот какое положение дела! Если я сама должна что просить и что-то писать, то узнай и скажи мне, что именно и в какой форме. Скоро поедет сюда Овчинников, Алекс.<ей> Константинович на автомобиле – до сих пор он еще не

был тогда и ты постарайся приехать часа на два с ним. Если получено масло для Володи привези немного для Володи пару селедок.

Посылай письмо для тети Сони. Напиши еще от себя о деньгах и проч.<ем> и пошли.

Целую тебя. Володя здоров и тебе шлет привет.

Н.

16/VII 1920

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 111 — 112. Связь с конвертом не установлена.

[451] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 22 июля 1920 г.

22 июля 1920.

Дорогая Надя!

Твое расширение сердца ужасно меня мучает. Это все потому, что ты спешила встать с постели после тифа! Это можно вылечить, говорят, но как с таким сердцем жить в нашей обстановке?

Я был в Губнарздраве, но Неведомского не застал: говорил с Александрой Петровной Романовой, всемогущей особой в пределах Губнарздрава. Она мне сказала, что ты имеешь право во всяком случае на 6 недель и сокращение срока касается новых больных, а не тех, которые уже были назначены. И этот шести-недельный срок можно продлить, если ты напишешь бумагу, а местный санаторный доктор присоединит заявление о том, что у тебя после тифа расширено сердце. Вообще все зависит от Артура Рудольфовича, а центр на продление твоего пребывания в санатории согласится. Напиши, примерно, так:

В Губнарздрав

Заявление

Надежды Григорьевны
Чулковой, находящейся
на излечении в санатории
Гребнево

Прошу разрешить мне продлить время моего пребывания в санатории еще на месяц в виду того, что после тифа у меня расширено сердце и я чувствую крайнюю слабость. Прилагаю при этом удостоверение доктора.

Вот и все. Я полагаю. Мне пришлось и Нюре дать письмо к Неведомскому. Не знаю, как она устроится.

А я уезжаю на днях в Петербург, хотя и уверен, что из этого ничего не выйдет. Но все-таки хочу посмотреть мертвый город.

Еду, потому что продали мою статью (доклад) «Польско-русские отношения в поэты Пушкина, Тютчева и Хомякова» за 20.000 руб.<лей>. Вот и оправдалась моя работа над этим докладом.

Я заготовил бумагу с ходатайством об отпуске меня в Грузию, но ее сейчас нельзя подать: все писатели (и Вяч.<еслав> Иванов) *задержаны*, ибо Бальмонт будто бы переехав границу, нарушил слово и стал бранить правительство Советской Республики.

Как Володя? Я очень за него волнуюсь. Целуй его нежнее.

Любящий тебя Георгий.

На обороте пишу тебе мои новые стихи.

Присноблаженная Мария,

Прими венок из красных роз.

Они – земные и живые –
Их в горницу твой раб принес.

Оставь твои цветные пальцы,
Отметь иглой узор цветов.
И пусть коснутся нежно пальцы
Благоуханных лепестков.

Из пламенной и страстной дали
К тебе пришел безумный раб...
Лобзая край твоих сандалий,
Он умирает – нем и слаб.

20 июля 1920.

P.S. Только вчера удалось получить ордер на пакк, а продуктов еще нет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 77 — 79. Связь с конвертом не установлена.

[452] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 24 июля 1920 г.

Суббота 24 июля 1920 г.

Дорогая Надя!

Все ждал, что за мной заедут на автомобиле и не дождался. Мне очень обидно, что я не успел увидеть тебя и Володю до моего отъезда. Завтра, в воскресенье, я уезжаю в Петербург. Билет в международном вагоне у меня уже есть (получил его, по протекции, и все-таки с удивительными мытарствами). Ни Гофман, ни Скалдин, обещавшие мне привезти весть из Царского Села, ничего мне не сообщили. Вот поеду, посмотрю. Впрочем, у меня нет ни малейшей надежды на то, что книги целы. На всякий случай я заручился бумагой из Комиссариата Просвещения на право перевезти мою библиотеку в Москву. Остановлюсь в Петербурге, вероятно, в «Доме Искусств» (Мойка, 59) или у М.<одеста> Л.<юдвиговича> Гофмана, или у брата Скалдина. Если я ничего не найду в Царском, все-таки мне будет любопытно и небесполезно посмотреть Петербург.

Я очень беспокоюсь за твое сердце и за благополучие Володи. Из прошлого письма ты знаешь, что надо подать в Губнарздрав заявление о твоём желании продлить пребывание в санатории, подкрепив это заявление удостоверением Артура Рудольфовича в том, что у тебя расширение сердца. В центре не будут ставить препятствий.

Одна из причин моего отъезда в Петроград то, что теперь временно закрыт Румянцевский Музей и там, между прочим, арестованы мои материалы для биографии Тютчева. Я был в музее во время обыска, но меня случайно не задержали. За неимением рукописи, я прервал мою работу.

Я все-таки мечтаю в сентябре уехать с тобой и Володей в Грузию. Кажется, это не так уж невозможно. Стихотворение, которое я тебе послал («Присноблаженная Мария»...) нехорошее стихотворение. Не читай его и не давай его переписывать. Его надо уничтожить. И вообще я думаю прекратить временно писание стихов. Целую тебя нежно и Володю. Твой Георгий.

P.S. Пакк я получил, но неудачно. Масло сливочное горькое. Я его просил Лизу перетопить. Для Володи оно не годится. На рынке я сливочного масла не достал.

Посылаю тебе в этом конверте 5000 руб.<лей> на всякий случай.

До какого числа тебе хотелось бы остаться в санатории? Я думаю, что числа до 15 августа н.<ового> ст.<иля> – не позднее.

Согласна? Или до 1 сентября?

Сейчас 5½ ч.<асов> очевидно, что и сегодня уже за мной не заедут. Завтра занесу это письмо А.<лексею> К.<онстантиновичу> Овчинникову, а если его не будет дома, оставлю его у Лизы.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 80 — 81. Связь с конвертом не установлена.

[453] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 12 августа 1920 г.

12 августа 1920

Дорогая Надя!

Если ты можешь остаться недели на две, на три, оставайся, пожалуй, хотя я беспокоюсь за Володю: не угнетает ли его нравственно разлука с тобой? Тогда не лучше ли вернуться в Москву? Теперь, ведь, начало августа по старому стилю. Впрочем, поступай, как тебе кажется лучше.

Грузия от нас ускользает, ибо сейчас политические осложнения между грузинским правительством и нашим, советским. Посмотрим, что будет через месяц. Пока я заручился протекцией в грузинской миссии на всякий случай.

Книги мои погружены и отправлены из Царского. Жду их в Москве, если по дороге с ними не случатся катастрофы. Дубликат накладной у меня в кармане. Теперь предстоят хлопоты с разрешением для перевозки книг через Москву и с транспортом.

Что касается до способа твоего возвращения, то надо просто нанять с вокзала извозчика. Это обойдется в 5000 руб.<лей>. Автомобиля или экипажа я не могу достать. Телеграммы не посылай: она придет через две недели после твоего возвращения в Москву.

Я отправляю это письмо с Екатериной Семеновной. Пришли мне с ней ответ, когда ты думаешь вернуться, – или у тебя есть еще какой-нибудь план?

Переплетами заниматься нельзя: есть декрет, который обязывает всех переплетчиков переплетать лишь конторские книги для советских учреждений, при этом материалы и инструменты реквизируются.

Я буду этот месяц всецело заниматься книгой о Тютчеве, ибо у меня в Петербурге было серьезный разговор с Брокгаузом и, может быть, мы с ним поладим, т.<о> е.<сть> с его представителем. Во всяком случае надо кончить хотя бы эту работу.

А в середине сентября видно будет, что делать. Если восстановится легкое сообщение с Кавказом, поедем туда; если все будет смутно, будем готовиться к зимовке в Москве и покупать дрова. Я надеюсь, что книги мои придут благополучно из Царского. Это было бы хорошо. Но если даже с ними случится недоброе, все-таки я рад, что побывал в Петрограде.

Там я читал на вечер в «Доме литераторов» мою поэму – и с успехом. Вообще Петроград встретил меня хорошо. Видел Блока, Городецкого, Кузмина, немало молодых поэтов, Щеголева и у Судейкиных видел Ахматову – последнюю полчаса. Ахматова превратилась в ужасный скелет, одетый в лохмотья. Но стихи прочла чудесные. Она, по рассказам, в каком-то странном заточении у Шилейко. Оба в туберкулезе, и очень бедствовали.

Видел я еще Бенуа, Добужинского, Митрохина. Петербург волшебю красив. Но жить в нем трудно. При мне закрыли все рынки и магазины, и тотчас же цена на хлеб с 300 руб.<лей> выросла до 1000 за фунт. Ничего достать нельзя.

Процветает П.<авлу> Е.<лисеевичу> Щеголев. Устроился и Сюннерберг, хотя и не так жирно, как Павел Елисеевич. У Сюннерберга сын – коммунист. И вообще у молодежи тяга к коммунизму.

Все шлют тебе нежные приветы. Особенно экстатически объяснялась тебе в любви Валентина Андреевна Щеголева. У них я одну ночь ночевал, и она меня накормила обедом. Были очень радушны. Познакомился я еще в Петрограде с поэтессой Павлович, которую воспитывал в Москве Вяч.<слав> Иванов. Эта Павлович маленькая тумбообразная некрасивая молодая женщина, но пишет настоящей стихи. Я о ней написал статейку, которая и была напечатана в «Жизни Искусства». Павлович была моей соседкой по комнате в «Доме Литераторов». Она мне «открывала душу»: влюблена во Блока, и, кажется, Блок ей симпатизирует.

Слышал, что Серебрякова бедствует в Харькове, но в Петрограде продали ее картины на очень значительную сумму и стараются ей переслать деньги. Ее муж умер в январе месяце от сыпного тифа. Е.<вгений> Е.<вгеньевич> Лансере уехал в Париж или в Белград и разлучен с семьей.

Питался я в «Доме Искусства». Там собирался довольно забавная компания «бывших людей» из «Мира Искусства», «Аполлона» и т.<ому> п.<одобнее>.

За завтраками разговор ведется почти исключительно по-французски. По пятницам литературно-музыкальные вечера, а после вечеров – *танцы!* Приходят молодые люди во фраках и смокингах.

Крушинская жива, делает шляпы, живет с грехом по полам. С ней какая-то Татьяна Альфредовна. Была на моем выступлении, когда я читал поэму. В восторге от поэмы и от меня, и от случая узнать о тебе и Володе.

В Петрограде все были убеждены, что я умер. С.<емен> А.<фанасьевич> Венгеров готовил некролог обо мне.

Умерла В.<ера> К.<онстантиновна> Иванова (Шварсалон). Сегодня я был на похоронах в Ново-Девичьем монастыре. Служил тот же отец Сергей.

Я почему-то плакал, чувствуя, должно быть, как все мы близки к смерти, как все мы бродим над пропастью.

Я скучаю без тебя и чувствую разлуку с тобой, как влюбленный.

Целую тебя и Володю.

Твой Георгий.

P.S. Видел сегодня Овчинниковых. Он предлагает тебе и мне всякие места. Между прочим, в каком-то полигоне, около Одинцова. Будет дрова и освещение, и маленький паек. Можно об этом подумать, хотя это мало соблазнительно.

Посылаю тебе на всякий случай еще 300 рублей.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 82 — 85об. Связь с конвертом не установлена.

1922 г.

[454] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, лето 1922 г.

+

/ 1922 лето /

Милая Надя!

Спасибо за записочку, присланную с Лидочкой. Я живу сносно. Обедаю дома. Два раза обедал со мной Славик. Эти последние дни пришлось мало спать: сидел по ночам до 5 часов – надо было сдать переписанная в трех экземплярах «Годы странствий». Пошлю в цензуру. Не знаю, что будет.

Роман пишу. Не хочется торопиться и портить. Просто беда.

Посылаю тебе 20 руб.<лей> для Зашук (Ольга Мих.<айловна> уехала до сентября).

Десять рублей тебе (30 р.<ублей> я послал по почте. Извести меня, получила ли ты их).

У меня больше денег нет для тебя, и сам я сейчас при пиковом интересе: все, что я получил, забирают у меня переписчики на машинке. Вот если примут роман и заплатят, будем богаты, но это может случиться лишь через месяц, не ранее.

Целую тебя, моя родня. Твой Георгий.

Привет мой Марии Федоровне и Анне Васильевне.

Цыганка завтра уезжает, слава Богу, в Васильсурск: ее отвезет Ольга Мих.<айловна> и ее муж.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 86. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю л. пометка, внесенная Н. Г. Чулковой: [1920 лето].

[455] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Кучино, 28 августа 1922 г.

/ 15/28 1922 августа /

Милый Георгий, я здесь по-настоящему отдыхаю. Лида за мной ухаживает и всячески меня убажывает. Когда будешь посылать мне лекарство, то кстати пошли еще 5 ф.<унтов> муки – пусть Лиза отвесит в маленький мешочек и Леня отнесет все Евгению для меня и во вторник, и в среду сюда будут ехать из Москвы. Молока *не надо*. Как ты живешь? Меня мучает совесть (это не <нрзрб.>), что ты в Москве, а я наслаждаюсь. Но это мое обычное сознание по отношению к тебе. Была два раза в храме и очень было хорошо.

Напиши, нет ли чего нового.

Будь здоров и терпелив!

Твоя Надя.

15/28 авг.<уста> 1922. Кучино.

Напомни Цявловскому о книгах. Я по приезду их переправлю к себе. Лида даст денег.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 113-113об. Связь с конвертом не установлена. По верхнему краю л. 113 пометка, внесенная Н. Г. Чулковой: [15/28 1922 августа].

1923 г.

[456] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 6 июня 1923 г.

Милый Георгий, какая досада, что я не попросила тебя телеграфировать, когда приедешь! Это я сообразила, когда мне стали докучать вопросами твои знакомые. Дашь ли ты телеграмму, когда приедешь?

А я что-то не боюсь за твое путешествие. Надеюсь, что все будет благополучно.

Проводив тебя, я поехала домой и почему-то сразу почувствовала себя плохо. Дома все лежала, и к вечеру пришел тот иностранец с переводчицей, и говорили мы часа два. Он очень интересуется театром, литературой, философией и наукой. Что могла, сказала, за русской философией посоветовала ехать в Берлин.

Потом навестила Назвонову .

А потом был небольшой жар и головная боль – два дня. Позвонила Работнову: не от операции ли? Он «успокоил» – «да это бывает». Теперь лучше. Автографы отнесла к Веселкиной. В Госизд.<ате> еще не была.

Люба ходит каждый день ко мне обедать. В пятницу она едет на дачу к знакомым, вероятно, на все лето.

Букшпан купил книгу Розановых за 10 долларов. Пошли деньги с худ.<ожником> Ефимовым, котор.<ый> теперь живет в Посаде.

От Ньюры письма еще нет. Казанович я написала, как ты велел. Пиши мне наставления и поручения. Я еще не скоро, верно, уеду к Духовской: погода не располагает, все ливни и холода.

Прощай пока. Твоя
Надя.

6/VI 1923

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 114 — 115об. Связь с конвертом не установлена.

[457] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Гаспра, 8 июня 1923 г.

8 июня 1923.

По-видимому, Надя, Провидение против моих занятий литературой, здесь, в Гаспре, – рукопись пьесы я не нашел, как тебе известно, и не привез сюда; чернила оказались никуда негодными; здесь чернил достать нельзя... Вчера я тебе писал, что живу растительной жизнью без угрызений совести, а сегодня мне уже скучно от бездействия. Дурацкое *farniente* становится смешным и противным. Нет ничего глупее этих «домов отдыха».

Крым меня несколько не трогает. Охота была Мицкевичу писать свои «Крымские сонеты», а Пушкину «Бахчисарайский фонтан»! Море как море, Ай Петри как подобает ему быть. А развалины дач, заколоченные лавки, исковерканные дороги – все это несколько не утешает. Вчера вечером у нас в комнате зажгли лампу и в разбитое окно налетели москиты. Искусали у меня некоторые очень важные части тела, которые ассирийцы, вавилоняне, египтяне и многие иные древние народы, а также покойный Василий Васильевич Розанов почитали священными и даже божественными. Однако москиты кощунственно их изгрызли, как будто это шоколад.

Кашляю я меньше и пока нет кровохаркания. Буду терпеть этот гнусный Крым.

До моря ходьбы час, а Алупка совсем недоступна: до нее верст восемь. Такое путешествие совершить мне не под силу, а ездить дорого, да и найти возницу очень трудно.

Напиши мне, пожалуйста, длинное письмо – о важном и неважном.

Я тебя очень люблю. Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 87-87об. Связь с конвертом не установлена.

[458] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Гаспра, 21 июня 1923 г.

Гаспра. 21 июня 1923.

Милая Надя!

Я был счастлив, получив от тебя сразу несколько писем от 5, 11, 12, 14 и 15 – все в одном пакете. Получила ли ты мои письма, которые я послал с Голубцовой, а потом с господином, фамилии которого сейчас не вспомню (геолог, знакомый Голубцовой)?

Читал письма твои, переживал вместе с тобой все твои волнения (особенно, о нашей могилке), слышал твой голос и острее чувствовал разлуку.

Телеграммы я не посылал, потому что боялся тебя беспокоить, ибо мы, ведь, не условились о телеграмме. Я радуюсь, что икона Георгия Хозевита у нас теперь есть. Спасибо тебе. Целую твои руки и мысленно прошу тебя меня перекрестить. Твой рассказ о посещении Донского монастыря меня очень тронул. Как ты хорошо стала писать письма!

Напиши, пожалуйста, письмо Георг.<гию> Льв.<овичу> Георгиевскому, что мол Георг.<ий> Ив.<анович> поручил мне распечатывать корреспонденцию и отвечать на деловые письма, а сам он *тяжело* болен и находится в Крыму. Напиши Георгиевскому непременно, что, насколько тебе известно, дело не в гонораре, а в цензуре, что у нас в Москве слишком она строга, по отношению к архивным документам. Сообщи о том, что я приготовил к печати три тома сочинений Тютчева, а вместо них выйдет популярная сокращенная книжечка, что Госуд.<арственный> Изд.<атель> не решается печатать даже стихи Тютчева полностью.

Спасибо тебе за письмо к Казанович и за посещение Государственного Издательства. Зайди к Пиксановым и скажи, что супруги, если они *своевременно* записались в Цекубу, могут рассчитывать на комнату для двоих, а что касается вольного найма, то можно получить комнату у татар за 500-600 милл.<ионов> в месяц (т.<о> е.<сть> теперь, а позднее дороже, конечно).

Что значит, что Голубкина делает твой портрет? Какою? Или мраморный бюст?

О себе могу доложить тебе следующее. Сначала я худел и терял в весе, и это делало мое настроение несколько мрачным, а сейчас стал поправляться, вернул потерянный вес и даже немного прибавил. И вообще стал лучше себя чувствовать: нет кровохаркания и кашель значительного уменьшился. Говорят все, что месяц мало, что надо здесь пробыть хотя бы недель шесть, а то все сведется к нулю, но я не уверен, останусь ли я после 5-го еще на две недели.

Я совершенно не работаю. Так я, кажется, никогда в жизни не ленился. Глупею не по дням, а по часам. С Крымом я все-таки примирился: тепло, лениво, глуповато, южно – место подходящее для отдыха. Купил яиц и, кроме обеда, подкреплюсь ими.

Евдокия Ивановна, по-видимому, не проехала. Впрочем, ей до меня едва ли удастся добраться: от Гаспры до Алупки-Сари добраться семь-восемь верст по горам, а извозчик берет 300 милл.<ионов>.

Целую тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 88-88об. Связь с конвертом не установлена.

[459] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 17 июня 1923 г.

17 VI 1923
Воскресенье

Милый Георгий, вчера отправила тебе письма через Цекубу. Получишь ли ты их? Я все еще в Москве, все еще не съездила даже к Славику. Думаю поехать завтра. Задержала меня Голубкина, без толку. Ничего не вышло из ее работы: все опять сломала. Ох, зачем она это делает? Мне совсем не интересно теперь свои портреты.

У нас перемены. Мальчика – Леню от нас взяли совсем – они уехали в колонию. Машу я отпустила и она поступила на хорошее место. У меня же поселилась моя племянница из Калуги, котор.<ая> помогает мне по хозяйству. Лиза и Михаил тоже не оставляют меня своим вниманием.

Кланяются тебе следующие лица:

- 1) Тернавцев (он сидел у меня как-то вечером в присутствии Лиды, с которой и ушел вместе)
- 2) Добровы. Доктор Саркизов, моя Паша <так! К. Р.>, Голубкина и Ольга Николаевна.

Тетя Соня прислала огромное письмо с описанием всех своих невзгод и полное благодарностей за помощь. Евгений передал мне для нее 250 рубл.<ей> и я их послала уже с оказией.

Третьего дня во время литургии у Знамения в Зубове умер священник о.<тец> Александр. Завтра хоронят. Вчера была на Маросейке, о.<тец> Сергей прекрасно говорил. Дай Бог ему здоровья. о.<тец> Алексей уехал на все лето в деревню.

Сегодня была у меня Павлович. Она приехала заработать денег и снова едет к бабушке. Он теперь далеко, вне Козельского уезда. Он грустит, не улыбается и не шутит. Говорит, что наступает конец мира. Что теперь мы переживаем то время, когда ангел в апокалипсисе говорит: «горе живущим»!!! О патриархе никто ничего не знает.

Народу ко мне ходит много. Сегодня например: Чеботаревская, Павлович, Лида, Гельман, Галицкая, Люба, которая приехала получать пенсию и паек. Я иду с ней к Славику во Вторник. Все мое свободное время проходит как-то без пользы: неделю проболела, а другую тоже ничего не сделала. Теперь надо бы ночевать и потом поехать к Духовской.

Пока прощай! Целую тебя. Надя.

Напиши сам Нюре, ну что я ей могу сказать? Не умею ничего я ей сказать приятного. Люба у меня чувствует себя хорошо. Она очень довольна своей компанией на даче, много работает – рисует и вообще наслаждается.

Пиши еще. Твое письмо ввело нас в смущение – не пойдем, что шутка, что серьезно. Зачем же ты так?

Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 116 — 117об. Связь с конвертом не установлена.

[460] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 25 июня 1923 г.

+

Бабушка о.<тец> Алексей почил с миром. Царство ему небесное! 9-го июня ст.<арого> ст.<илия> вечером скончался на даче у дочери своей в г.<ороде> Вереи Моск.<овской> Губ.<ернии>.

Вчера ходила по просьбе о.<тца>Сергия Успенского к Вересаеву, но без толку. Нюра деньги пошлет завтра. Жалования из <Це>кубу мне получит Милицына. Погода холодная, и я никуда пока не иду. Я тоже устала очень, никак не могу наладить жизнь свою. В первую очередь очень хочу поехать в Сергиев Посад и там посмотрю комнату для нас.

У меня вчера была жена Сергея Павловича. У меня живет племянница Шура и очень мне помогает. Я думаю устроить ее куда-нибудь учиться, а жить она будет у нас, будет мне в свободное время помогать. Ты не будешь ничего иметь против этого? От О.<льги> Н.<иколаевной> Названовой получила письмо из Вологды. Она тебе кланяется. Из портрета Голубкиной пока ничего не вышло. Отложили на другое время.

Пока прощай! Целую тебя. Господь тебя храни и вразуми! Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 120-120об. На конверте адрес: *Гаспра* (Крым). Георгию Ивановичу Чулкову, дом отдыха ученых, Цекубу. Адрес отправителя: Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова, Москва, Смоленский бульвар, д. 8. Почтовый штемпель: «Москва, 26/VI-1923», второй почтовый штемпель неразборчивый.

[461] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 30 июня 1923.

Милый Георгий, третьего дня, в четверг, похоронили мы батюшку. Хоронили его на седьмой день и всю эту седмицу шло непрерывное моление за его душу. Изумительные похороны! В день похорон я пошла в церковь в 8 ч. <асов> утра и уже не попала в церковь: пускали только родных и близких знакомых батюшки. К сожалению никого из распорядителей я не знала и поэтому не могла назвать себя. После от Сергея Павловича получила упрек дважды, что я не постаралась пройти в церковь. Служило тридцать священников. Отпевал епископ Феодор только что освобожденный за несколько дней перед этим. Много говорили речей и на кладбище встретил прах с телом батюшки сам патриарх Тихон и проводил до могилы. Последние два дня, когда уже тело было в церкви, служба была и в церкви и на дворе. Так служили всю ночь до часу ночи. Потом всю ночь молились в церкви и много народу ночевало в церкви и около, и всю ночь читали священники Евангелие. Во время обедни на дворе шли непрерывные панихиды и весь народ пел *прекрасно*. С кладбища я вернулась уже в 8 ч. <асов> вечера.

За два дня до смерти батюшка сам написал свое надгробное слово. Это слово должен был читать о. <тец> Павел Флор. <енский>, но не пришел почему-то и прочел его о. <тец> Сергей Мечев.

Вчера у меня был С. <ергей> П. <авлович> с женой, она уже второй раз: много мы говорили и по поводу похорон и по поводу покаяния патр. <иарха> Тихона. Сколько событий за это время и все без тебя!

В понедельник думаю, наконец, поехать в Сергиев Посад на недельку и потом буду ждать тебя.

Ремонт не делала: очень дорого. Теперь дорого будет платить за квартиру больше полумиллиона в месяц. К 15-му нужно внести. Евд. <окия> Ив. <ановна> уже в деревне – в Александровке – где и в прошлом году. Туда теперь провели жел. <езную> дорогу. Мы тоже, на поезде, туда поедем, когда ты вернешься, если хватит денег.

Любе дали повышенную пенсию – 2 миллиона с лишним. Нюре я послала червонец через «Колос». Весь этот месяц прошел без толку для меня: ничего даже не прочла. Никак не могла попасть в ритм. Безалаберно и бесплодно потратила время. Хотя, конечно, после такой усталости не скоро наладишься, а свобода от работы и заботы, вероятно, все-таки сделали свое дело. Пока прощай. Не важно теперь на душе у многих, кто смотрит не со стороны на теперешние события. Все новые и новые и тяжелейшие первых испытания! Целую. Надя. Господь с тобой!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 118 — 119об. Связь с конвертом не установлена.

[462] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<?>, 1 августа 1923 г.

1/14 августа 1923

Милый Георгий, что же ты не едешь? Уж не бросить ли мне дачу и не переехать ли в Москву? Здесь одной в доме не уютно. В хорошие дни здесь очень хорошо. Привези мне, пожалуйста, хину. Она у меня в шкафчике над моей кроватью в пузырьке (желтом) с этикеткой Mattin и по ней надписано хина. Я думаю, что у меня малярия и уже давно, еще когда в Крыму была, я также чувствовала недомогания: вялости и отсутствия вкуса. Жары нет. Белья для себя не бери: тут его слишком много.

Когда будешь уезжать, оставь у Лизы пока дачный адрес с указанием поездов. Утром в 9 ч. <асов> 25 м. <инут>, а вечером в 5 ч. <асов> 25 м. <инут> с Александр. <овского> вокз. <ала>.

Может быть приедет Марья Алексеевна.

1) Позвони Гельману. Он обещал мне узнать относительно приюта для тети Сони. Там спроси его, нужно ли мне приезжать для подачи заявления, и когда, и возможно ли вообще это дело?

2) Пошли тете Соне деньги по почте 1 червонец, если есть у тебя, или хоть 250 мил. <лионов>, которые мне передал для нее Евгений.

Если не лень, то спроси по телефону 2-15-25 *Наталью Михайловну Асафову*, нет ли у нее okazji в Саратов. Телефон этот в квартире Игнатовых, а барышня эта та, что тебе книжку богословную доставала в Истор.<ическом> Музее. Звони после службы: от 4 ч.<асов>, или утром до 10 ч.<асов>.

3) Возьми деньги 600 мил.<лионов> в Колосе, а остальные пусть отдаст Цветкову. Скажи Колосу его телефон или Цветкову телеф.<он> Колоса.

4) Может зайдешь к Массальским Владимиру Иван.<овичу> и Елиз.<авете> Владим.<ировне>, Zubовский бульв.<ар> 29, кв.<артира> 6, со двора, тел.<ефон> 1-68-77. Я нашла тут для нее комнату и написала ей об этом по почте.

5) Захвати шерст.<яную> фуфайку – в комод. Тут холодно бывает. Калоши тоже нужны, хотя можно и обойтись.

6) Нет ли у тебя книги по истории церкви первых веков христианства?

Позвони Четверикову 37-00 и, если он приехал, передай ему письмо от меня, или просто попроси похлопотать за Александру Горечишникову. Он знает и обещал уже.

Целую. Всего хорошего! Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 122 — 123об. Связь с конвертом не установлена.

[463] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <5> октября 1923 г.

+

Милый Георгий, у нас все благополучно. Часы твои целы, деньги тоже.

Сегодня послала Нюре червонец. Отнесла всем книги: Пиксанову, Гроссману, Кабанову, Шпаро и Модзалевскому. Один только Пиксанов благодарит, остальных не застала на местах.

Напомнила Кроленке о корректуре. Жена Гроссмана сказала мне, что в Акад.<емии> Худ.<ожественных> Н.<аук> тебе нужно получить около червонца. Завтра пойду получать. Видела Славика – сидит и рисует. Сегодня купила себе, наконец, платок за 6 миллиардов. Он мне необходим.

Была сегодня вечером у Гершензона. Хотела с ним поговорить о Варе Розановой, которая не имеет ни работы, ни комнаты. Но М.<ихаил> О.<сипович> болен и я говорила с Марьей Борисовной. Она сказала, что собиралась ко мне вместе с М.<ихаилом> О.<сиповичем> на именины, но он заболел и слег. Скоро ко мне приедет.

Была потом у Голубкиной. Ей Геккер заказал свой бюст.

Спокойной ночи! До завтра!

5. Была у Новикова. Он сказал, что ответ от «Земли и Фабрики» будет в среду на той неделе.

Был у меня Гроссман. Говорил, что я могу получить в Академии деньги, завтра пойду с доверенностью. Лишь сегодня Цявловский принес перевод – просил сделать к утру завтра – письмо Вяземского о смерти Пушкина. Но я не захотела с ним возиться, потому что голова болела, а передала эту работу Майе. Она была довольна и у меня же его переводила и завтра придет утром его кончить, т.<ак> о.<бразом> у Цявловского будет хороший перевод этого письма. Как-то ты доехал и устроился? Тут уже мелькает мимо окон тожественная фигура Бартрама.

Я берусь за приготовление к зиме квартиры. Законопачиваю дыры и скоро буду вставлять рамы. Как хорошо, что ты теперь в тепле!

Будь здоров и молись за меня.

Меня часто навещает Марья Алексеевна. Ее доктор тоже гонит в деревню. Сегодня промелькнуло известие, что вост.<очный> Патриарх не признает новый стиль – опять какое-то страшное недоразумение?! Ничего не поймешь.

Ну, пора спать! Господь с тобой.
Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 141 — 142об. Связь с конвертом не установлена.

[464] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Гаспра, 6 октября 1923 г.

Дорогая Надя!

Я благополучно приехал в Гаспру. «Строптивый» сосед по купе оказался очень милым коммунистом, бывшим токарем по металлу. Я с ним поладил, и он почти не курил. Дал мне свой собственный адрес и усердно приглашал к себе в гости. В Севастополе я расстался с Мариночкой и не знаю, как она устроилась. Сам же я сел в автомобиль немедленно и меня за червонец доставили в Гаспру через пять часов. Оставаться в Севастополе и ждать парохода было бы утомительно и столь же дорого. В Гаспре я нашел двух-трех знакомых, между прочим Ауслендера и Мандельштама. Гульденбалк поселил меня временно в комнате с двумя кроватями, но одного. Если не будет наплыва приезжих, я так и останусь в счастливом уединении; если же придется поселить ко мне соседа, я перееду в Айтодор. Там помещение стоит полтора червонца, а питаться буду в Гаспре. Это менее удобно, ибо трудно и утомительно возвращаться после ужина в темноте на ночевку. Но пока я отдыхаю. У меня есть проект с Ауслендером устроить литературный вечер в Ялте, чтобы подработать что-нибудь. А то, конечно, не хватает денег на обратный путь. Здесь все дорожает не по дням, а по часам.

У меня очень болело сердце, когда мы с тобой расстались, но, кажется, я не мог иначе поступить. Я чувствовал, что я свалюсь, если останусь в Москве. Пиши мне, родная. Пиши почаще. Христос с тобой. Молись за меня.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Это третье письмо. Первое я послал из Харькова, второй из Лозовой. Я буду пометить номера писем по порядку. И ты отмечай. И не забывай ставить дату. Адрес:

Ялта. Почтовый ящик 167 (Гаспра).

6 октября 1923 года.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 89об. Связь с конвертом не установлена.

[465] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Гаспра, 7 октября 1923 г.

Четвертое письмо.

Милая Надя! Вчера не удалось отправить тебе письмо. Сегодня – воскресенье, 7 октября, а в понедельник едет в Москву Николай Михайлович Попов, брат того Попова, который хлопотал за Варю Розанову. Николай Михайлович ловил человек любезный и, кажется, точный. Поэтому я прощу его отвезти эти послания.

Пиши, пожалуйста, как у тебя там все складывается и, главное, как ты сама живешь. У меня здесь все, по-видимому, будет на этот раз монотонно, что и нужно. Я намерен вести благоразумнейший образ жизни. Вчера вечером профессора всех мастей вздумали веселиться, устроили какую-то ерунду, цирк, и – говорят – буквально ходили на головах, но я избрал благую часть: лечь спать в девять часов.

Я чувствую, что мне нужно, необходимо насущно – лежать, лежать, лежать... Иначе я ничего уж никогда путного не делаю.

В Гаспре, как в официальном учреждении, нет никаких икон, но у меня в комнате оказался «явленная» икона – маленький образ Николая чудотворца. Я рад, и теперь всегда сугубо молю святителя о заступничестве перед Силами Небесными.

Священники из Ялты, по слухам, все высланы, но в Кореизе старичок пока цел, и я сегодня был у обедни. Он обрадовался, меня увидев: звал к себе усердно.

Я был сегодня у Ксении Федоровны (она живет почти рядом с церковью). В этом доме все по-прежнему – Елене Николаевне, кажется, трудновато жить в материальном отношении: в большом она получается, если не ошибаюсь, шесть миллиардов! А жить здесь *дороже*, чем в Москве.

Целую тебя, прекрасная моя, и люблю. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 89. Связь с конвертом не установлена.

[466] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 7 октября 1923 г.

Пятое письмо

7 октября 1923. Милая Надя! Я посылаю с Николаем Михайловичем Поповым два конверта – один с марками на случай, если он сам не сможет доставить письмо тебе, а другой вот этот, без марок: здесь дополнение к четвертому письму, как видишь, стихотворное.

Как наши дела? Получи с Павла Сергеевича червонцы и один из них пошли Нюрке через «Калос» и Модзалевскому книгу.

Не прислал ли Щеголев «Тютчевской сборник» или оттиски? Если прислал, перешли мне, конечно, с оказией, а не по почте.

У нас сегодня – дождь. Просто беда. Ксения Федоровна, впрочем, уверяет, что еще до января здесь будет летнее солнце, а что этот дождь так, по недоразумению. Но недоразумение стало общим правилом истории и даже стихийных сил, в чем, кажется, теперь сомневаться не придется.

Передай мой привет твоим друзьям (моих собственных друзей, ведь, у меня нет).

Не злоупотребляй постом. А мне – увы! – приходится теперь есть мясо, но овощи, фрукты и всякие каши способствуют благополучному питанию. Боюсь сглотить, но как будто я уже направил свою грешную плоть по части питания на путь истинный.

Но это все живот с малой буквы, а Живот Вечный маячит во тумане. Дух изнемогает в суете постыдной. Сегодня за обедней дьякон пел убедительно «земное отложим попечение».

Любящий тебя Георгий.

Адрес: Ялта. Почтов.<ый> ящик 167 (Гаспра).

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 90. Связь с конвертом не установлена.

[467] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 13 октября 1923 г.

Восьмое письмо

13 октября 1923. Милая Надя! Вчера, наконец, я получил твое письмо, посланное, по-видимому, четвертого и пятого и посланное шестого октября. Значит, до меня оно дошло через шесть дней. Я

очень обрадовался этому письму, ибо начал беспокоиться. Пожалуйста, когда будешь писать, помечай точнее даты и сообщай мне, какие письма ты получаешь от меня. Читать твои письма для меня *радость!*

Просьбы к тебе: 1) послать через «Колос» Льву Александровичу Георгиевскому – Петроград, Преображенская ул. <ица>, д. <ом> 5, кв. <артира> 4 – «Избр. <анные> Стих. <отворения> Тютчева». Я забыл подписать – все равно; 2) Узнать у Цявловского, передал ли он Брюсову книгу; 3) Узнать ответ «Земли и Фабрики» и получить у них или рукопись, или деньги; 4) Узнать в «Academia» (тел. <ефон> 64-38, Тверская, 29 – Яков Александрович или Александр Александрович Кроленко), каков же, наконец, ответ цензуры. И неужели до сих пор корректура лежит у меня на столе?

Вчера ночью здесь была такая буря, что, казалось, началось светопреставление. Северо-западный ветер гнул к земле гигантские деревья, как тростник. Был дикий рев, свист, вой, вопль – я такой симфонии не слышал никогда. Оказывается, не на одного меня напал мистический ужас. Мне казалось, что колеблется земля, что начинается землетрясение. Странно, что во время этой бури поднялась температура, а утром было жарко, как в жаркий июльский день в Московской губернии.

Завтра, в воскресенье, у нас в Гаспре, вероятно, будет с мужем Ольга Николаевна. Будет, кажется, здесь петь. Гульденбалт, который знаком с ней, возил меня к ней в Симеиз. Там нас Мих. <аил> Кондрат. <евич> накормил неважным обедом. Ольга Николаевна, действительно, толстая, но – несчастная – совсем плохо слышит. Не понимаю, как она будет петь. – Я начал писать третий акт «Душенькой». Целую тебя, родная моя. Господ с тобой. Твой Георгий.

Поцелуй Славика и Любу. Послала ли ты Нюрке червонец с письмом или без?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 91-93. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Москва. Почтовый штемпель: «Кореиз, 16/X-1923» Второй почтовый штемпель оборван.

[468] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 13 октября 1923 г.

13/1-ое октября 1923

Милый Георгий, прости меня, что долго не писала. Я затеяла окраску потолков и поэтому была лишена стола и бумаги, да и времени не было свободного. Теперь все кончено, но перо я все-таки не нашла и пишу карандашом.

Ответ из «Земли и Фабрики» я получу только во вторник 15-го окт. <ября>. Получила твои грустные письма и грустные стихи. Это все я виновата, что ты уехал в тоске. Попов обещал принести мне деньги завтра, а у меня еще денег очень много. Как получу, вышлю тебе, но ты все же напиши, нужно ли посылать или лучше их тут поберечь.

Я все вожусь с головной болью. Хочу пойти к Доброву и показаться ему: нет ли у меня малярии. Умер некой Эфрос. В городе был страшный взрыв оружейного магазина: погибло много людей. Это где-то около Эрмитажа. Меня навещают наши знакомые по воскресеньям, т. <ак> ч. <то> человек 5-6 всегда бывает.

На Маросейке ни разу еще не была: все или некогда, или нездоровиться. Погода: осень. Я рада, что ты не в Москве. Как бы не было плохо в Крыму, я думаю, все же лучше, чем здесь.

После похода в «Землю и Фабрику» напишу побольше.

Христос с тобой!

Сегодня за тебя молилась и вынула просфору в Неопалимовской церкви.

Твоя, любящая тебя Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 124 — 125об. Связь с конвертом не установлена.

[469] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 15 октября 1923 г.

Девятое письмо

15 октября 1923. Милая Надя! Представь себе, какая удача: я нашел здесь в Гаспре все шесть томов «Port-Royal» Сент-Бева. Это уж явно провиденциально. Я живу благополучно. Понемногу пишу «Душеньку». Кашляю все меньше и меньше. Кровохаркание прекратилось. Самочувствие удовлетворительно. При малейшей усталости ложусь в постель. Вообще ложусь рано, но вчера лег в 12 ½, ибо у нас был концерт Ольги Николаевны, которая пела Глинку, Мусоргского и народные песни – все это у нас – особенно Мусоргский и народные песни – вышло очень увлекательного и голос звучал прекрасно. Здесь Гольденвейзер, ядовитый человек, но и он восхищался. Есть еще здесь некто Аленов, хороший музыкант, – и он уверяет, что Ольга Николаевна слышит рояль безукоризненно, что ее глухота выражается только в том, что она худо слышит речь, а музыку она воспринимает без затруднений. Должно быть, Гречанинов придирается.

Евдокию Ивановку я видел только один раз – я тебе писал об этом. Она все еще не поправилась и вся в пузырях от москитов.

Передай привет Сергею Павловичу и всем твоим духовным друзьям, сестрам и братьям. Я получил от тебя всего только одно письмо пока. Пиши мне, Бога ради, почаще.

Я читаю и здесь газеты. События в Германии волнуют меня немало: все это нас касается непосредственно. Мне даже хочется написать тебе по этому поводу длинное послание, но твое равнодушие к политике парализует меня. Я также опасюсь, что такое мое «политическое» письмо напомнит, пожалуй, письма Тютчева к баронессе Тфедфель. Нет, лучше уж помолчу насчет «фашизма» и всего прочего.

Поцелуй Любу и Славика.

Любящий тебя твой Георгий.

Что же «Земля и Фабрика»? Что же «Academia»?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 92-95. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Москва. Почтовый штемпель: «Кореиз, 20/X-1923» Второй почтовый штемпель оборван.

[470] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 17 октября 1923 г.

17 октября 1923

Четвертое письмо

Милый Георгий, я послала тебе три письма. Два через <Це>Кубу, которые, я думаю, придут вместе, одно по почте. Пора тебе знать, что иногороднее письмо стоит 6 к. <опеек> червонных, т. <о> е. <сть> сегодня, потр. <атила> 33 мил. <лиона>. Ты наклеиваешь по 25 мил. <лионов> и здесь я плачу штраф. Очень рада, что ты в отдельной комнате. Боюсь, что твой хозяин тебя соблазнит вином. Все время, наверно, хлопаешь пальцем и трешь руки? Ты боишься, что я скукаю? Нет, это скука, от которой можно уйти, а тоска или боль, не поддающаяся лекарству. Я не жалею, что не поехала: мне и так было бы плохо. Если бы умела молиться, то все было бы хорошо. Вчера тебе написала, что была на Маросейке. Там хорошо молятся, и за тебя тоже. О. <тец> С. <ергей> очень желал бы иметь от тебя

воспоминания о бабушке. Вот бы хорошо было, если бы ты написал! Нюра сегодня написала, что деньги получены. Думаю, что это последний червонец, посланный мной 5-го окт.<ября>.

На билете мы не выиграли ничего. Все как-то сидят без денег.

19/X Сегодня узнала, что книга о Пушкине запрещена окончательно. Если продам рассказы, то предложу Academia книгу материалов о Тютчине, с тем, чтобы они дали мне немного денег вперед, чтобы послать тебе. Ты напиши, *нужны ли тебе деньги?*

При разборке бумаг в столе (налево) я нашла три экземпляра «Невесты» и два «Дети Греха» и еще несколько твоих пьес. Невеста и Дети греха есть и цензурованные экземпляры. А я уже было купила бумаги и ленту. Я немножко тревожусь за то, что не вполне исполню все твои просьбы, но буду стараться, советуясь иногда с опытными людьми. Скоро поеду опять к Гершензону. П.<авел> С.<ергеевич> П.<опов> все еще не несет мне гонорар. Еще Цявловский говорил, что они без гроша, потому что с них за одно небольшое объявление в «Известиях» взяли одиннадцать червонцев. Но скоро он мне принесет деньги.

Пока до свидания! Целую!

Христос с тобой! Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 128 — 129. Связь с конвертом не установлена.

[471] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 20 октября 1923 г.

Пятое письмо

20-е. окт.<ября>. Сегодня получила твоё восьмое письмо, написанное 13-го окт.<ября>.

Просьбы твои будут исполнены. Пошлю Георгиевскому и спрошу Цявловского о Брюсове.

«Земля и Фабрика» приняли твои четыре рассказа: «Медвежье Озеро», «Ненавистники», «Война» и «Милочка». Условия у них такие: 5 черв.<онцев> с листа, если рассказы не были напечатаны. Деньги половина при подписании договора (но после цензурного разрешения) и половина по напечатании. Я согласилась, т.<ак> к.<ак> пока не предвидится ничего другого. Сказала, что рассказы *не были напечатаны* и так напишу договор, но если окажется, что я соврала, т.<о> е.<сть> если ты скажешь, что были напечатаны, то тогда вторая часть гонорара будет соответственно уменьшена. Убеждать и торговаться не могу, не умею. Дней через пять у меня будут уже деньги за эти рассказы. В Academia книга *запрещена*. Корректуры отнесла на другой день после тебя.

Завтра пойду к Гершензону советоваться насчет книги о Тютчеве.

Тут опять объявлен подоходный имущественный налог. Требуется представить удостоверение о службе. Я взяла бумажку из Академии Худ.<оженств> Наук о том, что в сентябре ты получил жалование в сумме 10 зол.<отых> рублей и что ты состоишь действ.<ительным> членом Академии.

Ведь, теперь ты сделан там штатным служащим, и я уже получила жалование за сентябрь. Представь, дама, которая выдавала мне эту бумажку, сказала, что в прошлом месяце наш комендант приходил справляться, что ты служишь в Академии. Вообще вид у нее и Н.<иколай> Дм.<итриевич> такой, что они вдвоем могут меня съесть, т.<о> е.<сть> не могут, но хотели бы. Ну, пока спокойной ночи! Устала и хочу лечь. Н.

21 Воскресенье. Вчера весь день провалялась в постели от головной боли. У меня опять живет Варя, которая завтра уезжает уже совсем в Сергиев Посад и там надеется устроиться. Сегодня была у обедни в Левшинской церкви, где бабушка читал послание Патриарха о переходе на новый стиль. Тут со стилем большие несогласия. Мой духовник не принял нов.<ый> стиль. В <Неопалимовском> принят. Для Н.<?> М.<?> это опять повод неистовствовать против Патриарха. Все это очень тяжело и грустно.

Сегодня П.<авел> С.<ергеевич> Попов принес мне два червонца, на которые я думаю купить дров. У нас очень холодно и мокро. Хорошо, что тебе не нужно бегать по Москве и уставать зря. Будь здоров и спокоен. Целую тебя. Твоя Надя.

Я думаю завтра пойти к Гершензону. Сегодня не успела. Прости!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 126 —127об. Связь с конвертом не установлена.

[472]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 21 октября 1923 г.

Двенадцатое письмо

Сегодня, милая Надя, т.<о> е.<сть> 21 октября получил с оказией два твоих письма – от 13 октября и от 17-го. Читаю их и перечитываю, как будто слышу твой голос, и это меня утешает и волнует.

И то же в Вас очарование,

И та же в душе моей любовь...

Но вот что нехорошо: это твоя «слабость»! Надо тебе ехать в Крым, а я так гнусно уехал, тогда как ты не менее меня нуждаешься в отдыхе здесь. Я просто не знаю, что делать.

Продай ковер, продай мех с моей шубы, часть книг и проезжай сюда на ноябрь, получив в Цекубу путевку. Если ты соберешь 20 червонцев, это будет достаточно. Если ты заложила часы, у тебя, вероятно еще осталось червонцев десять, значит надо добыть еще только десять. Часы ты заложила или еще нет?

Теперь об издательских делах. Если изд<ательст>во «Academia» надеется на благоприятный цензурный исход, можно настойчиво просить, чтобы они выдали оставшуюся часть гонорара – червонцев 8 приблизительно. Поговори об этом с Александром Александровичем или Яковом Александровичем Кроленко.

Если у тебя есть деньги месяца на полтора, то я бы советовал тебе не давать согласие «Земле и Фабрике» и немедленно отобрать у этих самодуров и хамов рукопись. Если же деньги очень нужны, придется продать им эти четыре рассказа: мне это было бы очень тяжело и досадно. Из этих четырех рассказов одна только «Милочка» не была напечатана. Значит, выходит, на круг они могут заплатить по 4 червонца, т.<о> е.<сть> за принятие 2-3 печати листа в среднем червонцев 10, при чем мы получаем пока 5, а остальное неизвестно когда и при том обесцененные, ибо червонец по сравнению с товаром падает. Хорошо бы плюнуть на это гнусное изд<ательст>во! Правда, у меня нет денег на обратный путь, потому что здесь с каждым днем все дороже и дороже жизнь – от Гаспры до Севастополя автомобиль берет за место уже 3 червонца. Железн.<ая> дорога также обойдется теперь дороже.

Но я надеюсь нужные мне 5-7 червонцев достать где-нибудь еще: время есть. Может быть если разрешат мою лекцию в Ялте, я заработаю здесь сколько-нибудь; может быть, «Academia» что-нибудь даст; может быть, выйдет что-нибудь с книгой о Тютчеве. На Цявловского я не очень надеюсь. Ты все-таки не спешి без совещания со мной заключить договор на книгу о Тютчеве. Тут, в Гаспре, имеется некто Алексей Александрович Гвоздев, профессор молодой, специалист по театру, близкий человек изд<ательст>ву «Academia». Он недели через полторы едет в Москву и потом в Петербург. Если цензура запретит книгу о Пушкине, «Academia» может издать книгу о Тютчеве (во всяком случае цензурную).

В книге о Тютчеве больше листов. Значит, так или иначе я из «Academia» какую-нибудь сумму получу, вероятно. Гвоздев ко мне расположен и устроит это дело. Пока мне никаких денег не посылай: только бы тебе самой хватило на жизни, да вот еще Нюрке пошли в ноябре червонец.

За твою «бестолковость» деловую, практическую я не сержусь, а напротив: она меня умиляет. Слава милосердному Богу, что у меня такая жена. Разве я мог бы любить «практическую» особу! Целую тебя, родная моя, и благословляю, я, недостойный.

Кланяйся нашей Лизе. Мих.<аилу> Вас.<ильевичу> и всем православным христианам. О батюшке Алексее писать боюсь. Но попробую.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Мария Григорьевна, конечно, соврала: Евдокия Ивановна в Гаспре пока нет. Если она сюда приедет, я тебе напишу.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 94-94об. Связь с конвертом не установлена.

■
[473]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 21 октября 1923 г.

Четырнадцатое письмо

Милая Надя! Я уже писал тебе в ответ на твое письмо, где ты сообщаешь, что «Земля и Фабрика» желает взять 4 рассказа из семи. Так как мое письмо могло пропасть, еще раз повторяю: лучше совсем взять назад рукопись и отказаться от этой «Земли и Фабрики», если только тебе экстренно не нужны деньги. Мне нужно будет столько-то червонцев на обратный путь, но я надеюсь получить их как-нибудь иначе, обойтись без этого хамского изд<ательст>ва. Я послал письмо в Петербург Кроленко с просьбой выслать или тебе, или мне сюда непосредственно 10 червонцев за «Пушкина». Пиши ему, что если «Пушкина» запретят, я возмущу книгой о Тютчеве. Эта книга уже наверное цензурна. Не знаю, что из этого выйдет. Пока договор не заключен, мы свободны. Поэтому, если Цявловский предложит выгодные условия, можно и Цявловскому отдать, – только я на него что-то не очень надеюсь.

Довольно о делах. Устал. Что это Марии Григорьевне вздумалось врать относительно Евдокии Ивановны? Ее до сих пор нет в Гаспре. Я ее выдел десять минут. У нее так болят ноги, что она все плачет: боится, что отнимутся. Доктора говорят, что это нервное. Сегодня Гундельбальт сказал, что получены путевки для Лосевой и дочери, но до 26-го не будет отделанной комнаты на две кровати. Все занято.

Я кончаю третий акт «Душеньки». Кашляю не так ужасно, как в Москве; кровохаркания совсем нет; дышу значительно лучше; температура, кажется, нормальная; вес – 4 пуда, а в июне было 3 пуда 36 фунтов.

По воскресеньям хожу в церковь. И сегодня – воскресенье. Был у обедни. Выдел в церкви Ксению Федоровну. Она живет то в Гаспре, то в Ялте – с детьми Е.<лены> Н.<иколаевны> Михайловой.

В следующем письме опишу тебе быт Гаспры – кто и как здесь живет.

Что с Любой и со Славиком? Получил ли он мое письмо? Пиши мне. Умоляю.

Целую тебя. Твой Георгий.

Спроси в «Колосе» по телефону, не вышел ли «Тютчевской сборник» изд.<ательства> «Былого». Дал ли Цявловский оттиски моей статьи «Пушкин и театр» из «Голоса Минувшего»?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 96-97. Связь с конвертом не установлена.

[474] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 22 октября 1923

22 октября 1923

Шестое письмо

Милый Георгий, что-то ты мне не напишешь о том, как ты живешь в твоей новой комнате? Не соблазняет ли тебя твой хозяин там вином?

Кланяются тебе: Попов, П.<авел> С.<ергеевич>. Гершензон шлет «сердечный привет». Голубкина, <Банкетова>, Новиковы. Посылаю тебе письмо Модзалевского. Сама писать сейчас не в силах. Целый день какие-то дела. Была на кладбище. Сейчас только ушел неистовый Н.<?> Мих.<?> Соловьев. Сидел часа четыре. Уже 10 ч.<асов> вечера хочу спать. Прощай. Целую. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 130. Связь с конвертом не установлена.

[475] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 24 октября 1923 г.

Милая Надя! Пиши почаще и обстоятельнее. Ты пишешь, напр.<имер>, «Цявкловсий обещает издать книгу о Тютчеве».... Как? Где? В чем дело? Пиши о делах по подробнее, но еще подробнее *о себе* – что читаешь и с кем беседуешь?

Твои часы идут прекрасно. Мне приятно надевать их на руку, потому что они *твои*. Целую тебя. Твой Георгий.

Кланяйся Лизе и всем друзьям.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 98. Открытка. На открытке адрес: Надежде Григорьевне Чулковой, Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Москва. Почтовый штемпель: «Москва, 24/X/-1923» Остальные почтовые штемпели неразборчивы.

[476] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 25 октября 1923 г.

Шестнадцатое письмо

25 октября 1923. Милая Надя! Я получил твое четвертое письмо от 17 и 19 октября. Оно меня почему-то растревожило. Что-то мне показалось в твоей интонации неблагоприятное, как будто раздражение против меня. А мне это больно и мучительно. Я второй день хожу сам не свой. Удручает меня и твоя фраза «Если бы умела молиться, все было бы хорошо». Как же так? Если я недостойной, темный, нечистый, суетный нахожу исцеление в молитве от моей боли, как же ты дивная, чудесная, чистая, цельная, мудрая не находишь утешения – быть того не может! Тут что-то для меня непонятное. Я сегодня, расстроенный, опять, кажется, обрел некоторое душевное равновесие и – представь – благодаря чему: был сегодня на отпевании и похоронах одной служащей в Гаспре, уборщицы, скончавшейся на днях от ползучего воспаления в легких. Похороны так трогательны, служба так необычайно прекрасна и мудра, что в душе явилось какое-то изумление перед возможной благодатью, перед возможным разрешением наших скорбей, кажущихся безысходными.

Известие о том, что книга о Пушкине запрещена окончательно, разумеется, неприятно, но авось как-нибудь выпутается из наших затруднений. В конце концов все-таки не важно. Я думаю, что тебе

хватит на жизнь, ежели ты заложила часы. А мне нужны деньги на обратный путь – червонцев пять-семь. Их можно получить из той же «Academia», напр.<имер>, – об этом я писал Кроленко в Петербург, предлагая ему книгу о Тютчеве. Или можно продать ковер или мех с моей шубы. Можно не торопиться. Жаль было бы представить книгу о Тютчеве. Но мне не хотелось бы уезжать 5 ноября, ибо – я думаю – только месяца дадут положительный результат в отношении здоровья, а то вся поездка и ужасные расходы пропадут зря: я опять буду калекой и ни на что не буду годен. Я поправляюсь несомненно, но медленно. Оживаю, когда улучшается погода, и опять кисну, когда пасмурно.

Пожалуйста, не беспокойся о том, что не можешь «устраивать дела». Я на это и не рассчитываю. И не для этого пришла ты в этот мир, а для лучшего.

Письмо это я посылаю с оказией. Едет в Москву из Гаспры художник Франкетти. Он живет в Долгом переулке и обещал доставить письмо. Что касается штрафов за письма, то я не понимаю, как это могло случиться. Я наклеиваю марки по указанию местного почтового отделения в Кореизе и всегда прибавляю от 3 до 5 мил.<лионов> лишних: или марки срывают, или я уж не знаю что.

Евдокии Ивановны и Мариночки до сих пор нет в Гаспре, но, кажется, 26-го они переезжают сюда.

Мой вечер в Ялте, вероятно, не состоится. Щукина и других священников отправили под конвоем в Симферополь. Что с ними сделают, неизвестно: вина их в том, что они не признали «живой церкви». Щукина я не успел повидать.

Напиши, взяла ли ты из «Земли и Фабрики» рассказы или все-таки решила их продать. Мне все равно в конце концов, хотя лучше было бы плюнуть на это изд<ательст>во.

Целую тебя. Христос с тобой.

Любящий тебя Георгий.

Зайди к молодому Гржебыну или непосредственно напиши Зиновию Исаевичу (у меня здесь нет ее адреса), чтобы он прислал деньги, сколько может. Напиши, что я болен, что нужны деньги экстренно. Авось.

Руками я не махаю и вина почти не пью – изредка полстакана – не больше: нам дают по воскресениям к обеду.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 99-99об. Связь с конвертом не установлена.

[477]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 25 октября 1923 г.

25 X 1923

Седьмое письмо

Наконец-то я отделалась от всех хлопот по уборке квартиры. Сегодня натерла полы и этим закончила всю возню. Окна уже раньше вставила. Затянулось все это по тому, что я часто отлучалась из дому то по твоим поручениям, то по своим делам. Теперь на свободе пересмотрела все твои письма и хочу основательно на них ответить. 12 и 13-го писем не получила и как странно, что ты и сам предполагаешь, что они пропали!

1-е твоё письмо со стихами я приняла очень к сердцу. Несколько раз в разные строки перечитывала я стихи и всегда со слезами. Ну, положим, моим слезам цена не велика, но все же это письмо должно быть очень насыщено тоской и болью, и мне это очень близко. Тронута была твоей кротостью по отношению коммуниста соседа по кухне и в восторге от результатов этой кротости – ты «практичнее» меня в подобных случаях. Что же с Ауслендором? Будете вы устраивать лекцию?

5-е письмо. Щеголев ничего пока не присылал.

7-е – Нюре червонец послан. Тугендгольд червонец вернула. Попов долг два червонца.

8-е Георгиевскому книгу уже запечатала завтра пойду в «Колос». Брюсову книги передала. Пушкин запрещен совершенно. Я предлагала Я.<кову> А.<лександровичу> Кроленко книгу о Тютчеве. Он обещал дать мне ответ, переписавшись, с Петербургом. Нюре послал червонец *с письмом*.

9-е письмо. Очень рада, что Сент-Бева ты нашел. Я же тут *очень* старалась найти и не могла. У Гершензона мне говорили о твоём житие в Гаспре, должно быть, со слов Гольденвейзера. Ты не забывай, что он брат жены Гершензона. Напиши мне, пожалуйста, письмо о политике, я ведь ничего не понимаю и не знаю без тебя.

10-е (открытка). Оттиски из «Голоса Минувшего» еще не готовы.

11-е (открытка) Цявловский обещал кому-то сказать о книге Тютчева, но вряд ли он сделает что-нибудь. О Гершензоне я тебе уже писала: я ему передала оглавление твоей книги и он обещал ее предложить, но вид у него при этом был не очень обнадеживающий.

Мои часы тебя слушали, не могу сказать этого о твоих. Пришлось достать часы Фед.<ора> Егор.<овича> и ими пользоваться. Эти ходят хорошо.

12 и 13 не получены.

14-е Ты пишешь о «Земле и Фабрике», что лучше совсем взять обратно рукопись. Мне и самой это хотелось сделать, но я боялась остаться без денег. Теперь же, после твоего письма, кажется, так и сделаю. Авось обойдемся как-нибудь и без «Фабрики». У меня еще есть пока 4 червонца. Я послала еще один тете Соне – сделала ремонт, почистила твой матрац, купила себе теплый платок т.<ак> что теперь все самое необходимое сделано. Теперь принимаюсь за шитье себе нарядов – платья и пальто.

Люба мечется и устает от Славика и забот. Я была у нее раза четыре и видела, что она изнемогает. Предложила ей поселить пока Славика у себя в заново отделанной нашей спальне. Теперь он у меня. Люба очень этому обрадовалась, и Славик охотно переселился. Люба покупает ему яйца и молоко дополнительные к моему столу. Он довольно хорошо ведет себя и меня не беспокоит. Но когда приходит сюда Люба, то вдвоем они устраивают ад, поэтому я Любе советую побольше отдыхать дома и мне дать возможность отдыхать у себя. Кондратьев расширяет деятельность Академии и заводит там типографию – это рядом с Любой – Люба в ужасе.

Приехала из Петрограда Женя Муратова и рассказывает про Ньюру, что она, по ее мнению, не нуждается. Делает себе новые вещи из одежды и порядочно питается. «Саня» у нее завсегда и от Ходасевича она получает помощь аккуратно. Гарик громадный и курит и очень красивый парень. Меня одолели «безработные». То Варя, то эта художница скучная, то Анна Ивановна скучна, то Мочалова, которая пока-то тоже ночевала у меня.

Кот наш окончательно поглупел и так нехорошо себя ведет, что за него стыдно. Хочу его отдать Кудашевой. Читать я еще ничего не могла в этой суеде с ремонтом и хождением по мукам (Земля и Фабрика и т.<ому> п.<одобнее>). А должна, и собираюсь, читать теперь по совету о.<тца> Сергия, Антония Великого. Это вторая книга после аввы Дорефея.

Служила молебен у себя (приглашала о.<тца> Сергия Неопалимовского) и все окропила св.<ятой> водой. За тебя молилась. Была при этом Лида. Пили потом чай. О.<тец> С.<ергей> Неопалим.<овский> дал мне чудесную книгу «Откровенные рассказы Странника». Ты ее прочитай непременно. Это очень хорошо. Если у меня будут лишние деньги, я поеду с М.<арией> Ф.<едоровной> Мансуровой к преп.<одобному> Серафиму. Я чувствую себя очень усталой – от старости и от горя. Думаю, что одно мне средство поможет – молитва и близость друзей моих милых, а климат безразлично какой. Теперь буду вести правильную жизнь, чтобы к твоему приезду отдохнуть. Ну, Христос с тобой!

Целую тебя. Твоя Надя.

[478] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 27 октября 1923 г.

27 X 1923

Милый Георгий, сейчас отнесла в Цекубу письмо для тебя, но оно пойдет, мне сказали, только во вторник (сегодня суббота). Поэтому пишу тебе по почте другое о том же. Я чувствую себя хорошо. Мне в Крым незачем. Теперь много сплю, отдыхаю и занимаюсь тем, что нравится. Вчера был и ночевала у меня Сергей Павлович. Тебе очень кланяется. Денег у меня еще много. Скоро получу из Академии Х.<удожественных> Н.<аук> и из Цекубу паек последний тоже получу. Мне хорошо! Господь с тобой!

Твоя Надя.

Славик вчера был у Духовского.

Духовской нашел его поправившимся. Принял участие в судьбе Любы и хочет ее устроить живущим в Гимназии под Москвой. Это очень хорошо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 135-136. Связь с конвертом не установлена.

[479] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 27 октября 1923 г.

Милый Георгий.

Кланяется тебе очень Сергей Павлович. Он у меня сегодня ночевал. Очень он обрадовался, когда узнал, что ты читаешь «Port Royal». Сам он читал продолжение той работы, которую ты знаешь по началу – о Царстве Божиим.

Я вчера получила твоё двенадцатое письмо (после четырнадцатого), в котором ты выражаешь определенно желание порвать с изд.<ательством> «Земля и Фабрика». Я тоже этого хочу. Я еще не подписывала договора. Теперь скажу, что хочу получить весь гонорар вперед. Если они не согласятся, я возьму рукописи обратно.

Чувствую себя лучше. Беседа и общение с хорошими людьми мне помогает явно. Теперь успокоилась и хорошо высыпаюсь на хорошей постели.

Славика опять снимали и снимок оказался хороший, т.<о> е.<сть> его положение лучше.

Люба получила пенсию и тоже немного отошла. Будет не спеша продавать вещи.

У меня деньги еще есть 4 червонца. Из <Це>Кубу в этом месяце не получила – будут давать в следующем за два и увеличенную сумму. Паек получаем последний раз. На днях еще получу в Академии Х.<удожественных> Наук жалование. Разрешите мне *не платить* в этом месяце (ноябре) *за квартиру*. Теперь ты можешь это сделать по праву.

Павел Сергеевич Попов обещал еще дополнительный гонорар за твои статьи. Часы еще не закладывала. Заработала сама 2 миллиона за два часа работы: сшила туфли Банкетовой и очень ей угодила. Теперь шью туфли тебе и Сергею Павловичу.

Кланяются тебе мои вчерашние гости. Маруся и Лидия Иосифович. Анна Семеновна и Массальская Лиза и Михаил тоже всегда тебе просят кланяться.

Прощай. Господь с тобой. Твоя Надя.

27/X1923

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 137 — 138об. Связь с конвертом не установлена.

[480] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 30 октября 1923 г.

Семнадцатое письмо

Милая Надя! Сегодня – 30-е. Вчера я получил твое пятое письмо от 20 октября.

Ты все-таки заключила договор с «Землю и Фабрикой». Ну пусть, все равно. Я писал, что не стоит. Сие неважно. Тебе виднее. Я, ведь, не знаю, сколько у тебя осталось денег после ремонта. Мне нужно на обратный путь не меньше 5 червонцев. Дорог путь от Гаспры до Севастополя. Боюсь, что «Academia» не пришлет мне денег, как я спросил, под Тютчева, ибо узнал что у них сейчас денег мало.

Пишу краткое письмо, потому что неожиданно узнал об оказии – и вот тороплюсь.

Меня беспокоит, что ты жалуешься на коменданта и Бартрама. Постарайся с ними ладить по крайней мере до моего возвращения. Подоходно-имущественный налог не надо платить до моего приезда. Напрасно комендант приставал к тебе с предварительной анкетой. Нет меня в Москве – вот и все.

Если «Земля и Фабрика» дает денег и ты, не в ущерб себе, сможешь послать мне 5 червонцев, не спеши продавать книгу о Тютчеве, разве уж что-нибудь наклонится приятное и выгодное. Впрочем и это невозможно. Как хочешь, действуй.

Третьего дня здесь была южная жара – день и ночь, а сейчас погода средняя, но, ведь, зелень кругом не умирает, и этот летний вид меня утешает.

Я кончу на днях пьесу, если Бог даст. Христос с тобой. Целую тебя.

Твой Георгий.

P.S. В Гаспру приехала Евдокия Ивановна и Мариночка 26-го октября. Евд.<окия> Ив.<ановна> совсем увяла. У нее что-то с ногами неладно. Она ходит с палкой.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 100 — 102. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Москва. Почтовый штемпель: «Москва, 2/ХІ/-1923» Второй почтовый штемпель неразборчивый.

[481] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва,<?> октября 1923 г.

Милый Георгий. Пишу тебе на машине потому, что руки у меня не умеют писать пером. Прости, что редко пишу – все не успеваю всего сделать за день, ложусь усталая и быстро засыпаю. Утром опять дела и так откладывается письмо дня по три – по четыре. Ничего за это время не случилось особенного, кроме продажи твоей книги «Вечерние Зори» Земле и Фабрике. Вышло всего около четырех листов и получила я за это – половину гонорара восемь червонцев. Из них я послала тебе четыре, остальные истратила на необходимые вещи, но дров не купила еще. За то и ничего не продала. Ты же по приезде суда имеешь получить еще восемь червонцев – это будет вероятно, скоро, так как книга уже в наборе и тебе скоро пришлют гранки для корректуры. Обложка предполагается типографская. Нюре я тоже пока не посылала, так как у нее были деньги и она предлагала даже мне десять долларов в займы, когда у меня не было. Но я не взяла, конечно. Мне нужно было купить себе калоши и подкладки под пальто, которое я начинаю шить и которое мне очень нужно. Полный отчет в деньгах я приготовила тебе и совесть меня не мучает за ненужные траты. Сделано несколько поистине добрых дел: ремонт квартиры, починка матрасов и тете Соне послан червонец, в котором только полчервонца твои. Она очень благодарит и считает, что этим спасена от голода и холода зимой. Я послала ей еще теплые башмаки. Погода стоит убийственная для тебя. Не спеши раньше срока уезжать

из Крыма. Сейчас положительно Петербург переселился в Москву. Мокро и сыро, как на Гороховой. Вчера получила от тебя письмо без номера и письмо для Попова. Вчера был у меня какой-то Петербургский профессор восточных языков, присланный Гершензоном за адресом о.<тца> Павла, который передал мне письмо Мих.<аила> Осип.<овича>, где он пишет, что Френкель, изд.<ательство> Брокгауза и Эфрон, желает со мной переговорить о книге о Тютчеве. Приложен был и телефон Френкеля. Я говорила с ним по телефону и мы решили, что он в следующий свой приезд в Москву – недели через три – лично с тобой переговорит и возьмет, если можно, рукопись для ознакомления. Сейчас же я ему рукописи пока не дала. Была у меня Чеботаревская и сказала, что Тютчевский сборник Былого, по словам Щеголева, совершенно сел. До сих пор тебе еще не прислан авторский экземпляр и оттиски. Только что я было обрадовалась, что ты штатный служащий в Академии Х.<удожественных> Наук., и хотела было уже не платить за квартиру как всегда по 2 рубля золотом, а по другой ставке, как выяснилось, что ты уже сокращен. Пошла я получать за тебя жалование, мне сказали, что ты в списке не стоишь. Я пошла к Пиксанову, и он узнал для меня, почему это и выяснилось, что ты сокращен. Вот тебе и служба твоя. Скоро кончилась. Пиксановы все очень любезны и предупредительны. Сам очень был болен – легкими. У него эмфизема. Зима грозит быть голодной. Повсюду сокращения. Но Люба ухитрилась найти место за два червонца в месяц, только еще колеблется брать ли его. Последний паек получила и мешки все спрятала. Больше ничего таскать в них. Славик живет у меня и я ужасаюсь его равнодушию ко всему, кроме шахматов <так! К. Р.>. Люба ничего не предпринимает и даже не заглядывает сюда. Я ищу ему учителя, но мысль о плате меня устрашает немало. Где взять денег. Марусю мою опять пригласили погостить к брату. Пришлось уехать в семидневный срок.

Друзья мои меня любят, это часто доказывают и много меня утешают. Впрочем, Сергей Павлович давно уже не приезжал – и он и жена его были больны. Долго и серьезно. Сейчас пришла Люба, и принялась за Славкины костюмы под моим руководством. Лиза тебе кланяется.

Не спеши сюда ехать. Тут очень неудобно.

Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 143-144. Связь с конвертом не установлена.

[482] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <конец> октября 1923 г.

(Кажется седьмое)

Милый Георгий, опять запустила переписку с тобой. Прости! Вытащила твои письма, начиная с двенадцатого и буду отвечать. По поводу Академии я тебе уже писала: они книге о Тютчеве взять не могут почему-то. Это мне сказал Я.<ков> А.<лександрович> Кроленко. Значит, здесь мы ничего не получим.

Так как это я узнала уже давно, и так как Гершензон тоже не обольщал меня надеждами на возможность издать «Тютчева», то я пока что не порывала с «Землей и Фабрикой», но эта последняя послала рукопись в Главлит в Петербург и ответа еще нет.

Я хочу взять у них гонорар как за впервые появляющиеся твои рассказы – пусть вторая половина гонорара будет меньше, когда ты им скажешь, что рассказы *были* напечатаны. За часы дадут не больше двух червонцев – стоит ли закладывать? Пока посылаю тебе из оставшихся у меня 2 червонца – заложу часы или получу из Земли и Фабрики и тогда еще пришлю. Сегодня Любу послала узнать, сколько дадут за часы.

Очень бы хотела сделать тебе приятное и порвать с «Землей и Фабрикой», но не вижу пока ничего другого, лучшего. Цявловский болен да и в здоровом состоянии бесполезен. Пока он ничего не сделал и не сделает, должно быть.

Тютчевский сборник «Былого» еще не вышел. Георгиевскому книгу послала. Оттиски из Голоса Минувшего послал и письмо от Попова тоже с оказией.

Заходить к молодому Гржебину, я думаю, бесполезно: у него описали обстановку за долги. Это мне сообщил <1нрзбр.> Георг.<ий> Дмитр.<иевич> Цветков (из маг.<азина> «Научная Книга») Старшему напишу завтра же.

Сегодня получила от тебя две открытки (через О.<льгу> Н.<иколаевну> Названову)!

У нас снег – мокрый пока. Холодно и сыро. Славик у меня. Я не завидую Любе, что ее сын жив. Страшно за него: как он будет жить в современности? Со мной он хорош – послушен и вежлив. Люба изредка ходит к нам обедать, но не засиживается во избежание сцен со Славиком. Нюрке я не написала второго письма. Напиши ты. У меня время летит слишком быстро. Сегодня с Голубкиной была у обедни на Маросейке – поздняя. Очень мало народу – будни – и поэтому все слова Литургии были вняты необыкновенно, но у меня болела голова. В это воскресенье у меня будет читать свои поэмы Мочалова. Обещала прийти жена Пиксанова и Милицына. Позвала <1нрзбр.> Цявловского. А что же обещанное письмо о Гаспре и о ее обитателях? Привет Е.<лене> Н.<иколаевне> и Кс.<ении> Федоровне. Целую. Твоя Надя.

Новиков кланяется и Пиксановы, Милицына, Цявловские, Сергей Павлович и <1нрзбр.>.

(+ умер Ч. Ветринский, Лев Тихомиров.)

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 139 — 140 об. Связь с конвертом не установлена.

[483] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 12 ноября 1923 г.

Десятое письмо

12 XI 1923

Милый Георгий, видела я Ауслендера, который предложил мне себя к услугам. Хотел что-то где-то узнать насчет денег для тебя. Кнебелю он сам вызвался сказать, потому что он имеет с ним дела. Завтра подпишу договор с Землей и Фабрикой на и.<здание> твоих «Вечерних Зорь». В четверг получу с них деньги и вышлю тебе немедленно еще два червонца. Два я послала тебе через Б.<?> А.<?> Шпаро недели полторы назад. Услышала я от Марии Григорьевны, что санаторий закрывается с 1-го декабря. Должно быть, это правда, потому что у меня больше не приняли писем для тебя в Цекубу.

У меня полон дом гостей. Славик живет все время, спит на твоём заново отделанном матрасе. Две ночи провела Варя Розанова, которая теперь, наконец, устроилась на место в Посаде, чему я очень рада.

Вчера приехала Нюра Ходасевич и тоже остановилась у меня. Она приехала искать место и комнату в Москве. В Петрограде не может найти место совсем. Вид у нее ничего себе. Одеты хорошо, *обута* тоже очень хорошо. Продает тут стихи Ходасевича, который все свои произведения отдает в ее полное распоряжение. За «Тяжелую Лиру» она получила 55 р.<ублей> золотом. Каждый месяц он ей высылает 3 червонца. Евгений дает 1 червонец, 1 червонец она получает за приготовление обеда какому-то знакомому и потом еще стихи мужа.

Я думаю, что ты мог бы пока не очень надрываться, чтобы посылать ей еще деньги. С ней приехал и Бернштейн «Саня». Вчера у меня было воскресное собрание. Люба, Нюра, Варя, Галицкая, Цветкова, Тернавцев. Последний очень тебе кланялся. В прошлую среду читал у меня Попов, он имел славу с философской стороны. Было очень оживленно, но, к сожалению, я не умею вести собрание и беседа превратилась в спор на злободневную тему о новом стиле. Была Ольга Николаевна и Галицкая, и еще человек пять моих друзей.

Сергей Павлович и его жена очень больны. Они простудились и лежат. О.<тец> Сергей говорит, что служил у них молебен, и они оба лежат. О.<тец> Сергей выразил желание быть у нас. Я сказала, что мы его «поднимем», когда ты приедешь. Какой он хороший! И жена у него очень милая. Скоро я буду слушать воспоминания об о.<тце> Алексее, о.<тце> Павле и Дурылине. Говорят, приехал Белый. Ходасевич писал Нюре, что Белый совсем спился, что обругал Ходасевича с пьяну, публично, что в пьяном виде говорит гадости про Люб.<овь> Дмитриевну Блок. Наши все из Берлина перекочевали в Италию. Ходасевич тоже. Петр Конст.<антинович> подвизается где-то в Австрии чуть не экспертом по церковн.<ым> делам – говорят. У нас *очень* плохая погода, хуже нельзя быть.

Я совсем не отдохнула, потому что всегда народ в доме. Когда ты приедешь, я возьму отпуск и уеду в монастырь. Можно? Ну, будь спокоен и здоров. Господь с тобой! Целую.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 145 — 146об. Связь с конвертом не установлена.

[484] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 16 ноября 1923 г.

16 ноября 1923.

Милая Надя! Пишу это письмо без пометы, какое оно по счету. Забыл – не то двадцатое, не то двадцать первое. В одном из последних писем я писал тебе о людях, населяющих Гаспру. Сегодня напишу о том, как распределяется мой день, что я делаю здесь. Просыпаюсь я часов в 7 ½ и совершаю туалет, молюсь Богу, убираю постель часов до 9, затем иду через площадку парка в большой дом, где подают чай. В это время полагается «маленький завтрак», но нас стали кормить хуже, и я обыкновенно дополняю его двумя яйцами. В 10 ч.<асов> я возвращаюсь к себе в комнату и сажусь за работу. Я стараюсь работать у себя именно в эти часы, ибо как раз утром у меня солнце. Я сначала отворяю дверь, выходящую на террасу, откуда на меня падают солнечные лучи, а потом окно – и до двух часов приблизительно я сижу за письменным столом весь в золотом солнце, если светлый день. В 2 часа обед. После обеда я лежу на шезлонг перед большим домом, а если день пасмурный, у себя в комнате, в постели. В пять часов чай. Тогда же я съедаю (за свой счет) еще два яйца, а теперь вот купил какао. Между 5 ½ и 7 ½ я или играю в шахматы, или читаю, или ухаживаю за какой-нибудь дамой, чаще всего за балериной (цыганской)*. В 7 ½ часов ужин, который тянется до 8 ½. После обеда кто-нибудь играет на рояль или устраивается какое-нибудь чтение или пение. Вчера были у нас в гостях местные татары. Их угощали глинтвейном, а они пели и плясали. Один мальчик – великолепно. А некий Мустафа пел так, что хотелось плакать от сладостной тоски. В 11 часов я ложусь спать, помолвившись Богу.

Изредка порядок дня нарушается, но гулять я почти не хожу, потому что везде горы и подъемы, а у меня Елена Никол.<аевна> нашла расширение сердца и дала лекарство – стрихнин с валерианкой. Ездить куда-нибудь приходится совсем редко за отсутствием денег.

Ты должна была получить одно письмо с Ауслендером и другое с Ал.<ексеем> Ал.<ексеевичем> Гвоздевым. Жду ответа. Вот Евд.<окия> Ив.<ановна> уже получила от Бартрама письмо в ответ на то, которое было послано с Ауслендером, а я от тебя не получил.

Я несколько колеблюсь, вернуться ли мне, используя всю путевку, т.<о> е.<сть> пробыв здесь до 5 декабря или уехать отсюда ранее. Целую тебя, родная. Обними Славика. Любе скажи ласковое слово.

Любящий тебя – твой Георгий.

*) Братъ ее мужа Лебедев оказался моим товарищем по гимназии <дефект оригинала> Лебедев.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 103-104. Связь с конвертом не установлена.

[485] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 25 ноября 1923 г.

25 / XI 1923

Милый Георгий, очень боюсь, что ты вернешься, не дождавшись настоящей зимы. Это было бы очень тебе не полезно. Если можно, задержись. Я послала тебе еще 2 червонца, всего 4. У меня же нет ни гроша. Я перебиваюсь самыми ничтожными суммами. Нового ничего нет. Сегодня рождение Славика, был обед с пирогом и все, как полагается. Ему 16 лет. Я нашла ему учителя очень хорошего, зятя Фудель. Очень религиозный и художник живописец.

Боюсь, что письмо это тебя уже не застанет: т.<ак> к.<ак> слухи есть, что Я.<?> И.<?> едет в Москву. А вдруг и ты увяжешься с ней?

Пока прощай. Будь здоров. Твоя Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 147 — 149. На конверте адрес: Крым. Ялта. Почт.<овый> ящ.<ик> 167. Георгию Ивановичу Чулкову. Гаспр.<инский> санаторий. Адрес отправителя: Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова. Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 3. Почтовый штампель: «Москва, 26/XI-1923».

[486] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 26 ноября 1923 г.

26 ноября 1923.

Милая Надя! Я решил ехать первого числа, но не уверен, что получу билет. В этот день намерены ехать многие – человек пятнадцать, а Цекубу располагает всего лишь шести местами. Я надеюсь на Гульденбальта.

Прошло почти два месяца! Какие итоги моего здешнего жития? Относительно моего недуга могу сказать следующее: нет кровохаркания; температура нормальна; прибавил в весе пять фунтов (было 3 пуда 39 ф.<унтов>, а теперь – 4 пуда 4 фунта). Но кашель по утрам есть в иные дни.

А что сказать о работе?

Сделано вот что: во-первых, несколько стихотворений; во-вторых, *комедия «Душенька»*; в-третьих, ученая статья – «Прозопопя в поэтике Тютчева». Но, что меня особенно утешает, у меня сложился некой сюжет, отчасти приснившийся, внутренне богатый всякими возможностями – сюжет для трагедии. Эпоха – средневековье: крестовые походы, инквизиция, рыцарь и его жена. Фабулы пока не буду рассказывать. Получается что-то антикатолическое, но, конечно, верую и уповаю, что не антихристианское, не антиправославное. Я ничего почти не записал, но читаю эти последние дни по средневековью: тут, в библиотеке, кое-что есть (напр.<имер> Mon-Caut), – нужно в Москве прочесть еще два-три сочинения, и я, кажется, смогу приняться за эту пьесу. В пьесе столкнутся принципы инквизиции, все то, что впоследствии формулировано иезуитами, с началом благодатной свободы. Авось православные на меня не разгневаются. Некоторая опасность их прогневить как будто есть, но верю, что Господь мне поможет освободиться от соблазна и заблуждений.

Таковы итоги моей плотской и душевной жизни.

А как я жил духовно? Все так же, как и в Москве – все еще не свободный от земных пристрастий и земного хмеля, несмотря на всю мою усталость, острую боль в сердце и явную близость смерти.

Каждый день думаю о тебе и молюсь за тебя. И замечательно, что моя темная, недостойная молитва светлеет как будто, когда я произношу сердцем твое имя.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Вторые два червонца получил. Спасибо. Как ужасны последствия писем этого противного параноика!

Спасибо тебе за Славика и за Любу. Пожалуйста, целуй, кого следует, и, кому следует, кланяйся.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 105-106. Связь с конвертом не установлена.

1924 г.

[487] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 22 августа 1924 г.

Милая Надя!

Как ты доехала? Меня очень расстроила эта вагонная темнота и теснота. Ты, ведь, и так утомлена и не совсем здорова. А вот теперь ты дышишь хорошо отпинским воздухом, – надеюсь на Бога: отдохнешь.

В Москве, как ведаешь, пыльно – все по-прежнему. Уеду ли? «Изд<ательст>во Политкаторжан» согласно издать моих «декабристов», но дает гроши непристойные (по 50 руб.<лей> за лист, а я рассчитывал по 100 руб.<лей>). А вот всего лишь 100 руб.<лей>, т.<о> е.<сть> такие деньги, на которые не уедешь в Гаспру никак, да и то обещает дать решительный ответ во вторник: денег нет. И «Колос» опять не заплатил, извинился стыдливо.

В пятницу вечером у меня были Вяч.<еслав> Иванов, Г.<ригорий> А.<лексеевич> Рачинский, М.<стислав> А.<лександрович> Цявловский и Б.<> А.<> Шпаро, а из дам – одна Майя (Мочалова не пришла, а цыганка не могла прийти, ибо лежит больная, дышит на ладан – ей совсем худо).

Рачинский был в ударе. Вяч.<еслав> Ив.<анов> наслаждался им. Я просил Вяч.<еслава> Ив.<ановича> надписать «Кормчие звезды» тебе. Он был польщен. Взял книгу на дом, ибо «Надежде Григорьевне надпись надо делать, *подумав*». Я с ним согласил: Над.<ежда> Григ.<орьевна> не любит ничего необдуманного.

Ты меня все-таки люби и поминай в твоих молитвах. Это важно.

Отторгнутый от светлой тишины,
От ласковых прикосновений рая,
В тоске земной, как пленник, умирая,
Не ведаю, святой голубизны,
Откуда голубиный голос кличет,
Единобо, кто мир наш возвеличит
И смертного к бессмертию возведет
От суетных и немощных забот...
Но Оптинских могил мне внятен голос,
И я хочу, напрягши слабый слух,
Вновь в сердце сочетать, и ум, у дух
И возлелеять в скудном поле колос:
То – Божий знак – его и утрачу я! –
Тому залог и знак – любовь твоя, –
Огонь живой затепленной лампы
Отраднее мучительной отрады
Томительных пристрастий и страстей...
Выйду ль в чертом среди избранных гостей?

Георгий Чулков
22 августа 1924.

P.S. Сейчас узнал, что Госиздат желает издавать моих «Декабристов», – но когда и как еще не знаю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 107-108. Связь с конвертом не установлена.

[488] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 24 августа 1924 г.

24 августа 1924
(Второе письмо)

Милая Надя!

Твое письмо, пока единственное и очень краткое и без даты, но милое, где ты говоришь о райских яблоках, получил.

Теперь ты мне пиши (после 1-го сентября) письма по адресу: Крым. Кореиз. Ялтинского уезда. Дом отдыха «Гаспра». Если не умру, надеюсь шестого сентября выехать в Крым, хотя пока нет вовсе денег, но я заключил условия с Госиздатом и, может быть, кое-что дадут. Договор кабальный, по я решился на него, ибо, что будет через месяц, неизвестно, а эта малая сумма денег даст возможность подышать Крымом недели четыре. Правильно я поступил?

Сегодня уезжает в Италию Вяч.<слав> Иванов. Он сделал тебе надпись на книге. Теперь онный таков: «На память о незабвенных минутах жизни, мудрой твердой верней Надежде Григорьевне Чулковой с глубокой любовью и преклонением. Вячеслав Иванов». Далее следует три цитаты из «Кормчих Звезд» –

Над смертью вечно торжествует,
В ком память вечная живет.
Любовь зовет, любовь предчует;
Кто не забыл, – не отдает.

Вторая цитата из стихотворения «Pietà» из цикла «Suspiria»:

От века Он, безжизненный, – на лоне
Тоски твоей,
О, Темная на звездном небосклоне!
О, Мать Скорбей!
(Это относится к Изиде – Бого матери – Богоматери).

Третья цитата из стихотворения «Тебе благодарим» из того же цикла:

За боль любви, за плач благодаренья,
За ночь потерь,
За первый крик, и смертный оцт боренья,
И смерти дверь, –
Зане Тебя, по Ком в разлуке страждем,
Разлукой зрим, –
Бог жаждущий, чьей страстной чаши жаждем, –
Благодарим!

Вчера ты долго обнимались и целовались. Я его перекрестил трижды и он, со слезами на глазах, шутя бормотал – «Старец! Старец!». И я с чистым сердцем его обнимал.

Сегодня четверг 28-го н.<ового> ст.<иля>, стало быть 15 августа – Успение. Иду сейчас к обеду. Буду молиться за тебя – грешный, темный не «старец», а «старикашка». А ты за меня молись, молись, молись...

Христос с тобой! Любящий тебя
Георгий.

До отъезда напишу тебе еще одно письмо – деловое.
Привет Бруни и всем православным христианам.
Антропософам вежливо кланяйся.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 109 — 111. На конверте адрес: Анне Александровне Бруни для Надежде Григорьевне Чулковой. Оптина Пустыни. Козельск, Калужской губерн.<ии> от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Москва. Смоленский бульв.<ар>, 8, кв.<артира> 2.

[489] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 29 августа 1924 г.

29 августа 1924
(Третье письмо)

Милая Надя!

Посылаю тебе письмо В.<ячеслава> И.<вановича> Иванова. Шестого числа, если Госиздат не обнанет и я буду жив, я, вероятно, выеду в Крым.

Надеюсь оставить для тебя у Ник.<олая> Дм.<итриевича> Бартрама письмо и три червонца. Кроме того ты имеешь получить по моей доверенности в сентябре из Академии не менее двадцати семи рублей (а, может быть, на этот раз и более) и золотое обеспечение за сентябрь – червонца полтора.

Итого: не менее семи червонцев. Это тебе хватит недели на две, на три. Не правда ли? Доверенность оставляю так же Бартраму. Я ужасно кашляю и стал худо дышать. Хочу сходить перед отъездом к доктору, вероятно, к Кабанову.

Целую тебя благоговейно.
Любящий тебя
Георгий Чулков

Привет Бруни и всем.

Адрес Ивойлова:
Газовая ул.<ица>, д.<ом> 1а, кв.<артира> 14.
Петерб.<ургская> стор.<она>
Ленинград.

Массальскому долг отдал.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 112-113. Связь с конвертом не установлена.

[490] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Гаспра, 22 сентября 1924 г.

22 сентября 1924 г. н.<ового> ст.<иля>
Седьмое письмо из Гаспры.

Милая Надя!

Ты мне прислала сюда одно письмо и вот нет от тебя вестей. Не знаю даже, где ты – в Оптиной или в Москве. На всякий случай пишу тебе одновременно и в Пустынь и домой.

Поздравляю тебя моя чудесная с наступающим днем Ангела. Вчера *8-го сентября* я был в церкви и молился за тебя, насколько может молиться такой ничтожный, слабый и грубый человек, как я. Помолись и ты за меня и все мне прости, всю мою жизнь. Ты можешь простить, потому что Бог дал тебе красоту бессмертную, а божественная красота милостива и щедра. Не смею сказать – ноги твои целую, нет – обувь, след ноги твоей на песке. Дай Господ тебе силы и здоровья.

Любящий тебя Георгий

Поклонись Бруни и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 114. Связь с конвертом не установлена.

[491] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 22 сентября 1924 г.

22 сентября 1924 г. н.<ового> ст.<иля>

Гаспра

(Седьмое письмо)

Милая Надя!

Поздравляю тебя, родная, с наступающим днем Ангела. Вчера, *8-го сентября* (ст.<арого> ст.<иля>), я был в церкви и молился за тебя, насколько может молиться моя слабая, темная, грешная, изнемогающая душа. Помолись и ты за меня, бесценный мой друг. Прости мою глупую жизнь и мое глупое сердце. Никогда, может быть, я не любил тебя так сильно, как сейчас; никогда не понимал, как ты прекрасна, необычайна и красива бессмертной красотой.

Я молюсь за тебя преподобному Серафиму. Мне почему-то кажется, что он *любит* тебя! Мне почему-то кажется, что преп.<одобный> Серафим ласкает Володю...

Милая, милая, милая... Целую твои руки тысячу раз. Любящий тебя Георгий.

P.S. Больше, должно быть, я не буду писать тебе из Гаспры. Тут нет событий. Все монотонно. Я просыпаюсь и встаю в 6 ½ час.<ов> и иду в баню, моюсь и обтираюсь водой каждое утро. А потом целый день от еды до еды. Читаю о декабристах и пока ничего не пишу: не могу – хоть умри. Спать ложусь в 10 ½ или в 11 ч.<асов>

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 115-116. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Москва. Почтовый штампель: «Кореиз, 13/IX-1923 <так! К.Р.>».

[492] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 24 сентября 1924 г.

Москва 11/24 IX 1924

Милый Георгий, второе письмо пишу тебе из дому. В гостях хорошо, а дома лучше: наша квартирка так мила, что я радуюсь, находясь в ней. Много солнца, я конечно, навела чистоту, повесила чистые шторы, промыла стекла и натерла полы. Лиза понемногу помогает мне, и я со вчерашнего дня занялась переплетом.

Не так-то легко вспоминать все приемы и их последовательность. Взяла пока книги похуже, чтобы на них снова поучится. С материалами плохо: я обегала много торговых улиц и не нашла, чего хотела. Придется изобретать, чем заменять недостающие материалы. В воскресенье была я на могиле

Володи. Уже четыре года... о.<тец> Сергей, увидев меня у всенощной, подозвал и сказал: «Завтра буду молиться за Володю за Вашего!». А за всенощной все песнопения были полны радости о спасении. Два канона Иоанна Домаскина и Андрея Критского и стихиры не менее чем пяти лучших песнописцев. Вот какой день! Счастливая я, незаслуженно счастливая! К именинам привезла я себе много подарков. Все письма старца Макария 5 томов, письма ст.<арца> Амвросия 3 тома, еще 1 том ст.<арца> Антония, с жизнью которого познакомилась только этим летом. Я имела возможность читать все жизнеописания старцев – библиотека рядом.

А тебе я привезла замечательное варенье из куманики.

Любу и Славика видела. Она очень измучена своими делами, и Славик тоже не весел. Нюра написала Любе и приложила стихи Ходасевича – самые последние и очень по-моему плохие. Ходас.<евич> обещает ей прислать денег. Пишет ей ласковые письма.

У меня была Диатроптова с младшим. Был С.<ергей> Соловьев.

Я получила деньги из <Це>Кубу 19 р.<ублей> и из Акад.<емии> 43 р.<убля> – куплю дров 1 саж.<ень> 1 черв.<онец> отд.<аю> Массальским и у меня останется немного. Пришлось еще дать Лизе за услуги. Но если нужно, я пришлю тебе 1 червонец. В <Це>Кубу я получила за сентябрь, значит, за октябрь, если будут давать, ты получишь.

Пошла навестить Голубкину, а ее квартира запечатана за неплатеж налога.

Из новостей самых замечательных, это, что Евг.<ения> Александровна поссорилась с Евдокией Ивановной. Обе тебе кланяются.

У нас чудесная осень. Трудно тебе жить, дорогой Георгий, а я вот, бездельница, все радуюсь, как хорошо жить, жаль только, что мало остается, а то можно бы еще много узнать прекрасного на этой земле. Ну, господь с тобой! Привет мой Ксении Федоровне, Елене Николаевне и проч.<им> знакомым дамам и мужчинам. Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 150 — 151об. Связь с конвертом не установлена.

1925 г.

[493] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 11 июня 1925 г.

11 июня 1925. (Написано)

15 июня 1925 (Послано).

+

Вчера, Надя, получил я твое письмо (без даты!), которое прочел с наслаждением, как все твои письма читаю. Ты знаешь какую-то тайну эпистолярной прозы. Об этом должны подумать теоретики словесности. Дело в том, что ты как будто вовсе не заботишься о стиле, о композиции, об украшении письма образами или остроумием, а между тем письмо оказывается драгоценным и прекрасным. Я думаю, что это объясняется необычайной правдивостью автора. Надя не может сказать неправды. В этом есть такая нравственная красота, которая отражается на приемах твоего письма. Ты и не подозреваешь, каким ты высоких степеней художества достигаешь, об этом вовсе не помышляя. Только это запах фиалки, и надо уметь дышать этим нежнейшим благовонием.

Как я живу: я бросил курить, и это является символом моих житейских устремлений ближайших дней. С утра до ночи, впрочем, приходится мне улаживать дела с «Кругом», Столяром и еще кое-с-кем. Дело с корректурой запутывается, и я, кажется, не вытерплю и приеду в Оптину пока хоть на недельку: это выяснится, надеюсь, на днях. Напиши мне, сколько я должен привести с собой денег на случай моего недельного пребывания в Оптине. Или не стоит приезжать на неделю? Может

быть, лучше покончить дело с корректурой? Я боюсь только, что это дело может затянуться, а у меня большое желание подышать воздухом Оптиной – и поскорее. Посоветуй, как быть.

Я как-то не могу сообразить, при тебе или уже без тебя у меня произошло недоразумение с Сакулиными. Я все-таки этого дела не оставил и просил Пиксанова заявить Сакулину, что я настаиваю на том, что его имя было мной включено в план «с его согласия» и, если он не примет этого моего заявления и не удовлетворится им, то я уйду из Академии. Результатом этого моего заявления было примирительное и даже нежнейшее объяснение со мной Сакулина: одним словом, мы чуть не целовались.

Во всяком случае трепали друг друга по животу. Занятия в Академии кончились.

Вчера у меня была Ниночка Фудель. Я ей передал твои слова. Она уезжает на две недели в дом отдыха. Был еще Николай Бруни, который говорит, что у него духовный опыт не менее значителен, чем у о.<тца>Сергея. Лидочка уехала. Нюрка прислала открытку, в коей извещает, что ей Волошин дал комнату с балконом и что в Коктебель очень мало гостей.

Целую твои руки благоговейно. Любящий тебя Георгий.

Посылаю тебе три червонца. Если сам не приеду, через месяц или ранее пришлю еще денег.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 117-117об. Связь с конвертом не установлена.

[494] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 18 июня 1925 г.

18 июня 1925.

+

Милая Надя! Я поставил крест в начале письма, а между тем живу совсем не по-христиански. Вот сейчас, например, нагрешил. Пришла Люба и с наивным (а если сказать покрепче, с циничным) эгоизмом заявила, что она куда-то собирается уезжать со своим возлюбленным, уверенная, значит, что Славика мы обязаны лелеять неизвестно до какого срока. Я ничего не имею против Славика, если ты можешь с ним ладить, но меня взбесила эта себялюбивая уверенность, что другие должны заботиться об ее комфорте. Я тогда ей заявил в свою очередь, что мы ради со Славиком возиться, но никаких гарантий не даем относительно сроков этой возни, ибо неизвестно даже, когда кончится *наше* пребывание или *пока твое* в Оптиной. Тогда Люба опять объявила, что она жалеет, что она не устроила Славика в санаторий, и что она непременно уедет куда-то с Тарабукиным. Я жестоко ее отчитал и прощал ее совсем неправославно. Если у тебя хватит христианского смирения, утешь ее. Я не могу. Просто беда.

Я живу в сует. Каждый день у меня в календаре записано пять-семь-десять деловых свиданий. Пока толку мало. Главная возня теперь с цензурой по поводу «декабристов» и с «Кругом», который должен печатать «тексты Тютчева». Не знаю, когда вырвусь из Москвы. Если цензура пропустит девять листов «Декабристов», мне придется дописывать остальное, т.<о> е.<сть> еще листа четыре-три. Это, ведь, три недели! А когда «Круг» даст корректуру – неизвестно.

Обедаю я больше в Цекубу. По гостям не хожу. Не курю. Ко мне заходит Ю.<рий> Н.<икандрович> Верховский, М.<стислав> А.<лександрович> Цявловский, Ниночка Фудель (всегда на минутку)... Мочалова не была ни разу. Цыганочка уехала теперь в Васильсурск, кажется, месяца на два. Один раз я обедал у Евгения, где защищал Лидочку, на которую слишком уже нападали.

Скажи Славика, чтобы он написал мне письмо. Я ему отвечу обстоятельно. Получила ли ты три червонца, посланные мной в понедельник 15 июня?

Целую твои руки. Не забывай меня, Христа ради. Твой Георгий.

Привет милым Бруни. Вероятно, на днях явится Нюра. Не знаю, что с ней делать.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 118-118об. Связь с конвертом не установлена.

[495] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 21 июня 1925 г.

Воскресенье. 21 июня 1925.

+

Милая Надя! Вчера у меня была радость – три твои письма, которые принесла мне Машенька. Я при ней не успел их прочесть. Она зашла на минутку. Дама, о которой ты пишешь, ко мне не явилась, и Машенька сказала, что, кажется, ей не надо то, что ты предлагаешь мне ей вручить – подушки и проч.<ее>.

Суетные дела мои таковы. Завтра, в понедельник, выяснится, пропущены ли цензурой мои «Декабристы». Если пропущены, я должен немедленно кончить эту работу. Надо написать листа три. На это уйдет две-три недели. А тут еще корректура «Текстов Тютчева»!

Посуди сама, могу ли я сейчас выехать из Москвы? Я живу одинаково. Ты спрашиваешь, уехала ли цыганка. Я, кажется, писал тебе, что она уехала в Васильсурск месяца на два, вероятно. Сегодня мое одиночество было нарушено. Были посетители – днем Вайсфельд и потом Бруни Лева. Я обедал у Лосевой, и он меня там нашел. А вечером у меня сидел Григорий Алексеевич Рачинский и утомлял меня парадоксами.

Сейчас он ушел, и вот я пишу тебе письмо. Вчера вечером я был у всенощной на Маросейке, а сегодня у обедни в Петровском монастыре, где служили Зосиминский иеромонах и тот серафимский диакон, которые ты любовалась во время отпевания Марии Александровне Голубцовой. К Фуделям нельзя, говорят, идти: у них в квартире скарлатина у ребенка. Какого ребенка?

Любу я тщетно разыскивал. У нее всегда на дверях висит замок. Письмо к ней твое лежит у меня на столе.

Я очень рад, что Славика на путях нравственного устройства. Твои педагогические приемы я одобряю.

Вообще ты чудесная. Благодарю Господа Бога за то, что ты снисходительна ко мне. Кланяюсь тебе земно.

Очень хочу поскорее попасть в Оптину, но боюсь, что попаду не ранее как в середине июля (значит, по стар.<ому> стилю в первых числах июля).

Финансы мои неважны. Но при первой возможности пошлю деньги тетке. Ведь, Нюра еще приедет на днях. Не знаю, на какие деньги я буду ее кормить. Впрочем, нисколько не унываю, ибо уже привык к нашей материальной неустойчивости. В издательствах нигде нет денег, а редакторы разъехались кто куда.

Бумагу и перья и ручку я занесу в среду к Бруни. Славика я писал. Пусть отвечает. Я жду от него письма. Бруни говорит, что в Оптину собирается Городецкий. Это, пожалуй, не слишком большое удовольствие.

Михаил сделал мне полки для словаря. Я купил папки и привожу в порядок стол и бумаги. Хочу заняться и книгами. Многие нуждаются в ремонт.

Живу я, конечно, неблагочестиво, но стараюсь себя дисциплинировать. В виду твоего отсутствия мне самому приходится разбираться в минеях, и я вынужден учить славянские цифры. Вообще без твоего руководства жить мне трудно.

Обнимаю тебя, моя родная. Молись за меня.

Любящий тебя благоговейно

Георгий Чулков.

Поцелуй Славика.

P.S. У меня совершенно вываливается зуб. Я боюсь, что мне придется что-то делать с ним и с соседними. Старость! Старость!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 119 — 120. Связь с конвертом не установлена.

[496] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 24 июня 1925 г.

+

24 июня 1925.

Милая Надя!

Я сейчас сижу у Левы Бруни, которого нет дома (мне пришлось войти в его комнату оконным путем через второй этаж и спуститься вниз по лестнице – все это для меня подвиг).

Я жду Льву, которому вручу для тебя две дести бумаги писчей, три пачки почтовой бумаги, дюжину перьев, ручку, чернильный карандаш, черные чернила и дюжину конвертов. Неужели этого ничего нет в Козельске? Обрати внимание на то, что два конверта приготовлены для отправки мне письма – для тебя и для Славика – с марками! Что значит твое требование «хорошей» бумаги? Может быть, ты хочешь кому-нибудь подарить: я тогда постараюсь найти что-нибудь получше и пришлю пачку. Впрочем, этого *сейчас* я сделать пока не могу: я третьего дня послал тетке пять рублей и у меня очень мало денег, а придет еще Нюрка и ее нужно кормить.

Сегодня утром явилась ко мне Голубкина. Я ее кормил, по ее требованию, селедкой и поил чаем. Третьего дня был у меня Сергей Павлович, который очень сконфужен, что его сообщение оказалось неверным.

Цензура разрешила «Декабристов» (8 ½ листов)! Значит, мне приходится спешно кончить работу – осталось писать листа три с половиной. Это две-три недели. О наборе текстов Тютчева пока нет вестей.

Денег столяр за «Декабристов» пока не дал. Требуется конца. Лицо у него каменное. Боюсь очень, что я буду работать две-три недели и не получу золота. Постараюсь все-таки получить вперед хоть что-нибудь. У меня катастрофа во рту: надо вынимать зуб и вставлять. Желудок худо работает – отчасти благодаря зубам.

Письмо не окончено

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 121-122. Связь с конвертом не установлена.

[497] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 9 июля 1925 г.

+

9 июля 1925.

Дорогая Надя! Только что вернулся я из Муранова, куда выехал вчера вместе с Н.<иколаем> И.<вановичем> Тютчевым. Мне необходимо было туда съездить, ибо прислана из Петербурга корректура «Текстов Тютчева», и надо было проверить все по автографам. Тютчевы были очень

радушны. У них сейчас гостить внушка Боратынского. В воскресенье открывается в Муранове выставка Боратынского (по случаю 125 л. со дня рождения поэта).

Я завален корректурами и осталось еще написать последний очерк из «Декабристов». Думаю сдать этот очерк 20 июля. И вот тогда, может быть, я решусь все-таки в последних числах июля или в первых числах августа поехать в Оптину на неделю, а при счастливых обстоятельствах на две – на большой срок нельзя, потому что должна пройти вторая корректура в сверстанном виде обеих книг. На «декабристов» я, пожалуй, мне бы махнуть рукой, но на тексы не махнешь никак.

Да и денег нет ехать на более долгий срок.

Если я привезу с собой три червонца, насколько это нам хватит (на дорогу особо)?

Вчера я окончательно расплатился с Цявловским, купил штиблеты, конфеты Тютчевым, помочи и опять остался без денег. Поэтому посылаю тебе всего лишь 25 руб. Не хватает денег, а я как будто живу экономно: обедаю в Цекубу. Приходится еще платить деньги за переписку на машине.

Пиши мне почаще, родная моя. Твои письма исцеляют меня от духовных недугов. Прости меня Христа ради. Кланяюсь тебе земно.

Любящий тебя Георгий,
Раб Божий.

Что же Славик не отвечает мне на письмо? Привез ли ему краски Бруни? И как вы расплатились за них?

Тютчевы все очень сетовали, что ты ни разу не была в Муранове. Они знают Защук.

Напиши, что я должен с собой привезти – т. е. одеяло, подушки или еще что?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 123-124. Связь с конвертом не установлена.

[498] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 11 июля 1925 г.

+

11 июля 1925.

Дорогая Надя! Мудрая моя! Как я тобой горжусь! Я так и знал, что ты за монаха заступишься, а сама по смирению не станешь оправдываться. Знаю я Ваши благочестивые хитрости. Этих хитростей не чужды были христиане всех веков – и страстные Антоны, и преподобные Сергии, благочестивейшие, и всякие там Блези Паскали. Хитрецы! Хитрецы! Как я вас ценю!

Хорошо ты описала бывшего настоятеля. Великолепный, должно быть, монах. Ты не сердись, что я как будто «со стороны» восхищаюсь и ценю. Это я не по высокомерию и самонадеянности, а по сознанию того, что я «недостойный», что я смрадный. Я просто не смею иначе. Говорю «хитрецы», а сам робею.

Я пишу сегодня так кратко, потому что по часам распределен весь день, а мне хочется сегодня до вечера послать тебе письма.

Посылаю тебе письмо из Калуги. Я его распечатал, но, конечно, не читал: распечатал, потому что тебе удобнее переслать. Если получу гроши, приеду в конце июля. Любящий тебя неизменно Георгий.

Целуй Славика и Бруни.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 125. Связь с конвертом не установлена.

[499]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Оптина Пустынь, 12 июля <1925> г.

+

Милый Георгий, вот твоя мудрая, благочестивая жена с носом! Батюшка не принял меня. Причина ли здесь легкомыслие Бруни, которые посоветовали мне поехать с ними, не спросив благословление заранее на мой приезд, или это испытание для меня по умыслу батюшки, не знаю, но я несколько не обиделась и очень мало огорчилась. Одна монахиня, бывшая свидетельница моих неудач, сказала твердо: «Это вам первое испытание». Я благодушно приняла его «Благословляю на путешествие» и, поклонившись в ноги, ушла. Потом через Ниночку он просил меня извинить его, потому что он очень устал, и благословляет приехать после Преображения *с мужем*. Вот и твоей судьбой распорядилась без тебя. Это мое предприятие, несмотря на такой результат, дало мне очень много. 1) Я видела его, слышала его голос, целовала его руку, которую он не отнимал. 2) Молилась с ним и в 3-е, напиталась духом, окружающим его – веятели чуда, благодати, в 4-е, самая поездка стоит того труда и траты, какие я положила на нее. Стоило мне все это 7 р.<ублей> 20 к.<опеек>: с ночлегом, обедом, чаем, ужином и проч.<ими> расходами. В 5-х нас возил тот самый раб Божий, о котором я тебе говорила и который так говорит, и *такое* говорит и такой сам прекрасный, что общение с ним стоит многого. Итак, я в выигрыше несомненном. Представь себе поля, испещренные полосами изумруда, серебра и золота. Это лен, гречиха, рож. Все полно благоухания медвяного цвета гречихи, которой здесь море. Ехали мы и днем и ночью и солнце грело нас, и луна огромная светила там, и звезды сияли над нами. Давно уже я не обозревала таких далей с такой умиротворенной душой. А наш философ возница, куда ни взглянет, везде видит милость Божью и несовершенство человека. «Дух-то, дух-то какой! Скажи на милость, почему это такая малая былинка имеет такое благоухание и почему-то человек – создание Божье, так смраден грехами?! Истина, чего только не дал нам Господь!»

Проезжаем деревню. Он опять скорбит о своем падении: «В этом селе я на свободе пировал. Уж и напился же!.. Тяжело будет моему Ангелу Хранителю мои грехи нести. Ох, тяжело!».

Повидавши батюшку, он сказал: «Батюшка-то нам, как головку опустил. Я так думаю «цвет созрел – клонится». А сколько рассказов из святых отцов, из Житий, из своих встреч и наблюдений – не переслушать. «Мой родитель ста четырех лет свою жисть <так! – К. Р.> кончил. Ни разу не выругался и ни разу я его пьяным не видел, и ни одного года без говенья не пропустил». Ты вот увидишь, какой это красавец-старик. У него уже правнучка есть. Про настоятеля, о котором я тебе писала, он сказал: «Какой он унижительный! У прежних настоятелей был ход грубый, а этот очень унижительный! (т.<о> е.<сть> смиренный!)». Спаси же тебя, Господь, (как говорят тут монахи) за твои письма! Я тебе завтра еще напишу, а теперь хочу спать и видеть во сне батюшку. Туда ждут о.<тца> Сергея. М.<ожет> б.<ыть> он зайдет и к нам. Прощай. Целую тебя. Господь с тобой. Будь здоров. Ньюру целую. Твоя Надя.

Оптина Пустынь. 29/VI Петров День.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 180 — 181об. Связь с конвертом не установлена.

[500]

Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Оптина Пустынь, 13 июля 1925 г.

Понедельник 30/VI 13/VII 1925

Оптина пустынь

Милый Георгий, приехав от батюшки, я нашла тут повестку на 25 руб.<лей>. А у меня еще много денег. Как-то ты там справляешься со своими нуждами? Когда же ты думаешь к нам? Если ты смотришь серьезно на предложение батюшки приехать к нему, то согласуй с назначенным им сроком твой приезд сюда. Бруни еще там, завтра едет туда же Таня. Послезавтра сюда приезжает Евгения Александровна Галицкая. Шуму прибавляется. Теперь уже в ограде монастыря устраивается пекарня с завтрашнего дня начинает действовать. Сегодня ходила с Таней гулять в Степино к дяде Тимофею. У него живет иеромонах Серапион – в деревне называют его просто <Скоропион>. Он бывший ризничий в Оптиной. Пили у него чай, слушали рассказы о былом. Он очень похож на о.<тца> Сергия Успенского – твоего законоучителя и такой же старенький, в монастыре больше 50-ти лет. Славик продолжает меня не радовать – ничего не делает.

А тебе, по-прежнему, мешают работать? Люба писала, что у Нюры есть временная работа. Не могу без ужаса подумать о жару в нашей квартирке. Стыдно, что я так себя ублажаю. Мы уже едим ягоды – землянику, малину, вишни. Зреют яблоки. Много белых грибов. При этом всегда досуг и свобода. Спасибо тебе, дорогой, за все это райское житье. Но еще было бы лучше, если бы и ты был тут, а то совесть мучает.

Надписи списываю. Обедню переписываю. Читаю хорошие книжки. Вижу хороших людей и совсем отвыкла от московского быта. Но все же сюда уже больше не поеду, пожалуй! Надоел музей. Хочется жизни действительной. Прощай, друг! Целую тебя. Господь с тобой.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 152-153. Связь с конвертом не установлена.

[501] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 3 сентября 1925 г.

+

3 сентября нов.<ого> ст.<иля> 1925.

Только сегодня, милая Надя, мне передала твое письмо Ниночка Фудель. (Она пришла утром и застала у меня Николая Бруни, который у меня ночевал).

Разве ты не получила двух червонцев? Я послал их 29 августа нов.<ого> ст.<иля>. Да, конечно, ты еще не могла их получить, ибо (я сейчас посмотрел дату твоего письма) ты писала мне 17/30 августа. Пожалуйста, извести меня, когда деньги будут у тебя. А на твой обратный путь я еще надеюсь прислать тебе два червонца, если буду жив.

Ниночка вручила мне ее альбом, тобой сделанный, и я написал в эту тетрадь стихи, начатые мной еще в декабре 1924 года. Я их теперь дописал.

При сем эти стихи прилагаю «К Ниночке», по правде сказать, она не имеет никаких отношений, но я не в силах сочинить что-нибудь личное для нее.

Сейчас пришел о.<тец> Сергей Успенский, принес тебе какие-то пять рублей и беседовал со мной два часа! Как работать?! Но этот батюшка очень хороший. Я, который не выношу проповеди приходских батюшек, в это воскресенье до слез умилился, его слушая: так он был прекрасен и духовен в церкви.

Обнимаю тебя, родная.

Я в совершенном отчаянии: меня замучили посетители. Сейчас сидят Рачинский и Мочалова. Я сказал, что я занят, ушел к себе в комнату. А они все еще сидят за чайным столом и говорят! Доколе, Господи! А сейчас уже десятый час вечера, – я утомлен, я уже не могу работать, я хочу лечь в постель.

Без воли Божий даже волос

Не упадет с главы моей,
 Доколе слышу звонкий голос,
 Доколе вижу тучный колос,
 И чую запахи полей.

И не страшусь осенней бури,
 Взметнувшей ввысь могильный прах.
 Ничтожна прихоть рабский дури
 Пред светом девственный лазури
 На благодатных небесах.

А если звук беззвучен станет,
 А на моих глазах цветок,
 От зноя тяжкого увянет:
 Тогда меня смертельно ранит
 Ведь, Ангел Белый, а не Рок.

Декабрь 1924 – Сентябрь 1925

Душа требует духовного лечения.

Во истину – «от ближнего живот и смерть». Я впервые почувствовал с необычайной остротой свою грубую сухость (дело не в Нюрке, а вообще).

Еще один новый внутренний опыт. Знаешь что? Ведь, история с моим письмом к старцу – *чудо!* Я вдруг понял, что *неслучайно* пролежало это письмо до того срока, когда были в келье старца мои знакомые, которые передали слова старца – «Письмо написано с удовольствием». Ведь, я адреса-то не дал и своей фамилии не назвал, а ведь, ответ-то старца – мне *полезен!* Как бы я его иначе получил, а теперь получил, да еще при свидетеля – для опыта смирения. Ведь, мудрее и чудеснее, пожалуй, ничего и не придумаешь. Что ты об этом скажешь?

У меня сейчас нет денег, и о поездке к старцу не может быть и речи, но ты все-таки на всякий случай напиши мне, на какой станции надо слезать, чтобы попасть к нему, и как называется его деревня.

Кланяюсь тебе земно, любимая.

Твой Георгий Чулков.

Сейчас получил твое письмо. Я так и чувствовал, что ты простудишься под этим дождем. Сколько же ты дней провалялась? Береги себя, Христа ради.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 126 — 129. Связь с конвертом не установлена.

[502] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Москва, 5 сентября 1925 г.

+

5 сентября н.<ового> ст.<иля>
 1925

Милая Надя! У меня сегодня день житейских неудач и крушение моих литературных планов. Одним словом я без денег. Могу выслать тебе на обратный путь лишь 15-20 числа. Напиши мне незамедлительно, *когда* ты думаешь выехать из Оптиной. Я постараюсь выслать тебе на дорогу два

червонца – надо ехать в мягком вагоне. Плацкорт на жесткие места не бывает: надо сидеть и ждать без конца в Сухиничи. Непременно бери мягкое место – иначе измучаешься.

Я живу непрерывно. Кажется, и все так. Утешение малое – не правда ли? Был, напр.<имер>, вечером у А.<лександра> С.<ергеевича> Глинки. Он совсем увял, а молодое поколение неутешительно.

Вышли «Письма Блока» (к Соловьеву, Княжному, Скалдину и мне). В этой книжке «как на ладони» наше «сегодня» – проекционный чертеж на будущее. Любопытнейшая книга и страшноватая. Всех жаль. А, ведь, не очень приятно быть предметом сожаления. Не унывает только старикашка Г.<ригорий> А.<лексеевич> Рачинский. Не масон ли он? (Я щучу, конечно).

Обнимаю тебя. Господ с тобой. Молись за меня недостойного.

Любящий тебя

Георгий Чулков

Посылаю тебе «письма» Блока, но этот экземпляр непременно привези обратно: у меня нет.

Кланяйся Бруни и Мих.<аилу> Мих.<айловичу> и прежде всего, конечно, о.<тцу> Досифею и о.<тцу> Федоту. Проси их помолиться за меня.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 130-131. Связь с конвертом не установлена.

[503] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<Козельск>, 8 сентября <1929> г.

+

8 сент.<ября> н.<ового> ст.<илия>

Спасибо, милый Георгий, за письмо и книгу о Блоке. Деньги я получила уже давно. Очень мне хочется обойтись этими деньгами с моим переездом. Не хватает пустяков рублей 5, а я их могу занять легко. Не стоит, пожалуй, тебе посылать. Так и решим: не посылай, но я буду немного должна Софье Александровне – сестре с Моросейки. И ей отдам в Москве, через Леву Бруни. Не присылай, потому что деньги могут разойтись со мной – я выеду на днях. Погода портится – делается неуютно не-дома. Меня очень мучает совесть за мое поведение. Этим летом: я как-то уж очень бесцеремонно завладела правом ничего не делать, а тебе предоставила все заботы и неуют дачного <1нрзбр>.

А самое досадное это то, что «не в коня корм» – нисколько я не поправилась. Думаю еще раз и последний обратиться по приезде к хорошему врачу и успокоюсь даже если и не будет улучшение. Болезнь телесная, ведь, тоже на пользу душе – надо ее переносить благополучно. Научусь так делать. Но все-таки, хоть я и не поправилась, очень тебя благодарю за лето. В городе я совсем бы измучилась и захирела еще больше. Тут я была свободна от всего городского и думала себе свою думу сколько хотела. Это лето мне, как и прошлое, много дала здесь. Как приеду еще больше это почувствую. Вчера и сегодня была в Козельске – вчера у всенощной, и сегодня у обедни. Сегодня праздник в честь иконы Владимирской Б.<ожей> М.<атери>. Слушала о.<тец> Феодосии. Он тебе шлет привет. Ночевала у монахов и видела дивный сон. С вечера подумала, как это я хорошо в Зосымовой пустыни видела Володю нашего, потому что не во сне, а как видение какое, и ночью вижу ясно, ясно – будто несу я Володю маленького по какому-то очень опасному пути, и у него глазки болят. Потом вижу его уже большого, глазки здоровые, ласковые и с любовью на меня глядящие. За ним ухаживает кто-то, кому он принадлежит теперь, и я уже не имею на него право. И у этих людей какие-то особые приемы в обращении с ним, которых я не знаю, я не сумела бы теперь за ним ухаживать. Стою я, смотрю и плачу, и очень-то прошу его. А Володя ласково так и робко говорит: «Если вы будете плакать, я не буду с вами разговаривать». Я стараюсь не плакать. Но Володя опять должен умереть, и я слежу за его

глазками, они медленно угасают и совсем закрываются. Смотрю на часы – 10 часов – я говорю: «Вот в 10 ч.<асов> родился, в 10 и умер» и сейчас же ловлю себя на лжи: не в десять, а в семь. А еще раньше, чем ему умереть, я тебе говорю: «Вот чудо: ведь, три дня был Володя в могиле, и если бы не приснился (кому-то – т.<о> е.<сть> если бы не узнал кто-то, что он жив) так бы и остался там».

Я проснулась потрясенная этим сном. Слова Володи и его робкая нежность, именно *его* нежность, так была реальна и ощутима, что я точно повидалась с ним и не могу не плакать, хотя Володя и не велел.

Конечно, сон мой ничто иное, как продолжение работы мозга уже бессознательное. Это не больше, как физиология, но такая работа вероятно, может иногда быть использована. Она дополняет или делает более отчетливыми переживания сознательные. Так мне помог этот сон. За обедней помолилась за Володю и за своих родителей. И хорошо же было за обедней!

Запричастный стих пела из Апостола этого дня. Я в первый раз слышала чтобы послания Апостола Павла пели. Я забыла из какого это послания – «Не разлучить нас от любви Божьей ни скорбь, ни беда, ни гонение, ни силы, ни начало, ни настоящее, ни будущее»... это все пелось очень долго и повторялось много раз «Не разлучить от любви Божьей» и так это было убедительно и трогательно, что нельзя передать.

Мих.<аил> Мих.<айлович> стоял, как вкопанной. О.<тец> Досифей шептал молитвы, тоже столь благоговейно. О.<тец> Феодот священнодействовал. Народу было очень мало. Потом молебн Божьей матери, Владимирской ее иконе. Я захотела ходить в Москве к ранней обедне в Неопалимовскую церковь. Вот бы хорошо было!

Сегодня от обедни была у одной дух.<овной> дочери о.<тца> Анатолия. Там была барышня, только что вернувшаяся от о.<тца> Нектория. «Я приготовилась ему сказать – говорит эта барышня – что я его не понимаю, что он меня не удовлетворяет, что он мне труден и не облегчает мне жизнь и что я хочу от него уйти. Батюшка, не дав мне сказать ни слова, заставил меня читать какое-то письмо, в котором было написано слово в слово то, что я хотела ему сказать. Когда я начала читать, он меня спросил: «А ты не собиралась мне написать такое же письмо? – Нет, бат.<юшка>. Я собиралась, не написать, а сказать то же самое. Батюшка на это сказал: ты не можешь читать без руководителя. Я тебя не отпускаю. – батюшка, тогда помолитесь, чтобы все было *как следует*. И батюшка сел и закрыл глаза, и слезы текли у него ручьем и долго он молился». А потом беседовал с барышней этой три часа, и она теперь расположена к нему совершенно и уже не хочет никуда уходить. Барышня очень мила, такая искренняя и смелая, когда дело идет о важном для нее. Она мне сказала, что батюшка велел ей выйти замуж. А она ему в ответ: «Батюшка, он, ведь, это не на неделю, не на две, а на всю жизнь, ведь это кошмар!». Но он пообещал ей столичного жениха и беседу кончил.

О неудачах твоих горюю. Стремлюсь к тебе, чтобы по ближе их ощутить. Чувствую тебя другом благородным. Дай Бог тебе царствия Божьей! Отдохнуть бы тебе душой – измучился ты очень.

Ну, пока прощай! Господь с тобой! Будь здоров. Меня прости. Нюре привет. Любе тоже. Целую тебя. Надя.

О. Сергей все еще не был здесь. Странно!

Тебе поклон от: Нины, Мих.<аила> Мих.<айловича> и о.<тца> Феодота. Тоня тебя все еще боится, но она усиленно переписывается со Славиком. Ему и Любе тоже привет. Бывают ли они у тебя?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 176 — 179об. Связь с конвертом не установлена.

1926 г.

[504] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Узкое, 29 июля 1926 г.

+

29 июля 1926.

Милая Надя! Я приехал благополучно в «Узкое». Здесь неплохой парк, хорошо кормят, светло и мои соседи по комнате культурные и вполне приличные люди – врачи и профессора но их – увы! – шесть человек. Спим, конечно, с открытыми настежь окнами, и мне очень пригодился данный тобой плед. Вообще холодно. Жаль, что я не взял с собой сюртук. Мной тотчас завладела почтенная актриса Массалитинова, и руководит на курортном поприще. Она очень любезна и даровитая особа. Но все вокруг усиленно развлекаются и это скучно. Я долго не выдержу. Люблю Георгий Чулков

Пиши немедленно из Сарова в Москве и сюда.

Адрес дам!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 132-132об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Георгию Ивановичу Чулкову для Надежды Григорьевной Чулковой. Почтовый штемпель: «Москва, 31/VII-1926».

[505] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Узкое, 29 июля 1926 г.

+

29 июля 1926.

Дорогая Надя! Я в Узком. Здесь хорошо, но для тех, кто не утратил аппетита к развлечениям. А у твоего мужа – увы! – этого аппетита нет. Я не усажу долго в этом «Узком» во-истину местечке. «На милой мной изведанной земле теперь меня ничто уже не держит» – по крайней мере в подобных домах отдыха, где развлекаются профессора и их супруги шарадами и пением романсов. Толстая Миссалитинова, актриса Малого театра, завладела мной, посадила меня за стол рядом с собой и болтает, как сорока. Она, впрочем, не лишена какой-то неопределенной даровитости, не слишком, однако, высокого качества. Дождь льет.

В Крыму было глуповато, но по крайней мере там было южно и пахло «лавром и лимоном», как выразился Пушкин. А тут лавр попал в суп, а лимон в чай. Таков Север. И льет дождь. Как ты поедешь в Саров! Дай Бог, чтобы прекратился этот потоп. Дай Бог тебе счастливого пути. Помолись за меня угоднику, которого я чту и чувствую, как родного деда, очень близко и очень материально. Он – хороший. Он, ведь, принимал у себя и Богородицу, и медведя. Я, хоть и хуже зверя, но все же не потерял надежды на милость Серафима. Авось, и мне улыбнутся Стяжавших Духа Святого, услышав твои молитвы, моя красавица! Любящий тебя

Георгий Чулков

Может быть, ты захочешь поговорить со мной перед отъездом. Мой телефон – 2.92.19. Звонить надо от 10 до 12 и от 8 до 10 ч.<асов> веч.<ера>.

Первого августа я постараюсь не уходить в эти часы никуда. Впрочем, говорить по телефону трудно, и я не обижусь, если ты не решишься на это предприятие.

Целую твои светлые руки. Георгий Чулков

Как только приедешь в Саров, немедленно сообщи мне твой адрес. Пиши и в Москву, и сюда на всякий случай: Цекубу, ул.<ица> Кропоткина, 16, для передачи в «Узкое» – Чулкову.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 133-134. Связь с конвертом не установлена.

[506] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Саров, 12 августа 1926 г.

30/VII – 12/VIII 1926

Милый Георгий, как-то ты там живешь? Жду от тебя вестей. Я живу в одном доме и в одной квартире с О.<льгой> Ф.<едоровной> Глинка. Мне здесь очень хорошо. Комната громадная в три окна на юг. В комнате ночуют две девочки, дочери хозяйки, а целый день я одна. Окно открыто и днем, и ночью. Перед окнами цветы и напротив (10 минут ходьбы) обитель. Каждый час, и даже каждые четверть часа, слышу часы на башне монастыря, а в часы службы прекрасный звон тысячного колокола (кажется, 2 тысячи пудов). Я счастлива, что удостоилась посетить такую обитель и что слушала и видела дивное богослужение. Сегодня в 8 часов утра слушала соборный молебен ирей Серафиму. Вокруг рака стояли десять иеромонахов, во главе раки – игумен, седовласый, величественный старец Мефодий и три иеродиакона. Канон читал чтец и пел большой хор монахов. Иеромонахи большей частью старики благолепные. Облачение ярко красный парчи, покровы на раке роскошные. Пение торжественное, голоса могучие. Они воспевали одного из их среды – одного брата, который стал святым, а был такой же, как и они, в этом же храме молился, эти же иконы видел. Вот так мне представилось и стало радостно и страшно. А еще хорошо было в воскресенье утром перед обедней: слушала параклис, т.<о> е.<сть> молебен Божьей Матери, тоже соборно. Служил епископ Павел Вятский. За литургией мне особенно нравится Херувимская – это древняя Русь, Саровские леса и, должно быть, смирение. Вчера приехала сюда Татьяна Константиновна, сестра Зайцева. Мы с ней ходили сегодня на дальнюю пустыньку пр.<еподобного> Серафима. Лучших условий для отдыха не бывает. Природа дивная, но мое здоровье скверное. Приеду, возьмусь за себя и буду лечиться. Тут много наших Маросейских. Глинки скоро уезжают. Я приеду к 1-му сентября. Привет от меня Лиле, Михаилу и всем нашим знакомым. А.<нна> С.<еменовна> Голубкина так и не едет в Саров, почему-то.

За тебя молюсь преподобному.

Господь с тобой. Целую тебя. Твоя Надя.

Что со Славиком?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 154 — 155об. Связь с конвертом не установлена.

[507] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 11 августа 1926 г.

+

11 августа 1926.

Дорогая Надя! Пиши мне почаще. Твои письма целительны. Я живу в Москве со Славиком. Пришлось прекратить работу над моей пьесой. Не умею писать две вещи параллельно. Стараюсь написать «воспоминания» – от Александровской тюрьмы до Качуга. Трудно это. И, главное, эта статья вошла клином в мои размышления и видения, меня посещавшие. Просто беда. Поскорее бы отделаться от этого «заказа». Ты, счастливая, избрала «благую часть». Сознания, что ты ходишь по благодатной земле, меня утешает.

Вчера у меня был Касаткин, которого я вызвал по телефону, дабы восстановить в памяти подробности нашего этапного путешествия. Но он мне мало был полезен. Приехал весьма нетрезвый. Выпил изрядно вместе с В.<асилием> И.<вановичем> Лисевым. Сам Лисев собирался ко мне, но не

решился ехать, т.<ак> к.<ак> боялся показаться в нашем доме в непристойном виде. Оказывается, этот благочестивый человек не прочь послужить языческому Богу Вакху. Меня от увлечения таким язычеством предохраняет желудок, который решительно отказывается принимать хмельные напитки. Но на днях я устраиваю фестиваль для нескольких наших сибирских товарищей – все с той же целью собрать побольше материала для воспоминаний. Я хочу предложить Госиздату книгу – Wahrheit und Dichtung своего рода. Хочу – кстати – использовать наши фотографические снимки.

В газетах опубликовано письмо Максима Горького по поводу смерти Ф.<еликса> Э.<дмундовича> Дзержинского. Он отдает должное прекрасным качествам покойного, но меня поразило окончание письма. Оно такого: «Нет, как неожиданна и несвоевременна и бессмысленна смерть Феликса Эдмундовича! Черт знает что!».

Не правда ли, это изречение весьма удивительно? Восторг перед *нравственными* качествами умершего человека предполагает существование *нравственного миропорядка вообще*. В таком случае в мире нет ничего бессмысленного. Кроме того мне кажется оскорбительным для памяти покойного предположение знаменитого писателя, что тайну смерти Феликса Эдмундовича знает нечистая сила. Максим Горький не догадывается, что этой темной силе, по самой ее природе, не свойственно знание, основанное на Истине. Ты знаешь, что покойный Феликс Эдмундович производил на меня хорошее впечатление при нашей встрече с ним в 1902 году, но независимо от этого на могиле вообще всякого человека едва ли следует поминать духа злобы и небытия. Это понял даже Славик.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 135-136. Связь с конвертом не установлена.

[508] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 18 августа 1926 г.

+

5/18 августа 1926.

Родная моя Надя! Я получил твое письмо, во-истину умиленное и чудесное – письмо от 30/VII – 12/VIII числа. Ты знала, как меня взять, победить, как мне показать обитель препод.<обного> Серафима, чтобы я ее почувствовал реально. И мастерски ты пишешь письма, если не ленишься!

Купалась ли ты в источнике? Твое здоровье удручает меня. Твоя приписка, что у тебя здоровое «скверное», расстроила меня ужасно. Неужели скорый помощник Серафим не исцелит тебя! Быть того не может! Давай будем молиться ему поусерднее!

Я живу в сует, т.<о> е.<сть> нехорошо. Пишу «воспоминания», которые мне самому не нравятся. Оторвался от писания пьесы, и это меня мучает. Сегодня, однако, отнесу в «Красную Новь» главу из «воспоминаний» и забастую. Хочу вернуться к пьесе, если смогу.

Ты говоришь, что живешь в «идеальных» условиях, что тебе хорошо. Может быть, ты хочешь задержаться там числа до 15 сент.<ября> нов.<ого> ст.<иля>? Это неважно. Сообщи мне об этом без промедления, и я вышлю тебе еще 25 руб.<лей>. Только дай адрес для денежного пакета поточнее. Я посылаю тебе третье письмо, но не знаю, получила ли ты первые два. Ты об этом ничего не пишешь, а оставленный тобой адрес какой-то неопределенный и противоречивый. Для денежного пакета нужен адрес точный.

Приехала Люба. Сегодня, т.<о> е.<сть> 19 августа, я, наконец, свободен впервые, т.<о> е.<сть> мне не нужно придумывать обеда для Славика и нянчиться с ним. Люба приехала 16-го, но только сегодня я освободился от этих обедов и нянчений. Голова у меня сейчас почти не болит, но после «Узкого» я ужасно кашляю. Давно так не кашлял. Христос с тобой. Целую тебя, прекрасная моя. Любящий тебя Георгий Чулков

Иду сейчас к обедне на Маросейку. Сегодня Преображение.
Письмо начал писать вчера.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 137. Связь с конвертом не установлена.

1927 г.

[509] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 27 июня 1927. г

+

14/27 июня 1927.

Милая Надя!

Мне очень горько, что ты ничего не написала мне до сих пор. Вчера Нюра получила твое письмо, в коем обо мне ни слова. Все это очень обидно, хотя, конечно, я заслуживаю возмездия за мое двадцатилетнее дурное поведение в качестве супруга. Но сердце не мирится с доводами логики, и я жажду милосердия. Получила ли ты мое письмо, посланное через Дубровинскую артель?

Я еще не кончил портрета Александра II-го, и думаю, что отнесу его в Госиздат не ранее первых чисел июля. Я живу сносно, но со всех сторон приходят вести очень неприятные и совершенно необъяснимые. С нетерпением жду 12-15 июля, когда я поеду в санаторий «Узкое», чтобы отдохнуть от моей кошмарной жизни. Передай друзьям мой привет – иным земной поклон.

Как твое здоровье? Как ты себя чувствуешь, душевно и духовно? Напиши повнятнее.

А как – розы в этой Дубровинской артели растут? Или одна капуста?

Советую тебе настойчиво отдыхать, писать письма только мне и *никому больше*. Вообще рекомендую не быть глупой. Хотя «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата», но в данном случае – я полагаю – и Пушкин не стал бы настаивать на своем афоризме.

Любящий тебя ГЧ.

P.S. Цыганочка, слава Богу, уехала в Васильсурск. Она передаст леденцы старушке.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 138-139. Связь с конвертом не установлена.

[510] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 6 июля 1927 г.

+

24 июня – 6 июля 1927.

Дорогая Надя!

Мне грустно, что мы с тобой плохо поговорили по телефону. Худо слышно, а ты, должно быть, говоришь невнятно и неохотно. Получается что-то тусклое, а хочется слышать твой настоящий милый голос.

Я живу суетно. Сегодня, – только сегодня! – кончаю книгу для Госиздата. Все ищу деньги, а денег нигде не дают: хочется поехать куда-нибудь, чтобы остаться одному. В «Узком» не отдых, а мучение: я туда еду 15-го исключительно для экономии, чтобы не возиться с московским хозяйством две недели. Пиши мне теперь по адрес: *Москва. Г.<еоргию> И.<вановичу> Чулкову. Ул.<ица> Кропоткина, 16^о. Цекубу.*

Телеф.<он> Узкого 2.92.19 (от 10 до 12 и от 5 до 10).

Да, твоя приятельница права! «Смрадный грешник! Смрадный грешник! А что дальше?».

Верно! Дальше ничего. А, впрочем, скажи ей, что у меня все грехи имеются, кроме одного. Нет уныния!

А как твое здоровье? Когда думаешь вернуться в Москву – числа 28-29 июля? Не поленись, напиши мне. Ты еще успеешь прислать письмо в Москву, а потом пиши на Цекубу для «Узкого».

Я в порядке смирения заставил себя свозить Нюрку в Останкино, в воскресенье. Она была чрезвычайно польщена, и все всем хвастается, что в воскресенье ездила в Останкино со мной. Есть, оказывается, люди, которые скучают, а у меня нет минуты свободной.

Я лечу зуб. Не знаю, что из этого выйдет. Ухлопал на это последние деньги.

Привет друзьям. Земно тебя кланяюсь и целую твою туфлю, сандалю или вообще какую обувь носишь.

Любящий тебя Георгий.

Пересылаю тебе письмо Любы.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 140-141. Связь с конвертом не установлена.

[511] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 12 июля 1927 г.

+

29 июня 1927.

Милая Надя!

Вчера я был в Петровском монастыре у всенощной, сегодня, сейчас, иду в Девичий монастырь. По дороге пишу это письмо.

Ко мне захаживает М.<ихаил> В.<асильевич> Нестеров. Он мне посоветовал принести тебе покаяние: я тут на днях «кутил». Исполняю, как видишь, его совет. Дело было так. Я кончил книгу для Госиздата. Гора свалилась с плеч. В тот же день Цявловский читал доклад в «Обществе любителей книги», где был и я. Вняв мольбам Цявловского, отправлялся я с ним «на крышу» (это веранда бывшего ресторана «Прага»). Кроме нас, было еще двое – того же общества члены. Там я «прокутил» около пяти рублей. Гадость была изумительная. На эстраде пели и плясали. Было грустно и стыдно. Я случайно поднял голову – и увидел белую, как мел, стену, а там, над ней, синее, синее небо, как в Тоскане. В небе были ангелы и те, кого мы любили на земле. Хотелось положить голову на загаженный, пахнущий вином столик и заплакать от счастья и боли.

Ты, конечно, понимаешь, что я думал тогда о тебе и о нашей израненной любви.

Целую землю, на которую ступает твоя нога.

Любящий тебя смрадный

Грешник

Георгий Чулков

Привет и низкий поклон друзьям.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 142-143. Связь с конвертом не установлена.

[512] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, <?> 1927 г.

Милая Надя!

Хочешь знать, как я провожу день в Гаспре?

Просыпаюсь в семь часов, бужу кашлем соседей, вожусь со своей раной, читаю правила... В девять часов иду на большую террасу. Здесь дают три яйца, масло, не сырой хлеб, сколько угодно сахару и сносный чай (для желающих кофе с молоком).

После чая совершаю обычно маленькую прогулку в Кореиз на почту, в аптеку или еще куда-нибудь. Потом лежу на особой террасе, тщетно ожидая солнца. Ежели оно появляется, раздеваюсь и подставляю зад и все прочее.

В час с половиной обед из трех блюд, но неважный.

После обеда всем полагается спать. Я беру подушку и тюфяк и ложусь на шезлонге, ибо в комнате моей темновато и сыровато. В четыре с половиной чай со сдобной булкой. После чая я играю в шахматы. В семь с половиной ужин из двух блюд и чай.

После ужина все идут в залу «развлекаться». Я удалюсь к себе в комнату читать или корректировать или что-нибудь писать. В одиннадцать часов я ложусь спать. В этот час дом запирается.

Почти никого из обитателей Гаспры не знаю. Рядом со мной сидит Ниночка Лосева, а с другой стороны Базыкин, молодой искусствовед из Гахн. В шахматы играл с академиком Бахом. С ним же иногда спорим на философские темы, однако, не очень серьезно.

В Гаспре три молодых поэты – все «Гейне», все комсомольцы, но со мной очень почтительны и любезны – на расстоянии.

Когда будет закончен ремонт, ибо я не намерен засиживаться в Крыму?

Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий Чулков

P.S. Получил извещение от цыганки, что Василий Иванович отправляет ее на неделю в Крым. Я послал ей письмо, в коем предупреждаю, что в Крыму холодно, голодно, нудно и скудно. Это, между прочим, сушая правда. Скудность чувствуется во всем. Не знаю, как подействует на цыганку мое предупреждение. Ниночка Лосева говорит, что и Евдокия Ивановна намерена приехать в Крым. Недостает только Бутомо-Названовой. Тогда был бы полный комплект моих поклонниц. Ахматова, правда, уехала.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 144 — 146. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель оборван.

1928 г.

[513] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ленинград, 2 февраля 1928 г.

+

2 февраля 1928.

Милая Надя!

Я остановился на ул.<ице> Халтурина (бывш.<ей> Миллионная), 27. Общежитие Цекубу, комн.<ата> 12. Сначала меня поместили в общую спальню, но, узнав, что я знаменитый человек, перевели в отдельную комнату, прекрасную, с дивным видом на Неву и Петропавловскую крепость. Петербург великолепен и монументален. Площадь перед Зимним дворцом, где стоит, превышает коего один памятник Пушкина (нерукотворный), изумительна и волшебна.

Вчера читал о Сологубе. Когда я вышел на кафедру – ни единого хлопка: аудитория, очевидно, меня не знает. Но когда я кончил, аплодисменты были единодушны и долго не смолкали, так что следующий чтец никак не мог начать свое слово. Я чувствовал, что победил. Ко мне подходили многие – знакомые и незнакомые. Лозинский, старый петербургский поэт и эстет, жал мне руку и говорил, что

не помнить уже, когда ему доводилось с таким наслаждением слушать кого-либо. Одним словом грех тщеславия мог бы отравить мою душу, но бесам не пришлось радоваться. От похвал я и в ус не дул. О Чеботаревской я почти все пропустил, но все-таки ее сестра Черносвитова холодно со мной поздоровалась.

В «Звезде» будут напечатаны мои «Воспоминания» в надлежащей редакции: В.<?> А.<?> Белкин во время переменял рукопись. Я просматривал корректуру в сверстанном виде. Деньги – увы! – не дали. Обещали выслать на следующей неделе в Москву. Приглашали вообще сотрудничать. Но редакция вся сплошь испанская.

Первого утром я был у Замятина. Туда по собственной инициативы, узнав о моем приезде, прибежала Ахматова. Она умненькая. Очень тебя приветствует. Живет уже вместе с Пуниным, т.<о> е.<сть> на одной квартире. И жена там. Все это не совсем понятно – что-то магометанское.

В субботу я, вероятно, читаю «Хромого Франциска» в Союзе Писателей. Вчера обедали в общезитии. Обед дешев, но плоховат. Сегодня обедаю у Белкиных. Выеду из Петербурга в воскресенье, если Бог даст.

Молись за меня, дорогая. Будь кроткой с Нюркой. Сейчас, скажи ей, отнесу посылку Султановой. Она живет в другом корпусе – не там, где я. А я на третьем этаже. Если будет звонить кто-нибудь и спрашивать, когда я буду в Москве, скажи, что надеюсь быть в понедельник.

На Сологубовском вечере была Л.<любовь> Д.<митриевна> Блока, которая басом уговаривала меня «не бояться греха». Я сказал ей, что пора бы ей «о душе подумать». Ужасный гиппопотам! Но все-таки и у гиппопотама, как у крокодила, бывают слезы. Она сказала: «Двадцать один год тому назад, в этот самый день, мы ехали с Вами ночью мимо дома моего отца, когда он умирал». Сказала и заплакала. Все мы несчастные и слепые. Но может быть Мармеладов прав и Бог простит пьяненьких. Но пора уже перестать пить. Целую твои руки.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 147 — 148об. Связь с конвертом не установлена.

[514] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
<Степанцево>, 24 июня 1928 г.

+

24 июня 1928.

Милая Надя!

Пишу тебе из Степанцево – местечка, где перепрягают лошадей. Сейчас 11 ½ часов. Я, кажется, не опоздаю. Ты не забыла, где у тебя необходимое – в Исааке и в тоненькой книжке с портретом старичка.

Целую тебя нежно, любимая. Молись за меня. Я чувствую себя хорошо. Ехать приятно.
Твой Георгий.

Всем привет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 149. Связь с конвертом не установлена.

[515] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 26 июня 1928 г.

+

13/26 июня 1928.

Милая Надя!

Сегодня утром я послал тебе открытку пометив ее, кажется, неверно – 25 числом. Спешу тебе доложить, как я ехал и приехал в Москву. До Мироновки ехать было приятно (и не жарко) полями и деревнями. Я почувствовал Украину. Мои возницы – юные евреи – оказались безбожниками. А тот, первый, который должен был доставить тебе мою записку (доставил ли?) по словам второго еврея – «злодей», коего надо опасаться. Оба они рассказывали с упоением о бандитах и о том, как устраивать самосуд, прибывая гвоздями к столбам разбойников и отрезая им медленно уши, пальцы и носы. Все это мрачно. Но по дороге от Белой Церкви до Киева я подружился с бородачами-мужиками, ехавшими на строительные работы. Эти замечательные люди утешали меня великолепной русской речью и юмором. От Киева до Москвы ехал с молодым новеньким инженером, который уверял меня, что Достоевский где-то сказал, что «Электричество и пар полезнее целомудрия». В конце концов выяснилось, что он перепутал Достоевского с Чернышевским. А когда я сказал: «Да вы, должно быть, Достоевского не читали» – он мне ответил самодовольно: «Не только читал, но даже в театре видел – «Три сестры» и «Вишневый сад». Вообще очень симпатичный юноша. Все удивлялся, что до сих пор не все церкви разрушены, несмотря на то, что все уже свободны от предрассудков, умны и образованы, как он сам.

В Москве я нашел Лизу спящей в стеклянном преддверии, а Михаил в купе. Их комната ремонтируется: разломали потолки. По-видимому, будет ремонтироваться и квартира нашего соседа, а нашу половину архитектор, по словам Лизы, нашел пригодней для жилья. На днях выясню, будут ли штукатурить весь дом и затыкать дыры или не будут. Главное, что нас, кажется, не выгоняют и поправят потолки у Лизы и у соседней. Это устранит ближайшую опасность. А нашу половину легче отремонтировать. Я буду просить, но скандал устраивать из-за этого не стоит.

Нюра цела. Елены Ивановны не застал дома. Замок на двери. Оставил ей записку. Цявловский все-таки едет по Волге 6 августа. В Красной Нови не хотят печатать моих отрывков из «Воспоминаний». Это мне очень неприятно в финансовом отношении. Но, авось, как-нибудь все уладится.

Если при кашле у меня опять и завтра будет кровь, пойду к врачу требовать лекарства, как мне давал Кабанов. В аптеке я не нашел ни склянки, ни рецепта.

Сейчас я буду читать Правила и Помянник. И мне страшно, что я буду читать без тебя. Был сегодня на могилке Володи.

Больше писем не буду писать, пока не получу от тебя вести, ибо не уверен, что после первого числа ты останешься в Каневе. А хорошо бы тебе остаться. Смотри, не повреди себя мыканием по разным местам. Поживи смирно в Каневе, а когда вернешься в Москву, если у нас будут деньги, навести Сергея Павловича.

Передай мой привет Милитине Ивановне и всем прочим обитателям усадьбы. Сегодня успел и занести письмо Покровскому, который был очень любезен.

Завтра буду кончить «Книгу Воспоминаний». После 1 августа думаю поехать в Мураново.

Молись за меня, недостойного. Я очень тебя люблю, моя чудесная, необычайная.

Твой Г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 150 — 151об. Связь с конвертом не установлена.

[516] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<Канев>, 24 июля 1928 г.

24 июля 1928

Дорогой Георгий, как доехал? Жалко, что не попросила тебя писать с дороги. Жара слишком сильная, чтобы прогулка твоя могла быть приятной. Я очень довольна, что мне страшно ночевать.

Вероятно, останусь на будущий мес.<яц> в тех же комнатах с А.<нной> Ив.<ановной>. В Ржищево не попаду. Пиши почаще о своем здоровье. Привет домашним. Целую. Твоя Надя.

Георгий, Ник.<олай> Мих.<айлович> деньги от Мейерхольда получил, поэтому *не звони* по телефону. Целую. Люба.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 156-156об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 28/VII-1928». На карточке штампель: «Подпишись на почте на газеты и журналы».

[517] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 28 июля 1928 г.

+

15/28 июля 1928.

Милая Надя!

Был сегодня на могиле у Володи, видел о.<тца> Сергея, думал о тебе. Сейчас звонил мне по телефону Татьяна Сергеевна. Александра Федоровна поправилась. Первого августа Татьяна Сергеевна едет, кажется, в Верею.

Передай Наталью Михайловну, что я говорил по телефону с В.<?> В.<?> Дьяковым, и тот мне сообщил, что Н.<иколаю> М<ихайлович>у выслано сто рублей, примерно, неделю назад. Кланяйся ему и Любе.

У меня был Славик, взял пять рублей и беседовал охотно на финансовые темы. Тогда же был Юрий Никандрович, то же беседовал и то же, конечно, взял денег. В Красной Нови напечатано мое «Письмо в редакцию». Финансы мои пока плачевны. Елены Ивановы нет. Она где-то на даче. Но все это не важно, ибо «всякое ныне житейское отложим попечение».

Тютчевы зовут меня в Мураново. Работаю над «Воспоминаниями». Когда кончу, пойду в Госиздат, а без рукопись боюсь показаться.

Целую тебя, мое счастье. Господ с тобой. Молись за меня.

Любящий тебя

Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 152 — 153. На конверте адрес: Украина. Канев. Киевской губ.<ернии>. Дача Зинаиды Карловны Никифоровой. Надежде Григорьевне Чулковой. 15/28-VII 1928.

[518] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 30 июля 1928 г.

+

30 июля 1928.

Милая Надя! Я очень рад, что ты останешься в Каневе. А когда ты думаешь, примерно, вернуться? В комнате Лизы разобраны потолки. По-видимому, осуществляется какой-то ремонт. Целую тебя. Привет Митилине Иванове и Тарабукиным, Анне Ивановне и всем вообще.

Любящий тебя Георгий.

Сейчас узнал: в нашей половине не будет ремонт.

Не спешి приезжать

Отдыхай!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 154. Открытка. На открытке адрес: *Канев*. Киевской даче Зин.<аиды> Карл.<овны> Никифоровой. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Москва, 3/VIII-1928».

[519] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 6 августа 1928 г.

+

23 июля / 6 августа 1928.

Дорогая Надя!

Спасибо за письмо. Как досадно, что ты должна переехать. Неужели хохлушка не уступала комнат за 20 руб.<лей>, ведь, все равно, ты будешь платить 10 и Анна Ив.<ановна> – 10, и вы могли вместе поселиться. Впрочем, тебе виднее.

Относительно моих дел положение весьма неопределенное. Не хотят печатать второе издание «Императоров», хотя книга, по признанию торгсектора, разошлась «блестяще». Не знаю, писал ли я тебе, что Сандомирский, написавший довольно благоприятную и обстоятельную статью об «Императорах», назначен заведующим Лит.<ературно>-Худ.<естественного> отд.<ела> Госиздата. Но его старания защитить второе издание моей книги, а также собр.<ие> соч.<инений> Тютчева пока не увенчались успехом. Но я спорю. Вожусь все еще с «Воспоминаниями». На днях кончу. Если мне удастся отсрочить платежи в Литфонд, поеду куда-нибудь в Турусу, напр., к С.<?> С.<?> Залицкому или еще куда-нибудь на неделю: в городе я опять разучился дышать. Погода в Москве отвратительна.

Был я на спектаклях Японской труппы, прости меня, родная. Это ужасный театр, но вместе с тем в своем роде совершенство. Иное в нем изумительно.

Ездил я в Мураново на один день (с ночевкой). Тютчевы очень ухаживали. Все передают тебе привет, особенно София Ивановна.

Раза три видел Татьяну Сергеевну в Новодевичьем монастыре.

Цынагочка пишет из Васильсурска меланхолические письма.

Вчера завтракал у С.<ергея> В.<асильевича> Шервинского. Его отцу 78 лет. Он здоровее, бодрее и энергичнее, чем я. Я его убеждал, что ему «пора о душе подумать». Он почти с этим согласился.

15 июля я не забыл и был в монастыре. Я писал тебе об этом.

Цявловский уехал все-таки на Волгу. София Сергеевна – в Сергиев.

Передай привет Тарабукиным и вообще всем. Я напишу сегодня Зинаиде Карловне.

Любящий тебя неизменно и благоговейно.

Георгий Чулков.

P.S. Ремонт едет очень медленно, вяло и плохо. Кажется, это все одна бутафория, чтобы отвозиться. Ну, авось, как-нибудь перезимуем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 155 — 156. Связь с конвертом не установлена.

[520] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 8 августа 1928 г.

+

25 июля / 8 августа 1928.

Милая Надя!

Спасибо за письмо и за подходящие к моей судьбе цитаты из Исаака Сириянина. Об этом потолкуем ужю. Вчера пришла ко мне Татьяна Сергеевна, принесла мне груши и печенье и долго сидела. Не забывай меня, моя прекрасная! Любящий тебя Георгий.

P.S. Сейчас говорил с Гудзием. Он только что вернулся с Оки. Соблазняет меня ехать по Москве и по Оке. Может быть, поеду. Вся поездка стоит 16 рублей!!

Привет Милитине Ивановне и всем.
Мураново потонуло в грязи и сырости.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 157-157об. Открытка. На открытке адрес: Канев. Киевской губ.<ернии>. Дача Зинаиды Карловны Никифоровой. Надежде Григорьевне Чулковой. Москва «8/VIII-1928» и «Канев, 12/VIII-1928».

[521] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 17 августа 1928 г.

+

17 августа 1928.

Дорогая Надя!

В письме от 8/VIII ты пишешь: «Почему ты решил мне не писать?». Как? Я, кажется, пишу нелениво – чаще и обстоятельнее, чем ты.

Твои слезы над Татьяной я понимаю. Что же нам остается делать, как не плакать над ее цельность, нами так безрассудно утраченной!

Цитата из Исаака Сирина (помеченная у тебя почему-то 1911 годом) во-истину изумительна уверенным тоном прозорливца. В этом пункте, кажется, все мистики сходятся, включая и чужого нам Я.<коба> Беме. Тут, у Сирина, одна черта замечательна – это, что участники блаженства не будут знать меры достижений иных. Но, как всегда, является соблазнительная мысль: «А что если человеческий гений Исаака подсказал ему такую концепцию “обителй многих”, на самом деле все будет как-то иначе? А если многие мистики на этом сошлись, то, ведь, и многие могут ошибаться!». Тут, ведь, нечто головокружительное.

Итак, смиренно признаемся в полном нашем неведении природы сих «обителй», не сомневаясь, однако, в их реальности. За их реальность говорит нам не только вера, но и старая логика.

Христос с тобой!

Любящий тебя Георгий.

P.S. Итак, я жду тебя в конце августа. Должен признаться, что житейские мои дела совсем не устроены. Моя поездка по Оке и Москве-реке была приятна в том отношении, что я еще одну неделю я *дышал*, как в милом Каневе, который ты называешь ссылкой. В Москве я *не* дышу. Это очень мучительно.

Твой Г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 158 — 159. Связь с конвертом не установлена.

1929 г.

[522] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 19 июня 1929 г.

+

19 июня 1929.

Дорогая Надя!

Боюсь, что ты худо устроилась в отношении питания: посылаю тебе еще тридцать рублей, но все это гроши. Вот если получу за роман, смогу дать тебе надлежащую сумму, но когда я получу – не

знаю. Туго пишу. Ранее, как через месяц, ничего не выйдет. Просто голову теряю. Мешают параллельные дела: корректура сборника Достоевского; правка трех переписанных экземпляров книги «Годы странствий» – это, ведь, 1500 страниц. Каково!

Трепещу за судьбу романа. Суток мне не хватает для работы: ведь, нужно ходить в библиотеку. Обедаю я пока дома.

Сегодня у меня был Славик. Я придумываю для него секретарские занятия. Он довольно веселый и приветливый. Люба с ним живет, но собирается уезжать в пятницу.

Я, кажется, говорил тебе по телефону, что я получил от парижского издателя лестные и денежные предложения написать для французов две книги. Очевидно, мои «Императоры» имели в Париже немалый успех. Одну книгу – о Достоевском – я думаю непременно написать, если Бог даст, для европейского читателя.

Это – душевное, но в этом и духовное, уверяю тебя, родная.

Надеюсь, что спина у тебя не болит. Не забывай меня. Почаще звони по телефону – хоть раз в неделю – по утрам до 11.

Скажи Марии Федоровне, что я целую ее руки. Поцелуй и Лидочку, если она в Вереи.

Если я попаду в Верею, устрой так, чтобы я прочел рукопись всю целиком, по порядку, а то я знаю ее лишь по частям.

Зашук я сегодня послал десять рублей.

Любящий тебя смрадный грешник Георгий.

Вчера видел цыганку. Она уезжает на днях в Васильсурск.

P.S. Я получил из Федерации малую долю малой суммы, мне причитавшейся, но этого едва хватит на покрытие гонорар за переписку двух книг («Книги воспоминаний» и «Пьера Волхонского»). Но долгов я никак не делаю и, кажется, сегодня расплачусь с Машей и внесу за телефон. За квартиру придется подождать платить, ибо нужные деньги на питание.

Госуд.<арственная> Акад.<емия> дышит, как ладан. Сидорова уже ушел. Вместо него партийный грузин, которого никто не знает.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 160-161. Связь с конвертом не установлена.

[523] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Верея, 23 июня <1929> г.

+

23/июня день Владимирской
иконы Б.<ожей> М.<атери>

Дорогой Георгий, как грустно знать, что ты в Москве и в трудах, а я паразитствую. Если выберешься сюда на недельку, это будет хорошо.

Я получила твое письмо от 3-го июня, где ты пишешь о Василенко. Очень рада буду, если ты свяжешь свою работу с его музыкой: он, кажется, хороший художник, судя по <1нрзбр>. Мария Федоровна и Анна Васильев.<на> тебе кланяются.

Тут был Сергей Алексеевич Мечев. Были на могилке Сер.<гея> Павл.<овича> и у нас, а вообще он, кажется, не будет здесь летом – уедет куда-ниб.<удь> отдохнуть и от Вереи. Наст.<асия> Мих.<айловна> написала мне сюда очень милое ласковое письмо.

Ты спрашиваешь о поездках сюда. Утром в 8 ч.<асов> 45 м.<инут> и днем в 2 ч.<аса> 15 м.<инут>. Дневной, говорят, лучше – меньше останавливается на полустанках. Автобус и автомобили

и ямщики выезжают к этим поездам. Ты садись в Москве в вагон приблизительно средний между паровозом и концом, чтобы в Дорохово оказаться против выхода с перрона на двор вокзала, где стоят ямщики и автобусы. И когда выйдешь, смотри на автобусе надпись Дорохово-Верея (а то есть еще Дорохово-Руза) и немедленно садись в него на лучшее мягкое место.

Из частных автомобилей лучший у шофера *Германа*, цена у всех одинакова 1 р.<убль> 75 к.<опеек>.

Ямщики берут и дешевле иногда.

Автобус довозит до почты, а от почты до нас очень близко. Герман подвозит к дому – ямщики – тоже.

Билет бери до ст.<анции> Дорохово 1 р.<убль> 20 к.<опеек>. Вот тебе все справки.

Посылаю тебе Лозаннскую открытку для развлечения.

Посылку с хлебом, сахаром и проч.<им> получила – спасибо Маше.

Целую тебя, дорогой, Христос с тобой. Твоя Надя.

Кланяюсь Нюре, Славе, Маше и Рязановым.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 182 — 183. Связь с конвертом не установлена.

[524] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Верея, 1 июля 1929 г.

Дорогой Георгий, я думаю, что по телефону не имеет смысла говорить, так плохо слышно и так дорого стоит. Лучше буду тебе чаще писать. Теперь я, кажется, пришла в себя и мне легче писать. Во-первых о книжке: я удивляюсь, как ты мог думать, что я требую ее во что бы то ни стало. Конечно, мне не нужна книжка. Ведь, я хочу сделать как проще для Маши, а если есть затруднения, то пусть она останется в Москве и пусть Маша мне посылает продукты. Масло тут есть. Нужно только сахар и крупу. Очень хорошо доходят батоны т.<ак> ч.<то> их тоже можно послать по почте.

2) Квитанция на получение кооперативной книжки, взамен потерянной нашей, лежит у меня на столе в черной штучке для бумаг, такая стоячая лакированная коробочка с отделением для бумаг. Там в последнем отделении лежит эта квитанция. Я показывала ее Маше. Если получены продукты уже по этой книжке, то пусть она мне их пошлет.

3) Моя комната к твоим услугам. Очень хорошая, светлая и изолированная. Есть стул для тебя продырявленный и ведро. Ты можешь в уборной все это проделать. М.<арья> Ф.<едоровна> каждое утро уходит из дому на два часа – *неизменно*. Ты в это время можешь производить у себя в комнате все, что тебе нужно. Звукам не стесняйся. Есть очень хорошо приготовленные обеды 75 к.<опеек> два блюда – у одной немки очень близко от нас живущей. Замечательно чистоплотной. Тишина здесь абсолютная. Прогулки дивные. М.<арья> Ф.<едоровна> очаровательная тебя очень сюда ждет. Ну, чего же еще тебе? Я помещусь с Марьей Федоровной в ее большой комнате. Она меня очень приглашает к себе. Решайся и проведи здесь возможно больше время <так! – К. Р.>. Отдохнешь хорошо. Привет Нюре, Славе и Маше с Лизой. Целую тебя Надя.

Понедельник 1-ое июля 1929 Верея

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 157 — 158об. Связь с конвертом не установлена.

[525] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Верея, 14 июля 1929 г.

Верея 14 июля 1929

Дорогой Георгий, очень огорчилась я последствиями твоего путешествия в Верею. Ну, что же делать! Бог дал, Бог и взял. Правда ли, что целы обе машинки? Ты это как-то нетвердо говоришь. Очень, очень мне жалко твоих трудов, которых часть уйдет на покрытие этой потери. У меня денег опять нет. Если можно, пришли немного. Скажи также Маше, чтобы выслала сюда еще хлеба и сахара. М.<арья> Ф.<едоровна> уехала на неделю по делам, будет проездом в Москве. Анна Вас.<ильевна> уезжает 31-го июля, и я тут побуду еще до приезда М.<арии> Ф.<едоровны>. Пиши почаще о своих делах и планах. Я не задержусь тут долго. Все-таки я порядочно окрепла, Слава Богу. Вчера опять ходили с Анной Вас.<ильевной> вдвоем в Николо-Протасьево, за 6 верст от Верея, и после прогулки я была так бодра, точно и не ходила пешком 12 верст. Думаю еще пойти. Переписываю и шью немного и тоже не чувствую болей. Но я очень осторожно работаю.

Завтра Володины именины. Хочу попросить Бориса Васильевича отслужить панихиду.

К тебе я отношусь любовно и по-родному. Рада, что мы с тобой до сих пор вместе, а не врозь.

Кланяйся Ольге Никол.<аевне>, Нюре, Лизе и Маше.

У меня тоже потеря: сломался передний (боковой) зуб – клык и теперь я щербатая, что требует расходов на починку – изо рта несет годоформом, потому что зуб был с пломбой.

Целую тебя. Господь с тобой. Пиши, пожалуйста, и на меня не сердись за молчание. Твоя Надя.

Анна Вас.<ильевна> спит, поэтому поклона тебе не посылает.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 159-159об. Связь с конвертом не установлена.

[526] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 23 июля 1929 г

+

Милая Надя!

У нас дома случился маленький трагикомический эпизод. Пожалуйста, не огорчайся, ибо в конце концов это пустяки. Нас обокрали. В ночь с пятницы на субботу, когда в доме были пять человек, ибо в эту ночь спала у Нюры в комнате ее Лида, в окно со двора (у калитки) влезли воры и опустошили спальню. Я так торопился, что не велел вставить вторую раму, а наши умные домочадцы об этом не позаботились. Никто ничего не слышал! Воры взяли все чистое белье твое и мое (верхний и второй ящик комода), мое осеннее пальто, всю обувь, зеркало твое, мои брюки, все простыни и одеяла. Недурно! Но я к этому отношусь юмористически, советую и тебе отнюдь не огорчаться. Если древний патерик рекомендует шутить с миром, то особенно в таких случаях надо ограничить свое отношение к этому маленькому событию шуткой. Если я беспокоюсь, то исключительно потому, что ты можешь малодушно разгневаться на домочадцев. Но не надо сердиться.

К тому же я надеюсь, что этот убыток перед какой-нибудь удачей.

Я падал в Цекубу заявление (со справкой из милиции) с просьбой дать мне единовременное пособие на покупку кальсоны. Но – увы! – в нашем отечестве нет кальсон! Я везде искал сегодня этот насущно необходимый предмет, но его нет, т.<о> е.<сть> вязанных по крайней мере, но не могу же я надевать панталоны из каких-то тканей, похожих на коленкор... Но ты подумай, какое счастье! Целы наши портреты, цела машинка и швейная тоже цела. Мой чемодан с рукописями вовсе не перерыл. Воры были деликатные.

Моя «книга странствий» все еще в цензуре. Относительно романа дадут ответ, говорят, дня через три. Корректурa сборника Достоевского еще не готова.

В вечер моего приезда я пошел к Бутомо-Названовой, где был и Верховский. Там я рассказывал мои романы и читал отрывки, Ольга Николаевна пришла в экстаз. А сегодня днем я получил от нее огромный букет роз и записку с объяснениями в любви. Несмотря на это я не унываю.

Целую тебя, моя красавица несравненная и единственная.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Как только получу какие-нибудь деньги, немедленно вышлю. Передай, пожалуйста, мой привет прекрасней Марии Федоровне и многоуважаемой Анны Васильевны. Кланяйся так же всем благочестивым нимфам и дриадам. (Дриадами, конечно, благочестивыми, я называю тех, которые служат всеобщую в лесу, на лужайке).

Не вздумай приезжать в Москву из-за покражи. Это бесполезно. Заявлено в мур и в милицию, но я не стал бы заявить. Я не хочу ловить воров. Согласись, что это занятие не совсем пристыдное.

23 июля 1929.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 162 — 163об. Связь с конвертом не установлена.

[527] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 9 сентября 1929 г.

+

Дорогой Георгий, завтра пошлю тебе две посылки. Вероятно, не все тебе потребное я припомнила. Пиши, я вышлю все, что нужно. Говорят, в Крыму холодно. Хорошо, что у тебя драповое пальто и теплый жилет.

Нового ничего нет. Но ведь я нигде не бываю и не читаю газет. М.<ожет> б.<ыть> и много нового, а я не знаю. Вчера 8-го по старому умер Грушка.

Я имела смелость спросить у Ольги Михайловны, не давала ли она тебе для меня денег, в ответ Людм.<милы> Мих.<айловны> принесла мне 10 р.<ублей> – меня не застала оставила конверт.

К ремонту еще не приступала. Все еще чувствую слабость после болезни. На этой неделе начну искать маляров и слесаря для уборной.

У нас холодно. Надо топить.

Сегодня воскресенье накормила Нюру обедом мясным – ела с большим аппетитом – теперь ушла в кино с Лидой.

Вчера была у Татьяны Сергеевны – до 2-х часов дня. Она тебе кланяется.

Сегодня была у Саввы и на могилке Володи.

У Саввы обе Лидочки голоса. Маруся иногда заходит.

Пиши мне что-ниб.<удь> назидательное и поучительное. Я наслаждаюсь нашим домиком и своей койкой. Маша уезжает в деревню. Другой пока еще нет.

Целую тебя, дорогой. Будь здоров, поправляйся хорошенько. Будь мирен и светел.

Я с радостью читаю книгу наз.<ванный> Илиотрипион, а Анастасия Мих.<айловна> говорит, что ее надо называть Гелиотропион. Вообще, чем ближе к смерти, тем интереснее кажется жизнь. Жаль, что нельзя прошлое вернуть и исправить.

Слава Богу за все! Сколько сокровищ мы с тобой получили в жизни!

Пиши. Целую. Твоя Н.

9 сент.<ября> 1929. Москва

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 160-161об. Связь с конвертом не установлена.

[528] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 19 сентября 1929 г.

+

19 сентября 1929.

Милая, бесценная Надя!

Как ты могла, хотя бы на мгновение, себя с кем-то сравнивать. Я, когда вспоминаю твои милые трогательные слова об этом, готов и смеяться, и плакать. Все прочее – совсем иное. Я могу хорошо относиться к NN, но нас с тобой связало Провидение тугим до боли узлом, и его не развязать никак.

Это раз на всегда. Теперь о житейском. В вагоне первую ночь я провел нехудо. На вторую ночь явилось в купе семейство армян – муж, жена и две ребят. Мальчик-то и дело требовал горшочка, а потом сделал пипи на столе, куда его посадила черноглазая армянка. Армянин курил! Я бежал от них в вагон-ресторан.

В Крыму – холод. Сейчас идет дождь. Может быть, погода исправится, но пока небо мрачное. В Гаспре – Ахматова. У нее болит живот, - гастрит или, как здесь выражаются, *гасприт*.

Я не знаю, долго ли я здесь, в Гаспре, останусь, хотя мне обещают дать отдельную комнату. Говорят, что кормят здесь худо – голодно и неудобоваримо.

Все это меня смущает. Но – авось – это первое впечатление, а потом все как-нибудь уладится. Я в первый же день, как только приехал, был в бане. Это меня несколько утешило.

Пришли мне незамедлительно книги, белье и, главное, обстоятельное письмо. О неприятном сообщай только в случае необходимости, когда я могу чем-нибудь помочь, а то лучше не расстраивай меня. То, что я покинул Москву, столь меня измучившую, все-таки полезно мне само по себе, ибо я устал ужасно.

Если на-днях я не получу денег от Архипова, я тебе напишу: тогда тебе придется из пенсии сто рублей выслать мне сюда. До моего извещения деньги мне не посылай.

Что Нюрка? Как Нюрка? Будь с ней осторожно. Это наш крест.

Целую тебя, моя дорогая. Да хранит тебя Господ.

Любящий тебя неизменно

Георгий Чулков

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 164 — 166. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еorgia> И.<вановича> Чулкова. Крым. Кореиз. Гаспра. Почтовый штемпель неразборчивый.

[529] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 25 сентября 1929 г.

+

25 сент. н.<ового> ст.<илия> 1929.

Милая Надя!

Твое письмо от 7 сентября я получил. Большое тебе за него спасибо.

Пиши мне почаще. Твои строки доставляют мне настоящую радость.

Мне холодно здесь во всех смыслах. И в прямом. Нет солнца! Нет солнца в такой мере, чтобы можно было принять солнечную ванну. Немыслимо раздеться и лечь на открытом воздухе. Я опоздал! Правда, говорят, что и в октябре могут вернуться жаркие дни, но сейчас их нет. Утешаю себя тем, что и без жаркого солнца здесь все-таки чистый воздух, отсутствие издательских дел и суеты – и все это несколько утешает: как будто отдыхаешь, но это не лечение, в коем я нуждаюсь. Просто беда!

Мое письмо придет, вероятно, в Москву к твоему дню Ангела. Поздравляю тебя, моя бесценная. Прости меня, Христа ради. Да хранит тебя Господ. Спасибо тебе за все.

Завтра едет в Москву несчастная, жалкая А.<нна> А.<ндреевна> Ахматова. Если она к тебе пойдет, может быть, ты оставишь ее у себя переночевать? Кажется, ей негде остановиться: у нее совершенно нет денег. Впрочем, если у нас ремонт, то оставаться негде. Пишу это на всякий случай.

Любящий тебя Георгий

Кланяйся Нюре и всем, кому надо.

P.S. Сейчас выяснилось, что Ахматова в Москве не остановится.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 167 — 169. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Крым. Кореиз. Гаспра. Почтовый штампель: «Кореиз, 26/IX-1929».

[530] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 27 сентября 1929 г.

+

Милая Надя!

Никаких денег я из Драмсоюза пока не получил. Поэтому я боюсь остаться на бобах. Очень прошу тебя прислать мне сто рублей из пенсий, которую ты получишь первого октября. Я думаю, что это тебя не затруднит, так как через три дня ты получишь жалование, а еще через три-пять дней 240 рублей из Теакинопечати. Без этих ста рублей мне прожить здесь никак. Прости, что тебя беспокою. Пожалуйста, пришли эти деньги без промедления (денежным пакетом с письмом, а не переводом).

Здесь все еще холодно говорят, что надо надеяться на октябрь: может быть, будет еще хорошая погода. Я не мог ни одного часа полежать на солнце!

Твое чудесное письмо от 9 сентября получил и с радостью его читал, моя светлая путеводительница.

Люблю тебя и чту. Земно тебе кланяюсь и руки твои целую.

Георгий Чулков

27 сентября н.<ового> ст.<иля> 1929.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 170 — 172. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Крым. Кореиз. Гаспра. Почтовый штампель: «Севастополь, 29/IX-1929».

[531] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 29 сентября 1929 г.

+

29 сентября 1929.

Милая Надя!

Я получил твое письмо с извещением о телефоне Раскольников и послал ему по этому поводу письмо. Спасибо.

Сегодня в Гаспре был первый солнечный день, хотя все еще настолько прохладно, что я не решился раздеться и подставить спину солнцу. У меня отдельная комната большая и комфортабельная, но очень темная так, что я думаю перебраться к татарам: теперь они дешево отдают помещение, и есть комнаты с террасами, где можно лежать, когда появится солнце. Предсказывают местные люди, что еще будет тепло.

Как твое здоровье? Получила ли ты мои поздравления с днем твоего Ангела? Будь ко мне снисходительная, моя чудесная и всегда необычайная.

Спасибо тебе за все.

Посылку я получил (первую). Мне нужна писчая бумага. Это очень нужно. Здесь нет. Пришли три-четыре дести.

Целую тебя, родная.

Твой Георгий Чулков.

Театр не прислал пока ни копейки.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 173 — 174. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Крым. Кореиз. Гаспра. Почтовый штемпель: «Кореиз, 29/IX-1929».

[532] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Гаспра, 30 сентября 1929 г.

+

17/30 сентября 1929.

Милая Надя!

Сегодня день твоего Ангела! Я поздравляю тебя в письме, но мне хотелось сегодня послать еще телеграмму. Однако, я воздержался, вспомнив, как ты меня однажды обозвала «Стивой Облонским»: он, дескать, то же посылал жене ненужные телеграммы. За то я послал телеграмму Вере Фигнере, по поводу двадцатипятилетия ее освобождения. Телеграмма была подписана – Елпатьевскими, академиком Бахом и мной!!!

Жизнь моя течет «в однообразии» терпимом. Но на солнце я лежал за все время только вчера в первый и единственный раз.

Нет солнца!

Теплую куртку, мной купленную, надеваю под блузу, и это меня спасает. Что в Москве? Я думаю, что все-таки в Москве нельзя сейчас ходить в блузе, как здесь. И наш холод относительный холод. Или в Москве теплее? Рана моя не хуже, даже, пожалуй, чуть-чуть получше, чем в Москве.

Как ремонт? Устала, бедненькая?

Как твоя работа мемуарная? Небошь, опять занялась «пустыней», отменив мемуары. А ты бы – и то, и то, не спеша. Впрочем, в квартире, пожалуй, хаос из-за ремонта. Я боюсь за мои книги – особенно по Достоевскому, в углу под словарем. Целую тебя, родная. С тобой «хранитель душ и телес наших» – это уже наверное.

Любящий тебя Георгий Чулков

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 175-175об. Связь с конвертом не установлена.

[533] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 2 октября 1929 г.

+

2 октября 1929

Милая Надя!

Я тебе надоел, наверное, просьбами. Но вот еще одна. Возьми два экземпляра моей пьесы «Конец директора Паскалэ» из моего бюро. Несброшюрованный *сшей* и получи в Наркомпросе в репертком'е цензурную визу, купив предварительно *внизу* при входе в Наркомпрос рублевую гербовую марку. Захвати с собой и цензурированный экземпляр, как доказательство, что пьеса разрешена по литере *Б*, что важно.

Оба экземпляра привези домой. Из них один, мной проверенный, передай Василию Василевичу Куза – вместе с письмом, при сем прилагаемом. Адрес Кузы я могу только описать. Это Левшинский пер.<еулок>, новый дом, где живет Коган (об этом, т.<о> е.<сть>, номере дома можно узнать по телефону у Когана или его жены). В этом доме живет и Куза. Квартиру узнать придется в конторе.

Вот и вся просьба. Если Куза еще не вернулся, оставь экземпляр и письмо кому-нибудь в его квартире.

Пиши мне почаще.

В следующем письме я тебе расскажу, как я провожу день – увы! – бессодержательно. Главное занятие, предупреждаю, созерцание облаков, причем, боясь плагиата, я не разговариваю об этих

облаках с окружающими меня «полониями»: созерцаю их в молчании. Я почти весь день лежу на верхней террасе, а оттуда ничего не видно, кроме полосы моря и неба. Целую тебя.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 177 — 178. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Крым. Кореиз. Гаспра. Цекубу. Почтовый штемпель неразборчивый.

[534] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Гаспра, 9 октября 1929 г.

+

9 октября 1929 н.<ового> ст.<иля>

Милая Надя!

Большое тебе спасибо за все твои заботы обо мне: я получил три посылки и деньги. Я теперь довольно обеспечен. Погода как будто установилась, наконец, неплохая. Я грею на солнце мою рану. Не знаю только, на сколько сие будет полезно. Напиши мне, пожалуйста, в каком положении наш ремонт. Я этим интересуюсь, ибо боюсь приехать в разгромленную квартиру, а между тем я думаю дольше 19-го здесь, в Крыму, не оставаться. Дело в том, что мне надоело лениться. С пьесой что-то не ладится, а роман <письмо не окончено>

P.P.S. К татарам я почему-то не переехал. Не знаю почему. И вообще «не сяду в сани при луне и никуда я не поеду».

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 179 — 181. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый. Лист 180 отсутствует в деле.

1930 г.

[535] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 1 июня 1930 г.

+

1/14 июня 1930.

Милая Надя!

А, ведь, от тебя все нет и нет писем! Надо бы написать два слова «труженику-мужу»... «Ему не до сна»... Но «сладко ли спит молодая жена?» Здорова ли? Есть ли сливочное масло или голодает?

Я справлялся о здоровье Софии Сергеевны у Гали. Оказывается, не сгибалась спина по причине простуды, и теперь это прошло. Но психическая депрессия все та же, и Цявловский не может еще придумать, что делать.

Я зашел к Лидочке Фудель. Она была на даче. Я говорил с ее мужем. Сообщил ему, что сестра не едет в Верию и что, вероятно, Лидочка может поехать к тебе. Он обрадовался и сказал, что поедет куда-то на дачу к Лидочке, чтобы ее известить, что на 2 недели, примерно, можно ей к тебе поехать.

Нюрку отпускают, кажется, и, кажется, она получает место в гостехиздат'е. Во всяком случае к тебе она не едет.

Я написал статейку для «Каторги и Ссылки» об одном верующем благочестивом «бедном человеке», запутанном в деле Петрашевского. Не знаю, пропустит ли цензура.

Деньги у меня почти не осталось вовсе: в Москве страшная дороговизна, которая возрастает с каждым днем в чудовищной прогрессии.

Целую твои руки, моя красавица бесценная. Любящий тебя неизменно Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 182-183. Связь с конвертом не установлена.

[536] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 15 июня 1930 г.

+

15 июня 1930.

Милая Надя!

От тебя все еще нет писем. Ни единого! Ох, как ты скупа!

Сегодня был я на Маросейке и дал деньги на цветы на могилу о.<тца> Алексея.

На могилу к Володе я хожу буквально через день: только сегодня удалось, наконец, привести могилку в порядок и посадить цветы.

В моем бытие ничего нового: медленно пишу роман. Деньги пока не получил никаких. Если получу, уеду куда-нибудь недели на две: это необходимо, а то у меня появились от переутомления и наступивших жарких дней какая-то зловонная боль в затылке. Я замучился.

Привет Аннушке, если она себя ведет умницей.

Целую тебя.

Любящий тебя

Георгий Чулков

P.S. Меня непристойно изругали за «Годы странствий» в журнале «Книга и Революция». Впрочем, эти рецензентки так друг друга ругают, что великая брань утратила уже значение и остроту: неизруганных нет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 184-185. Связь с конвертом не установлена.

[537] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 3 июня 1930 г.

+

3/16 июня 1930.

Милая Надя!

Это я посылаю тебе третье письмо. Сегодня получила твое от 1/14 июня, как ты пометила.

К сожалению, не мог найти стихов Вячеслава Иванова. Вероятно, они в папке, которая лежит в квартире цыганки.

Впрочем, может быть, я не нашел их потому, что у меня вот уже три дня какая-то мутная голова, вероятно, от городской духоты и переутомления.

Сергей Алексеевич был у Славика, нашел у него туберкулез ребра и признал его положение тяжелым. Кое-какие дал советы. Дачу, облюбованную, Тарабукин и Люба потеряли, а собирались взять Славика туда сегодня. Ему необходимо из города вон, как можно скорее. Ума не приложу, что делать. У Нюры тоже какая-то канитель со службой. Все это очень мешает писать роман. Аванса мне, кажется, не дадут из из<дательст>ва. Попробую под договор попросить денег в Литфонде. Я чувствую, что мне необходимо отдохнуть от города и от всего: иначе я не в состоянии кончить роман.

Целую тебя, родная. Будь здорова. Господ с тобой. А я «смрадный грешник и дальше ничего»...

Георгий Чулков

Впрочем, не унываю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 186-187. Связь с конвертом не установлена.

[538] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 6 июня 1930 г.

+

6/19 июня 1930.

Милая Надя!

Получил сейчас твое письмо от 3/16 VI с.<тарого> ст.<иля>. Все твои распоряжения относительно сухарей передам Мариуше.

А как это тебе приснилась какая-то «жертва» с моей стороны! В том-то все и дело, что эта свинья в ермолке, этот «смердный грешник», который даже с прозорливцами «с удовольствием» беседует о своих мерзостях, – в том-то и дело, что оный безобразник никогда ничем не жертвовал и не жертвует. И сейчас, ежели получит в Литфонде заимообразно под договор деньги, уедет преспокойно на Оку или Волгу дней на 10-14, чтобы освободиться от кошмара родственных злополучий. Я действительно тупею от этих разговоров относительно «чести» в Ньюриной Гикре и всего прочего.

Дела Нюрки действительно плохи, но не могу же я пришилиться, как какое-то «отношение» или «заявление», к ее канцелярским несчастьям.

А вот судьба Славика меня терзает еще больше. Но, ведь, все эти терзание бесплодны. Вот я и преодолеваю «хилую совесть» и устраиваю себе на две недели отдыха.

Целую тебя нежно, моя родная. Прости меня Христа ради.

Твой Г.Ч.

Пиши в письмах ко мне адресованных *деликатнее* о делах Нюрки. Я могу уехать числа 23-го и твое письмо может быть случайно распечатано.

Привет Марии Федоровне и Владимиру Алексеевичу.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 188-189. Связь с конвертом не установлена.

[539] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<Верея>, 22 июня 1930 г.

+

День всех Святых
Русских

Дорогой Георгий!

Не удивляйся, что письма мои приходят к тебе не скоро. Тут случается, что почтальон не зайдет за ними во время, и еще и в Верею не тотчас же их отнесет и поэтому они лежат неотправленные у него дома. Но иногда совпадение бывает удачное и письма приходят нормально.

Очень я огорчена болезнью Славика. Спасибо Никишину.

Бедный ты: много тебе забот и огорчений. Условия для работ не блестящие. Как бы хорошо, если бы тебе удалось поехать отдохнуть.

Я, слава Богу, живу хорошо. Принимаю меры, чтобы использовать мое пребывание здесь должным образом. Питаюсь хорошо. (Здесь очень хорошие продукты) лежу полдня, немного гуляю, немного пишу о монахах Оптинских.

Ко мне в прошлый вторник – 4/17 приехала Лидочка и теперь тут наслаждается отдыхом. Мы хорошо беседуем с Варварой Григорьевной и Лидой за чаем и на прогулке в лес и поля. Варвара Григорьевна читает сейчас Типикон Скабблановича 1-й вып.<уск>, толстый том о богослужении с 1-

ого в.<ека> до наших дней и вечером излагает нам прочтенное вкратце своими словами. Тут раздолье удивительное. Но погода не слишком радует нас: то и дело холодает и пасмурно и дождь перепадает – последнее встречаем с восторгом, т.<ак> ч.<то> здесь от засухи начал пропадать хлеб и теперь пуд муки стоит 17 р.<ублей> 50 к.<опеек>. Луга сгорели и скот кормить будет нечем. Мрачно. Как-то ты там питаешься? Что с твоей работой? Наверное, еще хуже стала? Помоги тебе господи поскорее достать денег на отдых. Я знаю, что такое «болит затылок» – не дай Бог, как мучительно.

Спасибо тебе за письма и прости, что я мало пишу – отупела и еще не отошла как следует.

Привет Нюре, Марфуше и Лизе с мужем.

Целую тебя, дорогой. Будь здоров. Христос с тобой! Пиши, если можно, мне о себе. Лида и Алена тебе шлют привет.

Твоя Надя.

9/22 VI 1930

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, 162-163-152 (продолжение). Связь с конвертом не установлена.

[540] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 12 июня 1930 г.

+

12/25 июня 1930.

Милая Надя!

Наконец, я еду на двухнедельный отдых, махнув на все рукой, может быть, безрассудно. Ну, как Бог даст.

До Нижнего меня сопровождает цыганка, которая едет к Ольге Михайловне. Может быть, она проедет до Васильсурска, но едва ли. А я в Нижнем останавливаться не буду и поеду на пароходе в Астрахань и обратно. Это занимает дней 11-12.

Пожалуйста, поправляйся и отдыхай. Я бегу из Москвы, ибо Нюркини неурядицы меня совершенно извели. Мне пришлось ездить в Гостехиздат, выслушивать ежедневно ее вопли по телефону и пр.<очее>. Ты об этом ей не пиши, конечно. Я не мог работать. С собой на пароходе я взял бумагу, а кое-какие книги. Может быть, захочется писать.

Господ с тобой. Целую твои руки. Не забывай твоего бестолкового измученного, но неизменно тебя любящего Георгия.

«Salto Mortale» имеет у *читателей* большой успех.

Денег я беру с собой «в обрез». Купить не придется.

Нюрка не знает, куда я еду, и не знает, что до Нижнего со мной едет цыганка. Ты об этом ей *не* пиши.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 190-191. Связь с конвертом не установлена.

[541] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<Протасьево>, 14 июня <1930> г.

Дорогой Георгий!

Я благополучно добралась до Протасьева и отдыхаю хорошо. Как ты? Что Нюра? Пиши мне, если можно почаще, а то меня совесть мучает за тебя. Что с романом? Удастся ли напечатать часть, как ты хотел в журнале?

Мне захотелось показать тут стихи Вяч.<еслава> Иванова Палинодия и проч.<ее>. Не можешь ли ты мне их в письме прислать. Если боишься, что пропадут, то дай Нюре. А переписать для меня и пришли в письме. Я совсем ничего не делаю – лежу, сплю, ем и думаю.

М.<арья> Ф.<едоровна> приходила к нам сюда и еще хочет приехать. Целую тебя. Спешу отправить письмо. Христос с тобой, родной. Твоя Надя.

Суббота 1-е июня 14 н.<овый> ст.<иль>

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 164 — 165. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель «Верея, 14/VI-1930».

[542] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 1 июля 1930 г.

+

1/14 июля 1930.

Милая Надя!

Вчера я вернулся в Москву. Ездил я до Астрахани и обратно благополучно. Тишина и отсутствие пыли меня очень радовали. Там, на Волге, я совершенно не кашлял и дышал, как все люди. Дышать, как все – это настоящее блаженство. Двухнедельный отдых я себе устроил удачный. Накануне отъезда у меня были неприятности, и я очень хитро поступил, уехав на Волгу. Мои нервы не выдержали бы в Москве всех гадостей суеты, а теперь я все-таки подкрепился. Но как мы дотянем до окончания романа (я говорю о финансах) не знаю. Надо что-то изобретать. Нюрка уехала в Нальчик накануне моего возвращения: у нее очень скверные дела по службе. Как твое здоровье? Когда ты думаешь вернуться в Москву? 22-го Евгения Сергеевна едет в Верею. Она мне говорила об этом по телефону.

Напиши мне, пожалуйста, о своих планах. Я очень мучаюсь, что не могу послать тебе сегодня денег. Нужны ли они тебе?

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 192-193. Связь с конвертом не установлена.

[543] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 7 сентября 1930 г.

+

Милая Надя!

Прежде всего мне хочется объяснить тебе в любви. Я люблю тебя очень, моя родная! Я это почувствовал с новой силой в эти последние дни. «Дело в том», что я заболел. Вероятно, был грипп – и с очень высокой температурой. Утром было 39,5, а вечером 40,5 и так далее: я уже не мог мерить, ибо терял сознание. Меня лечили Сергей Алексеевич (на дому) и Борис Васильевич (заглазно). Сегодня утром было 37,5. Не знаю, что будет вечером, но как будто поправляюсь. Так вот и в сознательном и в бессознательном положении я все думаю о тебе и тобой восхищаюсь.

Сергей Алексеевич признался мне, что вчера струсил за меня: уж очень была высокая температура. Вот живем, живем, да и умрем, как умер, между прочим, Павел Никитич Сакулин, о чем сейчас сообщил по телефону Писканов.

Я почувствовал себя дурно на отпевании о.<тца> Сергея Успенского. Служил епископ Варфоломей, и, кажется, не менее двадцати священников, а с дьяконами и прочими церковными служащими – это получился огромный <1нрзбр>. Торжественность была необычайная. Но я был в искушении и не мог <1нрзбр> участвовать в этом торжестве. Помянул старика у себя дома.

Как ужасно, что стоит такая скверная погода!
 Поцелуй моего друга и философа Вячеслава Федоровича.
 Земно тебе кланяюсь
 Твой Георгий Ч.

7 сентября 1930 (н.<овый> ст.<иль>).

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 194-194об. Связь с конвертом не установлена.

[544] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Москва, 11 сентября 1930 г.

+

11 сентября 1930.

Милая Надя!

Я чувствую себя лучше. Правда, побаливает спина (один день так болела, что я готов был кричать белугой – твою спину вспоминал!), но вчера и сегодня не так уже больно. Я на попечении Сергея Алексеевича. Все благополучно.

Если хочешь воспользоваться светлыми днями, кажется, наступившими, поживи еще в Аносине. Мне жалко тебя оттуда тащить в Москву. Поживи. Ну, а если там нет отдыха вовсе, тогда возвращайся.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Славика обнимаю.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 195. Связь с конвертом не установлена.

1931 г.

[545] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
 Зеленый Мыс, 2 января 1931 г.

+

2 января 1931.

Милая Надя!

Какая ты чудесная умница! Как ты хорошо сделала, что, получив мою телеграмму с адресом, тотчас же мне послала письмо. Я его получил, как новогодний подарок, первого января. Письмо меня очень утешило, но и смутило: твой условный отдых, т.<о> е.<сть> мое отсутствие, тебе не впрок – люди не дают тебе покой. Из твоего дневника видно, что каждый день кто-нибудь ищет твоего общества. Ты вообще как магнит. Очевидно, как только я вернусь, ты поедешь куда-нибудь в пустыню – иначе тебя не дадут покоя поклонники и поклонницы. Это я серьезно. Хорошо, что ты приветила Евг.<ений> Евг.<еньквич> Лансере, но, ведь, это тебя наверно утомило?

С 26 декабря до сего дня под Батумом сияет солнце. Все теплее и теплее. Можно гулять без пальто. Дивно благоухает мушмала, которая сейчас цветет.

Вообще фантастическая фауна здесь изумительна: агавы, такие страшные, что, кажется, вот-вот пожрут тебя, как звери; камелии со своими холодными красивыми цветами; магнолии (на коих сейчас нет цветов); чайное дерево (это не то, что чай, который растет кустиками); земляничное дерево;

пальмы (я уже насчитал до девяти сортов – иных я никогда не видывал); драцены, узкие листья коих нельзя разорвать никак; гигантские камфорные деревья... И повсюду мандарины, цитроны, апельсины... Нет, решительно я не сделал ошибки, что сюда приехал.

У меня большая светлая комната. В ней стоит хорошо устроенная железная печка. Ее топят днем и второй раз на-ночь. На рассвете, однако, делается холодновато. Тогда я натягиваю на ноги шубу и надеваю мою шерстяную жилетку. В холодные дни хозяйка приходила, когда я был еще в постели, и затапливала печку, так что я вставал при температуре в 17-18 гр.<адусов> по Реомюру.

Кормят меня не только сытно, но превосходно, разнообразно и вкусно – четыре раза в день. Но стоит это таких денег, что я боюсь выговорить. За то я живу беззаботно. Это единственное место на Зеленом Мысу, где можно получить то, что я получаю. Вообще нет пансионатов никаких. И у моей хозяйки это не профессия. Она из любезности, как знакомая, предоставила мне этот режим до 12 января.

Можно было бы уговорить ее продлить мое пребывание еще на неделю до 19 января, но я колеблюсь. Ехать в Кисловодск я боюсь. Меня пугает то, что Кисловодск стоит не на прямом пути – нужна пересадка. А всякие пересадки для меня не только мучительны, но просто опасны. Я не могу таскать тяжести. В Батум, например, я прямо погиб бы, если бы не какой-то грузин-интеллигент, узнав, что я Георгий Чулков, не понес бы моего чемодана, не нанял бы мне извозчика и не повез бы меня в гостиницу, где, впрочем, не оказалось номеров, и откуда я непосредственно не поехал бы к Пронину, который из Таширы поехал со мной на Зеленый Мыс и тоже таскал мои чемоданы с невероятной самоотверженностью.

Боюсь также, что на Кисловодск у меня не достанет ни денег, ни времени. К 1 февраля я должен быть в Москве. Целую тебя. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 196 — 197об. Связь с конвертом не установлена.

[546] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Зеленый мыс, 7 января 1931 г.

+

7 декабря 1931.

Милая Надя!

Не знаю, получила ли ты мое письмо, в коем я поздравляю тебя с наступающим праздником. Письма, по-видимому, пропадают довольно часто. На это здесь жалуются.

Если не получила, прими мое запоздалое поздравление – сегодня Рождество. Я живу здесь в совершенном уединении, т.<о> е.<сть> в таком, что я даже не помню, когда я так жила; кроме семьи Жубер, я не вижу никого, ни одного человека.

С семьей Жубер я общаюсь за трапезной и после вечернего чая сижу с ними равно *один час*. В остальное время я наслаждаюсь одиночеством.

Я решил, что мой краткий отпуск надо использовать в каком-нибудь одном направлении, а именно – как *отдых* – и ни за чем иным не гоняться. Соблазнился поехать на бензинную фабрику (или завод вернее – это мило дать литературный материал, но отказался от этой мысли, ибо боялся *утомления*. Я отдыхаю. Я решил также, боясь растерять последний запас сил, *не ехать в Кисловодск вовсе*, ибо меня пугает перспектива новых пересадок на железной дороге, а главное наличие пансиона; ведь, у меня только один адрес, данный Новиковым!

Представь, если в Кисловодск жить же, как в Тифлисе или в Батуме нельзя найти ночлега *никак!!*

Я измучаюсь. В Тифлисе по крайней мере благодаря Лансере у меня есть *кое-что*, а в Кисловодске ничего равно.

Относительно климатического перехода беспокоиться нечего, ибо в Батуме сейчас нет никакой расслабленной жары. Я решил оставаться здесь числа до 14, а может быть, и до 19-го – по крайней мере здесь мне обеспечено питание, воздух, комфорт и абсолютное уединение.

Отдыхать так уж отдыхать. От избытка досуга переел введения к «Pensées». Пишу в твоей записной книжке кратчайшие пометы о погоде, темах и рождающихся мыслях – нечто вроде дневника. Это вместо медитации. Читаю «Илиаду».

Мои хозяин немец с французской фамилией – типичный лютеранин. Жена русская, православная, которая только что сообразила, что надо бы почитать как следует жития, патерика и каноны: до сих пор все было некогда. Она «гений очага», как ее, оказывается, называла Мариэтта Шанинян, у нее жившая год назад. Это м-ме Жубер действительно волшебница по части кухни, хозяйства, сада, дома. Она делает все сама, одна, без служанки. Все с быстротой молнии и с удивительными достижениями, а ей уже лет сорок пять. От первого мужа две взрослые дочери (живут в Батуме и Тифлисе), от второго – одиннадцатилетняя девочка – Таточка.

Семейство удобное в том отношении, что общение с ним ни к чему не обязывает: я живу как будто один, а вместе с тем я пользуюсь всеми удобствами. Здесь даже ватер теплый, чего нет ни на одной даче, да и вообще эта *единственное* теперь здесь жилое по-настоящему убежище. Погода неважная, переменчивая, но солнце выглядывает – и тотчас же забываешь, что шел снег. Можно гулять без пальто.

Несколько часов в день окна открыты настежь. В Москве это сейчас было бы невозможно. Целую тебя, родная.

Твой Георгий.

Вернись к первому февраля, если Бог даст.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 198 — 199об. Связь с конвертом не установлена.

[547] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
<Верея>, 16 июня <1931> г.

Понедельник 3/16 – VI

Дорогой Георгий, я послала тебе письмо. Ты теперь уже его получил. Живу хорошо. Много лежу, ем сливочн.<ое> масло, сметану, молоко в большом количестве, пока все это еще нам отпускается охотно и неограниченно. Но чувствуется, что последует некоторое изменение в цене. Ржаная мука поднялась до 12 р.<ублей> за пуд. Скажи Марфуше, чтобы она не отказывалась от черного хлеба, а брала бы все, что полагается по карточкам и остаток сушила бы. Пусть изредка для этого истопит печь, и если есть возможность, надо бы покупать на рынке гречневую крупу в запас. В Верее сейчас очень плохо с продуктами. Никому не советуй туда ехать.

М.<ожет> б.<ыть> мне понадобится выслать сюда сухарей, если нам откажут в хлебе. Это может случиться. Пока у меня есть и сухари и мука, но м.<ожет> б.<ыть> не хватит этого.

Твои письма меня расстроили: я все как-то прячусь от мыслей о твоей трудной каторжной жизни и не думаю ни о чем, и отдыхаю, как ни в чем не бывало. Господи, помоги нам! Не думай, что я не ценю твоей жертвы.

Спасибо за хлопоты о могилке. Конечно, брать рецензентов теперь не многого стоит и не может особенно повредить. Храни тебя Христос. Целую тебя и прошу меня простить.

Твоя Н.

Привет Нюре, Лизе, Марфуше. Напомни ей отдать перечисленные инструменты Тугендхольд и если можно отошли с Марфушей «Столб и утверждение» Борису Васильевичу. Марфуша знает его адрес – она была у него.

Н.

Что у Любы? Был ли у них <Никишин>?

Куда они уехали? Или еще в Москве?

Аленушка тебе очень кланяется, она очень довольна, что ты ее вспомнил.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 166 — 167об. Связь с конвертом не установлена.

[548] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Верея, 31 июня 1931 г.

/ 31 июня 1931 /

Дорогой Георгий, вполне благополучно прибыла я в Верею. Только дорого пришлось заплатить ямщику. С человека взяли 8 рублей. Ехать было приятно: хорошее солнышко и ласковая зелень. Спутники были не очень неприятные. Приехала я к М.<арии> Ф.<едоровне> около 4-х часов дня. Сегодня буду начинать свой отдых. Комната у М.<арии> Ф.<едоровны> прекрасная. Я сплю на диване – очень удобно. Уже закуплены для меня масло и яйца, и молока даст хозяйка М.<арии> Ф.<едоровны>. Была на могилке о.<тца> С.<ергея>. Болит сердце за тебя и за Славика. Оставила я тебя без всего необходимого – даже сахару нет. Пиши мне о своих делах и о доле. Мария Федоровна очень приветлива. Мне будет здесь хорошо. Садик очень уютный и уединенный. Цветут вишневые сады, очень красиво сейчас в Верее. Мария Федоровна кланяется.

Прости, что кратко пишу. Целую тебя

Помоги тебе Господь! Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 168. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю пометка, внесенная рукой Чулковой: [31 июня 1931].

[549] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<Верея>, июня 1931 г.

/ Июнь 1931 /

Милый Георгий, я собираюсь ехать в Москву. Жду телеграммы. Матрена уезжает от Любы. Любе будет трудно одной – даже невозможно. Можно бы пригласить к ней Ильиничну из Вереи. Но пока я <поеду> и попробую с Машей обойтись. Я боюсь, что Маша будет проситься домой на время. Вот тогда-то Ильинична будет необходима. Скоро уже две недели, как я тут живу. Это <законный> срок для отдыха порядочного гражданина. Если можно будет, поеду еще позднее к Евдокии Ивановне в Звенигород – она меня приглашала. Если не будет телеграммы или письма от тебя до субботы, я позвоню тебе в субботу от 11 до 12 ч.<асов> утра.

Если не трудно позвони Екатерине Семеновне, спроси ее, не продала ли она кружево Марии Федоровны (в телефонной книжке найди фамилию Басенко, Тверская, Благовещенский пер.<еулок>). Я живу по-свински: ем и сплю. Читать ничего не могу. Немного гуляю. Знакомых почти нет в этом году. Сегодня жду Веру Юрьевну. Нашла для нее комнату. Домочацкий уехал сегодня. Нашел себе дачу рядом с М.<арией> Ф.<едоровной>. Я поняла, что Златовратский приедет искать дачу. Как-то ты там переносишь жару?

Пока прощай. Целую. М.<ария> Ф.<едоровна> тебе кланяется.

Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 169-169об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю пометка, внесенная рукой Чулковой: [Июнь 1931].

[550] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<Воронеж>, 16 декабря 1931 г.

16 декабря 1931.

Милая Надя! Подъезжаю к Воронежу – с опозданием часа на два. Ночь спал хорошо. Поужинал твоими котлетами. Утром пил чай вкусенький с бутербродами с икрой. Чувствовал твою милую и заботливую ручку. Мой спутник до Воронежа партийный товарищ, с которым играю в шахматы. В окнах – зимний снежный пейзаж.

Целую тебя, родная. Твой Георгий.

Привет Нюре, Любе, Лиде, Лизе, Михаилу Васильевичу и друзьям.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 200-200об. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель «Воронеж, 14/ХІІ-1931».

[551] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<В дороге>, 16 декабря 1931 г.

+

16 декабря 1931.

Милая Надя!

Это мое второе письмо с дороги. Еду благополучно. Сейчас прочел в «Вечерней Москве», которую ты меня снабдила, объявление о дровах. Посылаю его тебе. Пойди с этой вырезкой к директору и заставь его воздействовать на коменданта.

При сем прилагаю мое официальное заявление.

Спасибо тебе, родная, за твои заботы обо мне. Я еду, чувствуя все время твое попечение. Сейчас, между прочим, у меня нет спутника. Я наслаждаюсь совершенным одиночеством. А иные, оказывается, предстоит ехать до Тифлиса четверо суток! Одна ночь прошла. Осталось еще три. Целую тебя, дорогая. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 201. Связь с конвертом не установлена.

[552] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Тифлис, 18 декабря 1931 г.

+

18 декабря 1931.

Милая Надя!

Я сейчас так отдыхаю и пользуюсь такими удобствами, что мне даже стыдно. Я наслаждаюсь отдыхом, а ты, измученная, больная, усталая томишься в Москве! Во Воронеже высадился мой спутник – и вот уже три ночи я совершенно один. Чисто. Воздух достаточно. Тепло. Я действительно отдыхаю. Нервы в порядке. Кашляю мало. Ем за троих.

Твои припасы уничтожаю по утрам за чаем, который мне заваривает наш проводник, «мыслитель и стихотворец», как он себя рекомендует. Интересуется Апокалипсисом, но как-то криво, и немилосердно перевирает тексты.

Я расспрашиваю соседей по вагону о Тифлисе и собрал кое-какие сведения. Все говорят, что сейчас в Батуме цветут «зимние розы» и вокруг Батума идет сбор мандаринов. Дождями не очень пугают. Посмотрим.

Я бы просил тебя ежедневно записывать для меня по две, по три строки, а дня через три этот «дневник» посылать мне, когда я пришлю адрес.

Сообщи, удалось ли тебе послать в «La Nouvelle Revue Française» текст романа и мое письмо. Не забыл ли я подписать очередной бланк на получении пенсии? Мне это немного беспокоит. Кажется, подписал.

Будь снисходительна к Анне Ивановне <Чупеевой>. Поменьше общайся с «старушками».

Я уже еду по Северному Кавказу, но снег везде еще лежит и мандаринов пока не вижу. Все эти прелести, очевидно, впереди, но отдых, отдых, отдых – уже есть, и это главное. Я как-то в Москве худо соображал, что отдых в самом деле мне нужен. Теперь я вижу, что это было *крайняя необходимость*. Я не раскаиваюсь, что еду.

Целую тебя, родная, и мысленно благословляю. Господ с тобой. Твой любящий тебя недостойный Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 202-202об. Связь с конвертом не установлена.

[553] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Тифлис, 20 декабря 1931 г.

20 декабря 1931.

Милая Надя! До Тифлиса, ты уже знаешь из писем моих, я ехал прекрасно, но в Тифлисе были затруднения с ночевкой. В гостиницах мне отказали категорически. Во Дворце Искусств комендант был очень бестолков, писателей не было, и я махнул рукой. Вещи пришлось оставить в комнате Марии Ивановны Назарбек (матушки Елены Аветовны).

Поблагодари Елену Аветовну по телефону – 2.39.28. Затем я отправилась к Лансере. Евгений Евгеньевич, оказывается, с 12 декабря в Москве (sic!). Из этого можно было бы заключить, что Лансере к нам холодны, однако Ольга Константиновна проявила чрезвычайно любезное внимание ко мне. Очень хлопотала, чтобы доставить мне ночлег и, наконец, его нашла в квартире гостеприимного Татевосяна, Егише Мартиросовича, художника, друга Ю.<рия> Н.<икандровича> Верховского. У него жена француженка. Чета приветила меня с радостью. На обратном пути Ольга Константиновна обещала мне приготовить жилище, дабы я мог осмотреть окрестности с Старину Тифлиса. Сегодня в 7 ч.<асов> 20 м.<инут> я выезжаю в Батум. Еду все еще в мехах. Надо мной не смеются. Кавказцы уважают меховые одежды и не чуждаются их даже летом.

Я здоров, насколько вообще можно быть здоровыми в моем положении. Не унываю. Узнал грустные вещи о молодежи. Та самая Наташа, которую ты спасала от смерти, по-видимому, сошлась с товарищем, оказавшим женатым. Серебрякова взяла к себе в Париж младшую девочку, а старшая предпочла остаться в Ленинграде и будто бы, разочаровавшись в своем даровании, не знает что с собой делать: одна с одряхлевшей Екатериной Николаевной!

Брат вырос и куда-то уехал. Лансере намерены переехать в Москву.

Как твое здоровье? Отдыхаешь ли? Береги себя, умоляю. Не мори себя голодом. Сегодня послал тебе телеграмму. Ну, прости меня Христа ради. Целую твои руки. Любящий тебя неизменно Георгий.

20 декабря 1931.

Погода серенькая. Дождя нет. Интересного Тифлиса не видел пока. Посмотрю на обратном пути, если Бог даст.

Приветствуй всех достойных, а, впрочем, и недостойных.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 203 — 204. Связь с конвертом не установлена.

[554] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый Мыс, 24 декабря 1931 г.

Зеленый Мыс.

24 декабря 1931.

Милая Надя!

Это – седьмое письмо, мной тебе посланное. Кроме того я послал тебе две телеграммы – из Тифлиса и Батума.

Итак, я поселился на Зеленом Мысе под Батумом. Дороговизна жизни здесь превысила все мои ожидания. Можно было бы, конечно, устроиться дешевле, но слава Богу, что я устроился так, как я устроился. Можно было поселиться на даче Ляо и питаться на так названной базе, но я наверное теперь уже лежал бы на смертном одре, если бы решился на этот план. Дело в том, что здесь все дачи стоят в горах: для здорового человека это все холмики, а не горы, но мне подниматься по этим тропинкам и лестницам было бы смерть. Я плачу вдвое дороже, но за то живу в семье на всем готовом; мне никуда не надо ходить; мне дают утром чай с хлебом, маслом, сыром, яйцами и даже с соленой закуской; в час дня завтрак из одного, но сытного блюда и опять чай с хлебом и маслом; в пять часов обед из двух вкусных и питательных блюд и фрукты; в восемь часов чай с хлебом, маслом и сыром; кроме того у меня в комнате на столе стоит большая корзина с апельсинами и мандаринами, которые я могу есть в неограниченном количестве. Это все тем драгоценнее, что на дворе вьюга, снег, град и невылазная грязь. Я бы тонул в грязи и утратил способность дышать, если бы ходил куда-то что-то есть – весьма сомнительное и должен бы искать где-то хлеб и все прочее для утреннего и вечернего питания. И жить без служанки! А здесь, хотя и нет служанки, но хозяйка все делает сама и заботится обо мне добросовестно. Я здесь поселился на две недели, ибо не был уверен, что мне будет хорошо, да и боялся непогоды. Быт устроился удачно, но погода пока плохая, однако, я меньше кашляю, чем в Москве, дышу нормально (даже удивительно!) и нервы успокоились заметно. Меня уверяют, что снег и град – случайность и что скоро будет солнце и даже будто бы жара. Посмотрим.

Отдыхаешь ли ты, моя родная? Я рассчитываю получить от тебя здесь два-три письма. Если погода не улучшится, я третьего января возвращаюсь в Тифлис. Там я останусь дня три не более и поеду в Кисловодск. Дороговизна здесь безумная. Пронин ходит в опорках и лохмотьях (буквально!), служит на завод кочегаром за 70 рублей в месяц. Но месяц через два, кажется, он возвращается в Москву.

Ты получишь мое письмо первого или второго января. Если я останусь еще на две недели, ты успеешь ответить. Я тебе извещу телеграммой, возвращаюсь ли я в Тифлис или буду здесь медлить еще две недели.

Я ленюсь пока. Читаю «Pensées» моего Паскаля. Разговариваю с одиннадцатилетней Татой, дочкой хозяйки. Это хозяйка отнюдь не «хозяйка» в профессиональном смысле. Она не сдает комнат, и я поселился у нее только как знакомый Пронина в качестве гостя. Профессиональные «хозяйки» все сидят в укромных местах и недавно «раскулачены». Это, вероятно, необходимо в интересах государственных, но для путешественников, жаждущих отдыха, не совсем удобно. Частные интересы, впрочем, должны подгонять общим.

Я живу в той самой комнате, где не так давно жил товарищ Молотов (он еще тогда не занимал поста). Моя хозяйка очень его хвалит и они, кажется, жили дружно, хотя в этом доме горят лампадки перед образами.

Целую тебя, родная. Передай привет Нюре, Любе, Лизе, Мих.<аилу> Вас.<ильевичу>, Цявловским, Новиковым, Благому и всем, кому найдешь нужным.

Если ты что-нибудь узнаешь о судьбе Ольги Михайловне, позвони Людмиле Михайловне: К. 02340 – тебе ответят «Усачевка», тогда ты скажи: 7.78.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 205 — 208. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой.

[555] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый мыс, 26 декабря 1931 г.

26 декабря 1931.

Милая Надя!

Это – восьмое письмо. Последнее письмо я послал тебе в день рождения Володи. Сейчас пользуюсь оказией, чтобы поздравить тебя с наступающим Рождеством. В Батуме, между прочим, нет открытых православных храмов. Имеются только две молельни, устроенные, с разрешения властей, одна в бывшей пекарне, другая – в бывшем трактире.

Сегодня небо прояснилось, и есть надежда, что Зеленый Мыс обнаружит свою субтропическую природу. В эти дни идет здесь сбор мандаринов. И сочетание снега с зелеными деревьями, на коих растут плоды, воистину удивительно.

Я все-таки хочу дожидаться здесь жаркого солнца, которое будто бы непременно должно сиять в декабре на Зеленом Мысу. Сегодня можно было видеть из моих окон совершенно отчетливо турецкий берег. Вообще вид из моих окон богатый – и горы, и море, и Батум, и мандариновые рощи, и пальмы. Как только просохнуть дорожки, пойду в ботанический сад, где – говорят – чудеса со всего света. А сад этот в двух шагах от моей дачи.

Боюсь, что на Кисловодск у меня не останется ни денег, ни времени. К первому февраля я должен быть в Москве.

Спроси непременно, родная, у Бориса Павловича Козьмина, не забыл ли он вставить в моем «Послесловии» к роману в фразе «Любопытно, что Энгельс также осуждает фурьеризм» придаточное предложение после слова «Энгельс» – а именно *«руководствуясь, конечно, совсем иными мотивами»*. Так как это буквально *последняя страница* книги, вставить это легко, а между тем это очень важно. Покажи Борису Павловичу эту мою записку. Извинись перед ним за меня. Но я, ведь, без вины виноват.

Прости и ты меня Христа ради.

Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 209 — 210. Связь с конвертом не установлена.

[556] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый мыс, 27 декабря 1931 г.

27 декабря 1931.

Милая Надя! Узнай в Гагаринском переулке, когда надо подавать декларацию финансовконтору. Если ты не получила денег из «Каторги и Ссылки» – и не получай до 1 января. Ну, а если получила, надо бы включить эту сумму в декларацию.

Сумма эта, впрочем, так незначительна, что я могу потом сам сделать дополнительное заявление: это неважно. *Непременно* только, вручив декларацию и прикрепленная к ней бумажка, возьми об этом справку или расписку с обозначением, что ты передала и декларацию, и расписки, и дополнительное объяснение. Это необходимо. Попроси Новикова, чтобы он все это сделал, если сама

затрудняешься, а ему все равно, что подавать – одну декларацию (свою) или две (т.<о> е.<сть> его и мою).

Послала ли ты за границу роман? Готова ли статья против меня в «Каторге и Ссылке» и послали ли они ее мне? Справиться об этом у Бор.<иса> Павл.<овича> Козьмина. (тел.<ефон> Г. 1.47.50 или в редакции у Вениамина Юрьевича Ульянинского – тел.<ефон> 2.81.17).

Сообщи им, что я буду в Батуме (т.<о> е.<сть> на Зеленом Мысу) до 10 января. Адрес: Батум. Почтовый ящик 52. Эдгару Николаевичу Жуберу – для меня.

Целую, родная, твои милые руки. Любящий тебя

Георгий.

Письма в Батум идут *семь* дней.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 211-211об. Связь с конвертом не установлена.

[557] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый мыс, 27 декабря 1931 г.

27 декабря 1931.

Милая Надя!

Я сегодня послал тебе закрытое обстоятельнее письмо (девятое). Пишу поправку к нему. Я останусь на Зеленом Мысу (под Батумом) не до 10 января, а до 12 января. Значит, ты еще успеешь написать мне по адресу: Батум. Почтовый ящик 52. Эдгару Николаевичу Жуберу – для меня. Целую тебя. Г.

Привет Любе, Нюре, Лизе, Мих.<аилу> Вас.<ильевичу> и друзьям.

Я дышу, а это уже кое-что.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 212-212об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевной Чулковой. Почтовый штемпель «Москва, 2/1-1932».

[558] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый мыс, 28 декабря 1931 г.

28 декабря 1931.

Милая Надя!

Наконец, сомнительное чистилище

Зеленого Мыса превратилось в несомненный рай: засияло южное солнце и открылся во всем великолепии вид на горы, море и земные рощи. Не знаю, что будет ночь. До сих пор я спасался от холода, покрываясь моей шубой, ибо печка нагревала комнату только до половины ночи. Нужно сказать, на прочих дачах печек нет вовсе. Я вообще нахожусь в привилегированном положении. И это благодаря Пронину: без него я не нашел бы себе подходящего жилия. Ты была умницей, послав ему письмо, которым он почему-то очень гордится и с которым он не расстанется по мотивам не совсем понятным.

Мое моральное состояние было бы удовлетворительно, если бы я ежедневно имел известия от тебя из Москвы, но я не рассчитываю получить от тебя письма раньше первого января, и это меня огорчает. Как твоё здоровье? Как самочувствие? Я хочу послать тебе по почте мандаринов но мало шансов, что они дойдут невредимыми. Искал для тебе в Тифлисе и Батуме папок, тобой заказаны, но

пока не нашел. Вообще здесь *ничего нет интересного* для москвичей кроме солнца. Да и оно засияло по-настоящему только сегодня в первый раз.

При сем прилагаю схему вида из моего окна. Оживи ее своим воображением. Целую твои руки, родная. Твой Георгий.

Я рассчитывал здесь остаться до 12 января.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 213 — 214. Связь с конвертом не установлена.

[559] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 15 – 23 декабря 1931 г.

/ Декабрь 1931 /

Записываю по твоей просьбе ежедневные события за неделю. Многого забыла.

15 веч.<ером> проводила Георгия. Очень довольна за него. Чувствую, что отдых начался. Радуюсь, когда удастся сделать что-нибудь целесообразное.

16. Отправила с почтальоном заказную бандероль и заказное письмо без каких-либо затруднений. Бумажка без подписи инспектора не вызвала препятствий. Квитанция у меня. Авторизацию не послала и пока не проверила, т.<ак> к.<ак> у Милицыной очень тревожное состояние по поводу больного. Была у всеобщей (пр.<отоиерей> Иосиф Дамаский)

17. Много лежала днем. Звонили Новиков и Татьяна Григорьевна о тебе спрашивали. Письмо от М.<арии> Ф.<едоровне>.

18. Отправила посылку Марии Федоровне. Сахар, чай, масло постное, рыба солен.<ая>. И крупа гречневая. От тебя открытка. Всенощная под Николин день. Приехал Евг.<ений> Евг.<еньевич> Лансере.

19. Обедня. Причащалась. Второе твое письмо. Вечером у меня Вера Юрьевна и Евг.<ений> Евг.<еньевич>, которому предложила остановиться у нас.

20. По телефону сообщил какой-то Зильберштейн по поручению Павла Павловича Щеголева, что В.<алентина> А.<ндреевна> скончалась 18 дек.<абря> в 5 ч.<асов> утра. Была Павлович.

21. Приехал Валентин Александрович. Была на похоронах В.<алентины> А.<ндреевны>. Он успел передать ей мое письмо. Она прочла и пригласила Вал.<ентина> А.<лександровича> к себе. Но ей стало очень плохо, и он не успел ее повидать. Лицо у ней в гробу было успокоенное. Евг.<ений> Евг.<еньевич> пребывает у меня. Мы с ним хорошо беседуем. Он уезжает 25-ого. Был Гр.<игорий> Алекс.<еевич>. Тебе все кланяются.

22. Сегодня именины Нюры. Готовиться пир. Получено твое закрытое письмо с дороги. Телеграмма еще раньше. *Доверенность* на получение пенсии *есть*. Вчера была у меня вечером Лида наша, она вернулась с Кавказа. В Нальчике было 26 град.<усов> мороза. Вчера был Б.<орис> П.<авлович> Мансуров. Тебе кланяется. Звонил как-то Соболевский и очень жалел, что тебя не застал в Москве. Он против твоей поездки в Батум. Вал.<ентин> Александр.<ович> был на пиру у Черносвитовых и там видел Верховского – обросшего и больного. Числа 17-го был у нас Златовратский. У него только что скончался от тифа племянник 23-х лет. Поговорили очень хорошо. Тебе шлет привет. Звонил Чичерин – справлялся о тебе и Мандельштаме – хотел узнать телефон Соболевского.

Сегодня лечила зубы. Завтра собираюсь с Е.<вгением> Е.<вгеньевичем> смотреть роспись Вл.<адимир> Алексеевич.

23. Ходили смотреть роспись, но не попали в храм – заперт.

Я отдыхаю, но не так хорошо, как ты – мешает народ.

Вчера был Коля очень долго со мной говорил и пил чай и ел. Ночевала Екатерина Семеновна. Сегодня пошла получать для нас мануфактуру по дорогой цене. Очень рада твоим письмам, они бодрые.

Спешу послать тебе пока это. Целую. Прощай. Господь с тобой! Пиши почаще. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 170 — 171об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю пометка, внесенной рукой Чулковой: [Декабрь 1931].

1932 г.

[560] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <1 января> 1932 г.

Здравствуй, милый Георгий!

С новым годом! Дай бог тебе поправиться и поменьше огорчаться, чем в прошлом году.

Получила твои письма (7). Жалко, что погода плохая на юге, но все же радуюсь, что ты не в Москве. Здесь невозможная слякоть, скользко и холодно.

Я начинаю отдыхать. Все убрано к празднику. Полы натерты, подклеены разорванные обои, постелены ковры. Сегодня у меня будет Баранова и мы идем с ней на первую Рождественскую службу – под 20-е число.

А сегодня день Муч.<еника> Вонифатия. Звонила я в Помполит, и мне сказали что «справки будут давать после 2-го». Живем помаленьку. Люба в деревне с Н.<иколаем> М.<ихаиловичем> у которого что-то очень плохо с сердцем. Нюра, кажется, не ладит с <Чуксеевым>. Сегодня когда он пришел к ней днем, дверь ее комнаты оказалась запертой и ключ унесен. Лиза старалась подобрать ключ и отпереть ему комнату, но это ей не удалось. Не знаю, что это значит. Вчера я встречала новый год у Голубкиных. Пили за твое здоровье. Новиков все спрашивает о тебе и все зовет меня в гости к ним.

Прости, что замарала строки – я написала было поручение тебе, но потом раздумала.

Сейчас приходила Марина Новикова, у них все больны прислуги нет – Вологодская девушка уходит на чулочную фабрику. Положение очень тяжелое.

Наша Лида все покупает нарядов и весной собирается в деревню.

Вчера получила я ордер на дрова от домоуправления.

Вот тебе доклад о делах домашних. Здоровье мое неважно. Я много ленюсь. Покойна душой.

По-немногу занимаюсь домашними работами.

Целую тебя. Господь с тобой.

Твоя Надя.

Лиза и Михаил тебе кланяются. Лида тоже. Они всегда радуются твоим письмам.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 184 — 185. Связь с конвертом не установлена.

[561] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый мыс, 8 января 1932 г.

8 января 1932.

Милая Надя!

Я послал тебе ящик с мандаринами. Их упаковали при мне. Я видел, что мандарины были превосходные. Если они придут испорченные – это не моя небрежность: пожалуйста, меня не обвиняй в бестолковости.

Вчера я послал тебе большое и – смею думать – содержательное письмо. Жизнь моя здесь очень монотонна. «Описывать» больше нечего, а философствовать я предпочитаю устно. Поэтому умолкаю. Целую твои милые руки. Прости меня Христа ради недостойного – Георгия.

Если мандарины окажутся съедобными, дай и Нюре сколько найдешь нужным.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 215. Связь с конвертом не установлена.

[562] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 10 января 1932 г.

10/I 1932

С праздником, дорогой Георгий! Получаю твои письма и радуюсь за тебя. Писем всего восемь. Последнее с видом из твоего окна.

Надеюсь, что и ты мои письма теперь получил.

Я получила извещение из Сбер.<егательной> Кассы об увеличении тебе пенсии до 225 р.<ублей> с ноября м<еся>ца 1931 г.

Сегодня получено письмо от изд.<ательство> La Nouvelle Revue française

Paris, 5 janvier 1932

Monsieur, je vous accuse reception de votre lettre recommandée.

Nous avons biec reçu votre roman «Place Sémenov». Envoyez vous votre Vie de Dostoevski dès que vous en aurez le manuscrit ou les épreuves. Nous allons lire votre «Place Sémenov» et nous vous <viendriez> connaître notre <страница не окончена. Есть дефект оригинала>

На днях, завтра или послезавтра, подам декларацию. Получила в Горкоме писателей справку о твоём праве показать производств.<енных> расходов на 50% всего дохода и прилагаю ее к декларации. Новиков научил.

Цыганка звонила – жалуется, что не получает от тебя писем. Одолели меня гости. У меня живет М.<ария> Ф.<едоровна>, Валент.<ин> Алекс.<андрович>, Григор.<ий> Алексеевич и т.<ому> п.<одобнее>. Тебе просят кланяться. Еще кланяется Людм.<ила> Павл.<овна> – была у меня. Тоже – жена Муратова, Златовратский, Никол.<ай> Никол.<аевич>, Коля, Лидочки две.

Сейчас была Над.<ежда> Павловна – приехала из Вологды – нашелся Пяст. Он <дефект оригинала>

Я хочу сказать его адрес М.<?> Б.<?> Соболевскому, м.<ожет> б.<ыть> он его будет спасать. Он служит на бум.<ажной> фабрике «Сокол», получает 50 р.<ублей>. Вид у него оборванный.

Меня пригласил к себе Шергин. Я была вчера у него. Там были Названова, Ефимовы (художник), Фаворские и еще кое-кто. Было очень мило. Его квартира – это музей.

Погода у нас переменная, часто тепло и сырость и потом мороз и ветер. Спина болит сильно. Нюра «хозяйничает», кормит мужа, ходит с ним в кино и театр. Гостей не бывает почти. Тихо и благополучно.

К Лиде сегодня вдруг приехал брат – бежал с работы – трудно, хочет здесь поступать на завод. Еще тебе кланяются Лосева и Татьяна Григорьевна Цявловская и Новиковы.

У Милицинной ее большой начинает подавать надежду на выздоровление. Заметил ли ты, что умер Главенко? Было в газете.

Прости меня за плохое письмо. Что-то не читается. Хочется лежать. Сегодня рано встала, а вчера поздно легла. Целую тебя. Храни тебя господь! Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 172 — 173об. Связь с конвертом не установлена.

[563] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 21 января 1932 г.

+

Дорогой Георгий, поздравляю тебя с днем Ангела. Жаль, что тебя не придется в этом году провести его так, как ты проводишь его дома. Мандарины получены почти в целостном, испорченных было около пяти, да и то только слегка, так что я их съела. Поделилась с Нюрой и еще кое-кому дала, между прочим большой Лидочке Фудель, которая совсем плоха, бедная.

Людм.<ила> Мих.<айловна> звонила мне, жалуется, что нет от тебя писем, теперь, наверно, уже получила.

Кланяются тебе очень: Милицына, Терновцев, Лидочка, Маруся Ф.<едоровна>, Лиза и Михаил (им дала по мандаринчику), Нюра и Люба и конечно, Коля, котор.<ый> хотел сам писать тебе. Я тебе писала, что Пяст был у Серг.<ея> Алекс.<еевича> Мечева и отрекомендовался: «я друг Г.<еоргий> И.<вановича> Чулкова». Хотела было я ему отослать шахм.<атные> журналы, завещанные ему Славицом, но без тебя не решилась.

Я писала тебе, что получила извещение от La Nouvelle Revue Française о получении ими твоего письма и рукописи. Просят прислать «Жизнь Достоевского».

Не нарадуюсь на твои письма: ты хорошо отдыхаешь, за это не жалко и двух машинок.

Пожалуйста, не трудись искать для меня палку. Найдется и в Москве. Евг.<егий> Евг.<еньевич> прислал мне письмецо из Харькова, он задержится там до 15/1. С тобой все же, надеюсь, увидеться.

Кланяйся от меня Ольге Константиновне. Я писала было тебе на адрес Назарбек, Марии Ив.<ановне>, потому что не помнила адрес Лансере. Туда же тебе писал и Цявловский поручение по Пушкину.

Чувствую я себя сносно. Ничего не делаю и много лежу.

Сушкин еще не дает мне денег. Обещал 18-го. Помполит обещал 17-го.

Целую тебя. Господ с тобой. Будь здоров и мирен.

Твоя Надя.

Была у меня Евг.<ения> Сер.<геевна> Готовцева. Тебе кланяется.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 174-174об. Связь с конвертом не установлена. По левому верхнему краю пометка, внесенная рукой Чулковой: [1932].

[564] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый мыс, 11 января 1932 г.

11 января 1932.

Милая Надя!

Я получил твою телеграмму с поздравлением только третьего дня. Спасибо. Я не послал тебе телеграммы, потому что знал, что поздравления телеграммы все равно *не* посылают своевременно: было такое распоряжение.

Итак, 17-го я выезжаю из Батума в Тифлис. Пиши мне теперь по адресу: Тифлис. Лермонтовская 15, кв.<артира> Евг.<ения> Евг.<еньевича> Лансере. Сообщи этот адрес в редакцию «Каторги и Ссылки» и спроси там, почему они не выслали мне, как обещали, статьи Соколова и печатается ли мой роман или уже, быть может, он напечатан. Если он напечатан, пришли мне в Тифлис два экземпляра.

Теперь великая к тебе просьба. Купи (сверх сметы) по какой угодной цене хороших березовых дров и к моему приезду имей их в такой запас, чтобы можно было топить кухню. Это непременно. Если после Батума я вынужден буду из теплых комнат выходить в холодную кухню, я не выживу этой зимы и к весне умру.

Февраль и март надо топить во всю, не жалея денег. Я должен жить и *работать* в тепле. Если этого не будет, я лягу в постель и не буду вставать, так и умру «во цвете лет». Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Ты пишешь про себя: «Здоровье неважно». Это меня удручает. Тебе надо ехать весной куда-нибудь. Этого лечения ты еще не пробовала по-настоящему. Моя хозяйка Жубер говорит, что она вылечилась солнцем от невыносимых болей. Тебе надо ехать на солнце! Прости, Христа ради, любящего тебя Георгия.

Позвони Цявловскому. Спроси, почему он не ответил на мое письмо. Он, ведь, хотел дать мне поручение в Тифлис. Пусть пишет письмо по адресу Лансере. Может быть, я задержусь в Тифлисе, если я получу из Кисловодска уведомления, что для меня приготовлена комната.

Всем, кому надо, передай привет. Не забывай его передавать обидчивой Нюре.

Я живу столь уединенно, как не жил, кажется, с 1902 года, когда сидел в одиночке. С утра до ночи один: держи ухо остро – приеду мудрецом. Что ты со мной тогда будешь делать? С глупым-то, может быть, даже легче жить, чем с мудрым... Ну, ну – не бойся: как был глупцом, так и остался. Горбатого могила исправит, а не очарования моря и пальм.

А что наша ядовитая смиренница Мария Федоровна? У тебя или нет? Если у тебя, скажи ей, что я malgré tout верный ее поклонник и почитатель. Относись к ней по-христиански и ты.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 216 — 217об. Связь с конвертом не установлена.

[565] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 13 января 1932 г.

13/I 1932

Здравствуй, с Праздником! И с Новым годом также.

Совсем не надеюсь, что ты получишь это письмо. Я уже было стала писать на Кисловодск до востребования – послала одно только письмо. Повторяю его.

1. Получено письмо из Nouvelle Revue Française. Они получили роман и заказное письмо и просят прислать жизнь Достоевского – а эту рукопись обещают рассмотреть и дать ответ.

2. Получено извещение из Сбер.<егательной> кассы об увеличении тебе пенсии до 225 р.<ублей> с ноября 1931.

3. Декларацию подала, приложив особую справку от Горкома писателей о праве скинуть 50 % производственные расходы с общей суммы доходов. Получила расписку, где помечены все приложения.

Была в гостях у Шергина на елке. Там были Названова, Фаворские, Ефремовы, которые показали «петрушку» на этот раз Лэди Макбет. У Шергина квартира это музей. Гостей «обносили» Архангельской брагой, и сладями. Я к себе пока еще никого не звала.

С Нюрой тихо, смирно. К Лиде приехал брат – молодец – поступил на работу и живет в бараке – очень хорош он. Была еще у Новиковых, а больше нигде. У меня Мар.<ия> Фед.<оровна> гостит. Теперь уехала пока в Сергиево.

Целую. Хочу спать. Сегодня получила 2 письма твои от 2 и 7 янв.<аря>. Спасибо. Очень рада за тебя. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 174-174об. Связь с конвертом не установлена.

[566] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый Мыс, 15 января 1932 г.

Зеленый Мыс
15 января 1932.

Милая Надя!

Завтра я уезжаю из Батума в Тифлис. Билет для меня уже куплен. Значит, если Бог даст, я буду в Тифлисе 17 января. О.<льга> К.<онстантиновна> Лансере приготовила для меня у своих соседей «прекрасную» комнату, как она мне пишет. Но этой комнатой я могу располагать только до 20-го. В запасе у меня остается гостеприимность поэта Тициана Таблидзе, о котором я уже тебе писал.

Я послал в Кисловодск письмо к <Ирзбр> с запиской И.<вана> А.<лексеевича> Новикова с просьбой известить меня, можно ли получить комнату в Кисловодске, но едва ли я воспользуюсь ей, если даже получу ответ положительный. Боюсь этими переездами и пересадками растратить тот запас мой, который я скопил на Зеленом Мысу.

Перехода резкого между Батумом и Москвой не будет, ибо такой жары под Батумом не было, да и в Тифлисе я поживу. Кроме того у меня денег хватит на одну неделю едва-едва. Из-за одной недели не стоит утомлять себя пересадками и хлопотами, и прочими. Меня удручают пересадки.

Получила ли ты мои мандарины. Боюсь, что они испортились, а я сам наблюдал, как их упаковали. К 1 февраля я во всяком случае буду в Москве, если Проведение не отклонит меня от намеченного пути.

Едва ли ты успеешь прислать мне теперь письмо в Тифлис. Очень долго идут письма. И иные пропадают. Пиши по адресу Лансере: Тифлис. Лермонтовская, 15.

Я хочу домой. Довольно субтропических прелестей. Но я отнюдь не раскаиваюсь, что попал на Зеленый Мыс, несмотря на неважную погоду. Сегодня, кажется, самый холодный день. Однако, я сейчас пишу письмо с открытым окном.

И я совершенно влюблен в пейзаж, который видел из моих окон.

Я, ведь, мало гулял, и мне было очень утешительно всегда видеть перед глазами волшебные дали: никогда я не видел такой красоты.

Но я сыт. Я домой хочу.

Дорогая моя! Как обидно, что я путешествую, а ты сидишь дома и с твоей болью в спине. Надо придумать, куда тебе ехать. Надо на солнце. Не сюда ли на Зеленый Мыс? Мы это сообразим.

Страшно, что я не получил письма от Цявловского, который сам был заинтересован в том, чтобы я зашел к владельцу Пушкинских автографов в Тифлисе. Спроси его по телефону, в чем дело.

Целую тебя, родная. Помолись за меня, грешного и недостойного. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 218 — 219об. Связь с конвертом не установлена.

[567] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<На дороге>, 18 июля 1932 г.

5/VII Сергиев день

Милый Зоря, подъезжаем к Мценску. Выспались. На станции ягоды, молоко, огурцы. Поля и небо радуют. Нюра спокойна. Мечтает о Гарике. Передай поклон Лизе и Оле. Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 177-177об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель от 18/VII-1932.

[568] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Мценск, 21 июля 1932 г.

Милый Зоря, вот мы и в Мценске. Встретил он нас не ласково. Извозчик взял пять рублей, а я думала полтора. Потом пошли всякие трудности и неожиданности. После долгих и мучительных поисков мы обрели плохенькую комнату за сорок рублей в месяц у одной рабы Божьей – глухой и плохо говорящей – Марии Сергеевны Ивановой. На утро после первой ночевки решила сбежать от нее – заели клопы. До сего дня не знаем, останемся здесь или переедем в Слободу Стрелецкую. Пока пиши Кузнечная, д.<ом> 1. Продукты не дешевы, но и не очень дороги. Едим досыта и вкусно, Нюра довольна. Тут есть несколько человек знакомых – можем при желании общаться. Люди культурные – тонкие. Сейчас вернулись с Нюрой из Городского Сада – слушали музыку и смотрели публику. Что-то у вас делается? Я послала Оле к 24-му поздравление – она именинница.

Как идет работа по канве? Пиши мне, будь добр, почаще.

Привет нашим знакомым. Целую. Господь с тобой. Надя.

21/VII 1932 Мценск Орл.<овская> Губ.<ерния>.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 178-179. Связь с конвертом не установлена.

[569] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 21 июня 1932 г.

21 июня 1932.

Милая Надя!

Получил твою открытку с пути. Спасибо. Во время ты уехала из Москвы: здесь невыносимая духота. Жду от тебя вести о твоём адресе. Дома все по-прежнему. Только прекратились визиты. Ни одно посетителя. Это даже Оля заметила: «К тебе, Г.<еорий> И.<ванович>, никто не ходит: все ходили к Над.<ежде> Григ<орьевне>не». Я работаю над канвой. Передай привет Нюре. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 220-220об. Открытка. На обороте адрес: Мценск, выбв.<шья> Орловск.<ая> губ.<ерния>. Ул.<ица> Карла Маркса, 112. Марии Петровне Ивановой. Для Н.<адежде> Г.<ригорьевне> Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[570] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, <июль> 1932 г.

<дефект оригинала> 1932.

Милая Надя!

Получил твое письмо от 21/VII. Это худо, что комната оказалась неудачной. Надо переехать. Что за отдых с клопами! Не скупись. Авось, мне дадут денег (я надеюсь, через неделю) – и тогда я могу тебе еще выслать рублей сто. Нюрина Лид.<ия> Влад.<имировна> что-то говорила о деньгах по телефону, что она должна выслать Нюре денег, но я тогда не мог еще сообщить вашего точного адреса, а теперь не знаю ни адреса, ни телефона этой Лид.<ии> Влад.<имировны>. Пусть Нюра ей сама напишет.

Я «канву» почти кончил. Еще два-три дня – и она будет готова. Я работаю с утра до ночи. Появилась Мария Федоровна, которая живет у Анны Васильевны. У француженки на Канатчиковой даче случилась дизентерия, и она, кажется, умирает. Сознание за то к ней вернулось. Мария Федоровна ее навещает. Я подарил француженке нужное ей теперь красное вино.

Ты, Надя, чудесная и дивная, как я на тебя посмотрю. Земно тебе кланяюсь. У меня никого не бывает. Полное уединение. Но завтра будет Воронский и еще два-три человека. Я буду читать «Жизнь Достоевского».

В Москве жарко и душно. Цявловские уезжают первого. Это мне досадно. Не далее как вчера он мне был чрезвычайно полезен в моей работе: распутал очень важный узел, который я никак не мог развязать.

Хлопочу о деньгах, обещанных Каменевым, но пока тщетно.

Прочел любопытный дневник С.<офии> А.<ндреевной> Толстой. Поразительная картина духовного невежества и ее, и самого Толстого. И это глупейшее паломничество со всех концов мира к «учителю», который азбуки духовной жизни не знает. Но эта баба здорово разоблачает всю жалкую мизерную лицемерную и пошлейшую жизнь своего супруга.

Картинка получается выразительнейшая. Оба лучше. Есть анекдот характернейший. Толстой встретит крестный код в полях. «Кого несете?» — «Царицу небесную»... «Идоли это все. Обманывают вас»... И едет дальше уверенный, что очень умен!

Замечателен «ответ» митрополита Антония Петербургского этой дуре, Софии Андреевне, когда она «заступилась за Левушку по поводу синодского послания. Что за человек этот Антония я понятия не имею, но его письмо написано безупречно. От него веет двумя тысячелетиями культуры. А письмо С.<офии> А.<ндреев>ны, да и самого Толстого – чирикание воробьев, которые не видят дальше своего воробьиного носа.

Очень любопытно *исторически*. Я жадно прочел эту книгу. Документ. Цявловский обиделся, когда я сказал, что упрямее глупца не было в мировой истории ни до <1нрбзр>, ни после нее, что Толстой – «уникум».

Целую тебя, родная.

Передай Нюре привет. Хорошо бы ей поправиться.

Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 234 — 235об. Связь с конвертом не установлена.

[571] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 22 июня 1932 г.

22 июня 1932.

Милая Надя!

Узнал твой адрес из письма Оле. Я написал тебе открытку на имя М.<арии> П.<етровне> Ивановой. Получила? Как вы устроились? Удачно ли? Я усердно работаю над «канвой». Сделал много, но еще осталось почти столько же. Дров, конечно, не дали, хотя коалиция жильцов снова и снова предъявила требования.

Кажется, нас хотят передать какому-то жакту, который требует ремонта: опять принялись чинить крышу. Как себя чувствует Нюра? Передай ей мой привет. Звонила Лид.<ия> Вл.<адимировна>, спрашивала адрес, желая послать Нюре какие-то деньги.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 221-221об. Открытка. На обороте адрес: Мценск, выбв.<шая> Орловск.<ая> губ.<ерния>. Ул.<ица> Кузнечная, д.<ом> 1. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Москва, 23/VI-1932».

[572] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 28 июля 1932 г.

28 июля 1932.

Милая Надя!

Сегодня день Ангела Володи – 15 июля – и мы, значит, с тобой об одном думаем и одно помним. Я очень беспокоюсь, как ты там, в Мценске, устроилась. Я знаю, что отдыха настоящего у тебя не может быть, но все-таки... неужели совсем худо?

Я закончил проверку канвы. Пойду в библиотеку – и дней через пять отдам ее.

На днях у меня был «ужин с коммунистами». Я читал «Жизнь Достоевского» с большим успехом. Все кричали: «возможно ли такую вещь не печатать!» – Воронский требовал, чтобы я ему немедленно вручил рукопись, дабы он мог ее представить в Гихл с надлежащей апологией. Но я не дал рукописи. У меня есть свой план. Я предпочитаю получить гонорар – хотя бы 60% - и подождать *печатать*. Но этот сочувственный шум мне тоже нужен. После чтения был ужин (весьма скромный – колбаса и салат с селедкой), но с водкой и коньяком. Ужин тоже имел успех. Разошлись в шестом часу. Я устал. И на другой день испугался: у меня поднялась температура. Но сегодня я уже чувствую себя хорошо.

Это я посылаю третье письмо.

Мария Федоровна была у меня дважды – каждый раз на десять минут. Она живет у Анны Васильевны. Чертит. Кланяется тебе. У Влад.<имира> Алекс.<?> – опять язва в желудке. Он будет пить сыворотку.

Как себя чувствует Нюра? Дала ли она свой адрес Лидии Владимировны? Она мне не звонит больше.

Оля очень старается. Прекрасно меня кормит. Я пользуюсь настоящим отдыхом. Ужинов больше устраивать не буду.

Хватит ли тебе денег? Я могу подкрепить тебе финансами. Не скупись на пищу, на фрукты. Подкорми и Нюру. Передай ей привет.

Целую тебя, родная.

Прости меня, Христа ради, и люби любящего тебя Георгия.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 222 — 223. Связь с конвертом не установлена.

[573] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Мценск, <июль> 1932 г.

Милый Георгий мы переселяемся на гору, над Мценском. Вид изумительный, клопов почти нет. Блаженствуем. Нюра начинает поправляться. Наш адрес: Мценск Орл.<овская> Губ.<ерния> Слобода стрелецкая, д.<ом> П.<?> С.<?> Приваловой. Понемногу прихожу в себя.

Целую Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 190-190об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель неразборчивый.

[574] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 3 августа 1932 г.

3 августа 1932.

Милая Надя!

Твоя открытка с извещением о переезде в Стрелецкую Слободу, в дом П.<?> С.<?> Приваловой меня несколько утешила. А то я совсем загрустил, полагая, что поездка в Мценск не принесла ничего доброго. Авось, ты теперь хоть сколько-нибудь отдохнешь. Москвичи жалуются на невыносимую духоту, а я сравнительно легко ее переношу и боюсь только приближающейся зимы. Но и я человек: и

мне хочется куда-нибудь, где нет камней и асфальта. Может быть, на несколько дней поеду в Мураново или еще куда-нибудь, когда переведут мне деньги за «Жизнь Достоевского». Обещали. Книга печататься не будет. Кроме «Академии» три издательства через разных лиц еще выражали желание издавать моего Достоевского (издательство «Мир», «Север» и Гихл), но это все как-то неопределенно, да и «Академия» не издает, но и договор не расторгает и собирается уплатить весь гонорар. Если это не вранье, то мы с тобой будем обеспечены месяца на три, даже на четыре. А это больше, чем полагается по Евангельскому афоризму.

Вчера я опять читал моего «Достоевского» у Д. Митрия Д. Митриевича Благого – и опять с успехом.

Я все вожусь с канвой Тютчева: без конца исправляю, уточняю и привожу в порядок. Придется еще походить в библиотеку. Цявловский вчера уехал в Ясную Поляну.

Получила ли Нюра мое письмо? А что Гаррик? Передай ей привет.

Тебе я послал три письма. Одно из них 15 июля (28 июля). Целую тебя, родня. Любящий тебя Георгий.

Оля ведет себя очень хорошо. Старается, но требует экономии. Веду с ней борьбу из-за масла. Она посылает тебе сахару немного. Напиши поточнее, сколько и чего тебе послать. Можно, ведь, на рынке купить. В нашем распределении пусто. Но я очень сомневаюсь, что посылка дойдет благополучно. У меня руки опускаются. Оля интересуется, получила ли ты ее письмо. Напиши ей.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 224 — 225. Связь с конвертом не установлена.

[575] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 7 августа 1932 г.

7 августа 1932.

Милая Надя!

Читая твои письма, слышу твой голос и радуюсь. Дело в том, чудесная, что я тебя люблю. Ну, скажи по совести, есть ли кто-нибудь на свете лучше тебя! Как хорошо, что ты забросалась на гору. А почему ты сокращаешь свой отпуск? Если мне заплатит «Академия» за «Жизнь Достоевского», я смогу выслать тебе еще рублей сто. Но – представь себе – после всех уверений и «приказов» я все-таки денег не получаю до сих пор и даже сегодня мне цинично заявили в бухгалтерии, что платежи мне «не срочны», что я могу и «подождать». До коих пор – они «не знают»! Это даже начинает меня тревожить. А Каменев скоро уедет в отпуск и некому будет жаловаться. Ну, авось уладится как-нибудь.

Я ездил в Мураново. Там надо бы пожить и поработать, но Тютчевы, по-видимому, не очень хотят, чтобы я там работал: натурально, что им хочется оставить материалами для Пигарева. Но это даже претендовать невозможно. Я, между прочим, вручил Пигареву сто рублей «в счет литературных работ» для издательства «Академия» – это за его справки по канве – и обещал в случае напечатании канвы дать еще денег.

Мураново, как деревня или как дача, мне не очень нравится. А деревенский воздух не искупает пылки железно-дорожного дымного и смрадного путешествия. Но, вероятно, придется все-таки съездить еще раза два для сверки разных материалов. В Муранове – необъятных размеров великосветская и великосветская Ольга Михайловна, процветающая при всяких обстоятельствах. Анастасию Михайловну, кажется, обидел Николай Иванович. Я даже звонил раза два этой обиженной графине, но к телефону никто не подойдет.

Страшная возня с «канвой»! А корректуры «Стихотворений Тютчева» все нет. Они меня будут морить до зимы. Если бы не иссякли у меня деньги, я бы все-таки куда-нибудь поехал в деревню – хотя бы на две недели. Обидно как-то жить среди камней и асфальта.

Поздравлял по телефону с днем ангела Марию Федоровну. М-ше Лефевр умерла. Мария Федоровна писала тебе об этом?

Мое духовное устройство – увы! – все то же. «Не зашелхнет, не прогремит»...

Сегодня утром послал Нюре письмо на 8 страницах. Тщетная попытка направить ее на путь истинный. Копий у меня нет. Хорошо было бы, если бы она дала тебе прочесть это письмо, но ты не настаивай.

Передай ей привет. Она сама пишет про свой «плач» и про то, что ты «все терпишь».

Целую тебя, родня.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 226 — 227об. Связь с конвертом не установлена.

[576] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Мценск, <июль/август> 1932 г.

Милый Георгий, прости, что так мало пишу тебе. Не справляюсь я с собой – не умею распределить время так, чтобы успеть сделать все, что хотелось бы. Мне хочется описать тебе наше житье. Мы переехали из города в слободу. Это на горе, над городом. Так высоко, что мы точно орлы созерцаем наземный Мценск и парим над всем, что в нем заключается. Очень это радостно, вольно и здорово. Воздух тут изумительно хорош, легкий, прозрачен, бодрящ: одним словом, чувствуется горная атмосфера. Перед нами такая панорама, какой трудно найти сравнение. Дивные дали, великолепное небо. Мы много гуляем и каждая прогулка доставляет много удовольствия. Собираемся ехать в Лутовиново (им.<ение> Тургеньева) на линейке в компании московских знакомых. У нас большая изба с крыльцом, на котором мы пьем и едим, и сидим с книгой. Хозяйева ничего себе, но плохо от крикливых детей. Впрочем, теперь дети начали уходить на весь день в ясли. Питаемся спокойно. Все очень дорого, но я стараюсь быть не скупой. Нюра говорит, что сыта и что толстеет. Она весит 2 п.<ужа> 15 ф.<унтов>. Это очень мало – никогда еще она не была так худа. Она много плакала и сердилась на меня, а теперь меньше, но одно неосторожное слово и она вся взъерошится и угрожает отъездом в Москву. Ей пришла в голову, по-моему, удачная мысль поработать в колхозе бесплатно – часа два в день. В Сельсовете это приняли с радостью, и ей это полезно для ее службы – общественная работа – а я рада что ей забава на это время. Тут живет семейство Айзенман из Москвы. С ними тоже Нюра охотно общается. Не знаю, как проведу я время после Нюры. Пожалуй, уж не буду менять места – дотяну до 1-ого сент.<ября> и здесь.

Что-то у вас? Как ты питаешься!

Твое письмо с отзывом о С.<офии> А.<ндреевной> Толстой получила. Жду от Оли бел.<ого> хлеба и сахару. Если это трудно, не посылайте.

Целую. Надя.

Мценск Орл.<овская> Губ.<ерния> Телецкая слобода, д.<ом> Приваловой, П.<?> С.<?> Мне

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 186-186об. Связь с конвертом не установлена.

[577] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Мценск, 9 августа 1932 г.

+

/ 1932 /

Дорогой Георгий, я прочла твое письмо к Нюре – оно очень хорошо, но не следовало его посылать. Я, когда Нюра его получила, сразу почувствовала, что ты напрасно написал 8 страниц и я

оказалась права: Нюра пришла в страшное негодование и много наговорила такого, что она называет «правдой в глаза». Милый друг, давай держаться другой тактики – не будем говорить всерьез с Нюрой – будем по силе ей помогать, чем можем. Ведь, мы было решили уже это с тобой. Советую тебе при встрече с ней быть очень мягким и не забывать, что она в большом горе. Не знаю, насколько верно я понимала ее психологию и насколько удачно применяю свой метод в обращении с ней, но как-то все было довольно ладно. Я старалась больше следить за своим сердцем, когда обращалась к ней. От многого своего я должна отказаться, чтобы ладить с Нюрой и впредь. Не знаю, сумею ли. Ее требования очень минимальны, наши к ней – больше. Мы требуем, чтобы она стала другой, а она хочет только, чтобы мы этого не требовали от нее.

Она была со мной все это время довольно проста и откровенна – и это мне облегчало общение с ней.

Она написала тебе плохое письмо – ты на него не обращай внимания. Я думаю остаться здесь еще две недели. Денег, я думаю, хватит – не присылай.

Прости, что мало пишу – не могу что-то заставить себя писать письма – никому еще не писала прилично длинного письма, все открытки.

Целую тебя. Христос с тобой. Твоя Надя.

9/VIII 1932 Мценск

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 180-181. Связь с конвертом не установлена. По левому верхнему краю пометка, внесенная рукой Чулковой: [1932].

[578] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Мценск, <10 августа> 1932 г.

+

/ 1932 /

Милый Георгий, я послала тебе вчера письмо по поводу твоего письма к Нюре. Подожди обострять разговор с ней до моего письма. У меня все те же благие намерения, но на деле я, как и прежде, плохая сестра. Будь с ней помягче, ей очень тяжело теперь начинать одинокое существование. Она из упрямства только держится «своего», а в сущности не так уж враждебна нам. Я чувствую себя довольно хорошо. К 1-му думаю приехать домой. Больше мне ничего не посылай. Кланяйся всем домашним. Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 187-187об. Связь с конвертом не установлена. По правому верхнему краю листа пометка, внесенной рукой Чулковой: [1932].

[579] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Мценск, 16 августа 1932 г.

/ 1932 /

Милый Георгий, Нюра пишет, что ты не получил моего письма, посланного накануне ее отъезда. Я писала в нем, что с Нюрой придется переменить тактику, т.<о> е.<сть> это относится ко мне больше, чем к тебе, п.<отому> ч.<то> ты всегда довольно добр к ней. Я писала еще, что как мы и решили с тобой, с ней нельзя считаться как со здоровым человеком и поэтому никакие наставления не применимы к ней, а нужно что-то делать для нее. А делать что же? Снисходить к ее немощи, по возможности помогать материально и считаться с ее болезненной обидчивостью и большим убожеством духовным. Я все время терпела ее безграмотные выходки, следила только за собой, чтобы не рассердиться на нее, за невежество. Ведь это не ее вина, что она ничего не понимает, как надо. Вот и все.

Здесь мне хорошо. Настоящая деревенская жизнь. Но тебе, пожалуй, это не подходящее место, хотя корова у <нас> безрог – комолая, но все-<таки> неудобно. А уж красота такая, что лучшего не придумаешь. Если сможешь послать мне рублей 50. то пошли – не бойся, что не получу – получу.

Но могу и без них обойтись. Это я хотела тут купить сотню яиц здесь по 4 р.<убля> 50 к.<опеек>, а в Москве 8 р.<ублей>.

Целую тебя. Христос с тобой. Надя.

16/ VIII

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 182-182об. Связь с конвертом не установлена. По левому верхнему краю пометка, внесенная рукой Чулковой: [1932].

[580] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 16 августа 1932 г.

3/16 августа 1932.

Милая Надя!

Я до сих пор не получил твоего письма, которое – по словам Нюры – ты послал мне накануне ее отъезда. Не ленись, напиши мне еще раз. Твою записку относительно моего поведения с Нюрой я принял во внимание. Стараюсь.

Когда ты думаешь вернуться в Москву? Первого сентября? Я воспользовался твоим отсутствием и устроил «ужин» (об этом я тебе писал) и потом tête-à-tête с Воронским (с водкой – до шести часов утра!). Мне нужно было бы еще раз устроить фестиваль, но нет денег: до сих пор не получил за «Жизнь Достоевского». Если получу, устрою. Мой «ужин» и чтение с успехом «Жизни Достоевского» прогремело по Москве. Одним словом, я как будто живу так, как не следует жить. Но это только «как будто». Я хитрю. Я хитрый. А Макс Волошин хитрил – хитрым – да и умер. Дня три назад было объявление, что писатель Волошин отдал Богу душу. Вот так сверстник! Не хотят медлить! Вчера у меня был новый поэт и даже остался ночевать – некий Павел Николаевич Васильев, двадцати четырех лет, казак с Иртыша. Пишет превосходные стихи. И главное лихо читает и поет. Любопытный парень. Садясь за стол, крестит лоб. Большевики, однако, его решили издавать. В сентябре, кажется, выйдут две его книжки. Когда он у меня ночевал, я среди ночи заметил, что у него свет: оказывается, он зачитался моими «Императорами»: «не мог оторваться»... третьего дня навещал меня Русланов. Я ему напомнил о «зачитанной» книжке. Он обещал вернуть – и пока что еще взял одну. Его мальчик теперь уже сомневается в бытие Бога, но нравственная связь, по-видимому, для него дорога. По крайней мере, ложась спать, он привлек к себе отца и мать и, обняв их, сказал: «Милые в мои! Пожалуйста, никогда не разводитесь!» – Русланов уверяет, что повода для такого замечания вовсе не было.

Я очень чувствую твое отсутствие. Ах, плохо ты отдыхала! Это меня мучает. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 228 — 229. Связь с конвертом не установлена.

[581] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 17 августа 1932 г.

17 августа 1932.

Милая Надя! Я послал тебе вчера закрытое письмо. Пишу сейчас post scriptum. Я предчувствовал, что Анастасия Михайловна обиделась, когда ты ее отказалась принять в день отъезда.

Я поговорил с ней по телефону и убедился, что это правда. Пришлось пригласить ее пообедать, выяснить в чем дело и утешить. Это тем более было необходимо, что у нее неприятности: положение Муранова очень шатко – вернее его обитателей. Это – во-первых. А во-вторых купи несколько кусков туалетного мила. Целую тебя, родная. Я соскучился, но не торопись приезжать: тебе надо передохнуть. Любящий тебя Георгий.

Сейчас получил твое письмо от 16/VIII.

P.P.S. Сегодня в Москву приехал Гаррик.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 230-230об. Открытка. На обороте адрес: *Мценск*, выбв.<шая> Орловск.<ая> губ.<ерния>. Слобода Стрелецкая, д.<ом>, <П>.<С> Приваловой. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Москва, 17/VIII-1932».

[582] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Москва, 20 августа 1932 г.

7/20 августа 1932.

Милая Надя!

Я получил твое запоздавшее письмо, в коем ты меня уговариваешь «не учить» Нюры ум-разуму. Я с тобой совершенно согласен. И с моей стороны во всяком случае не будет помехи для твоей программы. Только *тебе*-то будет очень трудно. Сейчас у нее Гаррик – и она «развлекается». Для меня это облегчение немалое. И я готов был бы кормить даже четверых – только бы не чувствовать за стеной истерической тоски. К сожалению, 24-го Гаррик уезжает. В Москву переселиться он не намерен.

Я получил половину денег, причитающихся за «Жизнь Достоевского». Послал тебе 50 рублей, ибо не уверен, что ты их во время получишь: мог бы послать больше. Но яиц не покупай: придут переколотые или испорченные. В Москве на рынке шесть рублей десяток.

В четверг вечером Анна Васильевна и Мария Федоровна возили меня в Лефортово, а в пятницу утром я уже сам нашел туда дорогу. Голуби действительно летают. Старичок тоже летает. Лубочная живопись приемлема. Мне было хорошо. Я, конечно, думал о тебе.

Я задумал одну литературную работу – на риск, без договора. «Академия» решила вообще договоров предварительных не заключить. В самом деле зачем это? Пусть рискнут писатели, а чем рискует издательство?

Впрочем, моя работа не для изд<ательст>ва, а для театра. Я пишу пьесу на тему Сервантеса «Дон-Кихот». Это моя давняя мечта. А толкнуло меня на это дело то, что Русланов упомянул на днях, что их театр мечтает поставить «Дон-Кихот». Вероятнее всего театр даст пьесу не в моей редакции, но я хочу рискнуть. Если даже пьеса останется не пристроенной в эти дни, она пригодится в будущем, ибо я сделаю эту работу *con amore*. Я сейчас читаю текст Сервантеса с восторгом и упоением. Сервантес был христианин. Хочу купить испанский подлинник и словарь.

Если добуду денег на зиму и уеду к т-те Жубер, там переработаю «Жизнь Достоевского» – отнюдь не по официальным директивам, а по-своему. Умру – останется книга. Целую тебя, родная. Когда ты вернешься? Любящий тебя Георгий.

P.S. Пятьдесят рублей я послал в пятницу 19 августа, т.<о> е.<сть> вчера. Есть квитанции. Послал по почте. N 794/2.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 231 — 232. Связь с конвертом не установлена.

[583] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 23 августа 1932 г.

23 августа 1932.

Милая Надя!

Дня три тому назад я послал тебе 50 руб.<лей>, а вчера послал закрытое письмо. Сегодня Оля посылает игрушки и сахар. Я не верю, что игрушки дойдут благополучно. Мудрено по почте посылать такие хрупкие вещи.

Не покупай яиц. Не стоит, а вот что *необходимо* купить – это туалетное мыло.

Яйца есть, а мыла нет. Когда ты думаешь вернуться? Я как-то выбился из колеи.

Вчера ездил в Ильинск, в гости к Каменеву.

Целую тебя. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482, л. 233-233об. Открытка. На обороте адрес: *Мценск*, выбв.<шая> Орловск.<ая> губ.<ерния>. Слобода Стрелецкая, д.<ом>, <П>.<С> Приваловой. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Москва, 23/VIII-1932».

[584] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Мценск, 25 августа 1932 г.

Дорогой Зоря, посылку я получила. Деньги тоже. Все пришло в целости. Думаю выехать 29-го утром, буду, если удастся, в 5 ч.<асов> вечера в Москве. Пусть Оля меня встретит на Курском вокзале. Пока прощай! Целую. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 183-183об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Почтовый штемпель: «Мценск, 25/VIII-1932» и «Москва, 28/VIII-1932».

[585] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 24 сентября <1932> г.

+

Вторник 24/IX

Милый Георгий, сегодня получила твою открытку, в которой с укоризной отмечено, что она *четвертая*. А я пишу третье письмо – все закрытые. Сегодня послала вторую посылку.

Сейчас только что был звонок, а теперь около 12-ти ночи, и был голос: «Можно Георгия Ивановича попросить?». Оказалось, что это Раскольников. Я спросила, не хочет ли он мне сказать, по какому делу мы ему нужны и я могу написать тебе.

Тогда он сказал: «Передайте Г.<еоргию> И.<вановичу>, что я очень интересуюсь его романом».

Если бы я больше вникала в твои дела, то м.<ожет> б.<ыть> могла бы сделать что-нибудь без тебя, напр.<имер> передать ему роман.

Очень рада, что погода исправилась и ты отогреешься. Здесь стоят дивные дни. Я чувствую себя сносно.

Нового ничего нет.

Пиши мне почаще: мне приятно получать твои письма.

Целую тебя. Господ с тобой.

Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 175-175об. Связь с конвертом не установлена. По левому боковую краю пометка, внесенная рукой Чулковой: [1932].

1933 г.

[586] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Малоярославец, <июнь 1933> г.

Милый Зоря,

Я доехала хорошо. Город умирительный и удобный для отдыха. Сады сплошь окружают нас. Была у Шико и на базаре. Очень я довольна местом.

Сожительница мне тоже очень удобная и приятная. Целую тебя. Будь примерным домохозяином.

Твоя Н.

Жаль, что опять дождь

Георгию Ивановичу

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 184-184об. Связь с конвертом не установлена. По центру пометка, внесенная рукой Чулковой: [33].

[587] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 1 июня 1933 г.

1 июня 1933.

Милая Надя!

Кто-то, вероятно, Михаил Владимирович (Тоня не поняла, а меня не было дома) сообщил, что ты остаешься в Малоярославце и нуждаешься в хлебе. Почему ты не написала мне хотя бы две строки толком, т.<о> е.<сть> когда же ты вернешься и сколько и чего тебе послать? Нельзя быть так высокомерной. И это даже не в твоих интересах.

И голос по телефону сказал, что хлеб надо доставить «немедленно», а у нас, оказывается, не было в <доме> белого хлеба вовсе. Посылаю булки.

Хорошо, что ты еще помедлишь в чистом воздухе, но я уже чувствую твое отсутствие. Я собирался ехать в Мураново дня на два, но теперь недоумеваю, можно ли оставить жилище.

Напиши мне, какие у тебя планы. Я живу однообразно. Корректирую. Погибаю под бременем корректуры. Тщетно жду денег из театра и издательства. Однако, не унываю – в надежде на святитель Николая.

Нет, ты мне скажи, почему ты мне ничего не пишешь. Нет, ты мне скажи. У тебя впечатления, а у меня нет впечатлений. У тебя пейзаж, а у меня нет пейзажа. Я тоже почему-то захотел пейзажа. Целую твои руки. Земно тебя кланяюсь.

Любящий тебя неизменно Георгий.

Привет Варваре Григорьевне и Михаилу Владимировичу.

Это хорошо, что ты еще помедлишь на лоне природы. В такую погоду здесь трудно!

P.S. Пришли мне точный список нужных тебе продуктов. Тоня тебе их привезет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 1 — 2. Связь с конвертом не установлена.

[588] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Малоярославец, 1 июня 1933 г.

Дорогой Георгий, прости меня ради Бога, что я тебе не пишу. Лень и какая-то болезненная разспяtnость <так! – К. Р.> виноваты. Я стараюсь побольше отдыхать и уже не заставляю себя ни писать, ни делать что-либо. Очень стала стара и немощна. О Москве и думать страшно – уж очень не надеюсь на себя. Ни в чем. Думаю пробыть тут еще дней десять – т.<о> е.<сть> до Петрова дня. Если надо скорее вернуться – напиши.

Нюра писала мне, что у тебя очень утомленный вид, что тебе надо бы в Мураново поехать. Пиши мне, когда ты думаешь туда поехать и я вернусь домой. Здесь хорошо. Если хочешь, я поищу для тебя комнату и поживу с тобой месяц.

Сюда едет Вера Юрьевна, в ее даче есть комната за 100 р.<ублей> в месяц и еду можно устроить хорошо. Только что-то я не думаю, чтобы тебе такая жизнь понравилась.

Тут очень красиво, но редко попадают дома с балконами, а сидеть в комнате и выходить в сад только – это не достаточно хорошо.

Что-то у тебя теперь делается? Я так утомилась Москвой, что теперь ее на время забываю.

В.<арвара> Г.<ригорьевна> очень милый человек – упрямый и непоколебимый «философ». С ней легко жить она веселая, юмористка, беспорядочная в житейских делах, но очень добрая сердцем. Ее многие любят и она многих любит. Десятки лет этот завидный дар.

Целую тебя, дорогой.

Прости и напиши поскорее. Попыталась 2 раза говорить с тобой по телефону как-то в 11 ч.<асов> у.<тра>, но ответа не было. Верно ты вышел в уборную.

Твоя Н.

1/VI

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 175 — 176об. Связь с конвертом не установлена.

[589] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 3 июня 1933 г.

3 июня 1933.

Милая Надя!

Получил твое письмо от 1 июня. Это хорошо, что ты медлишь на лоне природы. В Москве душно и пыльно. Но ехать в Малоярославец мне трудно, ибо я боюсь заболеть, совершив переезд четырехчасовой в нынешних грязных вагонах, в толпе, которая приводит меня в состояние близкое к сумасшествию. Я и за тебя страдал, представляя себе, как ты с этими мешками и корзинами задыхаешься в деревянном ящике, именуемым вагоном. Нет уж, где мне! Да и корректура! Я и в Мураново затрудняюсь ехать и страшусь этого путешествия. Не манит оно меня.

Я рассчитал, между прочим, что со вторым томом Тютчева мне придется возиться еще *полгода!* А кроме того «Летопись»!

Большой стол пригодился. Он у меня завален гранками, рукописями и книгами.

Пьесы не пишу из-за корректуры. Денег не шлют ни театр, ни издательство.

Театр только потребовал аннотации пьес и мой портрет для какого-то театрального издания.

У меня был на днях «ужин». Я пригласил Глебу, М.<ихаила> А.<лександровича> Петровского и Б.<ориса> И.<сааковича> Ярхо, но появились и незваные гости не совсем кстати – Новиков, Диатропов, Верховский. Но все прошло благополучно. Мне было очень скучно. И я почувствовал, что у меня *нет собеседников*.

Вчера ночевал у меня Владимир Алексеевич. Вот с ним я поговорил без уныния и раздражения. Он заявил, что хотел бы написать мой портрет.

По утрам я жадно читаю газеты. Они полны драматизма и занимательности. Римский папа ведет себя загадочно и эксцентрично. Так, например, он как будто нечего не имеет против того, что немецкие финансы разгромили католическую партию. Очевидно, Игнатий Лойола владеет ушами западных церковников и они твердо придерживаются принципа – цель оправдывает средства.

Я, впрочем, умолкаю, ибо вижу твою недоумевающую улыбку и рассеянный взгляд, обличающий твое глубокое равнодушие к вопросам международной политики. Но мы, с Федором Ивановичем Тютчевым, не таковы: мы переживаем каждое событие, как будто оно касается нас непосредственно, как будто история есть наше собственное дело, как будто от нас зависит повернуть в ту или другую сторону корабль человечества. Я думаю, что это иллюзия не смешнее и не безумнее всех прочих иллюзий.

Что касается частных и домашних дел, то, к сожалению, должен засвидетельствовать, что у Нюры явное гриппозное заболевание, но по утрам температура низкая и поэтому бюллетень ей в амбулатории не дают, хотя и лечат ее банками и затем отправляют на службу. Я боюсь заразиться. У нее насморк. Впрочем, вся Москва больна. В издательстве «Academia» каждый, здороваясь, считает своим долгом объяснить, что у него насморк и высокая температура. И все какие-то осложнения.

Больна Ольга Николаевна Бутомо-Назанова, Михаил Кондратович и, кажется, все наши знакомые. Процветаю только я один. На долго ли? Почему я процветаю – непонятно. Я сплю не более двух-трех часов в сутки. Это с тех пор как ты уехала в Малоярославец. И нехудо себя чувствую! Даже удивительно.

Целую тебя, моя чудесная. Прости меня Христа ради. Любящий тебя Георгий.

Мой привет Варваре Григорьевне. Она не вводит тебя в искушение?

P.S. Перечитал письмо и боюсь, что в нем «петухи поют».

P.P.S. Относительно моей соседки могу сообщить следующее. Она ведет себя сейчас *пока* вполне прилично. На это есть причины: во-первых, я ее кормлю, не скупясь; во-вторых, я трачу на нее 30-40 минут времени на разговор в стиле «петухи поют»; в-третьих, у меня с ней в разговоре приветливый, не нудный тон.

Результат блестящий. Я считаю, что это мне *очень выгодно*. Умоляю тебя: когда приедешь, придерживайся моей тактики, не гонясь за «справедливость». Ради меня. Ради моего спокойствия – дабы я мог работать. Пусть я глуп и нелеп в этом деле, но без этой глупости и нелепости я лишился возможности не только работать, но просто существовать по-человечески. Ведь, я из-за «справедливости» и «благоразумия» уже не мало потерял в моих ремесленных делах! «Вонми молению моему». (См. <отри> на оборот).

P.P.P.S. Я тебе советую вызвать к себе Тоню накануне твоего отъезда из Малоярославца, дабы она помогла тебе при твоём обратном путешествии. Это необходимо. Как только получишь это письмо, *немедленно* мне напиши *точно*, когда Тони надлежит выехать и в каком часу из Москвы с тем расчетом, чтобы она переночевала у тебя и на другой день сопровождала тебя в Москву.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 3 — 5об. Связь с конвертом не установлена.

[590] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Москва, 4 июня 1933 г.

Милая Надя!

4 июня 1933.

Сегодня утром я послал тебе заказное письмо на шести страницах, а вот сейчас опять пишу, ибо днем у меня была Варвара Григорьевна, и я пользуюсь случаем, чтобы с ней отправить этот *post-scriptum*.

Вероятно, шестого числа я поеду в Мураново (после обеда), а восьмого утром вернусь в Москву. Еду без всякого удовольствия, страшась вагонных вшей и четырех верст, которые придется мне одолевать пешком, ибо лошадей теперь не дают. Из-за этой поездки я пропускаю в «Академии» заседание: надо в Муранове посмотреть кое-что лично, не доверяя Кириллу Пигареву. Я еду туда с версткой второго тома. Откладывать поездку неудобно, так как имеются другие претенденты на ночевку в Муранове и даже на длительное там пребывание. Все это выяснилось сегодня: у меня обедал Пигарев. Шестого мне вышлют на станцию проводника, который понесет мой портрет.

Варвара Григорьевна условилась, что седьмого утром Тоня занесет ей для тебя немного хлеба. Я боюсь, что ты моришь себя постом, и весь твой отдых будет бесплоден. Варвара Григорьевна уверяет, что ты чувствуешь себя нехудо в Малоярославце. Если это верно, не спеши уезжать, но извести меня, что тебе послать туда с Тоней. Я понял из твоего письма, что ты хочешь приехать 29 июня, т.е. с 12 июля по нов. ст. Верно? Попробуй поговорить со мной по телефону девятого утром от 11 до 12 ч. Я буду ждать твоего голоса.

Целую твои руки, моя чудесная. Варвара Григорьевна говорит, что она не прочь прожить с тобой всю жизнь. Еще бы! Я думаю!

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, 6-6об. Связь с конвертом не установлена.

[591] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
<Малоярославец>, 4 июля 1933 г.

Милый мой всепрощающий муж, спасибо за хлебушек. Прости, что ввела в заботу. Я думаю прожить здесь до 15 июля или до Петрова дня. Продукты еще есть – ничего не присылай. О впечатлениях здешних расскажу, когда приеду, а так, кроме похвалы природе здешней ничего не скажешь. Бывший Николаевский монастырь стоит на нашей улице – бывш. Николаевской – врата все испещрены язвами от французских пуль в 12 году. Так и стоящий наверху образ Спасителя, нетронутый пулями. Раньше говорили, что это чудо. Из истории описания этой обители выписала кое-что для своей работы, потому что 8 настоятелей были Оптинцы. Сегодня жду Веру Юрьевну сюда. Сюда же едет Таня Галицкая, но только это уже после меня. Гуляем. Бываем нечасто у Нат. Дмитриевны Шаховской. Дмитр. Ив. тоже сюда приезжает 8-го. Очень милы их дети, 5 ребят, все молодцы. Особенно хорош крестник Марии Федоровны – Николаша.

Сейчас я одна в квартире. В. Арвара Гр. Игорьевна уехала в Москву к доктору. Она очень славная, веселая, легкая в общении.

Тоню не присылай – она мне еще и в Москве надоест успеет. Я пока умерла для Москвы – не думаю о ней совсем. Жди меня, если хочешь, люби меня как в Мураново. Хотя и без меня авось ничего не случится. Позволила себе лениться и не быть хозяйкой на время. Читаю мало – все один и тот же 1-й том Брянчанинова. Думаю, что сюда нам вместе не стоит ехать на отдых – я буду озабочена твоим питанием и не получится покоя, а одного тебя здесь устроить негде, потому что нет пансиона.

Целую тебя родной. Не сердись и помни меня. Н.

4/VII 1933

Малоярославец.

А за «булки» не довольная я тобой. Зачем они мне да еще такие? Хлеб на мою долю всегда должен был сберегаться, белого же я не ем.

А это какой-то мертвенно – белый. Значит стоит рублей 12? 14? Зачем.

Что это не по вкусу мне.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 189-189об. Связь с конвертом не установлена.

[592] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

<Малоярославец>, 15 июня 1933 г.

Дорогой Георгий, в понедельник думаю побывать в Москве. Здесь чудесно. Но для тебя неподходящее место. А мне вполне хорошо. Чувствую свою родную Калугу. Леса меня так радуют своим видом, что вспоминаю детство и ту радость от природы. В дождь была большая гроза, но при первом же солнечном дне все провевало и мы гуляем с большим удовольствием. Видела пять малышей Мих.<аила> Вл.<адимировича>. Очень милы. Варвара Гр.<игорьевна> забавно умеет рассказывать. Мы, кажется подходим друг к другу довольно. Цены на все московские. Есть Торгсин. Нюре и М.<арии> Ф.<едоровне> привет, а так же Тоне и Лизе. Целую Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 188-188об. Открытка. На обороте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 17/VI-1933».

[593] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 21 июня 1933 г.

21 июня 1933.

Милая Надя!

Я в ужасе от твоего «отдыха». Тоня мне рассказала, в каких адских условиях ты поехала. Очевидно, надо было, зная этот путь, прислать письмо с точным указанием, *что* купить. Тоня купила бы и привезла. Но ехать самой, рискуя заболеть – это безумие!

Изволь немедленно, как только получишь это письмо, *послать мне телеграмму*, здорова ли ты и все ли благополучно.

Надо или сидеть смиренно в Москве, как я, – или уезжать на более или менее продолжительный отдых, а не метаться по грязным вагонам с какими-то тяжелыми корзинами.

Я тут блаженствую. Я постараюсь наслаждаться одиночеством, преодолев посредством indulgence раёне нудность моей соседки.

Туже idulgence раёне применю сегодня вечером к Серг.<ею> Ник.<олаевичу> Дурылину.

Передай мой привет Варваре Григорьевне и Михаилу Владимировичу.

Целую тебя, родная. Перекрести меня мысленно.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Неприменно пиши телеграмму: не пожалей трех рублей.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 7-7об. Связь с конвертом не установлена.

1934 г.

[594] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 12 июля 1934 г.

12 июля 1934.

Дорогая Надя!

Слава Богу, что ты чувствуешь себя хорошо в Калуге. Мне теперь все кажется многозначительным. И то, что ты обрела «сестер», неслучайно и имеет какой-то смысл.

Должен тебе сообщить, грустную новость. Я случайно узнал, что умер Александр Семенович Яценко. Еще один сверстник! Я, по правде сказать, надеялся, что он вернулся к нам и я успею с ним побеседовать. Этот человек любил меня. Дорожить надо тем, кто нас любит! Мне сейчас попался в руки печатный список членов «С.<анкт>-Петербургского Литературного Общества». Это – помяник покойников! А я еще жив!

О делах моих не буду пока говорить, потому что еще ничего не выяснилось. Я узнал только, что Н.<иколай> И.<ванович> Бухарин, ко мне относится нехудо и с ним можно иметь дело. А он теперь в литературе «действующее лицо» – и с речами. К сожалению, он сейчас уехал из Москвы на месяц, кажется.

Птиц кормим, поим и чистим. Я слежу за этим делом. Цветы поливаем. Все благополучно. Но Томик вылетел из клетки, пролез через щель и мы не можем его никак поймать. Мальчишки смеются надо мной.

После обеда в Доме Ученых я играю в шахматы. Надо это занятие сократить. Я уверен, что Макарий Египетский не одобрил бы этого интеллектуального хмеля. Был Пигарев. Просит рекомендовать его сестру, как педагога или переводчицу с немецкого языка. Я хочу воспользоваться моими знакомствами в Доме Ученых.

Пишу медленно роман в ямбах. Я решил отменить вторую и третью часть на неопределенное время. Может быть, на всегда. Ограничиться можно первыми тремя главами, т.<o> е.<ст> сделать не роман, а повесть. Иначе будет ясно, что нет конца. А я сделаю так, что в этой повести будет конец. Он совсем не соответствует действительности. Но пусть будет Dichtung. При таком конце будет фабульная и идейная развязка. И Елагин будет посрамлен, что вполне справедливо, принимая во внимание то обстоятельство, что он смрадный грешник.

Я вообще сомневаюсь, надо ли, возможно ли писать *онегинской строфой* огромный роман. Это слишком. Для романа надо выбрать целую форму, хотя бы и стихотворную, хотя бы и ямбы, но не эту строфу, слишком связанную с Пушкиным. Вяч.<еслав> Иванов, вероятно, тоже почувствовал эту невозможность и написал онегинской строфой только «Младенчество». И перестал писать дальше. А я знаю, что ранее он предполагал написать этой строфой мемуары за всю жизнь.

Сегодня звонил ко мне сын Дмитрия Евгеньевича. Вечером будет читать свои стихи.

Цыганка притворяется здоровой и собирается играть в теннис на стадионе химиков, заниматься решила спортом и другими благочестивыми делами. Я не прекословлю, хотя по-моему она дышит на ладан.

Прости меня, Христа ради. Земно тебя кланяюсь. Передай мой привет Марии Григорьевне, Александре Ивановне и всем домочадцам. Целую тебя. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 8 — 9об. Связь с конвертом не установлена.

[595] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Калуга, 10 июля 1934 г.

Милый Зоря, здравствуй!

Доехали и отдыхаем. Здесь хорошо. Воздух чудесный. Тишина, красота и радушие хозяек. У меня есть тут племянницы – милые девочки – Галина, Ираида и Ксения – все музыкантши. Угощали меня своей игрой в четыре руки и соло. Улица тихая, зеленая, в саду еще поет соловей – но уже кончает свой сезон. Садик запущенный, но очень радостный. Мы с Марусей устроимся на террасе, а спим в большой комнате где нет ни мух, ни шума.

Питаемся тоже хорошо. В саду малины и вишни и на рынке много земляники. Чудное молоко густое, как сливки. Лучших условий для отдыха быть не может.

Как-то ты там сиротинка?

Целую. Пиши. Господь с тобой!

Надя

Все тебе шлют привет.

Александра Ивановна, Антонина Григорьевна, Мария Григорьевна, Галя, Ида, Ксения.

У нас тут женский монастырь, ни одного мужчины.

Есть еще совсем глухая Марья Ивановна, 72 лет <так! – К. Р.>, сестра Алекс.<андры> Ивановны – необыкновенно милая старушка – кроткая и трудолюбивая. Хороший дом вообще.

Привет всем. Как живут мои пташки?

Лизе и Михаилу поклон.

10/VII 1934

Калуга, ул.<ица> Циолковского, д.<ом> 38, Петровой

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 1-1об. Связь с конвертом не установлена.

[596] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 15 июля 1934 г.

15 июля 1934.

Милая Надя!

Напиши мне, получила ли ты мое заказное письмо. Я рад, что тебе хорошо. Отдыхай. Дома все по-прежнему. Есть угроза «Факультету Особого Назначения». Комиссия по разгрузке Москвы требует это помещение для Ленинградской Академии. Могут и нас потревожить, но я буду защищаться. Не унываю. Вообще не унываю. Был у меня Павлик и сидел со мной до поздней ночи: душу выкладывая. Передай мой привет Александре Ивановне, Марии Григорьевне всем твоим родным. Целую твои руки. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 9-10. Открытка. На обороте адрес: Калуга. Ул.<ица> Циолковского, д.<ом> 38, Александре Ивановной Петровой для Н.<адежде> Г.<ригорьевне> Чулковой. Почтовый штемпель: «Москва, 15/VII-1934» и «Калуга, 16/VII-1934».

[597] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Калуга, 17 июля 1934 г.

17 VII 34

Милый Георгий, спасибо за письма. Я получила два. Наслаждаюсь отдыхом. Расстояния здесь так велики, что я боюсь часто выходить к знакомым. До сих пор не сходила к Шуре Добровой – очень далеко. Привет всем домочадцам. Все мои калужские родственники тебе кланяются.

Целую. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 2-2об. Открытка. На обороте адрес: Москва, Смоленский бульвар, д.<ом> № 8, кв.<артира> 2, Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 18/VII-1934» и «Калуга, 17/VII-1934».

[598] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 24 июля 1934 г.

24 июля 1934.

Милая Надя!

Как ты себя чувствуешь? Как твоя спина? Напиши два слова. Открытку одну я получил (раньше еще письмо). Я живу по-прежнему. Отрывка из «Юности» до сих пор не напечатали в «Известия». Пришлось продать две связки книг за 100 рублей. Надо платить жалование Тоне и за квартиру. Из этих денег послал тебе 25 рублей на обратный путь. Когда ты думаешь вернуться?

Канарейки благополучны. Малыши пытаются петь. Пока робко – но все-таки по утрам весь дом наполнится мелодичным чириканьем.

Я кончил «Юность». Думаю ограничиться этой повестью (более 2000 строк) и не писать предполагавшихся 2-й и 3-й частей. В соответствии с этим решением у меня иной финал. Поэтому пришлось ряд строф из первых глав вычеркнуть и кое-что изменить в интересах композиции.

Был у меня М.<ихаил> В.<асильевич> Сабашников и насмешил своей коммерческой гениальностью. Я ему предлагал издавать «Жизнь Пушкина», обеспечив гонорар мне и Цявловскому путем *подписки*. Но ему не хочется выплачивать этот гонорар нам вперед и он придумал другое: я должен дать ему «Жизнь Достоевского». Он издает, получит деньги и эти деньги он нам даст в счет гонорара за «Жизнь Пушкина». Недурно?

Кабальный договор на однотомник Тютчева я подписал, но денег пока не получил – да и какие деньги! Курами на смех. Но я не унываю.

Святитель Спиридон превратил змею в золото. Я не сомневаюсь, что и моя змея превратится в советские бумажки, когда это понадобится.

У Сабашникова вышла замечательная книга, составленная Волоцким – «Хроника рода Достоевского». (Составитель, конечно, гонорар не получил).

Реорганизован ГИХЛ. И.<ван> К.<апитонович> Лупол, с которым я познакомился, как тебе известно, назначен главным редактором. Но в отделе классиков будет Лебедев-Полянский, который, по его собственным словам, «терпеть не может Тютчева». Еще неизвестно, какая будет судьба моего договора.

Я, кажется, утомляю тебя суетными делами. *Shut suique* – по русски: что у кого болит, тот о том и говорит (каждому свое).

Но у меня, впрочем, болит не только суетное: боюсь Страшного Суда. Милая, родная! Боюсь Страшного Суда! Боже! Милостив буди мне грешному!

Земно тебя кланяюсь.

Любящий тебя Георгий.

P.S. У меня был Александр Николаевич. Рассказывал, что в Узбекистан, где у него есть знакомые, такая стоит жара, что работами заниматься нельзя – до осени.

Мой привет Марии Григорьевне и всем твоим родственникам. Это письмо я приготовил, чтобы передать его Евгению Ивановичу, который на днях мне телеграфировал, что едет в Калугу 25-го и обещает зайти перед отъездом, но сегодня 24-е и его пока все еще нет. Недоумеваю. Буду вечером его поджигать.

Г.Ч.

Ничего не посылаю, ибо нет денег – ничего, буквально!

Посылаю тебе фотографический снимок, сделанный Б.<орис> В.<алентинович> Шапошниковым весной на кладбище Новодевичьего Монастыря.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 11 — 12об. Связь с конвертом не установлена.

[599] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 26 июля 1934 г.

26 июля 1934 г.

Милая Надя! Вчера у меня был Евгений Иванович, который намерен ехать в Калугу, но задержали из-за дел на несколько дней. Я передал ему для тебя письмо с вложением одной фотографической карточки, и деньгами на обратный билет. Я все еще экономический не устроен, но духом не падаю. В письме – подробное обо всем. Ты эту открытку, вероятно, получишь в день памяти Володи – 15/28 июля. В этот день вспомни и обо мне.

Повесть в стихах я кончил. Надо ее только немного причесать. Передай мой сердечный привет Марии Григорьевне и всем твоим родным.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 13-13об. Открытка. На обороте адрес: Калуга. Ул.<ица> Циолковского, д.<ом> 38, кв.<артира> Александры Ивановны Петровой для Н.<адежде> Г.<ригорьевне> Чулковой. Почтовый штемпель: «Москва, 26/VII-1934» и «Калуга, 27/VII-1934».

[600] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Калуга, 26 июля 1934 г.

Милый Георгий, прости, что не писала тебе все это время. Я ленюсь и все позабыла, что меня мучило и утомляло дома, позволяю себе делать только то, что хочется и что приходится по неволе. Общаюсь только с домочадцами своими – никуда, кроме трех раз в церковь, не выходила. К тому же немного прихворнула. Какое-то недомогание без жару, но слабость и сильный шум в ушах и голове и немного головокружение. Теперь совсем хорошо опять. Сидим по целыми днями в саду на террасе. Я вообще как-то замерла на время.

Что-то у тебя! Помоги тебе Господь! А я не могу тебе быть полезной.

Как-то мои птенцы!

О Тоне тоже забыла на время.

Мне хорошо. Хотела бы с тобой жить здесь.

Квартира есть и хорошая – есть и прислуга даже. Тут тишина, я ей упиваюсь.

Как живет Л.<юдмила> Мих.<айловна>? Поклонись ей от меня. Что Цявловские? Скоро уже буду собираться домой. Кланяюсь всем домашним. Кланяются тебе Алекс.<андра> Ив.<ановна> и сестры.

Целую тебя Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 3 — 4. Связь с конвертом не установлена.

[601] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 30 июля 1934 г.

30 июля 1934.

Милая Надя! Не знаю, когда поедет в Калугу Евгений Иванович. У него лежит для тебя мое письмо и в нем 25 рублей на обратный путь. Я бы теперь мог дать тебе еще немало денег, но не знаю, как достать Евгений Иванович. Если он заедет ко мне до Калуги, я, вероятно, смогу дать еще сколько-нибудь.

Твое письмо от 26/VII огорчило меня: ты была больна! Вот и отдых! Не везет нам! А я сравнительно нехудо себя чувствую, хотя в эти последние дни потерял голос – охрип.

Новостей нет. Старший кенар Пиквик мало поет почему-то. За то молодежь щебечет хором. Нельзя понять, самочки это или самцы, будущие шалыпины.

Я обедаю в Доме Ученых. Стараюсь избавиться от шахматного запоя. Кончил «Свет Невечерный». Решил перечитать «Оправдание добра» Соловьева – книгу, к которой в свое время я относился несколько высокомерно. Надо проверить себя.

Мало ли было у меня напрасного высокомерия.

Твой привет цыганке я передал. У нее опять полиневрит. На днях кроме того ей будут вырывать два трудных зуба под общим наркозом: под зубами оказались нервы, и, может быть, они-то и являются причиной этих многообразных болей: отравили организм. Она жутко плачет. Тебе кланяется очень.

Ивану Алексеевичу я вернул сто рублей. Мстислав, конечно, не вернул того, что забрал у тебя и, значит, я ему должен уже не тысячу, а только 800 рублей.

По вечерам я сижу дома почти всегда. Повесть в ямбах кончил. И романа делать не буду. Поставил точку на 2400-м стихе.

С Нюрой мало общаюсь. Она при встречах скулит. Опять не довольна службой.

Я не знаю, писал ли я тебе, что у меня была Брюсова и слушала «Юность». Строфы, касающиеся Валерия Яковлевича, она одобрила вполне. Не протестует против их опубликования.

Надо печатать повесть. Но как? Где? Ума не приложу.

Первого числа засяду за однотомник Тютчева. Сейчас читаю любопытнейшую книгу Волоцкого «Хроника рода Достоевских». Я буду писать рецензию на эту книгу по заказу «Известии»! Не знаю только, сумею ли угодить органу столь центральному.

У меня бывает Жуковский младший – поэт. Ничего малый – довольно симпатичный.

Сегодня пасмурно, а я на погоду смотрю с твоей точки зрения, т.е. можно ли тебе сидеть на террасе или нет.

Должен тебе признаться, что я очень чувствую твое отсутствие, но если тебе хорошо в Калуге, то и слава Богу. С квартирой дело обстоит как-то загадочно. Будто бы будет ремонт в первых числах августа. Но, может быть, и отнимут у нас нашу хижину. Пока нечего экстренного нет.

Передай мой привет Марии Григорьевне и всем твоим родственникам. А как маленькие пианистки? Они тебя не утомляют?

Будь веселой. Я не унываю, видишь. Мир прекрасен, несмотря на все скорби. Но я уверен, что есть кое-что не менее дивное, чем этот наш милый грешный мир. Хотел написать, что в нем, одним, уже «ничто мной не обладает», но во-время спохватился и сообразил, что это лишь «кажется» и что до такой свободы мне еще далеко. Да и тебе тоже, хотя ты в миллионы раз ближе к Истине, чем я. Целую тебя.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 14 — 15об. Связь с конвертом не установлена.

[602] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Баку, 9 ноября 1934 г.

9 ноября 1934.

Милая Надя!

Я в Баку. Сегодня послал тебе телеграмму. Пиши мне по адресу: Баку. Главный почтамт. До востребования. Чулкову Георг.<ию> Ив.<ановичу>.

Ехал я благополучно, если не считать трудностей, возникших по причине моей психологии, не мирящейся с соседом.

Не могу я терпеть «людское стадо день и ночь». А если стадо чихает, лезет ногами на твою постель, залезает пальцами в твой стакан... Одним словом мой спутник показался мне стадом. К тому же выяснилось, что он находится в прелюбодейной связи с одной нашей православной знакомой. А я этого не одобряю. Отцепиться от спутника нет никакой возможности, хотя я и откровенно ему об этом моим желанием говорю. Несмотря на предписание Москвы, я не получил номера в Интурист: все занято! И в порядочной гостинице тоже ничего нет! Волей-неволей я *вместе* с спутником взял номер в грязнейшем отеле, где нет уборной, а есть гнусная клоака! И все-таки я пока пишу это письмо в коридоре, ибо номер пока занят. Освободят через несколько часов. Я слонялся по городу, но так еще рано (мы приехали в 6 ½ часов утра), что по делам некуда идти.

Есть же такие дураки на свете, которые путешествуют по стране, где нет гостиниц, а если есть, то в них нет клозетов, а если есть клозеты, то они символизируют будущие муки в аду. Каспий море тоже адское: чернее и чернее. Озеро в Дантевский «Божественной комедии», вероятно, и было нефтяное. Вообще я в ужасе от «черного золота».

Буду писать редко. Но ты не жди моих писем, а утешь меня хотя бы открытками: ты свободнее, чем я.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Передай привет Нюре и всем, кому надо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 16 — 17. Связь с конвертом не установлена.

[603] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 10 ноября 1934 г.

Дорогой Зоря, радуюсь, что ты добрался благополучно до Баку. Жду письмеца. У нас ничего нового. Сегодня говорила по телефону с т.<оварищем> Магнер. Договор твой уже передан в бухгалтерию. Через несколько дней, по ее словам, можно справиться, но я буду справляться начиная с завтра.

За телеграф уплачено. Новость! У Сусаночки отрастает новый хвостик, и прелестный. Она теперь красавица совсем. На октябрьских торжествах у меня гостила Маруся с ночевкой. Нюра все эти дни тоже провела с нами вместе.

Я ходила смотреть иллюминацию. Очень нарядно.

Спина больная, но меньше чем во время твоих сборов в путешествие. Живу в свое удовольствие. Некуда торопиться.

Спасибо тебе, дорогой, за кров, за пищу, за удобства.

Целую тебя. Господь с тобой.

Надя.

Позвонила к Златовратскому, сказали что уехал. Напиши мне как ехали.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 5-6. Связь с конвертом не установлена.

[604] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Баку, 11 ноября 1934 г.

11 ноября 1934.

Милая Надя!

Мое первое письмо было, кажется, таким капризным и ворчливым, что за него приходится извиняться. Но мой спутник действительно меня раздражал. Теперь я от него отцепился и переехал в «лучшую» здесь гостиницу. Имя ей «Новая Европейская». Здесь есть отделение для интуристов, но я живу в обыкновенном скромном номере, на шестом этаже. Отсюда из окна вид на море, на Баку, на промысле...

В прошлом письме я, кажется, даже на море ворчал напрасно. Каспий все-таки неплох.

Я рад, между прочим, что вырву из зимнего сезона еще две-три недели южного теплого воздуха. В Баку чувствуется юг. И толпа на улице – как во Флоренции. Вечером знаменитый парапет – бульвар без деревьев – весь наполнен движущейся сплошной колонной граждан-бездельников.

Вчера я был в Союзе Писателей. Самого председателя Союза (он же ректор университета) Алекбер я увижу сегодня, как мы условились. Сегодня же увижу Рухулла Ахундова – заместителя президента здешнего отделения Всесоюзной Академии. К нему у меня есть письмо от Ваганяна, одного из редакторов «Красной Нови». Предстоят дела. Не знаю, справлюсь ли я, сумею ли я что-нибудь понять в нефтяных промыслах.

Вчера ты должна была позвонить Гослитиздат Магнер и узнать, как обстоит дело с «Дон-Кихотом», т.<о> е.<сть> перевели ли они деньги по договору на мой счет. Напиши мне непременно, как только получишь мое письмо, и пиши его по адресу: *Баку. Новая Европейская Гостиница. Мне.*

Если применяют корректуру маленькой статейки о Достоевском из «Звеньев», сверь ее с оригиналом (они обязаны прислать оригинал) и дай взглянуть потом Цявловскому или Верховскому. В случае какого-нибудь недоразумения, обратись через Наталью Ильиничну Игнатову (тел.<ефон> Г. 3.96.05) или непосредственно к знающей меня Елизавете Николаевне Коншиной (тел.<ефон> Г. 1.08.36), которая сидит в Ленинской библиотеке в так называемой «комнате 40-х годов». Коншина знает, из какой записной книжки Достоевского я взял публикуемый мной текст и может его проверить. Это в крайнем случае. Ты сама можешь пойти к Елизавете Николаевне Коншиной в Ленинскую Библиотеку в комнате 40-х годов (вход с переуллка со двора, но не с главным подъездом а налево от ворот, если стать лицом к зданию, через внутреннюю калитку, где раньше была церковь, но не в самой церкви, а там, где канцелярия). В вестибюле внизу швейцар вызовет по телефону к тебе Е.<лизавету> Н.<иколаевну> Коншину. Ты ей все объяснишь. Она тебя проведет в библиотеку и даст записную книжку Достоевского, по коей ты проверишь мой текст. Но можно и махнуть рукой, если в моем тексте или в корректуре ничего не будет подозрительного. Кажется, я сделал все точно. Авось.

Как ты себя чувствуешь, родная? Все ли у тебя благополучно? Хорошо, когда ты рядом. Тогда и птицы не унывают. А я чем хуже птиц!

Целую тебя. Земно кланяюсь. Помню то, что надо помнить.

Любящий тебя

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 18 — 19об. Связь с конвертом не установлена.

[605] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Баку, 14 ноября 1934 г.

14 ноября 1934.

Милая Надя!

Это третье письмо. От тебя пока писем еще не получал, но надеюсь завтра получить, ибо 10-го ты во всяком случае должна была мне что-то написать. Это письмо ты получишь числа 17-го, примерно. Значит, если ты не поленишься тотчас же написать, я еще успею получить от тебя весть в Баку – числа 20-21-22. Пиши: *Баку. Гостиница «Новая Европа». Номер 80.*

Сегодня я в первый раз видел нефтяной фонтан, который забил вчера утром на промысле им.<ени> Сталина. Еще в вагоне узкоколейки, так называемой «кукушки», из разговора с какой-то молоденькой работницей, оказавшейся «масленщицей», я понял, что фонтан «событие». Девушка была в таком волнении, что я даже заразился ее энтузиазмом. А когда мы добрались до самого фонтана (у меня был специальный пропуск, а вообще к фонтану не подпускают посторонних), я был поражен зрелищем. В день выбрасывались около 6000 тон. При этом значительная часть нефти и драгоценных газов пропадает, потому что «надеть в скважину намордник» и регулировать добычу невозможно, пока фонтан не утихнет и ослабеет. Представь себе колоссальный нефтяной столб, подобный дыму, при чем солнце окрасило его в красный цвет, так что сначала кажется, что фонтан горит, что это огонь. Грохот стоит такой, что на расстоянии нескольких саженей нельзя разговаривать. Чувствуешь безмерную силу, с какого недр вышвыривают это «черное золото». Люди в черных резиновых одеждах, вроде водолазных, бросаются в этот ад, пытаются укротить стихию, и через минуту выскакивают обратно, чтобы не задохнуться и промыть глаза особым раствором. Ежеминутно опасность отравиться газами, захлебнуться нефтью или ослепнуть.

Но восторг работницы был, оказывается, наивностью. На обратном пути я зашел в правлении промысла. И там мне разъяснили, что фонтан – почти неудача, ибо его не сумели предотвратить. Коммерчески это невыгодно. Погибает напрасно богатство. Прозевали нужный момент. Но все-таки миллион пудов нефти обеспечен на этом участке, если фонтан не опрокинет вышки, не раздробит оборудования, не загорится от взрыва газов. Надежда вся на то, что образуется временная пробка, и тогда люди «закроют» фонтан, т.<о> е.<сть> отведут нефть в трубы.

Прости меня, что я занимаю тебя этими подробностями, но я, признаться, сам не ожидал, что это «извержение» покажется мне таким грандиозным. Я почувствовал, между прочим, что как-то невольно я подвигался все ближе и ближе к этому ревущему чудовищу. Хотелось кинуться в этот ад, перекрестясь. Я почувствовал, что не только растения живы, как люди и звери, но и недра – тоже, что сама земля жива, как великий некий зверь.

Но довольно о фонтане.

Я занят с утра до ночи. В институте Шаумяна мне предоставили все архивные материалы по истории революционного движения. Не знаю, что делать: здесь работа на целый год, а не на месяц.

А тут еще «промысла». Я был на ближайших около бухты Ильича. На днях за мной заедет директор на машине, и мы объедем весь район. Но это не все. Значительно дальше от города - Балаханы и другие промысла. Туда придется ехать по электрической ж.<елезной> д.<ороги>. Не знаю, как я справлюсь со всем этим. Ведь, кроме промыслов – еще целая сеть заводов, на коих вырабатывают керосин, бензин и десятки иных продуктов нефти. Их то е надо осмотреть. Однако, взялся за гущ, не говори, что недуж.

Умолкаю. Напиши ради Бога о себе. Не хорошо быть не там, где ты. Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий.

Передай привет Нюре, Любе и всем кому надо.

Со вчерашнего дня я живу экономнее: получил доступ в столовую ИТР.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 20 — 22. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Баку. Гостиница «Новая Европа». Почтовый штампель: «Баку, 15/XI-1934».

[606] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 14 ноября 1934 г.

2е письмо

14 ноября 1934

+

Милый Зоря, получила твое первое (карандашом) письмо. Да не сладко тебе на первых порах пребывания в Баку. Надо было заранее списаться с теми людьми, к кому у тебя есть письма.

Твой Дон Кихот уже оплачен – деньги переведены в Сбер.<егательную> Кассу. Ермилова еще не видела. Остальные дела еще не делала.

Комендант совсем отказался нами управлять, а нам сейчас нужно выправлять продовольственные карточки, чистить улицу и еще тому подобное.

Я хожу по разным учреждениям вместе с Екат.<?> Алек <?> Тугендгольд.

Вчера звонок по телефону часов в 10 с половиной вечера. Это Ахматова – «Я сейчас только приехала в Москву – на автомобиле...» – «Где Вы?» спрашиваю ее – «Я у Пильняка» – «С ним и приехали?» – «Да» «Сколько ехали?» – «Два дня». Сегодня обещала зайти к нам.

Нюра ходит на танцевальные вечера и концерты. Маруся тоже часто меня навещает и, видимо, любит меня. Была я у Евд.<окии> Ив.<ановны>, она тебе кланяется.

Сейчас звонил Мусин-Пушкин и тоже тебе шлет привет. Погода сегодня очень плохая сыро, холодно и серо. Пронизывает до костей. Но у меня хорошая шуба.

Приходится также хлопотать о дровах. У нас их почти нет, а новая выдача будет только в январе.

Просила Санинкова – обещал что-то узнать и позвонить мне. Рукопись у <Верегиной> еще не взяла, но уже сговорила, что найду за ней.

Напиши мне номер твоего паспорта

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 7 — 9. На конверте адрес: Баку, Главн.<ый> Почтамт до востребования. Георгию Ивановичу Чулкому. 19/XI 34. Почтовый штемпель неразборчивый.

[607] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 15 ноября 1934 г.

15-е ноябр.<я> 34

+

Милый Зоря, деньги переведены на сбер.<егательную> Кассу. Я тебе послала письмо до востребования.

Ермилова еще нет. У <Верегиной> возьму рукопись. Нюра не очень хандрит. Приехала Ахматова, и еще не была у нас.

Она с Пильняком на автомобиле из Петербурга в Москву приехала. Ехали два дня. Спина побаливает. Я ленюсь. Нервы все же не в порядке. Целую. Надя.

Тебе кланяется Мусин-Пушкин, Евд.<окия> Ив.<ановна>.

Получена такая бумажка:

Уважаемый товарищ!

По сведению Комсода Вам в ближайшие месяцы не будет следовать гонорар в изд.<ательстве> Academia. Между тем за Вами по займу большой долг. Вам необходимо в ближайшие дни приступить к регулярным взносам. Деньги следует вносить в кассу издательства.

Комсод Эльсберг

11/XI

Напиши мне номер твоего паспорта.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 10 — 12. На конверте адрес: Баку. Новая Европейская гостиница. Георгию Ивановичу Чулкову. Отправитель: Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова. Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Почтовый штемпель: «Москва, 15/XI-1934» и «Баку, 20/XI-1934».

[608] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 16 ноября 1934 г.

16/XI 1934

+

Милый Зоря, сегодня получена копия договора на Дон Кихота. Деньги переведены тоже. Нового ничего нет. Время летит. Я ничего не делаю нужного. В нашем доме неразбериха. Фон нас бросил и я не могу даже получить карточки на хлеб. Не знаю, что будет дальше. Хотят образовать ЖАКТ. Вчера была с Нюрой у Любы в гостях. Ахматова не показывается. Целую тебя. Будь здоров. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 14-15. На конверте адрес: Баку. Новая Европейская гостиница. Георгию Ивановичу Чулкову. Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Почтовый штемпель: «Москва, 16/XI-1934».

[609] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Баку, 20 ноября 1934 г.

20 ноября 1934.

Четвертое письмо из Баку

Милая Надя!

Получил от тебя второе письмо. Письма идут по восемь дней, а по железной дороге езды два с половиной дня! Худо работает наша почта...

Подул норд. Стало холодно. Нет, в нашей стране некуда деваться, если захочешь убежать от зимы. Я простудился и у меня заболело горло. Три дня лежу в номере с температурой 37,5. А главное сильно болело горло. Сегодня как будто лучше. Это мне прямой убыток, ибо потеря каждого дня деньги. Здесь столько работы, что я не надеюсь сделать все, что нужно. Исчерпать архивы – об этом и думать нечего: для этого надо прожить здесь год.

Я ездил со старшим инженером по Биби-Эйбату (промысла им.<ени> Сталина). Здесь очень много любопытного. Я уже написал очерк «Биби-Эйбат» и послал его в «Известия». Следи за газетой. Если появится мой очерк, купи два-три номера. Я уже перестал верить, что меня вообще будут печатать, хотя я написал так, что странно будет, если редакция опять не решится опубликовать мои размышления.

Следующую поездку на промысла и заводы, которую организует для меня редакция местной газеты «Бакинский Рабочий», пришлось отложить из-за моей болезни.

Я на всякий случай послал письмо З.<инаиды> И.<линичны> Жубер. Спрашивал ее, может ли она меня приютить у себя на неделю. Дело в том, что два очерка я посвящу Баку, но надо еще два. В моей командировке от «Известии» имеется указание «Закавказье», значит надо еще что-то описать кроме Баку и нефти. Под Батумом есть чай, мандарины, порт, нефтепровод и завод.

Твое известие о сумасшествии коменданта повергло меня в недоумение, а сообщение о том, что нет дров, в самое настоящее уныние.

Без дров жить нельзя! Умоляй Санникова придумать что-нибудь. Ведь это кошмар вымораживает граждан. Да еще такую дивную гражданку, как Надя!

Родная моя! Мне домой хочется. Дома лучше. Ну разве можно мне с моим здоровьем метаться поздно вечером по нефтяным промыслам на автомобиле, то и дело вылезая из него и карабкаясь по каким-то бревнам, трубам, мосткам, рискуя окунуться в мазутную яму.

И я все это проделывал, опираясь, чтобы спутники не заметили, что я задыхаюсь, устаю, что я старая развалина и не гожусь на роль бойкого корреспондента.

Но впечатления от вечернего Биби-Эйбата весьма значительны. Страшно и величаво. Новый Биби-Эйбат расположен в море, т.<о> е.<сть> буквально в море: лет двадцать, до и после революции, засыпали землей бухту, а потом стали бурить со дна морского нефть.

Когда мы подошли к каменной плотине, за которой грозно шумел Каспий, инженер указал мне на огромную каменную плиту. Здесь похоронили согласно его воле инженера графа Потоцкого, который всю свою жизнь засыпал землей бухту, пока его самого не засыпали, как Фауста.

Замечательно, что последний год Потоцкий был слепой и продолжал все-таки зачем-то бороться с морем.

Пожалуйста, перечитай конец *второй* части «Фауста».

Кончаю письмо. Пришел Александр Николаевич и помешал мне кончить письмо. Во время моей болезни он мне оказывал покровительство и помощь. *Sic!*

Александр Николаевич тебе кланяется.

Целую твои руки, моя родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 23 — 25. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Баку. Гост.<иница> «Новая Европа». Почтовый штемпель неразборчивый.

[610] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 20 ноября 1934 г.

Милый Георгий, я послала тебе три письма. Договор на «Дон Кихота» подписан. Деньги переведены. Я здорова. У нас была Ахматова. Тебе все кланяются.

Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 13-13об. Открытка. На обороте адрес: Баку. Новая Европейская гостиница № 80. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 20/XI-1934» и «Баку, 26/XI-1934».

[611] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Баку, 21 ноября 1934 г.

21 ноября 1934.

Пятое письмо из Баку.

Милая Надя!

Моя ангина выбила меня из колеи. Три дня пропали даром. Сегодня я имел глупость выйти в архив. Снова заболело горло – теперь правая сторона. Температура небольшая. Надеюсь, что не свалюсь. Требую, чтобы дали мне другой номер. С наступлением холода в нем жить нельзя. Два дня меня водят за нос.

Сию в этой отельной клетке, как в тюрьме. Приходил ко мне третьего дня с визитом знакомый Людмилы Павловны, профессор Елпатьевский, звал меня сегодня к себе на вечер. Вместо меня пошел Златовратский, а я лежу в постели и читаю нефтяные книжки.

Ах, дома лучше! Но что ты, бедная, делаешь без дров! Возьми непременно денег с текущего моего счет <так! – К. Р.> в гослитиздат'е и купи дров: не может быть, чтобы за *хорошие* деньги нельзя

было получить дров. Тебе спину надо греть. Спину надо держать все время в тепле, а ты ее студишь у окошка. Умоляю тебя: грей спину.

Не знаю, хватит ли у меня энергии на поездку в Тифлис-Батум, а нужно бы. Больше двух очерков о Баку не дашь. Прочие два очерка надо написать о Закавказье вообще.

Меня пугает самый переезд. Ужасные пересадки.

Баку уютен, но красив. Из окон моей холодной комнате открывается дивный вид на море, на промысла... Баку похож на Геную почему-то.

Очень я заинтересован в том, чтобы мой очерк «Биби-Эйбат» появился в «Известиях». Он, конечно, и появится, если это не повредит моей душе. А если не появится, значит, его появление было бы для меня бесполезно. Моему покровителю это виднее. Не правда ли?

Ну, умолкаю. Три дня сижу без впечатлений и наблюдений. Целую тебя, родная.

Привет Нюре, Любе, домочадцам вообще и очень милой Марии Григорьевне. Любящий тебя твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 26 — 27. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Баку. «Новая Европа». Г. <еоргий> И. <ванович> Чулков. Почтовый штемпель неразборчивый.

[612] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Баку, 24 ноября 1934 г.

24 ноября 1934.

Седьмое письмо из Баку

Милая Надя!

Я позабыл тебе написать по поводу извещения Эльсберга о моей задолженности. Разве «Академия» не прислала до сих пор курьера за рукописью Веригиной и моей рецензией? Скажи по телефону Ж. 1.99.32 или Ж. 1.32.91 Эльсбергу Якову Ефимовичу, чтобы он распорядился прислать курьера за мемуарами и скажи ему, что Л. <ев> Б. <орисович> Каменев поручил мне написать рецензию на рукопись Веригиной и я должен получить гонорар за рецензию. Пусть этот гонорар пойдет целиком в уплату моей задолженности по займу. А если Эльсберга это почему-нибудь не удовлетворяет, пусть подождет моего возвращения из Баку.

Что касается приключений Ахматовой, то она давно уже, по-видимому, перестала быть брезгливой и махнула на себя рукой. Пильняк ей кажется нужным человеком. Она, ведь, как я, очень одинока в литературе и беспомощна житейски. Да и скучно ей очень. Проехать на машине от Питера до Москвы все-таки развлечение. Ну а Пильняк козыряет своей интимной дружбой с Ахматовой. Все это, конечно, не очень православно. Но кто первый кинет камень? Интересно очень, какое слово по этому поводу написал на песке этот Человек две тысячи лет назад.

Родная моя! Как ужасно, что тебя мучает боль в спине! Весной надо ехать тебе на юг. А я все еще не совсем здоров. Держится температура, правда, маленькая – 37,4 или 37,3. Сегодня позову доктора. Я связан по рукам и ногам. Хорошо еще, что я успел побывать на Биби-Эйбат и послал в «Известия» первый очерк. Но все-таки эта болезнь для меня прямой убыток. Меня погубит еще проклятый отель, где был собачий холод. По счастью, стали топить, и теперь у меня в номере два дня очень тепло и сухо. Только бы топили и вперед.

До Батума, очевидно, мне не добраться. Хорошо бы успеть побывать хоть в Тифлисе, а то, ведь, у меня командировка в Закавказье, а я просижу все время в Баку, да еще бездействуя. Впрочем, у меня уже есть тема для второго очерка. В эти два дня, даже не выходя из номера, я смогу написать кое-что занятное о нефти.

От цыганки я получил два письма. Оказывается, она только начинает лечиться. Две недели прошли в клинике зря: у цыганки был грипп. Приехала в Москву Ольга Михайловна с мужем. Поселились на даче в Дзамгаровке.

Возьми деньги, сколько тебе надо, по доверенности из сберкассы Гослитиздат'а. Касса помещается там же, в издательстве, в Черкасском переулке. Дров! Дров! Дров! Это ужасно, если ты мерзнешь.

Земно тебе кланяюсь, родная моя, бесценная. Георгий.

Марию Григорьевну поцелуй братским целованием и всех приветствуй, кого надо.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 28 — 30об. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г. <еоргия> И. <вановича> Чулкова. Баку. Гост. <иница> «Новая Европа». Почтовый штампель неразборчивый.

[613] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Баку, 26 ноября 1934 г.

26 ноября 1934.

Милая Надя!

Получил твою телеграмму. Дошла ли до тебя моя телеграмма, где я сообщаю номер моего паспорта? Номер 393271. Пишу еще раз, потому что на телеграфе могли перевернуть. Зачем тебе понадобился номер паспорта?

Сегодня был я в Черном Городе на заводе им. <ени> Сталина. Завтра опять еду туда. Надеюсь к первому декабря закончить мои нефтяные визиты и покину Баку. Дело в том, что я в моей командировке от «Известий» сказано, что я еду в Закавказье, и надо, значит, дать один или два очерка не о Баку, а, например, о Батуме. Я послал на всякий случай письмо Жубер. Спрашиваю, не может ли она меня приютить на неделю. Вчера получил от нее телеграмму: «Приезжайте. Жду с нетерпением. Жубер».

Вероятно, я так и сделаю, т. <о> е. <сть> первого числа выеду из Баку на Зеленый Мыс: там есть мандарины, чай, порт. Об этом можно будет написать для «Известий». Следи за газетой. Может быть, в самом деле напечатают мой первый очерк «Биби Эйбат».

Не очень хорошо обстоит дело с проектом романа. Не состоялось никаких интересных *личных* встреч. Мемуары в архивах очень сухи и банальны. А бытовая картина, благодаря национальной пестроте и многоязычию, почти недоступна для меня, как русского. Для этого нужно пожить здесь долго. А тут еще меня погубила болезнь. Постараюсь написать по крайней мере что-нибудь приемлемое для «Известий».

Пиши теперь по адресу: Батум. Центральный Почтамт. Почтовый ящик 52. Жубер. *Для меня*. Но на Зеленом Мысу я не задержусь долго: если я опоздаю к корректуре в гранках, авось успею к верстке.

Не забудь первого декабря или второго отнести в Всеросскомдрам мое заявление о взыскании денег со II-го Мхата.

Я не очень рассчитываю на это дело. Берсенев хитрый, и не мне с ним тягаться, но умные люди говорят, что заявление надо подать. Итак, непременно подай и не откладывай этого дела.

Сейчас час ночи: я вернулся от профессора Елпатьяевского (знакового Л. <юдмилы> П. <авловной> Милицыной), который устроит вечер в честь приехавшего в Баку академик Мещанинова, археолога, приятеля Шилейко. Он был знаком с Ахматовой. «Как же! Я ее знал. Она, ведь, была до Шилейко женой Александра Блока». Я говорю: «Вы ошибаетесь. Она не была женой Блока». А он мне в ответ: «Что вы! Я это прекрасно знаю. Я с ней был хорошо знаком. У меня есть ее автографы». Скажи это Ахматовой, если ее увидишь.

Златовратский уже выехал сегодня в Батум. Он увидит Жубер и мне телеграфирует, где я смогу остановиться в Батуме. Там трудно найти пристанище, а сразу ехать на Зеленый Мыс невозможно, ибо

поезд приходит из Баку поздно вечером. Но Златовратский бестолков, и я боюсь, что он телеграммы внятной не пришлет, а сам у Жубер располагается, злоупотребляя ее гостеприимством, хотя в письме к Жубер я, конечно, отнюдь не прошу для Златовратского криво и только называю его «добрым знакомым». Впрочем, это не очень важно.

Итак, я вернусь в Москву, если Бог даст, числа пятнадцатого декабря нового стиля.

Ты пишешь в открытке «здорова». Но, ведь, спина-то болит!

Получив это письмо, ты мне в Батум напишешь однажды. Второго письма ты не успеешь послать. Я буду уже на обратном пути. Письма идут 7-8 дней. Но ты можешь послать телеграмму, если будет что сообщит важное. Тоже по адресу: почт.<отвый> ящ.<ик> 52.

Милая! Родная! Целую твои руки

Георгий Чулков.

P.S. Возьми по доверенности денег из сберкассы Гослитиздат'а. Наверно, тебе не хватит тех, что я оставил. А дрова?

В Батум пришли мне письмо обстоятельнее, *не откладывая*.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 31 — 33. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Баку. Гост.<иница> «Новая Европа». Почтовый штемпель «Баку, 28/XII-1934».

[614] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Баку, 29 ноября 1934 г.

29 ноября 1934.

Восьмое письмо из Баку

Родная моя!

Я послезавтра выезжаю из Баку в Батум. Письма туда ты не успеешь послать, ибо к 15 декабря я надеюсь вернуться в Москву. Но если нужно будет известить меня о чем-либо экстренно, пошли телеграмму:

Батум. Экспортхлеб. Жуберу.

Целую тебя, Господ с тобой.

Земно кланяюсь. Прости меня Христа ради.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 34. Связь с конвертом не установлена.

[615] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Баку, 1 декабря 1934 г.

1 декабря 1934.

Милая Надя!

ЦК партии, по недоразумению, забронировала мне билет до Батума не на сегодня, а на завтра. Вчера вечером мне повезло. Я получил то, чего мне не доставало: вечер со старыми большевиками. Использую как-нибудь и сегодня. Завтра в 12 ч.<асов> 50 м.<инут> еду в Батум. Там буду вечером третьего числа, если Бог даст.

Меня беспокоил то, что от тебя давно нет писем. Получив это письмо, пошли ка, не откладывая, мне *телеграмму*: «все благополучно». Адрес: Батум. Главный почтамт. Ящик 52. Жубер.

Числа 15-го декабря рассчитываю быть в Москве. Значит, наша переписка прерывается. Письма идут слишком медленно.

Хорошо, что кончилась моя ангина пока без последствий.

Мне уже хочется домой. Я послал в «Известия» два очерка – 1. Биби-Эйбат; 2. Черный город. Из Батума пошлю им еще один, а четвертый напишу, вероятно, в Москве.

Возьми денег из сберкассы Гослитиздат'а и купи дров за какую угодно цену. И вообще будь расточительной и щедрой.

Родная! Будь ко мне снисходительной. Любящий тебя твой недостойной тебя Георгий.

Это – девятое письмо из Баку.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 35 — 37. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Баку. Гост.<иница> «Новая Европа». Почтовый штемпель «Баку, 2/XII-1934».

[616] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 4 декабря 1934 г.

+

Милый Георгий, получила твое письмо от 26/XI из Баку.

Просишь написать обстоятельное письмо – попытаюсь.

Номер твоего паспорта потребовался при заполнении стандартной справки – ты, ведь, не знаешь о существовании таковых?

Карточки я достала на декабрь, а на январь их уже не будет в нашем обиходе.

Дров достала сначала немного, а теперь еще могу получить в Литфонде дополнительную выдачу для писателей – но мне уже достает дров Г.<ригорий> А.<лександрович> Санников.

Пишу, что здорова, а спина все болит. Но это уже неизбежное мое состояние, а кроме этого все хорошо – ничего не болит.

Ахматова уехала.

Заявление 2го я подала и даже перчатку там потеряла – такая там теснота и сутолока.

Продала ножи Мар.<ии> Фед.<едоровне> за 63 рубля. Отдам их Златовратскому, когда придет к нам. С книгами все еще не разделалась, но есть еще надежда, что хоть часть их возьмут.

Как-то звонил без меня Александровский Гр.<игорий> Гр.<игорьевич>. Я ему позвонила, но он сказал, что дела у него никого нет, просил только тебе *очень* кланяться.

Телефон его я узнавала у Каверина и говорила с Верой Алексеевной.

Теперь Каверин выселен и она сейчас без пристанища. Устраивают поездку куда-то. В.<ера> А.<лексеевна> была со мной необыкновенно любезна и мила. Тебе усиленно кланяется. Хорошо, что я ее успела посмотреть. За телефон уплатила. А у Ольги Ник.<олаевны> Названовой теперь выключили за опоздание с платой. Я у нее была как-то вечером. Она мне проиграла на ф-но «подобны» Опт.<иной> Пуст.<ыни>. Кажется, не поняла их красоты.

Вчера были именины моего отца. Маруся была у меня вчера вечером. Нюра пишет о очередных неприятностях по службе. Хочет уходить и подать заявление в Литер.<атурный> Музей, где работает теперь Вера Юрьевна. Туда же собирается поступать и Названова. Никакого ремонта нам не делают и не собираются делать и мы не знаем, кто нами владеет. Я прочитала некоторые статьи А.<делаиды> Герцк, кот.<орые> мне принес Даля – очень хороши!

Я не писала тебе, что я преступила твое приказание, я променяла твоего «малыша» на кенаря другой породы и этот кенарь умер у меня в клетке. Теперь семейство только из троицы состоит – все пока здравствуют и благоденствуют судя по пению их. Добров – пытался меня лечить банками, но не помогло. Он тебе всегда шлет привет. Кланяются тебе Рязановы и Василий Мокеевич, который опять устроил ложе в кухне и заменяет несуществующего дворника нашего дома. Зою Ильиничну целую и желаю ей радости и мира.

Целую тебя. Надя.

4/ХП 34

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 16 — 20. На конверте адрес: Батум. Центральный почтамт. Почт.<овый> ящ.<ик> 52. Жубер. Для Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова. почтовый штемпель: «Москва, 4/12-1934».

[617] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Зеленый Мыс, 5 декабря 1934 г.

5 декабря 1934.

Зеленый Мыс

Милая Надя!

Это девятое письмо из Закавказья. Вчера я осматривал Батум, его знаменитый длинейший бульвар, где гуляешь под лаврами, коих не заслужил. Вечером не без труда добрался в фаэтоне на дачу Жубер. Числа одиннадцатого думаю отсюда выехать в Москву или по-прежнему маршруту, остановившись дня на два в Тифлисе, или сяду на пароход в Батуме и доеду до Туапсе. Этот последний путь меня соблазняет, потому что пятидневный путь в вагоне скучноват. Но в декабре часто бывают штормы. Впрочем, я, как ты знаешь, старый морской волк.

Дожди на Зеленом Мысу прошли до меня. Вчера и сегодня солнечно и сухо. Хорошо бы пожить эту неделю без дождя. Намерен посетить «Ботанический сад», но пугают крутизной подъема. В программе моей значится – *Чаква*. Это самый большой совхоз с чайными плантациями и мандариновыми насаждениями. Но сбор чая кончился, так что в Чакве я увижу только стены и машины новой фабрики чая. С системами насаждений, сборов и приготовления чая я познакомился в Батуме в краеведческом музее. Там же я узнал разные чудеса про бамбук.

Одним словом я пополняю мое образование полезными сведениями. Ну разве не интересно узнать, что бамбук представляет собой трубу, коей можно пользоваться, как железной, и гнуть ее по любой кривой, причем бамбук прочнее железа!

Но меня интересует также знания не совсем «прикладные» (на первый взгляд по крайней мере). Непременно прочти в десятой книжке «Нового мира» научное обозрение т.<оварища> Львова. Это я говорю очень серьезно. Это статья совершенно замечательная. Благодаря любезности этого популяризатора можно узнать драгоценные факты, подтверждающие с очевидностью, что наука неудержимо идет *a realibus ad realiora*. Надеюсь на твои лингвистические способности, которые позволят тебе понять эту формулу, хотя ты и не изучала в школе латинской грамматики.

Кстати анекдот. До прошлого года на всех программах, афишах и прочих документах наркомпроса Азербайджанской республики был напечатан как раз этот девиз: *a realibus ad realiora*. Это было рекомендовано Вячеславом Ивановым в бытность его в Бакинском университете.

Как хорошо, что ты у меня умница и философ (да еще и филолог). Ты – я знаю – оценишь весьма *учение об эфире*, изложенное т.<оварищем> Львовым. После этой статьи было бы дико отрицать чрезвычайный прогресс в гносеологии диалектического материализма. При свидании более подробно изложу тебе мои соображения. А сейчас спешу об этом написать, ибо «не могу молчать».

Зоя Ильинична рассказала мне сегодня за утренним чаем необыкновенно трогательный рассказ из ее нового быта. Он интересен, но убедителен уже по иным мотивам.

Зоя Ильинична уверяет, что ты и я для нее самые драгоценные люди. Она говорит, что только теперь за эти три года она узнала, что значит счастье. Она даже понять не может, как она могла прежде жить, не подозревая, что есть в жизни высокий смысл.

Целую тебя, родная. Согласись, пожалуйста, с товарищем Львовым, что эфир есть такая материя, которая не обладает ни одним свойством той материи, какую мы знаем, как в эмпирике, так и в теоретической физике. Эфир вечен и бесконечен и, благодаря ему, мы можем попасть в четвертое измерение. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 38 — 40. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г. <еоргия> И. <вановича> Чулкова. Батум. Зеленый мыс. Почтовый штемпель: «Батум, 8/ХІІ-1934».

1935 г.

[618] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Москва, 6 января 1935 г.

6 января 1935

24 декабря 1934

Копия письма. Автограф находится у жены – Н. <адежды> Г. <ригорьевны> Чулковой.

Родная моя Надя!

Случайно раскрыл вторую книжку «Факелов», изданную в 1907 году, и перечитал свою статью «Об утверждении личности». Эта статья – дурная статья, и я дорого дал бы, если бы можно было ее уничтожить.

Смерть не за горами. Я пишу это письмо, чтобы оно было свидетельством после моей смерти о моем отречении от всех этих неосторожных, торопливых высказываний. Мой взгляд тогдашний на историческое христианство ложен. Ложно также мое тогдашнее понимание догмата.

Я и теперь не отрекаюсь от иных моих чаяний, надежд, предчувствий, но я решительно заблуждался в оценке и понимании богочеловеческого процесса.

Главное мое заблуждение, противоречившее, кстати сказать, моему внутреннему опыту, это уклончивое отношение к исповеданию той Истины, что две тысячи лет назад была воплощена до конца и явлена была человечеству в своей единственности и абсолютности. Пусть это письмо будет ключом к моему нынешнему пониманию мира.

Возможно, что когда-нибудь найдется человек, который, «пыль веков от хартий отряхнув», заинтересуется книгами, мной написанными: пусть это письмо освободит меня до известной степени от ответственности за мои юношеские грехи. Я довольно их делал и в зрелом возрасте, но такая статья, как «Об утверждении личности», воистину «вопиет».

Решительно ее зачеркиваю.

Я исповедую, что галилеянин раввин Иисус, две тысячи лет назад распятый по приказу римского чиновника Пилата согласно воле еврейских националистов, ожидавших Спасителя, как израильского царя, был истинным Спасителем всего мира, и воистину воскрес «по писаниям пророков». Я верю, что прекраснее, мудрее и свободнее не было на земле существа – не было и никогда не будет. Я верю, что Он – Единственный.

Кому же мне было написать об этом, как не тебе, моя родная? Ты, правда, знаешь, как я теперь думаю и во что верю, но это письмо, тебе адресованное, пусть будет также свидетельством для всех. Я хотел бы, чтобы все мои литературные опыты (о, какие несовершенные!) получили оценку в свете этого моего исповедания. Только тогда можно понять мой духовный путь.

Мне было трудно. У меня не было в юности руководителя. Я жил Писанием, но без Предания. Личная моя жизнь, ты знаешь, была слепая. И до сегодня я влачу бремя моей слепоты и греха. Но – видит Бог – я был «алчущим и жаждущим правды», хотя и заблудился и падал – и так низко!

Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 41 — 42об. Связь с конвертом не установлена.

1936 г.

[619] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Голицыно, 1 июля 1936 г.

1 июля 1936.

Милая Надя!

Я устроился очень неудачно. Кроме воздуха как будто чистого, а иногда и приятного, когда я обоняю запах сена, здесь ничего хорошего нет.

Нет элементарных удобств. У соседки нередко по вечерам гости. Моя перегородка не доходит до потолка, и я вынужден слушать разговоры в жанре «петухи поют» – да еще с венгерским акцентом. Я жду с нетерпением девятого августа, когда я вернусь домой. Меня кормят то черным мясом, то телятиной. Суп я ем холодный, а мороженное горячее. Но я все терплю, утешаясь тем, что жить мне здесь придется недолго.

Пейзажа здесь нет. Опалиха – райское место. По-видимому, где-то около Опалихи протекает Тигр и Евфрат. А здесь ничто не протекает. Торчат жиденькие березки. Кругом дачные загончики. «Дом творчества» – жалкий домишко. Душ не действует. Ванну можно принимать только ночью, а вернуться домой нельзя: фонарей нет и все черно вокруг.

Слава Богу, осталось жить мне здесь восемь дней! Какое счастье! Авось в эти дни не умру и вернусь домой. Не советую тебе сюда приезжать. До «дома писателей» надо идти минут 15, а потом еще до моей дачи минут 10. Ты устанешь.

Пришли с Михаилом *чемодан*, фуфайку (безрукавку), а я кое-что верну. Это посольство, значит, будет числа 3 или 4. Можно с ним прислать еще книжку «Пушкин под тайным надзором», авторы – Цявловский, Оксман, Модзалевский, Томашевский. Книжка эта sereneкая, *маленькая*. Она стоит, вероятно, на нашей полке *над моим столом*. Или рядом с книгами Игнатова.

Моя соседка спрашивала меня, не будут ли меня раздражать иконы и лампы, кои имеются в моей комнате. Я сказал, что я признаю «свободу культа» и не требую уничтожения икон. Она успокоилась.

Целую тебя, моя прекрасная. Любящий тебя благоговейно
Георгий.

Привет чадам и домочадцам.
Привет Нюре и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 43 — 45. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Голицыно, 3/VIII-1936» <так! – К. Р.>.

[620] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Голицыно, <1 июля>1936 г.

Милая Надя!

Я живу, в Голицыне, дом №52 Старостина (в семи минутах ходьбы от дома отдыха). Ходить, однако, четыре раза в сутки в дом отдыха невозможно. Поэтому нужны судна, в коих «бабушка» будет носить мне пищу. Пока я пользуюсь суднами соседки гражданки Зельдович. Это по многим причинам неудобно.

В путевке, оказывается, была указана комната на даче Старостина. Я этого не заметил. Сначала я рассердился, но потом убедился, что жить в отдалении от главного дома в некоторых отношениях даже удобнее.

Но телефоном пользоваться очень трудно. Москву надо заказывать заблаговременно. Есть телефон и на почте.

Мне нужны следующие вещи, но это не так спешно:

1. Свечи (у меня в столе) и подсвечник (наземной)
2. Белое пикейное одеяло
3. Маленькая подушка
4. Две рубашки

Книг пока никаких не надо.

Еще нужно:

5. Две тарелки, нож, вилка, ложка, ложечка и чашка или стакан.

Все это может привезти Михаил. Тебе незачем таскаться по жаре. Пейзаж здесь некрасивый.

Вообще кроме *воздуха* ничего хорошего нету.

На даче, кроме гр.<ажданки> Зельдович, Марьи Аркадьевны, и ее 13-ти летнего сына никого нет. Эта дама будто бы лет десять назад была у нас со своим мужем. Не помню.

Работаю мало. Сплю с открытыми окнами. Клопов нет.

Целую тебя, моя чудесная. Земно тебе кланяюсь.

Твой недостойный Георгий.

Передай привет Нюре и всем, кому получается.

Пищи по адресу: Александровская дорога, Московская область, Голицыно, дом № 52, Старостина.
Купи хинину, не скупясь!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 46-47. Связь с конвертом не установлена.

[621] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 15 июля 1936 г.

Дорогой Георгий, посылаю тебе все, что ты просил. Сегодня Мих.<аил> Вас.<ильевич> не смог отвезти тебе вещи, потому что занят – лечит зубы. Сегодня день Ангела Володи, 15-е июля. Жара стала меньше немного, но все же я то и дело обмываюсь водой.

Советую тебе почаще брать ванну, для этого посылаю еще полотенце и кальсоны.

Хинину тебе куплю еще – сразу не дали больше, как на 6 руб.<лей>. Суднов никаких нет в Мосторге. Елена Ивановна одолжила нам свой на время ее пребывания в доме отдыха до 15 августа. Звонил Берман – я дала ему твой адрес. Кланяется тебе Машенька. У Нюры все то же. Целую тебя. Поправляйся. Я не очень изнемогаю. Бездельничаю. Была сослуживица Мариночки и купила у меня две книги. Чтения в Общ.<естве> Искусстве и Древности Российск.<их> за 20 р.<ублей>. Швальбе не уловим.

Пиши мне, если будешь в силах. Я рада, что ты не в Москве.

Будь здоров. Твоя Надя.

/Лето 1936/

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 24-24об. Связь с конвертом не установлена. В конце письма пометка, внесенная рукой Чулковой: [лето 1936].

[622] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Голицыно, 29 июля 1936 г.

29 июля 1936.

Милая Надя!

Ты ангельски добра. Все прислала! И даже судна достала! Спасибо тебе. Я устроился сносно. Главное – воздух, кажется, чистый. И полное уединение. Иногда за стеной с моей хозяйкой галдит на международном языке какой-то венгерец, по я не обращаю внимание.

Целую тебя нежно тысячу раз, моя дивная.

Твой недостойной мних Георгий. Моя комната похожа на келью: иконы и лампы.

Привет Нюре и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 48-49. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой от Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Александровская дорога, Голицыно, дом 52 (Старостина). Почтовый штампель: «Голицыно, 29/VII-1936».

[623] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 31 июля 1936 г.

Дорогой Георгий, что же ты мне не написал, как тебя кормят? Не нужно ли тебе привезти чего-нибудь.<удь> съестного. Я на днях к вечерку попаду к тебе. Буду ждать от тебя поручений. Напиши. Я купила хины всего 48 табл.<еток>. Нужно ли еще?

Сегодня хоронят Фросю, служанку Работновых. Умерла бедная. Зинаида Влад.<имировна> плачет. 3-го приедет Маруся привезет чемодан, который я тебе пришлю в Голицыно.

Я пригласила Марусю к себе до 9-го августа отдохнуть от клопов.

Своими клопами займусь на днях.

Маня уезжает 10-го VIII, 1-го приезжает Вера Юрьевна. Сегодня Нюра идет за разрешением на свидание, а завтра предполагается свидание. Сейчас Нюра звонила со службы: в свидании отказали. Это, как все говорят, хороший знак.

Была Клавдия на минутку. Получено письмо от В.<еры> Ю.<рьевны>, завтра приедет. Погода стала прохладнее, и все легче.

Целую тебя. Пиши. Твоя старая подруга. Н.

Вчера была Ахматова, ела со мной плохой обед. Потом ушла, сказав «господь с вами» и подарила мне (сама предложила) свой портрет в Коломне на улице. Сейчас звонила <1нрзбр>, просила купить билет за 25 р.<ублей> для Пронина, я согласилась. Сказала, что тебе напишу. Был Горецкий. Ищет Анну Андреевну. Она у Олеши. Там ее и настал по телефону.

Целую.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 21 — 23. На конверте адрес: Александровская дорога Моск.<овской> Обл.<асти>. Голицыно, д.<ом> № 52. Старостина. Георгию Ивановичу Чулкову. Адрес отправителя: Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулковой, Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Поздняя пометка «Нарофаминск, № 44 или № 52». Почтовый штампель неразборчивый.

[624] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <31 июля> 1936 г.

Милый Георгий, спасибо за письмо по почте. Жаль, что ты не сказал по телефону, что не нужны книги и что нужны две рубашки. Я рада, что ты на свежем воздухе. Это теперь для тебя большое счастье. В Москве невыносимо душно. Я после тебя даю птицам своим свободу полетать, а сама задыхаюсь от жары. Я думаю, ты как-нибудь обойдешься пока тремя рубашками, отдай выстирать. А потом я привезу как-нибудь.<удь> под вечер.

Лебедева еще прислала открытку. Корректуры пока нет. Ничего нового. Нюра со мной пьет чай по вечерам и сегодня утром. Вздыхает и жалуется на тоску. Ей еще прибавили 100 р.<ублей> в мес.<яц> за какую-то работу по приему нов.<ых> слушателей. Она рада: полученным за два прошлые мес.<яца> 200 р.<ублей>.

Сейчас пошла в Бутырку посмотреть списки высылаемых. Ел.<ена> Ив.<ановна> тоже не забывает нас. Была Вера Голубк.<ина>, очень больна опять. Клавд.<ия> не была ни разу. В Вяземах бывает Влад.<имир> Алексеевич. Я тебе это говорила. Там можно бывать – говорят, хорошо. Посмотри Пушкинские места. Хины я еще купила на 6 р.<ублей>. Теперь у тебя есть запас 48 таблетки, т.<о> е.<сть> на 12 дней приема. Куплю еще 24 таблетки.

Хочу заняться твоей комнатой: истребить клопов.

Целую тебя. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 25 — 26. На конверте адрес: Александровская дорога, Голицыно, № 52, д.<ом> Старостина. Георгию Ивановичу Чулкову. Нарофаминск, № 44 или № 52. Почтовый штемпель неразборчивый.

[625] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Голицыно, 4 августа 1936 г.

4 августа 1936.

Милая Надя!

Оба твои письма я благополучно получил: их мне принес почтальон.

Я как-то не гостеприимно тебя принял вчера; вероятно, так вышло, потому что ты спешила уехать.

Хорошо ли ты доехала? Не настал ли тебя дождь?

Сегодня у нас прохладно. Все довольны, а я не прочь еще пригреться на солнце. Только бы не холод!

Итак, девятого к вечеру я буду дома. Пообедаю в этот день, здесь, в «доме писателя».

Когда ты помахала мне рукой и поезд двинулся, я почувствовал в тысячу первый раз, что ты самый дивный человек во вселенной. Шагая домой к себе на дачу, я продолжал размышлять на эту тему, изумляясь счастью, которое выпало мне на долг. Слава тебе, Боже наш, слава тебе!

Земно тебе кланяюсь и целую благоговейно следы твоих ног.

Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 50 — 51. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[626] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Голицыно, 8 августа 1936 г.

8 августа 1936.

Милая Надя!

Спасибо за все. Я поеду завтра, если Бог даст, после обеда. Приготовь чай повкуснее.

Привет Нюре, Марии Григорьевне и всем, кому надо.

Целую тебя.

Любящий тебя

Георгий.

Позвони в 2 часа в Новый Мир 95.02. Скажи, что 10 корректура будет готова или даже 9 вечером.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 52-53. На конверте адрес: Надежде Григорьевне Чулковой. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира>. Конверт оборван.

[627] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 8 августа 1936 г.

Милый Георгий, посылаю все, что ты просил. Корзиночку завяжи веревкой, уложив в нее посуду и сдай ее Кривоногову. Захвати только нож, вилку и две серебряные ложки. Если можно, хорошо бы еще оставить какую-ниб.<удь> тяжелую книгу.

Целую. Жду. Будь здоров.

Твоя Надя

8-е августа 36

Прислали еще лист <посыльно>.

P.S. Сейчас позвонили из редакции и сказали, что есть еще листы корректуры, напечатано больше если М.<ихаил> В.<асильевич> дождется, пришлю. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 27-27об. На обороте листа письмо адресовано Георгию Ивановичу Чулкову.

[628] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
<По дороге в Ялту>, 22 декабря 1936 г.

Милая Надя!

Пишу тебе в поезде. Поэтому почерк получается не мой, но ты все-таки верь, что это я. Скоро Харьков. Я пока еду хорошо. Я остался в отделении второй (первой?) категории, потому что у меня только один спутник в четырехместном купе. Еду барином. Твой провиант очень пригодился. И то, что все это было заботливо положено твоими руками, умиляет меня.

Голова сегодня не болит. Ночь провел хорошо. Утром мало кашлял.

Только бы ты была здорова! Авось ты без меня отдохнешь. Я вдруг успокоился и смотрю философски на мои неудачи в Гихле. Значит, так надо и в конце концов все это будет мне на пользу. Мирликийский мудрец знает наверное, в чем дело. Выйдет или не выйдет отдельным изданием моя биография Пушкина в 1937 году, все равно помрем. И за то, что есть, надо благодарить Проведение. Истина, правда, прописная, но почтенная.

К тебе у меня одна просьба. Будь ко всем снисходительна. И не слишком прямолинейно подражай Ефрему Сирину, ненавидевшему глупцов. Понимай это диалектически. Я уверен, что Ефрем даже с дураками был ласков и ненавидел их «в высшем смысле».

Передай мой привет Нюре, Любе, доктору Никитину: он, кажется, прав, это мои головные боли все-таки на малярийной почве, особенно, если mal'aria понимается в Тютчевском смысле, как дурное нравственное состояние нашей порочной земли.

Целую тебя, родная.

Твой Г.Ч.

Поздравь Нюру с днем ангела и пожелай ей удачи.

22 декабря 1936.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 54 — 56. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «<нрзбр.>, 22/ХІІ-1936».

[629]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

<По дороге в Ялту>, 22 декабря 1936 г.

Милая Надя!

В Харькове мой спутник, военный инженер, майор, меня покинул, и я теперь еду один в четырехместном купе. Просторно. Никто не курит.

Голова пока не болит. Я читаю Эсхила. Суетная забота как будто отодвигается на второй или даже на третий план. Удивительно это влияние путешествия. В сущности все так же обстоит, как и раньше, а между тем является почему-то какая-то новая непонятная внутренняя энергия, позволяющая тебе отстранить навязчивые и неприятные мысли.

В окнах пейзаж однообразный. Один раз только он был оживлен появлением на оснеженном поле крупного зайца, который удивительным аллюром, подняв зад выше головы, мчался параллельно поезду на забаву пассажирам.

Мы, конечно, опаздываем. И сейчас стоим на какой-то станции, потому что путь прегражден чем-то.

Обедал я в вагоне-ресторане очень плохо, и если бы не твои пирожки и котлеты, я был бы на грустном и неблагодарном посту.

Получила ли ты мое первое письмо? Я рассчитывал его послать из Харькова, а успел послать из Курска.

Ах, если бы твоя спина перестала тебя мучить! Поменьше хлопочи. Экономь силы.

Пиши мне, пожалуйста, почаще. Ялта. Улица Кирова, 9 (бывш.<ий> парк Эрлангера), Дом Писателей.

В голове у меня сейчас нет никаких планов. Это, кажется, в первый раз еду я без всяких замыслов. Я рассчитывал заняться переработкой того или другого романа, но нападки на исторический роман Давыдова и на роман «Нафта» меня парализуют.

Боюсь, что, махнув рукой на практическую бесполезность, я сяду писать пьесу. За то получу удовольствие от сознания, что делаю нечто бескорыстное.

А читать буду Паскаля. Вот на него наверно Ефрем Сирий не стал бы гневаться. Будем утешать себя обществом умных людей.

Целую тебя, родная. Христос с тобой.

Любящий тебя

Георгий Чулков.

22 декабря 1936.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 57 — 59. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[630]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 23 декабря 1936 г.

23 декабря 1936.

Милая Надя!

Что там пароход! Пароход – пустыки! Ты бы попробовала пожить в Доме Писателя! В гостиной – *громкоговоритель*! А куда от него деваться? Я не могу отойти от дома на три сажени: как я пойду назад, когда везде горы и ступени! Я не могу спуститься в Ялту, потому что нет машин. Говорят, есть грузовик. Но и в качестве груза я пока еще не решаюсь претендовать на этот транспорт.

В доме нет электричества. Работать приходится с керосиновой лампой. Если бы ты сюда попала, наверное плакала бы весь день и всю ночь: двадцать писателей – это, знаешь, кое-что. Я даже робею.

Завтра я беру ванну: не мог отвертеться: говорят, это необходимо. Этим ты, конечно, будешь довольна. Ну и ладно – буду купаться. Сестра милосердия угощает меня хинином. Два дня голова моя не болела. Не знаю, что будет сегодня вечером.

Милая, родная! Не забывай меня. Доктору скажи спасибо за добрые советы и напутствие. Своих приятельниц приглашай не всех сразу и нечасто: береги силы. Не утомляй себя.

К людям будь снисходительной. Если ты меня терпишь, значит, можно же терпеть таких, как я. А я хуже иных прочих, ибо кое-что соображаю.

Земно тебе кланяюсь, моя дорогая!

В Крыму – сегодня хорошая осень. Ни дождя, ни снегу. Прохладно, но все-таки солнце крымское.

Это уже третье тебе письмо. Два послала из Курска и Харькова. Сегодня послал и телеграмму. Любящий тебя Георгий.

Целую ручки твои милые.

Комнату мне дали внизу.

Это хорошо.

Пиши почаще. Умоляю тебя.

Адрес: Ялта, улица Кирова, 9, Дом Писателей (Литфонд). [Не надо писать – парк Эрлангера].

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 60 — 63. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 24/ХІІ-1936».

[631] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 24 декабря 1936 г.

24 декабря 1936.

Милая Надя!

В Севастополе я не нашел ни одной легковой машины и вынужден был сесть в автобус. Легковая машина стоит 60 руб. <лей>, а место в автобусе – 15 рублей. Но мне пришлось в Байдарках выйти в соглашение с шофером, и он согласился за 10 рублей подвезти меня к самому Дому Писателей. Если бы не эта моя гениальная дипломатия, я сидел бы на крутой дороге на моем чемодане сутки или двое суток или месяц, не имея возможность добраться до дома отдыха.

Но все, как видишь, кончилось благополучно.

Сегодня затопили в моей комнате печку. Я беру ванну в 1 час дня, а в 2 часа уже обед (не по-еврейски). Я все кротко переношу. Утром сидел в парке на скамеечке и грелся на крымском солнце.

Лениться, однако, я не умею по-настоящему. Что-то надо делать.

Но вот что вовсе незабавно: я уже получил из местной газеты настоячивые *требования* – что-то написать о Пушкине! Каково! Попади я на Северном Полюсе – и там наверное потребовали бы статью об Александре Сергеевиче.

Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре. Напиши побольше о себе. И о судьбе Далика два слова хотя бы.

Не унывай, моя родная.

Целую тебя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 64 — 66. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[632] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, <?> декабрь 1936 г.

Милая Надя!

Будь такой доброй, купи один экземпляр *десятый* (октябрьский) книжки «Нового Мира», вырви аккуратно моего «Пушкина» и пришли этот оттиск заказной бандеролью: *Ялта, Кировская, 9, «Дом творчества» Литфонда.*

Можно предварительно позвонить в «Новый Мир» по телефону К. 0.95.02. и спроси Наталью Алексеевну Виноградову, нет ли у нее *оттисков* моей статьи из десятой (октябрьской) книжки. Такие оттиски должны быть. Кстати спроси, не вышла ли одиннадцатая книжка и в каком положении двенадцатая, спроси она выйдет. Сигнальный экземпляр одиннадцатой я уже получил, а *сигнальный экземпляр двенадцатой* книжки надо раздобыть в редакции с разрешения Станислава Герасимовича Кривцова. Попроси его от моего имени. И непременно эту двенадцатую книжку (всю, не вырывая ничего) пришли заказной бандеролью мне. Это важно. А себе дней через десять купишь в киосках. Одиннадцатую тоже не забудь купить. Она уже наверное появилась.

Пиши мне обстоятельнее о своем здоровье и о нашем доме. Что с Ньюрой?

Целую тебя, родная. Не забывай меня утром и вечером.

Твой Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 67 — 68. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[633] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <24> декабря 1936 г.

+

Родной Георгий, спасибо за телеграмму. Очень рада, что ты на месте. Надеюсь, что отдохнешь и избавишься от головной боли. В Москве все теплее и теплее делается. Сегодня совсем распустило и солнце даже по-весеннему греет. Что это за зима странная какая!

Проводив тебя, мы не без труда добрались домой: все не могли найти нужного трамвая. На другой день я весь день пролежала от усталости. Старая я стала и не гожусь для суеты. Сегодня много лучше, так что смогла съездить в Мосторг и купить Ньюре подарок, чем ей, кажется, угодила. Сейчас она у Веры пирует. Был Дм.<итрий> Евгеньевич – завтра придет обедать – я его позвала. Ничего нового он не узнал: опять «приди завтра». Посылаю тогда конверт с письмом из Academia.

Сегодня звонила Мария Аркадьевна Зельдович, просила тебе передать приглашение написать для газеты «Воронежская Коммуна» биографию Пушкина страниц на 8-10 машинописи – подобную Вересаевской, помещенной в «Известиях». Пришла спросить у тебя ответ на ее предложение и дала мне свой телефон для ответа. Больше никаких телефонов не было.

Получила письмо от Надежды Васильевны очень забавное. Она тебе шлет нежный привет и пожелание поправиться и отдохнуть.

Я пока никаких твоих поручений не делала. Ленюсь и отдыхаю. Авось все еще успею сделать. Хину подожду тебе посылать до твоего письма: м.<ожет> б.<ыть> еще что нужно послать, тогда уже вместе пошлю.

Никого из моих друзей пока не являлся. Два дня я в одиночестве. По рассеянию-то я не записала твой подробный адрес. Хочу взять его у Л.<еонида> И.<вановича> Тимофеева. Я слышала, как ты ему говорил его по телефону.

Прощай милый, поправляйся. Напиши мне подробно о своем житие. Мне это интересно знать. Целую тебя. Будь здоров. Твоя Надя.

Вчера еще была сумасшедшая Варя, сестра Над.<ежды> Вас.<ильевны> – читала стихи декадентские. Я ей рассказывала о женском движении и показывала картинки в газетах и читала выдержки из речей

делегаток. Объясняла ей что, это живое дело, и она заинтересовалась. Я тоже получила приглашение на собрание жен писателей, где будут выступать делегатки бывшие на совещании в кремле.

Приложение к письме:

Уважаемый тов.

В целях ознакомления тт. членов Группкома с социалистическим строительством на местах и содействия научно-исследовательской работе, требующей изучения материалов на местах, как, например, фольклор, – Бюро Группкома писателей при издательстве «АКАДЕМИЯ» предлагает Вам сообщить в Бюро, какие поездки необходимы Вам в связи с научной работой в будущем году.

Помимо названных творческих поездок, Бюро Группкома в целях познавательных предполагает организовать несколько групповых поездок в те или иные центры нашего Союза.

Желательно, ввиду этого, получить от Вас конкретные сведения о том, куда именно Вам представляется наиболее желательным организовать такие поездки, учитывая специфический характер научно-творческой работы членов нашего Группкома, в частности и Вашей работы.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КУЛЬТКОМИССИИ:

/ БЕЛЬЧИКОВ /

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 36 — 39. На конверте адрес: Крым Ялта. Дом писателя. Ул.<ица> Кирова, 9 (быв.<ший> парк Эрлангера). Георгию Ивановичу Чулкову. Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Чулкова. Почтовый штемпель: «Москва, 24/ХІІ-1936».

[634] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 24 декабря 1936 г.

+

24 XII 36 Москва

Дорогой мой Георгий, очень ты меня утешил твоими двумя записочками с дороги. Слава Богу! Голова не болит. Стала я меньше кашлять. Один ехал в купе – чудно.

А я два дня уже плохо сплю. Не постель ли твоя заразила меня бессонницей? Хотя матрац твой заново исправлен, но все же верно на нем не спиться. Сейчас три часа ночи, а я глаз не сомкнула. Встала и начала тебе писать, чтобы не пропало даром время.

Сегодня рождение Володи нашего. Я вчера под утро заснула и все его во сне видела, маленького. И все сокрушался, на кого же мы его оставим, когда придется умереть, ведь он еще не успеет стать самостоятельным. Но днем забыла, что его рождение. Как я теряю память, поразительно! Умер Островский. Сильный духом, должно быть, был человек.

Сегодня выходной день. У меня гости: Пяст (просился ночевать, узнав, что ты в отъезде, отказала), Таня Розанова, Евг.<ения> Алексадр.<овна>, Надежда Вас.<альевна> Мартынова – все незваные.

Нюра и Дм.<итрий> Евген.<евич> обедали и Голицкая тоже. Вчера я говорила с доктором Покровский о себе по телефону. Дал совет. Пить гиперсоль, от которого мне было плохо.

Советовал сделать перерыв и снова начать пить. Бессонница меня мучает. Сочувствую тебе.

Сегодня с вечера служба св.<ященнику> Спиридону, святителю тримифунтскому, котор.<ый> обратил змею в золото. С завтрашнего дня начнет прибавляться день и убавляться ночь. Спиридон – поворот по-народному.

В Москве тепло, как весной. Лужи и сырость.

Я переплетаю тебе Пушкинский словарь растрепанный и себе несколько любимых книг. За абажур еще не принималась. Все забавляюсь и развлекаюсь и утешаюсь, и дельного ничего пока не

могу еще начать. Смотрю на список твоих поручений и все откладываю до следующего дня. Ленюсь умышленно. На сердце пока спокойно, мирно.

Целую тебя, родной. Будь здоров и помни меня убогую и косную. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 28—29. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9, (б.<ывший> парк Эрлангера). Дом писателей. Георгию Ивановичу Чулкову. Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Чулкова. Почтовые штемпели неразборчивые.

[635] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 26 декабря 1936 г.

26 XII 36

Милый Георгий, опять пишу тебе ночью. Не сплю до 2-3 ч.<асов> на твоей постели. Как-то ты? Спишь ли и уменьшился ли кашель? Дай бы Бог! У нас ничего нового. Только еще какая-то газета хотела получить от тебя статью о Пушкине. Но так статья нужна им к 15 января, то я и не взялась спросить тебя о согласии или отказе.

С нетерпением жду от тебя письма о твоём доме отдыха и о твоём отдыхе в нём.

Я все еще не приступаю к делам – все ленюсь. Впрочем справилась в Литфонде о газетах для тебя – сказали, что газеты выписаны и что можно получить квитанции на них в любое время. Отнесла книги Цявловскому. Они возвращаются завтра – 27-го.

Вчера приходил Шервинский, попросил посмотреть у нас 28 вып.<уск> «Пушкин и его современники». Ему нужна была статья Маслова «О стихотворении Пушкина» «Послушай, дедушка, мне каждый раз...».

Он пишет работу о чтении стихов Пушкина и уже выезжал вместе с Дурьлиным в Воронеж читать о том, как *надо читать Пушкина* и Дурьлин читал о том, как *читали* Пушкина.

Шервинский мне сказал, что арестованы Томашевский и Десницкий.

Меня часто навещает Люба и очень заботится обо мне.

Да, сегодня новость. Маруся, моя сестра, родила девочку. Здоровую и все хорошо пока.

Нюра не нервничает особенно.

Ходит в концерты и на службу.

У меня никто не бывает.

Сегодня первый день морозный.

Спина не болит.

Вот пока все, что могу тебе сообщить. Завтра м.<ожет> б.<ыть> еще что припишу. Целую.

Прощай пока. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 33-33об. Связь с конвертом не установлена.

[636] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 27 декабря 1936 г.

27 XII 36

3-е письмо

Милый Георгий, жду от тебя подробных описаний твоего жития в доме отдыха. Я получила только одно письмо из Ялты. Сама пишу тебе 3-е письмо.

Как-то ты там себя чувствуешь? Скоро новый год. Как ты его встретишь? Поздравляю тебя, дорогой мой. Целую. Желаю здоровья и спокойной совести. Себе тоже желаю. Здоровья мое тоже начинает изменять мне. Все сердце что-то беспокоит. Я тебе жаловалась на бессонницу на твоей

постели. Решила я перейти опять на свою кровать – и, представь, сплю хорошо и встаю рано, как и раньше.

На днях был телефон от Л.<ьва> П.<етровича> Русланова. Говорил его брат Алексей, просил тебе передать привет от Л.<ьва> П.<етровича> и сказал, что Л.<ев> П.<етрович> очень болен и никуда не уехал, лежит дома и хочет узнать, уехал ли ты и что с тобой. Болен он от ноги. Бедняга! О Дале ничего неизвестно. Свидание не дают ни отцу, ни Нюре. У меня были Анечка Бруни и Машенька очень хорошо провели вечер в разговорах и воспоминаниях. У меня что-то совсем не бывают знакомые. Была только Елена Ив.<ановна>, Евг.<ения> Александровна да Олсуфьева. Вот и все. Я рада, что тихо. Идет снег. В квартире холодно. Откуда-то дует так сильно, что надо спать поближе к печке.

Керосинку я не зажигаю. У Нюры тепло, а у тебя в комнате 12 градусов. Готовимся к Новому году и ждем переписи. Я рада, что ты убежал от холода. Как ты думаешь дальше? В феврале? Может быть, подыщешь себе комнату на стороне. Спроси у служащих в доме отдыха, м.<ожет> б.<ыть> тебе помогут найти комнату и столь не так высоко, чтобы можно было гулять и по городу? Я не хотела бы, чтобы ты ограничил свой отдых одним месяцем и вернулся к злейшим холодам в Москву. Дом наш совсем не держит тепла. Ведь до сих пор с помощью твоей электрической печки удавалось согреть комнату, да и то потому, что на дворе было тепло, а теперь едва ли мы достигли бы этого, когда мороз до 15 гр.<адусов> и ветер дует в стены.

Сегодня на Арбате видела я меховые носки. Хотела купить, да потом раздумала. Стоят 23 р.<убля> Как хорошо было бы тебе надевать их дома для отдыха. Напиши купить мне их или не надо? Говорят, что головные боли бывают от того, что ноги зябнут.

Пожалуйста, напиши мне побольше.

Целую. Твоя Надя.

Тебе привет от Машеньки, Анечки, Ел.<ены> Ив.<ановны>, Русланова, Жуковского.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 30 — 32. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9, (б.<ывший> парк Эрлангера). Дом писателей. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовые штемпели неразборчивые.

[637] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 27 декабря 1936 г.

27-е XII 36

Получила третье твое письмо. Спасибо. Бедный, бедный! Я и забыла, что громкоговоритель будет непременно. Жаль! Радуюсь только, что климат все-таки крымский. Поправляйся, дорогой. Я буду исполнять твои советы о поведении. Не ты один говоришь мне это: сегодня читала о том же у А.<?> Павл.<?>.

Целую тебя. Пиши почаще.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 34-35. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9, (б.<ывший> парк Эрлангера). Дом писателей. Георгию Ивановичу Чулкову.

[638] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 28 декабря 1936 г.

28 декабря 1936.

Родная Надя!

Я тебе послал четыре письма и телеграмму, а от тебя пока не получил еще ни одного. И вообще ни одного письма не получил из Москвы. У меня прошли головные боли, одышка по утрам не так

мучает, как в Москве, но – представь себе – я заболел острым колитом. В испражнениях кров и слизь. Я подозреваю дизентерию, но доктор надеется, что это не так страшно. Доктор навещает меня два раза в день. Сестра милосердия и служанки санатория очень внимательны и предупредительны. То же можно сказать и о директоре и экономке. За мной очень ухаживают. Я на строжайшей диете (вещь обоюдоострая). Вот такая неудача меня постигла. Но за то голова не болит и я избавился от унижительного чувства заботы и негодованию на Гослитиздат. Колит мой, конечно, очень меня утомляет, но, вероятно, так надо, и я не бунтую против Провидения.

Милая Надя! Позвони, пожалуйста, по телефону в Гихл – 3.83.26 и спроси у Николая Никандровича Накорякова, распорядился ли он о переводе мне в Ялту 1000 рублей. Если он перевел деньги не в Ялту, а на мою сберегательную книжку (касса в самом Гихле на верхнем этаже), тогда возьми эту книжку из черного бумажника (там три книжки – захвати их с собой и в кассе определят, какая ихняя) и получи деньги. Я при сем прилагаю доверенность, но и без нее ты можешь получать: пятьсот рублей переводы мне телеграфом, а пятьсот оставь себе.

В Москве нет надобности вносить в Литфонд: это можно сделать здесь, в Ялте, смотря по обстоятельствам.

Если ты не дозвонишься до Никорякова, позвони в секретариат 3.44.09 и попроси секретаршу узнать, переводили ли мне тысяча рублей в Ялту. Возможно, что Никоряков не исполнил своего обещания, но я и тогда, кажется, не очень огорчусь. Все уладится. И ты, пожалуйста, не придавай значения ни моему колиту, ни финансовым делам. Если я почувствую, что слишком слабею от колита, я пришлю тебе телеграмму, и ты приедешь сюда. Я сговорюсь здесь с директором, надеюсь. Но это в крайнем случае и ты не вздумай приезжать без моего вызова. Сестра (израильтянка) уверяет, что я поправлюсь через три дня. Не знаю. Может быть.

Утеши меня, родная. Пиши почаще и пообстоятельнее. Газетные новости не сообщай. Мы здесь все знаем. Главное, не утомляй себя, береги спину. Осторожнее переходи через площади и улицы. Гостей зови не больше двух человек сразу. Привет друзьям. Пусть меня не забывают.

Что с Нюрой? Какова судьба Далика?

Тут неплохая, хотя и маленькая библиотека, и я решил прочесть те вещи Горького, которые считаются лучшими – «В людях» и «Мои университеты». Все это очень среднего качества в литературном отношении, а что до мудрости и даже просто умности, то об этом даже смешно говорить: так все провинциально и невежественно. Дико необразованный человек! Любопытны воспоминания об Анне Шмидт и об Александре Блоке, как документ полного непонимания и той, и другого. Но все-таки есть кое-что занятное – во всяком случае для нас с тобой.

Вот видишь, какое длинное письмо я тебе написал: доказательство, что я еще не умираю.

Целую тебя, дорогая! Клянюсь тебе земно и люблю. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 69 — 71. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Ялта. Кировская 9, дом Литфонда. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 29/ХІІ-1936».

[639] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 29 декабря 1936 г.

28 или 29 декабря 1936.
(Потерял счет дням).

Родная Надя!

В первый вечер моего заболевания у меня была температура – 39, во второй – 38, в третий – 37. Значит, как будто бы есть улучшение. Но стул пока еще мерзок. Я питаюсь рисовым отваром и киселем с красным вином. В первый день ничего не ел. Но пока самочувствие сносное. Голова не болит – это счастье. Одышка – меньше.

Это эгоизм с моей стороны сообщает тебе о моих недугах, но понеси, милая, и эту тяготу. Работать я не работаю, но до заболевания перечитал оба мои романа и убедился, что мало надежды их напечатать. Но как-нибудь все уладится, если даже Гослитиздат отвергнет моего «Пушкина». Я уверен, что биографию так или иначе я напечатаю.

Как только кишечник перестанет меня терзать, что-нибудь начну обдумывать. Боюсь, что примусь за пьесу. Дело рискованное, но за то это будет вроде отдыха. Уж очень я люблю писать пьесы.

Здесь я веду дружбу с В.<ладимиров> В.<ладимировичем> Ермиловым. Мы с ним соседи по комнатам.

Прочие обитатели дома отдыха народ довольно безразличный. Со мной вежливы. Я, впрочем, сейчас сижу у себя в комнате и не общаюсь с миром.

Очень думаю о своих грехах. Но какой толк! Начал читать «Переписку с друзьями» Гоголя. То же думал о каких-то страшных своих грехах. Его «Исповедь» (прочти) совершенно чудовищна по своему тону и как-то краснеешь за него и за себя и за все сумасшествие нашего бытия, за всю нашу дикую слепоту. А в этой книге, между прочим, есть изумительные страницы, написанные без всякой «елейности». Впрочем, гоголевская «елейность» это нечто ни на что непохожее. Ни француз, ни немец никогда не могли бы написать ничего подобного. У Паскаля совсем другое. У Паскаля «это» лучше.

Целую тебя, родная. Не забывай меня. Твой Георгий.

Передавай, пожалуйста, привет Нюре и всем, кому следует. Не скупись на письма. Главное, будь здорова.

P.S. Непременно немедленно пришли посылкой по адресу: «Ялта, Кировская, 9, Дом Литфонда» – две ночных рубашки получше и двое кальсон (купи трико, а если не найдешь, то хоть белые). При моем недуге это необходимо. Это экстренно. В Ялте ничего нет.

Прости, что беспокою тебя.

Позвони в «Новый Мир» К. 0.95.02 и спроси у Станислава Герасимовича Кривцова или у Натальи Алексеевны Виноградовой, нет ли *двенадцатый книжки* (декабрьской) и если есть, то попроси для меня два экземпляра. Один оставь себе, а другой пришли мне заказной бандеролью. Авось, с двенадцатой книжкой ничто не случилось. Начни разговор с того, что Георгий Иванович «шлет вам привет»...

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 72 — 74. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Кировская 9, дом Литфонда. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 29/ХІІ-1936».

[640] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 30 декабря 1936 г.

30 декабря 1936.

Милая Надя!

Я, кажется, поправляюсь, и мне стыдно, что я беспокоил тебя сообщениями о моем колите. Температура нормальная. Стул не такой мрачный, как в первые три дня после заболевания. Я на голодной диете, но завтра потребую манной каши.

Прости меня Христа ради за мою болтливость, но я, по правде сказать, испугался дизентерии, вспомнив о судьбе Названова.

Я до сих пор писал тебе каждый день, но сейчас хочу заняться кое-чем литературным, и поэтому не жди от меня ежедневных писем. Буду писать не чаще одного письма в неделю. А то, пожалуй, надоем тебе своим бумагомараньем.

Здесь, в доме Литфонда, все утроено не так плохо. Громкоговоритель ограничен в своих правах и обязанностях. В одиннадцать часов все уходят из общей залы. Все тихо. Тут можно было бы работать,

если бы я приехал с готовой темой, но просто руки опускаются, когда подумаешь, какие предъявят к тебе требования. Не знаю, в каком жанре и на какие темы можно сейчас писать с расчетом на печать.

Даже менее сложные люди, чем я, недоумевают.

Кстати – скажи этой «Воронежской газете», что я писать для них не буду ничего. Довольно. Я устал. И баста.

Целую тебя, родная моя. Прости меня. Мои жалобы не суть уныние. Я не утратил надежды, что все образуется, но *как* образуется – не ведаю.

Как судьба Ньюры? Неужели все по-старому? Непонятно.

Здоровье твое! Главное *твое* здоровье!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, 75 — 76. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Кировская 9, дом Литфонда. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 30/ХІІ-1936».

[641] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 31 декабря 1936 г.

31 декабря 1936.

Родная Надя! Получил сегодня от тебя третье письмо от 26 декабря. Как долго идут письма! Как только увижу твой почерк, буквы, начерченные твоей милой рукой, у меня душа изнемогает от нежности. Я тебя, родная, люблю по-настоящему. Я знаю, что будущий мой биограф будет разводить руками, уличая меня в противоречиях, но он будет круглый дурак, если посмеет сомневаться в том, что я «никогда тебе не изменял», несмотря на все как будто явные мои странствия по иным душам и сердцам. Пойми, глупый биограф, что я не лгу. Вот стою на коленях перед моей чудесной Надей и буду стоять до самой моей смерти, сознавая, как я недостойн поцеловать даже край ее туфли. Дивная моя красавица! В сущности ты – единственная красавица, которую мне довелось увидеть. Нет у тебя соперниц. Пожалуйста, не хмури бровки.

Ну, теперь – отчет о моем поведении и быте. От острого колита я исцелился или почти исцелился. Сегодня ел уже куриную котлету. Но дни абсолютной голодовки несколько подорвали мои силы и поэтому держится небольшая температура. Я по совету Покровского и по соглашению с местным врачом возобновил курс хины в виду этой температуры. Мне кажется, что, когда начну есть, как следует, не тратя ни на что сил, я выправлю мою температуру. Самочувствие неплохое.

Твоя бессонница меня очень беспокоит. Нет ли какого-нибудь секрета в моей комнате? Береги себя, ради Бога. Я живу, как в Москве, в отношении моего чтения перед сном и по утрам. Тебя всегда помню и ты меня помни.

О быте должен сказать, что громкоговоритель, по общему согласию, ограничен двумя выступлениями в день – по 20 минут – на предмет сообщения известий, так что его крик не мешает жить.

Общаюсь здесь с писателями. Из лиц мне небезразличных отмечу В.<ладимира> В.<ладимировича> Ермилова и некого Паустовского с женой и сыном. Этого беллетриста я даже хочу прочесть.

Ты пишешь, что «какая-то» газета просила у меня статью. Пожалуйста, точно узнавай, *какая именно*. Это очень важно, особенно, если она московская или ленинградская. И немедленно сообщай мне о всякого рода подобных предложениях. Я могу статьи не дать, но я должен знать, какая газета или журнал хочет получить от меня статьи. Мне сейчас сообщил живущий здесь украинский писатель, что отрывки моей биографии Пушкина печатались несколько раз на украинском языке и даже в центральном органе партии.

Я начинаю подумывать о том, что придется ведь все-таки приниматься за какую-то работу – и вот недоумеваю, за какую. Угрозы со всех сторон. Сюда приехал некий писатель Никандров (старый) и уверяет, что он восхищался когда-то, в 1903 году, моими статьями в «Нижегородском листке»? Так вот, этот писатель уверяет, что секретарь Союза Ставский (покровитель Новикова) отстранен за его «ошибку» относительно Пастернака. Ты помнишь? Это любопытно. Узнай у Новикова, правда ли, что Ставский отстранен и поздравь его, Новикова, с тем, что он успел устроить свои делишки до этого казуса. Вернул ли он Брокгауза и другие книги? Записывай поточнее, если что-нибудь кому дашь из книг. Дальним не давать – только ближним.

Поздравь Марусю с младенцем, передай привет доктору и всем друзьям. Вырази мое сочувствие положению Нюре и не обращай внимания на концерты. Музыка как музыка. Но судьба Далика удивительна. Что такое с ним? Ленинградские новости, рассказанные С.<ергеем> В.<асильевичем> Шервинским, удивили меня весьма.

Я пишу сейчас эти строки, а из залы доносится детский хор: это елка новогодняя, устроенная для детей сотрудников Дома Писателя. Вечером будет банкет (взяли с меня 15 рублей). Есть я ничего не буду. Все будут пить какое-то белое кислое вино, но мне дадут стакан красного, которого в Ялте вообще не продают вовсе и которое был получен для моего лечения по протекции. Целую тебя, родная.

Любящий тебя неизменно Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 77 — 79. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель «Ялта Крым, 2/1-1937».

1937 г.

[642] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 2 января 1937 г.

2 января 1937.

Родная Надя!

Сегодня получил твое письмо от 29 декабря 1936 года и очень огорчился тем, что ты жалуешься на сердце. Береги себя. Умоляю. Ты очень неосторожна. Ворочаешь тяжелые вещи. Попался под руки топор, рубишь топором, забывая, что ты старушка, хотя и красавица первая в мире. А когда подумаю, как ты рассеяно переходишь безобразную Зубовскую площадь, то сам готов упасть в обморок.

Помни, что я без тебя пропаду, а ты без меня. Нам надо умереть вместе, в один час. И давай не будем спешить.

Я вот сегодня пригласил к себе в комнату Ермилова и посвятил его в один мой литературный план. На всякий случай. Может быть, «Красная Новь» пригодится. На днях примусь за работу. Хочу бакинский роман «Добыча» превратить в повесть, приняв во внимание всякие подводные камни и сократив роман *вдвое*.

Это имеет и практическое значение. Повесть легче устроить в журнал, чем роман. А то, ведь, нам скоро придется положить зубы на полку. В доме писателей все то же. Событий нет. Евгения Федоровна Книпович уезжает завтра. Она позвонит тебе по телефону и засвидетельствует, что я жив.

Пиши мне почаще. Целую.

Любящий тебя Георгий.

Нюре я сегодня послал письмо. Любе и Николаю Михайловичу очень кланяйся. На днях я им напишу. Не забывай передавать привет Лизе, Михаилу и нашей Александре Тимофеевне (я не переврал ее имя?). Вообще ты знаешь, кому надо кланяться – Дмитрию Евгеньевичу, Елене Ивановне и т.<ак> д.<алее>. Русланову напишу. Жаль его.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 80 — 82. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 2/1-1937».

[643] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 2 января 1937 г.

2 января 1937.

Милая Надя!

Я тебе сегодня послал письмо утром, а сейчас опять пишу. Я получил сегодня перевод из ГИХЛ'а от Накорякова, так что, очевидно, ты его напрасно беспокоила вопросом, перевел ли он мне деньги, как я об этом просил тебя. Впрочем, я не знаю, говорила ли ты с ним по телефону. Если не говорила, то и не надо, а если говорила – беда невелика. Это он прислал мне последнюю долю для выплаты 60%. Теперь я могу свободно остаться здесь до тепла и даже поделиться с тобой, если у тебя финансовый будет кризис. Не забывай получать пенсию и предварительно вписывать свою фамилию в книжку. С журнальчика ты получишь, очевидно, деньги только в феврале после выхода Пушкинских номеров. Литфонду я буду вносить деньги здесь, на месте, так удобнее. Я внесу до 1 февраля пока, потому что немного чувствую себя связанным невозможностью гулять. Может быть в самом деле подыщу какую-нибудь комнату в Ялте после 1 февраля на недельку – на две, если только недорого будет стоить. Во всяком случае до 1 февраля я буду сидеть в доме Литфонда.

Тут уж из Ялты ко мне обращаются и со статьями, и с лекциями. Я уклоняюсь под предлогом температуры. Она все-таки у меня пока держится – маленькая: очевидно, я подорвал силы колитом и голодовкой, но самочувствие сносное.

Присылка денег Накоряковым подтверждает, что сам он не хочет порывать со мной. Это все портят дела, мелкие людишки. Во всяком случае хорошо то, что январь и февраль у нас обеспечены. А к марту я что-нибудь придумаю. Напиши мне, не нужно ли сейчас перевести тебе денег. Я могу рублей триста послать, не рискуя остаться здесь на бобах. Видишь, какой я богатый. Целую тебя. Пиши обо всем подробнее.

Любящий тебя Ротшильд

(фашисты сделали его «почетным арийцем»).

Привет Нюре и всем, всем, всем!

Ты у меня в Москве отняла конверты, купленные мной для Ялты, а в Ялте конвертов нет. Значит, ты сама себя наказала. Как я теперь буду тебе писать? Конверты мои забрала, а сама посылаешь мне письма в неприличных каких-то конвертах – курам на смех. Неужели и в Москве нет конвертов? Впрочем, ты все-таки пиши. Я и в смешных конвертиках найду утешение.

Земно тебе кланяюсь, родная.

P.S. Милая Надя! Еще поручение немаловажное. Я дал в «Новый Мир» для январской книжки статью о Пушкине «Народный поэт». Надо узнать по телеф.<ону> К. 0.95.02 у Станислава Герасимовича Кривцова или у Федора Харитоновича Власова, пойдет ли эта статья в январе или в феврале. Если пойдет, прекрасно, а если нет, то ее нужно *экстренно* взять из журнала и передать через <Кривоконева> Леониду Ивановичу Тимофееву с просьбой устроить статью куда-нибудь в газету. Предложить можно «Правде», «Известиям», «Литературной Газете». В крайнем случае в «Красную Звезду» и вообще куда Леонид Иванович найдет возможным. А если статья пойдет в «Новом Мире», то и хорошо. Корректур можно не требовать. Там внимательны. Твой Георгий.

Если на машинописи есть редакционные пометы, их надо уничтожить.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 83 — 86. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 3/1-1937».

[644] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <2 января> 1937 г.

4 е письмо

Милый Зоря, завтра пошлю тебе книжку и оттиск. Сегодня не успела. В редакции Н.<ового> М.<ира> сказали, что 11 кн.<ига> вышла и можно получить и оттиски 10-й кн.<иги> тоже готовы.

Сегодня был у меня и читал свою работу. Очень я устала. Вчера звонила я Кабановой и узнала, что муж Зои Ильиничны пока еще не служит, но дома и собирает с ней мандарины. Я просила кланяться ей от меня.

Нового ничего. Даля все еще не появляется. Нюра хнычет. Я купила ей елку. Сегодня ее зажгли. Навещает меня Люба. Была у меня Мартынова. Надя написала мне что-то о веселом препровождении времени вместе с <дорогим> В.<?> А.<?>. Пока не буду ей писать. Если захочет, пусть первая возобновит переписку.

31-го приехал утром Белкин замерз, не достал билета на поезд и в отчаянии, что не попадет домой к встрече Нового года. Поила его чаем, кормила обедом. Уехал. Говорили много об учениках худ.<ожника> Успенского. И Белкины и Успенские, мне кажется, боятся общения с Над.<еждой> Вас.<ильевной> из-за ее близости с Ириной, вдовой Щеголева.

А я то недоумеваю, почему они ее не приглашают к себе.

Поздравляли меня и тебя В.<?> А.<?>, Златовратский, Новиковы, Голубкина и еще кто-то.

Сейчас ложусь спать. Устала.

Целую. Надя.

Пиши.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 54 — 56. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом творчества (Литфонд). Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 2/1-1937».

[645] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 4 января 1937 г.

4/137

5 е письмо

Милый, бедный мой Зоря, как твое здоровье? Жду твоих писем. Надеюсь, что ты мне будешь часто сообщать о твоей болезни. Мы все очень беспокоимся за тебя. Нюра звонит мне со службы – спрашивает – нет ли известий. У меня нет предчувствия, что это опасно. Бог даст, все обойдется и ты встанешь быстро. Отчего бы могло это случиться? Неужели пища так плоха или плохо готовится, что кишечник твой запротестовал? Ты как Лев Николаевич: тот, как только уедет куда от своей Софьи Андреевны, так и заболит желудком.

Смотри, поправляйся. Хорошо, что тебе перевели деньги. Оттиск и книгу я тебе послала. Белье тоже послала. Справлялась о твоих статьях в издательствах, но пока все еще ничего не получила. Мы живем помаленьку. Убралась к празднику. Купила гуся. Гостей у меня почти не бывает. Даже и по одному человеку за раз. Я ленюсь, отдыхаю, ничего не делаю. А скоро думаю начать лечиться у гомеопатов. Спину, сердце и глаза.

Почитала Гоголя и ничего там что-то меня не поразило. Я вообще стала деревянная. Должно быть, это из-за болезни.

Сейчас звонила Русланову. Узнать хотела о его здоровье. Лежит, болит плечо. Я ему передала от тебя привет на всякий случай. У телефона был его сынишка. В «Новом Мире» мне любезно выдали

пять оттисков и еще одну 11-ю книгу. О двенадцатой сказал Виноградов, что скоро выйдет и что скоро мне дадут оттиск одиннадцатой.

Очень живо интересуется твоим здоровьем и просит передать *наши* самые горячие пожелания скорейшего выздоровления.

Накоряков по телефону тоже был очень приятен.

У нас началась перепись и уже к нам приходила студентка и заполняла листки.

Из твоих друзей никто меня не навещал еще. Звонил только Порф.<ирий> Порфир.<евич>. Спрашивал о тебе.

Клавдия не была ни разу.

Своей новой племяннице – Марусиной дочке я послала в подарок клееночку и две соски. Скоро приедет Тоня сестра тогда пошлю гостинцев всем.

Итак, ничего нового.

Жду с нетерпением вестей от тебя. Напиши, как тебя кормят и не надо ли чего послать. Целую тебя.

Господь с тобой. Твоя Надя.

Воображаю, как волнуется цыганка, если ты написал ей о своем заболевании. Кланяется тебе Нюра, Михаил и Лиза, Елена Ив.<ановна>, Люба.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 40 — 42. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом творчества (Литфонд). Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 5/1-1937».

[646] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 5 января 1937 г.

5 января 1937.

Милая, родная Надя!

Если ты не успела выслать мне таблетки хины, немедленно вышли. Дело в том, что, по видимому, я еще не излечился от малярии. Колит мой прошел, но сейчас возобновилась температура, и доктор думает, что это малярия. Я тоже склонен объяснять температуру малярией. Приходится есть хину.

Настроение у меня неплохое, но температура мешает работать, а я уже придумал программу занятий. Думаю мой Бакинский роман, изъев из него сомнительное, превратить в повесть листов на 10 печатных. Я с интересом отношусь к этой работе. У меня есть замысел. Это не будет внешняя цензурная работа, а нечто органическое. Так я по крайней мере хочу.

Твое здоровье меня волнует больше, чем мое. Покажи сердце какому-нибудь серьезному врачу. Может быть, нужно систематически пить дигиталиса. А главное береги себя: *не работай!* Духом будь бодрой. Относись к глупым снисходительно вопреки советам Ефрема. Ефрем имел право ненавидеть глупых, а у нас этого права нет. Мы тоже не Бог ведь какие умники. Это не мешает мне (в порядке антиномии) считать тебя мудрейшей красавицей в мире. И это правда.

Земно тебе кланяюсь и целую твои руки благоговейно.

Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре и всем. Аминь.

P.S. Деньги от Накорякова из Госиздата я получил. Не выслать ли тебе рублей 300?

Узнай в Новый Мир (К. 0.95.02) у Натальи Алексеевны, вышел ли 12-й номер. Попроси мне прислать его сюда в Ялту.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 87 — 88. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 5/1-1937».

[647] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 6 января 1937 г.

6 января 1937.

Родная Надя!

Сегодня я получил твое письмо, которое ты пометила четвертым. Помета все-таки не дата. Очень тебе рекомендую в моих интересах, а также в интересах будущих биографов ставить на письме число, месяц и год.

Ноябрьская (одиннадцатая) книжка «Нового Мира» в Москве уже продается в киосках: не забудь купить не меньше трех экземпляров. Меня интересует декабрьская. Вышла ли она? Справься в «Новом мире». Если есть первые экземпляры, попроси для меня *два*. Один из них пришли в Ялту.

Пришли экстренно хину (купи еще таблетки в магазине) и пришли непременно *побольше нарезанной тонкой бумаги* (папиросной).

Твои письма я читаю с жадностью. Все твои сообщения мне интересны очень. Не ленись писать. Хорошо, что ты накормила Белкина. Хорошо, что ты намерена наказать Надежду Васильевну за ее дурное поведение. Что это в самом деле за безобразие! Вот и рекомендуй бабенку!

Оттиски 10-й книжки «Нового Мира» попроси прислать с курьером. Сюда их не надо посылать.

Я лечусь хиной. Снизил температуру. Надоело болеть. В Ялте еще ни разу не был.

Сидорову послал письмо. Послал письма Цявловскому, Гронскому, Кривцову, Кривоконову, Тимофееву, Новикову и сейчас при сем прилагаю письмо Любе. А Нюра получила мое письмо?

Не ленись писать, умоляю. И пиши правду о своем здоровье. Я намерен остаться в Ялте до середины февраля, но если, не дай Бог, ты будешь чувствовать себя неважно, я вернусь в Москву немедленно. Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 89 — 90. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульв. <ар>, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 6/1-1937».

[648] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 6 января 1937 г.

6 янв.<аря> 37

6 е письмо

Милый Зоря!

С праздником поздравляю. Сижу в твоей комнате. На диване спит Евдокия Александровна <1нрзрб>. Она сегодня именинница. Сегодня 24-е декабря по старому. Пришла ко мне, потому что одна и не к кому пойти.

У тебя на столе прекрасный перекидной календарь – подарок Любы. Сегодня получено три письма от тебя от 30 и 31-го дек.<абря>. Одно Нюре. Она очень довольна твоей ласковостью и вниманием даже к болезни А.<лександра> Брюсова. Ему, между прочим, сделали операцию и рака не оказалось, а какой-то нарост или сращение. Жду Веру сегодня. У меня елка. Я была у Маруси Фудель. Она сердцем очень тебе кланяется с любовью, там же была и Нина Иосифовна – тоже шлет привет. Хочу на днях пойти навестить Русланова. Опять сегодня говорил его брат по телефону – очень ему плохо.

Как хорошо, что у тебя налаживается с кишечником и ты уже думаешь о работе. Я говорила сегодня с Ковшовым. Он сказал, что Ставский взял отпуск на два месяца. А в Лит.<ературной> Газ.<ете> письмо Пастернака, избличающего его в ошибке. Иван Алекс.<?> все хвалят и прославляют за книгу в печати. Книги он скоро принесет.

Дорогой, очень ты меня балуешь своими письмами и хвалами. Не стою я этого.

А знаешь, пока я написала это письмо, я совершенно продрогла в твоей комнате. Такая сырость, затхлость и всю пронизывает насквозь. Нездоровая твоя комната и тебе с малярией в ней не место. Я сделаю столовую в передней, а тебя переселю в столовую. Сама буду спать в твоей. А сидеть целый день в каб.<инете> невозможно. Пока кончаю. Будь здоров и меня помни.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 43 — 45. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя (Литфонд). Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 6/1-1937».

[649] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 7 января 1937 г.

Милая, родная Надя!

Сегодня 7 января, значит 25 декабря по старому. Поздравляю тебя, дорогая, с праздником. Ты, наверное, вспомнила обо мне сегодня. Целую тебя и земно тебе кланяюсь. Спешу кончить письмо, чтобы отправить его.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 95-96. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 10/1-1937».

[650] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 7 января 1937 г.

7/1 37

7 е письмо

Милый Зоря, посылаю тебе письмо, полученное на твое имя. Я позвонила Коле и просила его зайти ко мне. Он пришел и я с ним поговорила, т.<о> е.<сть> вернее выслушала его. Ничего он интересного не сказал. Также неосновательно обвиняет он Глеба, как и Нюра Колю. Так что я ничего нового не узнала и Коля для меня все так же непонятен, как и прежде.

Сегодня у меня были гости Люба с Н.<иколаем> М.<ихайловичем>, Клавдия, Валент.<ина> Александр.<овна> и Машенька, все тебе кланяются.

Нюра тоскует сегодня особенно. Пишет прокурору просьбу о передаче теплой одежды.

Очень рада, что ты получил деньги. Мне не высылай, но если они лишние, то пошли, и я положу их в Сбер.<егательную> Кассу.

На январь я получила пенсию и теперь возьму 400 р.<ублей> из кассы. Надо купить дров, заплатить за электр.<ество> и квартиру и служанке. Гонораров пока не получаю. Завтра начну лечиться у гомеопата.

Как ты питаешься? Отчего у тебя случилась болезнь? Я попробую узнать адрес Найденовой и справиться с ней о даче в Ялте. У меня вялость и отупение, поэтому ты прости мне мои пустые письма. А сам пиши чаще, чем в неделю один раз, как ты намереваешься сделать.

Целую тебя, родной! Будь здоров.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 46 — 47. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя (Литфонд). Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 8/1-1937».

[651] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 8 января 1937 г.

8 января 1937.

Милая Надя!

Сегодня я получил твое письмо от 4 января. Спасибо. Твои предчувствия оправдались. Я, кажется, поправляюсь. По-видимому, у меня в крови работают все-таки плазмодии. Я съел всю хину. Не забудь прислать мне еще таблеток. Не забудь прислать побольше тонкой нарезанной бумаги – для уборной.

Моя головная боль в Москве наверное была малярийная, как и говорил доктор Никитин. И здесь по вечерам в более легкой форме, но все-таки она у меня бывает. Сегодня по счастью ее вовсе не было. Может быть, не возобновится!

Я работаю над радикальной переделкой бакинского романа. Безжалостно его сокращаю. Назову его – «Химеры».

Времени здесь сколько угодно. Это удивительно. В Москве я ничего не успевал, а здесь не знаешь, чем занять себя: работаешь, работаешь, но нет ничего для пополнения досуга. Конечно, хорошо, что можно собраться с мыслями и сосредоточиться, но все-таки иногда является желание кого-то видеть и с кем-то обменяться мыслями. Это здесь невозможно.

Товарищи писатели относятся ко мне очень мило, но это все молодежь, которая уходит в Ялту каждый день, а я ни разу в Ялту не был и живу, как в изоляторе. Это все очень неплохо, но несколько монотонно. Даже в шахматы играл очень редко. Послал в Литфонд телеграмму о продлении путевки до 1 февраля. Деньги внесу здесь Дирекции Дома Писателей. Кормят здесь хорошо. Я сам виноват, что неосторожно выбирал блюда. Теперь у меня стол особо индивидуальный, улучшенный. На это пожаловаться нельзя. Целую тебя, родная, и кланяюсь земно. Твой Георгий.

Всем привет. И Дмитрию Евгеньевичу.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 99 —100. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 9/1-1937».

[652] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 9 января 1937 г.

9 января 1937.

Родная моя Надя!

Спасибо за письмо (от 6 января). Сегодня же я получил извещение о посылке. Завтра в конторе дам доверенность на ее получение. Сам я не хожу в Ялту.

Относительно твоего проекта столовой в передней не могу выразить одобрения, ибо тебе не менее вредно жить в моей комнате, а мне никак уж нельзя работать в комнате проходной. Но летом у нас в квартире неплохо, а на зиму, очевидно, придется уезжать из Москвы. Не будем загадывать. Может быть, мы получим какую-нибудь квартиру. Я все еще не утратил надежды на то, что фортуна повернется к нам лицом. Главное, чтобы ты была здорова. Вырезала ли ты из «Известий» большой «подвал» Вересаева с анкетой читателей о Пушкине? Не забывай вырезать *все* о Пушкине, помечая от какого числа газета, какая газета и какой ее номер.

В каком положении твои финансы? Получила ли ты пенсию за январь? Внесла ли ты деньги за *телефон*?!

В феврале ты должна получить деньги из «Водного Транспорта», из журн.<ала> «Тридцать дней» и, может быть, из журн.<ала> «На суше и на море». О рукописи в этом последнем журнале надо справиться: пойдет ли она? И надо справиться в «Новом Мире» у Степана Герасимовича Кривцова,

пойдет ли в январе моя статья «Народный поэт». Если пойдет, хорошо. Попроси корректуру прислать с оригиналом. Но можно доверять корректуру и журналу. Авось не будет искажений. А если в «Новом Мире» эта статья не пойдет, возьми рукопись и переправь ее Леониду Ивановичу Тимофееву через Кривоногова. Может быть, Тимофеев устроит ее в какую-нибудь газету.

Целую тебя, родная, в твой умненькой лобик и земно тебе кланяюсь. Помни обо мне. Что я без тебя?

Любящий тебя Георгий.

Передай привет Нюре и всем, всем, всем...

P.S. На счет цыганки – не знаю. Я не писал ей откровенно о своем недуге, а то она могла бы прискакать в Ялту. Она и то в феврале собирается сделать глупость и приехать в Ялту на неделю. Копит деньги. Я писал ей, чтобы она этого не делала, но если она все-таки будет упряма, то я просил позвонить тебе по телефону и спросить тебя, не дашь ли ей каких поручений. Надеюсь, что эта авантюра не состоится. В середине февраля я думаю уже быть в Москве. Смешно ехать в Ялту на неделю и тратить двести рублей на дорогу, если не больше.

См.<отри> на обороте.

В Ялте нет конвертов! Скоро я буду лишен возможности писать письма! Почему ты посылаешь письма в каких-то игрушечных детских конвертиках? Неужели и в Москве нет приличных конвертов?

Точный адрес: Ялта, Кировская 9, Дом Литфонда.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 101 — 103. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Кировская, 9. Дом Литфонда. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 10/1-1937».

[653] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 10 января 1937 г.

10 января 1937.

Милая, родная Надя!

Какие мы с тобой рассеянные! Я просил тебя (еще на вокзале в Москве) прислать мне хины в таблетках.

Ты сама об этом мне писала. И я тебе в письмах напоминал. А ты посылаешь посылку с бельем и забываешь вложить в нее таблетки! *Мне они чрезвычайно нужны.* В ослабленной форме, но у меня все-таки остались симптомы малярии. Мне хина нужна до зарезу, а здесь ее нет в таблетках.

Прости меня, что я пристаю к тебе с этим. Купи непременно еще это сокровище. Если ты боишься остаться без денег, напиши мне, я так или иначе подкреплю твои финансы.

Целую твои руки, моя прекрасная. Любящий тебя неизменно – Георгий.

У меня все время маленькая температура и по вечерам головная боль (не тяжелая) и не каждый вечер. Я веду борьбу с этими неудачами и надеюсь их побороть. Медленно, но все-таки я поправляюсь. Немного работаю. Без работы скучно. Душевное состояние довольно спокойное. Уныния во всяком случае нет.

Я тебе еще не сообщал, кто живет со мной в доме Литфонда. Вот список:

Personae:

Вл.<адимир> Вл.<адимирович> Ермилов, маленький толстенький блондин, курносый, веселый, шутник, забавник. Притворяется марксистом. У нас отношения приятельские.

Конст.<антин> Георг.<иевич> Паустовский, знаменитый писатель для юношества, автор «Колхиды», суховатый, неглупый, благовоспитанный человек. Со мной очень почтителен.

Валерия Влад.<имировна> – его жена. Типичная жена советского писателя. Очень озабочена его престижем. Тебе было бы с ней скучно. Со мной чрезвычайно любезна.

У них шалун мальчик (довольно милый) Сережа.

Арбузов, молодой драматург, чрезвычайно похожий и лицом, и психологией на Далика. До смешного.

Его жена, Татьяна Алексеевна, добродушная и забавная толстуха, лет 25-26. Очень смешная. За мной ухаживает, как за американским дядюшкой, как будто ждет от меня наследства.

Грузинский поэт Ираклий Абашидзе, очень высокий, говорит с акцентом. Мог бы играть Дон-Кихота, а Ермилов при чем Санчо. Они неразлучны.

Товарищ Мухтар, татарский писатель-переводчик. С ним я иногда играю в шахматы.

Есть еще четыре татарина, но они держатся особняком и остаются загадочными.

Еврейский писатель Даниэль. У него русская жена или мэтресс. Они, кажется, приводят время так же, как Пол Фор в Петербурге в 1912 году.

Есть еще армянин Атаров, «очеркист», шахматист высокой квалификации. Избегает со мной играть в шахматы, как с дилетантом. Однако, у нас счет равный: мы сыграли шесть партий – две я проиграл, две ничьи и две я выиграл. И он теперь боится со мной играть, чтобы не утратить репутации непобедимого.

Итак, «петухи поют», как видишь исправно. Но все это занимает у меня, примерно, 1/10 времени, а 9/10 я сижу у себя в комнате в абсолютном одиночестве и размышляю о вечности.

Земно тебе кланяюсь. Г.Ч.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 104 — 106. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 11/1-1937».

[654] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 10 января 1937 г.

10 января 1937.

Милая, родная Надя!

Не знаю, зачем ты прислала мне письмо Коли. Истерическое письмо это очень неприятно. Его надо бросить в клозет, что я и сделаю. В этой чепухе ничего понять нельзя, и нет надобности что-то выяснить. Тот факт, что этот истерический мальчик шатался то и дело к нашим соседям, достаточно противен. Зачем он туда лез?

Ты пишешь, что деньги тебе не нужны, а советуешь мне все-таки выслать их в Москву. Зачем? Лучше мне здесь иметь их про запас, если тебе хватит 600 рублей на январь, а 1 февраля ты можешь получить 200 рублей пенсии и собрать жатву с трех журналов. В середине февраля я вернусь, вероятно. Но на всякий экстренный случай я посылаю тебе доверенность на получение гонорара за декабрьский номер «Нового Мира».

Из этого гонорара будет огромный вычет в пользу фининспектора, но рублей 500 должно остаться. Воспользуйся прилагаемой при сем доверенностью только в крайнем случае, потому что я буду в бухгалтерии спорить и торговаться, а ты не сумеешь это сделать. Но если деньги экстренно понадобятся, получи. Пойди в редакцию, когда по телефону узнаешь, что *декабрьский* номер вышел, и попроси удостоверит мою подпись Станислава Герасимовича Кривцова. Потом поднимись на лифте в бухгалтерию и получи гонорар, сколько полагается, не называя цифры, чтобы не сбивать с толку бухгалтершу.

Деньги в бухгалтерии можно получать от 2 до 3 часов.

Целую тебя, родная. Прости меня Христа ради. Любящий тебя неизменно Георгий.

Гонорар за декабрьскую книжку – последняя получка. Больше нет.

P.P.S. Пересылка денег занимает очень много времени, так что деньги из «Нового Мира» могли бы прийти ко мне с неудобным для меня запозданием. Поэтому лучше их тебе получить в Москве, если будет в них нужда, а я и без них проживу, удержав 300 рублей.

Доверяю жене моей, Надежде Григорьевне Чулковой, получить гонорар за декабрьский номер журнала «Новый Мир». 10 января 1937 года.

Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 107 — 108. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 11/1-1937».

[655] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 10 января 1937 г.

10/1 37

8 е письмо

Милый Георгий, очень рада, что ты избавился от колита и подумываешь о работе. По-видимому, условия для работы у тебя хорошие. Почему же ты недоволен, что в одиннадцать часов все расходится по своим комнатам? Неужели тебе тоскливо одному вечером? Удивляюсь. А я наслаждаюсь уединением. Ко мне очень редко кто-то заходит. Сама я никуда не хожу. И как хорошо! Наступает вечер, и я готовлюсь выслушивать вздохи и стоны Нюры, если у нее нет гостей.

На первый день Рождества у меня было человек десять гостей. Евг.<ения> Алекс.<андровна> еще с вечера – ночевал Валент.<ин> Алекс.<андрович>, Коля (один, когда уже никого не было), Люба с Н.<иколаем> М.<ихайловичем> и еще с их другом. С утра Олсуфьев, Клавдия, Машенька и еще кто-то, забыла. Да! Людмила Павлов.<овна> она тебе кланяется. Вален.<тин> Алек.<сандрович> в десятый раз рассказывал мне о своем романе с Верой Федоровной. Евг.<ения> Алек.<сандровна> опять читала биографию Пушкина с малозначительным видом знатока. Твоя биография Пушкина многим нравится. Заходил прежний наш сосед Алеша Чичерин и говорил, что в провинции «все мы с восторгом читали биографию Пушкина» и «будет ли конец – когда?»

По телефону Звенигородский просил у меня твой адрес, чтобы написать тебе о его восхищении биографией. Вчера звонила Муза Балицкая и спрашивала у меня, была ли раскритикована твоя «статья» в печати.

Ее дочь пишет реферат для школы о биографии (тобой написанной) и ей надо знать применение отзыва о ней. Статью Сергиевского она знает.

Кстати спросила о Любе и Нюре. Нюру позвала к себе в гости 12-го янв.<аря>. Зинаида Влад.<имировна> тоже читает 11-ю кн.<игу>. Очень хвалит.

Напиши, получил ли ты гонорар за декабрьскую книжку. Надо ли мне его получить? Я боюсь, что ты прокутишь деньги – пошли ко мне излишек. У меня что-то много выходит на расходы. Все записываю – увидишь! Вчера была у бедного Льва Петровича. Лечится один. Жена в Ленинграде на съемке кино. При нем сестра милосердия. Он мне обрадовался и просил побыть с ним. Я видела, что страдания его сильны, боялась утомить, но он просил остаться еще. Говорили о важном, он очень хороший человек. Говорил, что его измучили доктора, как перебивали до 15-ти, и никто не может ничего понять и не могут даже от боли избавить. У него нашли какую-то опухоль на бедре и кроме этого у него воспалился нерв в плече и днем, и ночью боли не перестают. Ему дают Пентамон и еще что-то, от чего только хуже делается. Жутко! На своей постели красного дерева он напоминает Ивана Ильича. Просил дать ему почитать что-нибудь.<удь> интересное, но я боюсь ему что-нибудь.<удь> дать – вдруг не попадет окажется.

Болящий Лев, очень нуждается в помощи. «Вот – говорит – когда болен и мучаюсь, то вспоминаю свои грехи и знаю, за что страдаю, а когда пройдет болезнь, опять забуду о грехах».

Жаль, что я сама забыла послать тебе бумагу вместе с хинином. А теперь снова придется послать бумагу отдельно. Хинину нет в магазине. Я послала тебе все, что было у тебя в столе. В *Общественнице* твоя статья не пойдет. В других журналах не справлялась. В Новом Мире пойдет в 1-м №.

Целую. Пиши. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 48 — 50. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 11/1-1937».

[656] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 12 января 1937 г.

12/1 37

8 е письмо

Милый Георгий, у нас очень холодно. В квартире 10-12 град.<усов> утром, а вчера с помощью керосинки – 14, не больше. По квартире ходят ветры – буйные. Хорошо, что ты спасаешься от стужи московской. Видно, зима свое берет. На дрова получены ордера, и я скоро получу новую партию топлива. Угля в этом году у нас достаточно, так что кухня всегда натоплена. Наш жакт, говорят, переходит в трест и поэтому обещается капитальный ремонт нашего гниющего домика. Не знаю, к лучшему это или к худшему для нас. Что-то не верится, чтобы его починили как следует. С морозами я стала чувствовать себя получше. Вчера даже отважилась пойти в дом Писателей на Пушкинский вечер – романса. Уж очень хороша была программа, все старые композиторы. Глинка, Бородин, Даргомыжский и другие. Слушая некоторые романсы, я прослезилась думая о Пушкине. Когда запела певица «буря мглою небо кроет...», «что не ты моя старушка...» мне вспомнилась наша лачужка и мы старики с тобой. Женщины оказались более чуткими к творчеству Пушкина, а мужчины из рук вон плохи. Пел Садомов из Больш.<ого> Театра – просто глупый! Другой артист Радио комитета – Демьянов, недалеко ушел от первого. Ужас, что они выделявали «Буря мглою» музыка. Яковлева Зинаида Владимировна, которая была со мной на вечере, сказала, что это наверное, товарищ Пушкина по лицу. Очень милая музыка. Хорош Глинка и Бородин. Буря мглою исполненная так же и с музыкой Метнера – очень хороша. На певицах были модные туалеты – совсем из другого мира, чем на дамах в публике. Приятно было видеть. В начале вечера меня там застала Е.<?> А.<?> Санникова, возвращалась домой с «учебы» (<1нрзбр> партии) и просила передать тебе привет от нее. Там встретила еще Славнина, опять тебе поклон. Он сказал мне, что в доме ученых слушал пьесу Новикова – «Пушкин на юге». Ему показалось, что пьеса мало сценична. Пушкин мизерен. Он был на <1нрзбр> у Дубынина и видел Пигарева. Новиков у меня еще не был. Книги обещал принести. На концерте встретила еще Асафову, которая тебе кланяется. Относительно твоих статей пока еще не все читала. <Иоскин> сказал, что в «водном транспорте» пойдет и будет напечатан 10 февраляЮ причем сказал, что против помещения статьи во французской газете он не имеет ничего. В «Общественнице» статья *не пойдет*. Я просила редактора прислать рукопись на дом. Он обещал.

Деньги у меня быстро исчезают. Кроме стола и хозяйства обычного, много еще непредвиденных расходов.

Нюре опять отказали в свидании. Отцу тоже. Нюра извелась от тоски. Был как-то у меня Алеша Голубкин. Совсем плох, бедняга, умирает. Жалко его. Голицына приходила со своими нуждами. Надо дочери послать денег – дала ей немного. Она сама тоже вот вот с ума сойдет. Сегодня жду сестру Тоню из Калуги. Придет по делам Маруси. Провожусь с ней дня два, и потом хочу лечиться серьезно. Я надеюсь, что моя беззаботная жизнь хорошо отразится на моем здоровье. Ничего не обязана делать. Сплю, сколько хочу, и никуда не должна выходить из дому. «Блаженная лень», как у Пушкина.

Скоро твое рождение. Буду еще поздравлять тебя, а пока начерно поздравлю с наступающим. Целую тебя. Будь здоров. Не торопись домой. Это было бы безумно. Здесь ужас как холодно. Из всех щелей дует. Я мерзну. Твоя Надя.

Звонил как-то Шпаро, спрашивал адрес Попова, П.<авла> С.<ергеевна> и тебе кланяется. Ни Веховский, ни Глебов не заходили ко мне без тебя.

Бумагу скоро пошлю, а хины нет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 51 — 53. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 12/1-1937».

[657] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 14 января 1937 г.

14 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня получил извещение о второй посылке. Вероятно, я найду в ней таблетки хины и бумагу для уборной. То и другое крайне мне нужно. Заранее тебя благодарю за все твои заботы о никуда негодном старике.

У меня (дай Бог не сглазить) уже два дня температура нормальная. Самочувствие хорошее. Работаю.

Только бы ты была здорова, моя родная. Я говорил здесь, между прочим, с опытными в делах товарищами относительно квартиры. Они говорят, что даже с большой выплатой получать сейчас квартиру почти невозможно, но можно потребовать большой и серьезный ремонт на счет Литфонда в долгосрочный кредит. В этом Литфонд отказать не может. Попробую сделать это весной.

Целую тебя, родная. Неужели у Нюры все по-прежнему? Непонятно!

Передай привет нашей стряпухе и всем, всем, всем...

Любящий тебя смрадный грешник, которого ухаживали крутые горки.

Здесь, в доме отдыха, «горки» имеют буквальный смысл.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 112 — 113. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Ялта. Дом Литфонда. Г.<еогрий> И.<ванович> Чулков. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 15/1-1937».

[658] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 14 января 1937 г.

14 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня утром я писал тебе об извещении на получение посылки (второй), а сейчас я уже получил и посылку. За хину большое спасибо. Я теперь спокоен. Конверты тоже пригодятся. Но – мне стыдно к тебе приставать и тебя беспокоит! – еще одна просьба: пришли *декабрьскую* книжку «Нового Мира», попросив в редакции для меня два или хотя бы один экземпляр из «сигнальных», если декабрьская книжка еще не продается в киосках, хотя пора бы ей придаваться. Тогда купи. Мне сюда в Ялту нужен *один* экземпляр. И еще просьба очень важная: пришли клозетной бумаги. Ее недостаток для меня – драма, сказал бы трагедия, но в трагедии есть катарсис (т.<о> е.<сть> очищение) и я боюсь каламбура.

Что ты мне все пишешь об этом мальчишке! Не хочу я ничего о нем слышать. И ты плюнь.

Я кончил переделывать роман «Добыча» в повесть, коей имя будет «Химеры». Сделал ее вполне цензурной, мне кажется: вместо 22 листов будет листов 10. И представь себе повесть выиграла

в художественном отношении! Заставлю здесь Ермилова прочесть ее. Это секрет. Но если Ермилов не возьмет повесть, я буду пробовать и в других журналах. В этой редакции, мне кажется, повесть может быть напечатана. Все мои материальные расчеты возлагаю я на эту повесть. У нас, ведь, больше нет никаких ресурсов.

Если у тебя слабы финансы (я боюсь, что ты рассовала деньги нуждающимся), возьми деньги из бухгалтерии «Нового Мира». Я тебе посылал доверенность. На всякий случай посылаю второй экземпляр.

Гонорар за декабрьскую книжку в значительной мере пойдет в пользу фининспектора, но рублей 500 останется, я думаю. Получи и меня извести, сколько тебе дали денег.

За январскую книжку я получу гроши: там статейка маленькая – четыре листа.

Подпись на прилагаемой при сем доверенности удостоверит в «Новом Мире» Станислав Герасимович Кривцов.

Целую твой лобик и ручки.

Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре и всем. Дмитрию Евгеньевичу тоже.

У меня и сегодня нормальная температура. Я гулял. Погода не солнечная, к сожалению. Говорят, будет лучше.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 114 — 116. 483, л. 112 — 113. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, дом 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еогрий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Кировская, 9. Дом Литфонда. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 15/I-1937».

[659] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 15 января 1937 г.

15 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня я тебе отправил вторично доверенность на получение гонорара за декабрьскую книжку «Нового Мира», и сегодня же получил твое письмо, где ты жалуешься, что у тебя нет денег. Попробуй получить этот гонорар. Я надеюсь, что после фининспекторского обложения останется все-таки рублей 500. Не забудь удостоверить мою подпись и *не забудь захватить с собой паспорт*. Без паспорта тебе денег не дадут. Сообщи мне, сколько тебе дадут. Это наш последний ресурс. А ты говоришь, чтобы я не спешил возвращаться в Москву! Ты думаешь, что я в самом деле Ротшильд. Нет, если у тебя уже нет денег, мне надо поскорее в Москву, а не жить на два дома. Я хотел остаться в Ялте до 15-20 февраля, а теперь сомневаюсь, можно ли.

Я работаю. Может быть, из моей работы что-нибудь и выйдет.

Читаю моих любимцев – римского гражданина Павла и господина Блеза Паскаля. С умными людьми приятно беседовать.

Целую тебя, моя прекрасная.

Любящий тебя твой недостойный

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 117 — 118. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[660] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 16 января 1937 г.

16 января 1937.

Милая, родная Надя! Получил твое трогательное письмо о твоём Пушкинском умилении. Очень понимаю и чувствую. Что касается твоего удивления, что я не ценю моего одиночества в доме Литфонда, то это объясняется, очевидно, нескладностью формы, коей воспользовался я, чтобы выразить мою мысль. Не уединение меня смущает. Я никогда не скучаю, а *подневольность* этого уединения меня раздражает. Человек в тюрьме и то пользуется правом прогулки, а я этого лишен. Я сижу на скамейке около дома и с трудом брожу вокруг него, потому что даже здесь крутые горки.

Все это буквально на пространстве нескольких квадратных саженей. Это даже вредно для здоровья, что признает и доктор. Мне все обещают подвозить меня в кабинке грузовика, если я спущусь вниз в Ялту, но еще ни разу мне это не удалось. Всегда кабинка занята. Я заплатил деньги до 1 февраля и продлил, значит, свое пребывание здесь только по финансовым соображениям, потому что в Ялте жизнь будет стоить в пять раз дороже. Может быть, я еще на неделю числа до 7 февраля останусь здесь в доме писателей, но опять исключительно для экономии, а без прогулок мне отдых не отдых и хотя бы недели две мне следовало бы погулять, но не знаю, хватит ли денег. Я рассчитывал получить рублей 500 за декабрьский номер «Нового Мира», но выручил Накоряков, и я теперь воспользуюсь его деньгами, а этот гонорар за 12-ю книжку «Нового Мира» получи ты. Доверенность я выслал.

Ты боишься, что я прокучу деньги, но какие деньги? Их у меня нет. Накоряков должен был прислать тысячу, но после вычета осталось очень мало. Я предлагал тебе выслать 300 рублей, рассчитывая получить из «Нового Мира», но потом сообразил, что смешно посылать в Москву 300 и ждать из Москвы 500. Проще оставить себе 300, а 500 предназначить тебе. Вот и весь мой финансовый план. Напиши, пожалуйста, поскорее, получила ли ты деньги и *сколько*.

Целую тебя родная и кланяюсь тебе земно. Прости меня Христа ради. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 119 — 120. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Кироваская, 9. Дом Литфонда. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 18/1-1937».

[661] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 16 января 1937 г.

Дорогой Георгий, у нас ничего нового в этом новом году. Сижу одна, никуда не хочу. *У меня и у Нюры* никто теперь не бывает. Нюра этим огорчается, а я рада. Вчера Нюре я дала билет в Д.<ом> Р. <аботников> И.<скусств> на Яхонтова – она пошла охотно даже одна. Даля все нет и что с ним не знаем.

Дм.<итрий> Евг.<еньевич> ничего не может добиться. Люба у нас бывает и я у них была. Двадцать первого они уезжают в деревню на три недели.

Получила твои статьи (рукопись) из «Общественницы», не подошла. Можно ли ее и нужно ли отдать и кому? 12-я кн.<ига> Н.<ового> М.<ира> еще не вышла. Сегодня буду ее ловить – т.<о> е.<сть> спрошу у Виноградовой. Звонили из союза художников – спрашивали тебя, но когда узнали, что ты в Крыму не сказали зачем ты им нужен.

Еще из Аэропорта спрашивали – ты им нужен «для выступления».

Посылаю тебе приглашение к диссертации Пустынникова, он прислал с толстой тетрадь тезисов.

Завтра иду к доктору – гомеопату. Записалась с помощью Любы. Фамилия доктора Кузнецов, его хвалила одна моя знакомая. 19-го жду к себе нашего доктора. Сказал, что он навестит меня.

Сегодня в газетах все о Вересаеве. Поздравил ли ты его? Празднуется его семидесятилетие.

Пушкинские вырезки я делаю, я не нашла их много. Лит.<ературная> Газ.<ета> тоже храню аккуратно. Не надо мне пока купить книги. Напиши. Вчера навестила Кривоногова. Он тебе кланяется очень. У него видела красивую еврейку – его друга. Я читаю (от лени и пустоты душевной) La-bàs Гюисманса. Занятно. Еще раз собираюсь побывать у Русланова. Говорили с его женой. Она намекнула

по телефону, что у него что-то серьезное и опасное, но он не знает этого. Новиков не был у меня еще ни разу. Жену его я встретила и она звала меня к ним, а я ее к себе.

У нас морозы крещенские. В доме холодно. Жгу керосинку. От круглой печи, что в комнате прислуги, угораю и поэтому больше не хочу ее топить. Все тебе кланяются Михаил, Лиза, Екатерина Семеновна, Диатроптов, Клавдия и В.<?> Ю.<?> Глебов не заходил без тебя. За телефон заплатила за февраль, никому не должна. Все в порядке.

Спасибо тебе за ласковые письма. Радуюсь, что у тебя <благое> состояние. Жаль, что головные боли все еще есть, буду еще спрашивать хинин, к приезду твоему куплю.

Целую тебя, милый. Будь здоров.

Прости, что вяло и плохо пишу.

Твоя Надя.

16/1 37 P.S. Сейчас говорила с Кривцовым из Нов.<ого> М.<ира> кн.<ига> 12-я вышла – сегодня я получу ее.

Очень рада!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 57 — 59. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 16/1-1937».

[662] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Ялта, 17 января 1937 г.

17 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сейчас получил твое письмо со вложением письма Волошиной. Ты, право, чудачка! Ты, кажется, в самом деле поверила, что я Ротшильд. «Благо у тебя денег много, живи до весны». У меня нет денег! С теми деньгами, какие у меня имеются, я могу прожить не более 15 февраля, и то, если я задержусь здесь наверху в доме Литфонда. Я так и сделаю, хотя врач говорит, что мне необходимы прогулки, а здесь я сижу прикованной к нескольким квадратным саженьям. Числа до 7-го я здесь наверху все-таки останусь. Значит, попрошу у Литфонда отсрочки еще на неделю. Я заплатил до 1 февраля. В середине февраля я должен возвратиться в Москву уже потому, что у тебя больше не будет денег, и я должен буду изобретать источник для нашего жития.

Получи непременно поскорее деньги за декабрьскую книжку «Нового Мира» и без промедления сообщи мне, сколько тебе дали, чтобы я был спокоен за тебя. я не представляю себе фининспекторского обложения и очень боюсь, что бухгалтерия устроит что-нибудь несуразное. Ты, конечно, спорить с ними не сможешь, но мне напиши, сколько взял фининспектор. Надеюсь, что тебе дадут не менее 500 рублей.

Пришли мне непременно немедленно декабрьскую книжку, выпросив два экземпляра – один для меня, другой – для Москвы.

Мне сегодня удалось в первый раз спуститься в Ялту пешком, а назад я приехал на грузовике Литфонда.

Я теперь работаю, как следует быть. Рассчитываю в ближайшие дни засесть за пьесу (на ту же тему Фауста). Не жди от меня писем. Будет пауза. Этим не смущайся. Целую тебя, родная, и всегда чувствую себя недостойнейшим сумасбродом. Люблю. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 121 — 122. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 18/1-1937».

[663] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 17 января 1937 г.

/17/1/

Милый Георгий, посылаю тебе то, что просил. Хинину пока нет в магазине. Поздравлю с рождением. Будь здоров и не стремись в Москву, здесь холодно и у нас еще и угарно в доме. Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 60-60об. На бланке для письменного сообщения. Талон к посылке с объявленной ценностью на 10 рублей, от Н.<адежды> Г.<ригорьевны> Чулковой, адрес Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Почтовый штемпель: «Москва, 18/1-1937». По центру пометка, внесенная рукой Чулковой: [17/1].

[664] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 17 января 1937 г.

Милый Георгий, получила твоё поздравление. Спасибо. Я послала тебе три посылки. 1. белье, 2. хинин и конверты 3. <1нрзбр> и бумагу папиросную и конфетки к рождению. Я замерзаю. Морозы лютые. У нас 10 гр.<адусов> в квартире. Сегодня посылаю за дровами, старые кончаются. Не спеши домой до весны настоящей, благо у тебя есть деньги. Это будет для меня легче. Я стараюсь отдыхать от работы и забот.

Вчера тебе просила передать привет Мусин-Пушкин. Лечиться еще я не начала – не могу собраться с силами. Пока ленюсь. Напиши мне подробнее о жизни в доме писателей и о погоде, и о природе.

Целую. Будь здоров.

Твоя Надя.

У меня никто не бывает.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 61 — 62. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель неразборчивый. По центру конверта пометка, внесенная рукой Чулковой: [17/1].

[665] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 17 января 1937 г.

Милый Зоря, ты меня засыпаешь письмами. Спасибо! 12-ю книжку я просила послать тебе т.<оварища> Кривцова. Он очень радостно обещал. Тебя там очень любят: при одном упоминании твоего имени все делаются необычайно любезными и услужливыми. Книжку тебе пошлют только одну, а другую мне, ты, всегда запаздываешь своими распоряжениями и поручаешь мне дела, которые я уже исполнила. Теперь жду продажи в киосках и куплю как ты просил 3 экз.<емпляра>. Оттиски 11-й еще не готовы. Я рада, что наша биография все-таки напечатана. Просил тебе кланяться Мих.<аил> Фед.<орович> Строев. Он получил газеты с твоей статьей, а гонорар мне пришлет на дом.

«Водн.<ый> транспорт» хотят о чем-то телеграммой тебя запросить – что-то там надо сократить. <Климович> передавал мне по телефону от тебя привет. Я ее звала ко мне в гости. Сегодня 17-го звонила Паустовская и тоже рассказывала о тебе приличные вещи.

Вчера, наконец, был Верховский. Очень удивился, когда я ему сказала о юбилее Вересаева. Он газет не читает и не знал. Новиков болен чем-то.

Сегодня я была у доктора – гомеопата. Через месяц велел еще показаться. Очень приятный доктор. Не торопыга и не важничает. Запретил совершенно мясо и особенно супы мясные. Молочные и вегетарианские и только, даже рыбы нельзя.

Маруся написала мне очень милое письмо с описанием своих родов и дочки – Киры. Бедная, очень мучилась и в больнице лежала 12 дней.

Нюра опять ходила сегодня к прокурору и опять без толку. Тоска какая! Завтра или после завтра жду доктора нашего – готовлюсь к приему. Он уже перешел на новую службу и я его еще не видела после этого.

Паустовская говорит, что у тебя в комнате очень тепло. Вот видишь, а ты хочешь домой. У нас больше 13-ти градусов не бывает. Мне это приятно, а ты бы замерзал. Лампу твою для отопления я не зажигаю, а иногда утром горит керосинка. Печи топим хорошо. Дров сегодня заказала. За квартиру и телефон заплатила. 21-го твое рождение. Не знаю, что тебе подарить. Может быть, успею переплести тебе какую-ниб.<удь> книгу на память обо мне. А Люба тебе подарила прекрасный перекидной календарь с доской.

Больше пока ничего писать. Надо хоть это отправить. А то стыдно, что я так мало тебе пишу. Прощай дорогой.

Еще раз тебя поздравляю и целую. Твоя Надя.

17/1 37

P.S. Пяст рассказал, что его брат читал лекцию о Блоке, где-то в Сибири. Цитировал из Двенадцати и когда произнес: «уж я ножичком полосну, полосну», то в зрительном зале раздался громкий протест: «Довольно, довольно. Это бандитизм!» и не стали слушать дальше.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 63 — 65. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 18/1-1937».

[666]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 18 января 1937 г.

18 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сейчас получил телеграмму из «Водного Транспорта» такого содержания: «Вашу статью Пушкину (?) будем печатать ближайшие дни. Точка. Вынуждены сократить размеров газетного подвала. Точка. Помимо этого придется переделать вторую половину соответствии материалами Правде Известной новыми документами смерти поэта. Точка. Телеграфьте ваше согласие. Водный транспорт. Шталь».

Я послал такую телеграмму: «Согласен сокращения. Точка. Можно процитировать документы но них нет ничего нового. Они не противоречат моим выводам. Советую моего текста не изменять. Чулков».

Конечно, они могут понять мою телеграмму как согласие на их «переделку», но так как «Водный транспорт» не читают нормальные сухопутные люди, то шут с ними. Авось, я выйду сух из воды. Конечно, я не согласился бы на эту пачкотню, если бы был уверен, что у тебя хватит денег, но так как неизвестно, сколько ты сможешь получить за декабрьскую книжку «Нового Мира», то я и не решился отказаться от гонорара «Водного Транспорта». Говорят, что это *богатая* газета. Если исказят мою статью, отмечу у себя в записной книжке этот факт. История нас рассудит. Устал я спорить и доказывать. Все сие сообщаю для информации.

Как твое здоровье? Лечишься или нет? Люби меня все-таки.

Целую тебя, родная. Устал я.

Любящий тебя

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 123 — 124. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 24/1-1937».

[667] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 18 января 1937 г.

18 января 1937.

Милая, родная Надя!

Спасибо, что меня не забываешь. Сегодня я получил твое письмо, намеченное 16 января. Если ты не перепутала даты, выходит, что письмо шло двое суток. Срок скорый. Обычно письмо приходит на четвертой-пятый день.

Завтра я пошлю телеграмму в Литфонд в Москву с просьбой отсрочить еще раз мое пребывание в доме отдыха, но я не уверен, что мне дадут отсрочку. На днях такому признанному писателю, как Паустовский, было отказано в отсрочке.

Если откажут, придется переселиться в Ялту ранее намеченного мной срока. Это невыгодно в экономическом отношении. Я еще не знаю, где я буду там жить. Поэтому пиши письма пока по старому адресу. Молодые люди каждый день ходят из дома отдыха в Ялту. Они мне письма твои доставят. А, если будешь писать после первого февраля, то пиши: Ялта. До востребования. Но я надеюсь на днях известить тебя поточнее.

Относительно статейки для «Общественности» ничего не могу тебе сказать. Я забыл, о чем я писал. Кажется, что-то очень маленькое. Плюнь.

Меня, главное, беспокоит, получишь ли ты деньги и сколько именно за декабрьскую книжку «Нового Мира». Ты, очевидно, сидишь без денег.

Головные боли мои прошли, но время от времени у меня поднимается температура. Если я перееду в Ялту, я пойду в поликлинику, исследую еще раз кровь и посоветуюсь со специалистами. Температура маленькая – 37,2 примерно, но она держится до 7 часов, а потом к вечеру нормальная. Вероятно, малярия оживила моей легочный процесс. Питаюсь я очень хорошо. Веду образ жизни самой нормальной, но *не гуляю*. Кишечник мой благополучен. Доктор уверяет, что мой недуг от моего сидения в комнате. На воздухе я бываю минут 10-15. Дольше нельзя, ибо я зябну и чувствую, что сидеть нехорошо, а ходить больше 15 минут по маленькой площадке нет никакой возможности.

Прости, что удручаю тебя моими старческими жалобами. А вот ты слишком скупо пишешь о твоём здоровье!

Какая страшная судьба Далика. В чем дело? Ничего понять нельзя. Все это невесело.

Получили ли Кривоногов и Тимофеев мои письма? Я писал также Цявловскому. Получил ли он мое письмо? Узнай, пожалуйста. Скажи Цявловскому, чтобы он не сердился на меня за мое письмо. Я написал его в минуту усталости моральной и прошу не придавать ему значения. Скажи ему что-нибудь ласковое.

Вообще будь *со всеми* ласкова. Помни, что тебе говорил Володя о твоих «бровках». Я очень его чувствую, люблю и *уважаю*. Володя – замечательный человек, и я надеюсь, что он помнит нас. Тебя – наверное, а, может быть, и меня – смрадного пьяницу. Впрочем, я здесь ничего не пью.

Целую тебя, моя родная и милая.

Любящий тебя Георгий.

Я начал писать пьесу. Поэтому не жди от меня частных писем. Буду писать изредка.

Не прозевай следующего платежа за телефон!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 125 — 127. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 22/1-1937».

[668] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 19 января 1937 г.

Милый Георгий, сегодня праздник, ждала доктора, но он не пришел. А его ждала с чаем до 12 часов. Жаль! Лечение гомеопатией еще не начала, только купила лекарства и смотрю на них.

Сейчас получила твоё письмо, в котором ты беспокоишься о моих финансах. Я не говорила тебе, что у меня денег нет, а что деньги у меня тают. Но ведь это не новость, что они тают, а у меня в кассе есть еще много денег и еще гонорары я не получала ниоткуда. Живи себе, сколько нужно и из-за этого не спеши, из Нового Мира я не буду пока получать – оставляю это для твоего приезда. Очень тебя прошу – не спеши. Дрова куплены, за все заплачено.

Нюра все также безуспешно ходит к прокурору. Никакого толку от этого нет.

Тебе звонили еще из Вечерней Москвы. Не писал ли тебе Тимофеев о твоей рукописи биографии? Предпринял ли он что-нибудь с ней? Я еще не справлялась на «Суше и на море» надо будет зайти туда.

Тридцать дней тоже еще не спрашивала второй раз, а в первый раз они сказали, что ответят в первой половине января.

Послезавтра твои именины. Поздравляю. Целую. Желаю поправиться и приехать в Москву без головных болей и без температуры. Прощай, дорогой.

Твоя Надя.

19/1 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 66 — 67. На конверте адрес: Ялта. Ул. <ища> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 20/1-1937».

[669] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 20 января 1937 г.

20 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня получил твою третью посылку. Большое тебе спасибо. А за конфетки особое спасибо, ибо их положили твои ручки, очевидно, для того, чтобы напомнить мне о твоей снисходительности к смрачному дураку.

Я вчера читал маленький реферат о Пушкине здесь, в доме отдыха. Писатели были очень довольны. У меня есть здесь предложение читать о Пушкине красным командирам и еще предложение читать рабочим электрической станции, но я воздерживаюсь, ибо у меня время от времени повышается температура до 37,2 примерно.

Сегодня я получил письмо от Любы. Передай ей мой братский привет. Впрочем, она уезжала на три недели, а через три недели я, может быть, буду в Москве. Я послал телеграмму в Москву об отсрочке путевки, но не знаю получу ли отсрочку и до какого числа. Я думаю вернуться в Москву в середине февраля. Едва ли мне хватить здесь денег до 20 февраля. Буду экономить. Холод в нашей квартире меня удручает. *Я боюсь за тебя*. От холода никуда вообще уйти нельзя. Сейчас в Ялте снег. В комнате у меня жарко, но в уборной лютый холод и ветер. И ничего с этим поделать невозможно, хотя уборная называется теплой и находится внутри дома.

Я послал письмо в Госиздат на имя секретарши Ольги Эмильевны Сафроновой с просьбой уведомить меня о судьбе моей книги «Жизнь Пушкина». Никакого ответа!!

Беспокоюсь за твои финансы. Получила ли ты деньги за декабрьскую книжку? Если весь гонорар забрал фининспектор, это скверно. Извести меня поскорее. Если бухгалтерия не дала тебе

денег, я пошлю телеграмму в «Новый Мир», чтобы они видали тебе авансом рублей пятьсот. Авось, дадут. На всякий случай присоединяю при сем доверенность на получение гонорара за январскую книжку. За нее придется получить мало, но не менее 300 рублей. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 128 — 130. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 22/1-1937».

[670] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 21 января 1937 г.

21 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня получил твоё ласковое письмо от 17 января. Сегодня мне стукнуло пятьдесят восемь лет, и я чувствую себя дряхлым физически и мальчишкою душевно. А духовно? Сама знаешь, что я стою. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного», – как твердят монахи. Единственное. Я в анкете написал, что я неверующий, и тут же объяснил и счетчику и бывшим при этом товарищам, что я не смею себя назвать верующим, ибо того недостоин и что, если бы у меня вера была хотя бы на горчичное зерно, то с горы бы сдвинул и в море низверг, но, очевидно, у меня и на горчичное зернышко нет веры. «Верую, Господь, помоги моему неверию».

Товарищи отнеслись к моему комментарию серьезно и задумчиво.

Ты, впрочем, мои мысли знаешь, и нет надобности распространяться. Одно только несомненно, что с понятиями «веры» и «неверия» происходит путаница. Какая вера? Во что вера? Во что неверие? Один говорит об одном, другой о другом. И все, – как строители Вавилонской башни, смотрят друг на друга с недоумением.

А вот что есть несомненно – это *грех*. Однако, живущая в доме Литфонда турчанка-писательница уверила меня, что на современном тюркском языке этого слова нет вовсе, т.<ак> к.<ак> утрачено понятие о грехе. А я и не знал, что рай, бывший где-то между Тигром и Евфратом, ныне находится в Азербайджане, где я получил малярию, как будто свидетельствующую о том, что в этой райской стране есть все-таки некоторый ущерб, соответствующий в моральном плане греху.

Нет, турчанка ошибается. Грех везде есть. Даже в прекрасном Азербайджане. Есть он и в Крыму – даже в такой суровой кинонии, как дом Литфонда.

Твои письма – мне радость. Пиши мне все, что придет на ум.

История с Даликом становится загадочной. Ничего не понимаю и очень беспокоюсь.

Целую тебя, моя родная.

Любящий тебя

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 131 — 133. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Ялта. Дом Литфонда. Почтовый штемпель неразборчивый.

[671] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 21 января 1937 г.

Дорогой мой Зоринька, поздравляю тебя с днем рождения и Ангела. Целую. Будь здоров и весел. Сегодня пришел Вал.<ентин> Александрович и пил за твоё здоровье. Просил тебе передать от

него поклон. Поздравлял Новиков. А он вчера был именинник. Его я не поздравляла. Еще поздравила Вера Юрьевна.

Какой ты беспокойный, дорогой мой муж! Ну чего ты там засуетился с деньгами? У меня есть деньги. Сегодня я справлялась в ж.<урнале> «На суше и на Море» и узнала, что статья напечатана и гонорар мне пришлют по почте на мое имя. Вот видишь? В Новом Мире я не буду получать. У меня есть запасной (тайный) фонд, из которого я временно займу, если понадобится. А пока я не вышла из ассигнованных на январь 400 р.<ублей>, в февр.<аль> опять пенсия 200 и еще 200 (или гонорара из Суши и Моря или мой запасной фонд). Больше трат кроме хозяйства не предстоит.

1. Дрова куплены
2. Матрац починен
3. Праздничные расходы не повторяются, а это составило рублей 240.

Ну, теперь успокоился?

Если хочешь, могу тебе послать на обратный путь рублей 200. А по приезде ты получишь:

Из Нов.<ого> Мира

Из Вод.<ного> Транспорта

Из Газеты

Из 30 дней

И опять нам обозначен месяц или полтора, а м.<ожет> б.<ыть> и два.

Говорят, у Л.<ьва> П.<етровича> Русланова рак и бедра и чего-то в груди. Бедный. Завтра опять пойду его навещать, если меня пустят к нему.

У нас собачий холод – на улицу страшно выйти. В доме пар виден. Я рада, что ты не в Москве. А приедешь, придется тебе хоть в Голицыно что ли поехать для работы.

Не попросишь ли ты Бермана починить твою лампу? Или я, пожалуй, поищу тут техника, а то ты без этой грелки замерзнешь. Получил ли ты письмо мое с письмом от нашей Лидочки Александровой? И посылку с папиросной бумагой?

Целую тебя, дорогой.

Желаю хорошенько поработать над пьесой.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, 68 — 70. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель неразборчивый.

[672] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 22 января 1937 г.

22 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня меня вызвали в комнату. Профессор Н.<иколай> Ф.<едорович> Голубов просит позволение поговорить по телефону с Г.<еоргием> И.<вановичем> Чулковым. Оказывается, это тот проф.<ессор> Голубов, который переписывался со мной по поводу Тютчева и Георгиевского. Этот профессор – знаменитость. И хотя ему 80 лет, он бодр и деятелен, как Шервинского. Я у него был сегодня в Ялте с визитом (случайно как раз шла в Ялту машина).

Голубов встретил меня с распростертым объятием. У него сидел какой-то профессор-климатом, друг Макса Волошина. Читал он мою «Жизнь Пушкина». За мной очень ухаживали. Голубов настаивал на том, чтобы я прожил неделю в Ялте над его наблюдением. Он специалист по туберкулезу и малярии. Обещал меня исцелить. А я готов бы трижды выдержать какую-то угодно малярийную катастрофу, только бы ты избавилась от болей в спине. Помогает ли тебе твой тебе понравившийся гомеопат? Был ли у тебя и наш доктор? И как он относится к гомеопатии?

Произошла путаница с моей телеграммой в Литфонд, и я не знаю, дадут ли мне отсрочку до 7 февраля. Я вторично послал телеграмму.

В середине февраля мне, вероятно, придется вернуться в Москву. Месяца два померзну. Два лучше, чем пять. И за то надо благодарить Бога.

Л.<еонид> И.<ванович> Тимофеев прислал мне письмо, в коем извещал, что вопрос об издании моей «Жизни Пушкина» не разрешается в благоприятном смысле. Попробую повоевать, когда вернусь в Москву. Жутковато, что к моему приезду не будет у нас никаких денег, но ты знаешь, какой у меня серьезный покровитель, и я поэтому не унываю.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Привет злополучный Нюре. И всем привет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 133а — 135. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 23/1-1937».

[673] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 23 января 1937 г.

23 января 1937.

Милая, родная Надя!

Л.<еонид> И.<ванович> Тимофеев написал мне, между прочим, следующее: «Не знаете ли вы какую литературу церковного типа следует просмотреть для того, чтобы уловить источник языка «Островитян» Лескова. Его герои говорят весьма своеобразно. Если представить себе их живыми людьми, то встает вопрос – какие языковые источники влияли на их язык. Короче – что могли читать герои «Островитян» по современной им церковной литературе (журналы, мемуары, проповеди)? Был бы вам очень благодарен, если бы вы указали какие-нибудь знакомые вам книги, если они вам припомнятся».

Тут явное недоразумение (я ему об этом написал). В «Островитянах» речь идет о петербургских немцах и церковный стиль не имеет к этой повести никакого отношения. Вероятно, он имел в виду «Соборян».

Посмотри «Соборян» и сообрази, нельзя ли удовлетворить просьбу Леонида Ивановича. «Батюшки» могли читать тогдашние церковные журналы. Их названия можно найти по Лисовскому. Знаешь у меня такую книжку? Могли читать и записки икона Парфения. И Филарета могли читать, и Тихона Задонского. Ты это все сообрази. Я не перечитывал «Соборян» и говорю наобум. Если сумеешь это сделать, позвони по телеф.<ону> Д. 1.68.31 и сообщи Леониду Ивановичу, что найдешь нужным.

Моя телеграмма в Литфонд с просьбой об отсрочке едва ли дошла вовремя: снежные заносы почему-то повлияли и на телеграфные сообщения. Мне не хочется спешить с переездом в Ялту по соображениям экономии. Комната подходящая пока нет, а в гостинице жизнь будет дорога. В Ялте, может быть, займусь мой малярией. Тут имеют большие специалисты.

Тебе звонил по телефону Атаров? Это очень милый армянин. Пишет он по-русски очерки и рассказы. Ко мне относится хорошо. Он хотел осведомить тебя о том, что я жив и благополучен.

Целую тебя, родная. Главное, ты будь здорова. Исцелись от твоих болей в спине и головокружений.

Любящий тебя Георгий.

Что же Нюра? Кошмар какой-то!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 136 — 138. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 24/1-1937».

[674] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 23 января 1937 г.

23 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сейчас получил твое письмо от 19 января и книжку Нового Мира (декабрьскую).

Нет, ты не откладывай получения денег из бухгалтерии Нового Мира. Получи. Я хочу знать, сколько они тебе дадут. По моим расчетам там мне приходится не менее 1500 рублей. Надеюсь, что они в пользу фининспектора удержат не более 1000 рублей. Но все это неточно.

Тимофеев написал о биографии нечто безрадостное. Скучно сообщать подробности. Приеду в Москву – тогда подумаю, что делать. Пиши мне пока по старому адресу.

В декабрьской книжке есть опечатка – 25 января вместо 26 января: враги могут мне приписать ошибку. Ну, все это суета сует. А вот что доктор наш опять обманул твои ожидания – это грустно.

Целую тебя, родная, и земно кланяюсь. Твой Георгий.

Голова моя теперь *не* болит, а маленькая температура все еще держится.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 139 —140. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 23/1-1937».

[675] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 24 января 1937 г.

24/1 37

Дорогой Георгий!

Дня три не писала тебе. В последнем письме все убеждала тебя, что тебе нет причины стремиться в Москву. Разве на Пушкинские торжества тебе захочется попасть – но стоит ли. Здесь очень холодно. Об этом тебе, верно, пишет и Л.<юдмила> М.<ихайловна>. Наша комната совсем не держит тепла. Топим все три печи и еле согреваемся. Сегодня в спальне утром 10 гр.<адусов>. С помощью керосинки довожу до 13-ти. Тебе придется вставать только тогда, когда нагревается от лампы или керосинки, чтобы можно было одеться.

У вас тоже холодно, но по крайней мере у тебя в комнате тепло и сухо. Я сносно терплю холод. Хожу гулять в мороз – часа по два и по три гуляю. Была в ред.<акции> ж.<урнала> «На Суше и на Море» обещали прислать на дом гонорар после 25-го января, статья напечатана, номер журнала тоже пришлют, а если увижу раньше в киоске, то куплю 2 экз.<емпляра>.

Тридцать дней тоже пускает в печать твою статью. Строев тоже обещал, что гонорар мне пришлют, а газету он сам передаст мне. Вади-<1нрзбр> что-то хотел у тебя спросить телеграммой. *Общественница* вернула статью и я не знаю, нужно ли ее куда отдать. Вот все твои дела. 12-я кн.<ига> у меня есть. В продаже пока ее нет. Оттисков 11-й тоже пока не прислали.

У Нюры все тоже. А я то надеялась, что без тебя, наконец, развяжется этот узел. С Дм.<итрием> Евг.<еньевичем>. у нее плохие отношения. Приехал Ника – брат Дали и дружит с Нюрой. Купил ей билет на Ромео и Джульету.

У меня почти никто не бывает. Мои друзья меня покинули. Вчера был доктор, но без меня. Оставил записку, в которой поздравляет меня с прошедшим <1нрзбр> именинником и больше ничего. У меня нет сил предпринимать что-либо для свидания с ним. Лечусь пока у гомеопата.

22-го опять навестила Русланова. Сама Нина Павловна сказала мне: у него рак. Рак бедра и левой стороны груди. Боли не перестающие. Он страдает, но не подозревает, что он безнадежен. Я просидела у него часа два с половиной, и он все удерживал меня. Он держался на понтамоне (это наркотическое лекарство, который давали и Славику) и напоминает мне Славику, когда так много и с

увлечением говорит. Нина Павл.<овна> не умеет скрыть от него своих переживаний, и он с тревогой следит за ее лицом. Тяжело.

Новиков тоже болен и даже не был на празднике Вересаева. А ты не послал ему телеграмму? Даже Русланов написал ему письмо. На днях хочу съездить к Жилкиной, м.<ожет> б.<ыть> с ночевкой, если предложат.

Наде я написала письмо с намеком на ее бессодержательную болтовню и испугалась потом, что обидела ее. Но в ответ получила хорошее смиренное письмо с просьбой не отнимать у нее возможность переписываться со мной, что это единственное, что ей дорого в ее жизни. Очень мила, но все же толку мало.

Вчера пришли ко мне две дамы, Работнова и <1нзбр>. Работнова читала «Пушкин и его современники», а я с Маргаритой говорила о том, что ей нужно выйти замуж и обещала ей найти жениха. Верочка Голубкина совсем что-то разошлась по всем статьям. Ну, вот написала тебе целый короб вольных вещей.

Насчет денег не беспокойся. Я не буду получать в «Новом Мире». Если понадобится, займу у себя из секретного фонда и ты мне при случае вернешь. Но пока это еще не нужно. Я думаю переплести тебе одну книгу. Но это будет сюрприз. Целую. Господь с тобой.

Твоя Надя.

24/1 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 71 — 73. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом писателя. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 24/1-1937».

[676] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Ялта, 26 января 1937 г.

26 января 1937.

Милая, родная Надя!

Вчера был Татьянин день и я написал ласковое письмо Таточке, позволив себе сказать ей ласковые слова и от твоего имени. Мне почему-то кажется, что, когда в последний раз Таточка была в Москве и не зашла к нам, это объясняется какою-нибудь глупостью Ольги Константиновны. Я не смею тебя просить, но если бы *ты* написала два-три слова Таточке, это было бы очень хорошо. Мне как-то неприятно, что с Таточкой прервали всякие отношения. Но если тебе *не хочется* ей писать, то и не надо. Я верю твоему чутью. Пусть будет так.

У меня три дня держится нормальная температура и я чувствую себя нехудо, как будто поправляюсь. Жалко, что я не могу остаться здесь до весны, но ничего не поделаешь. Это невозможно и потому, что денег не хватит, и потому что надо приниматься за дела. Я писал тебе, что я переделал мой кавказский роман «Добычу» в повесть «Химеры». Из 22 печатных листов сделал листов 10. Я руководствовался не только цензурными соображениями, но и художественными. Кажется, получилась ценная вещь. Длинные диалоги моего «сомневающегося» героя я уничтожил совсем. И все ударения перенес на химеры, то есть на темных заговорщиков. И практическая меркантильная моя надежда связана с этой повестью. Если я ее не продам, придется зубы положить на полку.

Кроме того я сейчас занят делом практически бесполезным, но занимающим меня по сути своей. Я на ту же тему *химер* пишу пьесу. Если пройдет как-нибудь повесть, то и явится надежда на постановку этой пьесы. Но, ведь, жатву за нее можно будет собрать при счастливом обороте фортуны не ранее, как год через полтора. За новое что-нибудь я не в силах был приняться, да и жаль бросать такой материал, как мои Азербайджанские впечатления.

Звенигородский прислал мне восторженное письмо по поводу «Жизни Пушкина». Любопытно, что *молодые* советские писатели, которых я здесь вижу, тоже восторженно говорят о биографии. Это

все восторги мне полезны отчасти. Их слушает, например, Ермилов и, кажется, проникается ко мне уважением. Приехал сюда писатель Артем Веселый, автор роман «Гуляй, Волга» и «Россия, омытая кровью»... Говорят, что он очень талантлив и независим. С ним считаются, потому что в первые годы революции он совершал какие-то подвиги во время гражданской войны, а в литературе своей он будто бы «сам по себе». Он оказался моим поклонником. Привез сюда с собой мою книжку стихов 1922 года и просил ее надписать: он также потерял пятилетнего сына: его раздавил трамвай. Надо будет прочесть его романы. Я еще в Москве хотел их прочесть. Он, кажется, пишет вроде Федорченко.

Ты никому не говори, что я «переделываю» роман в повесть. Я хитрю и говорю, что пишу повесть «Химеры» – и больше ничего. Переделки всегда вызывают сомнения у редакторов.

В эти последние дни у меня был перерыв и я вообще ничего не делал и, кажется, это было полезно и для души, и для тела. Но дня через два я примусь опять за работу.

Вчера я спустился вниз в Ялту и там гулял целый час по набережной. На море был небольшой шторм. У набережной волны поднимались метров на 10-12 выше ограды. Назад я приехал в кабинке грузовика. Пешком подняться я не могу.

Целую тебя, родная. Не знаю, что думать о судьбе Далика. Может быть, его забыли, потому что сейчас идет крупный процесс Радека-Пятакова, и не до таких мелочей, как стишки какой-то девчонки. Будь здорова. Пиши. Любящий тебя смрадный грешник.

Адрес Таточки: Улица Глинки, 15, кв.<артира> 13 – Татьяне Борисовне Серебряковой.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 141 — 143. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 27/1-1937».

[677] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Ялта, 27 января 1937 г.

27 января 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня я получил твое письмо от 24 января. По-видимому, некоторые мои письма пропали. Например, я писал, статейка, которая не пошла в «Общественнице» так мала, что на нее можно махнуть рукой, а ты недоумеваешь, что с ней делать. На счет гонорара за декабрьскую книжку «Нового Мира» я тоже писал трижды, что необходимо получить его, если только фининспекторское обложение не превысило всего гонорара. Меня именно это интересует. Получи и сообщи, сколько ты получила, чтобы у меня не было иллюзий.

На Пушкинских торжествах мне не подобает играть вторую роль, а первую мне не предложат. Значит, они могут обойтись с Бувновым и без меня. Но все-таки я приеду в середине февраля – числа 20-го, я думаю. Авось, будет теплее.

Здесь, в Крыму, холодно. На море штормы. Снежные заносы были. И даже какие-то школьники где-то замерзли. Но я гуляю около нашего дома или точнее сижу на скамейке минут сорок. Температура вот уже три дня нормальная. Кишечник работает прекрасно. Питаюсь очень хорошо. Но помню, что дни мои сочтены.

Как жалко Русланова! Я ему сегодня пошлю ласковое письмо. Он мне писал сюда. А что с Новиковым? Вересаеву мы, все ялтинские писатели, послали с опозданием приветственную телеграмму.

Досадно и обидно, что доктор не застал тебя. Если ты его увидишь, передай ему мой привет. А как твое гомеопатическое лечение? Почему ты не посоветуешь Нине Павловне Руслановой обращаться к гомеопату. Говорят, что гомеопатия в начальных стадиях излечивает рак.

Цыганка ни о морозах и вообще ни о чем дельном не пишет, да и пишет редко и кратко. После письма, в коем она выражает надежду скопить деньги и приехать в Ялту, я от нее никаких известий не получал, и не знаю даже, здорова ли она.

Мою повесть «Химеры» (переделка романа «Добыча») читал здесь Ермилов и говорит, что и в этой редакции она не совсем цензурна, хотя и не безнадежна. Но пока ничего не решено. Я пишу пьесу на ту же тему. Буду и пьесу читать Ермилову, который, кажется, мне вовсе не враждебен. С ним можно разговаривать. И он не так глуп. Но, пожалуйста, держи все эти мои переговоры в секрете.

Целую тебя, родная моя, и кланяюсь низко, низко. Прости меня Христа ради.

Любящий тебя неизменно

Георгий.

Всем привет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 144 — 145. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 29/1-1937».

[678] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 27 января 1937 г.

27/1 37

Дорогой Георгий, ты меня конфузил тем, что часто пишешь мне, а я тебе пишу мало. 12-ю кн.<игу> Нов.<ого> Мир.<а> я купила 3 экз.<емпляра>. Теперь у нас есть полный комплект биографии. Я тебе переплету один экземпляр, когда ты вернешься домой. Через три дня я получу пенсию, на днях получу и из ж.<урнала> на Суше и на Море, так что пока я не буду получать в Новом Мире. Мне это трудно. Если уж очень нужно, то пойду. Я ведь в доме отдыха и не очень охотно занимаюсь делами. Гуляю, лечусь, читаю, и предаюсь безделью. Мне это полезно. Я ведь слишком суечусь и хлопочу всегда.

У нас тут все знакомые заболевают: сегодня отвозят в больницу Веру Голубкину – скарлатина. Русланов должно быть, умирает. А вот Лебедев-Полянский будет читать доклад на Пушкинских торжествах. Значит, поправился от скарлатины. Сегодня навещала я Марусю Фудель. Совсем она больна. Астма и эмфизема и сердце расширено. Опухла и задыхается. У меня часто бывает Галицкая, обедает и читает твои статьи.

Аторов звонил. Очень приятно говорил о тебе. Я рада, что ты займешься своим недугом в Ялте. Это очень кстати вышло. Пиши и я вышлю тебе денег – займу у себя.

У Нюры все тоже.

Люба в деревне с Н.<иколаем> М.<ихайловичем> на три недели.

Тебе кланяется Златовратский. Сегодня Михаил Васильевич в кухне утром <1нрзбр> говорил: когда же это Георгий Иванович приедет? Без него скучно. Сергей <Иваныч> тоже нас не забывает. С Цявловским я что-то боюсь говорить. Впрочем хочу обеспечить билет на торжества якобы для тебя, а пригодится и еще кому-нибудь.

Целую тебя, дорогой.

Будь здоров и мирен.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 74 — 76. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель отсутствует.

[679] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 29 января 1937 г.

29 января 1937.

Милая, родная Надя!

Вчера я получил известие из Москвы, что мне продлили право пребывания в доме Литфонда до 7 февраля. Можно будет и без особого разрешения задержаться здесь еще дня на два. Потом я на неделю, примерно, переселюсь в Ялту, погуляю там и, может быть, полечусь у Голубова. Но сейчас я чувствую себя неплохо, только меня одолевает какая-то слабость временами. Доктор объясняет это тем, что я не гуляю. Если бы у меня был избыток денег, я переселился бы к морю теперь же, но задерживаюсь на горе из-за экономии. Здесь день мне стоит 15 рублей, а внизу будет стоить рублей 40! Чудовищно! Но я решил все-таки неделю погулять.

Послал письмо Русланову, и сегодня придется ответить Мусину-Пушкину. Из «Нового Мира» прислали мне вопли моих читателей «Когда и где выйдет отдельным изданием Жизнь Пушкина»? А она, должно быть, совсем не выйдет, хотя товарищи-писатели, проживавшие здесь, говорят в один голос, что это совершенно невозможный будто бы факт. Здесь, в Ялтинском доме Литфонда, случайно собрались писатели, ко мне очень расположенные, а иные даже мои прямые поклонники, так что я не чувствую здесь враждебной атмосферы. Напротив...

От цыганки я не получаю никаких известий и полагаю, что ее поездка в Ялту не состоится. Если ей мешает ее недуг, это плохо, а если она согласилась с доводами благоразумия, то очень хорошо.

У тебя это письмо мое будет, вероятно, 1 февраля. Если ты напишешь мне числа 2-3-4 даже 5, я успею получить от тебя весть здесь, в доме Литфонда. Да и позднее можно писать по старому адресу: мне передадут письмо.

Погода стоит неважная. Снег и спускаться вниз я сейчас совсем не могу, ибо скользко.

Я перечитываю «Соборян» Лескова и, кажется, мои соображения относительно стиля не идут к делу. Герои «Соборян», по-видимому, плохо и мало читали святоотеческую литературу, а язык у них какой-то семинарско-дурацкий и ничего органического к себе не заключает.

Что с Нюрой? Люба в Москве?

Земно тебе кланяюсь и целую коврик, на коем стояла ты, когда меня вспоминала перед отходом ко сну.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 146 — 148. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульв. <ар>, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 29/1-1937».

[680] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 31 января 1937 г.

31 января 1937.

Милая, родная Надя!

Мне очень досадно, что я писал тебе настойчиво о получении гонорара за декабрьскую и январскую книжки «Нового Мира». Если ты не нуждаешься в деньгах, то, конечно, можно было бы и не получать этого гонорара. Я как-то упустил из виду, что тебе *трудно* в самом деле ехать куда-то на Пушкинскую площадь, но ты так часто предпринимала путешествия как раз по этому маршруту, когда я был в Москве, что я на сей раз и пристал к тебе неосторожно с этой бухгалтерией. Это тем будет досаднее, если *весь* гонорар заберет фининспектор.

Мне здесь денег, надеюсь, хватит, но тебе я послать не смогу ничего.

Числу к 20-му февраля надеюсь вернуться в Москву.

Я пишу пьесу. Думаю привести ее в Москву в окончательной редакции. О каких ты билетах собираешься просить Цявловского? Если они *писательские*, то как же ими может воспользоваться кто-то другой? Я, кажется, писал тебе, что мне отсрочили право пребывания в доме Литфонда. Я, вероятно,

останусь здесь до 9 февраля, а позднее нет надобности мне писать, ибо я буду уже на отлете. В случае экстренности можно послать телеграмму по старому адресу: *Ялта, Кировская, Литфонд, мне.*

Телеграмму мне доставят. Я оставлю здесь свой адрес, когда он выяснится. Не знаю, буду ли я лечиться у Голубова, но, пожалуй, следовало бы: он с большой готовностью и по собственной инициативе начал об этом разговор.

Температура последние дни у меня нормальная. Смущает меня несколько какая-то слабость, но сегодня я поневоле проявил слишком большую энергию: я спустился вниз и несколько раз прошелся по набережной. Мне дали адрес комнаты, но из этого ничего не вышло, а *несколько раз* пришлось ходить, потому что машина за мной во время не пришла. Надеюсь, что эта прогулка не повредит мне. Главное, ты бы была здорова.

Не знаю, какие будут последствия для меня от исцеления Лебедева-Полянского. На отдельное издание «Жизни Пушкина» почти нет надежды. Подумаю об этом, когда вернусь в Москву. Жаль Верочку Голубкину. Жаль и Русланова. Какая жатва!

Я боюсь смерти. Грехов много. Что я скажу на Страшном Суде? Моя вера? «И бесы веруют и трепещут»... И глупости своей не оправдаешься: Ефрем Сирин глупцов не любит, очевидно, не без серьезных оснований.

Целую тебя, родная, и земно кланяюсь. Прости меня, Христа ради.
Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре, Лизе, Мих.<аилу> Вас.<ильевичу> и всем, кого следует приветствовать по тем или другим соображениям.

Можно с Цявловским и не говорить: это не так важно. Главное – будь здоровой и не хмури бровки.

Что наша домоправительница? Довольна ты ей или нет?

См.<отри> на обороте.

А что «Водный Транспорт»? Неужели сукины дети не напечатали статьи? Спроси у Ник.<олая> Серг.<еевича> Пасхина (Арб. 6.82.44 или К. 2.44.59), когда же они пришлют тебе гонорар. Скажи, чтобы они прислали *на твоё имя* по почте.

«Водный Транспорт» телеграфировал мне, что они печатают статью *в январе*, в «ближайшие дни». Неужели соврали??

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 149 — 151. На конверте адрес: *Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 2/II-1937».*

[681] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 31 января 1937 г.

31/I 37

Милый Георгий, сегодня позвонила мне любезная Паустовская и предложила отвезти тебе, если мне что нужно передать тебе. Но что же я могу послать? Хины нет, а остальное все у тебя есть. Спасибо ей, но я не воспользовалась ее предложением. У меня все по-старому. Приехал на каникулы Ника, брат Дали, и Нюра несколько развлекается с ним – ходили в театр и болтаются с ним, играя в опытную женщину. Я чувствую себя лучше. Стала поправляться, лицо посветлело. Я ленюсь и живу беззаботно. Стараюсь поумнеть, но мало успеваю в этом направлении. Прочла Онегина. Прекрасно! Вчера была у Машеньки. Она сидит за переводом, а перед ней твой том Пушкина. Она и мать ее в восторге. Кривоносов тебе кланяется, горячо приветствует, а писать не может. Тимофеев до 6 февр.<аля> в Пушкине на даче.

Была я еще у <Ирзбр> врача. Теперь лечусь. На очереди еще зубы. Целую тебя, родной мой.
Будь здоров и мирен.
Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 77 — 78. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 31/І-1937».

[682]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 3 февраля 1937 г.

3 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня расскажу тебе о мытарствах, которые я перенес за этот месяц с моим романом «Добыча» (о Баку). Я хотел его спасти. Но ничего из этого не получается. В одном из писем я дал слишком мягкую и даже ласковую характеристику моего соседа по комнате, Ермилова (редактора «Красной Нови»). Он сегодня (канун его отъезда в Москву) в последнем разговорчике со мной обнаружил всю свою плачевную сущность, которую он довольно хитро скрывал, подделываясь под мой разговорный стиль. И моя точка зрения на него изменилась. Но он все-таки неглуп. У меня с ним целый месяц тянулись переговоры о романе. Он заявил, что не может поместить более 10-11 листов. Я обещал снять ряд повествовательных планов и сделать из 20 листов – 10-12. В такой редакции он прочел роман. И надо сказать очень добросовестно. В результате этого чтения получился новый проект, обусловленный тем, что в повести, по его мнению, нецензурны все персонажи христианского типа – Настенька, Карабанов, Крюков и др.<угие>. Я предложил тогда, исключив все положительные типы, написать на этот же сюжет пьесу «Химеры», в коей дать маскарад темных злодеев. «Злодеи» как раз Ермилову очень нравились. Может быть, они в самом деле мне больше удались. Пьеса у меня получилась острая и занятная. Все самые сильные страницы романа в нее вошли. Но сегодня я читал пьесу этому самому Ермилову (вчера тоже – в два приема) и он предъявил еще новые требования, на мой взгляд ослабляющие остроту комедии. Завтра Ермилов уезжает. Я не успел написать только две последние сцены. Мы условились, что через две недели, примерно, я привезу пьесу и вручу ее ему. Не знаю, что из этого выйдет. Он очень восхищался типами и диалогами и уверял, что пьеса «блестящая», но вместе с тем боится таких вещей, которые, на мой взгляд, и делают пьесу острой. А вот одно словечко он произнес такое, от которого мне стало тошно, и захотелось махнуть на все рукой. И кажется, я метал бисер. Понимаешь?

Надо будет, однако, приняв в внимание его требования (по крайней мере точнее и обстоятельнее), сделать еще купюры и закончить пьесу. Но самое скверное то, что он не согласился дать аванс под пьесу, пока она не будет закончена и пока он, в Москве, не выяснит состояние редакционного портфеля. Он заявил, что авансы они дают только под вещи, которые идут в ближайших книжках.

Но пьеса все-таки написана. И знаешь, по-моему, значительная. Когда-нибудь она пойдет на сцене. И в неискаженной редакции.

Прости меня, что я надоедаю тебя письмами. Ты, если тебе трудно, не отвечай на них каждый раз. Но пиши одно письмо на мои два. Но все-таки пиши.

Надя! Ты у меня красота! Я сейчас пошел к Ермилову в комнату и выручал его со всей откровенностью. Так и сказал: «Написал на днях жене, что вы умный человек, а теперь сомневаюсь и жалею, что вас хвалил»... Он очень смеялся и, кажется, не обозлился. Я его стыдил. Такая была минута, что пришлось сказать правду о христианстве.

Надя! Родная! Нам, ведь, с тобой терять нечего. Может быть, и придется помянуть на особой лад мучения Вонифатия. Напрашиваться на его судьбу не буду, но и под стол от страху не залезу. Целую тебя, родная.

Земно тебе кланяюсь. Люблю тебя благоговейно. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 152 — 154. . На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 5/ІІ-1937».

[683] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 5 февраля 1937 г.

Милый Георгий!

Письмо я диктую Нюре, потому что у меня нарывает палец. Надеюсь, что скоро буду писать сама. У Нюры никаких перемен. Я получила гонорар из Сталинградской газеты 147 руб.<лей>. Мих.<аил> Фед.<орович> тебе кланяется. Номер газеты он передаст тебе сам. Получен 1 № журнала «На суше и на море».

Твоя статья напечатана с иллюстрациями: 1) Пушкин на черном море Айвазовского, 2) Дом в Тифлисе, где жил Пушкин 3) Дом в Одессе, в котором жил Пушкин, 4) Карта России с отмеченными местами, где побывал Пушкин. Гонорар на днях обещали прислать. В Ялту едет какая-то барышня 9/II. Обещала заехать ко мне перед отъездом. Русланов очень рад твоему письму. Мне звонила Нина Павловна тоже тронута твоим вниманием. У Русланова умер старший брат Михаил, лежавший 7 дней от какой-то болезни.

Сегодня мы празднуем день моего рождения, о котором забыла даже Зинаида Андреевна Жилкина. Только Елена Ивановна притащилась со сладким пирогом.

В «Новый Мир» я пока не ходила. Станислав Герасимович обещал прислать оттиски на дом. Я слышу много похвал тебе за биографию Пушкина.

Звонили из какой-то Украинской Областной газеты – просили материал о Пушкине. Я сказала, что тебя нет и сразу не сообразила, что могла отдать статью «Пушкин и война», которую мне вернули из журнала «Общественница». В журнале «30 дней» статья еще не появилась. Было приглашение тебе из нашего Жакта прочесть доклад о Пушкине 6/II.

Тебе кланяется Лансере. На Казанском вокзале был пожар, но плафон остался невредим. Все домашние тебе кланяются и желают тебе поправиться. Михаил соскучился по учебе. Погода стала теплой и мягче – наверно к твоему приезду будет совсем хорошо.

Кланяется тебе Славнин, Верховский, Новиков. Последний, болен гриппом, с самого твоего отъезда. И ни разу не был у меня.

Пока прощай, будь здоров.

У меня нарывает палец. Писать трудно пока. Нюра напишет под диктовку подробно. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 80 — 83. На конверте адрес: Ялта. Ул.<ица> Кирова, д.<ом> 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 5/II-1937».

[684] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 6 февраля 1937 г.

6 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

Я все откладываю свой отъезд из дома Литфонда в надежде, что я найду какую-нибудь частновладельческую комнату в Ялте, но поиски мои пока бесплодны. Я покину дом Литфонда, вероятно, числа девятого февраля и перееду в Ялту дней на семь. А дом Литфонда покинуть пора. Я хвастался, что товарищи-писатели относятся ко мне очень мило и доброжелательно, но я боюсь, что я перейду границы разговоров о том, что «петухи поют». А за пределами этой тематики начнутся, вероятно, такие недоразумения, что лучше заблаговременно заняться лечением малярии или еще чем-нибудь утомительным. Отъезд Ермилова осложнился, между прочим, таким анекдотом, который внушил мне мысль о необходимости искать келейного образа жизни.

Скажу тебе по секрету, что невежество наших писателей во-истину изумительно. И это «учитель жизни» и «властитель душ»... Но за то процветают. Есть тут один молодой драматург. У него

шли четыре пьесы. Я две из них тут прочел. Они написаны бойко, но исключительно в плане «петухов». Так вот этот петушинный драматург зарабатывает шесть-семь тысяч в месяц.

Я хвалил тебе Паустовского, но, читая его книжку «Черное море», тоже написанную не без таланта, я вдруг «напоролся» на такую пошлость, что все мои иллюзии относительно этого писателя исчезли, как дым. И этак все. Бежать! Бежать из этого *«Дома творчества»*.

Надеюсь числа 20 февраля быть в Москве. Будь здорова, родная, и прости меня. Только с тобой мне хорошо по-настоящему, хотя я и недостойн твоего снисхождения. Целую тебя и люблю неизменно. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 91 — 92. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 7/II-1937».

[685] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 7 февраля 1937 г.

7 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

От тебя что-то нет давно писем, и это меня беспокоит. Может быть, ты послала «Ялта. До востребования», а я сижу в доме Литфонда до сих пор. Я попаду в Ялту только 10 февраля: теперь меня задерживает дирекция Литфонда: я должен здесь читать о Пушкине. А завтра меня везут куда-то на машине тоже читать о Пушкине каким-то красным командирам. Вообще подобных просьб и предложений немало. Местная газета тоже заставила меня дать маленькую статейку о Пушкине. А московские торжества меня не очень прельщают. Я слежу по газетам и что-то не вижу ничего значительного. Л.<еонид> И.<ванович> Тимофеев опять прислал мне письмо. Уверяет, что вновь поставит вопрос об издании моей книги о Пушкине в изд.<ательст>ве «Советский Писатель». В ГИХЛ'е все, по-видимому, погребено, несмотря на воскресение П.<авла> И.<вановича> Лебедева-Полянского. Ну, вернусь числа 20-го и все узнаю.

Читала ты в газетах о двух покойниках? Умер под грузовиком пушкинист Гессен, изругавший Новикова. Умер Израиль Григорьевич Гельман, «Доктор Гельман», о коем распевал куплеты Гречанинов – помнишь?

Оба значительно моложе меня. Сие memento нелишнее.

Здорова ли ты? Лечила ли зубы?

Это мое письмо ты должна получить десятого февраля. Если ты мне напишешь без промедления в Ялту до востребования, то я числа 14-го получу от тебя весть. Это мне было бы очень приятно, а то я буду думать, здорова ли ты и все ли у нас благополучно.

Целую тебя, родная. Прости меня.

Любящий тебя Георгий.

Нюре и всем скажи что-нибудь ласковое.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 93 — 94. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 9/II-1937».

[686] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <7 февраля>1937 г.

Милый Георгий, я все еще не могу тебе писать своей рукой – нарываю. У нас в доме все по-старому. Меня навещает Верховский, который тебе кланяется. Девятого уезжает в Ялту наша знакомая. В Москве тепло, на улице лужи, к твоему приезду будет совсем хорошо. Коля Волков починил твою

печку, а Евг.<ения> Алек.<сандровна> в восторге от твоей статьи «Странствия Пушкина». И я то же нахожу ее очень хорошей. Целую тебя.

Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 79-79об. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 7/II-1937».

[687] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**

Ялта, 8 февраля 1937 г.

8 февраля 1937.

Я свинья в ермолке, я смрадный старик, я дырявая голова!

Прости меня, милая Надя! Опять забыл день твоего рождения!

Земно тебе кланяюсь и поздравляю. Но вот нарыв на пальце – это ужасно. Я теперь буду волноваться. И это очень больно! Обратись к хорошему хирургу. Умоляю тебя.

А я только что тебе написал письмо о том, что буду справиться в Ялте на почте, нет ли там твоих писем до востребования.

Целую тебя, моя родная.

Твой недостойный Георгий.

Сегодня мне предстоит выступить у красных командиров с лекцией о Пушкине. Почему в газете негде ничего не пишут о Цявловском?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 97-98. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 9/II-1937».

[688] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**

Ялта, 10 февраля 1937 г.

10 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

«Наша знакомая» это, очевидно, цыганка? Она прислала мне телеграмму, что едет, а у меня теперь забота, как выбраться из Ялты в Москву. В доме Литфонда мне сказали, что они могут достать билет только на 23 февраля! Я в ужасе, потому что мне необходимо вернуться к 20 февраля, да и мои финансы того требуют. Я сегодня переехал в гостиницу «Интурист». Меня уверяли, что здесь легко получить билет. Но и здесь мне заявили, что надо заказывать билет за двенадцать дней. То же самое. Придется что-то еще выдумывать: я не могу оставаться здесь дольше 18 февраля! Придется, может быть, ехать на ура в Севастополь, рискуя там застрять.

Твой нарыв меня очень беспокоит. Знаешь что? Утеши меня, потрать три рубля и, получив это мое письмо, пришли телеграмму о твоём пальце и вообще о здоровье по адресу: «Ялта. Интурист. Георгию Чулкову».

Кто писал открытку под твою диктовку? Я здесь прочел три лекции о Пушкине – красным командирам в санатории Р.<абоче>-К.<рестьянской> К.<расной> А.<рмии>, сотрудникам и служащим нашего санатория Литфонда (еще раньше я читал доклад о Пушкине писателям) и, наконец, сегодня читал лекцию рабочим и инженерам на Электростанции. От нескольких предложений отказывался. То, что я избежал московских пушкинских торжеств, меня радует. Я бы злился, а злиться не следует.

В гостинице «Интуриста», куда я сегодня переехал, пустынно и холодно. Я вошел в соглашение с истопником, дал ему пять рублей, и он обещал усиленно топить мой номер.

Целую тебя, родная. Помолись за меня грешного. Думаю съездить в Гурзуф, где Пушкин провел «счастливейшие дни своей жизни» – три недели. Это от Ялты 14 километров. Туда ходит автобус.

Да! Вот что! Искал для тебя что-либо крымского: ничего! Клянусь, ничего! Даже набора раковин нет. И зелени сейчас нет, кроме кипарисов и елей. Все колючее.

Как я бестолково пишу письма. Даже стыдно. А все потому, что без черновика. А Пушкин для писем всегда писал черновики – хитрец. Ну, раз я непоследователен и беспорядочен, то кстати или некстати похвастаюсь, что я сегодня увлек рабочих. Они в восторге жали мне руку и вообще сделали мне овацию. Говорят, что они еще никогда не слыхали, чтобы так читали лекцию. А все дело в Пушкине. Я сам сегодня увлекся. Я рассказывал, как Пушкин мучился в страстях и как он страсти преодолел. Вышло значительно, ей-Богу. «Сам я бездарен, да тема моя гениальна».

Целую твои руки, дорогая. Что же это за нарыв такой? Какая ты неосторожная!

Любящий тебя неизменно

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 109 — 111. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[689] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 12 февраля 1937 г.

12 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

Я живу теперь в самой Ялте в гостинице. Мой адрес, значит: Ялта, гостиница «Интурист». Приехала цыганка, больная, с десятками недугов, и поселилась в той же гостинице. Я уже заказал билет в Москву на 18 число. Если билет мне удастся получить, то я буду дома 20 февраля – несколько, потому что я не хочу участвовать в Пушкинских торжествах в Москве.

Я здесь на Пушкине заработал 50 рублей, а в другом месте за лекцию мне должны были заплатить 150 рублей, и я дал расписку, что эти деньги получил, но денег мне до сих пор не прислали и, кажется, я на вовсе не получу. Хороши нравы!

В местной газете появилась моя статья «Пушкин и народ». И о деньгах тоже – гробовое молчание. Из всех писателей, живших в Литфонд.<ском> доме, только я один старый дурак не умею зарабатывать деньги. Иные получают по 6000 тысяч в месяц и жалуются, что мало. А мы с Достоевским закладываем женины юбки!

Переделываю мою пьесу. Она все еще не совсем цензурна, да и по существу кое-что надо в ней изменить.

Что твой палец? Спал? Головокружение? Что твоя «нелюбовь» в духе Ефрема Сирина? Может быть, вам с ним надлежит быть снисходительные? Я в этом очень заинтересован. А то, ведь, мне беда. Вы меня с Ефремом Сириным совсем можете изничтожить. Оснований для того достаточно.

Беседовал с проф.<ессором> Голубовым. Из моего лечения, кажется, ничего не получится, ибо мало времени. Надо уезжать. Я к нему опять пойду завтра.

Целую тебя, родная. Прости меня, Христа ради.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 155 — 156. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 12/II-1937».

[690] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 13 февраля 1937 г.

13 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

Пора домой. Очень пора. Да и нет больше возможность здесь оставаться. Мне обещали в «Интуристе» достать билет на 18 число. Значит к 20-му февраля я, если Бог даст, буду дома. Надеюсь, что твой палец будет уже без нарыва и вообще ты будешь здорова. Авось и морозы уже прекратятся. И вообще будет рай в шалаше. Погода неважная. У меня номер окнами на набережную. Море под носом. Вот уже три ночи подряд оно шумит грозно. Ночью так ревет, что я все думаю, не смое ли оно всю Ялту вместе со мной и с моей рукописью «Химеры». Я продолжаю работать над этой комедией – без единого положительного героя, без любви и без всяких сентиментальностей. Все это очень невыгодно. Зрители вообще, а особенно сегодня любят все чувствительное. Я тут прочел две пьесы модного автора Гарбузова. У меня все наоборот. Но я упрям и буду писать по-своему.

Согласись, что сентименты нам с тобой не к лицу. Пусть другие охают и млеют. Ныне, ведь, и тигры сентиментальны, а мы другой породы.

Возвращение в Москву меня соблазняет. Здесь все-таки холодно. Я вот хочу съездить в Гурзуф и никак не решаюсь: все ветер и дождь. А туда ходит автобус. Если сегодня будет солнце, поеду.

Сегодня вечером пойду опять к профессору Голубову.

Неужели у Нюры все тоже непонятное? Нехорошо. Ты, конечно, на все эти «пушкинские» официальности не пойдешь и хорошо сделаешь. Я купил здесь книжку Кирпотина о Пушкине, написанную на каком-то странном языке, которого покойного поэт вовсе не знал. За эту книжку т.<оварищ> Кирпотин получил звание «доктора литературоведения» *honoris causa* – без защиты диссертации.

Целую тебя, родная. Земно кланяюсь. Прости. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 157 — 159. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 13/II-1937».

[691] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 14 февраля 1937 г.

14 февраля 1937.

Милая, родная Надя!

Сегодня меня огорошили сообщением, что на 18-е нет билетов. Я ринулся в другое место. Если и там не достану, придется ехать в Севастополь без уверенности в своей судьбе.

Вчера вечером был у старика Голубова, который рассказывал, как он, будучи молодым профессором и ассистентом Захарьина, ездил в Беловежскую Пущу лечить императора Александра III. До сих пор не может вспомнить без досады, что генералитет так плотно обступал стол с водкой и закуской, что ему не доставалась икра и все прочее: он не успевал выпить и закусить. Захарьин, разговаривая с царем, после каждой фразы кланялся в пояс. Царь не принимал назначенных лекарств. Захарьин ему сказал: «Ваше величество! Вы должны помнить не только о Вашей семье, но и о России». Александр махнул рукой и сказал сердито: «Ну, Россия и без меня обойдется». Захарьину во дворце отдали комнату очень хорошую, где, между прочим, стоял умывальный прибор со множеством ванных флаконов их дорогого фарфора. Ночью Захарьин проснулся с головной болью и сердцебиением. За стеной, оказывается, была кухня и оттуда шел угар. Тогда Захарьин, несмотря на свое благоговение перед монархом, в ярости знаменитой своей палкой перебил все драгоценные флаконы на умывальнике. Голубову пришлось брать кровь Александра III-го для исследования. Я – говорит – проливал царскую кровь». . . Николаю II-й вел себя – по его словам – легко или смело, нисколько не озабоченный опасным положением отца. Александр III-го взял слово с Захарьина, что он не скажет Марии Федоровне о безнадежном его положении. И Захарьин сдержал слово, за что впоследствии императрица на него гневалась.

Ты чувствуешь, что мое письмо можно продать Бонч-Бруевичу?

Вчера у меня была маленькая температура, но сегодня яркое солнце, и я надеюсь, что не разболеюсь. Целую тебя, родная. Любящий тебя неизменно – Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 483, л. 160 — 161. На конверте адрес: *Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 14/II-1937».*

[692] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Дорохово, 22 августа 1937 г.

22 августа 1937.

Милая, родная Надя!

Добрался в грузовике благополучно до Малеевки. Ребра целы и вообще все органы и члены. В здешнем доме отдыха все довольно примитивно. Воды в уборной в девять часов утра еще не было, кровать лодкой, обед грубоватый, электричество гаснет, в гардеробе нет вешалок, но все это может наладиться и поправимо. А пейзаж неплох. Это не Голицыно. Дач нет никаких. При доме большая усадьба с деверьями и цветниками. Кругом рощи и поля. И вообще это то, что я хотел: ничего городского. Глаз отдыхает, несмотря на дурную погоду.

Я успел переделать конец моей пьесы. Кажется, вышло лучше. Значит, здесь можно работать. Завтра примусь за Рылеева.

Товарищи пока что на волков не похожи и съесть меня не хотят. В вагоне, представь себе, когда я ехал в Дорохово, сидел доктор, Сергей Алексеевич Никитин, но я, к сожалению, увидел его только незадолго до моей остановки. Мы успели, однако, перекинуться несколькими словами, и я воспользовался его врачебными советами. Я этому доктору верю. Жаль только, что он специалист по нервам, а мне нужно еще и сердечника.

У меня угрызения совести, что я дышу деревней, а ты – в городе. А, ведь, могла бы и ты поехать куда-нибудь, где трава и деревня. Четвертого сентября буду в Москве, если Бог даст.

С почтой здесь сложности и возня. Писем писать не буду. На днях попробую *вечером* поговорить с тобой по телефону. Может быть, разговор и состоится.

Целую тебя нежно, моя родная Надя. Любящий тебя твой старик
Георгий Чулков.

Передай привет Нюре и домочадцам. Не забывай ее кормить как следует. Я отказываюсь от денег, какие ты будешь экономить по случаю моего отсутствия.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 162 — 163. На конверте адрес: *Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Старая Руза, 22/VIII-1937».*

[693] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 22 августа 1937 г.

22/VIII

Дорогой Георгий, как доехал? Огорчаюсь за тебя, что погода плохая. Жду от тебя вестей. У нас ничего нового. Собираюсь в Калугу, когда ты приедешь, а если ты задержишься в Малеевке, то поеду в начале сентября, не дожидаясь тебя, на две недели. Только бы ты не заболел там от сырости. Тугендгольд предлагает внести за радио 30 руб.<лей>. Надо ли? Напиши. Вносить надо в конце августа. Целую Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 107-107об. Почтовая карточка. На обороте адрес: *Белорусско-Балтийская ж.<елезная> д.<орога>, ст.<анция> Дорохово. Малеевка. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Адрес отправителя: Москва. Смоленский б.<ульва>-р, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова. Почтовый штемпель: «Старая Руза, 24/VIII-1937».*

[694] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Дорохово, 23 августа 1937 г.

23 августа 1937.

Милая Надя!

Дождик. Это плохо. Ну, авось придет циклон, как обещает метеорологическое бюро, и я успею насладиться летом.

Жаль, что мне не придется делать прогулки. Говорят, что здесь прекрасные окрестности. Даже из нашей усадьбы видно, что вокруг живописно.

В 1812 году маршал Наполеон, Евгений Богарне, занимал со своим штабом как раз старую Рузу, рядом с коей расположена Малеевка. Где-то тут имеется церковь, в которой венчался Чехов с мадам Книппер. Это история. Как я живу? Утром в 9 часов дают завтрак обильной. Сегодня, напр.<имер> , яичница из двух яиц, салат из что-то вроде салата с провансалем, простокваша, сыр, масло, чай или какао или кофе. Потом я работаю до 3 ½ часов у себя в комнате. Обед из трех блюд. После обеда я теперь не ложусь, ибо мешает одышка: играю в шахматы или сижу на террасе, беседуя о том, что «петухи поют». Иногда говорю и не о «петухах» по рассеянности и тогда чешу затылок.

Писатели покупают себе дом в окрестностях. Я завидую, – впрочем, не очень.

Сегодня начал читать и изучить «дело» декабристов. Не знаю, как я выпутаюсь из этого «дела». Рылеев на другой же день после ареста начал каяться и откровенничал, как мальчишка.

Здесь недурная библиотека. Я мог не брать с собой кое-каких книг.

Очень думаю о твоём здоровье. Постараюсь поговорить с тобой на днях по телефону часов в 8-9 вечера.

Но это довольно смешно.

Писать не буду больше: слишком здесь все однообразно.

Да! Забыл сообщить тебе расписание второй половины дня. В 6 ч.<асов> ем чай с булками. Дают и яблоки из здешнего сада. В 9 часов ужин. Для меня это поздно. Я вчера соблазнился, однако, и съел цветной капусты целый кочан и выпил – о ужас! – стакан превосходного сырого молока. Сегодня у меня было уже три стула, впрочем, пока довольно приятных. Не рискнуть ли мне приучить себя пить молоко? Оно такое вкусное. И как-то идет к моему возрасту, когда уже впадаешь в младенчество. Водка меня теперь не соблазнит – буду пить молоко.

Духовная моя жизнь влачится медленно по той же тропе. Вчера вечером посетил меня отдыхающий здесь один молодой критик-еврей, неглупый тридцатилетний человек. Он вежливо объяснил мне, что всякая религия заблуждение и что он убежденно атеист. Я в свой очередь просил его разъяснить мне, что собственно значит атеизм. Он затруднился мне ответить на этот вопрос. Беседа наша, вероятно, возобновится. Это уже не «петухи», но какие-то другие птицы – вероятно попугая.

Целую тебя, родная. Христос с тобой.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 164 —166. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Старая Руза, 24/VIII-1937».

[695] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Дорохово, 25 августа 1937 г.

25 августа 1937.

Милая Надя!

Получил сегодня твою открытку. Спасибо. А ты мои два письма получила?

Относительно радио – мне все равно.

Можно дать 30 рублей. Не разоримся. Твое намерение ехать в Калугу неплохо, но не поздно ли в начале сентября? Не вернуться ли мне пораньше? Уж очень мало у тебя будет дней летних. Хорошо,

если будет приятное «бабье лето». Досадно, что домоуправление ввело нас в заблуждение относительно ремонта.

Я сегодня наслаждался хорошим днем и три часа сидел в кресле в парке солнечной лужайке и книгой. Буду пользоваться каждым солнечным днем, а писать, если захочется, буду после заката. Пожалуй, я не сделал ошибки, приехав сюда, в Малеевку. Позднее 3 сентября я все-таки не останусь, ибо надо ходить в Центрархив. Целую тебя нежно. Твой Георгий.

Получила ли Нюрка мое письмо?

По телефону говорить отсюда очень трудно: я едва слышу твой голосок.

Писем от меня больше не жди. Жизнь однообразна – и конвертов нет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 167-168. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. От Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова. Дорохово, Белорусско-Балтийская ж.<елезная> д.<орога>, Дом Литфонда (Малеевка). Почтовый штампель: «Старая Руза, 27/VIII-1937».

[696] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 25 августа 1937 г.

25/VIII

Дорогой Георгий. Получаешь ли ты мои письма? Это 2-е. У нас все по-старому. Я предаюсь отдыху. В этом году никаких особых дел не затеваю. С Нюрой общаюсь. Нигде не бываю. Отдала Тугендгольду за радио 30 р.<ублей>. Жалко. Предполагаю поставить его в прихожей. Ты как думаешь? У нас в квартире прохладно. Маруся все завет меня к ней. Сусанна вывела еще одно чудовище. 3 яйца еще лежат в гнезде. Пиквик грустен. Перевезла Алешу Голубкиным домой. Он плох очень. Бедный. Лида наша пишет, что болен Шурик – порок сердца. Целую тебя, дорогой. Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, 107а-107а об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Белорусско-Балтийская ж.<елезная> д.<орога>, ст.<анция> Дорохово. Дом отдыха Литфонда «Малеевка». Георгию Ивановичу Чулкову. Адрес отправителя: Москва. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова. Почтовый штампель: «Москва, 25/VIII-1937».

[697] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 28 августа 1937 г.

Дорогой Зоря!

Письма твои – два – получила. Спасибо. Очень рада, что тебе довольно хорошо в доме отдыха. Обо мне не беспокойся. Я чувствую себя довольно крепкой. Теперь живу без хлопот и без забот. Ничего не делаю для квартиры. Все остается по-прежнему. Когда будет больше сил устрою чистку и ремонт. Не спешి домой – отдыхай, если можно подольше: тебе предстоит много работать этой осенью.

Без тебя не было особенного ничего. За книжкой «Дон Кихот» прислали, и я отдала ее посланному. Звонил Мусин-Пушкин. Он приехал, кажется, без результата от поездки в Цхалтубу. Получена открытка от Добрынева. Он все еще в Голицыне. Златовратский тоже пишет из Кавказа тебе и мне и Нюре привет.

Ну, что еще? Сусанна произвела трех птенцов. Пиквик грустен по случаю линьки – перья сыпятся из него.

Михаил взялся красить и оклеивать Нюрину комнату. Поэтому Нюра все время на нашей «площади». Подруги ее все куда то разъехались, и ей не с кем слова молвить.

У Верочки умирает Алеша. Ужасно долгая агония. Рячинский недавно ворвался, без стука, в комнату и я даже испугалась. Пришел вернуть тебе 20 р.<ублей>. Жуковский получил от прокурора извещение, что «примет меры к возвращению подсудимого». Это мешает Нюре уехать на время отпуска в Одессу – к подруге и она не знает, как быть. Ужасно устала – плачет.

Я выкупила облигации Нюры на время розыгрыша, и потом опять их заложу. Завтра, м.<ожет> б.<ыть> выиграем.

Я читаю Двойника. Хорошая вещь. А вообще я мало теперь читаю. Больше ленюсь и думаю. Целую тебя, родной. Будь здоров и мирен. Твоя Н.

Все домочадцы тебе кланяются.

28/VIII 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 108 — 110. На конверте адрес: Ст.<анция> Дорохово. Белорусско-Балтийская ж.<елезная> д.<орога>, Дом отдыха Малеевка Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 29/VIII-1937».

[698] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Дорохово, 29 августа 1937 г.

29 августа 1937.

Милая Надя!

Пора думать о возвращении домой. Вероятно, я вернусь *четвертого*, но может быть и третьего или даже пятого. Дело в том, что выехать в Дорохово не так просто. Сегодня, например, товарищи должны были выехать к утреннему поезду, но машина была почему-то занята и все остались на сутки сидеть в Малеевке. А я еще нахожусь в особо затруднительном положении, ибо я должен обеспечить себе доставку чемодана, который сам я нести не могу.

Я ничего не пишу (только заключительную сцену пьесы написал), но читаю много того, что все равно мне прочесть необходимо для моей книги, – читаю и делаю заметки. Это мое «написание» объясняется отчасти тем, что я стараюсь весь день, пока солнце, проводить на воздухе. Здесь прекрасный воздух, ибо далеко вокруг нет никакого жилья: лес и луга – и есть сосны. Здесь я наслаждаюсь воздухом, и для моих больных легких он, если не целителен, то по крайней мере утешителен, ибо чувствуешь, как кислород оживляет кровь. Жаль, что я не воспользовался Малеевкой пораньше. Это все проклятая канитель с редакциями и нужда в деньгах. Позднее оставаться тоже нельзя, потому что надо работать в Центрархиве, да и становится холодновато. Хорошо, что ты меня снабдила этим шерстяным жилетом: я бы без него погиб. И одеяло мое меня спасает по ночам.

По телефону нет никакой возможности говорить. Я ничего не слышу. Едва угадываю, что ты мне говоришь.

Товарищи в Малеевке отдыхают скромные, не знаменитости. Оно и лучше. С двумя из них мне пришлось возиться в качестве мэтра. Читать и даже править их работы. Нельзя было уклоняться никак. До свидания, моя родная. Будь здорова. Господь с тобой. Любящий тебя

Георгий.

Привет Нюре передай и всем.

Это письмо третье по счету.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 483, л. 169 — 170. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Старая Руза, 31/VIII-1937».

1938 г.

[699] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Курск, 30 марта 1938 г.

30 марта 1938.

Милая Надя! Сейчас утро 30 марта. Скоро Курск. Еду благополучно. Сосед не курит. Я утром кашлял мало и чувствую себя нехудо.

Только бы ты, чудесная, почувствовала себя хорошо: тогда и я буду счастлив. Земно тебе кланяюсь. Твой Георгий.

Привет Нюре, Любе, Ник.<олау> Мих.<айловичу>, Лизе, Михаилу и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 3-3об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Москва, Смоленский бульвар, 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Курск, 30/III-1938» «Москва, 31/III-1938».

[700] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Харьков, 30 марта 1938 г.

Милая Надя!

Это второе письмо с догори. Сейчас четыре часа (30 марта) – мы в Харькове. Это «петухи поют». Но есть и соловей – это моя любовь к тебе, дорогая. Пусть будущий биограф мой будет перечислять с нехорошим любопытством мои грехи и пороки, и пристрастия, но «вечного» от меня никто не отпилит – значит, и моей любви к тебе.

Молю Бога, чтобы ты была здоровой и бодрой. Ну, что я без тебя? Я тобой только и дышу. В земных скитаниях нет уже для меня прелести. И жалость к Агари.

Главное – ты будь здорова – и никаких «свинок»! Это детская болезнь, а мы с тобой большие. У меня душа замирала от нежности, когда я смотрел на тебя, уходящую от вагона через полотно дороги и вокзалу. Как ты неосторожная! Бежишь через рельсы и по запрещенному пути!

Целую тебя. Прости меня, Христа ради.

Будь снисходительной к глупым людям. Они, ведь, несчастнее нас умных. И ко мне тоже будь снисходительна.

Я напрасно сказал «нас умных»: я, пожалуй, даже очень глупый в некоторых отношениях.

Любящий тебя Георгий Чулков.

30 марта 1938.

Привет Нюре и Любе.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 1-1об. Связь с конвертом не установлена.

[701] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 31 марта 1938 г.

+

31 марта 1938.

Милая Надя!

Юг встретил меня вьюгой. За Харьковом все покрыто белой пеленой. В день моего приезда в Севастополь несколько автомобилей стояли занесенные снегом у Байдарских ворот – утром, а днем дорога очистилась, и я благополучно прибыл в Ялту.

Осеннее мое пальто и две фуфайки меня очень вручили. Жаль, что не было калош, но, кажется, вся эта снежная история пройдет для меня безвредно. Я – в той же комнате, что и зимой. Все то же.

Как ты живешь? Вот что важно. Пиши мне почаще. Целую тебя, родная. Привет Нюре, Любе и всем чадам и домочадцам.

Это третье письмо. Я писал с дороги.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 2-2об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Москва, Смоленский бульвар, 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Адрес отправителя: Ялта. Дом Литфонда. Г.<еоргий> И.<ванович> Чулков. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 1/IV-1938» «Москва, 3/IV-1938».

[702] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 30 марта 1938 г.

Милый Георгий, дома все благополучно. Сегодня, 30-го, по телефону сообщили, что скончался Павел Владимирович Кисляков.

Может быть, схожу на панихиду. Но стараюсь отдыхать и никуда не выходить. Целую Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 111-111об. Почтовая карточка. На обороте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 30/III-1938», «Ялта Крым, 1/IV-1938».

[703] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 31 марта 1938 г.

Дорогой Георгий, как я рассеяна и недогадлива! Не попросила тебя телеграфировать мне из Севастополя и Ялты, а теперь мучаюсь, как ты доехал.

В газетах пишут, что в Крыму снег. Ты простудишься, когда поедешь в автомобиле. Сохрани тебя Бог! Я начинаю приходить в себя. Лежу и питаюсь, как больная.

Тебе кланяются: Добров, Златовратский, Новиков. У меня пока никого не было. С Нюрой пока ладим. Завтра похороны Кислякова.

Целую тебя нежно.

Надя

31-е III

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 112-113. На конверте адрес: Крым. Ялта. «Дом писателей» Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 1/IV-1938».

[704] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 1 апреля 1938 г.

Милый Зоря, посылаю тебе открытку Дома Ученых. Ответь мне, надо ли вносить деньги и, если можно оторви карточку от льготного удостоверения и пришли мне. Я нашла две твои карточки, но они разные – не знаю, годятся ли. У нас все хорошо. Люба меня навещает. Я почти не выхожу из дому. Получила от тебя три письма с дороги.

Боюсь, не простудился ли ты. Здесь свирепый холод. Целую Н.

1/IV 37

Маруся пишет, что у нее есть работа и она не очень нуждается, но не запрещает посылать ей помощь.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 84. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[705] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 2 апреля 1938 г.

2 апреля 1938.

Милая Надя!

Спасибо за открытку, посланную 30-го. Смерть Павла Владимировича Кислякова напомнила реально о близости страшного и грозного ангела.

Впрочем, здесь в Ялте об этом напоминает разбушевавшаяся стихия. Шторм на море, а смерти гуляют около мола; сейчас, в десяти часов вечера, все обитатели дома столпились на крытой террасе и смотрят в стеклянные окна и двери на молнии, которые то и дело рвут ночную темноту.

Ты разумно поступала, отказавшись от Ялты – и не только потому, что сейчас здесь холодно и снежно, и бурно, но и потому, что общество на этот раз подобралось не очень для тебя интересное. Тебе, впрочем, было бы скучно и мучительно появляться в столовой четыре раза в сутки. Даже мне трудно.

Пиши мне почаще. Я попросил истопить в моей комнате печку, и у меня сейчас такая жара, что я отворю на некоторое время дверь в коридор, а вчера я замерзал под двумя одеялами.

Как я живу? Сам еще не знаю, что будет дальше, а пока очень много времени. В Москве не хватало суток на дела, а здесь день тянется медлительно. Можно подумать неторопливо о своей судьбе. Что и как я буду писать пока не знаю. Думаю все-таки заняться «Условным браком», а Рылеевым займусь в Москве в июле, если не поглотит меня здесь непрочная южнокрымская земля и вообще, если я буду цел и жив.

Только бы ты была здорова. Сегодня напишу Нюре письмо и, если успею, Любе. Послал письма Л.<еониду> И.<вановичу> Тимофееву, Новикову и доктору М.<?> М.<?> Покровскому.

Прости меня Христа ради за мои бедные малосодержательные эти строки.

Целую тебя, родная. Твой Георгий Чулков.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 4 — 5. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 2/IV-1938».

[706] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 2 апреля 1938 г.

Милый Зоря, у нас все благополучно. Я начинаю отходить – появляются силы. Вчера по телефону справлялся кто-то, когда выйдет твой Пушкин. Мы ждем с нетерпением, сказал этот неизвестный.

Целую тебя Надя

Беспокоюсь, не простудился ли ты в автомобиле. Пиши.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 117-118. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Адрес отправителя: Н.<адежда> Г.<ригорьевна> Чулкова. Смоленский бульв.<ар>, д.<ом> 8, кв.<артира> 2, Москва. Почтовый штемпель: «Москва, 2/IV-1938».

[707] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 3 апреля 1938 г.

3 апреля 1938.

Милая Надя!

Сегодня – солнце. Ветер утих. Но я пока не решаюсь спуститься вниз к морю: холодновато, да и назад не поднимусь, а машину достать трудно. Через неделю, авось, все наладится. Ты большая умница, что сюда не поехала. Тебе было бы здесь тошно. Отдыхай, моя дорогая, а летом, может быть, удастся уехать из Москвы вместе в Малеевку или еще куда.

Я очень рад, что со мной календарь твой и книжки. Это делает меня отчасти зрячим. И напоминает о тебе как-то реально. Начинаю подумывать о работе и уже читаю рукопись. Температура не измеряю, ибо она, по-видимому, нормальная.

Людей интересных в доме Литфонда, кажется, нет. Я не успел еще со всеми познакомиться. Режим тот же, примерно, что и в январе, хотя администрация новая. Дни однообразны. Поэтому не буду часто писать тебе. «Петухи поют» – вот и все. А что до внутренней моей жизни, то ты ее знаешь, как и я сам. Может быть, немного лучше, чем я.

А вот судьба наша, так сказать, историческая меня очень беспокоит. Нет ли посягательств на наш домик в ближайшее время? А самое главное – твоё здоровье и самочувствие? Ты пиши мне почаще: *не* открытки. И поразборчивее.

Это мое пятое письмо.

Целую тебя, дорогая, родная, чудесная.

Любящий тебя Георгий Чулков.

Не забывай передавать привет Нюре и всем. Я послал письма и ей, и Любе. Получили ли они эти письма?

Получила ли ты пенсию за март? Четвертого апреля что тебе сказали в редакции «Литературной Учебы»?

(К.0.09.90 добавочн.<ый> 122).

Твой Г.Ч.

P.S. Сейчас получил твоё письмо от 1 апреля 1937 г. Sic! 26 рублей надо за меня внести, а карточки имеются или в моем членском билете Дома Ученых, или в левом ящике стола в большом пакете с фото, или в черном бумажнике в чемодане. Почему не годятся какие-то карточки, которые ты приготовила, я не знаю, ибо не мог разобрать слово тобой написанного так: назичя. Я его прочел: назичя. У Даля такого слова нет. И я недоумеваю.

Впрочем, сие неважно. Хорошо, что меня не исключили из Дома Ученых после его перехода в ведение Академии Наук. Если буду жив, буду, значит, заниматься иногда безнравственной игрой в грешные шахматы.

Билет Дома Ученых (старой) необходимо для обмена. Он, вероятно, лежит в черном бумажнике в чемодане.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 6 — 8. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 4/IV-1938».

[708] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 3 апреля 1938 г.

Милый Георгий, я купила много конвертов и открыток, а писать все ленюсь. От тебя я получила три письма. Очень боюсь, что ты простудился в дороге. Будь здоров, пожалуйста.

Я понемногу набираюсь сил и цвет лица светлеет. Стараюсь питаться по лучше, чтобы сердце не слабело. Много лежу, пью сердечные капли, мало выхожу из дому и ко мне мало кто приходит. За все это время только Люба и была три раза – больше никого.

О тебе все справляются, как бы нарочно все спрашивают: «Была телеграмма?». Я и забыла попросить тебе телеграфировать из Севастополя. Ты тоже не посылал мне телеграммы? Теперь все будут думать, что я такая равнодушная жена.

Пиши мне почаще.

Сегодня Новиков читал мне в телефоне твое письмо из Ялты к нему. Сейчас звонил Шапошников – приехал на два дня и тебе кланяется очень.

Нюра не очень меня беспокоит своими жалобами. Она купила себе башмаки и довольна.

Я перебралась в твою комнату. Сплю у тебя. На столе стоит твоя фотография, которую сделал Шапошников.

Отдохнувши, примусь за дела по моему обмундированию. Тогда предстану тебе нарядной гражданкой.

Я послала тебе в письме извещение из Дома Ученых о предстоящем взносе 25 р.<ублей>. Если не получу от тебя ответа, внесу на всякий случай. Только у меня нет двух твоих фотограф.<ических> карточек *одинаковых*, а есть две *разные*. Я прошу тебя содрать карточку с льготного удостоверения, кот.<орое> ты увез с собой и прислать мне.

Прости, что мало и плохо пишу. Хочу спать. Напишу побольше в другой раз.

Целую тебя, дорогой мой.

Поправляйся и меня не забывай. Твоя Надя

Все тебе кланяются, кому ты шлешь поклоны.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 114 — 116. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 5/IV-1938».

[709] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 5 апреля 1938 г.

5 апреля 1938.

Милая Надя!

Спасибо тебе за твои записки, хотя и слишком краткие: они меня утешают. Но все-таки разлука наша на этот раз для меня очень тягостна. Я все думаю о тебе и мучаюсь. Я чувствую себя физически нехудо. Температура около 37. Чаще всего ровно 37.

Работать по-настоящему еще не начинал. Погода вчера была летняя, а сегодня опять холодновато. Вчера я сидел без пальто в парке часа полтора, а сегодня – четверти часа.

Получили ли мои письма мои сестры? Говорила ли ты с «Литературной Учебой» по телефону? Получила ли пенсию? Обменяла ли мои членский билет в Доме Ученых?

Из Ялты можно говорить по телефону с Москвой. Это, конечно, очень трудно, но на всякий случай напиши мне, в какие часы можно наверное тебя застать дома.

Здесь, в доме Литфонда, электричество горит днем, а вечером гаснет – каждый день, и лампы также, что работать по вечерам невозможно. Собеседников здесь для меня нет. Партнеров в шахматы мало.

Я прочел вольнодумца Стерна «Сентиментальное путешествие», которое почему-то рекомендовал прочесть Нюре, по она – боюсь – извлечет из этой книжки (весьма любопытной) не то, что надо. Только ты ей этого не говори.

Читаю Бальзака и Теккерея и штудирую «дело петрашевцев» (новое издание Академии Наук).

Жизнь здесь ужасно монотонна. Черные кипарисы и вообще весь этот парк на горе, может быть, и привлекателен для молодых романтических сердец, но «на милой моей изведанной земле теперь меня ничто уже не держит».

Среди молодых писателей здешних я чувствую себя Мафусаилом. И они, кажется, смотрят на меня, как на выходца с того света. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Не забывай передавать всем приветы.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 9 — 10. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 5/IV-1938».

[710] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 5 апреля 1938 г.

5-е апреля 37

Дорогой мой Зоря, я все еще в состоянии не вполне живого человека. Почти ничего не могу делать и не имею желания что-нибудь делать. Выходила раза два на улицу поискать чего-нибудь из одежды для тебя и для себя, но пока без результата. Из Учебы звонили – какой-то вопрос к тебе – мне не сказали. А насчет гонорара надо подождать: нет денег, когда будут, позвонят мне сами. Но я сказала, что и я буду спрашивать об этом. Машенька взяла заявление в Гихле о приобретении Пушкина по себестоимости и обещала его подать и следить за выходом книги. В Группком Сов.<етских> Писателей еще не звонила. Я много лежу, хорошо питаюсь и почти ничего не читаю – лень.

Сегодня неожиданно появилась Тата Серебрякова. Приехала на два дня и вздумала навестить нас. Тебе просила передать поклон. Она очень мило – даже элегантно одета и оживленна и бодра. Говорит, что зарабатывает порядочно денег и содержит брата, у которого с октября нет работы.

Работает она с 9 утра до часу ночи. Очень любит свое дело (театральное), но все-таки ей надоело оно.

У нее цель – сделаться хорошим художником. А средство к этому такое: работать 2 месяца в театре, а потом 3 мес.<яса> не работать и учиться живописи. Ее тянет писать фрески. С уважением говорила о Евг.<ении> Евг.<еньевиче>, у которого и остановилась. В мае думает еще приехать, поработать с Евг.<еньем> Евг.<еньевичем>. Май-июль будет в поездке с театром куда-то в провинцию и в Москву. В Москву – в июле будет театр гастролировать в Парке Культуры и Отдыха. Молодец она.

Я все еще волнуюсь за твое здоровье после путешествия из Севастополя в Ялту. Да еще в Ялте дрожал от холода всю ночь.

Люба в ужасе за тебя. Ты не удивишь нас, москвичей плохой погодой, о которой пишешь. У нас небывалая непогода, холод, грязь, снег, дождь, все это чередуется с проблесками солнца и синего неба, но через минуту, это небо делается черным и закрытым грозowymi тучами. Я стараюсь уберечься от простуды. Дом наш весь пронизан холодными струями.

Дрова привезли совсем сырые и топить надо вдвое больше, чем полагается.

Новиков читал мне твое письмо. Нюра очень рада была письму твоему, полученному сегодня.

У меня никто не бывает. Вера не была еще ни разу без тебя.

Пишу ночью. Нюра спит. Я тоже хочу ложиться спать. Целую тебя, родной. Будь здоров и помни меня. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 85 — 86об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[711] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 6 апреля 1938 г.

24 марта
6 апреля 1938.

Милая Надя!

Завтра «в вышних непостижим Сый от Девы рождается», как поется в стихире. Меня поражает особенно глубина и значительность «стихири на хвалите», где, между прочим, говорится: «Солгася древле Адам, и Бог возжелев быти не бысть; человек бывает Бог, да бога (богом) Адама соделает»... Это значит, ты понимаешь, что сотерианская идея в том заключается, что указывается истинный необходимый путь для той же цели, которую ставил себе Адам, избрав только ложный путь и лживого помощника. А цель все та же, что и утверждает псалмопевец: «Вы – Боги»...

В этой тайне такая страшная сила и на познавшем эту тайну лежит такая ответственность, что нам, обыкновенные люди, приходится только об одном думать – о смирении. Чем выше лестница Иакова уходит в небо, тем опаснее борьба в темноте с Неведомым. Иаков сломал себе ногу, только ногу, ибо силач был, но где же с нашими силенками пережить благополучно такую опасную ночь. Нет, уже будем помнить, что сами по себе мы слишком слабы, но Некто протянул руку Петру, рискнувшему идти по воде Ему навстречу. Будем надеяться на эту руку помощи. А если так, если есть надежда, то «да веселится тварь, да ликовствует естество»...

Всем этим размышлением я обязан тебе и твоему календарю. Сборник песнопений, который ты мне дала, для меня источник немалых радостей.

Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий.

P.S. А жизнь здесь, в доме Литфонда, все такая же монотонная. Разговоры все сводятся к тому, что «петухи поют». Правда, мы все жадно читаем газеты, но событий никто не комментирует почему-то. «Петухи» мне надоели, и я сижу у себя в комнате или, если тепло, в парке. Сегодня, впрочем, я спускался вниз и назад и приехал на такси за три рубля. Начинаю работать понемногу, т.<о> е.<сть> пока более думать, чем писать.

Нюре и всем привет.

Пиши почаще, хотя бы кратко, но не открытки.

Неприменно напиши мне, получила ли ты *это* письмо. В «Правде» пишут, что могут письма пропадать.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 11 —12. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульв.<ар>, 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 6/IV-1938».

[712] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 7 апреля 1938 г.

25 марта
7 апреля 1938.

Милая Надя!

Сегодня я получил твое письмо от 3 апреля. Обычно ты не ставишь дат. Если можно, постарайся их ставить. Из этого последнего письма заключаю, что ты не получила еще моих писем из Ялты. Странно, что Новиков получил.

Как это могло случиться, чтобы письмо мое посланное не ранее второго апреля, оказалось у него в руках 3 *апреля*! Или это чудо, или ты поставила дату неверную и твое письмо послано не 3 апреля, а четвертого или пятого.

Вчера я послал тебе письмо с цитатами из Книжки песнопений, которую ты мне дала. Я очень рад, что эта книжка со мной, равно как и твой календарь. Это все как-то связывает меня с тобой.

В одном из писем ты сообщила, что кто-то справлялся по телефону, когда выйдет мой Пушкин. Я боюсь, что это был злодейский голос какого-нибудь «критика», который ждет с нетерпением моей книги, чтобы ее обругать. У тебя какое впечатление на этот счет?

Моих карточек одинаковых, которых ты ищешь, в столе или в бумажном чемодане штук десять. С какого удостоверения я должен содрать карточку? С удостоверений нельзя сдирать карточек. На них соответствующий штампель. И я не знаю, о каком удостоверении ты говоришь. Но все это вздор и неважно.

Я здоров. Это хорошо. Но – главное – чтобы ты была здорова. В Ялте все еще прохладно. Когда станет потеплее, я возьму машину (для экономии с кем-нибудь из более или менее приемлемых товарищей) и проеду в Гурзуф – посмотреть на него глазами Пушкина.

Целую тебя, родная, и земно тебя кланяюсь. Твой Георгий.

Привет Нюре и Любе и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 13 — 14. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 8/IV-1938».

[713] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 7 апреля 1938 г.

25-е / III 7 апреля

Милый Георгий, получила от тебя пять писем. Начинаю успокаиваться относительно твоего здоровья. Боялась, что ты в автомобиле прозяб и заболеешь. Хорошо, что солнышко проглянуло и теперь ты по-настоящему на юге. У нас все также холодно и сыро и непостоянно. Я тебе писала о Таточке Серебряковой. Ты получил? Она еще сказала: моя философия такова: «Хочешь быть счастливым, будь им!». Сегодня у меня было несколько знакомых дам и я пекла пироги и угощала гостей. Тебе кланяется Клавдия, Вера и Люба. Нюра и Люба получили твои письма и очень довольны ими.

Вчера мне принес один знакомый книжечку Страдания молодого Вертера в переводе Анны Эйгес. Очень милая книжка с прекрасными гравюрками. Переводчица сделала мне нежную надпись. С Нюрой ладим, с Лизой – тоже.

Я все еще не вполне здорова – слабость сильная и нежелание что-нибудь делать. Спасибо тебе за письма. Ты добр и терпелив.

Целую тебя, дорогой мой.

Будь здоров! Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 171-119. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул. <ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 8/IV-1938».

[714] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 8 апреля 1938 г.

8 апреля 1938.

Милая Надя!

Будь такой доброй, пришли мне мою пьесу «Химеры», но непременно в последней редакции. Для этого тебе придется просмотреть *заключительную* сцену. В последней редакции последнее действие происходит не у Елены, а в квартире самоубийцы-заговорщика, где глухонемая старуха и сцена с крысоловкой.

Пришли мне также хороших свечей штук восемь. Дело в том, что здесь беда с освещением. От лампы у меня болит голова, да и неудобно с ней читать в постели. А здесь, в Ялте, свечи сделаны из непонятого материала и копят так, что пламя поднимается чуть не на полметра.

Экземпляры пьесы пошли заказной бандеролью отдельно от свечей. Если хороших свечей не найдешь, то не присылай плохих: плохие ненужны. Это, конечно, не так важно. Обойдусь и без свечей. Ведь, обходится Ф.<илипп> А.<лександрович> Добров без <1нрзбр>.

Пиши мне почаще. Я все думаю о тебе, моя родная. Не хмурь бровки. Грамматика после отрицания при глаголе требует родительного падежа и надо было бы сказать: «не хмурь бровок», но это почему-то не звучит.

Я чувствую себя физически нехудо. У меня хороший аппетит, и я жалею, что меня здесь кормят не так хорошо, как ты меня кормила в Москве. И в дороге я ощущал твою заботливую руку и с удовольствием ел пирожки. И даже ел их два дня за обедом в доме Литфонда.

Сейчас вечер. Буквально все обитатели дома пошли в Ялту на спектакль. Билет Литфонд предоставляет писателям даром. Вообще я теперь убедился, что деньги Литфонд разбазаривает слишком щедро и нелепо. Какая польза кому от этих «развлечений» писателей? При мне, в течение шестидневки, это чуть ли не третье даровое «удовольствие». Я, разумеется, сижу дома. Горит сейчас электричества, но, вероятно, как всегда, через полчаса погаснет. На это денег не хватит. Одним словом я, как и полагается старикам, ворчу. А суть дела в том, что дома лучше, чем где бы то ни было.

Целую тебя. Прости меня Христа ради.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 15 — 16. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 9/IV-1938».

[715] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 9 апреля 1938 г.

Милый Зоря, получила твое 6-е письмо от 5 апреля.

Вот тебе отчет в делах:

1 Пенсию получила

2 Литер.<атурная> Учеба сказала, что денег пока нет. Сами обещали позвонить, но я сама буду еще спрашивать.

3 Сестра твоя письма получила и ответила тебе на них.

4 Членский билет в Д.<оме> У.<ченных> еще не обменяла – это будет сделано до 15 апреля.

5 В Сов.<етском> Писателе сказали, что твоя книга еще не подписана к печати.

6 За профсоюзн.<ым> билетом еще не ходила, но по телефону мне с преувеличенной любезностью ответили, что дело лишь в состоянии моего здоровья, потому что я сказала, что нездорова – я могу получить билет в любое время.

Буду в Гнездиновском, зайду к Леониду Ивановичу.

По утрам я дома буду до 12-ти вечером от 7 ч.<асов> и до ночи.

Но зачем тебе говорить по телефону? Я здорова. Теперь поправляюсь и с силами собираюсь. Готовлюсь к весне. Жду доктора – авось найдет время и меня полечит. Ньюру я записала к врачу. Она сегодня идет смотреть «Собаку на сене». Надеется попадать в клуб писателей. Дм.<итрий> Евг.<еньевич> уехал в Орел повидаться с сыном. Приезжает Ника, котор.<ый> окончил учебу и получил назначение в провинцию. Отец хочет жить с ним. Умер Пантелеймон Романов. Я пытаюсь читать Флобера «Искушения св.<ятого> Антония» в переводе М.<ихаила> А.<лександровича> Петровского. Вчера у меня ночевала Поля – наша домработница просила тебе кланяться. Еще кланяются тебе Лидочка с мужем: «Пожалуйста, передайте ему наш поклон. Мы его очень любим!»

Относительно нашего домика никаких угроз пока не было. Принесли мне *договор найма жилого помещения*, но я спрошу нужно ли и можно ли ждать твоего возвращения для подписания договора. Посоветуюсь с людьми знающими эти законы.

У нас все продолжаются разные собрания в доме, а я все отказываюсь их посещать, потому что к вечеру плохо себя чувствую и не могу сидеть в собрании. Последнее было посвящено М.<аскиму> Горькому.

Вот, мой дорогой, все тебе изложила, что нужно. Не прекращай твоих писем. Пиши почаще. Ты умеешь писать, а я лениво думаю и лениво пишу.

Целую тебя. Будь здоров.

Твоя Н.

9 апреля 37

Сейчас звонила Фатуева и очень ласково говорила со мной. Она хочет тебе написать. Вересаев так хорошо отозвался о его отрывке Марлинского в альманахе «что даже неловко повторять». Они очень довольны, что ты познакомил их с Вересаевым. Новиков часто спрашивает о тебе и о моем здоровье.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 87 — 88об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[716] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 10 апреля 1938 г.

Милый Зоря, тебе скучновато в Ялте, поэтому я буду писать тебе часто, не стесняюсь малосодержательности моих писем. Все-таки голос из своего дома и то хорошо. Сегодня вернулся Дм.<итрий> Евг.<еньевич> из Орла. Не удалось ему повидаться с Далей. Он там и здоров – это он узнал и тем доволен.

Третьего дня мне позвонила Надежда Александровна Кислякова и сказала, что к ней пришел С.<ергей> А.<лександрович> Рачинский и вдруг упал без чувств. Потом сознание вернулось, но началась рвота. Послала за неотложной помощью, а пока она просила меня уведомить С.<ергей> С.<ергеевич> Толстого, чтобы он позаботился дальнейшим уходом за ним. Я сходила к Толстому, застала его жену, которая обещала все сделать, что было дальше, я не знаю. Думаю сегодня сходить к Рачинскому и узнать о его здоровье.

Письмо твое с рассуждениями об <1нрзбр> получила. Бедный, не с кем тебе пофилософствовать. Люба меня навещает. Вчера была Лидочка и Елена Ив.<ановна>. Обе тебе кланяются очень.

Целую тебя дорогого.

Твоя Н.

10/IV 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 89-89об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[717] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 11 апреля 1938 г.

11 апреля 1938.

Милая Надя!

Я боюсь, что надоел тебе стодневными письмами, но на днях я сажусь за работу, и тогда не жди от меня столь частных посланий.

Сегодня опять на море шторм. Северный ветер гонит снежные тучи с гор. Солнце тщетно борется с возмущившимися стихиями. Деревья в парке шатаются, как пьяные. Но Юг все-таки Юг, и как-то все эти бури не страшны. Но сидеть в парке сегодня никак нельзя.

Сейчас получил две твоих милых письма от 6 и 7 апреля. Вчера я получал письмо от Новикова, который мне сообщил, что 7(25) были у тебя гости и ты их угощала пирогом с грибами. А сегодня я знаю, что люди все были приятные.

Ты знай хорошенько, что твои письма меня не малая радость. Я с наслаждением читаю нацарапанные тобой строчки. Оказывается, ты успела и делами заняться – и с «Учебой» говорить и Машеньке дала поручение в Госиздат. Не забыла ли получить пенсию?

Я рад, что Таточка не голодает и что она тебе, насколько я понял, понравилась. Слава Богу, что она не унывает.

Но – скажи – как твоё здоровье? Не скрываешь ли ты от меня чего-нибудь, как в прошлом году со сломанной рукой?

Береги себя, родная! Умоляю тебя!

Я получил сегодня письмо от Леонида Ивановича Тимофеева – очень милое. У его жена, Софии Ивановны, стрептококковая ангина. Остерегайся с ними общаться в ближайшие дни. У них какая-то перманентная ангина.

Целую тебя, родная моя.

Любящий тебя Георгий.

Привет всем, кто меня помнит. Пришли мне адрес Машеньки. Я ей напишу. Ей будет лестно, а мне полезно.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 17— 18. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[718] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 11 апреля 1938 г.

Милый Георгий, что ты все возмущаешься о письмах и еще о карточках. Письма все получены, карточки я нашла и пошла было получать билет в дом ученых, но оказалось, что надо заполнить смету. Мне сказали, что ты можешь ее заполнить по приезду в Москву. Может быть, надо ее послать для заполнения к тебе в Ялту? Деньги взяли и квитанцию в получении денег дали. А карточки, значит, пока не нужны. Я спрошу, можно ли анкету послать тебе. Нового ничего нет. Погода суровая. Холодная.

Я здорова. Нюра не очень здорова, но больше думает об удовольствиях и развлечениях, чем о лечении.

Вот, пока все, что сегодня могу тебе сообщить.

У меня слабость, как всегда весной и лень.

Прости меня ради Бога.

Целую. Будь здоров.

Твоя Надя.

11/IV 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 90-90об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[719] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 12 апреля 1938 г.

12 апреля 1938.

Милая Надя!

У меня катастрофа. Лопнули штаны – на коленке – безнадежно. Я надел серые, которые имеют очень жалкий вид. Если тебе удалось приобрести что-нибудь приличное, пришли. Но можно обойтись и так. Сама, пожалуйста, не ходи в магазины. Попроси Любу. Впрочем, это все пустяки. Скоро будет тепло, и я буду щеголять в белых штанах.

Штаны лопнули во время поездки в Алупку. Туда поехали почти все обитатели дома Литфонда в грузовике и предложили мне присоединиться, предоставив мне кабинку. Меня так просили, что неловко было отказаться, и я поехал, но выходя из кабинки около Воронцовского дворца, вдруг заметил, что штаны расползлись. Хорошо, что на мне было пальто, а в пальто люди «срама не ищут», когда они без штанов.

Прости, что болтаю о пустяках. Люба прислала мне милое письмо. Скажи ей, чтобы она продолжала мне писать, не дожидаясь моих ответов. Я буду ей писать, но нечасто, ибо принимаюсь скоро за работу.

Хочешь знать порядок здешнего дня? Вот он. Я встаю в восьмом часу утра. Туалет, откашливание занимает около часа времени. Потом я размышляю и вспоминаю живых и ушедших. Выхожу в столовую, где пью чай и закусываю – около 9 часов. Завтрак этот довольно приличный и разнообразный. Дают сливочного масла с избытком. Дают каши, яйца, ветчину, простоквашу. После завтрака, если есть солнце, сажу в парке с книгой, а если нет солнца играю в шахматы с еврейским писателем Пурье, а потом читаю у себя в комнате (дело петрашевцев – для романа). В два часа обед из трех блюд. После обеда или ложу и дремлю, или опять сажу в парке. В пять часов чай с печенки, вареньем или ватрушками. После пяти часов пишу письма или делаю заметки для романа, или пишу в дневнике философические афоризмы. В восемь часов ужин. Я уединяюсь для чтения двух твоих книг и соответствующих размышлений. Спать ложусь в 11 часов. Целую тебя. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 19 — 20. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 12/IV-1938».

[720] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 13 апреля 1938 г.

13 апреля 1938.

Милая Надя!

Какая же судьба Григория Алексеевича Рачинского? Жив он или нет? Еще один уходящий в инобытие. «На роковой стою очереди», а все еще «сочиняю» книжки и думаю о завтрашнем земном дне. Уйдет от нас Г. <ригорий> А. <лександрович> Рачинский и никто, кроме двух-трех людей, не помянет его, как человека, при всех его греках и слабостях, примечательного. Рачинский всю жизнь свою был как будто «свидетелем» того поединка между высоким и пошлым, который назначен был Провидением в эти годы перед революцией. Он хорошо знал дуэльный кодекс, обладал изумительной памятью и сам брал в руки идейную шпагу, хотя, кажется, никого из противников Истины не ранил смертельно и Иисус был секундантом, а не участником поединка. Его можно оценить справедливо, не сравнивая, конечно, с Владимиром Соловьевым, с кем он был знаком близко, а с большинством современной ему интеллигенции, и тогда он кажется и значительным, и интересным. Гете и Ницше были его спутниками, и он их знал превосходно, а кто из средних интеллигентов может этим похвастаться? Но что поважней всякого геттеинства, он знал наизусть все «тропари и кондаки» и, если не уразумел до конца их тайны, все же дышал воздухом экклесии, и если он теперь «дышит на ладан»,

то будем надеяться, что св.<ятая> Варвара в последние мгновения его жизни протянула ему руку помощи.

Спасибо, что пишешь мне письма. Я в них очень нуждаюсь. Тебя всегда помню.

Клянись Нюре. Я получил от нее письмо. Скажи ей, что на днях ей напишу.

В прошлом году письма приходили нередко на пятый-шестой день, а в этом году (дай Бог не сглазить) приходят точно на третий день.

Здесь, в Ялте, все еще холодновато, и я сижу в парке в моем осеннем пальто.

Целую тебя, родная. Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 21 — 22. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 13/IV-1938».

[721] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 14 апреля 1938 г.

14 апреля 1938.

Милая Надя!

Только что я похвалил почту за точность, как получил сразу два твоих письма, написанных и посланных ранее того письма, которое я получил вчера. Значит, письма где-то странствуют и задерживаются иногда. С этим надо считаться.

Почему тебе, родная, показалось, что я «волнуюсь», по поводу такой ерунды, как карточки на удостоверений? И не думал волноваться. Вот о здоровье твоём я все время думаю и беспокоюсь. И жалею очень, что не могу ежедневно знать о тебе все. Знаю, что было три дня назад, а что сегодня – неизвестно. Говорить по телефону очень трудно. Из нашей конторе плохо слышно, а из города говорить мудрено, потому что рискуешь застрять на набережной, не будучи в состоянии получить машину для обратного путешествия. И все равно ежедневно говорить невозможно.

В Ялте все еще холодновато, и это утомляет и как-то неприятно на юге купаться, спасаясь от простуд.

Здесь, в доме Литфонда, живет Михаил Александрович Лившиц со своей женой. Это молодой образованный по-европейски еврей, коммунист, очень неглупый. Он начал и ведет борьбу против «вульгарного социологизма». С ним можно беседовать, хотя и он, конечно, танцует от печки. Ко мне он очень расположен, почтителен со мной и читал мои книги. К сожалению, он завтра уезжает, и я лишаюсь единственного здесь собеседника. Он живет в б.<ольшом> Афанасьевском переулке и, по-видимому, желает и в Москве встретиться со мной. Сейчас он назначен в Третьяковскую галерею для руководства научно-исследовательской работой. Я говорил ему кое-что относительно настоящих ценностей галереи и о полезной деятельности Юрия Александровича. Лившиц пользуется авторитетом и, как редактор литературный, может мне пригодиться. Он сам предлагал себя, как рецензента, для чтения моих рукописей в Госиздате.

Нюре напишу на днях.

Целую тебя, родная. Прости меня Христа ради. Твоим календарем я пользуюсь и знаю, что сегодня <память> Марии. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 23 — 24. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 14/IV-1938».

[722] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <14> апреля 1938 г.

Адрес Машеньки: ул.<ица> Вахтангова, 15, кв.<артира> 8.

Милый Георгий, я очень огорчена твоей бедой, что штаны отказались служить, но помочь тебе не могу. До сих пор ничего не могла купить для тебя, сколько ни пыталась. Не послать ли тебе синие от костюма? Напиши и я немедленно вышлю. Может и телеграммой сообщить. Но впрочем, что же я говорю, ведь с коричневым пиджаком их нельзя надеть. Буду еще стараться искать. Сил у меня мало, а Люба какая-то шалая, с ней очень трудно иметь дело.

Видно все твои поручения не суждено мне исполнить. Брюки не находятся. Тов.<арищ> Гамбург в ГИХЛ-е сказал, что «к сожалению книга кажется, задержится до мая». В «Советск<ом> Писателе» твоя книга «еще не подписана к печати». Печально все это!

Ты не пишешь о своем кашле и температуре. Пользуйся югом и не ропщи на монотонную жизнь: это также благо – не спешить, не хлопотать, не бегать по редакциям и проч.<ее> и проч.<ее>.

Я так наслаждаюсь теперь возможностью ничего не делать. Это мне на пользу. Я заметно поправляюсь, хотя сильно все еще устаешь от малейшей работы по хозяйству. Для отдыха мне нужна тишина и «покой и воля». Хорошо бы еще для моего болящего духа иметь «песнопение» как сказал Боратынский, но где его взять. Радио не утешает. У меня никто не бывает, кроме Любы и Елены Ив.<ановны>, да еще странной Евг.<ении> Александровны. В последний раз, когда она стала жаловаться, что негде ей ночевать, я сказала: «Г.<еоргий> И.<ванович> запретил мне оставлять кого бы то ни было ночевать, но один раз я, пожалуй, рискну Вас оставить». А она сказала: «Да я и сама не останусь: у вас тут люди нехорошие». Я и рада «Кума пешей, куму легче».

У нас сияет солнце второй день. Сегодня пошла навестить Рачинского. Он лежит за шкафами в темном углу и похож видом на мертвеца. Обещал еще ко мне прийти и тебе кланяется. Звонил Славнин и тоже привет тебе шлет. Лиза просила, «не забудьте от нас кланяться Г.<еоргию> И.<вановичу>». Михаил выкрасил полочку. Она – прелесть.

В Лит.<ературной> газете какая то А.<нна> Романова благодарит учреждения и товарищей ее мужа за сочувствие. Неужели это его первая жена*?

Целую, дорогой, пиши непременно. Надя.

* Пантелеймона Романова

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 172 – 173об

[723] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, <14> апреля 1938 г.

Милый Зоря!

Я получила твое письмо с поручением прислать «Химеры» и свечей. Завтра надеюсь послать тебе пьесу, а свечи потом.

Очень рада, что кушаешь ты с аппетитом. Напиши мне, уменьшился у тебя кашель? Понизилась ли температура с 37-ми? Есть ли удушье? Я купила еще хины и нашла в столе у тебя диуретик, которого нигде нет. Я пошлю тебе его со свечами вместе. Сейчас был Шаховской и просил передать тебе привет. Полдня просидела у меня Люба. Нюра была у врача. Он назначал ей ванны соляно-хвойные. 6 ванны.

Пока больше ничего тебе сообщить. Веду образ жизни тоже вроде санаторного: много лежу, и ем и гуляю.

Целую тебя, родной.

Будь здоров

Твоя Н.

За письма благодарна тебе очень.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 120 — 121. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда, Кировская, 9. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 15/IV-1938». По середине второго листа пометка, внесенная рукой Чулкова: [Получено 18 апреля 1938].

[724] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 15 апреля 1938 г.

15 апреля 1938.

Милая Надя!

Я писал тебе, что не буду часто посылать писем, когда начну работать, но работать я начал, но писать все-таки буду если не ежедневно, то часто, а ты пиши мне *каждый день!!! Обо мне тебе нечего беспокоиться*. Но я очень тревожусь за тебя, за твоё здоровье. Два дня нет от тебя писем – и я сам не свой. Если и завтра не будет, я пошлю телеграмму. Если тебе трудно писать, пиши кратко, хотя бы две строки (по лучше все-таки в закрытом письме, а не на открытке).

Сегодня уехал Лившиц с женой. Он сам предложил позвонить тебе по телефону. Неловко было уклониться, хотя этот звонок, быть может, тебе будет не так уже приятен. Но ты будь с ним любезнее. Он очень был мил со мной. Его зовут Михаил Александрович, а жену Лидия Яковлевна.

У нас в доме нет электричества и даже нет керосина в достаточном количестве. Выдают свечи, но очень скупо. При одной свече нельзя работать. Я достал здесь, в Ялте, хороших свечей, но их хватит недели на две, и если ты посылаешь мне свечи, это хорошо, а если не нашла их, то не беда, – мне обещали достать еще.

В Москве, говорят, отвратительная погода. И я страдаю за тебя. Приехавший сегодня поэт Асеев говорит, что в Крыму благодать по сравнению с Москвой.

Если ты хочешь приехать сюда на май, тебе нужно немедленно сделать заявку в Литфонде и меня известить телеграммой. Но, кажется, мы прозевали эту возможность. На май заняты все комнаты. Я, впрочем, не думаю, чтобы тебе здесь понравилось. Стиль совсем не твой. Но мне без тебя очень как-то трудно. Только, получив твоё письмо, я на час утешаюсь, а потом опять какая-то забота и мысли о твоём здоровье. Целую тебя, дорогая. Любящий тебя Георгий.

Пришли *почтовой бумаги*. Я трачу нужную для работы. В Ялте нет ни одного местечка.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 25 — 26. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 15/IV-1938».

[725] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 16 апреля 1938 г.

Милый Зоря, я зашла в Дом Ученых и взяла для тебя анкету. Деньги внесла Люба. А теперь я сама решила еще справиться относительно перемены билета. Мне тоже сказали, что по приезду ты можешь получить билет. Я спросила: «А если Г.<еоргий> Чулков не будет принят в члены Дома Ученых, то вернут ему деньги?» – Мне ответили, берегите только квитанцию – деньги будут возвращены. Я сказала: «А почему же в извещении было сказано, что только до 15/IV производится обмен билетов?» – «Нет, это все равно, можно позже».

Ну, так вот заполни анкету и пришли мне доверенность на получение билета. № твоего членского билета 1335. Карточки я нашла.

Брюки Люба будет искать. Свечей еще она не купила почему-то. Нового ничего нет, только Сусаночка снесла яичко. Завтра, верно, будет второе. Гейша, кажется, хочет жить. Стала живее и голосок покрепче. Но я еще не очень надеюсь на выздоровление.

Слушала по радио Азербайджанскую музыку: оперы и песни – занятно. Как любят все-таки такое примитивное искусство земляки Бакинцев – в театре гром аплодисментов после каждого номера или действия.

У нас все еще холодно, особенно по вечерам. Я топлю ежедневно и довольно много. Купила еще с помощью Бирюкова дров 2 ½ метра. Мане послал 50 р.<ублей>. А сестре своей пока не буду посылать. Она пишет, что нашла уроки и теперь не испытывает острой нужды. Нюре думаю купить летнее платье.

Милый, прости, что кончаю письмо. Иду по делу и кстати опущу его в ящик.

Целую. Будь здоров и спокоен.

Надя

16/IV 37

«Химеры» я послала 14-го IV

Теперь я буду искать брюки и поэтому буду уходить из дому часов в 9-10 утра.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 91 — 92. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[726] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 17 апреля 1938 г.

4/17 апреля 1938.

Милая Надя!

Я стараюсь жить по твоему календарю. Сегодня неделя Вайи, и я повторяю стихиру на стиховне: «Страшно еже власти в руце Бога жива»... Завтра будет петь тропарь «Се Жених грядет в полунощи»... Я слышу твой голосок (глас 8-й?)...

Вчера я очень тревожился, два дня не получая от тебя писем, но сегодня получил бандероль с описью, написанную твоей рукой, и меня это утешило.

Мне очень совестно, что я утомляю тебя просьбами. Но – знаешь – у меня с бумагой катастрофа: я истреблю для писем бумагу, предназначенную для работы. В Ялте нет ничего. Хорошо, если бы ты прислала мне *почтовой* бумаги. Это просто найти в Москве, я думаю. Что касается штанов и свечей, то не надо очень их искать. Я и без них обойдусь.

Общество в доме Литфонда меняется. Приезжают и уезжают. Я все более убеждаюсь, что ты неважно себя чувствовала бы здесь. И мне трудно.

Работа моя пока не очень плодотворна. Я полагаю перестроить и дополнить роман «Условный брак» (о петрашевцах). Не знаю, выйдет ли из этого толк. Мне хочется (несмотря на горький опыт) опять писать пьесу – на тему того же «Условного брака».

Быт дома Литфонда на этот раз неудобен и для работы. Так, например, и сейчас (десять часов вечера) пишу это письмо в моей комнате, но из гостиной доносится какая-то музыкально-вокальная пошлятина, которую орет патефон. Я просто готов разбить эту проклятую машину, которую то и дело заводят какие-то любители. Целую тебя, милая. Прости меня. Любящий тебя Георгий.

Передай привет Нюре, Любе, Николаю Михайловичу, Лизе, Михаилу, Верочке, Машеньке, Елене Ивановне, Клавдии, Вере Юрьевне и всем, кто меня помнит.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 27 — 28. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 18/IV-1938».

[727]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 18 апреля 1938 г.

18 апреля 1938 (4 апреля – понедельник)

Милая Надя!

Сегодня я пишу тебе второе письмо. Получил твое письмо (без даты!) со штемпелем московским от 15 числа и опять захотелось написать тебе несколько строк. Ты благодаришь меня за мои письма. Если это ты написала мне без иронии, тот я очень счастлив, но боюсь, что ты мутишь. А может быть они в самом деле занимают тебя, как удостоверение, что я всецело чувствую себя с тобой связанным каким-то общим влечением к одной и той же правде? Когда живешь в обществе людей чужих, особенно ясно сознаешь внутреннюю связь с теми, кого знаешь сердцем. Я знаю, что ты и я повторяем сегодня одну и ту же песню об «украшенном чертоге». И это меня утешает.

Ты себе представить не можешь, до какой степени я чувствую себя здесь одиноким. Вот почему я невольно берусь за перо, чтобы что-то (хотя бы нескладное и лесное) сказать тебе и еще раз сказать. Ты спрашиваешь, какая у меня температура. Я ее не измеряю. Значит, она нормальная. Утром после сна, разумеется, обычная необходимость освободиться от мокроты – и вообще после лежания. Поэтому я днем избегаю ложиться, чтобы потом не кашлять. Соседи по комнатам уверяют, что мой утренний кашель их не беспокоит. Нехорошо то, что умываться приходится в холодной туалетной комнате, но пока это не отразилось на моем самочувствии. Колит ведет себя скромно. Вообще я «здоров», если не считать недаром решительную невозможность ходить по горам и даже ничтожным пригоркам. В этом отношении я совершенный калека.

Работа моя над романом не ладится. Не говори этого пока никому. Но я очень боюсь, что не в силах буду его переделать по тому плану, который мы с Леонидом Ивановичем наметили. Как-нибудь уложу это дело.

Не случилось ли какой-нибудь катастрофы с «Литературной Учебой»? Почему она не платит денег? Узнай, в чем дело у Фатуева или Новикова попроси узнать. Ты, ведь, тратишь деньги в расчете на эту получку? Смотри, не окажись банкротом. Штанов мне никаких не покупай. И ничего вообще на меня не расходуй из твоих денег.

Не забывай передавать мои приветы людям. И будь ко всем снисходительной. «И оставь нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим»... помни. Целую тебя, родная. Любящий тебя смрадный грешник Георгий Чулков.

Телеф.<он> Фатуева Романа Максимовича – К. 4.65.13.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 29-29об. Связь с конвертом не установлена.

[728]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 18 апреля 1938 г.

18 апреля 1938.

Милая Надя!

Я все намереваюсь писать тебе не так часто, но это не выходит как-то, и я опять пишу. Сегодня понедельник и я вспоминаю о Прекрасном Иосифе и смокавшие и уверен, что и ты о них сегодня думаешь.

Навещал ли тебя наш доктор? Я очень беспокоюсь о твоём сердце и твоей усталости. Старайся поменьше ходить. Не надо ехать самой в группком, например; попроси Фатуева. Я ему при сем прилагаю записку. На всякий случай присоединяю и доверенность на его имя для получения гонорара из «Литературной Учебы». Это все в одном месте.

В доме Литфонда все по-прежнему. Погода неважная – прохладно, а вчера даже моросил дождик. Сейчас утро – Ай-Петри в облаках. Когда же это кончится! Не хочешь ли купить домик с садом в Старом Крыму за 3000 рублей? Паустовский едет туда и предлагает свое посредничество.

Целую тебе, родная. Любящий тебя Георгий.

Нюре и всем привет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 30-31. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штампель: «Ялта Крым, 18/IV-1938».

[729] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 18 апреля 1938 г.

Милый Зоря, вчера 17-го звонил Лившиц и передал твой привет. Очень было приятно услышать от очевидца о твоём хорошем состоянии и даже, по его словам, хорошем расположении духа. Слава Богу! Ты вообще молодец на удивление. Насколько Нюра хнычет и скулит от своих невзгод, насколько ты, несмотря на таковые, не падаешь духом и не унываешь. Надо бы брать пример с тебя, но я вот не способна на такую доблесть. Отравлена злом и ношу в себе этот яд. И конечно страдаю от этого сама больше всего.

Дорогой Зоря, придется тебе позориться в твоих белых брюках? Я не могу тебе прислать новые брюки – не могу их достать. Это выше моих сил. Поскорей бы настала жара и тебе можно было бы надеть все белое. 23-го в Ялту едет сестра Златовратского. Если я к этому дню куплю брюки, то пришлю их. Свечи так же. Если она согласится, то пришлю и восстание декабристов и Рылеева. Но это уже тяжело, пожалуй, будет ей.

Приехал Ника Жуковский. Он кончил на врача и получил назначение в деревню на жалов.<ание> 275 р.<ублей>. Очень скромно. Его за что-то видно, наказали, потому что другие получили гораздо лучше места.

Нюра сейчас с ним возиться и хочет устраивать вечеринку в честь его, по случаю окончания ученья. Сегодня я их кормила обедом – его и Веронику и Нюру. О Юрии Александрович Олсуфьев никаких вестей не получено. Жена его поступила на службу в Музей Изящн.<ых> Искусств, где служила Ника, дочка Евдокии Ивановны. На майские дни приезжает Надя, дочь В.<асилия> В.<асильевича> Розанова, из Ленинграда, но остановится не у меня, а у подруги.

Сусаночка снесла три яйца и все негодные. Она их склевала и гнездо опять пусто: Гейша все еще жива.

Тебе очень кланяется <1нрзбр>, кот.<орый> говорил со мной по телефону. Он не может собраться написать письмо – очень занят. Спросил и о моем здоровье. Я сказала, что всегда вспоминала его слова, что мне «не пятнадцать лет» успокаиваюсь этим. Он очень смеялся. Выражал пожелания и надежду, что ты там поправляешься.

Целую тебя, родной. Клавдия была – тебе кланяется. Я все жду доктора, да он не идет что-то ко мне.

Будь здоров, дорогой

Тв.<оя> Н.

18/IV 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 93 — 94об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[730] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 19 апреля 1938 г.

19 апреля 1938.

Вторник.

Милая Надя!

Я решил в эти дни писать тебе ежедневно, напоминая о себе, и это как-то мне внутреннее необходимо. Все эти события удивительны и запечатлены изумительной поэзией, если только позволительно называть так все эти вдохновения, признания и предубаждения. Сегодня, например, разве можно слушать без благоверного замиранья сердца эти пронзающие душу слова: «Душевною милостью воздремавша, не стяжах, горяща светильника, иже от добродетелей, и девам уподобихся бумим»... Ну, конечно, это про меня написано. Это мой вопль о моих ленивых и чувственных скитаниях по житейскому лабиринту с угасающим светильником в дрожащей руке, когда вместо «страха Божия» было мечтательство, а вместо «Богоматери» осязались только ее внешний покров без проникновения в вечную глубину.

Я сейчас остался в доме один. Все буквально ушли на спектакль в Ялту, никак не могу понять, как это у людей хватает сил и охоты таким способом развлекаться в Крыму, да еще при условии, что надо возвращаться ночью по крутой горе впотьмах пешком. Идут «Мещане» Горького. Если мы по дому сожители забыли те стихиры, какие я сегодня перечитал, то могли бы, кажется, сосредоточить свое внимание на той «злобе дня», которая должна их как будто бы интриговать. Но и этого нет. Совершаются величайшей важности политические события. Я жадно читаю газеты, полные шекспировских тем, угадывая в этой современности вечной глубокий смысл. И можем себе представить товарищи писатели относиться и к этой злобе дня, столь многозначительной, с глубоким равнодушием. За девятнадцать дней моего здесь пребывания я ни разу не слышал ни единого живого отклика на то, что сейчас совершается в Испании, в Китае, в Западной Европе. Как будто все это нас непосредственно не касается. Удивительная апатия. Что это такое? Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 32 — 33. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 20/IV-1938».

[731] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 19 апреля 1938 г.

19/IV 37

Милый Георгий, получила твое письмо от 15/IV. Сегодня был доктор, осмотрел меня. Был добр, хотя состояние мое его не должно было порадовать. Я плохо исполняю предписания. О тебе говорил с любовью и просил передать привет. С первого мая он перебирается в квартиру, которую ему обещали при больнице, и тогда возьмет у меня кенаря. Я устала от его визита и спала целый час после его ухода. Нового ничего нет. С сестрой Златовратского пошлю тебе свечей, а брюки все еще не куплены. В Сов.<етский> Писатель и Литер.<атурную> Учебу еще не ездила – никак не соберусь. Завтра напишу, а теперь пока кончаю.

Целую. Господь с тобой.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 95-95об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[732] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 20 апреля 1938 г.

20 апреля 1938.

Среда.

Милая Надя!

Возвращаю тебе анкету. Посылаю доверенность. Если свечей не посылала, то и не надо их. У меня они сейчас есть. И штанов не надо. Обойдусь. Я боюсь, что ты сама останешься без денег. Странно, что «Литер.<атурная> Учеба» не платит.

Я тебе сегодня утром послал письмо со вложением письма Нюре. И в другом конверте Любе.

Как я тебе благодарен за твой календарь! Без него я все бы перепутал, а он мне помогает нравственно.

Да, да, да... Я действительно смрадный грешник... «Слез тучи никокоже Тебе принесох; но молчанием моляся припадаю Ты»... Все это и мучает, и умиляет. И в конце концов нет отчаяния, а только «осанна».

Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий.

P.S. Не затрудняй себя получением билета из Дома Ученых. Я только доверенность посылаю на всякий случай. Все это можно отложить до моего возвращения.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 34 — 35. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 20/IV-1938».

[733] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 20 апреля 1938 г.

20/IV 37

Милый Георгий, я здорова и ничего не скрываю. Пожалуйста не беспокойся. Я послал тебе рукопись «Химеры». Теперь думаю послать свечи и лекарство, которые, по-моему, на юге не следует принимать: там воздух исцеляет от всех недугов.

Вчера я принимала своего доктора. Он кланяется тебе и поздравляет с весенними днями. Сегодня звонил Андрей Владимирович – тебе шлет привет.

Вчера получила 56-й том Толстого. Прошел слух, что Малеевка закрывается, т.<о> е.<сть> превращается в детский дом отдыха. Вот все, что могу тебе сегодня написать. Не удивляйся пустоте моего письма. Я отдыхаю и ничего не могу делать и писать. Сейчас спешу отнести письмо в почтовый ящик.

Целую тебя, трижды.

Будь здоров, мой родной. Рада всегда твоим письмам. Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 96-96об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[734] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 21 апреля 1938 г.

21 апреля 1938.

Четверг.

Милая Надя!

Вероятно, письмо это попадет к тебе 11/24 апреля. Поэтому говорю тебе: Христос воскрес! И слышу твой милый голос: воистину воскрес! «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?»...

Да, две тысячи лет началась эта удивительная проповедь о преодолении смерти. Слово стало таинственным благоуханием – «для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь»...

Хотя мы с тобой и в разлуке, но я тебя чувствую, как будто сейчас ты со мной здесь, вижу твое лицо и как будто чувствую твое сердце. Какое счастье, что мы с тобой единомышленны, что в самом главном и насущном у нас нет разногласия. И как несчастны те, которые под старость перестают понимать друг друга. А в эти дни, когда встречаешь солнце, как почти неожиданный щедрый дар, сознавая, что скоро очень скоро ты увидишь иное солнце и отделишься от земного праха, особенно необходимо единомыслие, а главное – любовь, которая «долготерпит» и «милосердствует», ибо что наше бытие в этом ущербном мире со всеми его муками, страстными и ревнивыми, когда мы Истину видим «сквозь тусклое стекло, гадательно», а нам скоро предстоит увидеть ее «лицом к лицу».

Целую тебя, родная. Прости меня. Любящий тебя Георгий.

Передай всем привет и тем, кто «не постился», – всем: я, ведь, тоже не пощусь.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 36 — 37. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[735] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 21 апреля 1938 г.

21 апреля 1938.

Четверг.

Милая Надя!

Сегодня утром послал я тебе письмо, поздравляя тебя, в расчете, что ты получишь его 24 апреля (по старому 11-го). Напиши мне, получила ли ты его. И вообще интересно, получаешь ли ты аккуратно мои письма – особенно за эту последнюю шестидневку. Из твоих писем это неясно. Например, я уже несколько раз писал, что не надо присылать мне ни штанов, ни свечей, а книг о Рылееве я не просил. Я обойдусь и так. Назад будет очень трудно тащить лишнее. Я не знаю, куда я дену пальто.

Живу я по-прежнему. Все благополучно. Температура нормальная. Спасибо тебе за твои письма, родная. Но умоляю тебя, не принимай никаких усилий для покупки штанов. Не надо мне их вовсе. Береги себя.

То, что мой Пушкин выйдет в мае, а не в апреле, не беда. Не все ли равно? А вот что «Достоевский» к печати не подписан – это хуже, но очень правдоподобно, что задержка из-за медлительной типографии. Едва ли здесь что-нибудь катастрофическое. Но ты ничего не пишешь о «Литературной Учете». Странно, что они задерживают деньги. Как твои финансы? Доживешь благополучно до 1 июня? И как твоя обмундировка? Здесь дамы иные меняют платья по два раза в день и чаще, а платья все безвкусовые. Но есть и скромные дамы, которые появляются всегда в одном и том же простом наряде.

Очень сочувствую тебе в том, что лишена песнопений, врачующих, по слову Боратынского, «болящий дух». И я их очень хотел бы послушать.

В Литер.<атурной> Газете появилось письмо той «Романовой», которая жила с ним в эти последние годы, разумеется.

Кланяйся Нюре, Любе, Славику, Лизе, Михаилу и всем, кто меня помнит.

В письме от 18 апреля ты пишешь, что тебе звонил Лурье? Какой? Быть не может. Звонил, вероятно, Лившиц. Это совсем не то. Хорошо, что он звонил. Любезный человек. Ты ему не сердито отвечала? Привет доктору нашему, если он навестит тебя.

Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий.

Ты не забыла получить пенсию?

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 38 — 39. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 22/IV-1938».

[736] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 21 апреля 1938 г.

21/IV 37

Милый Георгий, пишу тебе почти ежедневно, чтобы доказать насколько я здорова и в своем уме. Но почему-то у меня все-таки нет свободного времени и я все еще не могу писать тебе пространные письма, как хотелось бы. Сегодня хлопочу со стряпней, потому что все-таки надо что-то испечь и состряпать, а то Нюра удивится, что ничего нет.

Погода все еще не установилась, хотя днем бывает очень тепло.

Без тебя я не понимаю ничего в газетах и объяснить некому.

Пока кончаю на этом. Напишу после выходного. А теперь некогда. Целую. Господь с тобой.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 97. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[737] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 22 апреля 1938 г.

22 апреля 1938.

Пятница.

Милая Надя!

Я сегодня получил твое письмо от 19 числа. Очень рад, что у тебя был доктор, наконец. Я все время думаю о твоём здоровье. Спасибо за письмо. Ничего мне не присылай, кроме почтовой бумаги. Не бери бумаги из моего запаса отнюдь. Попроси Любу купить почтовой.

Я читаю с наслаждением песнопения. Меня поразил один образ икон, когда Мария восклицает, обращаясь к Агнцу: Камо идешь, Чадо? Еда другой брак паки есть в Кане Галиейстей, и тамо ныне тщишия, да от воды им вино сотвориши?...

Сердце замирает, когда слышишь этот вопль Матери.

Получила ли и когда получила ты мое письмо с приветом, которые я послал в расчете, что оно приедет к тебе 24 апреля.

Я здоров, пока не полежу горизонтально или не поднимусь на «крутую горку», которая, как известно, уходила «сивку».

Солнце светит здесь, но не очень. В ближайшие дни, однако, погода, вероятно, установится. Все так говорят.

Сегодня я получил письмо от Фатуева, написанное, очевидно, еще до получения письма от меня, которые я послал через тебя. Я ему отвечаю. Он дал свой адрес.

Ты как будто не совсем довольна собой. Ты все жалуешься на свое какое-то несовершенство, а я все более и более чувствую твое прекрасное сердце. Прости меня, родная. Целую тебя и люблю неизменно.

Твой Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 40 — 41. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 23/IV-1938».

[738] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 22 апреля 1938 г.

Милый Георгий, послала тебе сегодня свечи, бумагу и конверты. Лекарство не поместилось в посылке, да оно тебе, надеюсь, не нужно.

Был у меня сегодня Златовратский – кланяется.

Больше ничего нового. Прости, что мало пишу. Устала и хочу лечь.

Одиннадцать часов.

Тебя чувствую и вспоминаю всегда. Будь здоров.

Целую Надя.

22/IV 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 98. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[739] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 24 апреля 1938 г.

2 часа ночи 24 апреля 37

Милый Зоря, хочется писать тебе сегодня. Сейчас ночь. Я одна. Нюра спит. Недавно, только что, ушли две посетительницы. Елена Ивановна, которая часто приходит некстати и сидит долго, объявив, что и у нее «такая тоска, что она места себе не находит». Пришлось ее поить чаем и слушать ее рассказы и жалобы. В это время позвонила Мочалова и попросила позволить прийти. Я хотела убить двух зайцев и позвала ее. Но обе они не догадались освободить меня пораньше и ушли только без десяти минут в двенадцать. У Нюры в это же время был Ника.

Я получила сегодня два письма от тебя и два для сестер.

Представь, Далю послали куда-то еще и деньги, посланные отцом, вернулись обратно.

Я послала тебе сегодня посылку свечи и бумагу. Марусе послала 25 р.<ублей>.

Завтра выходной день и мы с Нюрой обедаем вместе.

Люба меня старается обласкать и утешить всячески. Принесла мне сегодня цветок на стол.

Николай Михайлович хочет снимать моих птичек – для этого приедет 26-го днем. А птички мои в этом году не плодятся. Сусаночку я все-таки отдала на время к другому самцу: она третий раз снесла три пустых яйца и одно из них склевала, а третье я сама разбила и бросила. Пиквик скучает. Гейша прыгает, купается и пищит более крепким голоском. Одного кенаря взяла София Владимировна. Теперь у меня нет птичек!

Сегодня и вчера в Москве дождь.

Сейчас улица блестит мокрым асфальтом. Тихо. Я думаю о тебе. Знаю что и ты меня вспоминаешь.

Будь здоров. Целую тебя, родной.

Твоя Надя.

Мочалова тебе кланяется и еще Екатерина Семеновна – няня Володина.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 99 — 100. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[740]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 25 апреля 1938 г.

25 апреля 1938.

Четверг.

Милая Надя!

Как раз то письмо, которое я послал с расчетом, что ты его получишь 24 апреля, вероятно, опоздало, потому что товарищ проносил его в кармане двое суток вместо того, чтобы его опустить в почтовый ящик. Узнав об этом, я послал тебе телеграмму. Получила ли ты ее? Мне хотелось, чтобы в этот день ты прочла какие-то мои слова, к тебе обращенные.

Твои письма доставляют мне радость, но последние смущают меня: ты все жалуешься на усталость. Ума не приложу, как быть. Домашней работницы все нет и нет. Это настоящая катастрофа.

Из твоих писем не видно, получаешь ли ты мои аккуратно. Вот, например, я послал письмо со вложением писем к Фатуеву и с доверенностями ему. Это избавило бы тебя от необходимости ехать в «Советский Писатель» и в «Литер.<атурную> Учебу». Я так и не знаю, между прочим, почему ты не получаешь денег из «Учебы» – потому ли, что тебе некогда или нельзя, или потому, что журнал не желает платить. Пусть Фатуев поскорее сделает профсоюзный взнос в группоме «Советского Писателя». Апрель уже *четвертый* месяц, как я не делал взносов, а после трех месяцев исключают члены из профсоюза. Это надо сделать поскорее, а самой тебе нет надобности туда ехать и вообще – умоляю тебя – береги себя. Если в Малеевке нельзя устроиться, мы с тобой поедem в Нальчик: авось мне заплатят деньги в «Советском Писателе» за Достоевского. Представь себе, какая досада: гонорарные ставки увеличиваются вдвое, а по старым договорам авторы получают по прежней оценке. Но в «Литер.<атурной> Учбе», так как у меня договора с ними не было, должны были бы заплатить пощеднее.

Я понемногу работаю над романом «Условный брак». Рылеев буду заниматься в Москве. Вышла книжка некоего С.<ергея> Голубова о Бестужеве. Автор явно подражает моим приемам, каким я пользовался, когда писал «Императоров». Выходит у него неплохо.

По вечерам читаю сборник, который ты мне вручила. Целую тебя.

Любящий тебя твой Георгий. Не забывай меня. Еще раз целую твои милые руки.

Передай всем привет.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 42 — 43. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Крым, 27/IV-1938».

[741]

Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, <25> апреля 1938 г.

<без начало>

Как жалок и слаб человек: у него даже память всегда на ущербе. У меня хуже, у другого лучше, но разница невелика. А, ведь, в инобытии мы, пожалуй, *все* вспомним и устыдимся и «сгорим со стыда», если позволителен здесь этот мистический каламбур. Прочти меня Христа ради. Твой смрадный грешник.

Всем привет. Хорошо, что моя телеграмма дошла.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 44об-45. Л. 44 не отсканирован. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 25/IV-1938».

[742] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 25 апреля 1938 г.

Дорогой Георгий, я получила твою телеграмму и анкету Дома Ученых. Получила письма для сестер и передала их. В Литер.<атурной> Учебе я не получила денег потому, что сама не поехала в назначенный ими день, а потом поехала и неудачно. Завтра поеду и получу и билет и гонорар.

Вчера у меня были визитеры. Филипп Александрович. Он шлет тебе нежный привет. Конечно Людмила Павлова. Неожиданно появилась длинная фигура брата Сергея Павловича в шикарном синем костюме и таком же пальто.

Он расстался со своей женой и женился на другой. Получил большое наследство от отца и оделся, как денди.

Обедали мы втроем – Нюра, я и Вера Голубкина. Вечером была другая Вера. Сегодня Люба и Лида. А сейчас сидит у меня Евгения Александровна. По телефону вчера говорила с Мариночкой, которая вышла из больницы, но все еще не может ходить и лежит дома.

Сердце плохо у ней. Вчера была вторая годовщина смерти Евдокии Ивановны.

Нюра лечится. Ей помогли соляно-хвойные ванны от боли в ноге.

Я тоже хочу начать лечиться в Серебряном переулке.

У меня ост.<ались> еще деньги. Ты не беспокойся. А в Литер.<атурной> Учебе тебе приходится 1500 р.<ублей>. Я думаю положить их на книжку.

Погода у нас плохая – дожди и холод. Хорошо, что ты этот месяц проводишь не в Москве. Доктор был у меня один раз за все время. Старший врач прислал мне привет. Марусе я послала 25 р.<ублей> к маю. Прости за прозаичное ленивое писание. Я все еще не могу писать много. Помню о тебе всегда и люблю тебя. Целую. Будь здоров.

Твоя Надя.

25/IV 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 101 — 102. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[743] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 26 апреля 1938 г.

Милый Зоря, я получила твое поздравительное письмо от 21 апреля только сегодня, 26-го. Звонил сейчас какой-то Дерман или Берман, передал от тебя привет и сведения о твоём здоровье. Погода у нас плохая.

Целую. Будь здоров. Твоя Надя.

26/IV 37 Спасибо за письма.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 103. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[744] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <27 апреля> 1938 г.

Милый Георгий, из редакции «Ж.<урнала> Книжные Новости» тебя просят написать авторефератом о твоей книге о Пушкине. Страницы на 5-6 машинной переписки. Говорил со мной какой-то гражд.<анин> Куриенко или Куриенков. Он сказал, что с тобой об этом был разговор, и ты знаешь, как написать. Надо сказать, чем отличается твоя книга от предшествующих, на кого она рассчитана, как построена. Требуется эта статья как можно скорее. К 5-6 мая.

Адрес такой: Орликов пер.<еулок>, 3. Дом книги, 4-й этаж комната 437. Редакция журнала «Книжные Новости».

У нас все благополучно. Твои письма идут 2-3 дня.

Спешу опускать это письмо, чтобы ты успел написать ответ к сроку.

Целую тебя твоя Надя.

Я записалась к профессору Делегинскому на 11 мая.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 129 — 130. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 27/IV-1938».

[745] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 28 апреля 1938 г.

28 апреля 1938.

Милая Надя!

Сегодня получила два твоих письма о 25 и 26 числа. Спасибо тебе за все. За твое ангельское терпение. И прости меня. Ты пишешь, что поедешь сама в редакцию «Литературн.<ой> Учебы». Разве ты не получила моей доверенности на имя Фатуева? Береги себя. Умоляю. Целую тебя, драгоценная.

Любящий тебя Георгий.

Привет Наде, Любе и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 46. Почтовая карточка. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. К ней приложен конверт, на котором указан адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 29/IV-1938».

[746] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, <апрель> 1938 г.

+

Милый мой, получила твою телеграмму. Спасибо!

Сейчас семь часов вечера. Суббота. Душой с тобой не прекращай частых писем. А меня прости за лень.

Целую Надя.

Сегодня с Любой была у Володи и Славика.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 123-124. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 24/IV-1938».

[747] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 26 апреля 1938 г.

Милый Георгий, сегодня я получила твое письмо от 22-го апреля, оно шло 4 дня, а письмо с поздравлением от 21-го шла пять дней. Спасибо за него. Некоторые письма шли два дня.

Опять и на этот раз получила поздравление от Коли. Противно! Сегодня были Люба и Никол.<ай> Мих.<айлович>. Он сфотографировал канареек. Я старалась угостить и очень устала. Проводив их приняла еще одну гостью – Шуру Диатроптову. Потом решила поехать в Литфонд за направлением к проф.<ессору> терапевту в Серебряном переулке. Получила направление. Зашла к Тимофееву. Он сказал, что с твоей книжкой ничего плохого не произошло, а задержка из-за бумаги. Приехала домой и о ужас! – не нахожу одной канарейки, той, которая предназначалась нашему доктору в подарок. Бегу на соседний двор – нет птички. В это время входила Нюра и говорит: «У тебя опять улетела канарейка, мальчишки ее ловят». Я побежала на свой двор и увидела молодого Пиквика высоко на большом дереве. Мальчишек собралось много, человек 20. Долго пытались что-то предпринять, чтобы поймать птичку и наконец придумали принести клетку с канарейкой и поставить на крышу. Сейчас же Пиквик прилетел и сел на клетку. Тогда я догадалась поставить рядом пустую клетку и действительно он сейчас же влетел в клетку, но как только пытались его запереть, он опять вылетел и садился на дерево. Наконец, с помощью ниточки, привязанного за дверку, его удалось запереть, и мы торжественно принесли его домой. Мальчишке я дала пять рублей за это. Завтра я иду в Серебряный переулок к профессору Делаченскому, которого очень хвалят. Теперь хочу полечиться, заняться нарядами и приисканием домашней работницы. Малеевка от нас ускользнула. Если будет возможность, поедем с тобой в Нальчик или под Москвой на дачу к знакомым Людмилы Павловны, которые берут на полный пансион. А то так поеду к Марусе – тоже неплохо.

Очень рада за тебя, что ты наслаждаешься моими книжечками. Источник неиссякаемый, но он требует другого окружения, чем какой у тебя. Я не сумела бы побороть это препятствие. Мне сегодня звонил Дерман и тоже тебя хвалил очень. Как это ты умеешь быть таким милым и общительным?! Мне мои советчики все рекомендуют «быть повеселей», а я вот такая бука. Да хорошо, что мы с тобой многое одинаково воспринимаем. Теперь это особенно дорого. Печаль, такая глубокая, часто теперь растворяется радостью тихой. Последняя моя беседа и размышления много мне дали.

Будь здоров, дорогой.

Целую тебя Надя

Ветховский кланяется. Он сейчас <1нрзбр>.

Тимофеев – тоже.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 126 — 128. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель неразборчивое.

[748] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Ялта, 29 апреля 1938 г.

29 апреля 1938.

Милая Надя!

Сегодня получил твое письмо от 26-го числа и посылку. Свечей мне добыли и здесь. Их у меня избыток. А вот бумага очень мне нужна, и я рад был ее получить.

История с улетевшей канарейкой очень меня заняла. Ты так мило и трогательно о ней рассказала. Вообще ты милая и чудесная. Я очень рад и счастлив, что твои размышления тебя обогатили на этот раз более, чем всегда.

Не знаю, почему Дерман доволен мной. Я его весьма сурово критиковал за его интеллигентскую болтовню. Ну тем лучше. Знаешь, кто этот Дерман? Это тот Дерман, который был

нашим спутником в заграничном поезде в 1907 году, когда я, объясняясь с австрийским чиновником, забыл слово «Schriftsteller». Знакомый Бориса Константиновича и Веры – критик.

Скажи Верховскому по телеф.<ону> 2.88.56, чтобы он мне ответил на мое письмо. Получила ли ты мое письмо с вложением крымского фото (вид Алушкинского парка)?

Позвони, пожалуйста, Мстиславу Александровичу и спроси его, получил ли он мое письмо, которое я послал ему в первых числах апреля. Его телефон: Г. 1.96.33.

Почему Малеевка для нас недоступна? У нас здесь, в доме Литфонда, писатели капризничают и жалуются на директора. Из Москвы придут ревизоры. Уже вернули нам прежнего «сестру-хозяйку», которая управляла нами знанию в ливре. Я не помню, писал ли я тебе, что и мне пришлось подписаться под телеграммой, посланной товарищами в приемной Литфонда. Мне это было неприятно, потому что как ни как – «дареному коню в зубы не смотрят», но невозможно было *одному* не согласиться на подпись, когда *все* подписались.

Поедем в Нальчик, если будут деньги и, как писал в дневник Лев Толстой, «е.б.ж.», т.е. если буду жив. Целую тебя, родная.

Люба писала мне, что ты заботаешься о Нюрке. Спасибо тебе. Целую твои руки.

Любящий тебя Георгий.

Лечись хорошенько и шей себе все нужное. Из гонорарных денег «Учебы» возьми еще, если не хватит. Внесены ли деньги за телефон? Посмотри!

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 48 — 49. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 30/IV-1938».

[749] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 30 апреля 1938 г.

30 апреля 1938.

Милая Надя!

Спасибо за сообщение о «Книжных Новостях». Я немедленно написал статейку в 4 страницы и мне завтра перепишут ее на машинке и я завтра же ее пошлю. Таким образом она, вероятно, попадет в редакцию числа четвертого или пятого.

Я тебе пишу письмо, а из нашего салона доносятся звуки патефона и шарканье ног танцоров. Это фокстрот. Ты бы здесь плакала горькими слезами от этой обстановки. Я по вечерам удаляюсь в свою комнату ежедневно, но днем «общаюсь» в иные часы. Играю в шахматы. Появились хорошие игроки. Есть и положительная сторона в этих писательских домах отдыха. Для меня. Здесь я все-таки знакомлюсь с людьми, нужными мне профессионально. И «е.<сли> б.<уду> ж.<ив>», это мне пригодится. Да и для изучения «действительности» это бесполезно. Я поражен духовым невежеством поголовно всех. Есть симпатичные люди, но нет ни одного, причастного большой культуре. Есть образованные, есть талантливые, но нет «поминающих». Тысячелетия для них прошли бесследно. Как будто, кроме их поколения, ничего не было, да и не будет. О будущем они тоже не думают. «Бесклассовое общество» для них не святая утопия, а только одна из формул политграмоты. Я, беспартийный большевик, интересуюсь испанскими событиями и политикой Англии и Франции более страстно, чем все эти молодые люди, хотя у некоторых в кармане партбилет.

Зачем ты сама едешь в «Лит.<ературную> Учебу» за деньгами? Ведь, я послал доверенность на имя Фатуева. Молодой человек съездил бы и все сделал. И с группкомом уладил мои дела. Приняли они меня или нет?

Береги себя, умоляю тебя. По телефону можешь говорить, а ездить нет надобности. Для этого есть Машенка, Фатуев, Люба...

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 50-50об. Связь с конвертом не установлена.

[750] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 30 апреля 1938 г.

Милый Зоря, я получила твою телеграмму. Спасибо. Посылаю тебе заказным письмом бумагу почтовую. Только сегодня Нюра ее купила, а я не могла найти.

Меня беспокоит договор на нашу квартиру – я боялась, что чего-нибудь не сделаю должного, а теперь эти договоры отменили, и я успокоилась. Я здорова, только старость делает меня слабой и неловкой.

Напиши, как вокруг – цветет ли природа?

Заставь твоих поклонниц – они, наверно, суть – сушить для меня цветы для абажуров.

Приехала Надя из Ленинграда. Очень мила. Вся в красном.

Нюре я подарила очень хорошую шелковую белую кофточку и материю на костюм бумажную, правда, но довольна хорошей. Она довольна. Люба уехала в деревню на эти дни.

Целую тебя, родной.

Твоя Надя.

30/IV 37.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 104-105. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[751] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 30 апреля 1938 г.

30 апреля 1938.

Милая Надя!

Спасибо за сообщение о «Книжных Новостях». Я немедленно написал статейку в 4 страницы и мне завтра перепишут ее на машинке. Завтра же ее пошлю. Таким образом она, вероятно, попадет в редакцию числа четвертого или пятого.

Я тебе пишу письмо, а из нашего салона доносятся звуки патефона и шарканье ног танцоров. Это фокстрот. Ты бы здесь плакала горькими слезами от этой обстановки. Я по вечерам удаляюсь в свою комнату ежедневно, но днем «общаюсь» в иные часы. Играю в шахматы. Появились хорошие игроки. Есть и положительная сторона в этих писательских домах отдыха. Для меня. Здесь я все-таки знакомлюсь с людьми, нужными мне профессионально. И «е.<сли> б.<уду> ж.<ив>», это мне пригодится. Да и для изучения «действительности» это небесполезно. Я поражен духовым невежеством поголовно всех. Есть симпатичные люди, но нет ни одного, причастного большой культуре. Есть образованные, есть талантливые, но нет «поминающих». Тысячелетия для них прошли бесследно. Как будто, кроме их поколения, ничего не было, да и не будет. О будущем они тоже не думают. «Бесклассовое общество» для них не святая утопия, а только одна из формул политграмоты. Я, беспартийный большевик, интересуюсь испанскими событиями и политикой Англии и Франции более страстно, чем все эти молодые люди, хотя у некоторых в кармане партбилет.

Зачем ты сама едешь в «Лит.<ературную> Учебу» за деньгами? Ведь, я послал доверенность на имя Фатуева. Молодой человек съездил бы и все сделал. И с группкомом уладил мои дела. Приняли они меня или нет?

Береги себя, умоляю тебя. По телефону можешь говорить, а ездить нет надобности. Для этого есть Машенка, Фатуев, Люба...

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 51 — 53. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 1/V-1938».

[752] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 1 мая 1938 г.

1 мая 1938.

Милая Надя!

Я сегодня послал в «Книжные Новости» мою статью. Копию посылаю тебе. Позвони в редакцию «Книжн.<ых> Новостей» и спроси их, получили ли они мою статью. Если не получили, предложи им прислать курьера к тебе и получить от тебя копию.

Целую тебя, дорогая, милая.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 54-55. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. *Заказное* письмо. От Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова, Ялта, Дом Литфонда. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 2/V-1938».

[753] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 1 мая 1938 г.

1 мая 1938

Милый Георгий, я купила бумагу, на которой можно писать только карандашом. Я аккуратно получаю твои письма. Рада, что у тебя нормальная температура. Брюки я думаю тебе не нужны теперь. Бумагу посылаю заказным письмом.

Сегодня 1-е мая. Я любовалась лошадами, скакавшими мимо нашего домика. И вспоминала, как ты ими восхищался. День сегодня опять хмурый с дождем. Нюра пошла в гости к Чурилину. Я одна. Чувствую себя хорошо в тишине. Почитала немного о Фоме и успокоилась. О тебе вспоминала.

Затем новость – отменила договоры на наем помещений. А я то беспокоилась, что не сумею его заключить. Деньги из Литер.<атурной> Учебы я получила 1431 р.<убль>.

Билеты профсоюзные тоже получила. Теперь только надо сходить в Дом Ученых за билетом. Все у меня благополучно. Купила двор почти на 90 руб.<лей>. Нюре подарила вещей на сто рублей почти. Тебе кланяются оба Добровы.

Сегодня я заходила к ним. Ты им напиши непременно. Улица Кропоткина, Мал.<ый> Левшинский переулок, д. 5. Ф.<илиппу> А.<лександровичу> Доброву.

Был у них Верховский на второй день. Новиков болен и не заходил еще. Говорят, его обижают за Слово о П.<олку> И.<горева>, где-то, кажется, в Академии Наук и еще где-то.

Я читаю Диккенса.

Сегодня получила от тебя сухие цветы. Спасибо! За Алупку тоже спасибо. Идет ли у тебя работа? Рылеева тебе отсрочили до 1-го сентября. Детиздат.

Тебе кланяется Маруся – моя сестра, Надя Роз.<анова> и Дмитр.<ий> Евг.<еньевич>.

Нюра хочет развестись с своим мужем, чтобы не терпеть за него неприятности по службе.

Я думаю, что это хорошо. И ее сослуживица старшая тоже ей советует это.

Кончаю письмо. Ложусь спать. Целую тебя, дорогой.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 131 — 133об. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 2/V-1938». На обороте конверта шахматные ходы, записанные рукой Чулкова.

[754] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 2 мая 1938 г.

2 мая 1938.

Милая Надя!

Спасибо за письма. Но зачем же ты сама ездила в «Учебку», когда я послал доверенность через тебя Фатуеву! Неужели пропало это мое письмо? Из полученных тобой денег рекомендую тебе тратить 431 р.<убль> 19 коп.<еек>, а тысячу рублей береги на июнь и июль. Спасибо и за полученные профессиональные билеты.

Хорошо, что ты купила брюки, но не надо их сюда посылать. Я нашел «американку», где мне заштопали брюки довольно искусно. Правда, эта заплатка едва ли будет прочней, но я обойдусь как-нибудь. И в серых могу ходить. Иногда рискую даже надевать белые брюки, но не те, какие ты купила в магазине случайных вещей. Эти оказались совершенно не по моему росту. Я думал на днях отдать их в ту же «американку» укоротить, а то они волочатся по земле. Что касается «кожаных одежд», полученных нами после грехопадения, то они относительно исправны у меня. Я даже потолстел.

Но вот беда: я стал лысым. У меня плешь.

Погода пока все еще коварная. На солнце жарко, а в тени холодно. Надо быть осторожным.

Состав обитателей дома Литфонда изменился. Сейчас тут ряд лиц, с какими я никогда не смог бы встретиться, если бы не попал сюда. И есть нужные мне люди – Е.<вгений> П.<етрович> Петров, редактор «Литературной Газеты» и кое-кто еще.

Сегодня получил письмо от М.<стислава> А.<лександровича> Цявловского. Он, оказывается, занялся темой «Слова о полку Игореве» и работой над ним Пушкина.

Ты читаешь Диккенса. И я перечитал «Записки Пиквикского клуба». Прочел еще автобиографические повествования Стендаля, мне не понравившиеся. Прочел С.<ергея> Голубова новую книгу о Бестужеве-Марлинском (это мне было интересно в связи с Рылеевым). Читал кое-что Бальзака опять и прочел знаменитого теперь американца Джон Дос Пассоса, довольно любопытного, которого до сих пор не удосужился узнать. Целую тебя, родная. Всегда помню тебя – утром, днем, вечером и ночью. Просыпаюсь и думаю о тебе, здорова ли ты и как ты себя чувствуешь.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 56 — 57. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[755] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 3 мая 1938 г.

3 мая 1938.

Милая Надя!

Третьего дня была неделя о самом загадочном из спутников земных Христа. Его «неверие» меня всегда волнует и умиляет до слез. Как несчастны те, которые «имеют уши», но – увы! – не слышат последнего восклицания Фомы. И песнопения, сложенные о нем, дивны.

Мне не с кем беседовать здесь на эту тему, но на темы, близкие к ней, я говорил кое с кем с бестактностью мне свойственной. Что делать! Не могу иначе...

Писать к тебе ежедневно стало для меня необходимостью. Хотя письма мои малосодержательны, но я все-таки в них «отвожу душу».

Вот, между прочим, дай мне совет. Я закончил редактирование моего романа. Оно выразилось в том, что я изменил имена исторических лиц на иные; Спешнева соединил в одно лицо с <Будаевым> (они двойники); кое-что сократил, что было слишком документально. Вот и все пока. И теперь не знаю что делать. Очень не хочется что-то сочинять на эту тему и присоединять какие-то новые главы. Надо предварительно, мне кажется, посоветоваться с Л.<еонидом> И.<вановичем> Тимофеевым. Здесь, в доме Литфонда, живет один из заведующих ГИХЛ'ом. Он меня уверил, что если первую рецензию дал Тимофеев, то и в дальнейшем он будет моим редактором. Тогда, значит, я могу с ним договориться.

Ты видишь, что я за апрель месяц работу сделал небольшую. Остается май. Следует ли мне делать усилия и присоединять к роману новые главы или жить и май месяц, отдыхая? Если позволить себе «отдых», то для меня это будет равносильно тому, что я начну писать пьесу на тему романа. Из этого ничего может не выйти практически полезного, но за то я буду чувствовать себя вольным человеком и писать по своему вкусу, не считаясь ни с каким заказом. А может из этого и выйдет толк.

О Рылееве я буду писать в июне, в июле и в августе. Три месяца для этого достаточно. А сентябрь я посвящу опять роману, который я должен представить 1 октября.

Я хочу знать твое мнение. Можно ли мне позволить себе такую роскошь, как писание пьесы в течение мая месяца? Непременно мне отвечай, не отклоняя моей просьбы под каким-нибудь предлогом.

Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 58 — 59. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 4/V-1938».

[756] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 3 мая 1938 г.

3 мая 1938.

Милая Надя!

Получил сейчас два твоих письма, написанных карандашом, от 30 апреля и 1 мая. Спасибо. Апрель месяц я – признаюсь – ленился. Я тебе уже писал, что вся моя работа за это время свелась только к редактированию романа. Эту первую стадию работы я кончил, а сейчас мне хочется писать пьесу, хотя это по практическим соображениям занятие весьма сомнительное. Но все-таки, если ты позволишь, буду писать пьесу. Что еще я делал? Мило сижу в парке на скамейке или в кресле и дышу, славя Бога за это дыхание, а по утрам, как всегда, кашляю и не ропщу, ибо «так мне и надо», ибо «поделом»... Температура нормальная. Я толстею. На голове плешь. Забыл, писал ли я тебе, что первого мая дирекция дала мне и Трениву автомобиль для прогулки по городу, а машина испортилась, и мне пришлось пешком возвращаться домой, поднимаясь на крутую гору. По случаю праздника нельзя было достать такси никак. Я шел очень медленно. И вот жив!

Малеевка – говорят – еще существует. Я как только вернусь в Москву, буду хлопотать о ней. Ну, а если все на июль занято, поедem в Нальчик. Оказывается, то, что мне дали путевку в Ялту на два месяца (да еще бесплатно) чрезвычайное исключение. На два месяца почти никому не дают. Даже знаменитостям нынешним отказывают о продлении путевки на второй месяц, а заблаговременно в Москве дают только на один. Это подействовал мой эпистолярный вопль.

Погода весьма здесь прохладная. Летних дней еще не было. Один здешний любитель, «знаменитый» писатель Вирта снял меня. Посылаю тебе мою образину, столь «не серафическую». Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 60 — 61. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 5/V-1938».

[757] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 3 мая 1938 г.

3/V 38

Посылаю тебе милый Георгий, бумагу. Напиши когда получишь обе посылки. Я здорова.
Перевод писал Надя Розанова.

Целую Н.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 134-134об. Талон к посылке с объявленной ценностью. На обороте талона адрес отправителя: Н. Г. Чулкова, Москва, Смоленский б.<ульва>р, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Почтовый штампель: «Москва, 3/V-1938».

[758] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 3 мая 1938 г.

Милый Зоря, получила твоё письмо и с цветком и с доверенностью Фатуеву. Но мне легче было самой сходить в редакцию, и не обращаться к Фатуеву. Ты знаешь, какая я дикарка.

Сегодня я послала тебе бумагу и брюки и ещё перчатки для дороги.

Кланяется тебе Дм.<итрий> Евг.<еньевич>, Добровы – ты напиши Добровым. У нас все ещё дожди и тучи. Хорошо, что ты не в Москве. Я пытаюсь найти домашнюю работницу и пока явилась только одна, не знаю, придет ли жить. С Нюрой ладим. Завтра иду обедать к Любе с Надей Розановой.

Нюра идет в концерт.

Сегодня по радио слушала 5-ю симфонию Шостаковича.

Целую. Будь здоров. Твоя Надя.

3/V 38.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 135-136. На конверте адрес: Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 4/V-1938».

[759] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 4 мая 1938 г.

4 мая 1938.

Милая Надя!

Спасибо за письма. Спасибо за Нюрку. Спасибо за твои заботы обо мне.

То, что Нюра собирается развестись, я думаю, не повлияет на её положение на службе, но я в этой не уверен. Во всяком случае беда не будет от этого формального акта. Впрочем, я в этом деле умываю руки. Обрадуется, вероятно Дмитрий Евгеньевич.

Что сказать о несостоявшемся договоре на жилплощадь? Не знаю. На то есть Мирликийский наш опекун. Он все устроит. И вообще все устроит. Я забастовал. Сил у меня нет больше. Но я знаю, что все будет хорошо и заранее благодарю за все Проведение.

По обывательски сочувствую Новикову, но он слишком задирал нос за последнее время и ему полезно, если его потормошит немного специалисты. Цявловский недоволен докладом его о Пушкине и «Слове».

Как я работаю? Лениво – увь! Не знаю, почему. Потому ли, что устал от недугов, – или потому, что нет никакой возможности писать с надеждой на здравый смысл редакторов.

Оказывается, тот самый Кии, который зарезал мой роман о Баку под предлогом, что я слишком большое значение придаю в нем тому, что будто бы «не касается вовсе» ни его, ни меня, а только

предназначено для исключительных обстоятельств, сидит в тюрьме, как вредитель или враг народа. Буквально все мои враги посажены в изоляторы.

Жаль только, что негодяй Ягода сажал в тюрьме и те, кто ни в чем не повинен. Иных освобождают. Так освобожден, например, Хохлов, директор Ялтинского дома Литфонда. Он появился, как приведение, в нашем парке. Все даже испугались: не бежал ли он из тюрьмы. Нет, освобожден и восстановлен в своих правах. И, значит, мои стихи, где я шутя хвалил его работу в Литфонде, меня не компрометируют.

Это Хохлов уже получил место то же директора, но в другом доме отдыха Литфонда, где-то под Москвой.

Итак, и ленюсь. Хотел писать пьесу на тему петрашевцев, о чем и сообщал тебе в прошлом письме, но как-то руки опускаются.

Играю в шахматы. Хочу сократить это занятие до одной партии в день, а то я соблазняюсь и играю иногда больше, чем следует. Дело в том, что шахматы меня спасают от репутации «нелюдима». Есть какое-то занятие общее для меня и для товарищей. Я не хочу прослыть «индивидуалистом». За мной и так числится немало всяких чудачеств. Здесь ныне число их увеличилось, должен тебе в этом признаться. «Не могу молчать», – как Лев Толстой. Иногда это вовсе не забавно.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 62 — 63. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д. <ом> 8, кв. <артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель: «Ялта Крым, 6/V-1938».

[760] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 6 мая 1938 г.

6 мая 1938.

Милая Надя!

Получил бандероль с почтовой бумагой. Спасибо. Но ты, ведь, мне уже прислала и конвертов, и бумаги. Во всяком случае спасибо – я теперь богат и бумагой, и свечами. Последних даже избыток. Главное – спасибо за письма. То, что ты пренебрегла помощью Фатуева, твоя воля. Только береги себя все-таки. И, если можно, пользуйся помощью других. Я написал письмо Машеньке. Надеюсь, ты отдала ей доверенности и сама не будешь подниматься на четвертый этаж Госиздат'а.

Я послал письмо Доброву и второе письмо Л.<еониду> И.<вановичу> Тимофееву. Клянйся всем знакомым – и Наде Верещагиной, и твоей Верочке, и всем...

Ты пишешь, что слушала пятую симфонию Шостаковича, но ничего не пишешь о том, какое она произвела на тебя впечатление. Это любопытно. Мажорная эта вещь, как рекламировал ее Алексей Толстой, или, напротив, мрачная? Как она тебе показалась?

Здесь сейчас в дом Литфонда съехались поэты – Асеев, Сельвинский, Луговский, Уткин и другие.

С Асеевым я сижу за одним столом за обедом и ужином. Это очень даровитый поэт, но без кормила, с одними парусами. Я с ним иногда беседую. Сегодня он почему-то пришел ко мне в комнату и долго рассказывал о Маяковском и Есенине. Из его рассказа я узнал кое-что для меня новое. И о мотивах самоубийства. Оказывается, любовная история, как я и угадал, имела третьестепенное значение в судьбе Маяковского, а вся суть в том, что он утомился недоверчивым и мнительным отношением к нему и стал сомневаться в своих поэтических силах. Ну, а внутренней силы и мудрости у него, конечно, не было. Это последнее уже говорю я, а не Асеев. У самого Асеева этой мудрости то же нет, но он все-таки поэт и мастер. Кажется, ко мне он относится неплохо, но боится моих рассуждений, как огня. Запах иных слов ему в смерть, а не в опасение.

Как твое лечение? Ходишь ли ты в Серебряный переулок?

Итак, прошло уже пять недель. Мало я сделал за это время. И едва ли что-нибудь успею сделать в эти последние три недели. Хотел, было, писать пьесу, но руки опускаются.

И, знаешь, обстановка здесь как-то не располагает к работе. Чтобы успеть к утреннему завтраку в 9 часов, мне приходится вставать в 7 ½ часов.

Значит, я должен рано ложиться – часов в 11 – 11 ½ – не позднее. А днем хочется дышать воздухом, и я сижу в парке или медленно гуляю. Надо, ведь, использовать Крым. И затем чаепитие, обед, ужин – все это как-то растянуто и отнимает время. Вообще живу глуповато, и только книги песнопений и размышления над ней спасают меня от ленивого свинства.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 65 — 67. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[761] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 6 мая 1938 г.

Милый Георгий, благодарю тебя за письма. Я им всегда радуюсь. Хорошо, что ты поправляешься и пополнел. А в Москве так плоха погода, что и передать трудно. Холод, сырость, грязь, мрак. Не больше пяти дней мы за все это время видели солнышко. Все время топим печи, а от этого голова болит. О тебе многие спрашивают. Сегодня 1 Славик – уже второй раз – кланяется тебе; 2 Дмитрий Евг.<еневич>; 3. Работнова; 4. Надя Розанова и Сергей Иванович Ермолов, который и аккуратно приходит по первым числам и еще, когда вздумается. Доктор тоже просил тебе кланяться.

Я живу «спустя рукава» – даю себе волю ничего не делать и ни о чем особенно не волноваться. 11-го мая иду к профессору Делегинскому в Серебряный пер.<еулок>. Пусть меня осмотрит и полечит, если нужно.

Нюра прыгает по концертам. Сегодня пошла с Никой в Дом Ученых. Вчера была в консерватории тоже с ним.

Сегодня у нас обедал Дм.<итрий> Евг.<еневич>.

Звонила Фатуева и сказала, что Малеевка еще не окончательно от нас ушла: мож.<ет> быть, ее отвоюют для взрослых писателей. Я буду рада, если удастся попасть туда на отдых.

Фатуев говорит, что в августе там будет хорошо и что он тоже там будет в августе. У нас уже начинают зеленеть деверья и травка.

Пиши мне, а я ложусь спать и кончаю поэтому письмо.

Целую тебя. Надя.

6-е мая.

Копию статьи получила и завтра спрошу о ней в ред.<акции> книжных новостей.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 137 — 139. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 7/V-1938».

[762] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 7 мая 1938 г.

7 мая 1938.

Сегодня у меня грустный день: я не получил от тебя, родная, письма. Пиши, пожалуйста, хотя бы короткие письма. Целую тебя. Привет Нюре, Любе и всем.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 68. Почтовая карточка. На карточке адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель отсутствует.

[763] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 7 мая 1938 г.

Милый Георгий, получила твоё письмо с просьбой разрешить тебе писать пьесу. Конечно пиши. Успеешь ещё исполнить заказы. А теперь исполни твоё горячее желание: побалуй себя на свободе.

Как я рада, что ты отдыхаешь и в тепле не мерзнешь и не видишь света настоящего.

Целую тебя дорогой.

Будь здоров и мирен.

Твоя Надя

7 / V 37

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 105. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[764] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 7 мая 1938 г.

7 мая 37

Получила твою прекрасную фотографию, дорогой Георгий. Спасибо!

Если можно, пришли заявление о Малеевке и я отнесу его в Литфонд.

Я получила членский билет в Дом Ученых. Статья твоё в Книжных новостях получена. Куриенко благодарил меня. Справлялась о Пушкине. Гинзбург сказал, что она выйдет в начале июня. Достоевский сейчас на сверке в типографии (а м.<ожет> б.<ыть> в редакции). Знаешь, я стала такой дряхлой, что через минуту все забываю.

Кланяется тебе Работнова. Вчера она была у меня.

Целую тебя. Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 106-106об. Связь с конвертом не установлена. Письмо ошибочно датировано 1937 г.

[765] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 8 мая 1938 г.

8 мая 1938.

Милая Надя!

Осталось мне здесь жить ещё недели три, примерно. Не знаю, что будет дальше, но сегодня такой холод, что я боюсь ночью замерзнуть под двумя одеялами. Ялтинские жители уверяют, что никогда в мае такой погоды не было. И солнце светит – и все-таки холодно. Не понятно.

Я все воюю с романом, «исправляю» его и редактирую, но не могу ничего писать нового. И с пьесой, на которую надеялся, тоже что-то не ладится. Все чего-то ждешь, какой-то перемен в условиях

жизни. Живешь как на бивуаке. Как будто предстоит путешествие. Но поездка домой, в Москву – это не путешествие. Тут что-то другое.

Как наши птицы? Я не одобряю того, что ты Сусанку куда-то отдала для приключений. Я оскорблен за Пиквика.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 69-70. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым, 8/V-1938».

[766] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 9 мая 1938 г.

9 мая 1938.

Милая Надя!

Сегодня я получил твою вторую посылку. Спасибо. И за перчатки спасибо. Но в сопроводительной карточке стоит дата *3 мая*, а сегодня 9-е число. И что было с тобой после 3-го мая – я не знаю. Письмо, которое я получил вчера, тоже было от третьего. Сегодня, 9-го, я мог получить твое письмо от 4, 5, 6 и даже 7-го. Но писем нет. Или ты поленилась писать, или ты больна. Это меня тревожит.

Я, оказывается, совершенно не могу здесь существовать без вестей от тебя. Мне осталось здесь жить три недели, но, если я не буду получить от тебя писем, я вернусь в Москву раньше первого июня. Я не могу без вестей от тебя жить спокойно. Сегодня, например, я впал в такую меланхолию, что все спрашивают, что со мной.

Милая Надя! Если и завтра не получу от тебя письма, пошлю телеграмму. У меня какое-то странное переутомление, и я с трудом трепещу разлуку с тобой. Нам надо быть вместе. Тебе трудно со мной, а мне трудно без тебя.

Я намереваюсь поехать в Гурзуф к дому, где жил Пушкин. На машине здесь езды минут сорок. Посмотрю и на кипарис, будто бы тот самый, под которым он сидел, слушая соловья. И здесь, в нашем парке, свищут соловьи, но пока еще скупо.

На обратном пути заеду, быть может, в Бахчисарай и Георгиевский монастырь, где тоже был Пушкин. В Бахчисарае есть кладбище, где похоронен мой предок – хам Золотого Орды – Обид (потом его имя передали русские на Обида).

Целую тебя, родная. Любящий тебя

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 71 — 72. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым, 9/V-1938».

[767] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 9 мая 1938 г.

9 мая 1938.

Милая Надя!

Не вижу никакой флоры, подходящей для твоего мастерства. Все большое, жесткое, колючее или мясистое и толстое. Сегодня я пишу тебе второе письмо. Третий день от тебя нет писем. Это меня мучает.

Получил письмо от Фатуева. Он жалуется на погоду. Пишет, что Малеевка, вероятно, уцелеет, но я уже начинаю сомневаться, будет ли тебе в ней приятно жить. Не поехать ли нам сразу в Нальчик?

Меня что-то пугает здешней ялтинский стиль. Кстати: большинство товарищей ко мне относятся хорошо, но кое-кому я как бельмо на глазу. Есть тут один стихотворец, который даже не скрывал своей враждебности. И очень неуклюже. Я пока отмалчиваюсь, до поры до времени.

Был тут шахматный турнир. Я занял второе место. Сообщи это в назидание Новикову, если он будет тебе звонить.

Вчера проехал сюда Бродский. Знаешь такой «профессор» написавший толстую биографию Пушкина? Ему, оказывается, покровительствует Лебедев-Полянский.

Я что-то стал нетерпелив. И мне надоело быть вежливым и со всем соглашаться. Надоело.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя неизменно

Георгий.

Посылаю тебе открытку с видом водопада Учан-Су. Туда ездила компания товарищей. И я был там. В натуре он больше и красивее.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 73 — 74. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. *Заказное* письмо. От Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова, Ялта, Дом Литфонда. Почтовый штемпель «Ялта Крым, 8/V-1938».

[768] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 9 мая 1938 г.

Милый Георгий, чего ты беспокоишься, шлешь телеграммы? Я не обещалась писать ежедневно.

Я здорова (перо не пишет). Написала тебе, что билет в Доме Ученых получила. За телефон уплатила за пол сентябрь. Теперь по 15 р.<ублей> в месяц = 45 р.<ублей>.

Тебе кланяется жена Сережа Четверикова, Верочка моя, Евгения Сергеевна Готовцева, которая вчера 8 просидела у меня до часу ночи. Ее дочка так увлеклась Папанинцами, что на вечере в их честь произнесла целую речь в похвалу их подвига и всем им пожала руки. А теперь она едет с матерью в деревни на три месяца охлаждаться от пыла переживаний.

Мы все еще сидим в луже дожди. Ежедневно поливает Москву.

Если тебе можно начать хлопотать о Малеевке, то напиши заявление. Но впрочем ничего, если мы попадем туда и в августе.

Нюра откладывает развод до тебя. Хочет с тобой советоваться. Люба в Москве, меня навещает часто. Я себе не нравлюсь.

Целую тебя, родной. Будь здоров и мирен. Твоя Надя

9 мая 1938

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 143-143об.

[769] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 10 мая 1938 г.

10 мая 1938.

Милая Надя!

Прости мне Христа ради мою телеграмму. Сегодня я получил сразу два твоих письма от 6-го и 7-го числа. Это все проказы почты, а я вдруг стал тревожиться: нет писем! – И сгоряча послал

телеграмму. Боюсь очень, что она пришла вечером и тебя побеспокоила, но я посылая ее утром в надежде, что ты ее получишь до 6-7 часов.

Сегодня я получил также письмо от Машеньки и от Тимофеева. Я Машеньке тоже писал на днях. Наши письма разминулись. Спроси ее по телефону, получила ли она мое письмо. Тимофеев пишет, что книга о Достоевском задержалась из-за бумаги, но меня интересует не то, когда она выйдет, а то, подписана ли она к печати, т.<о> е.<сть> не было ли возражений со стороны политредактора.

Тимофеев, по-видимому, не бывает вовсе в редакции. Он мне пишет, что, если бы случились какие-либо затруднения, его бы известили. Ну, ладно, авось, все уладится.

Наде и всем, кто меня помнит, кланяйся. И сестрам, конечно, привет.

Если Малеевка цела, можно и в Малеевку. Когда я вернусь, надо будет энергично приниматься за Рылеева. Ведь, к сентябрю его необходимо кончить.

Вчера закончил редактирование моего романа и написал новое предисловие, но, может быть, еще вернусь к двум главам и напишу их заново.

Спасибо за разрешение писать пьесу, но, кажется, не смогу им воспользоваться. Старуха Зорге меня ослепляет. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 75 — 76. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым, 11/V-1938».

[770] **Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову**
Москва, 10 мая 1938 г.

Милый Георгий, посылаю тебе повестку из С.<оюза> С.<оветских> П.<исателей>. Что с ней делать? Я здорова, все по-старому. Погода плохая, спина ноет. Целую тебя, дорогой.

Спасибо за письма.

Твоя Надя.

10 мая 1938

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 145-146. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 10/V-1938».

[771] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 11 мая 1938 г.

11 мая 1938.

Милая Надя!

Еще раз спасибо за телеграмму. Иногда есть потребность немедленно узнать, как ты себя чувствуешь. Телеграмма утешает, а письмо получишь и думаешь: так было три дня назад, а сейчас, здорова ли и вообще. Одним словом пойми меня и прости, что я затрудняю тебя всякими просьбами.

Я считаю дни, когда мы увидимся, но все-таки думаю просидеть в Ялте весь мой срок, использовать путевку до конца, т.<о> е.<сть> до 1 июня. Значит в Москве я буду, вероятно, числа 2 или 3. Авось, здесь, в Крыму, будут жаркие дни. Пока здесь погода неприличная для юга. Конечно, в парке Эрлангера, вероятно, лучше, чем в Москве, но у нас в доме уже четыре человека жалуются на температуру, кашель и прочее. Солнце и тень дают эффект очень опасный. Резкий переход от тепла к холоду надоел ужасно. Нет уверенности, что тебя не простудит в тени холодный ветер. А он все время налетает с севера, как будто издеваясь над Крымским полуостровом.

Что до Малеевки, то я на всякий случай посылаю заявление в двух вариантах. Но у меня есть некоторое сомнение, надо ли его подавать сейчас. Дело в том, что Федии, ко мне расположенный, по видимому, если верит Фатуеву, болен. Он себе сломал ноги и лежит в больнице, а некий Оськин, распорядившийся в Литфонде, не имеет обо мне никакого понятия и может, приняв во внимание, что я только что получил даровую двухмесячную путевку, отказать в новой путевки.

Впрочем, реши этот вопрос сама. Один писатель, член правления Литфонда, здесь находящийся, советует заявление все-таки подать теперь же. Риск в самом деле небольшой.

Я живу монотонно. Вожусь с романом, вновь и вновь его провожу в порядок. Кажется, он стал благообразным.

Целую тебя, моя родная. Любящий тебя Георгий.

Странно, что тебе понравилась фото с моей физиономией. Право, она не серафическая. Впрочем, на зеркало неча <так! – К. Р.> пенять, коли рожа крива.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 77 — 79. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[772] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 11 мая 1938 г.

11 мая 1938.

Милая Надя!

Посылаю тебе глицинию. Она теперь у нас в парке повсюду. Магнолия еще не цветет, да и ее нет здесь. Надо ехать за него в Гаспру.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя

Георгий.

Привет Любе, Нюре и всем.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 80-81. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. *Заказное* письмо. От Г.<еоргия> И.<вановича> Чулкова, Ялта, Дом Литфонда. Почтовый штемпель неразборчивый.

[773] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 11 мая 1938 г.

Милый Георгий, что-то ты так огорчился моим молчанием? Больше не буду так делать – буду писать через день аккуратно.

Сейчас вернулась от профессора Делегинского. Ничего нового он мне не сказал. «Частью возрастное, частью нервное». Дал мне самодин. Это от склероза, и еще от нервности какие-то пилюли и велел показаться ему недели через три. Вот и все. Слабость, очевидно, от переутомления всякого, а с сердцем ничего особенного не происходит. Одним словом: «мне не пятнадцать лет».

Я послала тебе телеграмму и Люба тоже послала от своего усердия.

Спасибо тебе за цветочки. Они очень милы. Не найдешь ли травок забавных тоненьких.

У нас холод и дождь. Я очень ленюсь умышленно, т.<о> е.<сть> не понуждаю себя к труду, а исполняю желание плоти – сплю и лежу. Днем тоже. Тебя кланяется Федор Егорыч – птичник-студент и Ника молодой врач. Он сейчас укладывается и уезжает на новую службу в деревню.

Прощай пока, дорогой. Целую тебя. будь здоров. Твоя Надя.

11 мая 38

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 147 — 148. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 11/V-1938».

[774] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 11 мая 1938 г.

Дорогой Георгий, вчера обменивала лечебную карточку в Литфонде. Там встретила И.<вана> А.<лексеевича> Новикова, который получил 2 путевки в Кисловодск. В Литфонде барышня спросила, как ты себя чувствуешь в Крыму. Сегодня я иду в Серебряный переулочек к профессору Делегинскому. Хочу показаться ему как следует. Маруся сестра моя завет меня в Калугу на лето. Тебе она шлет привет и также Надя Верещагина, кот.<орая> уже в Ленинграде. Татьяна Григорьевна как-то по телефону со мной говорила. Сказала, что Цявловский будет читать доклад на тему Слово о полку Игореве Пушкина. Говорила, что И.<ван> А.<лексеевич> Новиков неудачно выступил с таким же докладом. У нас все постарому. Птицы *не* плодятся. Я этим *не* огорчаюсь. Хочется избавиться и от остальных. Пиквику взяла новую самку – внучку его чужой матери. Гейша все еще больна. Нюра нюрит. У нас Ника. Он сегодня уезжает на место службы в деревню между Вологдой и Ярославлем. Сегодня после доктора пишу тебе.

Целую. Будь здоров. Твоя Надя

11 мая 38 г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 149 — 150. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 11/V-1938».

[775] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 12 мая 1938 г.

12 мая 1938.

Милая Надя!

Сегодня такая неприятная серая северная осенняя погода, что нет даже возможностей сидеть в парке. Я воспользовался этим и целый день просидел над моим романом. Это уже третий раз я перечитывал и исправляю его от первой строки до последней. Сегодня я за него написал несколько страниц. Кажется, теперь можно поставить точку.

А пьесу я так и не написал, хотя она мне очень казалась заманчивой.

Когда вернусь в Москву, примусь за Рылеева. На него нужно два-три месяца не менее. Первого сентября срок для него, а первого октября срок для романа, но роман в сущности готов. Все зависит от того, какие требования поставить редактор. С Леонидом Ивановичем я надеюсь наладить, но будет ли он моим редактором – это вопрос. Здесь живет один из заведующих госиздат'ом. Мы, кажется, с ним вместе будем возвращаться в Москву – на машине и в поезде. Он уверяет, что мне должны оставить Тимофеева. Я, кажется, писал тебе об этом. Но – знаешь – что у кого болит, тот о том и говорит. А у стариков к тому же плохая память, и потому извини меня за повторение.

Вчера опять не было твоего письма. Я буду терпеть три-четыре дня, но на пятый день, как хочешь, буду тревожить тебя телеграммой. По телефону говорить нет никакой возможности при моем неумении быстро передвигаться и подниматься на гору и на лестницу.

Милая Надя! Ты себе представить, вероятно, можешь, как мне трудно и дико жить с людьми, иногда вовсе не плохими, но какими-то иностранцами, которые буквально *забыли* азбуку, то есть то, из чего складывается *Слово*. И для них совершенная непонятность: «И слово плоть бысть».

Один из товарищей, который вел себя довольно вызывающе по отношению меня, вдруг неожиданно смирился и даже как будто заискивает почему-то. Я не мечу бисера, но и не очень

отмалчиваюсь. Моя совесть в отношении нашей общественности так чиста, что я позволяю себе не скрывать моих идей. Со мной мудрецы двух тысячелетий. Не правда ли?

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 82 — 84. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым 8/V-1938».

[776] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову
Москва, 12 мая 1938 г.

Вчера послала тебе письмо, милый Георгий. Я здорова. Новостей нет. Не волнуйся зря. Если заболелю напишу тотчас же и всю правду.

Целую тебя Надя.

12 мая 38 г.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 151-152. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 12/V-1938».

[777] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой
Ялта, 13 мая 1938 г.

13 мая 1938.

Милая Надя!

Сейчас получил два твоих письма от 9 и 10 числа. Спасибо.

Относительно взносов членских в Союз Писателей могу сказать следующее: тебе самой едва ли надо ехать для этого в Союз. Попроси кого-нибудь... А впрочем, я сейчас сообразил, что нужно, ведь, отметить эти взносы в членской книжке, а книжка у меня, и ее пересылать не стоит – может пропасть.

Позвони в секретариат Союза – К. 3.36.32 и скажи, что я в доме отдыха Литфонда и вернусь в первых числах июня. Подождут, небось.

Из Союза за это не исключат.

Прости еще раз за то, что я потревожил тебя телеграммой. Это моя мнительность. Для нее достаточно оснований психологических. С нетерпением жду тех дней, когда я буду опять дома.

Ты писала в последнем письме, что у тебя ноет спина. И у меня тотчас же заныло сердце. На днях я тоже как будто занемог. У меня начались боли в лопатке, как будто люмбаго попало не туда, куда следует. Я поставил горчичник. Но, по-видимому, это был нервно-мускульная боль: «ни охнуть, ни вздохнуть»... Сегодня боль почти совсем прошла, а то на правом боку было очень трудно лежать, а на левом я не могу из-за сердца. Крым в отношении погоды оказалась на этот раз предательским. А в доме у нас дикие сквозняки, с каким я тщетно стараюсь бороться.

Вообще я хочу домой. Но все еще хочется надеяться, что в эти последние две недели будут настоящие южные дни. Климат как будто переключается с событиями на востоке и западе, нарушая все обычные нормы и меняя свойственные ему качества.

Кланяйся всем и родным, и знакомым, и душевно близким.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 85 — 87. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым 14/V-1938».

[778] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 13 мая 1938 г.

Милый Георгий, жду от тебя описание поездки в Гурзуф и Бахчисарай и Георг.<евский> монастырь. Прекрасно, наверно, обозреть такие красоты. Невольно повторишь изречение нашего Михаила Васильевна. Правда? А мы тут созерцаем воздвигаемые небоскребы и бегаем по городу, задевая на каждом шагу встречающих граждан.

Ты спрашиваешь меня о 5-й симфонии Шостаковича. К сожалению, я не дослушала ее до конца и даже середины не слышала. Пришла Люба, и я должна была выключить радио, так как Люба не выносит его. То, что успела услышать, мне понравилось. Сильно и приятно. Перед этим читала в объяснении и упомянула об отзыве Алексея Николаевича о симфонии. Он сказал, «это становление личности». Ему и книги в руки.

О Пиквике не горюй. Я посадила к нему зеленую самку. И сыну его тоже нашла невесту и они уже понравились друг другу. Эта чета пойдет Серг.<ею> Алексеевичу, если он захочет взять.

Я тебе писала, что в Серебряном пер.<еулке> мне доктор дал лекарств от склероза самодин и от нервов и сердца. Облатки: камфора, глицерофосфат и люминал. Через три недели надо ему показаться снова.

О разводе Нюра пока не хлопочет: боится напоминать о себе.

К службе ей назначили 150 р.<ублей> за ее сверхурочную работу.

Я выкупила облигации и дала Нюре принадлежащие ей, после 17 мая я их опять заложу. Ты не пишешь, впору ли тебе брюки. Это мне хотелось бы знать. Я что-то заленилась.

Ходить за покупками нет охоты. Когда приедешь тогда купим тебе хорошие брюки.

Новиков так и не был у меня. Его жену я встретила на улице и мы поговорили о трудностях хозяйства без работницы.

Целую тебя, родной. Не грусти. Это не в твоём стиле. И пиши мне также часто. Твоя Надя

13 мая 38.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 153 — 155. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штампель: «Москва, 13/V-1938».

[779] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 14 мая 1938 г.

14 мая 1938.

Милая Надя!

Спасибо тебе за все – за все твои заботы обо мне, а – главное – за то, что ты еси ты, а это уже само по себе для меня сокровище. Ты пишешь: «Я себе не нравлюсь». Конечно, в порядке духовного опыта, для всех нас обязательного, естественно это собой недовольство, но ради Христа не забывай и того, что псалмопевец напоминает нам: «ви – боги». Значит, мы можем быть во-истину прекрасными. Но есть еще и объективная истина. О ней позволь мне судить. Нет, ты – красавица. В этом никто не смеет сомневаться, у кого есть голова на плечах и живое сердце. Это не мой субъективизм, а сама реальная правда. Машенька Кристенсен пишет, что, повидав тебя, она уходит всегда обновленная. И она вовсе не единственная. Но, конечно, для этого нужно иметь голову и сердце, а бессердечные и безголовые ничего не поймут в твоей красоте.

Как странно и, пожалуй, забавно, что Аленушка так увлекалась преходящими делами. Но и эта наивность трогательна. Евгении Сергеевне передай мой привет и вообще не забывай всех приветствовать от моего имени ласковыми словами. Я хочу подрожать нашему Володе.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

P.S. Заявление в Литфонд и Малеевке я послал. Получила ты его? Можно было бы послать его по почте непосредственно в Литфонд, но я хочу, чтобы ты сама решила, когда и куда ехать. Самой тебе нет надобности являться в Литфонд: ты можешь послать мое заявление заказным письмом: Тверской бульвар 25, Литфонд.

Сегодня погода плохая, очень плохая. Я чувствую себя кисло – физически, а морально стараюсь не унывать.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 88 — 89. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым 15/V-1938».

[780] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 15 мая 1938 г.

15 мая 1938.

Милая Надя!

Сегодня получил сразу три твоих письма и одно от Любы. Значит, профессор ничего нового не сказал. Хорошо, что сердце он нашел сравнительно благополучным. Но боли в спине побороть, очевидно, трудно. Если они похожи у тебя на ту боль, какая у меня была в лопатке дня три назад, они очень мучительны. Могу посочувствовать. У нас тут были два скверных дождливых дня, и я, по видимому, простудился. Боли в лопатке прошли. Но поднялась температура. Я посоветовал доктору лечить меня хиной, так как предполагаю малярию. Но, конечно, определить, малярийная это температура или легочная совершенно невозможно. Попробуй три дня принимать хину. Сегодня есть солнце, но ветерок все еще прохладный. А мне осталось здесь быть всего только две недели. Не знаю, дождусь ли я настоящих теплых дней. Третьего дня вечером температура была – 37,9. Это максимально. Вчера вечером после хины – 37,4. Может быть, смогу ее понизить сегодня до нормы.

Это все наделала мерзкая погода. Я даже сразу похудел от досады на Крым.

Завтра закажу билеты на 31 числа. Значит, попаду в Москву 2 июня, е.<сли> б.<уду> ж.<ив>.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Скажи Любе спасибо за письмо. Писать ей не в силах. Привет Нюре.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 90 — 91. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[781] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 15 мая 1938 г.

Дорогой Георгий, пишу, чтобы показать, что я здорова. Сегодня прекрасный теплый день. У меня первый день работает девушка 30-ти лет. Ничего себе. Умеет готовить и нежная по словам ее бывших хозяев.

Мне кажется, что я теперь, испытав трудность существования без помощница, буду терпеливее.

Целую тебя, родной.

Тебе кланяется Глеб Сергеевич, Вера Голубкина и Лиза наша.

Твоя Надя

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 156 — 157. На конверте адрес: Крым. Ялта. Ул.<ица> Кирова, 9. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 15/V-1938».

[782] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 16 мая 1938 г.

16 мая 1938.

Милая Надя!

Напрасно я поспешил сообщить тебе о моих недугах. Сегодня, наконец, настоящий южный день. И температура моя снизилась до 37. Может быть, помогло солнце, может быть, хина.

Я сегодня ходил в интурист заказывать машину в Севастополь. Скоро увидимся, е.<сли> б.<уду> ж.<ив>. Не буду теперь писать тебе ежедневно и тебя освобождаю от этого. Но раз в три дня ты должна давать о себе весть. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре, Любе, Лизе, Михаилу и всем добрым людям.
Попаду в Москву, вероятно, 3 июня.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 92-92об. Почтовая карточка. На карточке адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым 16/V-1938», «Москва 18/V-1938».

[783] **Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой**
Ялта, 16 мая 1938 г.

16 мая 1938.

Милая Надя!

Сейчас получил письмо твое, милое письмо, поцарапанное твоей родной мне ручкой. Спасибо. Сегодня утром я послал открытку с извещением, что температура моя снизилась. Так это и было, но я сделал глупость – пошел в Ялту сам на почту и оттуда пешком до Морского вокзала, чтобы взять такси и ехать на гору, домой. Долго дождался такси на солнце, устал и температура опять поднялась до 37,4. Поэтому я отказался ехать в Бахчисарай и Георгиевский монастырь. Все едут завтра туда через Ай-Петри. В Гурзуф, может быть, рискну поехать, если будет нормальная температура, – это проще. И туда ходит автобус через каждые 20 минут. Очевидно, путешествия сложнее мне уже не по возрасту. Для орешков у белки зубов нет. За наряды, купленные тобой мне, я тебя уже благодарил и еще раз благодарю. Они мне впору как раз. И лучших мне не надо.

Я уже готовлюсь к отъезду в Москву. Вероятно, я выеду из Ялты 31-го. Надо использовать все-таки Крымский воздух максимально, хотя я соскучился по дому. Здесь я стараюсь, пока солнце светит, все время быть в парке на воздухе. Мне кажется, что бронхи как-то очищаются этим кислородом, не загрязненным городской копотью и пылью. Но меня мучает совесть, что я не сумел устроить так, чтобы и ты дышала югом, но сюда в дом Литфонда тебе не имело смысла ехать. Это все очевиднее делается по мере того, как «начинается сезон» и съезжаются «гражданочки» в штанах и без штанов и меняют наряды с заботливостью, свойственной людям «мира сего», у коих должны учиться практике жизненной люди иного типа. В Малеевке было как-то иначе и симпатичнее. Купила ли ты себе пальто? Ты пишешь, что Нюре дали 150 рублей. Это что одновременно? Или ежемесячно?

Сейчас прерву писание письма и померяю температуру... Держал пятнадцать минут: температура ниже 37. Сейчас 8 часов вечера. Значит, есть надежда, что эта температурная тревога не будет долгой. Три дня ем хину. Сегодня вечером в последний раз съем таблетку и сделаю перерыв на четыре дня, а может быть и совсем не буду больше глотать эту дрянь.

Целую тебя, родная. Ты все-таки принимай назначенные тебе лекарства. «Бывает, что и врачи помогают с Божьей помощью»... Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 93 — 95. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым 16/V-1938».

[784] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 16 мая 1938 г.

Милый Георгий, представь, я сейчас была на лекции Цявловского в доме Ученых о Пушкине и Слово о полку Игореве. Прочтена только первая часть – продолжение будет 18-го и в помещении Литер.<атурного> музея. Не знаю, пойду ли я туда.

Я сидела рядом с Новиковыми и по другую сторону с Масальским и Павлом Сергеевичем.

Тебе все кланяются и еще Виноград.<ов> с женой – *очень, оба*.

Цявловский горячился и под конец ругался, намекая на кого-то. Я боялась, что это на Ив.<ана> Ал.<ексеевича> и «мне было неприлично».

Я пошла на лекцию потому, что

1 получила повестку

2 люблю горячую любовь Цявл.<овского> к Пушкину

3 хотелось узнать о том, что говорил Пушкин о «Слове»

4 хотелось самой послушать о «Слове»

5 хотелось тебе написать о лекции Цявловского.

Предложила Нюре пойти со мной – она отказалась, и пошла с Никой куда-то слушать музыку. Я пошла одна. Выдела много знакомых. Цявловский прислал мне два билета на лекцию.

Материал, подаренный Цявловским, очень интересный – это воспоминания современников Пушкина о его высказываниях о «Слове». Милый Пушкин!

Прощай! Ложусь спать.

Целую Надя

16 мая 38

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, 158 — 159. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 17/V-1938».

[785] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 17 мая 1938 г.

Милый Георгий!

Дурной примет заразителен. Я скрыла от тебя в прошлом году, что сломала руку, а ты от меня теперь скрываешь, что болен. Это нехорошо. У меня была причина не говорить тебе всего, что случилось, так ты поехал поправляться, а я то, ведь, дома и не больна, и вообще мало волнуюсь, слишком мало. А теперь вот я огорчилась. 13-го или 14, не помню, я видела тебя во сне тяжело больным и это было страшно. Может быть в эти дни ты и был болен. Удивительно!

От Марии Федоровны получила записку. Она хочет поступить на службу в больницу кастеляншей. Но боится, что это кляузная должность. Евгения Александровна попала в психиатрическую больницу. Она была у меня 13-го, а 16-го сказали из больницы сыну по телефону, что она в больнице.

Сегодня у меня была Верочка. Завтра преполовение. Есть хорошие стихи в твоей книжке на этот день.

Сегодня я с Любой была на кладбище. Украшала могилку Володи и Славика. Была жара и мы очень хорошо прогревались на солнце. Я даже размялась. Там встретили Кислякову у могила ее мужа. Она очень изменилась, похудела и почернела.

В Литфонд я пошлю заявление по почте. Не хочется ехать самой. А Новиковы зовут тебя и меня ехать в Воронежскую губернию, где мы жили в прошлом году (имение какого-то писателя?). На июнь они едут в Кисловодск.

Сейчас будет хорошо в Москве. Зелень распустилась, тепло. У нас озеленяют двор. Капают, сеют, загораживают. Гейша выздоравливает, летает по комнате и пищит по громче, чем прежде. Была птицевод-студент – всех птиц пересмотрел и назначил кому что давать есть.

Нюра слушает музыку часто. Ника опять приехал на пять дней, а потом поедет служить в деревню.

Все наши тебе кланяются.

Целую тебя. Будь здоров, дорогой. Твоя Надя.

17 мая 38

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 160 — 162. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 18/V-1938».

[786] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 18 мая 1938 г.

18 мая 1938.

Милая Надя!

Получил твое письмо от 15 мая. Очень рад, что у тебя есть домработница. Дай Бог, чтобы она наладила с тобой. Ты так измучилась!

Я жалею, что писал тебе о моей температуре. Она в самом деле стала пошаливать после двух дождливых и мрачных дней. Но вчера и сегодня входит в норму. Вот сейчас померил и думал, что немного повышена после еды, но нет – все-таки нормальная 36,6.

Я приеду не 3-го, как писал, а, вероятно, раньше, е.<сли> б.<уду> ж.<ив>, потому что мой срок здесь кончился 30-го. В Бахчисарай я не поеду. Одному ехать дорого, а спутников сейчас не найти. В Гурзуф – может быть. Стараюсь использовать хорошие дни. Все время жадно дышу воздухом – он «лавром и лимоном» пахнет. Лимон это уже поэтическая вольность. Но и без лимона здесь благополучно.

А я опять возвращаюсь к роману и всячески его совершенствую. Нового ничего не написал.

Целую тебя, родная. Береги себя и обо мне помни. Любящий тебя

Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 96 — 97. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым 18/V-1938».

[787] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 19 мая 1938 г.

19 мая 1938.

Милая Надя!

Скоро приеду в Москву. Не жди больше от меня писем. После разных колебаний я все-таки решил в эти последние дни кое-что написать. Буду работать в парке – за столом. Устроился. И пишу, и дышу, слава Провидение.

Целую тебя, родная. Приветствуй Ньюру, Любу, Михаилу, Лизу и всех добрых людей. Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 98-98об. Почтовая карточка. На карточке адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Москва 21/V-1938».

[788] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 19 мая 1938 г.

19 мая 1938.

Милая Надя!

Очень рад, что ты была на лекции Цявловского о Пушкине и «Слове о полку Игореве». И хорошо сделаешь, если пойдешь на вторую часть доклада 18-го числа.

А меня с этим «Словом» подвел Гудзий. Он меня уверял, что будто бы Новиков заключительную фразу Слова «Князем слава а дружине. Аминь» перевел, не считаясь с ошибкой переписчика, установленной критиками-комментаторами, и не знал того, что в древности употребляется «а» вместо «и». Новиков будто бы перевел: «Князю слава, а дружине во-истину». Я писал об этом Цявловскому и острел, что Новиков подарил князю существенное, а дружине наречье. Но здесь в Ялте получен перевод Новикова не в той редакции, которую приписал ему Гудзий, а именно: «Князю слава, а дружине во-истину слава». Это, конечно, вздорный домысел, но нет грамматической чепухи, которую навязал Гудзий Ивану Алексеевичу. При случае можешь показать это письмо Цявловскому, а то я разыграл из себя по милости Гудзия бестолкового человека. Но каков Иван Алексеевич! Хотел, должно быть, щегольнуть демократизмом и сделал из автора «Слова» какого-то хулигана, который будто бы сам заявлял, что славит князя фальшиво, а только дружину по-настоящему. Забавно. А слово «аминь», между прочим, явная обычная приписка писца, и автор в ней неповинен.

Температура моя снизилась до нормы. Погода сейчас стоит хорошая, а в это все дело. Только бы ты была здорова.

К сожалению, я не успею съездить в ботанический сад или – вернее – не смогу, но и там все растения какие-то крупные и буквально нет ничего подходящего для твоих работ. Простенькие цветы и травы средней полосы России для твоих целей в тысячу раз удобнее, чем вся эта пышная экзотика с листьями в метр длиной. Наберем цветов и трав в Малеевке.

Твое письмо с описанием о посещении доклада Цявловского мило и занятно. В перечислении мотивом, по коим ты решилась на этот подвиг, есть такая улыбка, что я умилялся, представляя себе, как ты там в доме Ученых заседала. А твоё восклицание «милый Пушкин» так трогательно, что я очень жалел, что не могу стать на колени и целовать твой руки.

Пиши мне. Ты еще успеешь, получав мое письмо числа 23-го, написать мне два-три письма. Не поленись. Два-то письма, посланные тобой 23 и 24, во всяком случае меня застанут еще в Ялте.

У меня что-то не ладится с отъездом. Нет спутников. Это удорожает транспорт от Ялты до Севастополя, а я стараюсь экономить. И в Бахчисарай я не поеду отчасти потому, что эта поездка стоит рублей пятьдесят.

Целую тебя, родная. Любящий тебя
Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 99 — 101. На конверте адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[789] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 20 мая 1938 г.

20 мая 1938.

Милая Надя!

Я жалею не о том, что я медлил писать тебе о моем недуге, но о том, что напрасно побеспокоил тебя своей жалобой.

Сейчас у меня температура нормальная, и я надеюсь на ее прочность.

А вот ты уже доказала раз свою хитрую скрытность, и я все опасаясь, нет ли чего-нибудь неблагополучного у тебя. И еще одна мелочь. Ты, кажется, скрываешь от меня судьбу Сусанна. Цела ли она? Почему ты пишешь о Пиквике и Гейше и ничего о Сусанне? Тут что-то неладно.

У нас в доме Литфонда неприятности. Директор уволил ту самую сестру-хозяйку, которую мы, писатели, потребовали восстановить в правах. Товарищи очень недовольны столом и режимом, отсутствием, например, освещения, транспорта и других удобств, которыми в прошлом году все пользовались.

Я неприхотлив и не очень от этого страдаю, но сестру-хозяйку жалко: она была внимательна ко всем и ко мне также. И особенно была внимательна в прошлом году, когда я заболел.

Не знаю, чем кончится история с ее увольнением. Тут какое-то скверное недоразумение. Ну, мне недолго осталось здесь жить. Все равно.

Погода хорошая сейчас, но – представь себе – в тени все еще холодно. И это юг! Непонятно! Обыкновенно в мае розы цветут. Один сорт их более грубый в самом деле цветет, но настоящих благоуханных роз нет.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Какое странное совпадение – моя болезнь и твой страшный сон. Чуткое у тебя сердце.

Сообщение твое о Евгении Александровне принял к сведению. Печальна ее судьба. Печально и то, что Мария Федоровна ищет место столь ей неподходящее. Должно быть, туго ей приходится. Жаль, что мы не можем помочь ей как следует.

В Воронежскую губернию уехать нехудо. А что если в самом деле туда направить свои стопы? Я не прочь, если Малеевка ускользнула от нас. И я боюсь, по правде сказать, что тебе и Малеевка не понравится, т.<о> е.<сть> не она сама, а ее быт. Неизвестно, какое будет состав «отдыхающих». А у нас здесь каждый вечер патефон и танцы. В прошлом году не было такого «веселья». Хорошо еще, что в 12 часов все кончается и до меня, в мою комнату, не долетает шарканье ног и визги писательских дам.

А Нюра пусть ходит слушать музыку. Ты ей в этом даже содействуй.

Dixi.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 102 — 104. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Севастополь, 21/V-1938».

[790] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 22 мая 1938 г.

22 мая 1938.

Милая Надя!

Я пишу из Гурзуфа, куда я приехал на автобусе, чтобы посмотреть дом, где жил Пушкин в 1820 году. Там ремонт и «музей» закрыт, но я обошел весь дом и вне его и внутри, угадывая те углы и комнаты, где встречался Пушкин с Марией Раевской. И кипарисы, вероятно, те самые, что и сто лет назад. Целую тебя, родная. Любящий тебя Георгий.

Привет Нюре, Любе и всем чадам и домочадцам. Назад в Ялту поеду на катере.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 105-105об. Почтовая карточка. На карточке адрес: Москва. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Москва 22/V-1938».

[791] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 23 мая 1938 г.

23 мая 1938.

Милая Надя!

Вчера я послал тебе открытку из Гурзуфа. Это моя последняя поездка из Ялты. Больше ездить не буду. Пора в Москву.

А в Гурзуф я хорошо съездил. Особенно приятно, что я был один, без спутников. Я долго сидел в этом Пушкинском уголке, на скамье, быть может, под тем самым кипарисом, который, по его словам, был с ним связан особым дружеством. Я написал маленькую статью о судьбе этого дома, принадлежавшего когда-то Ришелье, и послал эту статью в Литературную газету по предложению одного из редакторов, который живет сейчас здесь, в доме Литфонда. Не знаю, напечатают ли. Впрочем, эта статейка неважная. Я ее написал для знакомства и связи с редакцией.

Обратно я ехал морем в катере. Иных укачало. Но я чувствовал себя хорошо. Обедал я в Гурзуф в столовой для рабочих и лучше обедал, чем в доме Литфонда.

Я все еще ленюсь. Но первый акт задуманной пьесы я все-таки написал. После Рылеева, быть может, займусь этой пьесой.

Утренним и вечерним размышлениям предаюсь ежедневно в меру моих почтительных сил. Думаю о тебе всегда. Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Больше писем писать не буду: скоро увидимся.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 106 —107. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель «Ялта Крым, 24/V-1938».

[792] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 23 мая 1938 г.

23-е мая 38

Милый Георгий, вот и кончается твое пребывание в Ялте. Начинаю поджидать тебя. Жду тебя 2-го. Я здорова. Птицы тоже.

Новостей нет никаких. Служанка моя улетела, и я опять одна. Ну, что же делать теперь.

Это вещь обычная. Погода опять плохая, наступили холода сильные. Хочется печку истопить. Может быть, и у вас теперь опять ухудшилась погода. На лекцию Цявловского – вторая часть – я не пошла. Устала и не хотелось. Вчера была у меня жена Верховского. Зашла с вечера, посвященного Слову о Полку Игореве. Это было в помещении Клуба писателей. Заседание ученого общества какого-то.

Там читали Шкловского, Гудзий, Бонди и Новикова. Сегодня я была в Литфонде где брала себе направление к профессору Делегинскому на 1-е июня. Там мне сказали, что Малеевка больше не существует. И я взяла свое заявление, поданное мной с неделю назад и переделала слово «Малеевка» на слово «Переделкино», где есть тоже дом отдыха для писателей.

Это я узнала от Фатуевой, которая как-то заходила к нам и сказала, что в Переделкине устроен дом отдыха, но маленький. Это очень милое местечко и близко от Москвы. Туда я иногда ездила по воскресеньям с Марусей, Лидой или Добровой. Верховские едут в Воронежскую губернию, где бывали Новиковы. Новикова меня зовет туда, т.<о> е.<сть> тебя и меня, но не знаю, что там еще будет. Приедешь, тогда все обсудим и решим.

Мне хочется на природу и с тобой вместе.

До свидания, дорогой мой.

Целую. Будь здоров.

Твоя Надя.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 163 — 165. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 24/V-1938».

[793] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 24 мая 1938 г.

Милый Георгий, еще раз здравствуй!

Я здорова. Сусанна жива. Нюра купила себе хорошенькую шляпку. Я перешла чесучовый костюм. Жду тебя, чтобы вместе идти гулять.

Тебе кланяются Лидочка, Машенька, моя Верочка и наши все домашние и <1нрзбр.> Сергей Иванович.

Целую тебя, дорогой.

Твоя Надя.

24/V 38

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 166-167. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 25/V-1938».

[794] Г. И. Чулков – Н. Г. Чулковой

Ялта, 25 мая 1938 г.

25 мая 1938.

Милая Надя!

Спасибо за письмо от 23 числа. Итак Малеевка ускользнула от нас! Переделкино, кажется, тоже усадьба неплохая. Кстати, ты не написала в заявлении это словечко с буквой ь? Берегись. Это скандал. Эта буква компрометирует человека, а тем более писателя. В Переделкине директором назначен знакомый мне по Ялте директор – Хохлов, который недавно просидел в тюрьме восемь месяцев, но теперь реабилитирован и восстановлен в своих правах. Он приглашал меня в Переделкино.

Недолго мне осталось дышать югом. Пора домой. Билета я до сих пор не получил и даже начинаю беспокоиться. Вообще здесь нет порядка.

Читаю сейчас перевод «Слова о полку Игореве», сделанный И.<ваном> А.<лексеевичем> Новиковым. Перевод, на мой взгляд, ослабляет подлинник. Я тут написал два стихотворения.

И.<ван> Н.<икифорович> Розанов просил для его альбома припомнить какие-нибудь мои старые стихи, но я припомнить не смог и предпочел написать новые – «Поэзия» и «Молодому поэту» (или «Веселому Поэту»). Последнее стихотворение написано после чтения стихов Николая Асеева, который живет здесь, обедает за одним со мной столом, играет со мной в шахматы и ведет дискуссию о смысле бытия. Стихов еще никому не читал. Жаль, что не могу проверить их ценность твоим вкусом.

Обстоятельства так сложились, что я поеду отсюда один, без спутников, и это удорожит мое путешествие на 75 рублей, что весьма ощутимо для моего кармана.

Надо поскорее домой. До <1нрзбр.> во всяком случае я успею вернуться.

Целую тебя, родная.

Любящий тебя Георгий.

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 484, л. 108 — 109. На конверте адрес: *Москва*. Смоленский бульвар, д.<ом> 8, кв.<артира> 2. Надежде Григорьевне Чулковой. Почтовый штемпель неразборчивый.

[795] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 25 мая 1938 г.

Милый Георгий

Сегодня я встретила на улице Алек.<сей> Петр.<ович> Сергеенко. Он был очень ласков со мной и обещал быть у нас, когда ты приедешь. Он был болен и кроме того наше письмо попало к нему с большим опозданием. Тебе он шлет привет.

У нас все тебя ждут. Полы натерты и шторы будут повешены чистые.

Целую тебя. Надя

Тебе кланяется Анна Ив.<ановна> Венгерова.

25/V 38

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 168. Связь с конвертом не установлена.

[796] Н. Г. Чулкова – Г. И. Чулкову

Москва, 27 мая 1938 г.

Милый Георгий, <1нрзбр> послать тебе еще одно письмо. Я здорова. Нюре прибавили 150 р.<ублей> ежемесячно на <1нрзбр> за сверхурочную работу. Ей еще дали бесплатную курсовку в Одессу.

Люба меня навещает. Ждем тебя всем домом вплоть до Пиквика и кота.

Целую Надя

27/V 38

Печатается по: РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 401, л. 169-170. На конверте адрес: Крым. Ялта. Дом Литфонда. Георгию Ивановичу Чулкову. Почтовый штемпель: «Москва, 27/V-1938».

¹ В единице хранения 401 большинство конвертов расположено в конце единица (микрофильма), что затрудняло хронологическое соотношение с соответствующими письмами Надежды Григорьевны. Общее количество – 20. (лл. 122, 125, 140, 141, 142, 186 — 199об).

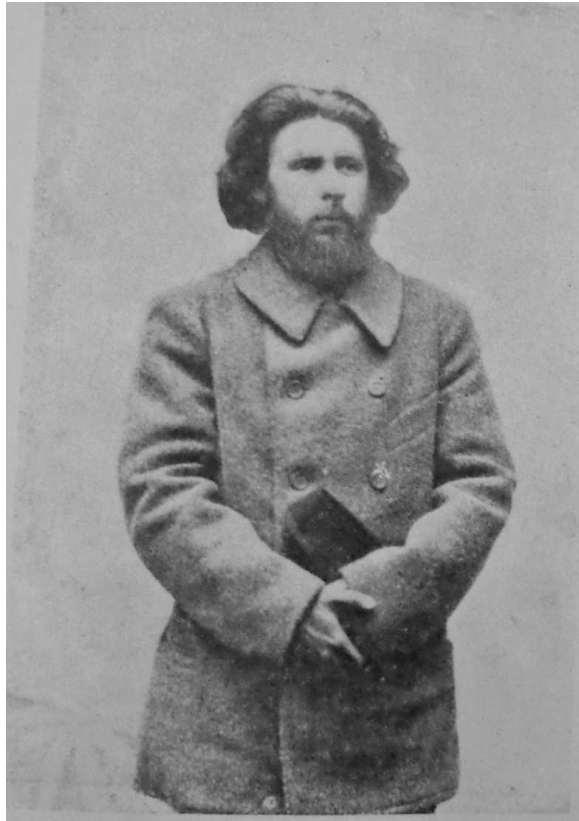
Иллюстрации

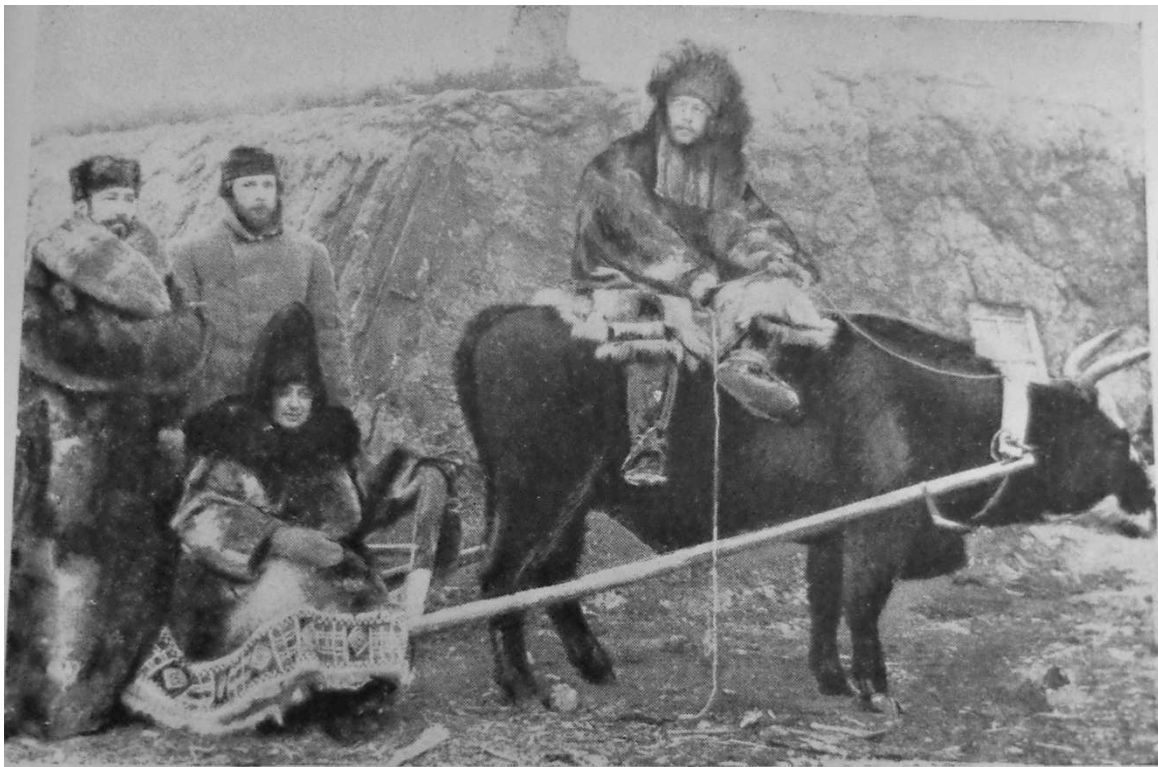
1. Московская 6-ая Замоскворецкая гимназия

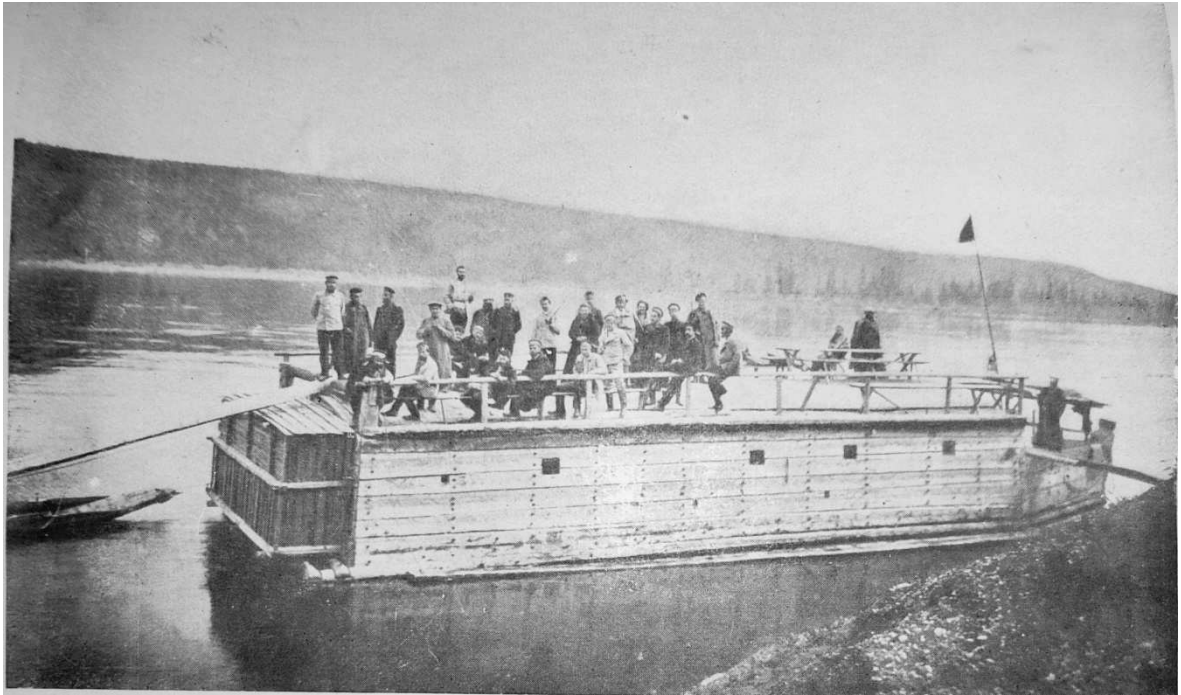
2. Московская 1-ая Пречистенская гимназия

3. Г. И. Чулков в 1902 г. в Якутской области

4. Политические ссыльные. В. Е. Попов, Г. И. Чулков, Н. Г. Чулкова, В. И. Лисев

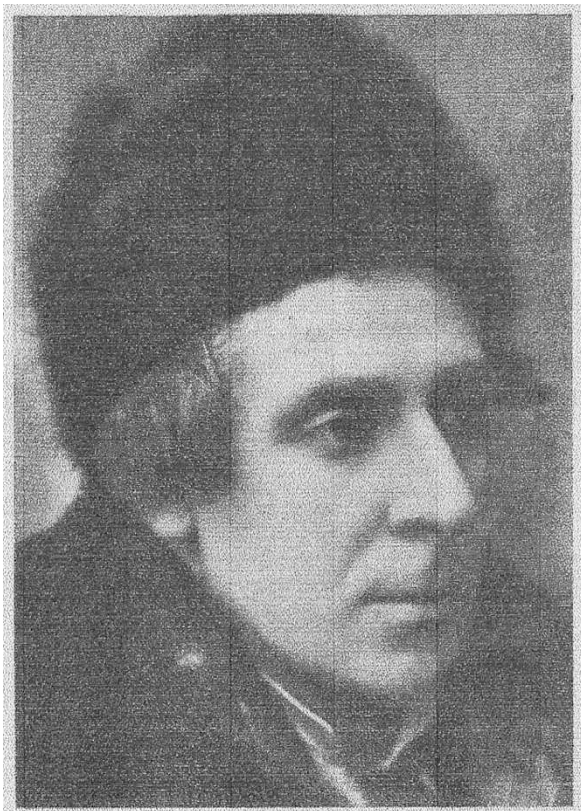
5. Паузок на Лене с политическими ссыльными в 1902 г.

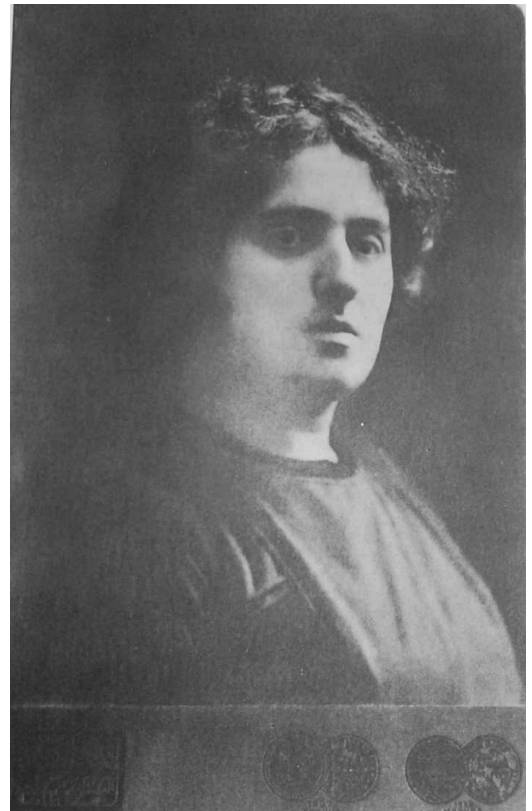
6. Бунт в Александровской тюрьме. Ф. Э. Дзержинский у красной знамени

7. Группа политических у баррикад

8. Портрет Г. И. Чулкова

9. Портрет Н. Г. Чулковой

10. Г. Чулков, А. Блок, Ф. Сологуб – 1908 год.
Ателье Ивана Спиридоновича Здобнова.

11. Г. Чулков, К. Эрберг, А. Блок, Ф. Сологуб – 1908 год

НА ТОТ БЕРЕГЪ.

МИНАЮЩАЯ.

I.

Тепло. Ветеръ дуетъ деревня въ паркѣ, и вѣтви здешнихъ по крышамъ. Дорожки все мокрая, потому что днемъ шелъ дождь.

Катерина Ивановна, дочь управляющаго, идетъ по дорожке; и ей неприятно, что вѣтви вѣютъ въ морю галки; она встаетъ въ такой платокъ и дрожитъ отъ осенней непогоды. Катерина Ивановна думаетъ о томъ, что сейчасъ ничего не видно, а завтра по дорожкамъ будутъ лежать кучи пожелтѣвшихъ листьевъ. Эти листья будутъ шуршать ною ногами и шопанить о томъ, что уже лето прошло и наступила осень; вечера будутъ все холоднѣе и холоднѣе. Черезъ недѣлю разлѣдутся дачники. Наступитъ зима. Останется только ихъ семья, начальники станціи Лука Лукичъ и еше контролеръ Гудаловъ. И пойдутъ опозоренные скучные вечера. Кругомъ все замечетъ сѣномъ. Дворникъ Прокофій будетъ прошивать дорожку только на станцію, да на спальный дворъ. Все вокругъ станетъ тихо... Ворона будутъ каркать, и ихъ гнѣзда будутъ весело торчать на голыхъ березкахъ. Днемъ придется шить и шить безъ конна, а вечеромъ шить Луку Лукичъ и Гудаловъ; они станутъ прятать съ отноше- нью пререканья и будутъ повторять каждый вечеръ пошлые остроуи и лѣтнюю расказывать старье, никому неужиме анекдоты.

Такъ пройдетъ вся жизнь... На террасѣ у Петровыхъ торчала зима. Пилъ чай. Сегодня въ нѣмъ пришла изъ Петербурга гости. Было, что тамъ уютно и весело. И это было приятно Катеринѣ Ивановнѣ.

Прошелъ садовникъ Никита въ большіе сапогахъ; онъ притворился, что не узналъ Катерину Ивановну, потому что была сердата на ее отца, который вчера выдѣлъ у него изъ жалованья семь гривенъ.

Лука проликатный вѣтеръ. На душѣ становится сардонично; хотѣлось кому-нибудь пожаловаться на что-то...

Катерина Ивановна дошла до казенки. Тамъ ее ждалъ Труновъ. На немъ была выдѣть резиновый плащъ.

— Здравствуйте, — сказала Катерина Ивановна, протягивая ему руку: — здравствуйте. Вы очень странный въ этомъ плащѣ... И не могла бы носить резиновый плащъ, потому что онъ гладкий и скользкій.

— Я не понимаю этого: для меня все равно: резина или что. И если даже-только по стелу острѣе, я равнодушенъ. А вы очень нервы, и мнѣ нравится въ васъ именно это: вы можете чувствовать разныя мелочи.

Катерина Ивановна потерѣла носъ повелѣла влезать.

— Сегодня погода скверная. Я думаю, что вы не придете. У Петровыхъ гости и, должно быть, весело: Наташа хохочетъ. Ступайте къ нимъ. Со мной вамъ будетъ скучно.

— Вы сами не вѣрите тому, что говорите. Дайте мнѣ вашу руку.

Они вошли на дорожку.

— Вы сказали сейчасъ: Петровы, — продолжалъ Труновъ, — а я думаю, они спальные, и вы напрасно ихъ не любите... За что?

— Я ихъ потому и не люблю, что они сдѣльные. Люблю замыхъ и несчастныхъ, какъ и... Счастливъ ты? — ну, и хорошо: ступай отъ меня, мнѣ зашло! Ну, а если ты несчастливъ и притомъ ушибъ, зашли, давай зашли вѣстятъ! Богъ и слава...

— Завѣтъ вы говорите: «Давай зашли вѣстятъ!» Я слышу, вы сказали такъ, вообще... Но я думаю про себя, и мнѣ

обидно. Вы какъ будто чего-то особеннаго хотите отъ меня и отъ жизни. А ж по-моему нужно работать и учиться, вотъ и все...

— Работать, учиться... Ну, а потомъ?

— А потомъ жить. Самый жизненный процессъ — притенъ. Кроетъ того въ жизни — быковать радость, любовь тамъ, что-ан...

— Вы говорите: любовь?..

— Ну, да...

Кругомъ было темно. Пахло сыростью. Изъ-подъ ногъ Катерины Ивановны выскользнула лагушка и шагнула къ мокрую траву.

Катерина Ивановна думала, что Труновъ сдѣлаетъ ей сейчасъ предложение; она не знала, что сказать ему, и ей хотѣлось, чтобы Труновъ пересталъ говорить на эту тему.

Но Труновъ продолжалъ:

— Не свѣтите надо мной... Я люблю васъ... Если вы не согласитесь быть моей женою, я прощай, завѣтъ такъ, что-ан...

— Ахъ, зачѣмъ вы? — сказала Катерина Ивановна.

Ей было жалко его и себя. Глаза у нея стали влажные. Она вытанцала платокъ и стала сморкаться.

Труновъ робѣлъ и конфузился.

— Не мучте меня, Катерина Ивановна, — пробормоталъ онъ, наконецъ: — отъѣзжаете, Аристе ради...

И она отвѣтила: «Я согласна».

II.

Труновъ выдержалъ государственной экзаменъ и получалъ мѣсто учителя. Потому онъ женился на Катеринѣ Ивановнѣ. Лука Лукичъ былъ шаферомъ.

Изъ первыхъ молодыхъ приѣхали въ домъ отца. Отецъ разныкъ и зѣвъ во всемъ дѣловитѣль. Лука Лукичъ разказывалъ, что и онъ когда-то былъ влюбленъ и хотѣлъ жениться, но у него отбѣлъ не вѣстятъ иншеръ.

Гудаловъ говорилъ: — Я женился, но что толку? Жена у

меня старая и рабаи, и она много рождаетъ дѣтей... Вы, господинъ Труновъ, счастливы, что видите теперь хорошенькую жену. Это должно быть для васъ приятно.

Труновъ пересталъ робѣть и конфузился. Онъ былъ испуганъ и грубоватъ немного. Когда говоритъ про жену, онъ называетъ ее своей «бабой».

— Моя баба ничего, — говорилъ онъ, — она не будетъ киснуть; будемъ вмѣстѣ работать, урови давать такъ, что-ан...

Катерина Ивановна не могла себя представить, что будетъ дальше. Она знала, что Труновъ честный, хороший человѣкъ, и не боялась за себя, но ей не нравилось то, что онъ негодилъ своей развѣтностью, не нравилась его манера говорить черезъ вѣздки десять словъ: «такъ, что-ан»...

Въ Москву поѣзды уходилъ въ одиннадцать часовъ вечера. На вокзалѣ армянъ прощавать и Петровы.

— Прощайте, душечка, — говорила Наташа: — желаю вамъ счастья, моя милая. Идѣте въ Москву не забывайте. Адресъ помнитъ: На Арбатѣ, домъ Семешова, угловый...

— Приѣдемъ къ вамъ, приѣдемъ, — отвѣчалъ Труновъ за себя и за жену.

Поѣзды тронулся. Лука Лукичъ и Гудаловъ махали фуражками.

На губкахъ у Катерины Ивановны сложилась дѣшная улыбка, и выражеше лица у нея было такое, какъ будто она устала и какъ будто ей рѣшительно все равно.

III.

У Петровыхъ собиравались по средамъ. И все тамъ было скучно и пошло, но Труновы ходили аккуратно. Сначала чай и разговоры, потомъ танцы, потомъ фанты или дѣше хоромъ. Если пѣли, выходилъ отецъ и подгитивалъ басомъ, причѣтъ фальшивавъ... Всежъ хотѣлось думать, что это мило, потому что равно и патриархально. За ужиномъ оживались и пылались острѣе.

Въ передней Катерина Ивановна думала о томъ, что все это нескладно и времени уходитъ зря, Богъ знаетъ на что, а между тѣмъ его уже не вернешъ назадъ...

На Фоминѣй вѣдѣтъ Петровы устроили прощальную журъ-фансъ. Собирались обычные посетители. Былъ только былъ новый — докторъ Засѣтнѣй.

— Это мой кузенъ, — говорила Наташа, — онъ немного чудакъ, но я его люблю: отъ, право, милый такой... Знаете, онъ только вчера вернулся изъ Берлина, учиться задалъ туда...

А Засѣтнѣй ужасно старался позавать, что онъ совсѣтъ не случаетъ.

Катеринѣ Ивановнѣ понравилось, что онъ очень дѣлкатный и что, когда онъ вѣтъ-нибудь говоритъ, онъ особеннаго вѣжливъ, точно боится показатъ свое превосходство... И глаза у него большіе и умные, и кажется, что въ глазахъ у него свѣтится мысль и мысль не чуждая, а его собственная, мысль Засѣтнѣя.

Вотъ какъ-жъ онъ показался Катеринѣ Ивановнѣ.

Катеринѣ Ивановнѣ хотѣлось поговорить съ Засѣтнѣемъ. И Засѣтнѣй вѣкоръ поинтеръ къ ней. Они стали говорить о простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ, но Катерина Ивановна думала, что хорошо бы было поговорить съ нимъ о глухой гонѣ, которая замутила ее, о пошлой, безпривѣтливой скучѣ, которая царствовала здѣсь.

Вечеръ кончился. Труновы пошли домой. Засѣтнѣй пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Труновъ дорогой говорилъ:

— А, съ-Богъ, славыте эти Петровы!

Засѣтнѣй посмотрѣлъ въ это время на Катерину Ивановну, и ему показалось, что она страдаетъ ужасно, что все существо ея страшно ждетъ чего-то новаго и стремится вырваться изъ плѣса, въ который законили ее люди...

— Я несогласна съ тобой, — сказала Катерина Ивановна. — По-моему, Петро-

въ вовсе не славыте, и у нихъ бывають скучно.

Когда она сказала это, ей вспомнился тотъ вечеръ, когда Труновъ дѣлалъ ей предложение; тогда они то же поспорили изъ-за Петровыхъ.

Сталъ наврашивать дождь. Труновъ называлъ вѣточника. Они съшли. Коекъ заступали по мостовой. Катерина Ивановна обернулась и увидѣла, что Засѣтнѣй не уходитъ, стоитъ на углу и смотритъ ей въ глаза.

IV.

Засѣтнѣй сталъ бывать у Труновыхъ. Онъ любилъ разказывать про жизнь вѣтнѣтъ и увѣрялъ, что русскіе даже не подозреваютъ многого того, что дѣлается въ Германіи. Потомъ онъ говорилъ, что ему становится здѣсь скучно и что ему хочется туза, гдѣ жизнь бьетъ вѣтнѣтъ, гдѣ свободнѣе пышится и гдѣ можно приложить свои силы...

Труновъ говорилъ, что это нехорошо: нужно работать на мѣстѣ, не показывая руки, и стыдно бѣжать отъ тяжелыхъ условій, отъ несчастныхъ, обездоленныхъ, невольственныхъ братій вѣтнѣтъ...

— Если искать повѣтнѣтъ и невѣжественныхъ, нужно ѣхать въ центральную Африку или еще куда... Въ эскимосахъ что-ан... Поймите, я самъ жить хочу, хочу видѣть успѣкъ моего дѣла, а для будущихъ поколѣній и не желаю работать.

— О, горячая голова, — говорилъ Труновъ и покровительственно трепалъ его по плечу.

— Мужъ предлагаетъ мнѣ, — говорила Катерина Ивановна, — записаться въ учительницы воскресной школы, но я не знаю, стоитъ-ан...

— Отчего же, — отвѣчалъ Засѣтнѣй, улыбаясь, — это хорошо, — быть слагающей единичнѣтъ... Если есть призваніе къ счастью въ уголокъ можно. Скажите себѣ развѣтнѣтъ: мой районъ квадратной сажени, дальше ли ногой... Каждую свое, а по

моему, итоги подводить неслѣдетъ.

Въ головѣ у Катерины Ивановны медлѣла мысль о томъ, что Засѣтнѣй, не шутя, сумѣетъ подводить итоги.

Труновъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что долженъ идти сейчасъ на урокъ.

Засѣтнѣй и Катерина Ивановна остались вѣтнѣтъ.

Катерина Ивановна была веселая пѣтнѣтъ, шутила и все говорила, что ей еще хочется жить.

У Засѣтнѣя въ глазахъ свѣтнѣтъ радость, и онъ болталъ разныя вѣтнѣтъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко.

— Когда зимой муха летаетъ около меня и жуужитъ, — говорилъ онъ, — мнѣ чувствуется жѣтъ и жаръ: видите, когда зимнѣтъ — бывають спущены и въ комнѣтъ томительно и душно... Вотъ и сейчасъ кругомъ холодно и пусто, потому что вы здѣсь... Муха болно кусается многа. И боюсь, чтобы вы не укусили меня...

Катерина Ивановна засмѣлалась. Глаза ихъ встрѣтились, и она вѣстятъ подумала объ одномъ и томъ же.

Вѣкоръ Катерина Ивановна бросила Трунова. Она уѣхала съ Засѣтнѣемъ за границу.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ мужу она писала, что не считаетъ себя вѣтнѣтъ передъ нимъ, потому что развѣтъ вообще можно кого-нибудь считать въ чѣтъ-нибудь виноватымъ? Она писала, что страстно любитъ Засѣтнѣя, но что не надѣется прожить съ нимъ долго: онъ скоро пожелѣтъ ее, какъ она поинужа своего мужа.

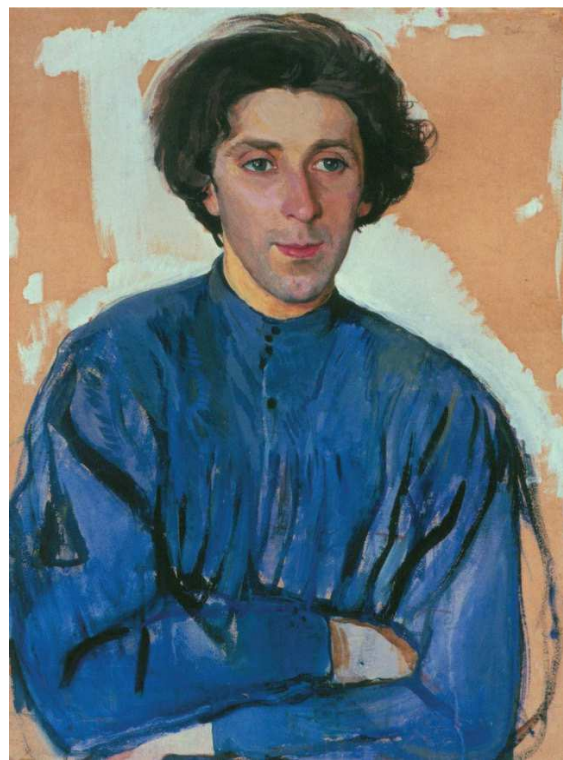
Труновъ послѣ мысли жены осуздана, затосковалъ, сталъ пить водку, и очень много сталъ пить...

Георгій Чулковъ.

12. Первый рассказ Г. И. Чулкова «На тот берег», опубликованный в газете «Курьер»

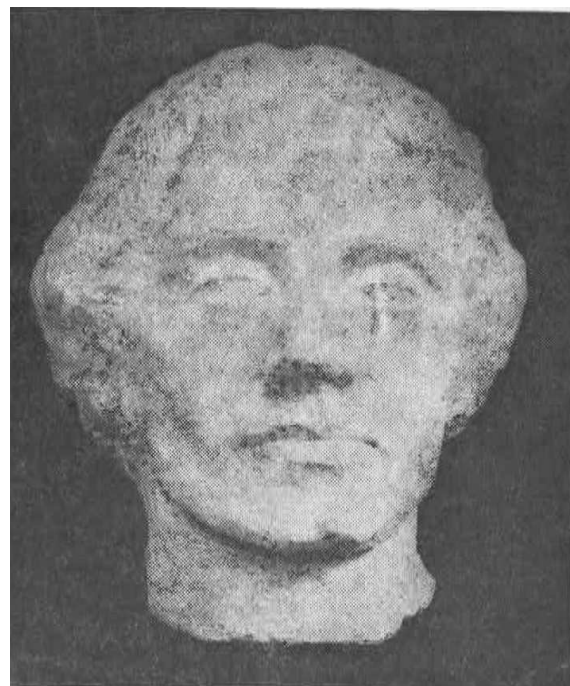
13. Портрет Н. Г. Чулковой,
работы З. Е. Серебряковой (1911 г.).

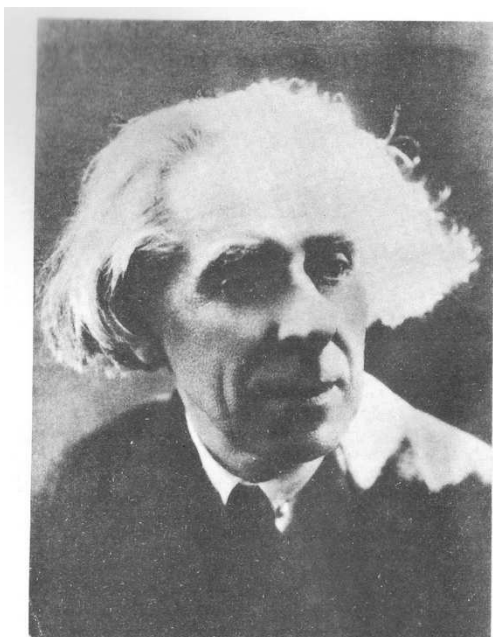
14. Портрет Г. И. Чулкова,
работы З. Е. Серебряковой (1910 г.).

15. Анна Ивановна Чулкова,
младшая сестра Г. И. Чулкова

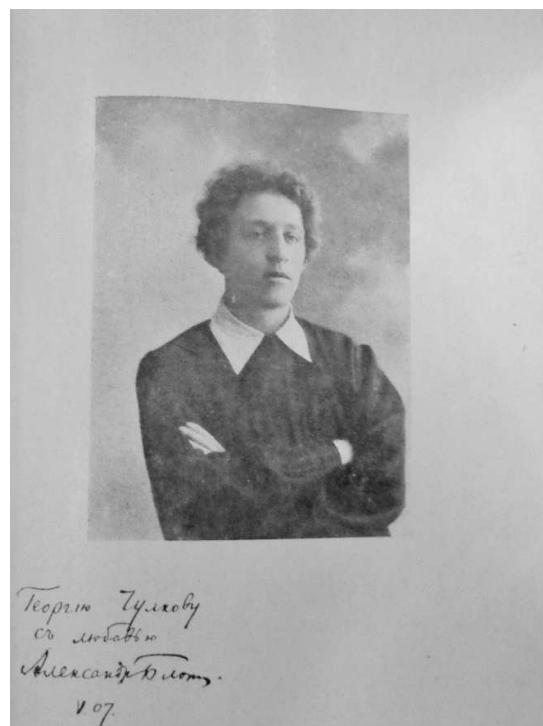

16. Портрет Н. Г. Чулковой, маска,
работы А. С. Голубкиной (1923 г.).

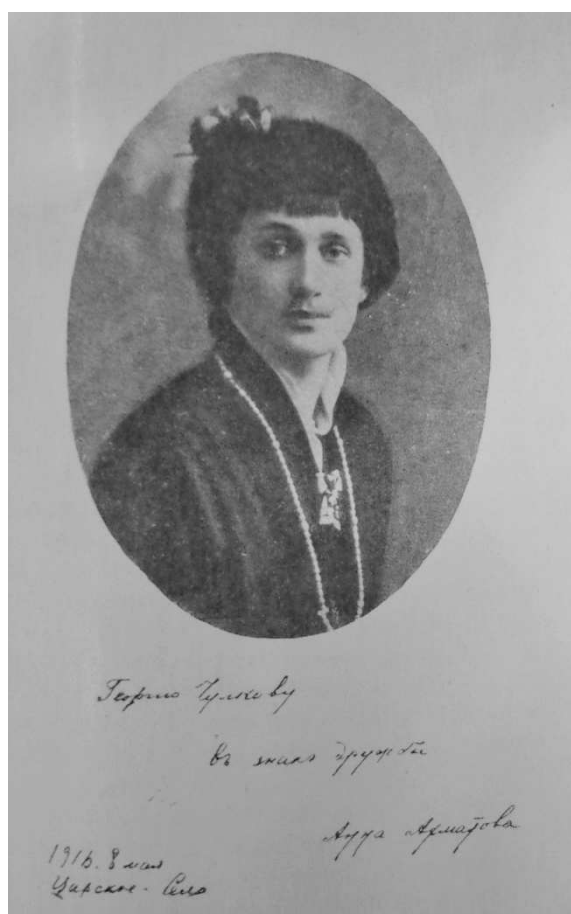
Георгий Чулков

17. Портрет Г. И. Чулкова

*Георгию Чулкову
со любовью
Александр Блок.
1907.*

18. Портрет А. А. Блока. С дарственной надписью Г. И. Чулкову. 1907 г.

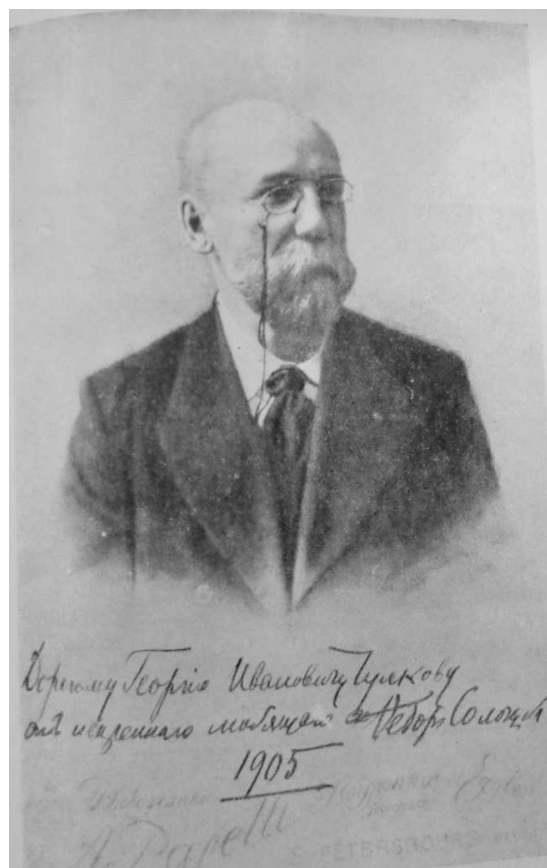
Георгию Чулкову

со своей дружбой

Анна Ахматова

*1916. 8 июля
Царское-Село*

19. Портрет А. А. Ахматовой. С дарственной надписью Г. И. Чулкову. 1916 г.

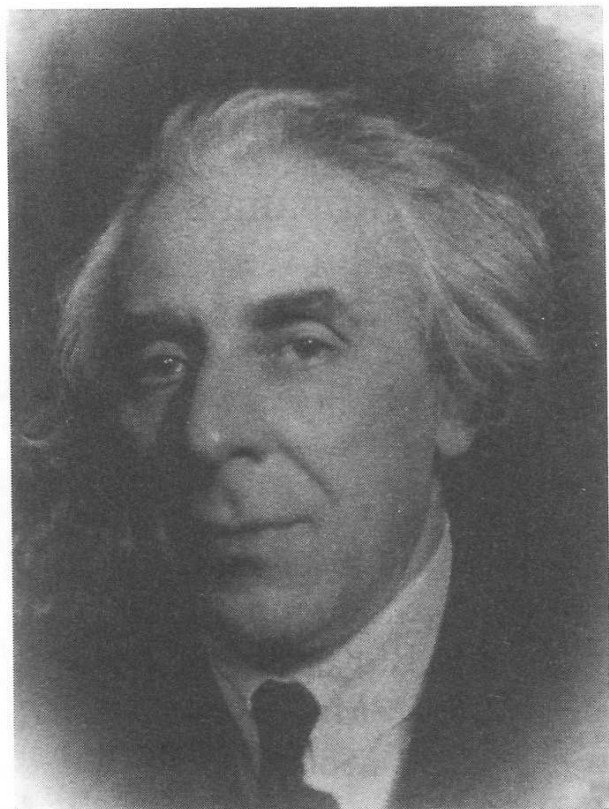

*Верному Георгию Ивановичу Чулкову
от искреннего любителя Федор Соловьев*

1905

F. Papetti

20. Портрет Ф. К. Сологуба. С дарственной надписью Г. И. Чулкову. 1905 г.

21. Портрет Г. И. Чулкова.
1930-ые годы.

22. Могила Г. И. Чулкова
на Новодевичьем кладбище.
4 уч. 43 ряд.
Москва.

Перечень иллюстраций

1. **Московская 6-ая Замоскворецкая гимназия.**
Источник: сайт библиотеки имени К.Д. Ушинского, электронный адрес: <<http://www.gnpbu.ru/history/manor/>>.
2. **Московская 1-ая Пречистенская гимназия.**
Источник: *Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904 гг.: Краткий ист. очерк* [сост. дир. гимназии И. Гобза], М., 1903.
3. **Г. И. Чулков в 1902 г. в Якутской области.**
Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1930 г.
4. **Политические ссыльные. В. Е. Попов, Г. И. Чулков, Н. Г. Чулкова, В. И. Лисев.**
Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1930 г.
5. **Паузок на Лене с политическими ссыльными в 1902 г.**
Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1930 г.
6. **Бунт в Александровской тюрьме. Ф. Э. Дзержинский у красной знамени.**
Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1930 г.
7. **Группа политических у баррикад.**
Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, 1930 г.
8. **Портрет Г. И. Чулкова.**
Источник: *Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков*, М., 1928.
9. **Портрет Н. Г. Чулковой.**
Источник: «Опыты: Журнал эссеистики, публикаций и хроники», 1994, кн. 1.
10. **Георгий Чулков, Александр Блок, Федор Сологуб – 1908 год. Ателье Ивана Спиридоновича Здобнова.**
Источник: < http://www.fsologub.ru/gallery/portrait/portrait_8.html>
11. **Георгий Чулков, Константин Эрберг, Александр Блок, Федор Сологуб – 1908 год.**
Источник: < http://www.fsologub.ru/gallery/portrait/portrait_48.html>.
12. **Первый рассказ Г. И. Чулкова «На тот берег», опубликованный в газете «Курьер»**
Источник: «Курьер», 1899, № 254, 14 сентября, стр. 2.
13. **Портрет Н. Г. Чулковой, работы З. Н. Серебряковой, 1911 г.**
Источник: <https://archive.ru/artists/787~Zinaida_Evgenevna_Serebrjakova/works/467000~Portret_N_G_Chulkovoj>
14. **Портрет Г. И. Чулкова, работы З. Н. Серебряковой, 1910 г.**
Источник: Г.И. Чулков, *Годы странствий*, 1930 г.
15. **Анна Ивановна Чулкова, младшая сестра Г. И. Чулкова.**

Источник: «Опыты: Журнал эссеистики, публикаций и хроники», 1994, кн. 1.

16. Портрет Н. Г. Чулковой, маска, работы А. С. Голубкиной, 1923 г.

Источник: А. С. Голубкина, *Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников*. М., 1983.

17. Портрет Г. И. Чулкова.

Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1999².

18. Портрет А. А. Блока. С дарственной надписью Г. И. Чулкову. 1907 г.

Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930.

19. Портрет А. А. Ахматовой. С дарственной надписью Г. И. Чулкову. 1916 г.

Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930.

20. Портрет Ф. К. Сологуба. С дарственной надписью Г. И. Чулкову. 1905 г.

Источник: Г. И. Чулков, *Годы странствий*, М., 1930.

21. Портрет Г. И. Чулкова. 1930-ые годы.

Источник: Г. И. Чулков, *Жизнь Достоевского*, М., 2015.

22. Могила Г. И. Чулкова на Новодевичьем кладбище. 4 уч. 43 ряд. Москва.

Источник: фотография сделанная автором настоящей работы, 15.03.2015.

Abstract

Il mio lavoro di tesi costituisce uno studio monografico dedicato alla ricostruzione delle vicende biografiche dello scrittore Georgij Ivanovič Čulkov (1879-1939), protagonista della scena letteraria russa nei primi decenni del XX secolo. Čulkov si propone come una figura alquanto singolare, la cui produzione, malgrado la poliedricità e l'originalità che la contraddistinguono, è spesso ingiustamente negletta, se non dimenticata: il suo nome, infatti, compare solo raramente tra quelli dei maggiori esponenti del Secolo d'argento. Čulkov fu poeta, romanziere, drammaturgo, critico letterario, biografo e, soprattutto, un instancabile organizzatore della vita letteraria dell'epoca. I suoi interessi spaziavano dallo studio meticoloso dei classici russi (in particolar modo, Puškin e Dostoevskij) a quello dei movimenti letterari e culturali del tempo, dalla poesia alla narrativa, dalla critica letteraria al giornalismo. Solamente nel corso degli ultimi decenni del secolo scorso, all'interno del panorama accademico russo, l'opera di Čulkov è divenuta oggetto non solo di numerose riedizioni, ma anche di pubblicazioni inedite.

Nel contesto degli studi sul Secolo d'argento della cultura russa, tuttavia, la vita e l'opera di Čulkov non risultano essere mai state ricostruite e indagate dettagliatamente nel loro insieme e, ugualmente, non esiste un lavoro monografico dedicato allo studio scientifico della sua biografia. Il nostro intento è dunque quello di sopperire a questa lacuna, creando una prima vera e propria biografia scientifica dello scrittore.

Il presente lavoro è suddiviso in tre parti. La prima parte propone una rassegna degli studi rivolti alla formulazione e alla teorizzazione del genere della biografia scientifica, nella quale si è fatto riferimento, in particolar modo, alla ricezione di questo genere nel contesto accademico russo. Vengono esposti i principali aspetti teorici che stanno alla base di un lavoro scientifico di ricostruzione biografica, i quali vengono successivamente applicati al contesto particolare della ricostruzione delle vicende biografiche di Čulkov. Viene ampiamente descritto il corpus di testi che costituisce il materiale primario utilizzato per la stesura della biografia. Tra essi spicca il carteggio coniugale dello scrittore, fonte biografica di grande rilievo, poiché consente una ricostruzione completa e attendibile di fatti e circostanze attualmente solo superficialmente noti.

La seconda parte, invece, è costituita dalla ricostruzione della biografia di Čulkov. L'arco temporale preso in esame è quello che va dal 1879, anno di nascita dello scrittore, fino alla Rivoluzione d'ottobre, che tuttavia non corrisponde all'anno della sua scomparsa, avvenuta nel 1939. La scelta è stata dettata dal fatto che gli anni Venti rappresentano, nella vita dello scrittore, una sorta di spartiacque. A seguire, infatti, egli mutò radicalmente il suo modo di essere e di percepire il mondo circostante, lasciandosi nettamente alle spalle il suo passato da rivoluzionario. La portata storica degli eventi lo spinse a riabbracciare i principi del cristianesimo ortodosso, in piena armonia con la sua evoluzione spirituale (suscitata, in parte, anche dalla perdita dell'unico figlio Vladimir nel 1920). La biografia consta di otto capitoli: i primi quattro trattano rispettivamente il periodo dell'infanzia, della formazione scolastica, degli studi universitari fino al confino siberiano; il quinto capitolo introduce un periodo di transizione, durante il quale lo scrittore fu costretto a vivere, sotto stretta sorveglianza, a Nižnyj Novgorod. Il sesto e il settimo capitolo illustrano il cosiddetto periodo "pietroburghese", che ruota attorno alla teoria dell'anarchismo mistico, formulata e promossa dallo scrittore tra il 1905 e il 1906 e che fu al centro di roventi polemiche nella scena letteraria del paese, e alla sua successiva rielaborazione nella concezione del "simbolismo realista". L'ultimo capitolo, invece, è dedicato agli "anni di viaggio", che portarono lo scrittore a trascorrere buona parte della sua vita all'estero. In esso rientra anche l'esperienza di Čulkov come soldato al fronte durante la Prima guerra mondiale, dove egli trascorse quasi un anno come aiuto-medico.

La stesura della tesi è stata condotta sulla base di numerosi materiali d'archivio inediti dello scrittore, rinvenuti nei principali archivi di Mosca. Questi materiali vanno a formare la terza parte di questo lavoro, e sono: l'ampio carteggio coniugale (oltre 1400 fogli), interamente trascritto e accompagnato da un breve preambolo testologico, nel quale si forniscono dettagli relativi alla riproduzione del documento autografo, e alcune tra le più complete autobiografie e biografie rinvenute tra i documenti personali dello scrittore.

Abstract

My thesis is a monographic work devoted to the reconstruction of the biography of the writer Georgy Ivanovich Chulkov (1879-1939), one of the protagonists of the Russian literary scene in the first decades of the 20th century. Chulkov should be considered as a rather singular figure whose production, despite the multiplicity and originality that characterize it, is often unfairly neglected, if not forgotten: his name rarely appears among the greatest exponents of the Silver Age. Chulkov was a poet, novelist, playwright, literary critic, biographer and, above all, a tireless organizer of Russian literary life of that time. His interests ranged from the meticulous study of Russian classics (in particular Pushkin and Dostoevsky) to that of the literary and cultural movements of time, from poetry to narrative, from literary criticism to journalism. Only in the last few decades of the past century, within the Russian academic community, Chulkov's work has become the object of numerous reissues and publications of previously unpublished works.

Within the studies about the Silver Age of Russian culture, however, Chulkov's life and work have never been thoroughly investigated and reconstructed as a whole and, therefore, there is no monographic work devoted to the scientific study of his biography. Our intent is to overcome this gap by creating a first scientific biography of this writer.

This work is divided into three parts. The first part is a review of the studies on the formulation and theorization of the genre of scientific biography, in which particular attention was paid to the reception of this genre within the Russian academic community. Here are also presented the main theoretical aspects concerning a scientific work of biographical writing. These principles are then applied to the particular context of the reconstruction of biographical events in Chulkov's life. The corpus of texts that formed the primary documentary base used for writing his biography is widely described. Among these texts needs to be highlighted the correspondence between Chulkov and his wife, as it is a biographical source of great significance, allowing a complete and reliable reconstruction of facts and circumstances only superficially known.

The second part presents the reconstruction of Chulkov's biography. The time span that has been examined is from 1879, the writer's birth year, until the October Revolution, which, however, does not correspond to the year of the writer's death, happened in 1939. The choice was dictated by the fact that the 1920's represent, in the writer's life, a sort of watershed. As a result of these events, in fact, he radically changed his way of being and perceiving the surrounding world, leaving behind his revolutionary past. The events' historical extent drove him back into the principles of orthodox Christianity, in full harmony with his spiritual evolution (caused, in part, by the loss of his son Vladimir in 1920). The biography consists of eight chapters: the first four cover respectively the period of childhood, school education, university studies up to the Siberian confinement; the fifth chapter introduces a transitional period during which the writer was forced to live under close surveillance in Nizhny Novgorod. The sixth and seventh chapters illustrate the so-called "St Petersburg period", which focuses on the mystical anarchism's theory, formulated and promoted by the writer between 1905 and 1906 and which sparked a burning controversy on the country's literary scene, and on its following re-elaboration through the conception of "realistic symbolism". The last chapter is devoted to the "years of travelling", that compelled the writer to spend much of those years abroad. It also includes Chulkov's experience as a soldier at the front during World War I, where he spent about a year as a medical assistant.

The dissertation was carried out on the basis of several writer's unpublished materials, conserved in the main archives of Moscow. These materials constitute the third part of this work and they are: the vast correspondence between Chulkov and his wife (over 1400 sheets), transcribed and supplied with a short textual preamble that provides most of the autographs' fundamental details, and a few among the most complete autobiographies and biographies found between the writer's personal documents.